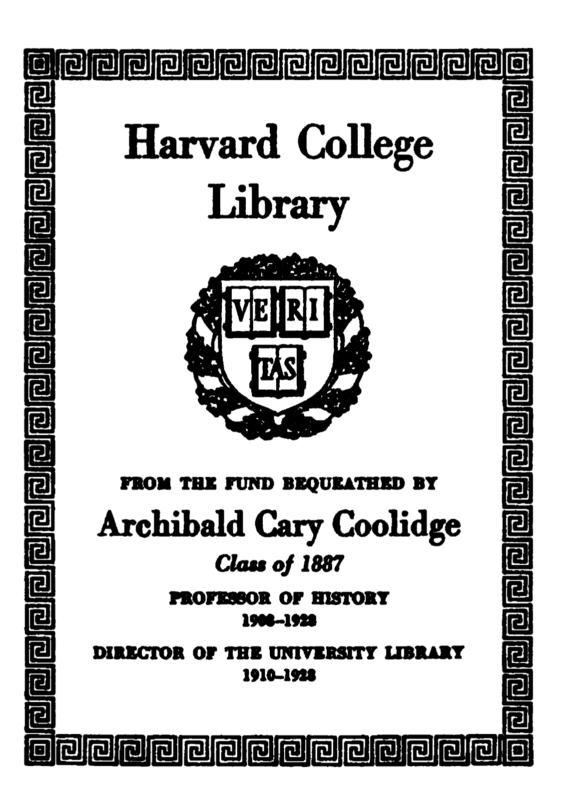

Harvard College
Library
VE RI
TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ XIV

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Съ фотографіи Бергамаско гравировалъ на деревѣ А. И. Зубчаниновъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 11 Сентября 1883 г.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2.

№ 1140 —

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XIV

1883

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1883

АЛЕКСАНДРЪ I И РУССКАЯ ПАРТІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ.

I.

СИЛА ВЕЩЕЙ втягиваетъ иногда человѣка въ мутный потокъ практической жизни; онъ хоронитъ идеалы своей молодости, отдается заботамъ «о хлѣбѣ единомъ» и сознательно надѣваетъ маску лжи и лицемѣрія. Но, случается, подъ этой грудой человѣческаго униженія, тлѣетъ искра благороднѣйшаго чувства. Старый грѣшникъ берется за грязную часть работы для того, чтобы «чистую» оставить своему потомству; онъ сознательно пятнаетъ свое имя для того, чтобы оставить сыну возможность создать себѣ незапятнанное имя; онъ притупляетъ свое нравственное чувство для того, чтобы сохранить своему наслѣднику свободу вездѣ слѣдовать голосу истины и справедливости; онъ душитъ собственные идеалы для того, чтобы сохранить за нимъ божественное право человѣка быть идеалистомъ.

Екатерина II была въ подобномъ положеніи. Сколько ей нужно было пережить для того, чтобы изъ пятнадцатилѣтняго философа, зачитывавшагося надъ Плутархомъ и Монтескье, сдѣлаться однимъ изъ лукавѣйшихъ дѣльцовъ XVIII вѣка: какое политическое чистилище должна была пройти составительница «Наказа» для того, чтобы произнести приговоръ надъ Новиковымъ и Радищевымъ, какую уступку окружающей средѣ долженъ былъ сдѣлать этотъ философскій умъ прежде, чѣмъ закрѣпить малороссійскихъ крестьянъ; наконецъ, чѣмъ должна была пожертвовать эта женщина для того, чтобы со сдержанной улыбкой древняго авгура разсуждать

о правахъ человѣка! Но, сдѣлавъ столько нравственныхъ уступокъ своему вѣку, Екатерина могла утѣшать себя мыслью, что по крайней мѣрѣ ея внукъ будетъ руководить нравственнымъ характеромъ своего времени; рѣшая мрачную загадку своего поколѣнія, она надѣялась, что только идеально чистая работа останется на долю «ея Александру»; постоянно сомнѣваясь въ людяхъ, она утѣшала себя мыслью, что избраннику ея сердца будетъ дана «вѣра въ человѣчество»; глубоко понимая своихъ современниковъ, она надѣялась, что ея потомокъ будетъ имѣть лучшихъ современниковъ.

«Князь Потемкинъ—писала она Салтыкову—съ безпримѣрными похвалами говорилъ мнѣ о великихъ князьяхъ, паче же о Александрѣ Павловичѣ и со слезами въ глазахъ называя его ангеломъ, воплощеннымъ для блаженства имперіи, сказалъ: que c'est le prince de son coeur и что видитъ въ немъ величайшую надежду... Однимъ словомъ онъ такъ къ нему страстенъ, какъ я и вы...» [1])

«Александръ Павловичъ, писала въ другой разъ Екатерина, вездѣ и повсюду, вегда одинаковъ и единственъ» [2]).

Въ дѣлѣ воспитанія Александра Екатерина возвратилась къ забытымъ идеаламъ своей молодости, постаралась дать ему рамки широкаго гуманизма и устранить отъ него все узкое и одностороннее. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы, въ данномъ случаѣ, она сколько нибудь отступила отъ своего обыкновеннаго благоразумія и осторожности. Хорошія свойства принесенныя Александромъ на русскій престомъ составляютъ тайну природы, а не либеральнаго воспитанія. Лагарпъ—на вліяніе котораго любилъ указывать самъ Александръ—во-первыхъ, былъ очень практическій республиканецъ (онъ охотно шелъ на компромисъ; никто не былъ менѣе склоненъ къ необдуманнымъ порывамъ и радикальнымъ «уновленіямъ»; съ этой точки зрѣнія, коренные русскіе реформаторы этой эпохи находили его даже нѣсколько «скучнымъ») [3]); во-вторыхъ, Лагарпъ былъ не долго при Александрѣ и въ-третьихъ, онъ оставилъ его именно въ то время, когда начинаетъ слагаться характеръ молодаго человѣка и когда слѣдовательно его вліяніе могло бы принести наиболѣе пользы. Достовѣрно также, что на другаго своего ученика, Константина Павловича, Лагарпъ не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія. Итакъ, по меньшей мѣрѣ, сомнительно, чтобы Лагарпъ былъ рѣшительно необходимъ для нравственной обрисовки будущаго императора. Навсегда останется вопросомъ: Лагарпъ ли сообщилъ Александру теоретическую широту взгляда, или какія нибудь не-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1864, стр. 530.

[2]) Тамъ же.

[3]) Письмо Строганова къ Новосильцеву. Пыпинъ: Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I.

извѣстныя міру бесѣды великой бабки. Лагарпъ ли заронилъ въ его душу любовь къ человѣчеству, или же, просто, онъ только формулировалъ вложенный природой запросъ на все великое и гуманное... Вѣрнѣе, что Александръ былъ однимъ изъ тѣхъ русскихъ самородковъ, которыхъ не могутъ заглушить воспитаніемъ. Мы думаемъ даже, что воспитаніе, чуждое реальной жизни вообще и русской въ частности, повредило Александру на столько, на сколько оно могло ему повредить.

Какъ бы-то ни было, но, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, Александръ уже пишетъ своемъ посланнику въ Лондонѣ: «я долженъ васъ благодарить за то, что вы сочли меня достойнымъ внимать истинѣ. Жду отъ вашей вѣрности и отъ вашего патріотизма, что вы будете продолжать говорить мнѣ съ тою же прямотою» [1]); онъ весь отдается планамъ «ввести будущее въ настоящее»; въ его лицѣ мы видимъ русскаго царя съ наклонностями всеміpнаго гражданина и съ убѣжденіями конституціоналиста. Отсюда: широко задуманные планы, свободный выборъ исполнителей, отсутствіе національныхъ предразсудковъ, политическій идеализмъ, изысканная вѣжливость со всѣми, вѣра въ судьбу. Гуманныя соображенія часто касаются струнъ его внутренней и внѣшней политики. Только въ жизни такого характера, какъ императоръ Александръ, могли встрѣтиться такіе факты, какъ увлеченіе Сперанскимъ и Наполеономъ до тѣхъ поръ, пока онъ считалъ Наполеона проводникомъ тѣхъ идей, представителемъ которыхъ, въ высшихъ сферахъ Петербурга, казался Сперанскій; дарованіе, на другой день послѣ завоеванія, чрезвычайныхъ правъ Финляндіи; покровительство областной автономіи; великодушіе къ Франціи — послѣ взятія Парижа; созданіе польской конституціи и предположеніе о постепенномъ распространеніи конституціонныхъ учрежденій на всю Россію.

Если Александръ I изъ своего дворца смотрѣлъ иногда на міръ глазами маркиза Позы, то безпристрастіе заставляетъ насъ это сказать—онъ имѣлъ на это свои причины. Управляя полуміромъ, онъ имѣлъ нѣкоторый поводъ смотрѣть на многое съ міровой точки, т. е. съ той точки, на которой общерусское міросозерцаніе будетъ находиться двумя вѣками позднѣй. Конечно, это была ошибка. Но такая ошибка возможна только у людей великой души и благороднѣйшаго образа мыслей. Не будь такихъ ошибокъ не было бы и великихъ дѣлъ. Какъ бы-то ни было, Россія съ гордостью можетъ сказать объ Александрѣ, что «наихитрѣйшій изъ грековъ»—какъ его назвалъ Наполеонъ — вездѣ, гдѣ только онъ могъ быть самимъ собою, былъ до безконечности человѣкомъ.

Въ этой человѣчности императора Александра заключается объясненіе массы возбужденныхъ имъ привязанностей. Если многіе

[1]) Соловьевъ «Императоръ Александръ Первый», 22.

народы этого времени любили «своихъ» государей, то, едва ли какой нибудь государь этого времени пользовался такою привязанностью даже чужихъ народовъ, какою пользовался императоръ Александръ. Имя Наполеона, безъ сомнѣнія, чаще повторялось во всѣхъ странахъ свѣта, но если бы можно было вывести статистику молитвъ, оказалось бы, что за Александра болѣе молились во всѣхъ странахъ свѣта. Поляки—единственный чужестранный народъ питавшій къ Наполеону фанатическую привязанность—должны были, наконецъ, въ немъ разочароваться; единственный народъ, долго не поддававшійся обаянію Александра — поляки, должны были наконецъ почувствовать къ нему, по меньшей мѣрѣ, расположеніе.

II.

Отношеніе поляковъ къ Наполеону не чуждо комическаго оттѣнка. Въ то время, когда Наполеонъ смотрѣлъ на Европу, какъ на одно изъ орудій своихъ обширныхъ замысловъ, наслѣдники Пяста хотѣли самого Наполеона обратить въ орудіе возстановленія Польши въ границахъ 1772 года. Типичный признакъ польскаго патріота — узкій эгоизмъ, стремящійся всѣми правдами и неправдами прикрѣпить всѣ націи къ дѣлу возстанія Польши, нигдѣ невысказывался съ такою силой, какъ въ томъ положеніи, какое поляки заняли относительно Наполеона. Отсюда — это безпредѣльное, совершенно добровольное и дурно оплаченное рабство поляковъ передъ Наполеономъ, отсюда—это предумышленное ослѣпленіе, мѣшавшее полякамъ видѣть въ политикѣ Наполеона все дурное, несправедливое и деспотическое. Для примѣра—нѣсколько сценъ:

Одинъ изъ наполеоновскихъ маршаловъ сказалъ за обѣдомъ, что «польское войско съ честью служитъ Франціи».—«Не обманывайте себя—возразилъ ему Красинскій, полковникъ польскаго легіона—мы не Франціи служимъ, а воскресителю нашей отчизны, императору Наполеону; ему мы повинуемся безпрекословно и если бы онъ приказалъ поднять на пики всѣхъ васъ, господа, мы ни минуты не колебались бы».

Нѣсколько позднѣй, въ эпоху паденія Наполеона, его посланникъ Биньонъ, то же за обѣдомъ, осуждалъ «неаполитанскаго короля» Мюрата за то, что въ критическую минуту онъ оставилъ своего патрона, которому всѣмъ обязанъ. «Я знаю короля неаполитанскаго, возразилъ находившійся здѣсь Понятовскій, и вполнѣ увѣренъ, что только обязанности къ своему народу заставили его идти по этой дорогѣ... Преклоняюсь (bijeczolem) передъ величіемъ и могуществомъ императора, но если бы онъ потребовалъ отъ меня чего нибудь противнаго интересамъ моего отечества, я отказалъ бы ему въ послушаніи». [1]).

[1]) Pamietniki Kajetana Kozmiana, II, 120; III, 310.

Поляки наивно воображали, что человѣкъ, раскроившій на своемъ вѣку столько государствъ, посвятитъ себя собиранію разстасканныхъ по рукамъ остатковъ польскаго государства, что величайшій эгоистъ своего времени пожертвуетъ всѣми международными отношеніями ради нѣсколькихъ, почти неизвѣстныхъ Европѣ, историческихъ легендъ, что государь, «у котораго, по выраженію императора Александра, среди самыхъ сильныхъ волненій, голова всегда спокойна и холодна, страстныя выходки котораго большею частью обдуманы, который ничего не дѣлаетъ не разсчитавъ всего заранѣе» [1]), приметъ близко къ сердцу чужое національное чувство. Какъ бы-то ни было, но прежде появленія тѣхъ благъ, которыми, по соображенію поляковъ, Наполеонъ долженъ былъ надѣлить Польшу, польскій obuwatel находился подъ многостороннимъ гнетомъ: польскихъ чиновниковъ, польскихъ патріотовъ, польскихъ и французскихъ войскъ.

«Французскіе чиновники изъ поляковъ, говоритъ писатель стоявшій въ это время въ самомъ центрѣ польской общественной жизни, назначенные благодаря знанію французскаго языка на мѣсто удалившихся пруссаковъ, смотрѣли на свою должность почти какъ на наслѣдственное достояніе; нѣкоторые изъ нихъ, нарядившись во французскій шарфъ, хотѣли лучше корчить француза, чѣмъ быть умнымъ полякомъ; ихъ роскошная обстановка, коловшая глаза среди всеобщей бѣдности, однихъ заставляла завидовать, другихъ—ненавидѣть и роптать» [2]).

Другою язвой были эмигранты. Политическая эмиграція въ началѣ этого столѣтія уже сдѣлалась довольно выгоднымъ или, по крайней мѣрѣ, интереснымъ занятіемъ польскаго шляхтича. Тогда, какъ и теперь, масса польскихъ патріотовъ жила заграницей и преслѣдовала своихъ соотечественниковъ (имѣнія которыхъ и безъ того были заложены и перезаложены у берлинскихъ банкировъ) требованіемъ пожертвованій на возстановленіе Польши и простымъ попрошайничествомъ; пожертвованія часто уходили на кутежи, а жертвователи имѣли непріятное объясненіе съ предержащими властями. Въ результатѣ получалось, что имя поляка потеряло уваженіе заграницей [3]).

Польскіе легіоны любили хорошо пожить и, надобно отдать имъ справедливость, умѣли пользоваться земными благами. Привыкнувъ, во время заграничныхъ стоянокъ въ завоеванныхъ Наполеономъ странахъ, къ вымогательству и контрибуціямъ, они неохотно отвыкали отъ этого и на родинѣ. Генералъ Соколинскій

---

[1]) Alexandre I et le prince Czartoryski, 88. Любопытная сцена въ мемуарахъ m-me Remuzat, I, 118, 220.

[2]) Kozmian, II, 4.

[3]) Тамъ же.

былъ одинъ изъ лучшихъ; но, придя въ Люблинъ, онъ потребовалъ такую квартиру, которую трудно было найти въ обѣднѣвшемъ городѣ. Генералъ любилъ повеселиться и каждый изъ его баловъ дорого стоилъ городскому управленію [1]). Подчиненные генерала вели себя гораздо хуже. Капитанъ Стажинскій избилъ до полусмерти люблинскаго почтмейстера за то, что ему не скоро подали лошадей [2]), капитанъ Машкевичъ приказалъ на арканѣ привести къ себѣ мельника несогласившагося уступить ему свою повозку и убилъ его въ присутствіи гражданскихъ властей мѣстечка Гройца [3]). Перваго прикрылъ Сокольницкій, второй нашелъ заступника въ князѣ Іосифѣ Понятовскомъ, военномъ министрѣ герцогства варшавскаго. Даже свѣтская шутка принимаетъ характеръ наглаго милитаризма. Изъ штаба уланскаго полковника Адама Потоцкаго былъ разосланъ по селамъ приказъ «подъ страхомъ смертной казни»... доставить землянику [4]). Офицерамъ вздумалось на славу угостить своихъ дамъ.

Въ мемуарахъ Козмяна приводится такой разговоръ съ польскимъ крестьяниномъ. «Какъ съ вами обходятся нѣмцы?» спрашиваетъ Козмянъ. — «Ничего себѣ; только то и плохо, что нѣмца понять трудно; отведешь ему квартиру, дашъ пообѣдать,—нѣмецъ и доволенъ; саксонецъ даже деньги заплатитъ».—«А наши, какъ себя ведутъ?» «Ой добродію! локонически отвѣтитъ крестьянинъ, погано» [5]).

Созданное волею Наполеона герцогство варшавское, кромѣ своихъ войскъ, должно было кормить много инвалидовъ, истратившихъ силы и здоровье на службѣ Наполеону. Саксонскій король (онъ же герцогъ варшавскій) изъ своихъ средствъ помогалъ многимъ изъ этихъ бѣдняковъ; другимъ назначались пенсіи изъ скуднаго государственнаго казначейства, поручался присмотръ за государственными лѣсами или отдавались въ аренду государственныя имѣнія; арендаторы не платили положенныхъ суммъ и этимъ еще болѣе нищили и безъ того убогое казначейство; всѣ были недовольны и обвиняли отечество въ неблагодарности [6]).

Поведеніе французовъ въ Польшѣ не отличалось мягкостью.

Солдаты какого-то французскаго полка, только что вошедшаго въ Варшаву въ ожиданіи расквартированія, поставили ружья въ козлы и грѣлись, хлопая рука объ руку. На эту сцену смотритъ изъ окна палаца каштелянши Поляницкой добродушнѣйшій епископъ Вороничъ. «Matko dobrodziejko! обратился онъ къ гостепріим-

---

[1]) Kozmian, II, 4.
[2]) Тамъ же, 52.
[3]) Тамъ же, 83.
[4]) Тамъ же, 53.
[5]) Тамъ же, 403.
[6]) Тамъ же, 5.

ной хозяйкѣ, подумай-ка о нихъ; прикажи вынести чего-нибудь нашимъ избавителямъ». Затѣмъ почтенный епископъ вспомнилъ, что можетъ быть французы точно также мерзнутъ и передъ его квартирой: «поѣду я домой, прикажу отворить имъ мой погребъ и, на первый случай, предоставить имъ кое какія удобства». Желанныхъ гостей епископъ уже засталъ въ своей квартирѣ; двери были отбиты; гости съ багажемъ расположились какъ дома и на постели хозяина лежалъ какой-то офицеръ въ мокромъ платьѣ и сапогахъ. Вороничъ до того потерялся, что началъ извиняться въ томъ, что его не было дома и потому онъ не могъ, по долгу хозяина, принять избавителей какъ слѣдуетъ. «Что? крикнулъ офицеръ, я здѣсь хозяинъ, а ты мой слуга; снимай мнѣ сапоги!» И принужденъ я былъ, разсказывалъ Вороничъ много лѣтъ спустя, со слезами на глазахъ—тѣми самыми руками, которыми приношу безкровную жертву, снимать забрызганные грязью сапоги этого безбожника» [1]). Понятно, что Вороничъ до самой смерти не чувствовалъ особеннаго расположенія къ «избавителямъ».

Не безъинтересный случай для характеристики отношеній Франціи къ Польшѣ разсказанъ въ запискахъ А. П. Ермолова.

Послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, наши казаки захватили экипажъ маршала Нея, въ которомъ найденъ серебряный сервизъ, серьги и браслеты. «Трудно было бы понять—иронически замѣчаетъ Ермоловъ — какое употребленіе дѣлалъ изъ нихъ господинъ маршалъ, если бы не истолковали вырѣзанные на серебрѣ гербы разныхъ польскихъ фамилій... безпристрастіе его къ самымъ вѣрнымъ слугамъ Наполеона» [2]).

Извѣстно что общественныя увеселенія входили въ программу наполеоновской политики. Bon-mot Талейрана придворнымъ дамамъ: «императоръ не шутитъ; онъ хочетъ чтобы веселились» [3]) имѣетъ смыслъ не только для Парижа, но и для Варшавы. По мановенію французскаго резидента, въ Польшѣ балы и увеселенія приняли эпидемическій характеръ; чтобы попасть въ тактъ наполеоновской политики, польскіе министры танцовали въ то время, когда казацкіе пикеты, упиравшіе въ стѣны Кракова, не располагали ихъ къ особенной веселости [4]).

Нѣсколько выдержекъ изъ конституціи данной Наполеономъ герцогству Варшавскому окончательно выясняютъ: что̀ онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Польши.

§ VI. Одинъ король имѣетъ право предлагать законы.

§ XII, XIV. Отвѣтственнаго перваго министра не существуетъ;

---

[1]) Kozmian, II, 149.
[2]) Погодинъ, Ал. Петр. Ермоловъ, 55.
[3]) Remusat, III, 113.
[4]) Kozmian, II, 120, 286.

но каждый изъ шести министровъ, составляющихъ государственный совѣтъ герцогства, работаетъ отдѣльно съ вице-королемъ.

§ XX. Сеймъ собирается въ Варшавѣ въ два года разъ и продолжается не болѣе двухъ недѣль.

§ XLI, XLVI, XLVII. Только министры (шесть человѣкъ) и члены избираемыхъ сеймовъ коммисій для финансовыхъ, уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ (по пяти въ каждой; итого, вмѣстѣ съ министрами, двадцать одинъ человѣкъ) могутъ говорить на сеймѣ по поводу предлагаемаго закона; другимъ членамъ сейма (то есть огромному большинству депутатовъ шляхты и городовъ) это воспрещается (въ этой ораторской діэтѣ проводится еще такое различіе: члены коммисій могутъ высказываться «за и противъ» проекта; министры же могутъ только хвалить проектъ).

§ LIV, LVII, LXVIII. Сеймики шляхты и городскія собранія собираются только для того, чтобы выбрать пословъ на сеймъ, кандидатовъ въ совѣтъ каждаго изъ шести департаментовъ, на которые было раздѣлено варшавское герцогство, въ мировые судьи и городскіе совѣты. Префекты департаментовъ, подпрефекты и меры назначаются по непосредственному усмотрѣнію короля, безъ всякаго представленія кандидатовъ.

§ LXIII. На сеймикахъ и городскихъ собраніяхъ, весьма явственно гласитъ наполеоновская конституція, не можетъ быть никакихъ преній о чемъ бы-то ни было, нельзя обсуждать никакихъ петицій и заявленій: сеймики и собранія должны заниматься только выборами.

§ LXXXVI. Настоящая конституція, весьма не двусмысленно говоритъ Наполеонъ, пополняется королевскими декретами, предварительно обсуждаемыми въ государственномъ совѣтѣ (составленномъ изъ министровъ, назначенныхъ королемъ).

Среди массы законовъ, указывающихъ на недовѣріе и желаніе стѣснить политическую самостоятельность польскаго народа, въ наполеоновской конституціи находится только одна статья обезпечивающая прогрессъ новаго государства. А именно:

§ IV. Крѣпостное право уничтожается; всѣ граждане равны передъ закономъ; крестьяне пользуются покровительствомъ судебныхъ мѣстъ; къ чему служитъ эта послѣдняя прибавка, если разъ рѣшено, что всѣ граждане равны передъ закономъ? [1]).

Короче, болѣе умѣренную конституцію трудно было придумать. Польская шляхта, такъ долго пользовавшаяся широкими политическими правами, выказала замѣчательную непроницательность, неограниченно вѣруя въ желаніе Наполеона создать свободную Польшу.

---

[1]) d'Angeberg. Recueil des traités concernans la Pologne, стр. 470.

Справедливость требуетъ, однако, прибавить, что Наполеонъ, эксплуатируя польскую храбрость и преданность, никогда, никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній полякамъ не давалъ и поступалъ, въ настоящемъ случаѣ, какъ тѣ опытные сердцеѣды, которые искусно поддерживаютъ женскую привязанность, оставляя въ туманѣ вопросъ о бракѣ. Образчикомъ этихъ отношеній служитъ бюллетень 1-го декабря 1806 года, по всей вѣроятности, относящійся къ той эпохѣ, когда Вороничъ снималъ сапоги съ французскаго офицера. «Возстановится ли польскій тронъ? говоритъ бюллетень. Возвратится ли этому великому народу его существованіе и независимость?.. Одинъ Богъ управляющій судьбами людей, можетъ рѣшить эту великую задачу... Наши солдаты находятъ, что пустыни Польши не похожи на наши веселые ландшафты, но что сами поляки—хорошій народъ» [1]).

Но въ то время, когда Наполеонъ шутилъ съ поляками и лавировалъ между необходимостью сказать что-либо пріятное и нежеланіемъ высказаться опредѣленно, маршалъ Даву получилъ отъ него такой намекъ: «Я не прочь... чтобы былъ составленъ комитетъ изъ наиболѣе вліятельныхъ поляковъ съ цѣлью организовать возстаніе жителей и войска. Но ваше участіе въ этомъ дѣлѣ должно ограничиваться совѣтами и словесными одобреніями; дайте понять, что я не прежде могу высказаться за Польшу, какъ увидѣвъ поляковъ организованными и вооруженными. Надо имѣть газету въ Познани и печатать въ ней все, что̀ можетъ вызвать движеніе въ краѣ» [2]).

Министры маленькаго государства подавали Наполеону только такія просьбы и меморіи, какія онъ хотѣлъ, высказывали ему только тѣ желанія, которыя онъ соглашался благосклонно выслушать. «Je ne veux pas de votre pospolite» (не хочу вашего ополченія) грубо отвѣтилъ императоръ на предложеніе министра Матусевича составить конфедерацію, то есть добровольный союзъ шляхты всѣхъ областей, съ цѣлью возстановить Польшу. Матусевичу стоило большаго труда объяснитъ Наполеону, что были конфедераціи полезныя государству и королямъ, и что далеко не всѣ были воплощеніемъ анархіи, какъ ихъ описываетъ Рюльеръ. Наполеонъ согласился на образованіе конфедераціи, и когда ея депутаты, на дорогѣ въ Москву, подали Наполеону просьбу о возстановленіи Польши, написанную сначала подъ диктовку его посла, а потомъ его самаго, онъ далъ такой неопредѣленный отвѣтъ, который дѣлаетъ величайшую честь его дипломатической находчивости, но вовсе не указываетъ на желаніе принять на себя какое нибудь обязательство относительно польскаго народа [3]).

[1]) d'Angeberg, стр. 455.
[2]) Тамъ же, стр. 444.
[3]) Тамъ же, стр. 561.

За то, вслѣдствіе какихъ-то дипломатическихъ соображеній, потребовалась любовница — полька. M-me de Remusat подробно описываетъ первое свиданіе императора съ этой молодой аристократкой, на которую польскій патріотизмъ возлагалъ большія надежды. Императоръ не счелъ нужныхъ выполнить при этомъ предварительныя формальности, въ видѣ знакомства и ухаживанія, а отнесся къ дѣлу чисто по-солдатски. До полуночи онъ былъ занятъ важными бумагами и только тогда вспомнилъ, что его ожидаетъ знатная полька, которую нарочно для него пригласили во дворецъ [1]).

Этому выбору любовницы предшествовала такая сцена. Король вестфальскій Іеронимъ Бонапартъ, прежде Наполеона пріѣхавшій въ Варшаву, ежедневно, передъ полуднемъ, давалъ аудіенцію министрамъ, чиновникамъ и дамамъ, желавшимъ представиться. «Но женщины представлялись отдѣльно», причемъ камергеръ по одиночкѣ вводилъ ихъ въ кабинетъ, гдѣ молодой король бесѣдовалъ съ ними на единѣ. «Помню, прибавляетъ сообщающій это свѣдѣніе, Козмянъ, что жена Александра Ходкевича, со всей живостью своего характера разразилась противъ такой оскорбительной и необыкновенной формы представленія [2])»... Еще бы! Но неужели одна Ходкевичъ?

Ясно, что Наполеонъ Польши не уважалъ и что, въ своихъ отношеніяхъ къ Наполеону, поляки выказали мало уваженія къ себѣ.

III.

Какъ ни велико было ослѣпленіе поляковъ, но пораженіе Наполеона въ Россіи могло образумить каждаго. Очарованіе изчезло. Въ Наполеона перестали вѣрить.

Если когда нибудь «свѣтъ можетъ сойтись клиномъ» для какого нибудь народа, то, въ данную минуту, поляки оказались въ этомъ крайнемъ положеніи. Всѣ ихъ упрекали и никто съ ними не церемонился. Даже Наполеонъ обвинялъ ихъ въ недостаткѣ энергіи. «Если бы, говорилъ онъ польскимъ офицерамъ, вашъ сеймъ созвалъ посполитое рушеніе, если бы 40,000 вашей кавалеріи прикрыли мое отступленіе, я могъ бы у васъ зимовать и Польша воскресла бы...» [3]). Но мы видѣли, какимъ мертворожденнымъ учрежденіемъ былъ наполеоновскій сеймъ, какъ и все варшавское герцогство; политическая же энергія никогда не появляется въ трупѣ только потому, что кому-то понадобилось сорока тысячами польской кавалеріи прикрыть свое бѣгство изъ Москвы.

Генералъ Красинскій—тотъ самый, который, въ чинѣ полковника, заявлялъ готовность по мановенію Наполеона, поднять на

---

[1]) M-me de Remusat, т. I, стр. 121, т. III, стр. 118.

[2]) Kozmian, II, 371.

[3]) d'Angeberg, стр. 598.

штыки французскихъ маршаловъ — испыталъ теперь настроеніе Европы противъ поляковъ. Послѣ взятія Парижа онъ велъ на родину остатки польскихъ легіоновъ. Во время стоянки въ одномъ прусскомъ мѣстечкѣ, нѣсколько поляковъ поссорилось съ солдатами мѣстнаго гарнизона и ночью все населеніе бросилось на домъ, занимаемый Красинскимъ. Онъ получилъ три раны въ голову и былъ бы убитъ, если бы ему не удалось какъ-то спрятаться за дверь [1]).

Раздраженная Европа, не пощадившая даже стараго члена владѣтельной семьи — саксонскаго короля, тѣмъ менѣе была расположена щадить креатуру Наполеона—варшавское герцогство. Германія, Испанія и Италія долго помнили, что польскіе легіоны были самыми беззавѣтными слугами наполеоновской политики и можно догадываться, какая участь грозила всѣмъ польскимъ притязаніямъ на государственную независимость послѣ низверженія Наполеона.

Прощаясь, послѣ Ватерло, съ своими польскими легіонами, Наполеонъ указалъ имъ на Александра, какъ на единственнаго человѣка въ мірѣ, который можетъ и захочетъ помочь Польшѣ [2]).

Впрочемъ, Наполеону едва ли представлялась надобность учить поляковъ, что̀ имъ слѣдуетъ дѣлать послѣ его бѣгства изъ Россіи. Сами они гораздо ранѣе вспомнили прежнее расположеніе императора Александра къ полякамъ и его давнюю мечту возстановить Польшу подъ русскимъ скипетромъ. 6-го декабря 1812 года Адамъ Чарторижскій уже спрашивалъ императора: «вступивъ въ Польшу побѣдителемъ, возвратится ли ваше величество къ прежнимъ намѣреніямъ относительно этой страны?» [3]).

«Мы проливаемъ кровь за отечество, а не за Францію... Кто намъ дастъ Польшу, съ тѣмъ мы должны держаться; императоръ Александръ давно намѣренъ воскресить Польшу; онъ благороденъ и великодушенъ» — такъ или въ этомъ родѣ разсуждали, за плечами у французскаго посланника, самые приближенные къ Наполеону поляки: министры Матушевичъ, Мостовскій, Соболевскій, а съ ними и все высшее общество. Одинъ только Мартынъ Бадени нѣсколько скептически относился къ этому увлеченію и совѣтовалъ полякамъ молиться такимъ образомъ: «отъ глада, мора, огня, войны и «воскресителей» Боже спаси насъ!..» [4]). Какъ бы то ни было, но можно сказать безъ преувеличенія, что въ концѣ 1812 года идея союза Польши съ Россіей, безъ всякихъ усилій со стороны русскаго правительства, сдѣлалась самой популярной политической мыслью въ польскомъ обществѣ.

---

[1]) Kozmian, III, 313.
[2]) Тамъ же, II, 428.
[3]) Alexandre I et le prince Czartoryski, стр. 197.
[4]) Kozmian, II, 119.

Постараемся очертить нѣсколько выдающихся лицъ:

Среди массы фантазеровъ, которыми всегда изобиловало польское общество, Сташицъ былъ умъ положительный. Сынъ простаго мѣщанина, оскорбленнаго знатнымъ паномъ, самъ тяжко оскорбленный своимъ ученикомъ, Замойскимъ, обвинившимъ его въ подлогѣ векселя, Сташицъ отъ природы былъ нѣдругомъ польской аристократіи; изученіе отечественной исторіи воспитало въ немъ глубокое презрѣніе къ польскому панству. Капризъ матери, давшей во время болѣзни обѣтъ посвятить его Богу, заставилъ Сташица вступить въ духовное званіе, но изъ него вышелъ если не плохой, то слишкомъ оригинальный ксензъ. Живя въ Парижѣ, Сташицъ проникся духомъ энциклопедистовъ, учился ботаникѣ у Добантона и очень низко ставилъ богословскія науки. Въ одномъ изъ сочиненій своей молодости — «Размышленія о жизни Яна Замойскаго», онъ проводитъ такую мысль: «Если (парижская Сорбона) эта мать всѣхъ богословскихъ академій, среди Парижа, столицы всѣхъ наукъ, до сихъ поръ остается неучемъ, что же сказать о ея дочеряхъ!» то есть, между прочимъ, и о краковской академіи, этомъ свѣтильникѣ польской теологіи.

Какую, полную гнѣвной силы и величественнаго патріотизма страницу представляетъ, напримѣръ, предисловіе къ этимъ «Размышленіямъ». Надобно замѣтить, что не задолго до выхода этого сочиненія польскій сеймъ хотѣлъ объявить «врагомъ отечества» канцлера Андрея Замойскаго за то, что въ составленномъ имъ проектѣ кодекса было отмѣнено крѣпостное право. «Друга человѣчества, восклицаетъ по этому поводу Сташицъ, объявили врагомъ поляковъ!» Въ другомъ мѣстѣ онъ бросаетъ въ лице своимъ современникамъ такой афоризмъ: «Иногда падаетъ великій народъ, но только ни къ чему негодный можетъ унизиться до ничтожества (zniszczic)».

Никто болѣе Сташица не любилъ Польши, но никто лучше его не зналъ ея недостатковъ. Въ то время, когда Костюшко мечталъ о спасеніи Польши на манеръ Вашингтона, Сташицъ, ясный умъ котораго и близкое знакомство съ характеромъ соотечественниковъ не допускали иллюзій, говорилъ, «что Польшу можетъ спасти развѣ какой нибудь Силла» [1]).

Честный ксензъ хорошо понялъ двусмысленность наполеоновской конституціи данной герцогству Варшавскому. Но IV ст. (освобожденіе крестьянъ) помирила его съ Наполеономъ. По первому предложенію саксонскаго короля (великаго герцога варшавскаго) онъ принялъ второстепенное мѣсто въ администраціи, мало соотвѣтствовавшее его лѣтамъ и извѣстности, и горячо взялся за ра-

---

[1]) Kozmian, II, 200.

боту [1]). Графъ Малаховскій, за демократизмъ убѣжденій, отказалъ Сташицу отъ дома [2]).

Понятно, что такую голову нельзя было отуманить мишурой наполеоновскаго цезаризма. Когда депутація, представившая Наполеону (на дорогѣ въ Москву) просьбу о возстановленіи Польши, возвратилась въ Варшаву безъ всякаго опредѣленнаго отвѣта, Сташицъ такъ комментировалъ своимъ друзьямъ поведеніе великаго полководца: «Здѣсь какой-то фокусъ. Посланникъ говоритъ и дѣлаетъ одно, а государь другое; не думаетъ ли онъ, при первомъ столкновеніи съ Россіей, опять помириться на нашъ счетъ; или же, не задумалъ ли онъ какое нибудь новое гигантское предпріятіе—напримѣръ походъ въ Индію, чтобы тамъ, въ союзѣ съ Россіей, нанести окончательный ударъ Англіи»... [3]) Вѣсть о пожарѣ Москвы Сташицъ тоже понялъ не такъ, какъ поняла его большая часть его соотечественниковъ. «По моему, сказалъ Сташицъ, это сожженіе русскими своей богатой и обширной столицы—загадка; но кажется мнѣ, что это не тріумфъ для Наполеона; подождемъ что̀ будетъ; подождемъ пока выяснятся его намѣренія относительно Польши». Козмянъ заготовилъ уже оду на сожженіе Москвы и прочиталъ ее въ засѣданіи «Варшавскаго Общества Любителей Наукъ», но совѣтъ Сташица, очень кстати, заставилъ его отложить печатаніе оды до тѣхъ поръ, пока выяснятся обстоятельства. Извѣстно, что они выяснились бѣгствомъ Наполеона изъ Россіи [4]).

Замѣчательно, съ этой ясностью взгляда, Сташицъ соединялъ почти дѣтскую простоту; въ этомъ характерѣ, самымъ страннымъ образомъ, сочеталась проницательность дипломата съ наивностью ученаго монаха. Совершенно чуждый поэтическаго дара, Сташицъ—къ отчаянію своихъ друзей—занялся сочиненіемъ обширной поэмы въ стилѣ Третьяковскаго; человѣкъ, котораго не могъ обмануть даже Наполеонъ, ошибся въ варшавскихъ мальчишкахъ... Послѣдній случай весьма важенъ для характеристики міровозрѣнія Сташица.

Предоставимъ слово его другу и поклоннику. «Однажды—говоритъ Козмянъ—рано утромъ я вышелъ на балконъ моей квартиры; вижу, изъ воротъ противуположнаго дома выѣзжаетъ обшарпанный экипажъ, запряженный мизернѣйшей парой; вожжи держалъ сгорбленный, плохо одѣтый сторожъ или кучеръ. Въ глубинѣ этого ковчега сидѣлъ Сташицъ; онъ такъ закрылся плащемъ, точно хотѣлъ, чтобы его не замѣтили. По стуку и непрезентабельности поѣзда (i po turkocie, i po lichocie) я сейчасъ же узналъ извѣстный всей Варшавѣ экипажъ Сташица; узналъ и его самого; но

---

[1]) Kozmian, II, 214.
[2]) Тамъ же, 213.
[3]) Тамъ же, II, 226.
[4]) Тамъ же, 378.

былъ чрезвычайно удивленъ замѣтивъ, что рядомъ съ кучеромъ и сзади экипажа прицѣпилось около десятка мальчишекъ, не старше восьми или десяти лѣтъ, и еще нѣсколько дѣтскихъ головокъ, точно воробьи выглядывало изъ подъ фартука. Часовъ въ одиннадцать, то есть въ то время, когда вообще начинаютъ сходиться на службу въ разныя присутственныя мѣста, тотъ же знакомый стукъ опять вызвалъ меня на крыльце; я увидѣлъ Сташица; но въ экипажѣ уже не было дѣтей; только двое или трое припрыгивали сзади. Встрѣтясь со Сташицемъ, я спросилъ его, что значитъ эта прогулка? «Таки увидѣлъ меня, какъ я ни старался проѣхать незамѣтно! Ты знаешь что я пишу поэму «Человѣчество»; захотѣлось мнѣ фактически провѣрить мою теорію. Я взялъ нѣсколько мальчишекъ, дня два проморилъ ихъ голодомъ; голодныхъ вывезъ въ бѣлянскій лѣсъ и сказалъ имъ такую рѣчь: «вы голодны; намъ ѣсть никто не дастъ, потому что здѣсь лѣсъ: вы сами должны позаботиться о пищѣ; природа вездѣ разсѣяла пищу; есть дикіе плоды, жолуди, птицы, зайцы... Ищите, ловите и успокойте вашъ голодъ». Что же ты думаешь? Мальчишки вмѣсто того, чтобы лазить на деревья и разыскивать, собрались въ кучу, легли и давай плакать и просить ѣсть; когда мои вразумленія и даже брань не помогли, принужденъ я былъ привести ихъ въ ближайшій трактиръ и накормить; какъ только они наѣлись до-сыта, разбѣжались по лѣсу, полѣзли на деревья, начали выдирать гнѣзда, съ крикомъ, шумомъ, точно борзые, начали гонять дичь. Зрѣлище, котораго я не могъ достигнуть посредствомъ инстинкта голода, доставила мнѣ распущенность юныхъ негодяевъ; тѣмъ и кончилось, что я не могъ созвать ихъ на обратный путь; только нѣсколько, болѣе смирныхъ, вернулись со мной. Однако это путешествіе, все таки, навело меня на нѣкоторыя мысли о природѣ человѣка».

— «Иначе и быть не могло, возразилъ Козмянъ. Не забудьте, почтеннѣйшій ксензъ, что вы вывезли не дикихъ мальчишекъ, но городскихъ, цивилизованныхъ, уже познакомившихся съ нашей пищей и способами ея добыванія... Бѣлянскій же лѣсъ — не какія нибудь непроходимыя дебри, тамъ находится трактиръ и монастырь Да и Варшава оттуда видна».

— «Ты думаешь—я забылъ объ этомъ! Но опытъ мой все-таки не остался безъ результата. Общечеловѣческій инстинктъ (natura ludzka) не отозвался въ этихъ дѣтяхъ, но высказалась ихъ славянская природа: лѣнивая, праздная, нищенствующая въ голодѣ, распущенная и непокорная въ счастіи... Здѣсь выяснилась мнѣ эта болѣзнь славянскаго племени, эта проказа, этотъ ракъ, который насъ точитъ: лѣность, праздность, мотовство, наглость и распущенность своеволія» [1]).

---

[1]) Kozmian, II, 260—262.

Отъ этой «ненавидящей любви» къ славянскому міру Сташицу оставался только одинъ шагъ до пристрастія къ Россіи.

Еще въ 1790 году, то есть наканунѣ конституціи 3-го мая, онъ написалъ сочиненіе, въ которомъ доказывалъ, что Польшу не спасетъ республика, что тронъ надо сдѣлать наслѣдственнымъ и что наиболѣе согласно съ историческими преданіями и выгодами Польши призвать на этотъ тронъ члена русскаго императорскаго дома [1]).

Если такъ думалъ Сташицъ въ эпоху Екатерины II, когда Россія не могла быть причислена къ сонму благопріятныхъ для Польши созвѣздій, то чтó онъ долженъ былъ чувствовать при Александрѣ I, когда русскій государь былъ единственнымъ владѣтельнымъ лицемъ Европы защищавшимъ польскую народность. «Вѣнскій конгресъ, говоритъ Сташицъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій этой эпохи, всѣхъ призывалъ, всѣмъ позволялъ предъявлять свои права: маркграфамъ и князьямъ, ганзейскимъ городамъ и торговымъ фирмамъ, даже евреямъ. Онъ не вызвалъ и не спросилъ однихъ только поляковъ. Къ нимъ однимъ онъ выказалъ полное равнодушіе».

«Въ этомъ блестящемъ сонмѣ владыкъ Европы одинъ только Александръ I — образецъ справедливости, человѣчности, благословляемый всѣми народами, безсмертный въ глазахъ поляковъ — защищалъ права этого народа; одинъ онъ потребовалъ возвращенія полякамъ ихъ имени, отчизны, языка и сохранилъ ихъ народность».

«Послѣ такого равнодушія со стороны Европы и послѣ того, какъ нашъ воскреситель первый, послѣ обновленія, польскій король указалъ нашу дорогу въ сліяніи съ древней и великой славянской родней, въ братствѣ съ русскими—никогда не забывайте, дорогіе соотечественники, этихъ моихъ послѣднихъ словъ: соединяйтесь съ Россіей и просвѣщайтесь» [2]).

Бѣдно одѣтый, съ довольно ограниченнымъ состояніемъ, Сташицъ, находитъ средства поддерживать всякое общеполезное предпріятіе. Онъ завѣщалъ значительныя суммы на госпиталь, рабочему дому, клиникѣ варшавскаго университета, институту глухонѣмыхъ, сельской школѣ въ своемъ имѣніи и т. д. Памятникъ Копернику поставленъ почти на средства Сташица.

Обращеніе Сташица къ Россіи имѣло отчасти теоретическую основу. Другихъ гнала необходимость.

Въ самомъ неловкомъ положеніи очутился князь Адамъ Чарторижскій.

Вмѣсто горячаго убѣжденія въ чемъ нибудь, вмѣсто искренней привязанности къ чему нибудь, мы видимъ въ Чарторижскомъ какое-то заученное благородство. Сейчасъ видно, что въ дѣтствѣ

---

[1]) Kozmian, II, 194.

[2]) Ostatnie moje do wspolrodakow słowo (Dzieła Stanisława Staszica, tom IV).

онъ имѣлъ хорошую гувернантку, но что въ теченіи долгой жизни, въ эту знатную голову никогда не забѣгала оригинальная мысль.

Чарторижскій надоѣдалъ государю совѣтами возстановить Польшу въ границахъ 1772 года и поссориться для этого съ Пруссіей и Австріей. Многіе видятъ въ этихъ совѣтахъ глубокій іезуитизмъ и искусную измѣну; я вижу въ нихъ одну только свойственную князю Адаму непривычку жить своимъ умомъ. Какой нибудь мелкій чиновникъ варшавскаго герцогства, какой нибудь шляхтичъ, выросшій на предковской нивѣ, какой нибудь тупоумный легіонеръ, клявшійся именемъ Наполеона и «за-спасибо» покорявшій для него Испанію, какой нибудь варшавскій Донъ-Жуанъ, въ свободное отъ театра время занимавшійся патріотизмомъ, могъ конечно полагать, что «суть» польскаго вопроса заключается въ возвращеніи утраченныхъ областей. Но отъ человѣка хорошо образованнаго, поставленнаго въ центрѣ европейскаго движенія и, наконецъ, министра можно требовать нѣчто болѣе этой шаблоны—польской политики. Чарторижскій обязанъ былъ понять, что возвращеніе русскихъ областей, нѣкогда входившихъ въ составъ королевства, превышаетъ даже власть самодержавія, что ошибка сдѣланная русскимъ государемъ, рано или поздно, была бы исправлена русскимъ народомъ и что въ неминуемомъ, по этому поводу, столкновеніи первая пострадала бы Польша. Масса поляковъ могла конечно мечтать о возможности руками Россіи таскать каштаны цивилизаціи для Польши, но человѣкъ видѣвшій вѣнскій конгресъ, казалось бы, не могъ не знать, что могущественная Россія, оставаясь въ черномъ тѣлѣ, инстинктивнѳ удержитъ въ такомъ же положеніи и Польшу и что прогрессъ Россіи надобенъ не только для нея самой, но и для прогресса Польши. Положеніе Чарторижскаго обязывало его къ болѣе возвышенной точкѣ зрѣнія. Только ставъ на эту точку, онъ могъ быть полезнымъ для Польши. Мы понимаемъ малороссійскій патріотизмъ гетмана Мазепы, но мы не могли бы простить Разумовскому, если бы при дворѣ Елисаветы онъ былъ только малороссіяниномъ. Напротивъ, только сдѣлавшись искренно русскимъ патріотомъ онъ могъ сдѣлать кое что для Малороссіи.

Въ царствованіе Александра, едва ли можно найти другаго человѣка, который такъ мало воспользовался бы своимъ положеніемъ какъ князь Чарторижскій. Если благородство души Александра открыло Чарторижскому доступъ къ тайникамъ русской политики, если смутное воспоминаніе о Рѣпнинѣ сближало его съ русской аристократіей въ то время, когда популярность матери растворяла передъ нимъ всѣ запретные уголки польскаго сердца, если его древняя русская фамилія давала ему право занять подобающее мѣсто въ русскомъ государствѣ, если неожиданное стеченіе обстоятельствъ, до извѣстной степени, вручило въ его руки

бразды величайшей имперіи, съ которою судьба соединила маленькую Польшу—то мы считаемъ себя вправѣ думать, что положеніе Чарторижскаго очерчивало для него такую политическую програму: онъ долженъ былъ стараться возвысить Россію для того, чтобы, въ союзѣ съ Россіей, возвысить Польшу. Конечно, и на этой дорогѣ была возможность поскользнуться. Чарторижскій могъ быть не понятъ современниками; онъ могъ быть сосланъ, какъ Сперанскій, идти въ изгнаніе, какъ Курбскій, или остаться «не у дѣлъ», какъ остался Ермоловъ... Но тогда съ нимъ пала бы идея, за нимъ рушилась бы политическая система. Но ничего подобнаго не случилось съ Чарторижскимъ, потому что это былъ русскій министръ, стоявшій на умственномъ уровнѣ самаго дюжиннаго польскаго шляхтича. Только позолота аристократизма и тщательнаго воспитанія нѣсколько выдвигали эту безцвѣтную посредственность.

Честныя республиканскія убѣжденія спасли Костюшку отъ увлеченія Наполеономъ, проницательный умъ позволилъ Сташицу, задолго до катастрофы 1812 года, скептически отнестись къ его политикѣ; но даже постъ министра иностранныхъ дѣлъ и близкаго къ русскому государю человѣка не помѣшалъ Чарторижскому, совершенно не впопадъ, забѣжать къ Наполеону и вопреки всякому житейскому и дипломатическому благоразумію, усѣсться «между двумя стульями». 10-го іюня 1812 года, то есть въ самую тяжелую для императора Александра минуту, князь Чарторижскій написалъ Матусевичу (съ очевидной цѣлью довести свои чувства до свѣдѣнія Наполеона) письмо, въ которомъ объясняетъ причины, почему въ предстоящей борьбѣ Наполеона съ Александромъ, онъ считалъ себя нравственно обязаннымъ остаться въ сторонѣ. Глубокое отвращеніе овладѣваетъ душей при видѣ того, какъ этотъ человѣкъ дѣлаетъ какой-то подвигъ изъ своего наружнаго нейтралитета и въ то же время, какъ бы поощряетъ Наполеона. «Если бы еще судьба моей родины, пишетъ Чарторижскій, была сомнительна, если бы для ея спасенія надлежало жертвовать самыми уважительными отношеніями, то я бы не колебался или, по крайней мѣрѣ, оправдалъ бы себя и въ собственныхъ глазахъ, и передъ моими судьями. Но кому неизвѣстно, чѣмъ эта борьба кончится? Кто будетъ настолько лишенъ здраваго смысла (!), чтобы не видѣть, насколько всѣ возможныя вѣроятности обѣщаютъ побѣду генію побѣды (зналъ ли Чарторижскій, что избытокъ лести никогда не претилъ Наполеону?). Напротивъ всѣ несчастія угрожаютъ Александру. Благородно ли, справедливо ли будетъ съ моей стороны если я своею поспѣшностью, столь несогласною съ нравственнымъ долгомъ (aussi peu loyale), прибавляю къ несчастіямъ Александра горькое зрѣлище неблагодарности человѣка, который ему столько обязанъ...» [1]).

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1863, стр. 827.

Но, прикидываясь «рыцаремъ дружбы» въ глазахъ Наполеона, Чарторижскій, на самомъ дѣлѣ, не очень стѣснялся представить Александру (въ самую тяжелую для него минуту) «горькое зрѣлище неблагодарности...» Письму къ Матушевичу предшествуетъ переписка съ императоромъ Александромъ, въ которой Чарторижскій настойчиво проситъ отставки изъ русской службы, чтобы имѣть возможность присоединиться къ конфедераціи; не получивъ отъ государя отвѣта, Чарторижскій принимаетъ молчаніе за согласіе [1]). Болѣе того! На самые задушевные авансы императора Александра по польскому вопросу, Чарторижскій, съ 1810 года, отвѣчаетъ какъ-то высокомѣрно, уклончиво. Въ холодномъ тонѣ его писемъ чувствуется что-то отталкивающее; точно онъ заблаговременно принимаетъ мѣры, какъ можно менѣе связывать себя съ императоромъ Александромъ, чтобы, въ заранѣе предвидѣнную минуту, быть совершенно свободнымъ [2]).

Останься Чарторижскій въ борьбѣ Наполеона съ Александромъ въ сторонѣ—мы бы его уважали; измѣни онъ Александру—мы бы его поняли, какъ понимаемъ измѣну Мазепы; но, наружно устранять себя отъ борьбы и, въ то же время, выражать льстивое сочувствіе одной сторонѣ, заботиться о внѣшнемъ приличіи поступка и въ душѣ заранѣе освобождать себя отъ извѣстныхъ нравственныхъ обязательствъ—не значитъ ли это: «невинность сохранить и капиталъ пріобрѣсти».

Читатель безъ сомнѣнія догадывается, что, тотчасъ послѣ пораженія Наполеона, Чарторижскій поспѣшилъ заявить свою преданность Александру [3]). Отправляя по этому поводу письмо государю, Чарторижскій могъ утѣшать себя какъ тотъ кавалеристъ, который упалъ съ лошади потому, что его «криво посадили». Если бы чрезмѣрная слава Наполеона не овладѣла свойствомъ гипнотизировать дипломатовъ въ родѣ Чарторижскаго, безъ сомнѣнія, ни одинъ изъ нихъ, никогда не сдѣлалъ бы «ложный шагъ». Виновата слава Наполеонова, а не дипломатическая рутина, свойственная тому многочисленному классу государственныхъ бездарностей, представителемъ котораго, въ данномъ случаѣ, является Чарторижскій.

Зналъ ли императоръ Александръ о письмѣ 10-го іюня? Такъ какъ русскія свѣдѣнія объ этомъ письмѣ связаны съ пребываніемъ корпуса князя Воронцова во Франціи, то надобно предположить, что императоръ зналъ о немъ. Но какое великодушіе надобно было имѣть для того, чтобы, зная объ этомъ письмѣ, въ теченіи всей жизни не показать этого Чарторижскому! Какъ бы-то ни было, но, послѣ изгнанія Наполеона изъ Россіи, Чарторижскій хотя и со-

---

[1]) Alexandre I et le prince Czartoryski, стр. 189.

[2]) Тамъ же, стр. 92—102 и другія мѣста.

[3]) Тамъ же, стр. 197—206.

хранилъ должность попечителя виленскаго университета, но не получилъ сколько нибудь выдающагося значенія не только въ Россіи, но даже въ польскомъ королевствѣ. Въ политикѣ польскихъ вѣрноподданныхъ русскаго государя онъ занялъ скромную роль громоотвода противъ грубаго обращенія русскихъ чиновниковъ, ссылокъ, конфискацій имѣній и только [1]...

Въ лицѣ графа Мостовскаго, безпредѣльный, возведенный въ систему эгоизмъ соединился съ глубокимъ практическимъ умомъ, утонченнымъ образованіемъ и талейрановскимъ цинизмомъ.

Трудно найти человѣка, который умѣлъ бы «устроиться лучше», сдѣлать все болѣе «во-время». Мостовскій принималъ участіе во всѣхъ польскихъ революціяхъ, но былъ на хорошемъ счету у всѣхъ правительствъ, въ разное время заправлявшихъ дѣлами Польши (только при Екатеринѣ ему пришлось невольно прожить въ Петербургѣ два года). Даже революціонеры 30-го года, которыхъ онъ глубоко презиралъ, изъ числа русскихъ министровъ царства польскаго щадили его одного, считали искреннимъ республиканцемъ и дали важное порученіе въ Берлинъ, которымъ онъ воспользовался для того... чтобы «выйти сухимъ» изъ революціи и во время удалиться отъ дѣлъ и изъ Польши.

Козмянъ очень жалѣетъ о томъ, что Мостовскаго не было въ Пулавахъ въ то время, когда тамъ, въ присутствіи императора Александра, составлялся проектъ польской конституціи. «Его обширныя свѣдѣнія, проницательный взглядъ на будущее, осторожность и ясное пониманіе даннаго положенія, говоритъ Козмянъ, могли бы имѣть вліяніе на редакцію конституціи; можетъ быть она была бы менѣе либеральна, но за то была бы точнѣй, понятнѣе народу и заключала бы въ себѣ менѣе двусмысленности. Къ сожалѣнію эту конституцію писали поэты въ политикѣ... Дѣйствительность ушла передъ ихъ восторгами и только впослѣдствіи выяснилось все несовершенство ихъ творенія. Мостовскій пришелъ уже на готовое и ничего перемѣнить не могъ» [2].

Однако и въ этомъ случаѣ Мостовскій «нашелся». Онъ зналъ, что императора Александра ничѣмъ нельзя такъ расположить, какъ планами улучшеній въ общественномъ и частномъ хозяйствѣ края, но онъ зналъ и то, что если всѣ эти улучшенія будутъ вводиться на общій бюджетъ королевства польскаго, доступный всѣмъ министерствамъ, то бюджетъ «расхватаютъ», и ему, какъ министру внутреннихъ дѣлъ, останется сравнительно немного; чтобы избѣжать этого, Мостовскій старался обезпечить дѣятельность своего министерства спеціальными суммами, невходившими въ общую смѣту [3].

---

[1]) Alex. et Czart., 216, 223, 230, 238.

[2]) Kozmian, III, 238.

[3]) Тамъ же, 239.

Предвидя вліяніе цесаревича Константина на польскія дѣла, Мостовскій выдалъ свою дочь за его секретаря Моргнейма и, съ помощью послѣдняго, зналъ все, чтò поступало въ канцелярію великаго князя ранѣе, чѣмъ самъ великій князь [1]).

Мостовскаго характеризируетъ между прочимъ слѣдующій анекдотъ. Онъ продалъ свой варшавскій домъ правительству, и потомъ, не только занималъ его, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, но отвелъ въ немъ квартиры кое кому изъ друзей своей бурной молодости. Великій князь Константинъ Павловичъ, до котораго дошли городскіе толки объ этой спекуляціи, однажды сказалъ ему: «вы, графъ, выгодно продали свой домъ правительству».—«Ваше высочество, спокойно отвѣтилъ Мостовскій, я старался продать его какъ можно выгоднѣй» [2]).

Всѣ мелочи своего хозяйства (надобно замѣтить, что Мостовскій былъ отличный хозяинъ и очень удачно игралъ на биржѣ) онъ поручилъ женѣ; всѣ второстепенныя дѣла своего министерства—второстепеннымъ чиновникамъ. Въ теченіе своей продолжительной службы онъ не болѣе двухъ разъ проѣхался по Польшѣ. Но общее направленіе дѣла, и въ той, и въ другой сферѣ, онъ оставилъ за собой. Рано утромъ, въ шлафрокѣ, лежа на диванѣ, онъ пробѣгалъ заграничные журналы и газеты, слѣдилъ за всѣми открытіями и усовершенствованіями и все, что находилъ практичнымъ, испытывалъ въ своихъ имѣніяхъ и потомъ старался ввести въ краѣ. Людямъ, мало его знавшимъ, онъ казался недѣятельнымъ; но это потому, что въ его дѣятельности вовсе не было бюрократической суеты. Именно его «манерѣ работать» въ связи съ трудами Сташица и ревностью намѣстника Заіончека, Козмянъ приписываетъ то, что матеріальное благосостояніе Польши такъ быстро подвинулось въ началѣ этого столѣтія [3]). Само собою разумѣется, что Мостовскій обладалъ замѣчательной способностью не только «выбирать людей», но и ловко удалять неспособныхъ.

Мостовскій былъ силенъ не въ одной только администраціи, финансахъ и сельскомъ хозяйствѣ. Знатокъ искусствъ, любитель наукъ и литературы, онъ самъ довольно много писалъ и сдѣлалъ одно изъ лучшихъ изданій старыхъ польскихъ историковъ. Въ молодости, въ роли Донъ-Жуана, онъ имѣлъ немного соперниковъ въ польскомъ обществѣ. Его обращеніе съ женщинами поражало своею фамильярностью [4]).

Отношеніе Мостовскаго къ женѣ и дѣтямъ обличаетъ наименѣе симпатичную сторону этого своеобразнаго характера. Жена

[1]) Kozmian, III, 247.
[2]) Тамъ же, 247.
[3]) Тамъ же, III, 241.
[4]) Тамъ же, 229.

страстно любила Мостовскаго и онъ былъ къ ней привязанъ. Но когда она умерла, Мостовскій не дѣлалъ погребенія, а просто отослалъ тѣло на кладбище; пріятели сложились и устроили похороны. Положимъ, эта странность могла быть объяснена черезъ-чуръ философскимъ взглядомъ; за то судьба дѣтей не находитъ оправданія ни въ какой философіи. Тотчасъ послѣ рожденія ребенка, Мостовскіе отдавали его въ деревню какой нибудь кормилицѣ и возвращали въ отцовскій домъ только тогда, когда онъ начиналъ ходить. О воспитаніи дѣтей Мостовскій вовсе не заботился; въ семьѣ онъ не былъ деспотомъ; но равнодушіе къ дѣтямъ было такъ велико, что рано или поздно вызывало въ нихъ чувство похожее на ненависть.

При всемъ этомъ Мостовскій былъ не прочь всякому помочь, если только это не требовало съ его стороны ни малѣйшаго безпокойства и ни въ чемъ не нарушало того обдуманнаго, разсчитаннаго на слабое здоровье, комфорта, которымъ онъ себя обставилъ.

Само собою разумѣется, что не въ натурѣ Мостовскаго было платонически увлекаться Наполеономъ и что въ ту же минуту, когда паденіе Наполеона сдѣлалось очевиднымъ, онъ поспѣшилъ отыскать для себя и для Польши другаго бога. Въ ноябрѣ 1812 года императоръ Александръ уже получилъ отъ него (черезъ посредство Чичагова) какое-то письмо, которымъ, повидимому, остался очень доволенъ [1]).

Такимъ образомъ, разными путями поляки пришли къ мысли о союзѣ съ Россіей.

Вообще, урокъ, данный Наполеономъ Польшѣ, его безжалостная игра съ увлеченіями маленькаго народа, оставили въ этомъ народѣ, если не продолжительный, то глубокій слѣдъ. Жестоко обманувшись въ Наполеонѣ, практически познакомившись съ общимъ нерасположеніемъ Европы, встрѣтивъ искренность и великодушіе только въ русскомъ царѣ, тогдашніе поляки, по крайней мѣрѣ въ лицѣ своихъ высшихъ представителей, отличались преданностью лицу государя и сознательной вѣрностью Россіи. Разочарованіе въ Наполеонѣ и колоссальная ошибка во всѣхъ разсчетахъ на Европу воспитали въ высшемъ польскомъ обществѣ цѣлую плеяду государственныхъ людей и частныхъ лицъ, которые не только самостоятельно смотрѣли на всѣ явленія общественной и политической жизни своего отечества, не только скептически относились къ традиціоннымъ иллюзіямъ поляковъ, но, что всего важнѣе, они имѣли нравственное мужество открыто высказывать свою мысль. Эти люди не очень гонялись за популярностью, мало заискивали у шляхты и смѣло становились на сторону Россіи.

---

[1]) d'Angeberg, 585.

Вотъ почему такой ветеранъ революціи и наполеоновскихъ легіоновъ, какъ князь Заіончекъ, дѣлается самымъ вѣрнымъ представителемъ русской власти въ Польшѣ, а Каэтанъ Козмянъ, редактировавшій прокламаціи варшавскаго правительства (наполеоновской эпохи) противъ Россіи и обогатившій польскую литературу нѣсколькими стихотвореніями противъ «москалей», не только переходитъ въ лагерь горячихъ поклонниковъ Александра, но признаетъ даже нѣкоторыя достоинства вообще за русскимъ народомъ.

Вмѣсто того, чтобы формулировать общую программу этой группы, мы приведемъ слѣдующій отзывъ Козмяна о генералѣ Заіончекѣ, первомъ намѣстникѣ королевства польскаго по назначенію императора Александра.

«Я долженъ засвидѣтельствовать, говоритъ Козмянъ, что намѣстникъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Польша можетъ существовать только въ союзѣ съ Россіей и только съ ея помощью можетъ сохранить свою народность; онъ полагалъ, что мы должны прекратить всѣ наши старанія о пріобрѣтеніи полной независимости, принесшія краю столько несчастій, и, въ союзѣ съ Россіей, стараться о томъ, чтобы на вѣки обезпечить права польской народности и достигнуть матеріальнаго благосостоянія. Послѣдней цѣли онъ посвятилъ весь остатокъ своей жизни. Заіончекъ хорошо зналъ исторію Польши и изъ нея черпалъ все, что подтверждало его убѣжденіе. Онъ говорилъ, что знаменитѣйшіе государственные люди, жившіе послѣ Стефана Баторія, замѣтивъ возростаніе Москвы, думали о тѣсномъ союзѣ съ нею даже подъ однимъ скипетромъ. Замойскій совѣтовалъ Сигизмунду III жениться на дочери московскаго царя. Иванъ Грозный можетъ быть получилъ бы польскій тронъ, если бы не былъ такъ жестокъ. Во время Яна Казиміра думали объ избраніи Алексѣя Михайловича, но онъ всѣхъ возстановилъ противъ себя гордостью и войнами (?). Изъ исторіи другихъ народовъ Заіончекъ выводилъ положеніе, что если нельзя побѣдить союзъ нѣсколькихъ непріятелей, остается только одинъ выходъ — соединиться съ сильнѣйшимъ, потому что, если бы этотъ сильнѣйшій былъ отвергнутъ, онъ могъ бы вредить болѣе всѣхъ; въ качествѣ союзника онъ можетъ помочь болѣе всѣхъ. Литва, уже гибнувшая отъ оружія поляковъ, меченосцевъ и Москвы, соединившись съ Польшей общностью трона, спасла свою народность (?) и получила болѣе нежели отдала; она возвысила наше могущество, но мы дали ей религію, просвѣщеніе, цивилизацію и защиту» [1]).

Въ дополненіе этой программы приведемъ слѣдующее сужденіе Сташица. Однажды ему замѣтили, что правительство королевства польскаго, присоединеннаго къ Россіи, напрасно тратитъ милліоны

---

[1]) Kozmian, III, 126.

на украшеніе Варшавы, которая выглядить въ этомъ маленькомъ и бѣдномъ краѣ, какъ человѣкъ, у котораго волосы завиты парикмахеромъ, а тѣло покрыто лохмотьями. «Подождите, отвѣчалъ Сташицъ, мы позаботимся и обо всей странѣ. Но дѣло вотъ въ чемъ: еще неизвѣстно какая участь ожидаетъ Варшаву подъ русскимъ скипетромъ, этотъ городъ, по своему географическому и политическому положенію предназначенъ быть третьей, а можетъ быть и главной столицей соединеннаго въ одно цѣлое, подъ однимъ могущественнымъ скипетромъ, славянскаго племени. Здѣсь будетъ рѣшена судьба западной Европы. Согласилась она на раздѣлъ Польши; Польша должна теперь повиноваться сильнѣйшему; не хотѣла Европа имѣть въ Польшѣ союзника,—послѣ включенія Польши въ славянскій союзъ, будетъ имѣть господъ... Соединимся съ Россіей и будемъ учиться, отъ нея получимъ мы силу, пусть она беретъ у насъ просвѣщеніе» [1]). Отнеся мстительную мысль о господствѣ надъ Европой въ область той политической мечтательности, которою страдаютъ иногда самые положительные умы (мечты Наполеона о феодальной реорганизаціи Европы), въ приведенномъ выше разсужденіи Сташица, все-таки, останется очень много трезваго и практическаго. «Вся будущность Польши заключается въ искреннемъ и безповоротномъ союзѣ съ Россіей».

Поляки, какъ извѣстно, народъ весьма склонный къ самообожанію. Но люди, вынесшіе наполеоновскую игру и вѣнскій конгрессъ, менѣе другихъ страдали этой болѣзнью. Въ польскомъ обществѣ является, наконецъ, поколѣніе, способное понять недостатки польскаго народнаго характера.

«У поляковъ, говоритъ Козмянъ, такъ много эгоизма, столько самомнѣнія, столько самообожанія... что для насъ мало быть любимымъ, надобно еще, чтобы насъ однихъ исключительно любили, чтобы для насъ жертвовали священнѣйшими обязанностями по отношенію къ другимъ народамъ... Полякамъ всего труднѣй, почти невозможно, стать на космополитическую точку. Мы требуемъ, чтобы сама правда была отдана на жертву патріотизму. Если кто-нибудь изъ поляковъ, во имя истины, хотя на минуту возвысится надъ патріотической точкой зрѣнія, то онъ не можетъ отдѣлить императора Александра отъ русской имперіи, долженъ принять во вниманіе его отношеніе къ своимъ кореннымъ подданнымъ, къ Европѣ и ея политикѣ, взвѣсить всѣ сложившіяся противъ его желанія обстоятельства, наконецъ, онъ не долженъ забыть и наши собственныя ошибки, затруднявшія ему дорогу къ выполненію того, что онъ хотѣлъ сдѣлать. Правда, его подарокъ мы приняли съ благодарностью, но скоро все испортило іезуитное правило aut totum, aut nihil. Увы, намъ осталось nihil» [2]).

---

[1]) Kozmian, II, 236.
[2]) Тамъ же, III, 58.

Заіончекъ такъ далеко зашелъ въ своемъ нерасположеніи къ польскимъ традиціямъ, что перенесъ его даже на польскую конституцію. Въ данной императоромъ Александромъ конституціонной хартіи онъ видѣлъ только лишній поводъ для болтовни и одинъ изъ тормазовъ для матеріальныхъ улучшеній въ царствѣ.

Сташицъ обратился однажды къ одной изъ сеймовыхъ коммисій, слишкомъ нападавшей на конституціонныхъ министровъ, приблизительно, съ такою рѣчью: «Господа! вы опять начинаете ссоры и споры прежнихъ польскихъ сеймовъ съ трономъ. Вспомните, чѣмъ мы были недавно. Насъ завоевали и, такъ сказать, мы не существовали; великодушный императоръ насъ создалъ и надѣлилъ такими правами и вольностями, какихъ только мы могли пожелать. Едва только мы ожили, вмѣсто благодарности и разумнаго послушанія, мы волнуемся и возстаемъ; противъ кого? противъ власти, которая, какъ создала насъ, такъ можетъ однимъ дуновеніемъ и уничтожить». Шумъ и крикъ между членами коммисіи не позволилъ Сташицу окончить [1]).

«Много въ Россіи недостатковъ, разсуждалъ графъ Красинскій, но у ней столбы крѣпки и все сходитъ ей съ рукъ; много у поляковъ достоинствъ, но у нихъ нѣтъ основанія и все, что̀ бы они ни предприняли, непремѣнно кончается неудачей» [2]).

Конечно, отъ этого сомнѣнія въ польскихъ добродѣтеляхъ еще далеко до того радикальнаго самообличенія, которому любитъ предаваться русскій человѣкъ; но громадный общественный прогрессъ заключался уже въ томъ простомъ фактѣ, что въ польскомъ обществѣ появляются люди способные къ извѣстной независимости передъ толпой. Польша всегда изобиловала патріотами, но къ патріотамъ этого рода она не привыкла.

Все, что мы пишемъ о польско-русской программѣ Сташица, Заіончека и другихъ относится къ группѣ передовыхъ людей, по своему образованію и прежней политической роли, выдѣлявшихся изъ массы. Какъ же отнеслась самая масса къ возстановленію польскаго королевства подъ скипетромъ Россіи?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ письмо Ланскаго отъ 4-го мая 1815 года (онъ былъ предсѣдателемъ временнаго управленія герцогства варшавскаго, составленнаго на половину изъ русскихъ и поляковъ).

«Всемилостивѣйшій государь!... Вмѣняю въ обязанность донести что манифестъ о возстановленіи польскаго королевства подъ скипетромъ Россіи не произвелъ такого вліянія, какого ожидать бы можно отъ народа болѣе чувствительнаго. Причиною есть слѣдую-

---

[1]) Kozmian, II, 246.

[2]) Слышано мною въ м. Дунаевцахъ (Дунаевцахъ, Подольской губ. Ушицкаго уѣзда, бывшемъ имѣніи графа Красинскаго).

щее... Всеобщее желаніе, чтобы быть Польшѣ владѣніемъ отдѣльнымъ и въ томъ же пространствѣ, въ какомъ было оно прежде раздѣленія... Вмѣсто довлѣемой признательности къ безпримѣрнымъ благотвореніямъ вашего императорскаго величества оказываемымъ сей націи, вмѣсто покорнаго благодаренія за высокое въ судьбѣ ея участіе, наконецъ, вмѣсто того, чтобы чувствовать, чтобы превозноситься снисхожденіемъ, съ которымъ ваше императорское величество предпринимали, какъ извѣстно было, осчастливить ихъ принятіемъ титла короля, они... наполнились мечтаніемъ, что возстановленіе Польши по прежнему королевствомъ быть должно и такъ рѣшительно опредѣлили сіе, какъ бы были вправѣ того требовать.

«Государь! простите русскому открывающему передъ тобою чувства свои и осмѣливающемуся еще изъяснить, что благосердіе твое и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить съ нами народъ и вообще войско польское... и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія готоваго всегда изліять на насъ ядъ свой. Болѣе не смѣю говорить о семъ и, какъ сынъ отечества, какъ вѣрный подданный вашему императорскому величеству, не имѣю другой цѣли въ семъ донесеніи, кромѣ искренняго увѣренія, что ни въ какомъ случаѣ считать на поляковъ не можно» [1]).

Письмо Чарторижскаго къ императору, не смотря на потокъ льстивыхъ фразъ, тоже свидѣтельствуетъ, что возстановленіе польскаго королевства подъ скипетромъ Россіи принято массой, по меньшей мѣрѣ, безъ всякаго восторга [2]).

Но, мы будемъ безпристрастны. При всемъ уваженіи къ чувствамъ, вызвавшимъ письмо Ланскаго, мнѣ кажется, не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія описанному въ немъ будированію массы въ минуту объявленія польскаго королевства. Отдѣльное лицо можетъ вдругъ полюбить кого нибудь и внезапно низвергнуть предметъ своего обожанія. Съ массой этого быть не можетъ. Нельзя требоватъ и ожидать, чтобы масса, по мановенію жезла, и притомъ ради какихъ нибудь теоретическихъ соображеній, перемѣнила свои чувства. Польская шляхта слишкомъ долго ненавидѣла Россію, чтобы вдругъ полюбить ее въ день провозглашенія конституціи, слишкомъ мало знала Александра, чтобы мгновенно проникнуться довѣріемъ къ его слову, слишкомъ глубоко засѣла въ прадѣдовскихъ фольваркахъ, чтобы съ точностью судить объ интригахъ европейской дипломатіи. Время создаетъ чувство массы. Надобно было кое-что предоставить времени и въ настоящемъ случаѣ.

---

[1]) Русскій Архивъ, 1863 г., стр. 839.
[2]) Alex. I et Czart., стр. 246.

Какъ бы-то ни было, но, на первомъ планѣ все-таки остается тотъ фактъ, что, около 1815 года, самая интеллигентная часть польскаго общества и всѣ его передовые дѣятели были искренно преданы русскому царю и открыто стояли за полный и безповоротный союзъ съ Россіей.

Остается любопытный вопросъ: на сколько личная иниціатива императора Александра вызвала эту склонность поляковъ къ Россіи?

Трудно найти человѣка до такой степени способнаго расположить въ свою пользу и въ пользу своей идеи, какъ императоръ Александръ. Наполеонъ—тоже въ своемъ родѣ «ловецъ человѣкомъ»—отдавалъ въ этомъ случаѣ должное внуку Екатерины. «Императоръ Александръ—говорилъ Наполеонъ Метерниху—привлекательная личность, обладающая особеннымъ даромъ очаровывать людей, приходящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Будь я человѣкомъ способнымъ подчиняться непосредственнымъ впечатлѣніямъ, я могъ бы отдаться ему всей душей» [1]). Чарторижскій замѣчаетъ, что Александръ старался вести разговоръ примѣняясь ко вкусамъ собесѣдника [2]). «Въ обращеніи государя съ разными лицами, говоритъ графиня Тизенгаузенъ, всегда замѣчались разные оттѣнки: такъ, съ лицами извѣстнаго чина онъ обращался съ большимъ достоинствомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ пріятностью; съ приближенными своими — съ лаской почти дружеской; къ пожилымъ женщинамъ относился съ уваженіемъ; къ молодымъ—съ большою учтивостью, весьма тонко, почти кокетливо, съ тѣмъ взоромъ, который какъ бы улыбался и въ то же время глубоко пронизывалъ» [3]).

При этомъ надобно еще замѣтить, что удивительно владѣя собой, ежеминутно снисходя до уровня собесѣдника, императоръ Александръ умѣлъ удержать его на извѣстной нравственной высотѣ, вызывавшей на рыцарскую откровенность и исключавшей все пошлое. «Въ Полоцкѣ—говоритъ Ермоловъ—по отъѣздѣ государя, случилось мнѣ обѣдать съ оставшимся его штатомъ. Какую примѣтилъ я разность въ тонѣ, какую перемѣну въ обращеніи. Государь увезъ съ собою все величіе и оставилъ каждаго при собственныхъ средствахъ» [4]).

Нельзя конечно отрицать, чтобы въ началѣ 1812 года, когда еще оставалось нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, на чью сторону въ предстоящей борьбѣ станутъ поляки, императоръ Александръ не воспользовался своимъ арсеналомъ утонченной свѣтскости, великодушія, гуманныхъ идей, умѣнія примѣниться къ собесѣднику и

---

[1]) Aus Matternisch Papieren, I, 315.
[2]) Alex. I et Czart., 81.
[3]) Воспоминаніе графини Шуазель-Гуфье, 21.
[4]) Погодинъ. А. П. Ермоловъ, 78.

привлечь его къ себѣ. Онъ зналъ, что это такъ выгодно оттѣняетъ его передъ Наполеономъ; принужденный, до поры до времени, уступать ему на боевомъ полѣ, онъ имѣлъ нѣкоторое основаніе, на первый случай, обратить гостиную въ орудіе для завоеванія польскихъ сердецъ. Онъ танцуетъ на балу у польскаго магната и роняетъ въ сердце польской дамы искру сочувствія къ русскому человѣку въ то время, когда въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ Наполеонъ переходитъ черезъ Нѣманъ [1]).

Но дальнѣйшихъ послѣдствій это не имѣло и можно съ увѣренностью сказать, что судьба Польши не опредѣлялась симпатіями нѣсколькихъ дамъ, которыхъ Александръ умѣлъ обворожить. Отецъ той же графини Тизенгаузенъ, которая оставила такія сочувственныя императору Александру записки, въ рѣшительную минуту, когда надо было выбирать между Наполеономъ и Россіей, присталъ къ конфедераціи и уѣхалъ въ Варшаву [2]), а Чарторижскій—человѣкъ, безъ сомнѣнія, всѣхъ болѣе испытавшій величіе души Александра—написалъ приведенное выше письмо къ Матушевичу. Все очарованіе личности императора Александра пригодилось развѣ только на то, чтобы дать графинѣ Тизенгаузенъ мужество, во время офиціальнаго представленія Наполеону, надѣть русскій фрейлинскій шифръ въ то время, когда другая фрейлина — Гедроицъ спрятала этотъ шифръ [3]). Вообще, было бы странно предположить, что люди, въ видахъ возстановленія Польши, готовые поработить всю Европу, могли измѣнить себѣ и своей политической программѣ только ради прекрасныхъ личныхъ качествъ государя, войска котораго пока еще не пользовались репутаціей непобѣдимости.

Другое дѣло, когда войска Наполеона были разбиты и когда въ цѣлой Европѣ оказался только одинъ человѣкъ желавшій добра Польшѣ—императоръ Александръ. Тогда, дѣйствительно, поляки съумѣли его оцѣнить. На одномъ обѣдѣ, послѣ приличнаго возліянія, генералъ Красинскій распространялся о подвигахъ Наполеона и выставлялъ его первымъ человѣкомъ въ мірѣ. Присутствовавшіе за обѣдомъ варшавскія дамы, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ великодушія императора Александра, отдавали первенство русскому царю. «Пожалуй — сказалъ генералъ — но все-таки Наполеонъ остается императоромъ мужей, а Александръ—повелитель женщинъ». Многіе видѣли въ этомъ оскорбленіе. Но кому извѣстна роль женщины въ польскомъ обществѣ, тотъ увидитъ въ этой болтовнѣ полупьянаго генерала признакъ популярности императора Александра въ высшемъ польскомъ обществѣ. Императоръ или не

[1]) Шуазель-Гифье, 44.
[2]) Тамъ же, 94.
[3]) Тамъ же, 60.

зналъ объ этой выходкѣ Красинскаго, или отнесъ ее на счетъ слишкомъ веселаго обѣда; когда, вскорѣ послѣ этого, Красинскій заболѣлъ, государь прислалъ къ нему своего придворнаго доктора Вилье [1]).

И такъ, дѣло сдѣлано. Польша соединилась съ Россіей.

IV.

«Вы даете мнѣ случай—сказалъ императоръ Александръ польскому сейму 1818 года—показать моему отечеству то, что я давно для него приготовляю и что оно въ свое время получитъ».

И такъ, давая конституцію Польшѣ, государь надѣялся положить первый камень русской конституціи.

Но Александръ I уже давно носился съ либеральной мечтой и настолько зналъ Россію, чтобы понимать какъ мало заключала она въ себѣ конституціонныхъ элементовъ. Къ этому надо прибавить, что въ концѣ царствованія Александра I Россія заключала въ себѣ менѣе либеральныхъ элементовъ, чѣмъ въ началѣ столѣтія.

Историческое значеніе Наполеона и породившей его революціи заключается въ повсемѣстномъ вызовѣ цѣлой массы талантовъ, идей, движенія... Благодаря Наполеону и революціи, не только въ Европѣ, но и у насъ въ Россіи, раздвигается умственный кругозоръ, «духовно выростаетъ цѣлая масса мелкихъ людей, образованная толпа стала мыслить, работать, сражаться, наблюдать, преобразовываться»... Съ паденіемъ Наполеона — этой послѣдней революціонной волны—масса поднявшаяся-было на извѣстную высоту, снова погрузилась въ спячку, снова усвоила свою естественную незначительность. Сошелъ со сцены великій человѣкъ—и маленькіе люди, вопреки теоріи Гамлета, дѣлаются еще меньшими.

Послѣ взятія Парижа, русское общество быстро утрачиваетъ свою либеральную окраску и вступаетъ на тотъ путь кваснаго патріотизма и узкаго самодовольства, который привелъ насъ къ разочарованіямъ крымской кампаніи. Какъ только унялась буря, поднятая революціей, безсознательнымъ орудіемъ которой былъ Наполеонъ, для большинства нашего образованнаго класса началось существованіе крайне несложное, самодовольно спокойное, отлитое въ опредѣленныя, всѣмъ привычныя формы. Въ самомъ дѣлѣ, чего намъ не доставало? Россія утопала въ лучахъ военной славы; мы знали, что никакія желѣзныя дороги и тому подобныя нововведенія не устоятъ противъ нашихъ «коренныхъ принциповъ», что у насъ столбы крѣпки, что русскому солдату «море по ко-

[1]) Kozmian, III, 315.

лѣно». Кавказъ вполнѣ удовлетворялъ наше національное честолюбіе, чинъ статскаго совѣтника—честолюбіе личное, Брамбеусъ и Булгаринъ ласкали наши литературные вкусы, а крѣпостное право давало возможность, не отвлекаясь отъ «прямаго дворянскаго дѣла», получать обезпеченные доходы.

Съ этой счастливой и весьма лестной для національнаго самолюбія эпохи, въ русскомъ обществѣ начинается непроходимый слой обломовщины или, правильнѣй, почти все оно обращается въ аморфную массу, позволяющую дѣлать съ собою «что̀ угодно», неспособную кому нибудь «дать направленіе», но, къ сожалѣнію, слишкомъ могущественную для того, чтобы «уходить» самаго неутомимаго работника, подавить энергію, задушить талантъ. Въ этой общественной массѣ Карамзинъ сдѣлался «силой», Сперанскій геніальнымъ ничтожествомъ, Блудовъ размѣнялся на мелочь, Мордвиновъ сдѣлался «пустымъ человѣкомъ», здѣсь задохнулся Гоголь и оказался лишнимъ Ермоловъ.

Если вообще весь періодъ отъ пораженія Наполеона до крымской кампаніи составляетъ эпоху косности и процвѣтанія крѣпостнаго права, то первая четверть этого періода (послѣдніе годы царствованія Александра I) составляетъ едва ли не самую тяжелую его часть. Время императора Николая представляетъ общій застой мысли, послѣдніе годы царствованія Александра I представляютъ энергическое ретроградное движеніе; въ эпоху императора Николая русское общество находилось въ полной инерціи и апатіи, въ послѣдніе же годы царствованія Александра I русская мысль работала горячо, но работала въ духѣ крайняго обскурантизма. Аракчеевъ—явленіе столько же законное при Александрѣ I, сколько невозможное при Николаѣ I, когда ретроградное теченіе общественной мысли сдѣлалось, сравнительно, спокойнѣй и слабѣй.

Какъ новый орнаментъ нейдетъ къ тяжелому фасаду нильской пирамиды, такъ либеральное направленіе императора Александра не шло къ «орламъ» екатерининскаго вѣка и ихъ мелкимъ подражателямъ. Правда, всѣ они, отъ Магницкаго до Фамусова—освободившись отъ павловской ферулы, сгоряча, прославляли кротость и писали оды къ свободѣ. Но первое впечатлѣніе скоро прошло и они начали вздыхать о наполненныхъ мясомъ котлахъ, которыми такъ изобиловала земля египетская.

Если даже въ наше время травятъ и глумятся словомъ «либералъ», то легко себѣ представить что̀ было въ началѣ столѣтія, когда Аракчеевъ едва ли умѣлъ отличать литературу отъ дѣланія фальшивыхъ ассигнацій; если даже въ наше время многіе, совершенно добросовѣстно, приписываютъ деспотизму силу Россіи, то что̀ сказать объ эпохѣ Александра I, когда нравы не допускали сановника-либерала, когда либерализмъ считался дѣломъ какого-нибудь «школьника-секретаря», какихъ-нибудь «неосновательныхъ

умовъ, извѣстныхъ хвастливостью и не менѣе извѣстныхъ своей охотой умничать!» (Карамзинъ о Сперанскомъ). Довольно вспомнить злобу, которую возбуждали въ тогдашнемъ обществѣ невинныя попытки Сперанскаго (сдѣланныя, конечно, по желанію государя) ввести въ оффиціальный языкъ нѣкоторый оттѣнокъ конституціонализма; напримѣръ: «Государь, внявъ мнѣнію совѣта», «державная власть» (вмѣсто «самодержавная»), «императорское величество» (вмѣсто е. и. в—во), чтобы понять, на сколько, несмотря на либерализмъ государя, либеральное направленіе, въ его время, было непопулярно въ русскомъ обществѣ.

Все, что̀ мы говоримъ здѣсь о людяхъ «александровской эпохи», вовсе не похоже на то, чѣмъ ихъ обыкновенно представляютъ. Но обманчивость ходячаго мнѣнія объ этой эпохѣ зависитъ отъ того, что либеральная фракція тогдашняго русскаго общества, сосредоточивая въ себѣ почти всю силу тогдашнихъ талантовъ, почти одна высказывалась и заставляла о себѣ говорить, люди же шишковскаго и аракчеевскаго пошиба не обращали на себя вниманія потому, что они составляли нормальное явленіе русской жизни. Если не считать какую-нибудь дворцовую революцію за успѣхъ, то декабристы, даже въ случаѣ удачи ихъ предпріятія, не имѣли никакихъ шансовъ успѣха, потому что петровская Русь, то-есть та сила, которая сильнѣе всякихъ писанныхъ законовъ, вложила бы свой духъ въ новое теченіе дѣла и, на болѣе или менѣе продолжительное время, оставила бы все по старому. Этимъ, между прочимъ, объясняется поразительно легкій переходъ нашего общества отъ александровскихъ идеаловъ къ идеаламъ Клейнмихеля, Бибикова и другихъ фронтовиковъ.

«Благодарю за рѣчь государеву — пишетъ 28-го апрѣля 1818 года Булгаковъ князю Вяземскому. У насъ теперь время хорошее, дѣло гулевое и кромѣ похабныхъ рѣчей нечего тебѣ сообщить...» [1]). Это писалъ одинъ москвичъ другому, оба изъ высшаго интеллигентнаго круга—по поводу той знаменитой рѣчи 1818 года, въ которой государь обѣщаетъ распространить конституціонныя учрежденія на всю Россію и которая, безъ сомнѣнія, до дна морского, взволновала бы всякую другую европейскую страну! Это было бы смѣшное письмо, если бы оно не наводило на такія грустныя мысли, если бы оно не указывало, громче всякаго позорнаго столба, на это малоразвитое, самодовольное, отданное пошлости и праздно-любію, «большинство» русскаго общества.

Но, amicus Plato... надобно признаться, что и либералы сдѣлали очень мало для того, чтобы «показать товаръ лицомъ».

Прежде всего, либеральные ряды не блистали обиліемъ дѣловыхъ и знающихъ дѣло людей.

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1881, май, 8.

Баронъ Корфъ, по поводу назначенія Ризенкампфа главнымъ дѣятелемъ коммисіи законовъ замѣчаетъ, что «въ публикѣ не могли довольно надивиться, какъ къ составленію уложенія для величайшей въ свѣтѣ имперіи выбранъ, предпочтительно передъ всѣми, человѣкъ не знающій ни ея законовъ, ни нравовъ, ни обычаевъ, ни даже языка» [1]. Но можно ли удивляться этому факту, когда мы вспомнимъ другой, не менѣе удивительный фактъ—для исправленія ошибки назначенія Ризенкампфа призываютъ человѣка лишеннаго всякаго теоретическаго знакомства съ наукою права (положимъ, этотъ человѣкъ былъ Сперанскій!). Далѣе, мы видимъ, что вся масса тогдашней преобразовательной работы лежитъ на какомъ-нибудь десяткѣ лицъ, которыя въ то же время были завалены текущими служебными дѣлами. Таковъ былъ «недостатокъ въ людяхъ» даже среди либеральной партіи!

Сознавая ли свою слабость или предчувствуя близкій поворотъ общественнаго мнѣнія, реформаторы опѣшили. Въ разгаръ своей преобразовательной дѣятельности Сперанскій любилъ говорить: «il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap». Колоссальные проекты утверждаются почти безъ обсужденія, изъ довѣрія къ ихъ составителю; проектъ финансовой реформы не былъ напечатанъ даже для членовъ государственнаго совѣта; проектъ учрежденія государственнаго совѣта былъ посланъ Аракчееву наканунѣ обнародованія, отдѣльныя главы проекта уложенія переписывались набѣло только за нѣсколько часовъ до доклада ихъ государственному совѣту; знаменитые указы 3-го апрѣля и 6-го августа 1809 года (о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменахъ на гражданскіе чины) были рѣшены, съ глазу-на глазъ, государемъ и Сперанскимъ... Какъ бы ни былъ благонамѣренъ и геніаленъ Сперанскій, но, само собою разумѣется, что при подобной обстановкѣ, немыслимо полное совершенство предпринятаго дѣла.

Здѣсь выступаетъ на сцену общій недостатокъ, такъ сказать, «присущій» нашему положенію.

Единственный путь для образованія общественнаго дѣятеля у насъ былъ, а отчасти остается до сихъ поръ, путь научный. Но наука безъ общественной арены не достигаетъ цѣли. Для того, чтобы извлечь изъ науки всю ту пользу, которую она можетъ принести, надобно демонстрировать ее на живомъ общественномъ организмѣ. Такъ какъ у насъ и организмъ общественный не развитъ, и проявленія общественной жизни стѣснены или существуютъ только со вчерашняго дня, то оказывается, что, въ большинствѣ случаевъ, даже наука не приводитъ у насъ къ практическимъ результатамъ. Мы почерпаемъ изъ нея или гнетущее сознаніе своего безсилія («мы, молъ, не Англія»), или самоувѣренность утописта.

---

[1] Корфъ. Жизнь Сперанскаго, I, 148.

Даже тѣ немногіе выдающіеся люди, которые избѣгають обѣихъ крайностей, все-таки часто лишены возможности внести въ общественное дѣло то, что̀ дается только продолжительнымъ и многостороннимъ опытомъ общественной жизни.

Эта черта большей части нашихъ передовыхъ умовъ вѣрно подмѣчена еще современникомъ Александра I, человѣкомъ либеральнаго лагеря. Россія, говоритъ онъ, «гдѣ даже умы сіяющіе блестками превосходства надъ другими, не болѣе суть, какъ полуумы, по недостатку здравыхъ политическихъ истинъ, методы изученія и опытности въ соображеніи» [1]). Какъ осуществленныя, такъ и незаконченныя части извѣстнаго проекта Сперанскаго отличаются фатальными свойствами русскаго «полуума». Что же сказать о людяхъ, неимѣвшихъ генія Сперанскаго!

Вотъ та неблагодарная почва, на которой императоръ Александръ долженъ былъ строить свои конституціонные планы. Чувствуя слабую сторону своего положенія, онъ, по весьма понятнымъ причинамъ, постарался отыскать въ Россіи тѣ элементы, которые могли бы поддержать его въ этой глухой инстинктивной борьбѣ будущей Россіи, съ Россіей прошедшей. Отсюда,—его пристрастіе къ Польшѣ и Финляндіи. Не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы онъ предпочиталъ Польшу и Финляндію Россіи; но съ помощью Польши и Финляндіи онъ хотѣлъ создать въ своемъ государствѣ противовѣсъ до-петровскому обскуратизму, которымъ, въ глубинѣ души, всѣхъ болѣе тяготился самъ государь. Съ этой точки зрѣнія, даже мысль присоединить часть западнаго и югозападнаго края къ королевству польскому, какъ въ административной части нашего государственнаго цѣлаго—мысль такъ долго занимавшая императора и причинившая ему столько тревогъ и сомнѣній—можетъ быть ошибочной въ практическомъ отношеніи, но она получаетъ свое теоретическое объясненіе.

Болѣе того. Обособленность, въ которую императоръ ставилъ Польшу и Финляндію, была только однимъ изъ проявленій его общаго взгляда на административную децентрализацію различныхъ областей, составляющихъ русское государство. Въ его время, даже за Малороссіей признавалось право на извѣстную степень областной самобытности. Это высказывалось между прочимъ въ томъ, что сенатъ, однажды, предписалъ рѣшить дѣло на основаніи малороссійскаго магдебургскаго права, окончательно забытаго въ самой Малороссіи [2]).

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1867, стр. 193—200.

[2]) Въ сенатскомъ архивѣ нашли наконецъ переводъ магдебургскаго права, сдѣланный еще во время императрицы Елисаветы, но автономія Малороссіи отъ этого нисколько не выиграла, потому что оказалось, что переводъ «составленъ на какомъ то штатскомъ языкѣ, коего ни какъ нельзя понять, а только отча-

Можно сочувствовать или не сочувствовать цѣлямъ государя (распространенію конституціонныхъ учрежденій на всю Россію), можно критически относиться къ его системѣ постепеннаго распространенія этихъ правъ, начиная съ иностранныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ русскаго государства, но нельзя отрицать того, что въ стремленіи къ своей цѣли императоръ Александръ выказалъ замѣчательную настойчивость и послѣдовательность. Давая обособленную организацію Польшѣ и Финляндіи, государь зналъ что̀ дѣлаетъ; съ его стороны это вовсе не было увлеченіемъ (какъ обыкновенно думаютъ), но слѣдствіемъ глубокаго разсчета, однимъ изъ проявленій его внутренней, чисто русской политики.

Мы видѣли мотивы, на основаніи которыхъ государь старался установить извѣстное отношеніе къ польской національности; посмотримъ теперь на то, какъ отнеслась польская національность къ политикѣ государя.

Александръ еще не успѣлъ высказаться, а человѣкъ воплощавшій въ себѣ національное чувство поляковъ уже заявляетъ претензію на то, что прямыя интересы Россіи недостаточно принесены въ жертву интересамъ Польши. Мы говоримъ о двухъ письмахъ Костюшки: отъ 10-го іюня 1815 года, въ которомъ онъ напоминаетъ государю обѣщаніе раздвинуть Польшу до Двины и Днѣпра и даровать конституціонныя учрежденія Литвѣ, и другое, отъ 13-го іюня, того же года, на имя Адама Чарторижскаго, но, очевидно, по адресу государя, въ которомъ онъ отказывается служить императору, потому что предыдущее письмо оставлено безъ послѣдствій, а онъ, Костюшко, «не желаетъ дѣйствовать безъ гарантій для своей страны и не хочетъ увлекаться пустыми надеждами» [1]). Но Костюшко забылъ, что такіе капитальные вопросы— какъ расширеніе Польши до Двины и Днѣпра не рѣшаются въ три дня, ни съ кѣмъ непосовѣтовавшись, ничего несообразивъ. Если Костюшко берегъ свое нравственное достоинство, то сознательное отношеніе къ своему нравственному достоинству между прочимъ выражается въ умѣніи признавать за другимъ право сохранять свое нравственное достоинство. Человѣкъ строго уважающій свои обязанности никогда не можетъ потребовать, чтобы кто нибудь другой принесъ въ жертву свою обязанность.

По неимѣнію свидѣтелей того разговора съ императоромъ, на который ссылается Костюшко, нельзя, конечно, сказать, что̀ именно обѣщалъ Александръ знаменитому польскому патріоту, но мы считаемъ себя вправѣ утверждать, что онъ не обѣщалъ ему возстановле-

---

сти и то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а не вездѣ, можно постигнуть догадкой смыслъ текста». Кистяковскій. Права, по которымъ судится малороссійскій народъ, 92—97.

[1]) d'Angeberg, 700—701.

нія Польши во всемъ ея прежнемъ государственномъ и территоріальномъ значеніи. Если бы государь обѣщалъ что нибудь подобное Костюшкѣ въ 1815 году, когда онъ въ полякахъ нисколько не нуждался, то онъ навѣрное обѣщалъ бы тоже Чарторижскому, Мостовскому и другимъ вскорѣ послѣ изгнанія Наполеона, когда, не только помощь, но даже нейтралитетъ Польши имѣлъ для него серьезное значеніе. Но тотъ же сборникъ документовъ, изъ котораго мы заимствуемъ письма Костюшки, заключаетъ въ себѣ отвѣтъ императора Александра Чарторижскому и Мостовскому 1-го (13-го) января 1813 года. «Я долженъ однако васъ извѣстить, пишетъ государь, и при томъ самымъ положительнымъ образомъ, что предложеніе моего брата Михаила (?) не можетъ быть принято. Не забудьте что Литва, Подолія и Волынь (замѣтьте что объ Украйнѣ [1]) не было рѣчи) до сихъ поръ считаютъ себя русской землей (se regarde jusqu' ici comme provinces russes) и никакая логика въ мірѣ не можетъ убѣдить Россію видѣть ихъ подъ управленіемъ не того государя, который управляетъ Россіей. Что же касается до формы ихъ общенія съ Россіей (quant a la denomination sous la quelle elles se trouveront en faire partie) [2]), то этотъ вопросъ легче рѣшить» [3]).

Основываясь на этомъ письмѣ, можно съ увѣренностью предполагать, что въ Польшѣ, подъ скипетромъ русскаго государя, дѣйствительно замышлялось нѣчто въ родѣ чрезвычайнаго распространенія польской территоріи, на счетъ русской, но изъ того же письма положительно видно, что государь отказалъ съ перваго же шага «и притомъ самымъ положительнымъ образомъ».

На какомъ же основаніи Костюшко упрекаетъ государя въ неисполненіи «обѣщанія»? Подарить возрожденной Польшѣ, въ видѣ крестильной рубашки, Литву и Русь, Александръ никогда не обѣщалъ и не могъ обѣщать. Въ видахъ усиленія конституціоннаго начала во внутренней жизни Россіи присоединить къ неотъемлемой части Россіи (на «неотъемлемость» слѣдуетъ обратить вниманіе), королевству польскому, нѣкоторую часть западнаго края, государь хотѣлъ еще задолго до созданія въ 1815 году польскаго королевства и никогда не отказывался вполнѣ отъ этой административно-политической комбинаціи (записка Карамзина 17-го октября 1819 г.). По всей вѣроятности Костюшко не понялъ Александра и

---

[1]) Очевидно, что рѣчь шла о присоединеніи Черниговской, Полтавской и Кіевской губерніи къ возстановленному полькому королевству.

[2]) Т. е. Литва, Подолія и Волынь, составляя со всей Россіей одно нераздѣльное государство, могли пользоваться мѣстными конституціонными учрежденіями, такъ или иначе связанными съ общегосударственнымъ (конституціоннымъ или инымъ) строемъ. Вспомнимъ, что и теперь есть губерніи пользующіяся земскими учрежденіями и непользующіяся ими.

[3]) d'Angeberg, 586.

принялъ за обѣщаніе присоединить къ Польшѣ нѣкоторыя русскія области, обѣщаніе ввести здѣсь административно-политическія формы, которыя дѣлали бы эти области въ нѣкоторомъ отношеніи похожими на царство польское созданное Александромъ. Упрекъ Костюшки можетъ быть справедливъ только въ томъ отношеніи, что въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, данныхъ имъ государю на размышленіе (отъ 10-го до 13-го іюля), государь не могъ прійти къ окончательному рѣшенію по двумъ неразрывно связаннымъ вопросамъ: 1) о формѣ конституціонныхъ учрежденій въ губерніяхъ, которыя предполагалось подвести подъ норму королевства польскаго и 2) о такой формѣ конституціонныхъ учрежденій, которыя обнимали бы всю Россію и мирили бы всѣ областныя и національныя особенности. Но, вопросы этого рода не рѣшаются за тысячу верстъ отъ русской границы, въ нѣсколько часовъ незанятыхъ дипломатическими визитами...

Понимаемъ, что Костюшкѣ было трудно служить Россіи хотя бы и подъ скипетромъ Александра, но въ то же время нельзя не пожалѣть о томъ, что единственный полякъ, имѣвшій неоспоримый авторитетъ въ глазахъ соотечественниковъ, отказалъ въ своей помощи тому самому Александру, который сдѣлалъ для Польши все что̀ могъ сдѣлать и былъ проникнутъ самыми лучшими намѣреніями.

Во всякомъ случаѣ Костюшкѣ было легче, облекшись въ тогу непроходимаго драматическаго величія, вдали отъ варшавской политической сцены, оставаться на своемъ пьедесталѣ, чѣмъ, вмѣстѣ съ государемъ всей Россіи, работать надъ трудной задачей областной автономіи.

Въ отказѣ Костюшки вступить въ русскую службу уже заключается сознаніе собственнаго превосходства. Подобное же чувство, очень скоро послѣ присоединенія, образовалось въ массѣ польскаго народа. Оно не могло не образоваться. Поляки испытали слишкомъ много неудачъ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ и непосредственно послѣ нея наступившую, чтобы, съ заключеніемъ мира, подобно намъ, почить на лаврахъ; близкое знакомство съ западной Европой значительно измѣнило типъ польскаго шляхтича, государственные таланты въ родѣ Сташица и Мостовскаго быстро вводили западноевропейскій прогрессъ въ практику польской жизни; созданныя Александромъ конституціонныя учрежденія и созданное Наполеономъ уничтоженіе крѣпостнаго права, вносили оживленіе въ общественный организмъ; наконецъ, тамъ, гдѣ древняя шляхетская разнузданность начинала говорить слишкомъ громко, русское управленіе вносило невольную, но тѣмъ не менѣе полезную дисциплину. Такимъ образомъ, въ то время, когда Россія энергически отставала, присоединенное къ Россіи королевство польское быстро подвигалось впередъ.

Страна, въ которой, даже во времена Александра I, усиливался духъ крѣпостнаго права, не могла пользоваться нравственнымъ авторитетомъ въ странѣ, гдѣ дѣйствовалъ кодексъ Наполеона: мы могли заставить Польшу бояться, но заставить уважать себя не могли; все обаяніе держалось пока одной личностью государя; гдѣ прекращалось непосредственное вліяніе этой личности, тамъ въ полякѣ начинался отталкивающій холодъ и національная гордость.

Конечно, народъ болѣе благоразумный нежели поляки, умѣлъ бы такъ устроить дѣло, что, оставаясь при сознаніи собственнаго превосходства, онъ не допустилъ бы до разрыва съ Россіей. Нѣмцы и финляндцы точно также сознаютъ свое превосходство, но они избѣгаютъ крайне натянутыхъ положеній. Поляки же, со старымъ легкомысліемъ, тотчасъ создали конституціонную оппозицію и, не измѣривъ своихъ силъ, пошли на неравную борьбу. Польскіе министры сдѣлались отвѣтственны за непопулярность Россіи. Началась травля польскихъ министровъ по адресу русскаго правительства. Съ своей стороны, польскіе министры и вообще сторонники Россіи при Александрѣ I, вмѣсто того, чтобы, въ борьбѣ съ оппозиціей, искать въ Россіи нравственную точку опоры, вмѣсто того чтобы гордо и по убѣжденію стоять за Россію, должны были «пугать» ею поляковъ. Но страхъ никогда не создаетъ приверженцевъ. Оппозиція съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе входила въ моду. Напрасно Сташицъ, хорошо знавшій силы Россіи и проницательно смотрѣвшій на будущее, взывалъ къ оппозиціи: «въ васъ говоритъ анархическій духъ отцовъ; вы еще разъ погубите Польшу» [1]). Преданность Россіи (искренняя или основанная на разсчетѣ) въ глазахъ польскаго общества, становилась синонимомъ отсталости, трусости или чего нибудь еще худшаго. Когда умеръ намѣстникъ Заіончекъ, никто даже изъ самыхъ близкихъ его друзей, боясь скандала, не рѣшился сказать надгробное слово [2]). Тоже было бы и со Сташицемъ, если бы онъ не былъ великій ученый, извѣстный демократъ и замѣчательный чернорабочій по части приложенія науки къ жизни.

Государь болѣе всего заботился о безпристрастіи. Но и этотъ пріемъ, вообще, какъ нельзя болѣе способный сохранить достоинство и популярность власти, роковымъ образомъ привелъ къ результатамъ несогласнымъ съ интересами русской партіи. Это сказалось, между прочимъ, въ вопросѣ о правительственномъ вліяніи на выборы.

Намѣстникъ королевства Заіончекъ и польскій государственный совѣтъ пришли къ убѣжденію въ необходимости усилить это вліяніе. Прося государя разрѣшить косвенное давленіе на выборы,

---

[1]) Kozmian, II, 247.

[2]) Idem, III, 156.

совѣтъ не забылъ попросить и о денежной субсидіи. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ, это значило, что польская администрація края считала нужнымъ возобновить старый екатерининскій порядокъ, когда вся «русская партія» получала жалованье изъ русскаго казначейства. «Но императоръ Александръ — говоритъ Козмянъ—не только не разрѣшилъ этого вліянія на выборы, но положительно запретилъ. По его приказанію, статсъ-секретарь королевства польскаго увѣдомилъ совѣтъ, «что его королевское величество въ свободѣ и независимости выборовъ видитъ единственное ручательство искренности и преданности жителей, несомнѣннымъ выразителемъ желанія которыхъ должны быть представительныя учрежденія. Правительство королевства можетъ только своими совѣтами и увѣдомленіями разъяснять общественному мнѣнію и убѣждать жителей въ необходимости выбирать людей справедливыхъ, умѣренныхъ и желающихъ добра своему краю; но затѣмъ правительство не должно никакими побочными путями препятствовать свободѣ и независимости выборовъ» [1]).

Въ теоріи, что можетъ быть справедливѣй? На практикѣ, никто не могъ бы посовѣтовать ничего лучше и благороднѣй рѣшенія принятаго государемъ. «Давленіе»—сдѣлало бы власть еще болѣе непопулярной; денежныя и всякія другія субсидіи на одного удовлетвореннаго создали бы нѣсколько недовольныхъ. Но изъ того, что не было другаго способа рѣшить вопросъ, еще не слѣдуетъ, чтобы это рѣшеніе на самомъ дѣлѣ улучшило положеніе. Дѣло въ томъ, что съ подкупомъ или безъ подкупа, съ давленіемъ или безъ давленія на выборы, но источникъ власти оставался одинаково непопулярнымъ, потому что онъ заключался въ непопулярности Россіи и всего, что̀ отъ нея исходитъ. Полякъ еще не научился бояться Россіи, но онъ уже не уважалъ ее и это неуваженіе переносилъ на русскихъ министровъ въ Варшавѣ, хотя бы они и были поляки.

Нѣсколько словъ о коренныхъ русскихъ людяхъ, посланныхъ въ Варшаву представлять интересы русско-польскаго союза.

Поляки просили великаго князя Михаила Павловича, но, по династическимъ соображеніямъ, надо было послать цесаревича, Константина Павловича. Онъ пріѣхалъ сюда не только съ предубѣжденіемъ противъ конституціи, но и чувствуя себя нѣсколько униженнымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что принужденъ дѣйствовать въ конституціонномъ государствѣ. Въ высокой степени одаренный боевою храбростью, цесаревичъ, однако, почти всегда стоялъ за миръ съ Наполеономъ и вообще онъ принадлежитъ къ типу тѣхъ военныхъ (къ сожалѣнію весьма распространенному въ лѣтописяхъ русскаго войска), которые не любятъ войны, но чрезвычайно лю-

---

[1]) Kozmian, III, 88.

бятъ парадную часть войска, хорошо пригнанную амуницію, стройныя движенія массъ и, точно по шаблону, отлитыя физіономіи отдѣльныхъ лицъ. Поселившись въ Варшавѣ, цесаревичъ отдался этой страсти и смотрѣлъ какъ на своего личнаго врага на всякаго польскаго министра, который осмѣливался намекнуть, что тридцатитысячная армія не по средствамъ маленькому королевству и что сокращеніе этой арміи до 10,000 было бы какъ нельзя болѣе умѣстно.

Цесаревичъ обучалъ польскія войска «по-русски». Пошли въ ходъ палки и брань. И эта безтолковая воинственность смѣнила наполеоновскіе походы! Люди, привыкшіе въ рукахъ Наполеона считать себя двигателями мировыхъ вопросовъ, вдругъ очутились въ омутѣ самой пошлой казарменной обстановки. Было нѣсколько самоубійствъ. Своими дерзостями на каждомъ смотру цесаревичъ ростилъ недовольство въ офицерахъ и былъ едва ли не главной причиной, почему польскіе офицеры спѣшили принять участіе въ тайныхъ обществахъ и заговорахъ. Другою страстью цесаревича были знаки внѣшняго чинопочитанія. Варшавскіе школьники скоро это замѣтили и... вмѣняли себѣ въ особенное удовольствіе не снять шапки при встрѣчѣ съ великимъ княземъ. Аресты, гнѣвныя бури (цесаревичъ кричалъ тогда: «я вамъ задамъ конституцію!») затѣмъ освобожденіе и новая исторія въ томъ же родѣ.

Все это самымъ капризнымъ образомъ перемѣшивалось съ рыцарскими порывами, поступками, свидѣтельствовавшими о добротѣ души, сознаніемъ своихъ ошибокъ и способности глубоко въ нихъ раскаяваться. Но это раскаяніе видѣли и испытывали немногіе. Публика же судила о цесаревичѣ по тому, какимъ онъ являлся въ будничной жизни. Благодаря странностямъ своего характера, онъ былъ добръ, ни въ комъ не возбуждая сочувствія, и былъ золъ на столько, чтобы въ каждомъ возбудить или осторожность, или ненависть. Умная княгиня Ловичъ не могла исправить общаго впечатлѣнія.

Такимъ образомъ случилось, что на конституціонномъ посту, въ конституціонномъ государствѣ, подъ скипетромъ самаго благодушнаго изъ монарховъ, на другой же день послѣ добровольнаго обнародованія самой благонамѣренной конституціи, роковымъ образомъ очутился человѣкъ, если и не находившійся на границѣ здраваго смысла, то, во всякомъ случаѣ, весь политическій репертуаръ котораго исчерпывался деспотизмомъ. И этотъ деспотизмъ тѣмъ болѣе возмущалъ противъ себя, что онъ имѣлъ крайне ограченныя цѣли, не былъ поддержанъ никакими талантами и былъ облеченъ въ замѣчательно грубую форму.

Другимъ выдающимся русскимъ человѣкомъ въ королевствѣ польскомъ былъ императорскій коммисаръ Новосильцевъ. Казалось, нельзя было желать болѣе удачнаго назначенія. Новосильцевъ

былъ русскій патріотъ и, въ то же время, онъ до того раздѣлялъ гуманные взгляды императора Александра, что пользовался неограниченнымъ довѣріемъ партіи Чарторижскаго [1]). Англоманъ, собесѣдникъ Фокса и Питта, одинъ изъ авторовъ коалиціи противъ Наполеона, онъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ русскихъ, которые, при восшествіи императора Александра, видѣли въ немъ не только добраго государя, но зарю новой эпохи въ русской исторіи. Ему же приписываютъ проектъ русской конституціи. Новосильцевъ былъ человѣкъ съ блестящимъ многостороннимъ образованіемъ, въ одно и то же время дѣловой и свѣтскій человѣкъ.

Но бываетъ такое стеченіе обстоятельствъ, когда все непремѣнно приводитъ къ худшему. Такъ случилось и въ дѣлѣ Новосильцева. Въ Варшавѣ онъ скоро почувствовалъ, что ему приходится играть не ту роль, для которой онъ себя готовилъ. Широкій гуманизмъ императора Александра превратился здѣсь въ самый назойливый и мелочный деспотизмъ его брата, а платоническая преданность новыхъ подданныхъ своему конституціонному королю быстро вырождалась въ ненависть ко всему русскому. Что̀ оставалось дѣлать въ этомъ положеніи русскому либералу, который учить кого бы то ни было—не имѣлъ права, позволять обманывать себя—не хотѣлъ. Оставалось только одно: сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ строгаго прокурора при подозрительныхъ подданныхъ. Новосильцевъ не только одинъ изъ первыхъ замѣтилъ талантъ Мицкевича, но и «адскую мораль» его «Валенрода» [2]).

По мѣрѣ того, какъ поляки, получившіе отъ Александра все, о чемъ могли разумно просить, но еще ненаучившіеся бояться «москалей», переставали нуждаться въ Новосильцевѣ, росло отчужденіе его отъ польскаго общества. Бывшіе пріятели сходились теперь только по обязанностямъ службы, горячая дружба замѣнилась оффиціальными сношеніями. Въ то же время, новые вѣрноподданные Александра заговорили о раздѣлѣ Россіи; работникъ, позднѣе всѣхъ пришедшій на работу, потребовалъ самую бо̀льшую плату. Въ Новосильцевѣ проснулось чувство, которое, въ критическую минуту проснется въ каждомъ изъ насъ. Отложивъ въ сторону либеральныя доктрины своей молодости, онъ, «не мудрствуя лукаво», сталъ на стражѣ русскихъ интересовъ въ западномъ краѣ и царствѣ польскомъ.

Между тѣмъ, года брали свое. Въ Петербургѣ окончательно повѣяло ретроградньмъ духомъ. Явился запросъ на Аракчеевыхъ и Магницкихъ. Въ то же время, бывшій дипломатъ началъ, по-просту, «придерживаться чарочки». Поляки замѣтили грязную сторону въ жизни императорскаго комиссара, а впослѣдствіи попечи-

---

[1]) Kozmian, II, 314.
[2]) Idem, III, 120.

теля виленскаго университета, и сдѣлали его предметомъ колкостей и остротъ. Новосильцевъ сталъ «преслѣдовать» поляковъ.

Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, могъ ли, въ эту трудную минуту, кто нибудь изъ русскихъ, съ примирительной прóграмой въ рукахъ, представлять въ Польшѣ нравственный авторитетъ своего отечества; но, во всякомъ случаѣ, цесаревичъ и Новосильцевъ не были такими людьми. Мы съ грустью должны сознаться, что къ концу царствованія Александра I уже не было русской партіи въ Польшѣ. Энтузіасты русско-польскаго союза въ родѣ Сташица ушли со сцены. Остались только двѣ категоріи поляковъ: одни, которые боялись Россіи, и другіе, которые имѣли неблагоразуміе ея не бояться. Въ обѣихъ группахъ, какъ оазисъ, мелькали люди глубоко преданные великодушному характеру самого государя.

Безпристрастно разбирая отношенія русской и польской національности, мы приходимъ къ убѣжденію, что, какъ въ наше время, такъ и въ послѣдніе годы царствованія Александра I, всякому соглашенію русской и польской народности мѣшало убѣжденіе поляка (вѣрное или ошибочное — это другой вопросъ) въ нравственномъ превосходствѣ его народности передъ русской. До тѣхъ поръ, пока въ душѣ поляка останется мѣсто для убѣжденія въ политическомъ несовершеннолѣтіи русскаго человѣка, возможно лицемѣріе, но невозможно ни примиреніе, ни соглашеніе. Ошибаются тѣ, кто думаетъ, что рѣшеніе польскаго вопроса можно отыскать на берегахъ Вислы, въ царствѣ польскомъ, Галиціи или Познани. Его слѣдуетъ искать на берегахъ Волги и Дона; варшавскія иллюзіи объясняются положеніемъ русской народности въ коренной Россіи.

V.

Народный умъ всегда дополняетъ государственный умъ его правителей; междуумочное состояніе общества, даже въ лучшихъ людяхъ, создаетъ то колебаніе между добромъ и зломъ, тѣ уступки на обѣ стороны, тѣ невѣрные шаги и вредныя полумѣры, которыми, къ сожалѣнію, такъ богато царствованіе Александра.

Онъ стоялъ одинъ. Люди петровскаго закала—эти переодѣтые подъячіе московскихъ приказовъ и обученые по западно-европейскому образцу стрѣльцы—равнодушно служившіе идеямъ Павла и Екатерины, исполнявшіе безъ разсужденій, все чтò ни прикажутъ, уже не могли удовлетворять Александра, а новыхъ людей, которые вполнѣ удовлетворяли бы новымъ требованіямъ, или вовсе не было, или было очень мало. Старое поколѣніе и старыя преданія уже не пользовались авторитетомъ; молодое еще не успѣло создать

своего авторитета согласнаго съ требованіями будущаго, которому принадлежалъ Александръ.

Прибавимъ къ этому доходившую до болѣзни недовѣрчивость Александра. О ней упоминаютъ Чарторижскій и Парротъ, ее испыталъ Сперанскій, она читается, между строкъ, въ воспоминаніяхъ Шуазель Гуфье. Если онъ вѣрилъ въ характеръ человѣка, то всегда сомнѣвался въ его способностяхъ. Чѣмъ инымъ, если не этой недовѣрчивостью, можно объяснить такой фактъ, что почти каждый изъ министровъ Александра имѣлъ своего двойника, который нерѣдко болѣе значилъ, чѣмъ самъ министръ, что, минуя Барклая-де-Толи, государь получалъ донесенія отъ Ермолова [1]), что за Сперанскимъ, въ минуту его наибольшаго вліянія, кажется, былъ учрежденъ секретный надзоръ, и что, почти въ то же время, черезъ Сперанскаго происходили сношенія съ Нессельроде и Голицынымъ, неизвѣстныя даже министрамъ военному и иностранныхъ дѣлъ [2]). Государь обладалъ способностью вызывать другихъ на откровенность, но самъ, едва ли съ кѣмъ нибудь былъ откровененъ. «Ваше величество никогда не довѣряете вполнѣ» — справедливо замѣчаетъ князь Чарторижскій [3]).

Кстати замѣтимъ, что вопросъ о такъ называемой дружбѣ Александра съ Чарторижскимъ падаетъ самъ собою, если принять во вниманіе болѣзненную недовѣрчивость и даже подозрительность Александра. Характеры въ родѣ Александра I, въ зрѣлые годы, не могутъ быть дружны ни съ кѣмъ, хотя, въ то же время, чарующее обращеніе государя можно было очень легко принять за дружбу.

Если бы всего этого было мало для того, чтобы нравственно обезсилить человѣка, то въ душѣ могущественнаго императора находился еще одинъ элементъ душевной слабости — недовѣріе къ себѣ. Выросшій въ четырехъ стѣнахъ Зимняго дворца, императоръ не зналъ и не могъ знать народной жизни. Какъ свѣтскій человѣкъ, онъ искусно маскировалъ недостатокъ реализма въ своей внутренней и внѣшней политикѣ; но то, что ему удавалось скрыть отъ другихъ, онъ не могъ скрыть отъ себя самого. Только этимъ сознаніемъ своего невѣжества въ вопросахъ, выходящихъ изъ компетенціи дворцовой жизни, объясняется та жадность, съ какою императоръ набрасывался на каждаго свѣжаго человѣка, отъ котораго ожидалъ услышать слово народнаго ума. Отсюда «Комитетъ» первыхъ лѣтъ его царствованія, близость съ Сперанскимъ въ средніе годы и всемогущество Аракчеева въ послѣдніе. Даже увлеченіе Наполеономъ—личный характеръ котораго Александръ всегда

---

[1]) Погодинъ. А. П. Ермоловъ, 77.

[2]) Корфъ. Жизнь гр. Сперанскаго, 267, 270.

[3]) Alex. I et le pr. Czart, 54.

понималъ—объясняется именно тѣмъ, что одно время, онъ видѣлъ въ Наполеонѣ представителя той реальной политики, которая призвана осчастливить свой народъ, а можетъ быть и все человѣчество. Императоръ мучительно понималъ свое положеніе!

Такимъ образомъ, за этимъ свѣтскимъ, блестящимъ, занятымъ гуманными планами, одареннымъ такой обворожительной улыбкой императоромъ Александромъ, стоитъ другой Александръ — болѣзненно недовѣрчивый, вѣчно въ разладѣ съ собой, вѣчно сомнѣвающійся въ людяхъ и въ себѣ, отталкивающій всякую опору и сознающій свою безпомощность.

«Императоръ Александръ — отзывался о немъ Наполеонъ въ разговорѣ съ Меттернихомъ—привлекательная личность, обладающая особымъ даромъ очаровывать людей. Будь я человѣкомъ способнымъ подчиняться непосредственнымъ впечатлѣніямъ, я могъ бы отдаться ему всей душей. Но рядомъ со столькими умственными дарованіями и необыкновенной обворожительностью обращенія, во всемъ его существѣ есть что̀-то неуловимое, чего даже я не умѣю опредѣлить иначе, какъ сказавъ, что у него, во всѣхъ отношеніяхъ чувствуется недостатокъ, «чего-то». И самое странное при этомъ то обстоятельство, что никогда нельзя заранѣе предвидѣть чего именно, въ данномъ случаѣ и въ данныхъ обстоятельствахъ, не хватаетъ, а равно и то, что недостающій элементъ видоизмѣняется до безконечности» [1]).

Представимъ же себѣ положеніе императора Александра—безъ сомнѣнія самаго просвѣщеннаго и благонамѣреннаго государя современной Европы, но весь политическій завѣтъ котораго ограничивался прочтеніемъ множества книгъ и умными совѣтами осторожнаго Лагарпа — когда къ нему, послѣ славнаго двѣнадцатаго года, подошелъ приливъ ретрограднаго общественнаго мнѣнія. Не будучи человѣкомъ иниціативы, плохо зная русскую жизнь, постоянно наталкиваясь на неудачу сдѣланныхъ реформъ, постоянно отвлекаемый внѣшними дѣлами, наконецъ, обманувшійся въ разсчетахъ на поляковъ, онъ невольно долженъ былъ подумать, что въ тогдашнихъ реформахъ чего-то недостаетъ, что Сперанскій «чего-то не досмотрѣлъ». Не сочувствуя ретроградамъ, онъ, долженъ былъ потерять вѣру въ либераловъ и, до извѣстной степени, мириться съ господствующимъ направленіемъ.

«Сила тогдашнихъ обстоятельствъ, говоритъ о себѣ впослѣдствіи Александръ, которой я не могъ противустоять, заставила меня разстаться съ Сперанскимъ [2]).

Но уступилъ не одинъ государь. Самъ Сперанскій проситъ только «свободы и забвенія», открещивается отъ либераловъ и дѣ-

[1]) Aus Metternichs Papierenn, I, 315.

[2]) Корфъ, II, 26.

лаетъ неудачныя попытки оправдаться во взведенной на него клеветѣ, будто бы онъ былъ «защитникомъ вольности, гонителемъ рабства».

Весьма естественно, что, при этихъ обстоятельствахъ, умомъ государя овладѣла мысль о томъ, что либеральныя учрежденія годятся не для каждаго народа. Мысль эту, конечно, никто не станетъ оспоривать. Вопросъ только въ томъ, гдѣ отыскать точку, на которой начинается способность или неспособность даннаго народа къ либеральнымъ учрежденіямъ? Давно ли политическое совершеннолѣтіе Англіи стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія?

Если существуетъ періодъ, когда извѣстныя учрежденія безусловно необходимы, то другой періодъ, когда они только возможны, полезны и желательны, представляетъ наиболѣе удобное время для ихъ насажденія въ народѣ. Россія временъ Александра I находилась въ этомъ послѣднемъ періодѣ. Она могла обойтись безъ политическихъ учрежденій, но явись верховная власть съ этими учрежденіями, они нашли бы почву для своего осуществленія. Тогдашняя либеральная партія, своими средствами, ничего не могла сдѣлать; но еще вопросъ—чего она не могла сдѣлать подъ твердымъ руководствомъ верховной власти. Если Петръ могъ преобразовать Россію въ такое время, когда только нѣсколько выскочекъ жаждало преобразованій, то Александръ I могъ сдѣлать ее свободной страной въ то время, когда свѣтскій тонъ требовалъ свободныхъ сужденій даже отъ завзятаго обскуранта, и когда, на ряду съ крѣпостниками, въ обществѣ открыто раздавались голоса въ пользу немедленнаго уничтоженія крѣпостнаго права. Къ сожалѣнію, императоръ Александръ, въ этомъ коренномъ вопросѣ государственной жизни, послушался тѣхъ умѣренныхъ и аккуратныхъ людей, которые совѣтуютъ Господу Богу не тратить солнца тамъ, гдѣ еще можно обойтись нѣсколькими фунтами сальныхъ свѣчей.

Если прежнее намѣреніе императора Александра заключалось въ томъ, чтобы, начавъ съ Польши и Литвы, постепенно вводить въ Россіи политическую свободу, то вслѣдствіе настояній, шедшихъ изъ внутренней Россіи, онъ долженъ былъ оставить на старомъ положеніи свою наслѣдственную державу и ограничить благопріобрѣтенной Польшей районъ политической свободы. Отсюда эта комбинація свободныхъ учрежденій въ Польшѣ и крѣпостнаго порядка въ Россіи, конституціи въ Варшавѣ и аракчеевщины въ Петербургѣ. На принципѣ одной верховной власти хотѣли раздѣлить двѣ несоизмѣримыя величины; принижая русскаго человѣка хотѣли сохранить любовь къ Россіи поляка. Надобно ли удивляться что въ этой своего рода «квадратурѣ круга» погибли лучшія начинанія и благія намѣренія одного изъ лучшихъ государей въ мірѣ?

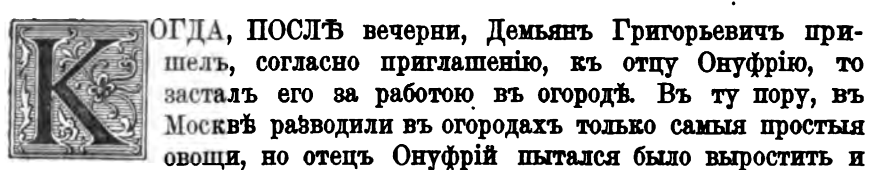
Ѳ. Уманецъ.

МОСКОВСКІЕ ЛЮДИ XVII ВѢКА [1]).

(продолженіе).

XXII.

КОГДА, ПОСЛѢ вечерни, Демьянъ Григорьевичъ пришелъ, согласно приглашенію, къ отцу Онуфрію, то засталъ его за работою въ огородѣ. Въ ту пору, въ Москвѣ разводили въ огородахъ только самыя простыя овощи, но отецъ Онуфрій пытался было выростить и дыни, сѣмена которыхъ были недавно лишь привезены въ Москву, какъ говорятъ, изъ Даніи. На довольно обширномъ огородѣ у отца Онуфрія росли: лукъ, горохъ, морковь. Преимущественно же онъ разводилъ капусту и рѣдьку, которыя были изстари самою любимою растительною снѣдью русскаго человѣка. Тогда каждый огородъ служилъ не только для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей, но имѣлъ еще нѣкоторое значеніе и въ врачебномъ отношеніи, такъ какъ въ старину русскіе люди приписывали цѣлебную силу даже самымъ простымъ овощамъ, такъ, доморощенные лѣкаря утверждали, что, напримѣръ, «рѣпа помыслы движетъ», а «лукъ ободреніе творитъ».

Завидѣвъ гостя, которому поповская работница отворила ворота, отецъ Онуфрій, прекративъ работу, поспѣшно пошелъ къ нему навстрѣчу и, ласково встрѣтивъ Антуфьева, ввелъ его въ горницу. Попадья поднесла гостю чарку водки, но при этомъ отецъ Онуфрій не кланялся гостю въ ноги, а гость, съ своей стороны, исполнивъ

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIII, стр. 528.

эту обрядность, не просилъ хозяина, какъ слѣдовало бы по общему обычаю, цѣловать хозяйку, такъ какъ и то и другое было бы «зазорно» для «духовнаго чина», но самъ Антуфьевъ, будучи человѣкъ уже старый, выпивъ чарку, поцѣловался съ попадьей съ щеки на щеку три раза. Исполнивъ обязанность хозяйки, попадья ушла въ свою свѣтлицу, а между хозяиномъ и гостемъ, послѣ необходимаго вступленія во взаимное знакомство, началась бесѣда, въ которой Демьянъ Григорьевичъ надѣялся найти успокоеніе своихъ сомнѣній относительно старовѣрія и церковныхъ новшествъ.

— Въ исправленіи церковныхъ книгъ надобность, пожалуй, и настояла, говорилъ отецъ Онуфрій, да для кого—для духовныхъ, иль для мірянъ? Для духовныхъ оно, почитай, и нужно было бы, да и то не для всѣхъ; вѣдь наши попы и монахи, да, чего добраго, и архипастыри, какъ по старымъ, такъ и по новымъ книгамъ мало понимаютъ, а по церквамъ поютъ и читаютъ такъ неистово, что съ голоса церковниковъ простецъ ничего разобрать не сможетъ, да и это не должно затруднять молящихся, если бы они усердствовали духомъ Господу Богу. Вотъ, примѣромъ, латыняне, тѣ совсѣмъ на непонятномъ мірянамъ языкѣ поютъ и читаютъ по своимъ божницамъ, а говорятъ, что у нихъ исправнѣе, чѣмъ у насъ люди молятся и, что они, какъ достоитъ, съ благоговѣйнымъ страхомъ божественную службу слушаютъ, а у насъ что̀ по церквамъ бываетъ—соблазнъ да и только!

— По твоему значитъ, отецъ Онуфрій, церковныхъ книгъ лучше бы не исправлять? выжидательно спросилъ Демьянъ Григорьевичъ.

— Пожалуй, что́ такъ. Весь-то расколъ начался изъ-за пропуска буквы «а» въ символѣ вѣры, да слова «огнемъ» при крещенскомъ водосвятіи. Простецы сами по себѣ бы и не замѣтили, да начетчики подхватили, а затѣмъ къ церковной распрѣ приложилась еще мірская ярость. Не похваляю я тѣхъ гоненій, какія воздвигли на раскольниковъ, вѣдь и по ученію апостольскому заблудшихъ подобаетъ обращать вразумленіемъ и кротостью, а не казнями и пытками.

— Ну, а что̀ же будетъ истиннѣе—старыя или новыя книги? спросилъ не безъ усилившагося волненія старикъ.

— Трудно, Демьянъ Григорьевичъ, рѣшить такое недомысліе, а скажу тебѣ только одно: истину утверждаютъ не буквой, а духомъ. Справка книгъ ученія Христова не измѣнила, не поколебала и не извратила, и, по моему разумѣнію, молиться можно и по старымъ, и по новымъ книгамъ одинаково. Это не грѣхъ и не бѣда, а вотъ коли начнешь нарушать заповѣди Господни и перестанешь блюсти себя въ чистотѣ духовной, то не спасешься ни по старымъ книгамъ, ни по новымъ.

— А что же ты думаешь, отецъ Онуфрій, о двухперстномъ знаменіи и о хожденіи пò-солонь? запытался Антуфьевъ.

— Думаю я, что по-елику заповѣди Божіи въ томъ, какъ креститься или какъ ходить со крестами и иконами человѣкамъ не дано, то тутъ нарушенія праведности передъ Господомъ не можетъ быть, и почитаю я, что дѣло это помѣстное, а не вселенское, глядя по тому, гдѣ какой обычай искони установился. Была бы моя воля, не рознилъ бы я святой нашей церкви изъ-за такихъ вопросовъ, а велѣлъ бы совершать божественную службу въ одной и той же церкви и по старымъ, и по новымъ книгамъ, да и обряды допустилъ бы и тѣ и другіе. Вѣдь этого и первоначальные наши церковные наставники, греки, въ своей землѣ держались и понынѣ держатся. Да сказать по правдѣ, теперь такая уступка будетъ дѣломъ запоздалымъ, народъ ужь крѣпко ожесточили противъ патріаршей церкви и онъ къ ней снова не пойдетъ.

Изъ дальнѣйшаго собесѣдованія съ хозяиномъ, Демьянъ Григорьевичъ могъ убѣдиться, что хотя отецъ Онуфрій и слылъ попомъ умнымъ и ученымъ, такъ какъ учился у грековъ, но что и онъ не въ состояніи утвердить его, Антуфьева, въ правильности никоновскихъ новшествъ и что, пожалуй, и самъ отецъ Онуфрій ни что иное, какъ только «трость колеблемая вѣтромъ».

Когда Демьянъ Григорьевичъ, какъ хорошій начетчикъ божественныхъ книгъ, начиналъ предлагать своему собесѣднику частные вопросы или дѣлалъ съ своей стороны какія нибудь возраженія, то отецъ Онуфрій затруднялся вступать съ нимъ въ препирательства. Это было, впрочемъ, понятно, такъ какъ если даже и теперь наши духовные пастыри не подготовлены къ состязаніямъ съ бойкими и свѣдущими старовѣрами, то въ ту пору такая неподготовка была еще замѣтнѣе. Приверженцы же старой церкви получили въ наслѣдіе множество доводовъ и указаній на истинность прежней церковности, а никоніанамъ, захваченнымъ въ-расплохъ, некогда, да и не по чему было приготовиться къ отпору противъ наступавшихъ на нихъ противниковъ государственной церкви, умудренныхъ въ изъясненіи священнаго писанія по стариннымъ толковникамъ.

Въ то время, когда продолжалась бесѣда между гостемъ и хозяиномъ, въ ворота поповскаго дома послышался сильный и тревожный стукъ. Работница отца Онуфрія отворила ворота.

— Батька дома? спросилъ прерывающійся отъ затрудненнаго дыханія женскій голосъ. Пусть бѣжитъ скорѣй къ намъ, Анфиса Семеновна кончается, исповѣдалъ бы, да пріобщилъ бы ее отецъ Онуфрій.

На стукъ въ ворота и на говоръ прибѣжавшей женщины вышелъ отецъ Онуфрій вмѣстѣ съ Демьяномъ Григорьевичемъ.

Запыхавшаяся баба принялась скороговоркой разсказывать, что

Анфиса Семеновна съ утра была здоровехонька, да только что-то ужъ больно скучала и словно металась изъ угла въ уголъ, нигдѣ, какъ будто, мѣста себѣ не находила, потомъ сѣла она на крыльцѣ и долго плакала, а затѣмъ вдругъ ее схватила ни съ того, ни съ чего злая немочь, а теперь вѣрно ужъ Богу душеньку отдала, такъ ей, бѣдной, плохо стало.

— Анфиса Семеновна — дочь моя духовная, жена Андрея Викулыча Тяботы, моего прихожанина, проговорилъ съ видимымъ участіемъ отецъ Онуфрій, покачивая въ недоумѣніи головою.

— Видалъ я ее недавно, женщина она, кажись, такая здоровая, да и молодая, замѣтилъ Антуфьевъ.

— Бѣги, баба, скорѣй домой, а я тотчасъ приду, сказалъ отецъ Онуфрій и, распростившись съ гостемъ, отправился напутствовать умирающую.

XXIII.

Когда отецъ Онуфрій подходилъ къ дому Тяботы, то около воротъ этого дома набралась уже порядочная кучка народу, особенно много было бабъ. Работница Андрея, Настасья, бѣжавшая по улицѣ, каждому встрѣчному и каждой встрѣчной кричала, что хозяйку ее схватила вдругъ какая-то лихая немочь и что она умираетъ. Вѣсть эта разнеслась по околотку, и сосѣди, и сосѣдки быстро сбѣжались, одни изъ участія къ Анфисѣ, но бо̀льшая часть только изъ любопытства, желая узнать поскорѣе что̀ такое случилось. Въ собравшейся толпѣ шли разные толки.

— Пострѣлъ, надо быть, ее хватилъ, говорила одна изъ сосѣдокъ.

— Какой пострѣлъ? вмѣшался пожилой мѣщанинъ, нешто пострѣлъ бьетъ бабъ, да еще такихъ молодыхъ, вѣдь, Анфиса-то четвертый или пятый годъ только за-мужемъ, и двадцати-то лѣтъ ей еще не будетъ.

— «Окормили», видно, ее, догадывалась другая баба; развѣ на Москвѣ лихихъ людей мало, а у Андрея-то Викулыча много недруговъ найдется.

— Окормили и есть, подхватила какая-то старуха, а то съ чего вдругъ бабенкѣ такъ плохо пришлось, что, пожалуй, она ужъ и къ Богу отошла, а коли теперь не отошла, такъ къ ночи умретъ неотмѣнно.

— Анфиса-то умерла! затараторили вдругъ въ толпѣ. Начались оханія, аханія, причитываніе, поматываніе головами и причмокиваніе губами, какъ выраженія удивленія, сожалѣнія и сомнѣнія на счетъ причины, вызвавшей внезапную болѣзнь и смерть молодой и здоровой женщины.

Войдя въ горницу, гдѣ уложили на постель Анфису, отецъ Онуфрій увидѣлъ, по признакамъ болѣзни, что Анфиса была отрав-

лена. Хотя первые припадки какъ будто и поутихли, но Анфиса лежала безъ движенія, откинувъ назадъ голову, а по временамъ судороги подергивали ея руки и ноги и пробѣгали по блѣдному лицу и по посинѣвшимъ губамъ. Онуфрій приказалъ работницѣ принести парнаго молока и отпаивать больную имъ какъ можно чаще. Парное молоко было единственнымъ, въ ту пору, средствомъ, употреблявшимся повсемѣстно на Руси при быстро проявлявшейся отравѣ. Толпа, собравшаяся за воротами, съ приходомъ священника вошла во дворъ и стала подниматься на крыльцо, желая посмотрѣть что̀ дѣлается въ горницѣ. Приказаніе, данное работницѣ отцемъ Онуфріемъ, подало поводъ къ болѣе положительнымъ толкамъ о причинѣ болѣзни, а, пожалуй, и неизбѣжной смерти молодой женщины.

— Окормили Анфису, загалдѣли въ толпѣ, такъ и есть, что окормили, вотъ и батька молокомъ отпаивать велѣлъ. Пользы-то въ томъ, кажись, и не будетъ, а вотъ бы позвать Ѳеклушу, такъ она зельемъ или наговоромъ скорѣе бы пособила.

Отецъ Онуфрій, между тѣмъ, стоялъ у постели передъ Анфисой, которая лежала, попрежнему, съ закрытыми глазами.

— Исповѣдываться хочешь? — спросилъ тихо онъ.

Въ отвѣтъ на это Анфиса утвердительно кивнула головой, а отецъ Онуфрій приказалъ выдти всѣмъ изъ горницы, а также и сойти съ крыльца и лѣстницы. Когда приказаніе его было исполнено, хотя и не охотно тѣми, къ кому оно относилось, онъ началъ исповѣдь Анфисы. Она тихо говорила слабымъ, дрожащимъ голосомъ. Отецъ Онуфрій внимательно и съ соболѣзнованіемъ выслушалъ ее исповѣдь, нѣсколько разъ прерываемую слезами. Онъ призадумался, когда пришлось дать Анфисѣ разрѣшеніе отъ грѣховъ, содѣянныхъ ею словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ. Тяжело, вздохнувъ со слезами, навернувшимися на глазахъ, онъ прикрылъ ей голову эпитрахилью, прочиталъ разрѣшительную молитву и пріобщилъ Анфису, которая послѣ того впала въ забытье.

Посмотрѣвъ, молча, на нее и замѣтивъ, что она какъ будто успокоилась, отецъ Онуфрій вышелъ на крыльцо и позвалъ туда бывшую во дворѣ работницу.

— А гдѣ же твой хозяинъ? — спросилъ онъ.

— Да вотъ ужъ другой день, какъ онъ запропалъ, — таинственно полушопотомъ сообщила работница. Хозяйка сильно о немъ тосковала. Да по правдѣ сказать, не стоитъ онъ того, поскудникъ!.. Прокопъ пошелъ его искать. А что, отецъ Онуфрій, будетъ Анфиса Семеновна жива?—добавила съ безпокойствомъ Настасья.

— Въ животѣ и смерти Богъ воленъ, а ты ее одну не покидай, надо за ней уходъ имѣть. Побудь около нее, попои молокомъ, а я тебѣ на смѣну попадью мою пришлю, говорилъ отецъ Онуф-

рій, сходя съ лѣстницы. Изъ воротъ дома Тяботы онъ вышелъ съ печальнымъ и задумчивымъ лицомъ.

Стоявшая передъ домомъ Тяботы толпа не расходилась, ожидая, что Анфиса скоро умретъ и что по этому долго ждать не придется. Между тѣмъ въ толпѣ шли разные толки о болѣзняхъ, порчахъ, отравахъ, волшебствахъ и чародѣйствахъ. Толки эти обнаруживали невѣжество и суевѣріе тогдашнихъ жителей Москвы и свидѣтельствовали, что «окормить» или, по нынѣшнему, отравить кого нибудь было въ Москвѣ дѣломъ довольно обычнымъ.

Все это нельзя, однако, ставить въ укоръ московскому населенію. Въ ту пору даже образованные парижане стояли не выше москвичей ни въ умственномъ, ни нравственномъ отношеніи, коль скоро дѣло касалось волшебства или отравы.

Въ исходѣ XVII столѣтія, т. е. около того времени,. къ которому относится нашъ разсказъ, въ отдаленныхъ частяхъ Парижа, близъ вала, окружавшаго тогда этотъ городъ, скучивалось множество маленькихъ домиковъ, населенныхъ женщинами, которыя слыли колдуньями. Къ этимъ женщинамъ, занимавшимся предсказаніемъ будущаго, пріѣзжали знатныя парижанки или въ маскахъ или съ лицами, закрытыми густыми черными вуалями. Подъ руководствомъ этихъ колдуній, пріѣзжія дамы молились Богу и его угодникамъ о скорой смерти нелюбимыхъ мужей. Такая молитва была только первымъ приступомъ къ изведенію немилаго имъ опостылаго супруга. Далѣе шли болѣе дѣйствительные пріемы для достиженія такой цѣли, съ тою впрочемъ разницею, что они были, несравненно утонченнѣе, нежели пріемы московскихъ колдуній. Тогда какъ наши вѣдуньи давали подъ видомъ нашептанныхъ зельевъ, болѣе или менѣе сильныя отравы — преимущественно мышьякъ,—французскія вѣдуньи снабжали парижанокъ особо-приготовленными тонкими ядами, при употребленіи которыхъ трудно было замѣтить признаки отравленія, или же пропитывали сорочку мужа, привезенную его супругою, сильнымъ растворомъ мышьяка. Отъ такой сорочки дѣлалось воспаленіе, оканчивавшееся смертью того, кто ее носилъ, и тогдашніе врачи долго не могли доискаться причины загадочной смерти.

Въ то же время, суевѣріе господствовало среди французовъ нисколько не менѣе, чѣмъ у насъ. Изящныя дамы носили для счастья подъ нижнею частью корсетовъ, такъ называемую «main de gloire», высушенную на солнцѣ руку висѣльника. Онѣ вѣрили въ pistole volante — неразмѣнную монету, которая, послѣ ея израсходованія, возвращалась обратно въ карманъ, какъ возвращается птичка въ свое гнѣздышко, только на время покинувшая его.

Если у насъ отыскивали клады при помощи разныхъ чаръ и заклинаній, то это же самое происходило, около того времени, и во Франціи, и даже при большихъ еще суевѣрныхъ обрядахъ. При

отыскиванiи кладовъ, католическiе священники являлись на мѣсто поисковъ съ зажженными черными восковыми свѣчами. Но этимъ обрядомъ не ограничивались чары при предпринимаемыхъ поискахъ золота. Нѣкоторые изъ обвиняемыхъ и ихъ духовные отцы, между прочимъ, безъ пытокъ показывали, что они для того, чтобъ достать золото, клали рожающую женщину среди черныхъ восковыхъ свѣчей и когда являлся на свѣтъ младенецъ, то священникъ убивалъ его, и кровь убитаго ребенка служила таинственною силою для новыхъ волхвованiй. Священники, для успѣшнаго отыскиванiя золота, служили такъ называемую «дьявольскую» обѣдню, т. е. освящали, какъ на алтарѣ, святые дары, на животѣ до-нага раздѣтой женщины...

На Руси, случаи отравленiя хотя и были вообще часты, но они почти всюду ограничивались только отравленiемъ мужей женами и, надобно сказать, что такiя преступленiя большею частью проходили безнаказанно, такъ какъ трудно было уличить виновныхъ. Во Францiи же главнымъ образомъ имѣлось въ виду при отравленiяхъ полученiе наслѣдства и тамъ даже былъ въ большомъ употребленiи приготовляемый для этого особый порошокъ, называвшiйся «poudre de succession».

Въ концѣ XVII вѣка, въ Парижѣ всѣ боялись отравы, почему ходили въ гости съ своими собственными столовыми приборами. Если у насъ, около той же поры, возили на рѣку бѣлье государя, государыни и членовъ ихъ семейства подъ надзоромъ боярыни, въ ящикахъ, запечатанныхъ царскою печатью, то подобныя предосторожности были еще болѣе распространены во Францiи. Тамъ въ каждомъ домѣ, изъ боязни отравы, мыли бѣлье подъ присмотромъ хозяйки. Послѣ же отравленiя извѣстной актрисы Адрiенны Лекувреръ, французскiя дамы не принимали подносимыхъ имъ букетовъ цвѣтовъ, боясь отравы. Чародѣйство было соединено во Францiи съ отправленiемъ церковныхъ обрядовъ. Тамъ для волхвованiй освящали ящерицъ, разныхъ гадовъ и истолченныя въ порошокъ кости мертвецовъ.

Поэтому, не должно нисколько казаться страннымъ, что у насъ въ былую пору скоропостижную смерть или внезапную болѣзнь относили къ отравѣ или къ волхвованiю. Болѣзнь Анфисы, угрожавшую ей смертью, молва сосѣдокъ приписывала отравѣ и словоохотливымъ кумушкамъ-сосѣдкамъ представлялся теперь случай поболтать о томъ въ волю, а когда заходила рѣчь, кому же нужна была смерть Анфисы, по мнѣнiю всѣхъ сводилось къ тому, что виновнымъ въ этомъ случаѣ не могъ быть никто иной, какъ только Тябота, желавшiй отдѣлаться поскорѣе отъ нелюбимой имъ жены.

Прокопъ обѣгалъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ онъ предполагалъ найти своего хозяина, но поиски его были напрасны. Онъ забѣжалъ и къ Семену Яковлевичу, чтобъ извѣстить его о болѣзни Анфисы. Въ

это время старикъ самъ былъ сильно болѣнъ, а Маремьяна Ивановна тотчасъ же побѣжала къ своей дочери. Анфиса, какъ казалось, спала, когда къ ней вошла мать, которая изъ распросовъ работницы не могла узнать ничего обстоятельнаго. Она присѣла возлѣ постели и когда Анфиса открыла глаза, то Маремьяна Ивановна начала было распрашивать что такое съ нею приключилось. Анфиса, повидимому, безучастно относилась къ этимъ распросамъ, не отвѣчая на нихъ ни полслова. Она стала тяжело дышать и слезы потекли по ея щекамъ. Маремьяна Ивановна, всхлипывая и обливаясь слезами, безпрестанно крестила Анфису и перечитывала не только всѣ, напамять знакомыя ей молитвы, но и изъ глубины сердца слагала свои собственныя, прося въ нихъ Бога, Пречистую Владычицу и святыхъ угодниковъ объ изцѣленіи Анфисы отъ поразившей ее болѣзни. Она также была увѣрена, что Анфиса отравлена и приписывала это злодѣйское дѣло Андрею, но никому не высказывала этой ужасной догадки.

Въ то время, когда Маремьяна скорбѣла и убивалась надъ своею умиравшею дочерью, толпа, собравшаяся передъ домомъ Тяботы, не только не уменьшалась, но, напротивъ, увеличилась еще болѣе вновь прибывавшими мущинами и женщинами.

— А вотъ и ея полюбовникъ идетъ! — громко крикнула одна изъ женщинъ, бывшихъ въ толпѣ.

Слова эти относились къ Никитѣ, который, не зная ничего о томъ, что происходило теперь въ домѣ Тяботы, шелъ по другой сторонѣ улицы. Крикнула это та самая баба, которая однажды подмѣтила какъ Анфиса заговорила съ молодымъ парнемъ въ то время, когда онъ проходилъ мимо лавки Андрея, и ей этого было уже достаточно, чтобы при болтливости и охотѣ оговорить кого-нибудь, признать ни въ чемъ неповиннаго Никиту любовникомъ молодой женщины.

— А вѣдь Анфиса-то Семеновна! закричала вслѣдъ Никитѣ сплетница, приказала долго жить.

Первый возгласъ бабы не произвелъ на Никиту никакого дѣйствія, молодой парень и не подозрѣвалъ даже, что эти слова могутъ относиться къ нему. Но когда онъ услышалъ имя Анфисы съ добавленіемъ, что она умерла, онъ остолбенѣлъ и не зналъ что ему дѣлать. Онъ хотѣлъ было спросить—что случилось?—но у него не достало духу, и онъ, пораженный этой неожиданной вѣстью, быстро повернулъ въ ближайшій закоулокъ, предположивъ какъ нибудь стороной поразвѣдать объ Анфисѣ, на что онъ не рѣшался теперь, видя толпу народа, которая стояла передъ домомъ Тяботы.

XXIV.

Наступилъ вечеръ, наступила и ночь, а Тябота все еще не возвращался. Прокопъ безпокоился о своемъ хозяинѣ, зная его привычку не запивать слишкомъ крѣпко на сторонѣ, а дѣлать это у себя дома. Ночь провела Анфиса довольно спокойно и на утро почувствовала себя лучше. Напрасно распрашивала ее мать и пришедшая къ ней съ вечера добрая попадья, ухаживавшая за ней какъ за родною дочерью,—что̀ такое съ нею приключилось. Анфиса упорно отмалчивалась относительно подробностей и говорила только, что сама не помнитъ, какъ болѣзнь свалила ее; но въ такихъ короткихъ отвѣтахъ было замѣтно нежеланіе Анфисы сказать сущую правду. Узнавъ, что Андрея Викулыча все еще нѣтъ дома, она послала Прокопа снова отыскивать его, а между тѣмъ разнесшаяся о болѣзни Анфисы молва, вмѣстѣ съ молвою объ изчезновеніи ея мужа, стала еще болѣе подтверждать догадку сосѣдей, что, вѣроятно, Андрей, отравивъ жену, бѣжалъ потомъ со страху куда глаза глядятъ. Когда на счетъ Андрея Викулыча шли такія догадки, онъ былъ тамъ, гдѣ вовсе не думалъ и, конечно, не желалъ очутиться.

Въ ту пору на жителей Москвы постоянно наводили страхъ такъ называемые «языки» и возгласъ: «слово и дѣло». Время было бурное и языкамъ, т. е. доносчикамъ, сыщикамъ и доводчикамъ, было не мало работы и поводовъ, чтобъ оговорить каждаго, кого имъ только вздумается. Оговорить же всякаго съ перваго раза было очень легко, закричавъ только: «слово и дѣло» и указавъ при этомъ на кого нибудь. Можно было оговорить и себя самого, заявивъ за собою «государево слово и дѣло». «Языки» или сыщики были взявшіе на себя добровольно обязанность развѣдывать людскую молву или открывать злоумышленниковъ, или, наконецъ, прямо указывать на виновныхъ или подозрѣваемыхъ въ какомъ либо преступленіи. Но особенно были страшны для народа тѣ «языки», которые, попавшись въ чемъ нибудь, изъявляли потомъ готовность открыть своихъ соучастниковъ. Такихъ языковъ, съ лицомъ, закрытымъ холщевымъ мѣшкомъ, въ которомъ были только прорѣзаны дырки для глазъ, стрѣльцы, въ сопровожденіи приказнаго, водили по Москвѣ. Преимущественно такіе языки появлялись на торгахъ, рынкахъ и базарахъ, и появленіе ихъ производило ужасъ и всеобщій переполохъ. Завидѣвъ такого языка, всѣ кидались въ сторону, продавцы бѣжали отъ своихъ товаровъ, мужья отъ женъ, родители отъ дѣтей. Нищіе, притворявшіеся безногими или слѣпыми, мгновенно исцѣлялись, у мнимоpазслабленныхъ появлялись вдругъ силы и быстрота; хромые бросали костыли и деревяшки, а у слѣпыхъ являлось зрѣніе. Всѣ улепеты-

вали какъ можно скорѣе, такъ какъ никто не зналъ на кого вздумаетъ указать проходящій языкъ.

Такіе «языки» оговаривали кого попало и, конечно, большею частію людей или вообще ни въ чемъ неповинныхъ или, во всякомъ случаѣ, непричастныхъ къ тому преступленію, въ какомъ обвинялся самъ «языкъ». Дѣлалось же это съ разсчетомъ отдалить или произнесеніе приговора или его исполеніе, если онъ уже состоялся. Разсчетъ же при этомъ былъ такой. Изстари въ Москвѣ велся обычай, что при какомъ либо радостномъ или печальномъ событіи въ царскомъ семействѣ, или въ случаѣ тяжкой болѣзни государя, его супруги или его дѣтей, оказывалась колодникамъ государева милость. Обвиняемыхъ или приговоренныхъ къ наказаніямъ за не важныя вины, выпускали въ такихъ случаяхъ изъ тюремъ безъ всякаго наказанія, а приговореннымъ къ тяжкимъ карамъ значительно облегчалась строгость опредѣленнаго имъ наказанія. Поэтому, къ оговорамъ прибѣгали даже и тѣ, которыхъ вели на казнь, и только въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича былъ изданъ указъ, чтобы такимъ «языкамъ» вѣры не давать.

Андрей Викулычъ въ тотъ день, когда захворала Анфиса, съ позаранку поссорился съ нею и, закрывъ по раньше лавку, не возвратился по обыкновенію къ обѣду домой, а отправился повеселиться на-сторону—къ своей полюбовницѣ. На этотъ разъ посѣщеніе его было крайне неудачно. Противъ чаянія, онъ, пришедшій къ своей любезной не въ обычное время, засталъ у нее молодаго гостя, а замѣшательство парня и растерянность подруги Андрея убѣдили его, что тутъ дѣло чтò-то не ладно. Между Андреемъ и его счастливымъ соперникомъ завязался споръ, перешедшій въ драку. Парень, будучи моложе, здоровѣе и ловчѣе Тяботы, расправился съ нимъ скоро, но расходившійся Андрей не унимался и побѣжалъ за нимъ на улицу.

— «Слово и дѣло!» закричалъ онъ въ припадкѣ гнѣва во всю глотку, вслѣдъ уходившему отъ него парню, желая, такъ или иначе, отомстить ему.

Собрался народъ, появились стрѣльцы и потащили ихъ обоихъ въ Сыскной приказъ.

Подвыпившій Андрей пришелъ въ себя и сообразилъ въ какую бѣду попался онъ; но было уже поздно, и стрѣльцы, не слушая его оправданій и объясненій, привели его въ Сыскной приказъ, гдѣ надѣли на него и на оговореннаго имъ парня желѣза и посадили ихъ обоихъ подъ крѣпкій караулъ.

Тябота, привыкшій вечеромъ порядкомъ подвыпить и понѣжиться на мягкой перинѣ, провелъ крайне непріятную для него ночь, лежа на голомъ полу среди колодниковъ, которыми была наполнена тѣсная и низкая изба. Онъ не могъ заснуть, такъ какъ

отъ кандаловъ у него затекли ноги и руки, а на завтра предстояли ему страшныя мученья: дыба, встряска и кнутъ. Горевалъ крѣпко Андрей, но ничего уже не могъ сдѣлать, чтобы вырваться изъ тюрьмы.

Хотя въ Москвѣ доносы были и въ большомъ ходу, но тѣмъ не менѣе, въ острастку ложнымъ языкамъ, тамъ свято соблюдалось старинное правило, гласившее: «доносчику первый кнутъ», т. е., что прежде, чѣмъ допросить обвиняемаго, слѣдуетъ привести къ пыткѣ обвинителя. Разговоры, которые шли теперь кругомъ Андрея, и все, окружавшее его, не могли дѣйствовать на него успокоительно.

Одинъ изъ колодниковъ громко и безпрерывно стоналъ отъ боли и увѣчья, вслѣдствіе вынесенной имъ по утру пытки, при которой не только исполосовали ему кнутомъ всю спину, но и вывихнули руку. Другой колодникъ разсказывалъ, что онъ видѣлъ, какъ одному подъячему сегодня отрѣзали ухо за то, что онъ составилъ ложную крѣпость; а другой сотоварищъ Тяботы по тюремному заключенію передавалъ страшныя подробности о томъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ, при немъ, какому-то крестьянину отсѣкли руку за то, что онъ въ третій разъ ловилъ рыбу въ чужомъ прудѣ.

— Ужъ будто за такую провинность попадешь подъ такую муку? спросилъ приподнимаясь съ полу одинъ колодникъ.

— А ты какъ думаешь? отозвался сидѣвшій тутъ же въ тюрьмѣ подъячій, котораго сравнительно съ другими можно было назвать счастливымъ, такъ какъ ему предстояло только получить сотни полторы батоговъ за какое-то «неистовое» слово, сказанное имъ сгоряча его начальнику — дьяку Холопьяго приказа. Законы у насъ—продолжалъ подъячій — куда какъ не милостивы, хоть и приняты отъ благовѣрныхъ царей греческихъ. Вотъ вѣдь васъ всякаго народа здѣсь много, а кто изъ васъ знаетъ, что во главѣ двадесять второй, статьи десятой «Уложенія» говорится: «а буде кто, не боясь Бога и не опасаяся государскія опалы и казни, учинитъ надъ кѣмъ нибудь мучительское надругательство, отсѣчетъ руку или ногу, или носъ, или ухо или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ, а сыщется про то допрямо: а за такое его наругательство самому ему тоже учинить; да на немъ же взяти изъ вотчинъ его или животовъ тому, надъ кѣмъ онъ такое ругательство учиняетъ, буде отсѣчетъ руку, и за руку пятьдесятъ рублевъ, а буде отсѣчетъ ногу и за ногу же пятьдесятъ рублевъ; а за носъ, и за ухо, и за губы, и за глазъ, по тому же за всякую рану по пятидесяти рублевъ»—читалъ на память буква въ букву знавшій отлично свое дѣло подъячій.

— Значитъ,—вмѣшался Тябота, къ которому, несмотря на его печальное положеніе, возвратилась охота къ балагурству—значитъ,

если, примѣромъ, обрѣжешь, обрубишь и проколешь всего человѣка, такъ придется заплатить огуломъ за все четыреста пятьдесятъ рублевъ.

— И видно, что торговый человѣкъ, отозвался, смѣясь, одинъ изъ колодниковъ—не мотчавъ, счеты свелъ. Да вѣдь есть у насъ и такіе обрубки. Чай, кто нибудь изъ васъ помнитъ, какъ Силуанкѣ Артемьеву за «воровскія деньги» крестъ на крестъ сперва лѣвую руку и правую ногу, а черезъ нѣкоторое время и правую руку разомъ съ лѣвой ногой отмахнули, и какъ потомъ милосердные люди его по торгамъ на тележкѣ возили и съ міра подаяніе ему просили.

— И куда какъ много ему давали. Человѣкъ онъ былъ несчастный и не долго прожилъ послѣ того, какъ его такъ искалѣчили. Кажись, полностію и одного года не промаялся.

— Смутная тогда пора на счетъ денегъ была, принялся разсказывать какой-то старикъ, мѣдныя деньги сдѣлались такія, какъ дѣлывались серебренныя и пустили по царскому указу такія деньги въ народъ по цѣнѣ равной серебреннымъ. Никто брать ихъ не хотѣлъ и тогда всѣ торги пріостановились, а тутъ еще и подѣльщики денегъ явились. Принялись они мѣдныя деньги бѣлить оловомъ и ртутью и сбывать ихъ простымъ людямъ за серебренныя. Много тогда на Москвѣ такимъ способомъ народу разжилось. Построили они себѣ палаты каменныя и зажили по боярскому обычаю, а кто изъ нихъ попадался—бѣда тому была. Сѣкли имъ руки, ноги, а инымъ и горло растопленнымъ оловомъ заливали; какъ великій государь укажетъ, такъ того и казнили.

— Эхъ, братцы, не оловомъ а винцомъ теперь бы горло залить, сказалъ мучившійся со вчерашняго похмѣлья Тябота, и вдругъ вспомнивши, что его на завтра ожидаетъ дыба, проговорилъ печально:—охъ, охъ, плохо же мнѣ грѣшному будетъ.

Воспоминанія подьячаго стали вызывать воспоминанія и другихъ его товарищей по заключенію.

— Вотъ, началъ пономарь, попавшійся въ Сыскной приказъ по подозрѣнію въ кражѣ запрестольной свѣчи,—я-то помню моръ на Москвѣ, на ту пору, какъ царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ на поляковъ, а патріархъ Никонъ правилъ за него царствомъ. Тогда на Москвѣ хуже всякихъ казней было: народу-то что повымерло на ту пору, такъ Боже упаси! Какъ стали потомъ списывать кто, то оказалось, что, примѣромъ, въ Чудовомъ монастырѣ умерло 182 монаха, а осталось только 26, у боярина Морозова изъ его челяди въ Москвѣ умерло 343 холопа, а осталось только 19. Да и въ другихъ мѣстахъ моръ былъ страшный: въ коихъ городахъ и уѣздахъ умерло половина жителей, а въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ изъ 3,627 жителей осталось только 939. Нарокомъ я на память всю эту цыфирь взялъ.

Пошли разные толки о болѣзняхъ, врачеваніи, колдовствѣ, и въ такихъ разговорахъ колодники проводили всю ночь. Пытанный и со сломанною рукою колодникъ продолжалъ стонать; другіе, на которыхъ пытка отозвалась не такъ мучительно, только кряхтѣли, когда имъ приходилось переворачиваться съ одного бока на другой. Нѣкоторые спали беззаботно, хотя ихъ и ожидали на завтра или жестокое наказаніе или ужасная пытка.

XXV.

Чуть только въ маленькія окошки тюрьмы, заслоненныя толстыми желѣзными рѣшетками, забрежжилъ утренній разсвѣтъ, въ тюрьму вошелъ дьякъ съ приказными и со стрѣльцами.

Онъ вызвалъ человѣкъ двадцать колодниковъ, которые неохотно поднимались съ пола послѣ плохого ночлега. Зазвучали кандалы и цѣпи, послышались оханья и громко читаемыя молитвы, или только короткіе, шедшіе изъ глубины души возгласы: «Господи помилуй», или «Боже милоститъ мнѣ, грѣшному, буди». Вся ватага вызванныхъ изъ тюрьмы колодниковъ или «сидѣльцевъ», окруженная со всѣхъ сторонъ стрѣльцами, въ сопровожденіи дьяка и приказныхъ людей, повалила въ сыскную избу, передъ крыльцомъ которой и остановились вытребованные изъ тюрьмы колодники. Изъ числа ихъ приказные тотчасъ же выбрали нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и Тяботу, и велѣли имъ идти въ допросную избу, гдѣ о нихъ слѣдовало написать сказку или по нынѣшнему обвинительный актъ.

Дьякъ сидѣлъ въ этой избѣ за особымъ, большимъ, столомъ на которомъ лежали бумаги, «Уложеніе» въ желтомъ кожанномъ переплетѣ съ мѣдными застежками и такъ называемыя «новоуказныя статьи», дополнявшія его. При столѣ дьяка былъ поставленъ стулъ, а приказные писавшіе за особыми длинными столами, разсѣлись на лавкахъ и принялись допрашивать обвиняемыхъ. Дьякъ не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ постоянно. Онъ только прислушивался то къ одной сторонѣ, то къ другой, покрикивая или на подъячихъ за то, что они не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, отбирать допросъ, или на обвиняемыхъ, которые не винились и разными изворотами путали производившіяся объ нихъ дѣла. Стояли также передъ приказными и «послухи», т. е. свидѣтели, которыхъ обыкновенно захватывали силою и которые въ приказѣ старались отдѣлаться отъ дачи какихъ бы-то ни было показаній, отзываясь невѣдѣніемъ дѣла и ссылаясь на то, что ихъ забрали по-пусту, такъ какъ они ничего не видѣли и не слышали. Поэтому, обыкновенно выходило такъ что прежде чѣмъ начать уличать обвиняемыхъ, приходилось уличать послуховъ въ томъ, что они показываютъ облыжно, такъ какъ они были при томъ случаѣ, по которому приведенъ въ Сыскной

приказъ обвиняемый, или что они, по крайней мѣрѣ, знали что-либо объ его преступленіи или проступкѣ.

Прежде чѣмъ поставить «послуховъ» къ допросу, ихъ приводили къ присягѣ. Обрядъ этотъ исполнялся на крыльцѣ приказа, въ присутствіи дьяка и приказныхъ, которые и записывали въ особую сказку о приводѣ къ присягѣ свидѣтелей. Въ какихъ словахъ произносилась тогдашняя свидѣтельская присяга—неизвѣстно, но, конечно, въ силу ея свидѣтель клялся говорить на судѣ сущую правду, не кривя душою ни во вредъ, ни въ защиту обвиняемыхъ. Къ присягѣ приводилъ священникъ, послѣ того онъ давалъ присягавшему поцѣловать икону, съ изображеніемъ на ней креста

Присяга русскихъ въ XVII столѣтіи.

и зорко долженъ былъ наблюдать, чтобы присягавшій цѣловалъ крестъ не мимо его въ пустое мѣсто иконы и не въ подножіе креста и чтобъ онъ цѣловалъ крестъ не носомъ, а губами.

— Цѣлуй еще разъ животворящій крестъ кричалъ иногда требовательный попъ.—Чего носомъ-то нюхаешь, цѣлуй какъ должно, и цѣлованіе иногда повторялось нѣсколько разъ, пока попъ не убѣдится, что присягавшій цѣловалъ крестъ какъ слѣдуетъ, а не какимъ нибудь обманнымъ обычаемъ.

Съ дрожаніемъ въ рукахъ и въ поджилкахъ стоялъ Тябота передъ старымъ подъячимъ, сурово опрашивавшимъ его. Купчину бросало то въ жаръ, то въ ознобъ, и зубы у него стукали какъ у

больного въ лихорадкѣ. На неоднократные запросы подьячаго: какое знаетъ онъ, Андрей Викуловъ «слово и дѣло» за мѣщанскимъ сыномъ Антипомъ Кузьминымъ, на котораго онъ указывалъ и стрѣльцамъ и народу, Тябота начиналъ божиться и клясться, что онъ за Кузьминымъ никакого «слова и дѣла» не знаетъ, а всклепалъ на него съ дуру, въ-сердцахъ, желая его отъучить отъ непригожей его повадки.

— Отъ какой такой повадки? сурово спросилъ старикъ подъячій.

Тябота растерялся окончательно, такъ какъ правдивый разсказъ обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла долженъ былъ навести большой соблазнъ на торговаго человѣка, женатаго во второй разъ и при томъ уже далеко не молодыхъ лѣтъ.

— Антипъ Кузьминъ показалъ, заговорилъ подъячій, справляясь въ прежде составленной сказкѣ, что онъ былъ въ гостяхъ у мѣщанской вдовы Алёны Андреевой и что ты, взойдя къ ней, безпричинно началъ поносить его и сквернословить, а потомъ, когда онъ, Антипка, не хотя заводить съ тобою ссору и драку, пошелъ отъ вдовы Алёнки тихимъ обычаемъ, ты погнался за нимъ и также безприлично закричалъ на него «государево слово и дѣло».

— Оно такъ и было, пробормоталъ Тябота, радуясь въ душѣ, что относительно его любовныхъ похожденій допросъ принимаетъ такой благопріятный оборотъ.

Подъячій записалъ показанія Андрея.

— Теперь учини здѣсь рукоприкладство, сказалъ онъ, тыкая пальцемъ въ бумагу. — Пиши: къ сей сказкѣ торговый человѣкъ Андрей Викуловъ, по прозванію Тябота, руку приложилъ.

Съ трудомъ держалъ въ рукѣ перо Тябота, не особенно искусившійся въ писаніи, а теперь еще и подъ вліяніемъ страха онъ принялся водить имъ по бумагѣ и туда и сюда и, понукаемый подъячимъ, едва вывелъ какія-то каракули съ пропускомъ нѣкоторыхъ буквъ, въ замѣнъ правильной и ясной подписи.

Изъ допросной избы повели Тяботу въ засѣданіе приказа. Если въ допросной избѣ Андрея сильно смутилъ видъ дьяка и подъячихъ, то самый приказъ долженъ былъ произвести на него еще бо́льшее впечатлѣніе. Въ самомъ приказѣ, за главнымъ столомъ, въ большихъ креслахъ, съ высокимъ отваломъ, украшенныхъ рѣзьбою, засѣдалъ не какой нибудь плюгавый дьякъ, а одинъ изъ именитыхъ бояръ московскихъ и притомъ съ виду не только сановитый, но и грозный.

Бояринъ былъ въ будничной суконной темно-синей ферязи съ «козыремъ», т. е. съ высокимъ стоячимъ воротникомъ; на ферязи были нагрудныя петлицы изъ золотаго галуна, такимъ галуномъ былъ оторочень и козырь. На боярской головѣ была надѣта высокая нѣсколько-расширявшаяся къ верху бобровая шапка, называвшаяся обыкновенно «горлаткою», такъ какъ она была сдѣлана

изъ лучшей части мѣха приходившейся подъ горломъ бобра, соболя или куницы. Этотъ важный бояринъ, «уставя браду свою», раскинувшуюся въ видѣ широкаго опахала, окидывалъ величавымъ взглядомъ вводимыхъ въ приказную избу колодниковъ, которые послѣ трехъ глубокихъ поклоновъ передъ иконою, отдавали такой же и даже еще болѣе низкій, а иные даже и земной поклонъ царскому боярину, не отвѣчавшему даже кивкомъ головы на воздаваемое ему почтительное привѣтствіе.

Нѣкоторые изъ колодниковъ, преимущественно же колодницы, обращались къ боярину съ слезными просьбами и жалобно голосили:

— Помилуй, государь бояринъ, защити меня сиротинку, не вели меня казнить, а вели миловать.

На подобныя воззванія, въ которыхъ слышались разныя величанія въ честь боярина, онъ не отвѣчалъ ничего и равнодушнымъ, безстрастнымъ голосомъ приказывалъ дьяку допрашивать обвиняемаго по составленной противъ каждаго сказкѣ.

На боярскомъ допросѣ Андрей показалъ то же самое, что и при сказкѣ, т. е. что онъ сказалъ на Антипа Кузьмина «слово и дѣло» только съ дуру и со злобы «сшалилъ», а умысла злаго у него никакого не было и за Кузьминымъ никакой вины онъ не знаетъ.

— Крикнулъ ты «слово и дѣло» спервоначала по правдѣ, а теперь видно Антипку за посулы утаивать и оправлять хочешь. Да мы до истины доберемся. Иванъ Перфильичъ, допроси-ко его хорошенько съ пристрастіемъ, хладнокровно распорядился бояринъ, обратившись къ одному изъ дьяковъ, находившихся въ приказѣ.

Андрей зналъ по наслышкѣ что̀ значитъ допросъ съ «пристрастіемъ» и при этомъ словѣ у него подкосились колѣна и онъ повалился на-земь въ растяжку передъ бояриномъ.

— Помилуй, отецъ родной, отмѣни свое грозное боярское слово!.. Заставь меня, твоего холопа, вѣчно Бога молить за царское и за твое здравіе! заревѣлъ Андрей, ставъ на колѣни передъ бояриномъ и стукая лбомъ объ полъ.

Но бояринъ строгимъ взглядомъ подтвердилъ дьяку, чтобъ тотъ немедленно исполнилъ данное ему приказаніе.

— Волочить дѣло не гоже, проговорилъ густымъ голосомъ Андрею дьякъ, едва передвигавшій ноги отъ чрезмѣрной тучности.

Онъ сильно дернулъ за плечо Андрея, который привсталъ съ пола, толкнулъ его въ спину и потомъ, подталкивая такимъ же способомъ, направилъ громко рыдавшаго Тяботу въ выходныя двери приказной избы.

Бояринъ, управлявшій Сыскнымъ приказомъ, былъ уже человѣкъ пожилой. Онъ не только совершенно спокойно, но даже съ какимъ-то замѣтнымъ и для чужого глаза удовольствіемъ отправлялъ обвиняемыхъ на допросы съ пристрастіемъ, т. е. подводилъ ихъ подъ кнутъ. Не смотря на свою чиновность, онъ испыталъ на

собственной спинѣ дѣйствіе этого мучительнаго снаряда, завѣщаннаго намъ татарами. Въ первыхъ годахъ царствованія Алексѣя Михайловича, онъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ и стольникомъ, потѣшаясь въ своей вотчинѣ соколиною охотою, опоздалъ явкою на царскую службу, за что́ по государеву указу и былъ битъ кнутомъ. Хотя въ указѣ и сказано было, чтобы бить «нещадно», но все же его, какъ стольника и человѣка родословнаго, а не какого нибудь холопа или человѣка худороднаго, наказали только «легкимъ обычаемъ». Не смотря, однако на это, онъ послѣ такой расправы провалялся нѣсколько дней на постели, пока не оправился отъ десятка полученныхъ имъ ударовъ.

Но еще болѣе доставалось его боярской спинѣ отъ батоговъ. Какъ человѣкъ родословный, онъ любилъ мѣстничать, но нерѣдко попадался по этимъ дѣламъ въ-просакъ и его выдавали противникамъ головою, т. е. привозили его на ихъ дворы на простыхъ розвальняхъ и онъ долженъ былъ униженно просить прощенія у обиженныхъ имъ. Не унимался, однако, спѣсивый бояринъ и послѣ такого позорнаго наказанія и напрашивался на новыя, болѣе чувствительныя. За царскими обѣдами, когда государь указывалъ садиться всѣмъ «безъ мѣстъ», онъ, по свойственному ему упорству, поднималъ мѣстническіе споры. Напрасно сотоварищи его по боярству совѣтовали ему угомониться и быть послушнымъ царскому указу. Онъ не унимался и хотѣлъ уйти изъ-за государева стола. Тогда государь приказывалъ стряпчимъ держать его, а бояринъ, не будучи въ состояніи уйти отъ обѣда, спускался подъ столъ, не желая безчестить своего рода уступкою младшимъ. Его вытаскивали изъ этого убѣжища и вели прямо на царскую конюшню, гдѣ и отсчитывали ему значительное количество батоговъ и силою усаживали снова за обильную государеву трапезу, которую онъ и принимался вкушать, какъ ни въ чемъ не бывало.

Годы, однако, по-уходили боярина, а спина его сдѣлалась уже менѣе вынослива, нежели въ прежнее время. Но прожитое имъ не осталось безъ послѣдствій на его образъ мыслей. Онъ разсуждалъ, что если его боярская кожа могла перенести многое, то тѣмъ еще болѣе можетъ и даже должна переносить кожа какихъ нибудь «людишекъ», почему онъ и отправлялъ ихъ подъ кнутъ съ большою охотою и съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ поступаетъ, какъ слѣдуетъ.

— Да ты смотри Иванъ Перфильичъ, пробери его хорошенько—крикнулъ бояринъ вслѣдъ дьяку, уводившему Андрея въ застѣнокъ.

XXVI.

Если Андрей постепенно пугался все болѣе и болѣе, сперва при переходѣ изъ тюрьмы въ допросную избу, а изъ этой избы въ при-

казную, то настоящій переходъ изъ приказа въ застѣнокъ привелъ его въ такой ужасъ, что онъ почувствовалъ, какъ у него застыла кровь и одеревенѣли руки и ноги. Да и дѣйствительно было отъ чего струсить даже самому отважному человѣку при видѣ застѣнка.

Застѣнокъ былъ изба, или скорѣе сарай, довольно обширный, съ окнами поднятыми почти къ самому потолку и задѣланными желѣзными рѣшетками, но эта принадлежность тогдашнихъ не только мѣстъ заключенія, но и судебныхъ и присутственныхъ палатъ, и даже большей части частныхъ домовъ и церквей, были настолько обыкновенны, что уже не производили на входившихъ въ застѣнокъ никакого впечатлѣнія, но за то другія принадлежности застѣнка предвѣщали, что здѣсь можно очутиться въ такой страшной передѣлкѣ, что—чего добраго, придется окончить жизнь въ самыхъ мучительныхъ истязаніяхъ или, если и удастся выдти отсюда живымъ, то настолько искалѣченнымъ и разслабленнымъ, что вся послѣдующая жизнь будетъ сплошнымъ рядомъ болѣзненныхъ дней и ночей.

По стѣнамъ застѣнка были развѣшаны, а также валялись грудами и въ углахъ и въ разныхъ мѣстахъ, кандалы, цѣпи, ремни и веревки. Эти орудія укрощенія не наводили, впрочемъ, особеннаго страха, такъ какъ ихъ можно было видѣть во всѣхъ тогдашнихъ приказахъ и казенныхъ избахъ. Много было на Москвѣ людей буйныхъ и отчаянныхъ, которыхъ приходилось укрощать насильственнымъ способомъ. Принадлежности эти употреблялись при исполненіи наказаній, когда нужно было притягивать осужденныхъ къ доскамъ и кобыламъ. Замѣтное отсутствіе въ застѣнкѣ батоговъ, — длинныхъ довольно толстыхъ палокъ, — было не добрымъ предвѣстіемъ, такъ какъ отсутствіе ихъ показывало, что здѣсь не занимаются такими пустяками, но расправляются жесточе. На это намекали и развѣшанныя по стѣнамъ кнуты; кнутъ считался и у насъ страшнымъ орудіемъ мученія, а побывавшіе въ Москвѣ иностранцы, не смотря на то, что и во всей тогдашней Европѣ употреблялись лютыя казни, ужасныя наказанія и мучительныя пытки, сообщали, что въ сравненіи съ русскимъ кнутомъ не можетъ идти никакое другое орудіе, придуманное для причиненія человѣку самыхъ ужасныхъ терзаній. Думается, однако, что иностранцы ошибались, приписывая такое превосходство нашему кнуту. Несмотря на страшныя мученія, имъ причиняемыя, русскіе люди выносили его безъ особенно вредныхъ для себя послѣдствій и даже битые имъ не разъ — и битые, какъ тогда говорилось «нещадно»,—не теряли своего здоровья и, поправившись, доживали до глубокой старости. Русскій кнутъ дѣйствительно можно было считать самымъ жестокимъ «ударнымъ» орудіемъ, но несомнѣнно, что вообще, при перечисленіи казней и пытокъ въ запад-

ной Европѣ, тамъ можно найти болѣе страшные снаряды, какъ, напримѣръ, испанскій желѣзный сапогъ, которымъ раздробляли стиснутую имъ ногу, или въ который вливалась кипящая смола, а въ сравненіи съ этой обувью нашъ кнутъ могъ казаться только игрушкою. Да и сами русскіе люди относились къ кнуту съ нѣкоторымъ равнодушіемъ, говоря: «кнутъ не ангелъ, души не вынетъ».

Въ снарядахъ подобнаго рода не было, впрочемъ, недостатка и въ московскихъ застѣнкахъ. Въ нихъ на полу, на полкахъ и скамейкахъ, были разставлены жаровни, въ которыхъ на горячихъ угляхъ накаливали до красна желѣзныя полосы и ими жгли пытаемыхъ, а потому въ застѣнкѣ очень часто стоялъ запахъ горѣвшаго человѣческаго мяса. Были тутъ и желѣзныя клещи, которыми рвали человѣческое тѣло, и спицы, которыя забивали подъ ногти; были тутъ и скамьи со вбитыми въ нихъ остріемъ вверхъ гвоздями и на этихъ скамьяхъ, при помощи валиковъ, катали положеннаго на спину человѣка, причемъ гвозди рвали клочьями кожу и мясо.

Исключительною принадлежностію русскаго застѣнка было, кромѣ кнута, еще одно особое приспособленіе для пытки—дыба.

Когда Андрея Викулыча ввели въ застѣнокъ, то прежде всего ему бросился въ глаза шедшій черезъ весь потолокъ пыточной избы, толстый, четырехгранный деревянный брусъ, къ которому былъ прикрѣпленъ большой деревянный блокъ съ пропущенною по его жолобу веревкою.

Тябота не успѣлъ хорошенько осмотрѣться, когда къ нему, по приказу дьяка, подошли ражіе дѣтины въ однѣхъ рубашкахъ. Это были палачи или такъ называемые «заплечные мастера». Они живой рукой принялись раздѣвать до-нага Андрея, на котораго отъ ужаса нашелъ такой столбнякъ, что онъ не могъ ясно представить себѣ гдѣ онъ находится и что съ нимъ дѣлается.

Прежде чѣмъ вернулось къ нему полное сознаніе, онъ уже стоялъ безъ рубашки подъ блокомъ. Двое палачей оттянули ему за спину руки, на которыя одинъ изъ нихъ сталъ надѣвать «хомутъ», состоящій изъ толстыхъ ремней съ желѣзными пряжками. Уже одинъ только заворотъ рукъ за спину, съ надѣтымъ на нихъ хомутомъ, могъ составить мучительную пытку, отъ которой движеніе крови въ рукахъ останавливалось и она начинала бить въ голову. Но еще страшнѣе были приспособленія къ дальнѣйшей пыткѣ, къ такъ называемой «вискѣ».

Лицо Тяботы до надѣвки на руки хомута блѣдное и мертвенное сдѣлалось сперва краснымъ, а потомъ багрово-синимъ. Онъ безъ всякаго сопротивленія отдался на волю палачей, изъ которыхъ одинъ стягивалъ ему теперь ремнемъ ноги такъ, чтобы посреди ихъ можно было положить на ремень длинное, довольно тол-

стое бревно, а между тѣмъ другой прикрѣплялъ къ хомуту конецъ веревки, пропущенный черезъ блокъ.

Толстый дьякъ, привыкшій къ такому снаряжанію пытаемыхъ, сидѣлъ, сопя и пыхтя, спокойно на скамьѣ. Происходившее передъ нимъ зрѣлище, повидимому, вовсе не занимало его, такъ какъ онъ зналъ заранѣе весь послѣдующій ходъ пытки и производилъ и не такія еще истязанія, какія предстояли Тяботѣ. Одинъ изъ бывшихъ съ дьякомъ приказныхъ усаживался на чурбанѣ около стола, раскладывая на немъ свои письменныя принадлежности, а другой приказный разворачивалъ, отъ нечего дѣлать, ногою лежавшую на полу кучу разныхъ пыточныхъ принадлежностей, пришедшихъ уже въ негодность отъ частаго употребленія.

Несмотря на то оцѣпѣненіе, въ какомъ находился Тябота, онъ услышалъ надъ своею головою визгливый скрипъ блока и почувствовалъ, что руки его стянутыя за спиною, стали вылущаться изъ ключицъ и подниматься къ затылку. Онъ застоналъ отъ боли, и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ сознавать, что его приподнимаютъ съ полу къ потолку, и что при этомъ руки его, выходя изъ суставовъ, вытягиваются все выше и выше.

Дѣйствительно, двое палачей тянули свободный конецъ веревки, проложенной по жолобу блока, вслѣдствіе чего и приподнялся Андрей на дыбѣ.

— Встряхни его Пафнутьичъ! Онъ что-то лѣниво поднимается!.. крикнулъ добродушно дьякъ, какъ будто дѣло шло о какой нибудь потѣхѣ, а не объ ужасномъ истязаніи.

При этихъ словахъ одинъ изъ палачей быстро вскочилъ на бревно, лежавшее однимъ концемъ на ремнѣ, и съ силою подпрыгнулъ на немъ. Послышалось какое-то глухое мычаніе и хрустъ, и въ то же мгновеніе стянутые въ хомутѣ руки Андрея очутились надъ самой макушкой его головы. При достаточной тучности Тяботы, довольно было одной встряски, чтобы привести его въ то положеніе, при которомъ можно было приступить къ дальнѣйшимъ пыточнымъ дѣйствіямъ.

— Пооcлабь не много—распорядился дьякъ, и палачъ спрыгнулъ съ бревна, а Андрей повисъ на дыбѣ какъ огромный, туго набитый мѣшокъ.

— Въ чемъ ты можешь оговорить Антипку Кузьмина, коли ты крикнулъ на него «государево слово и дѣло»? спросилъ дьякъ.

Ошеломленный пыткою, съ захваченнымъ отъ боли и сотрясенія дыханіемъ, Андрей не въ силахъ былъ ничего выговорить, онъ даже не былъ въ состояніи разслушать обращенный къ нему вопросъ, который дьякъ повторилъ, съ нѣкоторымъ промежуткомъ времени еще два раза.

— Упорствуешь!... Поднимай-ко его снова и принимайся за кнутъ!—крикнулъ дьякъ.

Андрея снова приподняли на дыбѣ, но на этотъ разъ повтореніе встряски оказалось излишнимъ. По мѣрѣ того какъ тянули вверхъ Андрея, вывихнутыя уже однажды изъ ключицъ его руки, легко поднимались надъ его головою и палачъ только слегка придерживалъ бревно, наступивъ на него одною ногою.

— Славно онъ пошелъ на сей разъ—сказалъ шутливо одинъ изъ приказныхъ, рѣдко то случается, всегда нужно задать три или четыре встряски, а ему и одной достаточно было. Молодецъ!

— Тученъ онъ, такъ самъ себя внизъ тянетъ—замѣтилъ одинъ изъ палачей и, взглянувъ мелькомъ на толстаго дьяка, подумалъ: «а вотъ этотъ пожалуй, пошелъ бы еще лучше».

Если виска сама по себѣ была, какъ и стягиванье хомутомъ рукъ, одной изъ мучительныхъ пытокъ, то встряска сопровождалась ужаснѣйшимъ послѣдствіемъ. При вискѣ появлялась обыкновенно опухоль въ суставахъ, стронутыхъ съ мѣста: при встряскѣ же сдвигались руки съ мѣста съ чрезвычайною быстротою, отъ чего не только происходили вывихи и переломы и сотрясеніе всего тѣла, но и лопалась во многихъ мѣстахъ быстро натянувшаяся кожа. Для Андрея виска обошлась, впрочемъ, безъ этихъ послѣдствій, но теперь предстояло ему новое жестокое мученье.

Палачъ изо всей силы ударилъ его кнутомъ по спинѣ, и Андрей затрепеталъ на вискѣ, точно прострѣленный. На опросъ дьяка въ чемъ онъ Андрей оговариваетъ Кузьмина,—Тябота не отвѣчалъ ничего и дьякъ приказалъ отпустить ему еще два удара, а за тѣмъ видя, что онъ уже полумертвый, велѣлъ спустить съ виски Андрея, который, коснувшись ногами пола, тяжело грохнулся о земь.

Такъ какъ пытаемый былъ уже приведенъ, по тогдашнему вывыраженію «въ изумленіе», то дьякъ приказалъ дать ему передышку, не распуская, однако, ремней хомута.

Лежа на полу, Андрей въ горячечномъ состояніи и въ перемежку съ глухимъ стономъ, говорилъ что-то невнятно и тогда дьякъ съ неотступною настойчивостью и угрозами, что прикажетъ повторить виску, встряску и битье кнутомъ,—приступилъ къ нему снова съ допросомъ: въ чемъ именно оговариваетъ онъ мѣщанскаго сына Антипку Кузьмина.

— Хотѣлъ Антипка быть Никитою Пустосвятомъ или протопопомъ Аввакумомъ, полушопотомъ почти безсознательно и не извѣстно по какому сцѣпленію мыслей, пробормоталъ ошеломленный Андрей.

— Вѣдь вотъ добились же, наконецъ, отъ тебя показанія!—съ торжествующимъ видомъ отозвался дьякъ. Чего жь не говорилъ раньше, и меня затруднялъ, да и себя лишнее время мучилъ. Пиши—продолжалъ онъ, обращаясь къ сидѣвшему у стола на чурбанѣ приказному, что, молъ, торговый человѣкъ Андрюшка Вику-

ловъ, по прозванію Тябота, съ первой пытки показалъ, что потому-де онъ крикнулъ «государево слово и дѣло» на мѣщанскаго сына Антипку Кузьмина, что онъ, Антипка, хотѣлъ быть Никитою Пустосвятомъ, или распопомъ Аввакумомъ.

Приказный записалъ такъ, какъ велѣлъ ему его начальникъ, и прочиталъ въ слухъ писанное. Андрею развязали ноги и освободили руки изъ хомута. Онъ не могъ стоять, ноги у него подгибались, а руки, на которыхъ около кистей виднѣлись кровавыя полосы, натертыя ремнями, болтались какъ плети. Спина его была съ трехъ ударовъ кнута истерзана такъ, какъ будто его искусали волки, вырвавъ клочки мяса. Онъ дѣйствительно былъ приведенъ въ «изумленіе» и безсмысленно посматривалъ на все, что кругомъ него дѣлалось.

— Подпиши пыточную сказку—потребовалъ дьякъ. Но требованіе это не могло быть исполнено: Андрей, навалившись на поддерживавшихъ его палачей, наклонилъ въ безпамятствѣ на бокъ голову, а на губахъ у него показалась выступавшая изо рта кровь.

— Ну да и безъ этого обойдемся—сказалъ снисходительно дьякъ, видя изнеможеніе Тяботы—только смотри отъ своихъ показаній на второй пыткѣ и на очной ставкѣ съ Антипкой не отрекайся, а то еще жесточае съ тобою поступимъ по силѣ «Уложенія».

Эти угрозы были совершенно излишни, такъ какъ Андрей ничего уже не слышалъ, и прислужники палача поволокли его подъ руки изъ застѣнка въ тюрьму, гдѣ и бросили на рогожу, заготовленную сострадавшими Андрею колодниками.

Между тѣмъ, вслѣдствіе оговора Андреемъ Антипки и этого привели къ пыткѣ. Пытка была сравнительно съ той, какой подвергся Тябота, довольно легка. Дьякъ поутомился, да и спѣшилъ, на счастье Антипа, къ своему куму-имяниннику, и потому хотѣлъ поскорѣе покончить съ Антипомъ. Антипа даже не били кнутомъ, а только подняли на виску и дали одну легкую встряску. Антипъ дословно подтвердилъ свое прежнее показаніе съ перваго раза, и потому въ продолжительной съ нимъ littleвознѣ около дыбы особой надобности не предстояло.

XXVII.

Анфиса, хотя и поправившаяся нѣсколько въ теченіе ночи отъ внезапнаго болѣзненнаго припадка, угрожавшаго ей смертью, была, однако на другой день такъ слаба, что не могла встать съ постели. Около нее, поочередно, находилась мать, добрая попадья и любившая свою хозяйку работница. По утру пришелъ отецъ Онуфрій навѣстить свою духовную дочь и порадовался, когда узналъ, что

ей стало легче. Прокопъ между тѣмъ былъ въ постоянныхъ поискахъ. Онъ бѣгалъ по всѣмъ роднымъ и знакомымъ своего хозяина и, видя всѣ эти исканія безуспѣшными, намѣревался отправиться въ Нѣмецкую слободу, гдѣ тогда были веселыя мѣста для развлеченія московскихъ людей «разныхъ чиновъ», любившихъ погулять на иноземный ладъ.

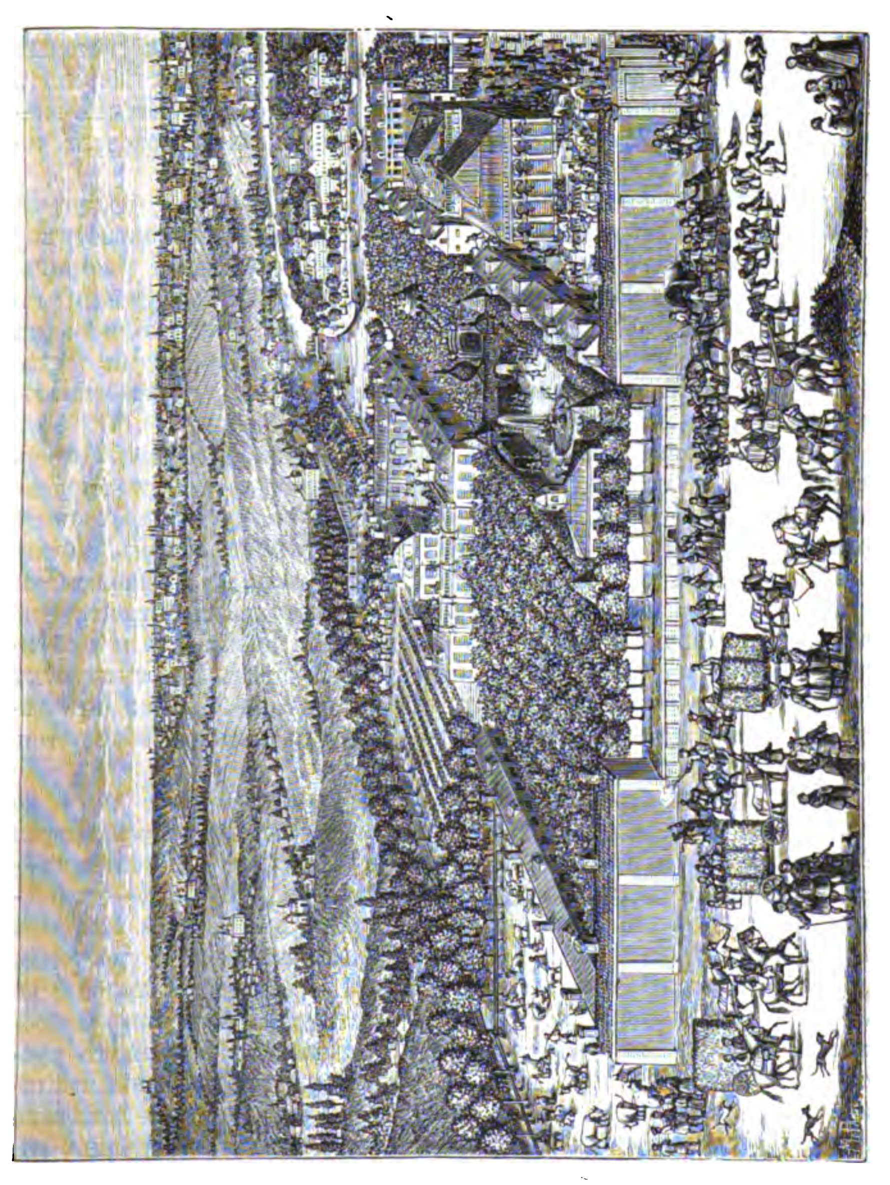
Еще за долго до Петра Великаго множество «нѣмцевъ» проживало въ Москвѣ или постоянно или только временно. Тогда въ обычномъ говорѣ подъ словомъ «нѣмцы» подразумѣвались не одни только иностранцы тевтонской породы, но и всѣ вообще европейскіе иноземцы: англичане, шведы, французы и голландцы. Изъ этого общаго названія постоянно исключались только представители восточныхъ племенъ: жиды, татары, индійцы, армяне, персіяне и бухарцы, тоже пріѣзжавшіе или проживавшіе въ Москвѣ.

Нѣмцы, хотя и осѣвшіе въ Москвѣ въ нѣсколькихъ уже поколѣніяхъ, не смѣшивались съ русскими посредствомъ брачныхъ связей. Они въ этомъ случаѣ сторонились постоянно другъ отъ друга. Не мало было, однако, и тогда уже въ Москвѣ вполнѣ обрусѣлыхъ нѣмцевъ, т. е. такихъ, которые отлично говорили по-русски и, не помышляя вовсе о своемъ фатерландѣ, вели спокойную и трудовую жизнь въ Москвѣ. Для сердца такихъ нѣмцевъ сдѣлались уже гораздо ближе берега Москвы, Яузы и Неглинной, нежели берега Рейна, Шпрее и Эльбы, о которыхъ иные изъ нѣмцевъ, родившіеся въ Москвѣ, знали только по наслышкѣ отъ своихъ отцевъ и матерей, или даже только дѣдовъ и бабушекъ. Было, однако, не мало и свѣжихъ, только что пробравшихся въ Москву нѣмцевъ и значительное ихъ число принадлежало къ породѣ тѣхъ иностранцевъ, которыхъ нынѣ зовутъ обособленнымъ именемъ «нѣмцевъ», т. е. они были выходцы изъ Германіи, Пруссіи и Ливонской земли.

Нѣмцы жили въ особой слободѣ, которая не называлась прежде Нѣмецкой, а была извѣстна подъ именемъ «Какуя», почему при Петрѣ Великомъ былъ даже шуточный патріархъ, титуловавшійся «какуевскимъ», областію или патріархатомъ котораго считалась Нѣмецкая слобода, какъ самая развеселая мѣстность во всей Москвѣ. Такое первоначальное названіе Нѣмецкой слободы объясняется слѣдующимъ. Русскіе люди заходили по временамъ въ нее, чтобъ посмотрѣть какъ живутъ нѣмцы. Появленіе русскихъ было тамъ вообще рѣдкостью, и потому, когда они проходили по улицамъ слободы, то нѣмцы и нѣмки всѣхъ возрастовъ показывали на нихъ другъ другу пальцами, какъ на диковинку, приговаривая на простомъ нѣмецкомъ нарѣчіи «kuke!» т. е. посмотри. Русскіе люди, постоянно слыша около себя такіе возгласы, прозвали слободу, населенную нѣмцами «Кукуй», а впослѣдствіи слово это обратилось въ «какуй» откуда и взялось собственное имя слободы.

Жившіе въ этой слободѣ иностранцы считались въ Москвѣ

встрѣчалось въ Москвѣ на каждомъ шагу. Поселившіеся въ подмосковной слободѣ иностранцы имѣли уже въ началѣ XVII столѣтія и училище и больницу и богадѣльню. Само собою разумѣется,

Нѣмецкая слобода № 2.

что все это съ одной стороны доказывало любовь ихъ къ порядкамъ и ихъ наклонность къ благоустройству и общежитію, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой стороны, несомнѣнно свидѣтельствовало и о гостепріимствѣ русскихъ къ пришлымъ въ Москву иноземцамъ.

Все, что пришлось теперь встрѣтить Никитѣ въ Нѣмецкой слободѣ представлялось ему и страннымъ и заманчивымъ. Онъ смотрѣлъ на слободу какъ на диковинку и ему пришло въ голову, что хорошо было бы поглядѣть какъ живутъ чужіе нерусскіе люди у себя за моремъ. Въ головѣ его пошли бродить мысли, которыя прежде не затрогивали ни его ума, ни его воображенія. Переходъ къ слишкомъ замѣтной разницѣ не могъ не подѣйствовать на впечатлительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ любознательнаго молодаго человѣка.

Совершенно иначе относился старикъ Прокопъ къ нѣмецкой обстановкѣ; онъ подсмѣивался надъ попадавшимися ему на встрѣчу разодѣтыми, по своему обычаю, нѣмками и нѣмцами, и говорилъ, что Нѣмецкая слобода, въ сравненіи съ Москвою, никуда не годится и что здѣсь русскій человѣкъ на третій день околѣетъ съ тоски, а, пожалуй и съ жажды и съ голоду, потому что не видно ни кабаковъ, ни харчевень, ни съѣстныхъ лавокъ, «и кто знаетъ, добавилъ онъ,—что они пьютъ и ѣдятъ?»

Хотя Прокопъ и пошелъ въ слободу, чтобъ отыскивать своего хозяина, но не обдумалъ заранѣе какъ приняться за это трудное дѣло. Какъ русскій человѣкъ, онъ шелъ на удачу съ достойною, однако, увѣренностью, что если не столкнется съ своимъ хозяиномъ на улицѣ, то увидитъ его гдѣ нибудь или, по крайней мѣрѣ, услышитъ его голосъ, такъ какъ Прокопу казалось невѣроятнымъ, чтобъ подгулявшій подъ вечеръ его хозяинъ не шумѣлъ и не буянилъ бы гдѣ нибудь. Теперь, когда онъ захотѣлъ приступить къ розыскамъ, то, въ виду того, что слобода была небольшая, онъ рѣшился обойти ее всю, освѣдомляясь тамъ, гдѣ, какъ ему покажется, могъ запропаститься его хозяинъ.

Онъ началъ обращаться къ нѣмцамъ съ вопросами о томъ не знаютъ ли и не видали ли его хозяина торговаго человѣка Андрея Викулыча Тяботу и въ своихъ обращеніяхъ называлъ одного нѣмца—дядей, другаго—родимымъ, третьяго—братомъ, четвертаго—дѣдушкой, пятаго—господиномъ, смотря по возрасту и по одеждѣ. Запросы Прокопа были встрѣчаемы различно. Одинъ нѣмецъ не удостоилъ его отвѣтомъ и презрительно отворотился отъ него въ сторону; но за то другой благодушный нѣмчина пустился съ видимымъ доброжелательствомъ въ разговоръ съ Прокопомъ, на ломанномъ русскомъ языкѣ, и затѣмъ послѣ продолжительнаго объясненія, взглянувъ еще разъ вопросительно на Прокопа, отрицательно покачалъ головою, отвѣчая: «такой не знаю». Встрѣчались иностранцы, говорившіе очень хорошо по-русски, но и отъ нихъ Прокопъ не добился ничего. Повторялось все то же и при попыткахъ Прокопа освѣдомиться у нѣмокъ, но здѣсь, когда онъ обращался къ молоденькимъ нѣмочкамъ, то, въ добавокъ къ этому, онѣ пырскали отъ смѣха, хихикали, а иная изъ нихъ, посматривая на статнаго и

красиваго Никиту, подталкивая локтемъ свою подругу плутовски приговаривала «кике!»

Пробродивъ по слободѣ до той поры, когда въ окнахъ тамошнихъ домовъ стали засвѣчиваться огоньки и убѣдившись, что всѣ поиски будутъ напрасны, Прокопъ, въ сопровожденіи Никиты, вышелъ изъ слободы и возвратился домой уже поздно ночью, крайне опечаленный неуспѣхомъ своихъ поисковъ.

Е. П. Карновичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Командировка въ Витебскую губернію.—Посѣтительница-полька.—Креславльскій эпизодъ.—Министръ А. А. Зеленый.—Евреи.—Витебскъ.—Ямщикъ.—Семья русскаго священника.—Гвардейскій офицеръ.—Русскіе крестьяне.—Драма въ Юзефовкѣ.—Проектъ сельскихъ карауловъ.

ЛѢТЪ ДВАДЦАТЬ тому назадъ, состоя на службѣ по министерству государственныхъ имуществъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ Александрѣ Алексѣевичѣ Зеленомъ, мнѣ довелось провести около трехъ лѣтъ самаго смутнаго времени въ такъ называемыхъ западныхъ губерніяхъ и быть не только свидѣтелемъ, но и дѣятельнымъ участникомъ при усмиреніи польскаго возстанія.

Въ мартѣ 1863 года, я только-что вернулся изъ командировки по восточнымъ губерніямъ Россіи, какъ однажды утромъ получилъ черезъ курьера приглашеніе явиться къ министру въ восемь часовъ вечера. Я наканунѣ только-что отдалъ ему отчетъ въ своей поѣздкѣ, а потому необычайность времени пріема подсказывала мнѣ объ экстренности какого нибудь новаго порученія. Я не ошибся. Чрезъ два дня я долженъ былъ опять выѣхать изъ Петербурга въ Витебскую губернію. Это было началомъ моей трехлѣтней одиссеи.

Внутреннее состояніе Россіи весною 1863 года было довольно тревожно: уже два года какъ въ западной части нашего отечества собиралась туча, которая должна была разразиться непогодой польскаго возстанія. Изъ моего разсказа видно будетъ какимъ образомъ

дана была возможность образоваться этому ненастью. Оно подготовлялось повсюду, въ русской и австрійской Польшѣ, въ иностранной печати, и даже въ русскомъ обществѣ. Я припоминаю случай, когда однажды, осенью 1862 года, въ Петербургѣ, въ мою квартиру явилась незнакомая мнѣ дама одѣтая въ трауръ. Вѣроятно, введенная въ заблужденіе моей дощечкой на входной двери съ фамиліей оканчивающейся на скій, она безцеремонно обратилась ко мнѣ на польскомъ языкѣ съ вопросомъ: «сколько вы пожертвуете для нашихъ страждущихъ братій?» Принявъ ее за члена одного изъ благотворительныхъ обществъ и понимая по-польски, я тѣмъ не менѣе отвѣтилъ ей на русскомъ языкѣ вопросомъ, «на какое дѣло собираете вы средства»? Дама къ удивленію моему разразилась упреками въ моемъ несочувствіи и притворномъ непониманіи ея ходатайства, и затѣмъ высказала, что собираетъ добровольные патріотическіе взносы на польское дѣло.

Въ то время повстаніе еще не обнаружило никакимъ явнымъ дѣйствіемъ своей силы, и даже русское общество, подъ вліяніемъ тогдашняго либеральнаго направленія, выказывало сочувствіе стремленіямъ поляковъ, хотя изъ Варшавы приходили уже кое-какія извѣстія о непонятныхъ манифестаціяхъ, трауръ, пѣніи гимновъ въ костелахъ и пассивномъ сопротивленіи властямъ. Тѣмъ не менѣе я возразилъ своей посѣтительницѣ, что, будучи русскій по вѣрѣ и убѣжденіямъ, я бы просилъ ее разъяснить мнѣ въ чемъ заключается покровительствуемое ею дѣло? Она за это обозвала меня ренегатомъ, дѣлала какія-то таинственныя угрозы, доказывала, что я происхожденіемъ не москаль и уговаривала возвратиться къ братьямъ полякамъ. Весь этотъ разговоръ былъ мнѣ непріятенъ и я, считая ее полупомѣшанной, довольно рѣзко прервалъ ея назойливыя объясненія, пригласивъ удалиться, не придавая впрочемъ всему этому эпизоду большаго значенія.

Весною 1863 года, восстаніе было въ разгарѣ. Изъ всѣхъ западныхъ губерній приходили ежедневно тревожные слухи; въ Горыгорѣцкомъ училищѣ, Могилевской губерніи, произошло какое-то глупѣйшее возмущеніе между воспитанниками, выразившееся сожженіемъ крыши на зданіи, и одновременно разыгрался кровавый эпизодъ Креславльскаго побоища въ Витебской губерніи, остававшейся до того какъ бы въ сторонѣ отъ революціоннаго движенія. Дѣло было такъ: изъ Динабурга мирно шествовалъ обозъ съ коммисаріатскими вещами, вдоль праваго берега Двины на Дриссу. Обозъ былъ подъ конвоемъ полутора десятка солдатъ при унтеръ-офицерѣ и подходилъ къ Креславкѣ, близъ которой дорога, слегка поднимаясь, пролегаетъ чрезъ живописный лѣсокъ. Этотъ-то пунктъ въ родѣ ущелія и былъ избранъ повстанцами для начала своихъ дѣйствій.

Не принимая почти никакихъ мѣръ предосторожности, соблю-

даемыхъ въ военное время, шли конвоиры съ трубочками въ зубахъ, положивъ свои ранцы, а можетъ и ружья, на повозки, какъ вдругъ были неожиданно встрѣчены выстрѣлами изъ опушки лѣса и вмѣстѣ съ тѣмъ подверглись нападенію сзади толпы помѣщиковъ и шляхты. Послѣдствіемъ схватки было разбитіе обоза, смерть двухъ солдатъ и пораненіе нѣсколькихъ. Не знаю подробно хода дѣла, но, проѣзжая нѣсколько дней послѣ событія этимъ лѣскомъ, я видѣлъ изрубленныя колеса, слѣды сгорѣвшей повозки, а на ближайшей станціи мнѣ сообщили, что на дняхъ нашли въ лѣсу запряженную въ телѣгу лошадь, которая бросилась отъ выстрѣловъ въ сторону и проплутала въ чащѣ трое сутокъ.

Порученіе, которое мнѣ давалось, было секретное, но въ настоящее время я считаю вполнѣ возможнымъ не сохранять его въ тайнѣ. Оно заключалось въ изслѣдованіи настроенія крестьянъ, хотя русскихъ, но издавна находившихся подъ началомъ помѣщиковъ, большинство которыхъ были поляки-католики. «Положеніе» 1861 года еще только вводилось, мировые посредники были почти всѣ изъ поляковъ и мнѣ велѣно было также разузнать объ ихъ дѣйствіяхъ. Вообще опредѣленной инструкціи дано не было, но министръ видимо желалъ имѣть живыя свѣдѣнія изъ губерніи, о которой мертвенныя канцелярскія бумаги, или лживыя донесенія польской интеллигенціи, давали самыя сбивчивыя понятія. Надо было тушить пожаръ, но не знали на кого разсчитывать, какія принять мѣры, и на какіе элементы опереться. Съ оффиціальной же стороны я имѣлъ порученіе освидѣтельствовать окружныя управленія и дѣйствія чиновниковъ по волостямъ государственныхъ крестьянъ.

Министръ А. А. Зеленый, относившійся ко мнѣ съ такимъ довѣріемъ, былъ севастопольскій герой и получилъ свое высокое назначеніе не столько въ силу своихъ государственныхъ способностей, сколько потому, что былъ близокъ къ М. Н. Муравьеву, который зналъ его за человѣка высоко честныхъ убѣжденій. Министръ же съ своей стороны имѣлъ безграничное довѣріе въ безошибочность взглядовъ Михаила Николаевича, занимая прежде постъ товарища его въ министерствѣ, а потомъ замѣнивъ его въ званіи министра, Зеленый всегда сохранялъ относительно Муравьева подчиненное положеніе. Еще слишкомъ близко отъ насъ то время, чтобы дѣлать безпристрастную оцѣнку дѣятельности Александра Алексѣевича и указывать на его слабыя стороны, но нельзя не отдать ему справедливости въ томъ отношеніи, что онъ былъ горячій патріотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ какое-то особенное нерасположеніе ко всему польскому; безусловно честный человѣкъ онъ даже отказывался отъ предложеннаго ему покойнымъ государемъ увеличенія содержанія. Ему впрочемъ можно бы поставить въ упрекъ то, что будучи слишкомъ консервативнаго направленія, онъ

имѣлъ узкій взглядъ на дѣло, считая полезнымъ защищать казенные интересы въ ущербъ государственнымъ. Къ великому вопросу освобожденія крестьянъ онъ, согласно съ идеями Муравьева, относился неблагопріятно, и впослѣдствіи какъ при измѣненіи быта государственныхъ крестьянъ, такъ и при введеніи судебныхъ уставовъ или земскихъ учрежденій, онъ неохотно уступалъ нововведеніямъ. Человѣкъ положительно добрый, онъ однако поддавался предубѣжденіямъ противъ иныхъ лицъ и тогда въ дѣйствіяхъ его замѣчалось упорство.

Ѣзда до Острова отъ Петербурга по желѣзной дорогѣ, и затѣмъ по шоссе чрезъ Опочку по Псковской губерніи не отличалась ничѣмъ особеннымъ отъ обычныхъ путешествій на перекладныхъ; но съ переѣздомъ за границу Витебской губерніи начали чаще и чаще попадаться корчмы съ представителями израильскаго племени, которые всегда готовы услужить вамъ, чтобы заработать злотый, а вмѣстѣ съ тѣмъ выспросить или сообщить разнообразныя свѣдѣнія. Евреи обыкновенно безъ зова сами являлись въ комнату, которую я занималъ со своимъ спутникомъ, и останавливались молча на порогѣ. При вопросѣ обращенномъ къ нимъ: «что имъ надо?» они отвѣчали тоже вопросомъ: «може пану что нужно?», а затѣмъ уже непосредственно вступали въ разговоръ: «а панъ съ Петербурга? Ну, а стозе тамъ думаютъ теперь дѣлать?» Впродолженіи разговора они старались выпытать отъ насъ цѣль поѣздки и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщали массу новостей и слуховъ. Такъ, напримѣръ, я узналъ отъ нихъ, что польскіе паны собрали цѣлое войско, что они идутъ уже по дорогѣ на Витебскъ и Полоцкъ съ нѣсколькими тысячами и т. д. Впрочемъ были и свѣдѣнія правдоподобныя и полезныя. Тѣмъ не менѣе въ нихъ замѣтно было чувство осторожности и нейтральности. Вѣдь Богъ знаетъ еще кто такой этотъ ѣдущій чиновникъ? — Это чувство было однако весьма естественно, такъ какъ въ Витебской губерніи, несмотря на чисто русское населеніе, въ особенности по правую сторону западной Двины, большинство помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ было польское, да и чиновничество тоже принадлежало къ мелкой шляхтѣ, и это становилось тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ болѣе мы отдалялись отъ границъ Псковской губерніи. До Витебска мы доѣхали благополучно и никакихъ признаковъ повстанія не видали. Двина уже вскрылась, и такъ какъ между обоими крутыми берегами никакихъ мостовъ не существовало въ тѣ времена, то мы переправились чрезъ величественную рѣку на паромѣ, загроможденномъ массою крестьянскихъ возовъ.

Городъ былъ, однако, въ тревогѣ; это было замѣтно какъ между жителями, большинство которыхъ евреи, такъ и въ различныхъ канцеляріяхъ, которыя я посѣтилъ. Слухи были самые сбивчивые; надо было принять мѣры, но какія и кому, — это еще не выясни-

лось; казалось какая-то бѣда застигла мирныхъ обывателей въ расплохъ. Въ дворянскомъ собраніи предложено было всѣмъ дворянамъ губерніи собраться, чтобы переговорить о настоящемъ положеніи и составить адресъ для заявленія правительству о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Въ тѣ времена дворянство составляло еще силу и пользовалось значеніемъ.

Въ назначенный часъ, въ большой залѣ собралось насъ однако не много:. Я какъ землевладѣлецъ Невельскаго уѣзда также прибылъ на съѣздъ; были исключительно православные, да два нѣмца. Губернскій предводитель не пріѣхалъ, сказавшись больнымъ, служащіе дворяне-поляки сослались на неполученіе на то прямого приказанія начальства; другія лица за невозможностью поспѣть къ сроку въ горо́дъ, а большинство не дало даже никакихъ причинъ, и нашъ адресъ съ трудомъ соединилъ семнадцать подписей.

Изъ Витебска шелъ нешоссейный почтовый путь на Динабургъ внизъ по правому берегу Двины. Быстро катилъ нашъ незатѣйливый экипажъ, перекладная почтовая тройка; вечерѣло и словоохотливый ямщикъ разсказывалъ намъ о своемъ хозяйствѣ и надеждахъ на урожай.

— Великую милось явилъ намъ царь-батюшка, давши волю; да вотъ что-то не ладится съ уставною грамотой, а помѣщики вонъ поди и начали блажить.

— Какъ такъ блажитъ? спросилъ я.

— А ты какъ думаешь? отчего они вонъ завели бунты? Какъ же, блажатъ! а то бы для чего имъ было. нападать на войска? Сказываютъ, что они тамъ подъ Динабургомъ обозъ разграбили и страсть что людей побили. Да неуштожь имъ дадутъ дурить? Пущай бы намъ приказали—мы бы ихъ поуняли маленько! говорилъ ямщикъ, очевидно смѣшивая два вопроса—земельный и польскій, составлявшіе два живыхъ интереса дня.

Становилось поздно, и мы рѣшились остановиться на ночлегъ въ селѣ. Желая узнать поближе народное настроеніе я велѣлъ везти себя къ мѣстному священнику, прося его гостепріимства. Пріемъ съ его стороны былъ радушный, но меня поразило множество полонизмовъ, которыми была переполнена его рѣчь.

— Давно ли вы здѣсь служите? спросили мы его.

— Ужъ семнадцать лѣтъ. Да что, трудно живется, вся наша судьба зависитъ отъ пановъ, а вы должно быть знаете, что они нашего брата, православнаго священника, не жалуютъ.

Затѣмъ поданъ былъ самоваръ и явилась жена священника съ двумя дочерьми, попринарядившимися для знакомства съ петербургскими гостями. Но тутъ уже русскій языкъ оказался излишнимъ: матушка-попадья едва могла говорить по-русски ломаннымъ языкомъ, а обѣ дочери, шестнадцати и четырнадцати лѣтъ, носив-

шія не православныя, а католическія имена, и не одно, а по нѣскольку, совершенно не понимали насъ, но бойко лепетали по-польски. Мы обратились къ отцу ихъ для разъясненія нашего недоумѣнія и вотъ чтò отъ него услыхали:

— Жена моя, дочь бывшаго уніатскаго священника, дочери же мои чисто русскія; но какое же воспитаніе могъ бы я дать имъ при своей отдаленности отъ Россіи и при своихъ скудныхъ средствахъ. Мы ихъ крестили по православному обряду, но помѣщицы, которыя согласились быть имъ крестными матерями—католички и пожелали дать имъ свои имена. Вѣдь имена тоже христіанскія, я и не видѣлъ грѣха большаго въ томъ, что угожу своимъ благодѣтельницамъ. Вотъ онѣ и приняли на свой счетъ воспитаніе моихъ дочерей, и онѣ умѣютъ танцовать и играть на фортепьяно. Я по правдѣ болѣлъ душой, что онѣ не учатся по-русски; да какъ же смѣлъ бы я идти на перекоръ.

На другой день было воскресенье, и мы пожелали быть въ церкви. Народу было довольно, но церковь многимъ напоминала костелъ: и чаша съ водой у входа, и бумажные съ фольгой цвѣты у образовъ, и разноцвѣтныя знамена вмѣсто хоругвей. Я взглянулъ на дочерей священника; онѣ усердно крестились, вѣроятно желая доказать свое православіе; но наносили на себя крестъ по-польски—отъ лѣваго плеча къ правому.

Грустныя размышленія вызвало все это: законный ревнитель и блюститель православія унижается передъ панами и даже не считаетъ себя въ Россіи; семья пастыря русскаго народа не понимаетъ русскаго языка!

Въ древнемъ русскомъ Полоцкѣ мы останавливались не долго, потому что тѣ свѣдѣнія, которыя я могъ бы извлечь изъ ближайшаго знакомства съ нимъ, не входили въ мою программу, и потому мы предпочли остановиться на первой за нимъ станціи, находящейся при усадьбѣ богатаго помѣщика.

Самъ владѣлецъ, молодой гвардейскій кавалерійскій офицеръ, вышелъ къ намъ на встрѣчу когда мы пришли въ его домъ и предложилъ завтракъ. На дворѣ я видѣлъ какія-то приготовленія и движеніе. Вступя въ разговоръ со мною, онъ признался, что находится въ весьма затруднительномъ положеніи: пріѣхавъ на дняхъ въ свою усадьбу въ отпускъ, онъ получилъ приглашеніе отъ народовой справы принять начальство надъ бандою, и затѣмъ отъ него требовалось пожертвованіе деньгами и лошадьми.

— Что же вы рѣшили? спросилъ я его.

— Да право не знаю чтò дѣлать, лошадей ужъ у меня забрали и грозили сжечь усадьбу, если я откажусь и уѣду въ Петербургъ.

Я далѣе не разспрашивалъ; какой совѣтъ могъ я ему дать; можетъ быть предо мной находился будущій предводитель народовыхъ войскъ. Полагаю, однако, что никакого рѣшенія онъ не могъ

привести въ исполненіе, потому что возстаніе въ Витебской губерніи было мгновенно потушено грознымъ народнымъ движеніемъ, о которомъ я поведу рѣчь.

Двигаясь далѣе въ западномъ направленіи, мы какъ бы вступали въ грозовую тучу; чувствовалась какая-то тяжесть, хотя неизвѣстно откуда грянетъ громъ. И вотъ на встрѣчу намъ стали доходить слухи о волненіи крестьянъ въ лежащихъ по нашему пути деревняхъ, казенныхъ крестьянъ Ужвалдской и Малиневской волостей. Это волненіе уже никакъ нельзя было отнести къ уставнымъ грамотамъ, о которыхъ у нихъ не могло быть и рѣчи, и имѣло непосредственною причиной ихъ русскій патріотизмъ. Креславльское дѣло и подстрекательство пановъ возымѣло свое дѣйствіе, но обрушилось на головы зачинщиковъ. Въ селеніяхъ крестьяне собирались толпами для совѣщаній и сходокъ, и отставные солдаты играли здѣсь важную роль. Убѣдясь изъ разговоровъ со мной въ анти-революціонныхъ взглядахъ и видя во мнѣ какъ бы начальника, они просили меня указать, что̀ имъ дѣлать.

— Вотъ крестьяне сосѣдней деревни связали своего мироваго посредника графа Чапскаго, да такъ какъ есть въ его красномъ мундирѣ (онъ былъ отставной лейбъ-гусаръ) и въ золотой цѣпи на груди и отвели въ станъ, да еще въ зашей надавали. Что же, законно ли они поступили? и можно ли такъ дѣлать? вѣдь это все паны и ихъ челядь мутятъ промежъ насъ.

Далѣе, при въѣздѣ въ село, начали попадаться импровизированные сельскіе караулы, то есть толпы крестьянъ съ дубинами. Большею частью ими завѣдывалъ какой нибудь безсрочный или отставной унтеръ-офицеръ, и эти караульные требовали отъ меня предъявленія вида; затѣмъ, такъ какъ между ними не всегда бывали граматные, то они довольствовались взглядомъ на казенную печать, хотя въ двухъ мѣстахъ мнѣ встрѣтились серьезныя задержки, въ которыхъ однако крестьяне усердно извинялись, когда мѣстный священникъ или другое довѣренное лицо разъясняло имъ ихъ ошибку.

— Какъ же, батюшка, нельзя, теперь такое опасливое время. Надо оберегаться отъ лихого человѣка; вонъ наши мужички по самосуду даже Юзефовку разгромили.

Юзефовка, богатая усадьба польскаго магната Іосифа Платера, лежавшая на нашемъ пути, была дѣйствительно разгромлена. Самъ владѣлецъ старикъ семидесяти лѣтъ жилъ въ ней. Не знаю вслѣдствіе какихъ неудовольствій или дѣйствительнаго участія Платера въ Креславльскомъ побоищѣ, такъ какъ лица участвовавшія въ этомъ дѣлѣ отправились затѣмъ пировать въ Юзефовку, но только масса крестьянъ явилась въ усадьбу съ требованіемъ, чтобы владѣлецъ вышелъ къ нимъ для объясненій. Старикъ Платеръ заперся въ своемъ кабинетѣ. Волостной старшина, желавшій мирно

уладить дѣло, съ нѣсколькими выборными отправился къ нему въ двери. Платеръ имѣлъ неблагоразуміе выстрѣлить изъ пистолета. Этого было довольно; толпа разсвирѣпѣла и бросилась на помѣщика; кто-то схватилъ со стѣны саблю или топоръ и отрубилъ ему руку: старикъ упалъ обливаясь кровью; не знаю кто отвезъ его въ креславльскій госпиталь; но онъ скончался въ тотъ день, какъ я въѣзжалъ въ это мѣстечко. Усадьба и всѣ строенія были зажжены, грабежа не было, но все сгорѣло; только какой-то крестьянинъ взялъ изъ кабинета одинъ пучекъ цвѣтныхъ билетиковъ на потѣху ребятамъ своимъ и наклеилъ ихъ въ избѣ на стѣны. Это были купоны желѣзнодорожныхъ акцій на нѣсколько сотъ рублей.

Мы проѣзжали Юзефовку и видѣли пожарище усадьбы; головни курились; на томъ мѣстѣ гдѣ стояли амбары съ зерномъ виднѣлась кучами разсыпанная по землѣ пшеница и рожь, изъ-подъ нихъ мѣстами пробивался огонекъ; полуразрушенныя стѣны, какой-то хаосъ въ грудахъ, все дымится, кругомъ надломленныя и обожженыя деревья. Тутъ же ходили крестьяне съ дубинами, что̀-то охраняя съ суровымъ видомъ и какъ бы съ сознаніемъ исполняемаго долга. Сопровождавшій меня волостной писарь сообщалъ мнѣ различные характерные эпизоды событія.

Нѣсколько далѣе находится ущелье креславльскаго побоища и за нимъ невдалекѣ корчма. Такъ какъ тамъ были живые свидѣтели событія, то мы вошли въ нее для распросовъ. Словоохотливая хозяйка-корчмарка разсказала намъ, что въ день креславльскаго нападенія къ ней въ корчму пріѣхало до двадцати окрестныхъ пановъ и при нихъ дворня изъ шляхты. Всѣ они были съ ружьями, пили и шумѣли, объявляя, что они собрались на полеванье, поохотиться на краснаго звѣря.

— Мнѣ, говорила хозяйка, все это казалось какъ-то страннымъ и по времени года; какая теперь въ мартѣ охота? да и собакъ съ ними не было. А тутъ какъ прошелъ обозъ они чрезъ полчаса и выѣхали слѣдомъ. Подъ вечеръ прибѣжали къ намъ кое-кто изъ подводчиковъ разсказать какъ было дѣло; а тамъ уже повезли убитыхъ и раненыхъ солдатиковъ въ креславльскій госпиталь. Крестьяне обозлились, говоря, что паны на царское войско нападаютъ; стали грозить вырѣзать всѣхъ пановъ; а тутъ не во время какая-то полька-помѣщица съ дочерью проѣзжала мимо толпы да и покричала на нихъ. Крестьяне обступили коляску, вытащили барынь да и бросили ихъ обѣихъ въ колодезь. Да насчастье воды было мало, такъ ихъ измятыхъ, говорятъ, уже и полуживыхъ, вытащили почитай на другой день.

Настроеніе народа было грозное; общаго возстанія не предвидѣлось, и почва для подвиговъ повстанцевъ въ Витебской губерніи была неподходящая; сколько мнѣ помнится, тамъ болѣе и не произошло ничего выходящаго изъ ряда. Въ такое время, однако,

можно было опасаться, чтобы страсти не разыгрались, и поэтому правительству слѣдовало воспользоваться настроеніемъ крестьянъ и регулировать ихъ патріотизмъ. Ихъ здравый смыслъ подсказалъ имъ мѣру вполнѣ раціональную, и я воспользовался этою мыслью. На этомъ основаніи мною составленъ былъ проектъ сельскихъ карауловъ, который состоялъ въ томъ, чтобы по волостямъ, въ большихъ селахъ, къ толпѣ крестьянъ было придано человѣкъ по пяти старыхъ солдатъ съ ружьями при смышленомъ унтеръ-офицерѣ, въ качествѣ начальника, который былъ бы снабженъ инструкціей на могущіе предвидѣться случаи. На его обязанности лежало бы придать нѣкоторый порядокъ этой нестройной толпѣ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ, зная, что имѣетъ среди себя представителей военной силы, чувствовала бы себя бодрѣе и также сознавала, что въ дѣйствіяхъ своихъ стоитъ на законной почвѣ. Въ болѣе значительныхъ пунктахъ должны были находиться небольшія военныя команды подъ начальствомъ офицеровъ, и къ этимъ центральнымъ пунктамъ отдѣльные караулы могли бы относиться въ случаяхъ нужды и недоразумѣнія. Представителямъ войска должно было идти усиленное содержаніе, а крестьянамъ участвующимъ въ караулахъ, паекъ на счетъ имѣній тѣхъ помѣщиковъ, которые были замѣшаны въ безпорядкахъ.

Положеніе Витебской губерніи для меня стало достаточно ясно, и я считалъ цѣль моей поѣздки достигнутой. Я отправился обратно въ Петербургъ и представилъ министру свой отчетъ и проектъ устройства карауловъ, который, удовлетворяя мѣстной нуждѣ, не требовалъ отъ правительства ни войскъ, ни расходовъ.

Чрезъ три дня я снова былъ призванъ своимъ начальникомъ, который, выразивъ мнѣ полное удовольствіе за хорошо выполненное порученіе, объявилъ мнѣ, что мой проектъ сельскихъ карауловъ уже разсмотрѣнъ и одобренъ въ комитетѣ министровъ и на меня возлагается новое порученіе, немедленно ѣхать въ Минскую губернію для приведенія въ исполненіе моего проекта.

Такъ быстро рѣшались вопросы въ то время. Сознавая, что положеніе дѣлъ въ западныхъ губерніяхъ было таково, что требовало усерднаго содѣйствія каждаго русскаго, я ни слова не сказалъ о необходимости отдыха, и чрезъ два дня, надѣленный прогонами, подъемными и суммами на расходы, ѣхалъ уже по назначенію. Разсказъ о моей дѣятельности на новомъ поприщѣ составитъ предметъ слѣдующей главы.

II.

Минская губернія.—Генералъ-губернаторъ Назимовъ.—Состояніе умовъ.—Встрѣча на почтовой станціи.—Повстанцы на пути.—Полковникъ Домбровскій.—Минскъ въ траурѣ.—Генералъ Гольдгоеръ.—Попытка арестовать меня.—Мое участіе въ экспедиціи.—Свянторжецкій.—Начало дѣятельности Муравьева. — Мое свиданіе съ нимъ.

Мнѣ дано было предписаніе немедленно ѣхать въ Минскую губернію, явиться къ губернатору Кожевникову и управляющему палатой Д. В. Готовцеву (впослѣдствіи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ) и просить ихъ оказать мнѣ содѣйствіе при устройствѣ сельскихъ карауловъ, согласно проекту, утвержденному комитетомъ министровъ. Для завѣдыванія ими въ центральныхъ пунктахъ уѣздовъ было уже сдѣлано распоряженіе объ откомандированіи отъ войскъ нѣсколькихъ офицеровъ съ небольшими командами.

Варшавскія манифестаціи нашли отголосокъ въ Минскѣ; тутъ также начались пѣнія гимновъ въ костелахъ, ношеніе траура по забитой отчизнѣ и презрительныя отношенія къ русскимъ личностямъ, воплощавшихъ въ лицѣ своемъ «наѣздъ», т. е. поработителей польской національности. Въ помѣщичьихъ фольваркахъ устроивались съѣзды пановъ, организовались банды, уходившія въ лѣса, которыми изобилуетъ губернія, особенно въ юго-западномъ углу и въ Пинскихъ болотахъ. А русскія власти еще какъ бы недоумѣвали, чтò предпринять и слѣдуетъ ли прибѣгать къ военной силѣ для противудѣйствія революціонному движенію.

Въ то время генералъ-губернаторомъ Западнаго края былъ генералъ-адъютантъ Назимовъ; личность прекрасная и гуманная, но положеніе его было крайне щекотливое: всѣ предыдущіе годы его управленія были направлены на примиреніе польской національности съ русскою. Это направленіе было преобладающимъ какъ въ русскомъ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ; генералъ-губернаторъ имѣлъ инструкцію дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, всякая крутая мѣра съ его стороны была бы явнымъ отрицаніемъ его предыдущаго управленія, а между тѣмъ, эта система оказывалась несостоятельною; она въ глазахъ всѣхъ признавалась за слабость, потворство, и принималась или, по крайней мѣрѣ, истолковывалась поляками какъ поощреніе ихъ мечты отдѣлиться отъ Россіи. А отдѣлить затѣвалось не мало, а именно все, чтò когда либо подпало въ прошлые вѣка подъ власть Польши; начиная отъ Чернаго моря до Балтійскаго съ Курляндіей включительно.

Наконецъ, небольшія банды начали выходить изъ лѣсовъ и производить насилія; кое-гдѣ съ войсками начались стычки, въ окрестностяхъ Несвижа проѣздъ путешественниковъ и почты сталъ

невозможенъ. Отправлено было туда нѣсколько ротъ подъ начальствомъ полковника Назимова, брата генералъ-губернатора, и въ этомъ столкновеніи русскія войска понесли уронъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда я изъ Витебска выѣзжалъ на Оршу. Подвигался я безъ особыхъ приключеній; лошади, противъ обыкновенія, вездѣ были хорошія, но это происходило отъ того, какъ объясняли смотрителя, что теперь этимъ трактомъ изъ-за повстанцевъ никто почти не ѣздитъ.

— А что̀ страшно развѣ тутъ ѣздить? спрашиваю я ямщика.

— Нѣтъ — говоритъ онъ: — повстанцы рѣдко трогаютъ проѣзжихъ; а вотъ вчера пріѣзжали ночью да забрали становогo, только онъ убѣгъ отъ нихъ.

— Да гдѣ же они прячутся?

— А вотъ тутъ верстахъ въ пяти на полянкѣ. Они только третьяго дня перебрались изъ Могилевской губерніи послѣ сраженія. Много ихъ тамъ побили наши солдаты, человѣкъ шестьдесятъ и все пановъ, а одинъ такъ одѣтъ въ панцырь и штыкъ его не беретъ, такой силачъ, огромный, ужъ едва нашъ офицеръ порубилъ его саблей.

Такого рода разсказы показывали, что состояніе Минской губерніи гораздо опаснѣе Витебской, и мнѣ приходилось быть на сторожѣ, тѣмъ не менѣе я еще не дошелъ до признанія необходимости ѣздить съ конвоемъ. Къ тому же, большой конвой представлялъ бы затрудненія при быстротѣ переѣздовъ, и это надѣлало бы шуму, а какихъ нибудь два казака не спасли бы отъ бѣды, тогда какъ поѣздка подъ видомъ частнаго человѣка давала болѣе возможности проскользнуть незамѣтно тамъ, гдѣ представлялась бы опасность. Я былъ молодъ и полагался на свою находчивость, да на шестиствольный револьверъ.

Одновременно со мною къ оршинской почтовой станціи подкатила щегольская дорожная коляска, и вышедшій изъ нея господинъ потребовалъ лошадей. Въ подорожной значилось, что ѣдетъ мировой посредникъ Лаппа по казенной надобности. Не знаю, по какому внутреннему чувству въ насъ обоихъ явилось взаимное недовѣріе къ личности другого и къ цѣли его путешествія, на распросы давались сдержанные отвѣты, тѣмъ не менѣе я узналъ, что мой знакомецъ полякъ, товарищъ братьевъ моихъ по лицею, сынъ минскаго губернскаго предводителя дворянства и ѣдетъ въ свое имѣніе Борисовскаго уѣзда. О томъ, что насъ обоихъ наиболѣе занимало, т. е. о мѣстныхъ событіяхъ, ни который изъ насъ не упомянулъ ни слова, и это лучше всего показываетъ натянутость отношеній, существовавшую между двумя національностями. Путь намъ лежалъ по одному направленію; Лаппа предложилъ мнѣ путешествовать вмѣстѣ, каждый въ своемъ экипажѣ, и мы сдѣлали такимъ образомъ вмѣстѣ нѣсколько переѣздовъ и даже

ночевали на одной станціи. Могъ ли я предполагать, что со мною ѣхалъ одинъ изъ начальниковъ бандъ и что шайка его находилась въ его имѣніи, что даже я нѣкоторымъ образомъ служилъ ему прикрытіемъ, такъ какъ онъ былъ уже въ подозрѣніи у властей и опасался быть задержаннымъ становымъ. Все это мнѣ выяснилось по пріѣздѣ въ Минскъ изъ разговора съ губернаторомъ. Но вѣроятно и онъ не могъ предвидѣть, что запросто ѣдущій чиновникъ будетъ случайнымъ орудіемъ разбитія именно его шайки, какъ о томъ будетъ разсказано ниже. Говорю, что если бы мы оба это знали, то вѣроятно наша встрѣча не окончилась бы такъ миролюбиво.

На предпослѣдней станціи отъ Борисова мнѣ отказали въ выдачѣ почтовыхъ лошадей, что поставило меня въ сильное затрудненіе. Впрочемъ, отказъ происходитъ не отъ недостатка лошадей, а отъ опасности переѣзда по дорогѣ до Борисова, такъ какъ ходили слухи, что въ двухъ верстахъ отъ дороги вблизи имѣнія Лаппы появилась шайка, которая высылаетъ разъѣзды на опушку лѣса къ дорогѣ и даже отбираетъ встрѣчныхъ лошадей. Ямщики отказывались везти, говоря, что боятся за своихъ коней, а смотритель, что мнѣ лично можетъ грозить опасность и совѣтовалъ сдѣлать какой-то невозможный объѣздъ чуть не въ полтораста верстъ. Наконецъ, выискался смѣльчакъ-бѣлоруссъ, согласившійся за тройные прогоны доставить меня въ Борисовъ почтовымъ трактомъ, хотя смотритель объявилъ, что слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность. Не ѣхать было нельзя, и я, полагаясь на свое счастье, которое мнѣ дѣйствительно ни разу не измѣнило за всѣ три года, а также разсчитывая, что слухи о шайкѣ могли быть преувеличены, сѣлъ перекрестясь въ телѣгу. Хотя я не предполагалъ въ своемъ возницѣ измѣнника, но при встрѣчѣ съ повстанцами онъ могъ оробѣть и по приказу ихъ остановиться, а потому я ему заявилъ, что на случай несчастной встрѣчи у меня есть пистолетъ; но что при крайности я имѣю твердое рѣшеніе спасать себя, а потому ежели онъ вздумаетъ предъ повстанцами останавливаться, то я не пожалѣю его, а, пустивъ ему пулю въ затылокъ, захвачу самъ возжи и буду скакать во весь духъ. Богъ избавилъ насъ отъ дурной встрѣчи, и мы бойко доѣхали до Борисова.

Въ городѣ расположенъ былъ пѣхотный полкъ, которымъ командовалъ, если не ошибаюсь, полковникъ Домбровскій. По происхожденію полякъ и католикъ, онъ однако считалъ своимъ долгомъ честно исполнять свои обязанности въ подавленіи мятежа. Строго поддерживалъ онъ дисциплину какъ между солдатами, такъ и въ городѣ, въ которомъ числился воинскимъ начальникомъ.

Первыя столкновенія въ Борисовѣ выразились въ безпричинныхъ дерзостяхъ офицерамъ со стороны помѣщиковъ; двухъ солдатъ оплевали; у полковыхъ дамъ, носившихъ цвѣтныя платья,

костюмы оказались обрызганными сѣрною кислотою. Всѣ эти глупыя нападки были круто прекращены полковникомъ, несмотря на угрожающія анонимныя письма, которыя получались имъ во множествѣ.

Я пріѣхалъ къ нему въ штабъ-квартиру и засталъ его въ совѣщаніяхъ съ капитаномъ Галломъ, адъютантомъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго, отъ котораго тотъ былъ присланъ для принятія предохранительныхъ мѣръ: въ имѣніи его высочества были замѣчательныя лошади и имъ также угрожала опасность служить подъ повстанцами. Самое имѣніе находилось по-близости. Разговоръ шелъ о тщетныхъ поискахъ отрядовъ гонявшихся за шайками повстанцевъ, поэтому мой разсказъ о рискованной поѣздкѣ выслушанъ былъ съ интересомъ и немедленно же отдано приказаніе отправить двѣ роты по сдѣланнымъ мною указаніямъ. Мы отобѣдали у Домбровскаго, и тотчасъ же роты, собравшіеся на дворѣ, выступили въ походъ подъ начальствомъ капитана Галла, вызвавшагося начальствовать экспедиціей, а я выѣхалъ на Минскъ.

Этотъ губернскій городъ—одинъ изъ лучшихъ городовъ западного края, но въ описываемое мною время онъ имѣлъ весьма печальный видъ: первое, что̀ поражало новопріѣзжаго, это исключительно черный цвѣтъ дамской одежды съ крепомъ, а иногда и съ плерезами; это производило впечатлѣніе какихъ-то общественныхъ похоронъ и было особенно замѣтно въ праздничные дни, когда массы публики, преимущественно женщинъ, выходили на городской бульваръ и медленно двигались какъ бы въ процессіи. Поляки любятъ бить на эффектъ; трауръ наводилъ тоску, что и было можетъ быть истинной цѣлью этихъ манифестацій; ни одна русская женщина не могла появиться на улицѣ, имѣя на себѣ что̀-либо цвѣтное, безъ того, чтобы кто-нибудь изъ толпы не нанесъ ей оскорбленій. Доходило до того, что русскую національность приходилось скрывать. А въ костелахъ громко пѣли двѣ излюбленныя пѣсни: «Боже цожъ Польска» и «Съ дымемъ пожоревъ», которыхъ грустные и торжественные мотивы настраивали фанатизмъ поляковъ на высшій діапазонъ.

Евреи, составляющіе довольно значительный контингентъ въ Минскѣ, какъ бы держали сторону поляковъ, и это понятно: не говоря уже объ ихъ трусливости, ихъ интересы были связаны съ интересами польскихъ помѣщиковъ, въ то время еще богатыхъ. Нынѣшнее оскудѣніе, какъ послѣдствіе контрибуцій и крестьянской реформы 1861 года, еще не выказалось, всѣ оброчныя статьи въ имѣніяхъ, всѣ корчмы и шинки на дорогахъ и въ селахъ, принадлежали панамъ и арендовались евреями, скупавшими также всѣ сельскія произведенія. Каждый помѣщикъ имѣлъ своего еврея, а евреи составляютъ, какъ извѣстно, какую-то особую корпорацію съ крѣпкими взаимными связями. Поэтому понятно, что надъ стра-

ной были раскинута сѣть или паутина экономическихъ интересовъ, въ этой сѣти были задавлены и спутаны какъ мухи русскіе крестьяне. Чиновничество, за рѣдкими исключеніями, было изъ польской шляхты, и только офицеры представляли русскій образованный элементъ, но они были въ то время въ обществѣ подъ какимъ-то остракизмомъ, да и вообще русскій человѣкъ чувствовалъ, что онъ здѣсь не дома. Русскаго купечества не существовало, потому что всякая попытка открыть лавку преслѣдовалась еврейской общиной какъ посягательство на ихъ собственность и права. Только русское духовенство составляло надежный оплотъ.

Въ Минскѣ я заручился инструкціями и приказами къ мѣстнымъ уѣзднымъ и сельскимъ властямъ объ оказаніи мнѣ всяческаго содѣйствія; но въ сущности мнѣ казалось, что губернаторъ самъ мало вѣрилъ въ практическую пользу моихъ поѣздокъ. «Да хранитъ васъ Богъ! сообщайте намъ объ успѣхахъ, которыхъ добьетесь»! Всѣ эти напутственныя пожеланія отзывались какою-то безнадежностью. Бывшій въ то время въ Минскѣ начальникомъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Гольдгоеръ, блестящій гвардейскій офицеръ тридцатыхъ годовъ и затѣмъ командиръ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, находился тоже подъ какимъ-то чувствомъ апатіи. На немъ лежала обязанность возстановить силою уваженіе къ русской власти; но онъ не могъ освоиться съ мыслью воевать въ Россіи противъ своихъ же.

— Что̀ можете вы подѣлать съ вашими крестьянскими караулами, говорилъ онъ, съ толпой крестьянъ, когда мои хорошо вооруженныя и обученныя роты не достигаютъ никакого результата.

Дѣйствительно, всѣ распоряженія военныхъ властей оказывались безплодными. Случались стычки, и въ этихъ столкновеніяхъ понятно войска имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ шайками, вооруженными охотничьими ружьями, пистолетами и косами насаженными на древки. Инсургентовъ били ежели ихъ настигали; но они разсыпались или уходили на захваченныхъ подводахъ, и по заранѣе условленному лозунгу снова собирались въ пунктахъ, гдѣ ихъ ожидали подкрѣпленія и провіантъ. Большею же частью дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: какъ только получалось извѣстіе отъ какого нибудь шпіона-еврея о появленіи шайки въ той или другой мѣстности, тотчасъ снаряжалась на легкѣ одна или двѣ роты въ экспедицію; провіантъ брали дня на два и ранцы везли на подводахъ, чтобы, не утомляя солдатъ, дѣлать большіе переходы; выступали иногда въ ту же ночь; но приходя на мѣсто верстъ за сорокъ или болѣе, измученный отрядъ узнавалъ, что повстанцы ушли нѣсколько часовъ тому назадъ, забравъ всѣ мѣстныя подводы. Ясно было, что распоряженіе властей сообщалось своевременно шайкѣ, можетъ быть изъ той же канцеляріи, которая увѣдомляла губернатора о присутствіи инсургентовъ въ та-

комъ-то мѣстѣ. Иногда же дѣло дѣлалось проще: еврей-доносчикъ заблаговременно извѣщалъ повстанцевъ о своемъ желаніи выказать свою благонамѣренность донося на нихъ, и тогда конечно все улаживалось мирно, власти выказывали свою дѣятельность, а евреи преданность, и къ тому же эти послѣдніе смотрѣли на доносъ, какъ на гешефтъ, получая благодарность съ двухъ сторонъ.

Направлялся я на Новогрудокъ и Несвижъ; отъѣхавъ верстъ пятьдесятъ отъ губернскаго города, я прибылъ въ одно большое селеніе, если не ошибаюсь Туржицы, гдѣ тотчасъ распорядился о созывѣ сельскихъ властей, которымъ далъ прочесть имѣющееся при мнѣ предписаніе и затѣмъ назначилъ на утро крестьянскій сходъ.

Желая придать болѣе торжественности и значенія этимъ распоряженіямъ и заставить крестьянъ серьезнѣе взглянуть на обязанности ихъ при содержаніи карауловъ, я отправился къ мѣстному священнику, о которомъ слышалъ, какъ о лицѣ пользующемся довѣріемъ населенія. Ему въ разговорѣ изъяснилъ цѣль своей поѣздки и содѣйствіе, котораго отъ него ожидалъ; мнѣ хотѣлось предъ началомъ отслужить молебенъ, а затѣмъ назначенныхъ въ караулъ крестьянъ допустить ко кресту.

На утро, гораздо ранѣе назначеннаго мною часа, у входа въ мою избу собралась толпа крестьянъ и въ горницу вошелъ священникъ въ сопровожденіи десятка такъ называемыхъ стариковъ.

— А вѣдь вы хорошо сдѣлали, началъ онъ, побывавъ вчера вечеромъ у меня! Послѣ вашего ухода, ночью, ко мнѣ явились крестьяне и объявили, что они совѣщались между собою на счетъ вашего пріѣзда и порѣшили приставить къ вашей избѣ на ночь караулъ, а рано утромъ связать васъ да и отправить на подводѣ съ десятскими въ губернію (въ Минскъ). Да хорошо, что догадались прежде прійдти посовѣтоваться со мною. Были бы вамъ непріятности, да и имъ бы потомъ не поздоровилось за ихъ дурость. Я имъ объяснилъ кто вы, вотъ мы и пришли съ повинною.

— Да что же вы нашли во мнѣ подозрительнаго? спросилъ я крестьянъ.

— И, батюшка, ваше высокородіе! да теперь у насъ по волостямъ много ѣздитъ и чиновниковъ, и мировыхъ посредниковъ, и каждый возитъ съ собою бумагу съ казенной печатью, а послѣ смотримъ они служатъ въ повстанцахъ. А вы ваше высокородіе еще объ караулахъ заговорили, а манифеста объ этомъ не было, вотъ мы и усумнились.

Священникъ сообщилъ мнѣ, что такъ называемые кацапы, то-есть, великорусскіе крестьяне, живущіе въ Мозырьскомъ уѣздѣ на границѣ Радомысльскаго, на дняхъ, безъ всякаго приказа задержали нѣсколько личностей и отправили ихъ въ станъ, за что̀ получили благодарность отъ начальства.

Оказывалось такимъ образомъ, что данное порученіе подвергало меня опасности съ двухъ сторонъ—отъ друзей и недруговъ.

Безъ новыхъ приключеній продолжалъ я свой путь, останавливаясь въ болѣе значительныхъ пунктахъ и организуя охранительную стражу. Отъ Несвижа къ Пинску путь опять оказался несвободнымъ, и мнѣ по деревнямъ разсказывали, что тамъ происходятъ сраженія. Такъ какъ я не имѣлъ порученія воевать лично, то повернулъ на Слуцкъ, но видно мнѣ было на роду написано не уйдти отъ этой судьбы. Въѣзжая въ Слуцкъ я былъ привезенъ прямо на дворъ, гдѣ стоялъ мѣстный воинскій начальникъ, казацкій полковникъ, имя котораго я къ сожалѣнію забылъ. За дѣло усмиренія онъ взялся просто и толково: всѣ лица входящія или выходящія изъ города должны были непосредственно являться къ нему, но затрудненій и особыхъ формальностей для полученія разрѣшенія не требовалось, давались на выходъ записки за подписью полковника, а за городомъ наблюдала цѣпь казаковъ. Не довѣряясь извѣстіямъ, приходящимъ отъ евреевъ, онъ посылалъ казачьи разъѣзды и на основаніи ихъ донесеній изъ уѣзда высылалъ въ разныя мѣста воинскія команды и большею частью успѣшно. Въ минуту моего пріѣзда на дворѣ у него дѣлались приготовленія къ новой экспедиціи и тутъ же между чаркой старки (польская водка) и миской борща мнѣ предложили принять участіе въ ночномъ походѣ. Я прежде служилъ въ военной службѣ и дѣлалъ походы, а потому счелъ неловкимъ отказаться отъ военной прогулки. Мнѣ подвели казацкаго коня подъ арчакомъ. Я чувствовалъ себя въ возбужденномъ состояніи и весело проѣхалъ въ обществѣ казаковъ верстъ восемь, но походъ нашъ кончился скоро: выступившіе прежде насъ казаки и полвзвода солдатъ настигли въ лѣсу небольшое скопище молодежи, почти что ребятъ, которые, выстрѣливъ съ дальняго разстоянія изъ своихъ плохихъ охотничьихъ ружей, бросились въ чащу, побросавъ свое оружіе, въ числѣ котораго оказались ружья безъ замковъ. На убѣгающихъ казаки устроили облаву, а намъ ничего не пришлось дѣлать и мы вернулись на ночлегъ въ Слуцкъ. Все это со стороны инсургентовъ походило на какую-то ребяческую шалость, но никакъ не на войну, а между тѣмъ казаки сурово и подъ часъ жестоко относились къ нимъ. Такъ, напримѣръ, одинъ казакъ пикой подгонялъ одного плѣннаго, показывалъ видъ, что зазѣвывается, чтобы дать тому возможность бѣжать, но при каждой такой попыткѣ со стороны повстанца быстро настигалъ его и кололъ пикой, забавляясь какъ кошка надъ мышью.

Въ Бобруйскѣ я долженъ былъ встрѣтить офицеровъ и команды назначенныя для составленія ядра сельскихъ карауловъ; на мнѣ лежала обязанность подготовить ихъ для исполненія даваемаго имъ порученія, сдѣлать распредѣленіе и роздать инструкціи. Къ сожалѣнію, я лично не добился тамъ ничего, такъ медленно и апатично

исполнялись распоряженія. Предвидя проволочку двухъ недѣль времени, я рѣшился передать коменданту окончаніе задачи своей, съ тѣмъ, чтобы онъ отправилъ офицеровъ въ назначенные имъ пункты, а самъ спѣшилъ въ Игуменъ, гдѣ предстояли особыя распоряженія. Въ той мѣстности дѣйствовалъ въ это время энергическій предводитель повстанцевъ Свенторжецкій, одинъ изъ богатѣйшихъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Недалеко отъ его имѣнія я нагналъ по дорогѣ отрядъ пѣхоты, который былъ посланъ конфисковать имѣніе этого начальника инсургентовъ постоянно ускользавшаго отъ преслѣдованій. Родовое гнѣздо его было захвачено и раззорено, вся движимость вывезена. Мнѣ разсказывали о богатствѣ запасовъ найденныхъ въ усадьбѣ, все у него было устроено на широкую ногу, какъ живали въ старину богатые паны. Такъ, напримѣръ, въ его погребахъ на цѣпяхъ висѣли бочки со столѣтней старкой, венгерскимъ виномъ и медами. Каждый входящій въ погребъ непремѣнно приводилъ въ движеніе бочку и эти постоянныя раскачиванья съ годами улучшали напитокъ.

Вернувшись послѣ шестнадцатидневнаго отсутствія въ Минскъ я нашелъ большія перемѣны; городъ былъ въ волненіи: на утро назначена была казнь чрезъ повѣшеніе двухъ офицеровъ, принявшихъ участіе въ возстаніи; они были схвачены, преданы военному суду и приговорены къ позорной казни. Генералъ-губернаторъ Назимовъ конфирмовалъ приговоръ, и это былъ чуть ли не первый примѣръ въ его управленіе краемъ.

Второе событіе было присоединеніе Минской губерніи къ виленскому генералъ-губернаторству, что давало возможность принимать однообразныя мѣры на всемъ театрѣ возстанія.

Наконецъ, одновременно съ этимъ пришло извѣстіе о назначеніи въ началѣ мая Михаила Николаевича Муравьева на должность генералъ-губернатора сѣверо-западнаго края съ чрезвычайными полномочіями, въ замѣнъ Назимова.

До того времени М. Н. Муравьевъ находился какъ бы въ опалѣ, по причинамъ, которыя высказывать здѣсь было бы излишнимъ; но одною изъ причинъ была его чрезвычайная суровость. Когда, однако, общественное мнѣніе пришло къ убѣжденію, что для тушенія польскаго пожара недостаточно мѣръ кротости, то имя Муравьева невольно сказалось повсюду. Все говорило, что дѣло усмиренія будетъ имъ поведено энергичпо, репутація его въ этомъ отношеніи была упрочена, и всякій вмѣстѣ съ тѣмъ былъ увѣренъ, что подъ его управленіемъ значеніе русскаго имени будетъ поднято. Дѣятельность этого человѣка была изумительна, да онъ умѣлъ и подчиненнымъ прибавить энергіи.

Въ бытность мою въ Минскѣ произошелъ слѣдующій случай: У губернатора былъ обѣдъ, на который былъ приглашенъ и генералъ-лейтенантъ Гольдгоеръ. Я былъ въ числѣ гостей; Гольд-

гоеръ вошелъ въ залъ, показывая только-что полученную телеграмму Муравьева, въ которой говорилось о нахожденіи повстанцевъ близъ Пинска и предлагалось ему, какъ главному воинскому начальнику, принять энергичныя мѣры къ уничтоженію ихъ.

— Каковъ старикъ! знаетъ что у насъ за двѣсти верстъ дѣлается, говорилъ генералъ, садясь за столъ. Въ половинѣ обѣда Гольдгоеру подаютъ другую телеграмму. «Отъ кого?» «Отъ Муравьева же». Въ телеграммѣ было сказано: «Немедленно донести мнѣ по телеграфу, какія распоряженія сдѣланы вашимъ превосходительствомъ по моей первой телеграммѣ». Гольдгоеръ былъ озадаченъ; но дѣлать нечего, оставилъ обѣдъ и отправился дѣлать распоряженія.

Порученіе, данное мнѣ министромъ, было окончено, и я отправился въ Вильно, чтобы передать новому генералъ-губернатору тѣ особенности, которыя были мною замѣчены во время объѣзда по губерніи. Проѣзжая обратно чрезъ Борисовъ, я завернулъ къ полковнику Домбровскому и онъ разсказалъ мнѣ о послѣдствіяхъ сдѣланнаго мною сообщенія о шайкѣ въ имѣніи Лаппы: шайку настигли и разбили.

— По положенію, мы выдаемъ пятьдесятъ рублей лицу указавшему мѣсто нахожденія шайки повстанцевъ; вы имѣете на нихъ право, говорилъ мнѣ полковникъ, а потому позвольте просить васъ въ замѣнъ денегъ, выбрать что нибудь изъ числа оружія отбитаго у непріятеля. Это вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ служить воспоминаніемъ вашихъ трудовъ въ краѣ.

Мы пошли въ сарай, гдѣ было свалено въ кучу оружіе повстанцевъ; это былъ какой-то невозможный арсеналъ хлама, имѣющаго мало общаго съ военнымъ дѣломъ нашего времени: косы насаженныя на древки были наилучшимъ оружіемъ. Тутъ были ржавыя сабли безъ ноженъ, кремневыя ружья охотничьи; пистолеты безъ курковъ, невидавшіе пороха лѣтъ двѣсти; два шлема. Болѣе всего меня удивила пушка: это былъ выдолбленный осиновый отрубокъ обтянутый железными обручами и поставленный на колеса; меня увѣряли, что изъ такого деревяннаго орудія можно сдѣлать выстрѣловъ пять. Я выбралъ себѣ на память старинный дробовикъ особой конструкціи съ плоскимъ дуломъ, изъ котораго стрѣляли помощью фитиля.

Посѣтилъ я и больницу, гдѣ лежали несчастныя жертвы повстанія; ни одного изъ нихъ не было старѣе двадцати двухъ лѣтъ, но встрѣчались и четырнадцатилѣтніе. Особенно поразилъ меня видъ одного 15-ти-лѣтняго мальчика: глазъ выколотъ штыкомъ, грудь и животъ у него тоже пробиты холоднымъ оружіемъ, и при каждомъ вздохѣ, воздухъ со свистомъ выходилъ изъ грудного отверстія. У кого достало духу такъ изувѣчить этого несчастнаго юношу? но вмѣстѣ съ тѣмъ, какая отвѣтственность должна пасть

на совѣсть пановъ и ксендзовъ, посылавшихъ на убой глупыхъ ребятъ? и ихъ били какъ барановъ, а эти дѣти не имѣли ни силъ, ни оружія для защиты. Въ силу какихъ убѣжденій вышли они на бой?

Въ Вильнѣ мнѣ сдѣланъ былъ Муравьевымъ пріемъ самый ласковый, онъ посвятилъ разговору со мною полчаса, и я удивляюсь какъ онъ находилъ время со всякимъ лицомъ такъ подробно объясняться. Видимо, что онъ не пренебрегалъ никакими свѣдѣніями, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ ввѣреннаго ему края, а также съ тѣми дѣятелями, на которыхъ ему приходилось опираться. Ему не въ первый разъ довелось имѣть дѣло съ польскими заговорщиками, онъ зналъ поляковъ, не довѣрялъ имъ, и былъ неумолимо твердъ въ принятыхъ однажды рѣшеніяхъ. Еще въ бытность его въ тридцатыхъ годахъ губернаторомъ въ Вильнѣ, ему пришлось приводить въ исполненіе смертный приговоръ надъ однимъ изъ лицъ, имѣвшимъ большія связи въ Петербургѣ. Между тѣмъ друзья приговореннаго добились облегченія его участи предъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, отъ имени котораго и посланъ былъ флигель-адъютантъ съ конвертомъ къ Муравьеву въ Вильно; тогда телеграфа еще не существовало. Посланный государя, измученный быстрою ѣздой, поспѣлъ однако во-время: онъ прибылъ ночью и просилъ аудіенціи въ восемь часовъ утра, зная, что казнь назначена въ десять часовъ. Муравьевъ догадался въ чемъ дѣло и немедленно распорядился о приведеніи приговора въ исполненіе въ пять часовъ утра, а на восьми-часовой аудіенціи объявилъ посланному, что тотъ опоздалъ. Не знаю на сколько справедливъ этотъ разсказъ, но онъ вѣрно характеризуетъ Михаила Николаевича, никогда неуступавшаго тамъ, гдѣ онъ видѣлъ пользу строгости мѣръ.

— Вашъ министръ переслалъ мнѣ ваши донесенія, и я одобряю ваши дѣйствія, говорилъ онъ принимая меня въ кабинетѣ. Вы возвращаетесь въ Петербургъ, кланяйтесь отъ меня Александру Алексѣевичу и скажите ему, что я чрезъ два мѣсяца доставлю три милліона рублей контрибуціи въ казну; поляковъ надо бить рублемъ.

На мои разсказы о траурѣ въ Минскѣ, онъ отвѣтилъ такъ:

— Всѣ эти глупости кончатся въ десять дней; трауръ будетъ запрещенъ наравнѣ со всякими наружными манифестаціями, первый штрафъ будетъ въ 25 рублей, второй въ 50; а если кто попадется въ третій разъ, то заплатитъ сто рублей и посидитъ въ тюрьмѣ.

Узнавъ объ участіи мироваго посредника Лаппы въ возстаніи, онъ тотчасъ распорядился объ арестованіи отца его, губернскаго предводителя дворянства (сложившаго впрочемъ съ себя это званіе).

— Я давно имѣлъ на него подозрѣніе, говорилъ Муравьевъ, теперь оно кстати!

Мѣры крутыя и на первый взглядъ какъ бы несправедливыя,

но ими была достигнута намѣченная цѣль. Замѣчательно и то, что увѣренность въ успѣхѣ мѣръ, слышавшаяся въ словахъ Михаила Николаевича, переходила къ его слушателямъ: всякій чувствовалъ силу этой воли, былъ убѣжденъ, что такъ и будетъ, какъ онъ говоритъ и самъ проникался желаніемъ содѣйствовать ему. Это былъ могучій капельмейстеръ!

Высказавъ русскому государственному человѣку искреннее пожеланіе въ успѣхѣ возложенной на него Россіей задачи я вернулся въ Петербургъ и явился къ министру Зеленому.

— Генералъ Муравьевъ требуетъ васъ къ себѣ, и я представилъ о назначеніи васъ управляющимъ палатою въ Ковно,—были слова которыми встрѣтилъ меня мой начальникъ.

И вотъ мнѣ снова предстояло также спѣшно собираться на службу въ забранный край, какъ его называли поляки.

III.

Назначеніе меня на должность въ Ковно.—Общій взглядъ на политическое положеніе.—Охрана дорогъ.—Казнь Сѣраковскаго.—Искатели мѣстъ.—Мой разговоръ съ Муравьевымъ.—Мѣры предосторожности отъ убійцъ. — Польскій катехизисъ.—Телеграмма Суворова.—Женскія училища.—Кржыжи.—Обрусѣніе края.

12-го іюня 1863 года, мною получена была бумага слѣдующаго содержанія: «По всеподданнѣйшему докладу господина министра, государь императоръ въ 6-й день сего іюня высочайше соизволилъ назначить васъ исправляющимъ должность управляющаго ковенскою палатою государственныхъ имуществъ. Поставляя васъ о семъ въ извѣстность, предлагаю вамъ немедленно отправиться въ Вильно для представленія мѣстному генералъ-губернатору, а затѣмъ въ Ковно, по прибытіи куда вступить въ управленіе тамошнею палатою государственныхъ имуществъ. Товарищъ министра Гернгросъ».

Это было назначеніе почетное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опасное; судьба все глубже толкала меня въ омутъ возстанія, и я, принимая гражданскую должность, въ сущности ѣхалъ на войну, и на войну тѣмъ болѣе опасную, что нападенія дѣлались не при дневномъ свѣтѣ въ полѣ съ оружіемъ въ рукахъ, а предательски изъ-за угла кинжаломъ или отравой. Меня могли подстрѣлить въ лѣсу во время необходимыхъ разъѣздовъ по волостямъ; могли и просто явиться въ квартиру, занимаемую мною въ городѣ, да тутъ же со мною и покончить.

Принимая меня въ прощальной аудіенціи, министръ объяснилъ опасность даваемаго порученія и высказалъ увѣренность въ моей

энергіи и патріотизмѣ; затѣмъ совѣтывалъ не брать съ собой семейства.

— Губернія, гдѣ вамъ предстоитъ трудиться, сказалъ въ заключеніе онъ:—не похожа на прочія мѣстности Россіи; русскаго тамъ мало; но вы должны въ этомъ краѣ бороться противъ католическаго духовенства, сильнаго вліяніемъ на жмудское населеніе. Дѣйствуя энергично противъ пановъ и возмутителей, вы въ крайнихъ случаяхъ можете употребить силу и противъ ксендзовъ. Можетъ быть вамъ придется иного связать да и отправить подъ карауломъ. Не бойтесь ихъ интригъ, мы васъ здѣсь защитимъ и поддержимъ.

Въ это тяжелое для Россіи время, все въ нашемъ отечествѣ встрепенулось; дипломатическое вмѣшательство европейскихъ дворовъ за Польшу показало опасность, грозившую намъ извнѣ. На иностранныя ноты князь Горчаковъ отвѣтилъ, какъ извѣстно, блистательными нотами; всѣ сословія русскаго государства стали посылать адресы государю о своей готовности принести посильныя жертвы для поддержанія достоинства и цѣлости Россіи, а самарское дворянство сдѣлало постановленіе о томъ, чтобы всѣ русскіе дворяне были приглашены въ настоящее время вернуться изъ-за границы на служеніе родинѣ. Это уже не походило на оффиціальное выраженіе чувствъ; тутъ заговорилъ патріотизмъ. Но показывая готовность стать стѣной за родину, русскій народъ въ лицѣ его правителей долженъ былъ доказать Европѣ, что онъ въ силахъ укротить домашнюю смуту безъ посторонняго вмѣшательства и что до сего дня имъ руководило въ отношеніи поляковъ долготерпѣніе, а не слабость.

Много казацкихъ полковъ отправлено было въ Польшу и Западный край; они были истинной грозой повстанцевъ; часть гвардіи послана была на мѣсто возстанія въ помощь мѣстнымъ войскамъ; ея преслѣдованія инсургентовъ были неутомимы и осмысленны; каждый полкъ соревновалъ предъ другимъ въ успѣхахъ. Вторая гвардейская дивизія, и въ особенности лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ со своимъ командиромъ, генераломъ Ганецкимъ, впослѣдствіи комендантомъ Петропавловской крѣпости, дѣлали чудеса своими быстрыми переходами. Муравьевъ не могъ ими нахвалиться, а первая дивизія, оставшаяся въ Петербургѣ, завидуя славѣ товарищей, усердно ходатайствовала предъ государемъ о предоставленіи возможности и ей принять участіе въ дѣлахъ. Дѣйствія генералъ-губернатора юго-западнаго края и намѣстника царства Польскаго вполнѣ согласовались съ дѣйствіями Муравьева, который какъ бы служилъ образцемъ; все пѣло въ унисонъ и о всегдашней славянской розни не было и рѣчи. Печать поддерживала это настроеніе и статьи «Московскихъ Вѣдомостей» въ пользу Муравьева читались на расхватъ. Въ правительственныхъ сфе-

рахъ прониклись сознаніемъ, что надо подрубить въ корнѣ причины періодическихъ возстаній Польши. Ежели польская интеллигенція мечтала о возстановленіи политическихъ правъ былой Польши, то крестьяне, которыхъ паны называли «быдломъ», находились въ крайне стѣсненномъ и приниженномъ экономическомъ состояніи. Если паны были головой дѣла и предводителями, то крестьянство представляло физическую силу, доставляя контингентъ дружинъ; его подвигали мѣстные владѣльцы на волненіе, обѣщая улучшенія его быта, суля волю и землю; духовенство дѣйствовало на народъ, фанатизируя его съ религіозной точки, утверждая, что русскіе хотятъ обратить всѣхъ католиковъ въ православіе и указывали какъ примѣръ на уніатовъ; а чиновничество, составленное изъ шляхты, во всѣхъ вопросахъ держало сторону пановъ противъ народа, объясняя это требованіями русскаго правительства. Къ несчастью, тѣ изъ русскихъ, которые до того времени служили въ западномъ краѣ, мало внушали довѣрія и симпатіи мѣстному населенію, такъ какъ изъ внутреннихъ губерній Россіи отправлялись въ тотъ край искать службы лишь такія личности, которымъ не находилось мѣста дома.

Прежде всего надлежало взяться за разрѣшеніе существеннаго вопроса—аграрнаго; слѣдовало вырвать крестьянъ изъ-подъ власти пановъ, надѣлить ихъ въ достаточномъ количествѣ землею и тогда главная опора возстанія—земская сила, сдѣлавшись консервативной, перешла бы на сторону правительства. Этотъ взглядъ былъ усвоенъ высшей властью и все было двинуто для энергичнаго приведенія въ дѣйствіе «Положенія» объ улучшеніи быта крестьянъ тамъ, гдѣ еще оно не было примѣнено. Члены повѣрочной коммисіи и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, также какъ и мировые посредники, были назначены исключительно изъ русскихъ лицъ, и имъ даны были инструкціи дѣлать возможно дешевую оцѣнку землямъ, отводимымъ крестьянамъ въ надѣлъ. Мѣры эти, стойко приводимые въ исполненіе, одновременно достигали двоякой цѣли: отнимали у пановъ косвеннымъ образомъ денежныя средства и, надѣляя крестьянъ достаткомъ, дѣлали ихъ довольными съ сознаніемъ, что они этимъ обязаны русскому правительству. Самый сильный стимулъ къ возмущенію населенія ускользалъ такимъ образомъ изъ рукъ коноводовъ возстанія.

Этотъ краткій обзоръ былъ необходимъ для объясненія всѣхъ дальнѣйшихъ мѣръ и распоряженій Муравьева, которыя слѣдовали по строго опредѣленному плану: военныя дѣйствія были не болѣе какъ кровопусканіе, примѣненное къ больному въ крайности, но полное выздоровленіе зависѣло отъ радикальнаго излеченія организма и отстраненія причинъ, вызывавшихъ припадки.

Выѣхавъ 12-го же іюня изъ Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ, я замѣтилъ при въѣздѣ въ Витебскую губернію,

начиная отъ Рѣжицы, первыя мѣры предосторожности, которыя принимались для охраны пассажировъ. На каждой станціи, съ приближеніемъ къ ней поѣзда, выстраивался военный караулъ съ заряженными ружьями, а отъ Динабурга въ нашъ поѣздъ сѣлъ, въ особый вагонъ, небольшой отрядъ пѣхоты; обязанность его состояла въ охранѣ ѣдущихъ отъ нападеній. Мѣра эта была вызвана нѣсколькими попытками инсургентовъ порчи дороги, или просто наложеніемъ на рельсы камней и бревенъ: осторожно идущій поѣздъ останавливался и тогда изъ ближайшихъ строеній, или лѣсной опушки, сыпались пули въ окна вагоновъ. Въ этихъ случаяхъ отрядъ высаживался и преслѣдовалъ нападающихъ, но все же это поселяло тревогу въ ѣдущихъ и производило остановки. Въ послѣдствіи сдѣлано было распоряженіе посылать впереди пассажирскихъ поѣздовъ пробный локомотивъ, и если дорога была не свободна, то поѣздъ выжидалъ на предъидущей станціи. Вообще, приходилось противъ каждаго ухищренія нападающихъ изыскивать средства защиты.

Лѣса вдоль дороги представляли для инсургентовъ естественное прикрытіе, какъ для нападенія на ѣдущихъ, такъ и для того, чтобы спасаться отъ преслѣдованія отрядовъ. Муравьевъ приказалъ очистить отъ лѣса всю мѣстность на разстояніи ста саженъ по обѣ стороны желѣзныхъ дорогъ. На рубку лѣса были вызваны жители окрестныхъ селеній, которымъ за этотъ трудъ предоставлялся безвозмездно лѣсной матеріалъ; на такой подарокъ крестьяне набросились съ особымъ удовольствіемъ; работы истребленія производились подъ наблюденіемъ лѣсничихъ, прежнихъ охранителей того же лѣса. Много прекраснаго строительнаго матеріала было погублено, но безопасность дорогъ была возстановлена. Какъ дополнительныя мѣры, вдоль дороги были учреждены конные разъѣзды, а жителей деревень подвергали денежному штрафу, ежели въ районѣ ихъ происходили порчи дорогъ, а виновные не были открыты.

Я въѣзжалъ въ Вильно въ утро казни Сѣраковскаго. Какъ теперь вижу поле и на немъ «два столба съ перекладиною» подъ нею виситъ закутанное въ саванъ тѣло; изъ-подъ савана видны лакированные сапожки. Впослѣдствіи, во время моей тягостной дѣятельности въ Западномъ краѣ, мнѣ много разъ приходилось присутствовать при исполненіи смертной казни разстрѣляніемъ и повѣшеніемъ, но тогда я еще не обтерпѣлся, и воспоминаніе объ этой мрачной картинѣ до сегодня производитъ на меня живое впечатлѣніе. Я не могу забыть ясный солнечный день, двигающіяся невдалекѣ группы жителей Вильно и посреди всего этотъ видимый знакъ жестокой борьбы двухъ національностей.

Сѣраковскій, офицеръ генеральнаго штаба, былъ человѣкъ энергичный и дѣятельный. Въ началѣ возстанія онъ былъ въ Петер-

бургѣ на службѣ; взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Вильно, гдѣ принялъ начальство надъ народовыми войсками подъ псевдонимомъ «Топора», если не ошибаюсь. Онъ, впрочемъ, кажется, гораздо ранѣе принималъ дѣятельное участіе въ подготовкѣ возстанія. Въ первой же серьезной стычкѣ съ русскими, онъ былъ разбитъ, раненъ и скрылся на мызѣ сосѣдняго пана; къ несчастью для него русскій отрядъ проходилъ этимъ имѣніемъ и произвелъ обыскъ, который, можетъ быть, не привелъ бы ни къ какому результату, если бы самъ Сѣраковскій не выдалъ себя, отвѣтивъ на какую-то грубую выходку солдата замѣчаніемъ, чтобы тотъ велъ себя приличнѣе, такъ какъ предъ нимъ офицеръ. Это невольно повело къ раскрытію его личности; онъ былъ отвезенъ въ Вильно и отданъ подъ военный судъ. Его молодая жена пріѣхала въ Вильно и усиленно ходатайствовала предъ Муравьевымъ за мужа, но съ трудомъ добилась только того, что наканунѣ исполненія приговора ее допустили до свиданія съ мужемъ. Впрочемъ, имъ ничего не было извѣстно о близкомъ разсчетѣ его съ жизнью и Сѣраковскій, видимо, на что-то надѣялся; онъ успокоивалъ жену, и даже строилъ какіе-то планы. Въ роковое утро, когда пришли исполнители и ему объявлена была смерть чрезъ повѣшеніе, онъ былъ пораженъ, затѣмъ возмутился противъ рода смерти, и требовалъ разстрѣлянія какъ офицеръ. Когда его привезли на мѣсто казни, онъ хотѣлъ протестовать и говорить рѣчь народу... но барабанная дробь заглушила его слова, на его голову накинули капишонъ, на шею веревку, и чрезъ нѣсколько минутъ его не существовало.

Муравьевъ занималъ въ Вильно такъ называемый дворецъ, дѣйствительно прекрасное зданіе съ дворомъ и чугунной рѣшеткой. Значеніе Михаила Николаевича при той неограниченной власти, которая была ему предоставлена, конечно, было не менѣе значенія любой владѣтельной особы. Только если въ этомъ дворцѣ и находилось много придворныхъ, то всѣ они были въ военной оболочкѣ, что вполнѣ соотвѣтствовало обстоятельствамъ. Впрочемъ, вокругъ него встрѣчались тайные и другіе совѣтники, чающіе мѣстъ, на которыя имъ справедливо можно было разсчитывать: прежніе предсѣдатели, губернаторы, исправники и прочій административный персоналъ края должны были измѣнить свою прежнюю пассивную дѣятельность и при малѣйшей, не говорю уже неблагонадежности, но даже медлительности, подвергались выговорамъ и затѣмъ замѣнялись новыми лицами, представлявшими то преимущество, что въ качествѣ новой метлы хорошо мели. Отъ новаго лица, во-первыхъ, требовалась политическая благонадежность, во-вторыхъ, чтобы жена его была не польскаго происхожденія. По поводу послѣдняго обстоятельства изданъ былъ Муравьевымъ слѣдующій оригинальный циркуляръ: оффиціально запреща-

лось русскимъ служащимъ вступать въ бракъ съ польками, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ текстѣ приказа слышалось поощреніе къ русской семейной обстановкѣ; каждый желающій жениться получалъ отпускъ на двѣ недѣли, чтобы съѣздить въ Россію, то есть во внутреннія губерніи.

— А, здравствуйте» сказалъ мнѣ Муравьевъ, принимая въ своемъ кабинетѣ и указывая противъ себя кресло, я васъ поджидалъ; что видно не удалось убѣжать отъ меня?

— Я втайнѣ надѣялся служить подъ начальствомъ вашего высокопревосходительства, но боюсь не всегда угодить вамъ, я мало знакомъ съ губерніей, куда назначенъ и съ гражданскою письменною дѣятельностью.

— Будьте точнымъ и скорымъ исполнителемъ моихъ распоряженій; да замѣните мнѣ всѣхъ служащихъ въ вашей палатѣ поляковъ русскими. На ваше усердіе и здравый умъ я полагаюсь; вашъ министръ мнѣ особенно васъ рекомендуетъ. Обо всемъ вами замѣченномъ пишите мнѣ также прямо и просто, какъ писали вашему начальству, только въ дѣлахъ старайтесь, чтобы было менѣе бумажности и отписокъ.

— Чтобы замѣнить прежнихъ чиновниковъ цѣлой палаты новыми я боюсь въ незнакомомъ мнѣ краѣ не найти подходящихъ людей, особенно за которыхъ я могъ бы поручиться.

— Это уже ваше дѣло! берите изо всей Россіи кого хотите, вы имѣете знакомыхъ; исполненіе оставляется на вашей отвѣтственности.

Затѣмъ Муравьевъ велѣлъ мнѣ получить изъ его канцеляріи разные приказы и инструкціи, вышедшіе за время его управленія, а ихъ было не малое количество, и отпустивъ отъ себя просилъ спѣшить въ Ковно. Прошелъ всего съ небольшимъ мѣсяцъ со дня вступленія Михаила Николаевича въ управленіе краемъ, а результаты его дѣятельности были уже осязательны. Въ залахъ виленскаго дворца я встрѣтилъ много пановъ, явившихся для выраженія чувствъ своей преданности правительству, тогда какъ прежде подобный шагъ съ ихъ стороны былъ бы немыслимъ; значитъ чувствовали они присутствіе сильной руки, которая могла защитить ихъ отъ мщенія соотчичей. Какъ-то странно было видѣть этихъ партикулярныхъ гостей въ толпѣ военныхъ, которыми были испещрены залы, да и сами они чувствовали фальшивость своего положенія и въ движеніяхъ ихъ было что-то заискивающее, хотя слѣдуетъ признать, что въ числѣ поляковъ находились лица искренно сожалѣвшія о возникшей смутѣ въ странѣ; несомнѣнно, что они любили родину и не оправдывали возстанія. Но голоса ихъ терялись въ общемъ хорѣ польскаго фанатизма, да, наконецъ, и голоса эти не смѣли высказываться. Тутъ же толпились крестьяне-депутаты сельскихъ обществъ въ своихъ бѣлыхъ бѣлорусскихъ свит-

кахъ съ должностными цѣпями и медалями. Кое гдѣ виднѣлись въ углу сидящія дамы-польки, но за нихъ можно было поручиться, что онѣ явились не иначе, какъ просительницами за арестованнагѓ и приговореннаго брата, мужа или сына. Необходимо было весьма сильное побужденіе, чтобы полька явилась въ домъ русскаго, а особенно такого «пшеклентаго злодзія, якъ Муравьевъ». Трудно было новому генералъ-губернатору въ первые дни его прибытія; это прибытіе было заранѣе возвѣщено, русское общество возлагало слишкомъ большія надежды на его дѣятельность, чтобы не возбудить опасеній революціонеровъ и не внушить фанатикамъ намѣренія отдѣлаться отъ новаго врага какимъ нибудь средствомъ. Пуля или кинжалъ не казались достаточно вѣрными посредниками, да и къ тому же этотъ способъ подвергалъ убійцу опасности: Муравьева охраняло много глазъ, а самъ Михаилъ Николаевичъ почти не выходилъ изъ дворца и дѣйствовать противъ него прямымъ нападеніемъ было невозможно, но ядъ былъ средство хорошее. Попытокъ этого рода особенно опасались его окружающіе и самъ Муравьевъ принялъ чрезвычайныя мѣры осторожности. Ближайшая прислуга у него была привезена съ собой; его поваръ закупалъ провизію каждый день въ какой нибудь новой лавкѣ въ разныхъ частяхъ города; его докторъ долженъ былъ предварительно пробовать пищу, и, тѣмъ не менѣе, не разъ появлялись разсказы о попыткахъ отравы. Однажды сообщено было отъ евреевъ о приготовленіяхъ отравить его, причемъ отъ ихъ общества высказано было, что они дорожатъ присутствіемъ Муравьева, потому что онъ возстановилъ порядокъ, безъ котораго торговыя дѣла ихъ идутъ дурно.

Много нужно было имѣть силы воли, чтобы посвятить себя при подобной обстановкѣ общественному дѣлу и спокойно заниматься самыми разнообразными вопросами, требующими немедленнаго разрѣшенія и приведенія ихъ въ исполненіе; но дѣлá у Муравьева шли быстро, доступъ къ нему былъ легокъ, и распоряженія его часто довольно оригинальныя, но всегда практичныя, слѣдовали безостановочно. При немъ состояло нѣсколько судныхъ коммисій разбиравшихъ слѣдственныя дѣла объ арестованныхъ полякахъ и приговоры большею частью были суровы. Муравьевъ говорилъ: «Я повѣшу нѣсколько десятковъ повстанцевъ, но за то спасу отъ раззоренія и смерти сотни тысячъ народа».

Муравьевъ видѣлъ, что душею возстанія были поляки, нафанатизированныя ксендзами, и хотя онъ приказывалъ зорко слѣдить за интригами женщинъ, но, борьба съ ними могла быть только оборонительная. За то распоряженія генералъ-губернатора тяжело обрушивались на мѣстное католическое духовенство; ксендзъ, уличенный въ участіи возстанія, былъ безпощадно преслѣдуемъ, и многіе изъ нихъ въ этотъ годъ поплатились жизнію. «Духовное

христіанское лицо должно быть проповѣдникомъ мира и любви, а коли онъ мнѣ врагъ, то мнѣ щадить его не приходится»—выразился однажды Михаилъ Николаевичъ. Въ возстаніи 1863 года были наразрывно сплетены два вопроса—политическій и религіозный и это составляло его силу, потому что руководители возстанія въ каждомъ полякѣ, начиная отъ магната до крестьянина, затрогивали ту или другую струну. Матери посылали сыновей «до лясу» какъ тогда говорилось; а ксендзы объявляли имъ отъ имени папы прощеніе грѣховъ. Существовалъ особый катехизисъ въ рукописи, въ которомъ вопросы и отвѣты представляли странное сечетаніе христіанскаго ученія съ поощреніемъ на всякія злодѣйства противъ русскихъ; подкладка его была чисто политическая. Экземпляры такого катехизиса находили на убитыхъ повстанцахъ, и я помню удивленіе и негодованіе, которое возбудило это открытіе въ русскомъ обществѣ, часть котораго еще не вполнѣ отрезвилась отъ симпатіи къ польскому дѣлу. Въ Петербургѣ въ числѣ высокопоставленныхъ особъ было много лицъ несочувствовавшихъ крутымъ мѣрамъ Муравьева и даже противудѣйствовавшимъ ему. Разсказывали, что по поводу задержанія одного польскаго магната Муравьевъ получилъ изъ Петербурга телеграмму отъ генералъ-адъютанта князя Суворова съ запросомъ: «за что арестованъ такой-то?» «Угадайте!» былъ лаконичный отвѣтъ Муравьева.

Пренебреженіе къ православію и приниженность русскаго духовенства въ западномъ краѣ обратили на себя вниманіе правительства: рядомъ съ богатыми костелами стояли вѣтхія, разрушающіяся русскія церкви; многія греко-россійскіе храмы были превращены въ костелы; въ немногихъ оставшихся были введены украшенія уніатскія и католическія, совершенно измѣнявшія тотъ видъ, съ которымъ въ умѣ каждаго православнаго соединяется мысль о родной святынѣ. Русское духовенство было бѣдно и вслѣдствіе того грубо и невѣжественно. Цѣлый рядъ мѣръ былъ предпринятъ для возстановленія значенія русскаго и уменьшенія вліянія католическаго духовенства.

Нѣкоторые монастыри были закрыты и упразднены, тѣмъ болѣе, что они не могли предъявить никакого легальнаго права на свое существованіе въ Россіи; многіе костелы возвращены православію; составились общества братчиковъ, на заботѣ которыхъ лежало попеченіе о церквахъ и православіи; значительныя суммы были назначены на постройку, возобновленіе и поддержаніе церквей и для этой цѣли въ государственную роспись введена особая графа на ежегодные расходы.

Одною изъ лучшихъ мѣръ было учрежденіе женскихъ духовныхъ училищъ, принятыхъ подъ особое покровительство императрицы, лично назначавшей на мѣсто начальницъ русскихъ дамъ съ особенными достоинствами. Подъ ихъ руководствомъ и попеченіемъ

училища эти развились и оказались особенно благотворны: дѣвочки-малютки изъ семей мѣстнаго духовенства русскаго цѣлой губерніи поступали туда за самую скромную плату; готовились быть наставницами сельскихъ школъ и скромными хозяйками и чрезъ шесть лѣтъ возвращались въ семьи. Здоровый русскій элементъ вводился въ народный бытъ и помощію его просвѣщеніе проникаетъ теперь въ темныя массы.

Одна мѣра носящая религіозный характеръ была принята Муравьевымъ; но я не могу уяснить себѣ, какой цѣли желалъ онъ ею достигнуть? Во всей западной Россіи на перекресткахъ дорогъ стоятъ большіе деревянные, а иногда и каменные кресты, «кржижи» какъ называетъ ихъ народъ. Кресты эти ставились набожностью жителей какъ выраженіе благодарности Богу за какое нибудь счастливое событіе; Муравьевъ велѣлъ ихъ снести, и тѣмъ какъ бы далъ поводъ обвинять его въ преслѣдованіи католической вѣры. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется ихъ было бы лучше не касаться и не оскорблять религіознаго чувства, хотя бы и суевѣрной толпы. Муравьевъ былъ проникнутъ желаніемъ уничтожить всякій внѣшній признакъ, который могъ бы навести на предположеніе, что Бѣлоруссія есть польскій и католическій край. При немъ создалось и опредѣлилось новое слово: «обрусѣніе края». Самыя ничтожныя вещи способствовавшія этому направленію обращали на себя его вниманіе; такъ, напримѣръ, во всемъ краѣ вывѣски надъ магазинами были написаны на польскомъ языкѣ. Вышло распоряженіе, чтобы въ теченіи недѣли не осталось ни одной вывѣски съ польской надписью и требовались русскія буквы. Надо было видѣть всеобщій переполохъ купцевъ почти исключительно евреевъ; вывѣсочные живописцы заработали крупныя куши, не успѣвая удовлетворять требованію; многіе евреи принялись саморучно за кисть первый разъ въ жизни, и въ результатѣ явились все русскія вывѣски; но Боже! съ какимъ курьезнымъ правописаніемъ.

Отправляясь къ мѣсту служенія въ Ковно, я взялъ билетъ на станціи желѣзной дороги; но получилъ его не безъ затрудненій, такъ какъ эта операція была обставлена разными формальностями, чтобы не дать подозрительнымъ личностямъ возможности скрыться изъ города.

Я. Бутковскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

УСМИРЕНІЕ ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1863 ГОДУ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта В. Д. Кренке.)

I.

СЪ 1860 по 1864 годъ, я, въ чинѣ генералъ-майора, служилъ въ Кіевѣ, командуя 2-й саперной бригадой, переименованной впослѣдствіи въ 3-ю саперную бригаду. Военнымъ генералъ-губернаторомъ кіевскимъ, подольскимъ и виленскимъ былъ тогда князь Илларіонъ Илларіоновичъ Васильчиковъ, а кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ—генералъ-лейтенантъ Гессе.

Варшавскія броженія того времени сообщились и полякамъ Кіевской губерніи. Въ 1861 и особенно въ 1862 году выходки поляковъ начали принимать все болѣе и болѣе рѣзкія формы; еще только задумывая мятежъ, они уже считали себя побѣдителями и приняли надменный, до смѣшного, тонъ въ обращеніи съ русскими. Стали появляться мальчишескія демонстраціи, напримѣръ, при встрѣчахъ на улицахъ, поляки перестали кланяться тѣмъ русскимъ, передъ которыми еще очень недавно низко склоняли свои головы; на улицѣ, на узкихъ кіевскихъ тротуарахъ, поляки, при встрѣчѣ съ русскими, шли прямо, чуть не сталкивая встрѣчнаго съ тротуара, не дѣлая никакой взаимной уступки мѣста, чтобы удобно было разойтись; такъ поступали и мужчины и женщины и даже гимназисты, послѣдніе всегда ходили группами въ 5, 6 и болѣе человѣкъ; при встрѣчѣ съ русскими смотрѣли прямо въ

глаза и хохотали; женщины облеклись въ трауръ; на мужчинахъ появились національные польскіе костюмы; въ костелахъ пѣлись революціонные гимны; польскіе студенты явно отдѣлились отъ русскихъ, составляли сходки, по ночамъ собирались въ польскихъ трактирахъ или частныхъ домахъ и распѣвали мятежныя пѣсни такъ громко, что на улицѣ было отчетливо слышно; въ театрѣ, польскіе студенты собираясь большими группами, освистывали тѣхъ артистовъ, которымъ аплодировали русскіе и проч.

Въ половинѣ лѣта 1862 года, бывшая дѣйствующая армія распалась на части; образовались три военные округа, варшавскій, виленскій и кіевскій. Князь Васильчиковъ былъ назначенъ, съ оставленіемъ въ должности генералъ-губернатора, командующимъ войсками кіевскаго военнаго округа. Съ этого времени началось мое сближеніе съ княземъ Васильчиковымъ; я часто бывалъ у него, онъ часто присылалъ за мной и утромъ и вечеромъ. Васильчиковъ откровенно говорилъ мнѣ, что онъ назначенъ командующимъ войсками округа безъ всякаго предваренія, что начальникомъ штаба къ нему назначенъ неизвѣстный ему генералъ-маіоръ Ганъ (Александръ Федоровичъ, нынѣ генералъ отъ инфантеріи и главный начальникъ чесменской военной богадѣльни); что самъ онъ, хотя и служилъ когда-то въ кавалеріи, но ужь совсѣмъ отсталъ отъ кавалерійской службы, а пѣхотную службу и никогда не зналъ, что ему совѣстно явиться невѣждой передъ строемъ войскъ, что онъ не знаетъ даже и командныхъ словъ и просилъ меня, хоть на первое время, быть его руководителемъ. Но великій знатокъ пѣхотной службы генералъ Ганъ скоро сдѣлался надежнымъ помощникомъ Васильчикову въ командованіи войсками.

Въ бесѣдѣ съ Васильчиковымъ, я какъ-то замѣтилъ, что мѣры, принимаемыя противъ польской пропаганды уже слишкомъ паліативны. Васильчиковъ отвѣчалъ, что это замѣчаніе совершенно вѣрно, но что онъ безсиленъ въ этомъ дѣлѣ, дѣйствуя по указанію изъ Петербурга. Даже первое заявленіе мое, говорилъ Васильчиковъ, о Н. И. Пироговѣ, осталось безъ отвѣта, а при второмъ представленіи я долженъ былъ оговорить, что если не получу удовлетворительнаго отвѣта, то самъ долженъ буду просить увольненія отъ должности.

О Пироговѣ князь Васильчиковъ говорилъ такъ: кто же не знаетъ, что Пироговъ, какъ хирургъ, составляетъ гордость Россіи, а трактатъ его о воспитаніи юношества можетъ считаться на ряду съ евангельскими поученіями, но Пироговъ представляетъ лучшій примѣръ того, что великій ученый, великій мыслитель можетъ быть плохимъ администраторомъ—педагогомъ. Лично онъ достигъ необычайной популярности между студентами и гимназистами, но совершенно распустилъ эти заведенія, какъ бы растлилъ ихъ. Возможно ли допустить, чтобы студенты и гимназисты, во всякое

время дня и ночи, имѣли свободный доступъ къ попечиталю учебнаго округа, чтобы мальчики прямо, непосредственно, заявляли попечителю свои жалобы, свои неудовольствія, свои желанія. Не только студенты, но и гимназисты приноровились къ тону Пирогова, они умѣли вторить его идеямъ, умѣли расположить Пирогова въ свою пользу, и Пироговъ, растаявъ отъ жалобныхъ словъ мальчишекъ, являлся въ гимназію, и, въ присутствіи воспитанниковъ распекалъ и гувернеровъ и инспекторовъ, и директоровъ; студенты также дѣйствовали относительно ректора и лучшихъ профессоровъ, такъ что при Пироговѣ, по крайней мѣрѣ въ самомъ Кіевѣ, все начальство университета и гимназій потеряло всякое значеніе для студентовъ и гимназистовъ. Студенты и гимназисты знали только одного Пирогова и болѣе ровно ни на кого не обращали вниманія; и студенты и гимназисты сдѣлались совершенно необузданными. Чаще всего являлись къ Пирогову полячки съ жалобами на русскихъ воспитателей, учителей, инспекторовъ и проч., и русскіе люди, преслѣдуемые попечителемъ, поневолѣ должны были искать защиты у гражданской администраціи. Далѣе Васильчиковъ продолжалъ, что все это въ дружеской бесѣдѣ онъ высказывалъ и Пирогову, но Пироговъ слушалъ это съ явнымъ неудовольствіемъ и рѣзко отвѣчалъ, «что въ дѣлѣ воспитанія, въ дѣлѣ обученія дѣтей и юношей, національностей нѣтъ, всѣ дѣти равны, кто бы ни были ихъ отцы и матери». Пироговъ остался при своемъ мнѣніи, не смотря на возраженіе Васильчикова, что такіе принципы не могутъ имѣть мѣста въ то время, когда взаимная національная ненависть возбуждена въ высшей степени и что польскіе мальчики, жаловавшіеся Пирогову на русскихъ наставниковъ, несомнѣнно говорили не по своей дѣтской инициативѣ, а по наставленію родителей и родственниковъ своихъ—поляковъ.

Выслушавъ длинный разсказъ Васильчикова, я отвѣчалъ ему, что въ сужденіяхъ своихъ о Пироговѣ могу быть пристрастнымъ, что кромѣ уваженія къ Пирогову, какъ къ знаменитому хирургу и педагогу-писателю, я чту въ немъ спасителя своего; онъ, въ 1854 году, какъ докторъ, спасъ меня, но долженъ сказать правду, что все, сейчасъ слышанное мною о Пироговѣ, повторяется во всемъ городѣ, что во многихъ русскихъ кружкáхъ сильно негодуютъ на Пирогова за то, что университетъ и гимназіи дѣйствительно доведены до крайней распущенности.

Кіевскій гражданскій губернаторъ, генералъ Гессе, приводилъ мнѣ примѣры нравственнаго вліянія Пирогова на студентовъ: полиція провѣдала, что въ такой-то день, въ такомъ-то мѣстѣ, назначена была большая сходка студентовъ. Гессе поѣхалъ къ Пирогову; Пироговъ призвалъ къ себѣ двухъ студентовъ, сказалъ имъ нѣсколько словъ и сходка не состоялась. Въ другой разъ, полиція донесла Гессе, что въ польскомъ трактирѣ, въ концѣ города, собра-

лось множество студентовъ-поляковъ и они громко поютъ революціонныя пѣсни; Гессе опять поѣхалъ къ Пирогову; Пироговъ со своимъ человѣкомъ послалъ туда записку и всѣ студенты безъ малѣйшаго шума разошлись по домамъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Гессе самъ долженъ былъ ѣздить къ Пирогову; послать къ нему полицеймейстера или чиновника нельзя было, Пироговъ ихъ не принималъ, да и самому Гессе не рѣдко приходилось ожидать въ пріемной выхода Пирогова. Такое огромное нравственное вліяніе попечителя на учащуюся молодежь могло бы быть очень благотворнымъ; но, къ сожалѣнію, вышло наоборотъ.

Въ ноябрѣ 1862 года, умеръ князь Васильчиковъ; на его мѣсто генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками назначенъ былъ генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Николай Николаевичъ Анненковъ 2-й. Онъ прибылъ въ Кіевъ въ половинѣ января 1863 года и, при первомъ пріемѣ кіевскихъ чиновъ, сказалъ мнѣ, что заочно хорошо познакомился со мной по рекомендаціямъ великаго князя Николая Николаевича и военнаго министра Милютина. Вскорѣ, вмѣсто Гессе, кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ назначенъ былъ свиты его величества генералъ-маіоръ Казнаковъ, впослѣдствіи генералъ-губернаторъ западной Сибири. Въ концѣ февраля 1863 года, великій князь Николай Николаевичъ телеграфировалъ Анненкову, чтобы, по желанію военнаго министра, я былъ командированъ въ Петербургъ для занятій въ особомъ комитетѣ, учрежденномъ при военномъ министерствѣ. Анненковъ отвѣчалъ, что, въ виду начинающихся польскихъ смутъ, онъ не можетъ командировать меня, что я необходимъ въ Кіевѣ.

II.

Открытый польскій вооруженный мятежъ въ Кіевской губерніи вспыхнулъ въ ночь съ 26-го на 27-е апрѣля, но уже за мѣсяцъ передъ тѣмъ въ уѣздахъ показывались вооруженные поляки одиночками, иногда по два и по три, или пѣшкомъ или гарцующими на прекрасныхъ лошадяхъ. Не знаю, было ли сдѣлано какое распоряженіе по полиціи о захватѣ такихъ личностей, но воинскіе начальники не получали никакихъ указаній [1]).

[1]) Командуемая мною саперная бригада состояла тогда изъ 9-ти отдѣльныхъ частей: три саперные баталіона, одинъ резервный саперный полубаталіонъ, три понтонные парка и два инженерные парка, полевой и осадный. Изъ нихъ инженерные парки были расположены въ самомъ Кіевѣ, 4-й саперный баталіонъ временно занималъ караулы въ Кіевѣ и былъ расположенъ въ казармахъ, въ Прозоровской башнѣ, остальныя шесть частей были расположены частію въ Кіевскомъ, но преимущественно въ Васильковскомъ и Каневскомъ уѣздахъ, моя квартира была въ Кіевѣ.

27-го апрѣля, я получилъ первое предписаніе о дѣйствіи противъ мятежныхъ шаекъ, въ которомъ только и было сказано, чтобы не допускать шайки цѣликомъ или частями пробираться на сѣверъ и западъ къ Радомыслю, Овручу и Бердичеву. Тотчасъ же я сообщилъ это подвѣдомымъ мнѣ начальникамъ частей и каждому прибавилъ отъ себя, чтобы противъ вооруженныхъ шаекъ дѣйствовали рѣшительно, стараясь не разсѣевать шайки, а уничтожать ихъ, т. е. захватить цѣликомъ, или положить на мѣстѣ. 27-го и 28-го апрѣля, получались донесенія въ Кіевѣ, что въ уѣздахъ Кіевской губерніи повсемѣстно появились вооруженныя шайки мятежниковъ, пѣшія и конныя, а оставшіеся въ Кіевѣ поляки, для усиленія паники, умышленно распускали слухи, что съ разныхъ сторонъ на Кіевъ идутъ сильные отряды мятежниковъ, что пороховымъ погребамъ и разнымъ артиллерійскимъ складамъ, расположеннымъ внѣ крѣпости, грозитъ опасность. Вслѣдствіе этихъ слуховъ, для успокоенія жителей, были усилены караулы въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ.

29-го апрѣля, состоялся приказъ по Кіевскому округу, которымъ я назначенъ начальникомъ войскъ въ пяти уѣздахъ Кіевской губерніи: Каневскомъ, Таращанскомъ, Сквирскомъ, Васильковскомъ и Кіевскомъ, кромѣ города Кіева; въ тотъ же день я получилъ приказаніе, чтобы вечеромъ, передъ отъѣздомъ въ уѣзды, зашелъ къ Анненкову за полученіемъ инструкціи. Но по приходѣ моемъ Анненковъ завелъ совершенно посторонній разговоръ, преимущественно о предшествовавшей службѣ своей въ Одессѣ и когда я самъ спросилъ, какое угодно будетъ дать приказаніе по возложенному на меня порученію, Анненковъ, разведя руки, отвѣчалъ: «Что же я могу сказать вамъ отсюда, все будетъ зависѣть отъ вашего собственнаго усмотрѣнія». Тогда я сказалъ, что настоящимъ мятежемъ слѣдуетъ намъ воспользоваться; открытый мятежъ развязываетъ намъ руки, теперь можно съ корнемъ вырвать отсюда польскій элементъ. На эти слова мои, Анненковъ, послѣ длинной рацеи о гуманности, протяжно сказалъ: «Надобно дѣйствовать осторожно, чтобы не раздражать Европу, я не хочу, чтобы Европа дурно заговорила обо мнѣ».

Юго-западный край, раздѣленный на нѣсколько военныхъ участковъ, не былъ объявленъ на военномъ положеніи и это была большая ошибка. Начальники военныхъ отдѣловъ, какъ и я, не получили никакихъ правъ, никакихъ инструкцій и дѣйствовали ощупью, какъ кому Богъ на душу положитъ. Съ перваго дня пріѣзда Анненкова въ Кіевъ, обнаружилось сочувствіе его къ полякамъ, онъ былъ несравненно внимательнѣе къ нимъ, чѣмъ къ русскимъ, льстилъ имъ, просто ухаживалъ за ними [1]).

---

[1]) По сосѣдству со мной, генералъ-лейтенантъ Багговутъ назначенъ былъ

Въ ночь съ 29-го на 30-е апрѣля, я прибылъ въ Васильковъ и узналъ, что открытый мятежъ былъ уже подавленъ и мнѣ осталось только захватить остатки шаекъ въ лѣсахъ, успокоить мирныхъ жителей и водворить порядокъ. Въ Васильковѣ содержалось 121 плѣнныхъ мятежниковъ; я въ ту же ночь отправилъ ихъ въ Кіевъ подъ присмотромъ сапернаго офицера, а въ конвой назначилъ исключительно однихъ крестьянъ пѣшихъ и конныхъ, вооруженныхъ кольями. Я приказалъ имъ вступить въ Кіевъ въ полдень 1-го мая, чтобы этимъ шествіемъ порадовать русскихъ людей Кіева. Я болѣе чѣмъ достигъ цѣли — эту первую партію плѣнныхъ встрѣчало почти все народонаселеніе Кіева [1]).

Утромъ, 30-го апрѣля, я объѣздилъ дороги на Бердичевъ, Радомысль и Овручъ, охранявшіяся двумя ротами 5-го сапернаго баталіона, усилилъ кордонъ тремя сотнями казаковъ и поздно вечеромъ прибылъ въ Бѣлую Церковь, гдѣ получилъ подробныя свѣдѣнія о формированіи, движеніи и уничтоженіи четырехъ шаекъ въ Васильковскомъ уѣздѣ. Утромъ, 1-го мая, изъ Бѣлой церкви, я послалъ Анненкову первое донесеніе (за № 24) слѣдующаго содержанія:

«Въ Васильковскомъ уѣздѣ гнѣздомъ мятежа были имѣнія графовъ Браницкихъ, въ окрестности Бѣлой Церкви; всѣ управляю-

---

начальникомъ войскъ въ Звенигородскомъ, Черкасскомъ, Чигиринскомъ, Уманьскомъ и Липовецкомъ уѣздахъ; Бердичевскій и Житомирскій уѣзды въ военномъ отношеніи подчинены были Волынскому губернатору, генералъ-маіору князю Друцкому-Соколинскому.

Въ пяти уѣздахъ, мнѣ порученныхъ, кромѣ саперъ, были расположены слѣдующія войска: 2 эскадрона резервнаго дивизіона Смоленскаго уланскаго полка, 4 сотни казаковъ Донского № 11 полка и одинъ баталіонъ бѣлостокскаго резервнаго полка; казаки скоро были выведены, а поступили три стрѣлковыя роты Полтавскаго пѣхотнаго полка.

[1]) Снаряжая этихъ плѣнныхъ, я спохватился, что въ Кіевѣ нѣтъ готоваго помѣщенія для такого числа арестантовъ, и потому, съ нарочнымъ, написалъ начальнику штаба, генералу Гану, что въ виду этого я сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: приказалъ одной ротѣ 4-го сапернаго баталіона очистить казарму въ Прозоровской башнѣ для помѣщенія плѣнныхъ и перейти въ лагерь, а тремъ остальнымъ ротамъ этого баталіона заготовлять пищу для плѣнныхъ, покуда не послѣдуетъ особаго распоряженія по сему предмету. Ганъ былъ въ восторгѣ отъ такой моей заботливости и громко говорилъ о томъ въ городѣ, но съ моей стороны въ этомъ не было никакой заслуги, потому что я ближе всѣхъ зналъ о совершенномъ недостаткѣ помѣщеній въ кіевской крѣпости для политическихъ арестантовъ, особенно для такой массы. Анненковъ, въ первые дни своего пріѣзда въ Кіевъ, при побѣгѣ двухъ важныхъ политическихъ преступниковъ, поручилъ мнѣ подробно осмотрѣть всѣ помѣщенія для арестантовъ, особенно для политическихъ преступниковъ, и, по представленію моему, приказалъ произвести такія обширныя работы по увеличенію и улучшенію помѣщеній для арестантовъ, что онѣ не могли быть окончены къ концу лѣта.

щіе Браницкихъ и всѣ лица, служащія у Браницкихъ, суть явные или тайные участники мятежа; исключенія едва ли имѣютъ мѣсто.

«Мятежъ, вспыхнувшій въ ночь съ 26-го на 27-е число, къ вечеру 29-го апрѣля былъ уже подавленъ и всѣ четыре шайки мятежниковъ, появившіяся въ Васильковскомъ уѣздѣ, были уничтожены въ полномъ смыслѣ слова.

«Честь уничтоженія мятежныхъ шаекъ принадлежитъ исключительно крестьянамъ; они сами собой вооружились поголовно и чѣмъ попало; повсемѣстно; появлялись крестьянскіе отряды, преимущественно конные; въ каждомъ селеніи выставлены караулы, пикеты, разъѣзды; крестьянскіе отряды выѣзжали въ числѣ отъ 50 до 1,500 человѣкъ, такъ что обязанность войскъ состояла, преимущественно, въ укрощеніи справедливаго гнѣва крестьянъ и въ охраненіи жизни тѣхъ мятежниковъ, которые перестали сопротивляться.

«Нынѣшній безумный мятежъ убѣдилъ поляковъ въ заблужденіи ихъ несчитать юго-западный край коренною Русью.

«Положительно докладываю вашему высокопревосходительству, что если бы крестьяне не были удерживаемы войсками, то въ три дня, въ здѣшнихъ мѣстахъ, не осталось бы ни одного поляка и даже ни одного костела.

«Не говоря о плѣнныхъ мятежникахъ, тѣ изъ здѣшнихъ поляковъ, которые, не уличенные въ мятежѣ, остались на свободѣ, совершенно измѣнили тонъ. Послѣ гордаго, надменнаго обращенія съ офицерами, они теперь униженно кланяются и просятъ защиты и покровительства.

«По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною, спокойствіе водворяется въ Таращанскомъ и Сквирскомъ уѣздахъ; къ вечеру сего же 1-го мая буду въ Таращѣ.

«Захваченные мятежники отсюда будутъ доставлены въ Кіевъ; ихъ много, до 300 человѣкъ.

«Въ заключеніе, считаю обязанностью свидѣтельствовать о необыкновенномъ усердіи, ловкости и распорядительности пристава 1-го стана Васильковскаго уѣзда Пиленко; это есть лучшій изъ всѣхъ видѣнныхъ мной чиновниковъ мѣстной полиціи».

Когда этотъ рапортъ былъ напечатанъ, то подчеркнутыя строки восхитили русскихъ людей въ Кіевѣ, особенно русскую партію профессоровъ кіевскаго университета. Строки эти были перепечатаны и въ газетахъ, съ такими коментаріями: «если бы генералъ не хотѣлъ быть справедливымъ, то весь интересъ его состоялъ въ томъ, чтобы выставить заслугу ввѣренныхъ ему войскъ, но онъ честно воздалъ справедливость крестьянамъ».

Въ Бѣлой Церкви я останавливался въ скромномъ домикѣ, занимаемомъ командиромъ 6-го сапернаго баталіона, Л. Ѳ. Корсаковымъ; туда пріѣхалъ ко мнѣ въ коляскѣ четверней, изъ дворца Браницкаго, его главноуправляющій, знаменитый, въ то время, панъ Зелинскій, родомъ дворянинъ, кажется, Подольской губерніи, передъ которымъ все кругомъ на 100 верстъ падало ницъ. Зелинскій обратился ко мнѣ съ претензіей на войска и на партію крестьянъ, руководимыхъ войсками, въ томъ, что они помяли хлѣбъ графа Браницкаго, поломали изгородь и вообще надѣлали много шкоды. Я едва сдержался при такой нахальной дерзости и рѣзко отвѣтилъ ему: «и вы осмѣлились явиться ко мнѣ съ такою претензіей, вы, если сами и не схвачены въ шайкахъ мятежниковъ, то устраивали ихъ и помогали имъ; вотъ старуха мать оплакивающая сына своего, котораго вы, лично вы, услали въ шайку (Пиленко привелъ ко мнѣ эту женщину), ваши упряжныя лошади были подъ мятежниками». Затѣмъ, обратясь къ Корсакову, я сказалъ: «полковникъ! арестуйте его». Панъ Зелинскій бросился передо мной на колѣни, хотѣлъ цѣловать мои руки и ноги, называлъ себя глупцомъ, непонимавшимъ, что онъ говорилъ, умолялъ меня во имя Божьей Матери, большой своей семьи, взрослыхъ дочерей и т. п. Когда Зелинскаго вывели изъ комнаты, я поручилъ Корсакову, чтобы до окончанія слѣдствія, содержалъ его подъ домашнимъ арестомъ, на его собственной квартирѣ [1]).

Точно также и въ Таращанскомъ, Сквирскомъ и Каневскомъ уѣздахъ мятежъ былъ подавленъ до моего пріѣзда. Я представилъ Анненкову подробныя донесенія о дѣйствіяхъ войскъ и крестьянъ противъ мятежныхъ шаекъ, здѣсь же привожу только извлеченія:

Въ пяти уѣздахъ, мнѣ подчиненныхъ, было всего 8 шаекъ. Изъ четырехъ Васильковскихъ шаекъ двѣ захвачены были въ Сквирскомъ уѣздѣ; то же самое было и въ другихъ уѣздахъ; шайки появлялись въ одномъ, а ловились въ другомъ уѣздѣ.

Всего въ пяти уѣздахъ убито мятежниковъ 141, поднято тяжело раненыхъ 29, взято въ плѣнъ и доставлено въ Кіевъ 601, итого 771 человѣкъ. Можно положить, что добрая половина мятежниковъ, все-таки, ускользнула изъ нашихъ рукъ; нѣкоторые ускакали на превосходныхъ лошадяхъ и многіе скрылись сперва въ лѣсахъ, тамъ бросили оружіе и спокойно возвратились домой,

[1]) Анненковъ смягчилъ и этотъ арестъ, признавъ достаточнымъ отобрать отъ Зелинскаго росписку, что онъ до окончанія слѣдстія не будетъ отлучаться изъ Бѣлой Церкви. Спустя, примѣрно, мѣсяцъ, Зелинскій частнымъ письмомъ просилъ разрѣшенія Анненкова пріѣхать на нѣсколько дней въ Кіевъ, по хозяйственнымъ дѣламъ. Анненковъ это письмо прислалъ ко мнѣ съ своимъ правителемъ канцеляріи, Фурсовымъ, который на словахъ передалъ, что его высокопревосходительство, съ своей стороны, не имѣетъ препятствія къ исполненію просьбы Зилинскаго, и проситъ моего согласія; я, конечно, согласился.

какъ мирные граждане; за неимѣніемъ уликъ, ихъ нельзя было задержать. Въ числѣ плѣнныхъ было 2 ксенза, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ; помѣщиковъ или землевладѣльцевъ не было ни одного; отъ одной четвертой до одной третьей части всего числа плѣнныхъ была молодежь, недостигшая еще и 20-ти лѣтъ отъ роду, тутъ были и студенты кіевскаго университета, и кадеты кіевскаго кадетскаго корпуса, и гимназисты изъ Кіева и, преимущественно, изъ Бѣлой Церкви; нѣсколько кадетовъ и гимназистовъ были въ форменныхъ мундирахъ учебныхъ заведеній. Многіе изъ кадетовъ и гимназистовъ, и вообще изъ молодежи, были безъ сапогъ, съ глубокими ранами и царапинами на ногахъ; одни изъ нихъ, захватываемые въ расплохъ на ночлегахъ, не успѣвали надѣть сапоговъ; другіе бросили сапоги для облегченія себя на ходу и тѣмъ еще болѣе портили ноги. Всѣ плѣнные представлялись измученными, изнуренными; большинство ихъ составляли управляющіе, конторщики, поссессоры и вообще служащіе при помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ разныхъ экономическихъ должностяхъ.

При поимкѣ мятежныхъ шаекъ, убиты: нижнихъ воинскихъ чиновъ 3, крестьянъ 5; ранено: нижнихъ чиновъ 10, крестьянъ 8.

Три шайки были захвачены одними крестьянами, безъ участія войскъ, изъ нихъ одна шайка, въ числѣ 52-хъ человѣкъ, въ Васильковскомъ уѣздѣ, у селенія Гребенки, была захвачена цѣликомъ, безъ пролитія крови: шайка растянувшись пробиралась по узкой тропинкѣ; замѣтивъ это, волостной старшина, здоровый, сильный крестьянинъ Иванъ Шадура, съ двумя товарищами, напалъ на передовыхъ 7 мятежниковъ, свалилъ ихъ и перевязалъ, захватилъ и еще двухъ подошедшихъ мятежниковъ; затѣмъ подбѣжали крестьяне и вся шайка была перевязана. Шадура по моему ходатайству получилъ георгіевскій крестъ.

Одна шайка, убѣгавшая отъ преслѣдованія войскъ, наткнулась на сильную партію крестьянъ, руководимую мировымъ посредникомъ Масловымъ и была захвачена цѣликомъ; осталось только на мѣстѣ 18 убитыхъ.

Самая щегольская шайка была Бѣлоцерковская, въ числѣ не менѣе 100 человѣкъ, изъ которыхъ половина была верхомъ, а другая на подводахъ, запряженныхъ четвернями хорошихъ лошадей. Эту шайку захватила 6-го сапернаго баталіона рота его высочества, подъ командою капитана Чистякова, при содѣйствіи двухъ крестьянскихъ партій. На нихъ-то и приносилъ жалобу главноуправляющій Зелинскій.

Самая многочисленная шайка, до 400 человѣкъ, а можетъ быть и болѣе, начала формироваться въ Каневскомъ уѣздѣ, въ селеніи Богуславѣ и, направляясь въ Таращанскій уѣздъ, постепенно усиливалась. Она была разбита между селеніями Кошеватово и Лука ротою резервнаго сапернаго полубаталіона, съ помощію случайно

проходившихъ двухъ ротъ Прагскаго и двухъ ротъ Подольскаго резервныхъ полковъ и при содѣйствіи крестьянъ, подъ общею командою командира резервнаго саперного полубаталіона полковника Жукова. Убитыхъ мятежниковъ было 85, а въ числѣ плѣнныхъ захваченъ былъ начальникъ шайки, подъ именемъ Лукьяна Воля, бѣжавшій саперный офицеръ, того же резервнаго полубаталіона подпоручикъ Зилинскій. Этотъ Зилинскій казался скромнымъ, усерднымъ офицеромъ и кахъ хорошій танцоръ, незадолго до мятежа, былъ лично мною введенъ въ домъ губернатора Гессе на танцовальный вечеръ. Зилинскій былъ судимъ и растрѣлянъ въ Кіевѣ 18-го мая.

Мысль учрежденія въ каждомъ селеніи крестьянскихъ карауловъ, патрулей и обходовъ, принадлежала кажется мировому посреднику Маслову. Я составилъ инструкцію для сельской стражи и представилъ на утвержденіе Анненкову. Инструкція оказалась очень кстати: изъ Петербурга было получено приказаніе о повсемѣстномъ введеніи сельской стражи.

Считая военную миссію свою оконченною, я поѣхалъ въ Кіевъ испросить дальнѣйшихъ приказаній и 6-го мая вечеромъ явился къ Анненкову. У него было много гостей; онъ былъ обрадованъ моимъ появленіемъ, пошелъ со мной въ кабинетъ на бесѣду, продолжавшуюся часа полтора и когда я вошелъ въ гостиную, то былъ окруженъ дамами, любопытствовавшими знать подробности о мятежѣ.

Анненкову я докладывалъ, что раздраженіе крестьянъ противъ поляковъ таково, что достаточно пустаго случая, чтобы послѣдовало общее избіеніе поляковъ.

Что существующее отношеніе крестьянъ къ польскимъ помѣщикамъ не можетъ оставаться, что необходимо тотчасъ же приступить къ обязательному выкупу крестьянскихъ угодій, по примѣру виленскаго округа. На это Анненковъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

Что мировые посредники поляки болѣе чѣмъ не надежны, что всѣ они тайные мятежники, враги правительства и враги крестьянъ и что всѣхъ поляковъ необходимо тотчасъ смѣнить съ этихъ должностей.

Что волостные и сельскіе старшины и старосты большею частью выбраны неправильно, что крестьяне на участвовали въ выборѣ этихъ лицъ, что они навязаны крестьянамъ помѣщиками и мировыми посредниками, и волостными старшинами состоятъ большею частью бывшіе дворовые люди помѣщиковъ, а слѣдовательно сторонники помѣщиковъ.

Что всѣ волостные писаря поляки и не могутъ быть терпимы.

Что крестьяне обижены надѣломъ полевой и усадебной земли и въ предупрежденіе столкновенія крестьянъ съ помѣщиками не-

обходимо принять самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы окончательно и навсегда развести крестьянъ съ помѣщиками.

На всѣ эти доводы Анненковъ отвѣчалъ мнѣ, какъ будто бы онъ былъ представителемъ польскихъ интересовъ. Онъ говорилъ мнѣ, чтобы я не увлекался привязанностью народа къ правительству, что эта привязанность обманчива, что тутъ на первомъ планѣ стоитъ соціальный вопросъ и что крестьяне сами думаютъ о возстановленіи древняго казачества. Анненковъ говорилъ мнѣ именно то, что̀ въ Сквирѣ я слышалъ отъ мировыхъ посредниковъ-поляковъ и я замѣтилъ ему это. Затѣмъ Анненковъ приказалъ мнѣ употребить все мое вліяніе и на помѣщиковъ и на крестьянъ, чтобы тѣ и другіе приступили къ добровольному выкупу угодій, но чтобы я ни слова не говорилъ объ обязательномъ выкупѣ, просилъ по-чаще писать ему о ходѣ дѣлъ въ уѣздахъ и писать просто записочками. Я въ ту же ночь уѣхалъ въ Бѣлую Церковь.

III.

Кіевскій уѣздъ меньше безпокоилъ меня; тамъ былъ предводителемъ дворянства вполнѣ русскій человѣкъ—Бутовичъ, тамъ было много и русскихъ помѣщиковъ, а потому я поѣхалъ прямо въ Бѣлую Церковь, какъ центральный пунктъ относительно остальныхъ четырехъ уѣздовъ, и оттуда разослалъ повѣстки, чтобы уѣздные предводители дворянства, всѣ мировые посредники и ближайшіе помѣщики сбирались въ свои уѣздные города, къ такому-то часу, такого-то числа, приложилъ маршрутъ свой и приказалъ, чтобы, по пути слѣдованія моего, собирались окрестные крестьяне для бесѣды со мной.

Видя, что на Анненкова надежда плоха, я самъ рѣшился настойчиво охранять крестьянскіе интересы, только безъ крутыхъ мѣръ, чтобы скорѣе достигнуть въ уѣздахъ полнаго спокойствія, при которомъ только и возможно было мнѣ хлопотать о скорѣйшемъ сборѣ саперной бригады въ лагерь, подъ Кіевъ, для своихъ практическихъ занятій.

По уѣздамъ я всегда ѣздилъ безъ конвоя, безъ всякаго оружія, или одинъ, или съ своимъ бригаднымъ адъютантомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Григоровскимъ (тогда онъ былъ поручикъ, а въ 1882 году умеръ въ чинѣ полковника). Чтобы слова мои были внушительнѣе полякамъ, при тѣхъ домахъ, гдѣ назначалось совѣщаніе съ поляками, ставился пикетъ, или небольшой караулъ отъ пѣхоты или кавалеріи, иногда передъ тѣмъ домомъ назначался смотръ отряду, занимавшему уѣздный городъ; отрядъ выстраивался къ часу моего пріѣзда, такъ что я прямо со смотра входилъ на совѣщаніе. Съ поляками говорилъ я вѣжливо, но серьезно, тономъ

военнаго начальника, въ военное время, а имъ, въ присутствіи своемъ, не позволялъ произносить польскаго слова.

Я не допускалъ и мысли, чтобы возможно было согласить крестьянъ съ помѣщиками и исполнилъ приказаніе Анненкова только потому, что самъ желалъ по ближе ознакомиться и съ нуждами крестьянъ, и со взглядомъ польскихъ помѣщиковъ.

12-го мая я послалъ Анненкову слѣдующую записку:

«Согласно приказанія вашего высокопревосходительста, я входилъ въ личныя сношенія съ предводителями дворянства и съ мировыми посредниками въ 4-хъ уѣздахъ, относительно рѣшенія крестьянскаго вопроса. Совѣщанія эти, и частныя, но подробныя развѣдыванія привели меня къ заключенію, что самою дѣйствительною мѣрою къ скорому и полному умиротворенію края есть выкупъ крестьянскихъ угодій съ уступкою помѣщиками 20% и немедленное прекращеніе всѣхъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Полезно было бы, чтобы выкупные договоры имѣли силу съ 1-го числа настоящаго мая мѣсяца, чтобы всѣ разсчеты помѣщиковъ съ крестьянами кончились по 1-е мая, а съ 1-го мая крестьяне вносили бы въ уѣздныя казначейства какъ казенные повинности, такъ и оброки помѣщикамъ, чтобы помѣщики получали свои деньги не отъ крестьянъ, а изъ казначейства. Полагаю, что при нынѣшнихъ исключительныхъ обстоятельствахъ могутъ быть допущены и исключительныя мѣры.

«Идея о казачествѣ и не досягала до крестьянъ; эта молва распускается какими нибудь злоумышленниками. Когда мятежъ былъ подавленъ, то крестьяне неохотно стали поступать даже и въ нынѣшнюю сельскую стражу изъ опасенія, чтобы ихъ не оторвали отъ плуга. Но крестьяне справедливо недовѣряютъ не только помѣщикамъ или управляющимъ, но и мировымъ посредникамъ полякамъ, и дѣйствительно можно еще быть снисходительнымъ къ тому, что предводители дворянства заботятся только о выгодахъ помѣщиковъ, но и мировые посредники, напримѣръ, Злотницкій, Липоманъ, Бѣлиньскій, Липковскій, Гнатовскій, Бѣлецкій, Невѣлинскій и проч. даже въ разговорѣ со мной, забывая настоящее свое званіе, заботятся исключительно объ интересахъ помѣщиковъ и враждебно относятся къ крестьянамъ, особенно Злотницкій, Сквирскаго уѣзда, еще недавній кавалергардъ, или конногвардеецъ» [1]).

Анненковъ, письмомъ, отъ 20-го мая, отвѣчалъ мнѣ: «Благодарю искренно за сообщенныя въ запискѣ вашей свѣдѣнія относительно крестьянской реформы; имѣю честь увѣдомить, что при-

[1]) Записка эта не вся, черновую писалъ на листкахъ и второй листокъ затерялся, тамъ выставлены примѣры вопіющихъ дѣлъ мировыхъ посредниковъ.

Крестьянскую денежную повинность скоро разрѣшено было вносить въ казначейство какъ казенную, такъ и въ пользу помѣщиковъ.

бѣгать къ обязательному выкупу въ здѣшнемъ краѣ поступившихъ въ надѣлъ крестьянамъ земель и различать такимъ образомъ этотъ край отъ другихъ русскихъ провинцій, по моему мнѣнію, было бы неудобнымъ. Подобная мѣра могла бы вызвать нарѣканія со стороны землевладѣльцевъ и дать поводъ къ враждебнымъ противъ русскаго правительства толкамъ, не принося для крестьянъ существенной пользы, такъ какъ благопріятный для нихъ исходъ реформы зависитъ не отъ того, какимъ образомъ крестьяне пріобрѣтутъ земельные ихъ надѣлы, т. е. посредствомъ обязательнаго или добровольнаго выкупа, и даже не отъ размѣра выкупныхъ суммъ, а отъ размѣра и главнѣе всего качества и удобства отводимыхъ надѣловъ, отъ которыхъ бы крестьяне имѣли возможность жить, исправно отбывать лежащія на нихъ повинности и уплачивать полученныя отъ правительства на выкупъ земли ссуды.

«Въ виду сихъ обстоятельствъ, а также для отклоненія объясняемаго вами вреднаго для крестьянъ вліянія нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ-поляковъ, которые сочувствуютъ болѣе своимъ единовѣрцамъ помѣщикамъ, чѣмъ крестьянамъ, я потребовалъ отъ начальниковъ губерній соображеній, не предстоитъ ли надобности въ учрежденіи, въ здѣшнемъ краѣ, особыхъ комиссій, для повѣрки правильности крестьянскихъ надѣловъ и разграничиванія таковыхъ отъ владѣльческой земли.

«Относительно нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ и полицейскихъ чиновниковъ польскаго происхожденія, которые, какъ видно изъ отзыва вашего и приложеннаго при немъ донесенія 6-го саперного баталіона капитана Тихенко, въ дѣйствіяхъ своихъ обнаруживаютъ болѣе сочувствія къ своимъ единовѣрцамъ полякамъ, чѣмъ къ крестьянамъ, я сообщилъ на усмотрѣніе начальника Кіевской губерніи».

Подобное письмо могло бы имѣть мѣсто въ обыкновенное мирное время отъ генералъ-губернатора къ своему чиновнику, посланному для какихъ нибудь развѣдокъ, но не къ командующему генералу въ той мѣстности, гдѣ еще не остыла русская кровь, пролитая при усмиреніи польскаго мятежа. Мнѣ оставалось что̀ нибудь одно: или махнуть на все рукой и уклониться отъ дѣла, которое собственно меня вовсе не касалось, или, настойчиво стоять за русскіе интересы и по крайней мѣрѣ помѣшать Анненкову вновь отдать крестьянъ въ порабощеніе полякамъ. Я рѣшился на послѣднее, и разъѣзжая по уѣздамъ болѣе и болѣе вникалъ въ положеніе крестьянъ, болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что крестьяне жестоко обижены и помѣщиками и мировыми посредниками и чинами уѣздной полиціи, дѣйствовавшими подъ польскимъ вліяніемъ; что крестьяне обижены и земельными надѣлами, что надѣлы въ дѣйствительности менѣе, чѣмъ показаны по уставнымъ

грамотамъ; что крестьянамъ отведены худшіе участки между помѣщичьею землей; что на крестьянскіе выгоны и водопои нельзя попасть иначе, какъ переходить черезъ чужую пашню; я самъ лично повѣрялъ нѣкоторые крестьянскіе надѣлы и послалъ до 10-ти партій изъ своей бригады офицеровъ и такихъ унтеръ-офицеровъ, которые понимали это дѣло не хуже мѣстныхъ землемѣровъ; всѣ козни противъ крестьянъ записывалъ и записки лично подавалъ Анненкову при каждомъ пріѣздѣ изъ уѣздовъ. Между тѣмъ крестьяне 5-ти уѣздовъ узнали меня, видѣли во мнѣ своего ходатая и единственрую грозу для мировыхъ посредниковъ, и я, не будучи уполномоченъ, разбиралъ жалобы крестьянъ и однимъ вліяніемъ своимъ рѣшалъ много дѣлъ въ ихъ пользу. До свѣдѣнія Анненкова было доведено, что не только въ уѣздахъ, но и въ самый Кіевъ крестьяне приходили ко мнѣ цѣлыми громадами, т. е. большими партіями, человѣкъ до 150, просить моей защиты, и Анненковъ, какъ бы изъ приличія, назначилъ меня оффиціальнымъ ходатаемъ за крестьянъ въ 5-ти уѣздахъ, объявивъ, что я назначаюсь членомъ мировыхъ съѣздовъ во всѣхъ 5-ти уѣздахъ, съ правомъ голоса.

Я присутствовалъ на съѣздахъ во всѣхъ 5-ти уѣздахъ, или вѣрнѣе будетъ, если скажу, что присутствовалъ только въ Кіевскомъ съѣздѣ, а въ остальныхъ съѣздахъ предсѣдательствовалъ. Но дѣло крестьянъ все-таки шло плохо, поляки торжествовали и я рѣшился подать Анненкову отъ 11-го іюля 1863 года, за № 284, секретный рапортъ слѣдующаго содержанія:

«Считаю прямою обязанностью откровенно донести вашему высокопревосходительству о нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ своихъ по внутреннему состоянію 5-ти уѣздовъ, порученныхъ моему охраненію.

«Крестьяне такъ глубоко ненавидятъ поляковъ и такъ сильно раздражены противъ нихъ, что едва ли возможно въ настоящее время принудить крестьянъ работать на помѣщика-поляка. Многіе изъ крестьянъ, почтенные старцы, просили меня, чтобы на нихъ наложили какую угодно денежную повинность, но чтобы они платили оброкъ въ казну и были бы избавлены отъ всякаго отношенія къ помѣщику-поляку.

«Крестьяне положительно не вѣрятъ поляку, кто бы онъ ни былъ, помѣщикъ ли, мировой посредникъ, или чиновникъ, даже о военномъ офицерѣ прежде всего справляются не полякъ ли онъ.

«Поляки съ своей стороны не прекратили своихъ козней, хотя не такъ явно, не такъ нахально, какъ было до открытаго мятежа, но все же дѣйствуютъ враждебно для края.

«Помѣщики, управляющіе, арендаторы и проч., видя, что прежняя панщина для нихъ потерялась, что крестьяне вдругъ стали не тѣми, которыми были $1^1/_2$ мѣсяца назадъ, — прибѣгаютъ къ другимъ мѣрамъ: виномъ, и вѣроятно подкупами, возстановляютъ во-

лостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ противъ крестьянъ, а крестьянъ противъ старшинъ и каждому малѣйшему столкновенію придаютъ видъ бунта, посягательства на грабежъ и т. п.

«Въ тѣхъ немногихъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики русскіе и гдѣ выкупные договоры еще не сдѣланы, крестьяне подстрекаются къ безпорядкамъ болѣе, чѣмъ въ польскихъ имѣніяхъ, но не было еще возможности напасть на слѣды подстрекателей.

«Чиновники уѣздной полиціи, даже самые благонамѣренные изъ нихъ, все еще сознаютъ надъ собой гнетъ польской партіи, потому что всѣ высшія губернскія присутственныя мѣста, все еще въ рукахъ поляковъ.

«Озабочиваясь о водвореніи въ 5-ти уѣздахъ мира и тишины на прочныхъ основаніяхъ, вновь докладываю вашему высокопревосходительству, что выкупъ крестьянскихъ угодій необходимъ и необходимо прекратить обазательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ тотчасъ по составленіи выкупныхъ условій, не ожидая утвержденія ихъ въ Петербургѣ. Это есть общее желаніе и помѣщиковъ и крестьянъ, какъ лично уже имѣлъ честь докладывать вашему высокопревосходительству.

«Другою полезною мѣрою была бы замѣна польскихъ чиновниковъ русскими. Если бы въ западныхъ губерніяхъ были введены новые штаты по мѣстному управленію, распубликованные во всѣхъ газетахъ, тогда русскихъ благонамѣренныхъ чиновниковъ легко было бы привлечь сюда на улучшенное содержаніе.

«Въ заключеніе, испрашиваю разрѣшенія по нѣкоторымъ частнымъ случаямъ.

«Не признано ли будетъ справедливымъ наложить секвестръ на тѣ имѣнія, владѣльцы которыхъ за границей, а управляющіе арестованы, какъ мятежники. Или, какъ поступить въ такихъ имѣніяхъ при составленіи выкупныхъ договоровъ съ крестьянами.

«Преслѣдовать ли въ уѣздахъ женскій трауръ и ношеніе мужчинами національнаго польскаго костюма.

«Въ Кіевской губерніи, полагаю, можетъ быть только русская національность, въ губерніи могутъ жить кромѣ православныхъ и католики и лютеране, но польской національности не должно быть, и теперь, полагаю, настало лучшее время для истребленія въ здѣшнихъ мѣстахъ чужой національности, даже въ мелочахъ, наприм., запрещеніе польской упряжи, польскихъ вывѣсокъ надъ магазинами, запрещеніе игры въ театрахъ на польскомъ языкѣ и т. п.»

Анненковъ, отъ 15-го іюня 1863 года, за № 2736, отвѣчалъ мнѣ слѣдующее:

«Вслѣдствіе рапорта вашего п-ва отъ 11-го сего іюня, № 284, имѣю честь увѣдомить:

«1. О мѣрахъ, къ скорѣйшему достиженію прекращенія обяза-

тельныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, я вошелъ уже съ представленіемъ къ высшему начальству.

«2. Имѣнія, владѣльцы коихъ за границей, а управители арестованы, какъ мятежники, секвестру не подлежатъ, такъ какъ секвестру подвергаются только имѣнія, принадлежащія мятежникамъ, а не находящіяся въ ихъ управленіи, что же касается до заключенія въ такихъ имѣніяхъ выкупныхъ договоровъ, то слѣдуетъ сноситься съ владѣльцами и поступать по ихъ указаніямъ; въ случаѣ же какого-либо сомнѣнія, или затрудненія, сообщать на разсмотрѣніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

«3. Женскаго траура преслѣдовать не должно, тѣмъ болѣе, что послѣ уничтоженія мятежническихъ шаекъ въ здѣшнемъ краѣ, многія женщины имѣютъ основательный поводъ носить трауръ. Ношеніе мужчинами польскаго костюма должно быть преслѣдуемо въ такомъ только случаѣ, если костюмъ этотъ сходенъ съ извѣстнымъ вамъ нарядомъ польскихъ инсургентовъ, или же, если при немъ употребляются принадлежности, имѣющія значеніе противуправительственнаго заявленія, какъ-то: кушаки съ якорями или бѣлыми орлами, запонки съ орлами или патріотическими надписями и т. п.

«4. Равнымъ образомъ не должно быть воспрещаемо употребленіе польской упряжи, польскихъ вывѣсокъ и проч.».

Такой тонъ переписки между командующимъ войсками въ округѣ, облеченнымъ тогда огромною властію и бригаднымъ генераломъ, требуетъ объясненія. Что побуждало Анненкова выносить такую переписку со мной?

Всю переписку мою съ Анненковымъ и всѣ личныя мои объясненія съ нимъ, тогда знали во всей подробности: состоявшій при мнѣ бригаднымъ адъютантомъ В. А. Григоровскій, кіевскій митрополитъ Арсеній и княгиня Екатерина Алексѣевна Васильчикова, вдова генералъ-губернатора, урожденная княжна Щербатова. И многое изъ того знали еще 6 человѣкъ: тайный совѣтникъ Юзефовичъ, бывшій помощникъ попечителя кіевскаго учебнаго округа; генералъ-лейтенантъ Адольфъ Васильевичъ Вольскій, тогда директоръ кіевскаго кадетскаго корпуса; Люценко, кіевскій помѣщикъ, старый саперъ; статскій совѣтникъ Федоровъ, бывшій чиновникъ особыхъ порученій при князѣ Васильчиковѣ и два саперные штабъ-офицера Л. Ф. Корсаковъ и Д. П. Вощининъ. Эти 6 лицъ были того мнѣнія, что Анненковъ просто побаивался меня, во первыхъ потому, что великій князь и военный министръ были обо мнѣ хорошаго мнѣнія, о чемъ Анненковъ самъ громко заявлялъ; во вторыхъ, Анненковъ зналъ, что митрополитъ благоволилъ ко мнѣ и часто бывалъ у меня, и особенно, Анненковъ зналъ объ установившихся дружескихъ отношеніяхъ между семействами моимъ и княгини Васильчиковой и что Васильчикова была у насъ не только всякій

день, но и по два раза въ день, а связи княгини Васильчиковой и личная ея ловкость всѣмъ были извѣстны. Но если бы это было такъ, то Анненковъ могъ удалить меня отъ завѣдыванія уѣздами подъ весьма благовиднымъ предлогомъ: съ 24-го мая саперная бригада была собрана въ лагерь, Анненковъ зналъ, что я, если не въ уѣздахъ, то цѣлые дни провожу въ лагерѣ и зналъ, что мое присутствіе при бригадѣ необходимо.

А я, какъ тогда полагалъ, такъ и теперь точно также думаю, что Анненковъ просто заблуждался, ему казалось и онъ былъ убѣжденъ, что онъ дѣйствуетъ именно такъ, какъ долженъ бы былъ дѣйствовать каждый на его мѣстѣ, ему казалось, что только великодушіемъ можно побѣдить поляковъ и сдѣлать изъ нихъ истинно русскихъ подданныхъ, и онъ, силою своихъ убѣжденій и своего вліянія, хотѣлъ и меня направить на тотъ же путь дѣйствія, а можетъ быть вмѣстѣ со мной и другихъ генераловъ, о чемъ однако я не слыхалъ. Въ подтвержденіе своего предположенія привожу слѣдующій фактъ: вскорѣ послѣ отправленія ко мнѣ вышеприведеннаго предписанія за № 2736, Анненковъ при мнѣ порицалъ всѣ распоряженія Муравьева въ Виленскомъ краѣ, говоря: «я не хочу быть палачемъ подобно Муравьеву, а что пишутъ «Московскія Вѣдомости» или газетишка «День», это меня не остановитъ, напротивъ я упорно буду слѣдовать своей системѣ, мнѣ самъ государь далъ право дѣйствовать по моему, по моему собственному усмотрѣнію» и послѣднія слова произнесъ съ особымъ удареніемъ. Съ другой стороны, личныя отношенія Анненкова ко мнѣ были какъ нельзя лучше; онъ видимо отличалъ меня передъ другими генералами, далеко старшими меня и уже заявлялъ обо мнѣ въ Петербургѣ, такъ что 14-го іюня, въ приказѣ по инженерному корпусу объявлена была мнѣ благодарность, а семейство Анненкова, милое безусловно, было очень внимательно и привѣтливо и ко мнѣ, и къ моему семейству [1]).

---

[1]) Ревизовавшій Кіевскую губернію въ 1880 — 1881 году, сенаторъ Половцевъ при всеподданнѣйшемъ отчетѣ о ревизіи, включилъ въ записку свою о поземельномъ устройствѣ крестьянъ Кіевской губерніи слѣдующее замѣчаніе:

«Генералъ-маіоръ Кренке, командированный для водворенія порядка у крестьянъ, 20-го іюля 1863 года, за № 679, доносилъ генералъ-губернатору о жалобахъ крестьянъ на то, что у нихъ волостные старшины не выборные, но назначенные или помѣщиками, или мировыми посредниками, и эти старшины дѣйствуютъ произвольно и не даютъ отчета въ израсходованіи общественныхъ суммъ».

Когда, вслѣдствіе сего, недовольство въ средѣ крестьянъ сдѣлалось почти повсемѣстнымъ, администрація должна была прибѣгнуть къ прекращенію волненій и подавленію безпорядковъ силою, въ формѣ арестовъ отдѣльныхъ крестьянъ, или же введенія войскъ въ цѣлыя крестьянскія общества. Очевидно однако, что при помощи подобныхъ мѣръ недовольство крестьянъ могло быть прекращено лишь временно.

IV.

Казалось, что по мѣрѣ того, какъ усиливалось въ краѣ недовольство русскихъ людей, Анненковъ умышленно болѣе и болѣе становился на сторону поляковъ, сильнѣе отстаивалъ ихъ интересы, явно сближался съ ними, участилъ поѣздки свои съ семействомъ на пикники въ польскія семейства. Приведу отдѣльные случаи, близко мнѣ извѣстные:

Сборъ оброковъ. Анненковъ, призвавъ меня къ себѣ, говоритъ: «у васъ въ уѣздахъ крестьяне своевольничаютъ, они не отбываютъ натуральной повинности, т. е. не ходятъ на панщину и не платятъ оброковъ помѣщикамъ, прошу васъ, употребите все свое вліяніе, чтобы оброки были собраны съ крестьянъ, чтобы помѣщики были удовлетворены; въ случаѣ сопротивленія крестьянъ не только разрѣшаю, но требую, чтобы оброки собирались подъ розгами». Я отвѣчалъ «это ужъ слишкомъ». Анненковъ, не давши договорить мнѣ, подхватываетъ: «да, но нечего дѣлать, если убѣжденія не подѣйствуютъ; пожалуйста же, исполните мою просьбу». Я поѣхалъ въ уѣздъ, но ни въ одномъ селеніи, ни одному крестьянину и не напомнилъ объ оброкѣ въ пользу польскаго помѣщика и сколько извѣстно мнѣ, изъ тогдашнихъ воинскихъ начальниковъ, только одинъ генералъ-маіоръ Треповъ (впослѣдствіи петербургскій градоначальникъ), командированный въ Звенигородскій уѣздъ, по болѣзни генералъ-лейтенанта Багговута,—желалъ буквально исполнить приказаніе Анненкова и когда поднялась тамъ громада крестьянъ въ 3,000 чел., а по другимъ показаніямъ до 5,000 чел., то Треповъ уѣхалъ въ Кіевъ и Анненковъ приказалъ мнѣ войсками изъ всѣхъ уѣздовъ успокоить волненіе въ Звенигородскомъ уѣздѣ, но вмѣсто сбора войскъ, я поѣхалъ туда съ двумя стариками крестьянами изъ Таращанскаго уѣзда, гдѣ я тогда былъ, и тотчасъ успокоилъ волненіе, такъ что не дошло до столкновенія войскъ съ крестьянами.

О цѣли этой моей поѣздки, поляки очевидно были предупреждены: нѣсколько помѣщиковъ, черезъ имѣнія которыхъ я проѣзжалъ, встрѣчали меня съ улыбочками, какъ бы отъ радости, что вотъ сей часъ посыплятся въ ихъ карманы тысячи русскихъ рублей, но я съ улыбкою же имъ говорилъ (Сквирскому и Таращанскому уѣзднымъ предводителямъ дворянства): «какія великолѣпныя постройки въ вашихъ имѣніяхъ и все это сдѣлано руками русскихъ крестьянъ, ужъ за это одно вы должны бы безвозмездно дать имъ двойные надѣлы».

Доносы поляковъ. Представленія или жалобы мои на поляковъ оставались большею частью безъ послѣдствій, я покрайней

мѣрѣ пять разъ просилъ объ удаленіи отъ должности нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ поляковъ и они все-таки оставались на своихъ мѣстахъ, только одинъ Злотницкій, Сквирскаго уѣзда, былъ удаленъ отъ должности и тогда только, когда я рѣшился сказать Анненкову, что не поѣду болѣе въ Сквирскій уѣздъ, покуда Злотницкій не будетъ удаленъ; я обѣщалъ крестьянамъ, что Злотницкій не будетъ ихъ мировымъ посредникомъ, дерзость его превышала всякіе предѣлы, онъ ругалъ крестьянъ самыми обидными для нихъ словами «быдло, падло», онъ буквально плевалъ имъ въ лицо. Но въ случаѣ поступленія къ Анненкову жалобъ помѣщиковъ поляковъ на угрозы крестьянъ, онъ ту же минуту посылалъ меня изъ лагеря на мѣсто происшествія и я нѣсколько разъ ѣздилъ совершенно по пустому. Жалоба польскаго помѣщика на бунтъ крестьянъ объяснялась сборомъ 30—50 крестьянъ у кабака и шумомъ, споромъ или дракою ихъ между собою, а поляки выставляли это Анненкову, какъ сборище крестьянъ съ цѣлію перебить ихъ, ограбить ихъ имущество. На заявленіе мое, что неосновательную жалобу поляка нельзя оставлять безъ наказанія, Анненковъ помалчивалъ, а между тѣмъ самъ говорилъ мнѣ, что дорожитъ моимъ временемъ, что онъ хорошо понимаетъ, что присутствіе мое въ лагерѣ необходимо.

При этомъ разскажу одинъ случай. Вскорѣ послѣ представленія мною секретнаго рапорта, за № 284, Анненковъ, пріѣхавъ въ саперный лагерь вечеркомъ, засталъ меня въ палаткѣ, печатавшимъ конверты, въ которые я вкладывалъ бумаги, собственноручно мною писанныя. На вопросъ его, почему я самъ печатаю, я отвѣчалъ, что это сюрпризы нѣкоторымъ сапернымъ ротамъ, которыя въ эту ночь, въ полномъ составѣ, должны выдти изъ лагеря верстъ за 5, на саперныя маневры, т. е. на укрѣпленіе позицій и въ бумагахъ излагается цѣль или предположеніе маневра. Анненковъ ловко воспользовался этимъ и говоритъ: «да, вижу, какъ время вамъ дорого, и потому прошу васъ, не пишите мнѣ ничего объ уѣздахъ, передавайте все на словахъ, для меня живая рѣчь человѣка, котораго уважаю, имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ мертвая бумага». И послѣ этого, по пустой жалобѣ поляка, удаляетъ меня изъ лагеря дня на три; понятно, ему хотѣлось, чтобы не сохранялось слѣдовъ переписки о полякахъ.

Русскіе священники. При самъ началѣ мятежа, многіе изъ русскихъ священниковъ дѣйствовали превосходно; они повліяли на крестьянъ, чтобы тѣ поголовно вооружились для поимки мятежниковъ и въ то же время священники не допускали крестьянъ до убіенія безоружныхъ поляковъ и до ограбленія ихъ имуществъ. Собравъ подробныя свѣдѣнія о такихъ священникахъ въ пяти уѣздахъ, я представилъ ихъ къ наградамъ, испросивъ предварительно согласіе на то митрополита и представленіе свое, въ началѣ

іюля, лично подалъ Анненкову. Онъ принялъ это весьма дурно, а когда увидѣлъ согласіе митрополита, то въ первый разъ, въ разговорѣ со мной, рѣзко высказалъ свое неудовольствіе, такими словами: «вы слишкомъ много позволили себѣ—обратиться къ митрополиту прежде, чѣмъ получить мое дозволеніе» я отвѣчалъ: «по закону я не имѣлъ права сдѣлать представленіе о священникѣ корпусному командиру или высшему начальству, не испросивъ предварительно согласія на то эпархіальнаго начальства». «Ну такъ извините меня, сказалъ Анненковъ, я не зналъ этого закона, во всякомъ случаѣ не могу принять вашего представленія, священникамъ во-все не слѣдовало принимать участія въ этомъ дѣлѣ, ихъ обязанность была влiять на крестьянъ, чтобы они оставались дома, при своихъ обыденныхъ занятіяхъ». Тогда я, не смотря на видимое раздраженіе Анненкова, замѣтилъ: «не возможно было требовать отъ крестьянъ, чтобы они оставались дома при своихъ обыденныхъ занятіяхъ, когда въ селеніе ихъ врывается вооруженная шайка, отнимаетъ у нихъ съѣстные припасы, лошадей, повозки, а сопротивляющихся бьетъ, или убиваетъ, или насильственно заставляетъ слушать возмутительныя золотыя грамоты». На это Анненковъ, сквозь зубы, сказалъ: «все таки священники должны были заботиться скорѣе о мирномъ прекращеніи безпорядковъ, чѣмъ о кровавомъ возмездіи». Я передалъ все это митрополиту, и старикъ, еще болѣе чѣмъ я, былъ огорченъ такимъ поступкомъ Анненкова.

Чрезъ нѣсколько дней митрополитъ пріѣхалъ ко мнѣ и говоритъ: «какъ бы поправить намъ это дѣло, Анненкова просить не хочу, но и не хочу священниковъ оставить безъ награды» я отвѣчалъ: «а вотъ какъ, я письмомъ спрашивалъ у васъ дозволенія представить священниковъ къ наградѣ, возвратите мнѣ то письмо, я на бланкѣ, какъ начальникъ войскъ въ 5-ти уѣздахъ, за тѣмъже № и числомъ, буду свидѣтельствовать о заслугахъ священниковъ, а вы, основываясь на моемъ свидѣтельствѣ, войдите съ представленіемъ прямо въ Петербургъ». Митрополитъ слушалъ меня съ улыбкой и когда я кончилъ сказалъ: «удивительно какъ сошлись наши мнѣнія». Такъ и было сдѣлано, но представленіе по духовному вѣдомству шло очень долго, и только отъ 31-го марта 1864 года митрополитъ писалъ мнѣ, что всѣ награды священникамъ вышли и усердно благодарилъ меня [1]).

---

[1]) Ходатайствуя о наградѣ достойнѣйшихъ священниковъ, я выставлялъ митрополиту и такихъ священниковъ, дѣйствія которыхъ были предосудительны, которые вмѣстѣ съ поляками упивались до безчувственнаго состоянія и унижали санъ свой или которые на церковной землѣ, вблизи церкви, открывали кабакъ и сажали еврея кабатчикомъ, и митрополитъ не давалъ пощады такимъ священникамъ.

Графъ Браницкій. Тогда въ уѣздахъ извѣстны были два брата графа Браницкіе, именъ ихъ не знаю и не зналъ; одинъ Браницкій владѣлецъ Бѣлой Церкви былъ за границей, другой Браницкій жилъ тогда въ имѣніи своемъ, въ Таращанскомъ уѣздѣ; ему принадлежала добрая половина уѣзда. Съ таращанскимъ Браницкимъ я лично познакомился на съѣздѣ помѣщиковъ въ Таращѣ, когда по желанію Анненкова толковалъ съ ними о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ. Этотъ Браницкій былъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова, со мною онъ держалъ себя почтительно, но съ собратами своими польскими помѣщиками былъ надмененъ. Послѣ совѣщанія у меня въ Таращѣ, всѣ поляки собрались у Браницкаго въ самомъ же городѣ. День былъ томительно жаркій. Черезъ какіе нибудь 1/4 часа по окончаніи засѣданія у меня, я спохватился, что забылъ что-то спросить у предводителя дворянства и просилъ исполнить это состоявшаго при мнѣ бригаднаго адъютанта В. А. Григоровскаго. Григоровскій, узнавъ что всѣ пошли къ Браницкому, пошелъ туда же, и засталъ Браницкаго безъ сюртука, развалившимся на диванѣ, а всю компанію, въ томъ числѣ и предводителя, стоявшаго передъ нимъ въ почтительной позѣ.

Скоро я собралъ свѣдѣнія объ участіи въ мятежѣ таращанскаго Браницкаго и докладывалъ о томъ Анненкову, который нашелъ, что приводимые мною факты недостаточны. Послѣ слѣдующей поѣздки въ уѣзды, я привезъ Анненкову въ подтвержденіе первыхъ своихъ показаній и новыя улики въ виновности Браницкаго и требовалъ арестованія его. Анненковъ медлилъ, я настаивалъ и прямо сказалъ, что уже поручилъ надзоръ за Браницкимъ крестьянской сельской стражѣ и крестьяне обѣщали мнѣ, что не дадутъ ему ускользнуть изъ уѣзда. Тогда Анненковъ объявилъ, что на арестъ Браницкаго онъ никогда не согласится, но въ угоду мнѣ и другимъ, онъ вышлетъ Браницкаго изъ края, и дѣйствительно выслалъ его въ Одессу, но впослѣдствіи изъ Петербурга было пополучено приказаніе отправить Браницкаго въ Саратовъ [1]).

---

[1]) Сожалѣю, что не могу привести здѣсь данныя, уличавшія Браницкаго въ участіи въ мятежѣ, но они были при дѣлахъ моихъ по уѣздамъ. Выписки изъ дѣлъ по уѣздамъ, собственно для себя, дѣлалъ я не торопясь и когда неожиданно получилъ приказаніе сдать всѣ дѣла по уѣздамъ въ генералъ-губернаторскую канцелярію, то выписки о Браницкомъ сдѣлать не успѣлъ. Самая сдача дѣлъ была моментальна: весною 1864 года, когда я получилъ положительное сообщеніе изъ Петербурга, что мѣсяца черезъ два, а можетъ быть черезъ мѣсяцъ, буду отозванъ изъ Кіева на службу въ Петербургъ, я счелъ обязанностью предупредить о томъ Анненкова. Онъ наговорилъ мнѣ цѣлый коробъ сожалѣній о разлукѣ со мной и спросилъ ведутся ли у меня дѣла по уѣздамъ, я отвѣчалъ, что ведутся въ порядкѣ и находятся у меня въ кабинетѣ. Анненковъ сказалъ, что съ отъѣздомъ моимъ, онъ уже никому не передастъ особого наблюденія за 5-ю уѣздами, а за дѣлами пришлетъ. И присланный правитель канцеляріи генералъ-губернатора Фурсовъ, подъѣхалъ къ дому моему одновременно со мной.

Около половины августа получено было повелѣніе изъ Петербурга о взысканіи съ польскихъ помѣщиковъ 10% съ дохода, по примѣру Виленскаго округа, а 30-го августа 1863 года былъ объявленъ указъ объ обязательномъ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ. Но и тутъ Анненковъ не форсировалъ, а скорѣе тормозилъ дѣло.

V.

Молва ходила по городу Кіеву и по Кіевскому округу, что Анненковъ подкупленъ поляками. Конечно, это клевета, о ней не стоило бы и говорить, но я привожу ее для того, чтобы показать, что Анненковъ рядомъ систематическихъ промаховъ навлекъ на себя такое подозрѣніе.

Ошибки Анненкова по моему мнѣнію заключались въ слѣдующемъ:

1) При началѣ мятежа юго-западный край не былъ объявленъ на военномъ положеніи; начальники 10-ти военныхъ отдѣловъ не получили никакихъ полномочій, никакихъ инструкцій и дѣйствія ихъ не были согласованы.

2) Число военно-судныхъ и слѣдственныхъ коммисій было недостаточно, на одну коммисію приходилось до 600 подсудимыхъ, слѣдствія затянулись, чрезъ это пропали слѣды многихъ виновныхъ, тогда какъ, дѣйствуя по горячимъ слѣдамъ, можно было бы уличить въ мятежѣ почти всѣхъ помѣщиковъ [1]).

3) Упорное сопротивленіе обязательному выкупу крестьянскихъ надѣловъ и нежеланіе освободить крестьянъ отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ полякамъ, а потомъ, когда было получено повелѣніе изъ Петербурга объ обязательномъ выкупѣ, то апатичное отношеніе къ этому дѣлу.

4) Нежеланіе отрѣшать отъ должностей ни чиновниковъ, ни мировыхъ посредниковъ поляковъ, даже заподозрѣнныхъ въ участіи въ мятежѣ [2]).

---

[1]) И я и многіе другіе неоднократно докладывали Анненкову, что при каждомъ начальникѣ военнаго отдѣла слѣдуетъ учредить по военно-судной и слѣдственной коммисіи, или по крайней мѣрѣ по слѣдственной коммисіи на каждый отдѣлъ, а одну военно-судную коммисію на два отдѣла,—Анненковъ не обращалъ вниманія на эти заявленія.

[2]) При одномъ изъ докладовъ моихъ по этому предмету, Анненковъ горячо сказалъ: «Вотъ вы просите вдругъ отрѣшить отъ должности до 10-ти мировыхъ посредниковъ, но кѣмъ же я ихъ замѣню, гдѣ я возьму людей на эти должности?» «Если за этимъ дѣло стало, отвѣчалъ я, то покуда пріѣдутъ сюда русскіе люди, я вамъ представлю ту же минуту прекрасныхъ 10 саперныхъ офицеровъ, которые съ пользою займутъ временно должности мировыхъ посредниковъ, они въ то же время произведутъ фактическую повѣрку всѣхъ крестьянскихъ надѣловъ». Анненковъ отвѣчалъ: «Ну, до такой крайности мы еще не дошли».

5) Не преслѣдовалъ, но какъ бы потакалъ политическому трауру поляковъ и другимъ ихъ выходкамъ.

6) Ласкалъ всѣхъ вообще поляковъ, какъ бы искалъ сближенія съ польскими семействами и этимъ жестоко оскорблялъ русскихъ людей. Вниманіе свое къ полякамъ простиралъ до того, что при объѣздѣ края бралъ съ собой адъютанта поляка, очень ловкаго господина.

7) При встрѣчѣ съ мѣстными польскими помѣщиками, даже при оффиціальномъ пріемѣ польскихъ помѣщиковъ, представляемыхъ губернскимъ предводителемъ дворянства также полякомъ Горватомъ,—всегда говорилъ по-французски, какъ бы не желая заставлять поляковъ говорить по-русски, тогда какъ всѣ они знали русскій языкъ [1]).

8) Принималъ всѣ самыя неосновательныя жалобы польскихъ помѣщиковъ на русскихъ крестьянъ и неоправдавшіяся показанія поляковъ оставлялъ безъ вниманія.

9) При посылкѣ лицъ для повѣрки крестьянскихъ надѣловъ, требовалъ, чтобы расходы падали исключительно на однихъ крестьянъ, а не пополамъ съ помѣщиками поляками. Это была вопіющая несправедливость, и русскіе люди горько сѣтовали.

10) Не принято было мѣръ къ строгому содержанію арестованныхъ мятежниковъ; свиданія съ ними легко допускались, а дерзость мятежниковъ передъ караульными офицерами не наказывалась, напротивъ, объявлялось приказаніе, чтобы офицеры, подвергшіеся гнѣву мятежниковъ, не были вновь наряжаемы туда въ караулъ [2]).

---

[1]) Многіе изъ поляковъ, представлявшихся Анненкову, прямо отъ него и по его же указанію, пріѣзжали ко мнѣ съ ходатайствами за арестованныхъ по моему приказанію, и со мною говорили по-русски.

[2]) Караульная служба въ Кіевѣ до меня не касалась, но я принималъ въ ней живѣйшее участіе, потому что саперная бригада, въ очереди съ пѣхотою, занимала караулы черезъ 7 дней на восьмой. Тогда въ Кіевѣ было два коменданта: старшій генералъ-лейтенантъ Мусницкій и второй комендантъ генералъ маіоръ Левковичъ, оба поляка, и одинъ плацъ-адъютантъ былъ полякъ. Мусницкій былъ старый, гвардейскій генералъ, почтенный семьянинъ, но былъ ненавидимъ всѣми офицерами гарнизона, съ русскими офицерами и солдатами онъ былъ суровъ и грубъ, какъ фельдфебель стараго закала, а съ поляками говорилъ приниженно. Второй комендантъ Левковичъ держалъ себя какъ истый полякъ и дѣлалъ непозволительныя поблажки арестованнымъ полякамъ. Я говорилъ Анненкову, что въ огражденіе саперъ, считаю обязанностью доложить ему о поблажкахъ Левковича и предупреждалъ самого Левковича, что буду жаловаться Анненкову; но Левковичъ, не слыша отъ Анненкова никакого замѣчанія, увеличилъ поблажки свои арестованнымъ полякамъ до того, что дозволилъ приносить къ нимъ цѣлые узлы съ съѣстными припасами, безъ предварительнаго осмотра узла караульнымъ офицеромъ. Я вновь поѣхалъ къ Анненкову и докладывалъ, что какъ командиръ саперной бригады, не могу принять на себя нравственную отвѣтственность и долженъ донести великому князю о страш-

11) Отдавали мятежниковъ на поруки самымъ ненадежнымъ полякамъ; напримѣръ весьма подозрительному графу Мощицкому отдали на поруки до 20 человѣкъ.

12) Войска употреблялись для охраненія интересовъ польскихъ помѣщиковъ и если бы частные начальники исполняли всѣ требованія Анненкова, какъ сдѣлано въ Звенигородскомъ уѣздѣ, то войска были бы поставлены во враждебное столкновеніе съ крестьянами.

13) Раболѣпствуя передъ польскимъ духовенствомъ, Анненковъ какъ-то странно, какъ-то враждебно обращался съ православнымъ духовенствомъ, даже и съ самимъ митрополитомъ.

14) Неприлично и громко порицалъ дѣйствія Муравьева въ Вильнѣ и не ловко, какъ-то не кстати, заявлялъ, что въ Петербургѣ его поддерживаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ. Это зналъ и видѣлъ весь Кіевъ.

15) Желая оправдать поляковъ, подозрѣваемыхъ въ участіи въ мятежѣ, требовалъ, чтобы каждое обвиненіе подтверждалось слѣдствіемъ на мѣстѣ и для этихъ слѣдствій безпрестанно собирали крестьянъ цѣлыми громадами, напримѣръ, Таращанскаго уѣзда, въ село Кашеватово было собрано до 200 крестьянъ изъ окрестныхъ селеній, и въ самое горячее рабочее время отвлекали крестьянъ отъ ихъ занятій, а время, утраченное крестьянами на допросахъ, по дѣлу помѣщиковъ, не вычитали изъ барщины.

16) M-me Анненкова принимала у себя польскія семейства, черезъ малый подъѣздъ со двора, и тамъ часто видны были польскіе экипажи, какъ бы прятавшіеся отъ взоровъ прохожихъ и проѣзжихъ, и объ этомъ громко говорили въ Кіевѣ и въ округѣ.

17) Въ сентябрѣ 1863 года, Анненковъ произнесъ неумѣстную рѣчь крестьянамъ въ Бѣлой Церкви. Въ присутствіи саперъ, онъ говорилъ крестьянамъ: «Молите Бога за Царя, вашего освободителя» и вслѣдъ затѣмъ, безъ всякаго перерыва «молите Бога за своего помѣщика графа Браницкаго, который выстроилъ вамъ православный храмъ». А всѣ крестьяне знали, что оба брата Браницкіе принимали явное участіе въ мятежѣ и что одинъ Браницкій

ныхъ безпорядкахъ по отправленію караульной службы, а тогда еще не была вполнѣ развита окружная система, саперная бригада не включалась въ составъ войскъ Кіевскаго округа и была непосредственно подчинена великому князю. Анненковъ понизивъ тонъ, сказалъ мнѣ: «ну кого же я тотчасъ могу назначить вмѣсто Левковича? «Я рекомендовалъ саперанаго подполковника Д. П. Вощинина, за котораго ручался, что онъ прекрасно исполнитъ должность втораго коменданта, но конечно временно, покуда не подъищется подходящая личность. Анненковъ просилъ сей часъ же прислать къ нему Вощинина и сказалъ, что прикажетъ Левковичу ту же минуту сдать должность и рапортоваться больнымъ, а тамъ посмотритъ, какъ поступить съ нимъ. Полякъ плацъ-адъютантъ былъ также смѣненъ.

уже былъ высланъ изъ края, какъ мятежникъ, да и исторія-то постройки православной церкви была хорошо извѣстна [1]).

18) Какъ командующій войсками, Анненковъ былъ совершенно отсталымъ отъ современныхъ военныхъ требованій, занимался пустыми церемоніями, парадами, разводами; мелочность его трудно перечесть, но она была невыносима, и

19) Анненковъ былъ хлѣбосолъ, правда, часто давалъ большіе обѣды, но не наблюдалъ за исполнителями по хозяйственной части; такъ, въ торжественные дни, въ самое бойкое время дня и на самыхъ бойкихъ улицахъ можно было встрѣтить длинную вереницу арестантовъ, подъ военнымъ конвоемъ, несущихъ блюда, тарелки и прочую посуду изъ гостинницы въ генералъ-губернаторскій домъ; или пѣвчихъ, везомыхъ къ генералъ-губернатору на пожарныхъ лошадяхъ, и былъ говоръ, что если пожарныя лошади возятъ пѣвчихъ къ генералъ-губернатору, то почему же онѣ не могутъ возить дѣтей полицеймейстера [2]).

VI.

Посреди громкаго говора въ каждомъ слоѣ кіевскаго русскаго общества о томъ, что Анненковъ дѣйствуетъ какъ бы предательски, я получилъ отъ Константина Петровича фонъ-Кауфмана, тогда директора канцеляріи военнаго министерства, отъ 26-го сентября 1863 года, письмо, въ которомъ онъ, послѣ краткаго предисловія, писалъ:

«Заговоривъ о преслѣдованіи поляками русскаго человѣка, на русской землѣ, въ такомъ русскомъ краѣ, какъ Кіевъ, не удержаться отъ вопроса вамъ, что у васъ дѣлается? Здѣсь такъ мало знаютъ о положеніи теперь польскаго вопроса въ вашемъ краѣ, что на вопросъ этотъ едва ли кто можетъ отвѣтить, а, между тѣмъ, темные слухи ходятъ, что не хорошо идетъ дѣло. Въ чемъ состоитъ программа Николая Николаевича Анненкова, многимъ ли она отличается отъ программы М. Н. Муравьева. Только ближайшее знакомство съ положеніемъ края могло бы указать, какой успѣхъ,

---

[1]) На другой день пріѣхалъ ко мнѣ командиръ 6-го саперного баталіона, Корсаковъ, предупредить, что онъ и нѣсколько офицеровъ стояли вблизи Анненкова и по произнесеніи Анненковымъ словъ о Браницкомъ не выдержали и инстинктивно отвернулись. Анненковъ, по возвращеніи въ Кіевъ, любилъ разсказывать о благодатномъ Кіевскомъ краѣ, но о событіяхъ въ Бѣлой Церкви ничего не говорилъ.

[2]) Анненковъ устроилъ у себя домовую церковь и ходилъ туда каждое воскресеніе и каждый праздникъ къ обѣдни, а наканунѣ, ко всеночной, привозили пѣвчихъ изъ бывшаго училища солдатскихъ дѣтей и всегда на пожарныхъ лошадяхъ, на тѣхъ же лошадяхъ отвозили пѣвчихъ и обратно.

со времени управленія Н. Н. Анненкова, сдѣлалъ русскій элементъ въ этомъ, отбитомъ у насъ поляками, краѣ. Я имѣлъ случай быть въ Варшавѣ и Вильнѣ, и долженъ сказать, что М. Н. Муравьевъ дѣлаетъ дѣло и что онъ покорилъ Литву Россіи. Если Богъ дастъ ему здоровья, то онъ и укрѣпитъ ее за нами. Онъ понялъ положеніе дѣлъ и сталъ на ту точку, на которой только и возможенъ успѣхъ, онъ оперся на крестьянское населеніе, которое составляетъ силу и которое онъ повернулъ въ свою сторону. Не знаю правда ли, но носятся слухи, что въ южныхъ губерніяхъ нашихъ, гдѣ крестьянское населеніе чисто русское, и гдѣ, слѣдовательно, этотъ образъ дѣйствій былъ бы еще болѣе естественъ, не такъ понято это было. Правда ли? Говорите откровенно, вы меня знаете».

Письмо-это, облеченное въ дружескую форму, очевидно, имѣло полуоффиціальный характеръ. Мнѣ извѣстно было, что К. П. Кауфманъ, какъ директоръ канцеляріи военнаго министерства, вовсе не касался гражданскаго управленія краемъ, но, въ то же время, извѣстно было, что онъ, какъ особо-довѣренное лицо, былъ командируемъ въ Варшаву и Вильно, собственно для изученія внутренняго состоянія тѣхъ краевъ, и, слѣдовательно, я могъ предполагать, какъ впослѣдствіи и оправдалось, что отвѣтъ мой пойдетъ далеко далѣе рукъ Кауфмана. А потому, признаюсь, не рѣшился отправить отвѣтъ свой въ тотъ день, а выждалъ дня два. Не сказать правды я не могъ, не хотѣлось и рѣзко говорить правду, я, все-таки, чтилъ въ Анненковѣ добраго семьянина, а къ прекрасной его семьѣ нельзя было не питать особой симпатіи; притомъ, я былъ убѣжденъ, что Анненковъ дѣйствовалъ враждебно русскому дѣлу не по преступному предательству, а по недальновидности своей, или по слабому характеру, подъ вліяніемъ кого либо свыше.

Составивъ отвѣтъ свой, я, съ подлиннымъ письмомъ отъ Кауфмана, поѣхалъ на совѣщаніе къ митрополиту Арсенію, который нашелъ, что болѣе смягчить описаніе положенія дѣлъ въ краѣ, какъ я это сдѣлалъ, невозможно. Я отвѣчалъ Кауфману, отъ 5-го октября 1863 года, слѣдующее:

«Письмо ваше вызываетъ меня на откровенность, я и самъ давно хотѣлъ подѣлиться съ вами своими мыслями.

«Лучше обратиться въ совершенный нуль, нежели сознавать нѣкоторое значеніе и быть безсильнымъ сдѣлать добро. Это отношу лично къ себѣ: меня здѣсь чтутъ, я пользуюсь нѣкоторымъ вліяніемъ, самъ Анненковъ замѣтно отличаетъ меня передъ другими генералами, далеко старшими меня. Кромѣ бригады, я командую войсками въ пяти уѣздахъ; пять уѣздовъ, въ военномъ отношеніи, подчинены мнѣ; казалось бы, что и порядочное поле для дѣйствія и признаюсь, что въ первые дни мятежа, я уже мечталъ о томъ, что, по крайней мѣрѣ, въ пяти уѣздахъ вырву съ корнемъ поль-

скій элементъ, что все польское здѣсь замретъ на всегда, но увы! мечты остались мечтами. Всѣ дѣйствія мои, какъ и другихъ русскихъ дѣятелей, были парализованы.

«Напрасно въ первые дни мятежа я лично говорилъ Анненкову, что самъ Богъ помогаетъ намъ, что открытый мятежъ въ здѣшнихъ краяхъ развязалъ намъ руки. Слова мои не имѣли значенія.

«Здѣсь не поняли того, какъ вы пишете о Виленскомъ краѣ, что для искорененія польскаго духа надобно опереться на народъ, на крестьянъ; здѣсь, напротивъ, какъ бы въ угоду полякамъ, ногами попираютъ крестьянъ, и какихъ крестьянъ, истинно русскихъ, безпредѣльно преданныхъ государю и Россіи и ненавидящихъ поляковъ. Неужели у насъ нѣтъ людей, которые управляли бы краемъ съ бо̀льшею энергіей и съ болѣе современнымъ взглядомъ на дѣло. Анненковъ устарѣлъ и своимъ собственнымъ *я* ослѣпленъ до того, что не слушаетъ ни чьего мнѣнія, не выслушиваетъ даже доклада, только самъ говоритъ о своихъ видахъ, о своихъ теоріяхъ и о боязни, чтобы Европа дурно не заговорила о немъ. Всѣ русскіе здѣсь справедливо негодуютъ, за то поляки чтутъ его, поклоняются ему и увиваются около него.

«Такъ и хочется сказать, что Анненковъ не на мѣстѣ здѣсь, какъ начальникъ края, а какъ начальникъ войскъ еще менѣе можетъ быть терпимъ. Онъ портитъ войска. Напримѣръ, 11-го сентября, Анненковъ дѣлалъ ученье Курскому и Путивльскому полкамъ, недавно сформированнымъ изъ резервныхъ баталіоновъ, и знаете ли какъ онъ началъ ученье? Онъ, какъ австрійскій фельдмаршалъ XVIII столѣтія, построилъ полковыя каре и началъ отступленія этими каре, а дальнѣйшія дѣйствія еще болѣе были безмысленны и это первое общее ученье вновь сформированнымъ полкамъ.

«Личныя же наши отношенія съ Анненковымъ, повторяю, такъ хороши, что ничего нельзя желать лучшаго; я вамъ хотѣлъ сказать только истинную правду».

По отправкѣ своего письма Кауфману, я читалъ княгинѣ Васильчиковой и письмо Кауфмана и копію своего отвѣта, и она нашла, какъ и митрополитъ, что я ужъ слишкомъ смягчилъ возмутительныя продѣлки Анненкова. При этомъ Васильчикова разсказала мнѣ интересныя вещи собственно обо мнѣ. Она говорила, что имѣетъ друзей и между поляками, черезъ которыхъ узнаетъ кое-что изъ польскаго жонда такого, изъ чего она, какъ русская патріотка, можетъ извлечь пользу. Она говорила, что кіевское начальство, т. е. Анненковъ, не признаетъ меня однимъ изъ главныхъ дѣятелей по усмиренію польскаго мятежа въ Кіевской губерніи, а жондъ именно считалъ меня такимъ дѣятелемъ и что я уже былъ намѣченъ жондомъ, какъ подлежавшій убіенію, но мысль

эта была оставлена потому, что трудно было выслѣдить въ какое время дня я выхожу изъ дома и по какому направленію, а главное потому, что жалѣлась польская кровь, которая могла быть пролита при неудавшемся покушеніи на убійство меня. Но за то всѣмъ полякамъ внушено, чтобы они всегда и во всемъ старались вредить мнѣ, и горе мнѣ, если когда нибудь, въ служебномъ отношеніи, я попадусь подъ начальство или подъ вліяніе поляковъ. Послѣднее условіе, кажется, оправдалось на моемъ вѣку, но объ этомъ еще не время говорить.

Полагаю, что княгиня Васильчикова слышала этотъ разсказъ отъ одного изъ братьевъ Понятовскихъ и вѣроятно отъ старшаго брата, съ которымъ Васильчикова была болѣе знакома, а я лучше зналъ и бывалъ у младшаго брата Понятовскаго, которому въ 1863 году было за 50 лѣтъ отъ роду, онъ долго былъ адъютантомъ при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ. Оба брата Понятовскихъ были католики, но не поляки, и участіе ихъ въ мятежѣ выразилось только большою денежною пенею въ пользу жонда, по крайней мѣрѣ младшій Понятовскій, въ бытность мою у него въ имѣніи, сказалъ мнѣ двусмысленно, что спокойное житье его въ имѣніи, въ настоящее смутное время, стоитъ ему очень дорого.

17-го апрѣля 1863 года, установленъ былъ особый знакъ отличія, для ношенія на лѣвой сторонѣ груди, тѣмъ лицамъ, которыя принимали участіе въ успѣшномъ приведеніи въ дѣйствіе положенія 19-го февраля 1861 года о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Въ перечнѣ лицъ, которыя имѣли право на полученіе этого знака, включены и члены уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій.

При отъѣздѣ изъ Кіева, въ маѣ 1864 года, въ послѣдній разъ представляясь Анненкову, я, по тогдашнему настроенію духа, сказалъ ему, что я такъ привязался къ здѣшнимъ крестьянамъ и они съ своей стороны такъ полюбили меня и такъ довѣряли мнѣ, что мнѣ было бы очень пріятно, въ вѣчное воспоминаніе такихъ взаимныхъ отношеній между мною и крестьянами, получить знакъ, установленный 17-го апрѣля 1863 года, на полученіе котораго, какъ членъ съѣздовъ въ 5-ти уѣздахъ, кажется могу имѣть право. Анненковъ подвердилъ мое право на этотъ знакъ, обѣщалъ писать тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительному тайному совѣтнику Валуеву, и дѣйствительно писалъ 11-го іюля 1864 года, № 9261 слѣдующее:

«Вашему высокопревосходительству извѣстно, что въ прошломъ году, тотчасъ послѣ подавленнаго во ввѣренномъ мнѣ краѣ возмущенія, въ самомъ разгарѣ озлобленія православнаго крестьянскаго населенія къ полякамъ, я нашелъ необходимымъ, въ видахъ отвращенія вредныхъ послѣдствій, которыхъ я имѣлъ основаніе опасаться, поручить отряднымъ генераламъ войскъ участвовать въ

мировыхъ съѣздахъ для занятія въ оныхъ обязанности заступниковъ крестьянскихъ интересовъ, такъ какъ крестьяне, движимые въ то время ненавистью къ полякамъ, видѣли въ военнослужащихъ непоколебимыхъ исполнителей царской милости въ пользу крестьянъ противъ мятежныхъ помѣщиковъ.

«Этою временною мѣрою, вызванною исключительнымъ положеніемъ дѣлъ, было отвращено много несчастныхъ случаевъ, безъ чего грубая сила, сама себѣ предоставленная, могла произвесть вредныя и опасныя дѣла.

«Нѣкоторые изъ генераловъ съ особеннымъ усердіемъ занялись порученнымъ имъ дѣломъ и успѣли пріобрѣсть полное къ себѣ довѣріе крестьянъ, прибѣгавшихъ къ нимъ за совѣтами, постановленіями и защитой. Генералъ-маіору Кренке въ особенности остаюсь я признательнымъ за неустанные и благонамѣренные труды его въ пользу крестьянъ и справедливаго дѣла въ уѣздахъ Кіевскомъ, Васильковскомъ, Сквирскомъ, Таращанскомъ и Каневскомъ.

«Не могу отказать какъ генералъ-маіору Кренке, такъ и прочимъ отряднымъ генераламъ, въ свидѣтельствѣ, что они своими трудами въ порученномъ имъ моею довѣренностью, на нихъ возложенномъ дѣлѣ, вполнѣ мои ожиданія оправдали и самую цѣль, съ которою я допустилъ ихъ къ участвованіи въ мировыхъ съѣздахъ».

Затѣмъ слѣдовало обыкновенное ходатайство на испрошеніе всемилостивѣйшаго соизволенія на ношеніе знаковъ поименованными лицами.

Но этому ходатайству въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не было дано ходу.

Описанныя событія, относительно, еще очень недавни, современники или участники тѣхъ событій, могутъ дополнить недосказанною мною, или исправить вкравшіяся неточности. Я говорилъ правду, а потому и не боялся выставлять вполнѣ всѣ имена дѣйствующихъ лицъ. Можетъ быть я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что чѣмъ современнѣе подобныя воспоминанія, тѣмъ они полезнѣе въ томъ отношеніи, что лица стоящія на высокомъ посту, будутъ осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, они должны ожидать, что каждый шагъ ихъ кѣмъ нибудь отмѣчается и что всѣ дѣла ихъ скоро могутъ огласиться.

В. Кренке.

ПОСЛѢДНІЙ ГУМАНИСТЪ.

Въ ИСТОРІИ всемірной литературы существуетъ группа писателей, которыхъ называютъ «гуманистами». Вліяніе ихъ дѣлается замѣтно въ Европѣ въ эпоху «Возрожденія», они являлись у всѣхъ цивилизованныхъ націй, къ нимъ общество относилось во всѣ времена особенно сочувственно, потому что произведенія ихъ отвѣчали вопросамъ, въ данную минуту волновавшимъ общество. И къ подобнымъ вопросамъ міра они относились съ такою симпатіей, что дѣлались тотчасъ же любимцами большинства образованной массы. Въ эпоху борьбы съ «кулачнымъ правомъ», съ грубымъ деспотизмомъ, налагавшимъ свой гнетъ и на мысль, какъ на гражданское устройство, гуманистамъ приходилось необыкновенно трудно отстаивать, шагъ за шагомъ, самыя основныя идеи прáва человѣка на жизнь и свѣтъ, на справедливость и развитіе. Въ то время роль этихъ писателей была тяжелѣе и почетнѣе. Хоть и теперь приходится имъ, борясь съ ретроградами и ненавистниками прогресса, доказывать необходимость самыхъ элементарныхъ понятій прáва и законности, но и само общество въ нашъ вѣкъ значительно облегчаетъ имъ эту борьбу, да и противники ихъ не жгутъ больше на кострахъ, ни этихъ людей, ни ихъ произведеній. Основныя правà человѣка, какъ индивидуума и какъ члена общества, давно утверждены теоріей науки и практикою гражданскаго строя. Поэтому современнымъ гуманистамъ незачѣмъ прибѣгать къ рѣзкимъ аргументамъ и энергическимъ выходкамъ для поддержанія своихъ положеній: они, напротивъ, относятся мягко, хотя тепло и задушевно, къ вопро-

самъ, поднятымъ въ обществѣ, не представляя ихъ въ розовомъ свѣтѣ, какъ идеалисты, но и не изображая голую дѣйствительность, какъ реалисты, а занимая между тѣми и другими среднее мѣсто.

Къ такимъ гуманистамъ въ литературѣ слѣдуетъ причислить Ивана Сергѣевича Тургенева, утрата котораго такъ сильно подѣйствовала на наше общество. И оно имѣло полное основаніе глубоко сожалѣть объ этой утратѣ. Тургеневъ былъ выразителемъ его стремленій, его симпатій и ожиданій. Мы говоримъ, конечно, о большинствѣ, потому что и въ этомъ обществѣ были лица или непонимавшія Тургенева, или ненавидѣвшія его за то, что онъ не раздѣлялъ современныхъ ему ретроградныхъ тенденцій.

Въ литературѣ нашей Тургеневъ былъ дѣйствительно «послѣднимъ гуманистомъ». Стóитъ припомнить, съ какою мягкостью, съ какимъ снисхожденіемъ онъ относится, въ своихъ произведеніяхъ, даже къ самымъ несимпатичнымъ личностямъ. Комическіе персонажи его разсказовъ вызываютъ веселый, добродушный, далеко не гоголевскій, смѣхъ. Даже его «Записки охотника», не рисуя вопіющихъ злоупотребленій, бичуютъ не личности, не типы помѣщиковъ, а скорѣе самое крѣпостничество. Конечно, въ его время, и нельзя было затрогивать, въ болѣе рѣзкихъ картинахъ, этой язвы русскаго общества, но вѣдь даже наша вѣчно подозрительная цензура не находила ничего предосудительнаго въ первыхъ очеркахъ «Записокъ», появившихся въ «Современникѣ», и считала ихъ безобидными до тѣхъ поръ, пока они вышли всѣ вмѣстѣ, отдѣльною книгой, въ 1852 году, когда уже нельзя было сомнѣваться въ ихъ значеніи.

А внутреннее значеніе этихъ очерковъ было огромное, несмотря на ихъ легкую внѣшнюю форму, несмотря на то, что по самому свойству своего таланта, авторъ смягчалъ всѣ слишкомъ рѣзкія черты, старался примирить враждебныя проявленія обѣихъ сторонъ, не отзывался строго и безпощадно ни объ одномъ крайнемъ злоупотребленіи помѣщичьей власти. При отсутствіи въ разсказахъ фактовъ, возмущающихъ чувство, высказывалась чуть не въ каждой строкѣ чудовищность принципа владѣнія себѣ подобными людьми и возбуждала затаенное, но, тѣмъ не менѣе, сильное негодованіе противъ такого ненормальнаго порядка вещей. Какъ ни смягчалъ даровитый гуманистъ тоны, какъ ни мягко стлалъ онъ, но ясно было, что его героямъ жестко спать... И «Записки охотника» останутся не только лучшимъ произведеніемъ писателя, но и вѣчною заслугой гражданина. Съ перваго же разсказа «Записокъ» «Хорь и Калинычъ», появившагося въ «Смѣси» «Современника» 1847 года, въ массѣ пустыхъ и не имѣющихъ значенія статей, видно какъ Тургеневъ зналъ русскаго крестьянина. Кроткій, веселый бѣднякъ Калинычъ, романтикъ и идеалистъ, какъ называетъ его самъ авторъ, служитъ опорой своему барину-полуидіоту, нанимающему, однако,

француза-повара, у котораго ни одно блюдо не имѣло своего естественнаго вкуса: мясо отзывалось рыбой, рыба грибами и макароны порбхомъ. И Калинычъ ходитъ какъ за ребенкомъ за своимъ помѣщикомъ, и тотъ не можетъ обойтись безъ него, тогда какъ Хорь, человѣкъ практическій, «раціоналистъ, административная голова», платившій сто рублей оброка, не хочетъ откупиться на волю, потому что «когда попадетъ въ вольные люди, то каждый безъ бороды будетъ ему нáбольшимъ». Надо удивляться, какъ немногими чертами обрисованы такіе цѣльные, великолѣпные типы. Эта обрисовка характеровъ и типическихъ особенностей составляетъ выдающуюся сторону таланта писателя, оставляющаго нерѣдко въ тѣни и даже вовсе неоконченною фабулу своихъ разсказовъ. Такъ, въ слѣдующемъ же очеркѣ «Ермолай и мельничиха» вовсе не выяснены отношенія мельника къ своей женѣ, выкупленной имъ у барина, послѣ того, какъ ея возлюбленный ушелъ въ солдаты, и разсказъ прерывается на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, очевидно, обращался въ драму. Другіе, не менѣе рельефные типы крестьянъ, являются въ очеркѣ «Малиновая вода»: загнанный, забытый всѣми старикъ Степушка, вѣчно хлопочущій объ одной ѣдѣ, потому что не позаботься онъ самъ о себѣ, такъ умеръ бы съ голоду; вольноотпущенный раззорившагося графа, бѣднякъ Власъ, которому по смерти сына не подсилу платить 95 рублей оброка, а помѣщикъ не сбавляетъ ни копѣйки, все это мастерскіе типы, также, какъ умирающая въ 25 лѣтъ красавица, томящаяся жаждой любви и жизни, въ «Уѣздномъ лекарѣ», какъ мелкій помѣщикъ и его золовка въ семейной драмѣ, названной «Мой сосѣдъ Радиловъ», какъ «Однодворецъ Овсянниковъ» и его племянникъ, стоящій за народъ на дѣлѣ, а не на словахъ, какъ фразеръ-помѣщикъ, ораторствующій о благосостояніи крестьянъ и пользѣ межеванія, а самъ низачто неуступающій четыре десятины мохового болота, какъ полуюродивый Касьянъ, живущій въ лѣсу со своей дочерью, жалующійся на то, что справедливости нѣтъ на свѣтѣ, и что грѣшно убивать даже птицу вольную; какъ Сучокъ, бывшій попеременно кучеромъ, поваромъ, кофешенкомъ, казачкомъ, форейторомъ, садовникомъ, доѣзжачимъ, сапожникомъ, актеромъ — и изъ актеровъ разжалованный въ повара за то, что его братъ сбѣжалъ отъ барина. Но всѣ эти типы истинно-русскихъ людей блѣднѣютъ передъ высокохудожественными типами крестьянскихъ дѣтей въ «Бѣжиномъ лугѣ», этомъ образцовомъ разсказѣ русской литературы. Весь онъ проникнутъ такою простотой, сердечностью, полонъ такою глубокою поэзіей, какія рѣдко встрѣчаются въ произведеніяхъ другихъ нашихъ писателей. Содержанія въ разсказѣ нѣтъ никакого: это простая, безъискуственная бесѣда крестьянскихъ мальчиковъ, ночью стерегущихъ табунъ; но въ этой бесѣдѣ, въ этой картинѣ столько прелести, что невольно увлекаешься этими задушевными

страницами. Типы эти такъ рельефны, что глубоко врѣзываются въ память. Старшій изъ мальчиковъ, Ѳедя, лѣтъ четырнадцати, изъ богатой семьи, съ мелкими чертами лица, свѣтлыми глазами и постоянной, полувеселой, полуразсѣянной улыбкой. Второй—Павлуша, блѣдный, рябой, не красивый, съ огромною головой, умный и энергическій. Ильюша съ вытянутымъ, подслѣповатымъ лицомъ, выражавшимъ тупую, болѣзненную заботливость. Костя, лѣтъ десяти, съ задумчивымъ и печальнымъ взглядомъ, съ худенькимъ лицомъ, но большими, черными глазами, блестѣвшими жидкимъ блескомъ; послѣдній мальчикъ Ваня, лѣтъ семи, существо тихое, доброе и безобидное. Они ведутъ разговоръ о томъ, что больше всего занимаетъ дѣтское воображеніе во всѣхъ классахъ общества: о фантастическихъ созданіяхъ демонологіи, о силахъ природы, олицетворенныхъ въ темныхъ, зловѣщихъ, уродливыхъ образахъ домовыхъ, лѣшихъ, русалокъ, водяныхъ, объ утопленникахъ, антихристѣ и проч. Толки дѣтей интересны еще и потому, что весьма близки къ взглядамъ ихъ отцовъ на ту же таинственную область сверхъестественнаго. Особенно рельефно выдается въ этой бесѣдѣ энергичный Павлуша съ его бойкими замѣчаніями и умными сужденіями. Послѣдніе два разсказа первой части «Записокъ охотника», «Бурмистръ» и «Контора», представляютъ превосходную картину помѣщичьей администраціи: въ первомъ разсказѣ рабовладѣлецъ, гвардейскій офицеръ, одѣвающійся по-англійски, говорящій по-французски, напѣвающій итальянскія аріи Лучіи и Сонамбулы, выговаривая своимъ подданнымъ, голоса не возвышаетъ, рѣзкихъ движеній избѣгаетъ, но тычетъ рукою прямо, слегка стискивая зубы и кривя ротъ; говоритъ онъ съ разстановкой, пропуская каждое слово сквозь свои прекрасные усы; домъ содержитъ въ порядкѣ необыкновенномъ; даже кучера его не только каждый день вытираютъ хомуты, но и сами лицо моютъ; «дворовые его поглядываютъ исподлобья, но, вѣдь, на Руси углюмаго отъ заспаннаго не отличишь». Этотъ джентльменъ-помѣщикъ, приказывающій только «распорядиться» на счетъ камердинера, забывшаго подогрѣть къ завтраку красное вино, отпустилъ одну изъ своихъ деревень на оброкъ: «конституція! что будешь дѣлать! говоритъ онъ: я бы ихъ, признаться, давно на барщину ссадилъ, да земли мало... однако, оброкъ платятъ исправно, хотя удивляюсь, какъ они концы съ концами сводятъ». Такой великолѣпный типъ помѣщика, ихъ же былъ на Руси легіонъ, — все управленіе поручаетъ мошеннику бурмистру... «государственному человѣку», поминутно повторяющему барину: «ахъ вы наши отцы-благодѣтели». Но крестьяне молчатъ, потому что баринъ не принимаетъ жалобъ, и называетъ ихъ бунтомъ. Какая вѣрная, чисто-русская, нисколько не преувеличенная картина, правдивая во всякую эпоху! Во второмъ разсказѣ управленіе деревней происходитъ по департамент-

скому образцу, посредствомъ конторы, рапортовъ, предписаній, отношеній. Бюрократизмъ такъ близокъ къ деспотизму и крѣпостничеству, что ихъ и не отличишь другъ отъ друга.

Вторая часть «Записокъ охотника» начинается очеркомъ «Бирюкъ», проникнутымъ тяжелымъ, печальнымъ колоритомъ. Угрюмый, холодный лѣсникъ, зорко стерегущій барское добро, никому не дающій спуска, ловитъ въ лѣсу бѣднаго мужика, срубившаго господское дерево; тотъ слезно молитъ отпустить, разсказывая, какъ

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

безъисходная нужда довела его до воровства. Гуманное чувство пробуждается въ груди Бирюка и онъ отпускаетъ провинившагося, изругавъ его ругательски—для очистки совѣсти. Въ «Двухъ помѣщикахъ» очерчены новые типы этого сословія, такъ долго позорившаго русскую землю: обрюзглый генералъ, никогда не бывавшій на войнѣ, распекающій людей низшаго званія, неумѣющій порядочно обращаться съ небогатыми дворянами, но унижающійся передъ губернаторомъ; балагуръ Степуновъ, выселившій крестянъ на самое невыгодное мѣсто и исправно сѣкущій ихъ, приговаривая:

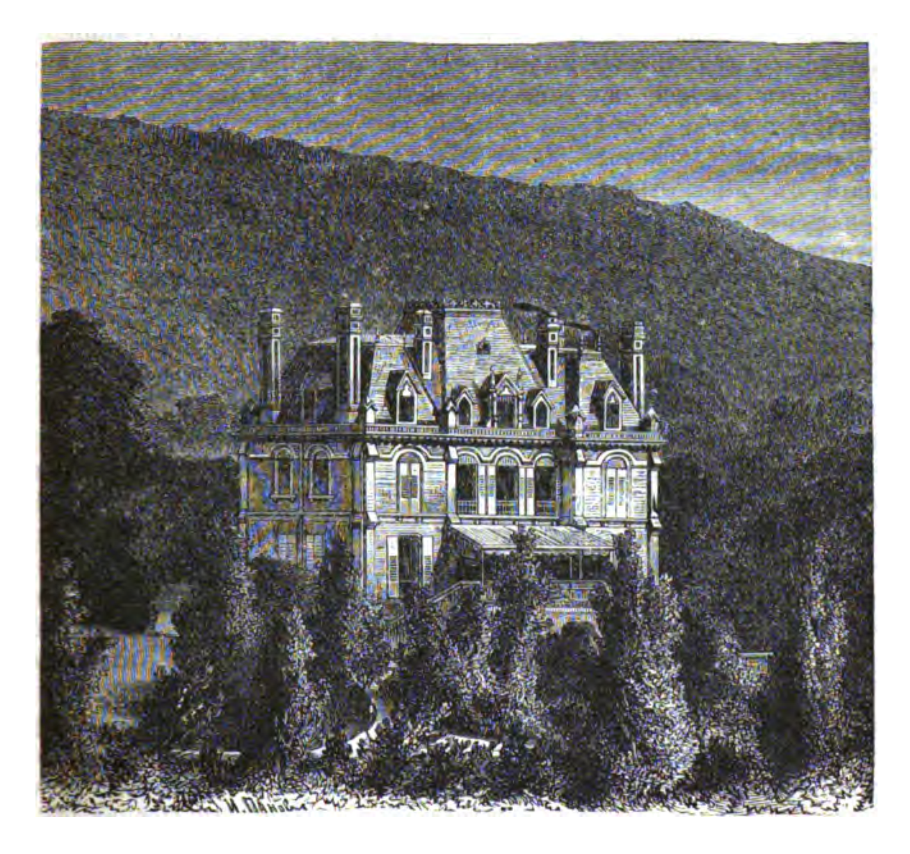
«коли баринъ, такъ баринъ, а коли мужикъ, такъ мужикъ». А крестьяне довольны даже тѣмъ, что онъ ихъ хоть попусту не наказываетъ. «Вотъ она, старая-то Русь!» говоритъ авторъ въ концѣ разсказа. Ужь будто только старая?.. «Лебедянь» — великолѣпная картина извѣстной конной ярмарки, съ ея трактирными героями, поручиками, барышниками, помѣщиками, мошенничающими не хуже барышниковъ. «Татьяна Борисовна и ея племянникъ»—типъ прекрасной, доброй женщины и шалопая-художника, круглаго невѣжды, ничего не читавшаго, «да и на что художнику читать? природа, свобода, поэзія — вотъ его стихія. Знай потряхивай кудрями, да затягивайся Жуковымъ въ засосъ». Въ разсказѣ «Смерть», съ тою же меткою наблюдательностью и глубокимъ психическимъ анализомъ, приведено нѣсколько примѣровъ, какъ умираетъ русскій человѣкъ «словно обрядъ совершаетъ, холодно и просто». Въ «Пѣвцахъ» Тургеневъ съумѣлъ передать словами неуловимыя ощущенія, производимыя пѣніемъ, простою народною пѣснью, въ которой слова играютъ второстепенную роль, а все значеніе заключается въ переливахъ мелодіи, въ ея задушевности. Пѣвцы эти — рябой рядчикъ съ жидкою бородкой и высочайшимъ, нѣсколько сиплымъ фальцетомъ, заливавшимся въ плясовой заносистою, залихватскою удалью, и фабричный Яшка-турокъ, выводившій заунывную пѣсню слегка разбитымъ, надтреснутымъ голосомъ, отзывавшимся чѣмъ-то болѣзненнымъ, но, въ то же время, неподдѣльною глубокою страстью и молодостью, и силою, и сладостью, и какою-то увлекательно безпечною грустью и скорбью. Описано это пѣніе съ необыкновеннымъ искусствомъ, впечатлѣніе, производимое пѣвцами, изображено почти осязательно. Гофманъ, правда, передалъ въ своемъ разсказѣ впечатлѣніе, оставляемое моцартовскимъ «Донъ-Жуаномъ», но значеніе серьезной оперной музыки, ощущеніе, испытываемое въ театрѣ, объяснить гораздо легче, тогда какъ передача звуковъ словами почти совершенно невозможна. И однако, для Тургенева она становится обыкновеннымъ, легкимъ дѣломъ. Отъ каждаго звука Яшки-турки «вѣяло чѣмъ-то необозримо-широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль». Пѣвецъ заставилъ плакать всѣхъ слушателей: цѣловальника, нѣсколько идеализированнаго, его жену, загулявшаго двороваго, вздорнаго болтуна, бывалаго мѣщанина, хромого Моргача, ободраннаго мужичонка, утиравшаго обѣими руками глаза, щеки, носъ, бороду и повторявшаго: «а хорошо, ей-богу хорошо, вотъ будь я собачій сынъ — хорошо». Эта поэтическая картина оканчивается самымъ прозаическимъ образомъ: и пѣвцы и слушатели напиваются пьяны. Въ кабакѣ поднимается нелѣпый, безобразный гамъ; за то вокругъ него «спустившаяся ночь затопляетъ мглистыми волнами вечерняго тумана широкую равнину, которая кажется еще необъятнѣе и какъ

будто сливается съ потемнѣвшимъ небомъ». И вдругъ, въ неподвижномъ, чутко дремлющемъ воздухѣ, наполненномъ тѣнями ночи, звонко разносится голосъ мальчика, зовущаго своего брата: Антропка! съ упорнымъ, слезливымъ отчаяніемъ долго вытягивая послѣдній слогъ. Антропка откликается только спустя долгое время и тотчасъ умолкаетъ опять, когда братъ объявляетъ ему, что тятька зоветъ его затѣмъ, что хочетъ высѣчь. Смѣхъ и слезы, поэзія и проза, высокое чувство и обыденная грязь все смѣшивается, какъ въ жизни, въ этомъ образцовомъ разсказѣ, гдѣ авторъ съумѣлъ такъ художественно передать все обаяніе русской пѣсни. «Петръ Петровичъ Каратаевъ» — типъ забубеннаго, пустого, необразованнаго помѣщика, прогулявшаго все свое имѣніе, но дѣлающагося болѣе человѣчнымъ подъ вліяніемъ чувства любви къ крѣпостной дѣвушкѣ, которую онъ увозитъ отъ ея барыни, изъ одной злости не соглашающейся продать Матрену. Въ «Свиданіи» выведенъ новый, отталкивающій типъ лакея, нахала и ловеласа, продуктъ того же крѣпостничества. Онъ обманулъ крестьянскую дѣвушку и, уѣзжая въ Петербургъ съ бариномъ, совѣтуетъ ей выдти замужъ. Одинъ изъ лучшихъ типовъ, созданныхъ Тургеневымъ— «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда». Онъ три года провелъ за границей, изучалъ Гегеля, заѣденъ рефлексіей и его въ особенности мучитъ то, что въ немъ нѣтъ ничего оригинальнаго, собственно ему принадлежащаго, нѣтъ своего запаха; и учился онъ и влюбился и женился словно не по своей охотѣ, а исполняя какой-то не то долгъ, не то урокъ. Онъ не могъ найти ничего общаго между энциклопедіей Гегеля и русскою жизнью; «радъ былъ бы брать у русской жизни уроки—да молчитъ она, голубушка». Гамлетъ раззоряется, помѣщики помыкаютъ имъ очень нецеремонно, за столомъ его обносятъ, не даютъ ему вмѣшиваться въ разговоръ. Въ этомъ же разсказѣ съ такимъ же искусствомъ, очерчены и другіе типы: богатый помѣщикъ независимый, ничего не добивающійся и все-таки напрашивающійся на посѣщеніе важнаго сановника и страшно волнующійся въ день его пріѣзда, уѣздный острякъ, недоучившійся студентъ князь Козельскій, который «одинъ глупъ какъ пара купеческихъ лошадей», самъ сановникъ, прототипъ щедринскихъ губернаторовъ и др. Эта огромная галлерея типовъ, очерченныхъ Тургеневымъ, оканчивается «Чертопхановымъ и Недопюскинымъ»— широкою русскою натурою, взбалмошнымъ сумасбродомъ и забіякой — и жалкимъ, забитымъ полушутомъ, служившимъ потѣхою прихоти и скуки празднаго барства.

Но кромѣ этихъ портретовъ, написанныхъ съ изумительнымъ знаніемъ русскаго человѣка двухъ противоположныхъ слоевъ общества — крестьянскаго и помѣщичьяго, Тургеневъ является въ своей книгѣ и знатокомъ русской природы. Картины ея, разбросанныя во многихъ очеркахъ, дышатъ такою поэзіею, что состав-

ляютъ перлы русской словесности, которыми она всегда будетъ дорожить и гордиться, какъ и вообще этою книгою Тургенева. Мы потому и остановились на ней, что это лучшее произведенiе автора, вполнѣ характеризующее степень и направленiе его таланта, въ то же время—одно изъ лучшихъ произведенiй всей русской литературы. Первые разсказы этой книги, явившiеся въ «Современникѣ» 1847—1851 годахъ были послѣднимъ отраднымъ явленiемъ литературы сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, заснувшей вслѣдъ затѣмъ до новаго царствованiя. Начало блистательнаго поприща Тургенева привѣтствовалъ нашъ знаменитый критикъ едвали не послѣдними своими рецензiями. «Взглядъ на русскую литературу въ 1847 году», въ «Современникѣ» 1848 года былъ одною изъ послѣднихъ серьезныхъ статей Бѣлинскаго. Но критикъ, оканчивавшiй свою благородную, трудовую жизнь, принесшую такую огромную пользу нашей литературѣ, ошибочно взглянулъ на значенiе великаго писателя. Встрѣтивъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1843 года съ полнымъ сочувствiемъ вышедшее тогда стихотворенiе Тургенева «Разговоръ» и назвавъ его истиннымъ, неподдѣльнымъ талантомъ, поэтомъ въ истинномъ и современномъ значенiи этого слова, Бѣлинскiй, меньше чѣмъ черезъ два года, въ «Современникѣ» говоритъ о той же поэмѣ, что она «на первый разъ могла даже понравиться, но прочесть ее вторично уже не захочется», а о «Запискахъ охотника» высказываетъ такое сужденiе, что у Тургенева нѣтъ таланта чистаго творчества, онъ не можетъ создавать характеровъ и ставить ихъ въ такое отношенiе между собою, изъ какихъ образуются само собою романы или повѣсти, а если угодно можетъ творить только изъ готоваго, даннаго дѣйствительностью матерьяла. Такое странное мнѣнiе и противорѣчiе въ сужденiяхъ объ одномъ и томъ же произведенiи, наконецъ мысль, высказанная при разборѣ очерка «Хорь и Калинычъ», что Хорь сильно не любитъ чистоту и опрятность, когда авторъ описываетъ напротивъ необычную чистоту избы Хоря,—все это поражаетъ непослѣдовательностью. И между тѣмъ Бѣлинскiй очень хвалитъ этотъ очеркъ и упоминаетъ о необыкновенномъ мастерствѣ Тургенева въ изображенiи картинъ русской природы; но о другихъ разсказахъ «Записокъ охотника» критикъ говоритъ нѣсколько словъ и перечисляетъ только три. Нельзя не сожалѣть, что Бѣлинскiй не успѣлъ сдѣлать оцѣнки Тургенева, взглянуть на него съ настоящей точки зрѣнiя. До конца пятидесятыхъ годовъ книга Тургенева была «изъята изъ обращенiя» и названiя ея не упоминалось въ книжныхъ каталогахъ. Только въ это время, когда свободно вздохнула и литература, и вся Россiя, стали появляться критическiе отзывы о высоко талантливомъ романистѣ. Дудышкинъ разбиралъ его въ «Отечественныхъ Запискахъ» (т. CX и CXI 1857 г.), Анненковъ въ «Современникѣ» 1857 года, въ «Русскомъ

Вѣстникѣ» (1859 г. кн. 16), Пятковскій въ «Журналѣ Министерства Народнаго просвѣщенія» (1859 г., кн. V), де-Пуле въ «Русскомъ Словѣ» (т. XI), Басистовъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1860 г., кн. 7), А. Григорьевъ въ «Свѣточѣ» (1861 г., № 4), даже Лонгиновъ отзывался объ немъ съ похвалой въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1861 г., кн. II). Но все это были сужденія отрывочныя, поверхностныя, неполная оцѣнка отдѣльныхъ произведеній. Вѣрнѣе, хотя и не безъ

Вилла, принадлежавшая И. С. Тургеневу въ Баденъ-Баденѣ.

предвзятыхъ идей, взглянулъ на Тургенева Добролюбовъ (сочиненія, томъ III). Часть молодежи, непонявшая гуманиста, видѣла въ немъ одно время противника ея стремленій и тенденцій. Это недоразумѣніе, однако, было непродолжительно, и теперь нѣтъ человѣка на Руси, кромѣ ненавистниковъ свѣта и прогресса, который не призналъ бы съ любовью и уваженіемъ дорогое для всѣхъ имя высоко даровитаго, честнаго писателя, ожидающаго еще полной, серьезной, критической оцѣнки его могучаго таланта.

Тургеневъ называлъ себя ученикомъ Пушкина, хотѣлъ даже быть похороненнымъ въ ногахъ его, если не подлѣ Бѣлинскаго. Дѣйствительно, въ нашей литературѣ авторъ «Записокъ охотника» былъ прямымъ продолжателемъ великаго поэта, наслѣдникомъ его традицій, его національнаго и общеевропейскаго значенія. Съ Тургеневымъ оканчивается эта преемственность; онъ не оставляетъ послѣ себя ни школы, ни прямыхъ наслѣдниковъ своего таланта. Да и при жизни онъ стоялъ всегда особнякомъ. Даже огромный талантъ Гоголя, создавшаго многочисленную школу, не привлекъ гуманиста на сторону обличительнаго направленія, крайняго реализма, несимпатичнаго мягкой, эстетической натурѣ художника, вносившаго примирительные тоны въ рѣзкіе диссонансы русской жизни. Выдающееся дарованіе Льва Толстого имѣетъ также мало общаго съ міровоззрѣніемъ Тургенева и, повидимому, вступило на печальный путь мистическаго настроенія, жертвою котораго палъ не одинъ Гоголь, и слѣды котораго видны въ нѣкоторыхъ болѣе слабыхъ и фантастическихъ разсказахъ самого Тургенева. Обломовъ - Гончаровъ полагаетъ, что для славы писателя довольно трехъ романовъ и забываетъ, что о томъ, кто не напоминаетъ о себѣ, не скоро вспомнятъ современники. Всѣ другіе, умершіе и живые писатели сороковыхъ годовъ, сверстники Тургенева, не могутъ равняться съ нимъ по дарованію и, въ особенности, по воспитательному значенію своихъ произведеній. Это значеніе для насъ особенно важно и дорого по своему благотворному вліянію. На сочиненіяхъ Тургенева воспитались уже два поколѣнія. Люди шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ видятъ въ немъ своего учителя. Народъ, конечно, не знаетъ его произведеній, хотя, въ послѣднее время, нѣкоторые изъ его мелкихъ разсказовъ и повѣстей начали выходить въ дешевыхъ изданіяхъ и сборникахъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. Но общество и вообще читающая масса относились къ нему всегда съ особеннымъ сочувствіемъ, какъ къ своему любимому писателю. Это происходило оттого, что въ своихъ произведеніяхъ онъ всегда отвѣчалъ стремленіямъ общества, выражалъ его настроеніе въ данную минуту, его тенденціи и надежды. Передъ русской публикой Тургеневъ явился какъ поэтъ, но его первыя, мелкія стихотворенія и даже довольно обширная, но незанимательная по содержанію поэма «Параша», изданная въ 1843 году безъ имени автора—не произвели впечатлѣнія. Только вторая поэма «Разговоръ», явившаяся черезъ два года, замѣчательна не по стиху, а по мыслямъ, по отраженію того безпокойнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безотраднаго настроенія, которымъ было проникнуто все европейское общество, не исключая и русскаго, незадолго до переворотовъ 1848 года. И Бѣлинскій былъ правъ въ своемъ первомъ одобрительномъ отзывѣ о поэмѣ, которую и теперь перечитываешь съ удовольствіемъ. Во вступленіи поэтъ проходитъ передъ нѣмымъ и сумрачнымъ двор-

цомъ, гдѣ утихъ блестящій пиръ и замеръ громкій смѣхъ веселаго безумья (въ эту эпоху во дворцахъ много веселились и пировали), но ни замолкнувшій смѣхъ, ни смѣнившая его таинственная тишина ночи, ни красота спящаго міра, не останавливаютъ вниманія поэта. Онъ говоритъ:

Но глазъ не поднималъ—и проходилъ я мимо,
О жизни думалъ я, объ истинѣ святой,
О всемъ, что̀ на землѣ во вѣкъ неразрѣшимо.

Неразрѣшимыми остаются и вопросы, поднятые въ поэмѣ молодымъ, но уже во всемъ разочаровавшемся человѣкомъ, въ бесѣдѣ со старымъ пустынникомъ. Старикъ удивляется, что его гость, обманутый въ надеждахъ, хочетъ покинуть свѣтъ. «Развѣ ты никогда, спрашиваетъ онъ, не зналъ жажды мыслей и дѣлъ, не любилъ никого?» И старикъ вспоминаетъ про свою любовь, досадуя на то, что онъ все-таки былъ ея рабомъ, плача о смерти той, кого онъ любилъ. Гость также любилъ, но добровольно разстался съ нею, стремясь на волю, на просторъ. Старикъ спрашиваетъ:

Какой же подвигъ ты свершилъ,
Какому богу ты служилъ?

Гость, рѣшившись идти впередъ за своимъ народомъ, убѣдился скоро въ томъ, что для него нѣтъ мѣста въ цѣломъ міръ, что онъ чуждъ людямъ, съ которыми у него нѣтъ ни общихъ нуждъ, ни тѣхъ же радостей. Старикъ, объясняетъ это тѣмъ, что юноша занятъ лишь собою, что въ немъ нѣтъ ни возвышенныхъ чувствъ, ни прямой любви, что другіе люди трудятся на поприщѣ добра. Гость отвѣчаетъ, что онъ встрѣчалъ въ жизни только пустыхъ людей, да безсмысленный народъ, вѣчный рабъ нужды и заботъ, глупо радовавшійся всякому вздору.

О! если бы пророкъ святой
Сказалъ мнѣ: встань, иди за мной!
Клянусь пошолъ бы я, томимъ
Великой радостью, за нимъ,
За нимъ, на гибель, на позоръ...
Но гдѣ пророки?..

Старикъ проклинаетъ его за то, что онъ убилъ всѣ его надежды на возрожденіе молодой жизни новаго, сильнаго племени. Юноша рѣшается тогда покинуть навсегда родину и отправиться искать невѣдомыхъ боговъ, среди чужихъ, въ землѣ чужой, гдѣ онъ никому не дорогъ, но гдѣ за то свободенъ и можетъ на зло судьбѣ погибнуть въ радостной борьбѣ... Что̀ сдѣлали вы для насъ, предки наши? спрашиваетъ онъ далѣе: послѣ пустой работы вы шли на безсмысленный покой, какъ и ваши внуки. Намъ недождаться золотой денницы и когда она блеснетъ—

Великій, безконечный крикъ
Побѣды жизни молодой
Не долетитъ до насъ, старикъ...
Не переживъ унылой тьмы,
Съ тобой въ могилу ляжемъ мы.

Поэма оканчивается такими же, возбуждающими тяжелое чувство стихами, вполнѣ характеризующими настроеніе тогдашняго общества и самого поэта, спасавшагося въ чужую землю отъ безотраднаго чувства. Съ тѣхъ поръ, денница правды блеснула, но не повторилъ ли бы поэтъ и черезъ тридцать восемь лѣтъ, заключительные стихи своей поэмы?...

До своихъ «Записокъ охотника», Тургеневъ обратилъ уже на себя вниманіе публики повѣстями «Андрей Колосовъ», «Бреттеръ», «Три портрета», «Жидъ» и «Пѣтушковъ». Здась талантъ писателя, его мастерство въ изображеніи вполнѣ жизненныхъ типовъ, проявляются въ томъ же блескѣ. До высылки изъ Петербурга онъ писалъ много, пробовалъ свои силы и въ драматическомъ родѣ. Первыя сцены его въ 10-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» на 1843 годъ «Неосторожность», прошли незамѣченными, но послѣдующія написаны весьма живо и талантливо: это, «Безденежье», сцены изъ петербургской жизни молодого дворянина (1846. «Отеч Зап.» № 11) «Гдѣ тонко тамъ и рвется» комедія въ 1 дѣйствіи («Современ.» 1848 № 9 и 11), «Холостякъ», комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ («Отеч. Зап.» 1849 № 1) «Провинціалка, въ 1-мъ дѣйствіи («Отеч. Зап. 1851 г. № 1), «Завтракъ у предводителя», сцены, неимѣющія значенія драматическаго, какъ онѣ названы въ Салаевскомъ изданіи «Сочиненій Тургенева», напечатанныхъ въ Карлсруэ, въ 1865 году, и наконецъ пятиактная комедія «Мѣсяцъ въ деревнѣ», передѣланная для сцены по требованію цензуры и явившаяся въ печати, въ своемъ первоначальномъ видѣ, только въ изданіи 1869 года. Изъ мелкихъ разсказовъ его этой же эпохи произвели сильное впечатлѣніе «Три встрѣчи», «Разговоръ на большой дорогѣ», «Постоялый дворъ» и, въ особенности «Дневникъ лишняго человѣка» и «Муму». Въ то же время онъ писалъ и критическія статьи о романѣ Е. Туръ «Племянница», о комедіи Островскаго «Бѣдная невѣста», о переводѣ «Фауста» Врonченко, о «Запискахъ ружейнаго охотника» Аксакова, о стихотвореніяхъ Тютчева, о Грановскомъ. Въ 1855 году явились повѣсти «Два пріятеля» «Затишье» и «Яковъ Пасынковъ», въ 1856 «Переписка» и «Фаустъ», гдѣ уже проявилось мистико-аскетическое міровозрѣніе, такъ какъ главная мысль разсказа построена на необходимости отказываться отъ земныхъ радостей, на основаніи эпиграфа, взятаго изъ великаго созданія Гете: «Entsagen sollst du, sollst entsagen». По поводу этой повѣсти, г. Катковъ вздумалъ печатно упрекнуть писателя, что она похожа, по содержанію, на повѣсть «Призраки», обѣщанную «Русскому Вѣстнику»

и Тургеневъ долженъ былъ два раза также печатно доказывать тогдашнему либеральному редактору все неприличіе его заподозрѣваній. Но въ этомъ же году вышелъ, въ первой книжкѣ «Современника», «Рудинъ»—этотъ великолѣпный типъ русскаго человѣка, страдающаго отъ бездѣйствія и невозможности найти въ окружающей его средѣ удовлетвореніе своей жажды дѣла и дѣятельности. Рудинъ погибаетъ на іюньскихъ барикадахъ 1848 года именно отъ того, что, по его собственнымъ словамъ, испортилъ жизнь свою и не служилъ мысли какъ слѣдуетъ. Тогда же вышло въ свѣтъ первое изданіе «Повѣстей и разсказовъ И. С. Тургенева» (П. В. Анненкова) встрѣченное обширными хвалебными рецензіями, изъ которыхъ лучшія принадлежали Дудышкину и Дружинину. Въ это время Тургеневъ уже былъ извѣстенъ и въ Европѣ. Переводы его разсказовъ изъ «Записокъ охотника» начали появляться въ «Petersburger Zeitung» еще въ 1852 году; тамъ же были переведены «Три встрѣчи». Въ 1854 году «Записки» вышли въ Берлинѣ въ переводѣ Видерта (второе изданіе 1857 г.), въ 1855 въ Эдинбургѣ (Russian life in the interior or the experience of a sportsman) въ 1856, въ Копенгагенѣ (Russiske Skizzer af I. Turghenew); на французскомъ языкѣ явились два перевода: Шарьера (два изданія 1855 г.) и Делаво, одобренное авторомъ. Начиная съ «Рудина» всѣ произведенія писателя выходили уже немедленно на главнѣйшихъ иностранныхъ языкахъ, и всѣ европейскіе органы отзывались о нихъ съ величайшею похвалою.

Въ 1857 году, явилась только небольшая комедія «Чужой хлѣбъ», написанная еще въ 1848 году и передѣланная впослѣдствіи для сцены, подъ названіемъ «Нахлѣбникъ». Слѣдующій годъ подарилъ литературу превосходною повѣстью «Ася», мастерски разобранною Н. Г. Чернышевскимъ («Русскій человѣкъ на rendez-vous», «Атеней», № 18). Наконецъ, въ 1859 году, напечатавъ сначала свои «Воспоминанія о Бѣлинскомъ» («Московскій Вѣстникъ», № 21), потомъ «Украинскіе народные разсказы, Марка Вовчка, переведенные съ малороссійскаго нарѣчія», Тургеневъ явился съ первымъ своимъ романомъ «Дворянское гнѣздо», еще болѣе упрочившимъ его славу. Герой его — видоизмѣненіе рудинскаго типа, тоже стремящійся къ дѣятельности, но ничего не достигающій, былъ настоящимъ выразителемъ своей эпохи, но еще сильнѣе произвела впечатлѣніе героиня—Лиза, одинъ изъ лучшихъ типовъ русской женщины, хотя и заключающая свое житейское поприще довольно рѣдкимъ пасажемъ—поступленіемъ въ монастырь, чѣмъ была недовольна одна часть публики, такъ же какъ въ слѣдующемъ году была недовольна тѣмъ, что героиня романа «Наканунѣ» отдается болгарину Инсарову. Этотъ послѣдній романъ имѣлъ, однако, еще больше успѣха и типъ героя его гораздо рельефнѣе Рудина и Лаврецкаго. Инсаровъ также ничего не успѣваетъ сдѣлать, но въ жизни

его есть опредѣленная, сознательная цѣль, къ которой онъ постоянно стремится, несмотря на всѣ посторонния увлеченія. Онъ человѣкъ не поэтическій, не глубокаго и не разнообразнаго ума, не обладающій никакими талантами, но онъ замышляетъ освободить свою родину отъ турецкаго ига, и его святая цѣль увлекаетъ молодую дѣвушку, Елену, положительно лучшее созданіе изъ всѣхъ тургеневскихъ типовъ, да едва ли и не лучшій типъ русской женщины шестидесятыхъ годовъ. Авторъ и самъ не знаетъ, въ кого уродилась эта московская барышня, дочь стараго развратника, просиживающаго цѣлые дни у своей нѣмки-содержанки, и матери «курицы», какъ ее всѣ называли. Но это—удивительная дѣвушка съ чистыми, строгими, прямыми линіями лица, съ чертами, кажущимися неподвижными; только выраженіе взгляда ея безпрестанно мѣняется, а отъ него мѣняется и вся фигура. «Во всемъ ея существѣ, въ улыбкѣ, какъ будто напряженной, въ голосѣ тихомъ и неровномъ, было что-то нервическое и электрическое, что-то порывистое и торопливое; слабость возмущала ее, глупость сердила, ложь она не прощала во вѣки». Нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили. Ей понравился сначала философъ Берсеневъ, заѣденный рефлексіей, но потомъ она привязалась всей силой своей живой, впечатлительной натуры къ студенту Инсарову, переводившему болгарскія пѣсни и составлявшему болгарскую грамматику. Она сама призналась ему въ любви, ходила за нимъ во время болѣзни, потомъ также спокойно, какъ сказала ему люблю, отдалась ему при первой вспышкѣ его чувственности, затѣмъ, выйдя за него за-мужъ, уѣхала съ нимъ въ славянскія земли, гдѣ онъ скоро умеръ, а она не вернулась въ Россію, пошла въ сестры милосердія и пропала безъ вѣсти. Елена вполнѣ законченный, художественно очерченный типъ, переданный съ изумительнымъ, неподражаемымъ искусствомъ. Во всѣхъ ея поступкахъ героизмъ благородный, чистый, самоотверженный. Полюбивъ Инсарова, выйдя за него и за его идеи (французы не даромъ употребляютъ выраженіе épouser ses idées), она вся, нераздѣльно, отдалась этому человѣку и его идеямъ. Для нее исчезъ весь остальной міръ, связи съ окружавшими ее лицами, все прошедшее. Она не сдѣлалась болгаркой: ей было все равно, какую страну думаетъ освободить ея властитель, и еслибъ Инсаровъ былъ индусъ, она точно также нашла бы естественными попытки его освободиться изъ-подъ ига англичанъ. Болгарія казалась ей очень скучною страной; она не могла принудить себя читать книги о Болгаріи, которыя давалъ ей Инсаровъ. Потомъ она выучилась по-болгарски и по-сербски—но когда уже была его женой. Она, конечно, сначала полюбила идею, а потомъ уже человѣка, проповѣдовавшаго эту идею, но, все-таки, если бы Инсаровъ явился въ образѣ Терсита или Квазимодо, не отправился ли бы онъ одинокимъ освобождать

свою родину? Это, однако, нисколько не уменьшаетъ героизма Елены и ее нельзя упрекать, что она очень скоро отдалась Инсарову; въ этомъ вина самого болгарина, не съумѣвшаго побѣдить въ себѣ порыва чувственности. Елена также логически не виновата въ томъ, что отдалась Инсарову, какъ логически виновата Лиза «Дворянскаго гнѣзда» въ томъ, что не отдалась Лаврецкому. Искренно любящая женщина не ускоряетъ и не отклоняетъ минуты своего паденія; она покоряется почти всегда безсознательно мужчинѣ, тогда какъ онъ имѣетъ возможность и въ этомъ случаѣ поступить сознательно и на столько владѣть собою, чтобы отсрочить, когда это нужно, минуту обладанія любимою женщиной, хоть бы для того, чтобы явиться передъ нею человѣкомъ, не покоряющимся чувственнымъ инстинктамъ.

Не имѣя возможности разбирать всѣ сочиненія Тургенева, мы остановились только на тѣхъ изъ нихъ, которыя послужили основаніемъ его извѣстности: «Разговоръ» какъ поэта, «Записки охотника» какъ нувелиста, «Наканунѣ» какъ романиста. Но и въ этомъ послѣднемъ произведеніи проглядываютъ слѣды фантастическаго мистицизма и страннаго отношенія къ жизни, проявляющихся въ «Фаустѣ», «Призракахъ», «Собакѣ», «Стукѣ», «Пѣснѣ торжествующей любви» и еще нѣкоторыхъ изъ его разсказовъ. Вотъ какую фразу встрѣчаемъ мы на послѣднихъ страницахъ «Наканунѣ»: «Каждый изъ насъ виноватъ уже тѣмъ, что живетъ, и нѣтъ такого великаго мыслителя, нѣтъ такого благодѣтеля человѣчества, который, въ силу пользы имъ приносимой, могъ бы надѣяться на то, что имѣетъ право жить». Конечно, подобныя фразы— только мелкія, темныя пятна на свѣтлыхъ произведеніяхъ Тургенева, въ блестящихъ созданіяхъ его творчества, но кто бы изъ насъ не пожелалъ, чтобы эти пятна не появлялись на нашемъ литературномъ свѣтилѣ?

Послѣдними произведеніями, успѣхъ которыхъ не былъ никѣмъ оспариваемъ, явились, въ томъ же году, повѣсть «Первая любовь» и превосходная критическая статья «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ». Больше всего успѣха имѣлъ, безспорно, вышедшій въ 1862 году, романъ «Отцы и дѣти», но онъ раздѣлилъ и критику и публику на два враждебные лагеря. О героѣ романа, нигилистѣ Базаровѣ, высказывались діаметрально противоположныя мнѣнія. Одни видѣли въ немъ прославленіе, другіе отрицаніе нигилизма, хотя авторъ совершенно объективно отнесся къ этому лицу, какъ и вообще ко всѣмъ своимъ героямъ. Появившійся, въ 1864 году, романъ «Дымъ» также вызвалъ немало антагонистовъ, какъ и вышедшій черезъ десять лѣтъ «Новь». «Дымъ», гдѣ мастерки очерчена наша разлагающаяся аристократія, далъ поводъ нѣмцамъ заявить въ своихъ газетахъ, что «лучшій писатель Россіи охарактеризовалъ ея современную жизнь и дѣятельность словами: одинъ только

дымъ». О «Нови» «Русскій Вѣстникъ» отозвался, что лица романа «поголовно ничтожны и антипатичны для всякаго свѣжаго чувства». А между тѣмъ эти лица, прежде всего, безукоризненно честны въ своихъ отношеніямъ ко всѣмъ людямъ, безъ различія, близкимъ и враждебнымъ; ихъ побужденія чисты, а ошибки и проступки происходятъ отъ увлеченія теоріею. Но въ то время, когда Базаровъ искалъ только сблизиться съ простымъ народомъ, они хотятъ «опроститься», какъ говоритъ одно лицо въ романѣ, то есть «быть за-одно съ народомъ, поучить его уму-разуму, хоть это дѣло ой какое трудное». Поэтому-то въ «Нови» и выведенъ неуспѣхъ «хожденія въ народъ» съ брошюрами, которыя никому не нужны; поэтому же и авторъ совѣтуетъ, въ эпиграфѣ къ своему роману, «поднимать новь не поверхностно скользящею сохой, но глубоко забирающимъ плугомъ».

Охлажденіе нѣкоторой части молодого поколѣнія къ любимому писателю, высказавшееся въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, вслѣдствіе увлеченій критики, ратовавшей за Базарова и противъ него, въ «Современникѣ» и «Русскомъ Словѣ», къ концу семидесятыхъ годовъ измѣнилось въ самое восторженное поклоненіе. Въ послѣдній пріѣздъ его въ Россію, въ Петербургѣ и Москвѣ встрѣчали его цѣлымъ рядомъ торжественныхъ праздниковъ и овацій, какихъ не удостоивался ни одинъ русскій писатель. И въ этихъ праздникахъ принимали участіе не только писатели и студенты, но вся русская интеллигенція, университеты, корпораціи, ученыя общества, цѣлыя сословія, учебныя заведенія, высшіе женскіе и педагогическіе курсы. Тургеневъ не былъ ораторомъ и всегда стѣснялся говорить въ многочисленномъ собраніи, но и взволнованный восторженными оваціями, онъ высказывалъ все тѣ же честныя, гуманныя мысли. Молодому поколѣнію онъ говорилъ въ Москвѣ, что въ сравненіи съ стариками, оно сдѣлало много шаговъ впередъ, но что надо докончить начатое и докончить прямо, честно, по открытому пути.. Задача, правда, теперь труднѣе и сложнѣе. «Прежде вся жизнь общества текла по одному руслу, теперь она развѣтвилась, какъ и слѣдуетъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ государства. Сочувствую всѣмъ стремленіямъ молодежи и полагаю, что она хорошо дѣлаетъ, сближаясь съ нами; есть чему-нибудь поучиться и у насъ стариковъ. Во всякомъ случаѣ отъ души желаю, чтобы она честно и серьезно, также избѣгая напрасныхъ увлеченій вдаль и по сторонамъ, но и не отступая также ни шагу назадъ, относилась къ своимъ задачамъ». Благодаря особенно студентовъ московскаго университета, онъ прибавилъ: «для начинающаго писателя сочувствіе молодого поколѣнія, его сверстниковъ, конечно, драгоцѣнно, оно служитъ ему сильнымъ поощреніемъ, но для писателя старѣющаго, уже готовящагося покинуть свое поприще, это сочувствіе, такъ выраженное, есть — скажу прямо — величайшая, единственная на-

града, послѣ которой уже ничего не остается желать. Оно доказываетъ ему, что жизнь его не прошла даромъ, труды не пропали, брошенное имъ сѣмя дало плодъ». О либерализмѣ онъ высказался такъ: «Въ мое молодое время, когда еще и помину не было о политической жизни, слово либералъ означало протестъ противъ всего темнаго и притѣснительнаго, означало уваженіе къ наукѣ и образованію, любовь къ поэзіи и художеству, ко всѣмъ artes liberales и наконецъ, и больше всего, означало любовь къ народу, который, все еще подъ гнетомъ крѣпостнаго безправія, нуждался въ рѣшительной помощи своихъ болѣе счастливыхъ сыновъ». Въ Петербургѣ, на литературномъ обѣдѣ, въ честь Тургенева, онъ говоритъ, что «настоящее время не то, когда онъ писалъ «Отцовъ и дѣтей», когда проявлялась вражда и рознь между слоями образованнаго общества, что теперь существуютъ идеалы для примиренія, не отдаленные, не фантастическіе, а практическіе и близкіе, что достаточно луча свѣта, чтобы темныя силы, выражающіяся преступленіями и другими прискорбными явленіями, снова ушли въ ту тьму, изъ которой вышли, что правительство можетъ оцѣнить настоящій моментъ и произвести тѣ реформы, которыя соединяютъ разрозненныя теперь силы». Слова эти, какъ и вообще все, что̀ говорилъ Тургеневъ, принимались съ восторгомъ, высказывавшимся въ многочисленныхъ рѣчахъ, стихахъ и тостахъ, въ честь любимаго писателя. Вотъ одно изъ этихъ стихотвореній, не явившееся въ печати.

Друзья! виномъ бокалы вспѣнивъ,
Провозгласимъ мы въ этотъ часъ:
Иванъ Сергѣевичъ Торгеневъ
Писатель первый между насъ!
Онъ наша гордость, наша слава!
Сороковыхъ годовъ боецъ,
Онъ первый здѣсь имѣетъ право
На поэтическій вѣнецъ.
Пусть серебрнтся бѣлый волосъ,
Все молодъ духомъ нашъ титанъ.
Онъ первый подалъ мощный голосъ
За обездоленныхъ крестьянъ.
Въ годину гнета и гоненья,
Когда вездѣ царила мгла,
Его высокія творенья
Россія съ жадностью прочла.
И не умрутъ созданья эти
Во вѣкъ въ отчизнѣ дорогой—
Его равно «отцы и дѣти»
Всегда любили всей душой.
Провидѣлъ онъ освобожденье
Въ то время чуждыхъ намъ болгаръ.
Въ сердца надежду и терпѣнье

Вливалъ его могучій даръ.
Всегда правдивъ, высоко честенъ,
Въ твореньяхъ, въ жизни, какъ герой,
Онъ міру цѣлому извѣстенъ,
Но сердцу русскому—родной.
Вотъ почему намъ тяжко, больно,
Что всѣми искренно любимъ
Сказалъ безвременно: «довольно!»
Онъ всѣмъ созданіямъ своимъ.
Но мы не вѣримъ! нѣтъ, Россія
Услышитъ вновь поэта рѣчь,
Съумѣетъ онъ, какъ въ дни былые,
Живую мысль въ слова облечь.
И мы опять, бокалы вспѣнивъ,
Провозгласимъ какъ въ этотъ часъ:
Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ
Писатель первый между насъ!

Надежды эти, однако, не сбылись и, въ послѣдніе годы, дорогой писатель подарилъ намъ только мистическую средневѣковую повѣсть, въ которой дѣйствуютъ не русскіе люди (это единственное изо-всѣхъ его произведеній, не имѣющее никакого отношенія къ Россіи), нѣсколько поэтическихъ, но отрывочныхъ и часто не отдѣланныхъ «стихотвореній въ прозѣ», да небольшой разсказъ изъ жизни артистки-самоубійцы. Весь нынѣшній годъ состояніе здоровья его было очень опасно; больше полугода больной переносилъ тяжкія страданія, пока неизлѣчимая болѣзнь не побѣдила крѣпкаго организма. И при извѣстіи о его страдальческой кончинѣ, при мысли, что мы больше не будемъ читать его новыхъ, часто глубокихъ, всегда гуманныхъ и высокохудожественныхъ произведеній, не увидимъ привѣтливой улыбки этого добродушнаго атлета, выраженія его симпатическаго взгляда, не услышимъ его мягкаго, проникающаго въ сердцѣ голоса, при этой невозвратной, незамѣнимой потерѣ—общее горе, не только Россіи, но и всей Европы, всего образованнаго міра было такъ велико, выразилось въ такихъ яркихъ чертахъ, что участіе къ мертвому Тургеневу заставило позабыть оваціи, устраиваемые живому. Въ самыхъ отдаленныхъ, незначительныхъ городахъ Россіи, совершались панихиды по дорогомъ покойникѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ произносились рѣчи въ честь и память его, собирались подписки на вѣнки, выбирались депутаціи для встрѣчи гроба и присутствія при погребеніи, городскія думы и общества учреждали стипендіи, открывали школы его имени, всѣ періодическія изданія, къ какой бы партіи не принадлежали, не исключая оффиціальныхъ (кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей»), посвятили сочувственныя статьи его некрологу, воспоминанію о его заслугахъ, передачѣ всѣхъ фактовъ, относящихся къ жизни и смерти писателя. Болѣе мѣсяца въ газетахъ былъ

открыть особый отдѣлъ для сообщенія малѣйшихъ извѣстій, касающихся покойнаго. Иностранные журналы отозвались о немъ съ тѣмъ же глубокимъ уваженіемъ къ его личности и его таланту, съ какимъ отзывались при жизни. Можно было бы составить нѣсколько томовъ изо всѣхъ статей о Тургеневѣ, появившихся въ русскихъ, столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ и въ заграничныхъ, на всѣхъ языкахъ—отъ кончины писателя до его погребенія. Даже ретрограды, консерваторы и славянофилы отдали справедливость его таланту и заслугамъ, хотя и упрекнули слегка въ космополитизмѣ, либерализмѣ. Въ некрологѣ Тургенева мы привели уже его слова о томъ, почему онъ сдѣлался западникомъ, почему никогда не признавалъ той китайской стѣны, которую рьяные, но мало свѣдущіе патроны непремѣнно хотятъ провести между Россіей и Западной Европой. «Вѣдь если нельзя отрицать — говорилъ онъ— воздѣйствія Греціи и Рима на германороманскій міръ, то на какомъ же основаніи не допускается воздѣйствіе и этого родственнаго, однороднаго міра на насъ?».. Приведемъ объ этомъ же предметѣ мнѣніе англійскаго «Атенеума» (отъ 8 сентября), которое, вмѣстѣ съ тѣмъ покажетъ, какъ отзываются о нашемъ писателѣ лучшіе органы общественнаго мнѣнія за-границей: «Европа единогласно предоставляетъ Тургеневу первое мѣсто въ современной литературѣ. Тургенева не можетъ монополизировать Россія; его творенія составляютъ собственность міра; они создали новую школу творческой литературы, установили новыя тенденціи въ разработкѣ вымысла, которыя оставятъ глубокій слѣдъ въ нашемъ вѣкѣ. Несмотря на всемірную извѣстность, Тургеневъ былъ однако русскимъ по духу и сердцу. Онъ любилъ свою страну и не сочувствовалъ только славянофиламъ. Ему казалось ребячествомъ игнорировать труды Запада и стараться создать восточнославянскую цивилизацію на развалинахъ патріархальнаго строя, который основывался на рабствѣ и кнутѣ, и который онъ ненавидѣлъ всѣмъ сердцемъ».

Въ сочувственной оцѣнкѣ Тургенева, какъ человѣка и писателя, Европа выказала замѣчательное согласіе, даже гораздо болѣе единодушное, чѣмъ у насъ. Она встрѣчала его съ такимъ почетомъ, какой выпалъ ему на долю у насъ только въ послѣднее время. Старѣйшій университетъ Англіи прислалъ ему высшій почетный докторскій дипломъ въ то время, когда у насъ не находили нужнымъ признать его дарованіе, употребить его на пользу родины. Даже ни для какой комиссіи не признавали его достаточно «свѣдущимъ» и только vox populi произнесъ свой неподкупный, непреложный приговоръ надъ гробомъ европейскаго писателя и истиннаго русскаго человѣка и гражданина.

Вл. Зотовъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ПО ФИНЛЯНДІИ ВЪ 1819 ГОДУ.

Извѣстно, что императоръ Александръ I очень любилъ путешествовать. Кто-то даже вычислилъ, что чуть ли не половина его царствованія прошла въ безпрерывныхъ разъѣздахъ по Россіи и Европѣ. Ни время года, ни трудности и опасности пути, не останавливали неутомимаго государя, предпринимавшаго иногда такія путешествія, передъ которыми отступали люди привычные ко всякимъ неудобствамъ и лишеніямъ. Къ числу такого рода путешествій принадлежитъ поѣздка императора, въ 1819 году, въ недавно присоединенную тогда къ Россіи Финляндію. Описаніе этого оригинальнаго путешествія, составленное однимъ изъ очевидцевъ, было издано въ 1828 году, на четырехъ языкахъ: русскомъ, шведскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Описаніе путешествія государя императора Александра I изъ станціи Ниссиле въ городъ Каяну во время послѣдняго вояжа его величества въ великое княжество Финляндское, лѣтомъ 1819 года. Изданное съ высочайшаго соизволенія Севастьяномъ Грипненбергомъ, капитаномъ главнаго штаба финляндскихъ войскъ, состоящимъ при начальникѣ главнаго штаба. С.-Петербургъ, 1828 года». Къ описанію приложено семь литографированныхъ рисунковъ, изображающихъ наиболѣе любопытныя событія путешествія. Сочиненіе Грипненберга составляетъ въ настоящее время большую библіогра-

фическую рѣдкость [1]), и потому мы считаемъ не безъинтереснымъ для нашихъ читателей не только перепечатать его, но и воспроизвести всѣ, приложенные къ нему, рисунки.

I.

Когда императоръ Александръ I, во время путешествія своего въ Финляндіи въ 1819 году, вознамѣрился посѣтить городъ Каяну,—нужно было принять надлежащія мѣры, для облегченія его величеству, сколько возможно, сего пути, въ которомъ проѣзжающіе всегда встрѣчаютъ многія затрудненія, а иногда даже и опасности. На сей конецъ, его сіятельство, г. начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, генералъ-адъютантъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, согласно съ г. статсъ-секретаремъ финляндскихъ дѣлъ, барономъ Ребиндеромъ, рѣшился отправить въ Каяну нарочнаго, поручивъ ему сдѣлать на мѣстѣ нужныя распоряженія для споспѣшествованія исполненію намѣреній его величества. Сія лестная обязанность возложена была на меня. Находясь въ 1813 году при рекогносцировкѣ Каяны, я зналъ всѣ затрудненія, съ коими сопряженъ будетъ проѣздъ его величества, а въ особенности переправа водою слишкомъ 50 верстъ черезъ большое озеро Улео, для чего въ окрестностяхъ Каяны нельзя достать другихъ лодокъ, кромѣ тѣхъ, на коихъ тамошніе крестьяне возятъ въ Улеоборгъ смолу, и кои для переѣзда его величества были вовсе не способны. Объяснивъ сіи неудобства, я долгомъ поставилъ представить, что можно было бы привести двѣ шлюпки изъ Улеоборга, отстоящаго въ 111¼ верстахъ отъ означеннаго озѐра. Представленіе мое было одобрено, и я тотчасъ отправился въ Улеоборгъ, имѣя инструкцію его сіятельства князя Волконскаго и нужныя предписанія г. барона Ребиндера къ мѣстному начальству, къ коему я, въ случаѣ надобности, могъ относиться. По пріѣздѣ моемъ въ означенный городъ, отнесся я къ исправлявшему тогда должность гражданскаго губернатора, подполковнику фонъ Борну, который немедленно доставилъ въ мое распоряженіе двѣ шлюпки, съ 24-мя матросами. Тѣ и другіе отправлены были изъ Улеоборга въ Каяну сухимъ путемъ, подъ начальствомъ капитана купеческаго корабля И. Юнеліуса. Шлюпки были привезены на роспускахъ, нарочно для сего сдѣланныхъ. Я же отправился впередъ въ

---

[1]) Извлеченія изъ книги Гриппенберга были напечатаны въ 1847 году въ сочиненіи Я. К. Грота «Переѣзды по Финляндіи отъ Ладожскаго озера до рѣки Торнео» и позднѣе въ V томѣ соч. генерала Богдановича «Исторія царствованія императора Александра I».

Каяну, для построенія пристани, а потомъ въ Хапаланкангасъ, гдѣ его величеству должно было сѣсть на шлюпку [1]).

II.

Его величество отправился 23-го іюля изъ Царскаго Села въ Архангельскъ, а оттуда въ Финляндію, въ сопровожденіи его сіятельства князя Петра Михайловича Волконскаго, лейбъ-медика баронета Вилліе и нѣкоторыхъ особъ, составлявшихъ свиту его величества.

Государь императоръ изволилъ переѣхать чрезъ границу Финляндіи при Сальмисѣ, Выборгской губерніи; отправился въ Сердоболь, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Валаамскій монастырь, и проѣхалъ 13-го (25) августа въ городъ Куопіо, гдѣ статсъ-секретарь баронъ Ребиндеръ, по высочайшему повелѣнію, ожидалъ его величество. 15-го (27) августа въ 7 часовъ вечера, государь императоръ изволилъ пріѣхать на станцію Ниссиле [2]).

Дожидаясь съ г. Юнеліусомъ въ Хапаланкангасѣ пріѣзда его величества, который по предварительному маршруту долженъ былъ воспослѣдовать 14-го (26-го) августа, получилъ я 15-го (27-го) вечеромъ повелѣніе тотчасъ отправиться въ Ниссиле. Пріѣхавши туда, явился я къ князю П. М. Волконскому, который спросилъ меня: «все ли готово къ переѣзду его величества въ Каяну?» На мой утвердительный отвѣтъ, его сіятельство приказалъ мнѣ немедленно возвратиться въ Хапаланкангасъ, присовокупивъ къ тому, что государь императоръ намѣренъ на другой день обѣдать тамъ въ 7 часовъ утра. Я доложилъ князю, что тамъ нѣтъ ни одной комнаты къ тому удобной: но его сіятельство отвѣчалъ, что такъ угодно государю императору, и что его величество желаетъ того же самаго дня возвратиться въ Ниссиле. Впрочемъ, его сіятельство предоставилъ мнѣ распорядиться въ семъ случаѣ, сообразно мѣсту и обстоятельствамъ. Уѣхавъ изъ Ниссиле въ 12-мъ часу ночи, я не могъ пріѣхать въ Хапаланкангасъ ранѣе 3-хъ часовъ утра на другой день. Метръ-дотель его величества, г. Миллеръ, пріѣхалъ съ дорожною кухнею въ 4 часа. Я находился въ большомъ затрудненіи: во всемъ жилищѣ была одна только курная изба, отъ

---

[1]) Хапаланкангасъ маленькое незначительное крестьянское поселеніе, расположенное на берегу рѣчки Вуоліоки, впадающей въ озеро Улео, разстояніемъ въ 5-ти верстахъ отъ поселенія.

[2]) Станція Ниссиле лежитъ въ иденсальмскомъ кирхшпилѣ Куопіоской губерніи, по большой дорогѣ изъ Куопіо въ Улеоборгъ. Отъ сей станціи идетъ дорога въ Каяну. Разстояніе между Ниссиле и Каяною составляетъ 82½ версты, изъ коихъ 30 сухимъ путемъ до Хапаланкангаса, а оттуда 52½ версты озеромъ до Каяны.

Рисунокъ № 1.

дыму совершенно закоптѣвшая, да и та необходима была метръ-дотелю для кухни. Сперва думалъ было я построить бесѣдку, но къ тому не имѣлъ времени и способовъ, а при томъ опасался дождя. Я совѣтовался о моемъ затрудненіи съ г. Миллеромъ, и онъ согласился со мною, что оставалось одно средство: очистить находившуюся при жилищѣ конюшню, которая была почти новая и изъ нее сдѣлать столовую, несмотря, впрочемъ, на неудобства во всѣхъ отношеніяхъ. Вышина конюшни отъ полу до потолка состояла изъ 4-хъ шведскихъ локтей, ширина изъ 8-ми, а пространство между дверью и стойлами изъ 3-хъ локтей. Свѣтъ проходилъ въ нее сквозь одну дверь, вышиною въ $2^1/_2$, а шириною въ $1^1/_4$ локтя ($1^1/_6$ шведскаго локтя равны одному аршину русской мѣры).

Очистивъ хорошо конюшню, убралъ я внутренность оной и всѣ стойла свѣжими березками, кои распространили довольно пріятный запахъ. Изъ ближайшаго поселенія принесли столъ, а вмѣсто стульевъ, коихъ совсѣмъ не было, велѣлъ я на-скоро сдѣлать скамейку, которую покрылъ краснымъ сукномъ, взявъ оное изъ шлюбки, приготовленной для его величества.

Между тѣмъ, г. Миллеръ приказалъ развести огонь и началъ приготовлять обѣдъ, среди дыму, наполнявшаго всю избу.

Государь императоръ, сопровождаемый княземъ Волконскимъ, лейбъ-медикомъ баронетомъ Вилліе и свиты его величества по квартирмейстерской части прапорщикомъ Мартинау, изволилъ пріѣхать въ Хапаланкангасъ ровно въ 7 часовъ утра.

Статсъ-секретарь баронъ Ребиндеръ поѣхалъ по высочайшему повелѣнію прямо изъ Ниссиле въ Улеоборгъ.

Когда государь императоръ сошелъ съ дорожныхъ своихъ дрожекъ, князь Волконскій представилъ меня его величеству, и государь, подошедши ко мнѣ, дозволилъ мнѣ тогда же представить себѣ и г. Юнеліуса. Поговоривъ съ нимъ по-англійски, его величество обратился къ матросамъ и поклонился весьма благосклонно какъ имъ, такъ и собравшемуся тамъ народу.

У воротъ, чрезъ которыя его величеству надлежало проходить на дворъ,—стоялъ крестьянинъ Генрихъ Тервоненъ, находившійся въ 1809 году депутатомъ на сеймѣ въ городѣ Борго, и имѣвшій медаль, пожалованную ему по сему случаю. Государь императоръ тотчасъ замѣтилъ сего крестьянина, остановился, поклонился ему. и подозвалъ меня къ себѣ для объясненія на финскомъ языкѣ. Государь императоръ изволилъ сказать:

— Знаете ли, Гриппенбергъ, что этотъ человѣкъ мой старый знакомый? Мы видѣлись на сеймѣ въ Борго въ 1809 году.

Потомъ, его величество, потрепавъ крестьянина по плечу, сказалъ мнѣ:

— Скажите ему, что мнѣ очень пріятно возобновить съ нимъ знакомство (см. рисунокъ № 1).

Рисунокъ № 2.

Крестьянинъ, удивленный и тронутый снисхожденіемъ его величества, выразилъ просто, но чистосердечно, радость, которою преисполнила его милость государя, удостоившаго своимъ посѣщеніемъ жителей столь отдаленнаго края. Его величество также изволилъ приказать мнѣ спросить у крестьянина: женатъ ли онъ, сколько имѣетъ дѣтей и счастливъ ли въ своемъ земледѣльческомъ состояніи. На сіи вопросы крестьянинъ отвѣчалъ подробно и удовлетворительно, послѣ чего государь императоръ взялъ его за руку и простился съ нимъ. Оставивъ крестьянина, его величество изволилъ подойти къ избушкѣ и спросилъ: гдѣ находится его метръ-дотель Миллеръ? Послѣ отвѣта моего, что г. Миллеръ въ избушкѣ приготовляетъ обѣдъ, государь изволилъ подойти къ самой избушкѣ, но не могъ въ нее войти, по причинѣ выходившаго оттуда сильнаго дыма. Не имѣя возможности видѣть г. Миллера сквозь дымъ, его величество узналъ его по голосу, поздоровался съ нимъ, и потомъ спросилъ шуточнымъ тономъ:

— Гдѣ жъ моя столовая?

На что г. Миллеръ отвѣчалъ: «Ваше величество! для перемѣны — въ конюшнѣ!»

Сія мысль показалась государю очень забавною, и его величество сказалъ:

— Все равно, лишь бы намъ было что покушать.

Потомъ государь изволилъ осматривать столовую, которую дѣйствительно нашелъ очень забавною.

Когда государь императоръ хотѣлъ садиться за столъ, князь Волконскій сказалъ мнѣ, что его величеству благоугодно и меня пригласить къ столу. Въ $^{3}/_{4}$ 8-го часа подали обѣдъ. Государь императоръ сѣлъ на правомъ концѣ стола; подлѣ его величества князь Волконскій, потомъ я, баронетъ Вилліе и прапорщикъ Мартинау (см. рисунокъ № 2). Во время обѣда, продолжавшагося около 20-ти минутъ, его величество былъ очень веселъ. Между прочимъ помню слѣдующее: на проѣздѣ государя императора чрезъ Карелію, его величество получилъ въ подарокъ небольшую стеклянную баночку брусничнаго желе. Его величество, сперва покушавъ немного самъ сего варенья, поподчивалъ онымъ князя Волконскаго, а потомъ изволилъ поставить баночку предо мною и съ свойственнымъ ему благосклоннымъ и снисходительнымъ видомъ сказалъ мнѣ:

— Гриппенбергъ! вы должны сего отвѣдать; это очень вкусно; но не берите много, потому, что я хочу сколько можно долѣе его поберечь; мнѣ подарила это пасторша въ Тохмаервѣ.

Государь императоръ изволилъ также отозваться, что онъ тотъ край до Иденсальми находилъ столь пріятнымъ, что можно назвать его сѣверною Италіею; но что оттуда далѣе было довольно пусто. Его величество равномѣрно распрашивалъ о ближайшихъ окрестностяхъ, о городѣ Каянѣ и его жителяхъ; сіе подало мнѣ случай

доложить государю императору, что для его величества приготовлена въ Каянѣ квартира у пастора Г. Аппельгрена.

Въ это самое время г. Миллеръ подалъ къ десерту два ананаса; но государь императоръ съ пріятнѣйшею улыбкою замѣтилъ, что обѣдать въ 7 часовъ утра въ окрестностяхъ Каяны, въ конюшнѣ, и притомъ имѣть въ десертѣ ананасы — была бы слишкомъ большая противоположность; почему его величество изволилъ приказать князю Волконскому спрятать сіи рѣдкіе плоды, ибо его величеству угодно было взять ихъ съ собою въ Каяну и подарить хозяйкѣ своей, г-жѣ Аппельгренъ.

Рисунокъ № 3.

Государь императоръ сѣлъ въ шлюпку въ половинѣ 9-го часа, и изволилъ приказать сѣсть тутъ же: князю Волконскому, баронету Вилліе, прапорщику Мартинау, мнѣ, камердинеру своему Т. Ѳедорову и казачьему хорунжему Овчарову. Проѣхавши по рѣчкѣ Вуолиіоки 5 верстъ на веслахъ, мы достигли ея устья и вошли въ озеро Улео. Капитанъ Юнеліусъ доложилъ государю императору, что шлюпка была слишкомъ нагружена для плаванія противъ сильнаго вѣтра, котораго онъ опасался; его величество изволилъ приказать прапорщику Мартинау, камердинеру Ѳедорову и хорун-

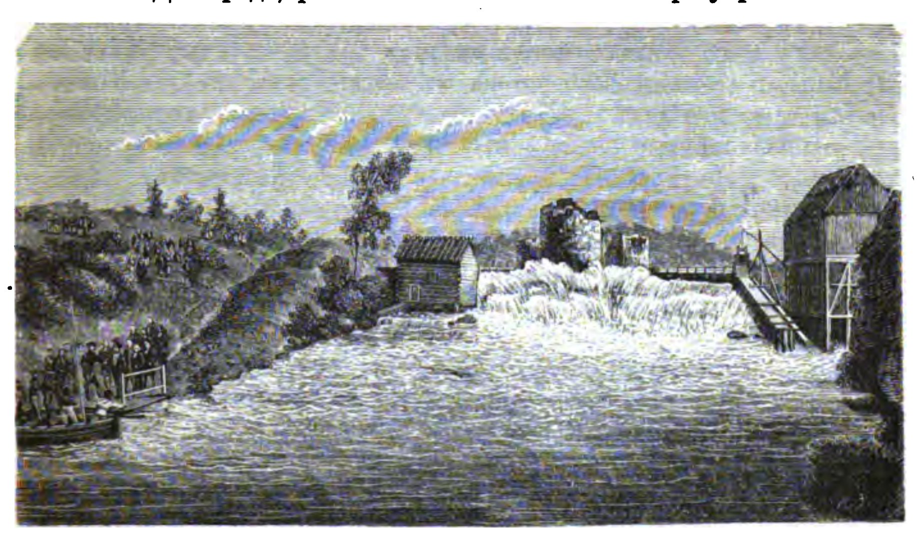
жему Овчарову пересѣсть на маленькую шлюпку. Какъ мы имѣли попутный вѣтеръ, то въ устьѣ рѣки, откуда мы пустились полными парусами, нельзя было примѣтить дѣйствія сильной бури: но чѣмъ далѣе пускались мы въ озеро тѣмъ сильнѣе становились волны и опасность очевиднѣе (см. рисунокъ № 3). Несмотря на всевозможное искусство, которое оказалъ въ семъ важномъ случаѣ капитанъ Юнеліусъ,—никакъ нельзя было воспрепятствовать водѣ наливаться въ шлюпку. Буря была сильнѣйшая, и волны подымались часто около шлюпки такъ высоко, что мы ничего не могли видѣть, кромѣ неба и пѣны. Два матроса безпрерывно заняты были отливаніемъ воды, которою сильное волненіе ежеминутно наполняло шлюпку, и отъ которой государь императоръ и всѣ мы промокли. Въ продолженіе сего опаснаго плаванія, на лицѣ государя императора изображалось спокойствіе и важность. Его величество спросилъ у капитана по-англійски: не опасно ли? на что сей отвѣчалъ, что нѣтъ никакой опасности. Однакожъ капитанъ вдругъ пришелъ было въ большое затрудненіе, когда сильнымъ шкваломъ сломало ручку у руля. Мы непремѣнно погибли бы отъ сего приключенія, если бы г. Юнеліусъ не приготовился къ тому заблаговременно, запасшись другою ручкою, которую онъ, съ обыкновеннымъ своимъ присутствіемъ духа, успѣлъ надѣть на мѣсто сломанной. Наконецъ, по двухъ-часовомъ плаваніи, вошли мы въ тихую воду, при пасторскомъ помѣстьѣ Пальдамскаго кирхшпиля, гдѣ начинается проливъ, вѣдущій въ Каяну.

Въ 12 часовъ пріѣхали мы къ пристани, нарочно для сего устроенной при водопадѣ Эмме, на сѣверной сторонѣ рѣчки Койвукоски. Вступленіе государя императора на берегъ представляло самое разительное зрѣлище! Вдали видны были развалины древняго замка Каянаборга, возвышавшіяся надъ величественнымъ водопадомъ, коего шумъ увеличивалъ впечатлѣніе, произведенное красотами мѣстоположенія и торжественностію случая! Высоты, окружающія пристань, покрыты были множествомъ народа, стекшагося изъ окрестныхъ деревень, чтобы насладиться лицезрѣніемъ возлюбленнаго своего монарха! На самой пристани, съ одной стороны стояли граждане города съ своимъ бургомистромъ г-мъ Фландеромъ, а съ другой мѣстное духовенство, предводимое пасторомъ Пальдамскимъ. Въ ту самую минуту, когда государь императоръ вступилъ на пристань, вѣрные подданные встрѣтили его величество громкими восклицаніями. Бургомистръ привѣтствовалъ государя императора краткою рѣчью на шведскомъ языкѣ, которую я переводилъ на французскій языкъ, и на которую его величество отвѣчалъ весьма благосклонно; потомъ, обратясь ко всѣмъ окружающимъ, государь произнесъ съ чувствомъ:

— Я не могъ представить вамъ убѣдительнѣйшаго доказательства моей любви и благоволенія къ вамъ и вашимъ соотечествен-

никамъ, какъ рѣшившись пренебречь опасности, противополагаемыя стихіями, — чтобы провести между вами нѣсколько минутъ! (см. рисунокъ № 4).

Засимъ, пробстъ Эймелеусъ произнесъ на нѣмецкомъ языкѣ рѣчь, на которую его величество изволилъ отвѣчать на томъ же языкѣ, въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ. Потомъ представлено было его величеству духовенство; послѣ чего государь императоръ изволилъ отправиться въ городъ, милостиво поклонившись собравшемуся на высотахъ народу, который отвѣчалъ на привѣтствіе возлюбленнаго монарха новыми, продолжительными восклицаніями. До города, расположеннаго на лѣвомъ берегу рѣчки Кой-

Рисунокъ № 4.

вукоски, его величеству надобно было проходить чрезъ вышеупомянутый островъ, на которомъ находятся развалины каянаборгскаго замка. На сей случай изъ разбросанныхъ камней сихъ развалинъ устроена была лѣстница, вдоль правой стѣны, на которой сдѣлано было возвышенное мѣсто въ видѣ параллелипипеда [1]). Лѣстница и параллелипипедъ обнесены были желѣзными перилами. Все сіе устроено было для того, чтобы государь императоръ безъ затрудненія могъ подняться на высоту развалинъ, съ которыхъ

[1]) На семъ параллелипипедѣ утвержденъ былъ перпендикулярно обтесанный камень. По отъѣздѣ государя императора изъ Каяны, къ наружной сторонѣ камня придѣланъ изъ вызолоченной бронзы вензель его величества съ императорскою короною, а съ внутренней стороны слѣдующая надпись: Imperator et Pariae d. $\frac{XVI}{XXVIII}$ Augusti MDCCCXIX.

видна была часть города и открывались живописные виды окрестностей. Достигнувъ развалинъ, его величество увидѣлъ лѣстницу и изволилъ по ней подняться съ княземъ Волконскимъ на самую вышину параллелипипеда (см. рисунокъ № 5). Полюбовавшись нѣсколько минутъ видами, его величество отправился въ городскую церковь, которую осматривалъ съ благочестивымъ вниманіемъ; потомъ, пройдя нѣкоторую часть улицъ города, зашелъ въ домъ городскаго магистрата, гдѣ изволилъ перебирать листы находившихся тамъ законныхъ книгъ; послѣ чего его величество отправился въ пасторскій домъ, гдѣ приготовлена была для него квартира. Государь императоръ отобѣдавъ уже въ Хапалангасѣ, изволилъ отказаться отъ обѣда, приготовленнаго для него въ пасторскомъ домѣ, а вмѣсто того позволилъ подать себѣ чай. Во время пребыванія государя императора въ означенномъ домѣ, его величество самъ изволилъ вручить хозяйкѣ своей, г-жѣ Аппельгренъ, два вышепомянутые ананаса и, сверхъ того, пожаловалъ ей бриллiантовый фермуаръ.

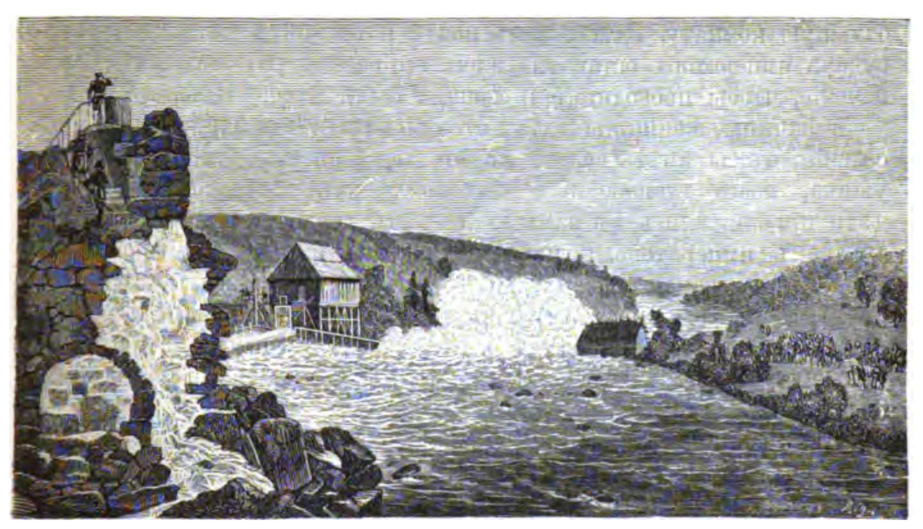
Сильная буря, подвергавшая насъ опасности, во время переправы чрезъ озеро, возбудила въ князѣ Волконскомъ сомнѣніе, на счетъ безопасности возвратнаго пути, и его сіятельство изволилъ совѣтоваться со мною, нельзя ли изъ Каяны возвратиться сухимъ путемъ. Я доложилъ его сіятельству, что сіе возможно, но сопряжено со многими затрудненіями, поелику большую часть дороги надобно будетъ идти пѣшкомъ, чрезъ топкія болота, а другую ѣхать верхомъ, по песчанымъ и каменистымъ буграмъ. Мѣстные обыватели, у коихъ спрашивали мнѣнія о семъ, всѣ единогласно полагали, что буря къ вечеру утихнетъ; но какъ его величество спѣшилъ отъѣздомъ и не хотѣлъ подвергаться долгой остановкѣ, то и рѣшился возвратиться изъ Каяны сухимъ путемъ, не смотря на то, что не было настоящей дороги, и что надобно было проѣзжать чрезъ мѣста почти необитаемыя.

Вслѣдствіе сей высочайшей воли, тотчасъ начали приготовляться къ отъѣзду. Главнѣйшая забота состояла въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе достать надлежащее число лошадей; но затрудненіе наше было весьма велико, и мы не мало удивились, когда узнали, что во всемъ городѣ нашли одно только сѣдло, да и то самой старой формы и столь ветхое, что набивка во многихъ мѣстахъ выказывалась, сквозь разорванную кожу. Заржавѣвшія стремена висѣли на двухъ худыхъ веревочкахъ. За всѣмъ тѣмъ, принуждены были взять сіе худое сѣдло для государя императора; на лошадей же, назначенныхъ для князя Волконскаго и прочихъ особъ свиты его величества, привязали, вмѣсто сѣделъ, обыкновенныя подушки, а вмѣсто стременъ, простыя веревки.

Его величество, простившись съ своими хозяевами, съ бурго-

мистромъ, духовенствомъ, капитаномъ Юнеліусомъ [1]) и собравшимся народомъ, изволилъ сѣсть на лошадь и отправиться въ путь въ $2^1/_2$ часа пополудни. Путешествіе началось и продолжалось въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шелъ Эрикъ Мэетэ, гражданинъ города, избранный проводникомъ; послѣ его ѣхалъ прапорщикъ Мартинау; за нимъ князь Волконскій, потомъ государь императоръ; за его величествомъ баронетъ Виллiе, потомъ камердинеръ Өедоровъ и хорунжій Овчаровъ; наконецъ, багажъ на двухъ лошадяхъ, за которыми слѣдовали 8 человѣкъ крестьянъ.

Вся дорога, которую надобно было проѣзжать, состояла изъ небольшихъ тропинокъ, проложенныхъ чрезъ дикія каменистыя мѣ-

Рисунокъ № 5.

ста, пересѣкаемыя большими пространствами тинистыхъ болотъ. Для переправы чрезъ означенныя болота, жители сего края кладутъ одно возлѣ другаго два бревна, сверху немного стесанныя. Сіи узенькіе мостики часто простираются на нѣсколько верстъ, и какъ нерѣдко случается, что лошади, непривыкшія ходить по таковымъ мостамъ, оступаются и падаютъ въ болото, откуда съ большимъ затрудненіемъ должно ихъ вытаскивать, то всѣ принуждены были переходить сіи опасныя мѣста пѣшкомъ, держа лошадей за повода. Судя по собраннымъ мною свѣдѣніямъ о качествѣ и пространствѣ непроходимой дороги, которую государь изволилъ проѣхать, можно на вѣрное положить, что его величе-

[1]) Государь императоръ изволилъ пожаловать капитану Юнеліусу перстень, богато украшенный брилліантами; матросы получили значительное денежное награжденіе.

ство, на возвратномъ пути изъ Каяны, прошелъ пѣшкомъ безъ малаго 50 верстъ, и проѣхалъ верхомъ около 21¼ версты.

Въ 6½ часовъ вечера его величество прибылъ въ поселеніе Кивимеки-Гаммельгордъ, разстояніемъ отъ Каяны въ 12½ верстахъ. Государь императоръ изволилъ весьма благосклонно кланяться поселянамъ, у всѣхъ встрѣчавшихся ему пожималъ руки и спросилъ чего нибудь напиться. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, продолжалъ путь еще 5 верстъ, до поселенія Ронгала, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ, и куда его величество пріѣхалъ въ 8 часовъ. Какъ отправленный не за долго предъ тѣмъ въ сіе поселеніе передовой предувѣдомилъ жителей онаго о пріѣздѣ государя императора, то они имѣли время приготовить для его величества небольшую комнату. Здѣсь, какъ почти и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ государь императоръ останавливался, его величество самъ имѣлъ попеченіе, чтобы проводники и лошади были накормлены.

Мужчины, женщины и дѣти стеклись сюда изъ ближайшихъ поселеній, чтобы имѣть счастіе видѣть государя императора. Во время ужина, коего главное блюдо состояло изъ варенаго картофеля, дѣти приближались къ самымъ дверямъ комнаты, занимаемой государемъ императоромъ, и его величество изволилъ самъ раздать имъ хлѣбъ съ масломъ. Около 10-ти часовъ его величество легъ почивать въ сей же самой комнатѣ. Князь Волконскій и прочія особы свиты его величества легли въ крестьянской избушкѣ на свѣжемъ сѣнѣ, которое жители, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, сложили для сушенія.

Въ 3 часа по утру, на другой день, 17-го (29) его величество и вся свита были уже въ движеніи. Всѣ, кромѣ его величества, немного позавтракали чернаго хлѣба, масла и молока и въ 3½ часа ототправились въ путь.

Около 6-ти часовъ его величество пріѣхалъ къ жилищу стараго депутата Генриха Тервонена [1]). Передовой, пріѣхавшій туда не за долго передъ государемъ императоромъ, не успѣлъ еще собрать жителей селенія, которое его величество удостоилъ своимъ посѣщеніемъ; однако-жь, хозяйка скоро пришла, отворила комнату, расположенную на дворѣ, и оказавъ низкими поклонами всю радость своего сердца, просила августѣйшаго гостя удостоить ее своимъ посѣщеніемъ. Предложивъ тотчасъ чернаго хлѣба, масла и

[1]) Тотъ самый крестьянинъ, о которомъ уже было говорено прежде, но который, по пріѣздѣ къ нему государя императора, не былъ дома, а оставался въ Хапаланкангасѣ, въ надеждѣ опять видѣть тамъ его величество, на возвратномъ пути изъ Каяны.

Всѣ крестьяне того края называютъ означеннаго Генриха Тервонена майнуайскимъ королемъ, потому что онъ нѣсколько разъ былъ депутатомъ на сеймахъ въ Швеціи, и симъ пріобрѣлъ большое къ себѣ уваженіе своихъ одноземцевъ.

молока, пошла она съ камердинеромъ государя императора въ огородъ, набрать картофелю. Пока занимались изготовленіемъ обѣда и приводили другихъ лошадей, его величество, для утоленія перваго голода, изволилъ скушать ломтикъ чернаго хлѣба съ масломъ, взявъ оныя на деревянную тарелку. Потомъ разогрѣли телячье жаркое, которое г-жа Аппельгренъ упросила камердинера взять съ собою изъ Каяна, сварили картофель, и подали простокваши, масла и хлѣба. Вотъ блюда, составлявшія обѣдъ, коимъ майнуайскій король угощалъ великаго россійскаго императора! Хозяйка

Рисунокъ № 6.

считала себя весьма счастливою, видя снисхожденіе государя императора, а особливо большое удовольствіе, съ которымъ ея августѣйшій гость принялъ сей умѣренный обѣдъ. Около 8-ми часовъ государь императоръ началъ опять свое трудное путешествіе и проѣхалъ 22½ версты безъ отдохновенія, до помѣстья Суотарила, принадлежащаго къ деревнѣ Вуотолаксъ, куда его величество изволилъ прибыть въ 2 часа пополудни. По дорогѣ, ведущей къ означенному помѣстью, протекаетъ небольшая рѣчка, отъ 20-ти до 25-ти саженъ шириною, для переѣзда чрезъ которую не имѣли

времени сдѣлать нужныхъ приготовленій. Случайно нашлась на берегу маленькая рыбачья лодка, которой чрезвычайно обрадовались. Государь императоръ и князь Волконскій сѣли въ лодку съ проводникомъ Эрикомъ Мээтэ. Его величество взялся править, князь дѣйствовать веслами и нашъ добрый Мээтэ остался на серединѣ лодки, безмолвный отъ удивленія!—(см. рисунокъ № 6). Какъ берега рѣчки были низки и болотисты, то его величество и князь Волконскій, при выходѣ изъ лодки, замочили и загрязнили ноги. Чтобы не имѣли сего неудобства и прочіе, коимъ надобно было переѣзжать на той же лодкѣ,—государь императоръ, примѣтивши не въ дальнемъ разстояніи сухія древесныя вѣтви, изволилъ самъ ихъ собирать, и съ помощію князя Волконскаго носить къ тому мѣсту берега, гдѣ приставала лодка, и изъ сихъ вѣтвей его величество сдѣлалъ родъ пристани. Лошади прошли вплавь, и нѣкоторыя изъ нихъ такъ глубоко увязли въ тинѣ, что съ большимъ трудомъ едва могли ихъ оттуда вытащить. При семъ случаѣ государь императоръ самъ поймалъ свою лошадь и вытеръ ее пучкомъ сѣна, которое изволилъ взять изъ близь-стоявшей копны. Отдохнувши съ часъ въ послѣднемъ поселеніи, проѣхали еще 17½ верстъ до станціи Пиппола въ деревнѣ Саресмеки, куда его величество прибылъ въ 7 часовъ вечера. Отъ сей станціи, чрезъ которую государь императоръ наканунѣ проѣхалъ въ Каяну, оставалось еще до станціи Ниссиле 15 верстъ. Его величество, вѣроятно уставши ѣхать верхомъ, хотѣлъ было проѣхать сію станцію въ экипажѣ; но во всей деревнѣ нашли только нѣсколько худыхъ двухъ-колесныхъ телѣжекъ, изъ коихъ принуждены были взять одну, привязали поперегъ ея доску, и сверхъ оной солому. Его величество, щедро наградивъ проводника своего, простился съ нимъ, пожавъ ему руку,—потомъ сѣлъ одинъ въ телѣжку,—взялъ самъ вожжи, и такимъ образомъ отправился въ 7½ часовъ. Проѣхавъ небольшое пространство, его величество приказалъ Овчарову сѣсть въ телѣжкѣ подлѣ себя и править оною.

Въ продолженіе всего столь труднаго путешествія, его величество былъ чрезвычайно веселъ и любезенъ. Когда проводникъ отлучался, его величество самъ изволилъ вести свою лошадь, чрезъ болота, по бревнамъ. Во время проѣзда чрезъ лѣсъ, въ которомъ росла брусника, Эрикъ Мээтэ, шедши почти всегда передъ лошадью государя императора, сбиралъ оную и подавалъ августѣйшему своему государю, который принималъ ее съ удовольствіемъ и утолялъ оною свою жажду.

При отъѣздѣ его величества изъ Каяны, я получилъ приказаніе, какъ скоро утихнетъ погода, возвратиться въ Хапаланкангасъ, дабы проводить оставшіеся тамъ экипажи въ Ниссиле. Я ночевалъ въ Каянѣ, уѣхалъ оттуда на другой день, 17-го (29), въ 8 часовъ утра, и прибылъ благополучно въ Хапаланкангасъ въ 4 часа послѣ

обѣда. Когда я разсказалъ оставшемуся тамъ лейбъ-кучеру его величества, Ильѣ Ивановичу Байкову, что государь императоръ возвращается сухимъ путемъ чрезъ мѣста почти необитаемыя, — сей вѣрный служитель изумился, и до тѣхъ поръ не могъ успокоиться, пока не увидѣлъ обожаемаго своего государя. Поспѣшили заложить лошадей и отправиться въ Ниссиле, куда мы пріѣхали въ 6½ часовъ. Вагенмейстеръ его величества, полковникъ Соломка, и прочія особы свиты, которыя оставались въ Ниссиле, не менѣе изумились, узнавши, что государь императоръ рѣшился возвратиться по столь опасной дорогѣ. Какъ я въ 1813 году прошелъ по тѣмъ самымъ необитаемымъ мѣстамъ, чрезъ кои теперь государь императоръ изволилъ проѣхать, и всѣ окрестности были мнѣ извѣстны, то я предвидѣлъ, что его величество едва могъ въ другомъ мѣстѣ выѣхать на большую дорогу, какъ при Саресмеки; но я не осмѣлился остановиться тамъ съ экипажами, поелику мнѣ именно приказано было проводить ихъ въ Ниссиле, куда его величество хотѣлъ проѣхать прямо чрезъ дикія и пустынныя мѣста. Однако-жъ, тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Ниссиле, я поручилъ исправнику Эльвингу ѣхать на встрѣчу его величества съ курьерской кабріолеткой. Государь императоръ выѣхалъ на большую дорогу точно тамъ, гдѣ я полагалъ, т. е. при Саресмеки и Эльвингъ встрѣтилъ его величество на 3-й верстѣ отъ означенной деревни. Государь императоръ тотчасъ изволилъ пересѣсть въ кабріолетку и прибылъ благополучно въ Ниссиле, въ 10-мъ часу вечера. Пріѣхавъ на станцію, его величество съ чрезвычайною легкостію выскочилъ изъ кабріолетки и спросилъ меня, когда я пріѣхалъ. Я отвѣтилъ, что уже около 3-хъ часовъ тому назадъ, и что я, переночевалъ въ Каянѣ, уѣхалъ оттуда по утру, на другой день послѣ отъѣзда его величества, и пріѣхалъ въ Ниссиле безъ всякой опасности. На что его величество веселымъ и шуточнымъ тономъ сказалъ:

— Я очень радъ; но напротивъ сдѣлалъ большой кругъ, правда, не много затруднительный, но не безъ пріятностей; и я, конечно, никогда не забуду забавнаго своего путешествія въ Каяну [1]).

Его величество, переночевавъ въ Ниссиле, изволилъ на другой день, 18-го (30) августа, продолжать свое путешествіе въ Улеоборгъ и другія части Финляндіи.

III.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи, довести до свѣдѣнія читателей слѣдующее обстоятельство, которое непрекословнымъ

---

[1]) Свѣдѣнія, касающіяся до возвращенія государя императора въ Ниссиле, сообщены мнѣ г. Мартинау, камердинеромъ Ѳедоровымъ и проводникомъ Мээтэ.

образомъ свидѣтельствуетъ объ искреннемъ благоговѣніи и любви, съ коими жители каянской страны воспоминаютъ о его величествѣ, блаженныя памяти государѣ императорѣ Александрѣ.

Въ поѣздку мою лѣтомъ 1826 года въ Каяну, вмѣстѣ съ пейзажнымъ живописцемъ г. Больмсомъ, для снятія мѣстъ, коихъ виды приложены къ сему сочиненію, имѣлъ я случай пріобрѣсть покупкою у поселянина въ Хапаланкангасѣ упомянутую въ семъ повѣствованіи конюшню, въ коей императоръ Александръ изволилъ обѣдать (см. рисунокъ № 7). Прежде, нежели я могъ рѣшиться, какое сдѣлать употребленіе изъ сего, повидимому маловажнаго, но для отечества драгоцѣннаго строенія, получилъ я отъ герадсгевдинга (судьи) Каянскаго уѣзда, г. ассесора Фландера (бывшаго въ 1819 году Ка-

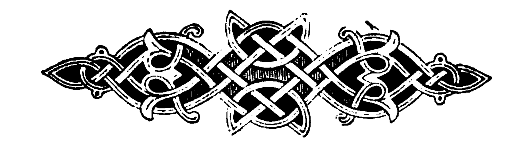
Рисунокъ № 7.

янскимъ бургомистромъ) письмо, въ коемъ онъ, отъ имени жителей Пальдамскаго прихода [1]) просилъ, чтобы я предоставилъ имъ помянутую конюшню, для передачи ея, попеченіемъ ихъ, позднѣйшему потомству. Сіе достохвальное, патріотическое намѣреніе тронуло меня живѣйшимъ образомъ, и я, съ неизрѣченною радостію воспользовался симъ случаемъ, для удовлетворенія ихъ желанія. Г. ассесоръ Фландеръ въ послѣдствіи увѣдомилъ меня, что всѣ жители Пальдамскаго прихода, въ томъ числѣ и большая часть крестьянъ, собравшись 3-го (15) іюля 1827 года у главнаго пастора того прихода, г. доктора богословія Эймелеуса, сдѣлали распоряженіе о перенесеніи конюшни изъ Хапаланкангаса къ главной церкви

---

[1]) Каяна находится въ Пальдамскомъ приходѣ.

Пальдамскаго прихода, у коей оная и поставлена, по единодушному желанію и положенію всѣхъ ихъ. Исправляющій должность гражданскаго губернатора, г. Шерпскансъ, находившійся при таковой мірской сходкѣ и съ большею горячностію и чувствами участвовавшій въ семъ торжественномъ предпріятіи, вызвался пріобрѣсть и доставить имъ лодку, въ коей императоръ Александръ переѣзжалъ чрезъ рѣку Вуотоіоки; кровать, на коей почивалъ его величество на трудномъ, возвратномъ пути своемъ изъ Каяны, во время ночлега въ Ронгальскомъ поселеніи и телѣжку, на которой императоръ проѣхалъ часть пути отъ Саресмеки до Ниссиле; ассесоръ Фландеръ доставилъ столъ и скамью, употребленныя во время обѣда въ конюшнѣ, а каянскій почтмейстеръ, г. Монтгоммери, сѣдло, на которомъ его величество ѣхалъ чрезъ пустыню. Всѣ сіи драгоцѣнныя, по достопамятности своей, вещи, хранятся нынѣ въ конюшнѣ, толикой же памяти достойной. Всѣ возрасты, настоящаго и будущаго поколѣній жителей сей страны, собираясь вокругъ сего скромнаго памятника, будутъ съ искреннѣйшимъ благоговѣніемъ воспоминать о томъ торжественномъ случаѣ, когда императоръ Александръ осчастливилъ посѣщеніемъ своимъ сей отдаленный край; въ памяти ихъ будетъ живо возобновляться его плѣнительное обращеніе, его снисхожденіе къ нимъ. Съ благоговѣйною признательностію повѣдаютъ они потомкамъ о правосудіи, любви и кротости, съ коими онъ царствовалъ надъ народомъ финляндскимъ! Всеразрушающее время не изгладитъ въ семъ благодарномъ народѣ воспоминаній о благодѣяніяхъ сего человѣколюбиваго монарха! Протекутъ вѣки — и благословенный, незабвенный Александръ будетъ жить въ сердцѣ каждаго праводушнаго гражданина Финляндіи!

ОТЕЦЪ НОВѢЙШЕЙ КРИТИКИ.

Въ НАШЕ время литературная критика установилась и упрочилась, какъ особый родъ словесности. Въ XVIII столѣтіи слѣды критики приходится отыскивать въ интимныхъ письмахъ Вольтера, у Мармонтеля, или на страницахъ такихъ изданій, какимъ былъ «Mercure de France». Единственный колоссальный трудъ, гдѣ собраны сужденія критики XVIII вѣка, вышелъ не особенно давно въ Парижѣ, подъ заглавіемъ «Correspondance littéraire et philosophique». Для изученія прошлаго вѣка, особенно въ интеллектуальномъ отношеніи, эти шестнадцать томовъ, изданныхъ Морисомъ Турне въ теченіе 1877—1882 годовъ, составляютъ первый, существенный документъ, настоящій арсеналъ свѣдѣній о всѣхъ дѣятеляхъ того времени. Разумѣется, въ иныхъ случаяхъ необходимо провѣрять цитаты, ибо трудъ этотъ имѣетъ всѣ достоинства и недостатки анонимныхъ сочиненій. Къ тому же онъ обязанъ совокупнымъ силамъ различныхъ лицъ; между прочимъ, тутъ фигурируютъ Рейналь, Мейстеръ и г-жа д'Эпинэ на второмъ планѣ, а на первомъ — Дидро и Гриммъ. Симпатичная личность Дидро хорошо извѣстна всѣмъ, кто интересуется XVIII вѣкомъ. Гриммъ далеко не на такомъ счету. Ниже Дидро и талантомъ, и характеромъ, Гриммъ, однакожъ, господствовалъ надъ своимъ другомъ и умѣлъ эксплуатировать его. На этотъ счетъ Мишле мѣтко съострилъ однажды: «Гриммъ сосалъ Дидро двадцать лѣтъ». И даже Сенъ-Бевъ, не смотря на свое пристрастіе къ Гримму, вынужденъ былъ признать, что «онъ обратилъ въ свою пользу часть генія Дидро». Чѣмъ же стяжала себѣ вліяніе и извѣстность эта личность?

Гриммъ, кромѣ преданности своего сотрудника, снискалъ еще благорасположеніе г-жи д'Эпинэ; онъ ненавидѣлъ Жанъ-Жака Руссо и Дюкло, искренность и независимость которыхъ его раздражали; пятьдесятъ лѣтъ онъ судилъ или, вѣрнѣе, осуждалъ своихъ современниковъ. Въ «Correspondance» проходитъ предъ нами вся вторая половина XVIII вѣка. Здѣсь главный вдохновитель почти весь налицо. Недомолвки и неясности пополняются и освѣщаются другими изданіями, какъ, напримѣръ, вышедшими въ прошломъ году «Lettres de l'abbé Galiani», «Jeunesse de M-me d'Epinay», Перея и Мограса и «Prodigalités d'un fermier général» Кампардона.

I.

Біографія Фридриха-Мельхіора Гримма не нуждается въ большихъ подробностяхъ. Родился онъ въ Ратильоннѣ, 26-го декабря 1723 года, былъ сыномъ лютеранскаго пастора, учился въ лейпцигскомъ университетѣ и поступилъ гувернеромъ къ графу Шомьеру. Случай привелъ его въ Парижъ. Онъ сдѣлался секретаремъ графа Фризена и попалъ въ элегантный и литературный кругъ. Этотъ «космополитъ», какъ называлъ его аббатъ Галіани, былъ обязанъ своими первыми связями Жанъ-Жаку Руссо. Въ 8-й книгѣ его «Confessions» упоминается о «молодомъ человѣкѣ»—Гриммѣ. Этотъ молодой человѣкъ еще не былъ тогда пуристомъ и важной особой, какой онъ сталъ впослѣдствіи, ибо тогда обращали вниманіе развѣ только на его «забарныя гуманизмы», да на его постоянныя посѣщенія вмѣстѣ съ Галіани нѣкой «совершеннолѣтней дѣвицы ***». Руссо сблизилъ его съ Дидро и Гоффкуромъ, представилъ его г-жѣ де-Шенонсо, г-жѣ д'Эпинэ, барону Гольбаху. «Всѣ мои друзья стали его друзьми, писалъ Руссо въ «Confessions»,—это очень просто; но ни одинъ изъ его друзей никогда не былъ моимъ,—вотъ это менѣе просто».

Гриммъ умѣлъ понравиться г-жѣ д'Эпинэ. Съ перваго же знакомства онъ, очевидно, составилъ себѣ планъ: очернить, замѣстить, отстранить того, кому онъ былъ обязанъ своимъ доступомъ въ домъ. Тутъ нѣтъ надобности ссылаться на разсказъ Руссо, впрочемъ болѣе, чѣмъ пикантный, о любви Гримма къ пѣвицѣ m-lle Фель, о разрывѣ съ ней и о вызванной имъ болѣзни въ видѣ добровольной діэты и сна. Показаніе Дюкло еще категоричнѣе и еще суровѣе. Онъ объявилъ г-жѣ д'Эпинэ откровенно, что этотъ нѣмецъ «завзятый пройдоха, сплетникъ... и влюбленъ въ нее». Такъ какъ она протестовала, заявивъ, что онъ не давалъ ей никакого предлога такъ думать, то Дюкло прибавилъ: «еще бы! для этого онъ слишкомъ остороженъ; онъ хочетъ предварительно сблизиться съ вами и овладѣть вами. Да, да, все это весьма сообразно съ тѣмъ, что

я о немъ знаю. Это—плутъ». Едва ли и усерднѣйшіе изъ поклонниковъ Гримма станутъ отрицать, что Дюкло былъ правъ. Предположеніе его, дѣйствительно, оправдалось. Гриммъ явился исцѣлителемъ ея сердечныхъ ранъ, причиненныхъ Франкейлемъ, отъ котораго г-жа д'Эпинэ имѣла ребенка. Мѣста такого врача онъ добился лестью. Сначала это средство не помогло. «Въ немъ особенно мнѣ не нравится, писала г-жа д'Эпинэ, преувеличенныя похвалы, разсыпаемыя моимъ талантамъ, похвалы, которыхъ какъ сама отлично чувствую, я вовсе не заслуживаю». Тѣмъ не менѣе лесть брала свое и г-жа д'Эпинэ вполнѣ отдалась его власти. Съ тѣхъ поръ Гриммъ могъ уже вязать и рѣшать въ ея домѣ, какъ неограниченный властелинъ, ибо его метреса питала къ нему, по выраженію Мюссе-Патэ («Oeuvres inédites de J. J. Rousseu») «позорную страсть». На этотъ счетъ имѣется обиліе показаній. «Tyran le Blanc» называлъ его Гоффкуръ, одинъ изъ наиболѣе обычныхъ посѣтителей отеля д'Эпинэ, намекая на милый характеръ и вѣчно набѣленное лицо Гримма. Дидро, въ одну изъ минутъ, когда терпѣніе его возмущалось противъ требовательности этого друга, признавался г-жѣ Воланъ: «Гриммъ—прихотливѣйшій изъ людей, онъ дуется на меня за то, что я иногда позволяю себѣ проявлять собственную волю... Я не вижу въ немъ ни капли души». Сынъ г-жи д'Эпинэ въ характеристичномъ письмѣ еще ярче обрисовываетъ любовника своей матери. Слѣдующее мѣсто заслуживаетъ того, чтобъ его привести: «Когда онъ посѣщалъ великихъ людей, онъ вдругъ забывалъ, что самъ онъ маленькій, и принималъ наглый видъ съ низшими себя, покровительственный—съ своими друзьями и равными себѣ и пресмыкался передъ высшими. Это не сразу замѣчали, а постепенно. Одни смѣялись надъ нимъ, другіе, особенно ему преданные друзья, во главѣ которыхъ безспорно находился Жакъ-Жакъ Руссо, сокрушались и пытались уговаривать его не быть смѣшнымъ; онъ плохо слушалъ ихъ, они оставляли его въ покоѣ... Когда Руссо находился въ Шевреттъ, тамъ бывалъ иногда и Гриммъ, суровость и надменность котораго заставляли Руссо испытывать какую-то приниженность. Г-жа д'Эпинэ замѣчала это отлично и скорбѣла; но она была опутана, быть-можетъ, и немножко слаба. Изъ всего, что я видѣлъ и слышалъ съ декабря 1757 года, я могу заключить, что она очень раскаивалась въ своемъ ослѣпленіи, въ своей черезъ чуръ большой довѣрчивости къ Гримму. Было, однако, слишкомъ поздно. Такъ, кажется безспорно, разрывъ Руссо съ г-жей д'Эпинэ произошелъ единственно подъ вліяніемъ Гримма. Изъ-за чего, не знаю. Я могу только сказать и подтвердить, что съ тѣхъ поръ я бывалъ весьма нерѣдко свидѣтелемъ горячихъ укоровъ, какіе дѣлала г-жа д'Эпинэ Гримму за жесткое обращеніе съ бѣднымъ Жанъ-Жакомъ, который этого нисколько не заслуживалъ» (Ib., I, 389). Сынъ, говоря о матери, конечно, смягчилъ свои выраженія. Но, и помимо этого свидѣ-

тельства, сами защитники и апологисты Гримма утверждаютъ, что характеръ его былъ невыносимый, наглый, надменный и деспотическій (Перей и Гастонъ «Jeunesse de m-me d'Epinay»). И, на основаніи самыхъ разнообразныхъ показаній, можно заключить, что соперникъ Жанъ-Жака былъ «личностью съ черствымъ сердцемъ, набитой тщеславіемъ и необыкновенно антипатичной».

II.

Гриммъ поспѣшилъ обратить противъ своихъ прежнихъ покровителей то вліяніе, какое онъ снискалъ себѣ у г-жи д'Эпинэ. Мужъ ея, этотъ субъектъ, котораго Дидро рисуетъ поѣдающимъ два милліона, не говоря добраго слова и не дѣлая добраго шага, предоставилъ любовнику свободное поле. Тотъ не преминулъ воспользоваться такой свободой. Онъ наполнилъ салонъ ея своими креатурами и уволилъ Дюкло, рѣзкая прямота котораго стѣсняла его. Относительно Руссо приходилось дѣйствовать постепенно. Г-жа д'Эпинэ его любила, приглашала къ себѣ въ деревню, предоставивъ въ его распоряженіе домикъ, вблизи ея замка Шевреттъ. Гриммъ враждебно смотрѣлъ на это гостепріимство. А властительность его возростала съ каждымъ днемъ, и борьба стала неравной. Онъ владѣлъ орудіемъ, отъ котораго Руссо, какъ говорятъ, отказался,—онъ былъ властелиномъ сердца, а несчастному Жанъ-Жаку оставалось надѣяться только на дружбу. Г-жа д'Эпинэ, какъ благовоспитанная хозяйка, защищала своего гостя, но она была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя противятся волѣ хозяина, особенно когда хозяинъ обладаетъ настойчивостью Гримма. Ея біографы—панегиристы, Перей и Мограсъ, вынужденные критиковать непостоянство ея ласкъ, предлагаютъ на выборъ объяснять это непостоянство или «необыкновенно притупленнымъ нравственнымъ чувствомъ» или же «обиліемъ легкомыслія въ характерѣ». Оба объясненія примѣнимы къ этому существу. Ей недоставало «нравственнаго чувства», когда она вела переписку съ Галіани; наоборотъ, въ ней сказалось «легкомысліе», когда она пожертвовала всѣмъ изъ-за фантазій нѣмца, начиная съ чувствъ къ семьѣ до самыхъ старинныхъ и дорогихъ привязанностей.

Нѣтъ надобности слѣдить здѣсь за всѣми перипетіями этого разрыва съ Руссо. Д'Эпинэ-сынъ въ вышеприведенной выдержкѣ предлагаетъ наиболѣе вѣротное объясненіе. Гриммъ, крайне ревнивый, пожелалъ отдѣлаться отъ соперника, оставлявшаго его въ тѣни. Что касается самой г-жи д'Эпинэ, она принимала Руссо отчасти по добродушію и расположенію, отчасти же «для вида и чтобъ заставить говорить о себѣ». Ей было тяжело рѣзко разрывать эту интимность, которая была ей такъ пріятна, и какъ разъ

въ то время, когда Жанъ-Жакъ достигъ полнаго блеска своей славы, когда онъ писалъ пламенныя страницы «Новой Элоизы». Но она вынуждена была повиноваться высшимъ внушеніямъ. Наружнымъ предлогомъ къ разрыву послужилъ отказъ Руссо сопровождать ее въ Женеву. Для чего она ѣхала въ Женеву? Поводъ остается невыясненнымъ. Иные полагаютъ, будто она хотѣла посовѣтоваться тамъ на счетъ своего здоровья. Такъ ли это? Болѣзнь ея до сихъ поръ, однако, не опредѣлена. Въ другомъ лагерѣ поѣздка ея приписывается скрывавшейся беременности, что кажется вѣроятнѣе. Г-жа д'Эпинэ уже въ 1758 году имѣла сына внѣ брака отъ Франкейля. Сынъ этотъ, подъ именемъ Ле-Блана де-Болье, былъ епископомъ суассонскимъ (1802 по 1820 г.). Жоржъ-Зандъ, приходившаяся ему внучатной племянницей, знала его лично и увѣряетъ, что онъ поразительно похожъ на г-жу д'Эпинэ. И Гриммъ могъ быть такимъ же отцомъ. Небезъинтересно упомянуть при этомъ, что письма Руссо къ г-жѣ д'Эпинэ извѣстны въ двухъ редакціяхъ: одна въ его книгахъ, другая у г-жи д'Эпинэ. По словамъ Перея и Мограса, ихъ кліентка сама дѣлала «небольшія поправки въ частностяхъ въ письмахъ Руссо, а когда она передавала ихъ Гримму, онъ смягчалъ выраженія».

III.

Помимо своихъ интимныхъ обязанностей въ домѣ д'Эпинэ, Гриммъ розыгрывалъ болѣе серьезную и почти дипломатическую роль. Ему поручено было вести переписку съ иностранными государями, королями шведскимъ и польскимъ, русской императрицей и принцессой Саксенъ-Гота, которая интересовалась литературнымъ движеніемъ во Франціи. Эта обширная корреспонденція и составляетъ весь багажъ Гримма. По поводу его международной обязанности одинъ изъ ярыхъ его противниковъ, Мюссе-Пати, назвалъ его «непризнаннымъ публично шпіономъ многихъ государствъ». Такое обвиненіе черезчуръ поспѣшное. Гриммъ не шпіонилъ, онъ писалъ. Ему платили деньгами и, еще болѣе цѣнной наградой, титулами. Такъ, ему пожаловано было баронское достоинство. Значительная часть его жизни посвящена была труду, остальную часть онъ провелъ въ путешествіи. Отсюда и прозвище его, измышленное Галіани, «Chaise-de-Paille et de Poste». Въ часы отдыха Гриммъ принадлежалъ г-жѣ д'Эпинэ.

Нельзя требовать отъ Гримма независимости въ отношеніяхъ съ великимъ міра сего. Ему она была невѣдома. Онъ умѣетъ льстить, ухаживать, воскуривать фиміамъ великимъ,—бóльшаго и требовать отъ него трудно. Дидро, бывшій его другомъ, нерѣдко возмущается этой приниженностью, этими компромиссами съ совѣстью. «Стро-

гость принциповъ Гримма пропадаетъ, пишетъ онъ съ грустью; онъ различаетъ двѣ справедливости: одна изъ нихъ для монарховъ». И монархи награждали его своими похвалами.

Въ дѣйствительности въ немъ всегда та же личность. Въ Парижѣ ли онъ ведетъ жизнь каторжника надъ своими письмами, путешествуетъ ли онъ, нѣкогда «Chaise-de-Paille», по выраженію Галіани, этотъ «неподвижный какъ колокольня Notre-Dame», онъ все остается «литературнымъ корреспондентомъ». А что такое «литературный корреспондентъ?» Аббатъ Морелли поставилъ этотъ вопросъ и такъ отвѣчаетъ: «это—господинъ, который, за нѣкоторое количество денегъ, обязанъ еженедѣльно забавлять какого нибудь иностраннаго принца». Въ другомъ мѣстѣ аббатъ пишетъ еще выразительнѣе: «этотъ господинъ Гриммъ провелъ свою жизнь въ описываніи лицъ, съ которыми онъ жилъ, обѣдая съ ними два или три раза въ недѣлю и не высказывая ни разу недоброжелательнаго къ нимъ настроенія въ то время, когда онъ разсылалъ свои сатиры еженедѣльно по всѣмъ дворамъ Германіи».

Карьеру Гримму сдѣлала встрѣча съ Дидро, довѣрчивымъ, привязчивымъ, котораго онъ плѣнилъ и затѣмъ эксплуатировалъ. Ослѣпленность, расположеніе этого бѣднаго Дидро доходили до того, что онъ открыто первому встрѣчному объявлялъ о превосходствѣ Гримма надъ нимъ, точно была возможна параллель между ними. Нѣмецъ обладалъ лишь однимъ, правда, важнымъ качествомъ. Онъ умѣлъ вполнѣ натурализоваться во Франціи, умѣли это дѣлать и другіе образчики подобнаго сорта, какъ Гамильтонъ, особенно какъ Галіани, этотъ образецъ смѣси аббата, философа, развратника въ Парижѣ, но, перешагнувъ Альпы, умѣвшаго обратиться въ ханжу и, въ качествѣ королевскаго цензора въ Неаполѣ, осмѣлившагося запретить «Tartuffe» Мольера.

Что касается критики Гримма, онъ предпочиталъ сухіе отчеты. Другіе писали статьи, а онъ предпочиталъ заносить ихъ въ свой каталогъ, отводя столько же мѣста важнымъ, сколько и случайнымъ явленіямъ въ тогдашней литературѣ. Если сюжетъ задѣваетъ его за живое, если имъ затрогиваются его интересы или гордость, тогда Гриммъ прибѣгаетъ къ своему вышеупомянутому средству. Класть мрачные краски вѣдь легче, чѣмъ судить съ талантомъ и толкомъ. И надо прибавить, что Гриммъ распространялся только по тѣмъ вопросамъ, которые онъ со стороны эрудиціи изучилъ глубоко.

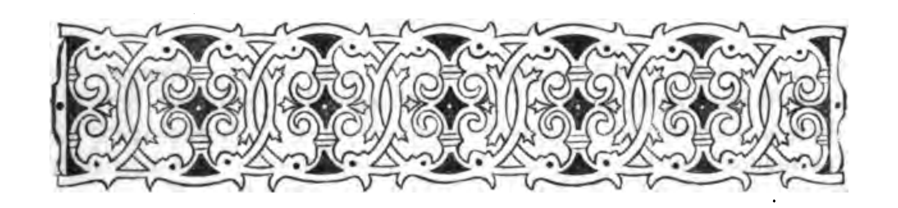
Владѣя бойкимъ стилемъ и классическимъ вкусомъ, онъ въ философіи, въ политикѣ обнаруживаетъ выдохшійся скептицизмъ. Прогрессъ кажется ему ложью или миѳомъ. Онъ не вѣритъ въ правильный, гармоничный ходъ развитія человѣческихъ обществъ. Онъ возлагаетъ все на «индивидуумовъ исключительныхъ, заставляющихъ человѣчество дѣлать неожиданные шаги». Въ своей дряхло-

сти (умеръ 1807 г.) онъ пережилъ самъ себя. Съ 1800 года его способности слабѣютъ, онъ несетъ тяжесть одиночества, сожалѣя о потерѣ г-жи д'Эпинэ, завѣщавшей ему чашку и свои рукописи съ просьбой: «если онъ найдетъ ихъ достойными печати, редактировать ихъ самолично», «Редактировать» значило «отдѣлать», что ему удобно было исполнить, такъ какъ «мемуары» находились въ его рукахъ въ теченіе 20 лѣтъ. Онъ не осмѣливался ихъ публиковать и хранилъ, какъ вѣрное орудіе мести противъ памяти Руссо, котораго онъ ненавидѣлъ до конца дней своихъ.

Въ итогѣ Гриммъ не «великій человѣкъ въ своемъ родѣ», какъ предполагалъ лордъ Байронъ. На высоту славы его вознесли сила воли и упорство въ трудѣ. Противъ своихъ соперниковъ онъ мастерски, подъ покровомъ литературной критики, проявлялъ ту же горечь, какую выказывалъ къ своей «belle-soeur» Софьѣ д'Удето. На самомъ дѣлѣ онъ достоинъ стать во главѣ тѣхъ, кто питаетъ склонность къ хулѣ и пересудамъ, цензированію человѣческой мысли, но не тѣхъ, кто самъ творитъ. Отецъ новѣйшей критики, онъ является типомъ таланта, снѣдаемаго безсиліемъ генія и ненавистью къ Жанъ-Жаку Руссо.

Ѳ. Булгаковъ.

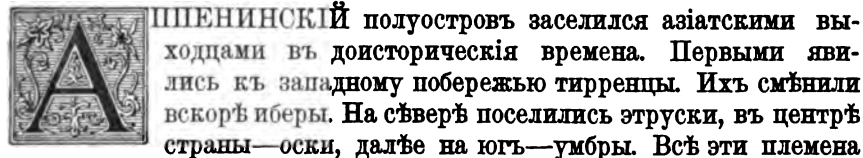

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ МЫСЛИ.

IV [1]).

Первобытные жители Италіи. — Начало Рима. — Преслѣдованіе перваго римскаго писателя. — Стѣснительныя условія драматической цензуры. — Сюжеты и персонажи Плавта. — Женщины въ комедіяхъ Теренція. — Борьба писателя съ врагами и равнодушіемъ публики. — Римская трагедія. — Ателланы. — Мимы и Лаберій.—Пантомимы.—Строгіе законы противъ писателей.—Пасквили во время имперіи.—Кремуцій Кордъ.—Сатира Луцилія.—Ювеналъ и его значеніе въ римскомъ обществѣ. — Цензура сатиръ Персія. — Поэма Лукреція. — Сатиры Горація.—Лирики.—Судьба Овидія. — Луканъ и послѣдніе римскіе поэты. — Борьба Катона за самостоятельность римской цивилизаціи.—Кай Гракхъ.—Цицеронъ какъ гражданинъ и писатель. — Историкъ Саллустій. — Лабіенъ и Северъ. — Значеніе Тацита.—Философія во время имперіи.—Судьба Сенеки.—Стоики. — Романы.— Гоненіе византійскихъ императоровъ на литературу. — Роль Рима въ исторіи развитія цивилизаціи.

Аппенинскій полуостровъ заселился азіатскими выходцами въ доисторическія времена. Первыми явились къ западному побережью тирренцы. Ихъ смѣнили вскорѣ иберы. На сѣверѣ поселились этруски, въ центрѣ страны—оски, далѣе на югъ—умбры. Всѣ эти племена населяли Италію, еще за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. Около 1600 года, страна подверглась новому вторженію пеласговъ; они были изгнаны, но ихъ смѣнили эллины, основавшіе на юго-восточномъ берегу богатыя колоніи, названныя Великою Греціею. Этруски распространили свои владѣнія на югѣ до рѣки Тибра, за которымъ, на небольшой равнинѣ въ 200 квадратныхъ верстъ, жило племя латинянъ, говорившихъ особымъ языкомъ, но не происходящимъ отъ греческаго, хотя и заимствовавшимъ отъ грековъ ихъ

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIII, стр. 433.

азбуку. Начало главнаго латинскаго города Рима, давшаго свое имя не только народу, но и огромной имперіи, великой эпохѣ въ исторіи человѣчества и богатой литературѣ, не блистательно, хотя баснословное преданіе возводитъ въ семью боговъ основателя города, бродягу и разбойника Ромула. Сначала Римъ былъ притономъ шайки грабителей, укрывавшихъ тутъ свою добычу. Чтобы увеличить населеніе своего города Ромулъ открылъ его для всѣхъ убійцъ, воровъ и бѣглецовъ. Городъ быстро увеличивался, ведя счастливыя войны съ сосѣдями. Но Ромулъ слишкомъ деспотически правилъ надъ своими сообщниками, и они убили его, объявивъ, что онъ взятъ на небо. Въ Римѣ рано появились сборники законовъ и священныя книги. На обязанности верховнаго жреца лежало вести государственную лѣтопись. Рано развилась въ Римѣ и народная поэзія и сценическія представленія. Ораторское искусство было также извѣстно римлянамъ еще до знакомства ихъ съ греками. Но первыя произведенія римской литературы были простыми подражаніями греческой. Первымъ римскимъ писателемъ былъ Кней Невій; онъ задумалъ перенести на римскую сцену комедію Аристофана съ ея политическою сатирою и смѣлымъ осужденіемъ лицъ, злоупотреблявшихъ властью. Но первыя попытки въ этомъ родѣ навлекли на него преслѣдованіе правительства. Когда онъ говорилъ, что въ Римѣ гораздо больше рабства, чѣмъ свободы, его оставляли въ покоѣ. Но когда онъ сказалъ, что Сципіонъ Африканскій бродитъ ночью по домамъ гетеръ, а «консуловъ Метелловъ далъ Риму злой рокъ», Квинтъ Цецилій Метеллъ велѣлъ, посадить писателя въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ очень долго и по освобожденіи былъ изгнанъ изъ отечества. Въ своихъ пьесахъ Невій выражалъ любовь къ демократіи и ненависть къ патриціямъ. Другой писатель этой эпохи Квинтъ Энній написалъ греческую поэму въ честь Сципіона, пріобрѣлъ богатство и значительное вліяніе.

Лучшій драматическій писатель Рима Плавтъ былъ служителемъ въ труппѣ актеровъ, нажилъ въ этой должности порядочныя деньги, но потомъ потерялъ все состояніе въ торговыхъ спекуляціяхъ и, по закону, сдѣлался невольникомъ своего заимодавца. Тотъ заставилъ его на мельницѣ вертѣть жернова — обязанность, которую обыкновенно исполняли ослы. Но Плавтъ вскорѣ вышелъ изъ этого положенія и пріобрѣлъ огромную популярность на сценѣ, обязанный всѣмъ только своему дарованію. Значеніе Плавта было особенно велико въ виду тѣхъ стѣснительныхъ условій, при которыхъ допускались въ Римѣ сценическія представленія. Такъ, въ комедіяхъ было вовсе запрещено выводить женщинъ свободныхъ сословій, и женскія роли всего римскаго репертуара ограничивались гетерами, невольницами и лицами низкаго происхожденія. Кругъ мужскихъ ролей былъ также очень ограниченъ. Римскаго гражданина нельзя было вывести на сцену. Полиція, завѣдовавшая цен-

зурою, не допускала въ комедіяхъ ни римскаго имени, ни даже латинскаго мѣста дѣйствія! Въ комедіяхъ Плавта дѣйствіе происходитъ всегда внѣ Италіи и лицами въ ней являются греки, персы, карѳагеняне, рабы, мелкіе торговцы. Аристократическое правительство Рима смотрѣло на комедію, какъ на средство забавлять чернь и отвлекать ее отъ политики. Патриціи не признавали за комедіею общественнаго значенія, не хотѣли допустить, чтобы она служила облагороженію нравовъ. Писатель комедій принужденъ былъ вращаться въ узкомъ кругу допускаемыхъ на сцену лицъ. Это нисколько не мѣшало тому, что въ римской комедіи лица выражались чрезвычайно грубо и цинично. Міръ гетеръ и отпущенниковъ, мошенниковъ и хвастуновъ, рабовъ и паразитовъ, глупыхъ отцовъ и сыновей-гулякъ списанъ Плавтомъ съ его соотечественниковъ. На каждомъ шагу у писателя встрѣчаются анахронизмы: эдилы въ Аѳинахъ, тріумвиры въ Греціи, Капитолій въ Эпидаврѣ, квесторы, форумъ и проч. Цензура не придиралась къ этимъ явнымъ несообразностямъ, она не позволяла только, чтобы дѣйствующія лица являлись въ римской одеждѣ, не допускала ни малѣйшаго охужденія римской жизни. Послѣ Плавта, писавшаго для народа, явился Теренцій, привлекавшій въ театръ уже высшее, образованное общество. Теренцій былъ украденъ еще ребенкомъ нумидійцами и проданъ римскому сенатору, который, видя въ рабѣ своемъ большія способности, отпустилъ его на волю еще въ молодыхъ годахъ. Онъ скоро сдѣлался извѣстнымъ и знатнѣйшіе патриціи искали его дружбы, что однако же повредило его авторской славѣ, такъ какъ многіе изъ критиковъ распространили слухъ, будто знатные друзья помогали ему писать комедіи. Чтобы пріобрѣсти болѣе свѣдѣній о нравахъ и обычаяхъ Греціи, которыя только и можно было изображать на римской спенѣ, Теренцій поѣхалъ въ Грецію, гдѣ перевелъ всѣ комедіи Менандра и написалъ нѣсколько своихъ собственныхъ. Но корабль, который везъ ихъ въ Римъ, разбило бурею, пьесы погибли и авторъ умеръ отъ горести въ Аркадіи, тридцати четырехъ лѣтъ.

И въ пьесахъ Теренція въ женскихъ роляхъ выведены однѣ гетеры, такъ какъ не позволялось выводить на сцену благородныхъ женщинъ не только въ видѣ любовницъ, но даже какъ невѣстъ. По неволѣ надо было женщинамъ низшаго класса придавать возвышенныя чувства и прекрасные поступки. Но въ Римѣ гетеры не пользовались уваженіемъ какъ въ Греціи. Со всякою женщиною не изъ благороднаго сословія римлянинъ могъ поступать какъ ему угодно, и вотъ почему одна изъ главныхъ пружинъ, часто встрѣчающаяся въ комедіяхъ Теренція — насиліе. Типы его комедій такъ же очень однообразны. Авторъ долженъ былъ не разъ бороться съ равнодушіемъ публики. Когда была дана одна изъ лучшихъ пьесъ его «Сверовь», весь глупый народъ, какъ гово-

витъ самъ авторъ, обратился къ канатнымъ плясунамъ. При третьемъ представленіи Теренцій жалуется на то, что пьеса его не была выслушана. Первый актъ понравился, но вдругъ разнеслась молва, что идутъ гладіаторы, народъ началъ шумѣть, кричать, драться за мѣста и едва могли водворить въ театрѣ тишину и спокойствіе. У Теренція было много враговъ. Въ каждомъ прологѣ онъ или защищается отъ нихъ, или самъ на нихъ нападаетъ. Третій писатель комедій Цецилій Стацій былъ также привезенъ въ Римъ рабомъ. Комедіи его до насъ не дошли, но изъ отрывковъ видно, что у него не было циничныхъ выраженій, хотя какъ галлъ, онъ не могъ вполнѣ усвоить себѣ латинскій языкъ. Писатель трагедій Акцій поставилъ себѣ въ храмѣ Каменъ огромную статую, хотя самъ былъ маленькаго роста. Онъ пожаловался однажды суду на одного мима за то, что тотъ осмѣялъ его на сценѣ. И мимъ былъ осужденъ. Какъ его предшественникъ Пакувій, Акцій непочтительно относится къ религіи. Господство трагедій на римской сценѣ было весьма непродолжительно. Въ эпоху императоровъ преобладалъ циркъ съ его кровавыми зрѣлищами; трагедія уже не могла дѣйствовать на нервы римлянъ. Чтобы расшевелить ихъ, нужны были бои гладіаторовъ и разные роды смерти, которой подвергали на глазахъ тысячной толпы рабовъ, плѣнниковъ и христіанъ. За то комедіи въ это время удалось высвободиться изъ рамокъ, стѣснявшихъ ея развитіе. Въ пьесахъ Титинія выведены на сцену уже свободныя женщины—жены и дочери римскихъ гражданъ. Квинтій Атта изображалъ жизнь римскаго общества на минеральныхъ водахъ, народныя игры и даже религіозные обряды. Афраній осмѣивалъ авгуровъ; въ комедіи «Разводъ» онъ представилъ картину семейныхъ нравовъ. Но изъ комедій этихъ писателей до насъ дошли только незначительные отрывки.

Вполнѣ народная римская комедія развилась въ «Ателланахъ», появившихся впервые въ осскомъ городѣ Ателла. Онѣ разыгрывались въ формѣ импровизаціи шутливаго и сатирическаго содержанія, касавшагося преимущественно деревенской жизни и ея контраста съ городскою. Впослѣдствіи въ нихъ осмѣивались городскія привычки и обычаи. Ателланы осмѣивали провинцію, чужеземцевъ, сельскую жизнь, низшіе классы общества, даже нравственные характеры, народные обычаи и преданія. Онѣ пародировали греческія трагедіи. Подъ конецъ республики ателланы подверглись гоненію правительства за то, что въ своихъ насмѣшкахъ не щадили лицъ, управлявшихъ государствомъ. Юлій Цезарь покровительствовалъ грубымъ фарсамъ, но только такимъ, которые касались общечеловѣческимъ пороковъ, а не примѣшивали къ своимъ остротамъ политическихъ выходокъ. При Августѣ онѣ вовсе не появлялись на римской сценѣ, но при Тиберіи приняли явный характеръ политической сатиры и осмѣивали самого императора—за что актеры

ателланисты были изгнаны изъ Италіи. Преслѣдованіе не положило однако конца выходкамъ аттеланистовъ, и Калигула велѣлъ публично сжечь одного изъ нихъ въ амфитеатрѣ за двусмысленность его стиховъ. Другой актеръ Датъ, во время Нерона, при пѣніи куплета, начинавшагося самыми простыми словами: «Будь здоровъ отецъ, будь здорова мать!» сдѣлалъ сначала жестъ человѣка пьющаго, а потомъ плавающаго, намекая этимъ на то, что императоръ отравилъ своего отца и утопилъ свою мать. Неронъ былъ однако великодушнѣе Калигулы и ограничился только тѣмъ, что изгналъ Дата изъ Италіи. Светоній разсказываетъ, какъ ателланы смѣялись надъ скупостью императора Гальбы и какъ Домиціанъ казнилъ одного актера за намекъ на разводъ императора съ Домиціею. Ателланы смѣялись и надъ Антониномъ Философомъ. Въ III вѣкѣ ихъ преслѣдовали христіанскіе писатели, а въ IV вѣкѣ ателланы совершенно слились съ мимами и пантомимами. У римлянъ какъ у грековъ мимами назывались не одни карикатурныя воспроизведенія смѣшныхъ явленій жизни, но и самыя лица, воспроизводившія такія сцены. Мимы давались также въ концѣ представленій, какъ дивертисементъ и въ составъ ихъ входили женщины, иногда совершенно обнаженныя. Первымъ писателемъ мимъ былъ римскій всадникъ Децимъ Лаберій. Шестидесяти лѣтъ, за 500,000 сестерцій, обѣщанныхъ ему Юліемъ Цезаремъ, вышелъ онъ на сцену, чтобы состязаться съ другимъ мимографомъ. Товарищи Лаберія по сословію считали это такимъ униженіемъ, что не пускали его сѣсть вмѣстѣ съ ними на скамьи, отведенныя въ театрѣ для всадниковъ. Цицеронъ сказалъ прямо, что не пуститъ его сѣсть съ нимъ рядомъ, потому что ему тѣсно. — «Да вѣдь ты сидишь всегда на двухъ стульяхъ!» отвѣчалъ Лаберій, намекая на двуличность Цицерона. Принужденный Цезаремъ играть на сценѣ, Лаберій обратился къ нему съ двумя стихами: «Квириты, мы теряемъ свободу! Необходимо многихъ долженъ бояться тотъ, кого боятся многіе!» Пьесы Лаберія всегда изображали картины разврата и безстыдства и были полны самыми циническими выраженіями. Соперникъ Лаберія Публицій Сиръ былъ сначала рабомъ, привезеннымъ изъ Сиріи, потомъ отпущенникомъ и актеромъ-импровизаторомъ. Мимы существовали во все продолженіе римской имперіи. Дѣйствіе ихъ на общество было развращающее. Это была настоящая школа безнравственности, которою восхищался Римъ, тогда какъ другіе города не допускали у себя подобныхъ представленій. Особенно въ этихъ спектакляхъ отличались безстыдствомъ женщины, въ родѣ Ѳеодоры, сдѣлавшейся изъ мимической актрисы женою императора Юстиніана.

Въ эту же эпоху развился въ Римѣ еще особый родъ сценическихъ зрѣлищъ—пантомимы, въ которыхъ жесты замѣняли все: и содержаніе пьесы, и мысли автора, и всевозможныя оттѣнки

чувствъ и страстей. Собственно пантомима состояла изъ ряда живыхъ картинъ, въ которыхъ позы и жесты актеровъ безпрерывно измѣнялись, смотря по ходу дѣйствія. Но для угожденія вкусу публики содержаніе пантомимъ основывалось большею частію на чувственной любви и весь эфектъ ихъ былъ разсчитанъ на грязные и соблазнительные жесты. Правительство поощряло подобныя зрѣлища и Августъ, выславшій сначала актера Пилада изъ Италіи, принужденъ былъ вскорѣ возвратить его и выслушать отъ этого любимца публики замѣчаніе, что присутствіе его въ Римѣ полезно для государства. Калигула и Неронъ играли въ пантомимахъ и послѣдній казнилъ актера Париса какъ своего соперника въ мимическомъ искусствѣ. Другой Парисъ, былъ зарѣзанъ Домиціаномъ за то, что пользовался благосклонностью императрицы.

Римское правительство еще во времена республики строго относилось къ писателямъ. Еще въ законахъ двѣнадцати таблицъ смертная казнь, назначаемая вообще въ рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ, опредѣлялась тому, кто будетъ сочинять или публично читать стихи, оскорбительные или написанные съ цѣлью обезславить кого бы то ни было. Цицеронъ, въ своей «Республикѣ», приводя этотъ законъ, говоритъ: «Постановленіе это весьма справедливо. Жизнь наша должна подвергаться суду правительства, приговорамъ закона, а не фантазіи поэтовъ». При императорахъ свобода писанія была не очень ограничена, несмотря на отдѣльные случаи гоненій, воздвигаемыхъ на писателей и даже на казнь нѣкоторыхъ изъ нихъ. Цезаря многіе оскорбляли безнаказанно въ своихъ рѣчахъ. Авлъ Цецина, въ самомъ зломъ пасквилѣ, и Филолай—въ поэмѣ наполненной клеветами, очернили всю жизнь Цезаря, а онъ даже не жаловался на это. Во время Августа явилось множество пасквилей на него самого и на сенатъ, но Августъ нисколько объ этомъ не заботился и не розыскивалъ даже кто писалъ пасквили. Онъ издалъ только законъ, опредѣлявшій наказаніе тѣмъ, кто напишетъ пасквиль подъ вымышленнымъ именемъ, но не хотѣлъ, несмотря на всѣ представленія, обуздать рѣзкость выраженій въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Тиберій былъ чрезвычайно строгъ къ тѣмъ, кто осмѣивалъ его пороки и, несмотря на это, его оскорбляли на каждомъ шагу. Почти каждый осужденный на смерть говорилъ ему въ лицо горькія истины. Поминутно находили въ его дворцовыхъ комнатахъ оскорбительныя посланія. Тиберій то скрывалъ пасквили, показывая видъ, что презираетъ ихъ, то повторялъ ихъ всенародно. Болѣе всего его выводили изъ себя безъименные стихи о его гордости, жестокости и ссорахъ съ матерью. Онъ возстановилъ силу закона объ оскорбленіяхъ величества, приведеннаго только однажды въ дѣйствіе Августомъ противъ Кассія Севера, самаго безстыднаго изо всѣхъ памфлетистовъ, клеветавшаго на все, что было высокаго и прекраснаго въ Римѣ. Во все царствованіе

Тиберія многочисленные доносчики строго наблюдали за каждымъ новымъ произведеніемъ, являвшимся въ городѣ. Кремуцій Кордъ былъ осужденъ за то, что хвалилъ Брута и называлъ Кассія—послѣднимъ римляниномъ. Первый разъ еще въ Римѣ это стали считать преступленіемъ. Тиберій заранѣе обрекъ его на казнь, но Кордъ такъ говорилъ сенату: «Меня осуждаютъ за мои слова, потому что въ дѣлахъ моихъ нѣтъ вины. Но слова эти нисколько не оскорбляютъ ни императора, ни его мать и слѣдовательно не могутъ назваться оскорбленіемъ величества. Меня обвиняютъ въ томъ, что я хвалилъ Брута и Кассія, о подвигахъ которыхъ ни одинъ историкъ не отзывался безъ похвалы. Цицеронъ въ одномъ изъ своихъ произведеній превознесъ Катона до небесъ. Что сдѣлалъ тогда диктаторъ Цезарь? Онъ опровергнулъ сочиненіе оратора, поставивъ публику судьею между нимъ и Цицерономъ. Письма Антонія, рѣчи Брута—тѣ же сатиры на Августа. Бибакулъ и Катулъ въ своихъ стихахъ не разъ порицали императоровъ; но сами императоры Цезарь и Августъ презирали эти оскорбленія и это должно приписать еще болѣе ихъ мудрости, чѣмъ кротости, потому что презрѣніе убиваетъ сатиру, а преслѣдованіе заставляетъ ей вѣрить. Неужели думаютъ, что память о Брутѣ и Кассіи не сохранилась бы въ исторіи безъ моей похвалы? Потомство назначаетъ каждому должную часть славы. Если осудятъ меня, найдутся граждане, которые съ именами Брута и Кассія вспомнятъ и мое имя». Послѣ этихъ словъ Кремуцій Кордъ вышелъ изъ сената и самъ уморилъ себя голодомъ, чтобы избѣжать казни. Сенаторы опредѣлили, чтобы сочиненія его были сожжены эдилами. Само собою разумѣется, что очень многіе списки были сохранены и спрятаны; по этому случаю Тацитъ говоритъ: «Нельзя не смѣятся надъ ослѣпленіемъ тѣхъ, которые думаютъ, что ихъ эфемерная власть заставитъ замолчать голосъ грядущихъ вѣковъ. Напротивъ, въ теченіи ихъ, угнетенное дарованіе получитъ еще болѣе цѣны, а цари и всѣ, кто употребляютъ въ дѣло подобныя преслѣдованія только приготовляютъ славу писателей и свой собственный стыдъ». Самъ Калигула приказалъ розыскать сочиненія Лабіена, Кремуція Корда и Кассія Севера, уничтоженныя по предписанію сената. Онъ позволилъ ихъ списывать и читать, желая, чтобы въ исторіи осталось вѣрное описаніе того, что было. Тиверій приказалъ также казнить писателя трагедій Скавра, за намеки въ его пьесѣ на императора. Тріонъ, кончившій жизнь самоубійствомъ, оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ онъ рѣзко отзывался объ императорѣ и его клевретахъ. Наслѣдники хотѣли скрыть это завѣщаніе, но Тиверій велѣлъ прочесть его публично.

Движеніе, возбужденное Гракхами противъ патриціевъ и признаніе за всѣми итальянскими народами правъ римскихъ граждан, измѣнивъ общественныя отношенія въ Римѣ, имѣло большое

вліяніе и на литературу. Она получила общественное значеніе въ эпоху борьбы демократіи съ олигархіей и прежде всего явилась въ формѣ сатиры. Люцилій былъ первымъ публицистомъ, затрогивавшимъ всѣ современные вопросы. Къ сожалѣнію до насъ дошли только отрывки изъ его сатиръ. Другъ Сципіона младшаго, Люцилій часто писалъ противъ личныхъ враговъ африканскаго героя. Самъ писатель не былъ ни корыстолюбивъ, ни честолюбивъ, никогда не добивался расположенія вельможъ и хотѣлъ только исправлять пороки своихъ согражданъ. Но сатиры его отличались рѣзкостью и неумѣренностью выраженій. Онъ нападалъ на знатныхъ, на государственныхъ людей, на поэтовъ, риторовъ и философовъ. Гомеру, Еврипиду и Сократу, софистамъ и стоикамъ, даже землякамъ Люцилія: Эннію, Пакувію, Акцію не было пощады. Надменность патриціевъ, которые, не заботясь о благѣ государства, старались только доставлять выгодныя должности своимъ сыновьямъ; ихъ зависть къ выдающимся личностямъ какъ къ Сципіону, бездарность полководцевъ, нанесшихъ позоръ Риму подъ Карѳагеномъ и Нуманціею, ихъ расточительность и распутство, словомъ все, что повлекло за собою паденіе республики, рѣзко бичуется Люциліемъ, такъ же какъ и частный бытъ современниковъ: ихъ страсть къ деньгамъ, жадность, роскошь, суевѣріе. Современныхъ писателей траґедій онъ осмѣиваетъ за ихъ напыщенность, многословіе и риторическія преувеличенія.

Упадокъ нравовъ въ имперіи долженъ былъ неминуемо развить въ литературѣ сатирическое направленіе. Безнаказанность самыхъ возмутительныхъ злодѣйствъ, самого отвратительнаго распутства со стороны императоровъ, апатія общества, грубость, развращенность и рабскія наклонности низшихъ классовъ не могли не возбуждать негодованія сатириковъ, бичевавшихъ постыдныя явленія своего вѣка. Ювеналъ жилъ въ самую мрачную эпоху римскихъ цезарей, наполненную безконечными казнями и оргіями, рабами и доносчиками, центуріонами, продававшими императорскую корону тѣмъ, кто дороже дастъ за нее. Всѣ эти цезари сначала приглядывались къ тому, что ихъ окружало, и потому первые годы ихъ царствованія проходили мирно, даже не безславно. Но черезъ два-три года они начинали свирѣпствовать; жестокіе по природѣ, испорченные лестью, они скоро убѣждались въ томъ, что ихъ народъ—толпа рабовъ, готовая терпѣливо сносить самый необузданный произволъ. Ювеналъ жилъ при Домиціанѣ, одной изъ самыхъ чудовищныхъ личностей между римскими императорами. Онъ еще при жизни торжественно объявилъ себя богомъ, а сенатъ и народъ рабολѣпно признали этотъ новый титулъ. Домиціанъ привлекъ на свою сторону чернь великолѣпными зрѣлищами въ циркѣ и даровою раздачею хлѣба, а войско—увеличеніемъ жалованья. Послѣ этого начались безпрерывныя казни; обвинялись въ оскорбленіи вели-

чества лица, виноватыя только въ томъ, что они богаты. Казнили ихъ для того, чтобы деньгами ихъ покрылись расходы на увеселеніе черни. Не смотря на это, поэты Марціалъ и Стацій не стыдились называть Домиціана—великимъ и обращаться къ нему съ самою низкою лестью. И среди этой позорной литературы неожиданно раздался благородный и гнѣвный голосъ Ювенала, хотя не всенародно, но для немногихъ. Сатирикъ не могъ открыто выступить со своимъ протестомъ въ такое время, когда историковъ Арулена Рустика и Геренія Сенеціона Домиціанъ велѣлъ казнить подъ самымъ пустымъ предлогомъ, а всѣхъ философовъ вообще изгнать изъ Рима, какъ людей опасныхъ для общественнаго спокойствія. Шпіоны донесли, что явился писатель, возстававшій противъ правительства, осмѣливавшійся осуждать даже Париса, балетнаго танцора, но любимца императора и любовника императрицы. Ювеналъ вывелъ въ своей сатирѣ извѣстный всему Риму фактъ, что почетное и доходное мѣсто легче всего получить черезъ Париса. За это сатирика сослали въ Египетъ. Онъ впрочемъ недолго пробылъ въ изгнаніи. Злодѣйствъ Домиціана не могли переносить даже его клевреты; они зарѣзали его, во время одной изъ дворцовыхъ революцій и Ювеналъ вернулся въ Римъ писать свои сатиры, въ то время, когда другіе поэты брали на откупъ бани или пекарни. Когда, при наслѣдникѣ Домиціана, свободная рѣчь снова зазвучала въ Римѣ, вмѣстѣ съ ея возрожденіемъ исчезла и подпольная литература, которая, составляя запретный плодъ, привлекаетъ къ себѣ вниманіе общества гораздо болѣе, чѣмъ литература офиціальная или стѣсненная до самыхъ узкихъ размѣровъ, недопускающихъ ни свѣтлыхъ мыслей, ни живого слова. Ювеналу также открылась тогда возможность издать въ свѣтъ свои сатиры. Въ первой изъ нихъ поэтъ въ негодованіи рисуетъ печальную картину гражданской и общественной жизни римлянъ, «когда, по выраженію Тацита, всѣ ненормальныя явленія, всѣ безчинства и скандалы стекались въ столицу цѣлаго міра». Сатирикъ бичуетъ какъ цѣлые классы общества, такъ и отдѣльныя личности. Особенно живо обрисованы отношенія между патронами и кліентами. Осмѣивая правителя провинціи и фаворита императора, вельможу и брадобрѣя, актера и адвоката, доносчика и бездарнаго поэта, игрока и обжору, распутную матрону и жену, обманывающую мужа, Ювеналъ бичуетъ всѣ грязныя стороны общества: роскошь, эгоизмъ, стремленіе къ наживѣ, развратъ. Онъ горько жалуется на стѣсненіе свободы слова, на невозможность открыто говорить правду. Поэтъ не видитъ возможности остановить паденіе общества и его нравственную погибель. Сатира Ювенала отличается рѣзкимъ характеромъ, грубыми выраженіями, циническимъ языкомъ; онъ не поэтъ и даже рѣдко является писателемъ-художникомъ. Глубокое чувство смѣшивается у него съ риторикой. И однако Юве-

налъ достигъ вѣчной славы, потому что потомство никогда не забываетъ честныхъ голосовъ, особенно если они раздавались въ эпоху деспотизма и нравственнаго застоя. На литературѣ лежитъ обязанность служить не только чистому искусству, но болѣе всего общественнымъ интересамъ и, въ этой сферѣ, на первомъ планѣ является сатира, имѣющая огромное нравственное значеніе, тамъ, гдѣ народъ не могъ еще развить свои внутреннія силы. Ювеналъ особенно возстаетъ противъ римскихъ женщинъ. Онъ обвиняетъ ихъ въ безстыдствѣ, распутствѣ, тщеславіи, злости, ханжествѣ. Не менѣе сильны обвиненія его самихъ римлянъ въ постыдномъ, раболѣпномъ прислужничествѣ. Рабство со всѣми его гнусными пороками заклеймило въ эпоху Ювенала все общество, проникло всѣ слои. Это былъ какой-то поворотъ къ унизительнымъ, позорнымъ обычаямъ Азіи или покрайней мѣрѣ Византіи. Если бы въ римскомъ народѣ сохранились какіе нибудь слѣды нравственнаго чувства, такіе правители какъ Тиверій, Неронъ, Домиціанъ были бы невозможны. Безпощадный судъ исторіи, карающій недостойныхъ цезарей, долженъ быть не менѣе строгъ и къ ихъ подданнымъ. Даже такіе императоры какъ Траянъ и Маркъ Аврелій не могли остановить Римъ на краю бездны, въ которой онъ долженъ былъ погибнуть. Какъ всѣ лучшіе люди своей эпохи, Ювеналъ глубоко презиралъ современный ему римскій народъ. Съ горькой ироніею описываетъ онъ наглость и распущенность солдатчины, свергавшей съ трона и возводившей на него императоровъ.

Въ то время, когда Ювеналъ боролся съ пороками своего времени, христіанство еще не смѣло вступать въ борьбу съ языческимъ Римомъ, хотя имѣло вездѣ уже своихъ агентовъ отъ Испаніи до Египта. Римскіе цезари понимали, что новое ученіе,—самый опасный врагъ ихъ деспотизма. Ювеналъ равнодушно, въ одномъ только мѣстѣ, упоминаетъ о казняхъ первыхъ христіанъ. Даже Тацитъ не понялъ этихъ людей и считалъ ихъ опасными и вредными фанатиками. Литература того времени не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Другой римскій сатирикъ Персій умеръ, не достигнувъ двадцати восьмилѣтняго возраста. Въ своихъ произведеніяхъ онъ даже не намекаетъ на безуміе цезарей, на низость и рабство сената и народа. Но до насъ сатиры его дошли въ измѣненномъ видѣ. Друзья поэта опасались за него и обнародовали сатиры съ поправками. Такъ, слова первой сатиры: «У царя Мидаса ослиныя уши», другъ Персія Корнутъ замѣнилъ вопросомъ: «у кого нѣтъ ослиныхъ ушей?» изъ боязни, чтобы Неронъ не принялъ на свой счетъ этого выраженія. Нерона сатирикъ порицалъ только за то, что тотъ пишетъ плохіе стихи. Многія мѣста въ сатирахъ Персія проникнуты глубокимъ нравственнымъ чувствомъ и приближаются къ христіанской морали. Онъ всѣми силами стремится къ добру. Въ противоположность Ювеналу, онъ является

жаркимъ приверженцомъ всего греческаго. Вмѣстѣ съ сатирой, въ эту эпоху достигла высшаго развитія и эпиграма; представителемъ ея былъ Марціалъ, остроумный писатель, но низкій льстецъ римскихъ цезарей. Онъ заставляетъ самого Юпитера расхваливать Домиціана за то, что императоръ устроилъ храмы для боговъ.

Философское направленіе вѣка высказалось особенно въ поэмѣ «О природѣ вещей» Лукреція Кара, послѣдователя Эпикура, убившаго себя на 57 году, въ припадкѣ бѣшенства отъ принятаго имъ любовнаго напитка. Главная мысль его поэмы: только одинъ страхъ заставляетъ людей, неумѣющихъ объяснить себѣ того, что происходитъ на землѣ и на небѣ, воображать, что все это производится божественною силою, тогда какъ напротивъ—все это дѣлается безъ всякаго участія боговъ. Все въ мірѣ происходитъ изъ атомовъ. Всѣ тѣла образуются отъ движенія и сцѣпленія атомовъ между собою, не исключая души, умирающей вмѣстѣ съ тѣломъ, потому что природа ея тѣлесная. Адъ и загробныя мученія — выдумки поэтовъ. Носовершенство міра доказываетъ, что онъ не могъ быть созданъ богами. Онъ уничтожится какъ все, что родилось. Сатиры писалъ и первый лирическій поэтъ Рима Горацій. Въ его произведеніяхъ высказывается вся жизнь Рима въ эту эпоху, не историческая, не политическая, а жизнь общественная, народная, со всѣми ея мелочами и темными сторонами. Конечно, Горацій поэтъ придворный—льститъ онъ немного, но осторожно умалчиваетъ о многомъ. Все же въ стихахъ его видимъ не только хорошаго человѣка, но и хорошаго гражданина, обличающаго пороки своихъ соотечественниковъ. Онъ былъ сынъ отпущенника, но не стыдился своего низкаго происхожденія. Военный трибунъ въ республиканскомъ войскѣ, онъ въ сраженіи при Филиппахъ, когда окончательно погибла свобода Рима, бросилъ свой щитъ и бѣжалъ съ поля сраженія. Отцовское имѣніе его было конфисковано тріумвирами и роздано солдатамъ. Поэтъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи знатныхъ, къ покровительству Мецената. Въ эпоху рабства и нравственной порчи, живя въ небольшомъ помѣстьѣ подаренномъ Меценатомъ, Горацій наслаждался золотою посредственностью. Онъ любилъ жизнь и отзываясь съ ироніею о правителяхъ Рима, утѣшалъ себя старымъ виномъ и молодыми красавицами. Онъ избѣгалъ сближенія съ Августомъ, не разъ предлагавшимъ ему взять какую нибудь должность, лишь бы быть собесѣдникомъ императора и помогать ему въ сочиненіи писемъ. Но Горацій не склонялся на лестныя предложенія и умеръ въ своей тибурской виллѣ такимъ же эпикурейцемъ, какъ жилъ. Въ сатирѣ Горація нѣтъ ничего политическаго, она не является у поэта грознымъ бичомъ и неумолимою карою преступниковъ. Порочныхъ людей онъ видѣлъ вокругъ себя повсюду: и во дворцѣ цезарей, и въ палатахъ вельможъ, и въ хижинѣ бѣдняка, поэтому онъ сдѣлалъ изъ своей

сатиры преимущественно юмористическую картину быта и нравовъ современнаго ему общества. «Насмѣшка, говорилъ онъ, часто разрѣшаетъ важныя задачи лучше и сильнѣе, чѣмъ строго обличительная рѣчь». Къ сатирамъ причисляютъ и посланія Горація, имѣющія поучительный характеръ. Три посланія его касаются литературы. Переходъ отъ сатиръ къ лирикѣ составляютъ эподы, называемые поэтомъ ямбами. Оды его цѣнятся ниже сатиръ.

Первымъ представителемъ литературы вѣка Августа считаютъ Виргилія. Онъ также былъ выгнанъ изъ скромнаго родового помѣстья солдатами, которымъ Августъ роздалъ земли близъ Мантуи, въ награду за уничтоженіе республиканцевъ. Поэтъ отправился въ Римъ искать защиты и правосудія, нашелъ покровителя въ Меценатѣ и получилъ обратно свое имѣніе. Онъ умеръ 52 лѣтъ отъ простуды. Природа и сельская жизнь чаще всего воспѣвались въ его произведеніяхъ. Національная эпопея «Энеида», написанная имъ по порученію Августа, гораздо ниже его Буколикъ. Несмотря на огромное значеніе поэмы, не только въ Римѣ, но и во всѣхъ образованныхъ странахъ, въ ней преобладаетъ безцвѣтность, неопредѣленность и блѣдность въ изображеніи характеровъ. Въ эту же эпоху славился поэтъ-республиканецъ Корнелій Галлъ, отъ котораго намъ не осталось ровно ничего. Онъ былъ префектомъ Египта и убилъ себя, обвиненный въ государственной измѣнѣ Августомъ, за республиканскій образъ мыслей. Тибуллъ также лишился своего имѣнія, захваченнаго солдатами. Месалла, покровительствовавшій поэту, возвратилъ ему помѣстья, но хотѣлъ изъ него непремѣнно сдѣлать воина и Тибуллу пришлось долго бороться противъ этого страннаго намѣренія. Месалла взялъ даже съ собою поэта въ землю ѳракійцевъ, но поэтъ заболѣлъ опасно и долженъ былъ вернуться въ Римъ. Страстно влюбленный въ Делію, модную гетеру того времени, поэтъ не былъ счастливъ въ своей любви. Она вышла даже замужъ за другого. Онъ умеръ тридцати пяти лѣтъ отъ слишкомъ веселой жизни. Такъ же рано и отъ той же причины погибъ и Проперцій, другой представитель римской лирики. Но самый даровитый представитель элегій былъ Овидій. Любовь къ Юліи, дочери Августа, была причиною печальной судьбы поэта. Несчастіе постигло его уже не въ молодыхъ годахъ; онъ былъ уже въ это время три раза женатъ, но развелся съ двумя первыми женами и пристроилъ дочь, также писавшую стихи, когда былъ отправленъ Августомъ въ ссылку, на берега понта Эвксинскаго, на границы имперіи, въ землею варваровъ, гдѣ поэтъ провелъ восемь лѣтъ и умеръ на шестьдесятъ первомъ году. Причина ссылки его къ устьямъ Дуная осталась необъясненною до нашего времени. Правдоподобнѣе всего предположеніе, что Овидій былъ свидѣтелемъ какой нибудь грязной сцены между императоромъ и Юліей, внучкой Августа, женою Эмилія Павла, сосланнаго въ одно время съ Овидіемъ.

Луканъ, авторъ «Фарсаліи» возбудилъ къ себѣ зависть и негодованіе Нерона, также считавшаго себя поэтомъ. Неудовольствіе императора превратилось въ явную немилость послѣ успѣха поэмы «Фарсалія». Луканъ, желая отмстить императору за его презрѣніе, принялъ участіе въ заговорѣ Пизона противъ жизни Нерона и когда замыселъ былъ открытъ, поэтъ, выказавшій также мало твердости духа, какъ и большая часть заговорщиковъ, принужденъ былъ лишить себя жизни,—что и исполнилъ, открывъ себѣ жилы. Онъ умеръ 26-ти лѣтъ. Другой эпическій поэтъ Стацій, несмотря на всю свою лесть Домиціану и его любимцамъ, впалъ въ немилость у императора и, принужденный оставить Римъ, умеръ также въ молодыхъ лѣтахъ. Клавдіанъ, другъ Стиликона, вмѣстѣ съ нимъ впалъ въ немилость императора Гонорія и былъ изгнанъ изъ Рима, когда императоръ убилъ Стиликона. Баснописецъ Федръ былъ рабомъ, отпущеннымъ Августомъ на свободу. Его преслѣдовалъ Сеянъ, но Федръ пережилъ паденіе всесильнаго временщика.

Основателемъ римской литературной прозы былъ человѣкъ, всю жизнь боровшійся за самостоятельное римское развитіе — Маркъ Порцій Катонъ, прозванный старшимъ или цензоромъ. Его обвиняли въ излишней строгости, но только крайнія мѣры могли хоть сколько нибудь обуздать публичную безнравственность римлянъ. Враги сорокъ четыре раза призывали его къ суду, но ни разу не могли найти достаточно причинъ для его осужденія. Онъ былъ грубъ и рѣзокъ въ рѣчахъ, произносимыхъ имъ въ свою защиту, но безупречная справедливость, непоколебимая честность ставили его выше всѣхъ современниковъ. Онъ говорилъ о казнокрадахъ своего времени. «Воры, обокравшіе частныхъ лицъ, проводятъ жизнь въ острогахъ и цѣпяхъ, а общественные воры—въ золотѣ и пурпурѣ». Кай Гракхъ народный трибунъ, погибшій тридцати трехъ лѣтъ жертвою великой идеи—спасти республику радикальными, экономическими и соціальными системами, въ рѣчахъ своихъ также обличалъ произволъ римской аристократіи и продажность римскихъ сановниковъ. Такъ, онъ доказывалъ, въ рѣчи противъ закона о передачѣ Митридату трона Каппадокіи, что тѣ, которые стоятъ за принятіе закона, виновны, потому что Митридатъ подкупилъ ихъ; тѣ, кто противятся закону, также виновны, потому что ихъ подкупилъ соперникъ Митридата, царь Виѳинскій. Виновны даже и тѣ, которые молчатъ, потому что они берутъ деньги съ обоихъ и ихъ обманываютъ. Одинъ изъ историковъ той эпохи Лициній Маркъ убилъ себя послѣ того, какъ Цицеронъ обвинилъ его во взяточничествѣ. Самъ Цицеронъ, открывшій заговоръ Катилины, заставившій демагога своею рѣчью въ сенатѣ удалиться изъ Рима и открыто поднять оружіе противъ правительства, возбудилъ противъ себя множество враговъ. Они обвинили его въ томъ, что онъ безъ суда лишалъ жизни римскихъ гражданъ. Предвидя свое осужде-

ніе, ораторъ, получившій титулъ отца отечества, добровольно удалился изъ Рима въ изгнаніе. Имущество его было конфисковано, домъ на Палатинской горѣ срытъ до основанія, загородныя виллы разграблены и сожжены.

Черезъ годъ тотъ же народъ утвердилъ постановленія сената о возвращеніи Цицерона и ораторъ вернулся въ Римъ съ тріумфомъ. Понимая, что въ борьбѣ съ Цезаремъ онъ будетъ побѣжденъ, Цицеронъ отказался отъ политики и занялся литературой. Послѣ убійства Цезаря онъ помѣшалъ своими рѣчами распутному честолюбцу Антонію захватить въ свои руки единоличную власть. Но Антоній составилъ тріумвиратъ съ Октавіемъ и Лепидомъ и первымъ условіемъ новаго союза было убійство Цицерона, краснорѣчіе котораго было опасно для тирановъ. Ораторъ уже сѣлъ на корабль, чтобы бѣжать въ Грецію, но противнымъ вѣтромъ его прибило снова къ берегамъ Италіи. Солдаты Антонія убили его и отослали его голову и руки къ тріумвиру, который велѣлъ прибить ихъ къ ораторской каѳедрѣ.

Первымъ замѣчательнымъ историкомъ Рима былъ Саллустій. Это хорошій писатель, но безнравственный человѣкъ. Высѣченный плетьми Милономъ за связь съ его женою, онъ возбудилъ противъ него народное волненіе, стоившее жизни многимъ гражданамъ. Цицеронъ обвинялъ его во взяточничествѣ, и цензоры изгнали его изъ сената за явную безнравственность. Цезарь покровительствовалъ ему и назначилъ его проконсуломъ въ Африкѣ. Саллустій въ короткое время такъ ограбилъ всю страну, что даже привыкшія къ грабительству власти въ Римѣ, предали его суду, но Цезарь и тутъ спасъ его, а судьи оправдали. И этотъ порочный писатель въ своихъ сочиненіяхъ упрекаетъ другихъ въ безнравственности и говоритъ напыщеннымъ слогомъ о добродѣтели. Какъ историкъ, онъ замѣчателенъ тѣмъ, что обращаетъ вниманіе не на самыя событія, а на ихъ причины, на характеры дѣятелей и поводы къ ихъ поступкамъ. Уже со временъ Марія и Суллы власть надъ Римомъ принадлежала тому, кто умѣлъ привлечь на свою сторону войско; поэтому званіе полководца (imperator) сдѣлалось синонимомъ самодержца, считавшаго ни во что всѣ республиканскія учрежденія и державшаго народъ въ рабствѣ раздачею хлѣба и спектаклями въ циркѣ. Насильственная смерть перваго императора Цезаря не спасла республики, въ которой было уже очень мало республиканцевъ, т. е. людей, предпочитающихъ общее благо возвышенію одного лица и не видящихъ необходимости ставить надъ людьми, равными между собою, деспота, который можетъ дѣлать съ ними все, что ему вздумается. А такими деспотами, ни чуть не лучше азіатскихъ восточныхъ царей, являлись и всѣ римскіе императоры. Наслѣдникъ власти Цезаря Октавій Августъ, давъ римлянамъ миръ, окружилъ себя учеными, историками, художниками, риторами, фи-

лософами и всего болѣе поэтами, которымъ онъ постоянно покровительствовалъ во все продолженіе своего полувѣкового царствованія. Правда, всѣ эти великіе писатели принадлежали еще временамъ республики, но все-таки развились и прославились въ эпоху самодержавія. Правда, и въ самой литературѣ, какъ въ политикѣ Рима, было много фальшиваго, натянутаго, заключающаго въ себѣ зародыши распаденія. Но все-таки время это было лучшее въ исторіи римской литературы. Бо̀льшею извѣстностью по своему краснорѣчію пользовался Лабіенъ. Когда его сочиненія за свободныя мысли были сожжены по приговору сената, Сенека замѣтилъ, что противъ него было впервые изобрѣтено «небывалое наказаніе, новое и неслыханное дѣло — казнить сочиненіе, наказывать памятники наукъ—какая страшная жестокость!» Лабіенъ самъ убилъ себя на гробахъ своихъ предковъ. Ораторъ Северъ сказалъ по поводу этого же безумнаго приговора сената: «Надо бы и меня сжечь тоже, потому что я знаю сочиненія Лабіена». Северъ производилъ сильное впечатлѣніе смѣлыми выраженіями своихъ рѣчей. Такъ, говоря противъ Фабія Максима, слишкомъ часто употреблявшаго при своей защитѣ слова: какъ бы (quasi), Северъ замѣтилъ: «Ты какъ бы краснорѣчивъ, какъ бы красивъ, какъ бы богатъ, одно только—не какъ бы негодяй». Конецъ Севера былъ печальный. Августъ сослалъ республиканскаго оратора за насмѣшки надъ дворомъ кесаря на островъ Критъ. Тиверій отправилъ его дальше—на цикладскую скалу. Двадцать пять лѣтъ провелъ ораторъ въ ссылкѣ и умеръ въ крайней бѣдности. Сочиненія его были запрещены до временъ Калигулы.

Самый замѣчательный историкъ эпохи Августа Титъ Ливій былъ другомъ Августа, что не мѣшало ему однако высказывать о событіяхъ его времени независимыя мнѣнія, превозносить Помпея и называть Брута и Кассія—великими людьми. Исторія Тита Ливія чисто національное произведеніе. Цѣль ея—прославленіе величія и доблести Рима. Эпоха упадка Рима богата однако замѣчательными прозаическими произведеніями. Особенно во время имперіи явилось множество историческихъ сочиненій. Отъ тяжелаго настоящаго историки охотно обращались къ прошедшему. Светоній трибунъ, преподаватель риторики и граматики, адвокатъ, пользовался расположеніемъ двухъ императоровъ, но былъ отставленъ съ запрещеніемъ являться при дворѣ за непочтеніе къ императрицѣ Сабинѣ, женщинѣ такого невыносимаго характера, о которой самъ мужъ говорилъ, что развелся бы съ нею, если бы не былъ императоромъ. Квинтъ Курцій, Велей Патеркулъ, Флавій Вопискъ, Флоръ и другіе историки этого времени стоятъ значительно ниже Тацита. При Веспасіанѣ, Титѣ и Домиціанѣ онъ занималъ важныя должности и въ своей «Лѣтописи» относится къ своему времени, какъ строгій, но справедливый судья, какъ приверженецъ славной эпохи,

римской свободы и гражданскаго величія. Объ этой эпохѣ онъ говоритъ теплымъ, задушевнымъ тономъ, о своихъ современникахъ— съ насмѣшкою, презрѣніемъ и негодованіемъ. Изложеніе его полно жизни, энергіи; слогъ сжатый, образный. Строгимъ патріотомъ смотритъ онъ на событія. Религіозныя убѣжденія его очень своеобразны. Онъ признаетъ божественную силу въ жизни человѣка, но не отличаетъ ее отъ идеала добродѣтели, присущаго внутреннему сознанію. Чудеса и предсказанія не, имѣютъ никакого основанія. Безсмертія нѣтъ для человѣка. Безсмертны одни его дѣла и слова. Обо всемъ говоритъ онъ безъ любви и ненависти, заботится только о славѣ и процвѣтаніи Рима. Рабы, варвары, христіане, для него безразличны. Онъ слѣдовалъ ученію стоиковъ, но, передавая даже невѣроятные слухи о преступленіяхъ императоровъ, самъ вѣрилъ этимъ слухамъ, и не сомнѣвался въ томъ, что императоры способны на всевозможныя злодѣйства. Вся исторія его высоко-нравственный и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко-художественный протестъ противъ деспотизма — и вотъ почему она производитъ такое сильное впечатлѣніе.

Менѣе всего могла развиться во время имперіи философія. Если писатели вообще были подозрительны, то философы казались просто опасными. Свободомысліе—преступленіе тамъ, гдѣ милліоны подданныхъ должны безмолвно и безропотно подчиняться произволу одного лица. Поэтому, если при первыхъ императорахъ ораторское искусство обратилось въ декламацію, философія перешла въ риторство. Калигула за одну изъ рѣчей Сенеки, произнесенныхъ въ сенатѣ, рѣшился убить философа, опасаясь его краснорѣчія, но не исполнилъ этого потому только, что Сенека по общему убѣжденію долженъ былъ безъ того скоро умереть отъ чахотки. Философъ самъ говорилъ о себѣ: «Надо имѣть много храбрости, чтобы переносить жизнь!» Онъ пережилъ однако Калигулу и былъ сосланъ Клавдіемъ на островъ Корсику, гдѣ провелъ восемь лѣтъ. Въ изгнаніи онъ явился жалкимъ льстецомъ, расточавшимъ передъ императоромъ увѣренія въ преданности, удивленіи ему, поклоненіи. Онъ во прахѣ цѣловалъ руку, покаравшую его и умолялъ о милосердіи божественнаго Клавдія, припадалъ къ стопамъ даже его любимца отпущенника, упрашивая, чтобы тотъ замолвилъ объ немъ передъ кесаремъ. Агриппина вызвала Сенеку изъ изгнанія и поручила ему воспитаніе Нерона. Философъ потворствовалъ всѣмъ порокамъ и преступленіямъ императора, убійству Британника и Агриппины. Когда Неронъ рѣшился убить свою мать, Сенека написалъ въ сенатъ отъ имени императора посланіе, въ которомъ исчислялись всѣ преступленія Агриппины и говорилось, что смерть ея—благодѣяніе для государства. Воспитатель замѣтилъ однако вскорѣ, что царственный воспитанникъ не благоволитъ къ нему и, опасаясь, чтобы его не постигла участь Бурра, умершаго

скоропостижно отъ отравы, просилъ у Нерона позволенія оставить его, передавъ ему все свое состояніе. Императоръ началъ увѣрять, что не можетъ обойтись безъ совѣтовъ друга и учителя, и Сенека по-неволѣ остался при дворѣ, хотя рѣдко появлялся тамъ и жилъ въ своей виллѣ. Два раза Неронъ пытался отравить его, но философъ велъ жизнь аскета, питался одними плодами и пилъ только воду. Когда попытки не удались, Неронъ воспользовался открытіемъ заговора Пизона, привлекъ къ нему философа и послалъ ему приказаніе, чтобы онъ убилъ себя. Сенека вскрылъ себѣ вены на обѣихъ рукахъ, но дряхлое тѣло его, ослабленное діэтой, препятствовало обильному теченію крови и онъ разрѣзалъ еще жилы на ногахъ и колѣняхъ. Страдая жестоко, онъ однако до послѣдней минуты сохранилъ твердость духа, призвалъ писцовъ и продиктовалъ имъ длинную рѣчь. Видя, что смерть все не приходитъ, онъ принялъ ядъ, но напрасно пилъ его—ядъ не дѣйствовалъ уже на охладѣвшіе члены и дряхлое тѣло. Тогда онъ сѣлъ въ теплую ванну и задохнулся въ парахъ.

Представителемъ ученія стоиковъ въ Римѣ былъ Эпиктетъ, фригіецъ, рабъ Эпафродита, любимца Нерона. Изгнанный Домиціаномъ вмѣстѣ съ другими философами изъ Рима, онъ продолжалъ учить философіи въ Никополисѣ. Стоицизмъ Эпиктета ярче всего выразился въ его отношеніяхъ къ Эпафродиту. Господинъ обращался жестоко со своимъ рабомъ, переносившимъ все хладнокровно. Въ припадкѣ гнѣва, осыпая его ударами, Эпафродитъ переломилъ ему ногу. «Вѣдь я говорилъ, что ты можешь переломить ее», замѣтилъ спокойно Эпиктетъ. Философія его чисто нравственная. Счастіе состоитъ въ жизни, согласной съ разсудкомъ, который управляетъ міромъ и предписанія котораго начертаны въ совѣсти каждаго человѣка. Основаніе долга и нравственность находятся въ самой природѣ человѣка. Совершенство этой природы, то есть счастіе, достигается жизнью, отвѣчающею требованіямъ разсудка, независимо отъ всякой надежды на будущую жизнь. Главный двигатель въ жизни—свобода. Тѣхъ же взглядовъ держался и Маркъ Аврелій, признававшій въ человѣкѣ тѣло и духъ. Но духъ этотъ у него чисто матеріальный. Испорченная долгимъ раболѣпствомъ литература послѣднихъ временъ имперіи, создавала и такія произведенія, которыя были запечатлѣны смѣлымъ республиканскимъ характеромъ. Такія лица, представлявшія опозицію императорскому деспотизму, большею частью гибли за свои убѣжденія. Арулена Рустика и Сенеціана казнили за то, что они въ своихъ сочиненіяхъ отзывались съ похвалою о республиканцахъ Тразеѣ Петѣ и Гельвигіѣ. Жена Гельвигія была три раза сослана въ ссылку.

Національный родъ римской литературы—ораторское искусство также окончательно упалъ въ эту эпоху. При господствѣ христіан-

ства онъ переродился въ духовное краснорѣчіе, какъ милетскія сказки превратились въ романъ, представителемъ котораго былъ Петроній, лицо близкое къ Нерону и неуступавшее въ распутствѣ августѣйшему образцу. Тигеллинъ, въ доносѣ на Петронія, оклеветалъ его и романистъ долженъ былъ вскрыть себѣ жилы, описавъ въ своемъ завѣщаніи всѣ ужасы распутства Нерона. Романъ Петронія «Сатириконъ» не представляетъ впрочемъ и десятой доли этихъ ужасовъ. Другой романистъ Апулей былъ скорѣе сатирикомъ. Въ своемъ «Золотомъ ослѣ» онъ смѣется надъ нравами своего вѣка, его пороками и суевѣріемъ. Первые христіане были въ особенности недовольны романомъ Апулея. Августинъ обвинялъ его въ сношеніи съ чертями, а Іеронимъ называетъ его антихристомъ.

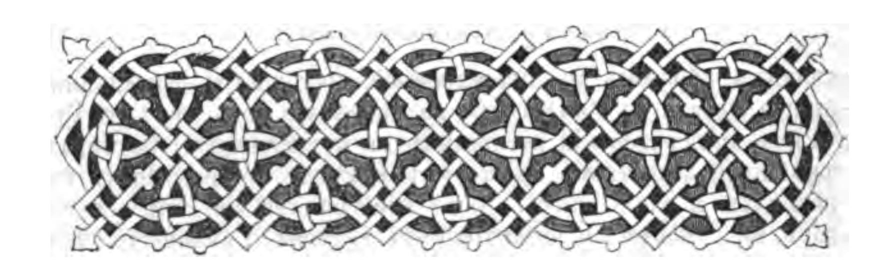
Христіанскіе императоры относились къ литературѣ еще непріязненнѣе языческихъ кесарей. Константинъ и его дѣти строго преслѣдовали памфлеты. Правда, этотъ родъ сочиненія имѣлъ важное значеніе. Такъ, посредствомъ памфлетовъ, распространенныхъ въ мѣстѣ пребыванія двухъ гальскихъ легіоновъ, подняли противъ Констанція эти легіоны, провозгласившіе Юліана императоромъ. О Валенціи и его тестѣ Петроніи было написано столько памфлетовъ, что императоръ приговорилъ къ смерти не только авторовъ такихъ сочиненій, но и тѣхъ, кто осмѣлится ихъ распространять или хранить у себя. Θеодосій повелѣлъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, чтобы тотъ, кому попадется пасквиль, тотчасъ уничтожалъ его и не говорилъ никому о его содержаніи. Одно и то же наказаніе назначалось автору памфлета и распространителю его, если только послѣдній скрывалъ имя автора. Кодексъ Юстиніана лишалъ права распоряжаться своимъ имуществомъ тѣхъ, кто были обвинены въ составленіи пасквилей. При Леонѣ философѣ одинъ изъ его любимцевъ Самонасъ за сатиру противъ императора былъ заключенъ въ монастырь. Алексѣй Комненъ отправилъ въ ссылку сочинителей пасквилей на его жену. Духовная цензура появилась въ самомъ началѣ распространенія христіанства—въ 494 году. На соборѣ въ Римѣ папа Гелазій I составилъ списокъ каноническихъ книгъ и такихъ, которыя были осуждены церковью. Съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства утвердился обычай сжигать книги, признанныя еретическими.

Вліяніе Рима на развитіе мысли было, такимъ образомъ, слабѣе и менѣе плодотворно чѣмъ въ Греціи. Человѣчество не сдѣлало быстрыхъ шаговъ впередъ на пути къ прогресу. Республиканскій Римъ не смягчилъ, а сдѣлалъ невыносимѣе учрежденіе рабства, завѣщанное міру востокомъ. Положеніе раба на Аппенинскомъ полуостровѣ было гораздо тяжелѣе, чѣмъ подъ небомъ Эллады. Установленіе патроната и кліентуры повліяло самымъ раст-

лѣвающимъ образомъ на нравственное достоинство гражданина. Женщина играла въ Римѣ болѣе подчиненную роль чѣмъ въ Греціи. Римъ императорскій воскресилъ въ чудовищныхъ размѣрахъ безграничный деспотизмъ азіатскихъ владыкъ и превзошелъ ихъ въ порокахъ и злодѣяніяхъ. Даже христіанство не смягчило ни нравовъ, ни самовластія византійскихъ кесарей. Гуманность, человѣческое достоинство не признавались ни властителями, ни сословіями. За идею, за нарушенныя, попираемыя права боролись только отдѣльныя, рѣдкія личности. Варварскій міръ, вторгшійся въ среду римскаго міровладычества, окончательно опрокинулъ давно расшатанныя основы его государственнаго устройства, не имѣвшіе между собою никакой прочной связи. Среди падающихъ, одряхлѣвшихъ царствъ, среди вновь возникающихъ національностей и гражданскихъ обществъ, человѣчеству пришлось шагъ за шагомъ отстаивать свои права; но борьба за нихъ за идеи, озарившія новымъ свѣтомъ возникновеніе новыхъ государствъ, была уже значительно плодотворнѣе, чѣмъ въ древнемъ мірѣ и на востокѣ. Особенно выдающимися были проявленія этой борьбы сначала въ самой Италіи, а затѣмъ въ соплеменныхъ ей романскихъ націяхъ. Но исторія борьбы за распространеніе мысли въ средніе вѣка, и потомъ—за свободу слòва и печати—въ эпоху «Возрожденія» слишкомъ обширна и должна составить предметъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Нашею цѣлью было—представить главные фазисы борьбы за существованіе мысли въ древнемъ мірѣ и на Востокѣ.

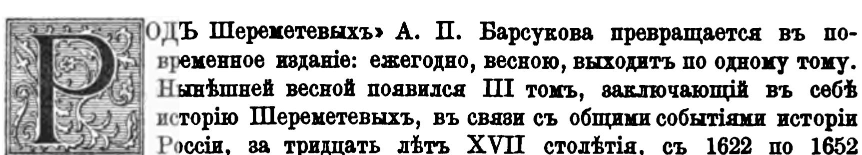
Вл. Зотовъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

А. П. Барсуковъ.—Родъ Шереметевыхъ, кн. III-я. Спб., 1883 г., съ приложеніемъ чертежа Москвы XVII вѣка, двухъ картинъ и 7-ми снимковъ съ старинныхъ актовъ.

РОДЪ Шереметевыхъ» А. П. Барсукова превращается въ повременное изданіе: ежегодно, весною, выходитъ по одному тому. Нынѣшней весной появился III томъ, заключающій въ себѣ исторію Шереметевыхъ, въ связи съ общими событіями исторіи Россіи, за тридцать лѣтъ XVII столѣтія, съ 1622 по 1652 годъ. Эти тридцать лѣтъ принадлежатъ къ любопытнѣйшимъ и мало изслѣдованнымъ годамъ въ русской исторіи. Это — года соправленія царя Михаила Ѳеодоровича Романова съ его отцемъ, «великимъ государемъ» патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, и первая пора царствованія «тишайшаго» Алексѣя Михайловича. Филаретъ Никитичъ, по словамъ одного современнаго хронографа, «таковъ былъ, яко и самому царю боятися его; бояръ же и всякаго чина царскаго синклита зело томяше заточенми необратными и инѣми наказанми». Крутое правленіе этого сильника, по мѣткому выраженію того же современника, продолжалось одиннадцать лѣтъ (1622—1633 г.). Слабохарактерный Михаилъ Ѳеодоровичъ, по смерти отца, невольно подпалъ подъ вліяніе окружающихъ его бояръ, среди которыхъ первенствующее мѣсто занималъ его родственникъ, такъ много сдѣлавшій для него при воцареніи, — Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, свѣдѣнія о которомъ занимаютъ большую часть разсматриваемой книги. Первые семь лѣтъ правленія царя Алексѣя Михайловича весьма знаменательны. Въ эти года подъ временщичьимъ гнетомъ Морозова и Милославскихъ волновался народъ, лучшими людьми создавалось «Уложеніе», а въ темныхъ слояхъ общества и народа

уже проявлялись тѣ антикультурные элементы, которые вскорѣ сформировались въ такъ называемый расколъ старообрядства.

Съ каждымъ новымъ томомъ интересъ «Рода Шереметевыхъ» все болѣе и болѣе возрастаетъ, потому что исторія Шереметевыхъ вступаетъ постепенно въ тѣ эпохи, отъ которыхъ мы имѣемъ болѣе фактическихъ данныхъ и въ которыя Шереметевы начинаютъ играть выдающуюся политическую роль. Съ особымъ удовольствіемъ предвидимъ мы въ будущемъ цѣлую серію томовъ «Рода Шереметевыхъ», которая будетъ очень цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. Исторія общества у насъ начинаетъ только разрабатываться, а ея разработка немыслима безъ подробнаго біографическаго изученія отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей и цѣлой группы ихъ. Одной изъ такихъ группъ является семья и совокупность семей—родъ. Поэтому изученіе исторіи отдѣльныхъ семей, родовъ, фамилій, становится необходимой предварительной работой при изученіи исторіи общества.

Въ рецензіяхъ на первые два тома «Рода Шереметевыхъ» мы касались общихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ этой фамильной исторіей потому, что личности Шереметевыхъ до XVII вѣка являлись за недостаткомъ историческаго матеріала въ довольно тускломъ свѣтѣ. Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о важнѣйшихъ представителяхъ этого рода въ первой половинѣ XVII вѣка.

Общественная дѣятельность Θеодора Ивановича Шереметева въ смутное время и при царѣ Михаилѣ достаточно убѣдительно доказываетъ, что этотъ человѣкъ не былъ себялюбивымъ временщикомъ-эгоистомъ, а напротивъ заботился объ интересахъ всей Земли, будучи послушенъ голосу земскаго собора. Кротость правленія царя Михаила, отмѣченная современниками и превознесенная потомствомъ, выразилась главнымъ образомъ въ послѣдніе годы его царствованія, т. е. именно тогда, когда во главѣ государственнаго правленія стоялъ Θедоръ Ивановичъ Шереметевъ. Съ Филаретомъ Никитичемъ, прежнимъ своимъ пріятелемъ, онъ разошелся вскорѣ послѣ того какъ «великій государь—патріархъ» всецѣло присвоилъ власть одному себѣ; съ его женой, матерью царя Михаила, «великою старицею» Марθою Ивановною, деспотически распоряжавшеюся личною и семейною жизнію своего сына, — Θеодоръ Ивановичъ Шереметевъ также не ладилъ. Онъ преслѣдовалъ ея родственниковъ, „припадочныхъ людей» Салтыковыхъ, старался выгородить отъ напрасныхъ навѣтовъ несчастную невѣсту царя Михаила Марію Хлопову и обвѣнчать ее съ царемъ, вопреки противодѣйствію «великой старицы». Θеодоръ Ивановичъ не могъ устроить этого брака, но за то ему удалось вскорѣ женить царя Михаила на бѣдной дворянкѣ Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой, бывшей, по преданію, сѣнной дѣвушкой во дворѣ Θеодора Ивановича Шереметева. Это случилось еще при жизни Филарета Никитича, и, конечно, способствовало большему вліянію на царя Михаила со стороны Шереметева. Θеодору Ивановичу было не легко стоять во главѣ правительства. Раскаты смутнаго времени еще не заглохли окончательно во все правленіе Михаила Θеодоровича. Въ 1634 году Шереметеву удалось съ большими территоріальными пожертвованіями заключить миръ съ Польшей, добившись у Владислава отреченія отъ притязаній на московскій престолъ и отъ титула «Царя Московскаго и всея Руси», а черезъ десять лѣтъ, въ 1644 году, разнеслась вѣсть о новомъ самозванцѣ, полякѣ Лубѣ, выдававшемъ себя за сына перваго Лжедимитрія. Θеодоръ Ивановичъ Шереметевъ пережилъ царя Михаила пятью

годами. Онъ умеръ въ 1650 году, 78 лѣтъ отъ роду, постригшись передъ смертью въ монахи съ именемъ Ѳеодосія. Въ первые года новаго царствованія престарѣлый вельможа не игралъ первенствующей роли. Ее занялъ воспитатель и наперсникъ 16-ти-лѣтняго царя Алексѣя—Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Кромѣ Ѳеодора Ивановича при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ играютъ видную роль сыновья Петра Никитича Шереметева, также дѣятели смутнаго времени. Петръ Никитичъ по женѣ состоялъ въ родствѣ съ княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ и съ Нагими. Онъ былъ противникомъ царя Василія Ивановича Шуйскаго и организовалъ заговоръ противъ него въ пользу своего свояка, князя Мстиславскаго. Его сыновья: Иванъ, Василій и Борисъ Петровичи для казанцевъ имѣютъ особый интересъ. Иванъ Петровичъ Шереметевъ былъ воеводою въ Казани (1636 г.), Василій Петровичъ воеводствовалъ въ Свіяжскѣ (1623—1624 гг.), въ Нижнемъ (1636 г.) и также въ Казани (1648 — 1649 гг.), Борисъ Петровичъ былъ воеводою въ Свіяжскѣ (въ 1634—1635 гг.). Большая часть государственной дѣятельности двухъ послѣднихъ Шереметевыхъ, а равно и сыновей какъ ихъ, такъ и старшаго ихъ брата Ивана Васильевича, относится къ царствованію Алексѣя Михайловича. При немъ Шереметевы, впрочемъ, не являются столь близкими людьми къ царю, какъ при отцѣ его Михаилѣ. Ихъ оттираютъ отъ царя Морозовъ и Милославскіе.

Лучшіе изъ Шереметевыхъ XVII вѣка являются весьма симпатичными представителями московскаго боярства того времени. Близко принимая къ сердцу государственныя и общенародныя нужды, эти Шереметевы не стремятся во чтò бы-то ни стало возвыситься, выдвинуться впередъ и не злоупотребляютъ довѣріемъ верховной власти: сама жизнь, сила обстоятельствъ, вноситъ ихъ, какъ напримѣръ Ѳеодора Ивановича, на первое въ государствѣ мѣсто, которое онъ занималъ съ честію. Изъ фактовъ, собранныхъ А. П. Барсуковымъ, видно также, что по своей образованности лучшіе изъ Шереметевыхъ XVII вѣка принадлежали къ той группѣ московскихъ бояръ, которая стремилась къ сближенію Россіи съ Европой еще до Петра Великаго. Такъ напримѣръ, Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, при своихъ частыхъ дипломатическихъ переговорахъ съ поляками, шведами, датчанами, нѣмцами,—заслужилъ ихъ расположеніе, а управляя приказами Иноземскимъ и Аптекарскимъ, привлекалъ иноземцевъ въ русскую службу и являлся ихъ покровителемъ и былъ сторонникомъ принципа вѣротерпимости и свободы совѣсти. Извѣстный Олеарій передаетъ о привѣтливости и ласковости къ голштинскому посольству Ѳеодора Ивановича Шереметева и воеводъ — нижегородскаго, Василія Петровича и казанскаго, Ивана Петровича. Василій Петровичъ Шереметевъ брилъ бороду, за что былъ жестоко охуляемъ извѣстнымъ расколоучителемъ, протопопомъ Аввакумомъ. Дочь этого Василія Петровича вышла замужъ за иностранца, князя Льва Александровича Шлякова-Чешскаго.

III томъ «Рода Шереметевыхъ» изобилуетъ интересными бытовыми и нравоописательными подробностями изъ жизни московскаго общества XVII вѣка. Исторія несчастной невѣсты царя Михаила, Маріи Хлоповой, разсказана здѣсь съ новыми и интересными эпизодами. Царскіе свадьбы, крестины, похороны, обѣды и «походы» на богомолье, пріемы пословъ, посольскіе съѣзды и переговоры, мѣстническіе счеты и т. д. — однимъ словомъ весь этотъ своеобразный складъ московской придворной жизни, пред-

ставляющійся въ извѣстномъ трудѣ И. Е. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ XVI и XVII вѣковъ» мастерской археологической мозаикой, оживаетъ въ книгѣ А. П. Барсукова. Читатель имѣетъ передъ глазами не описаніе этого склада жизни, а изложеніе дѣйствій того или другаго изъ Шереметевыхъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ перечисленныхъ церемоніалахъ московскаго двора XVII вѣка. Передъ читателемъ движутся живые люди, совершаются «дѣйства» въ бытовой археологической обстановкѣ; онъ какъ бы самъ присутствуетъ при этомъ отживающимъ свой вѣкъ московскомъ придворномъ обиходѣ. Для археологіи и исторіи частнаго быта XVII вѣка весьма важны подробныя описанія шереметьевскихъ вотчинъ, домовъ, вещей, изложеніе ихъ хозяйственныхъ и домашнихъ распоряженій. Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ приложенный къ книгѣ «буквальный текстъ духовной и изустной памяти боярина Ѳеодора Ивановича Шереметева», занимающій 33 печатныхъ страницы. Весьма любопытны также въ археолого-бытовомъ отношеніи и нѣкоторыя другія приложенія, а именно: чертежъ города Москвы, составленный въ первой четверти XVII вѣка и отпечатанный въ Амстердамѣ, изображенія брачнаго сѣнника царя Михаила Ѳеодоровича и царицы Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой и брачнаго пира ихъ въ Грановитой палатѣ.

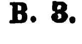
Настоящій томъ заканчивается извѣстіемъ о рожденіи въ 1652 году у стольника Петра Васильевича Шереметева сына Бориса. Этотъ Борисъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ впослѣдствіи «птенцовъ гнѣзда Петрова», фельдмаршалъ его войскъ, организованныхъ по западно-европейскому образцу — графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Его продолжительная и многотрудная дѣятельность стоитъ на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ русской исторической жизни. Нельзя не пожалѣть, что почтенный историкъ Шереметевыхъ излагаетъ ихъ исторію хронологически, а не біографически. Читателю довольно трудно оріентироваться въ событіяхъ изъ жизни каждаго отдѣльнаго Шереметева, и это затрудненіе увеличивается по мѣрѣ того, какъ самобытнѣе и крупнѣе являются самыя личности. Обильная событіями жизнь Бориса Петровича по примѣру прежнихъ томовъ будетъ разсказана вперемежку съ фактами изъ жизни многихъ его сородичей — современниковъ, иной разъ очень мелкими и маловажными, и цѣльность впечатлѣнія которую долженъ по себѣ оставить въ читателѣ рельефный образъ перваго русскаго графа неизбѣжно утратится.

Д. К—въ.

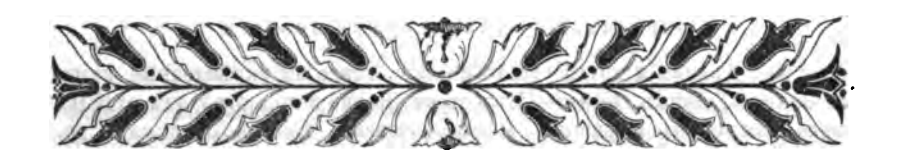
Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ VI. Трактаты съ Германіею 1762—1880 гг. Спб. 1883.

Русское министерство иностранныхъ дѣлъ, десять лѣтъ тому назадъ, поручило профессору петербургскаго университета, извѣстному знатоку международнаго права, Ф. Ф. Мартенсу, издать въ свѣтъ оффиціальные документы нашихъ сношеній съ западной Европой. Трудъ этотъ, важный для историка и дипломата, началъ выходить въ 1874 году, подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Первый томъ заключалъ въ себѣ трактаты съ Австріею съ 1648 по 1762 годъ. Слѣдующіе три тома, появившіеся въ 1875, 1876 и 1878 го-

дахъ, составляли продолженіе трактатовъ съ этою державою, начиная съ 1772 года и въ 1808, 1815, 1849 и 1878 году. Въ V томѣ, вышедшемъ въ 1880 году, находились трактаты съ Пруссіей съ 1656 по 1762 годъ. Нынѣ изданный томъ составляетъ такимъ образомъ продолженіе пятаго. Какъ всѣ прежніе томы—шестой напечатанъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, въ два столбца, texte en regard. Изданіе отличается тою же добросовѣстностью и тщательностью, какъ и всѣ прежніе труды почтеннаго профессора. Въ этомъ томѣ помѣщены 34 дипломатическихъ документа (съ № 218 по 251) и, сверхъ того, въ приложеніи, три акта Павла I, которые нельзя собственно назвать международными трактатами: именно объ уступкѣ имъ еще въ 1773 году своихъ правъ на графство ольденбургское и дельменгорстское герцогу и епископу любскому Фридриху Августу; актъ 1777 года отъ имени цесаревича, въ качествѣ герцога шлезвиг-голштинскаго, относительно притязаній младшей линіи голштейн-готторпскаго дома, наконецъ мюнхенскій трактатъ 1799 года, заключенный Павломъ I въ качествѣ гросмейстера мальтійскаго ордена съ курфюрстомъ баваро-пфальцскимъ. Документы, помѣщенные въ этомъ томѣ, отличаются особымъ интересомъ, такъ какъ большая часть ихъ относится къ раздѣлу Польши, а послѣдняя часть къ конвенціямъ противъ Наполеона. Каждому акту, г. Мартенсъ предпосылаетъ историческое введеніе, объясняющее поводы къ составленію акта, его значеніе, дипломатическіе переговоры, предшествовавшіе его заключенію и т. п. И во введеніи и въ самыхъ актахъ встрѣчаются факты мало извѣстные, но весьма характеристичные и поучительные. Такъ, изъ конвенціи первыхъ годовъ царствованія Александра I мы узнаемъ, что петербургскій дворъ неутомимо изобрѣталъ всякія средства, которыя могли бы заставить Пруссію вступить въ коалицію противъ Франціи. Пруссія честно держалась базельскаго трактата, заключеннаго ею въ 1795 году, и низачто не хотѣла возобновлять войны. Фридрихъ Вильгельмъ III, не смотря на тѣсную дружбу съ Александромъ I, не выходилъ изъ пасивнаго положенія, опасаясь для себя и своей страны печальныхъ послѣдствій столкновенія съ Наполеономъ. Когда же опасенія оправдались и Пруссія была разбита, личныя отношенія прусскаго короля съ русскимъ императоромъ приняли совершенно особенный характеръ и Фридрихъ Вильгельмъ имѣлъ полное право возложить всѣ надежды на Александра I въ виду угрозъ Наполеона. Съ особенно тяжелымъ чувствомъ читаются акты о раздѣлѣ Польши, который знаменитый историкъ назвалъ не только проступкомъ, но и величайшей политической ошибкой. Любопытны также факты, относящіеся къ учрежденію вооруженнаго нейтралитета, къ дипломатическимъ сношеніямъ съ Пруссіею въ царствованіе преемниковъ Фридриха II; да и вообще вся книга, составленная г. Мартенсомъ, читается съ большимъ интересомъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Брошюры добрыхъ сосѣдей. — Планы будущей войны съ Россіей. — Можемъ ли мы успѣшно бороться съ пруссаками и австрійцами? — Сельско-хозяйственныя учрежденія Россіи и другихъ державъ. — Аристократическій соціализмъ. — Брошюры о Бисмаркѣ. — Никѣмъ не понимаемый канцлеръ-страдалецъ. — Поэма о Бисмаркѣ. — Государственный дѣятель, композиторъ и политико-экономистъ. — Настоящій первый министръ свободнаго государства. — Характеристика Гладстона. — Вымирающая аристократія. — Французскія брошюры о злобахъ дня. — Александръ Дюма и депутатъ Риве о правахъ незаконнорожденныхъ. — Вопросъ о литературной собственности. — Новое сочиненіе Дидеро, найденное въ Петербургѣ, въ императорской библіотекѣ. — Мнѣніе энциклопедиста о роскоши. — Что такое терпимость. — Какъ въ наше время смотрятъ на истины, высказанныя сто десять лѣтъ назадъ. — Статья о Пушкинѣ англійскаго писателя.

ОБРЫЕ сосѣди наши продолжаютъ, по прежнему, заниматься Россіей. Еще въ началѣ весны, въ спеціальномъ французскомъ изданіи «Journal des siences militaires» появилась статья маіора Z* и, возбудивъ вниманіе военныхъ, вышла отдѣльной брошюрой, подъ названіемъ «L'Allemagne en face de la Russie». Объ этой брошюрѣ газеты наши отозвались вскользь, военныя изданія свысока, но у сосѣдей нашихъ она вышла уже вторымъ изданіемъ, съ картою западной границы Россіи, подъ болѣе обобщеннымъ заглавіемъ: «Германія и Россія— французское воззрѣніе на будущую нѣмецко-русскую войну» (Deutschland und Russland. Französische Anschaungs uber den deutsch-russischen Zukunftkriegs). Переводчикъ также скрылъ свое имя подъ тремя первыми буквами азбуки и въ предисловіи говоритъ только, что оставилъ безъ исправленія неточности и искаженія (Entstellungen) французскаго автора, относящіяся до Германіи, такъ какъ они и безъ того ясны для нѣмецкаго читателя. Но не точныя сужденія, по отношенію къ Россіи, переводчикъ, конечно, не счелъ нужнымъ опровергать. А между тѣмъ, брошюра, составленная обстоятельно по отношенію къ перечисленію военныхъ силъ и средствъ обоихъ противниковъ, заключающая въ себѣ цифровыя, статистическія данныя объ экономическомъ, торговомъ и финансовомъ положеніи Россіи, Германіи и Франціи, приходитъ къ слѣдующему заключительному выводу: въ войнѣ съ Германіей, пруссаки, вслѣдствіе полной готовности мобилизировать и концентрировать свои войска, быстро займутъ Польшу, ея ничтожныя крѣпостцы, какъ Плоцкъ, Калишъ,

Ченстохово, Раховъ и другіе стратегическіе, вовсе не укрѣпленные пункты, какъ Замость, Луцкъ, Ковель, Бѣлостокъ, Ковно и пр., отрядятъ отдѣльные корпуса для осады Варшавы, Новогеоргіевска, Брестъ-Литовска и др., а когда русскіе соберутся, наконецъ, съ силами, нѣмцевъ трудно уже будетъ выбить изъ занятыхъ ими позицій. Если же участіе въ войнѣ приметъ и Австрія, то наступательная война для русскихъ будетъ просто немыслима. Австрійцы вторгнутся въ Волынь, Подолію и Бессарабію, возьмутъ Дубно, Каменецъ-Подольскъ, Тирасполь и др. и будутъ угрожать Кіеву, Николаеву, Одессѣ. Такимъ образомъ, Польша, непріязненно относящаяся ко всему русскому и съ ея 1.300,000 жителей, расположенныхъ къ нѣмцамъ (deutschgesinnte), сдѣлается ихъ легкою добычей. Россія можетъ мобилизировать и собирать свои войска только за линіею Двины и Днѣпра, и развѣ авангардъ ея будетъ пробовать удержаться на линіи Нѣмана. Таковы французскія воззрѣнія на войну, раздѣляемыя, вѣроятно, и нѣмцами. Тѣ и другіе, можетъ быть, и не безъ основанія судятъ о слабости нашихъ крѣпостей на западной границѣ, о недостаткахъ военныхъ силъ, но принимаютъ ли они въ разсчетъ духъ нашего народа, его особенности и свойства, его выносливость, стойкость, презрѣніе опасностей, равнодушное отношеніе къ нимъ и къ самой смерти. Если одинъ Севастополь, также плохо укрѣпленный при началѣ осады, чуть не годъ отбивался отъ армій четырехъ державъ, если недавно еще на Шипкѣ ничтожный отрядъ отразилъ отчаянныя нападенія безчисленныхъ полчищъ фанатизированныхъ турокъ, если, наконецъ, эти же турки съумѣли пять мѣсяцевъ отстаивать вовсе не укрѣпленную сначала Плевну противъ втрое сильнѣйшей арміи, то неужели русскіе будутъ смотрѣть сложа руки, какъ нѣмцы станутъ брать крѣпость за крѣпостью, городъ за городомъ? Развѣ въ войнѣ все рѣшаетъ одна слѣпая, стихійная сила? Развѣ битвы на своей землѣ, защита своего очага, своихъ братьевъ — не удвоиваютъ народную мощь? Брошюра, можетъ быть, приводитъ и вѣрныя цифры, но не мертвыя цифры рѣшаютъ участь живыхъ людей. Къ тому же французскій маіоръ не говоритъ ничего новаго по отношенію къ своему сюжету. Еще прежде его, въ 1880 году, какой-то нѣмецъ, подъ псевдонимомъ Сармата (Sarmaticus) издалъ довольно объемистое сочиненіе «военно-географическій этюдъ» польскій театръ войны (Der polnische Kriegsschauplatz). Въ первой части этого серьезнаго труда, авторъ разсматриваетъ военныя операціи на сѣверѣ Польши, во второй—на югѣ, въ трехъ предположеніяхъ: одновременной войны Германіи съ Россіей и Франціей, войны одной Россіи съ Германіей, наконецъ, войны Германіи и Австріи противъ Россіи. Но Сарматъ, несмотря на неутѣшительные выводы для насъ, не произноситъ такихъ безаппеляціонныхъ приговоровъ, какъ французскій маіоръ съ своимъ нѣмецкимъ собратомъ, и во многихъ отношеніяхъ прямѣе смотритъ на дѣло. Такъ, несмотря на доказываемое цифрами продолжающееся онѣмеченіе Польши, Сарматъ, все-таки, сознаетъ, что полякъ гораздо больше ненавидитъ нѣмца и даже предпочитаетъ русскій кнутъ нѣмецкой гуманности. Стало быть вопросъ о томъ, каковъ будетъ исходъ и даже ходъ войны нельзя рѣшить на основаніи только однихъ теоретическихъ соображеній.

— Свѣдѣнія объ общинныхъ и мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ Соединенныхъ Штатовъ, Канады, Россіи, Китая, Индіи, Румыніи, Сербіи и Англіи сообщаетъ д-ръ Рудольфъ Мейеръ въ сочиненіи: «Heimstätten und andere Wirthschaftsgesetze der Vereinigten Staaten, von Kanada,

Russland, China, Indien, Rumänien, Serbien und England». Извѣстно, что консерваторы нынѣшняго австрійскаго парламента, вдохновленные, вѣроятно, государственнымъ соціализмомъ Бисмарка, представили также законопроекты, отзывающіеся соціалистскими тенденціями, съ разрѣшенія полицейско-бюрократическихъ властей. Рудольфъ Мейеръ тоже своего рода соціалистъ-ультрамонтанъ, соціалистъ-аристократъ, и его ученіе было на-руку австрійскимъ феодаламъ и ретроградамъ. Но въ земельномъ вопросѣ онъ стоитъ не за крупное землевладѣніе и маіоратство, и въ своемъ сочиненіи отказывается отъ солидарности съ консерваторами. Религія не можетъ разрѣшить соціальнаго вопроса. Устранить недоразумѣнія между трудомъ и капиталомъ можетъ только свобода и образованіе. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Швейцаріи рабочіе образованы и пользуются широкой свободой, и потому не стремятся къ соціализму, въ Бельгіи они свободны, но необразованы, въ Германіи образованы, но не свободны, и потому тѣ и другіе заражены революціонными стремленіями. За эту книгу автора ея консерваторы считаютъ ренегатомъ, тогда какъ его соціализмъ все же лучше бисмарковскаго.

— Послѣ Россіи нѣмцы болѣе всего пишутъ о человѣкѣ, которому, основательно или нѣтъ, приписываютъ враждебные замыслы противъ нашего отечества, и который, во всякомъ случаѣ, направляетъ къ своимъ цѣлямъ какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю политику Германіи, часто не принимая въ разсчетъ ни желаній страны, выражаемыхъ въ парламентѣ ея представителями, ни личныхъ симпатій престарѣлаго императора. На дняхъ вышла замѣчательная характеристика германскаго канцлера, озаглавленная «Бисмаркъ послѣ войны» (Bismark nach dem Kriege). Это, конечно, панегирикъ, и цѣль анонимнаго автора состоитъ въ оправданіи канцлера во всѣхъ его столкновеніяхъ, разсказанныхъ въ пяти отдѣлахъ брошюры: «Бисмаркъ и и Римъ, Бисмаркъ и соціальная демократія, Бисмаркъ и учредительская горячка, Бисмаркъ и его личныя столкновенія, Бисмаркъ и политическія партіи». Изъ этого перечня видно, что брошюра — полное оправданіе всей внутренней политики канцлера, о внѣшней и говорить нечего: превосходство ея даже не можетъ быть оспариваемо. Во всѣхъ стремленіяхъ бисмарковской политики, явно противорѣчащихъ одно другому, смотря по времени, въ какое проявлялись эти стремленія, авторъ видитъ логическую, хотя и не для всѣхъ понятную, послѣдовательность. Во всѣхъ сношеніяхъ съ политическими партіями и дѣятелями, канцлеръ всегда былъ консерваторомъ—это вѣрно; но утверждать, что онъ никогда не измѣнялъ союзу ни съ одной партіей и разрывалъ связи съ прежними своими сотрудниками и товарищами, жертвуя своимъ личнымъ чувствомъ и руководясь только государственнымъ интересомъ—объяснять всѣ анти-конституціонныя выходки Бисмарка требованіемъ времени, которое ставитъ ему новыя задачи—значитъ предполагать, что читатели вовсе незнакомы съ событіями современной политики, а желаніе автора представить Бисмарка какимъ-то непорочнымъ, всѣми покинутымъ, никѣмъ не понимаемымъ страдальцемъ за свои великія идеи и убѣжденія—можетъ возбудить только улыбку.

— Вторая брошюра «Князю Бисмарку, увѣщанія честнаго друга» (An Fürst Bismarck Mahnwort eines ehrlichen Freundes) воспѣваетъ Бисмарка не въ панегирическомъ тонѣ, а указываетъ и на его ошибки и увлеченія. Мы говоримъ «воспѣваетъ», потому, что брошюра написана стихами. Какъ ни странно излагать въ стихахъ борьбу канцлера сначала съ клерикалами, потомъ съ либералами, но пятистопный, нериемованный ямбъ брошюры въ

4,500 стиховъ довольно гладокъ и читается легко. Бисмаркъ восхваляется за то, что онъ пробудилъ отъ вѣкового сна Германію, эту заколдованную Валкирію, что онъ хочетъ быть ея спасителемъ и что онъ лучшій другъ императора, а не Валленштейнъ (еще бы!). Стихи, конечно, проникнуты ультра-патріотическимъ духомъ и въ нихъ на разные лады повторяется главная мысль брошюры: «И вездѣ, гдѣ звучитъ нѣмецкій говоръ, тамъ твоя родина, ты великій, нѣмецкій народъ».

Und überall, wo deutsche Laute klingen,
Da ist dein Heim, du, grosses, deutsches Volk!

— Третье, довольно обширное сочиненіе, въ 400 страницъ, посвящено не одному Бисмарку, а тремъ выдающимся личностямъ нашего времени: Бисмарку, Вагнеру и Родбертусу (Bismark, Wagner, Rodbertus, drei deutsche Meister, Betrachtungen über ihr Wirken und die Zukumft ihrer Werke). Прежде всего въ этой книгѣ поражаетъ странность сопоставленія лицъ, дѣйствовавшихъ на совершенно различныхъ поприщахъ. Основная идея книги слѣдующая: Бисмаркъ объединилъ Германію и положилъ основаніе новой Германской имперіи. То, что сдѣлалъ канцлеръ въ области политики, Рихардъ Вагнеръ сдѣлалъ въ области музыкальнаго искусства. Но политическое объединеніе, также какъ и новое искусство въ Германіи, нуждаются въ прочномъ основаніи, въ экономическомъ благосостояніи страны. Это благосостояніе можетъ дать ей только осуществленіе ученія Родбертуса, величайшаго изъ современныхъ экономистовъ. Поэтому, изложивъ въ краткомъ очеркѣ значеніе и заслуги Бисмарка — причемъ въ его экономическомъ ученіи авторъ, Моринъ Виртъ, видитъ даже вредъ для Германіи—Виртъ даетъ больше мѣста оцѣнкѣ заслугъ Вагнера, и затѣмъ бóльшую часть своей книги посвящаетъ изложенію доктринъ Родбертуса. Здѣсь онъ трактуетъ и о причинахъ паденія Римской имперіи, преимущественно экономическихъ, и объ основныхъ соціальныхъ началахъ, и о современномъ устройствѣ Германскаго государства. Ходъ изложенія книги прерывается трактатомъ какого-то Макса Шипеля: о современныхъ бѣдствіяхъ и избыткѣ населенія. Разсматривая причины того и другого, распредѣленіе національныхъ цѣнностей между рабочимъ и капиталистическимъ классомъ общества, Шипель ищетъ средствъ противъ чрезмѣрнаго возростанія населенія, не признаетъ пользы колоній и выселеній, возстаетъ даже противъ принципа свободной торговли, и видитъ основаніе истиннаго народнаго хозяйства въ соціальной реформѣ Родбертуса. Въ заключеніе авторъ снова группируетъ три лица, о которыхъ онъ написалъ цѣлую книгу, говоритъ о міровомъ значеніи цезаризма, о томъ, что Германская имперія призвана къ тому, чтобы осуществить его. Современной политической экономіи авторъ предсказываетъ близкій конецъ, и находитъ, что Родбертусъ довершитъ трудъ Бисмарка, а міровоззрѣніе Вагнера получитъ въ будущемъ полное развитіе въ ученіи этого экономиста. Все это, конечно, туманно, натянуто, изысканно, и нѣсколько вѣрныхъ мыслей, остроумныхъ сближеній, справедливыхъ замѣтокъ, не выкупаютъ вычурности цѣлаго сочиненія, въ которомъ хорошо только то, что Родбертусъ поставленъ выше Бисмарка.

— Исторія съ большимъ уваженіемъ отзовется, конечно, о главѣ правленія другого государства, въ теченіи долгой жизни никогда не измѣнявшемъ гуманнымъ и либеральнымъ принципамъ. Въ послѣднихъ нумерахъ журнала «Temple Bar» Бринслей Ричардсъ помѣстилъ рядъ замѣчательныхъ

этюдовъ о Гладстонѣ. Вышедшіе до сихъ поръ очерки рисуютъ только молодость этого великаго человѣка. Гладстонъ въ Итонѣ, въ Оксфордѣ, и начало его политической дѣятельности — таково содержаніе этихъ статей. Въ нихъ очень интересны подробности университетской жизни будущаго перваго министра. Еще въ Итонѣ, онъ считался лучшимъ ученикомъ, и издавалъ рукописный журналъ. Въ Оксфордѣ онъ сдѣлался главою студенческаго кружка, на преніяхъ котораго выказывалъ большое краснорѣчіе и силу аргументаціи. Членомъ перламента онъ былъ избранъ партіею тори, къ которой принадлежалъ въ молодости. Онъ и тогда твердо отстаивалъ свои убѣжденія и, сдѣлавшись министромъ, съ трудомъ измѣнялъ самую незначительную статью, изъ приготовленнаго имъ билля, считая всякую уступку побѣдой лжи надъ истиною. Ни полу-добра, ни полу-правды, онъ никогда не признавалъ, и всегда былъ сторонникомъ рѣшительныхъ мѣръ. Когда противъ него возставало большинство парламента, его огорчалъ не фактъ пораженія, но невозможность убѣдить другихъ въ правотѣ своихъ идей. Если аргументы противника казались ему правильными, онъ всегда честно признавалъ себя побѣжденнымъ. Этою любовью къ истинѣ объясняется превращеніе его изъ тори въ самаго либеральнаго министра, когда-либо бывшаго въ Англіи. Онъ самъ говоритъ, что причиной его консерватизма въ молодости было его оксфордское воспитаніе. «Я не могъ научиться въ Оксфордѣ тому, чему научила меня впослѣдствіи жизнь: цѣнить какъ слѣдуетъ драгоцѣнный и непоколебимый принципъ свободы человѣка, потому что въ университетѣ на свободу смотрѣли со страхомъ и опасеніемъ, какъ смотрятъ консерваторы на народъ, тогда какъ либералы питаютъ къ народу довѣріе. Я стою за увеличеніе народныхъ правъ, и расширеніе конституціи». Гладстонъ любилъ и повеселится въ молодости, но не принималъ только участія въ кутежахъ, занимался постоянно и усердно, хотя никогда не проводилъ ночей за ученьемъ, и оттого сохранилъ замѣчательное здоровье, позволяющее ему работать теперь на пользу своей родины дѣятельнѣе всякаго молодого человѣка, несмотря на его 74 года.

— Гладстонъ, какъ извѣстно, сынъ шотландскаго купца, сначала разворившагося, потомъ нажившаго огромное состояніе торговлею съ Остъ-Индіей въ Ливерпулѣ, гдѣ и родился будущій первый министръ, не принадлежащій къ англійской аристократіи. Англія все еще гордится этою аристократіею, хотя она давно уже вымираетъ. Это неоспоримыми фактами доказано въ новомъ, дополненномъ изданіи книги Бернарда Борке «Исторія вакантныхъ, угасшихъ, выморочныхъ и прекратившихся перствъ британской имперіи (History of the dormant, obeyant, forfeited and extinct peerages of the British Empire). Авторъ этого замѣчательнаго сочиненія говоритъ, что самые знаменитые англійскіе роды совершенно прекратились. Такъ, изъ числа 20 графовъ, созданныхъ Вильгельмомъ Завоевателемъ, не осталось въ живыхъ ни одного; то же можно сказать о перахъ Вильгельма Рыжаго, Генриха I, Стефана, Генриха II, Ричарда I и Іоанна; но всего быстрѣе было вымираніе англійской аристократіи въ послѣднее время. Въ царствованіе Викторіи уничтожилось болѣе ста титуловъ и въ томъ числѣ такіе, какъ Эгремонтъ, Корнваллисъ, Дорсетъ, Плимутъ, Мельборнъ, Пальмерстонъ и проч. Даже новые титулы прекратились за смертью лицъ, которымъ они пожалованы, какъ Маколей, Линдгорстъ, Биконсфильдъ и др. Шесть англійскихъ графствъ, семь ирландскихъ и 12 шотландскихъ, также многіе зна-

чительные города не имѣютъ своихъ представителей въ палатѣ лордовъ, съ каждымъ годомъ теряющей свой исключительно-консервативный характеръ, происходящій отъ наслѣдственности мѣстъ въ этой палатѣ. Не даромъ либеральные члены ея, какъ маркизъ Бландфордъ требуютъ преобразованія палаты лордовъ въ избирательное пожизненное собраніе лучшихъ и даровитѣйшихъ людей страны.

— Двѣ брошюры въ послѣднее время сильно возбудили общественное мнѣніе въ Парижѣ. Одна изъ нихъ, принадлежащая Александру Дюма, касается вопроса, возбужденнаго въ палатѣ: объ уничтоженіи закона, запрещающаго требовать отъ отцовъ признанія ихъ незаконныхъ дѣтей. Предложеніе депутата Риве, внесенное въ палату, касается только обезпеченія участи матери. Дюма идетъ дальше, требуя обезпеченья и судьбы дѣтей. По его мнѣнію, каждый холостякъ, признанный отцомъ ребенка, по требованію его матери, обязанъ дать имя ребенку и доставить ему средства къ существованію; если же этотъ отецъ женатъ или бѣденъ, то подвергается тюремному заключенію. Женщина преслѣдующая невиновнаго мужчину, съ цѣлью шантажа или спекуляціи, также заключается въ тюрьму. Мать, вытравляющая плодъ, вмѣстѣ со своими пособниками, присуждается къ каторгѣ, а совершающая дѣтоубійство—къ смертной казни. При такомъ законѣ, мужчина перестанетъ смотрѣть на женщину какъ на свою жертву, а женщина не будетъ имѣть повода разсчитывать на прощеніе, убивая своего ребенка.

Другая брошюра касается не уголовнаго, но тѣмъ не менѣе весьма запутаннаго вопроса—о литературной собственности, и принадлежитъ Викторьену Сарду, обвиненному въ плагіатѣ писателемъ Юшаромъ. Онъ обвинилъ Сарду въ томъ, что тотъ въ комедіи «Одетта» представилъ то же самое положеніе, почти тѣхъ же самыхъ лицъ, какъ и въ комедіи Юшара «Фіаммина». Вопросъ, поднятый Юшаромъ существуетъ цѣлыя столѣтія, но до сихъ поръ не найдена еще неоспоримая норма для его разрѣшенія. Многіе утверждали, что литературная собственность находится лишь тамъ, гдѣ есть творчество, но это значитъ разрѣшать вопросъ новой задачей, потому что для этого необходило прежде всего опредѣлить, что такое творчество? Сарду видитъ литературную собственность не въ творчествѣ, а въ особенной личной формѣ, какую писатель съумѣлъ придать общей идеѣ. Въ человѣчествѣ всегда однѣ и тѣ же страсти, добрыя и дурныя стороны, и оно безконечно себя повторяетъ. Формы и проявленія страстей разнообразны, сущность ихъ остается та же, но каждый пользуется общими идеями по своему. Юшаръ раньше Сарду вывелъ на сцену вопросъ о разрывѣ между супругами, но это не причина запрещать другимъ касаться того же предмета. Разрывъ этотъ — общественный фактъ, которымъ каждый можетъ пользоваться. Благодаря личному взгляду на предметъ, авторъ можетъ придать самой обыкновенной идеѣ, самому избитому сюжету новую, оригинальную форму, и тутъ только является литературная собственность. Она заключается не въ идеѣ, которою писатель пользуется, а въ томъ, что онъ сдѣлалъ изъ этой идеи. Сюжетъ, мысль, принадлежатъ всѣмъ; форма же—каждому отдѣльному писателю. Вообще вопросъ о литературной собственности до крайности спорный, и очень часто совершенно невозможно указать, гдѣ начинается заимствованіе и гдѣ кончается творчество. У Шекспира есть пьесы цѣликомъ взятыя изъ средневѣковыхъ новеллъ, съ сохраненіемъ тѣхъ же самыхъ лицъ, поло-

женій, даже эпизодовъ, а между тѣмъ кто же будетъ отрицать у Шекспира величайшее художественное творчество? Значитъ творчество заключается не въ содержаніи, не въ положеніяхъ, не въ эпизодахъ, а въ томъ личномъ и своеобразномъ отпечаткѣ, который авторъ придаетъ даже старой идеѣ, или давно извѣстной фабулѣ. Судъ рѣшилъ именно въ этомъ смыслѣ дѣло Сарду, совершенно оправдавъ его по обвиненію въ плагіатѣ.

— Два года тому назадъ, въ журналѣ г-жи Эдмондъ Адамъ «La Nouvelle Revue» было помѣщено вновь найденное сочиненіе знаменитаго главы энциклопедистовъ, сохранившееся въ библіотекѣ Эрмитажа въ Петербургѣ. Теперь, въ сентябрской книжкѣ того же журнала, помѣщены еще другіе, тамъ же отысканные листки Дидеро, заключающіе въ себѣ совѣты по разнымъ предметамъ, разсужденія, личныя воспоминанія писателя, интересные во многихъ отношеніяхъ. Листки эти обязаны своимъ происхожденіемъ частнымъ свиданіямъ философа съ русскою императрицею. Бесѣдуя съ нею о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, онъ, возвратясь къ себѣ, набрасывалъ мысли, возбуждаемыя въ немъ этими бесѣдами, и посылалъ Екатеринѣ свои летучія замѣтки, не оставляя у себя ихъ копій. Екатерина также никому не сообщала ихъ, и даже въ перепискѣ съ Гриммомъ, не говоритъ о нихъ ни слова. Теперь, черезъ посредство французскаго посланника, адмирала Жореса, и перваго совѣтника посольства Терно-Компана, хранитель частной библіотеки императора, г. Александръ Гриммъ, разрѣшилъ Морису Турнё снять копіи съ этихъ листковъ. Оригиналъ ихъ только недавно поступилъ въ императорскую библіотеку отъ Авраама Сергѣевича Норова, умершаго въ 1869 году. Эта рукопись въ четвертку переплетена въ красный сафьянъ съ надписью на первой страницѣ: «Mélanges philosophiques, historiques etc. Годъ 1773 отъ 15-го октября до 3-го декабря». Вся рукопись писана собственноручно философомъ. Это — краснорѣчивыя страницы о роскоши, терпимости, разводѣ. Авторъ даетъ чисто техническіе совѣты о плавленіи и ковкѣ желѣза, мѣстами говоритъ лично о себѣ, описывая гоненія, какимъ онъ подвергался при выпускѣ въ свѣтъ I тома «Энциклопедіи». Отвѣчая на вопросъ Екатерины, какъ надобно работать? онъ подробно излагаетъ методу, которой должно слѣдовать, чтобы создать что̀ нибудь геніальное. Онъ жалуется на интриги академиковъ, не принявшихъ его въ число своихъ сочленовъ, разсказываетъ довольно смѣлый апологъ о деспотическомъ правленіи, приводитъ разговоры между матерью семейства и аббатомъ, учителемъ ея дѣтей. Но что всего замѣчательнѣе въ этихъ отрывкахъ и набросках это—тонъ полной свободы, рѣдко смягчаемый общепринятыми льстивыми формами. Это не сухой «доктринальный и догматическій тонъ» замѣчаній на проектъ новаго кодекса законовъ, найденныхъ также въ Эрмитажѣ и обнародованныхъ два года тому назадъ въ «Nouvelle Revue». Эта простая, ничѣмъ не стѣсняемая, откровенная, почти задушевная бесѣда. «Какая разница, говоритъ онъ самъ, между мыслью человѣка въ своемъ отечествѣ и за 900 миль отъ него! Тамъ страхъ удерживаетъ умъ и чувство, здѣсь полная свобода и безопасность». Философъ не забываетъ однако же никогда разстоянія между бѣднымъ «политиканомъ» и повелительницею 80 миліоновъ подданныхъ. «Я могу быть нескроменъ, неправъ, но никогда не буду, ни злымъ, ни фальшивымъ. Какъ всѣ философы, я хочу только добра, что не мѣшаетъ мнѣ иногда высказывать много дурного». Дѣйствительно, надо быть очень откровеннымъ, чтобы высказываться о такихъ вопросахъ, какъ необ-

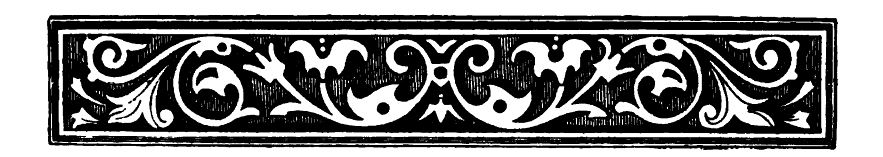
ходимость терпимости и нравственности для королей. Многіе изъ вопросовъ затронутыхъ Дидеро, не рѣшены и въ наше время, какъ вопросъ о высшемъ образованіи женщинъ, о разводѣ, о занятіи должностей по конкурсу. Нельзя сказать, чтобы всѣ мысли, высказываемыя философомъ—справедливы. Такъ, онъ совѣтуетъ введеніе правительственной литературы, въ особенности драматической, утверждаетъ, что философія Вольтера не имѣетъ значенія, тогда какъ стихи его «Магомета», «Заиры», «Альзиры» повторяются цѣлымъ свѣтомъ. Подобныя сужденія конечно не раздѣлитъ потомство, но они не мѣшаютъ намъ признавать глубину и справедливость другихъ мыслей великаго энциклопедиста. Рукопись Дидеро начинается большимъ разсужденіемъ о роскоши. Онъ возстаетъ не собственно противъ роскоши вообще, а противъ желанія казаться богатымъ, и противъ траты сверхъ состоянія. Если роскошь происходитъ дѣйствительно отъ возможности жить, ни въ чемъ себѣ не отказывая, тогда философъ не охуждаетъ ее, и въ этомъ онъ согласенъ съ Вольтеромъ, Гельвеціемъ и другими философами. Онъ не упоминаетъ только ни однимъ словомъ о Жанъ-Жакѣ Руссо, писавшемъ противъ роскоши вообще. Дидеро сожалѣетъ, что между гражданами образуется чрезвычайное неравенство въ средствахъ къ жизни. Въ каждомъ городѣ существуетъ центръ бросающійся въ глаза роскоши, и вокругъ него страшная, поразительная бѣдность. Ни достоинства, ни блестящее воспитаніе, ни знанія, ни добродѣтель не ведутъ къ богатству. Одно золото ведетъ ко всему; народъ поклоняется ему, какъ Богу. Главный порокъ—бѣдность, и ее всѣ презираютъ, главная добродѣтель—богатство и всѣ стремятся выказать ее. У кого нѣтъ денегъ, тотъ старается прослыть богатымъ, или по крайней мѣрѣ скрыть свой недостатокъ. Вліяніе роскоши на нравы — самое вредное, страсть къ ней заставляетъ не обращать вниманія на постыдные способы, какими она пріобрѣтается. Ученые стараются извлечь какъ можно болѣе выгодъ изъ своихъ открытій. Искусства стараются произвести какъ можно больше, а не какъ можно лучше. Верне расписываетъ столовую актрисы; Буше украшаетъ эротическими картинами будуаръ вельможи; у знатныхъ дамъ составляется гардеробъ изъ 20-ти платьевъ и полдюжины рубашекъ. Держутъ блестящіе экипажи, и усчитываютъ воспитателей своихъ дѣтей; нанимаютъ виднаго кучера, и плохенькаго учителя. Чтобы оставить блестящее состояніе одному сыну, заставляютъ другихъ сыновей принять духовное званіе, а дочерей идти въ монастырь. Государственныя имущества не приносятъ ничего казнѣ, а даютъ доходъ только перейдя въ частныя руки. Въ королевскихъ конюшняхъ 5 тысячъ лошадей. Яичница, любимое блюдо Людовика XV, съ пѣтушиными гребешками и молоками карпа, стоила сто экю. Дидеро приводитъ еще нѣсколько примѣровъ страшной роскоши двора. Министру, прогнанному за то, что онъ плохо управлялъ, даютъ пенсіонъ въ 60 тысячъ ливровъ. Переѣздъ короля изъ одной резиденціи въ другую стоитъ 200 тысячъ франковъ; на посланниковъ при дворахъ другихъ державъ тратятся громадныя суммы, на монастыри—немногимъ меньше; изъ высшихъ духовныхъ лицъ, трое имѣютъ 550, 300 и 250 тысячъ доходу. Пріораты, аббатства, гдѣ жуируютъ старые и молодые лѣнтяи, слѣдуетъ уничтожить. Налогъ долженъ покрывать только необходимые расходы государства. Военное сословіе вовсе не слѣдуетъ дѣлать преобладающимъ въ государствѣ. Всякаго рода откупы должны быть уничтожены. «Единственнымъ противовѣсомъ золоту можетъ быть только добродѣтель, но если богатствомъ можно пріобрѣ-

сти все на свѣтѣ, для чего быть добродѣтельнымъ»? Отъ примѣра короля зависитъ распространеніе въ его государствѣ добра или зла. «Отецъ, чуждающійся своихъ дѣтей, монархъ удаляющійся отъ своихъ подданныхъ, кажутся мнѣ чудовищными». Во второй статьѣ о терпимости Дидеро возстаетъ противъ религіознаго и нравственнаго деспотизма. «Въ человѣкѣ есть одно странное свойство—рѣшаться на опасные поступки. Человѣка, написавшаго пасквиль, оскорбительный для короля, казнятъ сегодня. На другой день расклеиваются пасквили еще болѣе оскорбительные. Въ виду смертной казни подлый поступокъ принимаетъ характеръ героизма. Рисковать жизнью приноситъ удовольствіе». Нетерпимость высокопоставленныхъ лицъ придаетъ важность самымъ ничтожнымъ вещамъ; она побуждаетъ къ доносамъ, и сѣетъ ненависть между гражданами, она не любитъ правды; нетерпимость—одинъ изъ страшныхъ бичей Франціи. Сколько изъ-за нея пролито крови, погибло свѣтлыхъ умовъ! Было время, когда нельзя было въ философіи проповѣдывать другого ученія кромѣ аристотелева. Ереси часто основываются на самыхъ ничтожныхъ отступленіяхъ отъ принятаго догмата, но еще чаще умные люди, какъ Арно, Николь, Мальбраншъ, исписываютъ цѣлые томы о ничтожныхъ тонкостяхъ или особенностяхъ какого нибудь пустого обряда. Въ управленіе одного Флери 80,000 человѣкъ были заключены въ тюрьмы или бѣжали изъ Франціи, потерявшей 80,000 гражданъ. На розыски и уничтоженіе брошюры «Духовныя новости» и розысканіе ея авторовъ истрачены сотни тысячъ, а если бы не преслѣдовали эту глупую брошюру, никто бы не сталъ и читать ее. Декартъ защитникъ существованія Бога, долженъ былъ бѣжать какъ безбожникъ. Гассенди, чтобы избавиться отъ вѣнца мученика, долженъ былъ даже ученіе Эпикура излагать съ христіанской точки зрѣнія. Три академіи распространяли свѣтъ просвѣщенія. «Вдругъ министру приходитъ въ голову мысль, что просвѣщеніе вредно для народа,—въ цивилизованной націи министру нельзя дѣлать глупостей, какъ бы ему хотѣлось—и онъ запрещаетъ печатать, что̀ бы-то ни было о религіи, правительствѣ, налогахъ, торговлѣ, обо всемъ, что̀ не можетъ не интересовать мыслящаго человѣка. Что же отъ этого происходитъ? Раздраженные мыслители негодуютъ и пишутъ только объ этомъ, происходитъ тоже, что случилось въ Римѣ, когда были запрещены сочиненія Кремуція Корда. Тотчасъ же явилось двѣсти тысячъ копій этихъ сочиненій. Насиліемъ не укротишь умы. Чтобы оскотинить (abrutir) націю нужно много времени. Ни о чемъ не думаетъ только тотъ, кто ничего не читаетъ. Теологія, эта химерическая наука принесла много вреда. Когда преслѣдовали конвульсіонеровъ — они умножались; когда имъ позволили давать представленіе на ярмаркахъ и предложили отвести для нихъ особое мѣсто—они исчезли. Янсенисты вымирали окончательно. Упрямый прелатъ Бомонъ началъ ихъ преслѣдовать и секта тотчасъ же разрослась и укрѣпилась. Насмѣшки убили бы ихъ скорѣе, чѣмъ строгость».

Эти немногія правдивыя строки, написанныя въ 1773 году, даже многимъ и въ 1883 году кажутся непозволительною ересью.

— Въ іюньской книжкѣ отдѣла «Заграничныхъ литературныхъ новостей» мы упомянули о статьѣ профессора оксфордскаго университета Морфиля о Пушкинѣ, помѣщенной въ «Westminster Review». Это, дѣйствительно, очень интересный этюдъ, составленный по послѣднему изданію г. Ефремова, по книгѣ г. Незеленова «Пушкинъ въ его поэзіи» и по переводу стихами «Евгенія

Онѣгина» полковникомъ Спальдингомъ. Авторъ этюда, очевидно, хорошо знакомъ со своимъ предметомъ и даетъ своимъ соотечественникамъ вѣрную оцѣнку поэта, котораго онъ, вмѣстѣ съ Мицкевичемъ, считаетъ представителемъ славянской поэзіи. Онъ сожалѣетъ только о томъ, что Пушкинъ былъ болѣе космополитомъ, чѣмъ народнымъ поэтомъ, но объясняетъ это тѣмъ, что Пушкинъ, какъ Байронъ, принадлежалъ къ фешенебельному свѣту и что въ то время, когда онъ писалъ, еще не начинался культъ національности. Біографію поэта авторъ начинаетъ съ его «Родословной», переводя подстрочно это стихотвореніе, искаженное цензурой въ первую эпоху его появленія. Замѣчаніе это дѣлаетъ авторъ статьи и, между тѣмъ, эпитетъ Ивана IV переводитъ: crowned vengeance, а не crowned tiger, какъ бы слѣдовало. Годы, посвященные домашнему и лицейскому воспитанію поэта, разсказаны сжато. «Русланъ и Людмила» сравнивается съ поэмою Теннисона «Idylls of the King». Переводя первую строфу «Оды на свободу», одной изъ многочисленныхъ, непечатныхъ пьесъ, появлявшихся въ то время потому, что цензура не позволяла ни малѣйшей свободы въ печати, авторъ разсказываетъ о высылкѣ поэта за эту оду въ южную Россію, и тутъ же приводитъ предсказаніе какой-то нѣмки о томъ, чтобы онъ на 37-мъ году опасался бѣлокураго мужчины. Мы думаемъ, что литературная оцѣнка Пушкина могла бы обойтись и безъ упоминанія о предсказаніяхъ и предвидѣніяхъ. Изъ первыхъ произведеній переведены стихами и почти размѣромъ подлинника: «Черная шаль», прозою, подстрочно, отрывки изъ «Кавказскаго плѣнника», «Бахчисарайскаго фонтана», «Цыганъ», говорится объ «Одѣ къ Наполеону», которой напрасно предпочитается ода Манцони; «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», лучшей изъ маленькихъ поэмъ Пушкина, размѣръ которой подраженіе «Водолазу» Шиллера (это тоже не совсѣмъ вѣрно: амфибрахій русскаго поэта совершенно правильный, тогда какъ у нѣмецкаго онъ сильно хромаетъ). Хорошими стихами переведены стансы «Къ морю», но безъ окончанія, явившагося изъ подъ цензурнаго veto только въ послѣднее время. Отправленіе поэта въ Михайловское по доносу Воронцова, отозвавшагося о Пушкинѣ какъ о «слабомъ подражателѣ вовсе не знаменитаго Байрона», тяжелая жизнь въ деревнѣ, ссоры съ отцомъ, отношенія къ декабристамъ, къ Николаю I—изложены вѣрно. Стихами переведены пьесы «Я помню чудное мгновеніе», «Талисманъ» (ямбомъ, вмѣсто хорея) «Кавказъ подо мною» прозою—послѣдняя сцена «Бориса Годунова». Подробно разобранъ «Евгеній Онѣгинъ» и много отрывковъ переведены подстрочною прозой. Авторъ не цитируетъ перевода полковника Спальдинга, признавая его плоскимъ и прозаичнымъ. Разсказывая о дуэли и послѣднихъ часахъ жизни поэта, авторъ приводитъ нѣсколько строкъ объ этомъ «великаго новеллиста, Ивана Тургенева, по счастію еще и теперь живущаго на пользу русской, и мы можетъ прибавить: европейской литературы». Тяжелое чувство возбуждаютъ эти строки, появившіяся въ то время, когда судьба отняла у насъ и великаго новеллиста, какъ отняла почти полвѣка тому назадъ великаго поэта. Статья оканчивается краткой оцѣнкой Пушкина какъ перваго русскаго поэта, въ драмѣ «Борисъ Годуновъ», ставшаго выше Байрона, въ лучшей поэмѣ «Евгеній Онѣгинъ» не ниже англійскаго поэта. Далѣе говорится о трудности переводить его, о прозаическихъ произведеніяхъ его, приводятся еще два сонета: «Поэтъ не дорожи любовію народной» и «Мадонна» хорошими стихами. Вообще и переводы и оцѣнка Пушкина въ этой статьѣ заслуживаетъ полнаго вниманія.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ исторіи холеры 1830—31 годахъ.

Появленіе нынѣшнимъ лѣтомъ въ Египтѣ холерной эпидеміи. вызвавшей нѣкоторую тревогу и у насъ, невольно обращаетъ воспоминанія на прежніе случаи посѣщенія Россіи этой страшной гостьей. Особенно памятна у насъ до сихъ поръ страшная холера, свирѣпствовавшая почти повсемѣстно въ 1830 и 1831 годахъ. Воспоминанія о ней нерѣдко появлялись въ печати, но они касались преимущественно Москвы и Петербурга, и мало говорили о провинціи, такъ что исторія холерной эпидеміи въ послѣдней почти неизслѣдована. Ниже помѣщаемыя современныя письма представляютъ интересный матеріалъ къ исторіи холеры 1830—31 годовъ собственно въ Смоленскѣ, а также въ Москвѣ и другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Авторъ писемъ — священникъ г. Смоленска о. П. Н. Они писаны къ его пріятелю, жившему въ деревнѣ, въ Смоленскомъ уѣздѣ. Всѣхъ писемъ 8, изъ нихъ — 4 относятся къ 1830 году и 4 уже къ 1831 году. Хотя первыя 4 письма говорятъ о томъ времени, когда въ Смоленскѣ еще не было холеры—она явилась тамъ лѣтомъ слѣдующаго года—тѣмъ не менѣе и они интересны, такъ какъ наглядно рисуютъ настроеніе населенія, уже со всѣхъ сторонъ окруженнаго зараженными мѣстностями и со дня на день ожидающаго, что вотъ и на него грянетъ этотъ «громъ Божій». Съ другой стороны, эти письма 1830 года довольно подробно говорятъ о ходѣ заразы въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ. Эти свѣдѣнія очень цѣнны, такъ какъ они заимствованы авторомъ писемъ не изъ тогдашнихъ газетъ, скрывавшихъ правду, но изъ частныхъ писемъ и разсказовъ. Такимъ образомъ, здѣсь мы находимъ матеріалъ для исторіи холерной заразы въ Россіи вообще. Остальные 4 письма, 1831 года, представляютъ болѣе частный интересъ, по отношенію къ Смоленску, но и здѣсь мѣстами встрѣчаются извѣстія о холерѣ въ Москвѣ и проч.

Письма рисуютъ автора человѣкомъ довольно образованнымъ и развитымъ, что заставляетъ съ довѣріемъ относиться къ его словамъ. Изъ писемъ выпущены замѣтки о частныхъ дѣлахъ корреспондентовъ, а также— многочисленныя, рекомендуемыя авторомъ, медицинскія средства противъ

заразы. Оставлены только описанія народныхъ средствъ нѣкоего Хлѣбникова, славившагося въ то время удачнымъ леченіемъ холеры. Кромѣ того, въ печатаемыхъ письмахъ сохранены немногія, встрѣчающіяся въ нихъ, политическія извѣстія и слухи. Хотя они не относятся къ главному предмету писемъ, но сами по себѣ представляютъ нѣкоторый интересъ.

-Н. О.

I.

Смоленскъ, 1830 года, 8-го октября.

«...Холера въ первый разъ явилась въ міръ, въ 1817 году, въ видѣ эпидемическомъ, хотя была она и прежде извѣстна подъ другимъ названіемъ безъ всякой эпидеміи или повальности. Явившись въ Остъ-Индіи, въ англійскихъ владѣніяхъ, она убила тамъ 4.000,000 жителей; оттуда пошла въ Пегу, Бирманъ, Сіамъ, Кохинкину, Китай, Манжурію, потомъ—въ Тибетъ, Бухарію и въ 1829 году пожаловала въ Оренбургъ, съ бухарскими купцами. Свирѣпствуя тамъ 4 мѣсяца, 23-го марта прекратилась. Это — первый путь ея. Вторая дорога: изъ той же Остъ-Индіи она пошла западнѣе—къ Моголу, оттуда въ Персію, въ Баку, Тифлисъ и въ 1819 году въ Астрахань, гдѣ, свирѣпствовавъ мѣсяцъ, прекратилась. Въ 1824 году она опять была въ Астрахани 2 недѣли... Наконецъ, нынѣ она опять пришла изъ Эривани въ Баку, Тифлисъ, въ Астрахань, и—прямо къ сѣверу, по Волгѣ, въ Красноярской, Царицынъ, Камышинъ, Вольскъ, Саратовъ, Самару и Нижній-Новгородъ, а оттуда—влѣво, прямою линіей на западъ: въ Ковровъ, Гороховецъ, Владиміръ и Москву. Изъ Астрахани, другою дорогой—въ землю Донскихъ казаковъ, Ростовъ-на-Дону, Оксай и въ Харьковъ. По первому пути она забрела и въ стороны: въ Пензу, Симбирскъ, Кострому, Ярославль, Тулу, Елецъ и въ прочія, близкія къ Волгѣ мѣста. Вотъ вамъ ея ходъ! Слѣдують свойства: долго не знали, какъ она сообщается—вѣтромъ ли, или прикосновеніемъ, или дыханіемъ, или всѣми сими путями? Наконецъ, удостовѣрились, что дыханіе больнаго сообщаетъ оную; впрочемъ, и вѣтеръ, дующій съ больнаго на здороваго и приносящій ядъ его дыханія — также заражаетъ. Заражаетъ и воздухъ въ комнатѣ, напитанный тлетворнымъ дыханіемъ. Болѣзнь начинается тоскою, потомъ — боль въ головѣ судорожная, соединенная непремѣнно съ спазмами въ икрахъ (это главное ея отличіе), потомъ—рвота безпрерывная, кровь—черная какъ грязь, и, въ то же время, поносъ поминутный, наконецъ—конвульсіи, ужасныя судорги и—смерть. Въ Астрахани и до Саратова и даже до Нижняго, всѣ эти перемѣны совершались въ 4 часа и не болѣе 10-ти; съ Нижняго же болѣзнь измѣнила свои свойства—отъ климата ли, или отъ долгаго пути ея, какъ бы сказать, она выдохлась. Во Владимірѣ болѣзнь продолжалась по 2, 3 и 4 дня и начали вылѣчиваться отъ нея, хотя и немногіе. Въ Москвѣ она измѣнилась еще болѣе, такъ что по ея появленіи, тамъ долго сомнѣвались—она ли это? Здѣсь продолжается она отъ 3-хъ дней до 2-хъ недѣль и вылѣчивается легче. Въ Астрахани умирало отъ нея въ первые 20 дней по 188 человѣкъ, въ Саратовѣ по 43, далѣе и еще менѣе, въ Москвѣ умираетъ теперь отъ 10-ти до 15-ти человѣкъ въ день. Изъ 300 тысячъ людей — это еще милость Божія! Теперь она обезсилѣла и излѣчивается, какъ простая горячка, соединенная съ воспаленіемъ въ печени и разлитіемъ желчи. Притомъ, въ каждомъ больномъ она дѣлаетъ особыя измѣненія, такъ что изъ 5-ти больныхъ не находятъ двухъ, кои бы

имѣли одни и тѣ же припадки. Москва раздѣлена теперь на 24 части, въ каждой начальствуетъ сенаторъ, при коемъ полный штатъ полиціи и 7 врачей. Лишь охнетъ кто, сейчасъ бѣжитъ къ нему лѣкарь. Больнаго отдѣляютъ и лѣчатъ или дома, или въ больницѣ, бѣдныхъ на казенный счетъ. Въ Колоцкѣ — карантинъ. Начальникомъ онаго генералъ Малиновскій. Карантинная цѣпь протянута отъ Твери чрезъ Гжатскъ до Калуги. Въ карантинѣ лѣкарь — здѣшній Шевелевъ и аптекарь В. Б. Загенъ — нашъ знакомецъ. Строгость въ карантинѣ военная—ослушниковъ велѣно разстрѣливать. Убережетъ ли насъ Богъ — не знаю; худо то, что она двинется къ намъ съ двухъ сторонъ: отъ Москвы и отъ Харькова. Средства до сихъ поръ извѣстныя и оправданныя опытомъ: опій, каломель, кровопусканіе въ теплой ваннѣ и шпанскія мухи къ затылку, на правомъ боку, или піявки. Предохранительныя средства я думаю вамъ извѣстны изъ объявленій правительства печатныхъ, кои и у меня есть: 1) «какъ предохранять себя отъ болѣзни въ настоящее время»; 2) «правила для предохраненія себя отъ появившейся въ нѣкоторыхъ губерніяхъ болѣзни, имѣющей признаки повальности», и 3) «какъ предохранять себя отъ заразы, при посѣщеніи больнаго». Ежели у васъ этого нѣтъ, то пришлите за копіей ко мнѣ. Но вѣрное и главное средство — не выходить изъ горницы ни за порогъ, и все входящее въ комнату—и людей, и вещи перекуривать газомъ, называемымъ хлоръ. Самимъ же куриться уксусомъ и мыться растворомъ хлориновой извести. Видѣвшіе эту болѣзнь въ Астрахани увѣряютъ въ семъ собственнымъ опытомъ. Павелъ еп. астраханскій съ самаго начала закупорился до того, что съ губернаторомъ, пріѣзжавшимъ къ нему прощаться, какъ будто по предчувствію близкой смерти, онъ простился сквозь стекло, вставленное въ дверь. Оттого Павелъ сохранилъ себя въ самое злое время и писалъ сюда, когда уже стало тамъ умирать не болѣе 15-ти и 20-ти въ день. Теперь же опять разнесся слухъ о его смерти, но это недостовѣрно. Московскій военный губернаторъ выслушиваетъ просьбы сквозь стеклянную дверь. А. Ѳ. Гернгроссъ учредилъ у себя карантинъ и все и всѣхъ перекуриваетъ, даже и лѣкаря Валя, а самъ съ семействомъ сидитъ въ комнатѣ и ни за порогъ... Семинарія распущена, по сообщенію врачебной управы, въ коемъ сказано, что ежели сія болѣзнь появится въ Смоленскѣ, то главная и ужасная смертность должна будетъ оказаться въ семинаріи, отъ тѣсноты помѣщенія и неопрятности. А между тѣмъ вчера получилъ владыка отъ оберъ-прокурора циркулярное предписаніе, чтобы въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ болѣзнь сія есть, семинаристовъ не распущать, а размѣстить ихъ по монастырямъ и архіерейскимъ дворамъ. А гдѣ еще нѣтъ оной, но епархія смежна съ зараженными мѣстами, тамъ распустить. Въ Смоленскѣ учреждается коммисія изъ предосторожности. Городъ будетъ раздѣленъ по удобности на нѣсколько частей, въ каждой будетъ своя полиція, свой начальникъ и свой докторъ. И теперь уже приказано жителямъ объявлять части о каждомъ больномъ, не смотря на сортъ болѣзни. Уныніе всеобщее, усиленное еще болѣе безпрестанно проѣзжающими во множествѣ московскими жителями, уѣзжающими въ Польшу, а оттуда, ежели будетъ нужно, заграницу. Богъ ближе—у кого деньги! Вы знаете, что императоръ сдѣлалъ вызовъ и назначилъ 25,000 р. с. тому, кто найдетъ вѣрное средство врачевать эту болѣзнь. Пользуясь симъ вызовомъ, одинъ здѣшній уроженецъ, мѣщанинъ Дорогобужскій, именемъ Иванъ Варфоломѣевичъ Хлѣбниковъ, о коемъ вмѣсто пространной біографіи можно сказать, что онъ прошелъ огнь и воду, объявилъ себя рѣ-

пительнымъ врачемъ сей болѣзни. Вице-губернаторъ не рѣшался отправлять его въ Москву, но когда онъ объявилъ, что онъ ручается жизнію своею въ этомъ умѣньи, то онъ отправилъ его съ извѣстнымъ вамъ чиновникомъ Васильемъ Егоровымъ, служащимъ въ губернаторской канцеляріи, написавъ въ отношеніи къ Закревскому, что буде Хлѣбниковъ шарлатанъ, то прогоны вице-губернаторъ беретъ на свой счетъ. Всѣ смѣялись тому, но выходитъ что̀-то дѣльное. Этотъ В. Егоровъ пишетъ изъ Москвы, что по пріѣздѣ ихъ Хлѣбникову даны были 20 человѣкъ больныхъ и онъ вылѣчилъ ихъ однимъ пріемомъ какого-то порошка. Послѣ чего этотъ Хлѣбниковъ по просьбѣ своей былъ отправленъ въ такое мѣсто, гдѣ болѣзнь свирѣпствуетъ во всей силѣ своей, именно въ Саратовъ. Между тѣмъ, 5 дней назадъ проѣзжалъ какой-то армейскій коммисіонеръ, который разсказывалъ вотъ что: этотъ коммисіонеръ, ѣдучи изъ Вятки въ Москву, съѣхался на дорогѣ съ какимъ-то помѣщикомъ и на одной станціи подъ Рязанью, ожидая лошадей, увидѣли они этого Хлѣбникова, ѣдущаго въ Саратовъ. По входѣ въ станціонную комнату и обозрѣнію всѣхъ, Хлѣбниковъ говоритъ помѣщику: «вы нездоровы, и ежели не возьмете предосторожностей, то черезъ 2 часа умрете». Это изумило помѣщика и сразило. Помѣщикъ спрашиваетъ у него: «что это значитъ?» Онъ говоритъ, что у него болитъ голова и руки сини, и что поэтому онъ зараженъ холерою. На повѣркѣ оказалось точно такъ. Послѣ чего помѣщикъ просилъ его полѣчить. Хлѣбниковъ велитъ ему разинуть ротъ и броскомъ всыпаетъ ему въ ротъ трижды изъ пузырька какой-то порошокъ. Помѣщикъ падаетъ и дымъ идетъ у него изо рта, и онъ лишается чувствъ на ¼ часа. Послѣ чего опомнился и нашелъ себя совсѣмъ здоровымъ и проч., и проч. Теперь скажу вамъ, что зная Хлѣбникова лично, я вмѣстѣ со всѣми считалъ его прохожаемъ, испытавшимъ все возможное въ жизни, зналъ, что онъ лѣчитъ удачно отъ многихъ болѣзней, во время падежа скотскаго вылѣчивалъ каждую корову, не смотря на степень болѣзни. Но этакихъ чудесъ въ немъ не подозрѣвалъ никто. Отъѣзжая отсюда, онъ оставилъ у хозяина своего, нашего прихожанина, у коего онъ былъ прикащикомъ, лѣкарство отъ холеры, по дружбѣ, чтобы не показывать и не говорить никому. Лѣкарство это закупорено въ бутылкѣ, а употреблять его нюхая по 3 раза въ день, и отъ этого, по его словамъ, находясь между 100,000 больныхъ не заразишься. Вчера я былъ у этого прихожанина и къ разговору онъ открылъ мнѣ этотъ секретъ, я просилъ показать, мнѣ показали, я понюхалъ и что же? лишь только я нюхнулъ, такъ сказать, и послѣ дунулъ, то изо рта у меня повалилъ какъ изъ трубы какой-то влажный, соленый дымъ. Запахъ въ этомъ лѣкарствѣ—смѣсь хлору съ чѣмъ-то селитрянымъ. Видъ—представьте себѣ: сушеный и истолченый хрѣнъ. Количество—третья часть бутылки. По отзыву Хлѣбникова—это лѣкарство можетъ вредить груди, ежели безъ мѣры его нюхать. Удивляюсь, откуда сему «премудрость сія и сила?» Впрочемъ, я сказалъ уже, что онъ изъѣздилъ уже весь свѣтъ, видался съ чумою, видался съ холерою, былъ подлѣкаремъ, русскимъ шпіономъ въ лагерѣ французовъ въ 12-мъ году, маркитантомъ, купцомъ, управителемъ, фабрикантомъ, химикомъ, ну можно сказать—всѣмъ на свѣтѣ! А посмотрѣть на него — повѣса, разгильдяй! Дай Богъ «нашему теляти волка поймати!» вотъ диковинка наша! В. Егоровъ, садясь съ нимъ въ повозку здѣсь, сказалъ: «вѣдь мы ѣдемъ на вѣрную смерть!» «Небось, говорилъ онъ, со мной, лѣкарство со мной и посреди тысячъ больныхъ мы будемъ цѣлы!»

«Отсюда потребованъ изъ лѣкарей—Шевелевъ, изъ Вязьмы—Юденичъ, изъ Риги—Корниловичъ, и множество изъ другихъ мѣстъ, кои и разосланы въ зараженныя мѣста. Изъ Витебска потребованъ Габенталь—инспекторъ врачебной управы, французъ—въ Нижній-Новгородъ. Передъ отъѣздомъ онъ сдѣлалъ духовную, также какъ и вяземскій Юденичъ. Габенталь пишетъ къ женѣ, въ Витебскъ, что простое предохранительное средство отъ заразы найдено въ Нижнемъ: носить въ платкѣ, завязавши въ узелокъ, кусочекъ сельди, омоченный въ деготь, и съ симъ кусочекъ камфоры и чеснокъ, это почасту нюхать. Губернаторъ уѣхалъ въ Колоцкъ и повезъ съ собою аптекаря Загена. У насъ запрещаютъ теперь говорить о холерѣ, видя уныніе учителей. И я прошу васъ по дружбѣ не показывать этого письма моего никому. А написалъ вамъ все, что зналъ. За вѣрность всего написаннаго здѣсь, исключая того, что у насъ, въ Смоленскѣ, дѣлалось и дѣлается—ручаться нельзя, поелику, по пословицѣ: «въ голодъ намрутся, а въ войну наврутся». По сему, при молчаніи и скрытности правительства нельзя сказать ничего утвердительнаго: всѣ написанныя обстоятельства, умалчиваемыя правительствомъ, почерпнуты изъ частныхъ писемъ и слуховъ. Я сдѣлалъ то, чего вы требовали. Впрочемъ, послѣдствія оправдаютъ или нѣтъ сіи свѣдѣнія—посмотримъ впередъ. Будемъ молиться Богу и надѣяться на Промыслъ Его...»

II.

Смоленскъ, 1830 года, 15-го октября.

«Богъ съ вами! вы опять заставили меня писать предлинное писаніе, коему едва ли будетъ конецъ на этомъ полъ листѣ, ибо съ того времени много произошло новаго, а у меня такая привычка, что начавши говорить, я выскажу все, чло лежитъ на сердцѣ. Вы спрашиваете: что холера? Правительство не хочетъ приводить насъ въ уныніе и по сему мы не будемъ говорить о газетныхъ извѣстіяхъ, а будемъ держаться достовѣрныхъ партикулярныхъ извѣстій. Холера почти окружила Смоленскую губернія. Она теперь появилась въ Харьковѣ, Курскѣ, Бѣлгородѣ и Черниговѣ, и частію въ Калужской губерніи. Степень свирѣпства ея въ сихъ мѣстахъ по письмамъ неизвѣстна, а въ Москвѣ—ужасъ! Со вчерашней почтой получено здѣсь до 7-ми писемъ, въ коихъ говорится одно и тоже, а именно: до 3-го октября смертность въ Москвѣ была очень не велика: человѣкъ 40 и 50 въ сутки, но 3-го вдругъ умерло 203 человѣка, 4-го—307 человѣкъ, 5-го—около 500 человѣкъ. И время болѣзни сократилось; прежде болѣли по 4 часа и до 4-хъ сутокъ, а теперь она уже убиваетъ: человѣкъ падаетъ, корчится и умираетъ въ минуту. За множествомъ умирающихъ, бѣдняковъ погребаютъ безъ гробовъ; богатымъ только предоставлены гробы. Изъ московскихъ богачей умерло уже 4, и между ними Билибинъ. Умеръ московскій вице-губернаторъ. Смертность особенно дѣйствуетъ въ казенныхъ заведеніяхъ, кои почти всѣ вымерли. Въ 79-мъ № «Московскихъ Вѣдомостей» вы увидите письмо государя, который 29-го числа прибылъ въ Москву при первомъ извѣстіи о усиливающейся болѣзни, и пробылъ тамъ до 8-го, а сего числа выѣхалъ по волѣ народа, который кричалъ ему, чтобы онъ оставилъ ихъ нести гнѣвъ Божій и спасалъ свою драгоцѣнную жизнь. Въ городѣ Клину государь будетъ держать 10-тидневный карантинъ. Волга заперта, чтобы на баркахъ не завезли холеры къ Питеру. Москва заперта совершенно, такъ что самый подвозъ хлѣба

производится такъ, что людей не впущаютъ туда, а у заставы принимаютъ хлѣбъ и съѣстные припасы. Наша надежда теперешняя, во-первыхъ, на милость Божію, а во-вторыхъ—на мѣры правительства. Ибо отъ Твери до Калуги стоитъ военный кордонъ, а со стороны Малороссіи—предписано исправникамъ рославльскому и красненскому не пущать никого въ Смоленскую губернію. Въ самомъ Смоленскѣ и во всей губерніи взяты мѣры на случай появленія гдѣ-либо сей болѣзни. Города разбиты на кварталы, селенія — на участки, въ каждомъ избраны смотрители за чистотою въ домахъ, здоровьемъ, пищею жителей и окуркою комнатъ. Смоленскъ раздѣленъ на 9 частей, въ каждой свой лѣкарь, духовникъ и начальникъ, и домъ для помѣщенія больныхъ. Тоже и въ другихъ городахъ. Забелло далъ всѣмъ лѣкарямъ наставленія и рецепты. Хочется мнѣ ихъ достать, но не знаю какъ и гдѣ... Впрочемъ, что ни говори и ни дѣлай, а болѣзнь остается болѣзнью; лѣчить ее можно только въ случаѣ ея продолжительности, но внезапная смерть (?) увы!—неизлѣчима.

«Хлѣбниковъ, о коемъ вы слышали, какъ на дѣлѣ выходитъ—не самохвалъ, какимъ и я сперва считалъ его. В. Егоровъ, возившій его, прежде писалъ сюда, а теперь и лично разсказываетъ, что по прибытіи ихъ, медики хотѣли было отправить его въ «желтый домъ», но послѣ допустили его къ практикѣ. Военный губернаторъ далъ ему отъ себя на окопировку 100 руб. и отъ казны на содержаніе 5 руб. на день. Теперь онъ лѣчитъ съ чрезвычайнымъ успѣхомъ, и всѣ бѣгаютъ за нимъ, какъ за угодникомъ; онъ ѣздитъ по Москвѣ съ трубкою, что тамъ запрещено, а ему только позволено. Онъ вылѣчилъ отъ холеры какого-то купца, и сей подарилъ ему 1,000 руб. Теперь пишутъ объ немъ, что ему позволено печатать предохранительныя афишки, и онѣ уже вышли, но къ намъ еще не прислано ни одной. Говорятъ, что онъ уже теперь имѣетъ большія деньги. О лѣкарствѣ предохранительномъ, оставленномъ имъ у Попкова, я добился толку, хоть немного. Хлѣбниковъ отъѣзжая сказалъ бывшему пекарю Карлу Бруну, просившему у него лѣкарства, чтобы взять третью часть бутылки простой соли и влить туда 20 или 25 капель купоросначо масла, и въ ту же минуту бутылку накрѣпко закупорить, и дать время этой жидкости перебродить. Послѣ употреблять такъ, чтобы нюхать этотъ спиртъ 3 или 4 раза въ день, и какъ скоро понюхаешь, то сейчасъ же выпустить ртомъ этотъ духъ. Хлѣбниковъ говоритъ, что сіе предохраняетъ навѣрное отъ вхожденія заразы холерной въ мозгъ или грудь, и еслибы она съ заразительнымъ воздухомъ и вошла уже въ грудь или голову, то сей спиртъ, проходя близь мозговыхъ фибръ и входя въ легкое, истребляетъ оную, но тотъ же часъ должно и выпустить изъ себя сей воздухъ, какъ для того, чтобы онъ, оставаясь долго въ груди, не повредилъ волоконъ легкаго, такъ и для того, чтобы зараженные атомы воздуха, извлеченные спиртомъ изъ груди и горла, съ нимъ вмѣстѣ вышли... Вотъ только запятая: Попковъ говорилъ, что Хлѣбниковъ составлялъ то лѣкарство изъ 3-хъ веществъ: соли, какой-то жидкости въ пузырькѣ, и еще что-то сыпалъ изъ бумажки, а Брунъ говоритъ, что ему именно сказано только о 2-хъ веществахъ. Какъ бы то ни было, а Хлѣбниковъ лѣчитъ удачно; изъ 12-ти человѣкъ, ему порученныхъ на первый разъ, не умерло ни одного. Дивлюсь только, почему не обнародуютъ его средство, хотя все заставляетъ вѣрить его умѣнью.

«Не знаю, что будетъ, а, кажется, Смоленскъ не избѣжитъ общей судьбы, развѣ особенно Богъ будетъ милостивъ къ намъ. Еслибъ вы только видѣли

сколько проѣхало тутъ москвичей, кои выѣхали изъ Москвы уже послѣ 18-го сентября! Притомъ же и на карантинъ слишкомъ надѣяться нельзя, пропасть тамъ злоупотребленій. Особенно я думаю о своемъ положеніи: домашніе могутъ сидѣть дома, запереться, не имѣть ни съ кѣмъ сношеній и этимъ сберечь себя, ибо это одно вѣрное средство. Но я, по должности священника, могу попасть въ первый огонь и наткнуться на перваго холериста; да и послѣ, зная именно къ кому идешь, какъ отказаться? Того и смотри, что заразившись самъ, заразишь и все семейство. Я запасся всѣми предохраненіями: и хлоромъ, и хлориновой известью, и можжевельникомъ, и смолой, и уксусомъ, и Хлѣбниковскимъ спиртомъ, но что-то все не надежно! Надежда одна—Богъ!.. Да! и въ Библіи есть о холерѣ—сыщите «Кн. Премудр. Іис. с. Сирахова», гл. 34, ст. 32 и гл. 31, ст. 19...»

III.

Смоленскъ, 1830 года, 22-го октября.

«................ Жалѣю, что не могу дать вамъ знать о всѣхъ предположеніяхъ врачей о холерѣ, ибо это составило бы по крайней мѣрѣ 5 листовъ маранья. Но для составленія полной біографіи холеры предлагаю вамъ достать №№ «Сѣверной Пчелы» отъ 103 до 113. Тамъ подробно описаны ея свойства... Впрочемъ, вы увидите тамъ, что лѣкаря, вмѣсто опредѣленія: что есть холера?—говорятъ что она — не то, и не то, а Богъ знаетъ что! и всѣ признаютъ опредѣленіе о ней Галена самымъ лучшимъ и близкимъ... Во время заразы полезно устроить такъ, чтобы все—и люди, и вещи, входящія извнѣ проходили чрезъ комнату, накуренную хлоромъ. А. О. Геригросъ о-сю пору такъ поступаетъ. Принесутъ вещь въ накуренную переднюю, поставятъ ее, тогда изъ внутреннихъ комнатъ выходитъ человѣкъ, не имѣющій сообщенія съ дворнею, беретъ эту вещь и приноситъ господамъ, а люди совсѣмъ не входятъ во внутренніе покои, исключая доктора Валя, который входитъ туда—обкурившись... О холерѣ — не знаю, что сказать вамъ. Сижу дома, и что произошло съ воскресенья до среды не знаю. По 18-е же число вотъ что было извѣстно: въ Москвѣ болѣзнь свирѣпствуетъ ужасно. Умираютъ тысячи. Прежде было позволено ходить по улицамъ, а теперь всѣ сидятъ дома. Хлѣбъ, привозимый къ заставамъ, принимаетъ полиція и раздаетъ тѣмъ, кто не имѣетъ его по домамъ. Лавки закрыты, церкви пусты, во всей Москвѣ только и видны экипажи, возящіе больныхъ въ больницы, а мертвыхъ въ могилы. Прежде брали въ больницы только бѣдныхъ, а нынѣ всѣхъ: какъ скоро кто заболитъ, больнаго — въ больницу, а къ дому — караулъ. Профессоръ медицины Ефремъ Мухинъ пишетъ, однакожь, въ свою вотчину Вяземскаго уѣзда, село Федяево, къ управителю, что болѣзнь начала ослабѣвать, ибо нашли и вѣрное, и скорое средство ее врачевать, но какое средство и кто нашелъ—не пишетъ. Въ Можайскѣ еще нѣтъ заразы. Объ Малороссіи и у насъ извѣстно, что зараза свирѣпствуетъ въ Харьковѣ, Бѣлгородѣ, Курскѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ и Черниговѣ, но въ какой степени — неизвѣстно. Наши смольяне съ тѣми мѣстами сношеній почти не имѣютъ. Коротко сказать: холера свирѣпствуетъ теперь въ 16-ти россійскихъ губерніяхъ... И у насъ многіе говорятъ, что слова библіи, какъ будто именно о Хлѣбниковѣ написаны. Здѣсь полученъ рецептъ Хлѣбникова, но онъ мнѣ почти неизвѣстенъ. Болѣзнь моя помѣшала мнѣ достать съ него копію. Знаю только, что предохранительныя средства, имъ рекомендуемыя,

вотъ какія: на бутылку рому, имѣющаго по крайней мѣрѣ 24 градуса, положить 8 золотниковъ баккаутовой смолы (gummi Gvajaci), поставить на 3 или 4 сутокъ въ теплое мѣсто, и послѣ принимать 2 раза въ день по чайной ложкѣ этого настоя въ полрюмкѣ воды. Если же нѣтъ рому, то можно употребить спиртъ и, даже, пѣнникъ. А затѣмъ на горсть соли влить 20 капель купороснаго масла и, закупоривъ бутылку, носить съ собою и нюхать нѣсколько разъ въ день. Это тотъ же хлоровый газъ, но только не столь ѣдкій и дѣйствительный... Постараюсь достать полный рецептъ Хлѣбникова и вамъ сообщу... У насъ было и продолжается молебствіе о избавленіи отъ холеры. Думаютъ о крестномъ ходѣ, но едва ли онъ состоится—архіерей упрямъ. Вотъ все, что узналъ! ...... У насъ нѣтъ мѣста политическимъ новостямъ: холера занимаетъ—и вниманіе, и бесѣды всѣхъ...»

IV.

Смоленскъ, 1880 года. 29-го октября.

«................ О холерѣ у насъ толкуютъ очень много и народъ, и начальство: теперь избранные смотрители кварталовъ ежедневно ходятъ къ губернатору за наставленіями. Учреждены больницы, или по крайней мѣрѣ очищены домы на случай появленія холеры. О Москвѣ не знаю, что и сказать вамъ. По газетамъ — смертность тамъ точно не велика: но отчего же прежде показывалось больныхъ отъ 100 до 200 человѣкъ въ день, а теперь отъ 500 до 7С0 и 900? отчего до 23-го числа не были закрыты присутственныя мѣста, а сего числа закрыты? Не обличаетъ ли все въ обманѣ? отчего ропотъ народа, какъ сами газеты говорятъ? Отчего въ Москвѣ не видно экипажей, кромѣ каретъ, везущихъ больныхъ въ больницы, и—телѣгъ, везущихъ умершихъ въ карантинъ? О другихъ городахъ слышно кое-что, но не подробно, напримѣръ, въ Саратовѣ, въ Астрахани, прекратилась зараза, но какъ: не оттого ли, что не кому было умирать? — Я писалъ уже вамъ, что съ сими городами Смоленскъ не имѣетъ корреспонденціи, слѣдственно и знать нѣтъ почему. А которые и были корреспонденты, тѣ молчатъ, — можетъ быть холера привязала имъ языкъ. Довольно, что теперь холера въ 16-ти губерніяхъ, а въ какой степени—неизвѣстно. Изъ казанскаго губернскаго правленія сообщено сюда, что отселѣ сношенія прекращаются. — Рецептъ Хлѣбникова я и доселѣ не списалъ... Но онъ и изъ газетъ извѣстенъ: какъ скоро кто заболитъ, то: 1) дать ему столовую ложку магнезіи, для укрощенія въ желудкѣ броженія и рвоты, 2) раздѣть до нага и обернувъ простынею, обложить пареной сѣнной трухой, теплою настолько, какъ тѣлу терпѣть можно. Вотъ и все! а предохранительное средство Хлѣбникова вамъ уже извѣстно... Послѣ въ газетахъ опровергали это средство — говорятъ, что оно еще привлекаетъ холеру. Но это вздоръ, это говоритъ одна зависть! Хлѣбниковъ сдѣлалъ гласнымъ еще простѣйшее лѣченіе холеры для простаго народа, именно: какъ скоро кто заболитъ, ту же минуту вытереть его уксусомъ и положить животомъ на горячую печь, укрывъ сверху шубами или одѣялами, чтобы произвесть поскорѣе самый сильный потъ, и болѣзнь пропадаетъ. По всему видно, что Хлѣбниковъ постигъ эту болѣзнь лучше медиковъ, которые ведутъ съ нимъ открытую войну. Онъ самъ пишетъ сюда, что онъ теперь сражается съ ними и имѣетъ деньги, вещи и обиліе во всемъ; отъ каретъ и отъ посланныхъ не отобьется, и надѣется имѣть чинъ, а можетъ и еще что нибудь. Проситъ выслать ему свидѣтельство изъ губернскаго правленія о прежнихъ его заслугахъ... Онъ лѣчитъ

тамъ не отъ одной холеры, но и отъ другихъ болѣзней — самыми простыми средствами и скорѣйшимъ образомъ... Много объ немъ разсказываютъ чудесъ. Вотъ удивительное упрямство медицины: онъ лѣчитъ удачно отъ холеры, лѣчитъ самымъ дешевымъ образомъ, правительство само отдаетъ ему справедливость, и изъ больницы выходитъ болѣе всего выздоравливающихъ: почему же не принять его средствъ во всеобщее употребленіе, когда они дѣйствуютъ прямо, а не окольными дорогами, какъ аптекарскія средства. Удивительное упрямство!.. Избавитъ ли насъ Богъ отъ холеры,—вотъ что худо! — Полки получили повелѣніе къ 10-му числу декабря быть готовыми къ походу, но куда — неизвѣстно, а полагаютъ, что въ Голландію и Францію. Посему велѣно смѣнить карантинную стражу мужиками: ну то ли дѣло мужики!—Нѣтъ, что-то не таланитъ Россіи съ 1825 года!!!.......»

V.

Смоленскъ, 1831 года, 17-го іюня.

«...... О если бы можно было не вѣрить своимъ глазамъ, тогда я повѣрилъ бы словамъ доктора Забіеллы-поляка, котораго подозрѣваетъ весь городъ, который морилъ, многихъ въ Красномъ, и, будучи оттуда принужденъ удалиться, едва ли не будетъ удаленъ отъ лѣченія холерныхъ и въ Смоленскѣ, ибо общество именно объ этомъ просило губернатора. Холера есть въ Смоленскѣ,—въ этомъ меня никто не переувѣритъ: я исповѣдывалъ уже 4 человѣка холерныхъ, слѣдовательно — знаю уже ходъ этой болѣзни. Скажутъ мнѣ, что это отъ невоздержанія, что точно такіе же припадки являлись и безъ холеры, согласенъ; но тогда не было эпидеміи, тогда страдалъ тотъ, кто навлекъ на себя болѣзнь, но окружающіе оставались цѣлы. Отчего же теперь болѣзнь съ тѣми же припадками заразительна? отчего, напримѣръ, въ нашемъ приходѣ въ домѣ, имѣвшемъ 7 человѣкъ семейства, остались только два, а прочіе умерли одинакимъ образомъ и одинъ за другимъ? отчего люди падаютъ внезапно и тутъ же умираютъ? отчего въ разныхъ домахъ у разныхъ людей—одно и тоже? Въ теченіи 13-ти лѣтъ моего священства я видѣлъ не болѣе 2-хъ такихъ случаевъ, хотя и пьянство, и неумѣренность, и прочія слабости были всегдашними спутниками людей. Не вѣрю Забіеллѣ—яко поляку, и яко человѣку не благомыслящему... Есть, конечно, и у насъ случаи, гдѣ не холернаго почтутъ холернымъ и берутъ его въ больницу, но людямъ свойственно ошибаться и, особенно, находя какое нибудь свойство похожее. — Сколько я знаю, болѣзнь сія является въ 3-хъ видахъ, имѣющихъ что-то общее: 1) человѣкъ получаетъ родъ удара, падаетъ, теряетъ употребленіе силъ и членовъ, хладѣетъ весь какъ ледъ, начинаются конвульсіи ужасныя, рвота и поносъ безпрерывный, сопровождаемый сильною, неутомимою жаждою. Это первая степень. Здѣсь можно еще ожидать исцѣленія при надлежащей помощи. Но, если она не подана, то вдругъ затѣмъ слѣдуетъ—остановка конвульсій, синій цвѣтъ тѣла, впалые глаза и богрово-мутный цвѣтъ оныхъ, дыханіе отрывистое, пульсъ сильный и частый,—это послѣдняя степень: здѣсь нѣтъ уже спасенія, Но даръ слова, хотя при слабомъ и сиповатомъ голосѣ, не отнимается. 2-й видъ болѣзни: дѣлается ударъ, отнимаются силы, человѣкъ хладѣетъ весь и нѣмѣетъ, конвульсій нѣтъ, только двигаетъ одной головою и въ такомъ положеніи умираетъ, получивъ синій цвѣтъ лица. 3-й видъ: дѣлается рвота, поносъ, мертвенный холодъ, но съ даромъ слова и безъ конвульсій; наконецъ синѣетъ, глаза наливаются кровью и—смерть!—Теперь городъ уже оцѣпленъ,

никого не впускаютъ, развѣ украдкою, не велѣно и выпускать изъ города. Домы, гдѣ окажется болѣзнь, оцѣпляютъ, а больныхъ берутъ въ больницы: но все это... О люди, люди! Предохранить себя не знаю какъ. Должность у меня такая, что отказываться нельзя, а ходить боюсь, ибо при моемъ разстроенномъ здоровьѣ того и смотри, что заразишься. — Круглымъ числомъ умираетъ здѣсь человѣкъ 8 въ день...... Новостей политическихъ и знать уже не хочется: Богъ съ ними!..........»

VI.

Смоленскъ, 1831 года, 27-го іюня.

«Точно мы живемъ въ вѣкъ чудесъ! и ежели вѣрить предсказаніямъ, изъ коихъ одно уже нынѣ сбывается: то до чего еще доживемъ?—Когда начался скотскій падежъ—этому два или три года, крестьяне говорили: какъ теперь скотъ валится, такъ послѣ сего будутъ люди валиться; и будетъ хлѣба много, да нѣкому будетъ ѣсть. Не сбывается ли же это. Конечно, не такъ много еще мрутъ люди, чтобы нѣкому было хлѣба ѣсть: однако же, если эта язва будетъ года два, три бродить по свѣту, то сколько будетъ жертвъ ея?—Холера у насъ все еще поражаетъ, но слава Богу—въ послѣдніе два дня мало жертвъ ея. 21-го и 22-го умирало среднимъ числомъ по 22 человѣка, а теперь—отъ 7 до 8. Въ нашемъ приходѣ вчера только одинъ умеръ; больные есть, но спасаются тѣмъ лѣкарствомъ, о коемъ я писалъ вамъ, т. е. спиртомъ, принимаемымъ внутрь...... Главное врачевство въ этой болѣзни—потъ, чѣмъ бы не былъ онъ извлеченъ. Главная болѣзнь — охлажденіе желудка, не могущаго болѣе варить пищи. Возстановляется пищевареніе и жизнь возвращается...... О Боже! если бы только чѣмъ нибудь можно было спасать человѣчество! У насъ въ приходѣ больныхъ уменьшилось, да и въ городѣ тоже... Самая большая смертность—26 человѣкъ, была 22-го іюня. Что-то будетъ далѣе? авось сбудется пророчество, что зараза прекратится 1-го іюля. Сколько можно замѣтить: невоздержаніе, неумѣренность въ пищѣ, простуда,—вотъ первыя причины холеры! Къ этому надобно прибавить: дурное, тлетворное состояніе атмосферы, доказываемое очень многими обстоятельствами, а также небреженіе о сообщеніяхъ съ зараженными мѣстами. Спрашивайте вы у меня о чемъ вы хочете знать; право, я теперь столько озабоченъ и дѣлами, и мыслями, что часто не нахожусь, что писать, и забываю, о чемъ прежде писалъ. Посудите: каково и видѣть, и слышать о новыхъ жертвахъ язвы и безпрестанно воображать, что можетъ быть достанется и самому эту чашу пить...

«О новостяхъ политическихъ не спрашивайте: ихъ нѣтъ; газеты на нихъ скупы. О смерти Цесаревича всѣ говорятъ навѣрное, но въ газетахъ—ничего. Что это значитъ?—Польскія дѣла не такъ-то куражны. Теперь живетъ у насъ бискупъ царства Польскаго и служитъ въ костелѣ. Я его видѣлъ, странно: въ скуфьѣ, сюртукѣ и съ крестами—протоіерейскимъ (sic!) и за 12-й годъ, и со звѣздою. Мы живы и здоровы еще. Молитесь о насъ! О! 1831 годъ!.......»

VII.

Смоленскъ, 1831 года, 10-го іюля.

«......... Холера появилась и прекратилась у васъ, но будьте осторожны: гдѣ ни появлялась сія болѣзнь, то всегда такъ: убьетъ нѣсколько жертвъ и затихнетъ, а тамъ вдругъ начинаетъ свирѣпствовать, таится дней 10—14 и

открывается въ полной силѣ. Въ утѣшеніе вамъ скажу о причинахъ и ходѣ болѣзни: торжественно увѣряю васъ, что изъ 300 или 400 жертвъ ея, павшихъ въ Смоленскѣ, ни одной не было невинной: пали пьяницы, глупые, неосторожные. Въ прилипчивости ея мы, приходскіе попы, сомнѣваемся. Правда, бывали примѣры вѣроподобные, какъ-то: двѣ женщины переночевали на постели умершей отъ холеры и въ теченіе 3-хъ дней умерли; но не забудьте, что онѣ были охотницы выпить и одна, сверхъ того, была стара, а другая къ тому еще надѣла и башмаки умершей. Въ другомъ домѣ умерло 8 человѣкъ; но побывайте въ этомъ домѣ и вы скажете, что это гнилая яма, гдѣ и безъ холеры скоро охолеришься. Въ 3-мъ домѣ умерло 4 человѣка и всѣ пьяные, исключая дѣвочки 7-ми лѣтъ, которая объѣлась. Именно, вотъ какія заключенія всѣ здѣшніе выводятъ, несмотря на то, какъ думаютъ о ней лѣкаря: холера есть болѣзнь эпидемическая, но эпидемія сія зависитъ, съ одной стороны, отъ нездороваго состоянія атмосферы, располагающей къ поносамъ и воспаленіямъ въ желудкѣ; а съ другой — отъ готовности человѣка къ принятію болѣзни. Представьте: около больнаго ходятъ, моютъ его, трутъ, поднимаютъ, даютъ лѣкарства, умершихъ кладутъ въ гробъ, несутъ, погребаютъ, всего на все будетъ участвующихъ человѣкъ 20—30 и всѣ цѣлы; если же и поражаются изъ нихъ, то тѣ только, которые или нажрутся, или напьются чего нибудь, напримѣръ, горѣлки, холоднаго, сыраго, зеленаго. Иной сидитъ дома, ни съ кѣмъ не имѣетъ сношеній, больныхъ въ глаза не видитъ, а умираетъ: отчего же? онъ понятія не имѣетъ о воздержаніи и предохраненіи отъ простуды: жретъ все, спитъ на землѣ, въ саду, вообще на открытомъ воздухѣ, окачивается въ банѣ холодною водою и пр., и пр....... Вотъ причина смертности и я голову свою прозакладую, что изъ всѣхъ жертвъ болѣзни въ Смоленскѣ не было невинной! Объ иномъ говорятъ, «помилуйте, онъ не пилъ хмѣльнаго». Да развѣ отъ этого только можетъ разстроиться желудокъ?... Не бойтесь: осторожныхъ холера не беретъ... Главное дѣло, надобно по всей отчинѣ отдать приказъ, какъ только у кого сдѣлается поносъ, сейчасъ или давать знать вамъ, или приставленнымъ въ каждой деревнѣ людямъ, а не дожидаться, покамѣстъ больной охладѣетъ. Будьте покойны: холера не такъ страшна, какъ сначала казалось...»

VIII.

Смоленскъ, 1831 года, конецъ іюля.

«...... Радуюсь сердечно, что холера отвязалась отъ васъ, но совѣтую, быть осторожнымъ, ибо она можетъ вернуться... Это замѣчено и въ Индіи, и вездѣ. У насъ она есть еще, но жертвы ея рѣдки. Въ нашей Никольской холерной больницѣ, многолюднѣйшей и лучшей изъ двухъ, ибо дирижируется усердными докторами Краузе и Пурпури, а не поляками, каковъ врачъ Забіелла, начальникъ городской больницы, находится теперь не болѣе 7-ми человѣкъ больныхъ и большаячасть выздоравливаетъ; а прежде были дни, когда было въ ней не болѣе 5-ти больныхъ. Кажется и это мнѣніе всѣхъ врачей и всѣхъ людей знающихъ, холера эта никогда не прекратится и со временемъ войдетъ въ разрядъ обыкновенныхъ болѣзней. Доказывается это тѣмъ, что гдѣ она ни была, нигдѣ совершенно не прекратилась и, переставъ свирѣпствовать эпидемически, поражаетъ жертвы свои изрѣдка. Такъ, она есть еще: и въ Москвѣ, и въ Калугѣ, и въ Нижнемъ, Саратовѣ, Астрахани; да теперь она есть по всей Россіи! Вотъ странное явленіе! Зять

мой пишетъ изъ Калуги, что въ то время, какъ холера такъ внезапно появилась въ Калугѣ—всѣ жители города сего страдали болѣе или менѣе припадками, сродными холерѣ: у иного кружилась голова, иного тошнило, иного слабило, иной зябъ, иной чувствовалъ судороги съ болью, давленіе въ груди, или что нибудь подобное. Замѣтьте же, что и въ Смоленскѣ съ кѣмъ я ни говорилъ доселѣ, всякій отзывается, что въ іюнѣ мѣсяцѣ ему было очень не по себѣ, т. е. чувствовалъ что нибудь болѣзненное — иной въ половинѣ, другой въ концѣ іюня, или въ началѣ іюля. Не значитъ ли это, что болѣзнь эта приносится воздухомъ и на тѣхъ, кто крѣпче, или не расположенъ къ полной холерѣ, дѣйствуетѣ такъ сказать по частямъ, а другихъ—слабыхъ и невоздержныхъ, поражаетъ всею силою своею... Въ Смоленскѣ еще появились эпидемическія болѣзни между дѣтьми: упорные кровавые поносы, круппъ и скарлатина...

«О новостяхъ политическихъ я не знаю, какъ и говорить. Вы знаете, что газеты о польскихъ дѣлахъ молчатъ, о прочихъ намекаютъ: слухи же говорятъ о томъ и о другомъ яснѣе и хуже. Но описаніе ихъ будетъ по крайней мѣрѣ въ листъ. Скажу вамъ, что на горизонтѣ Европы собираются тучи съ двухъ сторонъ — съ сѣвера и съ юго-запада. Гдѣ онѣ столкнутся, неизвѣстно. «Сѣверная Пчелка» прожужжала, что во Франціи чрезвычайное движеніе (и скорое) военныхъ силъ къ сѣверной границѣ. А слухи лепечутъ, что посланники прусскій и русскій уплели изъ Парижа. О польскихъ дѣлахъ говорятъ, что Варшава взята, каждый домъ штурмомъ, послѣ чего польскія войска удалились къ австрійскимъ границамъ, избѣгая сраженій, въ намѣреніи сберечь войска, до прибытія фррнцузскаго корпуса. Пишутъ изъ арміи, стоящей безъ дѣйствія, что объявленъ походъ заграницу, но куда?—секретъ.

«Въ Москвѣ открытъ ужасный заговоръ поляковъ, въ коемъ участвовали и русскіе московскіе вольнодумцы и повѣсы, и ушедшіе изъ Сибири злодѣи, кои всѣ уже снабжены были оружіемъ и порохомъ. Дѣло открылось—обозомъ пороха, перехваченнымъ на дорогѣ въ Москву. Учреждена тайная чрезвычайная коммисія, схвачено человѣкъ 100 студентовъ московскаго университета, изъ коихъ найдены виновными 60 человѣкъ поляковъ знатныхъ фамилій и нѣсколько русаковъ-бѣдняковъ, соблазненныхъ нуждою, а съ другой стороны — обѣщаніями всего. До сихъ поръ открыто заговорщиковъ до 400, а по слухамъ ихъ тысячи. Цѣль ихъ была, сжечь Москву и поразить... бумагѣ не все можно повѣрить. Увидимся, перескажу. Одного студента возили къ государю въ Питеръ и опять привезли въ Москву, черезъ 5 дней.

«Въ Смоленскъ пріѣхалъ недѣль 6 тому назадъ бискупъ Виленскій сказывая, что онъ гнушается измѣною и удалился посему. Онъ и жилъ здѣсь такъ, какъ вѣрный подданный: служилъ въ костелѣ, ѣздилъ и ходилъ по городу, бывалъ у владыки. Но вдругъ пронесся слухъ, что онъ съ намѣреніемъ пріѣхалъ сюда. И что же: вдругъ привозятъ сюда арцибискупа, отправляютъ его въ Казань, а о бискупѣ получается повелѣніе, отправить за конвоемъ въ Ярославль! Вотъ каковы поляки! О! если бы вамъ все пересказать, вы удивились бы—какъ это зло глубоко пустило корни!.. О заговоры—pro secreto......»

СМѢСЬ.

ЮБИЛЕЙ Антонія Печерскаго. Въ то время, какъ во Псковѣ праздновался 1000-лѣтній юбилей княгини Ольги, историческое мѣстечко Любечъ праздновало девятисотлѣтіе св. Антонія Печерскаго. Городъ Любечъ существовалъ уже въ 882 году, когда имъ овладѣлъ кіевскій князь Олегъ. Мать князя Владиміра была дочь любчанина Малка и родилась въ этомъ городѣ. Въ 983 году здѣсь же родился Антоній Печерскій, тогда еще міряниңъ Антипа. Здѣсь онъ вырылъ пещеру, гдѣ, до отправленія на Аѳонъ, приготовлялся къ подвигамъ иночества. Пещера эта сохранилась до нашего времени, и находится въ саду, принадлежащемъ генералу Милорадовичу. Въ 1870 году устроенъ у входа въ пещеру памятникъ, съ изображеніемъ святого и къ ней въ 1874 году установленъ ежегодный крестный ходъ 10-го іюля. Въ нынѣшнемъ году, онъ былъ особенно торжественъ, по случаю юбилея святого.

Село Ратмиръ. Въ наше время сохранилось уже немного мѣстечекъ, основаніе которыхъ относится къ первымъ временамъ Руси, да и къ тѣмъ, которые остались, общество наше относится такъ равнодушно, что эти памятники прошлой жизни нашей родины мало-по-малу уничтожаются безслѣдно, не обративъ на себя ничьего вниманія. Къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ создавалось московское княжество, богатымъ историческими памятниками и представляющимъ большой интересъ для археологовъ и этнографовъ, принадлежитъ село Ратмиръ или Ратьмиръ, Московской губерніи, Коломенскаго уѣзда, въ 20-ти верстахъ отъ Коломны, на рѣкѣ Москвѣ. Теперь это крайне убогое село въ 30 дворовъ, съ 220 жителями обоего пола, съ маленькою, ветхою, деревянною церковью. По преданію, село стояло прежде на другомъ мѣстѣ, гдѣ теперь большое болото, и было перенесено на нынѣшнее мѣсто по случаю провала, поглотившаго прежній храмъ и съ колокольнею. Ратмиръ существовалъ въ одно время со старѣйшими русскими городами. Здѣсь произошло замиреніе съ ордою какой-то русской рати, откуда село и получило свое названіе. Нынѣшняя церковь съ колокольней выстроена въ 1779 году, но одинъ изъ колоколовъ на ней едва ли не древнѣе всѣхъ московскихъ. На

немъ вылиты единороги и крокодилы, а кругомъ надпись: «Лѣта 7065, марта 12, на память преп. отца нашего Феофана, при державѣ Царства Вел. Кн. Ивана Васильевича всея Руси и при архіепископѣ Піминѣ великаго Новгорода и Пскова, а лилъ колоколъ Іорь Іульянъ». Очевидно, колоколъ этотъ подаренъ селу Иваномъ III, но по какому случаю, объ этомъ не сохранилось преданія. Въ колоколѣ очень много серебра, и недавно крестьяне чуть не пропили его живущему по близости извѣстному фабриканту Хлудову, который хотѣлъ его перелить. Послѣ 1612 года здѣсь долго стояла одна изъ шаекъ тушинскаго вора, и жители села до сихъ поръ носятъ въ окрестности нелестное прозвище «литовской сволочи». Даже съ физической стороны они представляютъ рѣзкій контрастъ съ окружающимъ населеніемъ: вмѣсто русскихъ бородъ у нихъ бѣлобрысые усы и эспаньолки. Въ противоположность общинно-родовымъ воззрѣніямъ сосѣдей, здѣсь развитъ крайній индивидуализмъ, и жители не могутъ похвалиться уваженіемъ къ чужой собственности.

Каменный вѣкъ въ Сибири. Въ окрестностяхъ Тюмени сдѣланы недавно весьма важныя открытія: найдены орудія и издѣлія каменнаго вѣка, такъ рѣдко встрѣчающіяся въ Сибири. Директоръ тюменскаго реальнаго училища, И. Я. Словцовъ, во время экскурсіи съ зоологическою цѣлью, въ 25-ти верстахъ отъ Тюмени, близъ Андреевскаго озера, нашелъ, въ окрестныхъ наносахъ слѣды жилищъ обитателей каменнаго вѣка. На небольшомъ холмѣ, близъ пролива, соединяющаго Андреевское озеро съ озеромъ Дуванъ, сдѣланъ былъ шурфовый разрѣзъ глубиною въ двѣ сажени, обнаружившій, подъ дерновой почвой, слой наноснаго песку, не толще одной четверти и подъ нимъ торфяную землю, до трехъ аршинъ глубины. Надъ слоемъ гравія и мелкаго бѣлаго песку, въ этомъ торфяномъ слоѣ, въ теченіи трехъ дней, найдено до 60-ти обломковъ и цѣльныхъ отбивныхъ каменныхъ ножей, множество обломковъ гончарной посуды, съ самыми разнообразными, иногда очень изящными, вдавленными въ глинѣ узорами, десять рыболовныхъ грузилъ, 3 каменныхъ молотка, одинъ изъ бураго желѣзняка, множество косте разныхъ животныхъ, и, наконецъ, два каменныхъ клина, оолитоваго періода. Вблизи раскопокъ, въ лѣсу, найденъ слѣдъ городища. Изслѣдованіе его и окружающей мѣстности потребуетъ нѣсколькихъ лѣтъ работы, но дастъ несомнѣнно важный результатъ въ археологическомъ отношеніи.

Скиѳская могила. Одновременно съ открытіемъ слѣдовъ до-историческаго человѣка въ Сибири, на другомъ концѣ Рссіи, въ Херсонской губерніи, въ селѣ Станишиномъ, Александровскаго уѣзда, производилась раскопка древней скиѳской могилы. На трехъ аршинной глубинѣ найденъ большой гранитный камень, довольно правильной овальной формы. На этомъ камнѣ, хотя грубо, но весьма отчетливо высѣчена фигура человѣка, опоясаннаго ремнемъ, на которомъ виситъ сабля и кинжалъ; обѣими руками онъ держитъ родъ рога, голова фигуры направлена къ востоку. Подъ этимъ камнемъ въ два аршина длины и 12 вершковъ ширины, найдены сначала черепъ и кости лошади и изломанныя, совершенно заржавленныя желѣзныя принадлежности верховой конской сбруи, какъ кольца, пряжки, удила и т. п. Затѣмъ, по направленію къ сѣверо-западу, на глубинѣ около трехъ саженъ, найденъ человѣческій черепъ, 4 бронзовыхъ стрѣлы, совершенно острыя и незаржавленныя, золотая, прекрасно сохранившаяся и даже блестящая пряжка, тщательной работы, также нѣсколько мелкихъ незаржавленныхъ металлическихъ вещей. Потомъ открытъ ходъ, идущій аркой по направленію къ сѣверу и въ немъ скелетъ собаки и клочокъ хорошо сохранившейся шерсти рыжаго цвѣта; тутъ же найденъ еще маленькій черепъ какого-то животнаго. Въ могилѣ сложено также очень много битаго камня различныхъ породъ, которымъ облицована и вся могила, на саженной глубинѣ отъ ея по-

верхности. При раскопкѣ попадается земля совершенно различнаго свойства, песокъ, глина, черноземъ, жженый уголь, известь, камень и перегной. Это доказываетъ, что земля для насыпи кургана принесена изъ разныхъ мѣстъ.

Томскіе курганы. Предметы нѣсколько болѣе отдаленной древности найдены въ то же время при раскопкѣ кургановъ на большомъ татарскомъ островѣ противъ Минусинска. Пока раскопано только три кургана, и въ каждомъ изъ нихъ заключаются по нѣскольку могилъ, устроенныхъ по двумъ типамъ: онѣ или деревянныя или каменныя, на глубинѣ отъ нѣсколькихъ футовъ, до сажени слишкомъ. Каменныя могилы представляютъ настоящіе гробы изъ плитъ, поставленныхъ на ребро и закрытыхъ сверху большими плитами, величиною въ квадратную сажень, и толщиною до 4-хъ вершковъ, деревянныя могилы представляютъ срубы изъ не толстыхъ бревенъ, иногда обложенныхъ плитками съ боковъ, а сверху закрытыхъ большими плитами. Скелеты лежатъ прямо на галькахъ, на спинѣ, головой на востокъ, съ вытянутыми руками и ногами; въ головахъ каждаго скелета съ лѣвой стороны стоитъ глиняный горшокъ хорошей работы, у иныхъ по два горшка, одинъ въ ногахъ. Могилы очень бѣдны металлическими вещами, чаще всего попадаются мѣдные ножи, гвозди, бляшки и другіе предметы. Въ двухъ могилахъ найдены зубы кабарги съ дырочкой на каждой, въ одной могилѣ двѣ трубочки изъ мѣди, вложенныя въ трубочки изъ плющенаго золота. Въ деревянныхъ могилахъ дерево все сгнило, а костяки большею частію разрушены, вслѣдствіе паденія на нихъ сгнившаго сруба, и тяжелыхъ плитъ вмѣстѣ съ массой земли. Костяки каменныхъ могилъ сохранились хорошо.

Память о Петрѣ Великомъ въ Карлсбадѣ. На желѣзодѣлательномъ пиркенгаммерскомъ заводѣ близъ Карлсбада состоялось, въ присутствіи многочисленной толпы, торжественное открытіе доски съ надписью: «На этомъ заводѣ царь Петръ I въ 1711 году собственноручно выковалъ подкову и желѣзный прутъ». Къ празднеству открытія прибыли изъ Карлсбада почетные гости, въ томъ числѣ нашъ морской министръ, много русскихъ подданныхъ и пользующихся карлсбадскими водами иностранцевъ. Они были радушно встрѣчены. Торжественная процесія двинулась къ желѣзодѣлательному заводу, гдѣ послѣдовало открытіе доски въ память посѣщенія этого завода императоромъ Петромъ Великимъ. При этомъ представитель управленія, передавая доску эту на попеченіе мѣстнымъ властямъ, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Достопочтенное общинное представительство! Карсбадская хроника, равно какъ и новѣйшія историческія изслѣдованія, доказали съ полной достовѣрностью, что великій русскій царь Петръ I, пользовавшійся въ 1711 году карлсбадскими водами, посѣтилъ также и нашу скромную деревушку, причемъ собственноручно выковалъ на этомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ подкову и желѣзный прутъ. Чтобы почтить память гуманнаго дѣянія, свидѣтельствовавшаго объ уваженіи, съ которымъ великій монархъ относился къ ремесленному труду, поставлена на мѣстѣ, гдѣ совершено упомянутое дѣяніе, эта скромная доска. Не одни лишь русскіе высоко чтутъ своего великаго царя. Каждый человѣкъ съ умомъ и сердцемъ долженъ чтить великаго государственнаго дѣятеля, который, находясь на высшей степени могущества и уважая ремесленный трудъ, насадилъ въ своемъ отечествѣ науки, исскуства и промышленность, возлюбилъ и свой народъ и, благодаря своей энергіи, желѣзной волѣ и проницательному уму, довелъ свое царство до высшей степени возможнаго тогда совершенства. Передавая доску эту охранѣ достопочтенныхъ общинныхъ властей, я убѣжденъ, что на самомъ дѣлѣ она не нуждается ни въ какой охранѣ, такъ какъ всякій образованный человѣкъ можетъ лишь съ уваженіемъ подходить къ мѣсту, освященному посѣщеніемъ великаго царя Петра, бывшаго для Россіи тѣмъ, чѣмъ былъ для насъ императоръ Іосифъ». Въ

заключеніе, выступилъ среди общихъ одобрительныхъ возгласовъ 60-ти лѣтній кузнецъ Михаилъ Гебгардтъ, въ одеждѣ простого рабочаго, и сказалъ: «Гг.! Благодарю васъ за то, что вы такъ почтили мою кузницу и хвалили великаго царя, бывшаго когда то моимъ коллегою». Эти безъискуственныя слова вызвали восторженныя одобренія; почернѣвшая отъ времени подкова, до сихъ поръ сохраняющаяся въ кузницѣ, была украшена вѣнкомъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

Открытіе памятника братьямъ Монгольфьеръ. Въ маленькомъ городкѣ Аннонэ происходило торжество по случаю открытія статуй братьевъ Монгольфьеръ. Оба брата родились: старшій Іосифъ въ 1840 году, а Этьеннь въ 1745. До сихъ поръ жители Аннонэ съ гордостью показываютъ домикъ, гдѣ родились изобрѣтатели воздухоплаванія. Ихъ отецъ былъ бумажнымъ фубрикантомъ, Іосифъ работалъ на мануфактурѣ своего отца, сдѣлалъ много изобрѣтеній въ области промышленности, усовершенствовалъ выдѣлку пороха, дубленіе кожъ, вообще кожевенное дѣло, фабрикацію сѣтокъ и, наконецъ, писчебумажное производство; особенно послѣднее многимъ обязано обоимъ братьямъ. Въ Авиньонѣ въ ту эпоху, когда союзныя арміи пытались вести осаду Гибралтара, куда нельзя было проникнуть ни съ суши, ни съ моря, Іосифъ Монгольфьеръ вспомнилъ о воздухѣ. Видъ рубашки, согрѣвавшейся на огнѣ и раздувавшейся въ рукѣ, которая держала эту рубашку, внушилъ ему мысль о воздушномъ шарѣ. Іосифъ подѣлился своею мыслью съ Этьенномъ и они сдѣлали первый воздушный шаръ. Первые опыты были сдѣланы въ Врожье. Огромное возбужденіе, произведенное во всей ученой Европѣ этой новой машиной, способной подниматься въ воздухъ и плавать въ немъ, оставило неизгладимые слѣды. Іосифъ дѣлалъ опыты въ Ліонѣ, Этьеннъ—въ Парижѣ. Людовикъ XVI далъ отцу Монгольфьеровъ дворянскій титулъ. Первый консулъ сдѣлалъ Іосифа директоромъ консерваторіи искусствъ и ремеслъ. Институтъ открылъ ему свои двери въ 1807 году, по иниціативѣ Біо и Гей-Люссака. Этьеннь умеръ въ 1799 году, Іосифъ былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ въ 1810 году. Ихъ геніальное изобрѣтеніе относится къ 1783 году. Статуи обоимъ братьямъ исполнены скульпторомъ Кордье. Іосифъ представленъ стоя съ раздувающимся шаромъ въ рукѣ, а Этьеннь на колѣняхъ нагрѣваетъ зажженнымъ факеломъ воздухъ. Къ сожалѣнію, и спустя сто лѣтъ послѣ открытія воздухоплаванія, оно не сдѣлало значительныхъ успѣховъ и задача управленія воздушнымъ шаромъ все еще остается неосуществимою на практикѣ.

Открытіе статуи въ память защиты Парижа. Въ прошломъ мѣсяцѣ въ Парижѣ, на площади Курбевуа, послѣдовало открытіе статуи въ память 132-дневной осады, выдержанной Парижемъ во время войны 1870—71 годовъ. На этомъ мѣстѣ, до паденія Наполеона III, находилась статуя Наполеона I. Послѣ революціи 4-го сентября эту статую сняли съ пьедестала и бросили въ Сену, откуда ее вытащили по окончаніи войны и сдали въ складъ старыхъ вещей. Въ 1877 году, возникла мысль воздвигнуть на оставшемся пьедесталѣ памятникъ осады Парижа. Памятникъ, воздвигнутый по проекту Барріа, состоитъ изъ трехъ фигуръ, изъ которыхъ двѣ главныя обращены лицомъ къ непріятелю и спиною къ столицѣ. Эти двѣ фигуры изображаютъ городъ Парижъ и солдата. Парижъ представленъ въ образѣ женщины въ вѣнкѣ, съ саблею наголо въ правой рукѣ, со знаменемъ въ лѣвой; она опирается на пушку, дуло которой зазубрено. У ногъ ея сидитъ солдатъ съ ружьемъ. Третья фигура лицомъ обращена въ Парижъ. Это—молодая дѣвушка, воплощающая своимъ грустнымъ видомъ и печальною наружностью страданія парижанокъ во время продолжительной осады, когда имъ пришлось терпѣть столько лишеній. Вся группа имѣетъ въ высоту 4 метра, а пьедесталъ — почти вдвое. При открытіи статуи, послѣ 21 пушечнаго залпа, было произнесено нѣсколько рѣчей, сопровождавшихся возгласами: «Да здравствуетъ республика!»

Статуя республики. Нѣсколько ранѣе этого торжества, въ Парижѣ была воздвигнута новая статуя республики, работы скульптора Мориса. Открытіе этой статуи сопровождалось обычнымъ празднованіемъ. Сильное впечатлѣніе произвела рѣчь префекта сенскаго департамента. Приводимъ изъ нее главныя мѣста: «Торжественное открытіе въ Парижѣ статуи республики не только удовлетворяетъ завѣтнымъ чувствамъ великой французской столицы, но это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и національное празднество всей Франціи. Въ 1789 году раздался кличъ освобожденія, послышавшійся впервые при взятіи Бастиліи. Надъ развалинами абсолютизма гордо вознеслись державныя права народа. Это—праздникъ французской демократіи. Намъ понадобилось менѣе столѣтія, чтобы обезпечить торжество великой революціи и дойти послѣ многихъ превратностей судьбы до примѣненія принциповъ, провозглашенныхъ этой революціей. Въ 1789 году французскій народъ, увлеченный непобѣдимымъ стремленіемъ къ свободѣ, спѣшилъ покончить съ разорявшимъ и подавлявшимъ его прежнимъ режимомъ. Тогда надо было, прежде всего, низвергнуть и разрушить старые порядки. Намъ, напротивъ того, приходится теперь созидать. Искреннѣйшее наше желаніе—окончательно упрочить и усовершенствовать государственный и общественный республиканскій строй, сдѣлать его все болѣе и болѣе достойнымъ Франціи и возвышенныхъ ея стремленій. По желанію народа, высокочтимая имъ республика отказалась отъ прежнихъ своихъ аттрибутовъ, отвергла свой прежній девизъ, дабы предстать предъ Франціей и предъ всѣмъ міромъ въ спокойномъ и гордомъ величіи, держа въ рукѣ масляничную вѣтвь—символъ мира и единенія. Насиліе теперь навсегда устранено. Мѣсто революціонныхъ мѣръ заступила всеобщая подача голосовъ. Нынѣшняя республика черпаетъ свою мощь единственно лишь изъ того самаго источника, изъ котораго исходитъ она сама, изъ права. Художникъ, создавшій статую, при открытіи которой мы присутствуемъ, выразилъ эту мысль, заставивъ республику опереться на скрижаль провозглашенія общечеловѣческихъ правъ: гражданская равноправность, личная свобода, свобода совѣсти, свобода гласнаго и печатнаго слова, неприкосновенность имущества, уваженіе къ труду и къ правамъ ближняго—всѣ эти права и обязанности вмѣщены въ 17-ти статьяхъ достопамятнаго документа, которымъ провозглашены были общечеловѣческія права. Французская нація не хочетъ навязывать своихъ воззрѣній другимъ народамъ; она желаетъ лишь быть свободной и уважаемой у себя дома и не отступить ни передъ какими жертвами, чтобы отстоять свою независимость. Она стяжала на поляхъ сраженій достаточно славы, чтобы не желать болѣе новыхъ войнъ. Французскій народъ знаетъ, что можетъ найти въ своемъ трудѣ и въ блестящихъ свойствахъ національнаго своего генія всѣ необходимыя условія для того, чтобъ со славою занимать подобающее ему мѣсто въ ряду великихъ народовъ и дѣятельно споспѣшествовать мировому прогрессу».

† Финляндскія газеты сообщили о внезапной смерти главнаго редактора газеты «Helsingfors Dagblad», кандидата правъ **Роберта Кастрена**, вызвавшей въ Финляндіи общее соболѣзнованіе. Покойный, несмотря на свою молодость, былъ извѣстенъ въ краѣ, какъ выдающійся публицистъ и человѣкъ всѣмъ сердцемъ преданный интересамъ своей родины. Умершій также недавно редакторъ той же газеты, Лагерборгъ, выступившій въ ней съ программою либеральной партіи, стремящейся къ примиренію двухъ борющихся въ Финляндіи партій, свеноманской и феноманской, передалъ на смертномъ одрѣ руководство газеты покойному Кастрену, который, вслѣдствіе этого, отказался отъ научнаго поприща въ гельсингфорскомъ университетѣ, гдѣ приготовлялся къ занятію каѳедры по государственному праву. Занимаясь при университетѣ, покойный успѣлъ издать нѣсколько историческихъ изслѣдованій, первоначально напечатанныхъ въ журналѣ «Finsk Tidskrift», а затѣмъ

выпущенныхъ отдѣльными изданіями. Изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія очеркъ о «Матіасѣ Колоніусѣ, первомъ прокураторѣ Финляндіи» и о «Финляндской депутаціи 1808 года». Въ послѣдніе года Кастренъ издалъ цѣлую серію очерковъ изъ новѣйшей исторіи Финляндіи, куда входили прежнія его сочиненія и статьи историческаго содержанія. Кастренъ родился въ 1851 году и съ 1872 года сотрудничалъ въ «Helsingfors Dagblad». На послѣднемъ сеймѣ онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ города Нюкарлебю.

† Въ своемъ имѣніи, Тамбовской губерніи, умеръ 35-ти лѣтъ отъ роду, бывшій генеральный консулъ нашъ въ Филиппополѣ, князь **Алексѣй Николаевичъ Церетелевъ**, одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей нашего времени. Онъ родился въ Пензенской губерніи, первоначальное образованіе получилъ въ Лозаннѣ, а въ 1865 году поступилъ въ московскій университетъ, по юридическому факультету. Задавшись уже въ ранней молодости мыслію посвятить себя служенію славянскому дѣлу, онъ еще студентомъ изучалъ славянскія нарѣчія и, по выходѣ изъ университета, гдѣ кончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ, совершилъ поѣздку въ Турцію и Сербію. По возвращеніи поступилъ въ азіятскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ и вскорѣ былъ назначенъ секретаремъ генеральнаго консульства въ Бѣлградѣ, гдѣ при тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ успѣшно отстаивалъ наши интересы. Въ 1873 году онъ былъ назначенъ вторымъ секретаремъ нашего посольства въ Константинополѣ. Когда начались турецкія звѣрства въ Болгаріи, онъ былъ командированъ въ Адріанополь и Филиппополь для управленія консульствами въ этихъ городахъ. Въ самый разгаръ болгарской рѣзни, князь оставался въ Филиппополѣ и ему, вмѣстѣ съ американскимъ генеральнымъ консуломъ въ Константинополѣ Скайлеромъ, было поручено произвести слѣдствіе по дѣлу турецкихъ жестокостей. Протоколы этого слѣдствія привлекли вниманіе всей Европы на бѣдственное положеніе христіанъ Балканскаго полуострова, и константинопольская конференція явилась прямымъ послѣдствіемъ возбужденнаго интереса къ притѣсняемымъ. Когда война стала неизбѣжною, Церетелевъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ дѣйствующую армію. Объявленіе войны застало его въ Кишиневѣ рядовымъ одного изъ драгунскихъ полковъ. Переведенный вскорѣ въ терскій казачій полкъ, онъ былъ назначенъ ординарцемъ М. Д. Скобелева, при которомъ, во время переправы черезъ Дунай, въ первый разъ былъ въ огнѣ. Когда дивизія Скобелева I была расформирована, князь поступилъ въ отрядъ Гурко и въ качествѣ ординарца же совершилъ съ нимъ оба забалканскіе похода. Существенныя услуги, оказанныя имъ при занятіи Тырнова и разъисканіи Хаскіойскаго прохода, доставили ему извѣстность въ военныхъ сферахъ. Потомъ Церетелевъ былъ прикомандированъ къ генералу Игнатьеву, въ Адріанополѣ и Санъ-Стефано, на время мирныхъ переговоровъ. Съ окончаніемъ войны снова поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Филиппополь. Труды его по составленію органическаго статута для Восточной Румеліи создали ему громкую извѣстность въ странѣ. Болгары, зная его преданность славянскимъ интересамъ, относились къ нему съ особымъ довѣріемъ и всегда слѣдовали его совѣтамъ. Болѣзнь князя, вынудившая его оставить службу, и преждевременная смерть вызвали неподдѣльное сожалѣніе во всей Болгаріи.

† Академикъ и заслуженный профессоръ петербургскаго университета **Алексѣй Николаевичъ Савичъ**, скончался 73-хъ лѣтъ. Воспитанникъ московскаго университета, онъ въ 1834 году получилъ степень магистра и для усовершенствованія въ астрономіи отправился въ дерптскій университетъ, откуда, по полученіи степени доктора философіи, черезъ пять лѣтъ переведенъ былъ профессоромъ въ петербургскій университетъ на каѳедру астрономіи. Покойный участвовалъ въ разныхъ астрономическихъ экспедиціяхъ, напечаталъ много

ученыхъ трудовъ отдѣльными изданіями и, въ періодическихъ изданіяхъ, множество мемуаровъ, статей и замѣтокъ по астрономіи, которыми оказалъ величайшія, послѣ В. Я. Струве, услуги для Россіи. Педагогическихъ трудовъ онъ также не мало оставилъ, подготовивъ множество моряковъ и нѣсколько поколѣній университетской молодежи.

† Недавно умеръ въ Архангельскѣ извѣстный своею продолжительною ссылкой въ Соловецкомъ монастырѣ за распространеніе своего ученія, признаннаго ересью, **Адріанъ Пушкинъ**. Помилованный недавно, онъ получилъ порокъ сердца и въ послѣднее время на него находили моменты паническаго страха, когда онъ, какъ помѣшанный, метался по квартирѣ. Подъ давленіемъ невыразимыхъ нервныхъ страданій, его мысли начали все больше сосредоточиваться на смерти, и это давало ему новую пищу для нравственныхъ страданій. Онъ началъ называть себя обманщикомъ, лгуномъ. «Смотрите, говорилъ онъ, указывая на свою фотографію, смотрите на этого человѣка и плюйте ему въ лицо... Онъ лгунъ... Онъ обѣщалъ другимъ неисполнимое... Онъ обѣщалъ другой порядокъ вещей... правду... миръ... любовь... и ничего этого нѣтъ, а самъ онъ долженъ умереть... Плюйте въ лицо ему, обманщику!» Подъ вліяніемъ такого безнадежнаго состоянія духа, измученное тюрьмой тѣло не могло протянуть долго, и онъ умеръ отъ разрыва сердца. До самаго послѣдняго момента своей жизни онъ, все-таки, не примирился съ тѣмъ, что было предметомъ вражды всей его жизни, и скончался, какъ принято выражаться, нераскаяннымъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Отвѣтъ на вопросъ.

Нѣкто, не подписавшій своей фамиліи, въ письмѣ своемъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника», проситъ сообщить печатно въ этомъ журналѣ откуда Е. П. Карновичемъ, въ статьѣ его «Московскіе люди XVII вѣка», почерпнуто свѣдѣніе, что въ это время православные священники на Руси носили «гуменцо», подобно священникамъ римско-католической церкви.

На этотъ вопросъ г. Карновичъ сообщилъ намъ слѣдующее:

«Свѣдѣніе о «гуменцѣ» заимствовано мною изъ двухъ источниковъ: во-первыхъ, изъ постановленія московскаго собора, бывшаго въ 1667 году, и, во-вторыхъ, изъ письма царевича Алексѣя Петровича, писаннаго имъ изъ Вѣны въ Москву.

«Въ упомянутомъ постановленіи сказано: «протопросвиторы, просвиторы, протодіаконы и діаконы на главахъ имѣти прострижено зовомое «гуменцо» не мало, власы же оставляти по круглости главы, еже являетъ терновый вѣнецъ, его же носи Христосъ».

«Что же касается письма царевича Алексѣя, то царевичъ, скрывавшійся въ Вѣнѣ, проситъ въ этомъ письмѣ своихъ сторонниковъ прислать ему тайкомъ священника, но такого, у котораго «заросло бы гуменцо», дабы на пути не задержали его, узнавъ, что онъ лицо духовнаго чина.

«Письмо царевича относится къ 1717 году и его можно найти въ «Исторіи Петра Великаго» сочиненія Устрялова.

Ред.

Портреты Тургенева.

Въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы даемъ два портрета покойнаго И. С. Тургенева, оба сдѣланные съ фотографій извѣстнаго петербургскаго фотографа Бергамаско. Первый изъ нихъ признавался Тургеневымъ наиболѣе схожимъ («Новое Время», № 2,692, замѣтка г. Гнѣдича о портретахъ Тургенева), и дѣйствительно онъ очень удаченъ и имѣетъ огромное сходство, но портретъ этотъ профильный, что̀ и составляетъ его единственный недостатокъ. Другой портретъ, снятый Бергамаско въ болѣе раннее время, былъ подаренъ Тургеневымъ П. Н. Полевому и предназначался къ помѣщенію во второе изданіе его «Исторіи литературы въ очеркахъ и біографіяхъ». По свидѣтельству г. Полеваго, и этотъ портретъ былъ очень схожъ и удачно передаетъ обычное выраженіе лица Тургенева. Первый портретъ гравированъ, по нашему заказу, въ Петербургѣ, граверомъ А. И. Зубчаниновымъ, а второй любезно сообщенъ намъ г. Полевымъ въ парижской гравюрѣ Паннемакера. Кромѣ того, мы прилагаемъ видъ виллы въ Баденъ-Баденѣ, принадлежавшей Тургеневу, гдѣ онъ жилъ много лѣтъ и гдѣ имъ написаны романы «Отцы и дѣти», «Наканунѣ» и др.

міей, которая соединится съ шотландцами, и несчастная Англія захлебнется собственною кровью. Однако ничего подобнаго не случилось! На третій или четвертый день пришло извѣстіе, что король на островѣ Уайтѣ, гдѣ онъ потребовалъ отъ коменданта сдачи укрѣпленнаго замка Каррисбрука, такъ какъ намѣревался остаться на островѣ и защищать его противъ арміи и парламента. Но комендатъ остался вѣренъ данной присягѣ и объявилъ короля военноплѣннымъ, пока не полученъ будетъ приказъ отъ главнокомандующаго. Этотъ одобрилъ сдѣланное распоряженіе и велѣлъ усилить гарнизонъ замка. Теперь всякій благомыслящій человѣкъ долженъ радоваться, что наконецъ отнеслись серьёзно къ дѣлу. Дай Богъ только, чтобы не мешкали съ процессомъ, который возвратитъ миръ нашему несчастному государству, потому что какъ бы строго не оберегали его, Стюартъ найдетъ скрытый окольный путь, по которому не можетъ слѣдить за нимъ глазъ честнаго человѣка. Несмотря на сплошныя цѣпи постовъ и двойные валы онъ умудряется изъ Каррисбрука поддерживать тайныя сношенія въ странѣ и за границей. Ходятъ слухи, что шотландцы усиленно вооружаются. Вездѣ замѣтно броженіе. Получены неблагопріятныя вѣсти изъ Уэльса, Кента, изъ среднихъ графствъ, съ сѣвера и юга, флотъ также не совсѣмъ надеженъ. Однимъ словомъ бѣда грозитъ со всѣхъ сторонъ...

— А Кромвель? спросилъ Авраамъ...

— Никогда не преклонялся я передъ нимъ въ такой степени какъ теперь! Опасности, которыя пугаютъ другихъ, придаютъ ему еще большую силу и увѣренность. Надежда ни на минуту не покидаетъ его, хотя, по мнѣнію большинства, наши дѣла въ самомъ отчаянномъ положеніи.

— Я былъ увѣренъ въ этомъ! сказалъ Авраамъ.—Такимъ я и представлялъ себѣ Кромвеля.

М-ръ Никласъ безпокойно повернулся въ своемъ креслѣ.

— Ну, воскликнулъ онъ,—теперь я вполнѣ увѣренъ, что меня зовутъ!

Въ это время съ улицы изъ открытаго окна ясно послышался визгливый голосъ:

— М-ръ Никласъ! М-ръ Никласъ! Отвѣчайте сэръ, когда васъ зовутъ.

М-ръ Никласъ хорошо зналъ этотъ голосъ, всегда приводившій его въ трепетъ, хотя вообще его нельзя было назвать трусливымъ человѣкомъ. Это былъ голосъ его домоправительницы, почтенной дамы, которая уже двадцать лѣтъ держала бразды правленія въ его маленькомъ домѣ и не выказывала ни малѣйшаго желанія выпустить ихъ изъ своихъ рукъ, хотя онъ втайнѣ мечталъ объ этомъ; м-ръ Никласъ былъ холостякъ, и нерѣдко въ минуты отчаянія у него являлась твердая рѣшимость жениться, чтобы избавиться отъ

Нанси. Но развѣ она позволила бы ему жениться на какой либо другой женщинѣ! Обойтись безъ ея позволенія также не было никакой возможности.

М-ръ Никласъ въ первую минуту сильно испугался, когда услышалъ ея голосъ; но вслѣдъ затѣмъ разсердился, потому что на извѣстномъ разстояніи у него являлось иногда мужество гнѣваться на Нанси.

— Ну что тамъ случилось у васъ? закричалъ онъ, подходя къ окну.—Успокойтесь пожалуйста, я вернусь домой черезъ нѣсколько минутъ!

М-ръ Никласъ привыкъ къ тому, что Нанси безпокоила его для всякой бездѣлицы, когда онъ бывалъ въ домѣ Авраама. Достойная дама была крайне недовольна продолжительными и частыми отлучками своего господина. Она ревновала его ко всѣмъ знакомымъ и, въ особенности, къ Аврамму, который какъ будто околдовалъ его. Нѣсколько разъ говорила она это м-ру Никласу, предостерегая его, и въ послѣднее время сдѣлала ему жизнь особенно невыносимой. Но въ его груди постоянно боролись два чувства: страхъ передъ Нанси и любовь къ наукѣ; онъ становился героемъ въ своемъ кабинетѣ подъ защитой книгъ и рукописей; но перейдя порогъ тотчасъ же дѣлался покорной жертвой Нанси. Если бы знали люди съ какими страданіями и трудомъ пишется иногда ученое сочиненіе!

— Что дѣлать, мой дорогой сосѣдъ! сказалъ м-ръ Никласъ, окинувъ печальнымъ взглядомъ небольшую слабо освѣщенную комнату, гдѣ по стѣнамъ на широкихъ полкахъ виднѣлись старыя книги, къ которымъ онъ чувствовалъ такое глубокое уваженіе.— Все мое горе заключается въ томъ, что я не могу заняться давно задуманной работой! То явится какое нибудь важное государственное дѣло, то Нанси... Господи, когда же водворится миръ на свѣтѣ и въ моемъ собственномъ домѣ!..

Послѣднія слова были произнесены м-ромъ Никласомъ вполголоса какъ бы изъ боязни, что дуновеніе вѣтра можетъ донести ихъ до слуха его домашняго тирана.

— Я долженъ вамъ сказать, продолжалъ онъ взволнованнымъ голосомъ (въ это время въ его душѣ происходила сильнѣйшая борьба: онъ стремился уйти во что бы то ни стало; но тѣмъ не менѣе не двигался съ мѣста),—что нѣсколько дней тому назадъ я началъ одно серьезное сочиненіе. Надѣюсь, что оно составитъ мнѣ имя, и поэтому я хочу исполнить его какъ можно лучше и добросовѣстнѣе...

— М-ръ Никласъ! крикнулъ сердитый голосъ подъ окномъ.

— Ну вотъ видите! воскликнулъ несчастный секретарь Кромвеля, накинувъ на себя плащъ и взявъ шляпу со стула.—Развѣ возможно собраться тутъ съ мыслями, а не только написать что

нибудь дѣльное! Но я долженъ непремѣнно поговорить съ вами сегодня. Да будетъ вамъ извѣстно, что я намѣреваюсь написать сочиненіе въ пользу евреевъ...

— М-ръ Никласъ! снова раздалось подъ окномъ.

Но м-ръ Никласъ подобно Одиссею былъ глухъ и недоступенъ для голоса сирены; разговоръ настолько интересовалъ его, что онъ не въ состояніи былъ думать о чемъ либо другомъ. Положивъ довѣрчиво руку на плечо Аврааму, онъ продолжалъ такимъ спокойнымъ голосомъ, какъ будто на свѣтѣ не существовало никакихъ Нанси.

— Въ этомъ сочиненіи, сказалъ онъ,—я надѣюсь привести несомнѣнныя доказательства, что мы обязаны искупить тѣ несправедливости, какія испытала отъ насъ ваша нація. Я прочелъ все, что было писано по этому вопросу и пришелъ къ заключенію, что парламентъ долженъ загладить вину англійскихъ королей. Быть можетъ теперешнія бѣдствія ниспосланы намъ въ наказаніе за тѣ страданія, которыя мы причинили вамъ.

— Господь да подкрѣпитъ васъ въ вашемъ добромъ намѣреніи! возразилъ Авраамъ.—Если вамъ удастся написать ваше сочиненіе въ томъ духѣ, какъ вы говорите, то это будетъ богоугодное дѣло!

— Прежде всего я обязанъ вамъ той перемѣной, которая произошла въ моихъ взглядахъ на этотъ вопросъ! Развѣ вы не познакомили меня съ драгоцѣннымъ матеріаломъ, о которомъ я не имѣлъ никакого понятія? Теперь общій планъ моего сочиненія готовъ и ничто не помѣшаетъ мнѣ выполнить это дѣло...

М-ръ Никласъ живо представлялъ себѣ тѣ нападки, которыя встрѣтитъ его сочиненіе со стороны его современниковъ. Но они не могли помѣшать ему высказать свои убѣжденія, такъ какъ онъ упорно держался ихъ и, за исключеніемъ Нанси, никого не боялся въ цѣломъ мірѣ.

Но теперь уже давно не слышно было ея голоса; только по временамъ доносился издали шумъ шаговъ, которые глухо раздавались въ узкой пустынной улицѣ.

— Тѣмъ лучше, подумалъ м-ръ Никласъ, она ушла домой! Затѣмъ онъ снова вернулся къ тэмѣ своего сочиненія, которое всецѣло поглащало его.—Я надѣюсь, продолжалъ м-ръ Никласъ, что оно не пройдетъ безслѣдно! Я поднесу его членамъ парламента; Кромвель навѣрно прочтетъ его и тогда...

Съ улицы опять послышался голосъ Нанси, но теперь это былъ не простой зовъ, а раздирающій крикъ помощи.

Въ тѣ времена лондонскія улицы далеко не были такъ безопасны ночью какъ теперь, тѣмъ болѣе, что тогда не считали нужнымъ освѣщать ихъ. Только въ случаѣ какого нибудь скандала, шума или драки на улицѣ изъ ближайшаго дома по требованію ночнаго сторожа выносили фонарь съ сальной свѣчей, который былъ

на-готовѣ у каждаго хозяина. Но обыкновенно тамъ, гдѣ случалось какое нибудь происшествіе сторожа не оказывалось, а полиціи въ тѣсномъ значеніи этого слова еще не существовало. Поэтому не было недостатка въ романическихъ приключеніяхъ, въ видѣ кражъ со взломомъ, разбоя и т. п. При этихъ условіяхъ можно себѣ легко представить испугъ почтеннаго м-ра Никласа, когда онъ услышалъ отчаянные крики своей домоправительницы, сопровождаемые громкимъ смѣхомъ незнакомыхъ голосовъ. Несмотря на всѣ непріятности, которыя онъ испытывалъ отъ Нанси, онъ не задумываясь бросился къ ней на помощь.—Господи, что случилось! воскликнулъ онъ, и застегнувъ плащъ поспѣшно спустился съ лѣстницы и выбѣжалъ на улицу. Авраамъ послѣдовалъ за своимъ другомъ, оставивъ домашнихъ въ сильномъ безпокойствѣ.

ГЛАВА V.

Кавалеръ и его спутникъ.

Въ то время, какъ м-ръ Никласъ разсказывалъ своему другу планъ задуманнаго имъ сочиненія, двое мужчинъ проходили по улицѣ Duke Sreet, такой же темной, какъ всѣ остальныя, такъ что съ перваго взгляда трудно было различить ихъ лица. На значительныхъ улицахъ свѣтъ, падавшій изъ оконъ большихъ домовъ, до извѣстной степени замѣнялъ фонари; но въ маленькихъ улицахъ и переулкахъ было совершенно темно. Жившіе здѣсь бѣдняки скупились на освѣщеніе, и только изрѣдка встрѣчались въ нихъ дома болѣе зажиточныхъ людей. Въ небольшой улицѣ Duke-Sreet виднѣлись только два или три окна выходившихъ на площадь того же имени, тогда еще совершенно пустынную, такъ какъ она едва начинала застраиваться. Площадь Дюка въ описываемое время находилась на крайнемъ концѣ Сити и примыкала къ городской стѣнѣ у такъ называемыхъ «Старыхъ воротъ» или «Oldgate», за которыми стояла церковь окруженная кладбищемъ и тянулся пустырь, гдѣ только что начинали возникать кварталы: Houndsditch и Pettycoat Lane. Налѣво шла большая дорога Whitechapel; направо Minories, Тоуэръ и Темза, берегъ который былъ усѣянъ шинками, служившими притономъ матросовъ и лодочниковъ. Подобное сосѣдство не совсѣмъ безопасное для улицъ, выходившихъ на площадь Дюка, представляло, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что жители ихъ настолько привыкли къ шуму и крикамъ о помощи, которые раздавались здѣсь чуть ли не каждую ночь, что не обращали на нихъ

никакого вниманія, если они не относились къ нимъ лично или ихъ домашнимъ.

При тогдашнихъ порядкахъ двое мужчинъ могли пройти никѣмъ не замѣченные по пустынной улицѣ Duke-Steet; но они такъ громко разговаривали между собою, что ихъ можно было услышать на далекомъ разстояніи. Одинъ изъ нихъ безпрестанно смѣялся и прибавляя чуть-ли не къ каждому слову «goddam» увѣрялъ своего спутника, что сегодня ему было такъ весело, какъ никогда, и что вина и поваръ у графа Лаудердаля—выше всякой похвалы.

— Клянусь честью, продолжалъ онъ,—гомары были мастерски приготовлены и я достаточно выпилъ послѣ нихъ; но это было ничто сравнительно съ той жаждой, какая мучитъ меня въ настоящую минуту. Я лично всего больше люблю испанскій хересъ и французское вино изъ южныхъ провинцій; это вполнѣ подходящіе напитки для кавалера!.. Испанія и Франція прекраснѣйшія страны, и поэтому необходимо выпить за здоровье нашего короля и процвѣтаніе Испаніи и Франціи, которыя обѣщаютъ оказать помощь христіанскому монарху, а пока даютъ возможность его приверженцамъ пить хорошее вино.

Другой, повидимому болѣе пожилой мужчина почтительно упрашивалъ своего младшаго товарища говорить тише. Хотя въ темнотѣ нельзя было разглядѣть его наружности, но по своеобразной интонаціи голоса, можно было сразу догадаться, что онъ принадлежитъ къ партіи пресвитеріанъ, которые сохраняли гнусливый тонъ, не только въ молитвѣ и проповѣди, но и въ обыкновенномъ разговорѣ.

— Не говорите такъ громко милордъ! сказалъ онъ. Кто поручится, что около насъ нѣтъ измѣнниковъ. Но если они не услышатъ васъ, то не забывайте, что есть всевидящее око; отъ него же никто не укроется!..

— Даже въ этой тьмѣ кромѣшной! воскликнулъ съ мнимымъ удивленіемъ товарищъ пресвитеріанина.

— Милордъ, вспомните, что вы наравнѣ съ другими лордами обѣщали принять ковенантъ и, что только богобоязненные люди могутъ принадлежать къ этому священному союзу!

— Другъ мой, предоставьте мнѣ пользоваться свободой, пока я еще не принадлежу къ вашему ковенанту! отвѣтилъ молодой лордъ, дѣлая усиліе, чтобы говорить въ носъ; но это такъ плохо удавалось ему, что онъ громко расхохотался.

— Не глумитесь надъ нами милордъ! возразилъ пуританинъ. Вы знаете, что только одинъ ковенантъ можетъ спасти короля! Герцогъ Гамильтонъ и графъ Лаудердаль предводители шотландскаго войска уже присягнули ковенанту; и только подъ этимъ условіемъ мои собратія изъявили готовность соединиться съ госпо-

дами кавалерами. Въ св. писанiи сказано: Блаженъ мужъ иже не иде...

— Братъ, другъ, буду называть васъ, какъ хотите, только я долженъ сказать вамъ, что ваши проповѣди до смерти надоѣли мнѣ! Если бы я не зналъ, что ваша хитрость превосходитъ ваше благочестiе, то будь я проклятъ если...

— Милордъ, вы не должны произносить проклятiй! Не забывайте, что вы христiанинъ.

— Братъ мой, позвольте мнѣ высказаться и не прерывайте меня на каждомъ шагу. Клянусь добродѣтелью моей матери, я готовъ держать пари...

— Вы не должны держать пари милордъ! убѣждалъ его пуританинъ.

— Кáкъ! вы не допускаете это даже въ томъ случаѣ, когда вопросъ идетъ о добродѣтели моей матери. Вы оскорбляете этимъ память моего покойнаго отца! Къ сожалѣнiю я совсѣмъ не помню его, потому что ножъ проклятаго убiйцы изъ вашей секты поразилъ его въ грудь прежде чѣмъ я началъ лепетать! Но я готовъ поставить на карту или проиграть въ кости все мое состоянiе всѣ замки и земли.

— Вы не можете больше играть, ни въ карты, ни въ кости...

— Дѣлать нечего! Я вижу мнѣ придется отстать отъ многихъ дурныхъ привычекъ, чтобъ сдѣлаться достойнымъ вашего общества! отвѣтилъ товарищъ пуританина тономъ, въ которомъ слышна была скрытая насмѣшка. Я согласенъ и на эту жертву, если короля нельзя спасти инымъ способомъ; но тѣмъ не менѣе не мѣшало бы вамъ выбрать для проповѣди болѣе подходящее время. Развѣ вамъ не извѣстно, что я наѣлся до пресыщенiя у графа Лаудердаля и выпилъ непомѣрное количество вина.

— Не слѣдуетъ пить такъ много вина милордъ! Въ писанiи сказано, что чрезмѣрное употребленiе вина ведетъ къ беззаконiю; я могу указать вамъ на примѣръ Лота...

На этотъ разъ благочестивый пуританинъ могъ спокойно кончить свою назидательную рѣчь, потому что его спутникъ, замѣтивъ издали женскую фигуру, при слабомъ отблескѣ освѣщеннаго окна, стремглавъ бросился къ ней, оставивъ его одного среди улицы.

Все это сдѣлалось такъ быстро, что прежде нежели несчастная женщина замѣтила грозившую ей опасность, молодой кавалеръ подкрался сзади, обнялъ ее и началъ кружиться съ нею.

— Милордъ, что вы дѣлаете: воскликнулъ съ негодованiемъ пуританинъ, который подоспѣлъ во время, чтобы видѣть эту сцену. Не обольщайтесь плотью, она погубитъ васъ.

Но этотъ, не обращая ни малѣйшаго вниманiя на слова своего таварища, тащилъ пойманную имъ женщину къ освѣщенному окну,

чтобы взглянуть ей въ лицо. Ея отчаянные крики о помощи еще больше возбуждали его веселость.

Въ это время на концѣ небольшой улицы отворилась дверь и вдали показался свѣтъ фонаря.

— Еще этого недоставало! воскликнулъ пуританинъ суровымъ тономъ, который представлялъ странное противорѣчіе съ его прежними миролюбивыми разглагольствованіями. Вы устроили отличную исторію! Насъ захватятъ, и что выйдетъ тогда изъ важнаго порученія, которое мы приняли на себя. Боже милосердый, что будетъ со мной!..

Между тѣмъ, молодой кавалеръ подталкивалъ съ усиліемъ женщину укутанную въ большой платокъ. — Иди же сюда къ свѣту моя голубка, упрашивалъ онъ нѣжнымъ голосомъ. Дай намъ посмотрѣть на себя; не сопротивляйся мой ангелъ... Я охотно снесъ бы тебя на рукахъ, но ты кажется немного тяжела для этого... Открой же твое личико милое мое дитя...

Съ этими словами онъ сорвалъ платокъ съ головы женщины, но заглянувъ ей въ лицо громко воскликнулъ: фи, не ожидалъ и отскочилъ отъ нея съ испугомъ.

Этотъ невольный возгласъ заставилъ опомниться онѣмѣвшую отъ ужаса даму и возвратилъ ей гибкость языка. Поцѣлуй далеко не оскорбилъ бы ее такъ, какъ презрительный отзывъ объ ея наружности.—Негодный развратникъ! кричала она. Какъ смѣешь ты обращаться къ честнымъ женщинамъ съ твоими скверными нечестивыми помыслами!

— У меня были самыя честныя намѣренія сударыня...

Но оскорбленная дама не дала ему договорить:—ты еще будешь отрицать, что намѣревался похитить меня!

— Подумайте сударыня, какое тяжелое обвиненіе взводите вы на невиннаго человѣка.

— Я ничего не хочу обдумывать, и знаю только, что добродѣтель должна остерегаться такого развратника какъ ты! Но слава Богу я степенная женщина!..

— Стоитъ только взглянуть на васъ, чтобы убѣдиться въ этомъ! возразилъ кавалеръ.

— Я съумѣю защитить свою честь!

— Успокойтесь сударыня! стоитъ вамъ только показать свое лицо, чтобы отразить всякое нападеніе!

Эти слова окончательно разгнѣвали почтенную даму, которая вообще не отличалась долготерпѣніемъ.

— Насмѣхайся проклятый! Вотъ я тебѣ выцарапаю глаза! проговорила она съ яростью, и повидимому намѣревалась выполнить свою угрозу, такъ какъ протянула къ нему обѣ руки. При этомъ движеніи платокъ, покрывавшій ея плечи упалъ на землю и она очутилась въ полнѣйшемъ negligé, въ которомъ м-ръ Ни-

класъ видѣлъ ее въ лучшія минуты своей жизни. Считаемъ лишнимъ объяснять читателю, что это была Нанси. Каленкоровый чепчикъ съ широкой оборкой окоймлялъ ея круглое лицо съ толстыми щеками, пылавшими отъ гнѣва; маленькіе глаза выглядывавшіе изъ-подъ низкаго лба бросали ядовитыя стрѣлы на дерзкаго юношу. Вязанная кофта, плотно прилегавшая къ тѣлу, обрисовывала ея полныя формы отъ шеи до тальи; къ этому нужно прибавить короткую красную юбку, изъ-подъ которой виднѣлись исполинскія войлочныя туфли на огромныхъ ногахъ, и мы будемъ имѣть полное представленіе о костюмѣ Нанси. Молодой кавалеръ поднялъ платокъ и накинулъ ей на плечи, но при этомъ не могъ удержаться, чтобы не назвать ее женой Пентефрія, и добавилъ, что она вѣроятно пожалуется на него Фараону. Затѣмъ, не обращая вниманія на сопротивленіе Нанси, которая еще больше разгнѣвалась отъ этой клички, онъ схватилъ ее подъ руку и спросилъ: прекрасная супруга Пентефрія, гдѣ вы живете? Позвольте проводить до дверей вашего дома.

Но едва сдѣлали они нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтили м-ра Никласа, который опередивъ своего друга, поспѣшилъ къ своей домоправительницѣ.

— М-съ Нанси, воскликнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ; что случилось съ вами? Вы такъ напугали насъ своимъ крикомъ!

Въ это время къ нимъ подошелъ Авраамъ съ зажженнымъ фонаремъ въ рукахъ.

— Простите, сказалъ кавалеръ обращаясь къ м-ру Никласу и крѣпко стискивая руку своей жертвы, чтобы принудить ее къ молчанію; — но изъ вашего вопроса, я пришелъ къ заключенію, что вы въ близкихъ отношеніяхъ съ этой дамой, и даже быть можетъ настолько счастливы... что...

— Дѣлайте какія хотите заключенія, возразилъ м-ръ Никласъ, но я желалъ бы знать, что случилось здѣсь.

— Извольте я могу разсказать вамъ всю исторію, какъ очевидецъ, сказалъ кавалеръ. На эту почтенную даму напалъ отъявленный негодяй... одинъ пресвитеріанинъ... Онъ оглянулся и увидя вдали неуклюжую фигуру своего спутника, который прокрадывался въ тѣни домовъ, едва не расхохотался во все горло; но его отвлекла Нанси, которую онъ снова долженъ былъ принудить къ молчанію упомянутымъ способомъ. — Этотъ пресвитеріанинъ, продолжалъ разсказчикъ, днемъ читаетъ библію, а ночью, какъ видите преслѣдуетъ скромныхъ беззащитныхъ женщинъ и посягаетъ на ихъ добродѣтель... Извините господа, вы кажется не пресвитеріане, но можетъ быть симпатизируете имъ... Однимъ словомъ, я былъ настолько счастливъ, что явился во-время, чтобы освободить это несчастное существо изъ рукъ развратника, кото-

рый навѣрно погубилъ бы ее безъ моего вмѣшательства! Теперь мнѣ остается только въ цѣлости проводить ее домой.

— Отъ всей души благодарю васъ, сказалъ м-ръ Никласъ, потому что, говоря откровенно, я готовъ разбить черепъ каждому, кто осмѣлится прикоснуться къ ея особѣ.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ кавалеръ, сжимая руку своей дамы, чтобы предупредить новую вспышку, я очень радъ, что своимъ вмѣшательствомъ помѣшалъ кровопролитію! Теперь я въ свою очередь обращаюсь къ вамъ съ небольшой просьбой: не можете ли вы указать мнѣ одинъ домъ въ этой улицѣ?

— Какой домъ?

— Еврея Авраама.

— Вы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, отвѣтилъ Авраамъ, вмѣшиваясь въ разговоръ. Позвольте спросить васъ, что нужно вамъ въ этомъ домѣ?

— Мнѣ необходимо видѣть еврея.

— Вотъ неожиданное посѣщеніе, пробормоталъ Авраамъ, затѣмъ добавилъ вслухъ; я еврей, и меня зовутъ Авраамомъ: вы желали видѣть меня? Чѣмъ обязанъ я этой чести?

Кавалеръ слегка кивнулъ ему головой вмѣсто поклона. — Я долженъ передать вамъ одно порученіе, другъ мой Авраамъ, сказалъ онъ, и такъ какъ оно касается васъ лично, то вы вѣроятно не захотите, чтобы я выполнилъ его среди улицы.

Никласъ просилъ кавалера передать ему Нанси; но этотъ отказался наотрѣзъ и, проводивъ м-ра Никласа и его даму до дверей ихъ дома, онъ почтительно простился съ ними. На его счастье Нанси, войдя въ домъ, упала въ обморокъ, и долго не могла опомниться, такъ что только поздно ночью сознаніе окончательно вернулось къ ней.

Авраамъ оставшись наединѣ съ кавалеромъ, пошелъ впередъ, чтобы указать ему дорогу, но передъ дверью своего дома онъ остановился въ нерѣшимости.

— Вы конечно поймете, сказалъ онъ, что человѣкъ, который заботится о спокойствіи своей семьи, не охотно впуститъ къ себѣ незнакомаго посѣтителя въ такой поздній часъ ночи, а тѣмъ болѣе въ такое тревожное время, какъ теперь. Я ничего не могу сказать противъ васъ лично, добавилъ Авраамъ, разсматривая при свѣтѣ фонаря стройную и изящную фигуру молодаго кавалера, но я не имѣю чести знать васъ, и поэтому позвольте прежде спросить: кто вы такой?

— Вопросъ не въ моей личности; достаточно, если я скажу, что пришелъ къ вамъ по очень важному дѣлу!

— Тѣмъ хуже, возразилъ Авраамъ. Если ваше дѣло вполнѣ честное и не боится дневнаго свѣта, то зачѣмъ же вы явились сюда ночью! Вы не должны удивляться, что человѣкъ, испытав-

шій столько бѣдствій, какъ я, не желаетъ навлечь на себя новыхъ подозрѣній. Какъ угодно, но я не могу позволить вамъ переступить порогъ этого дома, пока вы не скажете въ чемъ дѣло и кто прислалъ васъ ко мнѣ.

Кавалеръ снялъ шляпу; длинные локоны развѣваемые легкимъ ночнымъ вѣтеркомъ, окаймляли правильный оваль его красиваго лица. Стоя съ непокрытой головой, онъ произнесъ медленнымъ торжественнымъ голосомъ:—Я присланъ сюда его величествомъ!

Эти слова поразили Авраама, какъ ударъ грома. На минуту свойственная ему быстрота соображенія оставила его, мысли путались въ его головѣ.

— Вы молчите! воскликнулъ кавалеръ. Неужели этого не достаточно, чтобы заставить васъ оказать мнѣ гостепріимство!

— Чего можетъ еще требовать отъ меня король? спросилъ взволнованнымъ голосомъ несчастный человѣкъ. Въ душѣ его происходила мучительная борьба между религіознымъ и гражданскимъ долгомъ, которая такъ невыносима для человѣка съ харахтеромъ..

— Вы тотчасъ же узнаете въ чемъ дѣло, отвѣтилъ незнакомецъ. Но мнѣ кажется, что улица—не совсѣмъ удобное мѣсто для подобныхъ объясненій!

— Подумайте, какой опасности вы напрасно подвергаете меня! сказалъ нерѣшительно Авраамъ. Но предупреждаю васъ заранѣе, не ждите отъ меня никакихъ уступокъ, которыя будутъ противны моей совѣсти.

— Мой добрый другъ, возразилъ кавалеръ, десять или даже пять лѣтъ тому назадъ, вы не задумались бы открыть дверь тому, кто явился бы къ вамъ отъ имени короля, Тогда онъ былъ въ силѣ и могъ приказывать; теперь онъ плѣнникъ и стоитъ въ лицѣ моемъ просителемъ у вашей двери...

Слова эти смутили Авраама. Онъ вспомнилъ изрѣченіе Іисуса, сына Сирахова: «Другъ не познается въ счастьи и врагъ не скроется въ несчастьи». При счастіи человѣка враги его въ печали, а въ несчастіи его и другъ разойдется съ нимъ...» Войдите! добавилъ онъ вслухъ, обращаясь къ непрошенному гостю..

Кавалеръ молча послѣдовалъ за хозяиномъ дома, который провелъ его черезъ темныя сѣни и небольшую лѣстницу въ свой кабинетъ, гдѣ онъ рано утромъ и поздно вечеромъ, когда его домашніе спали глубокимъ сномъ, проводилъ цѣлые часы, занимаясь изученіемъ священнаго писанія и его различныхъ толкованій.

Авраамъ, войдя въ кабинетъ, тотчасъ же заперъ дверь, ведущую въ жилыя комнаты. Говорите тише, сказалъ онъ указывая на кресло своему позднему гостю; насъ могутъ услышать въ сосѣдней комнатѣ!

Въ кабинетѣ было холодно и не уютно; въ каминѣ не было

огня, и только фонарь, поставленный Авраамомъ на столѣ, тускло освѣщалъ огромные фоліанты и темныя стѣны.

Гость, пользуясь приглашеніемъ хозяина, сѣлъ въ кресло; плащъ спустился съ его лѣваго плеча; на колѣняхъ лежала шляпа съ бѣлыми перьями, прикрѣпленными пряжкой изъ драгоцѣнныхъ камней. Хотя Авраамъ не могъ сразу подробно разглядѣть наружность юноши, но тотчасъ же замѣтилъ его изящныя манеры и поразительное богатство его одежды. Вездѣ сверкали бриліанты и дорогіе камни; на лиловомъ бархатномъ камзолѣ были крупныя алмазныя пуговицы; на груди виднѣлся орденъ, осыпанный каменьями, которые отсвѣчивами зелеными и голубоватыми искрами. Широкія манжеты изъ дорогихъ фландрскихъ кружевъ закрывали половину тонкой изящной руки, лежавшей на ручкѣ кресла; бѣлый воротникъ изъ тончайшаго полотна рельефно выдѣлялся на темномъ фонѣ одежды. Юношѣ казалось на видъ около двадцати двухъ лѣтъ; по своимъ безукоризненно правильнымъ чертамъ лица, выразительнымъ глазамъ, стройной сложившейся фигурѣ, онъ представлялъ собой олицетвореніе мужской красоты и силы. Но въ линіяхъ прекрасно очерченнаго рта по временамъ являлось непріятное выраженіе, которымъ онъ не могъ овладѣть. Его легкомысленная непостоянная натура быстро поддавалась всякимъ впечатлѣніямъ и побуждала его переходить отъ страстныхъ порывовъ гнѣва къ беззаботной веселости, отъ насмѣшки къ серьезнымъ увѣреніямъ и самой утонченной лести. Знатное происхожденіе сказывалось во всѣхъ его движеніяхъ и въ умѣньи дать почувствовать другимъ свое высокое положеніе.

Авраамъ сидѣлъ передъ этимъ блестящимъ аристократомъ въ своемъ шелковомъ длгополомъ сюртукѣ ниже колѣнъ; на сѣдыхъ волосахъ надѣта была черная бархатная ермолка, которую онъ по своему обыкновенію сдвинулъ назадъ съ морщинистаго лба. Онъ былъ большаго роста и довольно полный; въ его спокойныхъ манерахъ и скромномъ обращеніи не было и тѣни униженія или надменности. Лицо его, хотя и носило несомнѣнный отпечатокъ восточнаго типа, но съ кроткимъ и серьезнымъ выраженіемъ, которое придавало ему видъ библейскаго патріарха, чему способствовала и длинная курчавая борода, опускавшаяся на грудь. Онъ никогда не возвышалъ голоса во время разговора, но сегодня онъ говорилъ тише обыкновеннаго.

— Мы одни, сказалъ онъ, обращаясь къ кавалеру, я готовъ выслушать васъ.

— Я былъ убѣжденъ заранѣе, что почтенный Авраамъ, хотя, повидимому, и сдружился съ нашими врагами, но въ душѣ готовъ попрежнему служить нашему дѣлу...

— Милордъ, прервалъ его Авраамъ, извините я не знаю вашего титула... Если вы будете продолжать разговоръ въ этомъ

тонѣ, то я буду вынужденъ прекратить его съ первыхъ же словъ!

— Дѣйствительно, намъ нѣтъ никакой надобности играть эту комедію, возразилъ кавалеръ съ насмѣшливой улыбкой. Я нахожу совершенно естественнымъ, что вы, какъ умный человѣкъ, соблюдаете извѣстную осторожность. Мнѣ остается только хвалить васъ за благоразуміе, такъ какъ вы не имѣете никакого повода довѣрять моей особѣ. Но относительно этого пункта я могу вполнѣ успокоить васъ.

Съ этими словами таинственный посѣтитель вынулъ изъ кармана сафьянный портфель и сталъ перебирать бывшія въ немъ бумаги, пока не нашелъ листъ, сложенный въ видѣ письма. Онъ открылъ его и подалъ Аврааму, который съ перваго взгляда узналъ знакомый ему твердый почеркъ съ крупными, но изящными буквами. Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Нашему вѣрному и любезному подданному еврею Аврааму въ Лондонскомъ Сити.

«Посылаемъ вамъ привѣтъ. Вы можете вполнѣ довѣриться подателю этого письма. Все, что̀ вы ему скажете, будетъ сказано, какъ бы намъ лично; и все, что будетъ обѣщано имъ исполнитъ

благосклонный къ вамъ

Карлъ Rex.

«Написано въ нашемъ королевскомъ замкѣ Каррисбрукѣ 1-го апрѣля, А. Д. 1648».

Авраамъ, прочитавъ письмо внимательно осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ; затѣмъ положилъ на столъ и смѣрилъ кавалера съ головы до ногъ долгимъ внимательнымъ взглядомъ.

— Надѣюсь, спросилъ этотъ, вы не сомнѣваетесь въ подлинности письма?

— Разумѣется нѣтъ, отвѣтилъ еврей спокойнымъ голосомъ. Мнѣ ли не знать этотъ почеркъ! Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, чуть ли не ежедневно я получалъ приказанія подписанныя этой рукой, и отъ того времени у меня сохранилось много документовъ съ поручительствомъ королевскаго слова.

— Мы не забыли вашихъ услугъ, другъ мой Авраамъ, сказалъ кавалеръ. Его величество хорошо помнитъ васъ. Что же касается бунтовщиковъ, изъ которыхъ одни негодяи, а другіе олухи, лишенные всякаго человѣческаго смысла, то они теперь окончательно успокоились, благодаря убѣжденію, что они превосходно охраняютъ короля. Но у его величества нѣтъ недостатка въ вѣрныхъ слугахъ! Повѣрьте мнѣ Авраамъ, что Карлъ I знаетъ, что дѣлаетъ и думаетъ каждый изъ его подданныхъ въ трехъ королевствахъ; и не далекъ день, когда власть будетъ снова возвращена ему; тогда каждый пожнетъ то, что онъ посѣялъ: одни будутъ щедро награждены; другіе получатъ заслуженное наказаніе...

Авраамъ молча опустилъ глаза; на лицѣ его промелькнула грустная улыбка.

— Вамъ также извѣстно, какъ и мнѣ, продолжалъ кавалеръ, что освобожденіе короля—вопросъ времени или, выражаясь точнѣе, зависитъ отъ первой благопріятной минуты. Но когда бы это ни случилось, у насъ все-таки въ распоряженіи нѣсколько дней... Самъ король удостоиваетъ васъ своимъ довѣріемъ, и поэтому считаю лишнимъ скрывать передъ вами чтò-либо: флотъ не намѣренъ больше повиноваться парламенту и ждетъ только перваго сигнала, чтобы отправиться къ берегамъ Франціи и встать подъ знамена принца Уэльскаго. Тогда эти негодяи, передъ которыми теперь трепещетъ Англія, останутся безъ всякой защиты, и никакія стѣны не спасутъ ихъ. Храбрые англійскіе моряки возвратятъ намъ нашего законнаго короля! Они вернутся съ принцемъ, а одновременно съ этимъ съ сѣвера подойдутъ шотландцы въ числѣ 40,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ Гамильтона и Лаудердаля. Пресвитеріане также готовы соединиться съ нами; крестьяне послѣдуютъ примѣру высшаго дворянства, — и черезъ какихъ-нибудь пять-шесть дней плѣнникъ Каррисбрука принудитъ къ повиновенію своихъ противниковъ...

Авраамъ поднялъ голову. — Что же изъ этого? спросилъ онъ, прерывая своего собесѣдника.

— Неужели мой другъ Авраамъ вы будете такъ недогадливы, что не воспользуетесь подобнымъ случаемъ!..

— Позвольте вторично прервать васъ, сказалъ еврей спокойнымъ голосомъ, указывая рукой на письмо, лежавшее на столѣ. Король дѣлаетъ мнѣ честь назвать меня своимъ подданнымъ. Это обстоятельство крайне удивляетъ меня! Развѣ его величество забылъ, что я ничто иное какъ бѣдный еврей, который, по вашимъ законамъ, даже не имѣетъ права жить въ Англіи?

Кавалеръ громко расхохотался. Я вижу, что вы хитрый человѣкъ, мой другъ Авраамъ, и король напрасно удостоиваетъ васъ своимъ довѣріемъ. Вы думаете только о вашей выгодѣ. Это вполнѣ законно, и я могу увѣрить васъ, что вы будете награждены самымъ щедрымъ образомъ. Развѣ императоръ Фердинандъ не пожаловалъ дворянство своему придворному еврею Бассеви, за услуги оказанныя имъ императорскому дому во время войны. Чтò мѣшаетъ нашему королю послѣдовать его примѣру!

Лицо еврея побагровѣло отъ гнѣва: онъ невольно вспомнилъ о тайномъ королевскомъ письмѣ, въ которомъ Карлъ I, послѣ всѣхъ торжественныхъ обѣщаній, данныхъ имъ въ Чильдерлейскомъ замкѣ, грозилъ висѣлицей Кромвелю. Но остатокъ уваженія къ несчастному англійскому королю не позволилъ ему напомнить о письмѣ его приверженцу. Онъ молчалъ.

— Надѣюсь, вы будете довольны такой милостью? спросилъ незнакомецъ.

— Но чего желаетъ отъ меня король? спросилъ Авраамъ спокойнымъ тономъ, съ трудомъ сдерживая свое негодованіе.

— Теперь мы можемъ приступить къ дѣлу. Королю извѣстно, что въ послѣднее время послѣ злополучной сдачи Бристоля, вы вступили въ сношенія съ нашими врагами... Дайте договорить другъ мой! Король не думаетъ осуждать васъ и даже намѣренъ извлечь изъ этого пользу. У васъ повидимому какія-то дѣла съ этимъ пивоваромъ С. Ивса, бывшимъ арендаторомъ въ Эли, который теперь величаетъ себя полководцемъ?

— Если я понялъ вашу милость, сказалъ Авраамъ, то вы говорите о генералъ-лейтенантѣ Оливерѣ Кромвелѣ?

— Совершенно вѣрно, онъ дѣйствительно носитъ этотъ присвоенный имъ титулъ. Вѣроятно вы имѣете свободный доступъ къ этому отъявленному негодяю, который настолько хитеръ, что его очень трудно перехитрить. Но если бы это удалось намъ, другъ Авраамъ, то это была бы ловкая продѣлка! Поймать Кромвеля въ его собственныхъ сѣтяхъ, узнать всѣ его планы, всѣ его тайны, и въ концѣ-концовъ затянуть петлю надъ его головой!..

— Это значитъ, сказалъ Авраамъ, не сводя глазъ съ своего собесѣдника, что вы предлагаете мнѣ роль шпіона! Не такъ ли?

— Точно такъ, другъ мой, если вы хотите употребить это выраженіе. Но мнѣ кажется, что слова не имѣютъ въ данномъ случаѣ никакого значенія.

— Разумѣется, сказалъ Авраамъ, кивнувъ головой. Но скажите мнѣ пожалуйста, почему вы такъ увѣрены, что ваши предположенія непремѣнно сбудутся? Мнѣ кажется, что необходимо предварительно взвѣсить всѣ шансы. Еще вопросъ, удастся ли вамъ освободить короля! Поймите, милордъ, что я желаю всякаго успѣха его величеству... Но что вы скажете, если флотъ не сдвинется съ мѣста; или даже въ случаѣ возмущенія его опять принудятъ къ повиновенію? если шотландцы будутъ разбиты и Кромвель останется побѣдителемъ?..

— Совѣтую вамъ не высказывать подобныхъ вещей! Знайте, что это равносильно государственной измѣнѣ! Я говорю вамъ, и вы можете повѣрить мнѣ, что Кромвель долженъ неизбѣжно пасть, и побѣда останется за королемъ!

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Авраамъ вставая съ мѣста, я предпочитаю пасть вмѣстѣ съ Кромвелемъ, нежели праздновать побѣду, если она останется на сторонѣ короля.

— Проклятый жидъ! воскликнулъ кавалеръ, вскакивая съ кресла; я проучу тебя.

— Я уже предупреждалъ вашу милость, чтобы вы говорили

тише; васъ могутъ услышать въ сосѣдней комнатѣ замѣтилъ Авраамъ.

Но разгоряченный кавалеръ не обращалъ никакого вниманія на эти слова. Плутъ! кричалъ онъ, ты теперь сбросилъ съ себя маску; значитъ и намъ нечего церемониться съ тобой! Мы знаемъ всѣ твои продѣлки, негодный поставщикъ; ты грабишь и раззоряешь бѣдняковъ за одно съ этимъ разбойникомъ, котораго заклеймила сама природа, давъ ему орлиный клювъ вмѣсто носа. Но чортъ скоро унесетъ въ преисподнюю этого свирѣпаго кровожаднаго звѣря!.. Вынимай скорѣе деньги негодный жидъ; возврати сокровища, которыя ты выжалъ у вѣрноподданныхъ его величества. Всѣмъ извѣстно, что ты завѣдуешь дѣлами этого кровопійцы и берешь безбожные проценты... Ну пошевеливайся, отдавай деньги!.. или клянусь святымъ Георгомъ ты запляшешь у меня!

Но чѣмъ больше увеличивалась ярость кавалера, тѣмъ равнодушнѣе становилось лицо Авраама.—Вотъ обычный способъ, съ какимъ знатные господа обходятся съ нами! сказалъ онъ пожимая плечами. Но боже праведный, до чего они не разсчетливы! Въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій они льстили намъ, разсыпались въ увѣреніяхъ, сулили золотыя горы, когда нуждались въ насъ, а въ остальное время, не стѣсняясь, выказывали намъ свое презрѣніе, попирали ногами, били и наносили всевозможныя оскорбленія. Все это проходило безнаказанно, такъ какъ не кому было заступиться за несчастныхъ изгнанниковъ!.. Но если мы поумнѣли съ тѣхъ поръ, то не мѣшало бы и вамъ, милордъ, воспользоваться уроками прошлаго! Положимъ вы хотѣли заключить со мной сдѣлку и взамѣнъ обѣщаннаго дворянства предлагали мнѣ сдѣлаться шпіономъ—все это въ порядкѣ вещей. Но гдѣ же тѣ сокровища, которыя вы требуете отъ меня? Сдѣлайте одолженіе, милордъ, укажите мнѣ ихъ!

Авраамъ перешелъ почти въ шутливый тонъ и невольно улыбнулся при послѣднихъ словахъ. Но это еще больше раздражило молодаго кавалера, который, не помня себя отъ ярости, съ проклятіемъ бросился на еврея съ очевиднымъ намѣреніемъ схватить его за бороду.

Лицо Авраама приняло серіозное, сосредоточенное выраженіе; онъ выпрямился во весь ростъ. Прочь отсюда! сказалъ онъ громкимъ рѣшительнымъ голосомъ. Вы явились сюда отъ имени человѣка, судьба котораго внушаетъ мнѣ глубокое состраданіе; здѣсь на столѣ лежитъ его письмо... Но нужно покончить со всѣмъ этимъ!

Авраамъ открылъ фонарь и, взявъ со стола письмо поднесъ его къ свѣчи, затѣмъ бросилъ на полъ пылающую бумагу, которая на минуту освѣтила комнату красноватымъ свѣтомъ и превратилась въ черный пепелъ. Все опять погрузилось въ полумракъ.

Слова и поступокъ еврея настолько поразили молодаго кавалера, что онъ онѣмѣлъ отъ удивленія. Но вслѣдъ затѣмъ гнѣвъ пробудился въ немъ съ удвоенной силой. Негодный жидъ! крикнулъ онъ дрожащимъ голосомъ. Ты осмѣлился сжечь письмо короля!... Клянусь честью, ты заплатишь жизнью за оскорбленіе его величества!...

Онъ обнажилъ шпагу и бросился на еврея, который неподвижно стоялъ передъ нимъ, сложивъ руки на груди.

Но въ эту минуту неожиданно отворилась дверь, и въ комнату съ громкимъ крикомъ вбѣжали: жена и дочь Авраама.

Яркій свѣтъ свѣчей горѣвшихъ въ сосѣдней комнатѣ, разлился по полу и освѣтилъ столъ, у котораго стоялъ Авраамъ:

— Я васъ предупреждалъ, сказалъ Авраамъ, обращаясь къ кавалеру, который отступилъ на нѣсколько шаговъ,—чтобы вы не говорили такъ громко!

Но этотъ молчалъ. Лицо его было покрыто мертвенной блѣдностью; онъ пристально смотрѣлъ на дверь сосѣдней комнаты и, казалось, не довѣрялъ собственнымъ глазамъ. На порогѣ стояла Мануэлла во всемъ блескѣ своей южной чарующей красоты, но лицо ея противъ обыкновенія имѣло суровое выраженіе. Она подняла руку и указывая на кавалера сказала рѣзкимъ голосомъ:— отецъ, это герцогъ Бокингемъ.

Звуки этого знакомаго голоса, который онъ не слышалъ въ теченіи двухъ лѣтъ, заставили его очнуться. Онъ невольно воскликнулъ: Мануэлла д'Акоста и протянулъ къ ней руки съ страстнымъ порывомъ; еще минута и онъ готовъ былъ пасть къ ея ногамъ.

Мануэлла отстранила его движеніемъ руки:—Не совѣтую вамъ, милордъ, дѣлать новыхъ попытокъ сблизиться со мной! сказала она, отворачиваясь отъ него съ презрѣніемъ.

Герцогъ былъ смущенъ. Его обычное хладнокровіе и находчивость оставили его.

— Очень радъ, что узналъ ваше имя, милордъ, сказалъ Авраамъ. Теперь я надѣюсь мы можемъ считать наше дѣло оконченнымъ.

Оконченнымъ!... Ты напрасно воображаешь, что такъ легко раздѣлаешься со мной! пробормоталъ герцогъ сквозь зубы и, надвинувъ на лобъ шляпу, удалился изъ комнаты.

Прохладный ночной воздухъ освѣжилъ его. Сознаніе унизительной роли, которую ему пришлось разыграть, приводило его въ бѣшенство, но среди мученій уязвленнаго самолюбія и отвергнутой любви лучъ недежды промелкнулъ въ его душѣ. Я отомщу этому проклятому старику тѣмъ или другимъ способомъ! сказалъ онъ себѣ; а Мануэлла, если она не захочетъ добровольно послѣдовать за мной, то должна будетъ уступить насилію! Клянусь св. Георгомъ, на этотъ разъ она не ускользнетъ изъ моихъ рукъ...

Занятый этими размышленіями, онъ не замѣтно дошелъ до конца улицы, гдѣ его ожидалъ пуританинъ, стоя у стѣны одного дома, и только тогда рѣшился подойти къ нему, когда онъ назвалъ его по имени.

— Вамъ не дѣлаетъ чести, милордъ, что вы оклеветали меня такимъ недостойнымъ способомъ передъ этими людьми! пробормоталъ съ неудовольствіемъ благочестивый человѣкъ, дорожившій своей репутаціей. Но герцогъ громко расхохотался. Онъ былъ опять въ наилучшемъ расположеніи духа, такъ какъ радость, что ему удалось найти Мануэллу послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ заглушала въ немъ всѣ другія чувства.

— Многоуважаемый братъ, сказалъ онъ, не отвѣчая на упрекъ, дѣла наши идутъ наилучшимъ образомъ: мы повѣсимъ стараго жида или сдѣлаемъ съ нимъ все, чтò ты захочешь, а затѣмъ раздѣлимъ между собой его бочки съ золотомъ и увеземъ красивую дѣвушку... Ура!

Онъ схватилъ за руку пуританина и потащилъ его за собою черезъ площадь, прежде чѣмъ этотъ успѣлъ выразить свое удивленіе или неудовольствіе. Дойдя до угла улицы, выходившій на Темзу, онъ остановился и, вынувъ изъ кармана сафьянный портфель, отыскалъ въ немъ ощупью клочекъ бумаги и, несмотря на темноту, написалъ карандашемъ слѣдующія слова:

«Я опять нашелъ ее! Надѣюсь, что ваша свѣтлость не откажетъ помочь мнѣ своимъ совѣтомъ, чтобы она вторично не выскользнула изъ моихъ рукъ.

Вѣчно благодарный и преданный вамъ до гроба

Георгъ Вилье, герцогъ Бокингемъ».

Затѣмъ онъ передалъ эту записку пуританину: отнесите эту записку графинѣ Дизаръ сказалъ онъ. Только пожалуйста сдѣлайте это какъ можно скорѣе и, не теряя ни минуты, приходите ко мнѣ, я буду ожидать васъ на берегу, въ шинкѣ «Трехъ Драконовъ». Тамъ отличный эль и водка, а я умираю отъ жажды!... Мы потолкуемъ о скандалѣ, который готовится въ слѣдующее воскресенье и выпьемъ за здоровье короля Карла.

Съ этими словами герцогъ Бокингемъ скрылся подъ темными сводами воротъ ведущихъ въ улицу Eastcheap.

Пуританинъ, оставшись одинъ, глубоко вздохнулъ, какъ будто освободился отъ тяжести. Онъ вернулся назадъ и, остановившись на углу площади, передъ освѣщенными окнами одного дома, прочелъ записку молодаго герцога. По лицу его промелькнула злобная усмѣшка. Отлично! пробормоталъ онъ; я вывѣдалъ отъ тебя все, чтó мнѣ было нужно. Теперь вы оба въ моихъ рукахъ! Боже праведный чего только мнѣ не пришлось вытерпѣть отъ нихъ!... Въ священномъ писаніи сказано: «они будутъ преданы въ руки его и къ концу времени, и временъ, и полувремени все это со-

вершится»! Вы хотѣли сдѣлать меня орудіемъ своихъ замысловъ, но я докажу вамъ, что наши роли давно перемѣнились; и это также вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Пиккерлингомъ!... Ну теперь отправимся къ графинѣ.

ГЛАВА VII.

Богъ за короля и старую Англію.

Въ слѣдующее воскресенье замѣтно было особое оживленіе на Moorfield'ѣ, обширномъ полѣ за городской стѣной, которое хотя и находилось за другими воротами, но было не болѣе какъ на разстояніи тысячи шаговъ отъ вышеописанной мѣстности. Тогдашній Лондонъ совсѣмъ не походилъ на нынѣшній городъ; каменная стѣна съ многочесленными хорошо укрѣпленными воротами опоясывала сити, какъ это было во всѣхъ средневѣковыхъ городахъ Англіи, Германіи и Франціи.

Ярко сіяло солнце и пѣли птицы въ это прекрасное апрѣльское утро. Нынѣшній Moorfield сплошь покрытъ домами, и среди его закоптѣлыхъ стѣнъ и домовыхъ трубъ не можетъ пѣть ни одна птица; и даже солнце теряетъ свой блескъ; но въ тѣ времена онъ представлялъ собой обширный лугъ, порерѣзанный рвами и обсаженный деревьями. Это было любимое гулянье лондонскихъ жителей; они приходили сюда подышать чистымъ воздухомъ послѣ дневныхъ трудовъ и заботъ, поиграть въ мячъ или пустить змѣй. Тогда люди не были такъ требовательны какъ теперь; они радовались гуляя по полямъ подъ руку съ дородной супругой и съ ребенкомъ на рукахъ, въ то время какъ неженатые люди высматривали хорошенькую миссъ, которая въ скромномъ нарядѣ съ опущенными глазами шла около своихъ родителей. По ту сторону поля, гдѣ въ настоящее время дымъ и копоть, стукъ колесъ и торговый шумъ, жили прачки, стирали бѣлье и бѣлили полотна на лугу, напѣвая пѣсни.

Таковъ былъ общій характеръ Moorfield'a уже много лѣтъ и, вѣроятно, сохранился бы еще долгое время, если бы исключительныя условія не нарушили въ это утро обычный порядокъ вещей.

Слышенъ былъ звонъ церковныхъ колоколовъ, такъ какъ это было время молитвы и проповѣди въ благочестивомъ Лондонѣ. Всѣмъ извѣстно, что̀ представляетъ собою здѣсь воскресный день даже въ настоящее время, но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какъ праздновали воскресенье въ ту пору господства строгаго пуританизма. Даже въ будни запрещены были невинныя игры, всякія удоволь-

ствія, танцы, посѣщеніе театровъ, пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ; однимъ словомъ все, что могло отвлечь человѣческую душу отъ религіознаго созерцанія и вести къ наслажденію земными благами.

Само собою разумѣется, что этотъ строгій и аскетическій образъ мыслей былъ далеко не по душѣ веселой молодежи многочисленнаго класса ремесленниковъ и подмастерьевъ и массѣ простаго народа. Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ никто изъ нихъ не слыхалъ танцовальной музыки, не видѣлъ майскаго дерева, не ѣлъ гуся въ день св. Мартина и пудинга въ Рождество; взамѣнъ всего этого ихъ заставляли поститься и слушать безконечныя проповѣди. Лондонскіе подмастерья составляли тогда многочисленную и сильную корпорацію. Если вѣрить извѣстіямъ современныхъ историковъ, то они довольно часто производили безпорядки въ Сити; и не разъ въ продолженіи послѣднихъ шести лѣтъ являлись въ Вестминстеръ цѣлыми толпами, чтобы выразить крикомъ свое одобреніе или нерасположеніе тому или другому члену парламента. Въ этихъ случаяхъ они всегда руководились общественнымъ мнѣніемъ, которое, благодаря ходу событій, отличалось замѣчательнымъ непостоянствомъ. Еще недавно они рукоплескали членамъ парламента, искавшимъ спасенія отъ преслѣдованій Карла I за стѣнами Сити, поклонялись Дензиль Голлису. Но все измѣнилось съ тѣхъ поръ: вожди пресвитеріанской партіи были отправлены въ изгнаніе; король объявленъ плѣнникомъ въ Каррисбрукѣ!

Такимъ образомъ побѣдители и побѣжденный, король и пресвитеріане очутились въ одинаково безвыходномъ положеніи. Благодаря этому случайному совпаденію примиреніе между обѣими сторонами сдѣлалось завѣтной мечтой большинства обитателей Сити. Они толковали объ этомъ у себя дома и на улицѣ при встрѣчѣ съ пріятелями и открыто высказывали мнѣніе, что для государства одно спасеніе, если пресвитеріане соединятся съ королевскими приверженцами, но разумѣется подъ условіемъ, чтобы послѣдніе вмѣстѣ съ королемъ присягнули ковенанту. Тѣ же толки велись и въ мастерскихъ, среди стука и шума молотовъ, пилъ и топоровъ и дѣйствовали возбуждающимъ образомъ на юныхъ подмастерьевъ, которые жадно прислушивались къ голосу общественнаго мнѣнія.

Естественно, что при этихъ условіяхъ они съ радостью приняли приглашеніе явиться въ слѣдующее воскресенье на «Moorfiled» съ первымъ ударомъ церковныхъ колоколовъ.

Самое слово «Moorfield» пріятно звучало для ихъ слуха, такъ какъ при этомъ имѣлась въ виду веселая прогулка за городъ и возможность подышать свѣжимъ воздухомъ. Но въ данномъ случаѣ повидимому предстояло еще двойное удовольствіе: ихъ приглашали явиться «въ воскресенье утромъ», что было равносильно явному непослушанію начальства и подавало надежду, что ихъ собираютъ съ цѣлью произвести бунтъ или по крайней мѣрѣ уличный безпорядокъ.

Рано утромъ, задолго до того времени, когда раздался первый церковный колоколъ, Moorfield сталъ переполняться народомъ. Солнце, выглянувъ изъ тумана, освѣтило обширный зеленый лугъ, блестѣвшій отъ утренней росы.

Когда подошли подмастерья, то уже застали моряковъ въ полномъ сборѣ, это были бо̀льшею частью матросы и юнги съ кораблей, стоявшихъ на якорѣ въ Темзѣ. Тѣ и другіе привѣтствовали другъ друга громкимъ «ура!» Началось взаимное угощеніе табакомъ и водкой, которая явилась неизвѣстно откуда и, вдобавокъ, въ большомъ количествѣ. Подмастерья были вооружены толстыми дубинами для игры въ мячъ и деревянные шары, которые они захватили съ собой; у матросовъ были большіе ножи; они воткнули ихъ въ землю, чтобы обозначить кругъ. Высоко полетѣлъ мячъ; послышались веселые крики играющихъ; смѣхъ и шутки столпившихся зрителей, и въ то же время раздался торжественный звонъ церковныхъ колоколовъ: началась обѣдня.

Между тѣмъ въ толпѣ, которая все увеличивалась и наполнила собой весь лугъ распространилось непріятное извѣстіе, что близъ Финсбури показались солдаты.

— Тѣмъ лучше, пусть пожалуютъ сюда! воскликнулъ молодой парень съ изящной аристократической наружностью, представлявшій рѣзкій контрастъ съ грубой матросской курткой, накинутой на его плечахъ.—Мы не двинемся съ мѣста! Не хочешь ли выпить пріятель?

Съ этими словами молодой морякъ подалъ стоявшему возлѣ него подмастерью фляжку водки, которую онъ вынулъ изъ кармана своей синей куртки. Несмотря на видимое желаніе держаться какъ можно проще, въ его манерахъ сказывалось сознаніе превосходства надъ окружающими; но вмѣстѣ съ тѣмъ во всей фигурѣ и наружности было столько привлекательнаго, что подмастерье, видѣвшій его въ первый разъ въ это утро почувствовалъ къ нему невольное расположеніе.

Фляжка молодаго моряка, переходя изъ рукъ въ руки скоро опустѣла; получивъ ее обратно онъ подозвалъ пожилаго матроса, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него съ растегнутымъ воротомъ, несмотря на рѣзкій утренній вѣтеръ:—Доброе утро, товарищъ, сказалъ онъ, надѣюсь ты пришелъ не съ пустыми руками и не откажешься угостить насъ!

Тотъ, къ кому обращеры были эти слова, былъ приземистый широкоплечій человѣкъ съ лицомъ, почернѣвшимъ отъ солнца и непогоды, закаленный противъ бурь, такъ какъ онъ не разъ сиживалъ на верху мачты среди бушующаго моря. Ласковый тонъ, съ которымъ обратился къ нему молодой матросъ, на столько смутилъ его, что онъ едва не снялъ своей клеенчатой шляпы, на которой

развѣвалась голубая шелковая лента съ крупною надписью золотыми буквами: «The Constant Warwik».

Это былъ матросъ съ военнаго корабля «The Constant Warwik», который, не смотря на свое названіе, не отличался особеннымъ постоянствомъ, такъ какъ среди его экипажа впервые обнаружился духъ возмущенія, и теперь онъ первый открыто возсталъ противъ парламента и объявилъ себя на сторонѣ короля.

— Разумѣется милордъ... я... милордъ... пробормоталъ заикаясь матросъ.

— Зачѣмъ величаешь ты меня такимъ образомъ! воскликнулъ молодой морякъ, ударивъ его ладонью по головѣ, такъ что клеенчатая шляпа свалилась ему на лицо къ общему удовольствію зрителей, которые громко захохотали.—Давай сюда свою фляжку; я хочу угостить этихъ джетльменовъ!

Какъ онъ ни старался отвлечь вниманіе своихъ новыхъ пріятелей; но слово «милордъ» было произнесено и оказало свое дѣйствіе. Подмастерья не выразили ни малѣйшаго неудовольствія и были видимо польщены, что между ними представитель высшаго дворянства, которое издавна относилось къ нимъ съ пренебреженіемъ. Поэтому, ликуя въ душѣ, они усердно угощались водкой, которая казалась неистощимой и бросали на воздухъ пустыя бутылки съ громкими пожеланіями счастья и долгой жизни щедрому лорду.

Молодой морякъ, видя, что его инкогнито обнаружено, тотчасъже нашелъ способъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія. Ну, дѣлать нечего! ни мнѣ, ни моему брату нѣтъ никакого смысла скрываться дольше! Съ этими словами онъ взялъ за руку стоявшаго около него красиваго юношу, такъ же одѣтаго матросомъ и, обращаясь къ толпѣ добавилъ: Если вамъ угодно узнать наши имена мои дорогіе товарищи, то позвольте представить вамъ вопервыхъ моего брата лорда Франциса Виллье, а во-вторыхъ меня самого, вашего покорнаго слугу, готоваго идти за вами на жизнь и смерть, Георга Вилльe, герцога Бокингема!

Едва было произнесено это имя, какъ раздался громкій восторженный крикъ: Да здравствуетъ герцогъ Бокингемъ! Всѣ Вилльe! ура!

При этомъ крикѣ болѣе или менѣе многочисленныя группы людей, стоявшихъ въ отдаленіи, придвинулись ближе, такъ что молодой герцогъ, незамѣтно очутился въ центрѣ громадной толпы. Многіе изъ присутствующихъ, особенно болѣе пожилые моряки помнили какъ погибъ его отецъ отъ удара фанатика, что̀ послужило первымъ, хотя отдаленнымъ сигналомъ къ революціи. До сихъ поръ они проклинали покойнаго герцога и обвиняли его въ бѣдствіяхъ междоусобной войны, но теперь они съ такимъ восторгомъ превозносили его имя, что заглушали своими криками звуки органовъ и пѣніе, которое началось въ сосѣднихъ церквахъ.

— Товарищи! сказалъ герцогъ, снимая съ головы шляпу, украшенную синей лентой, теперь для васъ наступятъ лучшіе дни, нежели тѣ, какіе вы переживали до сихъ поръ. Подайте сюда фляжку!.. Пью за здоровье Лондонской молодежи и храбрыхъ англійскихъ моряковъ!.. Въ настоящее время должно исчезнуть всякое различіе между знатными людьми и простонародьемъ; мы можемъ смѣло подать руку другъ другу, такъ какъ у насъ тѣ же помыслы и желанія. Вы видите, мы лорды, одѣли простую матросскую куртку, чтобы служить тому человѣку, который одинъ можетъ выручить насъ изъ бѣды. Я не называю его имени; но вы понимаете меня... Одно несомнѣнно и всякій долженъ согласится съ этимъ, что такой порядокъ вещей, какой мы видимъ въ послѣдніе годы, не можетъ долѣе продолжаться!...

— Герцогъ совершенно правъ! Такъ не можетъ продолжаться, заговорила толпа.

— Мы считаемъ себя свободными людьми! продолжалъ Бокингемъ. Но развѣ мы можемъ дѣлать, чтò хотимъ, говорить то, чтò думаемъ? Каждое наше слово подслушиваютъ; мы окружены шпіонами!.. Все это должно измѣниться. Долой ненавистную тиранію этихъ ханжей!

Въ толпѣ послышался, одобрительный шопотъ.

— Намъ не позволяютъ выпить лишней капли вина, пропѣть веселую пѣсню; за нами слѣдятъ, когда мы ходимъ по трактирамъ!.. Вы слышали, что уже появились солдаты у Финсбури, потому только, что мы собрались здѣсь поиграть въ мячъ! Чтò могутъ они найти дурнаго въ этой игрѣ! Вотъ я привелъ съ собой ученаго мужа, который славится своимъ благочестіемъ. Онъ объяснитъ намъ: грѣшно ли играть въ мячъ или нѣтъ?

При этомъ онъ ударилъ по плечу худощаваго человѣка жалкой наружности, который дѣлалъ напрасныя усилія, чтобы скрыться въ толпѣ. Герцогъ схватилъ его за руку и вытащилъ впередъ несмотря на его отчаянное сопротивленіе. Это былъ Пиккерлингъ.

Онъ откашлялся пріискивая слова, съ которыхъ по его мнѣнію было бы прилично начать рѣчь. Наступила довольно продолжительная пауза, во время которой можно было ясно разслышать церковное пѣніе.

Не прошло трехъ лѣтъ съ того дня какъ благочестивый Пиккерлингъ проповѣдывалъ возмущеніе противъ своего господина за данное имъ разрѣшеніе поставить майское дерево въ Чильдерлеѣ. Сегодня онъ самъ во время обѣдни, когда игралъ органъ и раздавался звонъ церковныхъ колоколовъ, стоялъ среди праздничной толпы, чтобы доказать ей, что оскверненіе воскреснаго дня не должно считаться грѣхомъ.

Но въ данную минуту одна мысль о мести воодушевляла этого человѣка. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ несчастныхъ натуръ,

которыя съ затаенной злобой смотрятъ на міръ Божій и на все, что творится въ немъ, и ради какой нибудь личной неудачи въ жизни готовы завидовать всякому успѣху и въ то же время слишкомъ честолюбивы, чтобы подчиниться власти единичнаго лица, хотя бы всѣ признавали ее. Такихъ людей не удовлетворяетъ никакая партія; съ своими такъ называемыми принципами они нигдѣ не находятъ себѣ пріюта и всегда стоятъ на сторонѣ недовольнаго меньшинства.

— Вы собрались здѣсь друзья мои для игры въ мячъ, началъ съ разстановкой злополучный пуританинъ. Я не помню ни одного мѣста въ Библіи, изъ котораго можно было бы вывести заключеніе, что эта игра должна быть запрещена. Почему же вамъ не играть въ мячъ?

— Браво, воскликнули подмастерья и матросы въ одинъ голосъ. Такой проповѣди намъ никогда не приходилось слышать! Дѣйствительно, почему же намъ не играть въ мячъ?

— Разумѣется сегодня воскресенье, и въ писаніи сказано: «наблюдай день субботній, чтобы свято хранить его какъ заповѣдалъ тебѣ Господь, Богъ твой», но это, какъ видите вовсе не относится къ игрѣ въ мячъ. Я спрашиваю себя и спрашиваю васъ: Развѣ вы пришли сюда только съ тою цѣлью, чтобы насладиться удовольствіемъ, которое можетъ показаться инымъ людямъ нечестивымъ и неприличнымъ для христіанина? Нѣтъ друзья мои вы пришли сюда, чтобы выказать этимъ неповиновеніе власти проклятой самимъ Богомъ и наперекоръ тому гордецу у котораго «сердце надломилось и духъ ожесточился до дерзости». Я говорю объ измѣнникѣ живущемъ противъ стараго дворца Уайтголля: теперь онъ достигъ величія и славы и угнетаетъ своихъ прежнихъ друзей, которые помогали ему захватить власть въ свои руки...

— Онъ говоритъ о Кромвелѣ! заревѣла толпа. Долой Кромвеля! Онъ предалъ короля!..

— Вы не должны такъ громко кричать, друзья мои, продолжалъ ораторъ, боязливо оглядываясь. Развѣ вы не слыхали, что солдаты стоятъ на-готовѣ у Финсбури? Хотя въ писаніи сказано: «не страшись ихъ: ибо Господь Богъ твой среди тебя; и предастъ ихъ тебѣ и приведетъ ихъ въ великое смятеніе...

— Довольно, мой другъ! воскликнулъ герцогъ, которому надоѣло краснорѣчіе пуританина. Ты говорилъ хорошо, но мы дослушаемъ тебя въ другой разъ. Мы можемъ если вамъ угодно возобновить игру, джентльмены; хотя врядъ ли намъ удастся окончить ее!..

Съ этими словами Бокингемъ указалъ рукой по направленію городскихъ воротъ, гдѣ появился отрядъ кавалеристовъ выѣзжавшихъ по-парно изъ подъ темныхъ арокъ, надъ ихъ головами сверкали пики, штыки и ружейные стволы освѣщенные утреннимъ солнцемъ.

Пиккерлингъ онѣмѣлъ отъ ужаса при видѣ вооруженныхъ солдатъ и съ быстротой молніи скрылся въ толпѣ; между тѣмъ какъ герцогъ громко крикнулъ обращаясь къ подмастерьямъ:—Ну друзья мои впередъ. Чья очередь начинать игру? Приготовьте дубины и встаньте по обѣимъ сторонамъ! Матросы будутъ бросать мячъ, а вы ловите его... Если кто осмѣлится помѣшать намъ, того мы встрѣтимъ крикомъ: Богъ за короля и старую Англію! и начнемъ битву, хотя бы всѣмъ намъ пришлось лечь на этомъ мѣстѣ!

Въ это время прибывшій отрядъ, выѣхавъ изъ воротъ, занялъ все пространство между городской стѣной и дорогой ведущей къ Moorfield'у, и только небольшой взводъ изъ двадцати пяти человѣкъ подъѣхалъ къ лугу. Ихъ встрѣтилъ громкій крикъ: «Богъ за короля и старую Англію!» Трубачъ трижды подалъ сигналъ къ водворенію порядка, но толпа стоявшая на лугу зашумѣла еще сильнѣе. Наконецъ полковникъ, командующій взводомъ выдвинулся изъ рядовъ съ обнаженной шпагой и въѣхалъ на мостъ переброшенный черезъ ровъ на «Moorfield».

На лицѣ Бокингема выразилось безпокойство, когда онъ увидѣлъ его.—Это нашъ кузенъ Франкъ Гербертъ! сказалъ онъ вполголоса, обращаясь къ своему брату Францису. Еще этого не доставало, чтобы чортъ принесъ его сюда! Я увѣренъ, что онъ сразу узнаетъ меня несмотря на матроскую куртку. Мы никогда особенно не любили другъ друга, такъ что я охотно помялъ бы ему бока за то, что онъ перешелъ на сторону бунтовщиковъ...

— Не совѣтую тебѣ связываться съ нимъ теперь Георгъ! отвѣтилъ герцогъ Виллье. Ты можешь поколотить его въ другой разъ; здѣсь навѣрно произойдетъ свалка; а по моему мнѣнію если жертвовать жизнью, то во всякомъ случаѣ для лучшихъ товарищей, нежели вся эта сволочь, которая собралась здѣсь.

— Можетъ быть ты правъ Францисъ; но я не могу равнодушно видѣть его въ этомъ красномъ вышитомъ мундирѣ съ золотыми эполетами. Посмотри, какъ онъ гордо сидитъ на лошади! Никто не скажетъ, что это бѣдный дворянинъ, у котораго не больше двухъ квадратныхъ футовъ земли въ Гунтингтонскомъ графствѣ! Впрочемъ только этимъ и можно объяснить почему онъ вступилъ въ армію бунтовщиковъ!..

Наконецъ герцогъ Бокингемъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, уступилъ благоразумнымъ доводамъ своего младшаго брата и скрылся съ нимъ въ толпѣ, гдѣ онъ могъ свободно управлять ею, не подвергаять опасности быть узнаннымъ своимъ двоюроднымъ братомъ.

Франкъ Гербертъ остановилъ лошадь и окинулъ взглядомъ обширный лугъ и многочисленную народную толпу. У него было тоже прекрасное мужественное лицо, что и прежде, но съ болѣе грустнымъ выраженіемъ; пережитая имъ внутренняя борьба не прошла

безслѣдно, хотя не уменьшила его энергіи и готовности вести борьбу до послѣдней возможности.

— Господа! сказалъ онъ громкимъ голосомъ, пользуясь минутной тишиной, именемъ закона приглашаю васъ...

Дальше нельзя было ничего разслышать, потому что слѣдующія слова были заглушены неистовыми криками толпы. Но такъ какъ Гербертъ все еще стоялъ на мѣстѣ и старался водворить порядокъ съ помощью трубача, то на него скоро посыпались камни, куски дерна съ землей, пустыя бутылки.

Гербертъ ясно видѣлъ, что присланный съ нимъ отрядъ слишкомъ малочисленъ, чтобы справиться съ такой огромной толпой, еслибы она вздумала оказать серіозное сопротивленіе. Хотя это были большею частью молодые парни, все оружіе которыхъ состояло изъ дубинъ и ножей, но число ихъ было такъ велико, что ему не оставалось иного исхода, какъ рѣшиться на отступленіе и потребовать усиленія отряда, тѣмъ болѣе, что ему данъ былъ строжайшій приказъ очистить «Moorfield» безъ кровопролитія. Толпа, видя, что молодой полковникъ повернулъ лошадь и приказалъ трубачу подать сигналъ къ отступленію, объяснила это въ свою пользу, и ринулась на мостъ, преслѣдуя мнимыхъ бѣглецовъ, которые моментально исчезли подъ темными сводами воротъ. Овладѣвъ такимъ образомъ полемъ сраженія она напала на городскую стражу, охранявшую по старому обычаю входъ въ Сити. Это былъ родъ милиціи, состоящей преимущественно изъ отцовъ семействъ, которые, хотя и любили свое отечество, но еще болѣе дорожили жизнью и чувствовали истинктивное отвращеніе къ огнестрѣльному оружію. Они обратились въ бѣгство при первомъ натискѣ непріятеля, осыпая его бранью, которая слышалась все на болѣе и болѣе далекомъ разстояніи: — Атеисты! безбожники! кричали они, останавливаясь по временамъ, чтобы перевести дыханіе, негодные пьяницы! Посѣтители пивныхъ и шинковъ!..

Тѣ, къ которымъ относились эти нелестные эпитеты, отвѣчали на нихъ громкимъ хохотомъ и веселыми возгласами. Они овладѣли блокгаузомъ, гдѣ нашли нѣсколько старыхъ ружей, вооружились ими, и затѣмъ съ барабаннымъ боемъ и развѣвающимися знаменами двинулись къ сосѣдней церкви. Но къ счастью по дорогѣ побѣдоносной арміи оказалось нѣсколько шинковъ. Хотя они были заперты по случаю воскреснаго дня; но это не могло служить препятствіемъ для храбрыхъ воиновъ, которые, выломавъ окна и двери, ворвались въ погреба и кладовыя, цѣдили вино, пиво и водку изъ огромныхъ бочекъ и выносили на улицу груды жирныхъ окороковъ, колбасъ, хлѣба, масла и всего, что имъ попадалось подъ руку. При этомъ бой барабана не прекращался по улицамъ, весело развѣвались знамена надъ головами безшабашной молодежи, число которой увеличивалось новыми волонтерами. Вслѣдствіе этого толпа,

которая на «Moorfield'ѣ» доходила всего до восьмисотъ или тысячи человѣкъ доросла въ «Moorgatesteet'ѣ до пяти или шести тысячъ и наполнила собой всѣ смежныя улицы и переулки.

ГЛАВА VIII.

„Единъ Богъ нашъ!“

(Пасхальная пѣсня евреевъ.)

Лондонъ въ тѣ времена былъ сравнительно небольшимъ городомъ; но тѣмъ не менѣе онъ и тогда былъ настолько великъ, что на одномъ концѣ его не знали, что̀ дѣлается на другомъ. Такимъ образомъ протекло довольно много времени, пока извѣстіе о случившемся на «Moorfield'ѣ» пришло въ домъ Авраама. Но такъ какъ военныя дѣйствія въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ были сосредоточены въ одной мѣстности и воинственная толпа, занятая опустошеніемъ кладовыхъ и погребовъ, не выказывала ни малѣйшаго стремленія покинуть занятую позицію, то обитатели Сити считали себя внѣ опасности. Они были убѣждены, что безчинства прекратятся съ прыбытіемъ войкъ, которыхъ ожидали съ минуты на минуту.

Въ это утро въ домѣ Авраама царила праздничная тишина. Это былъ канунъ Пасхи, который справляется у евреевъ съ различными торжественными обрядами. Въ десять часовъ утра они съѣдаютъ послѣдніе куски квашеннаго хлѣба въ сѣняхъ или на дворѣ, чтобы не разсыпать крошекъ въ домѣ; затѣмъ, тщательно собираютъ остатки въ деревянную ложку, завязываютъ полотнянной тряпкой и сжигаютъ на дворѣ или въ амбарѣ.

— Какъ хорошо помню я то время, когда мы были дѣтьми. Ревекка, сказалъ Авраамъ, зажигая восковой свѣчей небольшой узелокъ и обращаясь къ своей женѣ.—Мы жили тогда по сосѣдству и ходили другъ къ другу, чтобы поглядѣть на пасхальный огонь.

— Если Богъ дастъ у насъ будутъ внуки, то мы пригласимъ ихъ къ себѣ встрѣчать Пасху; и опять услышимъ дѣтскіе голоса въ нашемъ домѣ, отвѣтила Ревекка. Въ эту минуту она думала о своей единственной дочери, которая отправилась къ своему мужу, чтобы исполнить тотъ же священный обрядъ.

— Давай Богъ! возразилъ Авраамъ, расхаживая взадъ и впередъ по двору, и читая вслухъ молитву.

Мануэлла въ это время сидѣла въ одной изъ комнатъ верхняго этажа, освѣщенной лучами весенняго солнца. Торжественный звонъ

колоколовъ, долетавшій съ улицы, гармонировалъ съ праздничнымъ и спокойнымъ настроеніемъ духа молодой дѣвушки. Она мысленно перебирала одни за другими различныя событія своей кратковременной жизни, богатой волненіями. Она встрѣтила добрыхъ и злыхъ людей, какъ между своими единовѣрцами, такъ и между чужими, испытала любовь и ненависть съ обѣихъ сторонъ. Кроткій образъ Оливіи живѣе чѣмъ когда нибудь воскресъ въ ея душѣ. Что сталось съ ея подругой, великодушной любви которой она была обязана тѣмъ, что въ ней сохранилась вѣра въ людей и привязанность къ жизни? Охраняютъ ли ее по прежнему могучія стѣны Чильдерлейскаго замка? Цвѣтутъ ли старыя липы надъ дерновой скамьей, какъ въ тотъ вечеръ, когда надъ ихъ головами раздавалась пѣсня соловья и на ея колѣняхъ лежала книга Мильтона.

Она припомнила до мельчайшихъ подробностей этотъ послѣдній вечеръ, проведенный ею въ домѣ баронета; вмѣстѣ съ тѣмъ у ней явилось томительное желаніе узнать о дальнѣйшей судьбѣ Оливіи. Она ни разу не писала въ Чильдерлей и не сдѣлала ни малѣйшей попытки получить оттуда какія либо извѣстія. Слова сказанныя баронетомъ, что она была причиной охлажденія Оливіи къ нему, не выходили изъ ея памяти, хотя она дорого дала бы, чтобы узнать: счастлива ли Оливія, увидѣла ли она опять Франка Герберта и чѣмъ кончилось ихъ свиданіе?

Густая краска выступила на щекахъ прекрасной еврейки при воспоминаніи о Гербертѣ; сердце ея усиленно забилось. Несмотря на всѣ усилія, она не могла вырвать изъ своей груди глубокаго чувства, къ красивому юношѣ, которое было тѣсно связано съ ея существованіемъ.—Богъ отцовъ моихъ пошли имъ обоимъ счастья! проговорила она взволнованнымъ голосомъ, прижавъ руки къ груди.

Она искренно мечтала о неразрывной связи этихъ двухъ дорогихъ для нея существъ, которымъ обязана была жизнью, и готова была принести въ жертву Оливіи свои завѣтныя мечты и желанія. Вызывая въ памяти образы любимыхъ людей, она забывала свое собственное затаенное горе. Развѣ она не была болѣе одинока чѣмъ когда либо въ домѣ почтеннаго Авраама, хотя о ней заботились, какъ о родной дочери? Могла ли она разсчитывать на какую либо перемѣну въ будущемъ, когда у ней была отнята всякая надежда на улучшеніе ея печальной участи. Въ домѣ Авраама она встрѣтила древніе еврейскіе обычаи, къ которымъ привыкла съ дѣтства и тотъ же складъ жизни; ей пріятно было слышать знакомыя пѣсни, разсказы, преданія; но тѣмъ не менѣе она чувствовала себя отчужденной среди своихъ единовѣрцевъ; возвращеніе на родину становилось все болѣе и болѣе несбыточной мечтой. Она написала своему бывшему учителю бенъ-Израэлю въ Амстердамъ и передала письмо въ руки одного изъ евреевъ, который въ числѣ

другихъ былъ освобожденъ изъ плѣна по приказанію Кромвеля и отправленъ на родину. Въ этомъ письмѣ она высказала все, что̀ у ней было на душѣ, писала, что сердце ея изнываетъ въ разлукѣ съ отцомъ и умоляла бенъ-Израэля сказать, хотя бы одно слово утѣшенія и простить ее, если онъ считаетъ ее виновной. Между прочимъ она сообщила ему о дружелюбномъ отношеніи Кромвеля къ евреямъ, его вѣротерпимости и надеждахъ, которыя были связаны съ этимъ для ея народа, и съ восторгомъ описывала Кромвеля, сравнивая его съ судьями и военачальниками Ветхаго завѣта.

Но Мануэлла не получила отвѣта на это письмо, что̀ еще больше усилило въ ней тяжелое сознаніе ея полнаго одиночества. Неожиданная встрѣча съ герцогомъ Бокингемомъ переполнила мѣру ея страданій; презрѣніе, которое она чувствовала къ нему, смѣнилось ненавистью; въ ея кроткомъ любящемъ сердцѣ пробудилась жажда мести.

Передъ обѣдомъ въ домѣ Авраама получено было первое извѣстіе о безпорядкахъ на улицѣ Moorgate Street и Finsbury. Но молва, которая обыкновенно все преувеличиваетъ, на этотъ разъ была далека отъ дѣйствительности. Въ Сити смотрѣли на дѣло съ комической стороны, и никто не предполагалъ, что толпа случайно собравшихся подмастерьевъ могла представлять какую либо опасность для мирныхъ гражданъ. При этомъ разстояніе отъ Oldgate do Moorgate, т. е. отъ восточныхъ до сѣверныхъ воротъ было довольно значительно, такъ что въ домѣ Авраама поговорили о бунтѣ, какъ о городской новости, и затѣмъ занялись приготовленіями къ наступающему празднику.

Когда солнце начало клониться къ западу и косвенные лучи его освѣтили красноватымъ свѣтомъ оконныя занавѣси и потолки, мужчины небольшой еврейской общины, состоящей изъ двухъ родственныхъ семействъ и ихъ слугъ, собрались въ небольшей молельнѣ, устроенной въ одной изъ комнатъ верхняго этажа.

По окончаніи вечерней службы, исполненной самимъ Авраамомъ, всѣ сошли внизъ, гдѣ у входа ихъ ожидали женщины въ праздничныхъ платьяхъ и поздравили съ наступающимъ праздникомъ. Зять и сынъ Авраама преклонили головы передъ родителями и тѣ благословили ихъ; затѣмъ подошла жена Леона-дель-Бланко; и наконецъ Мануэлла, которую почтенные старики благословили наравнѣ съ родными дѣтьми и нѣжно прижали къ своему сердцу.

Съ наступленіемъ сумерокъ начался торжественный обрядъ пасхальной ночи, который повсемѣстно празднуется евреями въ память ихъ выхода изъ Египта. Домочадцы Авраама сѣли за столъ съ чувствомъ радостнаго ожиданія, такъ какъ этотъ семейный праздникъ, богатый символами и связанный съ поэтическими пре-

даніями востока, вносилъ нѣкоторое разнообразіе въ тяжелую жизнь бѣдныхъ изгнанниковъ и временно отрывалъ ихъ отъ суровой и нерѣдко жалкой дѣйствительности. Мѣдная семиконечная лампа освѣщала теплую уютную комнату. Столъ былъ покрытъ тонкой скатертью; посреди стоялъ серебряный поставецъ завѣшанный съ одной стороны шелковымъ платкомъ съ богатой золотой вышивкой. За этой занавѣсью скрыты были неизбѣжныя принадлежности пасхальной ночи: пасхальное печенье, хрустальныя чаши съ соленой водой и горькими травами въ память пролитыхъ слезъ и тяжелыхъ страданій, вынесенныхъ евряями во время плѣна, яблочная каша съ миндалемъ, которая по своему темному цвѣту должна была изображать глину и напоминать работы, наложенныя фараонами на евреевъ, и наконецъ яйцо и кость въ память пасхальной жертвы. Въ концѣ стола, на диванѣ сидѣлъ хозяинъ дома въ бѣломъ саванѣ и бѣлой ермолкѣ, одѣваемой на мертвецовъ,—обычай соблюдаемый польской отраслью евреевъ, къ которой принадлежалъ Авраамъ. Бѣлый цвѣтъ, означая свѣтъ и свободу считается царскимъ у евреевъ; цари египетскіе носили его; затѣмъ жрецы израильскіе. Разсѣянные по всей землѣ изгнанники одѣвали бѣлую одежду два раза въ годъ: въ пасху и въ день искупленія; въ ней же они хоронили своихъ покойниковъ.

Лѣвая рука хозяина, по принятому обычаю, покоилась на шелковой зеленой подушкѣ обшитой серебряной бахрамой. Рядомъ съ Авраамомъ на томъ же диванѣ сидѣла его жена, также одѣтая въ бѣлое съ тяжелыми золотыми обручами на рукахъ, какіе до сихъ поръ выдѣлываются на востокѣ. На этомъ патріархальномъ праздникѣ, повторяемомъ изъ года въ годъ съ соблюденіемъ тѣхъ же обычаевъ, хозяинъ и хозяйка дома должны изображать изъ себя царя и царицу своего племени. Серебряные бакалы превосходной работы, нѣкоторые въ формѣ виноградной лозы (между листьями которой виднѣлись миніатюрныя фигуры виноградарей съ серебряными секирами), другіе болѣе массивные, вызолоченные внутри съ надписями и именами на наружной сторонѣ стояли передъ каждымъ приборомъ. Въ хрустальныхъ кубкахъ искрилось красное испанское и партугальское вино. На столѣ разложены были молитвенники большаго формата, называемые «Haggadah» т. е. книга легендъ, напечатанные въ Амстердамѣ и украшенные прекрасными гравюрами, изображавшими различныя сцены изъ ветхаго завѣта. Въ то время, какъ остальные члены семьи попеременно читали вслухъ текстъ св. писанія и пѣли духовныя пѣсни, глаза Мануэллы были задумчиво устремлены вдаль. Окружавшая ее обстановка, своеобразные костюмы мужчинъ и женщинъ невольно перенесли ее въ родительскій домъ, гдѣ она столько разъ видѣла тѣ же сцены. слышала то же пѣніе. Давящая тоска по родинѣ и старомъ отцѣ охватила ея сердце; она чувствовала, какъ

слезы медленно подступали къ ея глазамъ и дѣлала напрасныя усилія, чтобы улыбнуться и придать веселое выраженіе своему лицу.

Празднество этого вечера раздѣляется на двѣ половины параднымъ ужиномъ, который начинается молитвами и кончается ими, потому что и здѣсь строго проведена основная мысль жертвы и жертвенной ѣды. Тѣмъ не менѣе этотъ ужинъ всегда состоитъ изъ превосходныхъ кушаньевъ и винъ, и большею частью носитъ характеръ самой непринужденной веселости. Но сегодня всѣ были встревожены извѣстіями изъ Moorgate'а. Набожный хозяинъ дома не хотѣлъ изъ-за этого прерывать молитвы и дѣлалъ надъ собой усилія, чтобы ничѣмъ не выразить своего безпокойства. Вскорѣ можно было ясно разслышать съ улицы своеобразный шумъ, напоминающій ревъ морскихъ волнъ во время бури, хотя такой отдаленный, что трудно было опредѣлить принятое имъ направленіе. Тѣмъ не менѣе неизвѣстность не могла разсѣять общаго безпокойства, хотя никто не рѣшался заговорить объ этомъ. Наконецъ Леонъ-дель-Бланко попросилъ позволенія узнать въ чемъ дѣло, и, вставъ изъ-за стола вышелъ изъ комнаты; Симеонъ, единственный сынъ Авраама, послѣдовалъ его примѣру.

Они вернулись черезъ нѣсколько минутъ съ испуганными лицами; принесенныя ими вѣсти были далеко не утѣшительны. Они узнали, что толпа пьяныхъ подмастерьевъ, которые въ это утро произвели различныя безчинства въ Moorgate-street, увеличенная всякимъ уличнымъ сбродомъ, ворвалась въ сѣверную часть Сити и привела въ трепетъ мирныхъ жителей своимъ буйствомъ. Вначалѣ никто не придавалъ особеннаго значенія этому движенію; но теперь выяснилось, что оно возбуждено роялистами и направлено противъ Кромвеля и парламента въ пользу каррисбрукскаго плѣнника.

— Гдѣ же они? спросилъ Авраамъ блѣднѣя, такъ какъ въ это время шумъ настолько приблизился, что можно было разслышать отдѣльные голоса.

— Они въ недалекомъ разстояніи отъ нашего дома, возразилъ Симеонъ. Если вамъ угодно будетъ послушать моего совѣта, то мы должны приготовиться...

— Зачѣмъ? спросилъ Авраамъ спокойнымъ голосомъ, такъ какъ уже успѣлъ оправиться отъ своего испуга.

— Необходимо унести отсюда и спрятать всѣ эти вещи; они грабятъ и уничтожаютъ все, что̀ имъ попадется подъ руку.

— Нѣтъ, сынъ мой, я считаю это совершенно лишнимъ. Ты забываешь, что сегодня канунъ пасхи; мы должны справить сегодняшній вечеръ, какъ предписываетъ наша религія. Садись на свое мѣсто и разскажи подробно все, что̀ ты слышалъ и видѣлъ на улицѣ.

Но сознаніе близкой опасности настолько смутило Симеона, что мысли путались въ его головѣ, и онъ не въ состояніи былъ связать двухъ словъ. Поэтому Леонъ-дель-Бланко началъ разсказъ:

— Если вѣрить слухамъ, сказалъ онъ, то толпа бунтовщиковъ состоитъ преимущественно изъ подмастерьевъ, матросовъ и всякаго сброда. Когда число ихъ дошло до нѣсколькихъ тысячъ, то они двинулись къ Сити по различнымъ направленіямъ. Городская стража нигдѣ не могла справиться съ ними. Часть ихъ направилась въ Уайтчапель, другая въ Смитфильдъ а третья самая значительная въ Уайтголль.

— Въ Уайтголль! воскликнулъ Авраамъ, прерывая своего зятя. Тамъ живетъ Кромвель!

— Ихъ злоба, главнымъ образомъ направлена противъ него, продолжалъ разсказчикъ. Говорятъ, что они съ крикомъ и свистомъ осыпали бранью его имя и парламентъ.

— Какія мѣры принялъ противъ нихъ Кромвель?

— Онъ выслалъ нѣсколько эскадроновъ стоявшихъ наготовѣ; но толпы бунтовщиковъ все-таки ворвались въ Сити, заперли за собой всѣ ворота и протянули цѣпи поперегъ улицъ, такъ что войска и особенно конница будутъ съ трудомъ подвигаться впередъ...

Въ эту минуту раздался пушечный выстрѣлъ, сопровождаемый грохотомъ падающихъ балокъ и оглушительнымъ крикомъ: ура!

Женщины вскочили съ своихъ мѣстъ.

Авраамъ съ недоумѣніемъ оглянулся. Чтò это можетъ быть? спросилъ онъ.

— Они вѣроятно ворвались въ цейхгаузъ Лиденголль, возразилъ Леонъ дель-Бланко; мы видѣлъ издали, какъ они выламывали дверь арсенала.

— Лиденголль! воскликнула Ревекка всплеснувъ руками. Вѣдь это за сотню шаговъ отсюда!

— Разумѣется! замѣтилъ Симеонъ. Мы должны ждать ихъ съ минуты на минуту. Слышите, какъ раздается бой барабана! Нѣтъ ни одного подмастерья въ Сити, который бы не присоединился къ этимъ негодяямъ, а отецъ еще колеблется...

— Чтò я могу сдѣлать противъ этого? возразилъ Авраамъ.

Но взволнованный юноша не слышалъ этого замѣчанія и продолжалъ: всѣ тюрьмы отворены, и преступники собранные со всѣхъ концовъ Англіи идутъ съ ними! Они разграбили оружейныя лавки, не пощадили ни одного жилища; говорятъ, что они даже разорили домъ лорда-мэра...

— Чего требуешь ты отъ меня, сынъ мой! сказалъ Авраамъ, дѣлая знакъ слугамъ, которые поспѣшно бросились убирать нетронутый ужинъ. Если правда то, чтó ты говоришь, то мы погибли во всякомъ случаѣ: спрячемъ ли мы наше имущество или нѣтъ! Одинъ Богъ можетъ спасти насъ! Съ этими словами онъ приказалъ

своимъ домочадцамъ занять мѣста за столомъ и началъ читать молитвы ровнымъ спокойнымъ голосомъ, хотя съ улицы все громче и громче раздавались крики обезумѣвшей толпы и слышно было бряканье цѣпей, которыми загораживали улицу. Торжественно и тихо звучалъ одинокій старческій голосъ въ этой освѣщенной комнатѣ, гдѣ за пустымъ столомъ сидѣли молчаливыя фигуры мужчинъ и женщинъ съ блѣдными испуганными лицами. Никто изъ нихъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что толпа ворвалась въ небольшую улицу. Громкій возгласъ сопровождаемый проклятіями:— гдѣ домъ жида? поразилъ ихъ слухъ какъ ударъ грома.— Тамъ, гдѣ освѣщены окна? отвѣтилъ чей-то голосъ; вслѣдъ за тѣмъ что́-то тяжелое стукнуло въ оконную раму и осколки стеколъ посыпались на полъ.

Сознаніе неизбѣжной опасности овладѣло всѣми: должны ли они сдѣлать попытку спасти жизнь бѣгствомъ или ожидать въ бездѣйствіи всякихъ ужасовъ, какіе могутъ постигнуть ихъ? Одинъ Авраамъ не потерялъ присутствія духа и, окончивъ пасхальныя мотивы, пропѣлъ первую строфу священной пѣсни, состоящей изъ вопросовъ и отвѣтовъ. Хотя передъ всѣми были открыты молитвенники, но никто изъ домашнихъ не отвѣтилъ ему, потому что въ это время толпа, выломавъ ворота, съ шумомъ ворвалась въ домъ. Вслѣдъ затѣмъ послышались тяжелые шаги на лѣстницѣ, и въ дверяхъ появились широкоплечія фигуры съ васкраснѣвшимися лицами и взъерошенными волосами. Авраамъ всталъ съ мѣста; надѣтый на немъ саванъ придавалъ ему видъ привидѣнія. Толпа замолкла и отступила въ испугѣ. Это продолжалось одну секунду. Леонъ дель-Бланко, видя неминуемую опасность, которой подвергались близкіе ему люди, схватилъ ножъ, лежавшій на столѣ. Но едва сталь блеснула въ его рукѣ, какъ толпа ринулась впередъ съ удвоенною яростью. Смотрите, онъ поднялъ ножъ! кричали одни. Жидамъ нужна христіанская кровь, чтобы отпраздновать пасху! добавляли другіе.—Не забудьте, они распяли Спасителя! крикнулъ чей-то рѣзкій гнусливый голосъ.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы воодушевить пьяную толпу. Небольшая комната моментально наполнилась людьми вооруженными награбленнымъ оружіемъ, дубинами, копьями, которые съ дикимъ крикомъ и проклятіями окружили беззащитныхъ евреевъ.

Мануэлла сразу узнала голосъ пуританина, который обвинялъ ее въ преступной связи съ Бокингемомъ въ присутствіи ея единовѣрцевъ и Герберта, самого дорогаго для нея человѣка.

— Прочь отсюда! крикнула она, протѣснившись впередъ и обращаясь къ разъяренной толпѣ. Не призывайте имени Божьяго лицемѣры. Горе вамъ, если вы прикоснетесь къ этому дому. Десница Всевышняго простерта надъ этой кровлей! Я предсказываю вамъ смерть и гибель, если вы еще минуту останетесь здѣсь. По-

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1884 ГОДУ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться **въ 1884 году** по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна на двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Редакція, вполнѣ обезпеченная разнообразнымъ литературнымъ матерьяломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала **нѣсколько иллюстрацій** (Въ 1883 году въ **„Историческомъ Вѣстникѣ"** помѣщено болѣе 130 гравюръ).

Для приложенія въ 1884 году къ „Историческому Вѣстнику" редакція пріобрѣла отъ лейпцигскаго издателя Шпамера право изданія **иллюстрированнаго** (40 гравюрами на деревѣ) **культурно-историческаго очерка** Адольфа Глазера **„Саванарола"**.

Для первыхъ книжекъ **„Историческаго Вѣстника"** 1884 года въ распоряженіи редакціи уже находятся статьи слѣдующихъ писателей:

Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Верга, Ѳ. И. Булгакова, А. Я. Бутковской, И. Д. Бѣлова, Н. А. Бѣлозерской, Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. И. Дубасова, Г. В. Еси-

пова, И. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, Н. М. Коншина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова, В. Д. Кренке, Н. С. Кутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Лѣскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартьянова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацѣевича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго, В. Я. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. Н. Терпигорева, П. С. Усова, Ѳ. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: **Паннемакеру** въ Парижѣ и **Зубчанинову** въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** Невскій проспектъ, д. № 38, и **въ Москвѣ**, въ отдѣленіи конторы, при московскомъ книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

Въ главной конторѣ можно получать оставшіеся, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляры, **„Историческаго Вѣстника"** за прошлые годы (1883 года остается 42 экз.). Цѣна каждому году, со всѣми приложеніями, **десять руб. съ пересылкой и доставкой.**

1*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, при книжномъ магазинѣ *«Новаго Времени»*, Невскій, д. № 38, и въ Московскомъ отдѣленіи главной конторы «Новаго Времени», Москва, Кузнецкій мостъ, д. Третьяковыхъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ на слѣдующихъ условіяхъ: **6** р. при подпискѣ, **6** р. въ концѣ марта и **4** р. въ концѣ августа для городскихъ и **7** р. при подпискѣ, **7** р. въ концѣ марта и **3** р. въ концѣ августа для иногородныхъ подписчиковъ.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Невскій проспектъ, д. № 38. | ВЪ МОСКВѢ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковыхъ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

Русскій календарь на 1884 годъ

(А. С. СУВОРИНА).

Спб. 1883. Стран. 33 ненум. + 23 (каталогъ новыхъ книгъ) + 322 + 169 = 548 стран. Въ «Русскомъ Календарѣ» помѣщены, между прочимъ:

Сборникъ латинскихъ и греческихъ цитатъ

въ переводѣ на русскій языкъ, съ подробнымъ объясненіемъ ихъ происхожденія (гдѣ онѣ впервые появились и въ какомъ значеніи употребляются теперь) и съ алфавитнымъ указателемъ ихъ.

Цѣна въ бумажн. перепл. . 1 р. — к., съ перес. 1 р. 30 к.
» » папкѣ . . . . . 1 » 25 » » » 1 » 60 »
» » изящномъ перепл. 1 » 60 » » » 2 » — »

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ ВЪ ОСТЗЕЙСКОМЪ КРАѢ.

(Свои и чужія наблюденія, опыты и замѣтки.)

«Правители, законодатели, дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей».

Карамзинъ.

«Справьтесь и разъясните, кто правъ, кто виноватъ, кто глупъ, кто смѣшенъ».

Резолюція кн. Ал. Арк. Суворова на архіерейской бумагѣ.

I.

ВЪ АПРѢЛЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1882 годъ я напечаталъ нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности князя Александра Аркадьевича Суворова, за время его генералъ-губернаторства въ Остзейскомъ краѣ. Упоминаемая статья была вызвана отзывомъ одной московской газеты, которая имѣла похвальное мужество несогласиться съ общимъ хоромъ русскихъ публицистовъ, прославлявшихъ необыкновенную доброту покойнаго князя и его «гуманность». Имѣя кое какіе факты для исторической характеристики етого государственнаго дѣятеля, заслуги котораго человѣчеству и родинѣ сдѣлались предметомъ горячаго спора, я счелъ долгомъ представить эти факты во всей ихъ неприкосновенности. Они обнаруживали каковъ былъ князь Александръ Аркадьевичъ не по представленіямъ его друзей, а на самомъ дѣлѣ. Но мои указанія касались исключительно до отношеній князя Суворова къ русскимъ

раскольникамъ Остзейскаго края, къ которымъ онъ былъ такъ образцово не милостивъ, что довелъ ихъ своимъ жестокосердіемъ до раззоренія и до исканія защиты у нѣмцевъ. Нѣмцы имъ въ этомъ и не отказали «по чувству вѣротерпимости лютеранской церкви».

Это вызвало глухое неудовольствіе со стороны нѣкоторыхъ органовъ печати и ни одного фактическаго опроверженія. Но за то сдѣланныя мною замѣчанія и поправки о Суворовѣ привели въ мои руки чрезвычайно интересный документъ, съ которымъ можно восполнить характеристику князя Суворова какъ русскаго администратора и гуманиста. Это, ни гдѣ до сихъ поръ не напечатанное, живое письмо изъ мертвыхъ рукъ высокопочтеннаго Юрія Ѳедоровича Самарина, которому дѣла Остзейскаго края были близко знакомы и который лично наблюдалъ князя Александра Аркадьевича во время порчи имъ русской политики. Письмо писано въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 года, изъ Риги въ Кіевъ, къ бывшему кіевскому профессору исторіи Виталію Яковлевичу Шульгину, имя котораго, я полагаю, также достаточно извѣстно.

О самомъ лицѣ писавшаго было бы напрасно и говорить. Кто изъ современниковъ не зналъ Юрія Ѳедоровича Самарина и кто не помнитъ какимъ уваженіемъ пользовался этотъ достойный человѣкъ, даже со стороны тѣхъ, которымъ его образъ мыслей казался ошибочнымъ и былъ непріятенъ? Но покойный Юрій Ѳедоровичъ при всей широтѣ и глубинѣ своего ума былъ человѣкъ партійный и, по нѣкоторымъ своимъ сторонамъ, долженъ быть отнесенъ къ тому сорту людей, которыхъ во Франціи называли: «ультрами» (ultra). Такимъ онъ высказывался и по отношенію къ вѣрѣ, т. е. къ православію и къ русской народности, и эти самыя черты мы встрѣтимъ тоже въ предлежащемъ нашему вниманію письмѣ, но онѝ не должны умалять значенія самыхъ описываемыхъ въ письмѣ фактовъ. А что касается выводовъ, то мы не лишаемъ себя права сдѣлать ихъ по крайнему нашему разумѣнію, съ которыми всякій властенъ согласиться или не согласиться.

Мы увѣрены, что партійность не есть лучшее средство для историческихъ выводовъ и надѣемся, что свободныя отношенія къ письму Самарина не будутъ приняты за пустое желаніе противорѣчить словамъ человѣка самими нами вполнѣ уважаемаго. Пусть дѣло будетъ не въ этихъ соображеніяхъ, намъ совершенно постороннихъ, а въ существѣ самаго дѣла. Можетъ статься, такое отношеніе нѣсколько поможетъ выясненію нѣкоторыхъ до сихъ поръ невыясненныхъ вопросовъ въ нашей прибалтійской окраинѣ.

II.

Посланіе Ю. Ѳ. Самарина къ Шульгину начинается словами: «Я еще самъ не знаю, когда и какъ мнѣ удастся отправить это

письмо къ вамъ». Это воскрешаетъ въ памяти то время (1848 г.), когда у насъ даже весьма честные люди не рѣшались ввѣрять почтѣ откровенно писанныя письма, а для пересылки ихъ по адресу ожидали, такъ называемой, «вѣрной оказіи». Это интересно какъ историческая черта времени изображаемаго авторомъ. «Почтовая люстрація» частной корреспонденціи тогда была не только дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, но и дѣломъ весьма откровеннымъ. Чиновники, производившіе подпечатываніе и пересмотръ писемъ, не только нимало не стѣснялись говорить о такихъ своихъ служебныхъ обязанностяхъ, но они объ этомъ даже печатали на своихъ визитныхъ карточкахъ. Особенно откровенно этимъ занимались при генералъ-губернаторствѣ Дм. Гавр. Бибикова въ Кіевѣ, гдѣ жилъ и служилъ В. Я. Шульгинъ. Тамъ предварительное чтеніе частной корреспонденціи на почтѣ доходило до такой простоты и откровенности, что въ тѣхъ самыхъ годахъ, когда Самаринъ писалъ въ Кіевъ предлежащее намъ нынѣ письмо, въ домъ моихъ родныхъ, звенигородскихъ помѣщиковъ Протопоповыхъ, ѣздилъ свататься къ молодой и очень милой, образованной дѣвушкѣ щеголеватый чиновникъ, нѣмецкаго происхожденія, по фамиліи Б—мъ, и онъ оставлялъ своей невѣстѣ визитныя карточки съ такимъ текстомъ: «Статскій совѣтникъ Б — мъ, кіевскій почтовый люстраторъ».

Упоминаемый предварительный чтецъ частныхъ писемъ въ Кіевѣ г-нъ Б—мъ былъ родомъ изъ Остзейскаго края и, вѣроятно, Ю. Ѳ. Самаринъ зналъ это и оберегалъ г-на Б—ма отъ искушенія знать то, что̀ не про него писано.

Во всякомъ случаѣ, весьма любопытно и характерно, что такіе два человѣка какъ Самаринъ и Шульгинъ должны были прятаться съ своею перепискою отъ чиновника нѣмца.

Теперь мы сейчасъ увидимъ весь секретъ, съ которымъ таились эти опасные люди сороковыхъ годовъ.

III.

Самаринъ передаетъ въ письмѣ Шульгину «полную хронику» того, что̀ князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ надѣлалъ въ Ригѣ въ первыя три недѣли со вступленія его въ должность Остзейскаго генералъ-губернатора. Это̀ періодъ очень маленькій, но результаты его огромные. Самъ авторъ письма по этому случаю замѣчаетъ, что «казалось бы трудно въ столь короткій срокъ рѣзко обозначить себя въ политической дѣятельности, но Суворову это удалось вполнѣ».

Суворовъ такъ торопился «обозначиться» врагомъ всего русскаго, что недотерпѣлъ доѣхать съ этимъ до Риги: онъ еще по дорогѣ

постарался высказывать «чему его въ Петербургѣ научили Мейендорфъ и Паленъ, съ компаніею».

На границѣ Рижскаго уѣзда Суворовъ встрѣченъ былъ орднунгсрихтеромъ, который началъ рапортовать князю по-русски, но Суворовъ прервалъ этого чиновника упрекомъ:

— «Зачѣмъ вы не говорите на своемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ?»

Орднунгсрихтеръ разумѣется извинился и сейчасъ же поправился, т. е. заговорилъ по-нѣмецки.

«Это одно слово, говоритъ Самаринъ, мгновенно разнесшееся по всему краю, ниспровергало все, что̀ сдѣлано было съ большими усиліями для упроченія оффиціальнаго первенства русскаго языка».

Давъ такой coup de main русскому языку еще по дорогѣ къ мѣсту своего назначенія, Суворовъ тотчасъ же по пріѣздѣ поспѣшилъ показать неуваженіе къ родной ему русской вѣрѣ, «отъ которой онъ не отрекался».

«По общему обычаю, соблюдаемому даже государемъ императоромъ, торжественный въѣздъ въ городъ оканчивается молитвою въ соборѣ — Суворовъ не исполнилъ этого».

Ю. Ѳ. Самаринъ находитъ, что это «особенно важно при настоящемъ положеніи въ Балтійскомъ краѣ господствующей въ имперіи церкви».

«Въ первое воскресенье, придя въ домовую церковь свою почти къ причастному стиху, Суворовъ во все остальное время службы безъостановочно проговорилъ въ глазахъ всего народа съ генераломъ Яфимовичемъ о сдачѣ своего полка».

Изъ того, что Самаринъ сообщаетъ не только обнаруженную Суворовымъ неуважительность къ богослуженію, но даже передаетъ самый предметъ разговора, ясно, что разговоръ о сдачѣ полка происходилъ даже вслухъ. Это поступокъ наглый, который несомнѣнно являетъ признакъ невоспитанности и неделикатности натуры, но однако это совершенно похоже на князя Суворова, который, по выраженію одного крайне ласково относившагося къ нему высокаго лица, «всегда и вездѣ бубнилъ». Таковъ онъ остался до самой смерти.

«Вслѣдъ за тѣмъ, въ Благовѣщеніе, Суворовъ отправился въ приходскую церковь къ архіерейскому богослуженію, но потомъ, какъ бы для того, чтобы искупить это, въ тотъ же день вечеромъ поѣхалъ en gala въ театръ смотрѣть «Свадьбу Фигаро», за что̀ и встрѣченъ былъ со стороны нѣмцевъ громомъ рукоплесканій».

Не стоя на сторонѣ безусловныхъ хвалителей князя Суворова, мы однако думаемъ, что въ посѣщеніи генералъ-губернаторомъ вечерняго нѣмецкаго спектакля gala не было ничего предосудительнаго, и русскій патріотизмъ тутъ ни чѣмъ не обиженъ. Правда, что Благовѣщеніе у насъ приходится въ великій постъ, но не

надо забывать, что спектакль былъ у нѣмцевъ, которые не подчинены усиленной строгости нашихъ церковныхъ взглядовъ.

Затѣмъ князь Суворовъ «былъ съ визитомъ у всѣхъ городскихъ пасторовъ и не удостоилъ посѣщеніемъ ни одного русскаго священника, хотя они и были представлены ему епископомъ».

Собственно говоря и это тоже нельзя считать оскорбленіемъ, такъ какъ князь могъ ограничить свое первое знакомство съ православными священниками однимъ оффиціальнымъ представленіемъ ихъ его свѣтлости. Архіерей нашелъ нужнымъ представить священниковъ Суворову и Суворовъ нашелъ, что съ нихъ этого довольно, а лютеранскій суперъ-интендентъ держался иной тактики: онъ не представлялъ князю своихъ пасторовъ и его свѣтлость счелъ долгомъ съѣздить къ нимъ самъ...

Тутъ можетъ быть весь вопросъ въ томъ: нужно ли было русскому архіерею представлять священниковъ свѣтскому администратору и составляетъ ли оплошность со стороны лютеранскаго суперъ-интендента, что онъ своихъ пасторовъ не приводилъ на представленіе?..

Гдѣ дѣло касалось такта, тамъ князь Суворовъ по свѣтскому навыку зналъ съ кѣмъ какъ поступать.

Князь хотѣлъ дать почувствовать русскимъ свое пренебреженіе, а господамъ пасторамъ дать поводъ написать Палену и Мейендорфу съ компаніей, что ихъ русскій ставленникъ въ Остзейскомъ краѣ повелъ себя какъ они требовали. Это и было достигнуто.

А до какой степени нашъ «добрый вельможа» дорожилъ такими аттестаціями и, по вѣрному опредѣленію Самарина, стремился «купить ихъ всевозможными жертвами и уступками», —тому слѣдуютъ доказательства.

Отсюда же, по нашему мнѣнію, начинается и полная возможность практическаго разъясненія самимъ княземъ поставленнаго вопроса: «кто правъ, кто виноватъ, кто глупъ и кто смѣшенъ?»

IV.

Дѣло происходило 23-го марта, стало быть ровно за одинъ день до Благовѣщенія, когда князь Александръ Аркадьевичъ утромъ помолился за архіерейскою обѣднею, а вечеромъ согрѣшилъ, побывавъ въ нѣмецкомъ спектаклѣ. Его свѣтлость вышелъ въ свою пріемную въ замкѣ. Его разумѣется сопровождали состоявшіе при немъ военные адъютанты и гражданскіе оруженосцы, готовые ловить и исполнять велѣнья его устъ и даже маніе очей.

Таковъ былъ первый выходъ вельможи и первый пріемъ просителей,—простого плебса, который конечно тотчасъ же разнесетъ по своимъ угламъ и закоулкамъ, чтó ему Богъ привелъ услышать изъ устъ «приближеннаго вельможи».

Моментъ важный и исполненный значенія.

Смотрите же какъ онъ проходитъ.

На первомъ мѣстѣ передъ княземъ является какая-то еврейка: она приняла православіе и «требуетъ» себѣ за это 30 рублей, которые ей слѣдовали по русскому закону о вознагражденіи крещаемыхъ евреевъ.

Нравится вамъ ея лицо или нѣтъ—это все равно, но оно стоитъ здѣсь въ своемъ правѣ и требуетъ того, что ему пообѣщалъ законъ, изданный императоромъ.

Какъ съ ней обходится князь Суворовъ?

Во-первыхъ, князь-правитель при этомъ только случаѣ узналъ, что есть такой законъ и разсердился. Законъ ему не понравился. Въ этомъ нѣтъ худа,—этотъ законъ ненравился очень многимъ людямъ, гораздо шире и вѣрнѣе князя понимавшимъ разносторонній вредъ причиняемый гонораромъ какъ вѣрѣ, такъ и нравамъ. Законъ этотъ, называемый «закономъ о тридцати сребренникахъ», порождалъ множество самыхъ дурныхъ сдѣлокъ по «торговлѣ вѣрою», и можно искренно порадоваться, что онъ уничтоженъ. Въ Остзейскомъ краѣ, какъ и въ краѣ Югозападномъ, несчастное вліяніе этихъ «тридцати сребренниковъ» было еще хуже, чѣмъ во всей имперіи, потому что и лютеране и католики здѣсь за одно издѣвались надъ этимъ «подкупомъ», и православіе терпѣло двойное униженіе, — во-первыхъ оно оцѣнялось родиною только въ 30 рублей дороже инославія, а во-вторыхъ эти 30 рублей привлекали намъ такихъ новокрещенцевъ, что крещеніе ихъ имѣло часто скандальный характеръ. Крестились за эту цѣну по преимуществу два сорта людей: во 1-хъ, проститутки еврейскаго происхожденія, которымъ безъ того неудобно было заниматься своимъ ремесломъ въ городахъ, гдѣ не дозволялось осѣдлое жительство евреямъ, а во 2-хъ, молодые ребята, избѣгавшіе рекрутской повинности. Эти послѣдніе, принявъ православіе, чаще всего тотчасъ же «бракосочетавались» съ такими же какъ сами они выкрестками и открывали тайные или явные притоны разврата. Это была ихъ любимая профессія. Извѣстная въ Кіевѣ «Андреевская гора» вся сплошь была заселена такими «православными пансіонами», гдѣ и «директрисы» и «институтки»—все были «новокрещенныя еврейки по 30 рублей за штуку». А привилегированною крещальнею этихъ христіанокъ была Андреевская церковь, единственная въ Кіевѣ церковь имѣющая титулъ «придворной». Въ этой-то «придворной» церкви почти каждое воскресенье собирались «срамныя крестьбины, гдѣ (по мѣстному выраженію) и хрестны батьки съ матереми и дочерьки уси были соромніи». Ихъ такъ и звали «придворныя крестницы», и конечно надъ ними смѣялись,—зналъ это и Бибиковъ и онъ тоже смѣялся и, по обыкновенію своему, сквернословно острилъ надъ этой крещальною, а крестницамъ выдавалъ по 30 рублей, «слѣдовавшихъ

по закону». Остроумному генералъ-губернатору Бибикову можетъ быть лучше было бы сдѣлать серьезное представленіе о неумѣстности этого закона, но онъ такого представленія никогда не сдѣлалъ. Не сдѣлалъ этого и князь Суворовъ, который увидалъ въ своей пріемной новокрещенную еврейку.

Самаринъ, приводя самый текстъ словъ князя Суворова, проситъ извиненія за ихъ «неприличіе»,—но они представляются совершенно приличными, если ихъ сравнить съ словами Бибикова, которыхъ ни при какихъ извиненіяхъ привести невозможно.

Обругавъ законъ возлѣ крещеной еврейки, генералъ-губернаторъ Суворовъ конечно все-таки долженъ былъ велѣть выдать ей 30 р. и затѣмъ перешелъ къ новой группѣ, къ которой и мы за нимъ послѣдуемъ.

V.

Теперь передъ нами крестьяне-латыши, которыхъ тогда тоже заботились обратить въ православіе, и для успѣшнѣйшаго достиженія перехода ихъ тоже допускали нѣкоторыя льготныя приманки.

«Дойдя до четырехъ крестьянъ, которыя явились просить о защитѣ ихъ отъ угнетеній помѣщиковъ, князь спросилъ поселянъ:

— «Были-ли вы у архіерея?»

Латыши отвѣчали что «были», но сейчасъ же добавили, что «преосвященный отозвался невозможностію вмѣшиваться въ подобное (чисто гражданское) дѣло, и самъ послалъ ихъ къ генералъ-губернатору».

«Суворовъ пришелъ въ ярость» (отъ чего тутъ было ему придти въ ярость—Ю. Ѳ. Самаринъ не объясняетъ) и велѣлъ передать имъ черезъ переводчика слѣдующее:

— «Скажите этимъ милымъ дѣтямъ православія, что если они ищутъ небесныхъ благъ, то шли бы къ своему нѣжному отцу, архіерею; когда же заботятся о земныхъ, то не смѣли бы ходить къ нему, такъ какъ въ подобномъ разѣ я не только не исполню ихъ просьбы, но даже накажу ихъ» [1]).

Здѣсь мы опять видимъ въ словахъ генералъ-губернатора тоже неудовольствіе къ государственнымъ мѣропріятіямъ, которыя можетъ быть и не заключали въ себѣ нѣчто несообразное съ общегосударственными интересами, но не съ той стороны, откуда смот-

---

[1]) Въ этомъ отвѣтѣ, какъ онъ записанъ Самаринымъ съ устъ князя Суворова, достойно вниманія самое построеніе рѣчи и ея обороты, удивительно напоминающіе разговоры лицъ въ романѣ «Лоринъ». Можетъ быть такой стиль напрасно ставятъ въ вину автору упомянутаго романа, графу Валуеву. Если въ русскомъ большомъ свѣтѣ такъ именно говорятъ по-русски, то графъ Валуевъ передалъ этотъ языкъ очень вѣрно.

рѣлъ на дѣло Суворовъ. Обращеніе въ православіе эстовъ и латышей, принадлежавшихъ къ лютеранству и преданныхъ Россіи, отъ которой они ждали и ждутъ защиты «противъ помѣщичьихъ (нѣмецкихъ) угнетеній», по мнѣнію многихъ русскихъ людей, вовсе не требовалось государственными интересами Россіи и принесло здѣсь «русскому дѣлу» гораздо болѣе вреда чѣмъ пользы. Но, по справедливому замѣчанію Церковно-общественаго Вѣстника (29-го мая 1882 г., № 71) «этотъ вопросъ до сихъ поръ еще остается невыясненнымъ». Газета, которую конечно смѣшно было бы обвинять въ недоброжелательствѣ къ русскимъ и ихъ господствующему вѣроисповѣданію, находитъ ошибкою мѣрить «расположенность эстовъ и латышей къ порядкамъ русской гражданственности успѣхами православія» и въ интересахъ вѣры и государства признаетъ необходимымъ «объособить православіе» отъ политики и перевесть его «изъ положенія воинственнаго въ просвѣтительное». Эсты и латыши «бѣгутъ отъ нѣмецкихъ порядковъ», а не отъ лютеранства, которое въ ихъ глазахъ не ниже русскаго православія, и оправославливанье ихъ иногда только тревожитъ и въ политическомъ смыслѣ не оказывается полезнымъ для видовъ Россіи въ Остзейскомъ краѣ[1]. А потому «Церк. общ. Вѣст.» (№ 71) полагаетъ, что «обособить православіе и русское дѣло будетъ въ высшей степени полезно для успѣховъ того и другаго».

Но князя Суворова руководили не эти разумныя, вполнѣ человѣчныя и вполнѣ патріотичныя и здраво политичныя соображенія. Суворовъ просто сердился на архіерея, который уже, какъ мы видѣли, былъ къ нему до такой степени почтителенъ, что представилъ ему всѣхъ православныхъ священниковъ Риги. Латыши на этомъ интересномъ, первомъ пріемѣ Суворова были оскорблены этимъ правителемъ больше ни для чего, какъ для того, чтобы это стало извѣстно архіерею. А какъ это понялъ и какъ принялъ архіерей мы увидимъ ниже.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно даже прямо вредно, ибо возбуждаетъ неудовольствіе. Покойный епископъ Филаретъ Филаретовъ разсказывалъ мнѣ, что новоогравославленные эсты и латыши возмущаются напримѣръ русскимъ закономъ о нерасторженіи браковъ и при каждомъ такомъ случаѣ рѣзко выражаютъ свое неудовольствіе и негодованіе, даже въ очень грубой формѣ. «Какъ, говорятъ, сосѣдъ мой, такой-то лютеръ, по несчастію худо женился и развелся,— другую жену взялъ, которая хороша въ домѣ, а я долженъ погибать и все хозяйство разсыпать, а дѣтей пустить по міру? Не хочу такой вѣры и всѣмъ закажу не идти въ нее, а самъ вернусь въ старую». И они «ворочаются» и случаевъ этихъ весьма не мало, а православное духовенство вынуждено смотрѣть на это сквозь пальцы,—да и нельзя смотрѣть иначе.

VI.

Отъ латышей, князь переходитъ къ стоящей здѣсь же въ пріемной группѣ русскихъ старовѣровъ. Эти уже къ архіерею не ходили и не просили у его преосвященства ни благословенія, ни иныхъ благъ небесныхъ или земныхъ.

Какъ обойдется съ ними князь Суворовъ?

Пригрозивъ «наказать» православныхъ латышей за ихъ сношенія съ архіереемъ и обратился къ стоявшимъ тутъ чиновникамъ съ разными шуточками на французскомъ языкѣ, которыхъ мы не привели изъ уваженія къ предметамъ шутки.

Кажется всего естественнѣе теперь ожидать, что послѣ неудовольствія на православіе, князь будетъ непремѣнно ласковъ къ тѣмъ русскимъ, которые ни въ какихъ «cochoneries», какъ онъ выражался, неповинны.

Не тутъ-то было! Русское князю во всѣхъ видахъ было противно.

«Какъ бы въ доказательство, что его негодованіе не происходитъ отъ чувства философской вѣротерпимости, Суворовъ вслѣдъ за тѣмъ сказалъ двумъ роскольникамъ, просившимъ объ освобожденіи своихъ сыновей отъ рекрутства.

— «Какіе у васъ сыновья, когда у васъ собачьи свадьбы? Отыщите родословную вотъ этого кобеля моего!»

Очевидно, князь выходилъ къ принятію прошеній въ сопровожденіи какого-то «своего кобеля», а «собачьими свадьбами» онъ называлъ сватьбы рижскихъ старовѣровъ, принадлежащихъ къ Ѳеодосіево-поморскому согласію, которое «не пріемлетъ священства» но «пріемлетъ бракъ, по благословенію родительскому», и актъ такого бракосочетанія завершаетъ молебствомъ Богу въ молитвенномъ домѣ. Вотъ это-то бракосочетаніе «съ молебствомъ Богу» князь и изволилъ назвать публично «собачьей свадьбой» а къ своему «кобелю» приравнялъ отцовъ тѣхъ смирныхъ русскихъ людей, которые имѣли несчастіе предстоять этому европейцу...

И у него достало на это силъ и его великосвѣтское воспитаніе ему это дозволило!..

Не знаешь что уже тутъ болѣе умѣстно—негодовать на такого человѣка или жалѣть объ ужасающей необразованности его ума и сердца!

Такъ Суворовъ обидѣлъ русскихъ старовѣровъ въ первые же дни своего пріѣзда въ Ригу, и продолжалъ обижать ихъ далѣе. Такъ напримѣръ, во все время его здѣсь управленія, всѣ русскія замужнія женщины «старой вѣры» писались въ бумагахъ «блудными дѣвками, имѣющими дѣтей», а дѣти ихъ—«дѣтьми блудныхъ дѣ-

вокъ». И это добраго князя не располагало къ сожалѣнію и участію, а напротивъ потѣшало и смѣшило.

Удостоивая своимъ посѣщеніемъ только одну, пользовавшуюся большимъ уваженіемъ согражданъ, даму-старовѣрку П—ву, Суворовъ все-таки въ дни визитовъ, просматривая списокъ тѣхъ, къ кому надо заѣхать, изволилъ шутить: «Нынче заѣдемъ и къ блудной дѣвкѣ». Этимъ его свѣтлость какъ бы просилъ извиненія у нѣмцевъ, между которыми очень многіе уважали г-жу П—ву гораздо болѣе, чѣмъ князя Суворова, который былъ для нихъ только выгоденъ потолику, поколику онъ былъ вреденъ для Россіи.

Глупую фразу о «блудной дѣвкѣ» знали во всемъ городѣ, гдѣ обозначенная яснымъ для Риги иниціаломъ дама основательно пользовалась и до сихъ поръ пользуется всеобщимъ почтеніемъ, и потому не трудно себѣ представить какъ такая неделикатность дѣйствовала на здѣшнихъ русскихъ людей и какъ она располагала ихъ сердца къ князю. Его разумѣется ненавидѣли и... презирали за сравненіе отцовъ съ «кобелями» и за прозваніе честныхъ и добрыхъ матерей «блудными дѣвками»...

Да и могло ли быть иначе!

VII.

Далѣе, Ю. Ѳ. Самаринъ въ своемъ интересномъ письмѣ сообщаетъ, какъ описанныя поступки князя съ русскими были приняты нѣмецкимъ населеніемъ Риги? Старанія Суворова не пропали даромъ, онъ успѣлъ зарекомендовать себя такъ, что сразу же заслужилъ одобреніе.

Какъ только описанные Самаринымъ «невѣроятные факты» перваго пріема просителей изъ православныхъ латышей и русскихъ старовѣровъ «распространились по городу, они произвели взрывъ удовольствія съ одной стороны и негодованія съ другой». Это «дошло до Суворова» и даже ему не понравилось, онъ почувствовалъ, что переусердствовалъ, и «поѣхалъ къ архіерею оправдываться». Князь очевидно былъ въ какой-то тревогѣ и увѣрялъ архіерея «будто не говорилъ ничего дурнаго противъ православія. «Онъ даже представлялъ владыкѣ во свидѣтели «генерала Яфимовича, который присутствовалъ при пріемѣ прошеній», и генералъ тоже подтверждалъ, что «онъ не слыхалъ ничего неприличнаго о православіи». Но свидѣтельство генерала ни кого не убѣждало, потому что, какъ пишетъ Самаринъ, выходки Суворова тоже были засвидѣтельствованы другимъ «очевидцемъ», которому, вѣроятно, болѣе довѣряли чѣмъ генералу Яфимовичу. И вообще оправданіе Суворова «не разсѣявало впечатлѣнія», а къ тому же и самъ онъ не выдерживалъ тона: вмѣсто того, чтобы смириться и загладить свои невѣжества передъ русскими, онъ только

«гнѣвался на то, что разносятъ по городу слова, сказанныя имъ на конфиденціальномъ языкѣ, т. е. на французскомъ».

Князь, очевидно, питалъ убѣжденіе, что «конфиденціальный, французскій языкъ» доступенъ только тѣмъ, къ кому онъ привыкъ на немъ обращаться, и надо думать, что это не ему одному свойственно.

VIII.

Первымъ подозрѣніямъ и ограниченіямъ подверглось отъ Суворова православное духовенство, роль котораго въ остзейскихъ провинціяхъ до крайности щекотлива, и не много нужно труда, чтобы ее сдѣлать просто унизительною. На духовныхъ, по словамъ Самарина, посыпались доносы будто они волнуютъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и князь этому охотно повѣрилъ. Изъ письма къ сожалѣнію не видно—какъ рижскій, православный архіерей принялъ объясненія князя и вообще какъ они послѣ того разстались; но даже съ этихъ поръ князь какъ бы все смѣлѣе наступаетъ на владыку, а владыка продолжаетъ уступать, чтобъ спасти что нибудь.

Получивъ упомянутый Самаринымъ доносъ на священниковъ, князь Суворовъ «немедленно отнесся къ епископу съ настояніемъ подтвердить православному духовенству, чтобы оно не вмѣшивалось въ свѣтскія дѣла и не позволяло себѣ ни какихъ обнадеживаній крестьянъ». А Лифляндскій губернаторъ Эссенъ по этому поводу поспѣшилъ написать въ консисторію бумагу, въ которой было сказано, что онъ «почитаетъ себя счастливымъ, имѣя возможность передать это извѣстіе».

Въ чемъ именно заключался этотъ доносъ и какого именно случая онъ касался, Ю. Ѳ. Самаринъ къ сожалѣнію не упоминаетъ, а потому и нельзя ни провѣрить, ни обсудить, въ какой степени энергическое распоряженіе князя было умѣстно или не умѣстно. Видно только, что оно было пріятно господствующему въ краѣ сословію, но люди, знакомые съ дѣлами архива остзейскаго генералъ-губернаторства, не могутъ отрицать, что въ краѣ бывали случаи, гдѣ поведеніе нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства иногда дѣлало подобныя мѣры и не совсѣмъ не умѣстными.

Далѣе Самаринъ продолжаетъ:

«Подкрѣпивъ силою правительственной власти клеветы дворянъ на православное духовенство, Суворовъ не отвергалъ и политической ереси, господствующей въ здѣшнихъ губерніяхъ». Политическая ересь Остзейскаго края, по опредѣленію Самарина, заключается въ томъ, «будто достаточно быть преданнымъ государю, а Россію не любить».

Суворовъ не только ничего не имѣлъ противъ такой «политической ереси», но онъ повидимому и самъ ее исповѣдывалъ. По крайней мѣрѣ, заискивая расположенія еретиковъ, проповѣдующихъ это ученіе, князь Суворовъ вскорѣ же послѣ своего пріѣзда въ Ригу повелъ однажды такую «откровенную» рѣчь.

— «Признаюсь — я рѣшительно не понимаю къ чему эти заботы о распространеніи здѣсь православія и русскаго языка? Остзейцы преданы государю,—что же еще больше надо?»

«Нѣмцы (продолжаетъ Самаринъ) не замедлили этимъ воспользоваться и домогаются нынѣ достигнуть одобренія высшимъ правительствомъ теоріи исключительной личной преданности государю. Избранный къ тому способъ заключается въ слѣдующемъ: въ какихъ-то нѣмецкихъ газетахъ было приглашеніе Остзейскому краю прислать депутатовъ въ германскій парламентъ. Представляя себя оскорбленнымъ этимъ приглашеніемъ, эстляндское и лифляндское дворянство проситъ о разрѣшеніи прислать депутатовъ въ Петербургъ для подтвержденія вѣрности ихъ. Суворовъ склонилъ къ тому же и курляндское дворянство, кототое за мѣсяцъ предъ тѣмъ не хотѣло заступиться за старика Фелькерзама, когда его на собраніи ландтага назвали предателемъ, за участіе въ присоединеніи Курляндіи къ Россіи. Сверхъ того рижская большая гильдія и магистратъ опредѣлили также поднести адресъ государю».

«Смыслъ всей этой манифестаціи, по объясненію Самарина, состоялъ въ томъ, чтобы увѣрить императора въ преданности его особѣ пока ненарушимы будутъ привилегіи, упрочивающія монопольныя права нѣмецкихъ сословій и отдѣльность балтійскихъ губерній отъ прочей Россіи».

IX.

Такія тенденціи,—если онѣ въ дѣйствительности были таковы, какими казались покойному Ю. Ѳ. Самарину, т. е. если князь Суворовъ сочувствовалъ заявленію вѣрноподданичества бароновъ подъ условіемъ неприкосновенности ихъ преобладательныхъ правъ въ краѣ, конечно заслуживаютъ порицанія и осужденія. Но людямъ, знающимъ выдержанность бароновъ и гордый характеръ покойнаго императора Николая Павловича, не легко заставить себя вѣрить, чтобы господа бароны сочли удобнымъ прописать въ адресѣ этому крутому государю такія ограничительныя условности. Повидимому, это очень мало статочно и совсѣмъ не отвѣчаетъ ни духу времени, ни характеру государя, который прекрасно знали господа бароны. Не отвѣчаетъ это и собственной тактикѣ господствующей партіи Остзейскаго края, но Ю. Ѳ. Самаринъ вѣритъ, что бароны съ согласія Суворова хотѣли «объусловить» свою преданность государю, и это

приводить почтеннаго писателя къ сравненіямъ и предсказаніямъ, которыя отдаютъ сильною натяжкою. Ю. Ѳ. Самаринъ указываетъ на примѣръ Австро-Венгріи, гдѣ съиграла свою роль «ересь личной преданности безъ любви къ общему отечеству».

«Трудно быть болѣе привязаннымъ къ государю, чѣмъ были венгерцы къ Маріи Терезіи, и нельзя ненарушимѣе соблюдать привилегіи, чѣмъ соблюдало ихъ австрійское правительство въ Венгріи, а между тѣмъ къ чему все это привело?» спрашиваетъ Самаринъ, и сряду продолжаетъ: «Но Суворовъ иначе смотритъ на дѣло: онъ считаетъ привязанность исключительно къ лицу государя вполнѣ достаточною политическою связью, и потому написалъ уже письмо къ графу Орлову, гдѣ проситъ объ увѣдомленіи: можно ли ему оффиціально ходатайствовать о пріемѣ депутаціи отъ Остзейскаго края, и при этомъ утверждалъ, что нигдѣ нельзя найдти большей преданности государю, чѣмъ здѣсь».

О взглядахъ Орлова Ю. Ѳ. не упоминаетъ, но для правильной оцѣнки» возбужденнаго Суворовымъ ходатайства дѣлаетъ новое сравненіе, которое однако снова едва ли можно назвать удачнымъ. По крайней мѣрѣ наше время достаточно доказываетъ преувеличенность выраженныхъ Самаринымъ опасеній.

По мнѣнію Самарина, дозволеніе нѣмцамъ высказать свою личную преданность въ адресѣ государю—все равно что «если бы напримѣръ калужское дворянство вздумало поднести государю увѣреніе въ своей преданности». Это Юрію Ѳедоровичу казалось вполнѣ неумѣстнымъ.

«Чтобы сказали на это калужскому дворянству»? гадаетъ Самаринъ и рѣшаетъ такъ, что: «ему (т. е. калужскому дворянству) отвѣчали бы: нѣтъ большаго достоинства не быть измѣнникомъ».

Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ какъ-то менѣе дѣловитости, чѣмъ безпокойнаго страха, и при томъ Самаринъ совсѣмъ не отгадалъ, «что бы отвѣтили» калужанамъ. Что̀ такое думали остзейскіе нѣмцы, поддерживаемые русскимъ генералъ-губернторомъ, это остается ихъ и князя Суворова секретами; но нельзя отрицать, что послѣ безтактнаго зазыванія ихъ въ германскій парламентъ, они всеконечно имѣли очень серьезный поводъ высказать свое вѣрноподданичество русскому престолу. Это даже было ихъ долгомъ и дворянство калужское, какъ и дворянство многихъ другихъ великорусскихъ губерній, въ недавніе дни тоже совершенно безпрепятственно исполняло такой самый долгъ, поднеся адресы съ увѣреніемъ въ своей преданности престолу. Отвѣтъ на эти вполнѣ умѣстныя при извѣстныхъ обстоятельствахъ завѣренія былъ совсѣмъ не такой, какой пророчествовалъ Самаринъ, сдѣлавшій въ этомъ случаѣ несомнѣнную ошибку. Адресы сословій по губерніямъ были принимаемы высочайшею властью и выражаемыя въ

нихъ чувства преданности встрѣчали благодарность, а не тотъ отвѣтъ, какой предсказывалъ г. Самаринъ.

Вообще Ю. Ѳ. Самаринъ едва ли былъ правъ, раздувая значеніе довольно простой и законной мысли остзейскихъ дворянъ засвидѣтельствовать особымъ актомъ свою преданность государю, и Самаринъ не въ мѣру умаляетъ значеніе этихъ людей, съ которыми и онъ самъ, и другіе умные люди, боролись даже не съ перемѣннымъ счастіемъ, а со всегдашнимъ, постояннымъ неуспѣхомъ.

X.

По мнѣнію Ю. Ѳ., увѣренія остзейскихъ нѣмцевъ въ личной преданности русскому государю не могутъ имѣть особеннаго значенія, потому что господа «нѣмцы не въ силахъ быть измѣнниками, даже если бы захотѣли». Это очевидный парадоксъ, а разсужденія о немъ весьма странны и напоминаютъ пріемы людей такой партіи, къ которой Ю. Ѳ. Самаринъ и его партизаны не могли питать сочувствія.

Нѣмцы, говоритъ Самаринъ, потому не могутъ быть измѣнниками русской короны, что «они составляютъ одну восьмую и при томъ ненавидимую долю населенія, которая сдѣлается жертвою остальныхъ семи восьмыхъ, если правительство отступится отъ нея». Но поляки въ нашей юго-западной окраинѣ тоже составляли одну самую небольшую часть, и при томъ часть еще болѣе ненавидимую, чѣмъ нѣмцы на Балтійскомъ поморьѣ,—однако же въ польскихъ измѣнникахъ ни въ юго-западномъ, ни въ сѣверо-западномъ краѣ недостатка не было. Стало быть остзейскихъ нѣмцевъ удерживаетъ отъ измѣны не то, что ихъ мало, а что-то совсѣмъ другое.

Духъ высказанныхъ г. Самаринымъ на этотъ счетъ сужденій намъ знакомъ и даже слова имъ написанныя замѣчательно схожи съ несостоятельными сужденіями и словами Герцена о томъ: есть ли со стороны русскаго дворянства какая нибудь заслуга, что оно освободило своихъ крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Герценъ рѣшалъ это неправильно, но сразу, однимъ махомъ съ ловкостію почти военнаго человѣка. Онъ говорилъ, что не можетъ себѣ представить какъ бы смѣла противудѣйствовать этому смѣшная въ его глазахъ партія vieux bojards moscovites. «По царской милости, говоритъ владѣли,—по царской милости и отдали».

Коротко и ясно!

Въ этомъ же родѣ была извѣстная сельская проповѣдь Шевченко, послѣ которой покойный вдохновенный поэтъ и патріотъ, но очень мечтательный мыслитель, былъ доставленъ слушателями къ генералъ-губернатору Васильчикову. Шевченко говорилъ, что «паны

ничего не стоятъ», а хлопцы ему отвѣчали: «мы пановъ въ мѣшки посодимъ да въ Петербургъ отвеземъ».

И то, и другое правда,—и помѣщики владѣли по «царской милости» и пановъ крестьяне могли отвезти въ мѣшкахъ въ Петербургъ, но все-таки лучше, что великое дѣло освобожденія было совершено тихо, безъ угрозъ «пробужденіемъ звѣря»...

Такъ же точно, кажется, можно бы рѣшить этотъ вопросъ и въ Остзейскомъ краѣ, но онъ тамъ рѣшенъ, какъ извѣстно, совершенно иначе.

Это, конечно, значитъ, что нѣмцы имѣютъ за собою что̀-то, заставляющее различать ихъ отъ дворянъ калужской губерніи...

XI.

Тѣ же преувеличенія чувствуются и въ сужденіяхъ Самарина о вредѣ адресовъ, которые тогда были даже не вновѣ, а еще только въ предположеніяхъ или въ потенціи.

«Главный вредъ отъ попытки Суворова (выхлопотать остзейцамъ дозволеніе заявить адресами свою преданность) будетъ въ томъ (пишетъ Самаринъ), что эта удача узаконитъ въ глазахъ всѣхъ теорію исключительной преданности къ государю, а эта теорія негодная вездѣ, составляетъ у насъ самую опасную демагогію».

«Во 1-хъ, какъ можно разумно допустить, чтобы кто либо могъ быть полнымъ слугою русскаго государя, ненавидя православіе, гнушаясь русскаго языка и несочувствуя ни радостямъ, ни страданіямъ Россіи?»

«Во 2-хъ,—не дай Богъ, чтобы подобная вѣра нашла мѣсто въ русской душѣ, такъ какъ это будетъ сильнѣйшимъ подрывомъ нашего общественнаго быта».

За симъ слѣдуютъ разсужденія, поясняющія сказанныя положенія.

«Если самодержавная власть сильна у насъ любовью народною,—то это исключительно потому, что народъ убѣжденъ въ единствѣ и нераздѣльности интересовъ власти и отчизны,—въ невозможности раздѣлить идеи одной и другой. Это убѣжденіе русскихъ съ непонятнымъ для нѣмцевъ-современниковъ смиреніемъ—сноситъ Іоанна Грознаго; это же заставило Ивана Сусанина стать подъ ножи польскіе и это именно уничтожится теоріею остзейскихъ патріотовъ, которую можетъ быть безсознательно поддерживаетъ Суворовъ».

Теперь, когда оглашаемая громкимъ словомъ «теоріею» простая, сердечная потребность выраженія чувствъ личной преданности государю имѣла въ послѣдніе годы такъ много приложенія, даже не только странно, но какъ будто конфузно читать приведенныя

строки, начертанныя рукою Самарина, въ откровенномъ письмѣ къ другу, историку и тоже политическому дѣятелю своего времени. Такая невинная вещь, какъ заявленіе добрыхъ чувствъ государю, выраженное по мѣстностямъ, или по сословіямъ, могла внушать такому серьёзному человѣку, какъ Самаринъ, безпокойство, что это служитъ поводомъ къ поврежденію понятій народа о самодержавіи.

Напрасно всего этого боялся Самаринъ и если Суворовъ смотрѣлъ на это иначе, то это не дѣлаетъ ему никакого безчестія, а свидѣтельствуетъ только, какъ всякая партійность мутитъ ясность политическаго взгляда и доводитъ иногда до того, что человѣкъ большаго ума становится въ своемъ родѣ Донъ-Кихотомъ, готовымъ броситься на барановъ и сражаться съ вѣтряными мельницами.

Гораздо любопытнѣе воеваніе Суворова за неприкосновенность его власти, къ которой, по замѣчанію Самарина, князь былъ «очень щекотливъ и ревнивъ». Тутъ тоже будетъ своего рода донъ-кихотство, но гораздо болѣе непосредственное и забавное.

XII.

Обидѣвъ русскихъ людей до нестерпимости, князь былъ однако не спокоенъ. Онъ очевидно ожидалъ отпора и собрался хронически «враждовать» съ тѣми, въ комъ заподозрѣлъ противниковъ.

Но кто же могъ оказать ему противленіе? Ужъ конечно не тѣ православные латыши, которыхъ онъ пригрозилъ «наказать» за ихъ довѣріе къ архіерею; а также и не раскольники, которые умѣютъ противиться только пассивно,—удивляя міръ своею выносливостью и терпѣніемъ. Ни съ тѣми, ни съ другими эффектной схватки не сдѣлаешь.

Нуженъ былъ такой противникъ, на которомъ бы можно было постоянно упражнять свою власть и показывать превосходство своего положенія.

Выборъ князя Суворова палъ въ этомъ случаѣ на православнаго архіерея, съ которымъ и открыта была борьба, полная живаго интереса.

Ю. Ѳ. Самаринъ полагаетъ, что это направленіе для дѣятельности князя Суворова указали ему «нѣмцы — Мейендорфъ и Паленъ», которые знали, что «вся исторія здѣшняго края есть ни что иное, какъ борьба дворянскаго и городскаго сословій съ мѣстною коронною властію», и чтобы отвлечь его, указали ему противника въ лицѣ архіерея.

Быть можетъ, что гг. Мейендорфъ и Паленъ что̀ нибудь и дѣ-

лали для такого направленія дѣятельности князя, если они имъ дѣйствительно руководили, но князь могъ и самъ придти къ такой мысли какъ по собственному влеченію, такъ и по господствовавшимъ тогда привычкамъ. Между архіереями и губернаторами изъ военныхъ тогда былъ очень распространенъ весьма смѣшной, но почти повсемѣстный антагонизмъ. Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій воевалъ въ Москвѣ съ Филаретомъ Дроздовымъ, и подозрѣвалъ его въ тайныхъ козняхъ, доходившихъ до того, что будто Филаретъ сочинилъ и велѣлъ читать по церквамъ «молитву отъ супостата», разумѣя подъ супостатомъ никого иного, какъ самого Закревскаго. Князь Петръ Ивановичъ Трубецкой, распоряжаясь въ Орлѣ, еще мужественнѣе сражался съ Смарагдомъ Крыжановскимъ, котораго звалъ «козломъ» и не могъ простить, что тотъ его въ свою очередь называлъ «пѣтухомъ». А графъ Левашовъ до того загонялъ епископа орловскаго Поликарпа Радкевича, что однажды приказалъ дать священническое мѣсто съумасшедшему, и владыко это исполнилъ. Дмитрій же Гавриловичъ Бибиковъ, отстаивая русскія начала въ Кіевѣ, при случаѣ тонко вышучивалъ Филарета Амфитеатрова, который по своему плѣнительному простодушію не всегда и замѣчалъ это. Князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ разумѣется не считалъ себя ни чѣмъ не меньше сейчасъ названныхъ правителей и взялся «учить Платона». Повторяю, что это было въ большой модѣ и князь имѣлъ достаточное основаніе считать такое занятіе своею миссіею, предлежащею ему въ сравненіи съ сверстниками [1]).

Столкновенія князя Суворова и высокопреосвященнаго Платона были многообразны и чрезвычайно характерны. Ю. Ѳ. Самаринъ не здѣсь, въ этомъ нынѣшнемъ письмѣ, а въ другихъ своихъ сочиненіяхъ вывелъ изъ этого большія и очень поучительныя исторіи, которыя въ глазахъ иныхъ имѣютъ значеніе своего рода остзейскаго православнаго мартиролога.

Продолжающееся преобладаніе нѣмцевъ въ краѣ и недозволеніе всѣхъ книгъ Самарина въ Россіи дѣлаютъ невозможнымъ спокойное критическое отношеніе къ этой повѣсти, въ которой далеко не все можетъ быть поставлено въ вину одному князю Суворову и его несчастному «чужеземному воспитанію», которое, кажется, правильнѣе бы называть полною невоспитанностью.

---

[1]) Преосвященный Платонъ Городецкій пострижень въ монахи въ 1830 г., епископствуетъ съ 1843 года, а въ Ригѣ былъ съ 1848 г. по 1867. Здѣсь онъ сначала былъ рижскимъ викаріемъ, съ 1849 года управлялъ и псковскою епархіею, 11-го марта 1850 года наименованъ епископомъ рижскимъ, а въ апрѣлѣ того же года возведенъ въ санъ архіепископа.

Кто будетъ имѣть со временемъ возможность свободно и безпристрастно разобрать интересныя сказанія Самарина о походахъ князя Суворова на православіе, тотъ въ тѣхъ же самыхъ сказаніяхъ найдетъ критеріи для настоящей оцѣнки способностей и силы духа не одного Суворова, котораго Самаринъ не щадитъ, но и другихъ лицъ, которыхъ этотъ авторъ милуетъ и представляетъ страдальцами за вѣру и за Россію.

Однако и нынѣшнее письмо Самарина тоже даетъ къ этому нѣкоторую возможность, которою мы и попытаемся воспользоваться.

Припомнимъ, что все письмо касается только начала дѣйствованій князя въ Остзейскомъ краѣ,—именно первыхъ дней,—первыхъ трехъ недѣль его генералъ-губернаторства, когда онъ еще только осматривался и установлялся на ногѣ, на которой хотѣлъ стоять. Мы видѣли, что при всей его вельможной заносчивости и невѣжествѣ, онъ еще не совсѣмъ пренебрегалъ всѣми мнѣніями, а еще прибѣгалъ къ нѣкоторой оглядкѣ: такъ напримѣръ, наговоривъ вздора на французскомъ языкѣ, онъ спохватился и поѣхалъ къ архіерею объясняться и оправдываться.

Слѣдовательно, какъ ни велика была его наглость, онъ еще чего-то и кого-то побаивался. И этотъ единственный человѣкъ, во мнѣніи котораго Суворовъ хотѣлъ себя оправдать, былъ представитель русской церкви — мѣстный православный архіерей. Иначе невозможно и объяснить этой податливости князя,—да оно и понятно: архіерей—лицо отъ свѣтскаго сановника независимое; генералъ-губернаторъ не въ правѣ ему ничего приказать и указать, а напротивъ, владыко имѣлъ возможность сдѣлать князю указаніе, гдѣ онъ вторгается въ неподлежащіе его вѣдѣнію вопросы церкви. Архіерею нечего бояться никакого губернатора, и онъ, не выходя изъ предѣловъ своей духовной власти, можетъ остепенить его, если тотъ забывается и вредитъ интересамъ церкви. Суворовъ это конечно и понималъ, и потому «поѣхалъ оправдываться къ архіерею».

Ю. Ѳ. Самаринъ, повторяемъ, не сообщилъ Шульгину,—какъ выслушалъ владыка оправданія князя, т. е. убѣдился ли онъ, что князь поступилъ правильно, или просто отечески пожурилъ и простилъ его. Но самаринское письмо передаетъ быстро слѣдовавшій за этимъ объясненіемъ общественный фактъ, который намъ кажется очень удивительнымъ.

Припомнимъ, что князь Суворовъ пріѣхалъ въ Ригу «передъ Благовѣщеніемъ», которое, какъ извѣстно, приходится незадолго передъ русскою Пасхою. Между этими двумя близкими одинъ къ другому праздниками, князь уже успѣлъ надѣлать всѣ тѣ оскорбительныя для русскихъ дѣла, которыя Самаринымъ описаны. «Въ соборѣ онъ не былъ», и гдѣ архіерей представлялъ ему своихъ

священниковъ—изъ письма также не видно. Но князь не захотѣлъ,—«не поѣхалъ въ соборъ слушать заутреню и въ свѣтлое Христово воскресеніе. Вслѣдствіе чего архіерей служилъ ее также не въ соборѣ, а въ замковой церкви (т. е. въ домовой церкви генералъ-губернатора) — гдѣ не было никого изъ главныхъ губернскихъ чиновъ».

Самаринъ ставитъ это въ вину Суворову.

«Это, говоритъ Самаринъ, не только отъучитъ всѣхъ ходить въ православныя церкви, но весьма невыгодно подѣйствуетъ на народъ, вкореняя въ немъ мысль, что архіерейская служба не для народа и всѣхъ православныхъ, а для одного генералъ-губернатора и его окружающихъ».

Справедливо и, дѣйствительно, вся вина этой выходки должна бы пасть на Суворова, если бы онъ, какъ генералъ-губернаторъ, имѣлъ право приказать архіерею оставить въ день Пасхи каѳедральный храмъ православія и совершать торжественную службу для одного его, въ его маленькой домовой церкви. Но ни князь Суворовъ и ни какой другой свѣтскій правитель такого приказанія дать архіерею не имѣлъ права, а если бы даже онъ до того забылся, что осмѣлился бы сдѣлать подобное распоряженіе, то архіерей, блюдя интересы паствы, не только могъ, но непремѣнно долженъ былъ его не послушаться...

XIII.

Отпустивъ изъ дома отслужившаго раннюю службу архіерея, генералъ-губернаторъ почувствовалъ себя въ такомъ авантажѣ, что когда къ нему пришли русскіе купцы, то онъ не сталъ съ ними «христосоваться» и объяснилъ это двумя причинами,—во 1-хъ, что русскіе купцы очень «потѣютъ», а во 2-хъ, что цалуясь съ русскими онъ «не хотѣлъ оскорбить нѣмцевъ и жидовъ», какъ будто кто нибудь возбранялъ ему перецаловать и нѣмцевъ и жидовъ.

Не знаю какъ кому кажется, но мнѣ думается, что христосоваться очень можно, ни мало этимъ не оскорбляя ни христіанства, ни народности. Это вѣдь даже и не обрядъ, а просто обычай, въ которомъ нѣтъ никакой важной сущности, а между тѣмъ въ поцалуяхъ есть неудобства, о которыхъ кажется можно не говорить. Конечно противенъ потъ, но можетъ быть иному противна въ своемъ родѣ и слишкомъ большая гадливость трудовымъ потомъ. Какъ ни верти, а онъ во всякомъ разѣ—«божіе благословеніе»: сказано «въ потѣ лица твоего ѣшь хлѣбъ твой» и—безъ пота хлѣба не выпашешь. До такой неблагоухающей матеріи, какъ рабочій потъ, съ откровенной гадливостью дотрогивался остроумный Гейне и ему этотъ запахъ тоже не понравился, но за то онъ пришелъ

къ двумъ хорошимъ выводамъ: 1-е, «не надо морщить носа», а 2-е, «надо народъ сводить въ баню». Суворовъ съумѣлъ только «сморщить носъ», т. е. сдѣлалъ именно то, чего не надо съ точки зрѣнія человѣка западнаго воспитанія. Въ немъ просто колобродилъ презрительный русскій барчукъ. Впрочемъ, нашъ народъ, пользующійся репутаціею неопрятнаго,—какъ разъ больше всѣхъ ходитъ въ баню, и если вѣрить Нестору, то еще въ самые давніе годы это удивляло апостола Андрея, который сдѣлалъ большой крюкъ держа путь въ Италію черезъ новгородскія дебри. И надо къ тому еще такое совпаденіе, что, всюду ведя съ собою это учрежденіе своего культа, русскіе же именно и доставили Ригѣ всѣ наслажденія банными удовольствіями. Первыя общественныя бани въ Ригѣ выстроены на московскомъ форштатѣ купцами Пименовымъ и Тузовымъ и очень, очень долгое время (если даже не до сихъ поръ) въ этихъ русскихъ баняхъ и обмывался весь потъ какъ русскій, такъ и нѣмецкій. Пименовъ и Тузовъ имѣютъ полное право сказать, что они въ своихъ «банныхъ заведеніяхъ» обмывали грѣхи всей Риги, не исключая и особы самого генералъ-губернатора, который волей-неволей тоже пріѣзжалъ помыться къ Пименову.

Гадко то, что пошлая и совершенно въ данномъ случаѣ неприличная фраза «они очень потѣютъ», конечно не была вызвана серьезною нестерпимостію русской нечистоты, а это просто сказано, чтобы обидѣть и унизить своихъ людей.

Это, конечно, бозтактно для русскаго правителя и очень нехорошо рекомендуетъ хваленое великодушіе Суворова.

Но если подробно разбирать и оцѣнивать основанія и поводы каждаго поступка, какими отмѣтилъ въ Ригѣ первые дни своего властительства Суворовъ, то надо остановиться и на второй причинѣ, которою князь объяснялъ—почему онъ не христосовался съ купцами.

XIV.

Вторая причина, по которой Суворовъ не хотѣлъ похристосоваться съ русскими купцами, заключалась въ томъ, что купцы посѣтили его въ числѣ другихъ гражданъ Риги, и князь «не хотѣлъ оскорбить нѣмцевъ и жидовъ».

Ю. Ѳ. Самарину и эта причина кажется недостаточною. Самаринъ говоритъ: «ѳто горько видѣть исходящимъ отъ лица Суворова, т. е. преемника одного изъ славнѣйшихъ именъ русскихъ,—имени преимущественно обязаннаго своею знаменитостію православію и народности. Если бы великій Суворовъ не умѣлъ развивать этихъ двухъ чувствъ ея въ русскомъ человѣкѣ безъусловнымъ уваженіемъ къ обрядамъ нашей вѣры и предпочтеніемъ русской натуры всѣмъ прочимъ,—въ особенности же пе-

редъ нѣмецкою, то едва ли бы при всемъ воинскомъ геніи ему удалось быть побѣдителемъ подъ Рымникомъ, Очаковымъ и Прагою; а внукъ кощунствуетъ теперь надъ тѣмъ, что́ составляло славу предка».

Здѣсь три положенія, съ которыми надо счесться и, не рабствуя никакому предвзятому направленію, можетъ быть, придется по нѣкоторымъ изъ нихъ почувствовать себя въ разномысліи съ Юріемъ Ѳедоровичемъ.

Въ изображенныхъ поступкахъ князя Суворова безъ сомнѣнія есть много «кощунственнаго»—чего ему ни какъ не могла бы простить родина, если бы современные князю рижскіе старовѣры не сложили для него фразы, которая сохранитъ потомству одно весьма сильно облегчающее вину князя обстоятельство. Это хорошо выражено словами «въ его мысляхъ и самъ Богъ былъ не властенъ»... Съ такого человѣка много нельзя спрашивать, кощунствуетъ онъ или молебствуетъ,—все это какъ-то вѣтеръ носитъ. Однако, разумѣется Суворовъ не правъ, и назначеніе его править Остзейскимъ краемъ надо считать несчастіемъ для русскихъ, но что касается «предпочтенія русской натуры всѣмъ прочимъ, въ особенности же нѣмецкой», то этимъ попрекать князя Суворова напрасно. Сидя на генералъ-губернаторствѣ въ краѣ, гдѣ весь образованнѣйшій слой населенія составляютъ нѣмцы, а народное большинство—латыши и эсты, князь Суворовъ тоже едва ли благоразумно поступилъ бы, если бы сталъ напрягать всѣ силы къ тому, чтобы оказывать «предпочтеніе русской натурѣ». Да и для чего бы это было нужно? Не для того ли, чтобы выставка на видъ всѣмъ такого «предпочтенія» была такою же обидою для нѣмцевъ, какъ предпочтеніе нѣмцевъ было и остается обидою для русскихъ? Странное и едва ли основательное желаніе! Развѣ сѣять зависть необходимо и полезно для края, правитель котораго обязанъ заботиться, чтобы всякій племенной антагонизмъ смѣшаннаго населенія не усиливался, а сглаживался, и чтобы всѣ равно чувствовали справедливость въ безпристрастіи правящей власти. Думается, что равное для всѣхъ вниманіе и справедливость были бы гораздо нужнѣе и полезнѣе чѣмъ обнаруженіе тѣхъ или другихъ племенныхъ «предпочтеній». Исторія русской администраціи въ Остзейскомъ краѣ имѣетъ не мало доказательствъ, что предпочтеніе какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, приносили гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы. Князь Суворовъ обнаруживалъ предпочтеніе нѣмцамъ и это было дурно, но было нѣсколько человѣкъ, которые здѣсь носились съ своими русскими симпатіями и они тоже добра не сдѣлали. Въ числѣ лицъ, имѣвшихъ такія симпатіи, слѣдуетъ назвать напримѣръ почти безъ исключенія всѣхъ бывшихъ здѣсь православныхъ архіереевъ, а изъ свѣтскихъ правителей—эстляндскаго губернатора М. Н. Галкина-Враскаго. И что же? изъ архіереевъ наибольшую степень полез-

ности оказали не тѣ, кто рѣзче двигалъ впереди себя свой руссицизмъ, а Филаретъ Гумилевскій, обращавшій вниманіе на воспитаніе духовныхъ изъ туземцевъ, латышей и эстовъ. Губернаторъ же Галкинъ, по выраженію мѣстныхъ русскихъ, только заставлялъ ихъ вспоминать басню про синицу, которая прилетала шиломъ море нагрѣвать и улетѣла море не нагрѣвши...

Для выясненія нашей исторіи, сдѣлаемъ на минуту маленькое отступленіе отъ борьбы князя Суворова съ современнымъ ему русскимъ рижскимъ архіереемъ, и посмотримъ, что приносила въ этомъ краѣ политика «предпочтеній русской натуры».

XV.

Рижскіе дѣятели оставили намъ самые яркіе слѣды, по которымъ вполнѣ можно судить полезнѣе ли править здѣшними дѣлами при настоящей государственной дальнозоркости и безпристрастіи, или при горячихъ порывахъ племенныхъ «предпочтеній».

Покойный Филаретъ Гумилевскій (историкъ), имѣя большой— нѣсколько крутой, но все-таки государственный умъ, велъ дѣло православія безъ пособія «предпочтеній» людямъ русскаго происхожденія [1]). Онъ, съ государственной точки зрѣнія, умно заботился приготовлять для эстовъ и латышей священниковъ изъ ихъ же единоплеменниковъ, знающихъ мѣстный языкъ и мѣстные нравы. Каковы эти люди были какъ «строители тайнъ Божіихъ»,—я не знаю, но православные латыши съ ними прекрасно уживались и имъ вѣрили. Между этими священниками были люди способные, какъ Венгеръ, Соме, Лійцъ, Микельсонъ, Дрекслеръ, Занкисъ, Койгеристъ, Крауклисъ, Боуманъ, Габинъ, Гамчеръ, Тамъ, Линденбергъ и другіе. Изъ нихъ Дрекслеръ и Занкисъ получили назначеніе быть ректорами семинарій,—первый во Псковѣ, а второй въ Могилевѣ. Но Филарета, который по своимъ способностямъ былъ здѣсь у мѣста, отсюда взяли и пошли переводить то въ Харьковъ, то въ Черниговъ, гдѣ онъ писалъ довольно заурядныя книги и доносы на Суворина и гр. Льва Н. Толстаго, находя непозволительною превосходно имъ составленную народную книжку о патріархѣ Никонѣ. Извѣстенъ былъ еще и другой его доносъ о брошюрѣ «Бояринъ Матвѣевъ». Вообще, онъ измельчалъ и сталъ вступать въ дѣла, которыхъ для чести своей могъ бы не касаться. Замѣнившій же въ Ригѣ Филарета Гумилевскаго епископъ и потомъ архіепископъ Платонъ Городецкій былъ человѣкъ совсѣмъ иного пошиба: онъ, по выраженію

---

[1]) Правилъ дѣлами рижской епархіи на правахъ викаріатства съ 1841 г. по 6-е ноября 1848 года, когда былъ назначенъ архіереемъ въ Харьковъ.

«Церк.-Общ. Вѣстника» (1882 г., № 110), «пошелъ своимъ путемъ», въ которомъ нельзя не видѣть, плѣнявшаго Самарина, явнаго «предпочтенія русской натуры». За это преосвященный Платонъ пользовался поддержкою Юрія Θедоровича, но преосвященный Платонъ былъ недоволенъ «наборомъ» духовенства изъ туземцевъ. Люди эти, выросши среди нѣмцевъ, во многихъ своихъ навыкахъ отличались отъ духовныхъ «русской натуры», среди которыхъ воспитался самъ Платонъ Городецкій.

Поэтому заботы предмѣстника своего Филарета Гумилевскаго объ образованіи духовенства изъ туземцевъ онъ не одобрилъ. Въ 1857 году этотъ церковный администраторъ написалъ синодальному оберъ-прокурору, что «необходимо сократить наборъ воспитанниковъ въ рижскую семинарію изъ мѣстныхъ крестьянскихъ дѣтей — ибо они сохраняютъ въ себѣ грубость и наклонность къ порокамъ, свойственнымъ латышамъ и эстамъ. А когда они поступятъ въ священники, то едва ли будутъ пользоваться уваженіемъ мѣстныхъ жителей, которые, по всей вѣроятности, будутъ презирать ихъ какъ крестьянскихъ дѣтей, и, можетъ быть, станутъ съ насмѣшкою указывать на ихъ отцовъ и родственниковъ, живущихъ въ рабочемъ состояніи».

Не станемъ удивляться такому мнѣнію съ точки зрѣнія государственной, но недоумѣваемъ откуда могъ преосвященный Платонъ вывести заключеніе, что люди склонны презирать священника, который выходитъ изъ ихъ рабочей среды, что они станутъ относиться съ насмѣшкою къ ихъ родственникамъ, живущимъ въ рабочемъ состояніи? Мы смѣемъ положительно удостовѣрить, что они никогда не насмѣхаются ни надъ кѣмъ, «живущимъ въ рабочемъ состояніи», а напротивъ любятъ это и почитаютъ. Имъ не только попъ, но и архіерей отъ сохи не противны. Живое тому доказательство представляетъ намъ весь нашъ русскій поповщинскій расколъ, который имѣетъ у себя поповъ изъ своей же рабочей народной среды и не смѣется надъ ихъ родственниками, «живущими въ рабочемъ состояніи».

Представленіе преосвященнаго Платона въ синодъ встрѣтило однако поддержку и съ 1859 по 1867 годъ латышей и эстовъ вовсе не принимали въ рижскую семинарію и «въ рижскую эпархію (къ латышамъ и эстамъ), какъ говоритъ «Ц.-О. В.», «повалилъ людъ излишній, ненашедшій дѣла въ другихъ эпархіяхъ, не знакомый съ языкомъ и жизнью Остзейскаго края, не потрудившійся въ новомъ краѣ отрѣшиться отъ нежелательныхъ особенностей своего быта, образовавшихся при неблагопріятныхъ условіяхъ жизни русскаго духовенства» («Ц.-О. В.», № 110).—Тутъ, какъ видимъ, нѣтъ уже никакого мѣста для укоризны въ недостаткѣ «предпочтенія русской натуры», — напротивъ, здѣсь дано самое сильное предпочтеніе «русской натурѣ», и притомъ еще натурѣ отборной и под-

сортированной, — призваны люди самой избранной «русской натуры», которая выведена не на жмыхѣ или на сѣрой капустѣ, а той которая вскормлена поминальнымъ блиномъ, да мірскою новинкою,—и однако, что же вышло?.. Въ началѣ наплыва людей этой натуры они только удивили туземцевъ своею безмѣрною наглостію и нахальствомъ. Довольно того, что эти поповскіе выкормки навязывались быть духовными вождями людей, языка которыхъ они не знали. И съ этого они только начали, что не умѣли говорить, а потомъ они скоро совсѣмъ оттолкнули отъ себя прихожанъ разными пороками. Въ окончательномъ же результатѣ, конечно, должно было получиться то, что и получалось, о чемъ теперь уже безъ всякаго стѣсненія печатаютъ и друзья и враги православія: т. е., что «православіе въ Остзейскомъ краѣ повсемѣстно падаетъ и оправославленные латыши и эсты стремятся возвращаться въ лютеранство».

XVI.

Послѣ пр. Платона епархіей управляли Веніаминъ Карелинъ, Серафимъ Протопоповъ, а потомъ Филаретъ Филаретовъ, изъ скоропостижной смерти котораго кто-то изъ предпочтенныхъ старался сдѣлать нѣкій актъ гражданскаго мученичества, а усердная молва даже протрубила вѣсть о приспѣшеніи ему смерти со стороны тѣхъ, кто будто не могъ сносить пламеннаго патріотизма этого епископа.

О Веніаминѣ и Серафимѣ Протопоповѣ ни при какихъ соображеніяхъ о судьбахъ Остзейскаго края не принято вспоминать, и мы послѣдуемъ этому основательному обычаю. При нихъ неудовольствія въ церкви возросли, но не имъ было возстановить миръ или создать что̀ нибудь лучшее.

Другое дѣло Филаретъ Филаретовъ (котораго, кажется, можно называть вторымъ, въ отличіе отъ перваго Филарета — Гумилевскаго). Его считали «рожденнымъ для щекотливой каѳедры», и ждали отъ него, что онъ надѣлаетъ большихъ дѣлъ.

Филаретъ Филаретовъ, дѣйствительно, былъ личность «многообѣщавшая», и это давало ему право на любовь и вниманіе многихъ со дней его юности, когда онъ пошелъ студентомъ (кіевской духовной акедеміи) въ монахи, а потомъ всю жизнь объ этомъ жалѣлъ [1]). Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ уменъ, но и его умъ, и дарованія, не дали ничего достойнаго большихъ ожиданій, какія

[1]) Я говорю это не съ вѣтра, а на основаніи его словъ и его писемъ, которыя я напечатаю.

онъ возбуждалъ при началѣ его карьеры. Равнять его съ Филаретомъ Гумилевскомъ нечего и думать, но онъ былъ мастеръ слыть. Въ бытность свою профессоромъ и ректоромъ кіевской духовной академіи, онъ успѣлъ прослыть «ученымъ», но собственно говоря онъ даже для Россіи обнаруживалъ мало выдающейся учености и въ литературѣ дебютировалъ очень неудачно двумя сочиненіями, изъ коихъ лишь одно докончено, но за то оба они несомнѣнно являютъ собою не болѣе какъ компиляціи... Такъ одно изъ нихъ и репрезентовалъ синоду митрополитъ Арсеній Москвинъ. Если его стать сравнивать съ Филаретомъ Гумилевскимъ въ отношеніи трудолюбія, то получится нѣкая мизерія. Филаретъ Гумилевскій написалъ и издалъ много прекрасныхъ и вполнѣ самостоятельныхъ сочиненій. Въ числѣ ихъ есть очень многотомныя и свидѣтельствующія какъ о неутомимой энергіи и трудолюбіи автора, такъ и объ очевидной независимости и проницательности его взгляда. Это былъ настоящій историкъ, съ глубокимъ и смѣлымъ умомъ историческаго склада, что и чувствовалось не только въ его литературныхъ трудахъ, но и въ его административной дѣятельности, къ которой онъ приступалъ при такихъ свѣдѣніяхъ, что могъ дать о краѣ «историко-статистическое описаніе». Да еще какое! Его описаніе «Харьковской епархіи»—это перлъ между тогдашними произведеніями этого рода.

Филаретъ Филаретовъ, или Филаретъ второй, извѣстенъ въ литературѣ только двумя сочиненіями: 1) О происхожденіи книги Іова и 2) О книгѣ Екклезіастъ. Первое сочиненіе есть компиляція нѣмецкихъ изслѣдованій о книгѣ Іова съ прибавкою въ концѣ несоотвѣтственнаго заключенія, которое не вяжется съ доводами. Трудъ этотъ нигдѣ не упоминается въ наукѣ, а бывшій кіевскій митрополитъ Арсеній Москвинъ 2-й въ отзывѣ о немъ назвалъ его «компиляціею», что̀ и справедливо. Названное компилятивное сочиненіе было писано для полученія докторской степени, но признано того недостойнымъ. Тогда Филаретъ началъ печатать въ подвѣдомыхъ ему «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» другое сочиненіе объ Екклезіастѣ, которое съ первыхъ же строкъ обличало вполнѣ несомнѣнную компиляцію, но оно критиковано не было, потому вѣроятно, что не было и окончено. Въ это время онъ былъ возведенъ въ епископскій санъ безъ степени доктора, а затѣмъ скоро попалъ въ Ригу.

Назначеніе сюда Филарета Филаретова объясняли тѣмъ, что онъ «архіерей свѣтскій и отлично зналъ по-нѣмецки», но у этого человѣка все какъ-то проходило въ сборахъ и въ практикѣ выходило не тѣмъ, что ожидалось. Хорошее знаніе нѣмецкаго языка, весьма важное въ Ригѣ,—онъ здѣсь спряталъ; свѣтскость его здѣсь тоже ни куда не годилась. Правда онъ терпѣть не могъ одиночества и любилъ общество какъ мужское, такъ и женское, и въ Кіевѣ

вступалъ въ самые избранные дома, но у него не было воспитанности. Онъ даже никогда не могъ отстать отъ нѣкоторыхъ самыхъ непріятныхъ манеръ. Въ характерѣ онъ имѣлъ какую-то компилятивную смѣсь, — онъ смѣялся надъ слабостями епископовъ, но чему посмѣивался, тому и самъ работалъ вполнѣ... У него было какое-то négligé, проглядывавшее, напримѣръ, въ томъ, что онъ не любилъ клобука и ѣзжалъ и хаживалъ въ мягкой шляпочкѣ à la Tirolienne, но служилъ (по выраженію кіевлянъ) «театрально»; онъ способенъ былъ сказать смѣлое слово, что съ нимъ однажды и случилось при пересмотрѣ устава духовноучебныхъ заведеній, но потомъ онъ жался и поправлялъ свою репутацію черезъ свѣтскихъ лицъ и не пренебрегалъ даже большими глупцами. Отъ природы онъ былъ человѣкъ очень не злой, но упрямый, и любилъ отомщевать, впрочемъ, болѣе смѣшно, чѣмъ грозно. Это у него иногда выходило очень смѣшно и его гнѣвало. Онъ напримѣръ разсердился разъ на профессора Лебединцева и постановилъ наказать его лишеніемъ дровъ на зиму. Это было смѣшно само по себѣ, но еще смѣшнѣе было то, что Ѳ. Г. Лебединцевъ еще раньше забралъ къ себѣ слѣдовавшіе ему дрова и Филаретъ ни какъ не могъ ихъ отобрать.

Вотъ характеръ и силы борца, который долженъ былъ поправить русскія дѣла на «скользкой каѳедрѣ».

Основательные люди въ Кіевѣ впередъ говорили, что онъ въ Ригѣ не сдѣлаетъ ничего, и они не ошиблись.

Въ Ригѣ онъ не умѣлъ пустить въ ходъ свою неуклюжую, но отважную свѣтскость, а именно тутъ-то, гдѣ она могла имѣть полезное значеніе, онъ началъ хмуриться. Системы у него еще не было: онъ напримѣръ энергично осуждалъ пріемы «православистовъ» въ Ригѣ и указывалъ на ихъ малосмысліе и несообразительность, черезъ которыя «церкви, настроенныя на русскія деньги, пустѣютъ, а другія уже запустѣли и того гляди что, по предсказанію Самарина, попадутъ нѣмцамъ подъ пивные заводы», и самъ же повелъ здѣсь дѣла съ духовенствомъ изъ туземцевъ хуже своихъ предшественниковъ. Филаретъ Филаретовъ раздражилъ противъ себя все духовенство изъ латышей и эстовъ, и по упрямству своему пошелъ въ этомъ направленіи еще круче и, наконецъ, «выжилъ» изъ рижской семинаріи ректора (латыша), Дрекслера, и замѣнилъ его русскимъ, не знающимъ ни мѣстныхъ условій, ни мѣстныхъ нарѣчій.

Этою обидою латышамъ Филаретовъ докончилъ свой разрывъ съ тѣми людьми, опираясь на которыхъ здѣсь только и можетъ держаться православіе, имѣющее тутъ политическое значеніе, повидимому, впрочемъ сильно преувеличенное. Послѣ смерти Филаретова, дѣла приняли видъ открытой борьбы священниковъ туземнаго происхожденія съ священниками пришлыми изъ Россіи, и борьба

эта нашла уже себѣ приложеніе въ жизни и выражается жаркою полемикою въ печати.

Таковъ финальный coup-de-main, который архіерей компиляторъ, путемъ «предпочтеній русской натуры», нанесъ здѣсь дѣлу православія, насажденному архіереемъ-историкомъ.

Но слава Богу, латышъ и эстъ тяготѣютъ къ намъ силами иныхъ, болѣе прочныхъ и въ наше время болѣе надежныхъ симпатій.

Н. Лѣсковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

МОСКОВСКІЕ ЛЮДИ XVII-ГО ВѢКА[1].

XXVIII.

Въ ТОГДАШНЕЙ Москвѣ грабежи и убійства были очень часты, грабители были или единичные, или дѣйствовали скопомъ. Намѣчая заранѣе какого нибудь торговаго человѣка и подкарауливая его, они выжидали благопріятнаго времени, чтобъ напасть на него, особенно если онъ шелъ подъ хмѣлькомъ. Что же касается убійствъ, то хотя и они случались при грабежахъ, но бо́льшею частью происходили при дракахъ между подвыпившими людьми и притомъ, конечно, самыя драки начинались обыкновенно изъ-за пустяковъ. Были еще и нападенія не съ корыстною цѣлью и не подъ пьяную руку — то были разсчеты мужей съ полюбовниками ихъ женъ. Нападенія такого рода производились бо́льшею частью изъ-за устроенной заранѣе засады, и оскорбленный супругъ, запасшись полѣньями, подламывалъ ноги пробиравшемуся волокитѣ, или, дѣйствуя дреколіемъ, наносилъ тяжкіе побои, а иной разъ и увѣчья искателю любовныхъ приключеній. Замѣчательно, однако, что въ

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XIV, стр. 48 Примѣчаніе отъ редакціи. На сдѣланные намъ запросы по поводу рисунковъ, помѣщенныхъ въ статьѣ Е. П. Карновича, объясняемъ, что всѣ эти рисунки, безъ исключенія, воспроизведены нами съ подлинныхъ гравюръ того времени, т. е. конца XVII и начала XVIII столѣтій, и преимущественно изъ извѣстнаго «Путешествія» Олеарія, изданнаго въ 1656 году и считающагося однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія Россіи въ XVII столѣтіи.

старинныхъ бумагахъ жалобъ на такую расправу не встрѣчается. Такъ какъ жалобщикъ былъ бы самъ въ отвѣтѣ за свое волокитство, то онъ и не поднималъ уголовнаго дѣла, но переносилъ ,побои молчкомъ, безъ всякихъ судебныхъ исковъ. Кромѣ того, расправа съ соблазнителемъ предпринималась вообще очень рѣдко, такъ какъ все вымѣщалось на женѣ. Только мужья, страстно любившіе своихъ женъ, рѣшались на месть своимъ соперникамъ, снисходя къ слабости женщины.

Подъ всѣ эти случаи убійства или увѣчья могъ легко подходить и Тябота, и Прокопъ назавтра хотѣлъ обойти скудельные дома, въ которыхъ выставлялись на показъ народу находимыя на улицахъ мертвыя тѣла неизвѣстныхъ людей. Легко могло быть, что Прокопъ среди такихъ тѣлъ, нашелъ бы и трупъ своего убитаго хозяина. Но оказалось, что не было надобности приводить въ исполненіе такого предположенія Прокопа.

На-зарѣ, когда Прокопъ, утомленный вчерашнею продолжительною ходьбой въ Нѣмецкую слободу, еще крѣпко спалъ, раздался сильный стукъ въ ворота, и работница Тяботы, отворивъ ихъ, увидѣла, что передъ ней стоитъ нѣсколько незнакомыхъ ей людей.

— Что твоей милости нужно?—спросила она одного изъ нихъ, который, повидимому, предводительствовалъ прочими.

— Здѣсь будетъ домъ торговаго человѣка Андрея Викулова Тяботы? сказалъ онъ, вмѣсто отвѣта.

— Онъ самый и будетъ, да только хозяина дома нѣтъ. А по что онъ тебѣ?

— Не бабье дѣло знать, по что онъ мнѣ нуженъ! — прикрикнулъ на работницу приставъ Сыскнаго приказа, пришедшій съ тремя послухами. Зови сюда скорѣй работника!

Заспавшійся Прокопъ, разбуженный Настасьею, явился передъ приставомъ.

— Пришелъ я описать и опечатать животы твоего хозяина, сказалъ приставъ. Веди меня къ хозяйкѣ и самъ будь послухомъ при описи, а хозяинъ твой Андрей Викуловъ сидитъ въ Сыскномъ приказѣ и вчера былъ на пыткѣ.

Прокопъ и Настасья остолбенѣли отъ ужаса. Дѣло могло идти теперь о нихъ самихъ, такъ какъ никто не вѣдалъ за что Андрей былъ приведенъ къ сыску, да и кто знаетъ кого онъ съ-пьяна, а потомъ и на пыткѣ, могъ, и безъ злаго умысла, оговорить. Прокопъ и работница, молча, въ недоумѣніи, только покачивали головами, а приставъ съ ними и съ приведенными послухами отправился въ домъ, чтобы исполнить распоряженіе, данное ему изъ приказа.

Приставъ поступалъ, а съ своей стороны,. и Сыскной приказъ распорядился, въ этомъ случаѣ, совершенно правильно, такъ какъ,

по силѣ «Уложенія», животы или имущество каждаго приводимаго въ Сыскной приказъ должны были быть описаны и опечатаны въ виду того, что, въ ту пору, каждое дѣло могло кончиться взятіемъ животовъ въ казну, или какъ обыкновенно тогда выражались «на Великаго Государя».

Анфиса, узнавъ объ этомъ, сильно встревожилась и горько заплакала, свѣдáвъ о плачевной участи мужа. Хотя она и не любила его, но, представивъ себѣ тѣ мученья, какія онъ долженъ былъ выдержать, подвергнувшись пыткѣ, она съ трудомъ приподнялась съ постели, а приставъ принялся подробно разсказывать ей какъ расправлялись въ приказѣ съ ея мужемъ. Несмотря на болѣзнь и слабость хозяйки, дѣло не могло, однако, обойтись безъ угощенья пристава. Этотъ исполнитель закона, какъ и всѣ тогдашніе приказные люди, не прочь былъ хорошенько выпить, а подвыпивши порядкомъ, онъ становился болтливъ.

— За какую-жъ вину привели Андрея Викулыча въ Сыскной? нерѣшительно, сквозь слезы, спросила Анфиса.

Приставъ разсказалъ ей безъ утайки какъ было дѣло, выставивъ на видъ дѣйствительную причину, т. е. любовныя похожденія Тяботы.

Вслѣдствіе этого разсказа, у молодой женщины какъ будто отлегло отъ сердца: въ той бѣдѣ, въ какую попался Андрей, она видѣла праведное Божье наказаніе за его супружескую невѣрность, а не какое нибудь несчастіе, постигшее его безъ всякой причины. Но такое чувство тотчасъ прошло и мѣсто его заступило состраданіе къ Андрею. Она хотѣла бы провѣдать его, но болѣзнь не позволяла ей выйдти изъ дому, да и, кромѣ того, приставъ пояснилъ ей, что пока продолжается сыскъ и колодникъ въ своей винѣ не сознался еще на чистоту, до тѣхъ поръ не позволяется ему видѣться ни съ кѣмъ: ни съ отцомъ, ни съ матерью, ни съ женою, ни съ дѣтьми. Приставъ говорилъ какъ слѣдовало бы поступить по закону, на дѣлѣ, однако, тогдашніе русскіе, а въ томъ числѣ и московскіе тюрьмы и остроги не были въ сущности ни чѣмъ уединены отъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. При помощи нѣсколькихъ алтынъ не только легко было пробраться въ тюрьму и въ острогъ, но и самъ колодникъ могъ свободно иной разъ сходить домой въ сопровожденіи десятскаго, даже если онъ былъ въ оковахъ или съ набитой на шею рогаткой. Колодники содержались тогда не на счетъ казны, а на счетъ общественной благотворительности. Колодниковъ, подъ присмотромъ стрѣльцовъ или десятскихъ, водили по городамъ, чтобы они собирали съ міру милостыню на свое прокормленіе, и, во время такой ходьбы, подаянія раздавались имъ щедрою рукой: кто подавалъ одинъ или нѣсколько алтынъ, другіе давали имъ калачей, бубликовъ и разные другіе съѣстные припасы. Состраданіе къ узникамъ было от-

личительною чертой въ нравахъ русскаго народа. Особенно много получали они подаянія, когда проходили по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ шла торговля, а въ Москвѣ—по торговымъ рядамъ. Послѣ такой прогулки они возвращались въ тюрьму съ пригоршнями мѣдяковъ, а за пазухой у нихъ было много разнаго продовольствія. Кромѣ того, многіе благотворители и благотворительницы отправляли въ тюрьмы иногда цѣлые возы пожертвованій: хлѣбомъ, мясомъ, рыбою, а также раздавали сами въ тюрьмахъ на руки колодникамъ деньги, обдѣляя ими каждаго и каждую по своему усмотрѣнію.

Цари и царицы не уклонялись отъ такихъ способовъ благотворенія. Они не только посылали отъ себя въ тюрьмы обильныя подаянія и деньгами, и разными съѣстными припасами, но и соблюдали установившійся изстари въ Москвѣ особый обычай. Въ рождественскій сочельникъ и въ страстную пятницу, а также и наканунѣ большихъ праздниковъ или по какимъ либо особымъ случаямъ, они обходили тюрьмы и изъ своихъ царскихъ рукъ раздавали милостыню: царь—колодникамъ, а царица—колодницамъ.

Приставъ пообѣщалъ, впрочемъ, устроить такъ, чтобы Анфиса, когда поправится, могла видѣться съ мужемъ, а затѣмъ, переговоривъ въ сторонкѣ съ ея матерью и принявъ отъ Маремьяны Ивановны одну полтину въ подарокъ, а двѣ для передачи Андрею Викулычу, позвалъ послуховъ или понятыхъ, составилъ сказку объ описи и, припечатавъ нѣкоторые сундуки, а за тѣмъ и лавку Тяботы, отправился съ своими подручными въ царское кружало.

Въ тотъ же день, въ домѣ Андрея явилось другое болѣе значительное лицо—подъячій изъ Сыскнаго приказа. Принявшей его съ почетомъ Маремьянѣ Ивановнѣ онъ пояснилъ, что если ему будетъ дано теперь пять рублевъ, и потомъ столько же, то онъ устроитъ дѣло такъ, что Тяботу не приведутъ ко вторичной пыткѣ и все окончится тѣмъ, что его дня черезъ три выпустятъ на чистыя поруки, т. е. отпустятъ на всѣ четыре стороны. Предложеніе это было принято очень охотно, а подъячій брался за него въ полной увѣренности, что онъ съумѣетъ направить дѣло въ пользу обвиняемаго.

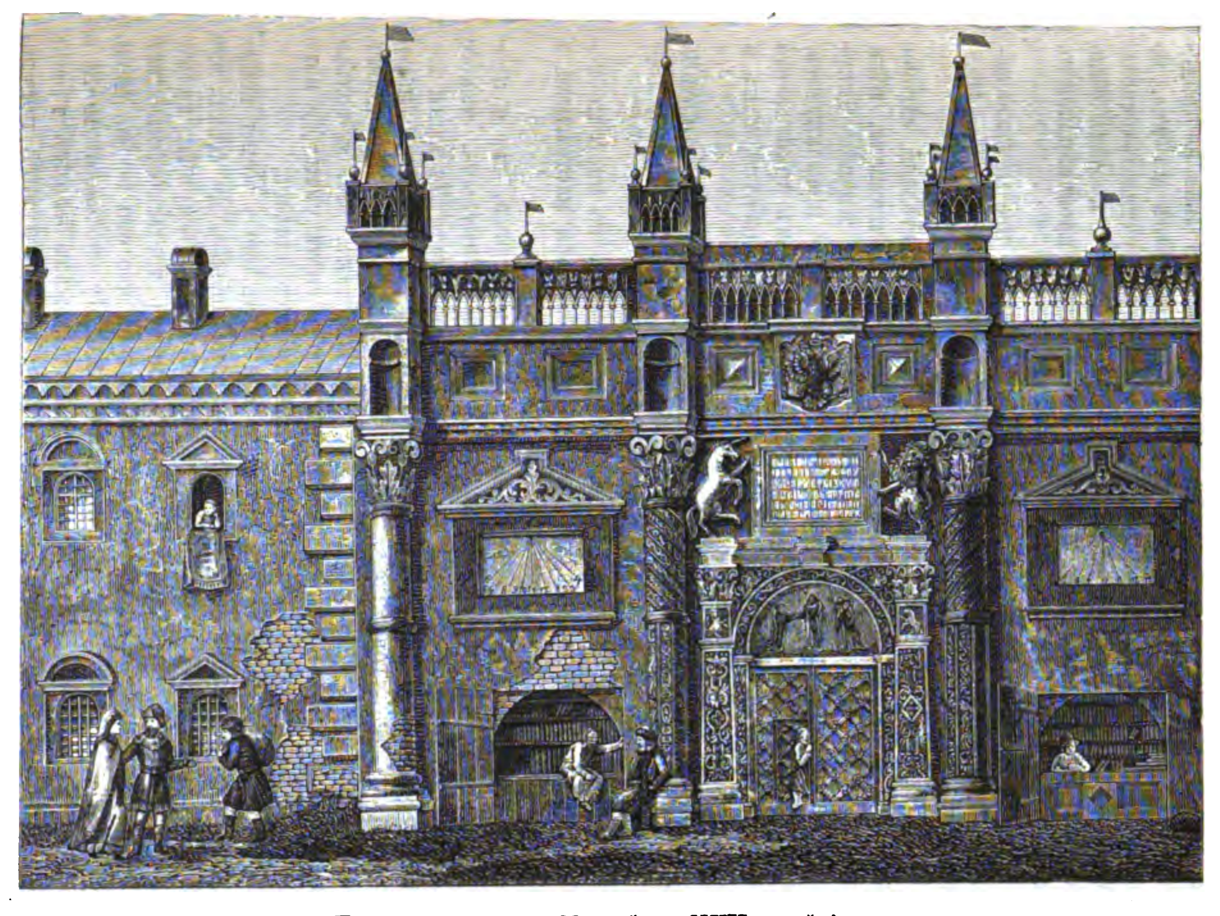
При неполнотѣ и неясности тогдашнихъ законовъ и уголовныхъ, и гражданскихъ, каждую статью ихъ легко можно было истолковать и примѣнить какъ угодно. Дѣло Тяботы не представляло само по себѣ особой важности. Очевидно было, что оно заключалось въ напрасномъ оговорѣ невиновнаго со стороны подвыпившаго и раздраженнаго человѣка. Притомъ Тябота потерпѣлъ уже порядкомъ и ему была дана хорошая наука, на вискѣ и встряскѣ. Приказный пообѣщалъ посулу дьяку и они вдвоемъ повели дѣло такъ, что Тябота былъ признанъ виновнымъ только въ произнесеніи «неистоваго» слова, за которое можно было, пожалуй, или приговорить даже къ смертной казни, или освободить безъ всякаго

наказанія. Толкованіе закона въ послѣднемъ, благопріятномъ, смыслѣ примѣнили къ Андрею Викулычу. Главнымъ основаніемъ его оправданія была признанная въ немъ «дурость» и онъ, отбывъ послѣ пытки еще пять дней въ тюрьмѣ, былъ отпущенъ домой съ внушеніемъ, что если онъ поступитъ такъ неразсудно «вдругорядь», то быть ему «въ жестокомъ наказаньи и страшномъ раззореньи». Хотя вправленныя удачно приказнымъ костоправомъ послѣ пытки руки Андрея еще болѣли и онъ пока не могъ вполнѣ свободно дѣйствовать ими, а исполосованная кнутомъ спина не поджила окончательно, но все же онъ отдѣлался легко сравнительно съ тѣмъ, что могло придтись на его долю. Выйдя изъ душной тюрьмы, Андрей съ трудомъ приподнялъ правую руку, перекрестился на всѣ четыре стороны и поплелся домой, присаживаясь по временамъ гдѣ-нибудь, такъ какъ вытянутыя на вискѣ и при встряскѣ ноги не слишкомъ хорошо служили ему.

XXIX.

Причина внезапной болѣзни Анфисы оставалась пока загадкой. Объ этомъ не отвѣчала она на распросы мужа, котораго встрѣтила теперь съ радостію, съ трудомъ приподнявшись съ постели. Изнеможенный Андрей возбудилъ въ ней сильную къ себѣ жалость и все прошлое было забыто. Его страданія искупили въ глазахъ его жены всѣ прежнія нанесенныя ей обиды и неправды. Она желала поскорѣе оправиться, чтобъ ухаживать за Андреемъ, который постоянно охалъ и стоналъ, жалуясь на то, что жестокая пытка въ-конецъ разстроила его здоровье. Тябота присмирѣлъ и самымъ дружественнымъ образомъ относился къ Анфисѣ. Забылъ онъ о своей полюбовницѣ, которая, какъ оказалось, обманывала его, да и сверхъ того была случайною причиной его страданій. О позорѣ, нанесенномъ пыткою, не могло, конечно, быть и рѣчи, такъ какъ ей въ ту пору, въ случаѣ оговора, могъ подвергнуться каждый безъ всякаго исключенія, начиная съ простыхъ людишекъ и кончая именитыми и родовитыми боярами, засѣдавшими въ царской думѣ. Извѣстно было въ народѣ, что даже патріархъ Филаретъ, прадѣдъ царствовавшихъ тогда государей, былъ, предъ его невольнымъ постриженіемъ, приведенъ къ пыткѣ, по повелѣнію царя Бориса; онъ былъ поднятъ на дыбу и битъ кнутомъ.

Но если, по тогдашнимъ понятіямъ, пытка не безчестила никого, то все же она болѣзненно и мучительно отзывалась продолжительное время на самомъ здоровомъ человѣкѣ, и Тябота, въ свою очередь, чувствовалъ на себѣ ея вредныя послѣдствія. Онъ не могъ еще самъ сидѣть въ лавкѣ, которая, по возвращеніи его домой, была отпечатана и когда Анфиса немножко поправилась, то онъ сталъ посылать ее туда вмѣсто себя.

Печатный дворъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.

Такимъ образомъ, прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ того времени, какъ заболѣла Анфиса, и однимъ днемъ менѣе съ того времени, когда толстый дьякъ, расправлялся съ Тяботою въ Сыскномъ приказѣ. Въ этотъ промежутокъ Андрей ни разу не только не придирался за что нибудь къ Анфисѣ, не прикрикивалъ на нее, но даже не сказалъ ей ни одного жесткаго или не «учтиваго» слова. Молодая женщина вздохнула свободнѣе и хотя ей и жаль было Андрея, но все же она не могла не порадоваться происшедшей въ немъ перемѣнѣ.

Однажды, когда она сидѣла въ лавкѣ и около нее не было никого изъ покупателей къ ней незамѣтно подкралась Матрена Ивановна.

— Что же ты, матушка Анфиса Семеновна, надѣлала, заговорила она шопотомъ. Съ чего ты, родная, такъ сплошала, вѣдь дала я тебѣ, по твоей просьбѣ, зелья на изводъ Андрея Викулыча, а оно попало въ твою утробу. Эхъ, какъ промахнулась, ошиблась знать, или не туда сыпнула или ненарокомъ приняла его сама. Да бѣду эту поправить можно, если понадобится, такъ я тебѣ еще принесу, только опять не оплошай.

Анфиса отвернулась въ сторону отъ говорившей ей это бабѣ, и, повидимому, не хотѣла вовсе слушать ее. Но Хрипунья, дернувъ ее сильно за рукавъ, проговорила:

— Нешто не узнаешь меня, или и говорить со мной не хочешь? Вѣдь ты сама сдѣлала не такъ, какъ я тебя наставляла, а я въ твоей бѣдѣ безпричинна. Сама разсуди.

— Знай, заговорила дрожащимъ голосомъ Анфиса, что я просила у тебя лихаго зелья не на изводъ Андрея Викулыча, такого злодѣйства никогда у меня въ помыслахъ не было. Да коли поможетъ Господь, такъ и впередъ его не будетъ. Я только нарокомъ такъ тебѣ говорила, а зелье мнѣ потребно было на окормъ самой себя. Мнѣ въ тѣ поры жизнь опостыла такъ, что я только и думала о томъ, какъ бы поскорѣй съ этого свѣта уйти. Да вотъ по волѣ Божьей уцѣлѣла, а только крѣпко настрадалась.

— Зелья-то, видно, мало сыпнула или знать оно у меня вылежалось, а статься можетъ и плохаго я сама добыла. Да нѣтъ, что я пустяки-то болтаю, какъ будто опомнившись, вскрикнула вѣдунья, ни отъ того, ни отъ другаго, ни отъ третьяго, оно тебѣ смерти не принесло, а отъ того ты избавилась, что оно не на тебя, а на раба Божьяго Андрея нашептано было. Ну оно своей мочи и лишилось, а дай-ко ты Андрею Викулычу, лежалъ бы онъ теперь въ могилѣ, а ты бы безъ заботъ и печали на свободушкѣ погуливала, а теперь тебѣ, горемычной, снова терпѣть приходится...

— Ничего я не терплю пока отъ Андрея Викулыча, рѣзко перебила Анфиса.

— Ну вотъ видишь, стало быть мой приворотъ тебѣ помогъ,

хвастливо отозвалась вѣдунья. Сама говоришь, что мужъ твой инымъ сталъ, а попортится, такъ снова попросишь...

И съ этими словами она, завидѣвъ приближающихся къ лавкѣ двухъ покупателей, поспѣшила отойти отъ Анфисы.

Оказалось, что шли не покупатели, а Демьянъ Григорьевичъ съ Никитой. Они поклонились Анфисѣ, а старикъ Антуфьевъ и заговорилъ съ ней. Онъ спросилъ ее какъ поживаетъ Андрей Викулычъ, и передалъ, что онъ, Демьянъ Григорьевичъ, сбирается на нѣкоторое время отлучиться изъ Москвы на богомолье.

— А что-жь не навѣстишь моего мужа, онъ былъ бы радъ тебя видѣть, сказала Анфиса.

Хотя Демьяну Григорьевичу и не очень хотѣлось свидѣться снова съ Андреемъ, но по приглашенію хозяйки и зная, что Андрей недавно такъ жестоко пострадалъ, онъ отправился къ Тяботѣ, а Никита, стоявшій во время разговора Анфисы съ дядей поодаль, вошелъ въ ворота и, остановившись около нихъ, разговорился съ Прокопомъ.

Трезвый Андрей встрѣтилъ привѣтливо Демьяна Григорьевича и просилъ, чтобы онъ отпустилъ ему, если онъ, Андрей, чѣмъ-нибудь неумышленно обидѣлъ его, или сказалъ что нибудь супротивное по своей дурости. Онъ, не переча гостю, сознался, что былъ несправедливъ къ женѣ и часто обижалъ ее по пустому, и добавилъ, что какъ только онъ поправится, то пойдетъ на поклоненіе къ преподобному Сергію.

XXX.

На другой день послѣ свиданія съ Тяботой, Демьянъ Григорьевичъ на разсвѣтѣ отправился пѣшкомъ въ Троицко-Сергіевъ монастырь. Дорога, которая вела изъ Москвы въ эту обитель, была въ ту пору, вѣроятно, самая оживленная на Руси. По ней постоянно тянулись богомольцы и богомолки, составлявшіе изъ себя какъ бы отдѣльныя товарищества, но старикъ Антуфьевъ плелся одинъ съ котомкою за плечами, погружаясь въ размышленія объ истинной вѣрѣ. Онъ проходилъ черезъ лежавшія на пути села. Изъ нихъ при нѣкоторыхъ были устроены «царскіе станы», такъ какъ обыкновенно государи, предпринимая такъ называемые «походы» въ Троицкій монастырь, совершали предлежавшій имъ путь пѣшкомъ, отдыхая или въ устроенныхъ на этомъ пути станахъ, или, въ хорошую погоду, въ шатрахъ, которые передъ ихъ приходомъ разставляли на окрестныхъ лугахъ. Дорога эта не представляла особенно-живописныхъ мѣстностей, на которыя можно было бы полюбоваться. Она на протяженіи между бывшими на ней значительными селеніями шла бо̀льшею частью лѣсомъ, но такъ какъ она была такой путь, по которому не только ѣздили, но и ходили пѣш-

комъ и бояре, и цари со своими семействами, то она была устроена лучше и содержалась гораздо исправнѣе, чѣмъ всѣ другія проѣзжія дороги. Рытвины и промоины на ней были сглажены, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оказывались хотя и неглубокія топи, была настлана брусяная мостовая. На ней безпрестанно встрѣчались колодцы, постоялые дворы, лавки съ разными съѣстными припасами, такъ что по этой дорогѣ и ходить и ѣздить было очень хорошо, соотвѣтственно тогдашнимъ понятіямъ о дорожныхъ удобствахъ. Идя по ней, можно было прилечь и прохладиться подъ тѣнью деревъ въ лѣтній зной, обогрѣться въ зимнюю стужу и во всякое время года укрыться отъ непогоды.

Старикъ Антуфьевъ, не заводя ни съ кѣмъ изъ прохожихъ знакомства и не вступая даже въ разговоры, подходилъ уже къ Хотькову монастырю, когда показавшійся изъ придорожнаго лѣса какой-то ветхій старикъ, выйдя на дорогу, поравнялся съ нимъ бокъ-о-бокъ. Старикъ быстро окинулъ глазами съ головы до ногъ Демьяна Григорьевича и потомъ началъ пристально всматриваться ему въ лицо.

— А вѣдь мы, Демьянъ Григорьевичъ, съ тобой давнишніе знакомцы, сказалъ вышедшій изъ лѣсу старикъ, развѣ не узнаешь меня? а въ молодости мы частенько встрѣчались на Украйнѣ. Вѣдь я Ѳедоръ Тихоновъ, по прозванію Копытовъ.

— Такъ и есть! вскрикнулъ Антуфьевъ, Богъ вѣдаетъ съ коихъ поръ мы не видались, состарѣлись и теперь трудненько признать другъ друга.

— Я-то, лежа на травѣ въ лѣску, долго въ тебя взглядывался какъ ты шелъ. Кажись, говорю я, знакомый, и, наконецъ, призналъ тебя. Въ Сергіевъ монастырь плетешься? спросилъ онъ.

Демьянъ Григорьевичъ утвердительно кивнулъ головою.

— А тебя куда Господь несетъ? спросилъ онъ.

— Господь ведетъ меня по пути правому, началъ плавно Копытовъ. Нѣтъ нынѣ на Москвѣ древляго православія, нѣтъ тамъ и прежняго благочестія. Святая церковь тамъ пала и вмѣсто ея воцарилась антрихристова сила. Я, слѣдуя Христову ученію, отрясъ прахъ съ ногъ моихъ и ухожу въ убѣжище истинной праотеческой нашей вѣры. Отрекся я отъ всего и укроюсь въ глухихъ дебряхъ, чтобы не быть съ осквернившимися никоніанцами и спасти свою душу ко дню судному.

— Такъ ты противъ нынѣшнихъ церковныхъ новшествъ? какъ бы обрадовавшись, проговорилъ Демьянъ.

— Да развѣ истинный христіанинъ можетъ постоять за нихъ? Развѣ можно впасть въ проклятую ересь Никона? Не патріархъ, а «потеряхъ» онъ былъ: потерялъ бо вѣру истинную, мрачно и съ ожесточеніемъ говорилъ поборникъ старой вѣры.

— Но вѣдь Никонъ училъ правильно, если соборъ святителей,

даже и осудившихъ его самого, призналъ ученіе его правильнымъ и отлучилъ отъ церкви его противниковъ.

— Какіе это соборы! съ досадою крикнулъ старовѣръ — общія недомыслія, рождающіяся въ церкви, подобаетъ рѣшать только на вселенскихъ соборахъ, а такихъ соборовъ нынѣ быть не можетъ. Пора ихъ прошла. Ты самъ, Демьянъ Григорьевичъ былъ когда-то хорошимъ начетчикомъ священнаго писанія и потому долженъ знать, что тамъ сказано: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь». Домъ-то этотъ и есть наша святая церковь, а седмь столбовъ—седмь вселенскихъ соборовъ, и на нихъ-то неподвижно должна стоять единая, святая, соборная и апостольская церковь безъ всякихъ отмѣнъ и новшествъ.

Демьянъ Григорьевичъ внимательно слушалъ своего стараго знакомаго и спутника, всегда считавшагося человѣкомъ толковымъ и богобоязненнымъ, но въ былое время онъ далеко уступалъ старику Антуфьеву въ начитанности «божественнаго». Теперь въ этомъ отношеніи Демьянъ Григорьевичъ увидѣлъ въ Өедорѣ Тихоновичѣ большое превосходство надъ собою. Твердая, а порою и пылкая рѣчь Копытова, отзывавшаяся, въ добавокъ къ богословскимъ его познаніямъ, искренностію, бойкостію и твердостію убѣжденія, произвела на Антуфьева совершенно иное вліяніе, нежели холодная и разсудительная рѣчь колебавшагося и въ ту и въ другую сторону отца Онуфрія. Өедоръ Тихоновичъ бралъ надъ московскимъ священникомъ верхъ суровостію и непреклонностію своихъ внушеній, тогда какъ наставленія послѣдняго отличались кротостію и мягкостію, которыя, какъ казалось, во всякое время готовы были и на уступки и на примиренія.

— Пробираюсь я вдругорядь на рѣку Иргизъ къ Саратову, подальше отъ Москвы, измѣнившей древнему правовѣрію. Туда начали уходить наши, а житье тамъ человѣку не хуже московскаго. Тамъ тянутся большія дубовыя лѣса, хорошо родятся всякія овощи и хлѣбъ, а рѣка изобилуетъ рыбою. Тамъ человѣкъ, по благости Божіей, найдетъ для себя все пригодное, а что всего пуще сохранитъ свою душу отъ оскверненія никоніанствомъ. Добраться въ тамошніе лѣса царскимъ ратнымъ людямъ не легко, да если и покажутся они, то мы съумѣемъ дать имъ отпоръ силою. Ходилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Волгу по царскому указу атаманъ Осиповъ съ казаками противъ нашихъ, да ничего съ ними подѣлать не могъ. Господь принялъ насъ подъ святую свою охрану и даровалъ намъ побѣду надъ нашимъ врагомъ и супостатомъ, и наши отбились отъ царской рати и отошла она отъ насъ вспять, покрытая срамомъ.

— Слыхалъ я объ этомъ еще на Москвѣ, замѣтилъ Антуфьевъ. Атаманъ доносилъ царю, что ничего подѣлать не могъ.

— Вотъ хоть бы ты, ищешь ты истинной вѣры, заговорилъ

Ѳедоръ Тихоновичъ, обращаясь къ Антуфьеву — да вѣдь не обрящешь ты теперь ее на Москвѣ, и ни въ другихъ градахъ и весяхъ, нечестье ширится и утверждается въ патріаршей области, а вотъ кабы ты пошелъ на Иргизъ въ тамошніе скиты, то совсѣмъ иное дѣло было бы. Тамъ есть мудрые и твердые наставники въ вѣрѣ, не допустятъ они, чтобы возросли плевела нечестія. Вотъ они и просвѣтили бы твой разумъ, обличивъ въ-явь все умопомраченіе никоніанцевъ.

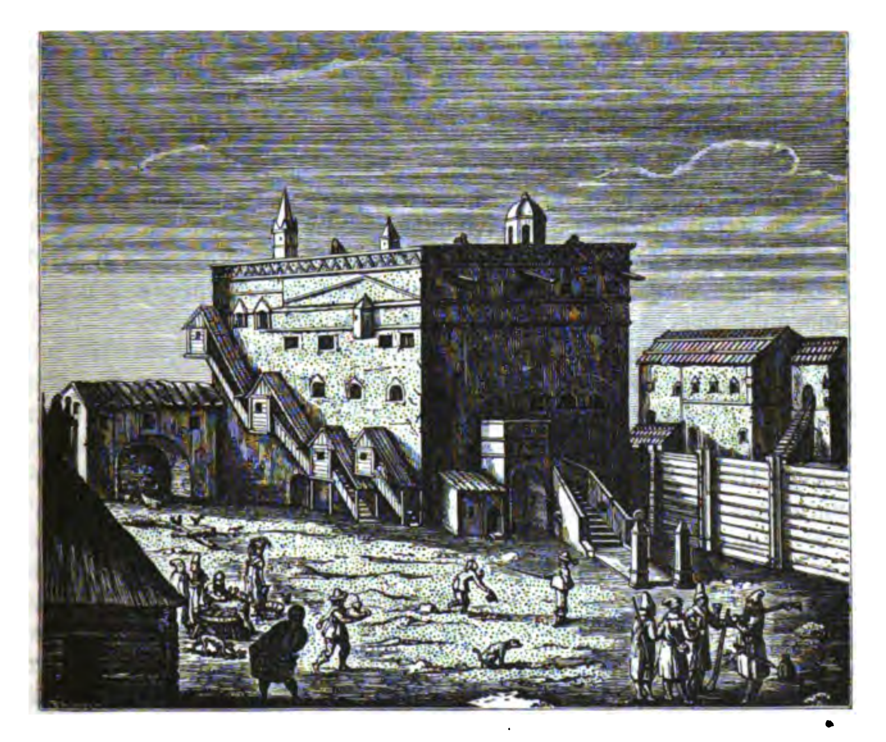
Во время всего остальнаго пути до Сергіева монастыря, шла между обоими стариками бесѣда относительно тогдашнихъ церковныхъ нестроеній, и рѣчи Ѳедора Тихоновича глубоко западали въ умъ и сердце его спутника, начавшаго уже помышлять о томъ, какъ бы ему, избѣгая соблазна, пробраться вмѣстѣ съ Копытовымъ на Иргизъ, гдѣ, какъ стало казаться Антуфьеву, вдали отъ еретиковъ, должна находиться обѣтованная земля для русскихъ людей, желавшихъ соблюсти во всей чистотѣ истинную праотеческую вѣру.

XXXI.

Не смотря на взаимную любовь и привязанность, оба Антуфьевы, дядя и племянникъ, начали расходиться въ Москвѣ по двумъ разнымъ дорогамъ, которыя вскорѣ должны были развести ихъ на долекое другъ отъ друга разстояніе. Въ ту пору, когда Демьянъ Григорьевичъ, подъ вліяніемъ своего давняго знакомца Копытова, все рѣшительнѣе думалъ оставить Моску и пробраться на востокъ въ Заволжье, для охраненія благочестивой, по его мнѣнію, родной старины, Никита, жаждавшій книжнаго ученья, не только хотѣлъ для занятія имъ оставаться въ Москвѣ, но и начиналъ подумывать о томъ, какъ бы пробраться на западъ, за море, и посмотрѣть какъ живутъ тамошніе люди. Его, молодаго человѣка, съ развивающимся умомъ и подстрекаемаго любознательностію, занимало многое изъ того, на что сверстники его не обращали никакого вниманія, довольствуясь издавна установившимися на Руси порядками. Нѣкоторыя благопріятныя для Никиты обстоятельства усиливали въ немъ жажду знаній. Онъ не только радъ былъ читать книги, которыя такъ сильно любилъ, но его занималъ еще вопросъ и о томъ, какъ ихъ приготовляютъ. Никаноръ Добротворяевъ познакомилъ его съ однимъ изъ работниковъ, занимавшихся на печатномъ дворѣ, а этотъ знакомецъ обѣщалъ показать ему «книгопечатное дѣло».

Въ то время типографія, въ которой печатали въ Москвѣ книги, была однимъ изъ самыхъ лучшихъ зданій. Оно шло вдоль Никольской улицы на протяженіи почти ста саженъ. Какъ и всѣ тогдашнія московскія каменныя строенія, строеніе типографіи было о двухъ

жильяхъ. По бокамъ воротъ этого красиваго зданія,—въ которомъ смѣшивались черты зодчествъ готическаго, италіанскаго и арабскаго, были установлены съ каждой стороны солнечные часы, а въ верхнемъ полукружіи воротъ была поставлена, по срединѣ ихъ и нѣсколько выше, надпись гласившая: «Божіею милостію и повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича вся Россіи самодержца и сына его благовѣрнаго и христіанскаго царевича и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи, сдѣлана была сія палата на дворѣ

Посольскій домъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.

надъ воротами книгопечатнаго тисненія въ лѣто 7153 (1645) мѣсяца іунія въ 30 день». Доску съ такою надписью поддерживали съ одной стороны левъ, а съ другой единорогъ, т. е. такіе звѣри, которые изображаются щитодержателями англійскаго королевскаго герба. Изображенія этихъ звѣрей были сдѣланы и на плоскихъ столбахъ примыкавшихъ къ воротамъ. На этихъ столбахъ какъ и на полукругломъ ободѣ воротъ были изображены причудливые узоры. Такими же узорами были отдѣланы и двѣ поставленные около столбовъ колонны, нижняя часть которыхъ была трехгранная, а верхняя круглая. Нѣсколько поодаль отъ этихъ колоннъ было еще съ каж-

дой стороны по одной круглой, но гладкой, безъ всякихъ украшеній, колоннѣ. Между этими колонами, на каждой сторонѣ воротъ, подъ солнечными часами, были устроены, подъ сводами, книжныя лавки.

Изображенія на зданіи типографіи льва и единорога заставляли предполагать, что зданіе это принадлежало прежде англійскому посольству. Но такое предположеніе ничѣмъ не подтверждается и надобно думать, что изображеніе упомянутыхъ звѣрей было сдѣлано въ память основанія типографіи Иваномъ Грознымъ, который, кромѣ всадника и двуглаваго орла, употреблялъ еще, въ видѣ своего герба, и льва и единорога—изображенія, которыя онъ, безъ всякаго сомнѣнія, позаимствовалъ изъ англійскаго герба.

Но если зданіе типографіи, выходившее на улицу, было замѣчательно по наружному виду, за то другое зданіе, оставшееся во дворѣ, заслуживало еще большаго вниманія. Во дворѣ типографскаго помѣщенія находилась каменная палата, построенная еще въ 1562 году царемъ Иваномъ Васильевичемъ, а потомъ расширенная при царѣ Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ. Въ этой палатѣ и помѣщалась первоначально-заведенная въ Москвѣ типографія, и первая вышедшая оттуда книга была «Дѣянія апостольскія».

Работы въ типографіи не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на Никиту, онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ, какъ положенный подъ ручные тиски чистый листъ бумаги мгновенно выходилъ оттуда покрытый церковно-славянскими буквами, которыми до временъ Петра Великаго, изобрѣтшаго гражданскій русскій штрифтъ, печатались въ Россіи всѣ книги безъ исключенія.

Въ числѣ типографскихъ заправителей Никита встрѣтилъ одного пожилаго уже шведа Акселя Альмквиста, который еще молодымъ человѣкомъ пріѣхалъ въ Москву съ шведскимъ посольствомъ въ 1674 году. Повздоривъ съ однимъ изъ чиновниковъ посольства, Аксель, избѣгая ожидавшаго его въ Стокгольмѣ суроваго, въ тѣ времена, наказанія, не захотѣлъ вернуться на родину, а рѣшился остаться въ Москвѣ.

При отъѣздѣ посольства въ Стокгольмъ, онъ укрылся въ нѣмецкой слободѣ у одного знакомаго ему аугсбургскаго купца, а когда шведы уѣхали изъ Москвы и, слѣдовательно, опасность миновала, Аксель сталъ ходить по Москвѣ, познакомился со многими русскими, научился порядочно говорить по-русски и получилъ хорошее мѣсто на «печатномъ дворѣ». Пытливый и разсудительный Никита полюбился шведу, который и сталъ принимать его у себя въ домѣ. Антуфьевъ любилъ бесѣдовать съ Акселемъ, разсказывавшимъ ему какъ живутъ люди за моремъ, и воображеніе Никиты разъигрывалось при этихъ разсказахъ. Аксель говаривалъ, что хотя онъ и свыкся съ Москвою и даже полюбилъ ее, но что, несмотря на это, онъ, если бы не былъ женатъ и не имѣлъ дѣтей,

крещеныхъ въ русскую вѣру, уѣхалъ бы изъ Москвы на западъ, гдѣ людямъ живется свободнѣе, нежели въ государствѣ московскомъ.

Но, осматривая Москву, заводя знакомства и думая порою объ Анфисѣ, Никита не забывалъ главной своей цѣли—сдѣлаться студіозусомъ славяно-греко-латинской академіи и подготовлялся къ этому весьма усердно. Аксель, бывшій по тому времени человѣкомъ образованнымъ, знакомилъ Никиту по иностраннымъ книгамъ, съ исторіей и географіей, а также и съ математическими науками. Отецъ Онуфрій позволилъ ему приходить, чтобъ учиться у него по-гречески и по-латыни и по богословію, а Добротворяевъ развивалъ его по части піитики, риторики и философіи. Толковитый и способный Никита начиналъ мало-по-малу усвоивать себѣ начатки ученія славяно-греко-латинской академіи, а поступить въ это училище, конечно, по прошествіи еще нѣкотораго времени, казалось уже ему не такъ труднымъ, какъ прежде, тѣмъ болѣе, что на первый разъ не потребовалось бы обширныхъ и глубокихъ познаній по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ академіи.

Время проходило своимъ чередомъ, Андрей, поправившись отъ перенесенной имъ пытки, сходилъ на богомолье, и жилъ теперь съ Анфисой ладно, но нравъ его совсѣмъ перемѣнился. Изъ прежняго весельчака сдѣлался грустнымъ и задумчивымъ, и часто по цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ на лавкѣ подъ образами, и бормоталъ что-то про себя, потомъ вдругъ, въ испугѣ, вскакивалъ выбѣгалъ на крыльцо и, постоявъ тамъ нѣкоторое время въ какомъ-то тревожномъ состояніи, входилъ опять въ горницу и становился спокойнымъ, а порою даже на короткое время и веселымъ. Пилъ онъ куда какъ меньше противъ прежняго, такъ что не только не напивался, какъ прежде до потери разсудка и памяти, но даже рѣдко бывалъ и подъ хмѣлькомъ. Онъ пересталъ балагурить и выказывалъ охоту поговорить о чемъ нибудь дѣльномъ, а съ нѣкотораго времени особенно началъ толковать о древлемъ православіи и церковныхъ новшествахъ. Заходилъ онъ порою и къ отцу Онуфрію, кроткія наставленія котораго выслушивалъ теперь съ покорностію духовнаго сына.

Анфиса и ея родители радовались такой перемѣнѣ и казалось, что супруги зажили если и не вполнѣ счастливо, то, по крайней мѣрѣ, спокойно, такъ что вообще настоящее ихъ житье не могло идти въ сравненіе съ прежнимъ.

Въ свою очередь и Матрена Ивановна Хрипунья хвалилась, что она своимъ знахарствомъ съумѣла упрочить миръ и согласіе между супругами, прежняя разладица которыхъ была предметомъ нескончаемыхъ толковъ среди знакомыхъ и сосѣдей, изъ которыхъ одни принимали сторону мужа, а другіе сторону жены.

XXXII.

Наступила зимняя пора. Дни становились короче, и Андрею приходилось возвращаться домой изъ лавки ранѣе чѣмъ прежде. Однажды, когда онъ около сумерокъ пришелъ изъ лавки и Анфиса стала готовить ужинъ, Андрей, задумчиво сидѣвшій въ углу, часто вскакивалъ съ мѣста, выбѣгалъ на крыльцо и чутко прислушивался не идетъ ли кто-нибудь. Анфиса нѣсколько разъ пыталась спросить для чего онъ это дѣлаетъ? — но Андрей, вмѣсто отвѣта, только тревожно взглядывалъ на нее и затѣмъ, повидимому, успокоивался. Анфиса накрыла столъ, поставила на немъ деревянную солонку, положила краюшку хлѣба и большой ножъ, а работница принесла миску щей.

Пора была морозная. Мѣсяцъ еще не вставалъ, на улицѣ никого не было и у полуотворенныхъ воротъ дома Андрея Викулыча тихо разговаривали двое людей, лица которыхъ нельзя было разсмотрѣть за наступившей темнотой. Одинъ изъ нихъ былъ работникъ Прокопъ, а другой Никита, который разсказывалъ работнику, что сегодня принесли ему, Никитѣ, грамотку отъ Демьяна Григорьевича, и что грамоткѣ этой, отправленной изъ такого мѣста, какого онъ вовсе не знаетъ, не можетъ онъ, Никита, надивиться.

— Пишетъ мнѣ дядя—разсказывалъ Никита, что онъ уже никогда ни въ Москву, ни въ Сѣвскъ не вернется, и что онъ навѣки отошелъ туда, гдѣ предстоятъ праведные предъ Господомъ. Наказываетъ онъ мнѣ расположить, какъ я пожелаю самъ, всѣми его животами, а мнѣ, молъ, пишетъ онъ, ничего болѣе не нужно. Подумать можно, что онъ на свою жизнь посягнуть хочетъ, да тогда какъ бы онъ писалъ, что отошелъ туда, гдѣ предстоятъ праведные предъ Господомъ. Вѣдь покончить съ своею жизнью — грѣхъ страшный и за то въ лики праведныхъ не попадешь—заключилъ Никита.

— Да не держался ли онъ старой вѣры, или не былъ ли онъ къ ней наклоненъ?—догадывался Прокопъ.

— Держаться-то не держался, а наклоненъ, кажись, былъ.

— Ну теперь вѣдомо, Никита, гдѣ укрылся твой дядя. Вѣрно сманили его на Иргизъ люди старой вѣры, они туда многимъ множествомъ сходятся и хотятъ жить сами по себѣ безъ царя и патріарха. Торговыхъ людей изъ Москвы, что̀ не захотѣли имѣть общеніе съ никоніанами, ушло въ ту сторону не мало...

Во время этого разговора, Андрей, прислушивавшійся чуткимъ ухомъ къ доходившимъ до его съ улицы не разборчивымъ голосамъ, вдругъ вскочилъ съ лавки и схватилъ лежавшій на столѣ ножъ.

— А за мной пришли! Снова хотятъ вести меня на пытку — да вѣдь я не Никита?—кричалъ онъ, и прежде чѣмъ успѣла Анфиса опомниться, Андрей изо всей силы хватилъ себя ножемъ по горлу.

Анфиса въ испугѣ кинулась къ нему, чтобъ отнять ножъ изъ рукъ мужа, но онъ началъ отбиваться. Между ними началась борьба, во время которой Анфиса и столъ со стоявшей на немъ посудой съ грохотомъ повалились на землю; свѣтецъ, бывшій на немъ погасъ, а подлѣ стола грохнулся на полъ Андрей. Онъ уже не кричалъ, и ничего не говорилъ, а только хрипѣлъ, потому что кровь заливала ему горло.

— Опять забуянилъ — съ досадою проговорила работница Настасья, бывшая въ поварнѣ — долго не пилъ, а вотъ какъ подгулялъ, такъ и принялся за старое.

Но прежде чѣмъ она успѣла проговорить это мысленно, Анфиса опрометью выбѣжала изъ горницы сперва въ сѣни, а потомъ на крыльцо съ отчаяннымъ крикомъ:

— Господи спаси! Какая бѣда приключилась!..

Заслышавъ крикъ Анфисы, Никита не выдержалъ и пока Прокопъ запиралъ ворота, онъ быстро взобрался по лѣстницѣ и вбѣжалъ въ горницу, гдѣ на полу лежалъ хрипѣвшій и захлебывавшійся кровью Андрей. Въ это время работница внесла свѣтецъ и Никита, нагнувшись надъ Андреемъ, взглянулъ ему въ лицо. Помутившіеся глаза Андрея были открыты и, казалось, искали кого-то, легкія судороги подергивали его руки и ноги и онъ какъ будто силился приподняться съ полу.

Анфиса сидѣла на скамейкѣ, опустивъ голову и закрывъ лицо руками облитыми кровью. Взобрался по лѣстницѣ и Прокопъ. Всѣ бывшіе въ горницѣ растерялись и только, молча, смотрѣли на Андрея, который вдругъ захрипѣлъ сильнѣе прежняго, вздрогнулъ и затѣмъ вытянулся во весь ростъ, разметавъ въ стороны, по полу, окровавленныя руки.

— Побѣгу я къ отцу Онуфрію, да и дозорныхъ надобно оповѣстить, а то потомъ, чего добраго, въ отвѣтѣ будешь за то, что не срочно донесъ, сказалъ дрожавшій какъ въ лихорадкѣ Прокопъ и опрометью кинулся изъ горницы.

Анфиса между тѣмъ сидѣла, по прежнему, на скамейкѣ, работница принесла лахань съ водою и вымыла ей лицо и руки. Она не сказала ни слова и повиновалась Настасьѣ какъ повинуется ребенокъ нянѣ, которая его моетъ. Послѣ того она встала со скамейки, не твердою поступью подошла къ неподвижно лежавшему трупу Андрея, взглянула на него, зарыдала и, шатаясь, отошла, чтобы сѣсть на прежнее мѣсто. Противъ обычая тогдашнихъ московскихъ вдовъ, у которыхъ притворство было главнымъ двигателемъ, она не голосила, не причитывала, не билась головою обо что попало и не

металась, то опускаясь въ изнеможеніи на полъ, то вдругъ вскакивая съ ревомъ и воемъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ ухода Прокопа, около дома Тяботы послышался скрыпъ снѣга подъ спѣшными шагами дозорныхъ. Ихъ громкій говоръ на улицѣ вызвалъ не уложившихся еще спать сосѣдей изъ домовъ, и они стали выбѣгать на улицу. Многіе думали, что не загорѣлось ли гдѣ нибудь и ожидали, что вотъ сей часъ услышатъ трескотню трещетокъ и что ударятъ на приходской колокольнѣ «всполохъ» т. е. набатъ, который, переходя отъ одной церкви къ другой, загудитъ вскорѣ надъ всею Москвою. Такъ всегда это бывало въ ту пору, хотя бы пожаръ былъ самый незначительный.

Выбѣжавшіе на улицу сосѣди и сосѣдки привалили гурьбою къ дому Тяботы. Всѣ хотѣли войти въ горницу, гдѣ лежалъ Андрей, а возвратившійся Прокопъ сказалъ Анфисѣ и прибѣжавшей ея матери, что отецъ Онуфрій поѣхалъ съ утра въ Серпуховъ, къ заболѣвшей своей дочери и вернется оттуда только недѣли черезъ двѣ.

Вошедшіе въ избу дозорные, осмотрѣвъ трупъ Тяботы, принялись отыскивать ножъ, бывшій орудіемъ его смерти. Оказалось, что ножъ былъ брошенъ подъ лавку противуположную той, близъ которой упалъ Андрей. Прибѣжалъ и староста со своимъ ярышкой и приказалъ ему составить сказку обо всемъ случившемся. Начался допросъ Анфисы.

— Я виновата... съ трудомъ проговорила она сквозь слезы.

— Пиши, что Анфиска Семенова учинила добровольное признаніе, крикнулъ староста ярышкѣ,—и хорошо сдѣлала, по крайности не пойдешь на пытку, добавилъ онъ, обращаясь къ Анфисѣ.

— Не виновата я въ томъ заговорила она,—что я его убила, а виновата, что любила его мало и онъ, статься можетъ, отъ того и съ ума своротилъ и въ безуміи самъ руку на себя наложилъ. Онъ сидѣлъ вотъ тутъ за ужиномъ, пыталась было объяснить Анфиса.

— Разсказывай! крикнулъ староста, не давъ договорить Анфисѣ.—Въ Сыскномъ приказѣ о томъ тебя спрашивать станутъ, а мы запишемъ то, что̀ ты съ перваго раза при людяхъ показывала. А покажешь противъ настоящаго иначе, такъ тебя жестоко примутся пытать, и по уликамъ, а не по твоему запирательству, тебя обвинятъ, добавилъ староста.

— Не виновата я въ его смерти!.. Богъ свидѣтель, что невиновата!.. въ отчаяніи кричала Анфиса, хватаясь за голову и дико поводя кругомъ глазами, какъ бы выжидая благопріятнаго для себя отвѣта отъ тѣхъ, которые окружали ее.

Она рвалась впередъ отъ державшей ея матери и кинулась въ двери избы, но плотная толпа загородила ей дорогу. Анфиса рвалась изъ горницы, такъ какъ у ней мелькнула мысль сбѣжать съ лѣстницы и броситься въ колодезь.

Староста догадался на счетъ этого потому, что бѣжать топиться

было самымъ обыкновеннымъ порывомъ у тогдашнихъ русскихъ женщинъ, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія.

— Свяжите-ка ея по крѣпче, приказалъ староста дозорнымъ,— чтобъ она лиха какого надъ собой не учинила. Дозорные исполнили приказаніе старосты. Они связали отбивавшейся отъ нихъ Анфисѣ напереди, около кистей, руки, скрутили веревкой ноги, и положили ее на лавку. Староста распорядился, чтобы на ночь остались при ней караульные, которые, чуть начнетъ разсвѣтать, дожны были отвести Анфису въ тюрьму Сыскнаго приказа для дальнѣйшихъ розысковъ по обвиненію въ убійствѣ мужа.

Мать Анфисы сѣла на лавку подлѣ своей связанной дочери и положила ея голову на свои колѣна. Анфиса не плакала, но только тяжело дышала, повторяя по временамъ: «видитъ Богъ, что я нисколько не посягала на Андрея Викулыча... Самъ онъ зарѣзался, а я хотѣла удержать его отъ такого грѣха...»

На оправданія Анфисы никто, кромѣ ея матери, утѣшавшей ее, не обращалъ никакого вниманія. Напротивъ, выходившіе изъ избы и со двора сосѣди и сосѣдки почти единогласно рѣшили, что Анфиса зарѣзала мужа въ то время, когда онъ напился пьянъ до безпамятства.

— Мало развѣ у насъ такъ на Москвѣ дѣлаютъ, съ тверезымъ, разумѣется, бабѣ не совладать, а дѣло извѣстное—съ пьянымъ иное и его можно иной разъ какъ барана зарѣзать. Всѣ знаютъ, что Андрей Викулычъ запивалъ такъ шибко, что, бывало, ни рукой, ни ногой пошевелить не сможетъ. Нешто трудно было полоснуть его тогда по горлу?—разсуждала одна изъ сосѣдокъ Андрея.

— Вѣстимо, что такъ, да и жилъ-то онъ не ладно съ Анфисой: бабенка она была куда-какая сварливая, поддакивала другая, а тутъ-то еще и нечистый попуталъ ее.

— Долго ли до грѣха,—добавилъ какой-то старый мѣщанинъ,— коли лукавый искусить человѣка захочетъ, такъ наведетъ его на злодѣйство и противъ его воли.

— А видѣли ли вы, сударушки, какъ въ тѣ поры, какъ мы шли сюда, то изъ воротъ выбѣжалъ какой-то парень—начала одна изъ оговорщицъ Анфисы. Мнѣ-то, бабѣ, хватать его было не сподручно, онъ и убѣгъ, а кто его знаетъ, кто онъ?

— Кому-жь и бѣжать было какъ не ея полюбовнику. Такъ завсегда бываетъ: уходитъ жена мужа вдвоемъ, а милаго дружка ни за что послѣ не выдастъ, говоритъ ему она: «тебя я выгорожу отъ всякой напасти. Живи, голубчикъ мой, на волюшкѣ, только по смерть люби меня, да поминай мою душеньку», — толковала какая-то вдовая молодуха.

Не угадала она, конечно, будто Анфиса зарѣзала мужа въ заговорѣ съ своимъ полюбовникомъ, но ея женское сердце подсказало ей какъ дѣйствительно поступила Анфиса въ отношеніи Низ-

киты, прибѣжавшаго въ горницу уже послѣ того, какъ Андрей упалъ на полъ. Какъ ни растерялась Анфиса, но все же у нее мелькнула мысль, что Никита можетъ ни за что, ни про что попасть въ бѣду, и у ней оказалось настолько находчивости, чтобъ сказать Никитѣ:

— Бѣги поскорѣй отсюда, а то и тебя впутаютъ, и на пытку, ни въ чемъ неповиннаго, потащутъ!...

Никита былъ отъ природы парень робкій, да и вообще мы, русскіе люди, неспособны на самоотверженіе по любовной части, и въ этомъ отношеніи наши единоплеменницы составляютъ рѣзкую противоположность съ нами. Ходячая у насъ поговорка: «для милаго дружка и сережка изъ ушка» понимается ими въ самомъ широкомъ значеніи, и онѣ всегда готовы пожертвовать не только всѣмъ, что имѣютъ, но и самими собою для тѣхъ, кого страстно полюбятъ. Никита послушался высказаннаго ему на-скоро Анфисою внушенія и въ ужасѣ возвратился домой, соображая что̀ онъ долженъ будетъ говорить, если его сочтутъ сообщникомъ мужеубійцы, и удобно ли будетъ ему добровольно, безъ посторонней на него ссылки, явиться свидѣтелемъ въ пользу Анфисы? Да какимъ же онъ можетъ быть свидѣтелемъ, если все дѣло происходило безъ него и онъ вошелъ въ горницу лишь тогда, когда Андрей уже лежалъ на полу, облитый кровью? Страшно становилось ему при мысли, что, быть можетъ, молва справедливо обвиняетъ Анфису въ убійствѣ мужа. Никита то отвергалъ возможность этого предположенія, то, признавая его вѣроятнымъ, начиналъ мысленно оправдывать Анфису, если бы она и въ правду рѣшилась на это, раздраженная тѣми обидами и притѣсненіями, какія ей приходилось переносить со стороны Андрея.

Черезъ нѣсколько дней послѣ увода Анфисы въ тюрьму, ей былъ произведенъ допросъ въ Сыскномъ приказѣ. Никто не явился прямымъ обвинителемъ ея въ мужеубійствѣ. Главные свидѣтели, Прокопъ и Настасья разсказали, что они нашли Тяботу уже съ перерѣзаннымъ горломъ и какъ было дѣло они того и не знаютъ; что Анфиса была женщина кроткая, а покойникъ былъ во хмѣлю оченно буенъ и драчливъ, но что въ тотъ день, когда послѣдовала его смерть, онъ пьянъ не былъ. Добавили они, что въ послѣднее время Андрей Викулычъ бывалъ иногда дураковатъ, словно полоумный, а отъ чего съ нимъ это было они не вѣдаютъ, но ни сглазу ни порчи они тутъ не подозрѣваютъ и объ Анфисѣ Семеновнѣ ничего дурнаго сказать не могутъ.

— Сидитъ бывало Андрей Викулычъ подъ образами и что-то бормочетъ, а что — того разобрать было нельзя, а потомъ станетъ прислушиваться, словно какъ будто поджидаетъ чьего-то приходу, да какъ вдругъ сорвется съ мѣста, выскочитъ на крыльцо, постоитъ тамъ и опять сядетъ на лавку. А что съ нимъ въ ту пору

дѣлалось никто дознаться не могъ, а на Анфису Семеновну думать не приходится. Онъ, полагать надо, руку самъ на себя наложилъ, на то, видно, Божья воля была, говорила чистосердечно работница.

То же самое, съ полнымъ простодушіемъ, подтвердилъ и Прокопъ. О Никитѣ не возбудилось никакихъ вопросовъ. Прочіе же свидѣтели, какъ это всегда въ ту пору водилось, а на этотъ разъ было и вполнѣ справедливо, отозвались, избѣгая судейскихъ проволочекъ, полнымъ незнаніемъ того, что̀ произошло между Андреемъ и Анфисою.

— Да что тутъ долго распрашивать, сказалъ засѣдавшій въ приказѣ бояринъ, въ начальной сказкѣ написано, что Анфиса сама добровольно при людяхъ повинилась, а послухи такое ея сознаніе слышали, и о томъ подъ присягою подтвердили, а коли станетъ она отпираться отъ своихъ прежнихъ рѣчей, то надлежитъ ее отвести въ застѣнокъ. Признавайся-ко лучше еще разъ сама, строго и внушительно сказалъ бояринъ, ты призналась уже единожды, такъ тебѣ казни ужь не отбыть, а упорствовать теперь станешь, такъ только на лишнія мученья сама напросишься. Знай напередъ: пытка тебѣ будетъ жестокая.

— Виновата, чуть внятно, среди громкихъ рыданій, пробормотала молодая женщина, убѣжденная, что она ни въ какомъ случаѣ казни не избѣгнетъ, а подтверждая свою невиновность, только настрадается по-напрасну въ страшныхъ мученіяхъ, да, пожалуй, не выдержавъ ихъ, все-таки, оговоритъ сама себя.

— И давно бы такъ, одобрительно проговорилъ бояринъ. А ты, Григорій Никаноровичъ, обратился онъ къ старшему дьяку, составь надлежащій приговоръ, прописавъ въ немъ, что Анфиса Семенова сама въ приказѣ во всемъ созналась, а потому и дальнѣйшихъ розысковъ не производилось, да потому же она и къ пыткѣ приведена не была. Пропиши, что въ рѣчахъ ея супротивности никакой не встрѣтилось, такъ что же попусту было ее мучить. Все едино тотъ же самый былъ бы конецъ ей, добавилъ съ выраженіемъ состраданія бояринъ.

Анфису, подавленную горемъ, сторожа отвели въ тюрьму, а дьякъ принялся за исполненіе порученнаго ему дѣла.

Работа шла у него живо. Послѣ окончательнаго признанія Анфисы, дѣло о ней и сократилось, и упростилось до чрезвычайности. Теперь не было надобности прописывать ни въ особой сказкѣ, ни въ приговорѣ, ни обстоятельствъ этого дѣла, ни показаній, ни отзывовъ свидѣтелей, ни пыточныхъ рѣчей, все это было вполнѣ покрыто добровольнымъ сознаніемъ самой преступницы. Не нужно было также наводить и разныхъ справокъ изъ «Уложенія» о томъ, какому наказанію она подлежитъ за ея злодѣйство. Въ «Уложеніи» и въ дополненіяхъ къ нему была только одна статья, безусловно примѣнявшаяся къ мужеубійцамъ. Какимъ бы способомъ, и

по какимъ бы причинамъ не было совершено это преступленіе, казнь во всѣхъ случаяхъ примѣнялась одна и таже безъ всякаго смягченія...

XXXIII.

Въ то время, когда все это происходило въ Москвѣ, Демьянъ Григорьевичъ, отправившись изъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Тихоновичемъ, шелъ все далѣе на востокъ по направленію къ среднему теченію Волги. На пути они примыкали къ отправившимся раньше ихъ изъ Москвы и изъ разныхъ примосковныхъ городовъ, поборникамъ старой вѣры или же эти послѣдніе, нагоняя ихъ, присоединялись къ нимъ. Такимъ образомъ увеличивалось число русскихъ людей, уходившихъ въ Заволжье отъ преслѣдованій, воздвигнутыхъ противъ нихъ никоніанцами. Вожаки переселенцевъ становились какъ бы начальниками этого народнаго передвиженія. Въ число такихъ вожаковъ попалъ, между прочими, и старикъ Антуфьевъ. Около него образовался какъ бы таборъ перекочевниковъ, готовыхъ дать вооруженный отпоръ, если бы царскіе служилые люди преградили имъ путь, такъ какъ переселенцы шли съ оружіемъ въ рукахъ. Они приближались медленно къ тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ еще такъ недавно проходили большія ватаги Стеньки Разина, и здѣсь на уходившихъ отъ Москвы вѣяло свободой. Хотя вооруженное возстаніе народа на Поволжьѣ и было уже прекращено, но все же возбужденное однажды волненіе не улеглось еще окончательно. Мѣстные жители радушно встрѣчали людей уходившихъ изъ-подъ церковнаго и правительственнаго гнета и готовыхъ противоборствовать ему всѣми силами. Въ лѣсныхъ привольяхъ, тянувшихся за Волгою по берегамъ рѣки Иргиза, новые переселенцы устроивали скиты по образцу древнихъ иноческихъ общежительныхъ обителей. Нѣкоторые изъ этихъ скитовъ представляли уже обширныя селитьбы, имѣвшія видъ укрѣпленныхъ городковъ. Въ одинъ изъ такихъ скитовъ пробрался Демьянъ Григорьевичъ и рѣшился поселиться тамъ на всегда, чтобы строго, до конца дней своихъ, блюсти древле-отеческое православіе, не допуская господствовать на землѣ нечестію никоніанцевъ, отъ которыхъ онъ отшатнулся окончательно подъ могучимъ на него вліяніемъ Ѳедора Тихановича.

Послѣ происшествія въ домѣ Андрея, Никита, опасавшійся, что онъ будетъ призванъ или какъ обвиняемый, или какъ свидѣтель по этому дѣлу, мало-по-малу успокоился за себя, но онъ сильно печалился о судьбѣ Анфисы, въ особенности, когда узналъ, какая страшная казнь грозитъ ей, какъ обвиненной въ мужеубійствѣ. Сердце, однако, попрежнему, подсказывало ему, что Анфиса не могла рѣшиться на такое тяжкое преступленіе, и онъ

думалъ, что она добровольно приняла на себя вину, чтобъ только избавиться отъ опостылѣвшей ей жизни. Подъ вліяніемъ угнетавшей его тоски, часто переходившей въ отчаяніе, дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ становилось Никитѣ невыносимымъ. Онъ пересталъ бывать у отца Онуфрія, опасаясь, что у него въ домѣ можетъ зайти рѣчь объ Анфисѣ, и что онъ невольно выдастъ свои къ ней чувства; да и услышать тамъ о ней что нибудь нехорошее — ему представлялось слишкомъ тяжелымъ испытаніемъ. Онъ попытался было придумать что̀ нибудь для избавленія Анфисы

Поминки русскихъ въ XVII столѣтіи.

отъ ожидавшей ее участи, хотѣлъ даже принять убійство Андрея на себя, но сознавалъ безполезность такого великодушнаго поступка, такъ какъ многимъ было извѣстно, что онъ прибѣжалъ въ домъ Тяботы уже въ то время, когда Андрей лежалъ на полу съ перерѣзаннымъ горломъ. Притомъ великодушіе его не повело бы ровно ни къ чему, онъ не зналъ, что̀ показала Анфиса на допросѣ въ Сыскномъ приказѣ, и своимъ вмѣшательствомъ могъ только запутать дѣло во вредъ самой же Анфисѣ. Притомъ, все равно, была ли бы она признана преступницею какъ убійца своего мужа, или

хоть подстрекательницею, то какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ ее постигла бы та же самая кара, какая ожидала ее за непосредственно и единолично совершонное ею преступленіе. Наконецъ, сама Анфиса, сказавъ, чтобы Никита бѣжалъ поскорѣе, хотѣла тѣмъ самымъ сдѣлать его вовсе непричастнымъ къ дѣлу о смерти Андрея. Никита, хотя и слабо, но еще надѣялся, что, быть можетъ, при окончательномъ разсмотрѣніи дѣла Анфисы въ Сыскномъ приказѣ, невиновность ея обнаружится, что ея выпустятъ на свободу, и что тогда она, какъ оправдавшаяся вдова, будетъ въ правѣ располагать собою, какъ пожелаетъ, а онъ, отказавшись отъ своего намѣренія пойти въ академію, сдѣлается ея мужемъ, а затѣмъ, хоть и не охотно, примется за торговлю.

Продолжая посѣщать Акселя, въ бесѣдахъ котораго Никита находилъ для себя развлеченіе, онъ высказалъ однажды шведу свое намѣреніе покинуть родину если и не на всегда, то хотя на время. Альмквистъ не только не возражалъ противъ этого, но, напротивъ, одобрилъ желаніе Никиты, говоря, что молодому любознательному человѣку въ иностранныхъ государствахъ побывать не мѣшаетъ, что, поживъ тамъ нѣкоторое время, онъ можетъ научиться разнымъ иноземнымъ языкамъ, а потомъ, если не найдетъ на чужой сторонѣ для себя подходящихъ занятій, то, вернувшись со временемъ въ Москву, можетъ получить хорошее мѣсто въ Посольскомъ приказѣ, гдѣ всегда бываютъ нужны люди знакомые съ иностранными языками и обычаями, и вообще такіе, которые могутъ быть переводчиками или отправляемы гонцами въ иностранныя государства.

— Не ѣзди только на чужую сторону безъ денегъ, безъ нихъ тамъ много набѣдствуешься. Не всегда можешь встрѣтить удачу и, чего добраго, долженъ будешь пойти въ тяжкую работу, бродить по-міру или умирать съ голоду, предостерегалъ шведъ Никиту.

Но Никитѣ не къ чему было опасаться этихъ печальныхъ случайностей, такъ какъ онъ съ проданнаго и въ Москвѣ и въ Сѣвскѣ имущества дяди получилъ столько денегъ, что, по разсчету Акселя, могъ прожить за рубежемъ безбѣдно нѣсколько лѣтъ, и не работая ничего, только обучаться чему онъ самъ пожелаетъ.

Въ это время въ Москвѣ шведскаго и никакого инаго иностраннаго посольства не было и только порою наѣзжали сюда гонцы изъ Швеціи и другихъ государствъ. Останавливались они здѣсь на такъ называемомъ «посольскомъ дворѣ», построенномъ еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Аксель вызвался побывать тамъ и поразвѣдать нельзя ли будетъ Никитѣ, когда онъ задумаетъ привести въ исполненіе свое намѣреніе—выбраться какъ нибудь за московскій рубежъ тайкомъ съ посольскими людьми. Это необходимо было уладить заблаговременно, такъ какъ въ ту пору получить «проѣзжую» за-границу грамоту Никитѣ было невозможно,

потому что даже торговыхъ людей правительство не охотно и съ большимъ разборомъ выпускало изъ предѣловъ государства; поэтому ему и оставалось только пробираться изъ Россіи какимъ нибудь ухищреннымъ способомъ.

Аксель взялся устроить побѣгъ Никиты и притомъ съ тѣмъ удобствомъ, что Никита отправится въ путь съ однимъ шведомъ, который и переведетъ его за русскій рубежъ во владѣнія короля свейскаго.

XXXIV.

Прошло около двухъ недѣль послѣ составленія приговора по дѣлу Анфисы, когда стали ходить по Москвѣ бирючи, которымъ велѣно было прокликать на площадяхъ, рынкахъ и людныхъ перекресткахъ, что завтра по утру будетъ на Болотѣ учинена смертная казнь женкѣ торговаго человѣка, Анфисѣ Семеновой, за убійство ея мужа.

Такъ называвшееся «Болото» было въ ту пору едва ли не самая глухая пригородная мѣстность Москвы и здѣсь производились смертныя казни, которыя прежде исполнялись обыкновенно на Красной площади, гдѣ, во время Ивана Грознаго было устроено восемнадцать висѣлицъ, стояли плахи съ положенными на нихъ топорами и были подвѣшаны на цѣпяхъ большіе котлы, въ которыхъ варили въ кипяткѣ приговоренныхъ царемъ къ этой казни. Тамъ же торчали и колья съ положенными на верху ихъ плашмя большими колесами, окованными толстымъ желѣзомъ, а на верхушкѣ этихъ кольевъ, надъ колесами, были укрѣплены острые желѣзные наконечники. На эти колеса клали или цѣлые трупы колесованныхъ или трупы съ отрубленными головами, проткнутые желѣзнымъ остріемъ, на которое потомъ втыкали отсѣченную отъ туловища голову. Стояли на Красной площади и заостренные колья безъ колесъ, на нихъ сажали осужденныхъ, умиравшихъ на колѣ въ продолжительныхъ и страшныхъ мученіяхъ.

Къ исходу XVII столѣтія, старинные способы смертной казни на Руси нисколько не смягчились. Битье кнутомъ, вырѣзываніе ноздрей, отрѣзка носовъ, ушей, пальцевъ и языка, отсѣченіе рукъ и ногъ и даже рубка головы могла считаться легкими казнями въ сравненіи съ заливкою горла растопленнымъ оловомъ, повѣшаніемъ на крюкѣ, вдѣтомъ между реберъ, посадкою на колъ и колесованіемъ. Но самою ужасною казнью должна была считаться казнь, назначавшаяся женѣ за убійство мужа. Страшная эта казнь была отмѣнена только Петромъ Великимъ.

Рано по утру, въ день, назначенный для исполненія казни надъ Анфисою, ее, измученную душевными страданіями и истомленную продолжительнымъ заключеніемъ, вывели изъ тюрьмы и бросили на розвальни. Стрѣльцы съ пищалями на плечахъ окружили роз-

вальни и обезумѣвшую Анфису повезли съ барабаннымъ боемъ, въ сопровожденіи толпы, которая все болѣе увеличивалась на дорогѣ, по мѣрѣ приближенія къ мѣсту казни. Среди этой толпы слышались то сожалѣнія о молодой женщинѣ, то равнодушные о ней отзывы, то выраженіе удовольствія по поводу того, что преступленіе ея не останется безнаказаннымъ. Слышались также въ толпѣ и безжалостныя, грубыя насмѣшки на счетъ того, какъ она будетъ мучиться, и догадки о томъ, долго ли ей придется страдать.

На Болотѣ, на небольшомъ пространствѣ, огороженномъ не высокимъ заборомъ, такъ что взрослый человѣкъ могъ черезъ него видѣть, — стояло нѣсколько палачей и была вырыта глубокая, не широкая яма, около которой лежала выброшенная изъ нея земля. Анфису подвезли къ забору: палачи сняли ее съ розвальней, завязали ей назадъ веревкою руки и, поддерживая ее со всѣхъ сторонъ, подвели къ ямѣ. Анфиса затрепетала всѣмъ тѣломъ и какъ ни была она слаба, но все-таки рванулась изъ рукъ палачей, но, разумѣется, всѣ ея усилія были не только напрасны, но даже остались почти незамѣтными для любопытныхъ зрителей, окружавшихъ заборъ.

Въ то время, когда палачи держали Анфису, безсильно свѣсившую на плечо голову, приказный, по распоряженію дьяка, читалъ слѣдующій приговоръ:

«По статьѣ четыренадесятой главы двудесятой первой «Собор-наго Уложенія», въ коей написано: а будетъ жена учинитъ мужу своему убійство или окормитъ его отравою, а сыщется про то допряма: и за то ее казнити — живую окопати въ землю и казнити ее такою смертію безо всякія пощады, хотя будетъ убитаго дѣти, или иные кто ближніе роду его того не похотятъ, что ее казнити; а ей отнюдь не дати милости, и держати ее въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, покамѣсть она умретъ — великіе государи цари и великіе князья Иванъ и Петръ Алексѣевичи и царевна великая княжна Софія Алексѣевна указали: казнити таковою смертною казнью женку Анфису Семенову за убійство мужа ея, торговаго человѣка Андрея Викулова, по прозванію Тябота, дабы другимъ женкамъ, глядя на ту ея казнь, не повадно было такъ дѣлати».

По прочтеніи этого приговора, палачи подтащили молодую женщину къ самой ямѣ и опустили ея почти до подъ-мышекъ, какъ въ мѣшокъ. Они взялись за заступы и живо закидали пустое пространство землею, которую потомъ плотно утоптали ногами. Надъ утоптаннымъ мѣстомъ виднѣлось блѣдное, искаженное ужасомъ лицо Анфисы, которая отчаянно мотала головою и двигала плечами, какъ будто силясь раздвинуть охватившую ее могилу и вырваться оттуда. Замѣтно было, что она хотѣла закричать или сказать что-то, но не могла, и губы ея только судорожно шевелились.

Длинныя и густыя ея русые волосы отъ сильнаго движенія головы разметались во всѣ стороны и поприкрыли ей лицо.

Стоявшая около забора толпа, поглазѣвши нѣкоторое время на молодую окопанную женщину, начала, мало-по-малу, расходиться, а подлѣ Анфисы сталъ на стражу съ пищалью на плечѣ стрѣлецъ, обязанный смотрѣть, чтобы мученицѣ, обреченной на медленную смерть, никто не далъ напиться или поѣсть. Въ нѣкоторомъ раз-

Казнь повѣшеніемъ за ребро и закопаніемъ въ землю.

стояніи отъ Анфисы, прямо передъ лицомъ, поставили подсвѣчникъ съ зажженною восковою свѣчею.

Расходившаяся съ Болота толпа толковала о совершившейся казни. Большинство предполагало придти, по прошествіи нѣкотораго времени, снова къ забору, желая посмотрѣть что̀ дѣлается съ закопанною.

— Въ старину, говорилъ одинъ, было поваднѣе, тогда велось такъ, что если окопанная баба проживетъ три дня, то ее потомъ изъ ямы высвобождали; почитали, что она была казнена не по

винѣ, коли прожила такой срокъ, а нынѣ того уже нѣтъ, а указано держать въ окопѣ до самой смерти.

— И смерть-то не скоро приходитъ при такой казни, перебилъ другой, съ голоду умирать нужно. Чай помните, какъ, годовъ пять тому назадъ, закопали здѣсь же, на Болотѣ, разомъ мать и дочь за то, что онѣ, сговорясь промежь собою, убили своихъ мужей. Такъ изъ нихъ мать-то умерла на третій день, а дочь промучилась пять дней, хоть стужа на ту пору стояла сильная. У нихъ лица совсѣмъ изморозились, сдѣлались черными какъ уголь. Хорошо еще, что теперь морозъ поотвалилъ, все же хоть однимъ мученьемъ будетъ меньше.

— Что казнь! — вмѣшалась какая-то баба — какою смертью не помереть все одинаково, умереть когда нибудь надобно, а хуже всего, что ее «опростоволосили»—такая срамота лютѣе всякой, самой жестокой казни.

Такъ разсуждала баба потому, что въ ту пору показаться замужней женщинѣ или вдовѣ вообще передъ мущинами, а тѣмъ еще болѣе на улицѣ съ непокрытой головой считалось между русскими такимъ страшнымъ безчестьемъ, которому—по народной молвѣ, если не по понятіямъ,—слѣдовало бы предпочесть и муки, и смерть.

— Эхъ, молодуха,—думалъ стоявшій на караулѣ около Анфисы молодой стрѣлецъ—и далъ бы я тебѣ поѣсть и попить, хоть бы за то и самому пришлось быть въ наказаньи, да что въ томъ толку? — только продлишь твои муки.

Такое мнѣніе стрѣльца раздѣляли не только самые сострадательные люди, но даже и духовные отцы окопанныхъ женщинъ, имѣвшіе право приходить къ нимъ для ихъ утѣшенія и пріуготовленія къ наступавшей смерти.

Начинало вечерѣть. Никто уже не приближался къ забору, и около могилы живой пока еще Анфисы расхаживали взадъ и впередъ караульные стрѣльцы. Они пытались-было ласково заговорить съ Анфисой, но она не отвѣчала имъ ничего.

Наступила ночь. Анфиса взглянула на небо. На немъ одна за другой зажигались яркія звѣзды, а мѣсяцъ сталъ медленно подниматься надъ печальнымъ Болотомъ. Вѣтеръ развѣвалъ длинные волосы Анфисы и мучительно рѣзалъ ей лицо, которое она ничѣмъ не могла защитить. По временамъ она въ изступленіи напрягала всѣ силы, воображая, что можетъ вырваться изъ сдавившей ее могилы. Послѣ такихъ безполезныхъ порывовъ, Анфиса, обезсиленная въ конецъ, впадала въ тяжелое забытье, но такое отрадное для нея состояніе было непродолжительно. Все болѣе и болѣе начавшая томить ее жажда и усилившіеся приступы голода безпрерывно вызывали ее изъ забытья и напоминали ей, что она еще жива и страдаетъ, хотя уже и не чувствовала ни стянутыхъ ве-

ревкой рукъ, ни отекшихъ ногъ, остававшихся безъ всякаго движенія. Анфисѣ, по временамъ, казалось, что смерть ея уже наступаетъ. Она задыхалась отъ спиравшагося въ груди дыханія, теряла слухъ и зрѣніе, мысли ея мутились и ей, на прощанье съ жизнью, смутно представлялись то Андрей, то Никита, и быстро мелькали передъ нею дни ея дѣвической жизни. Но, къ несчастью, такіе предсмертные припадки были обманчивы и страдалица возвращалась къ жизни, съ которою ей такъ хотѣлось бы поскорѣе разстаться.

Вдругъ среди тяжелаго забытья, ей послышался знакомый голосъ, тихо проговорившій ея имя.

Она очнулась, раскрыла глаза и какъ будто черезъ застилавшую ихъ дымку, при яркомъ свѣтѣ поднявшагося высоко мѣсяца, увидѣла передъ собою отца Онуфрія.

Анфиса пронзительно вскрикнула и зарыдала.

— Отойди, родимый, въ сторонку, сказалъ Онуфрій стоявшему на караулѣ стрѣльцу.

Стрѣлецъ исполнилъ приказаніе священника.

— Я пришелъ, чтобъ утѣшить тебя въ твоихъ страданіяхъ и отпустить тебѣ твои прегрѣшенія именемъ Христовымъ. Какъ же ты такой страшный грѣхъ совершила? началъ, пригнувшись къ головѣ Анфисы, духовный ея отецъ.

— Не виновата я въ смерти Андрея Викулыча, самъ онъ на себя руку наложилъ, подавленнымъ голосомъ проговорила Анфиса. Мнѣ все равно вскорѣ придется помереть и я покаялась бы передъ тобою, коли была бы виновата на самомъ дѣлѣ, прошептала Анфиса.

— Отчего же ты созналась? спросилъ духовникъ.

— Не созналась я въ убійствѣ, а только признала себя виновной потому, что Андрей промолвилъ слово о Никитѣ, а мнѣ почудилось, что онъ знаетъ мои женскіе помыслы, и подумалось мнѣ, что я любовью моею къ Никитѣ—хоть грѣха между нами никакого не было—довела его до того, что онъ съ горя наложилъ на себя руку. Не будь этого, не вырвалось бы у меня никакого слова на мою пагубу, съ трудомъ и медленно говорила Анфиса.

Отецъ Онуфрій, которому извѣстно было дѣло Тяботы и Кузьмина, тотчасъ догадался, что Андрей, спятивъ съ ума отъ пьянства и отъ пытки, воображалъ будто его самого оговариваютъ въ томъ, что онъ хочетъ быть Никитой Пустосвятомъ, а растерявшейся Анфисѣ не могло придти въ голову, почему Андрей упоминалъ имя Никиты, когда ему представилось будто за нимъ пришли изъ Сыскнаго приказа, чтобъ схватить его и отвести въ застѣнокъ на пытку.

Отецъ Онуфрій, только-что вернувшійся изъ Серпухова, узнавъ о казни Анфисы, тотчасъ же поѣхалъ на Болото. Наступали уже вторыя сутки со времени окопки Анфисы и надобно было спѣ-

шить, чтобы какъ можно скорѣе освободить ее, еще живую, изъ могилы. Онуфрій, какъ и всѣ москвичи, зналъ, что такое освобожденіе допускалось иногда по царскимъ указамъ, вслѣдствіе просьбъ или царицы, или царевенъ, и онъ, какъ духовный отецъ Анфисы, вполнѣ убѣжденный въ ея невиновности, рѣшился употребить всѣ средства, чтобъ спасти ее отъ приближавшейся къ ней смерти. Онъ воспользовался своимъ близкимъ знакомствомъ съ протопопомъ Благовѣщенскаго собора, состоявшимъ духовникомъ государя и его семейства.

— Беру на свою душу грѣхъ Анфисы, если бы она содѣлала его, и говорю по священству, что она въ убійствѣ мужа не причинна и безъ вины страдаетъ, умирая теперь страшною смертью. Избавь ее отъ незаслуженной ею казни и Господь воздастъ тебѣ за это, убѣдительно говорилъ Онуфрій протопопу.

Протопопъ нѣсколько помялся, покряхтѣлъ, почесалъ затылокъ и въ раздумьѣ потянулъ впередъ правою рукою свою сѣдую бороду.

— Больно ужъ часто у насъ на Москвѣ такія злодѣйства бываютъ; только страхомъ казни отъ нихъ женки и поудерживаются. Ну да, впрочемъ, такъ какъ тутъ никакого волшебства или чародѣйства не было, то я схожу на сей разъ къ царицѣ Марфѣ Матвѣевнѣ и къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ и стану просить ихъ, уступчиво проговорилъ протопопъ.

Онъ надѣлъ епитрахиль и взялъ въ руки напрестольный крестъ, какъ это требовалось въ томъ случаѣ, когда духовныя лица отправлялись къ царю или къ царицѣ съ просьбою о помилованіи кого нибудь.

— Отсюда къ царицѣ близко черезъ крытые переходы, а ты поѣзжай межъ тѣмъ на Болото и тамъ повремени; коли Анфису помилуютъ, то сейчасъ же изъ дворца сеунча съ дневальнымъ дьякомъ пришлютъ, чтобъ ее откопали, сказалъ протопопъ, которому отецъ Онуфрій поклонился въ ноги, благодаря его за милосердное заступничество.

Прямо отъ протопопа поѣхалъ Онуфрій на Болото. Потихоньку подъѣзжалъ онъ туда на своей поутомившейся лошадкѣ. Тамъ было все по прежнему. Около вкопанной въ землю Анфисы разхаживалъ медленно караульный стрѣлецъ, а нѣсколько любопытныхъ посматривали изъ-за забора на молодую женщину, которая, какъ казалось, была теперь въ безчувственномъ состояніи съ закрытыми глазами и открытымъ ртомъ. Лицо ея было мертвенно-синее и можно было подумать, что страданія ея уже кончились.

Отецъ Онуфрій, не вылѣзая изъ пошевней, остановившихся нѣсколько поодаль отъ забора, сталъ пристально смотрѣть въ ту сторону, откуда долженъ былъ пріѣхать царскій сеунчъ или гонецъ. Долго онъ томился въ тревожномъ ожиданіи, чѣмъ рѣшится участь Анфисы, но вотъ вдалекѣ, на бѣлой пеленѣ снѣга, показа-

лась какая-то черная точка. Онуфрій вздрогнулъ и подумалъ, что это должно быть скачетъ царскій гонецъ и, вглядываясь внимательно вдаль, скоро убѣдился, что онъ не обманулся. Дѣйствительно, по дорогѣ къ Болоту неслось во весь опоръ нѣсколько ѣздовыхъ. Слѣдомъ за ними бѣжалъ народъ. Онуфрій вздохнулъ свободнѣе, снялъ шапку и перекрестился.

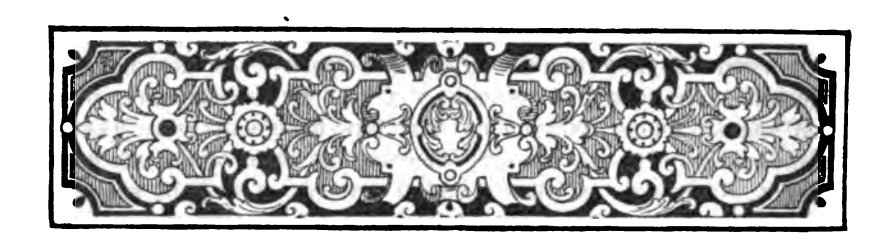
Вскорѣ къ забору подскакали верхомъ на лошадяхъ, данныхъ изъ царской конюшни, дьякъ, приказный и двое царскихъ конюховъ. Дьякъ и приказный слѣзли съ лошадей и пошли на мѣсто, огороженное заборомъ. Отецъ Онуфрій послѣдовалъ за ними.

Остановившись близъ Анфисы, которая ничего уже не видѣла, не слышала и не понимала, дьякъ громогласно началъ читать царскій указъ, въ которомъ говорилось, что цари и великіе князья, а также царевна и великая княжна Софія Алексѣевна смилостивились, по прошенію благовѣрной царицы Марфы Матвѣевны, и повелѣли, не медля, откопать изъ земли женку Анфису Семенову съ тѣмъ, чтобъ ее, Анфиску, за неумышленное убійство мужа, при своей отъ него оборонѣ, сослать на заточеніе въ дальній монастырь «и быть ей тамъ, Анфискѣ,—говорилось въ указѣ—въ безъисходномъ заточеніи до конца ея живота».

По прочтеніи этого указа, всѣ присутствовавшіе стали креститься, а подбѣжавшій отовсюду народъ хлынулъ за ограду. Мужчины взялись за лежавшіе тамъ заступы и принялись откапывать Анфису. Скоро ее вынули изъ ямы, положили на землю, и распустили веревку, врѣзавшуюся ей въ руки до самыхъ костей. Нѣкоторые, жившіе вблизи Болота, побѣжали домой, чтобы поскорѣе принести ей что-нибудь выпить и поѣсть. Анфиса не могла пошевелиться, и только съ трудомъ открывала помутившіеся глаза. Ее положили въ пошевни отца Онуфрія, а сострадательные люди прикрыли своими охабнями. Дьякъ и приказный сѣли на лошадей и поѣхали впередъ, а за ними въ пошевняхъ, на которыя присѣлъ и духовникъ Анфисы, повезли ее шагомъ въ Сыскной приказъ, откуда слѣдовало передать ее въ распоряженіе духовныхъ властей для отсылки въ монастырь.

Въ то время, когда это происходило, Никита ничего не могъ знать о судьбѣ Анфисы, и, оплакивая ея мученическую смерть, пробирался съ спутникомъ, добытымъ для него Акселемъ Альмквистомъ, на русско-шведскій рубежъ.

Е. Карновичъ.

ОДИНЪ ИЗЪ СУЗДАЛЬСКИХЪ УЗНИКОВЪ.

Очеркъ изъ новѣйшей исторіи раскола.

Десятый параграфъ высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, 3 мая 1883 года, «О дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ»—гласитъ: «уставщики, наставники и другія лица, исполняющія духовныя требы у раскольниковъ, не подвергаются за сіе преслѣдованію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они окажутся виновными въ распространеніи своихъ заблужденій между православными»... И хотя далѣе слѣдуютъ оговорки, что «за означенными лицами не признается духовнаго сана или званія» и что они «въ отношеніи къ правамъ состоянія считаются принадлежащими къ тѣмъ сословіямъ, въ которыхъ состоятъ»,—но, конечно, для каждаго ясно, что оговорки эти не ослабляютъ того главнаго положенія, въ силу котораго отнынѣ должны прекратиться всякаго рода преслѣдованія и гоненія противъ лицъ, исправляющихъ у сектантовъ духовныя требы, будутъ ли это священники и епископы «австрійскаго поставленія», безпоповщинскіе старцы и старицы, или-же молоканскіе пресвитеры.

Такимъ образомъ, закономъ 3-го мая положенъ конецъ всѣмъ тѣмъ безчисленнымъ стѣсненіямъ, придиркамъ и преслѣдованіямъ, которыя до сихъ поръ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ практиковались мѣстными властями по отношенію къ лицамъ, игравшимъ у сектантовъ роль наставниковъ, священниковъ, уставщиковъ, пресвитеровъ и т. п. Еще недавно эти лица извѣстны были у мѣст-

ныхъ властей не иначе какъ подъ именемъ «вожаковъ» и «коноводовъ раскола» и пользовались репутаціею самыхъ опасныхъ и вредныхъ людей; за ними учреждался самый строгій надзоръ, ихъ жилища то и дѣло подвергались набѣгамъ и обыскамъ, при чемъ отъ нихъ тщательно отбирались всѣ принадлежности богослуженія; рѣдкій изъ нихъ не побывалъ въ тюрьмѣ, подъ судомъ или арестомъ, за совершеніе духовныхъ требъ въ родѣ крестинъ, похоронъ и т. п.

Теперь всѣ подобнаго рода преслѣдованія сдѣлаются уже не возможными, такъ какъ новымъ закономъ прямо и категорически разрѣшается сектантамъ «творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ»... (§ 5-й).

И такъ, отнынѣ, благодаря гуманному закону 3-го мая, всѣ эти гоненія и преслѣдованія отходятъ въ область прошедшаго и такимъ образомъ становятся достояніемъ исторіи. Предлагаемый вниманію читателей очеркъ знакомитъ съ тѣми условіями, которыми обставлено было у насъ положеніе старообрядцевъ и ихъ духовныхъ наставниковъ до закона 3-го мая. Въ настоящее время, конечно, уже не возможны тѣ печальныя и прискорбныя явленія, съ какими мы то и дѣло встрѣчаемся въ этомъ очеркѣ.

Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ отворились тюремные врата суздальской монастырской крѣпости и изъ нихъ вышли на волю три престарѣлыхъ узника, долгіе годы томившіеся въ суровомъ заточеніи монастырскаго каземата. Читатель, конечно догадывается, что мы говоримъ объ освобожденіи трехъ старообрядческихъ епископовъ — Аркадія, Геннадія и Конона. Не забылъ, вѣроятно, читатель и того горячаго энтузіазма, съ какимъ вся наша печать, съ рѣдкимъ, почти небывалымъ единодушіемъ, привѣтствовала это освобожденіе, какъ отрадный «актъ гуманности», «актъ милосердія».

Печальная участь этихъ узниковъ, ихъ замѣчательная нравственная стойкость, обнаруженная ими во время продолжительнаго тюремнаго заключенія — все это невольно вызывало въ обществѣ живой, горячій интересъ къ судьбѣ этихъ лицъ. Къ сожалѣнію, наша печать не могла въ то время удовлетворить этому запросу и газеты сообщили лишь самыя краткія, самыя отрывочныя и скудныя свѣдѣнія какъ о прошломъ «лже-епископовъ», такъ и о тѣхъ условіяхъ и причинахъ, которыя привели ихъ въ монастырскую тюрьму.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность хотя отчасти пополнить этотъ пробѣлъ и познакомить читающую публику съ обстоятельствами и ходомъ дѣла, результатомъ котораго явилось тюремное заточеніе одного изъ этихъ узниковъ — «лжеепископа Ген-

надія», а также сообщить болѣе крупныя черты изъ жизни и дѣятельности этого «ревнителя древняго благочестія».

Очеркъ этотъ, будучи составленъ на основаніи актовъ и данныхъ, извлеченныхъ изъ подлинныхъ дѣлъ, даетъ, какъ намъ кажется, довольно яркую, полную и притомъ, что особенно важно, безусловно-правдивую картину тѣхъ общественныхъ условій, среди которыхъ еще весьма недавно, на памяти у всѣхъ, жила значительная часть русскаго народа, издавна получившая кличку «старообрядцевъ-раскольниковъ». Насколько эти условія измѣнились съ тѣхъ поръ къ лучшему—пусть судятъ сами читатели.

I.

Таинственный путешественникъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1861 года, епископъ уфимскій увѣдомилъ оренбургскаго военнаго губернатора, что черезъ Златоустовскій и Міасскій заводы тайно проѣзжалъ «раскольническій епископъ Геннадій» и совершалъ богослуженіе въ скитѣ, находящемся въ лѣсахъ на восточной сторонѣ Уральскаго хребта, между деревнями Тургоякской и Куштумгинской. Въ этомъ скитѣ, какъ дознало духовное начальство, Геннадій освящалъ старообрядческую походную церковь и посвятилъ во священники живописца крестьянина Ксенофонта Вяхирева, проживавшаго въ Катавъ-Ивановскомъ заводѣ.

Въ виду этого, уфимскій епископъ настоятельно просилъ губернатора немедленно же принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ поимкѣ Геннадія. При этомъ онъ сообщалъ, что «лже-епископъ Геннадій не имѣетъ постояннаго пребыванія ни въ Міасскомъ, ни въ другихъ Златоустовскихъ заводахъ, но что онъ большею частію находится въ Екатеринбургѣ и Тюмени и въ разъѣздахъ по Оренбургской, Пермской и Тобольской губерніямъ, завѣдуя, по назначенію своихъ сообщниковъ, тайною раскольническою сибирскою епархіей».

Такое же точно «сообщеніе» отправлено было уфимскимъ епископомъ и главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта генералу Фелькнеру.

И вотъ закипѣло дѣло. Нужно замѣтить, что мѣстныя власти на Уралѣ давно уже знали о существованіи лже-епископа Геннадія, давно уже до нихъ доходили смутные, неясные слухи, что по заводамъ и селамъ уральскимъ тайно разъѣзжаетъ раскольническій епископъ, который ставитъ поповъ и монаховъ, исполняетъ требы, освящаетъ церкви, совершаетъ богослуженія и т. д. Давно уже отданъ былъ приказъ о поимкѣ Геннадія, давно уже полиція стара

лась напасть на слѣды лже-епископа, но до сихъ подъ онъ необыкновенно ловко и искусно увертывался отъ рукъ властей.

Поэтому, какъ только оренбургскій губернаторъ получилъ сообщеніе уфимскаго епископа о появленіи Геннадія въ Златоустовскихъ заводахъ, онъ тотчасъ же поспѣшилъ снестись объ этомъ съ пермскимъ и тобольскимъ губернаторами, а тѣ, въ свою очередь, немедля снеслись съ главнымъ начальникомъ горныхъ заводовъ.

Въ то же время ко всѣмъ исправникамъ полетѣли «секретныя» предписанія о поимкѣ раскольническаго епископа, а отъ исправниковъ такія же точно предписанія «съ нарочными» понеслись къ становымъ приставамъ. И вотъ снова повсюду начались рьяные, энергическіе поиски «лже-епископа».

Исправники вели особыя «памятныя записки» или дневники, въ которые они заносили всѣ свои наблюденія за дѣйствіями Геннадія. Они обязаны были строго слѣдить за тѣми изъ мѣстныхъ старообрядцевъ, у которыхъ происходили частыя собранія, богомоленія и т. п. Въ то время не существовало еще урядниковъ, поэтому въ селахъ и деревняхъ поимка Геннадія была возложена исправниками на «особо-избранныхъ людей», главнымъ образомъ на волостныхъ и сельскихъ писарей, которые обязаны были зорко слѣдить за всѣми пріѣзжими и вновь появляющимися лицами.

Однако время шло, а Геннадій не попадался. Исправники аккуратно доносили, что, «несмотря на всевозможныя мѣры, принятыя ими къ поимкѣ раскольническаго лже-епископа Геннадія, таковаго во ввѣренномъ имъ уѣздѣ не оказалось». Такъ прошло полгода, прежде чѣмъ полиціи снова удалось напасть на слѣды лже-епископа.

Въ концѣ мая 1862 года, черезъ село Бѣлоярское (Екатеринбургскаго уѣзда) проѣзжалъ какой-то неизвѣстный человѣкъ. Такъ какъ онъ проѣзжалъ «на сдаточныхъ лошадяхъ въ подрывъ вольной почтѣ», то станціонный смотритель Бѣлоярской станціи, Пилецкій, остановилъ его и потребовалъ отъ него видъ, по которому тотъ проѣзжалъ. У «неизвѣстнаго человѣка» не оказалось ни вида, ни паспорта. Это возбудило подозрѣніе въ Пилецкомъ; онъ наотрѣзъ отказалъ незнакомцу въ лошадяхъ и грозилъ донести о немъ по начальству.

Положеніе проѣзжаго незнакомца было весьма критическое, тѣмъ не менѣе онъ ни мало не потерялся. Неизвѣстно какимъ образомъ, о происшествіи на станціи узнаетъ одинъ изъ мѣстныхъ раскольниковъ, крестьянинъ Бѣлоярской волости, Тимоѳей Чуваковъ, и немедленно является къ Пилецкому. И вотъ, благодаря «содѣйствію Чувакова», смотритель Пилецкій соглашается отпустить таинственнаго незнакомца, за что и получаетъ тридцать рублей денегъ. А незнакомецъ получаетъ лошадей и ѣдетъ далѣе, но уже не одинъ, а въ сопровожденіи «раскольника» Чувакова.

Объ этомъ узнаетъ волостной писарь Бѣлоярской волости, Ѳедотовскій, принадлежавшій къ числу тѣхъ «особо-избранныхъ людей», на обязанности которыхъ лежало способствовать поимкѣ Геннадія. Услыхавъ о происшествіи на станціи и сообразивъ, что «тутъ дѣло не ладно», Ѳедотовскій немедленно же отправился въ погоню за «неизвѣстнымъ человѣкомъ».

Однако, всѣ его поиски не привели ни къ чему: таинственный путешественникъ исчезъ безслѣдно, словно въ воду канулъ. «Вѣроятно Чуваковъ,—догадывался впослѣдствіи писарь,—замѣтивъ за собою преслѣдованіе и пользуясь темнотою ночи, успѣлъ скрыть неизвѣстнаго человѣка». При всемъ этомъ писарь былъ совершенно убѣжденъ, что скрывшійся неизвѣстный человѣкъ былъ не кто другой, какъ именно раскольничій епископъ Геннадій.

Это же самое убѣжденіе раздѣлялъ и екатеринбургскій земскій исправникъ, который 29-го мая получилъ подробное донесеніе по этому поводу отъ мѣстнаго становаго пристава. «Надобно полагать, что это былъ Геннадій», — пишетъ исправникъ въ рапортѣ своемъ губернатору. И вотъ онъ поручаетъ становому приставу «произвести строжайшее формальное слѣдствіе надъ станціоннымъ смотритемъ Пилецкимъ и государственнымъ крестьяниномъ Чуваковымъ, при участіи депутатовъ какъ со стороны почтоваго вѣдомства, такъ и управленія государственными имуществами».

При слѣдствіи, смотритель Пилецкій и раскольникъ Чуваковъ «силились доказать», что проѣзжій былъ кунгурскій мѣщанинъ Ѳедоръ Григорьевъ, фамиліи котораго они не знаютъ. Но эти увѣренія ни кого не убѣдили и исправникъ по-прежнему остался при мнѣніи, что скрывшійся незнакомецъ «непремѣнно долженъ быть лже-епископъ Геннадій». Онъ сожалѣлъ, что поздно узналъ о проѣздѣ подозрительной личности и потому не могъ принять личнаго участія въ преслѣдованіи.

Въ рапортѣ своемъ губернатору, исправникъ, сообщая, что Геннадій часто ѣздитъ по вольной почтѣ, жалуется на станціонныхъ смотрителей, которые свободно даютъ лошадей всякому проѣзжему; по его словамъ, это даетъ полную возможность разнымъ подозрительнымъ личностямъ ускользать отъ преслѣдованій полиціи. Онъ проситъ губернатора снестись съ губернской почтовою конторой и при ея содѣйствіи обязать всѣхъ станціонныхъ смотрителей — въ случаѣ проѣзда Геннадія, немедленно задержать его. Но распоряженіе это, заботливо прибавляетъ исправникъ, — станціонные смотрителя должны держать въ строжайшемъ секретѣ.

Убѣжденный этими доводами, губернаторъ сносится съ губернскою почтовою конторой, которая и обязываетъ станціонныхъ смотрителей слѣдить за появленіемъ подозрительныхъ лицъ и, въ случаѣ проѣзда «лже-епископа Геннадія», немедленно задержать его.

II.

Арестъ.

Проходитъ еще полгода, а о Геннадіи, какъ говорится, ни слуху ни духу. Какъ вдругъ, 7-го декабря 1862 года, въ Перми получается такая телеграмма: «Пермь. Военному губернатору — въ Екатеринбургѣ взятъ мною лже-епископъ Геннадій. Екатеринбургскій полицеймейстеръ Пестеревъ».

По полученіи телеграммы, губернаторъ тотчасъ же телеграфируетъ объ арестѣ Геннадія министру внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ отправляется телеграмма Пестереву такого содерженія: «Екатеринбургъ. Полицеймейстеру.—Душевно благодарю, Геннадія обыщите, посадите подъ строжайшій караулъ, чтобы не ушелъ. Возьмите его грамоту. О послѣдующемъ увѣдомьте. — Лошкаревъ».

Это тотъ самый г. Лошкаревъ, который недавно получилъ такую громкую и въ то же время такую печальную извѣстность въ качествѣ главнаго участника и покровителя разныхъ болѣе чѣмъ некрасивыхъ дѣяній бывшаго минскаго губернатора г. Токарева. Занимая въ послѣднее время должность члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, генералъ-лейтенантъ Лошкаревъ, какъ воочію доказалъ недавній процессъ, оказывалъ огромное содѣйствіе своимъ вліяніемъ успѣху разныхъ затѣй г. Токарева. Нашъ очеркъ застаетъ г. Лошкарева на постѣ пермскаго военнаго губернатора.

Вслѣдъ за телеграммой было получено отъ полицеймейстера Пестерева донесеніе, сообщавшее подробности ареста Геннадія. Въ началѣ донесенія полицеймейстеръ упоминаетъ о своихъ трудахъ, понесенныхъ имъ въ дѣлѣ поисковъ и выслѣживаніи за Геннадіемъ. «Мною,—пишетъ онъ,—были принимаемы всевозможныя мѣры и способы къ поимкѣ лже-епископа Геннадія, но всѣ они долгое время оставались безъ успѣха. Наконецъ 5-го декабря Геннадій пойманъ въ домѣ проживающаго въ Екатеринбургѣ колыванскаго купца Чувакова. Вмѣстѣ съ нимъ взятъ временно-обязанный крестьянинъ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда, деревни Сергѣевой, Ксенофонтъ Макаровъ Вяхиревъ, показавшій себя священникомъ».

При обыскѣ у Геннадія найдена была ставленная грамота, данная на имя «Геннадія, епископа пермскаго», за подписью «Антонія, архіепископа Владимірскаго и всея Россіи»; кромѣ того на немъ оказалась: наплечная мантія, камилавка и на шеѣ кипарисный крестъ на шнуркѣ, вмѣстѣ съ особымъ бархатнымъ значкомъ, на которомъ шелками и золотомъ вышито изображеніе креста. При Вяхиревѣ взята вмѣстѣ съ паспортомъ ставленная грамота, за подписомъ епископа Геннадія, на чинъ священника Ксенофонта.

Домъ Чувакова былъ подвергнутъ самому тщательному обыску и осмотру; но при этомъ найдено было лишь нѣсколько книгъ и напрестольная пелена, другихъ же вещей, относящихся до богослуженія, не оказалось. Уже послѣ ареста Геннадія, на улицѣ, неподалеку отъ дома Чувакова, найденъ былъ узелъ и въ немъ оказалась «шелковая соборная архіерейская мантія, которую Геннадій призналъ за принадлежащую ему».

Что касается наружности или, какъ выражается донесеніе, «примѣтъ» лже-епископа, то полицеймейстеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ его: «Геннадію 38 лѣтъ отъ роду, росту онъ 2 арш. 4 верш., лицо имѣетъ чистое, мускуловатое, сухощавъ, глаза сѣрые, впалые, носъ небольшой, волосы темнорусые, усы и борода рыжеватые».

«Примѣты эти,—прибавляетъ Пестеревъ, вполнѣ подходятъ подъ описаніе наружности Геннадія», и вслѣдъ затѣмъ онъ заканчиваетъ свой рапортъ словами «обо всемъ вышеизложенномъ произвожу строгое изслѣдованіе».

Здѣсь будетъ кстати сообщить разсказъ сына Пестерева, студента Казанскаго университета, съ которымъ намъ пришлось встрѣтиться прошлымъ лѣтомъ во время поѣздки на Уралъ, разсказъ о подробностяхъ, сопровождавшихъ арестъ Геннадія. По его словамъ, дѣло происходило такимъ образомъ:

6-го декабря 1862 года, отецъ разсказчика, екатеринбургскій полицейместеръ Пестеревъ, встрѣтилъ на улицѣ неизвѣстнаго ему человѣка, который, остановившись, сказалъ ему:

— Если вы хотите захватить Геннадія, то ступайте въ домъ купца Чувакова,—онъ отправляетъ тамъ богослуженіе... Подойдите къ двери и постучитесь, а когда васъ спросятъ: «кто такой?—то отвѣчайте такъ: «Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ. Свои». Тогда вамъ отворятъ.

Г. Пестеревъ такъ и сдѣлалъ. Подходя къ дому Чувакова, онъ замѣтилъ, что на углу стоитъ караульный, который поглядываетъ по сторонамъ, нѣтъ ли опасности. Полицеймейстеръ неожиданно бросился на него, но онъ рванулся и пустился было бѣжать; однако г. Пестеревъ схватилъ его и остановилъ. Караульный закричалъ.

— Только пикни!—сказалъ полицеймейстеръ,—я тебѣ всѣ кишки выпущу!

Оставивъ караульнаго солдатамъ, которые слѣдовали за нимъ, г. Пестеревъ отправился въ домъ. Постучался. «Кто такой?—спрашиваютъ изнутри, не отворяя дверей. Полицеймейстеръ прочелъ «Господи Іисусе» и прибавилъ «свои». Тогда дверь полуотворилась, но затѣмъ тотчасъ же снова была захлопнута. Дѣло въ томъ, что г. Пестеревъ забылъ перемѣнить форменную фуражку, поэтому раскольники, какъ только увидали его кокарду, тотчасъ же быстро

захлопнули дверь. Разумѣется, это ни къ чему не повело,—полиція силой вломилась въ домъ.

Арестованный вмѣстѣ съ Геннадіемъ въ домѣ Чувакова «лже-священникъ» Ксенофонтъ Вяхиревъ показалъ, что онъ долгое время проживалъ въ Катавъ-Ивановскомъ заводѣ, Уфимскаго уѣзда, въ домѣ временно-обязаннаго крестьянина Павла Киселева. Здѣсь «общество единомышленниковъ» сдѣлало ему предложеніе быть у нихъ священникомъ и онъ изъявилъ на это свое согласіе.

Тогда епископъ Геннадій, въ февралѣ 1861 года, рукоположилъ его сначала въ діаконы, а потомъ и во священники. Обрядъ посвященія былъ совершенъ въ кельѣ, находящейся въ лѣсахъ, близъ горы Юрмы, около Златоустовскаго завода. Съ этого времени Ксенофонтъ Вяхиревъ носитъ санъ священника, на который ему выдана ставленная грамота за подписью епископа Геннадія. По праву священника, онъ постоянно совершаетъ у своихъ прихожанъ всѣ требы: креститъ, «каетъ», хоронитъ и т. п. Въ Екатеринбургъ онъ прибылъ вслѣдствіе вызова епископа Геннадія, который прислалъ къ нему письмо съ предложеніемъ явиться въ Екатеринбургъ, но вскорѣ по прибытіи его туда онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Геннадіемъ.

Кромѣ Вяхирева, въ домѣ Чувакова, вмѣстѣ съ Геннадіемъ, былъ арестованъ еще «лже-иподіаконъ» Василій Ивановъ Кульковъ. Будучи призванъ къ допросу, Кульковъ объяснилъ, что онъ—старообрядецъ, сынъ уволеннаго отъ обязательной службы мастероваго Міасскаго завода. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ прибылъ въ Екатеринбургъ съ цѣлью пріисканія мѣста и вступленія въ бракъ съ «избранною невѣстой». 11-го ноября, въ домѣ купца Михаила Ушкова, онъ былъ «свѣнчанъ» по обряду старообрядческому съ «работническою дочерью» Авдотьею Черепановой. Обрядъ бракосочетанія совершалъ епископъ Геннадій; по окончаніи «свѣнчанія» Кульковъ былъ поставленъ Геннадіемъ въ «иподіаконы».

III.

Секретный совѣщательный комитетъ.

Едва успѣлъ совершиться арестъ Геннадія, какъ по Екатеринбургу начали ходить слухи, которые набрасывали невыгодную тѣнь на дѣйствія лицъ, производившихъ этотъ арестъ. Городская молва указывала на какія-то злоупотребленія, будто бы допущенныя при арестѣ лже-епископа; произносилось страшное слово **взятка**; въ довершеніе всего выражалась твердая увѣренность, что Геннадій непремѣнно уйдетъ изъ-подъ ареста.

Слухи эти скоро перешли въ Пермь; здѣсь они не могли, разумѣется, не встревожить мѣстнаго начальства и, главнымъ образомъ, членовъ секретнаго совѣщательнаго комитета по дѣламъ о расколѣ. Такіе комитеты, какъ извѣстно, существовали въ то время во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ расколъ успѣлъ развиться съ особенною силой. Постоянными членами этихъ комитетовъ были: губернаторъ, архіерей, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія и нѣкоторыя другія лица изъ числа высшей губернской бюрократіи.

14-го декабря, пермскій секретный совѣщательный комитетъ собрался въ особое засѣданіе, чтобъ обсудить частныя свѣдѣнія, полученныя нѣкоторыми изъ членовъ комитета относительно обстоятельствъ, сопровождавшихъ арестъ Геннадія. По этимъ свѣдѣніямъ оказывалось, что «при поимкѣ Геннадія полиція вступила въ домъ купца Чувакова не тотчасъ, а по истеченіи нѣкотораго времени, вслѣдствіе чего Геннадій, совершавшій служеніе, получилъ возможность переодѣться и такимъ образомъ не былъ накрытъ на мѣстѣ преступленія».

Далѣе выяснилось, что поимкѣ Геннадія главнымъ образомъ содѣйствовала враждебная геннадіевской «пафнутіевская партія раскольниковъ, слѣдующая другому лже-епископу, Пафнутію, присланному будто изъ Москвы на смѣну Геннадію». Такимъ образомъ въ перспективѣ всплывало новое дѣло—о новомъ лже-епископѣ Пафнутіи.

Съ цѣлью охарактеризовать отношеніе членовъ совѣщательнаго комитета къ дѣлу, привожу съ буквальною точностью постановленіе, состоявшееся по этому поводу въ комитетѣ 14-го декабря: «Секретный совѣщательный комитетъ, принимая во вниманіе: первое, что найденная при Геннадіи ставленная грамота отъ Антонія, называющаго себя архіепископомъ владимірскимъ и всея Россіи, указываетъ на связь съ другими губерніями, чрезъ что, при надлежащемъ развитіи, дѣло это можетъ получить государственную важность, и второе, что слѣдствію по этому дѣлу должно дать возможно-полное развитіе и быстрый ходъ, причемъ, преградивъ виновнымъ всякую возможность уклониться отъ законной отвѣтственности, отвратить всѣ могущія возникнуть попытки къ подлогамъ и извращенію истинной силы обстоятельствъ дѣла, возможныя въ дѣлахъ сего рода,—опредѣляетъ:

«Просить г. жандармскаго штабъ-офицера, подполковника Комарова, безотлагательно отправиться въ Екатеринбургъ и, принявъ во вниманіе вышеизложенныя соображенія комитета, удостовѣриться, не было ли при поимкѣ Геннадія сдѣлано какихъ-либо упущеній, правильно ли во всѣхъ отношеніяхъ производится слѣдствіе и не слѣдуетъ ли по важности онаго назначить особую слѣдственную коммисію при участіи его, полковника Комарова».

Вмѣстѣ съ этимъ, комитетъ обязалъ Комарова войти въ личныя сношенія съ главнымъ начальникомъ горныхъ заводовъ и вообще употребить съ своей стороны всѣ усилія къ тому, чтобы «настоящему дѣлу дано было полное развитіе, котораго важность онаго требуетъ». Въ особенности же онъ долженъ былъ принять мѣры къ непремѣнному отвращенію всякой возможности виновнымъ уклониться отъ заслуженнаго ими наказанія. Наконецъ, Комаровъ обязанъ былъ выяснить дѣло о новомъ «лже-епископѣ Пафнутіи».

Копіи съ этого постановленія были представлены комитетомъ въ синодъ и министру внутреннихъ дѣлъ; затѣмъ такая же копія препровождена подполковнику Комарову «для исполненія». По полученіи ея, Комаровъ тотчасъ же входитъ съ представленіемъ къ губернатору объ отпускѣ ему 87 руб. на поѣздку въ Екатеринбургъ, а губернаторъ пишетъ объ этомъ въ казенную палату, которая немедленно же дѣлаетъ распоряженіе о выдачѣ Комарову «просимой суммы».

Комаровъ уѣзжаетъ въ Екатеринбургъ, а 18-го декабря отъ него уже получается телеграмма на имя губернатора такого содержанія: «У Геннадія взято письмо московскаго раскольническаго комитета, подписанное всѣми членами. Грамоты Фелькнеръ отправилъ въ Петербургъ. Необходимо Геннадія вывезти (отсюда),—онъ уже разъ былъ подмѣненъ въ кунгурскомъ острогѣ. Онъ—мастеровой Лысвинскаго завода. Дѣло очень важное. Жду приказанія.—Комаровъ».

Въ отвѣтъ на это 22-го декабря ему была отправлена такая телеграмма: «Екатеринбургъ. Полковнику Комарову.—Ежели, по окончаніи порученія, выѣдете, примите мѣры осторожности при отправкѣ арестанта, если министръ его потребуетъ.—Лошкаревъ».

Не получивъ отвѣта на эту телеграмму, губернаторъ на другой же день, 23-го декабря, снова телеграфируетъ Комарову, на имя полицеймейстера Пестерева: «Передайте Комарову ожидать моего приказанія. Если онъ выѣхалъ, то увѣдомьте, представлено ли дѣло о Геннадіи въ судъ».

Въ отвѣтъ на это летитъ телеграмма: «Комаровъ выѣхалъ. Слѣдствіе о Геннадіи оканчивается. — Полиціймейстеръ Пестеревъ».

Но все это, какъ видно, весьма мало успокоивало губернатора. Мысль о возможности побѣга со стороны Геннадія сильно смущала г. Лошкарева и безпокойство это еще болѣе усиливалось въ немъ благодаря тому обстоятельству, что онъ, повидимому, не питалъ особеннаго довѣрія къ лицамъ, заправлявшимъ слѣдствіемъ.

Какъ на бѣду, въ это самое время отъ главнаго начальника горныхъ заводовъ, Фелькнера, получается отношеніе, которое неминуемо должно было еще болѣе усилить тревогу губернатора: «Этотъ человѣкъ,—писалъ Фелькнеръ о Геннадіи,—прежде сего дважды уже былъ пойманъ—сначала въ Оренбургской, а потомъ

въ Пермской губерніяхъ, а въ 1855 году онъ содержался въ пермскихъ арестантскихъ ротахъ, но всегда успѣвалъ бѣжать. Самое укрывательство его среди раскольниковъ было облечено такой тайной, что было трудно приникнуть ее, а при одномъ изъ побѣговъ, послѣ поимки его въ Кнауфскомъ заводѣ, Ганнадій былъ даже подмѣненъ другимъ арестантомъ».

Въ виду подобныхъ прецедентовъ, Фелькнеръ настаивалъ на необходимости «принятія особыхъ мѣръ, чтобы Геннадій снова не скрылся». Между прочимъ, онъ предлагалъ, «по окончаніи слѣдствія надъ Геннадіемъ, содержать его въ особомъ мѣстѣ заключенія, какъ, напримѣръ, въ монастырѣ, куда было бы безопаснѣе отправить его съ жандармами». Такимъ образомъ, Фелькнеръ первый какъ бы предрѣшилъ дальнѣйшую судьбу лже-епископа.

Получивъ такое посланіе, губернаторъ начинаетъ волноваться больше прежняго, и результатомъ этого настроенія является новая телеграмма на имя полицеймейстера Пестерева (отъ 26-го декабря): «Окончивъ слѣдствіе, передайте скорѣе дѣло Геннадія въ уѣздный судъ, и какъ только онъ суду не будетъ нуженъ, привезите его въ Пермь подъ строгимъ карауломъ. Лошкаревъ».

Слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла, мы уже не встрѣчаемся болѣе съ дѣятельностію секретнаго совѣщательнаго комитета; за то тѣмъ чаще встрѣчаются распоряженія, идущія прямо и непосредственно отъ начальника губерніи, г. Лошкарева.

Въ одномъ изъ своихъ представленій въ Петербургъ, губернаторъ между прочимъ писалъ: «Геннадій не отвергаетъ званія епископа, напротивъ, показываетъ, что такихъ епископовъ, какъ онъ, въ Россіи двѣнадцать и что имъ, Геннадіемъ, поставлено въ разное время 23 священника. Это указываетъ, что онъ составляетъ звено правильно устроеннаго общества, дѣйствующаго во многихъ губерніяхъ, центромъ коего г. Москва, и что общество это чувствовало себя уже въ такой степени самостоятельнымъ, что Геннадій не счелъ нужнымъ скрывать о его существованіи. А потому, чтобы слѣдствіе не осталось при исключительно мѣстномъ значеніи, я бы полагалъ полезнымъ вызвать его въ Петербургъ для дальнѣйшихъ разслѣдованій по его указаніямъ».

Помимо этого, вызовъ Геннадія въ Петербургъ, по мнѣнію губернатора, желателенъ еще потому, что вмѣстѣ съ нимъ въ значительной степени устранилась бы возможность побѣга или подмѣны Геннадія другимъ лицомъ; оставлять же Геннадія въ предѣлахъ Пермской губерніи особенно опасно въ виду явной «приверженности къ нему мѣстнаго раскольническаго населенія». Г. Лошкаревъ напоминаетъ при этомъ, что Геннадій уже три раза бѣгалъ изъ-подъ стражи и укрывался отъ заслуженнаго имъ наказанія.

IV.

«Лже-попы» и «лже-монахи».

Въ числѣ лицъ, которыя относились къ дѣлу Геннадія съ особеннымъ рвеніемъ, стараясь, какъ говорится «раздуть» его и выискать возможно большее количество уликъ противъ Геннадія и его «сообщниковъ», одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта генералу Фелькнеру. Съ самаго начала слѣдствія онъ принималъ дѣятельное, горячее участіе во всемъ, что только такъ или иначе относилось къ дѣлу.

Недовѣряя мѣстнымъ властямъ, Фелькнеръ поспѣшилъ отправить въ Петербургъ, къ министру финансовъ, грамоты, которыя были найдены у Геннадія при арестѣ его и которыя указывали на существованіе въ Россіи цѣлой правильно-организованной духовной старообрядческой іерархіи. Фельнеръ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобъ открыть и дознать, изъ кого именно состоитъ эта таинственная іерархія, повсюду разсѣявшая своихъ агентовъ, и кто тѣ лица, которыя играютъ въ этой іерархіи роль епископовъ, священниковъ, монаховъ.

Обо всемъ, что только выяснилось слѣдствіемъ по вопросу объ этой «противозаконной іерархіи», Фельнеръ тотчасъ же сообщалъ пермскому губернатору и настойчиво просилъ его распоряженій о розыскѣ и поимкѣ всѣхъ тѣхъ лицъ, на которыхъ падало подозрѣніе, что они такъ или иначе участвовали въ этой «самозванной іерархіи». Послѣ первыхъ допросовъ, которымъ былъ подвергнутъ арестованный епископъ, Фелькнеръ писалъ Лопкареву: «Геннадій при допросахъ сдѣлалъ указаніе на пребываніе въ разныхъ мѣстахъ и уѣздахъ Пермской губерніи мнимо-духовныхъ лицъ, поставленныхъ имъ во священники, съ выдачею ставленныхъ грамотъ. Изъ какого именно званія происходятъ эти лица, Геннадій отозвался незнаніемъ, объяснивъ только, что нѣкоторые изъ нихъ въ означенныхъ мѣстахъ проживаютъ въ своихъ собственныхъ домахъ». При этомъ Фелькнеръ приводитъ именной списокъ, указанныхъ Геннадіемъ лицъ.

Далѣе, по словамъ Фелькнера, Геннадій высказалъ на допросѣ, что въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ въ Екатеринбургѣ проѣздомъ въ Сибирь епископъ Панфутій, отправлявшійся для учрежденія сибирской раскольнической іерархіи [1]). По указанію Геннадія, Панфутій выбылъ изъ Екатеринбурга, но куда именно—неиз-

---

[1]) Свиданія Геннадія съ Панфутіемъ происходили на заводѣ купца Ушакова и въ домѣ купчихи Анны Блохиной, близъ Екатеринбурга.

вѣстно. Лже-епископъ Пафнутій, судя по разсказамъ Геннадія, имѣетъ около пятидесяти лѣтъ отъ роду и большую, окладистую бороду съ просѣдью. Въ заключеніе, Фелькнеръ настаиваетъ на необходимости немедленно же принять мѣры къ розыску и поимкѣ какъ Панфутія, такъ и другихъ лицъ, указанныхъ Геннадіемъ.

Съ своей стороны губернаторъ также не щадилъ никакихъ усилій для того, чтобы дознать, изъ кого именно состоитъ и кѣмъ заправляется эта неуловимая, прочно установившаяся организація, извѣстная подъ именемъ старообрядческой іерархіи. Его усилія въ этомъ направленіи не остались безъ результатовъ и вскорѣ ему удалось открыть имена лицъ, занимавшихъ высшія ступени старообрядческой іерархіи. Жандармскій полковникъ Комаровъ, на запросъ губернатора по этому поводу, доставилъ ему слѣдующій списокъ старообрядческихъ епископовъ.

1) Архіепископъ владимірскій и всея Россіи Антоній.
2) Епископъ Ануфрій—предсѣдатель духовнаго совѣта въ Москвѣ.
3) » симбирскій—Софроній.
(Всѣ трое поставлены митрополитомъ Кирилломъ).
4) Епископъ саратовскій—Аѳанасій.
5) » казанскій—Пафнутій.
6) » кавказскій—Іовъ.
7) Епископъ Варлаамъ, безъ епархіи.
8) » коломенскій—Пафнутій (запрещенный).
9) » Израиль } оба безъ епархіи.
10) » Константинъ }
11) » уральскій—Виталій.
12) » пермскій—Геннадій.

Въ свою очередь Фелькнеръ доставилъ губернатору подробный списокъ всѣхъ тѣхъ «мнимо-духовныхъ» лицъ (помимо епископовъ), о которыхъ упоминалось въ показаніяхъ Геннадія.

Вотъ эттотъ списокъ:

«Лже-иноки» и «лже-іеромонахи»:

Ананій (пойманъ и содержится въ г. Сарапулѣ), Аввакумъ, Константинъ, Іона, Паисій, Іовъ и Савватій.

«Лже-попы»: Зиновій, Аристархъ и Іоаннъ—всѣ трое сарапульскіе, Евсигней — екатеринбургскій, Сафоній — сыльвинскій, Илларіонъ, Іоаннъ и Александръ—оханскіе, Іоаннъ и Макарій—ялуторовскіе, Ксенофонтъ—Катавскаго завода (пойманъ въ Екатеринбургѣ вмѣстѣ съ Геннадіемъ), Алексѣй — Златоустовскаго округа, Александръ—шадринскій, Семенъ и Филиппъ—сибирскіе.

«Лже-іеродіаконы»: Коментарій (пойманъ въ Екатеринбургѣ), Корнилій и Максимъ.

И, наконецъ, «лже-діаконъ» Романъ, «лже-иподіаконъ» Василій (пойманъ въ Екатеринбургѣ вмѣстѣ съ Геннадіемъ) и «священнописецъ» Германъ—Златоустовскаго завода.

Препровождая эти списки губернатору, Фелькнеръ снова повторяетъ просьбу о розыскѣ и поимкѣ какъ Пафнутія, такъ и всѣхъ другихъ «мнимо-духовныхъ» лицъ, значущихся въ спискахъ. Характерна резолюція, положенная Лошкаревымъ на бумагѣ Фелькнера: «сообщить секретно полиціи, чтобы непремѣнно были пойманы». Коротко и внушительно!

И вотъ снова летятъ секретныя предписанія «ко всѣмъ гражданскимъ и земскимъ полиціямъ Пермской губерніи» о розыскѣ и поимкѣ лже-поповъ, лже-монаховъ, лже-епископовъ. Въ то же время сообщается генералъ-губернатору Западной Сибири, о розыскѣ лже-епископа Пафнутія. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, губернаторъ доноситъ о нихъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Не трудно себѣ представить тѣ ближайшія послѣдствія, какія должны были вызвать эти энергическія распоряженія и предписанія. Исправники и становые, имѣя передъ собою столь категорическое требованіе начальства о непремѣнной поимкѣ «мнимо-духовныхъ» лицъ, не гнушались никакими способами, никакими средствами, чтобы выслѣдить и захватить этихъ лицъ. Обыски, аресты, облавы и т. п. «мѣры» практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Но всѣ эти мѣры вели лишь къ тому, что населеніе губерніи, состоящее почти на половину изъ старообрядцевъ разныхъ толковъ, еще болѣе замкнулось въ себѣ, еще болѣе стало таиться отъ власти, еще крѣпче стало беречь и хоронить своихъ поповъ и монаховъ. Въ концѣ концовъ исправники, не смотря на все свое рвеніе выполнить волю начальства, потерпѣли полное фіаско и принуждены были рапортовать, что «несмотря на всевозможныя мѣры, принятыя ими къ поимкѣ мнимо-духовныхъ лицъ, таковыхъ во ввѣренныхъ имъ уѣздахъ не оказалось».

Счастливѣе другихъ въ этомъ отношеніи былъ оханскій исправникъ. Въ уѣздѣ его по списку значилось трое лже-священниковъ: Александръ, Іоаннъ и Илларіонъ. Исправнику удалось «дознать, что священникъ Александръ есть не кто другой, какъ временно-обязанный крестьянинъ графини Строгановой, Александръ Михайловъ Путинъ, священникъ Іоаннъ — государственный крестьянинъ деревни Стариковой, Иванъ Ивановъ Чечкинъ, и, наконецъ, священникъ Илларіонъ не кто другой, какъ временно-обязанный крестьянинъ деревни Пьянковой — Илларіонъ Семеновъ Пьянковъ.

Далѣе исправникъ «дознадъ», что Путинъ, Чечкинъ и Пьянковъ дѣйствительно выдаютъ себя за священниковъ, что они вѣнчаютъ браки, отправляютъ разныя требы и т. п. «Узнавъ объ этомъ—пишетъ исправникъ, я немедленно же отправился въ деревню Старикову и произвелъ обыскъ въ домѣ крестьянина Чечкина». При этомъ обыскѣ найдено подъ поломъ множество обрá-

зовъ и книгъ религіознаго содержанія. Все это было отобрано, описано и отправлено въ Пермь къ губернатору.

Просматривая описи отобранныхъ при обыскѣ вещей, вы встрѣчаете тамъ: лестовки, поясъ изъ бѣлой парчи съ шелковыми завязками изъ красныхъ лентъ, кресты, двѣ тетради, писанныя полууставомъ, изъ которыхъ одна начинается словами: «Прекрасная мати пустыня», на 9 листахъ, а другая безъ начала и конца, на 17 листахъ, печатныя книги въ кожаныхъ доскахъ; одна изъ такихъ книгъ называется «Символомъ». Но особенно много было найдено и отобрано деревянныхъ иконъ и мѣдныхъ складней.

Чечкинъ былъ немедленно арестованъ. Затѣмъ становымъ приставамъ было предписано исправникомъ произвести обыски у остальныхъ заподозрѣнныхъ лицъ, т. е. у Путина и Пьянкова, и также арестовать ихъ. Когда все это было исполнено, исправникъ вошелъ къ губернатору съ вопросомъ, что̀ ему дѣлать съ арестованными «лже-попами» и не отправить ли ихъ въ Пермь?

Но такъ какъ и самъ губернаторъ не зналъ хорошенько, какое именно направленіе приметъ возбужденное дѣло, то и не могъ разрѣшить недоумѣнія исправника. Послѣднему было дано знать только, чтобъ онъ «учредилъ строжайшій надзоръ за арестованными лже-попами и оставилъ бы ихъ въ Оханскѣ впредь до особаго распоряженія».

V.

Неудавшаяся попытка.

Вѣсть объ арестѣ Геннадія быстро разнеслась по Екатеринбургу и его окрестностямъ. Больше всего этому способствовали старообрядцы, присутствовавшіе при богослуженіи въ домѣ Чувакова въ день ареста лже-епископа (6-го декабря). Всего на этомъ богослуженіи присутствовало семьдесятъ человѣкъ; всѣ они были опрошены полицеймейстеромъ Пестеревымъ и затѣмъ отпущены по домамъ.

Въ числѣ этихъ лицъ находился между прочимъ крестьянинъ деревни Пепляковъ, Урминской волости, Владиміръ Кондратьевъ Перинъ, горячій приверженецъ Геннадія. Не задолго до происшествія 6-го декабря, Перинъ прибылъ въ Екатеринбургъ съ тѣмъ, чтобы принять священство отъ Геннадія, но внезапный арестъ лже-епископа помѣшалъ этому.

Есть много основаній полагать, что Геннадій пользовался большимъ уваженіемъ среди мѣстнаго старообрядческаго населенія; понятно, поэтому, что арестъ его не могъ не произвести между ними сильнаго впечатлѣнія. Послѣдователи Геннадія рѣшили хлопотать объ его освобожденіи, думая для этого пустить въ ходъ подкупъ.

Предполагалось, въ случаѣ успѣха, переправить Геннадія за границу. Съ этою цѣлью Перинъ добился свиданія съ арестованнымъ епископомъ, который содержался въ это время при екатеринбургскомъ полицейскомъ управленіи, куда онъ былъ препровожденъ тотчасъ же послѣ ареста. Какимъ образомъ устроилось это свиданіе, изъ дѣлъ не видно; но, судя по многимъ даннымъ, можно заключить, что Геннадія содержали въ Екатеринбургѣ совсѣмъ не подъ такимъ «строжайшимъ карауломъ», о какомъ писалъ губернаторъ Лошкаревъ.

При свиданіи, Геннадій просилъ Перина отправиться въ Москву вмѣстѣ съ другимъ старообрядцемъ, екатеринбургскимъ мѣщаниномъ, фамилія котораго не была обнаружена слѣдствіемъ. Въ Москвѣ Перинъ и его товарищъ прежде всего должны были подать прошеніе «тамошнему лже-патріарху и архіепископу Антонію» съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Затѣмъ, на нихъ обязанность было возложено «сдѣлать гласнымъ арестъ Геннадія среди общества московскихъ купцовъ-старообрядцевъ», со стороны которыхъ ожидалось активное и вѣское содѣйствіе въ дѣлѣ освобожденія Геннадія изъ-подъ стражи.

Прошеніе на имя архіепископа Антонія было написано одною «екатеринбургскою купеческою дѣвицею», фамилія которой также не была открыта. Получивъ прошеніе и всѣ нужныя наставленія, Перинъ, въ сопровожденіи товарища своего, екатеринбургскаго мѣщанина-старообрядца, двинулся въ путь, но прежде заѣхалъ къ себѣ домой въ свою деревню, чтобы «выправить паспортъ».

Здѣсь сотоварищъ его «за старостію и болѣзнію» отказался ѣхать въ Москву и просилъ Перина, чтобъ онъ одинъ отправился къ Антонію, причемъ передалъ ему деньги на расходы, а самъ вернулся обратно въ Екатеринбургъ. Тогда Перинъ пригласилъ ѣхать съ собою въ Москву брата своего, Тита Кондратьева Перина.

Братья пришли въ волость и заявили о выдачѣ имъ паспортовъ на отлучку.

— Зачѣмъ вамъ паспорты? Куда вы ѣдете?—спрашивали ихъ въ волости.

— Ѣдемъ въ Пермь хлопотать о переселеніи въ Томскую губернію,—отвѣчали Перины.

Получивъ паспорты, Перины 17-го декабря выѣхали изъ дому по направленію къ Перми, разсчитывая тамъ взять билетъ конторы вольныхъ почтъ. Но едва они успѣли сдѣлать нѣсколько станцій, какъ вслѣдъ за ними отправляется погоня: оказалось, что замыслы ихъ были открыты полиціей.

Periныхъ выдалъ мастеровой Тисовскаго завода, Красноуфимскаго уѣзда, Николай Ивановъ Васильевъ, который находился въ это время въ Урмахъ, занимаясь шитьемъ платья. Васильевъ хо-

дилъ изъ дома въ домъ, «обшивая крестьянъ». Въ то время, какъ Владиміръ Перинъ пріѣхалъ изъ Екатеринбурга, Васильевъ былъ у нихъ въ домѣ; такимъ образомъ ему пришлось присутствовать при сборахъ братьевъ въ Москву съ цѣлью освободить Геннадія и слышать тѣ разговоры, какіе велись по этому поводу.

Слѣдуетъ замѣтить, что Урминская волость считается однимъ изъ главныхъ центровъ раскола въ Пермской губерніи; почти все населеніе этой волости сплошь состоитъ изъ раскольниковъ. Этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что Перинъ, явившись туда, совсѣмъ, повидимому не считалъ нужнымъ (за исключеніемъ волости) скрывать о цѣли своего путешествія.

Разговоры о необходимости освободить Геннадія велись открыто, безъ всякихъ конспиративныхъ пріемовъ и уловокъ. Васильевъ дѣлалъ видъ, что вполнѣ раздѣляетъ взгляды Периныхъ и сочувствуетъ ихъ замыслу; мало этого, онъ даже оказывалъ имъ услуги въ ихъ приготовленіяхъ. Такъ, когда Перинъ вложилъ въ пакетъ прошеніе на имя Антонія, то Васильевъ написалъ адресъ на этомъ пакетѣ и запечаталъ его.

Проводивъ Периныхъ въ путь, Васильевъ ѣдетъ въ Кунгуръ и доноситъ обо всемъ исправнику. Исправникъ, помятуя губернаторскія предписанія о необыкновенной важности дѣла Геннадія, тотчасъ же садится въ сани и несется преслѣдовать Периныхъ. Онъ гонится за ними вплоть до Каяновской станціи, но не могъ нагнать и принужденъ былъ вернуться обратно.

Вслѣдъ за этимъ исправникъ шлетъ губернатору рапортъ, въ которомъ подробно излагаетъ все, что удалось ему узнать отъ Васильева относительно замысла братьевъ Периныхъ. Далѣе, онъ сообщаетъ нумера, за которыми выданы Перинымъ паспорты и описываетъ ихъ наружность или примѣты. По описанію исправника, Владиміръ Перинъ имѣетъ 31 годъ отъ роду, ростомъ 2 арш. $2^{7}/_{8}$ вершк., «волосы и брови нѣсколько темнорусые, глаза сѣрые, носъ и ротъ обыкновенные, подбородокъ круглый, лицо чистое, знаетъ грамоту, женатъ своднымъ бракомъ, особыхъ примѣтъ не имѣетъ».

Вѣроятно, братья Перины были очень схожи между собою по внѣшности, такъ какъ примѣты другаго брата, Тита, по описанію исправника, совершенно совпадаютъ съ примѣтами Владиміра: тѣ же сѣрые глазы, то же «чистое лицо», «круглый подбородокъ», волосы и брови «нѣсколько темнорусые», «носъ и ротъ обыкновенные» и т. д. Подобное шаблонное описаніе едва ли могло сколько нибудь облегчить поиски полиціи. Гораздо существеннѣе въ этомъ отношеніи было указаніе на № билета, взятаго Перинами изъ кунгурской конторы вольныхъ почтъ.

Въ рапортѣ своемъ исправникъ напоминаетъ что Геннадій есть не кто иной, какъ арестантъ Илларіонъ Старцевъ, бѣжавшій въ

1859 году при пересылкѣ его отъ исправника Юговскихъ заводовъ къ приставу 3-го стана Кунгурскаго уѣзда. Подмѣненный крестьяниномъ Курдюковымъ, Илларіонъ Старцевъ (Геннадій тожъ) скрылся тогда неизвѣстно куда; Курдюковъ же послѣ этого долгое время содержался въ кунгурскомъ тюремномъ замкѣ. Въ то же самое время и въ томъ же самомъ острогѣ содержался и мастеровой Васильевъ. За что именно и по какому дѣлу содержался въ тюрьмѣ Васильевъ, изъ рапорта исправника не видно; извѣстно только, что «не за вѣру».

Изъ дѣлъ, бывшихъ въ нашемъ разсмотрѣніи, не видно, что именно было предпринято по поводу рапорта кунгурскаго исправника, а также не видно, были ли пойманы Перины или же они благополучно достигли Москвы. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, слѣдуетъ предполагать, что имъ удалось избѣжать преслѣдованій, но были ли они въ Москвѣ и если были, то что именно удалось имъ сдѣлать въ пользу задуманной цѣли, намъ не извѣстно. Какъ бы-то ни было, но очевидно, что попытка ихъ добиться освобожденія Геннадія при помощи московскаго общества старообрядцевъ потерпѣла полное фіаско.

Слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла о Геннадіи, мы еще разъ встрѣчаемся съ именемъ Владиміра Перина. Оказывается, что, потерявъ надежду на помощь со стороны московскаго общества старообрядцевъ, онъ рѣшился обратиться съ ходатайствомъ объ освобожденіи Геннадія къ высшей власти.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года, статсъ-секретарь у принятія прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ, препроводилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйшее прошеніе проживающихъ въ Екатеринбургѣ крестьянъ Николая Журавлева и Владиміра Перина объ освобожденіи изъ-подъ стражи раскольническаго епископа Геннадія, священника Вяхирева и иподіакона Кулькова.

Въ свою очередь министръ внутреннихъ дѣлъ съ предложеніемъ отъ 15-го мая обратился къ пермскому губернатору и поручилъ ему объявить просителямъ, что такъ какъ «дѣло о лже-епископѣ Геннадіѣ, Вяхиревѣ и Кульковѣ находится въ производствѣ въ судебномъ мѣстѣ, то дальнѣйшее разрѣшеніе ихъ участи будетъ зависѣть отъ этого мѣста...»

VI.

Подъ стражею.

Мы уже упоминали, съ какимъ безпокойствомъ и тревогою слѣдилъ пермскій губернаторъ за производствомъ слѣдствія по дѣлу о Геннадіи. Ему все казалось, что мѣстныя власти недоста-

точно строго относятся къ Геннадію, недостаточно зорко слѣдятъ за нимъ, что онѣ не могутъ проникнуться сознаніемъ огромной «государственной важности» этого дѣла. Его пугаетъ и страшитъ мысль о томъ, что Геннадій того гляди уйдетъ изъ-подъ ареста. И вотъ онъ шлетъ въ Екатеринбургъ телеграмму за телеграммой о болѣе строгомъ караулѣ и надзорѣ за лже-епископомъ.

Вскорѣ обнаружилось, что безпокойство губернатора имѣло свои основанія. 5-го января 1863 года, въ Перми получилась на имя губернатора бумага министра внутреннихъ дѣлъ, Валуева, такого содержанія: «Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ получены свѣдѣнія, что задержанный въ г. Екатеринбургѣ лже-епископъ Геннадій содержится подъ присмотромъ въ полицейскомъ домѣ, гдѣ свободно навѣщаютъ его раскольники и особенно жены ихъ, между которыми есть много весьма богатыхъ. Они относятся къ нему съ уваженіемъ и, какъ слышно, стараются освободить его изъ-подъ ареста, для чего и собрали довольно значительную сумму денегъ».

Далѣе въ бумагѣ высказывалось, что «отобранное у Геннадія письмо показываетъ, что и въ Москвѣ заботятся объ освобожденіи его для отправленія въ болѣе безопасное мѣсто—за границу. Въ числѣ бумагъ отобранныхъ у Геннадія, есть также письмо къ нему изъ Москвы отъ собора лже-епископовъ. Такъ какъ Геннадій уже два раза былъ ловимъ, но каждый разъ находилъ случай уйти, то содерженіе его при полиціи не безопасно».

Въ виду этого, министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ губернатору «принять мѣры къ устраненію изложенныхъ опасеній, сдѣлавъ распоряженіе о переводѣ лже-епископа Геннадія въ болѣе надежное мѣсто и о строжайшемъ тамъ за нимъ надзорѣ, съ прекращеніемъ ему возможности входить въ сношенія съ раскольниками».

Въ концѣ этой бумаги министромъ, статсъ-секретаремъ Валуевымъ, сдѣлана собственноручная приписка такого рода: «объ исполненіи же меня увѣдомить съ присовокупленіемъ, когда присутствіе Геннадія на мѣстѣ будетъ не нужно для производящагося изслѣдованія».

Получивъ эту бумагу, губернаторъ кладетъ на ней розолюцію: «сейчасъ же спросить по телефрафу полицеймейстера, передано ли дѣло въ уѣздный судъ, и ежели Геннадій не нуженъ, то чтобъ ускорить доставленіемъ его въ Пермь».

Спустя нѣсколько дней, полицеймейстеръ Пестеревъ доноситъ губернатору телеграммой, что «дѣло Геннадія 21-го января будетъ передано главному начальнику горныхъ заводовъ, а 23-го въ судъ».

Тогда губернаторъ спѣшитъ дать наставленіе суду: «По важности обстоятельствъ, заключающихся въ слѣдственномъ дѣлѣ о пойманномъ въ Екатеринбургѣ лже-епископѣ Геннадіѣ, — пишетъ г. Лопкаревъ, — предлагаю уѣздному суду:

«1) безотлагательно приступить къ разсмотрѣнію сего дѣла и

«2) тотчасъ по миновані надобности въ личности Геннадія увѣдомить о семъ екатеринбургскаго полицеймейстера, для отправленія его, Геннадія, согласно особому распоряженію».

Одновременно съ этимъ, губернаторъ пишетъ полицеймейстеру Пестереву, чтобъ онъ «немедленно по окончаніи дѣла лично самъ привезъ Геннадія въ Пермь подъ строгимъ карауломъ». Не успѣлъ, вѣроятно, Пестеревъ получить эту бумагу, какъ телеграфъ приноситъ ему новое подтвержденіе губернатора: «телеграфируйте: скоро ли окончится дѣло о Геннадіи и онъ будетъ доставленъ въ Пермь?»

Наконецъ, 27-го января, полицеймейстеръ Пестеревъ, «подъ прикрытіемъ одиннадцати человѣкъ конвойныхъ, благополучно привезъ лже-епископа въ Пермь» [1]. На рапортѣ, который по этому поводу былъ представленъ полицеймейстеромъ губернатору, послѣдній положилъ резолюцію: «заключить въ тюремный замокъ и донести г. министру внутреннихъ дѣлъ, присовокупивъ, что дѣло передано въ екатеринбургскій уѣздный судъ и что онъ (Геннадій) здѣсь болѣе не нуженъ».

Въ тотъ же день, пермскій полицеймейстеръ рапортовалъ губернатору, что лже-епископъ Геннадій принятъ имъ и «заключенъ въ мѣстный тюремный замокъ подъ личный надзоръ тюремнаго смотрителя». При этомъ Геннадій былъ снова обысканъ; деньги и разныя «одежныя вещи», которыя оказались при немъ, были отобраны и переданы на храненіе тюремному смотрителю. Но кромѣ этого при Геннадіи были найдены: черная мантія, скуфья, книга подъ заглавіемъ «Богослуженіе русской церкви до монгольскаго времени», тетрадка и рукопись, содержащая біографію лже-епископа Геннадія. Все это также было отобрано отъ Геннадія, при чемъ мантія и скуфья переданы были екатеринбургскому полицеймейстейру «для пріобщенія къ дѣлу», рукописи же и книга препровождены къ архіерею. При этомъ губернаторъ спрашивалъ преосвященнаго: могутъ ли быть возвращены Геннадію найденныя у него рукописи и книга, или же они должны быть подвергнуты разсмотрѣнію въ установленномъ порядкѣ.

Получивъ этотъ запросъ, архіепископъ пермскій Неофитъ передалъ книгу и рукописи Геннадія на разсмотрѣніе духовной консисторіи, которая, по обсужденіи возбужденнаго вопроса, пришла къ слѣдующему заключенію.

1. Книга «Богослуженіе русской церкви до монгольскаго времени» есть извѣстное сочиненіе Филарета, епископа рижскаго, изданное Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Хотя во многихъ мѣстахъ этой книги на поляхъ написано:

---

[1]) На «доставку» Геннадія въ Пермь — полицеймейстеромъ Пестеревымъ было израсходовано 198 руб. 81 коп. казенныхъ денегъ.

«зри», тѣмъ не менѣе эти мѣста никакъ не могутъ быть истолкованы въ пользу раскола.

2. Найденная при Геннадіи тетрадка, заключаетъ въ себѣ разсказъ обратившагося въ православіе старообрядца о времени пребыванія его въ расколѣ. Ближайшее разсмотрѣніе этой тетрадки убѣдило духовную консисторію, что заключающійся въ ней разсказъ «есть описаніе приключеній и бродяжничества извѣстнаго арестанта Ведерникова». Тетрадка эта даетъ нѣкоторое понятіе о современномъ состояніи раскола.

3. Біографія лже-епископа Геннадія составляетъ особую записку, адресованную на высочайшее имя и заключающую въ себѣ описаніе происхожденія и бродяжничества Геннадія. Описывая свои дѣтскіе годы, Геннадій находитъ въ нихъ разные прообразы своего епископства: побѣгъ свой изъ арестантскихъ ротъ объясняетъ особымъ содѣйствіемъ ангела, который явился къ нему съ неба; при этомъ бывшіе на немъ «тридесяти-фунтовыя кандалы» сами спали съ него. Почувствовавъ, что цѣпи спали, Геннадій оставилъ мѣсто работы и направился черезъ городъ въ лѣса и горы, при этомъ совершилось другое чудо: арестанты, которые работали вмѣстѣ съ нимъ, а также всѣ встрѣчавшіеся съ нимъ въ то время, какъ онъ въ арестантскомъ костюмѣ проходилъ по городскимъ улицамъ,—«всѣ были аки слѣпы» и не замѣчали его бѣгства.

Побѣгъ же свой изъ Юго-Кнауфскаго завода Геннадій объясняетъ тѣмъ, что самъ заводскій исправникъ, при поимкѣ его въ означенномъ заводѣ, далъ ему совѣтъ скрыть званіе епископа и показать себя какимъ-нибудь обыкновеннымъ старцемъ. Геннадій такъ и сдѣлалъ; затѣмъ за тысячу рублей серебромъ онъ былъ отпущенъ и даже отправленъ на лошадяхъ въ Екатеринбургъ.

Далѣе въ біографіи разсказывается о томъ, какъ Геннадій защищалъ законность австрійской іерархіи и «другія раскольническія мудрованія» предъ преосвященнымъ Митрофаномъ епископомъ екатеринбургскимъ. Вообще, по отзыву духовной консисторіи, вся біографія Геннадія «наполнена раскольническими лже-мудрованіями» и потому никакъ не можетъ быть выдана обратно Геннадію, а должна храниться при библіотекѣ мѣстной духовной семинаріи. Архіепископъ Неофитъ согласился съ отзывомъ духовной консисторіи.

Между тѣмъ, Геннадій, сидя въ тюрьмѣ и ничего не зная о судьбѣ отобранныхъ отъ него вещей, вошелъ съ прошеніемъ къ губернатору, ходатайствуя о возвращенія ему «келейной мантіи», которая особенно была необходима ему въ виду того, что безъ нея онъ—епископъ—принужденъ былъ облечься въ арестантскій халатъ. Привожу здѣсь, съ буквальною точностью, не измѣняя ничего, кромѣ знаковъ препинанія, прошеніе Геннадія написанное имъ по этому поводу.

«Его превосходительству

«Господину пермскому губернатору

«Нижайшее прошеніе.

«Я, нижеподписавшійся, прошу ваше пр—ство въ томъ, что поступилъ изъ Екатеринбурга на 27 число генваря текущаго года и привезенъ въ тюремный пермскій замокъ. При осмотрѣ вещей отобрана (отъ меня) келейная мантія, безъ которой я не могу оставаться, въ крайнемъ нахожусь неуважительномъ положеніи, также и стѣсненіи релегіозномъ, насопротивъ комитета, отъ іюня 26 изданнаго, какъ можете видѣть сами въ Сынѣ Отечества 1861 года декабря 1-го № 288. Но эта мантія по обсужденію прежде была отдана мнѣ въ руки, а нынѣ опять отобрали. И такъ, въ ожиданіи вашего превосходительства. Писалъ Божіею милостію смиренный Геннадій, епископъ пермскій древле-православныхъ христіанъ».

Это, какъ видите, довольно-таки безграмотное прошеніе написано самимъ Геннадіемъ на листѣ сѣрой бумаги крупнымъ, ученическимъ почеркомъ. По этому поводу намъ припоминается газетное извѣстіе, проскользнувшее какъ-то въ печати и рисовавшее Геннадія хорошо образованнымъ человѣкомъ, владѣющимъ, между прочимъ, греческимъ языкомъ. Если судить по приведенному нами прошенію, то извѣстіе это является болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Ссылка же Геннадія на № «Сына Отечества» указываетъ на его наивность и полное незнакомство съ порядками, существующими въ сферѣ оффиціальныхъ дѣлъ и сношеній.

Прошеніе Геннадія не было уважено и вскорѣ ему было объявлено, что ходатайство его «оставлено безъ послѣдствій, такъ какъ мантія пріобщена ка дѣлу».

Вообще, заключеніе Геннадія въ пермскомъ тюремномъ замкѣ было обставлено самымъ строгимъ и тщательнымъ надзоромъ. Полицеймейстеръ обязанъ былъ каждую недѣлю подробно рапортовать губернатору обо всемъ, что такъ или иначе относилось до Геннадія Приведу одинъ изъ этихъ рапортовъ:

«Въ теченіе истекшей недѣли,—пишетъ полицеймейстеръ—посѣтителей къ лже-епископу Геннадію не было, но въ тюрьму являлись разныя лица и приносили съ собою подаяніе для передачи Геннадію. Такъ, 9-го февраля, кучеръ отъ купца Купріяна Суслова принесъ два французскихъ хлѣба, пирогъ съ рыбою и блины; все это, по надлежащемъ осмотрѣ, передано было лже-епископу. Затѣмъ являлась съ подаяніемъ родственница купца Андрея Матвѣева, Наталья Мокѣева; но такъ какъ она требовала личнаго свиданія съ Геннадіемъ, то поэтому не была допущена».

VII.

Прошлое Геннадія.

Первыя свѣдѣнія о прошломъ Геннадія были сообщены пермскимъ архіепископомъ Неофитомъ. Какъ только сдѣлалось извѣстно объ арестѣ лже-епископа, Неофитъ сообщилъ губернатору слѣдующія данныя о прошлой жизни Геннадія.

Выдающій себя за епископа Геннадія есть не кто другой, какъ бѣглый крестьянинъ Лысвинскаго завода княгини Бутеро, по фамиліи Григорій Васильевъ Бѣляевъ. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, когда ему было не болѣе 18-ти лѣтъ отъ роду, онъ скрылся изъ мѣста своего жительства и около двадцати лѣтъ находился въ безвѣстной отлучкѣ. На мѣстѣ родины, въ Лысвинскомъ заводѣ, у него осталось три брата: Сидоръ, Яковъ и Дмитрій Бѣляевы; семейство это состояло и состоитъ въ расколѣ; раскольникомъ былъ и Григорій. Въ дѣтствѣ онъ учился въ мѣстной школѣ и въ это время, несмотря на свою принадлежность къ расколу, постоянно ходилъ въ православную церковь. «Дѣлъ о немъ по расколу не возбуждалось; но за побѣгъ онъ былъ судимъ и наказанъ въ стѣнахъ полиціи плетьми» (далѣе мы увидимъ, что этотъ послѣдній фактъ не вѣренъ).

Въ другой разъ, преосвященный Неофитъ сообщалъ, что Геннадій есть тотъ же самый человѣкъ, который въ 1859 году, подъ именемъ инока Иларіона Старцева, былъ пойманъ въ Юго-Кнауфскомъ заводѣ, но «снова отпущенъ заводскимъ исправникомъ Брусницынымъ и подмѣненъ другимъ бродягою-раскольникомъ Спиридономъ Курдюковымъ». Этотъ послѣдній, пишетъ Неофитъ, «конечно (?) за деньги согласился выдать себя за Геннадія въ той мысли, что и безъ того ему не миновать кунгурскаго острога».

Дѣло о Курдюковѣ рѣшено и, по указу пермской судебной палаты отъ 4-го мая 1862 года, Курдюковъ «подвергнутъ наказанію розгами шестидесятью ударами» и, кромѣ того, съ него взыскано 50 рублей серебромъ. Такому же точно наказанію были подвергнуты вмѣстѣ съ Курдюковымъ двое другихъ мастеровыхъ—Кудринъ и Умятниковъ: они также были признаны виновными въ устройствѣ побѣга Геннадія.

Что же касается мастероваго, назвавшагося при поимкѣ инокомъ Иларіономъ Старцевымъ, то будучи подмѣненъ Курдюковымъ, онъ скрылся въ кунгурскихъ лѣсахъ, а затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, явился въ Екатеринбургъ, гдѣ «впослѣдствіи объявилъ себя епископомъ Геннадіемъ». Курдюковъ же, по освобожденіи изъ тюремнаго замка также отправился въ Екатеринбургъ, чтобы здѣсь принять отъ Геннадія рукоположеніе во священники.

Но здѣсь въ декабрѣ оба они были захвачены въ домѣ купца Чувакова.

Откуда узналъ преосвященный Неофитъ объ арестѣ Курдюкова, изъ его переписки не видно; по всей вѣроятности онъ ошибочно принялъ за Курдюкова священника Ксенофонта Вяхирева, арестованнаго вмѣстѣ съ Геннадіемъ.

Болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія о прошломъ Геннадія сообщали екатеринбургскій полицеймейстеръ и, особенно, общее присутствіе екатеринбургскаго уѣздаго суда и мѣстнаго городоваго магистрата.

Отецъ Геннадія, крѣпостной человѣкъ княгини Бутеро, Василій Бѣляевъ, былъ женатъ на крестьянкѣ Дарьѣ Фроловой, они имѣли свой собственный домъ въ Лысвинскомъ заводѣ. По словамъ Геннадія, отецъ его давно уже умеръ; что же касается матери его, то онъ не знаетъ навѣрное, жива ли она. Изъ сосѣдей, которые жили около ихъ въ заводѣ, Геннадій помнитъ только крестьянъ Вахрушевыхъ, другихъ же никого не помнитъ. 18-ти лѣтъ онъ бросилъ домъ и удалился въ лѣса «для богомоленія». Въ расколѣ онъ не состоитъ, а считаетъ себя христіаниномъ древней православной церкви. Со времени бѣгства въ лѣса онъ ни разу не былъ въ домѣ своего отца.

Сначала Геннадій жилъ въ лѣсахъ около Кунгура, «въ раскольническомъ скитѣ», состоящемъ изъ нѣскольскихъ келій, населенныхъ старообрядцами, искавшими спасенія вдали отъ грѣховнаго міра. Настоятелемъ у нихъ былъ схимникъ Никита. Кто именно были эти люди, откуда и какого они званія, ему, Геннадію, неизвѣстно. Теперь этого скита уже не существуетъ и кельи разорены. Опасаясь поимки, жившіе въ скитѣ отшельники начали ходить съ мѣста на мѣсто. Во время этихъ переходовъ, старецъ Никита былъ пойманъ властями и заключенъ въ острогъ въ городѣ Осѣ; отсюда онъ былъ переведенъ въ кунгурскій тюремный замокъ, гдѣ и умеръ.

Послѣ этого, Геннадій оставилъ кунгурскіе лѣса и удалился въ Уральскъ, а оттуда около 1853 года перебрался въ Саратовскую губернію. Здѣсь онъ розыскивалъ старообрядческаго епископа (австрійскаго рукоположенія) Аѳанасія. Наконецъ, благодаря указаніямъ и наведенію мѣстныхъ жителей, ему удалось встрѣтиться съ Аѳанасіемъ въ лѣсахъ Хвалынскаго уѣзда.

Съ этихъ поръ они начали путешествовать вмѣстѣ. Нѣкоторое время они имѣли пріютъ близъ города Хвалынска, въ домѣ купеческой дочери Анны Кузьминой, жившей «въ саду». Здѣсь Геннадій получилъ отъ епископа Аѳанасія иноческое постриженіе и санъ іеродіакона.

Изъ Хвалынскаго уѣзда инокъ Геннадій снова отправился въ путешествіе съ проповѣдью о старой вѣрѣ. На этотъ разъ онъ ударился на востокъ и бродилъ по степямъ и горамъ Оренбургской

губерніи. Здѣсь онъ встрѣтился и вскорѣ близко сошелся съ двумя старообрядческими монахами—Серафимомъ и Аарономъ. Они начали было путешествовать всѣ вмѣстѣ, но вскорѣ, а именно въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 года, были задержаны въ Белебеевскомъ округѣ исправникомъ Усене-Ивановскаго завода. Они были арестованы и затѣмъ, по допросѣ, отправлены въ мѣста приписки: Ааронъ—въ Екатеринбургъ, Геннадій—въ Пермь, а Серафимъ, какъ мѣстный уроженецъ, оставленъ въ Белебеѣ.

Началось дѣло, во время котораго Геннадій содержался въ пермскомъ тюремномъ замкѣ; но случилось такъ, что слѣдователь не обратилъ вниманія на заявленіе Геннадія о томъ, что онъ носитъ санъ іеродіакона. По рѣшенію «судебнаго мѣста», Геннадій былъ переведенъ въ арестантскія роты, причемъ онъ долженъ былъ подвергнуться наказанію плетьми; но, вслѣдствіе высочайшаго манифеста, приговоръ суда относительно наказанія Геннадія плетьми не былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ арестантскихъ ротахъ Геннадій пробылъ до 14-го сентября 1855 года. Въ этотъ день вечеромъ, Геннадій, находясь вмѣстѣ съ другими арестантами на городской работѣ, бѣжалъ и скрылся въ кунгурскихъ лѣсахъ. Здѣсь онъ прожилъ зиму, а лѣтомъ онъ снова ушелъ въ Хвалынскій уѣздъ, къ лже-епископу Аѳанасію, который съ радостію и восторгомъ привѣтствовалъ своего стараго друга, такъ много пострадавшаго за «правую вѣру».

Съ этихъ поръ начинается быстрое возвышеніе Геннадія, какъ человѣка уже испытаннаго. 29-го октября 1856 года, онъ былъ поставленъ епископомъ Аѳанасіемъ въ пресвитеры, а 21-го ноября того же года въ архимандриты. Обрядъ поставленія происходилъ, по словамъ Геннадія, въ домѣ той же купеческой дочери Анны Кузьминой, у которой они жили нѣсколько лѣтъ назадъ.

Но этимъ не ограничились «повышенія», выпавшія на долю Геннадія за его испытанную стойкость въ дѣлѣ исповѣдыванія и распространенія старой вѣры: епископъ Аѳанасій отправилъ своего друга въ Москву къ Антонію архіепископу владимірскому и всея Россіи, какъ человѣка достойнаго воспринять санъ епископа. Геннадій выѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ священникомъ Пафнутіемъ.

Нужно думать, что Геннадій и Пафнутій, явившись въ Москву, произвели вполнѣ благопріятное впечатлѣніе какъ на архіепископа Антонія, такъ и на духовный старообрядческій совѣтъ. Оба они были признаны достойными епископскаго сана, причемъ рѣшено было, что обрядъ посвященія будетъ совершенъ въ знаменитыхъ Гуслицахъ.

Къ назначенному дню въ Гуслицы съѣхались члены духовнаго совѣта, архіепископъ Антоній и многіе другіе чины высшей старообрядческой іерархіи. 9-го января 1857 года, Геннадій былъ посвященъ въ епископы, а на другой день, 10-го января, тотъ же самый обрядъ совершенъ былъ надъ священникомъ Пафнутіемъ.

Посвященіе это совершено было съ необыкновенною торжественностью; кромѣ архіепископа Антонія, богослуженіе совершали епископы: кавказскій—Іовъ и зыбковскій—Кононъ [1]. На Геннадія было возложено все архіерейское облаченіе: подрясникъ съ источниками, крестовый епитрахиль, поручи, поясъ съ источниками, набедреникъ, фелонь крестовая, омофоръ, панагія, наперсный крестъ, митра и наконецъ ему врученъ былъ жезлъ. Затѣмъ Геннадію была пожалована походная церковь, въ видѣ особаго рода палатки.

Вслѣдъ за поставленіемъ въ епископы, Геннадію вручена была ставленная грамота на Пермскую епархію, та самая, которая впослѣдствіи была отобрана отъ него при арестѣ 6-го декабря. Назначеніемъ Геннадія въ Пермскую епархію, которая съ давнихъ поръ считается однимъ изъ главнѣйшихъ очаговъ раскола старообрядчества, духовный совѣтъ какъ бы воздалъ должное за всѣ заслуги, оказанныя этимъ лицомъ дѣлу старовѣрія.

Принявъ посвященіе и получивъ благословеніе Антонія, епископъ Геннадій отправился въ назначенную ему епархію; но онъ не избралъ себѣ постояннаго мѣста для своего жительства, а переѣзжалъ съ одного мѣста на другое, навѣщая также и сосѣднія съ Пермскою губерніи: Оренбургскую, Вятскую и Тобольскую. Городъ Екатеринбургъ былъ центральнымъ пунктомъ того района, который былъ отведенъ для дѣятельности Геннадія. Въ этомъ городѣ у него, по его собственному показанію, было 300 человѣкъ прихожанъ изъ числа мѣстныхъ старообрядцевъ.

За время своего управленія Пермскою епархіей Геннадій обнаружилъ необыкновенную дѣятельность на пользу старообрядчества. Безпрестанно разъѣзжая изъ конца въ конецъ по Пермской и сосѣднимъ съ нею губерніямъ, онъ всюду находилъ приверженцевъ «древняго благочестія», наставлялъ и укрѣплялъ ихъ въ вѣрѣ, отправлялъ богослуженіе, поставлялъ священниковъ и другихъ чиновъ іерархіи. По праву епископа Геннадій посвятилъ для своей епархіи, архимандрита Зиновія, четырехъ дьяконовъ и 23 священника.

Подобнаго рода дѣятельность не могла, разумѣется, избѣжать огласки. Полиція давно уже и энергически розыскивала «лже-епископа» Геннадія. Въ 1859 году, онъ былъ снова задержанъ въ Кнауфскомъ заводѣ въ домѣ мастероваго Осипа Носкова подъ именемъ инока Илларіона Старцева. Геннадій былъ арестованъ и посаженъ въ арестантскую, а затѣмъ отправленъ по этапу въ кунгурскую тюрьму. Но послѣдователи его не дремали и немедленно же явились къ нему на выручку. Дѣло кончилось тѣмъ, что вмѣсто инока Старцева (Геннадій тожъ) въ кунгурскую тюрьму былъ доставленъ какой-то неизвѣстный никому раскольникъ Спиридонъ Курдюковъ.

---

[1]) Впослѣдствіи епископъ Кононъ, по словамъ Геннадія, былъ арестованъ и умеръ въ тюрьмѣ.

Всѣ эти свѣдѣнія о прошломъ Геннадія полиція узнала изъ его собственныхъ показаній, которыя отличались необыкновенною искренностью и почти полною откровенностью. Какъ видно, Геннадій считалъ несогласнымъ съ достоинствомъ убѣжденнаго человѣка таиться въ своихъ завѣтныхъ взглядахъ и вѣрованіяхъ; въ то же время онъ не считалъ нужнымъ скрывать все, что было имъ сдѣлано на пользу дѣла, которому онъ служилъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ него требовались указанія, касавшіяся другихъ лицъ, онъ становился сдержанъ, остороженъ и даже скрытенъ. Такъ, когда слѣдователи потребовали, чтобъ онъ указалъ, кто именно были тѣ лица, изъ которыхъ состоялъ его приходъ въ Екатеринбургѣ, то Геннадій категорически отказался исполнить это, заявивъ, что ни фамилій, ни именъ ихъ онъ не знаетъ.

VIII.

«Въ монастырь на увѣщаніе.»

Въ Петербургѣ, какъ мы уже отчасти и видѣли, серьезно взглянули на дѣло Геннадія. Не только въ средѣ свѣтскаго, но и духовнаго начальства обнаружилось замѣтное безпокойство, выразившееся между прочимъ въ необычайно обильномъ писаніи всякаго рода предписаній, циркуляровъ, отношеній, указовъ и предложеній по этому поводу.

Святѣйшій синодъ не разъ напоминалъ то пермскому, то оренбургскому преосвященнымъ объ огромной важности дѣла Геннадія, о необходимости строгихъ мѣръ, которыя бы устранили всякую возможность новаго побѣга со стороны лже-епископа, о доставленіи свѣдѣній, знакомящихъ съ ходомъ слѣдствія и суда по этому дѣлу и т. д.

Съ своей стороны министръ внутреннихъ дѣлъ также не разъ напоминалъ губернатору о «важности дѣла Геннадія» и неоднократно просилъ его наблюсти, чтобы слѣдствіе о лже-епископѣ «привело всѣ обстоятельства дѣла въ надлежащую полноту и ясность»; далѣе, онъ поручалъ г. Лошкареву наблюсти за тѣмъ, «чтобы дѣло это получило законное и соотвѣтственное разрѣшеніе...»

Общее присутствіе екатеринбургскаго уѣзднаго суда и городоваго магистрата, обсуждая дѣло Ганнадія, пришло къ слѣдующему заключенію: «Такъ какъ преступникъ Бѣляевъ (Геннадій тожъ) бѣжалъ изъ арестантской роты въ то время, когда находился на городской работѣ, подъ военномъ конвоемъ, и такимъ образомъ совершилъ преступленіе противъ военной дисциплины и затѣмъ въ теченіи побѣга впалъ въ другія нарушенія закона, то поэтому онъ, Бѣляевъ, на точномъ основаніи 38 п. 761 ст. XV т. 2 ч. и 1011 и

1074 ст. XIV т. Свода Законовъ, подлежитъ сужденію военнаго суда».

Губернаторъ въ принципѣ вполнѣ соглашался съ заключеніемъ общаго присутствія относительно преданія Геннадія военному суду, но его останавливало одно соображеніе: у лже-епископа было найдено «письмо отъ духовнаго совѣта», существующаго якобы въ Москвѣ; въ этомъ письмѣ «духовный совѣтъ» приглашалъ Геннадія прибыть въ Москву «для отправленія за границу въ безопасное мѣсто». Такимъ образомъ, кромѣ побѣга изъ арестантскихъ ротъ и другихъ преступленій, противъ Геннадія возникло новое обвиненіе—«въ соучастіи его съ обществомъ московскихъ лже-епископовъ, каковое дѣло еще не обслѣдовано». Въ силу этого соображенія губернаторъ рѣшилъ представить все дѣло на благоусмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Но прежде, чѣмъ рапортъ объ этомъ былъ полученъ въ Петербургѣ, судьба Геннадія была уже рѣшена: 8-го апрѣля (1863 года) изъ министерства внутреннихъ дѣлъ на имя пермскаго губернатора была отправлена бумага такого содержанія:

«Государь императоръ, по всеподданнѣйшемъ докладѣ его величеству представленія вашего превосходительства о томъ, что раскольническій епископъ Геннадій, по окончаніи о немъ слѣдствія, переведенъ изъ Екатеринбурга въ Пермь и для дальнѣйшаго хода о немъ дѣла болѣе не нуженъ, въ 5-й день сего апрѣля высочайше повелѣть соизволилъ: удалить Геннадія изъ мѣста прежней его дѣятельности, помѣстивъ для увѣщанія въ суздальскій Спасо-Евѳиміевскій монастырь Владимірской епархіи, въ арестантскомъ отдѣленіи онаго».

Есть основаніе предполагать, что мысль о заключеніи Геннадія въ монастырь впервые явилась у министра внутреннихъ дѣлъ. Еще ранѣе высочайшаго повелѣнія 5-го апрѣля, г. Валуевъ входилъ въ сношеніе съ св. синодомъ по поводу «удаленія Геннадія въ Суздальскій монастырь». Синодъ, «раздѣляя мнѣніе г. министра внутреннихъ дѣлъ относительно удаленія лже-епископа Геннадія изъ мѣста бывшей его дѣятельности и содержанія его въ монастырѣ для испытанія надъ нимъ увѣщаній къ оставленію раскольническихъ заблужденій»,—высказался, что онъ съ своей стороны «не находитъ никакихъ препятствій къ помѣщенію Геннадія въ арестантскомъ отдѣленіи Суздальскаго монастыря». Поэтому, какъ только состоялось повелѣніе объ удаленіи Ганнадія въ монастырь, синодъ тотчасъ же далъ предложеніе владимірскому преосвященному «о принятіи Геннадія въ упомянутый монастырь».

Между тѣмъ, пермскій губернаторъ, получивъ бумагу министра отъ 8-го апрѣля, недоумѣвалъ: слѣдуетъ ли выслать Геннадія тотчасъ же въ монастырь и не будетъ ли онъ нуженъ при полученіи отвѣта министра на сдѣланное имъ представленіе относительно пре-

данія Геннадія военному суду? Г. Лошкаревъ затруднился въ этомъ главнымъ образомъ потому, что въ то время, какъ состоялось распоряженіе о ссылкѣ Геннадія въ монастырь, министерству не было извѣстно, что «онъ есть бѣглый арестантъ». Затѣмъ,—думалъ губернаторъ,—въ случаѣ если бы послѣдовало распоряженіе судить Геннадія военнымъ судомъ, то какъ тогда быть безъ него? Вѣдь извѣстно, что военный судъ, на точномъ основаніи закона,—не можетъ никого судить заочно.

И вотъ губернаторъ Лошкаревъ шлетъ телеграмму на имя министра: «Прикажете ли отправить Геннадія тотчасъ, или ожидать разрѣшенія на представленіе за № 182».

Въ отвѣтъ на это получается телеграмма: «О лже-епископѣ Геннадіѣ ожидать разрѣшенія министерства.—Министръ Валуевъ».

Отсрочка эта была сдѣлана въ виду того, что статсъ-секретарь Валуевъ, по полученіи представленія пермскаго губернатора за № 182, счелъ необходимымъ снестись предварительно съ главнымъ начальникомъ III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и оберъ-прокуроромъ св. синода. По полученіи отъ нихъ благопріятныхъ отзывовъ, министръ 18-го мая предписалъ пермскому губернатору «немедленно сдѣлать распоряженіе о приведеніи въ исполненіе высочайшаго повелѣнія относительно помѣщенія крестьянина Григорія Бѣляева, выдающаго себя за епископа Геннадія, въ Суздальскій монастырь и затѣмъ дальнѣйшее производство о немъ прекратить».

Тогда г. Лошкаревъ спѣшитъ сообщить владимірскому губернатору о высочайшемъ повелѣніи относительно «помѣщенія въ Суздальскій монастырь на увѣщаніе» раскольническаго епископа Геннадія и проситъ его сдѣлать распоряженіе объ отправленіи лжеепископа изъ Владиміра, куда онъ вскорѣ будетъ доставленъ въ Суздальскій монастырь.

Сначала предполагалось отправить Геннадія изъ Перми до Владиміра съ «двумя благонадежными жандармами», но затѣмъ рѣшено было поручить это дѣло жандармскому офицеру штабсъ-капитану Латухину.

26-го іюня 1863 года, изъ Перми выѣхала по казанскому тракту тройка почтовыхъ лошадей; въ тарантасѣ сидѣли жандармскій офицеръ и рядомъ съ нимъ не высокій, худощавый мужчина съ блѣднымъ, выразительнымъ лицомъ и сѣрыми, глубоко впавшими глазами, въ которыхъ свѣтилась непреклонная, желѣзная воля. Это былъ Геннадій.

Передъ отъѣздомъ изъ Перми Латухину были выданы деньги на путевыя издержки въ количествѣ 211 рублей 65 копѣекъ, открытый листъ и особая «инструкція». Въ «открытомъ листѣ» значилось: «Предъявителю сего, пермской жандармской команды штабсъ-капитану Латухину, сопровождающему арестанта Григорія

Бѣляева до г. Владиміра, обязаны гг. начальники воинскихъ командъ, расположенныхъ по этому тракту, немедленно отряжать благонадежный добавочный караулъ, который и оставлять во все время нахожденія его на мѣстѣ». Этотъ «листъ» былъ подписанъ пермскимъ военнымъ губернаторомъ, генералъ-майоромъ Лошкаревымъ.

Приведемъ затѣмъ инструкцію, которою долженъ былъ руководствоваться штабсъ-капитанъ Латухинъ, конвоируя Геннадія.

«Назначая васъ для сопровожденія до г. Владиміра крестьянина Григорія Бѣляева, я предписываю вамъ теперь же принять его и немедленно отправиться съ нимъ въ г. Владиміръ наблюдая слѣдующее:

«1. Во время пути до г. Владиміра неотлучно находиться при арестантѣ, въ полномъ вооруженіи, не позволяя ему ни съ кѣмъ разговаривать.

«2. Вы должны имѣть осторожность, чтобъ арестантъ не нанесъ себѣ вреда и не бросился бы на имѣющееся у васъ оружіе.

«3. Квартиръ нигдѣ не нанимать, а требовать отъ мѣстныхъ начальниковъ и останавливаться для отдыха въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ есть воинскія команды, отъ коихъ просить, по прилагаему при семъ открытому листу, караулъ, который оставлять во все время пребыванія вашего на мѣстѣ.

«4. По прибытіи въ г. Владиміръ, тотчасъ явиться къ тамошнему губернатору, представить прилагаемый конвертъ за № и просить его распоряженія о принятіи отъ васъ арестанта и выдачѣ квитанціи.

«5. Въ случаѣ значительной болѣзни арестанта, вы должны доѣхать до ближайшаго города, отдать его въ вѣдѣніе тамошняго начальства для излѣченія и доставленія, по выздоровленіи, за надлежащимъ присмотромъ въ г. Владиміръ къ тамошнему начальнику губерніи, взявъ въ сдачѣ квитанцію.

«6. Въ заключеніе сего предваряю васъ, что неустройство во время пути, а тѣмъ болѣе упускъ арестанта подвергнутъ васъ строжайшей отвѣтственности по законамъ». Подписалъ пермскій военный губернаторъ Лошкаревъ.

1-го іюля, Геннадій былъ доставленъ во Владиміръ и сданъ губернатору, который тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ отправкѣ его въ Суздальскій монастырь. Штабсъ-капитанъ Латухинъ, получивъ квитанцію въ принятіи отъ него Геннадія, вернулся въ Пермь и представилъ квитанцію губернатору. А въ тюремныхъ кельяхъ Суздальскаго монастыря въ это самое время прибавилось однимъ новымъ «секретнымъ» арестантомъ... Но о пребываніи Геннадія въ монастырской тюрьмѣ мы разскажемъ когда нибудь потомъ. Теперь же намъ остается сказать нѣсколько словъ о судьбѣ лицъ, которыя были привлечены къ дѣлу о лже-епископѣ Геннадіи. Одинъ изъ этихъ лицъ, лже-священникъ Ксенофонтъ Вяхиревъ,

умеръ во время заключенія въ екатеринбургскомъ тюремномъ замкѣ, не дождавшись рѣшенія своей участи.

Другой изъ заключенныхъ по этому дѣлу, «лже-иподіаконъ» Василій Кульковъ, сидя въ тюрьмѣ, заболѣлъ. Отецъ его, отставной мастеровой Міасскаго казеннаго завода Иванъ Кульковъ, обратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ прошеніемъ объ освобожденіи изъ тюрьмы больного сына его, Василья, и объ отдачѣ его ему на попеченіе для поправленія здоровья». Министерство переслало это прошеніе пермскому губернатору для направленія дѣла по подсудности.

Послѣ того, какъ Геннадій былъ отправленъ въ монастырь, губернаторъ Лошкаревъ совершенно не зналъ, что ему предпринять относительно другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ; онъ рѣшилъ было окончить дѣло административнымъ порядкомъ, причемъ предполагалъ: «Кулькова, какъ уроженца Міасскаго завода Оренбургской губерніи, водворить въ его мѣстожительство, сообщивъ мѣстному епархіальному начальству о сдѣланіи ему увѣщанія», колыванскаго же купца Чувакова, допустившаго въ своемъ домѣ торжественное богослуженіе при большомъ стеченіи народа,—поручить надзору мѣстной полиціи, которой вмѣнить въ обязанность строго наблюдать за тѣмъ, чтобы «впредь никакихъ подобныхъ сборищъ въ домѣ Чувакова отнюдь не происходило». Не рѣшаясь, однако, привести эти мѣры въ исполненіе г. Лошкаревъ обратился въ Петербургъ съ вопросомъ: какъ ему поступить съ Кульковымъ и Чуваковымъ?

Министръ юстиціи отвѣчалъ на это, что «дѣйствія крестьянина Кулькова и купца Чувакова, на основаніи 585 ст. 2 кн. XV т. и § 13 Высочайше одобреннаго наставленія, должны подлежать разсмотрѣнію въ судебномъ порядкѣ, и потому дѣло о нихъ слѣдуетъ передать въ подлежащее судебное мѣсто, съ тѣмъ, чтобъ оно постановило опредѣленіе на законномъ основаніи только объ отвѣтственности двухъ этихъ лицъ, не касаясь оговоренныхъ лже-епископомъ Геннадіемъ 23 раскольническихъ священниковъ, такъ какъ сіе послѣднее обстоятельство, на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, не подлежитъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ».

А. Пругавинъ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ [1].

IV.

Пріѣздъ въ Ковно.—Н. М. Муравьевъ.—Карпь.—Нѣмцы.—Чиновники.—Жмудь.—Одинъ повѣсилъ двоихъ. — Объѣздъ губерніи. — Партизанская война. — Старообрядцы.—Военные станы.—Сраженіе подъ Попелянами.—Террористы.—Польки. Новая Юдифь.

ОВНО—еще небольшой городъ, но онъ довольно быстро растетъ по направленію къ желѣзной дорогѣ. По другую сторону Нѣмана—настоящая Польша и видѣнъ холмъ, съ котораго Наполеонъ I слѣдилъ за переправой войскъ въ маѣ 1812 года. Въ такъ называемомъ старомъ городѣ много зданій старинной постройки; въ городѣ пески, да и евреевъ, что песку морского.

Пріѣздъ мой, какъ и надлежитъ въ небольшомъ городѣ, составилъ событіе. Наемныхъ экипажей тамъ не имѣлось, но какой-то арендаторъ казеннаго имѣнія выѣхалъ меня встрѣтить и довезти въ своей коляскѣ до приготовленной квартиры. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упустилъ случая сообщить мнѣ дорогой о желаніи своемъ взять въ аренду и другія имѣнія, что будто бы будетъ для казны города удобнѣе, чѣмъ отдавать ихъ въ управленіе чиновникамъ, которые большею частью поляки, плуты и проч. и проч. Разсказалъ также извѣстія о важныхъ для города событіяхъ и сплет-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIV, стр. 78—105.

няхъ; однимъ словомъ я почувствовалъ, что ступилъ въ провинціальное болото.

Нечего и говорить, что на станціи я былъ встрѣченъ чиновниками своей палаты, которая въ полномъ составѣ явилась во всемъ блескѣ мундировъ чрезъ часъ ко мнѣ для оффиціальнаго представленія.

По правдѣ сказать, меня поджидали съ нетерпѣніемъ и кажется болѣе всѣхъ мой предмѣстникъ В. А. Бѣгичевъ, человѣкъ самаго мирнаго склада, очутившійся къ своему полному неудовольствію чуть не на полѣ сраженія. Къ довершенію его несчастія, ему стали угрожать, въ безыменныхъ письмахъ, смертью если онъ не оставитъ своей службы въ Ковно; даже назначенъ былъ срокъ. Не знаю за что̀ могли грозить этому доброму человѣку и на сколько могли осуществить угрозу, но къ великому его удовольствію я пріѣхалъ смѣнить его за три дня до предположенной казни. Бѣгичевъ же получилъ назначеніе въ Оренбургскій край.

Не успѣлъ я ознакомиться съ ходомъ дѣлъ въ палатѣ, какъ получилъ извѣстіе, что пріѣхалъ къ намъ въ губернію бывшій рязанскій губернаторъ Николай Михайловичъ Муравьевъ.

Почти одновременно со мною назначенъ былъ въ Ковно губернаторомъ генералъ-лейтенантъ Энгельгардъ; но такъ какъ дѣятельность его не отличалась ничѣмъ особеннымъ, да и мѣсто это оставалось за нимъ не болѣе мѣсяца, то я упоминаю о немъ болѣе для исторической послѣдовательности. Мнѣ кажется, что онъ не обладалъ достаточной энергіей для управленія дѣлами губерніи въ такое смутное время; впрочемъ, первый объѣздъ произведенъ былъ нами сообща; но онъ не имѣлъ въ такое короткое время возможности выказать свои администраторскіе недостатки и способности. Я полагаю, что онъ получилъ назначеніе свое помимо Муравьева и, можетъ быть, даже противъ его желанія, а грозный генералъ-губернаторъ желалъ имѣть при себѣ людей своего выбора, и уже намѣтилъ на постъ ковенскаго губернатора своего сына, бывшаго прежде въ Рязани.

Такъ какъ во все время моего служенія въ Ковно я имѣлъ частыя сношенія съ Николаемъ Михайловичемъ Муравьевымъ, вскорѣ къ намъ назначеннымъ губернаторомъ, и такъ какъ наши сношенія бывали то дружественны, то враждебны, но во всякомъ случаѣ близки, то я считаю нужнымъ обрисовать эту личность какъ дѣятеля того времени.

Хотя бывшій рязанскій губернаторъ и былъ звѣздою второй величины, но на немъ отражался блескъ родственнаго ему свѣтила. Объ его личности ходили разнообразные отзывы за время пребыванія его въ Рязани: отзывы эти были скорѣе ему неблагопріятны. Въ Ковно онъ ѣхалъ противъ своего желанія, по непремѣнному требованію отца. Дѣло въ томъ, что хотя онъ и говаривалъ, что

его считаютъ однимъ изъ лучшихъ губернаторовъ; но, въ сущности, онъ былъ что называется эпикуреецъ, bon vivant: хорошій столъ и хорошенькія женщины составляли для него всё. Онъ пожалуй былъ не прочь снова получить мѣсто губернатора, да только не подъ начальствомъ отца, который со службою не шутилъ, и котораго онъ боялся какъ огня. Злые языки разсказывали, что будто однажды отецъ, подобно Петру Великому, поколотилъ дубинкой сына, хотя послѣдній былъ уже въ генеральскомъ чинѣ. Я помню однажды, когда Николай Михайловичъ уже былъ губернаторомъ въ Ковно, мы втроемъ съ генералъ-лейтенантомъ Толстымъ, мѣстнымъ начальникомъ округа путей сообщенія, какъ мальчишки засидѣлись до пяти часовъ утра за картами, играя въ ландскнехтъ. Толстому везло, Муравьевъ горячился все удваивая ставку, и цифра проигрыша доросла до шести тысячъ рублей, когда онъ рѣшился прекратить игру. Такой проигрышъ его разстроивалъ, но уплачивая деньги, единственная его просьба была, чтобы не говорили объ этомъ его отцу, и взялъ съ насъ въ томъ честное слово.

Второю видною личностью въ Ковно былъ губернскій предводитель дворянства Карпъ: онъ когда-то служилъ въ гвардейскомъ уланскомъ полку, и для охраны себя отъ непріятностей съ русскимъ военнымъ начальствомъ считалъ нужнымъ всюду являться въ этомъ мундирѣ. Польскій уроженецъ и богатый панъ, онъ однако съумѣлъ быть настолько дипломатомъ, что сохранилъ свое званіе предводителя во все смутное время. Будучи представителемъ дворянства, которое находилось въ лѣсу съ оружіемъ въ рукахъ, или въ ковенскихъ тюрьмахъ, его роль дѣлалась чрезвычайно щекотливой, и я до сегодня не могу понять, какъ успѣлъ онъ удовлетворить несовмѣстимыя требованія русскихъ властей и повстанцевъ. Семья его была за границей, самъ же онъ находился безвыѣздно въ Ковно, но его можно было встрѣтить лишь въ оффиціальныхъ собраніяхъ; остальное время онъ былъ невидимъ.

Впрочемъ, мое замѣчаніе, что все дворянство было польское не совсѣмъ справедливо; въ числѣ помѣщиковъ было достаточно нѣмцевъ, что естественно: губернія наша, находясь между Познанью и Курляндіей въ которыхъ интеллигентный классъ составляютъ нѣмцы, не могла избѣжать ихъ наплыва. Скажу болѣе, смутное время это принесло имъ значительныя выгоды. Такъ какъ имѣнія польскихъ пановъ, подвергавшихся высылкѣ изъ губерніи, подлежали обязательной продажѣ, при чемъ пріобрѣтеніе ихъ не возбранялось иностраннымъ подданнымъ, лишь бы они не были католики, то много имѣній перешло къ нѣмцамъ, оставшимся въ прусскомъ подданствѣ; русскіе же вообще плохіе хозяева и если покупали имѣнія, то болѣе въ видахъ выгодности сдѣлки, и тутъ же искали нѣмца арендатора или управителя. Ежели выраженіе «Drang nach Osten» имѣетъ свое примѣненіе, то это именно въ

Ковенской губерніи. Изъ русскихъ землевладѣльцевъ по губерніи я слышалъ только о двоихъ: о графѣ Зубовѣ, получившемъ богатыя помѣстья въ Шавельскомъ уѣздѣ во времена Екатерины II, да объ Яковлевѣ, незначительномъ помѣщикѣ старикѣ-холостякѣ, промѣнявшемъ по какому-то случаю тульское имѣніе на Поневѣжское и жившемъ послѣднее время въ Ковно ради безопасности.

Принятая мною палата была преимущественно польскаго состава; изъ числа пятидесяти чиновниковъ не насчитывалось и десяти русскихъ. По инструкціи Муравьева, я долженъ былъ ее обновить: порученіе тягостное, потому что предстояло выгонять со службы людей неповинныхъ и лишать ихъ насущнаго хлѣба лишь за вину ихъ соплеменниковъ. Многіе изъ нихъ были люди безобидные, состарѣвшіеся на службѣ; а молодежь, которой приходилось отказывать отъ службы, силою обстоятельствъ должна была идти въ повстаніе если не въ отмщеніе, то ради средствъ къ жизни. Мѣру эту можно было бы съ пользой примѣнять постепенно; но обстоятельства требовали быстраго и крутаго переворота, тѣмъ болѣе, что мнѣ въ этомъ смыслѣ дѣлались подтвержденія.

Правда, необходимы были рѣшительныя мѣры; но именно эта безпечность въ спокойные дни и горячка въ минуты тревоги и составляютъ особенную черту русскаго характера, отражающагося и на администраторахъ. Глядя на русскую жизнь, часто приходятъ на умъ двѣ пословицы обрисовывающія насъ: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится; а ужъ начнетъ молиться, такъ и лобъ расшибетъ.

Для исполненія требованія Муравьева, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не наполнить палату русскими проходимцами, начинавшими набѣгать на поживу мѣстъ, мнѣ приходилось писать ко всѣмъ знакомымъ, прося о присылкѣ людей сколько нибудь подходящихъ. Самъ я понемногу знакомился съ дѣлами, отбирая ихъ отъ поляковъ предъ увольненіемъ и сосредоточивая ихъ въ немногихъ рукахъ, чтò при тогдашнемъ наплывѣ экстренныхъ дѣлъ приносило неоспоримый вредъ. Всѣ промахи сваливали на смутное военное время.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о трудности управленія, достаточно сказать, что по губерніи было конфисковано за мое время до тысячи имѣній, не считая домовъ въ городахъ. Всѣ эти имѣнія переходили въ вѣдѣніе палаты; каждое имѣніе съ движимымъ имуществомъ слѣдовало принять по описи и устроить въ немъ управленіе, ввѣривъ его чиновнику по волостямъ. Спрашиваю: была ли возможность, не говорю уже хорошо управлять, но даже добросовѣстно принять по описи и сохранить отъ расхищенія движимое имущество и инвентарь такого количества имѣній?

Однажды, сидя въ кабинетѣ у губернатора, я разсказывалъ ему о встрѣчаемыхъ мною затрудненіяхъ.

— Вы говорите, что у васъ нѣтъ достаточнаго числа русскихъ чиновниковъ? отвѣчалъ онъ мнѣ, пройдемте въ пріемную залу.

За тѣмъ, указавъ мнѣ на толпу лицъ представлявшихся ему, онъ прибавилъ:

— Вотъ выбирайте кого хотите; всѣ они прибыли изъ внутреннихъ губерній съ рекомендаціями.

Поговоря съ нѣкоторыми изъ нихъ, я пригласилъ восемь человѣкъ на службу по своему управленію, но не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ изъ нихъ только одинъ удержался на службѣ, остальнымъ я отказалъ отъ мѣстъ. Причины провинностей ихъ были разнообразны, но для примѣра разскажу объ одномъ изъ нихъ: это былъ отставной подполковникъ горнаго вѣдомства, котораго я для начала отправилъ принимать конфискованное имѣніе близъ Кейданъ. Донесеніе его должно уже было поступить въ палату, а между тѣмъ о немъ не было ни слуху, ни духу. Обезпокоенный за его участь, я сталъ опасаться, не покончили ли съ нимъ инсургенты и отправилъ въ имѣніе одного изъ надежныхъ русскихъ. Оказалось, что мой подполковникъ началъ пріемку съ виннаго погреба, а такъ какъ вина и водки было огромное количество, то онъ, чтобы составить имъ подробную опись, велѣлъ принести въ погребъ не только столъ и стулъ, но даже и кровать. Съ тѣхъ поръ онъ оттуда уже болѣе не выходилъ, проведя въ погребѣ двѣ недѣли.

Домà, конфискованные въ городахъ, представили другое затрудненіе: у жильцовъ съ арендаторами и владѣльцами домовъ были грошевые споры и процессы, а такъ какъ жильцы были все евреи, то дрязгамъ и доносамъ не было конца, и всѣ эти процессы палата, въ качествѣ новаго владѣльца, должна была принять на себя.

Хотя Ковенская губернія значится въ учебникахъ русскою, но въ ней считается только четыре процента русскаго населенія, сосредоточеннаго въ Александровскомъ уѣздѣ; остальное состоитъ изъ жмудинъ, говорящихъ однимъ языкомъ съ летами Курляндской губерніи; вся разница между ними заключается въ томъ, что курляндцы протестанты, а жмудины католики. Русскаго языка они не знаютъ, и не во всякомъ селеніи найдется человѣкъ могущій объясниться по-русски; въ опысываемое же мною время даже знающіе русскій языкъ скрывали это, опасаясь, что знаніе можетъ вовлечь въ бѣду. При такихъ условіяхъ очень трудно было разговаривать съ ними и приходилось имѣть всегда при себѣ переводчика, которые были большею частью поляки и нельзя было поручиться, чтобы они въ точности передавали сказанное, въ особенности когда приходилось убѣждать жителей оказывать сопротивленіе возстанію. Кромѣ того, это населеніе имѣло о Россіи и русскихъ самое смутное понятіе и, вдобавокъ, неблагопріятное, такъ какъ всѣ органы власти были до того времени въ рукахъ польскихъ пановъ, постоянно твердившихъ, что народу отъ правительства можно только ожидать

зла; да и ксендзы, имѣвшіе большое вліяніе на народъ, высказывались въ томъ же смыслѣ; русская власть проявлялась для населенія лишь въ рекрутскихъ наборахъ, да денежныхъ поборахъ. Жмудины, вообще, народъ грамотный, работящій, честный и упрямый.

То незначительное количество чисто русскаго населенія, которое числилось въ губерніи, состояло на половину изъ старообрядцевъ; населеніе это образовалось изъ потомковъ такъ называемыхъ панцырныхъ бояръ, когда-то пограничныхъ защитниковъ; это были землепашцы въ родѣ однодворцевъ; тутъ же былъ пришлый и бѣглый народъ и отставные солдаты. Между этимъ сборнымъ населеніемъ находилось много лицъ буйныхъ и склонныхъ къ грабежу; вообще русское населеніе не отличалось большими достоинствами.

Значительный процентъ въ населеніи имѣли евреи, группировавшіеся болѣе въ городахъ; а иныя мѣстечки были сплошь еврейскія. Возможность заниматься контрабандой и заграничнымъ сбытомъ хлѣба привлекала значительное число ихъ къ границѣ.

Н. М. Муравьевъ пріѣхалъ въ Ковно чрезъ двѣ недѣли послѣ моего прибытія; онъ привезъ отъ своего отца приказъ дѣятельно заняться очищеніемъ лѣсовъ въ уѣздахъ отъ шаекъ повстанцевъ, которые находили эту губернію особенно подходящею для ихъ подвиговъ именно потому, что тутъ было мало русскаго. Генералъ-губернаторъ, убѣжденный въ практичности сельскихъ карауловъ, послалъ сына, какъ близкое довѣренное лицо, устроить караулы подъ моимъ руководствомъ. Но здѣсь эта мысль не могла быть примѣнена потому, что не было того настроенія, которое встрѣчалось въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. На пановъ и ксендзовъ народъ смотрѣлъ съ почтеніемъ и, конечно, противъ нихъ не пошелъ бы. Какъ примѣръ повиновенія и страха населенія предъ повстанцами, разсказывали случай, что какіе-то два жмудина не исполнили приказа одного изъ лѣсныхъ воеводъ. Тогда къ нимъ въ селеніе явился одинъ полякъ-посланецъ и приказалъ имъ идти за собою въ лѣсъ, причемъ каждый долженъ былъ взять по веревкѣ; тѣ повиновались. Придя въ чащу, полякъ съ помощью одного изъ жмудинъ повѣсилъ другого на деревѣ; а потомъ самъ взялся за оставшагося и его также повѣсилъ, не встрѣтивъ со стороны обоихъ сопротивленія. Какіе же караулы можно было устроить съ подобными людьми?

Для исполненія однако воли генералъ-губернатора, мы организовали экспедицію, состоявшую изъ Энгельгардта, Муравьева и меня; насъ сопровождалъ конвой изъ взвода драгунъ Псковскаго полка и роты Астраханскаго на подводахъ. Мы отправились въ уѣзды Ковенскій и Вилькомірскій для объясненія населенію мѣръ правительства по надѣлу его землею и требованій его содѣйствія для охраны дорогъ отъ повстанцевъ, о появленіи которыхъ жители обязаны были доносить. Самъ же я, сверхъ того, долженъ былъ ознакомиться съ управленіемъ лѣсничества и казенныхъ крестьянъ.

Большихъ результатовъ этой поѣздкой достигнуть мы не могли, но самое уже появленіе высшихъ губернскихъ властей съ войскомъ въ селеніяхъ должно было подготовить населеніе къ рѣшительнымъ мѣрамъ, которыя предстояло принять.

Мы ѣхали рысцей на подводахъ, а подъѣзжая къ лѣсу двигались медленнѣе: по бокамъ и впереди насъ шла цѣпь стрѣлковъ, охранявшая отъ нечаянныхъ нападеній. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ приближаясь къ лѣсу, мы издали видѣли конныхъ сторожевыхъ, которые, замѣтивъ насъ, скрывались въ лѣсу; это давало намъ основаніе предполагать, что о нашемъ путешествіи были предувѣдомлены повстанцы и что эти стражники были выставлены для извѣщенія. Вѣроятно, однако, сила нашей охраны не допустила рискнуть на насъ нападеніемъ, хотя инсургентамъ было бы пріятно взять насъ въ плѣнъ. Мы совершили объѣздъ безъ военныхъ приключеній.

Если я не видѣлъ инсургентовъ, то могъ видѣть хозяйство трудолюбиваго жмудскаго населенія. Почва и климатъ благопріятны земледѣлію; но въ Россіи есть губерніи еще лучше надѣленныя природою въ этомъ отношеніи, а между тѣмъ жители бѣдствуютъ, здѣсь же сельское хозяйство стоитъ на высокой степени развитія сравнительно съ другими губерніями. Система хозяйства фермерная, многопольная и каждый владѣлецъ или арендаторъ клочка земли практикуетъ травосѣяніе, вслѣдствіе этого и скотъ у него хорошъ. Губернія вполнѣ земледѣльческая, земли хорошо обработаны и высоко цѣнятся; сбытъ продуктовъ обезпеченъ и идетъ по Нѣману сплавомъ въ Пруссію; евреи служатъ посредниками сдѣлокъ, но здѣсь они не составляютъ такой язвы, какъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, слѣдовательно населеніе болѣе устойчиво и не даетъ въ такой степени эксплуатировать себя. Лучшимъ уѣздомъ считается Поневѣжскій, худшимъ—Александровскій, преимущественно населенный русскими.

Какъ языкъ и обычаи, такъ и хозяйство напоминаютъ сосѣднюю Курляндію. Участками земли владѣютъ такъ называемые хозяева; менѣе значительные клочки земли находятся въ вѣдѣніи полухозяевъ, у которыхъ хозяйство не имѣетъ необходимой полноты, у нихъ нѣтъ пастбищъ, лѣсныхъ надѣловъ; затѣмъ слѣдующую ступень составляютъ огородники, владѣющіе лишь усадьбой, да огородомъ; наконецъ, имѣются бобыли или работники; которые, большею частью, служатъ у другихъ по найму и добиваются улучшенія своего состоянія, проходя постепенно трудомъ и бережливостью земледѣльческую іерархію. Земли помѣщичьи, раздѣленныя на участки или фольварки, сдаются въ аренду хозяевамъ, при чемъ фольварки надѣлены всѣми хозяйственными постройками, а хозяинъ приноситъ съ собою всю движимость, капиталъ и трудъ.

Не знаю на сколько послѣдствія возстанія, освобожденіе крестьянъ и щедрое надѣленіе ихъ землею, измѣнили въ послѣднія де-

вятнадцать лѣтъ бытъ народа: я описываю 1863 годъ; это время имѣло сходство съ лабораторіей, въ которой различные элементы были приведены въ броженіе. Возможно даже, что земельный вопросъ былъ однимъ изъ поводовъ возстанія пановъ.

Въ качествѣ спеціалиста по устройству сельскихъ карауловъ, какъ величалъ меня генералъ-губернаторъ, я истолковывалъ населенію чрезъ переводчиковъ суть дѣла. Считаясь также начальникомъ казенныхъ крестьянъ, которыхъ въ губерніи имѣется до двухъ сотъ тысячъ душъ, я тутъ же дѣлалъ распоряженія: выбирались люди и снабжались за неимѣніемъ ружей дубинами; такой караулъ поручался выборному начальнику. Крестьяне съ видимой неохотой подчинялись этому нововведенію; русскихъ солдатъ въ караулы не включали, такъ какъ этимъ подвергали бы ихъ опасности посреди чуждаго населенія. Впрочемъ, по донесеніямъ въ скорости доставленнымъ мнѣ, судьба этихъ импровизированныхъ карауловъ была слѣдующая: какъ только мы удалились на нѣсколько переходовъ, къ селеніямъ, гдѣ были караулы, явились партіи повстанцевъ. Крестьяне безъ сопротивленія побросали дубины, но тѣмъ не менѣе караулы подверглись тѣлесному наказанію поголовно; начальники карауловъ если не бѣжали, то были повѣшены, а незначительное число розданныхъ ружей было отобрано въ шайки. Моя русская система охраны потерпѣла между жмудинами полное фіаско.

Гораздо болѣе успѣха должна была имѣть другая мѣра, предложенная Муравьеву сыномъ мѣстнаго управляющаго акцизными сборами, прапорщикомъ артиллеріи Палицынымъ. Бойкому предпріимчивому молодому офицеру пришло на мысль примѣнить въ борьбѣ съ шайками ихъ же систему, а именно организовать партизанскіе отряды. Отряды эти, составленные изъ охотниковъ, не стѣсненные никакими опредѣлительными предписаніями, съ отличнымъ вооруженіемъ, дающимъ имъ значительный перевѣсъ надъ инсургентами, должны были достичь рѣшительныхъ результатовъ. Мысль эта была одобрена Михаиломъ Николаевичемъ и приведена въ исполненіе. Нѣсколько летучихъ отрядовъ дѣйствовали самостоятельно, снабженные только общими инструкціями съ обозначеніемъ каждому центра и приблизительнаго района дѣятельности; при преслѣдованіи же отысканной банды, отрядъ могъ не стѣсняться пространствомъ. Тутъ не было никакой канцелярской переписки и слѣдовательно тайна экспедиціи не могла быть оглашена. Евреи-шпіоны сообщали отряду свѣдѣнія, не боясь мщенія повстанцевъ, и сами заработывали деньги, принося безспорную пользу.

Независимо этихъ партій, которыя могли служить лишь какъ дополненіе къ общей системѣ замиренія края, по всей губерніи двигались вооруженные отряды, частымъ появленіемъ своимъ убѣждая населеніе, что русская власть есть нѣчто осязательное. Правда, что эти прогулки требовали значительнаго количества войска на

губернію; но его теперь въ пограничныхъ мѣстностяхъ было достаточно. Во время передвиженій случилось одному отряду увлечься преслѣдованіемъ и перейти прусскую границу, что̀ составляло уже международный вопросъ; но Пруссія относилась къ Россіи симпатично и дѣло окончилось гладко, даже обошлось безъ разоруженія отряда, какъ бы то слѣдовало по правиламъ конвенціи. Пруссія съ своей стороны гораздо добросовѣстнѣе Австріи наблюдала свою границу отъ перехода шаекъ и преслѣдовала ихъ у себя, такъ какъ въ Познани, тоже польской землѣ, соплеменныя волненія отозвались смутами, хотя далеко не въ такой степени какъ у насъ.

Старообрядцы тоже захотѣли принять участіе въ общемъ дѣлѣ защиты края, тѣмъ болѣе, что, оставаясь пассивными зрителями, они могли потерять симпатіи правительства. Какъ для собственной защиты, такъ и для преслѣдованія инсургентовъ, имъ нужно было оружіе, а оно мѣрами полиціи повсюду отбиралось и для храненія его въ домѣ требовалось особое разрѣшеніе. Поэтому старовѣры и вообще русскіе люди стали толпами появляться въ Ковно, прося и даже настойчиво требуя оружія. Депутаціи ихъ ѣздили въ Вильно къ Муравьеву, который призналъ ихъ желанія вполнѣ основательными и приказалъ вооружить ихъ. Эта мѣра, однако, принесла болѣе вреда, чѣмъ пользы: неорганизованныя толпы, безъ руководителей и дисциплины, сдѣлались грозою мирныхъ жителей и представили изъ себя какія-то шайки разбойниковъ. Въ виду усиленныхъ жалобъ населенія, возмущеннаго ихъ поступками, послѣдовало въ скоромъ времени распоряженіе объ отобраніи у нихъ оружія.

Въ наиболѣе населенныхъ пунктахъ уѣзда учреждены были военныя становыя квартиры; становые начальники должны были знать все, что̀ дѣлается въ ихъ участкѣ; у нихъ сосредоточивались свѣдѣнія о всѣхъ жителяхъ и ихъ родѣ занятій; они зорко наблюдали за всѣми окрестными помѣщичьими имѣніями, владѣльцы которыхъ со своими семействами были подчинены становому, и имъ воспрещенъ былъ выѣздъ изъ имѣнія, безъ особаго каждый разъ на то разрѣшенія и по билету. Отпуски эти давались дня на три и то по уважительнымъ причинамъ. Отъ пановъ о томъ отобраны были подписки; нарушеніе обязательства вело къ крупному денежному штрафу, а иногда и къ конфискаціи имѣнія. Въ значительныхъ усадьбахъ были отведены помѣщенія для офицеровъ мѣстныхъ войскъ, которые, конечно, дѣлались свидѣтелями того, что̀ затѣвалось въ имѣніи. Жители селеній обязаны были подъ опасеніемъ штрафа немедленно сообщать въ станъ, ежели шайка появлялась у нихъ. Съ подобной системой надзора, строго соблюдаемой и поддерживаемой военною силою, шайки могли только укрываться въ лѣсахъ, но нужда въ продовольствіи скоро выдавала ихъ присутствіе. Военные становые, получая хорошій окладъ, дорожили мѣ-

стами, а войска, состоя на усиленномъ содержаніи, легко выносили трудности походовъ по лѣсамъ.

Первая гвардейская дивизія смѣнила вторую и спѣшила отличиться. Дѣйствія ея были успѣшны. Недалеко отъ Ковно у станціи Жосли полковникъ Ковалевскій съ батальономъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка настигъ и разбилъ значительную шайку. Но на долю гвардіи доставались и тяжелыя минуты, къ которымъ можно отнести дѣло подъ Попелянами. Лейбъ-гвардіи стрѣлковый батальонъ, бывшій подъ начальствомъ полковника Данилова 2-го, ходилъ на поиски, когда ему было сообщено, что сильная банда инсургентовъ находится въ лѣсу близъ Попелянъ. Доносчикъ вызывался даже навести войско на мѣсто стоянки, и говорилъ, что въ этой бандѣ чуть ли не самъ Мацкевичъ, имя котораго было извѣстно какъ главнаго воеводы всѣхъ силъ ковенскихъ повстанцевъ. Мацкевичъ былъ ксендзъ, проникнутый глубокою ненавистью ко всему русскому. Онъ участвовалъ во многихъ стычкахъ, но постоянно ускользалъ отъ преслѣдованія; въ рукахъ его сосредоточивалась касса, питавшая возстаніе, и понятно, что захватъ такой личности могъ имѣть большое вліяніе на замиреніе края.

Для русскихъ войскъ весь вопросъ заключался въ томъ, чтобы знать гдѣ непріятель, въ успѣхѣ же боя при встрѣчѣ съ нимъ не могло быть сомнѣнія, и потому стрѣлки немедленно послѣдовали за проводникомъ, и такимъ образомъ были поведены на засаду. Въ густомъ лѣсу устроена была крѣпкая засѣка, которую нельзя было обойти съ фланговъ, прикрытыхъ болотомъ; приходилось атаковать съ фронта, но дальняя перестрѣлка, выгодная для войска, имѣвшаго штуцера, дѣлалась невозможною въ чащѣ, и какъ только цѣпь подошла на близкое разстояніе, то невидимый врагъ изъ-за прикрытія осыпалъ ее пулями. Непріятель былъ подъ рукой, а взять его было нельзя. Три раза бросались стрѣлки на засѣку, то въ ротныхъ колоннахъ, то сильною цѣпью; офицеры показывали примѣръ, становясь впереди солдатъ, но инсургенты били ихъ на выборъ и молодой народъ валился подкошенный. Пришлось отказаться отъ нападенія. Даниловъ приказалъ играть отбой и на своихъ плечахъ вынесъ подъ выстрѣлами раненаго сотоварища. Тяжело было у стрѣлковъ на душѣ, тѣмъ болѣе, что подобный случай выпалъ на долю отборнаго войска, и кровная жертва его могла служить къ ободренію возстанія. Батальонъ однако не упалъ духомъ и рѣшился добраться до врага; собраны были справки и открытъ обходный путь; но чрезъ два дня шайки простылъ и слѣдъ. Она сдѣлала свое дѣло.

Іюнь, іюль, августъ и сентябрь 1863 года были временемъ, когда борьба правительства съ возстаніемъ находилась въ самомъ сильномъ развитіи, и если правительство, сознавая необходимость скорѣе покончить съ мятежемъ, усиливало мѣры, то и народовая справа

употребляла всѣ усилія, чтобы доказать Европѣ, на вмѣшательство которой она разсчитывала, что возстаніе не подавлено, силы его не сломлены и что поляки имѣютъ право на помощь запада. Но на бѣду, своими террористическими дѣйствіями они утратили всѣ симпатіи образованныхъ странъ. Жондъ надѣялся поддержать свое вліяніе средствами устрашенія какъ русскихъ, такъ и поляковъ. У нихъ имѣлись отряды вѣшателей и отряды кинжальщиковъ; это не были бойцы за независимость Польши, а палачи, исполнители приговоровъ жонда подпольнаго. Помѣщики, не исполнившіе какого нибудь требованія, подвергались ихъ посѣщенію, которое оканчивались трагически; въ этомъ случаѣ для бóльшаго устрашенія лицъ близъ убитаго оставлялась записка, чтò производило свое дѣйствіе на многихъ. Нерѣдко бывали случаи убійствъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, какъ напримѣръ рабочихъ при фермахъ, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они русскіе, и эти убійства сопровождались безцѣльными жестокостями: вырѣзывали на груди кожу въ видѣ кровавыхъ отвороть, или въ видѣ сердца; вѣшали за ноги внизъ головой, пока несчастный не исходилъ кровью и т. д.

Одною изъ жертвъ подобнаго приговора былъ полякъ, виленскій губернскій предводитель дворянства Домейко, человѣкъ всѣми уважаемый и благоразумный. Онъ не подчинился какимъ-то распоряженіямъ «жонда» и высказалъ сожалѣніе, что поляки сами губятъ себя и благосостояніе родины своими дѣйствіями. Однажды къ нему явился молодой человѣкъ и объявилъ, что имѣетъ сообщить ему нѣчто важное. Домейко принялъ его въ кабинетѣ, стоя за письменнымъ столомъ; посѣтитель подалъ ему письмо и тутъ же ударилъ его кинжаломъ; къ счастію ударъ былъ не смертеленъ. Домейко имѣлъ довольно силы обороняться, пока не прибѣжали люди, задержавшіе убійцу. Раненый пролежалъ въ постелѣ мѣсяцъ и со стороны Муравьева ему было оказано самое живое участіе.

Энтузіазмъ и часто фанатизмъ польскихъ женщинъ не зналъ границъ; можно сказать что онѣ были душею возстанія, а мущины только исполнителями. Характеръ полекъ вообще экзальтированный, но въ національномъ вопросѣ жертвы ихъ не знали границъ; всѣмъ извѣстенъ напримѣръ адъютантъ Лангевича, одного изъ видныхъ предводителей возстанія; это была молодая дѣвушка Пустовойтова, мать которой, сама полька, воспитала дочь согласно своимъ симпатіямъ. Примѣры такой готовности женщинъ переносить лишенія и военные труды, были тогда не въ рѣдкость. Въ то время какъ молодежъ уходя въ банду располагалась въ лѣсу, дѣвицы порядочныхъ семействъ носили имъ туда по ночамъ провизію, подвергаясь всѣмъ опасностямъ, а нѣкоторыя считали даже нужнымъ приносить лично себя въ жертву толпѣ, не считая это безчестіемъ, хотя до того времени ихъ репутація была безупречна.

Я зналъ въ Ковно молодого офицера, отданнаго подъ судъ за

то, что тотъ далъ уйдти арестованному инсургенту; онъ объяснялъ мнѣ дѣло слѣдующимъ образомъ:

«Я зналъ ихъ семейство еще прежде и, признаюсь, немножко ухаживалъ за сестрою поляка; она была гордая красавица, съ хорошимъ состояніемъ и, конечно, я мало разсчитывалъ на взаимность; нашего брата русскаго онѣ не любятъ.

«Во время возстанія, меня назначили военнымъ становымъ приставомъ и какъ разъ въ тотъ округъ, гдѣ было ихъ имѣніе. Братъ дѣвушки принялъ начальство надъ бандой и ушелъ до лясу; но евреи сообщили, что онъ пріѣзжаетъ по ночамъ въ усадьбу. Исполняя свой долгъ, я рѣшился арестовать его и, взявъ съ собою конвой, отправился въ имѣніе; и точно, полякъ былъ тамъ и мы его накрыли. Я хотѣлъ уже сдѣлать распоряженіе объ отправленіи его, какъ въ комнату ко мнѣ вошла моя красавица и въ слезахъ объявила, что съ уходомъ брата въ банду, а теперь арестованіемъ его, она остается беззащитною, и что имѣніе ихъ къ тому же будетъ конфисковано. Братъ ея, чтобы обезпечить ея будущность, далъ ей совѣтъ выйдти за русскаго замужъ, чрезъ что она будетъ имѣть покровителя и даже можетъ быть имѣніе останется за нею.

— Я всегда чувствовала къ вамъ расположеніе, говорила она, но не желала жертвовать своими національными убѣжденіями; теперь же, если хотите, я ваша.

«Это предложеніе вскружило мнѣ голову; я видѣлъ искренность ея намѣренія въ томъ обстоятельствѣ, что она предложила закрѣпить свое слово немедленно предъ ксендзомъ и двумя свидѣтелями. Ксендзъ долженъ былъ благословить насъ, и хотя это не могло считаться бракомъ, но связывало ее предъ лицемъ Бога. Дѣло должно было сдѣлаться секретно; съ ея стороны свидѣтелемъ являлся ея братъ, а съ моей—одинъ изъ людей конвоя. Все это происходило ночью, ксендзъ жилъ недалеко и мы отправились туда вчетверомъ, причемъ я поручилъ свидѣтелю-конвойному присматривать за братомъ. Ксендза однако не оказалось дома, и его не ожидали ранѣе утра; тогда моя невѣста, чтобы убѣдить меня въ своей любви, предложила отдаться мнѣ теперь же, проведя съ нею ночь на правахъ мужа. Братъ ея и мой свидѣтель должны были ночевать въ сосѣдней комнатѣ; она все это устроила съ помощью служанки. Чтò могъ я влюбленный сказать противъ всего этого, и могъ ли подозрѣвать, что моя будущая семья устроитъ бѣгство, подведя меня подъ судъ?

«Я провелъ счастливую ночь, но утромъ оказалось, что арестантъ мой скрылся, и моя возлюбленная при мнѣ разсказала возвратившемуся ксендзу, какъ она пожертвовала честью ненавистному москалю, чтобы спасти брата. Оказалось, что я въ глазахъ ея былъ Олофернъ, а она разыграла роль Юдифи; о свадьбѣ конечно уже не было помину, а меня отдали подъ судъ».

Я знакомъ былъ съ семействомъ Бялозоръ, имѣніе котораго находилось близъ Ковно; это одна изъ видныхъ фамилій края; семья состояла изъ главы семьи, сидѣвшаго въ тюрьмѣ за участіе въ мятежѣ, его жены, двухъ взрослыхъ дочерей и двухъ сыновей мальчиковъ. Мать, женщина нервная и пропитанная ненавистью къ русскимъ, постоянно шепталась съ ксендзомъ, считавшимся своимъ человѣкомъ въ домѣ. Она мнѣ все выражала опасеніе, чтобы русскіе офицеры, помѣщенные въ ихъ усадьбѣ, не сдѣлали насилія надъ ея дочерьми, хотя тѣ, какъ я зналъ, не давали ни малѣйшаго повода къ подобному предположенію. Однажды, я оказалъ ей услугу, помѣстивъ одного изъ ея сыновей въ учебное заведеніе въ Петербургѣ. Выражая мнѣ признательность, она высказала слѣдующую откровенность на счетъ своихъ чувствъ:

— Я желала бы найдти, говорила она, между русскими лучшаго человѣка, для того, чтобы на немъ излить всю накипѣвшую во мнѣ злобу; всѣхъ же остальныхъ русскихъ я слишкомъ презираю и ненавижу».

Эти слова лучше всего говорятъ, до какой степени сильна вражда двухъ родственныхъ національностей и какъ мало надежды, чтобы между ними когда либо послѣдовало искреннее примиреніе. Будемъ ждать, когда время въ своемъ горнилѣ сплавитъ ихъ!

V.

Обрусѣніе края. — Продажа секвестрованныхъ имѣній. — Еврей-благодѣтель. — Надѣленіе имѣніями чиновниковъ.—Улучшеніе быта духовенства.—Поземельная лотерея.—Самодѣятельность полиціи.—Принятіе православія.—Губернаторъ подъ надзоромъ. — Вице-губернаторъ Корецкій.—Епископъ Александръ.—Князь Яшвиль. — Полковникъ Новоселовъ. — Соблазнительница. — Жмудскій епископъ. — Кровавая драма.

Я говорилъ выше, что Ковенская губернія только числилась русскою, но, въ дѣйствительности, русскаго населенія въ ней былъ самый ничтожный процентъ. Всѣ мѣры генералъ-губернатора направлены были на обрусѣніе края, а это можно было достигнуть лишь укрѣпленіемъ земли за русскими людьми; въ этомъ духѣ и слагались распоряженія Муравьева; они заключались въ слѣдующихъ мѣрахъ: 1) Въ содѣйствіи частнымъ лицамъ по пріобрѣтенію секвестрованныхъ имѣній. 2) Въ отдачѣ служащимъ въ краѣ чиновникамъ конфискованныхъ имѣній въ видѣ наградъ на льготныхъ правахъ. 3) Въ улучшеніи быта русскаго духовенства посредствомъ отдачи приходу казенныхъ земельныхъ участковъ. 4) Въ надѣлѣ пришлаго русскаго населенія крестьянскими усадьбами и землею.

---

1) Пріобрѣтеніе имѣній частными лицами.

Этотъ способъ перехода имѣній въ русскія руки, а иногда и въ нѣмецкія, заключался въ слѣдующемъ: между покупателемъ русскимъ и полякомъ продавцемъ дѣлалось условіе о покупкѣ имѣнія. Прежній владѣлецъ, большею частію замѣшанный или заподозрѣнный въ участіи въ возстаніи, высылался во внутреннія русскія губерніи, имѣніе секвестровали, а ему предлагалось продать имѣніе въ теченіи двухъ лѣтъ какому нибудь вѣрноподданному. Кромѣ того, на имѣніе налагалась ежегодная контрибуція не ниже десяти процентовъ съ дохода. Владѣлецъ, понуждаемый срокомъ и налогомъ, дѣлался уступчивѣе; къ тому же смуты въ краѣ, разстраивавшія хозяйство, и отсутствіе покупателей понижали цѣну имѣнія; понятно, что при такихъ условіяхъ имѣніе отдавалось задешево. Правительство содѣйствовало покупкѣ, давая въ ссуду денежныя средства; одно время выдача ссудъ была возложена на общество взаимнаго поземельнаго кредита, которому изъ казны дано было для этой цѣли пять милліоновъ рублей.

Тѣмъ не менѣе поляки разставались съ имѣніями неохотно и употребляли разныя ухищренія, чтобы отсрочить продажу. Такъ напримѣръ, я знаю имѣніе, которое было запродано пяти разнымъ лицамъ; задатки взяты, но купчая не совершена, владѣлецъ же представлялъ покупателямъ вѣдаться между собою, доказывая свои права предъ судомъ и сенатомъ, а до судебнаго рѣшенія имѣніе со всѣми доходами считалось собственностью прежняго владѣльца. Или употреблялся слѣдующій способъ: для совершенія купчей владѣльцу разрѣшалось прибыть изъ мѣста ссылки на родину, на опредѣленный срокъ; владѣлецъ, пріѣхавъ и получивъ задатокъ, начиналъ скрываться отъ покупателя и по истеченіи срока отпуска, ссылаясь на обязанность вернуться отъ куда прибылъ, оставлялъ сдѣлку неоконченною, хотя онъ высказалъ готовность исполнить требованіе правительства. Втайнѣ же онъ надѣялся, что обязательный двухлѣтній срокъ продажъ, съ перемѣною политическихъ обстоятельствъ, будетъ отмѣненъ; во всякомъ случаѣ онъ держался мудрой русской пословицы: часъ минетъ—вѣкъ живетъ.

А былъ однажды слѣдующій случай покупки имѣнія: одинъ бѣдный чиновникъ изъ русскихъ собирался жениться и пришелъ къ знакомому еврею просить о ссудѣ ему трехсотъ рублей.

— На что̀ вамъ нужны деньги?

— Да на обзаведеніе къ свадьбѣ и на хозяйство; все же хоть первый годъ будутъ средства, а тамъ можетъ быть и имѣніе дадутъ, говорилъ шутя чиновникъ; слышно, что ихъ будутъ раздавать всѣмъ русскимъ поголовно».

— А вы не ждите раздачи и купите сами.

— Полно шутить! были бы деньги, не пришелъ бы я занимать у тебя трехъ сотъ рублей.

— Я не шучу, говорилъ жидъ,—покупайте имѣніе Н—скаго пана; за него просятъ двадцать тысячъ рублей, но подъ секвестромъ его раззоряютъ, и я устрою, чтобы вамъ уступили за пятнадцать тысячъ: деньги внесу я отъ вашего имени. Имѣніе стоитъ гораздо дороже, оно можетъ давать три тысячи рублей дохода, только пану приказано его скорѣй продать, а иначе даромъ отберутъ, а мнѣ его купить нельзя; вотъ вы за меня и покупайте на свое имя, мнѣ и закладной не надо: вы мнѣ сдадите по контракту всѣ корчмы и оброчныя статьи въ аренду и напишете росписку, что всѣ деньги за двѣнадцать лѣтъ получили впередъ сполна, вотъ мы и будемъ квиты. Къ тому времени у васъ будутъ дѣтки большіе, и большое имѣніе безъ долгу. А въ благодарность за то, что я васъ устраиваю вы мнѣ подарите вашъ лѣсъ на срубъ.

— Бери, что̀ хочешь, только все же мнѣ нужно триста рублей на сватьбу, а я ихъ не вижу.

— Да коли будутъ знать, что вы купили такое имѣніе на чистыя деньги, такъ вамъ всякій дастъ въ долгъ не триста, а три тысячи рублей.

Сдѣлка состоялась и чиновникъ сталъ помѣщикомъ, а еврей получалъ доходы. Кромѣ того, онъ продалъ подаренный лѣсъ крестьянамъ по участкамъ и выручилъ за него болѣе 12.000 рублей.

2) Награжденіе чиновниковъ имѣніями.

Проектъ о надѣленіи служащихъ въ краѣ чиновниковъ имѣніями былъ относительно ихъ мѣрою справедливою: на этихъ лицъ пала вся тяжесть труда по умиротворенію края, хотя это напоминало исторію завоеваній феодальныхъ временъ. Конфискованныхъ имѣній было множество, и хотя сельское хозяйство въ нихъ было сложное и не подходило подъ уровень чиновничьихъ агрономическихъ познаній, но за полученіемъ этихъ имѣній гнались вслѣдствіе выгодности условій, на которыхъ они были передаваемы казной. Земли были хорошія, арендныя цѣны на нихъ росли ежегодно; а между тѣмъ казенная оцѣнка была самая ничтожная, и кромѣ того, получавшій имѣніе за оцѣночную сумму, обязанъ былъ уплатить ее въ теченіе двадцати лѣтъ безъ процентовъ.

Такимъ образомъ бывало, что имѣніе, оцѣненное въ пять тысячъ рублей, приносило въ дѣйствительности полторы тысячи рублей дохода, а окупалось въ двадцатилѣтній срокъ платой по 250 рублей. Случалось и такъ, что одною продажею лѣса съ полученнаго участка выручалась сумма, превышавшая оцѣнку. Мѣра эта послужила поводомъ къ разнымъ комбинаціямъ и интригамъ.

3) Надѣленіе духовенства землями.

Во всѣхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ исповѣдуютъ православіе, существовали комитеты для улучшенія быта православнаго духовенства. Комитеты эти составлялись изъ трехъ лицъ: губернатора, мѣстнаго архіерея и управляющаго палатою государственныхъ имуществъ. Потребноть въ разрѣшеніи этого вопроса давно сознана, а духовенство все бѣдствуетъ, и изъ матеріальныхъ интересовъ враждуетъ со своей паствой. Почему дѣло не двигается, Богъ вѣсть! Я знаю, напримѣръ, что въ Владимірской губерніи имѣется болѣе тысячи приходскихъ церквей, и поэтому, чтобы обезпечить числящійся при каждой церкви причтъ, потребовались бы слишкомъ значительныя суммы, а отводимыя тридцать десятинъ земли не могутъ прокормить служителей церкви съ семьями. По поводу этого вопроса можно бы сказать многое, но я разскажу, какъ онъ былъ быстро и удовлетворительно разрѣшенъ въ Ковенской губерніи. Конечно, это можетъ быть объяснено двумя причинами: необходимостью покончить съ вопросомъ и малочисленностью русскаго духовенства: по всей губерніи сельскихъ церквей было не болѣе десяти и въ числѣ ихъ были до такой степени бѣдныя, что храмъ имѣлъ видъ разрушающагося сарая; колокола висѣли на двухъ стойкахъ съ перекладиной, а священникъ съ семьей жилъ въ хлѣву до того вонючемъ, что я не рѣшился войти. — Я вспомнилъ при этомъ разсказъ, слышанный мною еще въ дѣтствѣ; какъ въ одну изъ поѣздокъ государя Александра I по Россіи ему пришлось случайно остановиться въ бѣдномъ селѣ, гдѣ для него не нашлось помѣщенія, чтобы пробыть часа два нужныхъ для исправленія экипажа. Онъ рѣшился пойти въ мѣстную церковь, и тамъ священникъ встрѣтилъ его у входа съ крестомъ въ рукѣ слѣдующимъ привѣтствіемъ: «Царь земной, войди въ обитель Царя небеснаго!»

Обитель эта имѣла до того несчастный видъ, что государь, пораженный сравненіемъ, тутъ же велѣлъ выдать тридцать тысячъ рублей на устройство храма.

Въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ Вильно, я разсказывалъ генералъ-губернатору о видѣнномъ мною, и о пользѣ для русскаго дѣла въ болѣе приличной обстановкѣ ковенскихъ священниковъ.

— А что̀ бы вы полагали сдѣлать для нихъ? спросилъ меня Михаилъ Николаевичъ.

— Надѣлить землею въ достаточномъ количествѣ; десятинъ по триста на церковь.

— Есть у васъ свободныя земли для нихъ?

— Найдутся, отвѣчалъ я.

— Такъ извольте распорядиться, и чтобы черезъ двѣ недѣли былъ вами представленъ проектъ надѣла и указаны участки.

Приказаніе это было въ точности исполнено: изъ палаты посланы были предписанія чиновникамъ по волостямъ лично переговорить съ священниками, чтобы тѣ указали казенные участки земли, которые, находясь вблизи церквей, могли бы удовлетворить ихъ нужды. Отъ меня было прибавлено, что этого требуетъ Муравьевъ, и магическое имя его произвело свое дѣйствіе. Чрезъ недѣлю свѣдѣнія были доставлены, указанія провѣрены по планамъ въ люстраціонномъ и хозяйственномъ отдѣленіяхъ и донесеніе было у генералъ-губернатора въ назначенный срокъ. Еще прошла недѣля и проектъ былъ утвержденъ имъ и приводился въ исполненіе: радостные священники съѣзжались въ Ковно выслушать благую вѣсть. На причтъ каждой церкви отводился участокъ земли отъ 150 до 300 десятинъ, смотря по доходности, а тѣ участки, которые были заарендованы переходили въ ихъ собственность съ обязательствомъ оставить контракты въ силѣ до срока.

4) Надѣлъ землею крестьянъ.

Надѣленіе участками земли русскихъ крестьянъ и отставныхъ солдатъ представляло болѣе затрудненій: для этого требовалось время и усидчивыя работы; нужно было привести въ извѣстность всѣ казенныя земли, подлежащія раздачѣ; нужно было раздѣлить ихъ на участки примѣрно въ десять десятинъ на семью; нужно было привести въ извѣстность число лицъ желающихъ получить земельные надѣлы.

Въ Ковенской губерніи, за исключеніемъ лѣсовъ, вовсе не имѣется большихъ казенныхъ участковъ; сообразно мѣстному хозяйству, земли раздѣлены на фольварки десятинъ въ 150, рѣдко крупнѣе, но иногда попадаются клочки земли не болѣе полудесятины. Всѣ свѣдѣнія о земляхъ сосредоточивались въ люстраціонномъ отдѣленіи палаты, которому достался весь кропотливый трудъ. Такъ какъ земли въ губерніи цѣнятся высоко, то свободныхъ земель было мало и пришлось прибѣгнуть къ макіавелевской политикѣ: всѣ фермы и фольварки находились въ арендѣ по контрактамъ у поляковъ; въ контрактахъ значилось, что переданныя на земляхъ строенія должны содержаться въ исправности подъ опасеніемъ уничтоженія договора. Такъ какъ нѣтъ возможности въ каждую данную минуту имѣть всѣ постройки исправными, то этотъ пунктъ послужилъ предлогомъ. Фермы были отобраны и также раздѣлены на участки.

Чтобы привести въ извѣстность число лицъ желающихъ селиться, при палатѣ были заведены книги, въ которыя вписывался каждый желающій получить надѣлъ. Надѣлы эти раздавались безденежно и потому не требовалось особой публикаціи, чтобы привлечь желаю-

щихъ. Цѣлыя тысячи именъ испещряли книги; причемъ семейные люди вписывались въ особыя рубрики въ полномъ составѣ семейства; для этихъ предназначались участки съ готовыми строеніями; для бобылей же имѣлись въ виду даже полудесятинные участки.

Раздача участковъ должна была производиться всенародно, по жеребью. Въ назначенный день, заранѣе объявленный по всей губерніи, предъ палатою, помѣщавшеюся на площади, собрались тысячи народа; было много женщинъ съ грудными дѣтьми пришедшими издалека. Сколько помню это было въ Троицу; день былъ солнечный, массы крестьянъ расположились вокругъ зданія сидя и лежа; окна нижняго этажа палаты, гдѣ производилась терація, были открыты настежъ. Несмотря на скопленіе народа, порядокъ не былъ ни на минуту нарушенъ; дѣло было необычайное, торжественное; изъ числа многотысячной массы нѣсколько сотъ лицъ дѣлались богачами-собственниками, получая участки стоимостью въ тысячу и болѣе рублей.

Въ залѣ палаты находились колеса съ нумерами, подъ которыми были записаны претенденты; въ другихъ были нумера участковъ подлежащихъ раздачѣ. Для удостовѣренія въ личности требовались или документы, или поручительство шести лицъ. Предъ началомъ, вмѣсто молебна была прочтена молитва Господня, одинаково чтимая православными и раскольниками, и работа началась. Изъ народа были отряжены выборные, которые должны были провѣрять ходъ дѣла; къ колесамъ поставлены были крестьянскіе мальчики, знающіе грамоту. Номера громко прочитывались и, по свѣркѣ съ книгою, имя счастливца сотнями голосовъ выкрикивалось по площади; радость этихъ избранныхъ могутъ понять только лица выигравшія двѣсти тысячъ рублей; ошибокъ не было, не было и недовольныхъ. Это былъ первый опытъ; впослѣдствіи предполагалось надѣлить и всѣхъ остальныхъ, а пока въ утѣшеніе неполучившимъ участковъ были выданы номера подъ которыми они попали въ кандидаты на участокъ.

Я помню радость охватившую одного отставного солдата, когда ему посчастливилось при жребіи.

— Слава тебѣ Господи! говорилъ онъ,—вотъ гдѣ мнѣ судьба сулила счастье!

Онъ разсказывалъ окружающимъ какъ его всю жизнь преслѣдовала судьба; въ солдаты его сдали по ошибкѣ, служба ему выдалась тяжелая, вернувшись на родину онъ нашелъ жену за мужемъ, да и односельцы не захотѣли принять его, и вотъ онъ взялъ своего семилѣтняго сынишку отъ жены и пошелъ съ нимъ искать счастья, да чуть не попался въ сельскомъ караулѣ инсургентамъ.

Былъ случай великодушнаго пожертвованія: одна семья съ четырьмя дѣтьми притащилась издалека и не получила участка. Видя ихъ отчаяніе, два брата-бобыля, записанные подъ однимъ но-

меромъ и выигравшіе участокъ въ пять десятинъ, просили позволенія отдать семьѣ свой номеръ въ обмѣнъ на ихъ кандидатскій.

— Мы подождемъ, говорили братья, а то и у нихъ же поработаемъ, а имъ ужь не въ терпежъ.

Былъ и такой счастливецъ, который, празднуя выигрышъ, выставилъ ведро водки; да разъохотился пить и уступилъ свой номеръ за второе ведро.

Секвестръ имѣній и конфискація производились въ широкихъ размѣрахъ; мѣра эта—въ высшей степени жестокая, потому что отъ нея кромѣ виновнаго страдаютъ всѣ члены семьи; но она подрѣзывала источники, которыми питалось возстаніе, и съ этой точки зрѣнія была необходима. Лица, приводившія эти распоряженія въ исполненіе, нерѣдко выказывались съ очень невыгодной стороны. Такъ напримѣръ въ Ковенскомъ уѣздѣ былъ исправникомъ нѣкто Варрава; «и бѣ Варрава разбойникъ»—такъ объ немъ въ шутку отзывались его сослуживцы; но въ этой шуткѣ была доля правды, такъ какъ дѣйствія его относительно владѣльцевъ были до того возмутительны, что даже мягкосердечный Николай Михайловичъ не могъ долѣе держать его у себя въ губерніи и отрѣшилъ отъ должности за беззастѣнчивость какъ относительно людей, такъ и ихъ имущества.

Исправникъ по временамъ дѣлалъ въ сопровожденіи казаковъ — наѣзды на имѣнія, въ особенности послѣ проигрыша; а жена его въ Ковно своими туалетами приводила въ негодованіе дамъ, не имѣвшихъ такихъ неизсякаемыхъ источниковъ. Разсказывали также про счастье одного чиновника назначеннаго военнымъ становымъ въ Поневѣжскомъ уѣздѣ. Первымъ дѣломъ его было нашествіе на имѣніе одного значительнаго помѣщика. Этимъ нашествіемъ онъ и закончилъ свою службу, потому что тотчасъ послѣ того вышелъ въ отставку и уѣхалъ поспѣшно изъ губерніи. По слухамъ обнаружилось, что онъ отобралъ у владѣльца изъ столовъ 60 тысячъ рублей и разсудилъ, что, имѣя такую сумму въ рукахъ, ему выгоднѣе оставить ее у себя, да и отказаться отъ службы. Помѣщику, у котораго были отобраны эти деньги, нѣкогда было слѣдить куда поступила эта сумма: въ казенный или частный карманъ, да и доказывать было трудно. Большею частью секвестръ начинался грабежемъ имѣнія, и затѣмъ уже оставшемуся имуществу составлялась опись и передавалась въ вѣдѣніе палаты. Въ военное время, въ завоеванной странѣ частная собственность щадится, но здѣсь былъ полный произволъ. Я не говорю уже о томъ, что владѣльцы сами давали значительные куши денегъ полицейскимъ властямъ, чтобы получить какую нибудь льготу при отобраніи у нихъ имущества. Военная сила, сопровождавшая исполнителей секвестра, приходила къ убѣжденію, что слѣдуетъ раззорять страну, и тоже позволяла себѣ самоуправство въ ущербъ военной дисциплинѣ. Не хорошее было время!

Въ числѣ мѣръ, отягощавшихъ поляковъ-помѣщиковъ, была контрибуція, опредѣленная Муравьевымъ, кажется въ три милліона рублей и подлежавшая раскладкѣ на всѣ польскія имѣнія, находившіяся въ губерніяхъ составлявшихъ его генералъ-губернаторство. Губерніи эти были Виленская, Витебская, Ковенская съ частью Августовской, Гродненская, Могилевская и Минская. Сумма эта однажды опредѣленная подлежала ежегодному взысканію и цифра ея не уменьшалась, хотя количество имѣній по мѣрѣ перехода ихъ въ русскіе руки постепенно убавлялось. Это былъ гнетъ все тяжелѣе давившій поляковъ и заставлявшій ихъ сбывать свои имѣнія русскимъ. Впрочемъ, полякамъ было облегчено пріобрѣтеніе имѣній въ велико-русскихъ губерніяхъ посредствомъ обмѣна.

Муравьевымъ сдѣлано было еще одно распоряженіе съ перваго взгляда имѣвшее нѣчто возмутительное, потому что оно ставило совѣсть человѣка въ искушеніе: приказано было оставлять на служебныхъ мѣстахъ тѣхъ изъ поляковъ, которые пожелаютъ перемѣнить католическую вѣру на православную; для многихъ эта мѣра ставила вопросъ ребромъ: быть или не быть съ хлѣбомъ. Къ чести поляковъ слѣдуетъ сказать, что мало нашлось лицъ рѣшившихся на такой поступокъ.

Мнѣ довелось однажды объясниться съ Михаиломъ Николаевичемъ по поводу безнравственности тѣхъ лицъ, которыя рѣшатся при соблазнѣ выгодъ измѣнить свои религіозныя убѣжденія, и находилъ, что сохраненіе такихъ лицъ на службѣ можетъ быть вредно. Муравьевъ, рѣдко вступавшій въ объясненіе мотивовъ своихъ поступковъ, высказалъ мнѣ однако свой взглядъ на это:

— Всякій католикъ, принявшій православіе, уже не полякъ, и стало быть намъ, значитъ, однимъ врагомъ меньше. Я самъ не высоко цѣню ренегата, да его дѣти-то будутъ русскими. Вѣдь такимъ способомъ въ былое время ополячили Литву и Русь, и видите какую задали работу намъ.

Не смотря на сильныя мѣры, принимавшіяся противъ возстанія въ нашей губерніи, оно не утихало и казалось, что смутному времени не будетъ конца. Михаилъ Николаевичъ былъ недоволенъ дѣйствіями губернатора Энгельгарда, а сыну своему, пріѣхавшему въ Вильно съ просьбой отпустить его за границу въ Берлинъ, гдѣ воспитывались его дѣти, далъ такой грозный нагоняй на выходѣ при всѣхъ, что жалко было на него смотрѣть.

— Я ваше превосходительство, говорилъ ему генералъ-губернаторъ, отдамъ васъ подъ военный судъ за бездѣйствіе, и у меня не дрогнетъ рука утвердить конфирмацію.

Николай Михайловичъ ссылался на трудность въ военное время заставить уважать гражданскаго чиновника; тогда старикъ добился переименованія сына въ генералъ-маіоры, хотя этотъ только въ юности

носилъ года два уланскій мундиръ и превращеніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ генералы составляло небывалую рѣдкость.

Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало назначеніе его въ Ковно губернаторомъ, съ строгимъ предписаніемъ объѣхать всю губернію и ежедневно доносить въ Вильно о распоряженіяхъ своихъ. Для наблюденія же за дѣйствіями новаго губернатора былъ приданъ ему въ качествѣ негласнаго помощника и совѣтника Н. А. Деревицкій, одно изъ лицъ бывшихъ при Муравьевѣ отцѣ и добивавшихся назначенія. Будучи въ Ковно, онъ не отходилъ отъ Николая Михайловича, помѣщался въ губернаторскомъ домѣ; его можно было видѣть утромъ за чаемъ, днемъ при пріемахъ, за обѣденнымъ столомъ, но постоянно при губернаторѣ, который такимъ образомъ чувствовалъ себя подъ надзоромъ. Тихій, вѣжливый и мягкій въ обращеніи и рѣчахъ, Деревицкій сдѣлался тѣмъ не менѣе истиннымъ кошмаромъ для Н. М. Муравьева. Оффиціальнымъ же занятіемъ Деревицкаго было попеченіе о возстановленіи церквей и составленіе общества православныхъ братчиковъ. За услуги, оказанныя имъ въ Ковно, онъ получилъ Владиміра на шею.

Вице-губернаторомъ въ Ковно былъ въ то время почтенная личность—Корецкій, но онъ не умѣлъ выдаваться и потому дѣятельность его оставалась въ тѣни; при его тихомъ, скромномъ характерѣ, онъ былъ затертъ интриганами и на него не обращали вниманія, да онъ и сам къ бы желалъ проходить незамѣченнымъ въ такое тревожное время. Но если его не замѣчали, то мѣсто его было намѣчено вновь пріѣхавшимъ дѣятелемъ Львовымъ. Бывшій лицеистъ, назначенный къ намъ на должность члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, онъ дѣятельно принялся за службу, старался во всѣхъ распоряженіяхъ принимать участіе и какъ-то незамѣтно сталъ играть роль вице-губернатора. Старанія его увѣнчались успѣхомъ: Корецкій былъ уволенъ и Львовъ назначенъ на его мѣсто. Впрочемъ, онъ не долго занималъ новую должность; не прошло года, какъ онъ застрѣлился по неизвѣстнымъ причинамъ.

При Корецкомъ начались первые признаки польскихъ волненій, и онъ, дѣйствуя въ духѣ царствовавшаго въ то время мирнаго настроенія властей, даже присутствовалъ при торжествѣ устроенномъ поляками на Нѣманѣ въ юбилей соединенія Литвы съ Польшей: отъ обоихъ береговъ рѣки отчалили лодки и плоты съ музыкой и вѣнками и встрѣтились на срединѣ рѣки; это встрѣчались и обнимались представители литовской и польской національностей и провозглашали тосты, а русскія власти находились полуоффиціально на берегу и сочувствовали.

Представителемъ русскаго духовенства былъ епископъ Александръ. Воспоминанія мои съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаются на этой прекрасной личности: отсутствіе всякаго хан-

жества, мягкость и привѣтливость въ обращеніи; этотъ человѣкъ еще молодой образованный и гуманный производилъ пріятное впечатлѣніе при встрѣчѣ, а разставаясь съ нимъ всякій русскій уносилъ отрадное сознаніе, что наша церковь имѣетъ въ немъ достойнаго представителя.—Черное духовенство находится въ Ковенской губерніи на особомъ положеніи. Однажды случилось мнѣ быть у епископа на дачѣ и завтракать. Въ числѣ различныхъ снѣдей находились превкусныя колбасы; зная, что монашествующимъ не разрѣшена мясная пища, я отнесъ это угощеніе къ особенному вниманію ко мнѣ, но несказанно удивился когда увидѣлъ, что хозяинъ самъ принялся за свинину и, рекомендуя мнѣ это блюдо, сказалъ, что у него въ монастырѣ все это отлично приготовляется отцомъ-экономомъ. Видя мое недоумѣніе, онъ объяснилъ мнѣ, что при назначеніи въ западный край, гдѣ много присоединенныхъ уніатовъ святѣйшимъ синодомъ имъ разрѣшается мясное, чтобы не возбуждать осужденія и какъ бы свидѣтельствовать, что унія составляетъ во всемъ одно съ православіемъ.

Не смотря на малочисленность русскаго населенія и духовенства, въ Ковенской губерніи имѣется вблизи Нѣмана православный монастырь, помѣщающійся въ великолѣпныхъ когда-то зданіяхъ, построенныхъ Пацемъ, знаменитымъ литовскимъ воеводой. Въ постройкѣ употреблено много прекраснаго мрамора, доставлявшагося моремъ за дорогую цѣну изъ Италіи; постройки стоили громадныхъ суммъ. Преданіе говоритъ, что Пацъ взялъ себѣ въ жены собственную дочь, и кромѣ того много преступленій тяготило его душу; и вотъ, какъ выраженіе покаянія, онъ выстроилъ обитель и желалъ, чтобы по смерти его тѣло было погребено не въ храмѣ, а предъ входомъ, для того, чтобы каждый прохожій богомолецъ попиралъ его прахъ. Плита съ именемъ Паца и теперь видна на дворѣ монастыря. Въ монастырѣ братіи было немного, всего восемь человѣкъ; не знаю въ настоящее время не упраздненъ ли онъ за смертью всѣхъ монаховъ, такъ какъ новыхъ членовъ въ него не принимали.

Старшимъ представителемъ военной силы въ Ковно былъ генералъ-лейтенантъ князь Яшвиль; онъ былъ далеко не дипломатъ и просто искалъ гдѣ бы можно было дѣйствовать оружіемъ. Такъ, въ одной экспедиціи, въ которой я сопутствовалъ ему по предписанію генералъ-губернатора съ инструкціей: удерживать его воинственный жаръ, онъ все спрашивалъ, нельзя ли по дорогѣ зажечь что̀ нибудь·какъ бы по нечаянности.

— А все же мы сдѣлаемъ этимъ хоть сколько нибудь вреда полякамъ, которыхъ я ненавижу, говорилъ онъ.

Въ этихъ словахъ отражалась нѣсколько его татарское происхожденіе; онъ былъ очень тученъ и отличный кавалеристъ. Въ его молодости съ нимъ случайно произошла драма: онъ служилъ

въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку, былъ кутилой, милымъ товарищемъ, и на одной дружеской попойкѣ за что-то повздорилъ съ княземъ Долгорукимъ и вызвалъ его на дуэль. На другой день, протрезвившись, всѣ участвовавшіе на праздникѣ увидали, что надѣлали глупостей, но по какимъ-то понятіямъ о чести не находили возможнымъ устроить примиреніе. Дуэль состоялась, дрались на пистолетахъ. Противники искренно любили другъ друга и каждый далъ себѣ слово щадить противника. Долгорукій выстрѣлилъ на воздухъ, а Яшвиль въ землю; пуля его ударясь о камень рикошетомъ убила на поваль Долгорукаго. Въ царствованіе императора Николая судъ надъ дуэлистами былъ коротокъ: рядовымъ на Кавказъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ его возвратили въ гвардію.

Въ числѣ военныхъ дѣятелей нашей губерніи былъ также извѣстный въ свое время кавказскій боецъ—полковникъ С. К. Новоселовъ. Въ городѣ его не было видно, но когда мы, объѣзжая губерніи съ Муравьевымъ, были близъ Росіенъ, то встрѣтили его верхомъ на конѣ ѣдущимъ въ экспедицію въ головѣ своего отряда. Въ этой экспедиціи онъ былъ раненъ въ ногу. Новоселовъ былъ вполнѣ военный человѣкъ; онъ оживлялся во время военныхъ дѣйствій, въ мирное же время былъ самою добродушною, обыкновенною личностью. Служа на Кавказѣ, онъ отличался въ многихъ сраженіяхъ, и кажется при осадѣ горцами укрѣпленія Ахты тяжело раненъ въ руку, которой и не владѣлъ. Затѣмъ былъ назначенъ плацъ-маіоромъ Петропавловской крѣпости, и тѣмъ лицамъ, которыхъ судьба провела чрезъ ея казематы, памятны его человѣчность и снисходительное отношеніе къ заключеннымъ. Новоселовъ, хотя и семейный человѣкъ, скучалъ бездѣйствіемъ и рвался на войну; съ началомъ польскаго возстанія онъ просился и былъ принятъ подъ начальство Муравьева. Впослѣдствіи, во время сербской войны, онъ уже въ чинѣ генерала дѣйствовалъ противъ турокъ въ рядахъ войскъ князя Милана, наравнѣ съ Черняевымъ.

По поводу обороны укрѣпленія Ахты, за которую онъ въ одинъ день получилъ два чина, Новоселовъ разсказывалъ забавный анекдотъ:

Къ государю на разводѣ подходилъ ординарецъ, солдатъ имѣвшій знакъ военнаго ордена и Николай I обратился къ нему съ вопросомъ:

— Гдѣ ты получилъ Георгія?

— При взятіи Ахвы ваше императорское величество!

Это искаженіе названія прошло для государя незамѣтно, но потомъ Новоселовъ сдѣлалъ замѣчаніе солдату:

— Какъ же это ты братецъ проврался и не знаешь какъ называютъ крѣпость гдѣ отличился?

— Никакъ нѣтъ-съ ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ солдатъ, только я не посмѣлъ царю сказать въ лицо Ахъ-ты.

Съ пріѣздомъ въ Ковно новаго губернатора мнѣ пришлось, по его приглашенію, снова объѣзжать съ нимъ губернію съ конвоемъ; мы направились въ уѣзды, не посѣщенные въ первый объѣздъ, Шавельскій, Тельшевскій и Россіенскій. Опять принялись за сельскіе караулы, въ организацію которыхъ введены были нѣкоторыя улучшенія, впрочемъ и крестьяне стали довѣрчивѣе относиться къ русскимъ. Это довѣріе развилось какъ вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, такъ и потому, что смѣна прежнихъ мировыхъ посредниковъ и распоряженія новыхъ о надѣлѣ крестьянъ землею, распоряженія, отвѣчавшія желаніямъ крестьянъ, были имъ особенно по душѣ. И дѣйствительно новые мировые посредники и повѣрочныя коммиссіи, просматривая уставныя грамоты, не стѣснялись увеличивать надѣлъ и сбавлять цѣну земли. Крестьяне, хорошо знавшіе стоимость ея, видѣли, что имъ отдавали надѣлы чуть не даромъ.

Во время объѣздовъ нашихъ, ксендзы старались выказать радушіе и приглашали насъ останавливаться у нихъ, предлагая отличные обѣды. Я убѣжденъ, что ненависть ксендзовъ втайнѣ была къ намъ велика и Н. М. Муравьевъ сильно опасался отравы, но во первыхъ, мы должны были являться умиротворителями и надѣялись лаской побѣдить вражду ихъ, а во вторыхъ, намъ и негдѣ было бы остановиться въ деревняхъ, а домики ксендзовъ были такъ чисты и уютны, а экономки ихъ подавали такія вкусныя блюда и наливки, что соблазнъ одолѣвалъ не только гастронома Муравьева, но и меня.

Между Шавли и мѣстечкомъ Шадовы мы остановились на ночлегъ. Въ это время къ дому, отведенному Муравьеву, подъѣхала коляска запряженная парой красивыхъ коней. Изъ нихъ вышла изящная дама подъ вуалью и просила аудіенціи у губернатора. Николай Михайловичъ, сидя втроемъ съ нами за чаемъ, не захотѣлъ объясняться съ нею наединѣ и пригласилъ ее передать свою просьбу при насъ. Она сбросила вуаль, и мы увидали польку-красавицу въ полномъ значеніи; она продолжала настаивать у Муравьева, чтобы онъ далъ ей возможность переговорить съ нимъ наединѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ бросала выразительные взгляды. Слабость нашего спутника къ женщинамъ была извѣстна и роль Катона была ему не по характеру; однако въ этотъ разъ онъ устоялъ; можетъ быть потому, что съ нами былъ менторъ Деревицкій. Соблазнительница встала и ушла, не выразивъ причинъ своего посѣщенія; но объявила, что она ему передастъ лично въ Ковно свою просьбу.

Проѣзжая чрезъ Тельши, мы должны были осмотрѣть знаменитую католическую семинарію и переговорить съ мѣстныхъ епископомъ; это былъ центръ, къ которому стремились всѣ помыслы ксендзовъ и откуда исходили распоряженія духовной власти. По-

этому, при извѣстномъ настроеніи ксендзовъ поддерживать возстаніе, генералъ-губернаторъ хотѣлъ принять нѣкоторыя мѣры, щадя вмѣстѣ съ тѣмъ католическій міръ. Тельшевскій епископъ былъ лицомъ уважаемымъ; принялъ онъ насъ, окруженный викарными ксендзами и въ представительной обстановкѣ, съ анненской лентой чрезъ плечо. За завтракомъ, предложеннымъ имъ, онъ выразилъ желаніе выпить за здоровье Михаила Николаевича, сына котораго онъ имѣлъ удовольствіе принимать у себя. Не смотря однако на дружескій пріемъ, намъ пришлось объявить, что ему слѣдуетъ на время переѣхать въ Ковно и остаться тамъ до полнаго умиротворенія края. Объясненія, данныя нами, такого желанія генералъ-губернатора были благовидны, и епископъ, скрѣпя сердце, чрезъ недѣлю прибылъ на жительство въ Ковно; а въ Тельшевской семинаріи поставленъ былъ сильный караулъ и учрежденъ надзоръ. Семинарію предполагалось закрыть.

Епископъ производилъ очень пріятное впечатлѣніе своею наружностью; въ немъ видѣнъ былъ тонкій политикъ, кажется онъ былъ воспитанъ въ іезуитской школѣ; происхожденіемъ жмудинъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ и симпатіей народа, гордившагося, что изъ его среды вышла такая личность.

Мы миновали Рауданы, старинный замокъ лежащій на берегу Нѣмана, и возвращаясь въ Ковно, подъѣзжали къ одному значительному еврейскому мѣстечку, какъ на встрѣчу намъ прискакали верхомъ два еврея съ объявленіемъ, что у нихъ хозяйничаютъ повставцы. Наша ѣзда по губерніи съ охранительною стражей дѣлала для насъ существованіе шаекъ какимъ-то мифомъ; а потому, поручивъ Деревицкому съ конвоемъ спѣшить по возможности за нами, мы съ Муравьевымъ сѣли на казацкихъ лошадей и въ сопровожденіи десятка казаковъ понеслись къ мѣстечку находившемуся верстахъ въ четырехъ.

— Сколько повставцевъ напало на селеніе? — спрашивали мы евреевъ скакавшихъ за нами.

— У насъ сидятъ пятнадцать человѣкъ, и говорятъ, что у нихъ на горѣ осталось еще двѣсти.

Ясно было, что эти двѣсти были вымышлены повстанцами, чтобы напугать евреевъ, которыхъ въ мѣстечкѣ числилось болѣе пяти сотъ душъ. Мы спѣшили и, подъѣзжая къ селенію, увидали массу евреевъ, идущихъ къ намъ на встрѣчу безъ шапокъ, и шедшій впереди раввинъ несъ подъ видомъ хлѣба съ солью сладкій пирогъ. Насъ нѣсколько удивило принятіе евреями этого великорусскаго обычая. Прибывъ въ мѣстечко, мы убѣдились, что шайка, узнавъ о нашемъ приближеніи, скрылась поспѣшно, оставя однако послѣ себя грустные слѣды своего пребыванія.

Помѣстясь въ корчмѣ, мы принялись за слѣдствіе, и Муравьевъ поручилъ мнѣ непремѣнно добиться въ чемъ дѣло, такъ какъ на

всѣ наши распросы евреи отвѣчали, что не знаютъ кто такіе эти люди и откуда приходили. Это было не правдоподобно, такъ какъ банда, пришедшая къ нимъ, навѣрное состояла изъ окрестной шляхты, и лица, находившіяся въ ней, не могли быть неизвѣстны всезнающимъ евреямъ. Къ тому же по пословицѣ: на ворѣ шапка горитъ, евреи не даромъ встрѣчали насъ небывалымъ шествіемъ всего населенія съ хлѣбомъ солью. Видимо было только, что евреи не защищались отъ повстанцевъ и боялись ихъ; впрочемъ изъ дознанія оказалось, что ни одинъ еврей не былъ обиженъ; но за то пострадали два семейства нѣмцевъ, жившихъ въ мѣстечкѣ. Въ одномъ инсургенты захватили женщину и корову и увели съ собою въ лѣсъ, въ другой же семьѣ, состоящей изъ молодого человѣка осьмнадцати лѣтъ и его матери булочницы, произошла драма: у повстанцевъ откуда-то явилось подозрѣніе, что булочникъ служитъ для русскихъ властей шпіономъ, и потому поставя въ селеніи висѣлицу они привели подъ нее нѣмцевъ и предложили матери на выборъ: хочетъ ли она, чтобы ея сына на ея глазахъ повѣсили или до полусмерти засѣкли нагайками. Неизвѣстно, что отвѣчала въ безпамятствѣ мать, но только несчастному юношѣ дано было полтораста ударовъ нагайкой. Я отправился въ домъ булочницы, и мать, приведя меня къ постели сына, приподняла простыню которою было прикрыто его тѣло. Моимъ глазамъ представилась какая то черная масса: спина нѣмца отъ шеи до пятокъ составляла сплошную язву, покрытую запекшеюся кровью, слышны были только тихіе стоны.

Послѣ долгихъ распросовъ, въ которыхъ мать-нѣмка могла сдѣлать первыя указанія на свидѣтелей событія, мнѣ пришлось на единѣ распрашивать каждаго свидѣтеля еврея, такъ какъ при другихъ они были молчаливы какъ рыбы. Отъ нихъ я узналъ, что мѣстный звонарь, крупный усатый шляхтичъ, принялъ повстанцевъ у себя въ домѣ и что самая экзекуція производилась у него предъ окнами; при чемъ въ это время полякъ шутилъ съ гостями. Я послалъ казаковъ взять звонаря: его привели, но вмѣстѣ съ нимъ явился и мѣстный ксендзъ, который сталъ защищать своего причетника.

На всѣ мои убѣжденія и вопросы полякъ, покручивая усы, отвѣчалъ: «не вѣмъ пане, ницъ не вѣмъ».

Вся эта исторія меня волновала, кровь била въ виски, и я подъ вліяніемъ этихъ звѣрскихъ сценъ самъ почувствовалъ себя звѣремъ.

— Такъ я поступлю съ тобою какъ поступаютъ повставцы и допрошу подъ нагайками—сказалъ я.

— Ты не посмѣешъ этого сдѣлать—отвѣчалъ мнѣ полякъ, употребляя то же мѣстоименіе—я родовитый шляхтичъ и причетникъ.

Казаки однако, исполняя мои приказанія, повалили поляка и приготовили нагайки. Тогда въ дѣло вмѣшался ксендзъ.

— Объ этомъ насиліи я напишу вашему министру и даже святѣйшій папа будетъ извѣщенъ. Васъ предадутъ суду и проклятію.

Имя министра привело мнѣ на память прощальныя слова его не бояться угрозъ ксендзовъ.

— А я приказываю пану ксендзу—отвѣчалъ я, остаться здѣсь при допросѣ, и затѣмъ доносить кому угодно; но объявляю, что я и съ нимъ поступлю точно такъ, какъ поступлю съ его причетникомъ, если мнѣ нужно будетъ добиться истины.

Началась кровавая расправа, такъ какъ каждый ударъ нагайки оставлялъ кровавый слѣдъ; я ожесточился до того, что не слушалъ просьбъ жены и дѣтей поляка, явившихся ко мнѣ. Истина открылась; повстанцы оказались пріятелями звонаря и пріѣзжали изъ сосѣдняго имѣнія графа Тышкевича, Червонный дворъ, гдѣ они состояли при панской охотѣ.

И до сего дня я не могу безъ ужаса вспомнить объ этой сценѣ, за которую получилъ личную благодарность министра, генералъ-губернатора, и одобреніе всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей; но я подвергся также строгому порицанію своихъ петербургскихъ знакомыхъ. Краска стыда выступаетъ у меня при воспоминаніи о томъ, что я могъ превратиться въ звѣря, и я самъ не могу рѣшить, такъ ли я поступилъ какъ слѣдовало въ эти критическія минуты.

Послѣдствія допроса были слѣдующія:

Ксендза обыскали и нашли у него зашитыми въ рясѣ 20.000 рублей, предназначавшихся къ отправленію воеводѣ повставцевъ Мацкевичу. Его съ звонаремъ мы арестовали.

Червонный дворъ былъ секвестрованъ.

На евреевъ мѣстечка наложена контрибуція въ 5.000 рублей.

Наступила тихая лунная ночь, когда мы съ конвоемъ выступали изъ мѣстечка и подошли къ переправѣ на плотахъ чрезъ рѣку Невѣжу. Въ числѣ двигавшихся за нами подводъ, были двѣ, нагруженныя скарбомъ нѣмки съ сыномъ, которые обезумѣвъ отъ ужаса бросили свое хозяйство и бѣжали подъ нашей охраной укрыться въ Ковно. Во время переправы, паромъ съ подводой, на которой лежалъ избитый нѣмецъ уже переѣзжалъ рѣку, тогда какъ его мать еще оставалась на берегу. Необычайная для нея картина переправы войскъ чрезъ рѣку при лунномъ свѣтѣ, соединенная съ ужасными событіями дня, подѣйствовала на ея разстроенное воображеніе: нѣмкѣ представилось что ея сына увезли инсургенты и она тутъ же сошла съ ума.

Такимъ образомъ, изъ нашей экспедиціи мы привезли къ себѣ четыре жертвы возстанія: двѣ изъ нихъ сданы въ тюрьму, одна въ больницу и одна въ домъ умалишенныхъ.

VI.

Ковенское общество.—Еврейка Нуррикъ.—Червонный дворъ.—Хожденіе съ фонарями. — Ночные обыски. — Ибянскія звѣрства. — Грозная кара. — Никольская слобода.—Смертныя казни.—Мицкевичъ.—Конецъ повстанія.—Заключеніе.

Посреди ужасовъ, которыми заявило себя возстаніе и его усмиреніе, жизнь ковенская, какъ провинціальнаго города, шла своимъ чередомъ; въ немъ существовало губернское общество съ его мелкими сплетнями и интригами. Былъ клубъ, гдѣ видныя по своимъ служебнымъ должностямъ лица выбирались въ старшины, и гдѣ несмотря на то происходили попойки и скандалы. Будучи облеченъ въ это званіе, я былъ однажды свидѣтелемъ ссоры молодежи за какую-то кадриль, хотя въ сущности тутъ были не кадриль и не дама причиной, а глупое соперничество, существовавшее между людьми носившими разнаго рода оружіе. Драгуны не терпѣли пѣхоты, а къ нимъ обоимъ свысока относилась артиллерія. Подобныя отношенія конечно были не желательны, потому что могли когда нибудь вредно отозваться на полѣ сраженія. Дѣло это дошло чуть не до дуэли, и за подобную исторію дорого поплатились бы многіе изъ начальниковъ предъ Муравьевымъ. Поэтому болѣе здоровыя головы энергически принялись тушить пожаръ: добираясь до сути, открыли, что у молодежи просто шумѣло въ головѣ. По пословицѣ: клинъ клиномъ выгоняй: начальствующіе трехъ родовъ войскъ устроили примирительный завтракъ, и хотя вино опять играло роль, но это уже была роль миротворца: всѣ цѣловались, провозглашая тосты.

Польскаго общества не существовало, оно какъ бы вымерло; невозможно было встрѣтить польскихъ дамъ не только на улицахъ или въ магазинахъ, но даже и въ костелѣ; во время траура все были польки, но съ тѣхъ поръ какъ черный цвѣтъ подвергся изгнанію, семьи помѣщиковъ скрылись въ усадьбахъ, а остальныя прятались гдѣ-то въ заднихъ комнатахъ домовъ. По особымъ обстоятельствамъ еще иногда встрѣчался мужчина-полякъ, національность котораго можно было признать потому, что онъ или вовсе не понималъ по-русски, или коверкалъ слова самымъ безжалостнымъ образомъ; это было своего рода мщеніе. Впрочемъ это направленіе всегда существовало у поляковъ: со мною въ родствѣ состоялъ одинъ польскій магнатъ, графъ Мархоцкій, человѣкъ умный и образованный; я его зналъ въ теченіи тридцати лѣтъ, и за все время только одинъ разъ слышалъ его говорящимъ по-русски при какомъ-то необычайномъ случаѣ: онъ свободно выражался на нашемъ языкѣ.

Но если не было видно польскихъ дамъ, то были, если можно такъ выразиться, польскія женщины: проституція развилась между

польками въ ужасной степени. Все мужское польское населеніе выбыло въ лѣса, сидѣло въ тюрьмахъ или находилось въ ссылкѣ; русская холостая молодежь, въ видѣ войска, наводняла губернію; средства существованія польскихъ семействъ истощались; что удивительнаго если польки обратились къ этому средству заработывать насущный хлѣбъ? Въ городахъ факторство евреевъ по этому роду услугъ приняло необычайные размѣры; и вотъ съ помощью ихъ, въ одной семьѣ мать, за хорошую цѣну, пристроила своихъ двухъ дочерей; въ другой, три сестры разбрелись по полкамъ. Въ одномъ имѣніи жилъ арендаторъ съ женой и хорошенькой шестнадцатилѣтнею дочерью Фросей; имѣніе это было секвестровано и арендаторъ конечно лишился всѣхъ средствъ къ жизни. Тогда старики, удаляясь, просили лицо принимавшее имѣніе позволить ихъ дочери остаться, чтобы присматривать за ихъ посѣвами въ огородѣ.

— А можетъ панъ возьметъ ее экономкой, она на все мастерица?

И вотъ, при замѣщеніи одного чиновника другимъ, Фрося передавалась съ рукъ на руки вмѣстѣ съ имѣніемъ въ званіи экономки, а родители питались около нея.

Въ числѣ прибывшихъ умиротворителей края было много семейныхъ чиновниковъ и у многихъ были прехорошенькія жены. Полагаю, что упоминаемыя мною дамы не оскорбятся тѣмъ, что по прошествіи двадцати лѣтъ я позволяю себѣ печатно отдать должную дань ихъ красотѣ. Въ числѣ ихъ была жена предсѣдателя уголовной палаты Жерве, жена акцизнаго надзирателя Казакевичъ, г-жа Одинцева, жена члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и еще нѣсколько звѣздъ. Но все же женскій персоналъ былъ немногочисленъ, мужчинъ же въ особенности военныхъ было много, и потому каждая звѣзда имѣла свой кругъ поклонниковъ и представляла нѣкотораго рода силу, съ которою приходилось считаться. У одной изъ дамъ усерднымъ поклонникомъ былъ губернаторъ; другая владѣла сердцами чуть ли не всего драгунскаго полка, самымъ блестящимъ представителемъ котораго былъ ловкій маіоръ Золотницкій и т. д.

Въ виду нежеланія польскихъ дамъ увеличивать собою женское общество, явилась смѣлая мысль, которая произвела однако сильное волненіе и сочтена была ересью въ родѣ Никоновой и даже подобно ей произвела расколъ въ обществѣ. Между еврейками было много красавицъ и нѣкоторые нововводители предложили устроить балъ и пригласить также евреекъ. Была въ особенности одна, которая по образованію могла занимать мѣсто въ любомъ обществѣ, хотя была не болѣе какъ дочь содержателя гостинницы; по красотѣ же равнялась съ библейской Рахилью, фамилія ея была Нуррикъ.

Много юныхъ головъ сводили съ ума ея дивные глаза, и вотъ ея партія поставила непремѣннымъ условіемъ своего участія на пред-

стоящемъ балу присутствіе развитыхъ евреекъ, доказывая усердно, что въ настоящее прогрессивное время слѣдуетъ сближать сословія и національности. Убѣжденія и интриги были пущены въ ходъ русскими дамами, чтобы помѣшать исполненію этого плана; но отказаться самимъ отъ удовольствія быть на балу онѣ были не въ силахъ, такъ какъ небогатое развлеченіями время и опасеніе потерять поклонниковъ заставляли ихъ дорожить случаемъ блеснуть туалетомъ.

Балъ состоялся съ компромисомъ; была допущена лишь одна Нуррикъ по слѣдующимъ соображеніямъ: во первыхъ, безъ нее не явились бы на балъ лучшіе танцоры изъ молодежи; и во вторыхъ, дамы надѣялись, что молодая еврейка, не знакомая съ обществомъ дамъ, будетъ чувствовать себя затерянно, сдѣлается неловкою, и потеряетъ обаяніе, которымъ пользовалась; наконецъ, можно было разсчитывать на различныя случайности при выборѣ визави въ кадрили или фигуръ въ мазуркѣ, гдѣ можно было нанести Рахили нѣсколько чувствительныхъ уколовъ.

Такого рода волненія охватывали Ковно какъ только являлось желаніе соединить общество; въ прочее же время каждый семейный домъ жилъ особнякомъ довольствуясь мужскимъ кружкомъ. Губернаторъ Муравьевъ, хоть и женатый на урожденной Позенъ и даже имѣвшій четырнадцатилѣтняго сына на воспитаніи въ Берлинѣ, жилъ въ городѣ на холостомъ положеніи. Онъ охотно игралъ въ карты у себя дома; было еще нѣсколько частныхъ домовъ, гдѣ въ большомъ ходу были игры, не имѣющія гражданскихъ правъ: банкъ и штосъ. Ими занимались и у Палицына, управляющаго акцизными сборами, бывшаго декабриста, и у братьевъ Туманскихъ, постоянныхъ жителей клуба, и въ другихъ сборищахъ, имѣвшихъ по поводу этого названіе вертепа. Были впрочемъ развлеченія болѣе облагороженныя; такъ, напримѣръ, Одинцовъ любилъ устроивать тріо и вокальные дуэты, а Шумовъ давалъ шахматные турниры.

Театра въ Ковно не существовало, помню только одно представленіе какой-то проѣзжей труппы, въ которой драматическія сцены были перемѣшаны съ акробатическими. Послѣднія оставили во мнѣ даже болѣе сильное впечатлѣніе своимъ человѣкомъ-мухой ходящимъ по потолку. Представленіе давалось въ зданіи упраздненнаго стариннаго монастыря.

Одинъ разъ, я устроилъ нѣкотораго рода пикникъ для осмотра только что секвестрованнаго Червоннаго двора, находящагося въ восьми верстахъ отъ Ковно. Ѣхало нѣсколько дамъ и, конечно, каждая въ сопровожденіи военныхъ кавалеровъ для охраны отъ инсургентовъ. Посѣтительницы съ любопытствомъ осматривали это прекрасное зданіе въ видѣ замка, богатое убранство комнатъ, и библіотеку. Сами владѣльцы были, конечно, въ отсутствіи, но штатъ служителей былъ въ замкѣ налицо въ ливреяхъ и штиблетахъ. За

осмотромъ слѣдовалъ веселый завтракъ, заранѣе приготовленный, и прогулка въ паркѣ и саду.

Однажды, развлеченіемъ послужила распродажа товаровъ: богатый магазинъ въ Ковно, принадлежавшій поляку, былъ конфискованъ; отъ палаты назначены были чиновники для устройства аукціона. Дамы, падкія до хорошихъ вещей купленныхъ за дешево, въ теченіи трехъ дней продажи безвыходно присутствовали въ большихъ комнатахъ магазина. Это сдѣлалось какимъ-то рандеву сливокъ ковенскаго общества, и благодаря этому все было раскуплено въ три дорога.

Если днемъ видно было движеніе въ городѣ, то на ночь все на улицахъ принимало видъ осаднаго положенія, часовые перекликались, патрули и конные разъѣзды двигались во всѣхъ направленіяхъ; хожденіе публики по улицамъ было затруднено; никто не имѣлъ права послѣ сумерекъ появиться на улицѣ безъ зажженнаго фонаря, и странное явленіе представляли эти двигавшіяся повсюду свѣтлыя точки; оно было тѣмъ замѣтнѣе, что улицы не пользовались освѣщеніемъ. Особенное затрудненіе встрѣчали тѣ лица, которыя, засидѣвшись въ гостяхъ или клубѣ, не запаслись фонаремъ. Въ такомъ случаѣ ихъ выручалъ хозяинъ, давая на подержаніе свой свѣточь съ непремѣннымъ условіемъ возвратить его на другой день. И вотъ гости, какъ неразумныя дѣвы не запасшіяся свѣтильниками, шли гурьбой, доводя до дому ближайшихъ. Однажды случилось мнѣ забыть свой фонарь, но такъ какъ квартира моя была не далеко, то я и надѣялся добраться благополучно. На полдорогѣ меня окликнули и затѣмъ патруль заарестовалъ и довелъ до ближайшей гауптвахты. Тамъ, конечно, моя личность признана была благонадежною и меня съ почетомъ довели подъ конвоемъ домой; этотъ случай научилъ меня осторожности и я не забывалъ исполнять роль Діогена.

Иногда по ночамъ производились обыски не только въ квартирахъ поляковъ, но даже и въ присутственныхъ мѣстахъ. Такъ, я однажды былъ извѣщенъ, что въ двѣнадцать часовъ ночи ко мнѣ въ палату явятся жандармы для осмотра столовъ и шкаповъ. При всемъ стараніи наполнить русскими чиновниками присутственныя мѣста, въ нихъ имѣлся по необходимости еще многочисленный составъ поляковъ; и вотъ эти-то лица могли хранить между служебными дѣлами такія письма и документы, которыхъ они не рѣшались бы держать дома. Я распорядился, чтобы всѣ чиновники, которые окажутся дома, явились ко мнѣ въ $11^1/_2$ часовъ вечера; двери палаты были уже подъ охраной, и въ полночь жандармы съ факелами осматривали столы, взламывая тѣ, которыхъ хозяева не были налицо. Результатомъ посѣщенія была находка фотографическаго портрета одного изъ моихъ молодыхъ писцовъ, снявшагося въ польскомъ костюмѣ. Это невинное въ другое время удовольствіе было въ настоящее время преступленіемъ, и молодой человѣкъ по-

платился двухмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ и высылкой изъ губерніи.

Однажды, высылкѣ подверглись семнадцать семействъ жмудинъ Вилькомірскаго уѣзда; эти семейства составляли селеніе, владѣвшее значительнымъ количествомъ земли по надѣлу. Въ селеніи проживали два старообрядца въ должности кутниковъ; въ одно утро эти два работника оказались повѣшенными въ ближайшемъ лѣсу и не смотря на самыя тщательныя разслѣдованія, нельзя было добиться отъ жителей свѣдѣній, какимъ образомъ это случилось. Тогда Муравьевъ, вообще щадившій сельское населеніе жмудинъ, рѣшился для устрашенія жителей на сильную мѣру; онъ приказалъ, чтобы всѣ семьи въ полномъ составѣ были назначены къ выселенію въ Саратовскую губернію, при чемъ имъ дозволялось забрать съ собою движимое имущество; земли же ихъ были назначены къ раздачѣ русскимъ. Жмудины чрезвычайно привязаны къ своей землѣ и мало склонны къ колонизаціи. Этотъ примѣръ подѣйствовалъ потрясающимъ образомъ и произвелъ ужасъ на жителей селеній, чрезъ которыя приходилось двигаться подъ конвоемъ этимъ невольнымъ кочевникамъ. Сколько помнится этого рода мѣра болѣе не повторялась.

Но самой сильной мѣрой, принятой Муравьевымъ противъ злодѣйствъ повстанцевъ, было уничтоженіе шляхетской околицы Ибяны. Все веденіе дѣла отъ начала до конца было возложено на меня, и потому я могу разсказать ее въ подробности. Околицей называются селенія, заключающія въ себѣ не крестьянское, а однодворческое шляхетское населеніе; этого рода селенія служили главнымъ притономъ повстанцамъ, контингентъ которыхъ даже пополнялся ими.

Муравьевымъ получено было донесеніе, что въ околицѣ Ибяны Ковенскаго уѣзда были замучены и повѣшены шесть русскихъ отставныхъ солдатъ, служившихъ въ батракахъ у ибянской шляхты. Батраки эти были люди безобидные и шайка пріѣхавшая въ околицу вызвала ихъ изъ занимаемыхъ помѣщеній и среди бѣлаго дня повела въ лѣсъ на казнь. На всѣ мольбы несчастныхъ, шляхтичи отвѣчали, что они ихъ считаютъ за добрыхъ людей, работящихъ, но считаютъ нужнымъ казнить какъ потому, что они русскіе, такъ и для того, чтобы доказать Муравьеву, что они умѣютъ платить кровь за кровь. Затѣмъ, однако, повстанцы начали глумиться надъ плѣнными и объявили, что, признавая ихъ солдатами, они сначала переведутъ ихъ въ гвардію; вырѣзали у нихъ на груди кожу въ видѣ лацкановъ и затѣмъ повѣсили.

Однажды, вечеромъ, въ августѣ мѣсяцѣ, губернаторъ, пригласивъ меня по экстренному дѣлу, сообщилъ подробности ибянскаго событія и сказалъ, что отецъ его рѣшилъ дать грозный примѣръ, и для полученія точныхъ инструкцій велѣлъ мнѣ пріѣхать въ Вильно.

Я считался вѣрнымъ исполнителемъ приказаній, хотя и мнѣ въ первое время не разъ случалось получать выговоры отъ Михаила

Николаевича за упущеніе какой нибудь мелкой подробности приказа. Указывая мнѣ на упущенное мною изъ виду, онъ говорилъ:

— Каждое слово мое имѣетъ значеніе, я не пишу на вѣтеръ, прошу въ точности, буквально исполнять мои распоряженія и не допускать отступленій и фантазій.

Я пріѣхалъ въ Вильно вечеромъ и въ восемь часовъ былъ у Муравьева въ кабинетѣ.

— Вамъ сообщилъ губернаторъ, началъ онъ,—о новомъ звѣрствѣ поляковъ, и я вызвалъ васъ, чтобы передать мои намѣренія по порученію, которое вамъ предстоитъ исполнить. Военнымъ властямъ уже послано предписаніе приготовиться къ экспедиціи для наказанія околицы Ибяны; васъ же я посылаю, чтобы вы находились для наблюденія за точнымъ исполненіемъ моей воли. Наблюдайте, чтобы со стороны войскъ все было законно. Письменной инструкціи я не нахожу нужнымъ давать вамъ; за все, что тамъ будетъ сдѣлано, несу отвѣтственность я, а вы отвѣчаете предо мною.

Затѣмъ далъ онъ мнѣ прочесть письмо ковенскаго губернатора, гдѣ излагалось событіе съ подробностями, дополненными мѣстнымъ свидѣтелемъ евреемъ, содержателемъ корчмы, находящейся въ полуверстѣ на большой дорогѣ. Потомъ далъ прочесть слѣдственное донесеніе чиновника Постникова, состоявшаго при немъ по особымъ порученіямъ, бывшаго на мѣстѣ для разслѣдованія. Изъ донесенія оказывалось, что преступленіе было совершено при содѣйствіи ибянской шляхты, которая повиновалась приказу повстанскаго воеводы Шуклоты, сосѣдняго владѣльца мѣстечка Лопе. Мѣстечко это принадлежало двумъ братьямъ, изъ которыхъ одинъ считался вѣшателемъ русскихъ, а печать его служила смертнымъ приговоромъ.

Въ ввду серьезности дѣла я просилъ Муравьева дать мнѣ письменный приказъ, который служилъ бы мнѣ оправдательнымъ документомъ.

— Приказъ данъ уже губернатору и исполнять его будутъ войска, но вы получите отъ меня телеграмму.

Затѣмъ онъ отпустилъ меня въ Ковно.

На третій день, утромъ рано, составлялась экспедиція, въ которую назначена была рота астраханскаго полка, сто драгунъ псковскаго и десять казаковъ. Начальство надъ экспедиціей пожелалъ принять самъ князь Яшвиль; со мною же въ коляскѣ ѣхалъ Постниковъ и ковенскій мировой посредникъ, братъ мой.

Порученіе предстоявшее къ исполненію заключалось въ слѣдующемъ: забрать всѣхъ крестьянъ-шляхтичей, ихъ имущество продать, а околицу Ибяны сжечь. Что касается мѣстечка Лопе, то сжечь его признано не удобнымъ, какъ принадлежащее двумъ владѣльцамъ. Предписаніе это было подтверждено телеграммой, полученной мною на пути слѣдованія. Все это мы должны были испол-

нить въ тотъ же день, такъ какъ обѣ мѣстности находились по близости Ковно.

Князь Яшвиль ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи офицеровъ и дорогой часто подъѣзжалъ къ коляскѣ съ предложеніемъ завернуть по дорогѣ въ ту или другую мызу, чтобы осмотрѣть нѣтъ ли тамъ повстанцевъ.

— А тамъ мои драгуны если и подпалятъ случайно дома, то бѣда будетъ не велика, говорилъ онъ.

Постниковъ бывшій еще прежде на мѣстѣ, и какъ видѣвшій всѣ ужасы совершонные надъ несчастными русскими казалось сочувствовалъ предложеніямъ князя; но я, помня инструкцію Муравьева, отстаивалъ буквальное исполненіе приказанія; мнѣ это удалось, и мы остались на законной почвѣ въ совершаемомъ нами беззаконіи.

Прибывъ къ Шуклотѣ на мызу, мы ничего не нашли, хозяева видимо только-что скрылись. Постниковъ принялся за опись скота и амбаровъ; солдаты повалили быка себѣ на завтракъ и тутъ же стали дѣлить его; казаки, оставя солдатамъ заботу о столѣ, принялись всюду шарить и опустошать даже карманы прислуги. Выходило чтò-то безобразное, такъ какъ трудно было услѣдить за всѣмъ, и еще труднѣе отыскать грань, гдѣ законное взысканіе отличалось отъ насилія и грабежа. Женщины съ воемъ бѣжали къ намъ съ просьбой защитить ихъ отъ «тнеклентыхъ кацаповъ», которые даже у нихъ отбираютъ ихъ имущество. Я попробовалъ было за нихъ вступиться и попалъ въ просакъ: оказалось, что прислуга, видя общее расхищеніе, съ своей стороны захватила шелковыя платья госпожи, серебрянный самоваръ и проч. Такимъ образомъ у нихъ отбирали ими же награбленное. Я махнулъ рукой. Все найденное тутъ было забрано на подводы, которыя вмѣстѣ съ живностью и скотомъ отправлены въ Ковно, а мы послѣ завтрака продолжали свой путь и къ тремъ часамъ прибыли въ корчму еврея близъ Ибянъ; войска расположились на лугу; пѣхота составила ружья въ козлы, а драгуны спѣшились.

Околица Ибяны представляла благоустроенное мѣстечко въ которомъ было до тридцати усадебъ: чистенькіе домики со службами и при каждомъ большой огородъ, расположенные при рѣчкѣ; кругомъ довольно густые сосновые и дубовые лѣса. Поля прекрасно обдѣланы, но хлѣбъ былъ уже снятъ.

Околицу оцѣпили войсками и князь Яшвиль приказалъ созвать жителей и объявить имъ, чтобы они выбирались изъ домовъ и выносили чтò успѣютъ; онъ хотѣлъ жечь немедленно, но я упросилъ дать два часа сроку, послѣ чего всѣ дома должны были быть подожжены. Жителей однако на оказалось: все, что было мужскаго населенія, скрылось въ окружающіе лѣса, и во всемъ мѣстечкѣ не нашлось налицо болѣе пятнадцати женщинъ съ малолѣтними дѣтьми ужасъ поразившій ихъ нашимъ объявленіемъ былъ неописанный

Нѣкоторыя пробовали просить помилованія, котораго мы не въ правѣ были имъ дать.

Я особенно помню женщину, которая, взявъ на руки грудного ребенка и ставъ на колѣна, проползла къ намъ по землѣ тѣ полверсты, которыя отдѣляли насъ отъ мѣстечка, надѣясь насъ разжалобить. Другія, пользуясь двухчасовой отсрочкой, бросились вытаскивать изъ своихъ жилищъ на огородъ чтò могли и въ этомъ имъ помогали добродушные русскіе солдаты.

Я пошелъ по домамъ, чтобы лично убѣдиться, что въ нихъ не осталось ни души; въ одномъ я нашелъ шестилѣтняго мальчика, котораго запрятала мать съ приказаніемъ не выходить къ москалямъ, которые забьютъ его: въ попыхахъ, спасая разныя коробки, она забыла объ немъ. Отворяя дверь другого дома, я чуть не былъ сшибленъ съ ногъ полудюжиной поросятъ, бросившихся мнѣ подъ ноги; они едва преждевременно не попали на жаркое. Войдя въ нарядный домикъ ксендза, также никого не нашелъ; на письменномъ столѣ лежала развернутая книга, подлѣ нея очки и носовой платокъ. Видимо было, что хозяинъ дома сію минуту только скрылся и вмѣстѣ съ жителями смотритъ на насъ откуда нибудь изъ чащи лѣса, чтобы знать чтò мы предпримемъ.

Ровно въ пять часовъ, солдаты съ зазженными пуками соломы въ рукахъ начали подпаливать дома; матеріалъ представлялся удобный, такъ какъ многія крыши были крыты соломой, и чрезъ четверть часа два ряда строеній вдоль дороги, такъ ярко пылали, что зарево видно было въ Ковно. Раза два произошли взрывы, которые еврей объяснилъ нахожденіемъ въ околицѣ складовъ пороха.

Былъ одиннадцатый часъ вечера, когда мы тронулись въ обратный путь, оставляя догоравшія строенія; на мѣстѣ пожарища осталась лишь одна еврейская корчма. За войскомъ слѣдовалъ цѣлый рядъ подводъ со всевозможнымъ шляхетскимъ имуществомъ; лошади и телѣги нашлись, но возчиками были солдаты. Возлѣ телѣгъ шли женщины съ дѣтьми и домашній скотъ; движеніе было очень затруднено этимъ обозомъ, и кромѣ того ночь была темная, непроглядная. Мы тянулись по узкой тропинкѣ чрезъ лѣсъ; въ головѣ колонны ѣхали драгуны по два въ рядъ, и на десять шаговъ впереди трудно было чтò либо разглядѣть. Гдѣ то сзади раздался выстрѣлъ и шествіе остановилось; выстрѣлъ послѣдовалъ изъ лѣса, но такъ какъ не было никакихъ послѣдствій, то мы продолжали путь и къ тремъ часамъ утра возвратились въ Ковно.

Впослѣдствіи тотъ же еврей разсказывалъ намъ, что все время пожара и обратнаго пути, за нами наблюдала шайка, состоящая изъ жителей Ибянъ, къ которымъ примкнуло нѣсколько сосѣднихъ пановъ. Между ними былъ поднятъ серьезный вопросъ, чтобы стрѣлять въ насъ, и это дѣйствительно могло имѣть опасныя для насъ послѣдствія: невидимый врагъ могъ стрѣлять въ насъ чуть не въ

упоръ, а лошади съ испугу надѣлали бы суматохи, и Богъ знаетъ что̀ бы затѣмъ произошло съ нами и конвоемъ. Но находившіеся въ шайкѣ сосѣдніе помѣщики, опасаясь, чтобы ихъ усадьбы не подверглись участи Ибянъ, убѣдили оставить насъ слѣдовать спокойно домой. Только одинъ выстрѣлъ и былъ сдѣланъ кѣмъ-то изъ нихъ.

Я отправился въ Вильно лично отдать Муравьеву отчетъ въ исполненіи порученія. Выслушавъ отъ меня всѣ подробности онъ сказалъ:

— Теперь, когда мы сравняли съ землей шляхетскую околицу надо стереть съ земли самую память названія Ибянъ. Я желаю на этомъ мѣстѣ устроить русскую слободу, и поручаю вамъ представить мнѣ проектъ заселенія ея русскими. Я былъ бы доволенъ если бы чрезъ годъ тамъ было русское село.

Съ этимъ человѣкомъ не приходилось дремать, и потому палатою сдѣланы были немедленно надлежащія распоряженія объ опредѣленіи количества и достоинства ибянской земли; затѣмъ предстояло нарѣзать ее на число участковъ по нормѣ принятой для самостоятельнаго хозяйства семьи; опредѣлить приблизительно стоимость построекъ, а также количество строеваго лѣса, которое можно было бы отпустить безъ истощенія казенныхъ дачъ. Чрезъ мѣсяцъ проектъ со всѣми вычисленіями былъ готовъ; оказалось возможнымъ надѣлить участниками тридцать двѣ семьи, выдавая на каждую по триста рублей изъ хозяйственнаго капитала и по полтораста бревенъ изъ сосѣдней орловской дачи. Для наблюденія за работами былъ спеціально назначенъ чиновникъ Труневъ, человѣкъ особенно способный и хозяйственный. Семьи, надѣленныя участками, должны были принимать дѣятельное участіе въ возведеніи предназначенныхъ имъ построекъ. Проектъ этотъ въ возможной полнотѣ былъ представленъ Муравьеву, при чемъ я выразилъ надежду, что къ будущему Николину дню, 9-го мая, слобода будетъ готова. Михаилъ Николаевичъ пожелалъ назвать ее Никольской слободой.

Участки были распредѣлены между семьями русскихъ, пострадавшихъ въ лицѣ ихъ членовъ отъ повстанія, и работа закипѣла; семьи съѣхались и помѣстились на будущемъ мѣстѣ жительства въ наскоро сколоченныхъ шалашахъ; пошла возка лѣса, распиловка на доски; топоры звенѣли. Между крестьянами устроено было самоуправленіе на выборномъ началѣ.

Избы русской архитектуры быстро воздвигались при взаимномъ соревнованіи и въ половинѣ апрѣля 1864 года я могъ уже объявить, что слобода готова и остается лишь ее освятить по русскому обычаю и на Николинъ день устроить русскій праздникъ. Это былъ день имянинъ губернатора, котораго отецъ поздравилъ телеграммой, выражая сожалѣніе, что самъ не будетъ на торжествѣ. Онъ поручалъ сыну передать поселенцамъ послѣ молитвы акты на владѣніе землями.

День выдался удачный, на празднество были приглашены всѣ ковенскія власти и русскія дамы. Слобода отстояла отъ Ковно примѣрно верстъ десять, и городскіе экипажи привезли приглашенныхъ. Новое русское населеніе находилось налицо въ праздничныхъ нарядахъ; для нихъ были раскинуты на лугу столы со скамьями изъ досокъ и заготовленъ обѣдъ; вблизи стояли качели. На особомъ же холмѣ въ сторонѣ поставлены были два шатра; одинъ для походной кухни, а другой для вмѣщенія до ста человѣкъ гостей за обѣденнымъ столомъ. Праздникъ начался съ панихиды по убіеннымъ, затѣмъ молебны съ водосвятіемъ и окропленіемъ новыхъ жилищъ. Празднество вышло національное и вполнѣ удачное; оно имѣло еще и ту хорошую сторону, что отличный лафитъ подогрѣлъ наши отношенія съ губернаторомъ.

Способъ водворенія русскихъ понравился генералъ-губернатору и онъ приказалъ держаться той же системы при устройствѣ другихъ селеній: слободы Преображенской, Москвитъ и Леплюнъ.

Не всѣ распоряженія Муравьева заслуживали одобренія: противъ него была сильная партія въ Петербургѣ, и въ то время какъ почитатели его признали его достойнымъ высшихъ наградъ и пророчили ему титулъ графа литовскаго, другая партія, состоявшая въ родствѣ съ польскими знатными фамиліями, или просто противница крутыхъ мѣръ, хлопотала объ удаленіи суроваго генералъ-губернатора; говорили, что его мѣры принесли уже свою пользу и пора замѣнить его личностью болѣе гуманною.

Въ западный край присланъ былъ генералъ-адъютантъ Крыжановскій, который объѣхалъ губерніи, и молва называла его уже замѣстителемъ; но тѣмъ дѣло и кончилось. Партія національная восторжествовала; Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщалъ горячія статьи, сочувственныя муравьевской политикѣ. Статьи эти читались съ жадностью Москвою и всею Россіей и общій голосъ сказывался за продолженіе удачно начатой системы, до полнаго умиротворенія края.

Мѣры эти давали себя тяжело чувствовать полякамъ; однѣ ковенскія тюрьмы и остроги заключали въ себѣ до полутора тысячъ арестованныхъ; для такого количества недоставало обыкновенныхъ мѣстъ заключенія и наскоро были устроены временныя арестантскія помѣщенія. Коммисіи неустанно работали и партіи осужденныхъ еженедѣльно отправлялись въ ссылку; но на мѣсто выбывшихъ поступали новыя лица и число плѣнниковъ не уменьшалось.

Много лицъ подверглось также смертной казни, и гроза эта чаще другихъ поражала ксендзовъ; для нихъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, не было пощады; и замѣчательно, что люди эти менѣе другихъ выказывали мужества предъ смертью. Одинъ ксендзъ, когда его повели къ висѣлицѣ, объявилъ, что онъ желаетъ сообщить

тайну, открыть составъ варшавскаго революціоннаго комитета. Губернаторъ отвѣчалъ, что уже поздно и велѣлъ бить дробь; приговоренный сталъ кричать и бороться; его насильно взвели подъ висѣлицу, связали руки и съ затрудненіемъ надѣли саванъ. Когда его поставили на роковую скамью подъ петлю, онъ ногами сбросилъ ее; тогда его подняли на рукахъ, но не могли удобно надѣть петли, которая и прошла у него подъ подбородкомъ и затылкомъ. Обыкновенно смерть бываетъ мгновенна, но тутъ несчастный бился на воздухѣ, кровь шла изъ горла и чтобы покончить съ этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ, его должны были тянуть за ноги. Ночью онъ былъ снятъ съ висѣлицы и похороненъ за городомъ, а утромъ на его могилѣ оказались положенные вѣнки. Въ то время даже такія выраженія сочувствія составляли преступленіе. Дознались, что это было сдѣлано двумя женщинами и ихъ выслали изъ губерніи на жительство внутрь Россіи.

Мнѣ пришлось присутствовать на казни другого ксендза, приговореннаго къ растрѣлянію, какъ лицо взятое съ оружіемъ въ рукахъ. На допросахъ онъ все время путался и лгалъ; при экзекуціи, послѣ absolutum даннаго ему ксендзомъ, онъ машинально выслушалъ приговоръ, и былъ такъ слабъ, что его, взявъ подъ руки, подвели къ столбу, за которымъ была вырыта его будущая могила, завязали глаза и привязали къ столбу. Когда забили дробь и вмѣсто команды махнули платкомъ, раздались двѣнадцать выстрѣловъ; на саванѣ его обозначились кровавыя пятна; его всего передернуло, но казалось онъ былъ еще живъ, потому что держался на ногахъ. Немедленно подошелъ унтеръ-офицеръ и, выстрѣливъ въ упоръ, докончилъ его; тѣло отвязали и тутъ же въ ямѣ зарыли. Въ эту минуту ко мнѣ подскакалъ казацкій офицеръ съ извѣстіемъ, что вице-губернаторъ Корецкій, стоявшій въ толпѣ, раненъ рикошетомъ пулею въ ногу и исходитъ кровью. На другой день пулю вынули, опасность миновала, но ему пришлось пролежать въ постелѣ около двухъ мѣсяцевъ.

Четырнадцатаго августа 1863 года, назначена была казнь Врублевскаго, начальника банды; видный молодой человѣкъ, онъ смѣло шелъ на разстрѣляніе; проходя по улицѣ мимо моихъ оконъ между солдатъ, онъ выступалъ бодро и посылалъ рукой поцѣлуи окружающимъ. Мнѣ разсказывали, что бодрость не покинула его и въ послѣднія минуты; онъ все время привѣтствовалъ рукою толпу и указывалъ на небо. Когда раздались выстрѣлы, онъ опустился на колѣно, но былъ еще живъ; потомъ стрѣляли во второй и наконецъ въ третій разъ. Видно у солдатъ, привычныхъ къ войнѣ, дрожали руки при исполненіи приговора надъ безоружнымъ.

Наступала зима; въ Ковно принялъ начальство надъ войсками генералъ-лейтенантъ Ганецкій, энергичный кавказскій боецъ, братъ командира лейбъ-гвардіи финляндскаго полка Ивана Степановича.

Количество шаекъ значительно уменьшилось, какъ отъ неустаннаго преслѣдованія ихъ войсками, такъ и отъ наступившихъ холодовъ, сдѣлавшихъ пребываніе въ лѣсахъ невыносимымъ; много повстанцевъ разошлось по домамъ или бѣжало за границу; но главный руководитель возстанія въ Ковенской губерніи ксендзъ Мацкевичъ не былъ взятъ, хотя за поимку его была назначена награда и извѣстно было, что онъ находится гдѣ-то въ губерніи.

Около половины декабря, небольшой отрядъ пѣхоты подъ начальствомъ молодого подпоручика слѣдовалъ лѣсомъ недалеко отъ Ковно. Проходя мимо одной корчмы, солдаты забѣжали напиться воды и увидѣли двухъ человѣкъ сидящихъ за столомъ. При первомъ появленіи «москалей» одинъ изъ сидящихъ вскочилъ и бросился къ окну готовясь выпрыгнуть. Это обратило вниманіе солдатъ, которые выйдя сказали объ этомъ офицеру. Когда русскіе снова вошли въ комнату, то бывшихъ въ ней лицъ и слѣдъ простылъ; оказалось, что они выбѣжали заднимъ ходомъ и укрылись въ лѣсъ. Молодой офицеръ рѣшился не оставлять этой встрѣчи безъ послѣдствій: онъ велѣлъ части солдатъ оставя ружья слѣдовать за собой и самъ бросился бѣгомъ догонять удаляющихся поляковъ. Преслѣдуя бѣглецовъ по лѣсу въ снѣгу, онъ увидѣлъ одного изъ нихъ лежащимъ подъ деревомъ, подбѣжалъ къ нему и приставилъ револьверъ къ груди упавшаго поляка.

— Не стрѣляйте въ меня, сказалъ тотъ, я Мацкевичъ.

Разсказывали, будто Мацкевичъ подалъ офицеру портфель съ 15 тысячами рублей, предлагая отпустить его. Скоро подбѣжали солдаты и важный арестантъ былъ доставленъ въ Ковно, у него оказалась на шеѣ рана, бывшая причиной его поимки. Онъ съ товарищемъ своимъ пробирался къ границѣ и если бы не встрѣча въ корчмѣ, то ему вѣроятно удалось бы скрыться, такъ какъ у него былъ паспортъ и деньги. Муравьевъ придавалъ большое значеніе поимкѣ Мацкевича и офицеръ взявшій его въ плѣнъ получилъ крестъ и три тысячи рублей награды.

Когда Мацкевичу сдѣлали вопросъ, какимъ образомъ онъ соединялъ званіе проповѣдника мира съ убійствами, онъ отвѣчалъ:

— Я былъ полякомъ прежде чѣмъ сталъ ксендзомъ.

Мацкевичъ зналъ всю организацію возстанія и потому употреблены были разные способы заставить его высказаться. Ему въ тюрьмѣ доставлены были всѣ удобства жизни; губернаторъ посылалъ ему сигары и по временамъ Мацкевичъ являлся въ кабинетѣ Николая Михайловича. Впрочемъ, дѣйствія этого послѣдняго были большею частью безтактны и частые выговоры сыпались на его голову изъ Вильно. Кажется надежда спасти свою жизнь побудила Мацкевича выдать своихъ сообщниковъ; по крайней мѣрѣ говорили, что ему обязаны многими открытіями и что онъ передалъ списокъ лицъ, игравшихъ видную роль въ возстаніи. Тѣмъ не менѣе онъ

былъ приговоренъ къ повѣшенію. На казнь онъ шелъ съ аффектаціей, курилъ дорогой сигару; отдалъ кому-то на улицѣ на память свой платокъ и т. д. Въ минуту казни онъ хотѣлъ говорить къ народу, но ему не дали высказаться; барабаны заглушили его рѣчь.

Смерть Мацкевича была послѣднимъ эпизодомъ возстанія; въ то время, какъ во всѣхъ губерніяхъ всякое сопротивленіе изчезло, и только распоряженія русскихъ властей давали чувствовать полякамъ всю тягость положенія побѣжденныхъ, Ковенская губернія съ ея чуждымъ населеніемъ на окраинѣ Россіи не поддавалась замиренію. Съ поимкой этого энергическаго борца мирная жизнь начала водворяться. Въ скоромъ времени и Муравьевъ оставилъ свой постъ и удалился на время въ деревню; усиленная дѣятельность и моральная борьба повліяли и на его желѣзный характеръ. Къ тому же у него развилась глазная болѣзнь. Впрочемъ, извѣстно, что ему еще разъ пришлось выказать свои энергическія дѣйствія; это было въ Каракозовскомъ дѣлѣ.

За услуги, оказанныя отечеству, третій изъ Муравьевыхъ получилъ титулъ графа.

Почти двадцать лѣтъ спустя мнѣ привелось жить во Франціи и не разъ случалось встрѣчаться со многими изъ поляковъ, участвовавшихъ въ возстаніи 1863 года. Чувство злобы къ Муравьеву у нихъ угасло: они отдавали справедливость его мудрымъ распоряженіямъ, говоря, что изо всѣхъ правителей западнаго края онъ наименѣе дѣлалъ имъ зла. Большинство изъ нихъ устроило свою жизнь въ изгнаніи безбѣдно; но всѣ вздыхали по родинѣ и дѣлали попытки примириться съ русскимъ правительствомъ. Изъ числа моихъ знакомыхъ, Залѣскій и Збышевскій, получили разрѣшеніе возвратиться въ Россію. Я зналъ въ Парижѣ нѣкоего Колупайно, ковенскаго дворянина, бывшаго офицера генеральнаго штаба; онъ осужденъ въ Россіи на смерть, но онъ сильно тоскуетъ по родинѣ и думаю сожалѣетъ о заблужденіяхъ своихъ и своихъ соотчичей. Всѣ они теперь говорятъ и пишутъ статьи, въ которыхъ развивается мысль о необходимости для Польши примиренія съ Россіей.

Но мнѣ случилось встрѣтить въ Парижѣ повстанца особаго рода: однажды мнѣ понадобилось найти переводчика статей съ русскаго на французскій языкъ и мои польскіе знакомые рекомендовали мнѣ нѣкоего г. Фененко, удовлетворяющаго требуемымъ условіямъ. Работой его я остался доволенъ; онъ чисто говорилъ порусски безъ всякаго акцента, и я спросилъ его при разговорѣ о причинахъ заставляющихъ его жить во Франціи въ нуждѣ.

Вотъ объясненіе, которое я услыхалъ отъ него:

— Происхожденіемъ я русскій и православный; по обстоятельствамъ мнѣ случилось быть въ западномъ краю при началѣ возстанія. Русское общественное мнѣніе вначалѣ сочувствовало полякамъ, и я, подъ вліяніемъ знакомства со многими изъ нихъ, провозглашалъ тосты за освобожденіе Польши. Думая быть послѣдовательнымъ, я отправился съ польскими друзьями въ лѣсъ, гдѣ былъ назначенъ съѣздъ освободителей Польши. Затѣмъ оказалось, что оттуда мнѣ ужё нѣтъ возврата, и я почти противъ воли былъ въ одной стычкѣ съ русскими войсками. Насъ преслѣдовали до границы и я бѣжалъ сюда, гдѣ и существую помощью друзей-поляковъ. Часто спрашиваю себя: за что̀ я своимъ легкомысліемъ погубилъ свою будущность и потерялъ семью и родину?—При этомъ онъ заплакалъ.

Мнѣ онъ былъ жалокъ, я далъ ему сто франковъ; но руки своей при прощаніи ему не подалъ.

Я. Бутковскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ И. С. ТУРГЕНЕВѢ.

КАЖДАГО наблюдателя найдется всегда что-нибудь свое, что-нибудь лишнее противъ того, что разсказываютъ другіе о какомъ-либо замѣчательномъ человѣкѣ или происшествіи. Мнѣ припомнилось кое-что лишнее, покамѣсть ни кѣмъ еще не разсказанное, о нашемъ незабвенномъ Иванѣ Сергѣевичѣ Тургеневѣ — и я рѣшаюсь передать это читателямъ. Начну, однако, по порядку, съ самаго начала, причемъ, по необходимости, долженъ буду повторять и то, что́ всѣмъ извѣстно.

Тургеневъ принадлежалъ къ зажиточной дворянской фамиліи Россіи. Отецъ нашего талантливаго писателя, Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, былъ видный, эффектный мущина, служившій въ кавалеріи и любившій хорошо пожить. Онъ до позднихъ лѣтъ сохранилъ хорошее здоровье, смотрѣлъ очень молодо и былъ красивъ. Въ повѣстяхъ его сына, Ивана Сергѣевича, есть намекъ, что отецъ его никогда не переставалъ волочиться за хорошенькими женщинами и нерѣдко имѣлъ успѣхъ...

Выгодная женитьба на одной сосѣдкѣ по имѣнію, Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой, увеличила его состояніе въ значительной степени: онъ сталъ, просто-за-просто, богатымъ человѣкомъ. Впрочемъ, жена не давала ему въ полное распоряженіе своего огромнаго имѣнія (села Спасскаго-Лутовинова, Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда, заключавшаго въ себѣ 5,000 душъ).

Иванъ Сергѣевичъ былъ вторымъ ихъ сыномъ. Онъ родился 28-го октября 1818 года, въ городѣ Орлѣ, и былъ воспитанъ дома,

какъ воспитывались тогда дѣти всѣхъ достаточныхъ помѣщиковъ и дворянъ: съ раннихъ лѣтъ говорилъ отлично по-французски и по-нѣмецки.

Въ 1822 году, вся семья Тургеневыхъ отправилась путешествовать. Иванъ Сергѣевичъ, будучи всего четырехъ лѣтъ, успѣлъ побывать въ Германіи, Франціи и Швейцаріи. Потомъ его отвезли въ Москву и отдали въ частный пансіонъ Вейденгатмера. По окончаніи тамъ курса, онъ поступилъ въ московскій университетъ, по филологическому факультету (1834), а черезъ годъ, въ 1835 году, перешелъ въ петербургскій, гдѣ русскій языкъ читалъ тогда извѣстный другъ всѣхъ литераторовъ, всячески инымъ изъ нихъ помогавшій, и самъ немного литераторъ, Петръ Алексѣевичъ Плетневъ, которому Пушкинъ посвятилъ, какъ извѣстно, своего «Онѣгина». Плетневъ сейчасъ же замѣтилъ въ Тургеневѣ литературныя способности и послѣ подачи имъ, на третьемъ курсѣ, драмы въ пятистопныхъ ямбахъ, «Стеніо», написанной подъ вліяніемъ Байроновскаго «Манфреда», пригласилъ его къ себѣ на литературный вечеръ, гдѣ Тургеневъ въ первый разъ увидѣлъ кое-кого изъ нашихъ тогдашнихъ писателей.

Время выхода Ивана Сергѣевича изъ университета (дѣйствительнымъ студентомъ 1837 года) было чрезвычайно счастливымъ со стороны явленія первоклассныхъ талантовъ на разныхъ поприщахъ искусствъ и художествъ. Литература имѣла такихъ представителей, какъ Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, Герценъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ. Въ области критики выступилъ блистательно Бѣлинскій. Живопись по справедливости гордилась Брюловымъ, Бруни, Тропининымъ, Ивановымъ. Скульптура: Пименовымъ, Клодтомъ. Гравированіе: Уткинымъ и Іорданомъ. Музыка: Глинкой, Даргомыжскимъ, Верстовскимъ, Варламовымъ. Сцены московская и петербургская блистали множествомъ талантовъ. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ Уваровъ, знатокъ древней и новой литературы, знавшій греческихъ и римскихъ классиковъ въ оригиналахъ и самъ замѣчательный писатель. Никогда Россія не занималась такъ художествомъ и поэзіей, какъ объ эту пору. Каждое небольшое стихотвореніе Жуковскаго облетало мгновенно всѣ кружкй. Экспромтъ Пушкина ту же минуту заучивался наизустъ цѣлой массой интеллигенціи. Талантъ воспитывался какъ-то такъ, безъ хлопотъ съ чьей-либо стороны: его питалъ и совершенствовалъ, послѣ учебнаго заведенія, окружающій воздухъ.

Тургеневъ счелъ нужнымъ познакомиться и съ западной наукой. Онъ отправился за границу (1838) и слушалъ лекціи разныхъ нѣмецкихъ профессоровъ (преимущественно философовъ) въ берлинскомъ университетѣ, въ теченіи двухъ лѣтъ (1838 — 1840), одновременно съ талантливыми русскими людьми: Грановскимъ,

Станкевичемъ и Фроловымъ. Потомъ, воротясь въ Петербургъ, онъ сошелся съ Бѣлинскимъ и читалъ ему свои стихотворныя произведенія: «Помѣщикъ», «Балладу», «Параша» и другія, которыя потомъ напечаталъ въ «Современникѣ» Панаева и Некрасова, за подписью «Т. Л.» (Тургеневъ-Лутовиновъ). Всѣ эти стихотворенія были довольно плохи. Бѣлинскій отзывался объ нихъ съ дружескимъ снисхожденіемъ, но полнаго одобренія имъ никогда не высказывалъ. Тургеневъ самъ чувствовалъ, что это — «не то», чѣмъ можно сдѣлать себѣ литературную карьеру [1]). Настоящая дорога его какъ-то не отыскивалась. Этому причиною — хорошія средства къ жизни, постоянныя развлеченія и успѣхи между женщинами. Чтобы найти дорогу — надо присѣсть, очутиться въ трудныхъ условіяхъ жизни, въ невозможности то и дѣло разъѣзжать по баламъ и вечерамъ. Гоголь, поставленный тотчасъ послѣ выхода изъ нѣжинскаго лицея именно въ такія условія и притомъ физически не удавшійся, маленькій, неловкій, робкій (въ особенности передъ женщинами) высиживалъ на четвертыхъ этажахъ вдохновенье; писалъ много и азартно; жегъ и опять писалъ, ничѣмъ себя не развлекая; Тургеневъ, въ модныхъ, изящныхъ костюмахъ, носился изъ дома въ домъ, — ловкій, красивый, говорящій на трехъ европейскихъ языкахъ. Извѣстно: «удобѣе-бо вельбуду въ игольныя уши войти»... Гоголь пробился къ славѣ силой таланта сквозь всѣ тяжелыя условія жизни гораздо раньше Тургенева, хотя былъ старше его только на семь лѣтъ. Тургенева еще никто не зналъ, объ немъ рѣшительно нигдѣ не говорили, а разсказы «Рудаго-Панькô» («Вечера на хуторѣ близь Диканьки») успѣли уже обѣжать всѣ литературные кружкѝ. Всѣ ахали. Пушкинъ писалъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Инвалиду»: «Сейчасъ я прочелъ «Вечера близь Диканьки»: они изумили меня»!.. Черезъ пять лѣтъ потомъ Гоголь ставитъ на сцену «Ревизора»!.. А Тургеневъ только черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ этого (1847), написалъ первую прозаическую повѣсть, «Хорь и Калинычъ», на

---

[1]) Однажды на вечерѣ у графини Ростопчиной, въ 1850 году, «во едину отъ суботъ», какъ тогда говорилось въ ея московскомъ кружкѣ, хозяйкѣ вздумалось сказать бывшему тамъ Тургеневу: «вы, кажется, пописывали одно время подъ буквами «Т. Л.». Правда это?» — Правда-то, правда, отвѣчалъ Тургеневъ, но я бы желалъ, графиня, забыть объ этомъ; желалъ бы, чтобъ и публика забыла. Собираютъ пожалуй всѣхъ жучковъ, казявокъ, букашекъ и таракашекъ, неизвѣстно за чѣмъ существующихъ во вселенной: я боюсь, какъ Богъ знаетъ чего, чтобы не пришла кому-либо охота собрать и моихъ «жучковъ». Я противъ такихъ собраній. Мало ли что каждый изъ насъ скажетъ въ ранней молодости»!

Французскій живописецъ Деруледъ увѣряетъ, будто бы Віардо разсказывала гдѣ-то: «мнѣ представили Ивана Сергѣевича, въ 1845 году, и сказали: это молодой великорусскій помѣщикъ, хорошій стрѣлокъ, пріятный собесѣдникъ и плохой стихотворецъ»!

которую публика обратила свое вниманіе [1]). Будущій первый беллетристъ Россіи понялъ, что онъ отыскалъ, наконецъ, то, что̀ нужно: явился цѣлый рядъ такихъ разсказовъ, подъ названіемъ: «Записки Охотника». Слава Ивана Сергѣевича была сдѣлана, дорога найдена!

Только «вольнодумное» (по тогдашнимъ понятіямъ цензуры и III Отдѣленія) содержаніе иныхъ изъ этихъ разсказовъ обратило на себя вниманіе властей: за Тургеневымъ стали присматривать, какъ «за опаснымъ человѣкомъ». Очень обыкновенное письмо его, по случаю смерти Гоголя, было не пропущено къ печатанію въ Петербургѣ. Кто-то привезъ его въ Москву и тамъ напечаталъ. Иванъ Сергѣевичъ попадъ за это на цѣлый мѣсяцъ на гауптвахту, а потомъ, по просьбѣ какой-то бабушки или тетушки (лично объяснявшейся съ государемъ) уволенъ, съ тѣмъ, чтобы немедля уѣхалъ въ деревню и оттуда никуда не показывался. Новая просьба бабушки открыла ему, немного позже, ворота въ обѣ столицы. Онъ сталъ наѣзжать въ Москву и Петербургъ. Это было время, когда впервые явилась у насъ «итальянская опера». Въ Петербургѣ пѣли: Рубини, Тамбурини, Тамберликъ, съ примадонной Віардо-Гарсіей. Сверхъ необыкновеннаго голоса и высокой драматической игры, эта артистка обладала такими достоинствами, которыя даются не многимъ: она была образована, какъ самая высшая аристократка, обладающая большими средствами; говорила на многихъ языкахъ и отличалась чрезвычайнымъ изяществомъ пріемовъ. Въ салонахъ и на сценѣ ей прощали все; никто не видалъ, что она далеко не красавица, худощава, сутула; что черты лица ея черезъ-чуръ рѣзки [2]). Пройди она тысячу разъ по улицѣ мимо самаго наблюдательнаго ловеласа—онъ бы ее не замѣтилъ. А въ театрѣ, когда она играла, стономъ стоналъ весь партеръ; бо̀льшаго сумасшествованія и восторговъ, казалось, до тѣхъ поръ не видано. Въ особенности дѣйствовала на зрителей необыкновенная страстность ея игры. Рубини говорилъ ей не разъ послѣ спектакля: «не играй такъ страстно: умрешь на сценѣ»!

Въ числѣ исключительныхъ поклонниковъ артистки очутился довольно скоро молодой Гедеоновъ, сынъ директора петербургскихъ и московскихъ театровъ. Въ предохраненіе ея отъ простуды, онъ приказалъ устроить подлѣ сцены Большаго театра особую теплую комнату, гдѣ Віардо-Гарсія проводила нѣсколько часовъ послѣ всякаго спектакля, среди своихъ друзей, которыхъ число было сначала неограничено. Но потомъ, въ волшебный покой допуска-

---

[1]) Затѣтимъ, что Некрасовъ съ Панаевымъ не рѣшились дать этой повѣсти виднаго мѣста: она была напечатана въ «Смѣси» перваго нумера возобновленнаго ими плетневскаго «Современника».

[2]) Віардо-Гарсія была родомъ испанка.

лись только четверо, между прочимъ, и Иванъ Сергѣевичъ. Всѣ эти лица были хорошіе стрѣлки, которые часто охотились въ лѣсныхъ окрестностяхъ Петербурга и однажды привезли въ подарокъ своей богинѣ рѣдкаго по величинѣ и красотѣ шкуры медвѣдя. Она велѣла сдѣлать изъ него родъ одѣяла или ковра, причемъ обыкновенные когти звѣря были замѣнены золотыми. Чтобы доставить удовольствіе охотникамъ, Віардо, всякій разъ послѣ спектакля, покоилась на этомъ мѣдвѣдѣ, одѣтая въ бѣлый, кружевной пенюаръ. Друзья ея помѣщались у лапъ, занимали артистку разсказами о своихъ охотничьихъ похожденіяхъ, о чемъ случится, поили чаемъ, не то читали ей, по-очереди, произведенія міровыхъ поэтовъ разныхъ націй, по-французски, по-нѣмецки, по-итальянски, по-испански... Въ свѣтѣ скоро узнали о существованіи волшебнаго покоя, и прозвали счастливцевъ туда проникающихъ четырьмя лапами, № 1, 2, 3 и 4.

Каждая изъ лапъ воображала себя «на первомъ планѣ», но артистка кокетничала со всѣми одинаково. Можетъ быть, Гедеонову перепадало иногда нѣсколько лишнихъ улыбокъ и взглядовъ, такъ какъ онъ былъ для нея всѣхъ нужнѣе, но когда опера уѣхала изъ Петербурга, подлѣ Віардо явился одинъ Тургеневъ. Злые языки всегда найдутъ о чемъ-нибудь говорить,—говорили не мало всякаго вздора и тутъ... На самомъ дѣлѣ, Тургеневъ встрѣтился въ Европѣ съ семействомъ Віардо, какъ старый ихъ знакомый и сталъ у нихъ бывать. Мужъ Віардо, немного литераторъ, перевелъ нѣсколько повѣстей Ивана Сергѣевича на французскій языкъ: вотъ когда французская публика узнала о нашемъ знаменитомъ беллетристѣ. Жоржъ-Зандъ написала родъ критическаго разбора повѣстей Тургенева, съ которыми познакомилась изъ переводовъ Віардо; мало этого: сошлась съ нимъ по-дружески, считала его однимъ изъ самыхъ почетныхъ своихъ гостей.

Тургеневъ годъ отъ году болѣе и болѣе сближался съ семействомъ Віардо; наконецъ сталъ жить съ ними въ одномъ домѣ. Въ 1850 году, артистка уѣхала съ мужемъ въ Лондонъ—пѣть передъ самой взыскательной публикой. Тургеневъ остался на это время въ одномъ изъ ея замковъ, на границѣ Франціи и Испаніи, на горѣ, среди дремучаго сосноваго лѣсу. Внизу была деревушка, откуда приходила къ Ивану Сергѣевичу, въ извѣстные часы, старушка и приносила обѣдъ и ужинъ. Тургеневъ разсказывалъ однажды, при авторѣ, что ему становилось иногда въ пустомъ замкѣ очень жутко. Куда ни поглядишь: горы и темный лѣсъ, тянувшійся на необъятное пространство—и больше ничего. Онъ боялся даже нападенія разбойниковъ. «Еслибъ пробрался въ замокъ одинъ недобрый человѣкъ, я бы, вѣроятно, не струсилъ. Я подсидѣлъ-бы его, въ одной изъ удобныхъ для этого комнатъ, съ оружіемъ въ рукахъ—и принудилъ бы къ сдачѣ. Я бы ему сказалъ: вы

мнѣ ни на что не нужны; ни убивать васъ, ни преслѣдовать полиціей я не думаю. Но... разскажите мнѣ исторію своей жизни— и потомъ ступайте на всѣ четыре стороны!»

Никакой разбойникъ не доставилъ однако Ивану Сергѣевичу матерьяла для повѣсти. Ничего съ нимъ въ уединенномъ замкѣ не случилось, но невозмутимая тишина и одиночество настроили его вдохновенно: онъ написалъ тамъ свой чудесный разсказъ: «Дневникъ лишняго человѣка» и набросалъ планъ еще нѣсколькихъ повѣстей, однако же ни одного изъ нихъ не привелъ тогда въ исполненіе: хозяйка воротилась изъ своихъ странствій, въ замкѣ пошла довольно-шумная жизнь. Изъ Испаніи явились старыя тетки Віардо, вслѣдствіе чего вся семья заговорила по-испански. Тургеневъ тоже долженъ былъ учиться этому языку и мѣсяцевъ черезъ десять сталъ объясняться на немъ—не дурно, но генія языка, по собственному признанію его, не могъ одолѣть никогда [1]).

Чѣмъ долѣе заживался на чужбинѣ нашъ знаменитый беллетристъ, тѣмъ кошелекъ его становился пустѣе и пустѣе. Тургеневу хотѣлось ни въ чемъ не отставать отъ семьи Віардо; но это оказалось невозможнымъ: у Віардо было въ то время очень много денегъ; у ея друга—только то, что̀ давала ему литература и что̀ присылали, время отъ времени, изъ Спасскаго. Эти послѣдніе доходы, по смерти отца, почти вовсе прекратились. Старшій братъ Ивана Сергѣевича, Николай, жившій постоянно въ Петербургѣ, дошелъ до такого стѣсненія, что давалъ уроки французскаго языка, а потомъ женился на одной гувернанткѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею открыть пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ... Скупая и суровая старуха, Варвара Петровна, когда знакомые и друзья начинали заговаривать объ ея дѣтяхъ, съ тѣмъ, чтобъ ее разжалобить и расположить къ щедрости, выражалась обыкновенно: «ни за что не буду бросать на нихъ денегъ, они этого не стоятъ: ничего не дѣлаютъ, только балахрыстничаютъ, а служить не хотятъ. Молодому человѣку безъ службы не хорошо. Всѣ порядочные люди служатъ!»

Иванъ Сергѣевичъ, желая угодить матери и вмѣстѣ получить право на ея поддержку, попробовалъ, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Петербургъ, около 1851 года, поступить куда-нибудь на службу. Разумѣется, онъ сталъ искать службы легкой, которая давала бы ему возможность заниматься литературой и ѣздить за границу. Ему вообразилось, что такую службу онъ найдетъ скорѣе всего въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, директоромъ которой былъ извѣстный писатель, В. И. Даль. Тургеневъ, думалъ, что онъ не станетъ требовать того отъ литератора, чего требуетъ отъ

---

[1]) Отъ самого Тургенева.

чиновниковъ—не литераторовъ. Но «честный нѣмецъ» былъ, вездѣ и во всемъ одинъ и тотъ-же: точный, исполнительный, неумолимо-строгій. Даль распекъ Тургенева въ первый-же день его службы за то, что онъ нѣсколько опоздалъ. Тургеневъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, какъ-бы не вѣря своимъ глазамъ, что передъ нимъ—тотъ самый Даль, съ которымъ онъ провелъ не дальше какъ вчера, такой пріятный вечеръ у Плетнева, а третьяго дни—у Жуковскаго.

Второй выговоръ, за то-же, былъ пожоще перваго; третій еще пожоще... Иванъ Сергѣевичъ подалъ въ отставку и далъ себѣ слово никуда болѣе не опредѣляться—что̀ ни будетъ. Онъ уѣхалъ въ Европу надолго. Даже имѣлъ одно время намѣреніе вовсе переселиться на Западъ, эмигрировать—и признается въ этомъ печатно...

Чѣмъ онъ жилъ тогда, на какія средства, этого опредѣленно никто не знаетъ. Говорятъ, что Віардо помогала своему другу въ трудныя минуты, что у нихъ былъ общій кошелекъ. Можетъ быть. Но впослѣдствіи обстоятельства перемѣнились, и Тургеневъ за все расплатился съ лихвой...

Такая странная, съ неопредѣленными доходами жизнь, тянулась до смерти матери. Послѣ смерти ея братья вздохнули свободнѣе, сдѣлавшись обладателями отличнаго, незаложеннаго имѣнія. Они сейчасъ же раздѣлились и переѣхали на житье въ деревню. Какъ охотникъ съ ружьемъ, Иванъ Сергѣевичъ пустился въ странствія по лѣсамъ и болотамъ, то одинъ, то въ обществѣ друзей; настроилъ въ разныхъ пунктахъ имѣнія охотничьихъ павильоновъ; въ ненастное время писалъ, а зимою показывался въ столицахъ. Ему было пріятно, что на него всѣ смотрятъ, какъ на извѣстность, когда онъ являлся гдѣ-нибудь въ обществѣ, среди массы сюртуковъ и фраковъ. Да и нельзя было не смотрѣть: сановитая, красивая, большая фигура Ивана Сергѣевича сама собою бросалась въ глаза, въ какой угодно толпѣ; его чудесная голова, съ безподобной, мягкой улыбкой, съ темной гривой льва, падавшей на широкія плечи, видна была всякому издали...

Въ Москвѣ жилъ въ то время дядя Ивана Сергѣевича, Петръ Николаевичъ Тургеневъ, когда-то кирасиръ, человѣкъ уже не молодой, но хорошо сохранившійся. Онъ былъ тоже помѣщикъ Орловской губерніи. Недурное имѣніе давало ему возможность жить довольно открыто и собирать къ себѣ по вечерамъ, въ иные дни, кружокъ знакомыхъ,—болѣе всего видной и хорошо-устроенной молодежи. Дѣлалось это для двухъ взрослыхъ дочерей...

На этихъ вечерахъ появлялась временами племянница хозяина, той же фамиліи, Елизавета Алексѣевна Тургенева, очень миловидная блондинка, лѣтъ 15—16, также орловская помѣщица. Будучи сиротой, она самостоятельно управляла своей небольшой деревень-

кой, которая была для нея все: и средства къ жизни, и костюмы на выѣзды къ дядюшкѣ и куда случится, и приданое. Оттуда же получалась, зимою, всякая провизія: мука, крупа, свиныя туши, мерзлые индѣйки, гуси, утки, куры ... а равно и необходимая въ домѣ прислуга.

Въ числѣ послѣдней находилась дворовая дѣвушка, Ѳеоктиста, которую, по тогдашнимъ обычаямъ, никто не называлъ полнымъ именемъ, начиная отъ ея барыни и кончая ея родней, даже — нѣкоторыми ближайшими знакомыми: для всѣхъ она была Ѳетистка.

Въ первую минуту въ ней не усматривалось ничего ровно: сухощавая, недурная собою брюнетка—и только. Но чѣмъ болѣе на нее глядѣли, тѣмъ болѣе отыскивалось въ чертахъ ея продолговатаго, немного смуглаго личика, чего-то невыразимо-привлекательнаго и симпатичнаго. Иногда она такъ взглядывала, что не оторвался бы... Стройности она была поразительной, руки и ноги у нея были маленькія; походка гордая, величественная. Не одинъ изъ гостей Елизаветы Алексѣевны, разсматривая ея горничную, невольно думалъ: откуда въ ней все это взялось?.. Ни съ какой стороны не напоминала она дѣвичью и дворню. Прибавимъ къ этому, что ея барыня, сама изящная, съ большимъ вкусомъ и соображеніемъ, умѣла отличать свою Ѳетистку отъ всѣхъ другихъ служанокъ и одѣвала, какъ барышню.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ заглянулъ какъ-то къ кузинѣ, отъ нечего дѣлать. Ѳетиска произвела на него сразу очень сильное впечатлѣніе. Онъ сдѣлалъ, въ скоромъ времени, еще визитъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Ѳетистка еще болѣе ему понравилась. Онъ сталъ бывать у кузины часто — и влюбился въ ея горничную по уши. Онъ говоритъ въ одномъ своемъ разсказѣ, что «когда одна горничная входила при немъ въ комнату, онъ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и покрыть ея башмаки поцѣлуями»...

Немного нужно было думать тогдашнему богатому помѣщику, чтобы додуматься до прозаической мысли: «а что, если я куплю эту дѣвочку?» Теперь это звучитъ какъ-то странно и дико; тогда— не звучало... никакъ; не казалось дикимъ даже и образованному русскому человѣку, знакомому съ Европой и ея условіями жизни. Не было дико и для изящнаго поклонника и друга Віардо-Гарсіи; а если и было, то все-таки не до такой степени, чтобы онъ въ тѣ страстныя минуты отказался отъ своихъ правъ.

Довольно скоро Иванъ Сергѣевичъ повелъ съ кузиной «прозаическій разговоръ», котораго она съ часу на часъ ожидала и потому достаточно къ нему приготовилась. Кузенъ услышалъ отъ нея такой кушъ, что, несмотря на свою влюбленность, былъ нѣсколько озадаченъ. Кузина замѣтила при этомъ, что «собственно,

ей не слѣдовало бы разставаться съ Ѳетисткой; что это такая горничная, какой она уже не найдетъ, но... бываютъ въ жизни обстоятельства, когда дѣлаешь многое противъ сердца. Притомъ она полагаетъ, даже увѣрена вполнѣ, что Ѳетисткѣ, на новомъ мѣстѣ, хуже не будетъ—и это успокоиваетъ ея совѣсть».

Потолковали еще немного—и дѣло кончилось на семистахъ рубляхъ: цѣна большая, такъ какъ дворовыя дѣвки продавались тогда рублей по 25, 30 и не шли далѣе 50. Послѣдняя цифра даже считалась «съумашествіемъ».

Деньги были тутъ же отданы, а на другой или на третій день Ѳетистка, обливаясь слезами, перебралась на квартиру Ивана Сергѣевича, который ей признался тутъ же, что «очень ее любитъ и постарается сдѣлать счастливой». Что онъ ее любитъ — Ѳетистка давно знала, но въ счастіе съ нимъ не вѣрила. Ей, какъ рабѣ, надо было примириться поскорѣе со всѣми охлаждающими мыслями и дѣлать то, что прикажетъ «новый баринъ».

А новый баринъ накупилъ ей сейчасъ же всякихъ богатыхъ матерій, одеждъ, украшеній, бѣлья изъ тонкаго полотна, посадилъ ее въ карету и отправилъ въ Спасское; а потомъ пріѣхалъ туда и самъ.

Прошелъ идиллическій годъ... можетъ, и меньше... новый баринъ Ѳетистки началъ сильно скучать. Въ предметѣ его страсти оказались большіе недостатки; прежде всего — страшная неразвитость. Она ничего не знала изъ того, что не худо было бы знать. находясь въ такихъ условіяхъ жизни, въ какія она нечаянно попала. Съ нею не было никакой возможности говорить ни о чемъ другомъ, какъ только о сосѣдскихъ дрязгахъ и сплетняхъ. Она была даже безграмотна! Иванъ Сергѣевичъ попробовалъ было, въ первые медовые мѣсяцы (когда съ нею почти не разставался), поучить ее читать и писать, но увы! это далеко не пошло: ученица его смертельно скучала за уроками, сердилась... Потомъ явились на сцену обыкновенные припадки «замужнихъ женщинъ», а вслѣдъ затѣмъ произошло на свѣтъ прелестное дитя... Мы забѣжимъ впередъ и скажемъ читателямъ, что это была та знаменитая Ася, которая извѣстна всей образованной Россіи. Припомните эту симпатичную «дикарку»: ей было вездѣ и всегда какъ-то не по-себѣ, чего-то недоставало — ей недоставало, просто-за-просто, матери, такой же, какъ отецъ!..

Оставя Асю, вскорѣ послѣ ея рожденія, на попеченіе ея родительницы, Тургеневъ укатилъ въ Европу, по которой сильно скучалъ. Онъ скучалъ и по семейству Віардо, съ которымъ сошелся, которое было ему потребно болѣе, чѣмъ что̀-либо на свѣтѣ. Тутъ всѣ они поняли, какъ тѣсно связаны другъ съ другомъ нравственными узами; поняли, что разставаться имъ просто-за-просто — невозможно! Зажили вмѣстѣ и зажили хорошо, можно сказать, ни

въ чемъ себѣ не отказывая. У Віардо были тогда еще изрядныя деньги. Тургеневъ получалъ съ своего Орловскаго имѣнія нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ. Періодическія изданія платили ему по 400 рублей за листъ. Катковъ заплатилъ ему за одну только повѣсть «Отцы и Дѣти» 10,000 рублей. Довольно скоро «семейство» рѣшило купить въ Баденъ-Баденѣ виллу и жить тамъ постоянно, собирая около себя, время отъ времени, артистовъ и поэтовъ всякихъ націй.

Вилла эта была, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, очень замѣтнымъ пунктомъ въ Европѣ (1867 — 1870). Тамъ съѣзжалось лѣтомъ все замѣчательное по части живописи, скульптуры, поэзіи, музыки. Віардо пѣла, даже играла разныя роли въ легкихъ опереткахъ, которыя сочинялъ ея другъ. Въ числѣ почетныхъ зрителей маленькаго театра были временами даже и коронованныя особы; чаще всего показывался императоръ Вильгельмъ (тогда еще «король»),—старый другъ и поклонникъ хозяйки.

Время шло для счастливыхъ обладателей виллы незамѣтно, такъ незамѣтно, что они не замѣтили даже и того, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный вечеръ въ «обѣихъ» кассахъ стало пусто... Тургеневъ заложилъ свое имѣніе. Віардо рѣшилась продать свою баденскую виллу (купленную собственно на деньги Ивана Сергѣевича и подаренную имъ Віардо) — и переѣхать въ Парижъ, чтобы давать уроки музыки и пѣть. Тургеневъ, кромѣ того, съѣздилъ въ Россію и собралъ тамъ кое-что у книгопродавцевъ и редакторовъ періодическихъ изданій. На деньги, вырученныя такимъ образомъ, друзья купили въ Парижѣ домъ, rue de Douai, 50, и дачу при деревнѣ Буживаль, на часъ ѣзды отъ Парижа по желѣзной дорогѣ.

Между тѣмъ Ася подросла. Отецъ привезъ ее въ Парижъ и отдалъ Віардо на воспитаніе. Легко понять, какія изъ этого возникли сплетни... Спустя нѣсколько времени, Ася вышла за одного богатаго француза, но скоро его оставила...

Жизнь, которую повели друзья на новомъ мѣстѣ и въ новыхъ условіяхъ, тоже не соотвѣтствовала ихъ средствамъ. Въ 1881 году, Тургеневъ, уже бѣлый какъ лунь, продалъ свою прекрасную картинную галлерею, которую собиралъ въ теченіи многихъ лѣтъ и которая заключала въ себѣ очень рѣдкія вещи. Деньги пошли въ общую кассу. Туда же ухнули и 20,000 рублей, полученные имъ съ московскаго книгопрадавца Салаева, постояннаго издателя сочиненій Тургенева. Взято, что̀ можно было взять, и съ имѣнія...

Бывши въ Парижѣ на выставкѣ 1878 года, пишущій эти строки встрѣтился съ Тургеневымъ, какъ старый его знакомый, и спросилъ у него между прочимъ: «доволенъ-ли онъ Парижемъ? Все-ли онъ тамъ находитъ, что̀ нужно русскому образованному человѣку? Не скучно ли временами по Россіи?» Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ:

«русскому нельзя не скучать по Россіи, куда-бы онъ ни переѣхалъ. Другой Россіи для русскаго нигдѣ не найдется. Россія и русскіе—это нѣчто совсѣмъ особенное. Поэтому насъ никто надлежащимъ образомъ не понимаетъ; въ особенности не способны на это французы. Я живу здѣсь въ кругу высшей интеллигенціи, но эта интеллигенція ничего не видитъ дальше своего носу. Она не понимаетъ хорошаго и геніальнаго другихъ націй. Геній Англіи, Германіи, Италіи—для французовъ почти не существуютъ. Объ насъ и говорить нечего... Совершенно для нихъ одно только французское. Я сталъ какъ-то объяснять одному моему пріятелю, очень умному и смѣтливому французу, красоты какого-то Пушкинскаго стихотворенія, для меня представляющаго безцѣнный перлъ нашей поэзіи, нѣчто безукоризненное во всѣхъ отношеніяхъ. Французъ, выслушавъ меня, сказалъ: «c'est plat, mon cher!» Неугодно-ли!.. Исключенія, впрочемъ, изрѣдка бываютъ. Жоржъ-Зандъ понимала насъ такъ, какъ-бы родилась русскою, но... она все понимала! Это было совершенно-исключительное созданіе, ни на кого не похожее. Изъ новыхъ способнѣе другихъ къ пониманію чужаго—Золя, и больше никого нѣтъ. Если я живу въ Парижѣ, то—совсѣмъ не для Парижа. Онъ меня далеко не удовлетворяетъ. Но... судьбѣ угодно было, чтобы я не обзавелся во время своею семьей. А одному вѣчно жить нельзя, тошно, особенно когда начнешь подвигаться къ преклоннымъ лѣтамъ. Для меня нашлась семья здѣсь, семья чужая, но мы такъ сжились, что разлука, разрывъ, стали для насъ невозможны, немыслимы. Гдѣ живутъ они, тамъ и я долженъ жить. Теперь они въ Парижѣ — и я въ Парижѣ. Переѣзжай они завтра въ Австралію—и я уѣду въ Австралію!»

Годомъ позже ожидали Тургенева на юбилей Крашевскаго въ Краковъ, и онъ дѣйствительно хотѣлъ быть, но не былъ. Не было даже ни одного русскаго. Кого не пустили, кто самъ не поѣхалъ. Мнѣ вздумалось потомъ спросить Тургенева письменно: «почему онъ не поѣхалъ, будучи свободенъ и независимъ ни отъ какихъ министерствъ, ни отъ какого начальства?» Онъ отвѣчалъ: «я не поѣхалъ въ Краковъ по домашнимъ обстоятельствамъ; да и кромѣ того я полагаю, что поступилъ благоразумно. Мое положеніе въ Краковѣ было-бы самое фальшивое: молчать было-бы странно... а говорить пришлось-бы—либо неосторожно, либо—противно убѣжденіямъ... Не получая здѣсь Gazety Norodowoj, я не знаю (хоть и соображаю), что могъ отвѣтить ректоръ Львовскаго университета Спасовичу; еслибъ у васъ былъ этотъ номеръ, о которомъ вы упоминаете, вы бы одолжили меня, приславъ его; а я-бы вамъ его возвратилъ аккуратно».

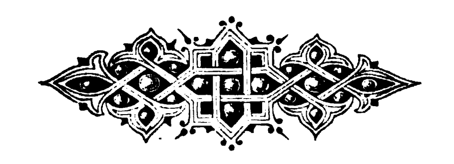
Съ восьмидесятыхъ годовъ замѣтили сильную перемѣну въ здоровьѣ Ивана Сергѣевича: онъ началъ жаловаться на ноги и на желудокъ. Въ 1883 году ему стало въ особенности плохо. Онъ пере-

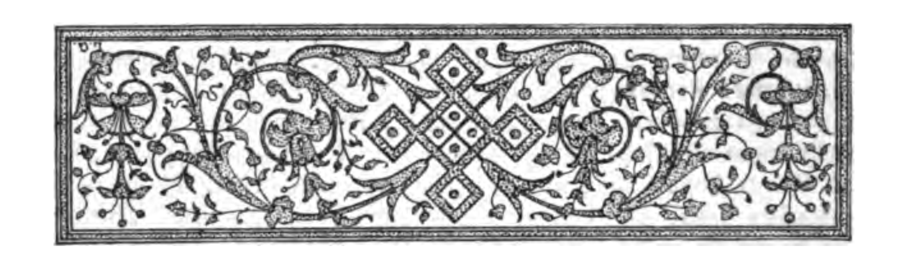
ѣхалъ изъ Парижа въ Буживаль, пользовался всѣми удобствами тихой, ничѣмъ невозмутимой жизни; уходъ за нимъ былъ прекрасный, доктора хорошіе, но больной гасъ... перевезли его (въ апрѣлѣ мѣсяцѣ) снова въ Парижъ. Ему стало еще хуже; отъ страданій, которыя Иванъ Сергѣевичъ испытывалъ, постоянно лежа въ постелѣ, онъ стоналъ такъ, что слышно было иногда на улицѣ... Лѣтомъ нашли нужнымъ опять перевезти его въ Буживаль. Всѣмъ извѣстно трогательное прощаніе двухъ стариковъ: Віардо, который былъ также безнадежно болѣнъ и жилъ въ нижнемъ этажѣ ихъ дома и Тургеневъ. Віардо оставался; Тургеневъ уѣзжалъ. Друзья обнялись, поговорили и поплакали у входныхъ дверей, оба лежа на постеляхъ. Віардо чувствовалъ, что уже не увидится болѣе съ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, его скоро не стало; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не стало и Тургенева...

Что̀ было потомъ—это извѣстно всѣмъ образованнымъ людямъ Европы. Похороны нашего знаменитаго, можно сказать: европейски популярнаго беллетриста, были единственными, исключительными похоронами. Такъ не хоронили нигдѣ ни одного писателя...

Н. Бергъ.

Варшава, 29 сентября 1883.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ И. С. ТУРГЕНЕВѢ.

Въ НАЧАЛѢ августа 1881 года, я получилъ отъ Ивана Сергѣевича извѣстіе, что онъ уѣзжаетъ изъ своего орловскаго имѣнія 15-го числа этого мѣсяца. Я до этого времени никогда не видалъ Тургенева, но уже два года велъ съ нимъ постоянную переписку. Насъ соединяло одно общее дѣло, въ которое Иванъ Сергѣевичъ вносилъ обычную свою теплоту и сердечное отношеніе къ людямъ. Дѣло это было настолько тонкаго, деликатнаго свойства, что настоятельно требовало лично объяснить Ивану Сергѣевичу то, что̀ не укладывалось въ письма. Поэтому, я рѣшился отправиться въ Спасское-Лутовиново и лично переговорить съ Тургеневымъ. Помимо вышеупомянутаго «дѣла» я не считалъ себя вправѣ претендовать на особое вниманіе и гостепріимство нашего великаго писателя, и потому разсчиталъ свое время такъ, чтобы прибыть въ Спасское утромъ 13-го августа и по исполненіи своей миссіи (я поѣхалъ далеко не по собственному желанію) сей часъ же уѣхать оттуда, благо я зналъ изъ писемъ самого Ивана Сергѣевича, что усадьба его отъ станціи желѣзной дороги всего въ 15-ти верстахъ.

Я такъ и сдѣлалъ. 13-го августа, въ десятомъ часу утра, я ѣхалъ уже по широкой улицѣ села Спасскаго-Лутовинова, по обѣимъ сторонамъ обложенной ветлами. Какъ во всякой великорусской деревнѣ, дома смотрѣли сѣро и неприглядно. При въѣздѣ я увидѣлъ небольшую часовню, стоявшую тогда еще вчернѣ. Въ концѣ улицы зеленѣла обширная купа деревьевъ, закрывавшая совершенно господскую усадьбу и только церковный шпицъ вид-

нѣлся, пока я не подъѣхалъ къ самому дому. Деревянный домъ выстроенъ въ русскомъ вкусѣ съ балкономъ на двѣ стороны и небольшимъ мезониномъ. Къ нему примыкаетъ длинная дугообразная каменная пристройка — остатокъ возвышавшихся здѣсь въ первую половину этого столѣтія и сгорѣвшихъ затѣмъ трехъэтажныхъ хоромъ съ пристройками и флигелями. Одинъ изъ нихъ, такъ называемый музыкантскій, и обращенъ въ теперешній домъ, утопающій въ зелени сада, раскинувшагося десятинъ на двадцать и спускающагося къ пруду, длинному и широкому, какъ озеро.

Тутъ же въ саду построена церковь, а около нея небольшой деревянный домикъ, гдѣ помѣщается школа. Немножко подальше такой же домикъ занятъ богадѣльней. Хозяйственныхъ построекъ не видно — они всѣ отнесены на хуторъ Петровскій, за версту отъ усадьбы. Я подъѣхалъ къ крыльцу и вышедшей ко мнѣ на встрѣчу горничной дѣвушкѣ передалъ свою визитную карточку, прося доложить обо мнѣ Ивану Сергѣевичу. Черезъ минуту дѣвушка воротилась и провела меня на балконъ, гдѣ я засталъ Ивана Сергѣевича за утреннимъ чаемъ, среди немногочисленнаго общества, въ числѣ котораго я засталъ тогда жену одного изъ старѣйшихъ друзей Ивана Сергѣевича съ двумя дѣтьми, одного извѣстнаго собирателя народныхъ русскихъ пѣсенъ и одного родственника Тургенева, совсѣмъ юнаго студента Московскаго университета. Поздоровавшись со мной и перезнакомивъ меня со всѣмъ обществомъ, Иванъ Сергѣевичъ осыпалъ меня вопросами о лицѣ, въ которомъ принималъ столь живое участіе, хотя самъ не зналъ его лично, но глубоко интересовался имъ, считая его крупнымъ, подающимъ большія надежды талантомъ. Я принужденъ былъ отвѣчать обстоятельнымъ разсказомъ, который онъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ бы впиваясь въ каждую подробность и только лишь изрѣдка перебивая меня направляющимъ вопросомъ. Я чувствовалъ, что передо мной сидитъ великій художникъ, обладающій дивнымъ умѣньемъ выслушивать людей и до мельчайшихъ, но характернѣйшихъ подробностей узнавать человѣческую жизнь. И я, и мой высокій слушатель совершенно забыли, что я цѣлую ночь не спалъ въ вагонѣ и затѣмъ рано утромъ проѣхалъ часа полтора-два на извощичьей пролеткѣ. Только когда я окончилъ существенную часть моего разсказа, Иванъ Сергѣевичъ замѣтилъ, что можетъ быть я хочу переодѣться и привести себя въ порядокъ и я тутъ только вспомнилъ, что я, какъ пріѣхалъ, такъ и сижу въ пальто и съ сумкой черезъ плечо.

Старикъ лакей, съ катарактомъ на одномъ глазу, проводилъ меня въ мезонинъ, гдѣ я переодѣлся и, сойдя черезъ полчаса внизъ, засталъ Ивана Сергѣевича и его гостей уже въ гостинной. Здѣсь мы расположились на старинныхъ, но очень удобныхъ диванахъ. Гостинная ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенной пріемной въ

помѣщичьемъ домѣ, за исключеніемъ висѣвшаго на стѣнѣ великолѣпнаго каламовскаго пейзажа, который Иванъ Сергѣевичъ очень любилъ и цѣнилъ. На право, въ сосѣдней маленькой комнатѣ, едва помѣщался громадный, довольно безобразный диванъ, который Иванъ Сергѣевичъ называлъ «la мосононъ», совсѣмъ какъ у Увара Ивановича въ «Наканунѣ». Другая дверь изъ гостинной вела въ небольшой кабинетъ Тургенева, гдѣ за деревянными ширмами помѣщалась и постель его, а около ширмъ стояло большое кресло. Надъ письменнымъ столомъ висѣли гравированные портреты Бѣлинскаго и Щепкина, а на другой стѣнѣ, писанный масляными красками портретъ покойнаго отца нашего писателя. Въ углу, гдѣ стоялъ небольшой диванчикъ, висѣла старинной темной живописи икона Спасителя (нерукотворный образъ). Мнѣ оставалось досказать еще немногое изъ моего повѣствованія, что я и сдѣлалъ, а затѣмъ могъ считать свою миссію, въ сущности, оконченной.

Между тѣмъ, разговоръ принялъ общій характеръ и я не успѣлъ еще заговорить о своемъ отъѣздѣ, какъ Иванъ Сергѣевичъ спросилъ меня — спѣшу ли я куда-нибудь и предложилъ мнѣ, если я располагаю свободнымъ временемъ, остаться въ Спасскомъ еще на день или на два, такъ какъ онъ отложилъ на нѣсколько дней свой отъѣздъ въ Петербургъ и затѣмъ за-границу. Я, конечно, не отказался, о чемъ не пожалѣлъ и не жалѣю. Не забывая ни на минуту, что я въ домѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, я нигдѣ во всю мою жизнь не чувствовалъ себя такъ свободно и привольно, какъ въ Спасскомъ, и это съ перваго же дня. Таково было вообще свойство Спасскаго, свойство, которое хорошо сознавалъ самъ Иванъ Сергѣевичъ. Теперь же особенно все скрашивало то обстоятельство, что послѣ пріятно проведеннаго лѣта, среди многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, какъ будто бы спѣшившихъ въ послѣдній разъ посѣтить Ивана Сергѣевича въ его любимомъ Спасскомъ, онъ находился въ прекрасномъ расположеніи духа, хотя и былъ не совсѣмъ здоровъ: онъ сильно охрипъ и, кромѣ того, у него разыгрывалась подагра. Надъ этими обѣими своими болѣзнями Иванъ Сергѣевичъ постоянно трунилъ. Охрипъ онъ, какъ самъ признавался, въ спорахъ съ молодымъ вице-губернаторомъ сосѣдней губерніи, который уѣхалъ за день или два передо мной, прогостивъ нѣсколько времени въ Спасскомъ. Вице-губернаторъ былъ немножко философъ; въ часы досуга переводилъ Марка-Аврелія, въ религіозныхъ вопросахъ былъ немножко мистикъ и ревностный поклонникъ этой стороны дѣятельности графа Л. Н. Толстого. Противникъ всего туманнаго и неопредѣленнаго въ области формулированныхъ убѣжденій и взглядовъ, Иванъ Сергѣевичъ до слезъ спорилъ съ вице-губернаторомъ-философомъ и даже охрипъ. Какъ не симпатично вообще относился Тургеневъ ко всякаго рода туманности въ области взглядовъ и сужденій о

вещахъ, я имѣлъ случай убѣдиться въ тотъ же день. Бѣгло просмотрѣвъ привезенныя съ почты газеты, Иванъ Сергѣевичъ остановился на одной пространной критической статьѣ, гдѣ проводилась паралель между нимъ и Достоевскимъ, причемъ отдавалось преимущество послѣднему, потому что онъ создалъ синтезъ типовъ, между тѣмъ, какъ Тургеневъ далъ только простые типы.

— Позвольте васъ спросить, обращался къ намъ Иванъ Сергѣевичъ, что это значитъ синтезъ типовъ? Вѣдь вотъ до чего доводитъ злоупотребленіе философскими терминами!

Оригинально шутилъ Иванъ Сергѣевичъ и надъ своей подагрой. Онъ увѣрялъ насъ, что самъ накликалъ на себя болѣзнь. Дѣло въ томъ, что богатый сосѣдъ-помѣщикъ, хлѣбосолъ и просвѣщенный человѣкъ, усиленно приглашалъ Ивана Сергѣевича къ себѣ и даже, заполучивъ отъ него полуобѣщаніе пріѣхать, изготовилъ ради этого случая фейерверкъ, о чемъ сообщилъ пріѣхавшій изъ города управляющій. Но Ивану Сергѣевичу въ эти послѣдніе дни его пребыванія на его истинной родинѣ, какъ-то особенно не хотѣлось покидать своего гнѣзда и, потому, онъ уклонился отъ поѣздки за 40 верстъ, пославъ извинительное письмо, въ которомъ ссылался на свою подагру.

Посланный возвратился, привезя отвѣтъ, что г. N очень сожалѣетъ о нездоровьи Ивана Сергѣевича и поспѣшитъ пріѣхать навѣстить его. И вотъ Иванъ Сергѣевичъ, ожидая пріѣзда гостя, сталъ, какъ онъ выражался, упражняться въ подагрической походкѣ и затѣмъ уже объявилъ намъ, что, притворная сначала, подагра разыгралась у него не на шутку. Съ ожидаемымъ сосѣдомъ Иванъ Сергѣевичъ былъ болѣе знакомъ по Парижу, гдѣ г. N проживалъ каждую зиму, и Иванъ Сергѣевичъ называлъ его «парижскимъ степнякомъ», при чемъ добавлялъ, что здѣсь, въ Орловской губерніи, г. N выглядитъ «степнымъ парижаниномъ».

«Степной парижанинъ» дѣйствительно пріѣхалъ, много болталъ, много выспрашивалъ и съумѣлъ вызвать Ивана Сергѣевича на живую бесѣду, такъ что онъ цѣлый вечеръ оживленно, необыкновенно изящно и остроумно разсказывалъ, между прочимъ, удивительные анекдоты о В. Гюго, когда рѣчь зашла объ этомъ великомъ французскомъ поэтѣ. Иванъ Сергѣевичъ говорилъ о поразительномъ тщеславіи величайшаго поэта Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ приводилъ примѣры его крайняго невѣжества, особенно по части иностранныхъ литературъ. Многіе изъ этихъ анекдотовъ, не помню какимъ образомъ, проникли въ нашу печать, такъ, напримѣръ, разсказъ о томъ, что Гюго однажды отнесся слишкомъ скептически къ нѣмецкой драматургіи и безапелляціонно заявилъ, что Гете написалъ всего одну порядочную драму — «Валенштейнъ», но и та ужасно скучна. На скромное замѣчаніе относительно его ошибки въ данномъ случаѣ, поэтъ Франціи возразилъ, что онъ

«этихъ нѣмцевъ никогда не читаетъ» [1]). Вообще, Иванъ Сергѣевичъ отзывался очень не лестно о степени образованности и начитанности Гюго и даже горячо оспаривалъ сдѣланное кѣмъ-то изъ насъ замѣчаніе, что Гюго хорошо знаетъ Шекспира.

О тщеславіи Гюго Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ вещи совсѣмъ необычайныя даже для анекдота. Такъ, напримѣръ, однажды, въ салонѣ у Гюго, собравшіеся его почитатели одинъ передъ другимъ превозносили его геніальность и, между прочимъ, подняли вопросъ о томъ, что улица, гдѣ онъ живетъ, должна быть непремѣнно названа Rue de Hugo. Но при этомъ кто-то высказалъ соображеніе, что эта слишкомъ малолюдная улица не можетъ служить достойнымъ напоминаніемъ великаго поэта, что этой чести заслуживаетъ болѣе замѣтное мѣсто въ Парижѣ; и тутъ гости поэта стали перебирать одно за другимъ самыя многолюдныя и замѣчательныя мѣста Парижа, поднимая все выше и выше, пока, наконецъ, одинъ молодой человѣкъ воскликнулъ съ энтузіазмомъ, что самый городъ Парижъ долженъ считать за честь получить имя своего великаго поэта. Тогда Гюго, раньше соглашавшійся съ мнѣніями своихъ поклонниковъ, нѣсколько задумался, затѣмъ, обратившись къ молодому человѣку, сказалъ глубокомысленно:

«Ça viendra, mon cher, ça viendra!»

Разсказы эти были особенно характерны въ устахъ Ивана Сергѣевича, этой воплощенной скромности въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ и своего общественнаго значенія.

Кстати о своихъ французскихъ отношеніяхъ, Иванъ Сергѣевичъ объяснилъ намъ, между прочимъ, какимъ образомъ произошло недоразумѣніе между нимъ и Гамбеттой въ салонѣ г-жи Аданъ, недоразумѣніе, въ свое время подавшее поводъ къ разнымъ толкамъ. Все вышло изъ-за того, что Тургенева подвели къ Гамбеттѣ съ той стороны, на которой у него не было глаза. Впослѣдствіи, они неоднократно видѣлись и Иванъ Сергѣевичъ очень много разсказывалъ намъ о широкомъ политическомъ образованіи Гамбетты. Иванъ Сергѣевичъ признавался, что его поразили познанія Гамбетты по такимъ вопросамъ русской исторіи, какъ, напримѣръ, эпоха Петра.

Между тѣмъ, одна бесѣда цѣплялась за другую и время уходило совершенно не замѣтно. Прошло два дня, уѣхалъ «парижскій степнякъ» и вмѣстѣ съ нимъ собиратель пѣсенъ, собирался уѣхать и я, и вмѣстѣ со мною юный родственникъ Ивана Сергѣевича, но нашъ любезный хозяинъ повторилъ намъ тоже, что и раньше:

---

[1]) Въ послѣдней книжкѣ «Русской Старины» также разсказывается этотъ случай.

«если вы, господа, никуда не спѣшите, то, пожалуйста, оставайтесь; разъѣдемтесь всѣ вмѣстѣ».

Мы высказали предположеніе, что наше присутствіе, можетъ быть, стѣсняетъ его.

— О, нѣтъ, возразилъ онъ: вы для меня не то, что... и онъ назвалъ одного изъ своихъ недавнихъ гостей, къ которому былъ въ высшей степени внимателенъ, но очень тяготился имъ.

Нечего и говорить, что мы остались и наше небольшое общество необыкновенно быстро какъ бы сроднилось. Ивану Сергѣевичу не хотѣлось покидать своего родного гнѣзда, съ его прелестными окрестностями, и всю эту недѣлю, равно какъ и во все лѣто, онъ не могъ и не хотѣлъ собраться ни къ кому изъ своихъ ближайшихъ сосѣдей. Ему больше всего хотѣлось передъ отъѣздомъ во всю грудь надышаться воздухомъ Спасскаго, его лѣсовъ и полей. Помню, съ какимъ неудовольствіемъ онъ собрался-таки съѣздить къ одному сосѣду по необходимѣйшему дѣлу. Забавно было видѣть, какъ и здѣсь сказался всегдашній добродушный юморъ Ивана Сергѣевича, когда онъ на нашихъ глазахъ писалъ этому сосѣду письмо, предупреждая его о своемъ намѣреніи съѣздить къ нему по дѣлу. Онъ громко диктовалъ самъ себѣ это письмо, шуточно коментируя чуть не каждое слово: «Многоуважаемый», говорилъ и писалъ Иванъ Сергѣевичъ, прибавляя: «нисколько не уважаю»; «съ особеннымъ удовольствіемъ»—«никакого удовольствія не предвижу»; «исполню свое давнишнее желаніе»—«никогда такого желанія не имѣлъ».

Все это шло у него такъ живо и добродушно, что я боялся, какъ бы одна изъ этихъ фразъ à part не попала по ошибкѣ въ письмо. Вернувшись вечеромъ изъ своей поѣздки, Иванъ Сергѣевичъ долго еще разсказывалъ свои впечатлѣнія, которыя, впрочемъ, сосредоточивались главнымъ образомъ на одномъ — на хозяйкѣ дома, гдѣ онъ былъ принятъ, надо прибавить, необыкновенно радушно.

— Но вы представьте себѣ, говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, ей лѣтъ подъ 60, а она держитъ себя такъ, какъ простительно шестнадцатилѣтней дѣвочкѣ; понимаете ли, не то чтобы прилично, а только едва-едва позволительно.

И при этомъ, Иванъ Сергѣевичъ морщился, кривился, точно будто ему тошно становилось при одномъ воспоминаніи о старой женщинѣ.

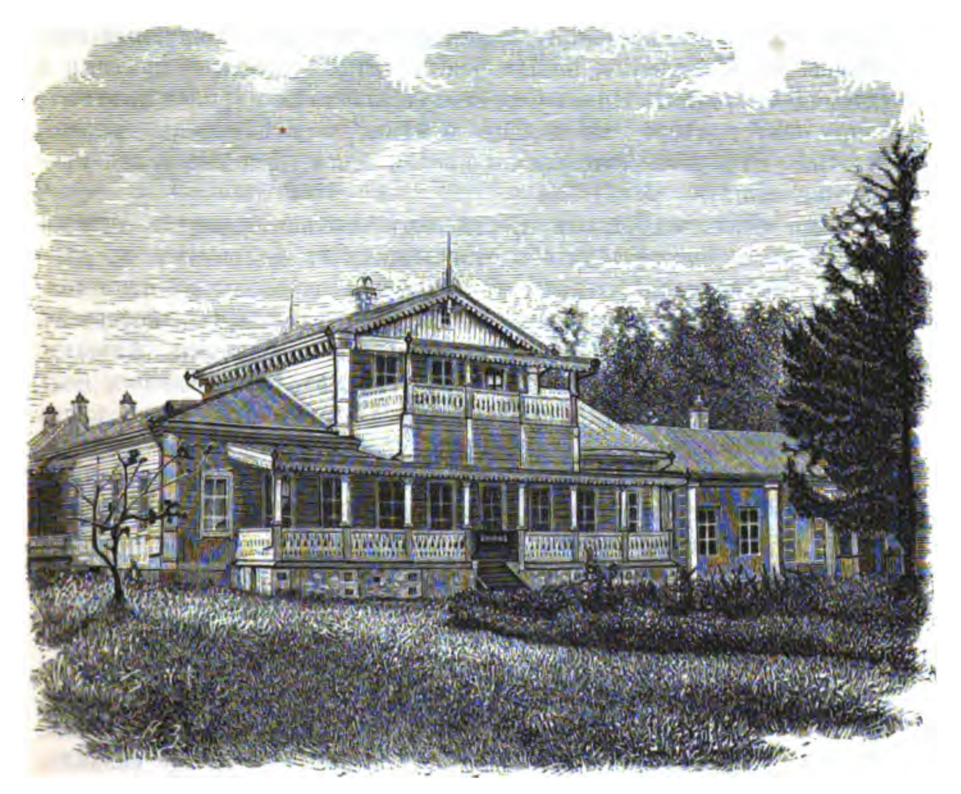
Эта дама, конечно, сама по себѣ не представляетъ интереса ни для меня, ни для моихъ читателей, но я занесъ этотъ мелкій фактъ въ свои воспоминанія потому, что онъ чрезвычайно характеризуетъ необыкновенно живое воспріятіе истиннымъ художникомъ всякаго рода впечатлѣній. Это представляется особенно важнымъ въ связи съ тѣмъ взглядомъ на искусство, который

Иванъ Сергѣевичъ неоднократно высказывалъ въ дни нашего кратковременнаго, но довольно близкаго знакомства. Это бывало всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось припоминать нѣкоторыя классическія мѣста изъ его произведеній. Помню разъ, мы гуляли по большой подъѣздной аллеѣ отъ дома по направленію къ церкви. Былъ уже девятый часъ вечера, стояла прекрасная августовская погода, воздухъ былъ ясенъ и чистъ, кругомъ ни что не шелохнется и каждое движеніе, каждое восклицаніе слышно необыкновенно отчетливо. Мнѣ почему-то вспомнилась заключительная сцена «Пѣвцовъ» и я въ полголоса провелъ это прелестное восклицаніе «Антропка, Антропка — а». Иванъ Сергѣевичъ какъ-то встрепенулся весь, точно будто сразу надвинули на него свѣжія, молодыя воспоминанія, и онъ сказалъ:

— Вѣдь вотъ говорятъ творчество это такая громадная сила, а между тѣмъ, создайте вы сами изъ себя всѣ эти превосходныя мѣста, которыя навсегда запечатлѣваются въ памяти читателей и всѣми признаются за chef-d'oeuvre'ы. Вѣдь я же не выдумалъ этого Антропку. Вѣдь я въ самомъ дѣлѣ слышалъ, какъ они перекликались. И въ концѣ концовъ мастерство художника въ этомъ и состоитъ, чтобы съумѣть принаблюдать явленіе въ жизни и затѣмъ уже это дѣйствительное явленіе представить въ художественныхъ образахъ. А выдумать ничего нельзя, заключилъ онъ свою рѣчь.

И ту же самую мысль онъ сталъ развивать почти въ такихъ же выраженіяхъ въ другой разъ, когда пришлось цитировать изъ «Затишья» извѣстную фразу о Матренѣ Марковнѣ, которая «на счетъ манеръ очень строга», при чемъ «чуть что, а ужъ Бирюлевскимъ барышнямъ все извѣстно». И это прелестное мѣсто тоже по словамъ Ивана Сергѣевича, живая натура. И между тѣмъ, въ томъ же «Затишьѣ» испорчена, какъ онъ говорилъ, цѣлая часть, потому что Иванъ Сергѣевичъ писалъ ее на спѣхъ въ Петербургѣ, такъ какъ Некрасову изъ-за какихъ-то соображеній эта повѣсть нужна была какъ можно скорѣе. Вообще же Иванъ Сергѣевичъ работалъ надъ своими вещами очень усидчиво. Долженъ впрочемъ оговориться, что за время моего пребыванія въ Спасскомъ, Иванъ Сергѣевичъ не писалъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ писемъ, да и къ этому онъ приступалъ съ какимъ-то ужасомъ, показывая намъ связку изъ 26-ти подлежащихъ отвѣту писемъ, разложенныхъ у него по порядку ихъ полученія. О томъ же, какъ художникъ долженъ работать надъ своимъ произведеніемъ, Иванъ Сергѣевичъ высказалъ мнѣ свой взглядъ въ разговорѣ о нашей общей знакомой, молодой писательницѣ, въ которой Иванъ Сергѣевичъ принималъ большое участіе и пристроилъ въ одинъ изъ толстыхъ журналовъ ея повѣсть, въ свое время обратившую на себя вниманіе критики. Эта молодая писательница гостила въ Спасскомъ за нѣ-

сколько дней передо мной и между прочимъ передала на судъ Ивана Сергѣевича новую свою повѣсть. Онъ высказалъ ей откровенно, что недоволенъ этимъ произведеніемъ и потомъ излагалъ мнѣ подробно мотивы, какими онъ при этомъ руководился. Онъ очень одобрялъ сюжетъ, хвалилъ постановку отдѣльныхъ мѣстъ, но его возмущала несоразмѣрность между сюжетомъ и объемомъ повѣсти и затѣмъ полнѣйшая небрежность формы. Все это Иванъ Сергѣевичъ приписывалъ тому, что большинство теперешнихъ молодыхъ беллетристовъ пишутъ свои произведенія чуть не прямо на-бѣло и потому имъ ничего не стоитъ напримѣръ на одной страницѣ 18 разъ употребить слово «былъ». Этому Иванъ Сергѣевичъ противопоставлялъ то усердіе, съ какимъ онъ по одиннадцати разъ переписывалъ нѣкоторыя изъ своихъ произведеній.

Господскій домъ въ селѣ Спасскомъ.

Кстати о молодыхъ начинающихъ авторахъ, нужно сказать, что вообще къ новобранцамъ литературы Иванъ Сергѣевичъ относился болѣе чѣмъ добродушно. «Каждый старѣющійся писатель», писалъ онъ къ одному изъ молодыхъ авторовъ, «съ удовольствіемъ видитъ литературныхъ себѣ наслѣдниковъ». Это было съ его сто-

роны не пустой фразой. Онъ не ждалъ даже, чтобы начинающая молодежь шла къ нему на поклонъ. Онъ самъ первый обращалъ вниманіе на все сколько нибудь выдающееся изъ ряду; старался одобрить, поддержать новичка, и бывали случаи, что, зная только литературное имя, онъ принималъ мѣры, чтобы отыскать начинающаго автора и завязать съ нимъ сердечныя отношенія,—отношенія не учителя къ ученику, а просто стараго друга, отъ души посылающаго благословенія всякому отпрыску благороднаго дерева. Литературное покровительство Ивана Сергѣевича одно время вошло почти въ пословицу и далеко не всѣ протежируемые имъ авторы, какъ извѣстно, нашли благопріятный пріемъ у критики и читающей публики. Иванъ Сергѣевичъ далеко не мирился съ этимъ, и про одну повѣсть, въ конецъ осмѣянную всѣми рецензентами, онъ говорилъ мнѣ: «что бы ни писали и ни говорили, а это прекрасная вещь».

Такъ относился Иванъ Сергѣевичъ къ новобранцамъ литературной рати. Говорить-ли объ отношеніяхъ къ ветеранамъ, къ дѣятелямъ его времени? Считаю за лучшее сказать, потому что пишу по чистой совѣсти своего рода историческій документъ, которымъ надѣюсь не оскорбить памяти покойниковъ и не задѣть живыхъ.

Здѣсь, конечно, нечего говорить, что дѣло не обошлось безъ разговоровъ о Достоевскомъ. Это вѣдь было въ тотъ годъ, когда русская интеллигенція съ такими слезами похоронила Достоевскаго, со слезами, какихъ, правду сказать, не было пролито надъ могилой Ивана Сергѣевича. Впрочемъ, на это были особыя причины. У Достоевскаго было два рода поклонниковъ: одни поклонялись его таланту и несли за его гробомъ вѣнки «автору Мертваго дома», другіе видѣли въ немъ какого-то божьяго вѣщаго человѣка, раскрывающаго невѣдомыя рѣшенія непостижимыхъ задачъ, но во всякомъ случаѣ умеръ Достоевскій неожиданно для всѣхъ, въ самый разгаръ своей дѣятельности въ обоихъ вышенамѣченныхъ направленіяхъ, такъ что смерть его для всѣхъ была одинаково горькой утратой человѣка, который еще не все сказалъ.

Смерть Тургенева, напротивъ, дала поводъ у насъ къ какому-то побѣдному торжеству, къ какому-то тріумфальному шествію русской литературы. Смерть его еще болѣе уяснила всѣмъ и каждому, до чего это было колоссальное проявленіе русскаго духа, проявленіе вполнѣ опредѣлившееся не только для русскаго читающаго люда, но и для всей просвѣщенной Европы.

Да проститъ мнѣ читатель это отступленіе, но оно было необходимо до изложенія нашихъ бесѣдъ съ Тургеневымъ о Достоевскомъ. Весь этотъ разговоръ завелъ молодой родственникъ Ивана Сергѣевича, юноша искренній, прямой, не стѣснявшійся откровенно высказывать охватившее тогда чуть не всю молодежь увлеченіе Достоевскимъ, доходившее до самозабвенія.

Иванъ Сергѣевичъ не пожалѣлъ этого молодаго увлеченія и, конечно, безъ труда разбилъ его, набросавши весьма не симпатичный образъ покойнаго писателя.

— Не добрый онъ былъ человѣкъ и не могъ равнодушно относиться къ чужому успѣху, говорилъ Иванъ Сергѣевичъ. Мало ему было, что онъ меня вывелъ въ Кармазиновѣ, но зачѣмъ было Грановскаго трогать: вѣдь онъ покойникъ!

Вообще, указавъ на неумѣнье Достоевскаго отрѣшаться отъ личностей, онъ разсказалъ и свое личное столкновеніе съ Достоевскимъ, послѣ котораго они окончательно разошлись.

Это было въ Баденъ-Баденѣ, въ 1868 году, когда только что вышелъ «Дымъ». Въ это время Достоевскій былъ сильно увлеченъ игрой, былъ въ большемъ выигрышѣ, увѣрился, что онъ попалъ на счастливые номера и... проигралъ все до копѣйки. Находясь въ затруднительномъ положеніи, Достоевскій взялъ въ займы у Тургенева какую-то незначительную сумму денегъ. Вскорѣ затѣмъ онъ отыгрался, пересталъ играть и привезъ Тургеневу свой долгъ. Но уже отдавъ деньги, Достоевскій все-таки, по замѣчанію Тургенева, чувствовалъ тяжесть своего обязательства относительно человѣка, котораго онъ не любилъ, а тутъ какъ нарочно пищей для этого раздраженія оказался злополучный «Дымъ».

— Эту книгу надо сжечь рукою палача, сказалъ Достоевскій, взявъ книгу въ руки. Тургеневъ (къ сожалѣнію, вся эта сцена происходила одинъ на одинъ) скромно освѣдомился о причинахъ и въ отвѣтъ услышалъ цѣлую обвинительную рѣчь, на тэму: вы ненавидите Россію, вы не вѣрите въ ея будущее и т. д.—однимъ словомъ Достоевскій отождествлялъ Потугина съ самимъ Тургеневымъ. Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ, что онъ предпочелъ выслушать все молча и дождаться, пока Дотсоевскій кончитъ и уйдетъ. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано. Но, спустя нѣсколько времени, Иванъ Сергѣевичъ получилъ извѣщеніе отъ издателя «Русскаго Архива» г. Бартенева, что Достоевскій обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ воспроизведенъ вышеупомянутый монологъ, но не какъ обвиненіе противъ Тургенева, а какъ его личная исповѣдь, въ формулѣ: «Я ненавижу Россію» и т. д. При этомъ Достоевскій просилъ опубликовать это его письмо никакъ не ранѣе извѣстнаго срока (сколько помню 10—15 лѣтняго). На вопросъ Бартенева, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ, что это для него совершенно безразлично. Сообщаю этотъ фактъ такъ, какъ я его слышалъ отъ Ивана Сергѣевича, особенно въ виду того, что въ настоящее время, въ числѣ матерьяловъ для біографіи Достоевскаго, кажется находится письмо къ А. Н. Майкову, относящееся къ этому самому эпизоду, только что мною разсказанному. Для біографа, конечно нѣтъ ничего хуже, какъ такой случай, когда два лица, ведшія бесѣду глазъ на глазъ,

передаютъ эту бесѣду совершенно различно. Біографъ невольно склонится туда, гдѣ лежатъ его симпатіи. Если-же предположить, что симпатіи лежатъ въ обѣ стороны, или есть силы относиться къ обѣимъ сторонамъ объективно, то тогда во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Тургеневъ, обвиняемый въ ненависти къ своей родинѣ, отбивался отъ этого обвиненія. Вообще нужно сказать, что Иванъ Сергѣевичъ очень невыгодно отзывался о нравственныхъ качествахъ Достоевскаго.

Инымъ характеромъ отличались отношенія Тургенева къ другому нашему великому писателю, графу Л. Н. Толстому. Они почти земляки и въ былое время—сосѣди по имѣніямъ; но въ особенности сошлись они послѣ возвращенія графа Толстого изъ Крымской кампаніи, когда онъ сразу занялъ такое выдающееся положеніе въ русской литературѣ, благодаря своимъ «военнымъ разсказамъ». Самъ Толстой, какъ извѣстно, относится весьма скептически къ этому періоду своей жизни и въ своей исповѣди говоритъ, что не было преступленія, котораго бы онъ въ это время не совершалъ. Но, конечно, онъ, въ данномъ случаѣ, выражается слишкомъ сильно, а говоря просто, нашъ знаменитый писатель жилъ въ это время во всю ширь своей молодой русской натуры. Незадолго передъ тѣмъ безвозвратно погибъ старшій братъ его, Николай, который, по общему признанію всѣхъ знавшихъ его, отличался необыкновеннымъ талантомъ и чисто-философскимъ складомъ ума.

— То смиреніе передъ жизнью, говорилъ намъ Иванъ Сергѣевичъ, которое Левъ Толстой развиваетъ теоретически, братъ его примѣнилъ непосредственно къ своему существованію. Онъ жилъ всегда въ самой невозможной квартирѣ, чуть не въ лачугѣ, гдѣ нибудь въ отдаленномъ кварталѣ Москвы, и охотно дѣлился всѣмъ съ послѣднимъ бѣднякомъ. Это былъ восхитительный собесѣдникъ и разсказчикъ, но писать было для него почти физически невозможно. Его затруднялъ самый процессъ письма, какъ затрудняетъ простого человѣка, у котораго всегда натружены руки и перо плохо держится въ пальцахъ.

По всему этому, только очень немногіе его «Охотничьи разсказы» попали въ печать. Чахотка, быстро развившаяся подъ вліяніемъ недуга, угнетавшаго многихъ талантливыхъ русскихъ людей, безвременно свела въ могилу этого замѣчательнаго человѣка.

Грустно-трагическая судьба Николая Толстаго заставляла друзей бережно относиться къ его не менѣе талантливому брату, и во главѣ этихъ друзей стоялъ Тургеневъ, который принималъ близко къ сердцу правильное развитіе великаго русскаго таланта. Но, какъ мнѣ извѣстно изъ другихъ источниковъ, графъ Толстой тяготился этой опекой и часто ускользалъ отъ нея, стараясь увлечь и самого Тургенева въ свой молодой разгулъ.

Но при всемъ этомъ, разсказывалъ Тургеневъ, у Толстого рано сказалась черта, которая затѣмъ легла въ основаніе всего его довольно мрачнаго міросозерцанія, мучительнаго прежде всего для него самого. Онъ никогда не вѣрилъ въ искренность людей. Всякое душевное движеніе казалась ему фальшью, и онъ имѣлъ привычку необыкновенно проницательнымъ взглядомъ своихъ глазъ насквозь пронизывать человѣка, когда ему казалось, что тотъ фальшивитъ. Иванъ Сергѣевичъ говорилъ мнѣ, что онъ никогда въ жизни не переживалъ ничего тяжелѣе этого испытующаго взгляда, который въ соединеніи съ двумя-тремя словами ядовитаго замѣчанія, способенъ былъ привести въ бѣшенство всякаго человѣка, мало владѣющаго собой. Предметомъ своихъ испытаній графъ Толстой избралъ между прочимъ (и почти исключительно) своего друга Тургенева. Ему, какъ разсказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, на давало покоя извѣстное самообладаніе нашего писателя и душевная ровность, въ тотъ періодъ блестящаго расцвѣта его литературной дѣятельности, и графъ Толстой какъ бы задался цѣлью вывести изъ себя этого спокойнаго, добраго человѣка, работающаго съ увѣренностью, что онъ дѣлаетъ дѣло. Но въ томъ-то и заключалась бѣда, что графъ Толстой ни во что это не вѣрилъ и ему казалось, что люди, которыхъ мы считаемъ добрыми, только притворяются такими, или стараются проявлять въ себѣ такое качество; что они напускаютъ на себя увѣренность въ пользѣ взятыхъ на себя задачъ.

Тургеневъ понималъ ясно, какъ относится къ нему графъ Толстой, но хотѣлъ во что бы-то ни стало выдержать характеръ и сохранить свое самообладаніе. Онъ сталъ избѣгать Толстого, нарочно уѣхалъ въ Москву и затѣмъ къ себѣ въ деревню, но графъ Толстой слѣдовалъ за нимъ по пятамъ «какъ влюбленная женщина», выразился Иванъ Сергѣевичъ, разсказывая всю эту исторію.

Въ деревнѣ, наконецъ, разыгралась буря. Кромѣ Ивана Сергѣевича и Толстого, въ Спасскомъ въ то время находился Шеншинъ (Фетъ) и еще одинъ изъ близкихъ друзей Ивана Сергѣевича, нѣкто Борисовъ. Разъ, всѣ они собрались въ двухъ экипажахъ проѣхать къ Фету въ его имѣнье. Передъ отъѣздомъ, за завтракомъ, кто то спросилъ у Иванъ Сергѣевича, гдѣ теперь его дочь?

Онъ отвѣчалъ, что дочь его по прежнему заграницей, что до сихъ поръ она получала исключительно французское воспитаніе, но что это ему не нравится и теперь онъ передалъ ее въ руки хорошей воспитательницы-англичанки. Графъ Толстой во все время этого разговора обратилъ на Ивана Сергѣевича свой обычный, испытующій взглядъ и затѣмъ спросилъ его:

— И эта гувернантка, во время прогулокъ, будетъ заходить съ вашей дочерью къ бѣднымъ и оставлять имъ деньги и лекарства?

Иванъ Сергѣевичъ возразилъ, что во всякомъ случаѣ онъ не видитъ здѣсь ничего дурного. Съ одной стороны бѣдные получаютъ хоть маленькую помощь, а съ другой—въ ребенкѣ развивается сознаніе необходимости помогать страждущимъ.

— И такъ, значитъ не то, такъ другое: не получитъ ваша дочь настоящаго воспитанія, такъ по крайней мѣрѣ бѣдные что нибудь получатъ. Вѣдь это ваша незаконная дочь?

— Да, но только что же изъ этого слѣдуетъ?

— А то, что вы производите experimentum in anima vili.

Иванъ Сергѣевичъ не взвидѣлъ свѣта при этихъ словахъ и успѣлъ только крикнуть:

— Толстой, замолчите, или я въ васъ пущу вилкой.

— Я только увидѣлъ, говорилъ Иванъ Сергѣевичъ,—что какая-то улыбка радости, при мысли, что онъ достигъ своей цѣли, сверкнула въ его глазахъ.

Этимъ все пока и кончилось. Толстой поспѣшилъ уѣхать въ свое имѣнье, а Тургеневъ отправился въ деревню къ Фету.

Возвратясь домой черезъ день или два, поздно вечеромъ, онъ засталъ у себя двѣ записки отъ Толстого. Въ одной изъ нихъ онъ приносилъ самое искреннее и теплое раскаяніе; въ другой, напротивъ, говорилъ, что оскорбленіе, нанесенное ему Тургеневымъ, можетъ быть смыто только кровью и потому приглашалъ Ивана Сергѣевича завтра въ 5 или 6 часовъ утра явиться къ такому-то оврагу и стрѣляться одинъ на одинъ.

Иванъ Сергѣевичъ, находя невозможнымъ согласиться на столь дикій поединокъ, на слѣдующее утро попросилъ своего друга г. Борисова съѣздить къ Толстому и предложить ему дуэль по всѣмъ правиламъ, въ присутствіи секундантовъ. Но г. Борисовъ уже не засталъ Толстого; ему сказали, что графъ рано по утру выѣзжалъ куда-то, затѣмъ вернулся и сейчасъ же уѣхалъ въ свое другое имѣніе, Ясную Поляну.

Г. Борисовъ послалъ нарочнаго къ Ивану Сергѣевичу, спрашивая, что дѣлать и, согласно полученному отвѣту, погнался за Толстымъ въ Ясную Поляну и тамъ предложилъ ему дуэль на вышесказанныхъ условіяхъ, но графъ Толстой объявилъ, что теперь онъ уже не хочетъ стрѣляться и уклонился отъ всякихъ переговоровъ.

Съ этихъ поръ они долго не видались съ Иваномъ Сергѣевичемъ, до самаго послѣдняго времени, т. е. до конца 70-хъ годовъ. Съ обѣихъ сторонъ, конечно, все давно перегорѣло, и Тургеневъ былъ весьма радъ мирно и задушевно встрѣтиться съ другомъ своей молодости и достойнымъ товарищемъ по перу. Но ему все-таки хотѣлось прежде этого примиренія объясниться съ графомъ Толстымъ по поводу всѣхъ этихъ прискорбныхъ и странныхъ недоразумѣній. Однако, графъ отклонилъ всякую возможность это сдѣлать

Однажды, когда Тургеневъ пріѣхалъ по дѣламъ въ Тулу, а графъ Толстой случился тамъ же, онъ совершенно неожиданно пришелъ къ Тургеневу и, войдя къ нему въ комнату, дружески обнялъ его, не давъ начать никакихъ объясненій.

Два послѣдніе лѣта, проведенныя Иваномъ Сергѣевичемъ въ Россіи, они съ графомъ Толстымъ были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ и нѣсколько разъ посѣщали другъ друга. Даже выѣзжая изъ Спасскаго въ послѣдній разъ, Иванъ Сергѣевичъ по дорогѣ въ Москву, заѣхалъ на день въ Ясную Поляну, въ отвѣтъ на приглашеніе графа пріѣхать къ нему на какой-то семейный праздникъ.

Церковь и школа въ селѣ Спасскомъ.

Мнѣ не пришлось видѣть ихъ вмѣстѣ, но между ними очевидно происходили обстоятельныя бесѣды по жгучимъ религіознымъ вопросамъ, такъ измѣнившимъ графа Толстого, судя по его исповѣди. По крайней мѣрѣ Иванъ Сергѣевичъ утверждалъ, что для Толстого уже миновалъ въ это время періодъ увлеченія православіемъ, что онъ отказался уже отъ мысли найти разрѣшеніе мучившихъ его задачъ въ лонѣ православія, среди русскаго духовенства и монашества. Самъ же Иванъ Сергѣевичъ относился къ русскому духовенству и монашеству съ легкимъ и добродушнымъ скептицизмомъ. Онъ признавался, что его ужасно тяготитъ присутствіе русскаго священника, и жаловался, что ему приказали (когда-то давно) имѣть въ своей школѣ преподавателемъ непремѣнно мѣстное духовное лицо. Къ монахамъ и къ знаменитымъ

старцамъ въ родѣ отца Зосимы (Достоевскій, братья Карамазовы) онъ относился даже совсѣмъ легкомысленно и разсказывалъ про монаховъ извѣстнаго монастыря на Бѣлыхъ берегахъ (Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи) комичный анекдотъ о томъ, какъ они ловятъ рыбу въ рѣкѣ посредствомъ запрудъ. Монахъ сидитъ на плоту, въ отверзстіи перебираетъ пойманную рыбу и отбрасывая негодную, приговариваетъ: пошла, недостойная монашескаго чрева!

Къ таланту графа Толстого Иванъ Сергѣевичъ относился съ полнымъ сознаніемъ громадныхъ художественныхъ силъ этого величайшаго, по его мнѣнію, писателя, не только русскаго, но и вообще европейскаго. Мы почти каждый день слышали отъ Ивана Сергѣевича, какъ онъ благодаритъ судьбу за то, что онъ теперь не молодой начинающій писатель; онъ прибавлялъ, что молодой авторъ можетъ стать въ тупикъ: что въ самомъ дѣлѣ можно написать послѣ графа Толстого?

Чтобы покончить съ литературными симпатіями и антипатіями Тургенева, скажу о его отношеніи къ памяти Пушкина, котораго онъ не разъ называлъ своимъ учителемъ въ мастерствѣ художника. Намъ не приходилось имѣть съ нимъ обстоятельную бесѣду по этому предмету, но только онъ не разъ выражалъ сожалѣніе, что не слышитъ изъ устъ молодежи стиховъ вообще и стиховъ Пушкина въ особенности. Самъ же онъ впрочемъ очень часто въ нашемъ присутствіи декламировалъ только одни стихи:

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Громко съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ.

Читалъ стихи Иванъ Сергѣевичъ на распѣвъ и съ торжественной интонаціей, согласно Пушкинской традиціи. Онъ говорилъ намъ, что не слыхалъ, какъ читалъ самъ Пушкинъ, но что манеру его чтенія ему воспроизводилъ одинъ изъ его друзей, слышавшій самого Пушкина.

Говоря объ авторѣ «Записокъ охотника» и побывавши хоть разъ въ Спасскомъ (мнѣ пришлось впослѣдствіи еще не разъ посѣтить Спасское), нельзя не упомянуть объ отношеніяхъ Ивана Сергѣевича къ его бывшимъ крестьянамъ. Нечего и говорить, что съ матерьяльной стороны онъ ихъ ничѣмъ не обидѣлъ: они получили прекрасные надѣлы и всѣ необходимыя угодья, а сверхъ того, въ каждый свой пріѣздъ онъ дарилъ имъ десятины по двѣ лѣсу, въ силу чего и теперь, среди спасскихъ крестьянъ, держится твердая увѣренность, что Иванъ Сергѣевичъ завѣщалъ имъ весь свой лѣсъ. Снабдилъ онъ также землей всѣхъ своихъ дворовыхъ, которые и выстроились цѣлой улицей сейчасъ же за господскимъ садомъ. Онъ не забылъ также такъ называемой «Поповки», т. е.

мѣстнаго духовенства, изъ среди котораго иные совершенно опустились до положенія простыхъ крестьянъ. И имъ былъ данъ значительный кусокъ лѣсу. Къ его заботливости о крестьянахъ надо отнести то, что онъ съ давнихъ лѣтъ на свой счетъ содержалъ школу и богадѣльню, гдѣ проживали всегда человѣкъ 10 престарѣлыхъ стариковъ и старухъ. И всѣ эти заботы особенно занимали Ивана Сергѣевича въ послѣдній столь тяжелый годъ его жизни. Въ школу приглашена была молодая учительница, которая занималась очень усердно и тѣмъ снискала расположеніе крестьянъ. Кромѣ того, въ виду абсолютнаго въ этой мѣстности отсутствія медицинской помощи для крестьянъ, былъ приглашенъ изъ г. Мценска военный врачъ, который еженедѣльно пріѣзжалъ въ Спасское, давалъ совѣты и снабжалъ больныхъ лекарствами изъ нарочно устроенной при богадѣльнѣ аптеки. Въ газетахъ уже было писано о пенсіяхъ и стипендіяхъ, которыя щедро выплачивались Иваномъ Сергѣевичемъ. И кого только не было въ числѣ этихъ пенсіонеровъ и стипендіантовъ! Студентъ-технологъ, крестьянинъ-бобыль, у котораго «міръ» отобралъ надѣлъ, оставшаяся безъ средствъ къ жизни сосѣдка изъ того семейства, откуда Иванъ Сергѣевичъ взялъ типъ Чертопханова; юноша-крестьянинъ, отданный Иваномъ Сергѣевичемъ въ земледѣльческое училище, въ виду проявленныхъ имъ въ школѣ удивительныхъ способностей—все это существовало благодаря щедротамъ Ивана Сергѣевича. Не говорю уже о тѣхъ случаяхъ, когда Иванъ Сергѣевичъ не ожидалъ пока его попросятъ, а самъ протягивалъ руку помощи. Надо замѣтить еще, что онъ не особенно любилъ своихъ спасскихъ крестьянъ. Онъ часто говорилъ, что они слишкомъ деморализованы, вслѣдствіе своей невольной вѣковой близости къ барскому дому. И дѣйствительно, въ былое время въ барскомъ домѣ Спасскаго-Лутовинова крѣпостничество было пережито во всѣхъ степеняхъ его развитія.

Среди крестьянъ до сихъ поръ живы мрачныя преданія о внучатномъ дядѣ нашего писателя, И. И. Лутовиновѣ, отъ котораго и досталось матери Ивана Сергѣевича самое с. Спасское-Лутовиново. Крестьяне до сихъ поръ вѣрятъ и толкуютъ, что тѣнь этого Лутовинова бродитъ по плотинѣ надъ прудомъ, и это странное преданіе воспроизведено Иваномъ Сергѣевичемъ въ его повѣсти «Три портрета». Гораздо болѣе расположенъ былъ Иванъ Сергѣевичъ къ бывшимъ своимъ крестьянамъ сосѣдняго села Кольны, живописно раскинутаго на высокомъ берегу извилистой рѣчки. И они платили ему тѣмъ же, какъ мнѣ пришлось видѣть, во время нашей поѣздки въ эту деревню на рыбную ловлю. Въ настоящее время эти крестьяне ведутъ непрестанную распрю съ усѣвшимся на рѣкѣ кулакомъ-мельникомъ, и Иванъ Сергѣевичъ принималъ живѣйшее участіе въ этой долголѣтней борьбѣ, но къ сожалѣнію безуспѣшно.

— Мнѣ остается противъ него одно оружіе, говорилъ Иванъ

Сергѣевичъ, — написать разсказъ подъ заглавіемъ «Непобѣдимый Жикинъ».

Но разсказъ написанъ не былъ, а Жикинъ по прежнему процвѣтаетъ, какъ я слышалъ въ прошломъ и въ этомъ году, бывши въ Спасскомъ.

Еще больше хлопотъ было Ивану Сергѣевичу съ своими крестьянами села Спасскаго, особенно по вопросу о кабакѣ, который онъ всегда и всячески искоренялъ. Подъ его вліяніемъ спасскіе крестьяне давно уже составили приговоръ о неимѣніи у себя кабака. Тогда нашелся одинъ предпріимчивый отставной унтеръ-офицеръ, который у сосѣднихъ крестьянъ князя Меньшикова снялъ въ аренду клочекъ земли, подходящій къ самому въѣзду въ село Спасское. Здѣсь, на основаніи приговора меньшиковскихъ крестьянъ, онъ и выстроилъ свой кабакъ. Тогда была придумана другая комбинація: при въѣздѣ въ Спасское на иждивеніе Ивана Сергѣевича выстроена часовня въ память покойнаго императора Александра II, и по открытіи часовни возбуждено было ходатайство о закрытіи кабака, находящагося на незаконномъ разстояніи отъ часовни. Кабакъ оффиціально закрытъ, но предпріимчивый унтеръ-офицеръ по прежнему торгуетъ водкой среди спасскихъ крестьянъ, весьма склонныхъ къ выпивкѣ.

Даже и на сосѣднихъ меньшиковскихъ крестьянъ простиралъ Иванъ Сергѣевичъ свою добродушную заботливость и велъ объ нихъ переписку съ княземъ Меньшиковымъ, прося его сдѣлать крестьянамъ какую-то земельную уступку, въ восполненіе ихъ скудныхъ надѣловъ.

Съ сосѣдями Иванъ Сергѣевичъ почти не водился; пріѣзжая въ Спасское, онъ привлекалъ за собою слишкомъ много гостей изъ среды своихъ знакомствъ и дружескихъ отношеній въ области литературы и искусства. Изъ ближайшихъ сосѣдей онъ впрочемъ былъ очень расположенъ къ сосѣдкѣ своей Е. М. Я—кой, которую называлъ замѣчательной русской женщиной и все собирался повезти насъ къ ней, чтобы показать, какія бываютъ настоящія русскія женщины.

Впослѣдствіи, я познакомился съ г-жею Я. главнымъ образомъ потому, что меня интересовалъ взглядъ Ивана Сергѣевича на женщинъ и женскій вопросъ. Г-жа Я. одинокая женщина средняго состоянія, вотъ уже лѣтъ 10 посвящаетъ свои силы самой скромной дѣятельности на пользу своихъ крестьянъ. Ею устроена образцовая школа, организована медицинская помощь, а главное ея исключительными стараніями, при противодѣйствіи мѣстнаго дворянства, устроено ссудо-сберегательное товарищество, глубоко пустившее свои корни среди мѣстнаго населенія. И вотъ, въ этомъ скромномъ уголкѣ Россіи, на небольшомъ районѣ, «сѣется разумное, доброе, вѣчное»

Кабинетъ И. С. Тургенева въ селѣ Спасскомъ.

безъ того треска, какимъ пріобрѣли такую печальную извѣстность бароны Корфы.

Г-жа Я. много лѣтъ знала Ивана Сергѣевича и нужно надѣяться когда нибудь подѣлится съ читающимъ міромъ своими воспоминаніями. Разъ дѣло коснулось воспоминаній, то нужно сказать, что въ Спасскомъ и теперь проживаетъ человѣкъ, драгоцѣнный для всякаго біографа Ивана Сергѣевича. Это сорокъ лѣтъ прослужившій ему лакей Захаръ Ѳедоровичъ Балашевъ, живая хроника жизни Ивана Сергѣевича и даже болѣе чѣмъ внѣшней ея стороны. Я не считаю пока возможнымъ воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что слышалъ изъ устъ этого старика,—все это если хотите, мелочи, но мелочи, которыя пріобрѣтаютъ значеніе, если они попадутъ на канву стройной обстоятельной біографіи Тургенева, образъ котораго до сихъ поръ задернутъ передъ нами какимъ-то флеромъ, при чемъ по безмолвному, но общему согласію, многія существенныя стороны его жизни никѣмъ не затронуты и не скоро будутъ затронуты.

Отношенія самого Тургенева къ своему слугѣ были въ высшей степени оригинальны. Когда Захаръ бывалъ при немъ, то, конечно, на немъ лежали всѣ хозяйственныя заботы, и Иванъ Сергѣевичъ никогда не зналъ, что подадутъ ему за столомъ. Въ нашемъ присутствіи бывали случаи, что молчаливый, сосредоточенный Захаръ прямо не отвѣчалъ на вопросъ Ивана Сергѣевича, будетъ ли за обѣдомъ рыба, а затѣмъ самъ же принесъ эту рыбу на блюдѣ. Вѣчно суровый и угрюмый на видъ, онъ ходилъ за своимъ бариномъ какъ за ребенкомъ и самъ сравнивалъ себя съ Савельичемъ въ «Капитанской дочкѣ» (на своемъ вѣку онъ перечиталъ всѣхъ русскихъ авторовъ, тѣмъ болѣе, что многихъ зналъ лично). И чувства свои къ барину онъ сохранилъ и по сей день. Когда во всѣхъ концахъ Россіи стали собираться деньги на вѣнки незабвенному писателю, когда собрались на вѣнокъ и спасскіе крестьяне, старый слуга написалъ слѣдующія строки къ одному изъ старѣйшихъ друзей Ивана Сергѣевича: «Къ вѣчной памяти Ивана Сергѣевича. Дорогой мой Благодѣтель! Больше я не увижу тебѣ, посылаю на гробъ твой мои горькіи слезы въ мѣсто Дорогова Вѣнка. Любилъ всей душой, гордился темъ что Былъ твой слуга З. Б. 1840—1883 года Августа 30 дня С. Спасское» [1]).

Заношу эти строки въ свои воспоминанія какъ памятникъ непосредственнаго теплаго отношенія къ покойнику, потому что нельзя относиться свысока къ чувствамъ простого человѣка, который просто говоритъ: «гордился тѣмъ, что былъ твой слуга».

Кстати о простыхъ людяхъ; мнѣ вспомнилось, какъ мы одинъ разъ разговорились съ Иваномъ Сергѣевичемъ о Савельичѣ, швей-

---

[1]) Мнѣ приходилось слышать, что этотъ же Захаръ воспроизведенъ графомъ Л. Толстымъ въ разсказѣ «Альбертъ».

царѣ Петербургскаго университета, котораго въ 40-хъ, 50-хъ и даже 60-хъ годахъ зналъ весь Петербургъ. Этотъ Савельичъ отлично зналъ каждаго студента и хорошо помнилъ всѣхъ выдающихся. Когда Иванъ Сергѣевичъ уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ пріѣхалъ однажды въ Петербургскій университетъ, Савельичъ тотчасъ узналъ его и самъ заговорилъ:

— Слышали мы про васъ, слышали, сказалъ онъ. — Писатель вы стали знаменитый. Только, знаете, не того мы отъ васъ ожидали, г. Тургеневъ.

— Я не спрашивалъ, говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, чего отъ меня ожидалъ Савельичъ, но меня тогда очень занималъ этотъ вопросъ и только теперь, наканунѣ смерти, я понимаю, что дѣйствительно не того отъ меня тогда нужно было ожидать. А нужно было мнѣ тогда жениться на хорошей русской барышнѣ, были бы у меня свои дѣти...»

Этотъ переходъ повѣялъ на насъ грустью. Да, Ивана Сергѣевича тяготило его несомнѣнное одиночество, и не пустой фразой звучали въ его устахъ такъ часто повторявшіяся имъ слова: «плохо, плохо жить; пора умирать».

Предчувствія не обманули его, и намъ пришлось проводить Ивана Сергѣевича навсегда.

Евгеній Гаршинъ.

P. S. Останки дорогого намъ человѣка покоятся уже въ землѣ, всѣ рѣчи сказаны. И вотъ именно теперь, когда все «свершилось», я считаю своимъ нравственныхъ долгомъ напомнить имѣющимъ уши чтобы слышать, что послѣ Ивана Сергѣевича осталось одно наслѣдіе, которое принадлежитъ всему русскому обществу, которое вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть скромнымъ, но достойнымъ памятникомъ нашего почившаго великаго писателя. Я разумѣю здѣсь основанныя Иваномъ Сергѣевичемъ школу и богадѣльню. Выражаю надежду, что село Спасское попадетъ въ руки добрыхъ и достойныхъ людей, которые благородно отнесутся къ памяти Ивана Сергѣевича и не пустятъ по міру дряхлыхъ стариковъ и старухъ, не захотятъ, чтобы они вышли изъ своего теплаго угла, повторяя «суди его Богъ». Дай Богъ, чтобы этого не случилось. Но нельзя полагаться на счастливую случайность, а съ другой стороны невозможно допустить, чтобы память объ Иванѣ Сергѣевичѣ была въ опасности не добромъ быть помянута только потому, что онъ, среди своихъ страданій, не успѣлъ позаботиться о тѣхъ сирыхъ и вдовыхъ, о комъ не забывалъ ни среди славы, ни на чужбинѣ. Были уже рѣчи о памятникѣ Тургенева, и, вѣроятно, это дѣло состоится.

Неужели же школа и богадѣльня, основанныя имъ самимъ, на мѣстѣ его первыхъ и богатѣйшихъ вдохновеній, неужели это не лучшій памятникъ гуманнѣйшему изъ русскихъ людей?

Я нарочно выдѣлилъ эти свои пожеланія въ особый post scriptum: если мои воспоминанія не имѣютъ особеннаго значенія, то я все таки глубоко желалъ бы, чтобы эти мои послѣднія строки не остались не замѣченными.

Е. Г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРГЕНЕВА.

(Библіографическій очеркъ.)

Уже давно на страницахъ разныхъ періодическихъ изданій появились свѣдѣнія о жизни И. С. Тургенева. Даже, шесть лѣтъ тому назадъ, вышла довольно большая біографія нашего знаменитаго посателя, составленная г. Венгеровымъ (Спб. 1877 г.). Но ни въ одномъ біографическомъ трудѣ, посвященномъ автору «Записокъ охотника», не оказывалось ясныхъ и подробныхъ указаній на всю его литературную дѣятельность: біографы, главнымъ образомъ, касались внѣшнихъ фактовъ, а для критической оцѣнки пользовались только тѣми произведеніями, какія помѣщены въ «Собраніи сочиненій Тургенева». Между тѣмъ, это «Собраніе» никогда не давало послѣдовательнаго и полнаго знакомства съ знаменитымъ авторомъ: на его страницахъ ни разу не показывались многія произведенія, помѣщенныя въ старинныхъ журналахъ, а перепечатанные труды располагались безъ строгаго хронологическаго порядка. Поэтому, въ настоящую минуту, когда порвалась дорогая жизнь великаго русскаго писателя, считаемъ важнымъ дѣломъ воскресить всѣ произведенія его прекраснаго пера, подвести, такъ сказать, точный библіографическій итогъ его литературнымъ работамъ.

Первый трудъ, которымъ Иванъ Сергѣевичъ открылъ свою дѣятельность, появился въ видѣ критической статьи о книгѣ: «Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ», изданной А. Н. Муравьевымъ. Эта статья, помѣщенная въ «Журналѣ Министерства Народнаго

Просвѣщенія» (1836 г. т. XI, кн. 8, отд. IV, стр. 391—410), ровно через сорокъ лѣтъ вызвала изъ-подъ пера своего автора неблагосклонный отзывъ (см. «Вѣстникъ Европы» 1876 г., кн. 1, стр. 430): онъ считалъ ее «незначительной работой», «грѣхомъ своей юности». Между тѣмъ, эта «проба пера» отличалась почти тѣми же привлекательными чертами, какія мы привыкли встрѣчать въ каждомъ произведеніи Тургенева: она заключала въ себѣ художественный разсказъ о появленіи русскихъ монастырей, мастерское изображеніе характера ихъ первыхъ основателей (напримѣръ, патріарха Никона) и наконецъ, живой, увлекательный стиль. Напримѣръ, эта рецензія заключалась такими прекрасными строками: «Пустыня, уединеніе, гдѣ, казалось бы, должно вянуть вображеніе, возбуждають его въ высокой степени, и мы съ живымъ удовольствіемъ внимаемъ автору, когда онъ плыветъ черезъ Ладожское озеро, ночью, при духовномъ пѣніи кормчаго-инока, или когда слушаетъ трогательный разсказъ игумена о св. царевичѣ Іоасафѣ, оставившемъ царство земное для небеснаго, и умиляясь мысленнымъ зрѣлищемъ смиреннаго пріюта отшельниковъ, невольно повторяемъ съ авторомъ стихи, которые желаетъ онъ вложить въ ихъ уста:

Моря житейскаго шумныя волны
Мы протекли.
Пристань надежную утлые челны
Здѣсь обрѣли.
Здѣсь невечернею радостью полны,
Слышимъ вдали—
Моря житейскаго шумныя волны...

Такія заключительныя строки рецензіи заставляли ожидать отъ Тургенева самостоятельныхъ поэтическихъ трудовъ. И дѣйствительно, черезъ два года, въ одной изъ книжекъ «Современника» уже виднѣется стихотвореніе недавняго критика, подъ заглавіемъ «Старый дубъ» (1838 г., т. X). Это былъ «первый лепетъ младенческой музы», за которымъ, въ теченіе сороковыхъ годовъ, потянулась длинная вереница стиховъ, то напечатанныхъ въ журналахъ или сборникахъ, то изданныхъ отдѣльными брошюрами. Такъ, прежде всего, на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», появились слѣдующія стихотворенія: «Старый помѣщикъ» (1841 г., кн. 9), «Баллада» (кн. 11), «Похищеніе» (1842 г., кн. 3), «Цвѣтокъ» (1843 г., кн. 8), «Нева» (кн. 9), «Весенній вечеръ» (кн. 10), «Когда съ тобой разстался я» и «Человѣкъ какихъ много» (кн. 11), «Толпа», «Когда давно забытое названье» и «Конецъ жизни» (1844 г., кн. 1), «Ѳедя», «Я васъ знавалъ тому давно» и «Въ ночь лѣтнюю, когда тревожной грустью полный (кн. 3), «Послѣдняя сцена первой части Фауста: Тюрьма» (кн. 6), «Къ...» (кн. 11) «Признаніе»

(кн. 12), «Откуда вѣетъ тишиной» (1845 г., кн. 2) и поэма въ двухъ частяхъ «Андрей» (1846 г., кн. 1). Затѣмъ, въ тотъ же періодъ времени, и «Современникъ» продолжалъ помѣщать такія произведенія Тургеневской музы: «В. П. Б.» (должно быть Боткину), «Замѣтила ли ты», «Осень» и «Гроза промчалась» (1844 г., т. 31), «Люблю я вечеромъ къ деревнѣ подъѣзжать», «На охотѣ лѣтомъ», «Безлунная ночь», «Дѣдъ», «Гроза», «Другая ночь», «Кроткіе льются лучи», «Передъ охотой», «Первый снѣгъ» (1847 г., кн. 1) и «Одинъ, опять одинъ я»...(1850 г., кн. 1). Наконецъ, безъ стиховъ Тургенева не обошлись и два литературные сборника сороковыхъ годовъ: первый изъ нихъ, подъ названіемъ: «Вчера и Сегодня» (Спб. 1845—1846 гг.) заключалъ шесть стихотвореній, а именно: «Когда такъ радостно, такъ нѣжно», «Ахъ, давно ли гулялъ я съ тобой», «Въ дорогѣ», «Утро туманное, утро сѣдое», «Къ чему твержу я стихъ унылый» и «Брожу подъ озеромъ»; во второмъ же «Петербургскомъ Сборникѣ»(Спб. 1846 г.) находятся стихи «Помѣщикъ», «Тьма» изъ Байрона, и «Римская элегія» изъ Гете. Если къ названнымъ трудамъ прибавить двѣ отдѣльно напечанныя поэмы: «Параша» (Спб. 1843 г., 46 стр.) и «Разговоръ» (Спб. 1845 г. 39 стр.), то можно съ большею вѣроятностью сказать: вотъ все, что нашъ писатель напечаталъ въ стихотворной формѣ.

Въ одно время со стихами, изъ-подъ пера Тургенева стали выходить драматическія сочиненія, повѣсти, разсказы и критическія статьи. Всѣ эти произведенія, сначала помѣщенныя въ журналахъ, а потомъ лишь частію перепечатанныя въ «Собраніи сочиненій» появились передъ публикой въ такомъ хронологическомъ порядкѣ:

1843 г. **Неосторожность**, драматическій очеркъ въ одномъ дѣйствіи (Отеч. Зап., кн. 10).

1844 г. **Андрей Колосовъ**, повѣсть (Отеч. Зап., кн. 11).

1845 г. **Фаустъ, сочиненіе Гете, переводъ М. Вронченко**, критическая статья (Отеч. Зап., кн. 2).

1846 г. **Три портрета**, разсказъ (Петербургск. Сборникъ, изд. Н. Некрасовымъ).
Смерть Ляпунова, драма Гедеонова, критическая статья (Отеч. Зап., кн. 8).
Безденежье, сцены изъ петербургской жизни молодаго дворянина (Отеч. Зап., кн. 10).

1847 г. **Бреттеръ**, повѣсть (Отеч. Зап., кн. 1).
Генералъ-поручикъ Паткуль, трагедія Кукольника, кретическая статья (Современ. кн. 1).
Записки охотника: Хорь и Калинычъ (Современ., кн. 1).
Петръ Петровичъ Каратаевъ, разсказъ (Современ., кн. 2).
Письмо изъ Берлина (Современ., кн. 3).
Записки охотника: Ермолай и мельничиха, Мой сосѣдъ Радиловъ, Однодворецъ Овсянниковъ, Львовъ (Современ., кн. 5).
Записки охотника: Бурмистръ, Контора (Современ., кн. 10).
Жидъ, разсказъ (Современ., кн. 11).

1848 г. **Записки охотника**: Малиновая вода, Уѣздный лѣкарь, Бирюкъ, Лебедянь, Татьяна Борисовна и ея племянникъ (Современ., кн. 2).
Пѣтушковъ, повѣсть (Современ., кн. 9).
Гдѣ тонко, тамъ и рвется, комедія въ одномъ дѣйствіи (Современ., кн. 11).

1849 г. **Записки охотника**: Смерть, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Чертопхановъ и Недопюскинъ, Лѣсъ и степь (Современ., кн. 2).
Холостякъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ (Отеч. Зап., кн. 9).
Эта комедія вышла и въ отдѣльномъ изданіи: Спб. 1860 г.

1850 г. **Дневникъ лишняго человѣка** (Отеч. Зап., кн. 4).
Потомъ это произведеніе перепечатано въ сборникѣ «Для легкаго чтенія» (Спб. 185* г. ч. I).
Записки охотника: Пѣвцы, Свиданье (Современ., кн. 11).

1851 г. **Разговоръ на большой дорогѣ** (Комета, учено-литературный альманахъ, изд. К. Щепкинымъ въ Москвѣ).
Провинціалка, комедія въ одномъ дѣйствіи (Отеч. Зап. кн. 1).
Есть и отдѣльное изданіе этой комедіи: Спб. 1860 г.
Записки охотника: Бѣжинъ Лугъ (Современ., кн. 2) и Касьянъ съ Красивой Мечи (кн. 4).

1852 г. **Племянница, романъ Евгеніи Туръ**, критическая статья (Современ. кн. 1).
Три встрѣчи, разсказъ (Современ., кн. 1).
Письмо изъ Петербурга, по поводу смерти Гоголя (Московск. Вѣдом., № 32).
Нѣсколько словъ о новой комедіи Островскаго: «Бѣдная невѣста» (Современ., кн. 3).
Въ этомъ же году были изданы отдѣльно **«Записки охотника»** (М., двѣ части).

1853 г. **Письмо къ одному изъ издателей «Современника»**, о книгѣ Аксакова: «Записки ружейнаго охотника» (Современ., кн. 1).

1854 г. **Два пріятеля**, повѣсть (Современ., кн. 1).
Муму, разсказъ (Современ., кн. 3).
О стихотвореніяхъ г. Тютчева, критическая статья (Современ., кн. 4).
Затишье, повѣсть (Современ., кн. 9).

1855 г. **Мѣсяцъ въ деревнѣ**, комедія въ пяти дѣйствіяхъ (Современ., кн. 1).
Эта комедія напечатана въ журналѣ съ большими измѣненіями по требованію цензуры; но въ своемъ первоначальномъ видѣ она появилась только на страницахъ «Собранія сочиненій» (М., 1869 г.).
Яковъ Пасынковъ, изъ воспоминаній человѣка въ отставкѣ (Отеч., Зап. кн. 4).
Постоялый дворъ, повѣсть (Современ., кн. 11).
Названная повѣсть отдѣльно издана Санктпетербургскимъ комитетомъ грамотности (Спб. 1881 г.).
Два слова о Грановскомъ (Современ., кн 11).
О соловьяхъ (приложеніе къ книгѣ Аксакова: «Разсказы и воспоминанія охотника»).

1856 г. **Переписка**, повѣсть (Отеч. Зап., кн. 1).
Рудинъ, повѣсть (Современ., кн. 1 и 2).
Завтракъ у предводителя, комедія въ одномъ дѣйствіи (Современ., кн. 8).
Фаустъ, разсказъ въ девяти письмахъ (Современ., кн. 10).
Въ этомъ же году были изданы Анненковымъ «Повѣсти и разсказы И. С. Тургенева» (Спб. 1856 г., три тома).

1857 г. **Чужой хлѣбъ**, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ (Современ., кн. 3).

Эта комедія шла на сценѣ и напечатана въ «Собраніи сочиненій И. С. Тургенева» подъ другимъ названіемъ—«Нахлѣбникъ».

Поѣздка въ Полѣсье (Библіот. для чтенія, кн. 10).

1858 г. **Ася**, повѣсть (Современ., кн. 1).

Изъ-за границы, письмо (Атеней, кн. 6).

1859 г. **Собственная господская контора**, отрывокъ изъ неизданнаго романа (Московскій Вѣстникъ, № 1).

Дворянское гнѣздо, романъ (Современ., кн. 1).

Въ этомъ же году романъ изданъ отдѣльно Н. Основскимъ (Москва, 1859 г.).

Обѣдъ въ обществѣ англійскаго литературнаго фонда, письмо къ автору статьи: «О литературномъ фондѣ» (Библіот. для чтенія, кн. 1).

Въ концѣ этого года появилось **второе изданіе** «Записокъ охотника» (Спб.).

1860 г. **Наканунѣ**, повѣсть (Русск. Вѣстникъ, кн. 1).

Гамлетъ и Донъ-Кихотъ, рѣчь, произнесенная 10-го января 1860 года на публичномъ чтеніи въ пользу общества для вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Современ., кн. 1).

Встрѣча моя съ Бѣлинскимъ (Московск. Вѣстникъ, кн. 3).

Первая любовь, повѣсть (Библіот. для чтенія, кн. 3).

Въ этомъ году, съ именемъ Тургенева, появился переводъ «Украинскихъ народныхъ разсказовъ» Марка Вовчка (Спб.) и «**Сочиненія И. С. Тургенева**», изд. Н. Я. Основскимъ (М., четыре тома).

1861 г. **Поѣздка въ Альбано и Фраскати**, воспоминанія объ А. А. Ивановѣ (Вѣкъ, № 15).

1862 г. **Отцы и дѣти**, повѣсть (Русск. Вѣстникъ, кн. 2).

Отдѣльно эта повѣсть была издана К. Т. Солдатенковымъ въ томъ же году (М.).

Предисловіе къ сочиненію Вуткевичъ: «Дневникъ дѣвочки», Спб.

Эта книга, съ тѣмъ же предисловіемъ, издана вторично (М. 1881 г.).

1864 г. **Призраки**, фантазія (Эпоха, кн. 1—2).

Рѣчь о Шекспирѣ (Санктпетерб. Вѣдом., № 89).

1865 г. **Собака**, разсказъ (Санктпетерб. Вѣдом., № 85).

Въ этомъ же году вышло **третье изданіе** «Сочиненій И. С. Тургенева», напечатанное Ѳ. И. Салаевымъ въ Карлсруэ (пять томовъ); на страницахъ этого изданія въ первый разъ появился «Отрывокъ изъ записокъ умершаго художника» подъ названіемъ: «Довольно».

1866 г. **Переводъ съ французскаго**, «Волшебныхъ сказокъ», изд. Перро (Спб.).

1867 г. **Дымъ**, повѣсть (Русск. Вѣстникъ, кн. 3).

Эта повѣсть выдержала два отдѣльныя изданія: М. 1868 и Лейпцигъ, 1876 г.

1668 г. **Бригадиръ**, разсказъ (Вѣстн. Евр., кн. 1).

Исторія лейтенанта Ергунова (Русск. Вѣстникъ, кн. 1).

По поводу смерти Артура Бенни (Санктпетерб. Вѣдом., № 52).

Письмо по поводу «Записокъ кн. П. Долгорукаго» (Санктпетерб. Вѣдом., № 186).

Литературный вечеръ у П. А. Плетнева (Русск. Арх., кн. 10).

1869 г. **Несчастная**, разсказъ (Русск. Вѣстн., кн. 1).

Воспоминанія о Бѣлинскомъ (Вѣстн. Евр., кн. 4).

Въ этомъ году вышло **четвертое** изданіе «Сочиненій И. С. Тургенева», напечатанное Ѳ. И. Салаевымъ въ Москвѣ (семь томовъ).

1870 г. **Странная исторія**, разсказъ (Вѣстн. Евр., кн. 1).

Въ той же книжкѣ журнала (стр. 509—510) Тургеневъ **помѣстилъ** письмо, въ которомъ упрекаетъ газету «Голосъ» за неудачный переводъ «**Странной исторіи**» изъ нѣмецкаго журнала «Salon», гдѣ впервые появился этотъ разсказъ.

Образчикъ старинняго крючкотворства (Русск. Арх., кн. 1).

Письмо по поводу критики на «Сочиненія Полонскаго» (Санктпетерб. Вѣдом., № 8).

Казнь Тропмана (Вѣстн. Евр., кн. 6).

Степной король Лиръ (Вѣстн. Евр., кн. 10).

Предисловіе къ роману Ауэрбаха: «Дача на Рейнѣ» (Спб.).

1871 г. **Стукъ!.. стукъ!.. стукъ!..**, студія (Вѣстн. Евр., кн. 1).

Saltykoff's history of a town — о сочиненіи Щедрина: «Исторія одного города» (The Academy, № 19).

Рецензія на изданіе Фонъ-Бельца: «Lehrgang der Russischen Sprache für den Schul-Privat und Selbst Unterieht» (Санктпетерб. Вѣдом., № 276).

Николай Ивановичъ Тургеневъ, некрологъ (Вѣстн. Евр., кн. 12).

Въ этомъ году вышелъ **восьмой** (дополнительный) томъ **четвертаго** изданія «Сочиненій Тургенева» (М.).

1872 г. **Вешнія воды**, повѣсть (Вѣстн. Евр., кн. 1).

Записки охотника: Конецъ Чертапханова (Вѣстн. Евр., кн. 11).

1874 г. **Наши послали**, эпизодъ изъ исторіи іюньскихъ дней 1848 года въ Парижѣ (Недѣля, № 1).

Пунинъ и Бабуринъ, разсказъ (Вѣстн. Евр., кн. 4).

Живыя мощи, разсказъ (Складчина, учено-литературн. сборникъ).

Этотъ разсказъ отдѣльно изданъ обществомъ распространенія полезныхъ книгъ. М. 1876 г.

Пегасъ, издан. П. Васильевымъ, Казань.

Въ этомъ году вышло **пятое** изданіе «Сочиненій И. С. Тургенева» (М., восемь томовъ) и три разсказа, отдѣльно напечатанные московскимъ комитетомъ грамотности: **Бирюкъ** (изд. 2-е, М. 1876 г.), **Однодворецъ Овсянниковъ** (изд. 2-е, М. 1877 г.) и **Пѣвцы** (изд. 2-е, М. 1877 г.; изд. 3-е, М. 1880 г.).

1875 г. **Стучитъ!..** изъ «Записокъ охотника», перев. съ французск. изъ газеты «Temps», изд. А. Михайлова (М.).

Письмо о переводѣ «Демона» на англійскій языкъ (Санктпетерб. Вѣдом., № 208).

Письмо по поводу смерти гр. А. К. Толстаго (Вѣстн. Евр., кн. 11).

1876 г. **Часы**, разсказъ старика (Вѣстн. Евр., кн. 1).

Письмо о журналѣ «Охота» (Биржевыя Вѣдом., № 207).

Въ этомъ же году М. Стасюлевичемъ изданъ шестой томъ «Русской Библіотеки» съ портретомъ и біографіей Тургенева, причемъ были перепечатаны въ отрывкахъ: «Записки охотника», «Рудинъ», «Ася», «Дворянское гнѣздо», «Дымъ», «Отцы и дѣти».

1877 г. **Новь**, романъ (Вѣстн. Евр., кн. 1 и 2).

Въ слѣдующемъ году этотъ романъ изданъ отдѣльно Ѳ. Салаевымъ (М., двѣ части).

Сонъ, разсказъ (Новое Время, № 1 и 2).

Католическая легенда объ Юліанѣ Милостивомъ, перев. съ французск. (Вѣстн. Евр., кн. 4).

Разсказъ отца Алексѣя (Вѣстн. Евр., кн. 5).

По поводу этого разсказа, сначала помѣщеннаго на французскомъ языкѣ въ изданіи: «La République des Lettres» подъ заглавіемъ «Le fils du pope», авторъ написалъ въ «Санктпетербургскія Вѣдомости» (№ 109) письмо, въ которомъ упрекалъ газету «Новое Время» за напечатаніе перевода, подъ названіемъ «Сынъ попа».

Иродіада, вторая легенда, перев. съ французск. (Вѣстн. Евр., кн. 5).

Письмо по поводу смерти С. К. Брюлловой (Вѣстн. Евр., кн. 11).

1878 г. **Письмо въ редакцію газеты «Правда»** (Голосъ, № 55).

Въ этомъ году вышло **первое** стереотипное изданіе «Записокъ охотника», напечатанное въ Лейпцигѣ.

1880 г. **Письмо къ редактору** о клеветѣ иногородняго обывателя — Болеслава Маркевича (Вѣстн. Евр., кн. 2).

Пергамскія раскопки, письмо (Вѣстн. Евр., кн. 4).

Рѣчь при открытіи памятника Пушкину (Вѣстн. Евр., кн. 7).

Въ этомъ году вышло **второе** стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Спб.) и **шестое** изданіе «Сочиненій И. С. Тургенева» (М., десять частей).

1881 г. **Отрывки изъ воспоминаній своихъ и чужихъ** (Порядокъ, № 1).

Въ томъ же году эти «Отрывки изъ воспоминаній» вышли отдѣльно (Спб., вып. 1, 34 стр.).

Крокетъ въ Виндзорѣ, стихотвореніе (Слово, кн. 8).

Пѣснь торжествующей любви (Вѣстн. Евр., кн. 11).

Въ этомъ году вышло **третье** стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Спб.).

1882 г. **Отчаянный**, изъ воспоминаній своихъ и чужихъ (Вѣстн. Евр., кн. 1).

Стихотворенія въ прозѣ (Вѣстн. Евр., кн. 12).

Въ этомъ же году вышло **четвертое** стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Спб.).

1883 г. **Клара Миличъ**, повѣсть (Вѣстн. Евр., кн. 1).

Въ этомъ же году появились **«Разсказы для дѣтей И. С. Тургенева»**, изданные вмѣстѣ съ разсказами гр. Л. Н. Толстаго (М.), и **пятое** стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Спб.).

Этотъ длинный «списокъ» ярко говоритъ о широкой дѣятельности нашего знаменитаго писателя въ родной литературѣ. Но И. С. Тургеневъ былъ своимъ и для заграничной печати: на страницахъ иностранныхъ журналовъ постоянно помѣщались переводы его сочиненій, а затѣмъ нѣкоторые изъ нихъ выходили отдѣльными изданіями на разныхъ языкахъ. Всѣ эти многочисленные переводы уже указаны въ «Систематическомъ каталогѣ» Межова, — и намъ остается лишь сдѣлать слѣдующія добавленія:

«Хорь и Калиныч», «Ермолай и Мельничиха», «Мой сосѣдъ Радиловъ» и «Три встрѣчи», переведенные на нѣмецкій языкъ, были напечатаны въ «Belletristische Blätter aus Russland», von Meyer's (Спб. 1853 г.), «Фаустъ» на французскомъ языкѣ помѣщенъ въ «Revue de deux Mondes» (1856 г.) «Новь» по-французски напечатана въ газетѣ «Temps» (1877 г.) и «Пѣснь торжествующей любви», подъ заглавіемъ: «Le chant de l'amour», появилась въ «Nouvelle Revue» (1881 г.).

Д. Языковъ.

ДРЕВНЕХРИСТІАНСКІЯ КАТАКОМБЫ.[1]

Традиціонное представленіе о значеніи героевъ въ исторіи нигдѣ не разбивается въ дребезги съ такою очевидностью, какъ въ исторіи наукъ положительныхъ: являются личности выдающіяся, бросающія плодовитую мысль, но эта мысль получаетъ опредѣленную форму и значеніе только тогда, когда сотни почти безвѣстныхъ тружениковъ подберутъ факты для ея оправданія и провѣрки; а тотъ, кому придется впослѣдствіи писать исторію науки, непремѣнно усмотритъ, что эта блестящая мысль, эта новая теорія мелькала раньше появленія великаго новатора въ трудахъ его малоизвѣстныхъ предшественниковъ. Отъ времени до времени появляются дѣятели, у которыхъ способность къ постройкѣ геніальныхъ теорій соединяется съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и умѣніемъ провѣрять и подкрѣплять теоріи массою такъ называемой черной работы; но историкъ науки съ сожалѣніемъ принужденъ будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ слѣдующемъ поколѣніи ихъ теоріи подвергались такимъ урѣзкамъ и измѣненіямъ, что оказывались сами на себя не похожими. Достаточно указать на примѣръ Якова Гримма, одного изъ величайшихъ ученыхъ нашего столѣтія. Имя его, конечно, всегда будетъ занимать почетное мѣсто въ исторіи науки и даже въ политической исторіи, но какая огромная разница между тѣмъ, какъ относились къ его основнымъ идеямъ 30 лѣтъ назадъ и какъ относятся теперь, когда сотни тружениковъ, вышедшихъ изъ его же

[1]) Die Katakomben. Die altschriftlichen Grabstätten. Ihre Geschichte und ihre Monumente dargestellt von Victor Schultze, Docent an der Universität Leipzig. Leipzig. 1882.

школы, разнесли по клочкамъ его утѣшительныя теоріи и не оставили, можно сказать, камня на камнѣ въ созданной имъ наукѣ; когда, по мнѣнію многихъ, его иллюзіи, его вѣрованія въ силу народа, массы, его мечты о творчествѣ нашихъ арійскихъ прародителей скорѣй затемняли истину, чѣмъ выясняли ее!

Но есть одна область въ наукахъ историческихъ, гдѣ геній и трудъ одного человѣка не только поставилъ рядъ вопросовъ, можно сказать создалъ науку, но и положилъ ей такія прочныя основанія, что послѣдующимъ поколѣніямъ повидимому придется поправлять его только въ частностяхъ; эта наука—христіанская археологія, и этотъ человѣкъ, ежегодно слагающій новый этажъ для своего собственнаго монумента—де-Росси.

Что римскіе христіане временъ гоненій хоронили своихъ мертвыхъ подъ землею, въ такъ называемыхъ катакомбахъ, было извѣстно испоконъ вѣку, но можно ли пробраться въ эти подземныя гробницы, можно ли тамъ найти что̀ нибудь—объ этомъ до второй половины XVI столѣтія никто не думалъ. Въ 1578 году, два работника въ двухъ миляхъ отъ Рима провалились въ яму; осмотрѣвшись, они увидали, что находятся въ довольно обширномъ подземномъ коридорѣ, что кругомъ ихъ гроба, мраморныя доски, покрытыя надписями, картины... Въ Римѣ явился интересъ къ изученію древнехристіанскихъ кладбищъ, который на первое время едва ли можно было назвать научнымъ. Бароній, какъ онъ самъ разсказываетъ, три раза спускался туда повидимому изъ простаго любопытства; но вотъ 18-ти лѣтній молодой человѣкъ Бозіо рѣшился всецѣло посвятить себя этому дѣлу: онъ работалъ надъ катакомбами и въ самыхъ катакомбахъ до самой смерти своей (родился въ 1576 г умеръ въ 1629 г.). Онъ началъ съ кабинетныхъ трудовъ: собралъ все, что̀ могъ найти въ сочиненіяхъ отцевъ церкви и раннихъ путешественниковъ въ Римъ о кладбищахъ временъ гоненій, затѣмъ принялся за изученіе самыхъ катакомбъ, изученіе при тогдашнихъ обстоятельствахъ нетолько трудное, но и опасное; обвязавъ себя тонкой бичевкой, онъ не разъ спускался въ подземелье со свѣчами и провизіей на два и на три дня и, не разъ, запутавшись въ развѣтвленіи катакомбъ, могъ погибнуть среди гробовъ голодной смертью. Результатовъ своихъ работъ онъ не успѣлъ опубликовать при жизни; его книга «Roma Sotterranea» была издана черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти на счетъ Мальтійскаго ордена, къ которому принадлежалъ Бозіо, а ея латинскій переводъ, сдѣлавшій открытія Бозіо извѣстными по ту сторону Альпъ, появился только въ 1651 году. Результаты трудовъ Бозіо были очень значительны, и книга его и до сихъ поръ имѣетъ свою цѣну, такъ какъ многое, что̀ онъ видѣлъ, теперь уже исчезло; до Бозіо были извѣстны частями 4 или 5 катакомбъ; онъ изслѣдовалъ и описалъ съ возможной въ то время ученой тщательностью до 30-ти. Его открытія были встрѣ-

чены недовѣрчиво протестантскими учеными, но самое это недовѣріе принесло пользу наукѣ, заставивши нѣкоторыхъ изъ нихъ или иначе освѣтить собранные факты или даже собирать новые. Полемизируя съ протестантами, католики XVII вѣка тоже съ своей стороны прибавили кой что къ гигантской работѣ Бозіо. Между тѣмъ и въ другихъ мѣстностяхъ Италіи стали обслѣдовать подземныя древнехристіанскія гробницы; такъ, въ 1692 году, ничего не знавшій о трудѣ Бозіо, неаполитанецъ Карло Челано издалъ довольно поверхностное, впрочемъ, описаніе главной неаполитанской катакомбы. Но все, что было сдѣлано послѣ Бозіо, почти до половины нынѣшняго столѣтія, такъ ничтожно даже сравнительно съ его устарѣлымъ трудомъ, что появленіе на свѣтъ трудовъ Росси можетъ считаться положительнымъ откровеніемъ.

Джанъ Баттиста де-Росси родился въ Римѣ въ 1822 году; образованіе онъ получилъ въ родномъ городѣ. Еще юношей онъ возбуждалъ всеобщее удивленіе своей замѣчательной ученостью. Рано избралъ онъ себѣ спеціальность—эпиграфику, въ особенности первыхъ временъ христіанства, и результаты своихъ изслѣдованій печаталъ въ ученыхъ журналахъ: 35 лѣтъ отъ роду, въ 1857 году онъ издалъ въ свѣтъ свой, какъ выражаются нѣмцы: «эпоху дѣлающій» трудъ—Inscriptiones christianae urbis Romae septimo saeculo antiquiores. А между тѣмъ онъ уже давно расширилъ рамки своихъ работъ и обслѣдовалъ всесторонне древнехристіанскія усыпальницы со всѣмъ пыломъ итальянца и съ основательностью и упорствомъ нѣмца. Результаты его трудовъ вышли въ 1864—67 годахъ въ 2-хъ большихъ томахъ со множествомъ рисунковъ: Roma sotterranea christiana; а еще за годъ до появленія I тома онъ началъ издавать спеціальный журналъ, посвященный христіанской археологіи (Bulletino di Archeologia christiana), гдѣ помѣщаются всѣ текущія работы его самого и его многочисленныхъ учениковъ. Изъ большихъ его послѣдующихъ изданій укажемъ Musaici christiani, Римъ 1872.

Говорить въ общихъ чертахъ о томъ, что **сдѣлалъ** де-Росси, невозможно, такъ какъ все, что добыто въ этой научной области вѣрнаго и прочнаго, сдѣлано имъ посредственно или непосредственно, и христіанскіе археологи всѣхъ европейскихъ странъ годъ выхода въ свѣтъ его подземнаго Рима должны признавать своей геджрой.

Roma sotterranea передѣлана для англійской публики Норткотомъ и Броунлоу (Northcote and Brownlow) 1869 года Лондонъ (1879 г. вышло 2-е изд.), для французовъ Алляромъ (Allard, Rome souterraine, Paris, 1871, 2-е изд. 1874) и для нѣмцевъ Краусомъ (Kraus, Roma sotterranea Freib. 1873, 2-е изд. 1879). Кромѣ того десятки другихъ послѣдователей Росси или популяризировали его открытія или обслѣдовали по его принципамъ и отчасти личнымъ указа-

ніямъ—де Росси, по словамъ всѣхъ знающихъ его лично, чрезвычайно любезный человѣкъ, всегда готовый помочь и словомъ и дѣломъ—отдѣльныя усыпальницы или специальные вопросы.

Даже и у насъ, при всей бѣдности нашей популярно-научной литературы, нашелся ученикъ Росси, который взялъ на себя не особенно благодарный трудъ познакомить русскую публику съ трудомъ итальянскаго археолога; разумѣемъ книгу фонъ-Фрикена: «Римскія катакомбы» 3 выпуска. Книга г. фонъ-Фрикена еще неокончена и обсуждать ее подробно было бы преждевременно; мы только вскользь замѣтимъ, что, не смотря на нѣкоторую небрежность въ изложеніи, несовсѣмъ искусную группировку матеріала и мелкіе промахи, это трудъ очень полезный. Къ сожалѣнію авторъ издаетъ свои выпуски съ такими большими промежутками (1-й вышелъ въ 1872 г., 3-й въ 1880, а 4-го—о постройкахъ—мы до сихъ поръ дожидаемся), что когда онъ окончитъ всю книгу, первые ея листы окажутся сильно устарѣвшими.

Не желая уменьшать заслугъ Мартиньи и особенно знаменитаго Дидрона, мы должны сказать, что за христіанскую археологію, какъ за всякое доброе научное дѣло, съ большей, чѣмъ кто либо, солидностью и энергіею взялись нѣмцы; здѣсь, какъ и вездѣ, они дѣйствуютъ массою и одолѣваютъ всѣхъ своей аккуратностью и способностью плодиться. Уже съ 1849 года при берлинскомъ университетѣ существуетъ христіанскій музей, который при самыхъ грошевыхъ средствахъ, благодаря неутомимой энергіи своего директора, проф. Пипера, прекрасно выполняетъ свою учебную задачу. Въ недѣлю два раза проф. Пиперъ собираетъ туда своихъ слушателей, и они по слѣпкамъ и рисункамъ, за неимѣніемъ оригиналовъ, дѣлаютъ рефераты. Книга и журналъ де Росси, разумѣется, не сходятъ у нихъ со стола.

Называть всѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, пріобрѣвшихъ извѣстность на этомъ поприщѣ, было бы слишкомъ долго; укажемъ только, что вышеупомянутый Краусъ, уже въ 1879 году, въ одной изъ своихъ брошюръ [1]) пытается представить очеркъ исторіи христіанской археологіи, а съ 1881 года онъ же принялся за изданіе «Реальной энциклопедіи христіанскихъ древностей», которая, если и не замѣнитъ знаменитый «Словарь» Мартиньи, то во всякомъ случаѣ будетъ имѣть значеніе не меньше его.

Викторъ Шульце, Katakomben-Schultze, какъ его въ просторѣчіи называютъ нѣмецкіе историки, въ отличіе отъ многихъ другихъ Шульцевъ, авторъ книги, названной въ началѣ нашей статьи, въ настоящее время доцентъ по каѳедрѣ исторіи искусства въ Лейпцигѣ, одинъ изъ первыхъ стипендіатовъ археологическаго музея, командированныхъ для изученія именно христіанскихъ древ-

[1]) Ueber Begriff, Umfang, Geschichte der christl. Archäologie.

ностей. Онъ долго жилъ въ Италіи, особенно въ Неаполѣ и Сициліи, и напечаталъ цѣлый рядъ изслѣдованій, преимущественно о южно-италійскихъ катакомбахъ. Теперь онъ въ довольно большой и превосходно изданной книгѣ знакомитъ нѣмецкую публику съ тѣмъ, что до настоящаго времени добыто достовѣрнаго изъ изученія катакомбъ. Какъ самостоятельный, хотя и молодой, ученый, онъ проявляетъ въ своей работѣ и достоинства и недостатки, свойственныя ученымъ популяризаторамъ: онъ распоряжается какъ хозяинъ дѣла и не можетъ впасть въ грубую фактическую ошибку, попросту сказать, «переврать» фактъ; но за то любитъ дѣлать открытія, полемизировать съ авторитетами, и способенъ свою догадку предпочесть прочно установившемуся мнѣнію [1]). Цѣль нашей статьи—познакомить читателей не съ его оригинальными воззрѣніями, а съ тѣмъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ, что излагаетъ онъ съ свойственной умному спеціалисту толковитостью. Но прежде два слова о томъ, почему во всей Европѣ древнехристіанскія усыпальницы возбуждаютъ такой интересъ.

Всего интереснѣе въ исторіи — эпохи переходныя, когда одно міровоззрѣніе смѣняется другимъ, во многихъ отношеніяхъ противуположнымъ; таковы эпохи французской революціи, реформаціи, у насъ въ Россіи эпоха Петра и проч. и проч. Изъ нихъ, пожалуй, всѣхъ интереснѣе, по рѣзкой противуположности двухъ воззрѣній, эпоха перехода отъ язычества къ христіанству. Но средствъ у насъ, чтобы ближе познакомиться съ людьми того времени, очень мало: политическая исторія—рядъ безсмысленныхъ неистовствъ и разрушеніе устарѣлаго правоваго порядка безъ замѣны его новымъ; литература рѣзко раздѣляется на два лагеря: литература языческая представляетъ пережевываніе стараго, полное игнорированіе окружающаго; литература христіанская тоже не имѣетъ ничего общаго съ современной жизнью, такъ какъ занята интересами надземными или полемикой; апологетикъ христіанства и его литературный противникъ — какъ будто люди, отдѣленные другъ отъ друга тысячелѣтіемъ; въ нихъ общаго только то, что они оба представляютъ крайности. Гдѣ же мы можемъ познакомиться съ среднимъ человѣкомъ? Только въ области искусства, которое главнымъ образомъ сосредоточилось въ катакомбахъ.

В. Шульце раздѣляетъ свою книгу на 6 большихъ главъ: 1) о погребеніи у древнихъ христіанъ; 2) устройство катакомбъ; 3) изображенія въ катакомбахъ; 4) вещи, находимыя въ катакомбахъ; 5) надписи, и 6) описаніе отдѣльныхъ катакомбъ. Опустивъ 6-ю главу какъ слишкомъ спеціальную и сухую, имѣющую значеніе

---

[1]) См., напр., стр. 73, 89, 94 и особенно въ примѣчаніяхъ стр. 104, 114, 172 и друг.

ученаго путеводителя, мы остановимся, главнымъ образомъ, на 3-й и 4-й, въ виду ихъ культурно-историческаго значенія.

Уже въ древнемъ мірѣ развились и твердо установились тѣ двѣ формы уборки мертваго тѣла, которыя существуютъ до сихъ поръ у культурныхъ народовъ: сжиганіе и погребеніе (inhumatio и crematio). Всѣ семитическіе народы, за исключеніемъ ассиріянъ, а слѣдовательно и евреи, предпочитали погребеніе. У грековъ было почти въ одинаковомъ ходу то и другое. Прежде полагали, что римляне сожигали своихъ мертвецовъ, но теперь доказано, что и погребеніе было почти въ такомъ же употребленіи. По закону XII таблицъ запрещалось въ городѣ погребать или сжигать мертваго. Повидимому, съ самаго начала республики, въ городахъ Италіи отдавали предпочтеніе сжиганію, въ деревняхъ, гдѣ больше мѣста, погребенію. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, къ останкамъ дорогаго человѣка, и даже незнакомца, римляне, какъ и греки, относились съ большимъ почтеніемъ. Оказать погребальныя почести человѣку и по-латыни и по-гречески часто выражалось оборотомъ, который буквально значитъ по-русски: сдѣлать хорошее дѣло, а пренебреженіе къ трупу было страшнымъ злодѣяніемъ. Мѣста погребенія были священны. По римскому праву перенести трупъ на другое мѣсто можно было только съ разрѣшенія коллегіи жрецовъ. Это почтеніе къ мертвецу и могилѣ унаслѣдовали отъ римлянъ христіане [1]; но изъ двухъ формъ они рѣзко стали за погребеніе по многимъ причинамъ: изъ подражанія семитамъ-евреямъ, изъ противодѣйствія языческой аристократіи, изъ вѣры во второе воскресеніе тѣла и изъ убѣжденія, что тѣло, какъ храмъ Божій, не должно подвергаться насильственному разрушенію.

Какъ трупы, такъ и урны съ пепломъ римляне, подобно многимъ семитическимъ народамъ, не зарывали въ землю сверху, а сносили въ выкопанныя подъ землею семейныя или общественныя усыпальницы, куда потомъ собирались родственники поминать умершихъ. Такого же обычая держались и христіане.

Сила христіанства во время его борьбы съ язычествомъ, между прочимъ, заключалась въ общинѣ, въ обязанности членовъ ея помогать во всемъ хорошемъ другъ другу, въ обязанности богатыхъ общинниковъ жертвовать деньги и вещи на пользу бѣдныхъ. Въ то время, какъ бѣдный свободно-рожденный язычникъ, если онъ не обезпечилъ себя вступленіемъ и аккуратнымъ взносомъ въ погребальную коллегію [2], могъ быть выкинутъ въ общую по-

---

[1]) Для расходовъ на похороны дозволялось даже переливать церковные сосуды. Одной изъ причинъ силы христіанъ Юліанъ считаетъ ихъ pietatem erga mortuos.

[2]) Collegia funeraria назывались общества, разрѣшаемыя императорами и въ то время, когда жестоко преслѣдовалось всякое проявленіе общественнаго духа у римлянъ; члены ихъ собирались на поминальныя пиршества и общія

гребальную яму (puticulus), рабъ или нищій христіанинъ иногда погребался въ роскошномъ фамильномъ склепѣ аристократки. Хотя до самаго Миланскаго эдикта (312 года) церковь или община не признавалась юридическимъ лицемъ и потому не могла имѣть собственности, уже съ конца II вѣка, правительство смотритъ сквозь пальцы на общинныя усыпальницы, которыя могли достигать громадныхъ размѣровъ. Эти-то общественныя подземныя гробницы христіанъ и называются катакомбами [1]).

Съ помощью упорныхъ трудовъ и остроумныхъ соображеній де-Росси доказалъ, что катакомбы не были вырыты язычниками для добыванія песку или камня (какъ это прежде думали) и потомъ приспособлены христіанами; ихъ рыли нарочно христіане для погребенія своихъ мертвецовъ и для поминальныхъ собраній. Въ мирное время катакомбы и не старались укрывать отъ взоровъ язычниковъ; во время гоненій, обширными помѣщеніями «вѣрныхъ» мертвецовъ иногда пользовались для своего спасенія живые, въ особенности люди изъ клира, болѣе другихъ преслѣдуемые; тамъ же совершались и общественныя, насколько позволяло мѣсто, моленія. Въ такія эпохи отверстіе сверху, дававшее катакомбамъ дневной свѣтъ, забивалось.

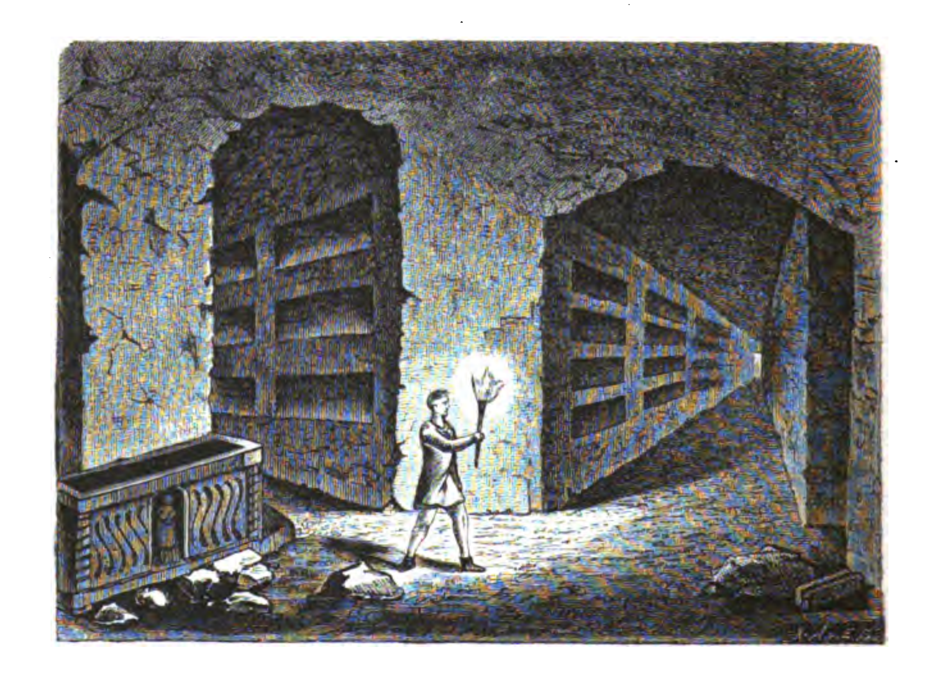
Форма катакомбъ въ значительной степени зависѣла отъ свойства почвы; если приходилось имѣть дѣло съ прочнымъ каменистымъ, строительнымъ туфомъ, позволяли себѣ бо̀льшую роскошь и ширину; если съ пуццоланой или зернистымъ туфомъ (tufa granulare), составляющимъ нѣчто среднее между строительнымъ туфомъ и пуццоланой, во избѣжаніе обваловъ нужно было съуживаться, а кое-гдѣ и искусственно укрѣплять стѣны. Для входа, часто маскированнаго виноградникомъ или церковью, или срѣзали одну сѣверо-западную сторону холма или дѣлали шахту внизъ и вырубали ступени лѣстницы. При входѣ въ первомъ случаѣ устраивали иногда родъ залы со скамейками для сидѣнья. Отъ этой залы или отъ конца крутой лѣстницы проводили по возможности прямую, горизонтальную галлерею, изъ которой въ стороны шли небольшіе корридорчики и квадратныя или круглыя камеры, назначенныя для отдѣльныхъ семействъ или высокопоставленныхъ лицъ; на одной высотѣ съ главной галлереей шли другія меньшія или такія же, соединявшіяся съ первой и между собою узкими корридорчиками; немного воздуху и еще меньше свѣту этимъ кор-

---

собранія, вносили ежегодно небольшую сумму и за это были обезпечены приличнымъ погребеніемъ. Весьма вѣроятно, что христіане владѣли своими катакомбами и до извѣстной степени правомъ собраній въ качествѣ такихъ коллегій.

[1]) Происхожденіе слова довольно темно до сихъ поръ; повидимому, это латинизированіе двухъ греческихъ словъ, озн. «къ углубленію» или «къ оврагу»; имя первоначально принадлежало одному подземному кладбищу св. Севастьяна

ридорамъ, галлереямъ и камерамъ давали цилиндрическія маленькія шахты, ведущія на поверхность земли. Выше или ниже первой галлереи, по возможности не надъ нею, устраивали 2-й, 3-й и такъ далѣе (до 5-ти этажей) рядъ такихъ же ходовъ. На перекресткѣ нѣсколькихъ галлерей устраивали небольшую залу съ каменными сидѣньями. Въ стѣнахъ этихъ галлерей и камеръ вырубали четырехъ-угольныя продолговатыя углубленія въ нѣсколько этажей, въ которыя и клали вдоль стѣнъ трупы; послѣ чего углубленіе закрывали мраморной или иной каменной плитой и плотно замазывали цементомъ.

На этомъ рисункѣ, представляющемъ типичную, или какъ говорятъ нѣмцы, идеальную конструкцію, мы видимъ 2 галлереи, которыя расходятся подъ угломъ изъ небольшой залы, или ротонды; въ одной изъ галлерей гробы расположены въ 4, въ другой въ 3 этажа. У одной стѣны ротонды стоитъ саркофагъ, украшенный орнаментами и барельефомъ.

Здѣсь мы видимъ такъ называемую «крипту папъ», камеру въ катакомбѣ св. Каллиста въ Римѣ, заключавшую въ себѣ гробы 5 или 6 епископовъ; нижнія болѣе высокія углубленія предназначены для саркофаговъ.

Кромѣ такихъ прямолинейныхъ углубленій, за которыми утвердилось названіе loculi, трупы очень часто помѣщались въ углуб-

леніяхъ полукруглыхъ — arcosolia [1]); внутренняя стѣнка такого аркосалія оставалось цѣлою, а въ нижней стѣнкѣ выбивалось мѣсто для трупа.

Стѣнки аркосоліевъ, потолки камеръ и ротондъ, закрывающія гробъ плиты, бока саркофаговъ и, наконецъ, украшенія и домашняя утварь—вотъ то не широкое поле, гдѣ христіанинъ первыхъ вѣковъ выражалъ въ художественныхъ образахъ и надписяхъ свою мысль.

Христіанство вышло изъ іудейства, которое было лишено эстетическихъ стремленій, но уже съ апостоломъ Павломъ оно вступило въ другой міръ—эллино-греческій, гдѣ эти стремленія вошли въ плоть и кровь человѣка. Греку или римлянину временъ имперіи самый роскошный кабинетъ современнаго богача показался бы верхомъ варварской простоты и безвкусія, такъ какъ онъ отъ всякой вазы, отъ всякой зубочистки требовалъ художественности и жизни. Могъ ли такой человѣкъ, сдѣлавшись христіаниномъ, удовольствоваться грубой прямолинейностью еврея?

Въ новомъ ученіи не было въ сущности ничего, враждебнаго эстетическимъ стремленіямъ, если только они не выражались въ явномъ идолопоклонствѣ и безнравственности.

Ясно, что на первое время христіанскіе художники должны были принять технику и формы искусства языческаго, избѣгая всего того, что явно противорѣчило ихъ вѣроученію. Даже и впослѣдствіи во времена Константина и его наслѣдниковъ христіанское искусство есть только продолженіе или паденіе античнаго.

Мы позволимъ себѣ измѣнить порядокъ, предлагаемый В. Шульце и сперва скажемъ о техникѣ живописи катакомбъ, а потомъ перейдемъ къ образамъ и выражаемымъ въ нихъ идеямъ.

Подземныя усыпальницы древнихъ христіанъ довольно богато украшены живописью, которая въ первые вѣка христіанства вообще, замѣтно беретъ верхъ надъ скульптурой, какъ потому, что первой недоставало мѣста въ катакомбахъ, такъ и потому, что статуи слишкомъ живо напоминали язычество. Но обычай украшать усыпальницы картинами взятъ все-таки же у древнихъ, для которыхъ гробъ былъ вѣчный домъ (domus aeterna), какъ его зачастую называютъ и христіане, а такъ какъ въ своемъ мірскомъ жилищѣ римлянинъ видѣлъ вездѣ вокругъ себя живопись, онъ окружалъ ей и своихъ покойниковъ. Христіанская живопись отличается отъ языческой кромѣ сюжетовъ и большей простотой, бѣдностью; подобное же различіе увидимъ мы и въ другихъ отдѣлахъ археологіи катакомбъ.

Въ катакомбѣ раскрашенъ больше всего потолокъ, въ серединѣ котораго помѣщается одна центральная фигура, а кругомъ ея рядъ

---

[1]) Изъ arcus—арка и solium--гробъ.

сценъ и орнаментовъ; стѣны разрисованы гораздо проще; часто все ихъ украшеніе составляютъ красныя и голубыя линіи, между которыми изрѣдка мелькнетъ птичка или небольшая библейская сцена; часто стѣна остается совсѣмъ бѣлою, за исключеніемъ внутренней стѣнки аркосолія и нѣсколькихъ футовъ около нея. Loculi раскрашены очень рѣдко. Въ древнее время господствующій способъ рисовки былъ al fresco, въ III и въ IV вѣкахъ a secco; энкаустика т. е. выжиганіе картинъ, или точнѣе вжиганіе красокъ, вовсе не встрѣчается. Краски поражаютъ своею бѣдностью, такъ какъ художникъ заботился главнымъ образомъ объ очертаніяхъ; вотъ какъ говорятъ о техникѣ катакомбныхъ картинъ Кроу и Кавалькасалле [1]): на свѣтломъ фонѣ нарисовано однимъ теплымъ желтокраснымъ тономъ тѣло фигуры; тѣни наведены густой и насыщенной черной краской широкими штрихами, безъ старанія оттѣнить детали; очертанія глазъ, носа, рта, обведены болѣе слабыми темными контурами. Для изображенія одеждъ довольно остроумно употребляли смѣсь изъ трехъ основныхъ красокъ: голубой, красной и желтой.

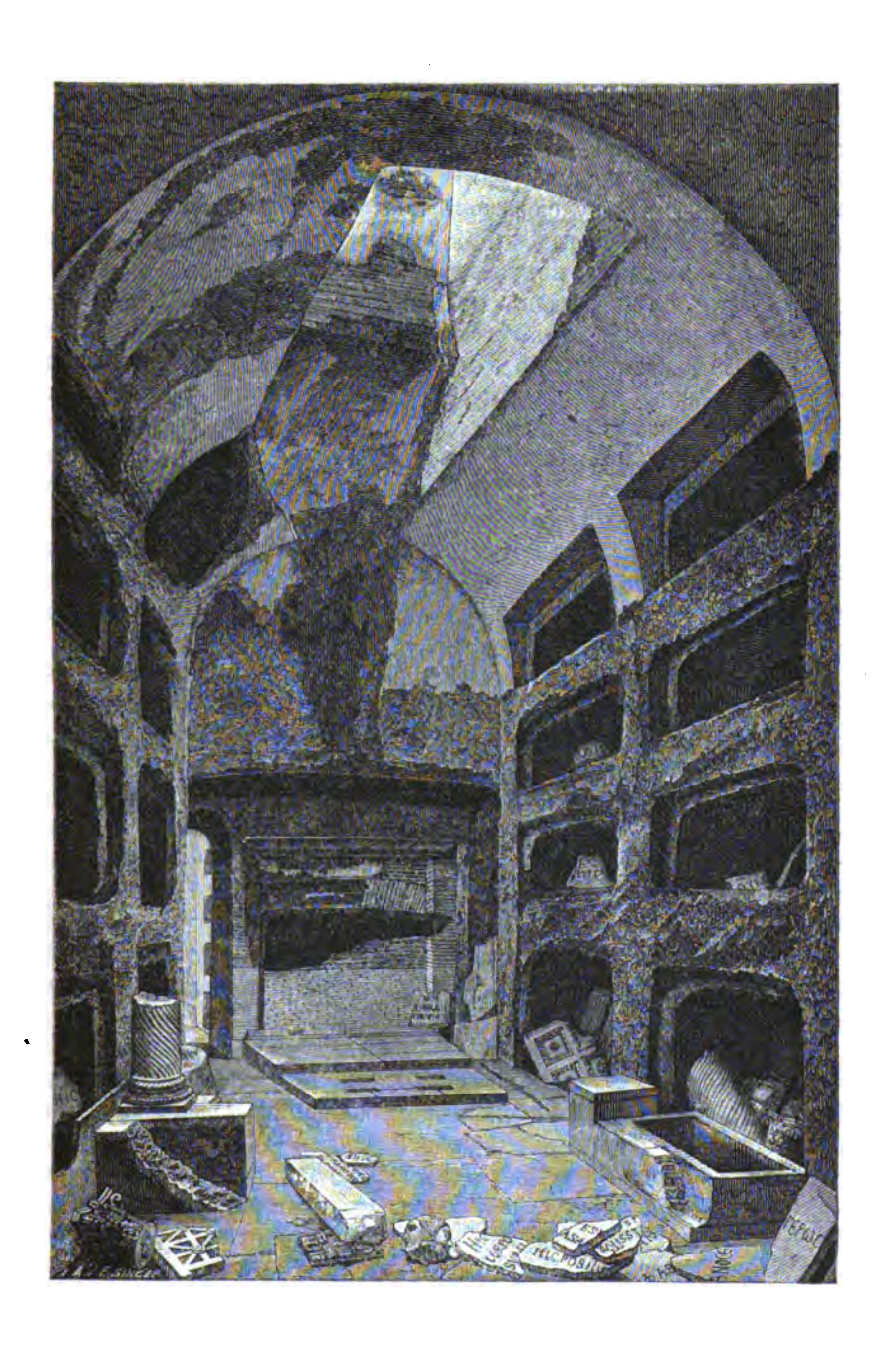
Въ общемъ орнаменты удаются лучше фигуръ; въ сценахъ пренебреженіе перспективой проявляется еще сильнѣй, чѣмъ у язычниковъ.

Первымъ столѣтіямъ принадлежитъ очень немногое; такъ ко времени появленія христіанства въ Италіи относятъ потолокъ въ неаполитанской катакомбѣ, фрески въ входной галлереи св. Домитиллы и первоначальное украшеніе квадратной крипты св. Претекстата. Ко II вѣку относятъ потолокъ св. Дженаро и кой что изъ катакомбъ св. Луцины и св. Присциллы. За то тѣмъ богаче картинами III и начало IV столѣтія.

Въ первомъ и началѣ втораго столѣтія, строго говоря, христіанскаго искусства еще нѣтъ, такъ какъ еще не успѣли выработаться и обособиться христіанскіе сюжеты; потолки и стѣны катакомбъ расписываются главнымъ образомъ гирляндами, звѣрями, птицами и амурами. Затѣмъ начинаетъ выступать христіанскій элементъ, но еще въ комплексѣ стараго. Этотъ элементъ становится господствующимъ въ III вѣкѣ, и тогда художники пользуются языческими образами только какъ аксессуарами или какъ символами. Къ концу III вѣка христіанскій циклъ достигаетъ полнаго развитія. Послѣ Константина Великаго онъ значительно измѣняетъ свой составъ, расширяясь съ одной стороны и съуживаясь съ другой, впрочемъ больше съуживаясь, чѣмъ расширяясь; тогда же, не смотря на всѣ старанія христіанскихъ императоровъ и ихъ чиновниковъ, начинаетъ замѣтно падать техника. Въ высшей степени любопытно, что тогда

---

[1]) Crowe und Cavalcasalle: Geschichte der italienische Malerei. Leipz. 1669 I Bd. S. 3.

HIC

же, т. е. съ IV вѣка на несомнѣнно христіанскихъ гробницахъ появляются сюжеты изъ античной миѳологіи; это странное оживаніе объясняется тѣмъ, что, слѣдуя примѣру императора, новую религію приняла масса людей не убѣжденныхъ, которые дѣлались христіанами только по имени и которыхъ вовсе не смущалъ туалетъ Венеры, изображенный рядомъ съ именемъ Христа. Такимъ образомъ и по богатству сюжетовъ и по чистотѣ христіанской идеи памятники III вѣка стоятъ всего выше; ихъ мы и будемъ имѣть главнымъ образомъ въ виду, въ особенности говоря о живописи. Прежде всего поражаетъ въ древне-христіанскомъ искусствѣ богатство его символики. До Росси нѣкоторые даже думали, что въ болѣе древнихъ катакомбахъ вовсе нѣтъ исторической живописи, но теперь найдены мадонны отъ конца I и начала II вѣка, а къ III относится масса изображеній евангельскихъ или ветхозавѣтныхъ событій, имѣющихъ главнымъ образомъ историческій смыслъ. Тѣмъ не менѣе въ цѣломъ надо признать за всѣмъ древнехристіанскимъ искусствомъ символическій характеръ.

Всѣ символы встрѣчающіеся въ катакомбахъ, можно раздѣлить на 3 группы: 1) античныя надгробныя изображенія, усвоенныя христіанствомъ, 2) христіанскія надгробныя изображенія, унаслѣдованныя отъ язычества 3) символы, выработанные христіанствомъ.

Къ первой группѣ принадлежатъ Эросъ и Психея или одна Психея въ видѣ дѣвочки или дѣвушки съ крыльями бабочки; Діоскуры, разные аксесуары изъ цикла Вакха, какъ-то: пантера, каменный козелъ, маска; тритоны, морскіе кони—изъ цикла Нереидъ, сирены, голова Горгоны, гранатное яблоко, макъ. Изо всѣхъ крупныхъ изображеній особенною популярностью пользуется Психея, такъ какъ ея философскій миѳъ легко поддавался христіанскому толкованію.

Здѣсь мы имѣемъ Психею въ видѣ дѣвочки, занятой собираніемъ цвѣтовъ, изъ катакомбы св. Домитиллы въ Римѣ.

Всѣ тѣ же символы смерти или безсмертія мы находимъ и на языческихъ гробницахъ.

Ко второй группѣ относятся: фениксъ и его упрощеніе—павлинъ [1]), пальма и вѣнокъ (какъ символъ побѣды или заслуги), и изъ большихъ изображеній особенно часто встрѣчающійся Орфей съ лирою, укрощающій музыкою дикихъ звѣрей. Орфея съ Христомъ, укротившимъ музыкой своего слова грубыя сердца, неоднократно сравниваютъ отцы церкви. Орфей, убитый вакханками или ѳракіянками,—естественный прообразъ Христа пострадавшаго за правду.

Роль символовъ христіанскихъ прежде всего играютъ нѣкоторыя изображенія изъ ветхаго и новаго завѣта. Чаще всего встрѣчаются:

---

[1]) По Плинію онъ осенью теряетъ свои перья, а весной снова выращиваетъ ихъ.

Ной въ ковчегѣ, Іона́, выбрасываемый въ море или китомъ на берегъ, или лежащій подъ смоковницей, Моисей, источающій воду изъ скалы, Давидъ съ пращей, Даніилъ во рву львиномъ, воскрешеніе Лазаря.

Что эти сцены имѣютъ здѣсь не историческое, а символическое значеніе, легко можно видѣть по самой манерѣ изображенія. Напр. Ной всегда пишется такимъ образомъ: изъ 4-хъ угольнаго ящика, иногда съ крышкою, въ родѣ табакерки, высовывается наполовину человѣческая фигура такой величины, что ей и одной трудно было бы помѣститься въ ящикѣ; фигура протягиваетъ руки на встрѣчу голубю, несущему въ клювѣ масличную вѣтвь. Еслибъ художникъ имѣлъ въ виду историческаго Ноя, онъ, разумѣется, съумѣлъ бы

придать ковчегу болѣе вѣроятные размѣры и написалъ бы кого нибудь изъ другихъ обитателей ковчега; точно также невѣрно преданію изображали воскрешеніе Лазаря, какъ будто его фигура стоитъ на порогѣ какого-то храма (вмѣсто вырубленной въ скалѣ крипты). Мало того: Ной изображается всегда въ одномъ и томъ же положеніи, но—то старикомъ, то молодымъ; разъ онъ даже изображенъ въ видѣ женщины (точно также и Лазарь разъ имѣетъ лицо дѣвочки); очевидно, что Ной представляетъ здѣсь самого умершаго, надѣющагося послѣ плаванія по бурному морю житейскому получить съ неба масличную вѣтвь мира. Такимъ же образомъ Даніилъ во рву львиномъ (точнѣе: между 2-мя львами)—символъ христіанина, пренебрегающаго опасностями; Моисей, источающій воду,—символъ Христа, источающаго воду истины изъ каменныхъ сердецъ и т. д.

Самый распространенный изъ художественныхъ символовъ Христа—добрый пастырь, т. е. молодой человѣкъ въ пастушеской одеждѣ, держащій овцу на плечахъ; иногда кромѣ этой овцы двѣ

другія (изрѣдка цѣлое стадо) стоятъ около него; встрѣчается и пастырь, не имѣющій овцы на плечахъ, а только пару или болѣе овецъ около себя. Сходная фигура встрѣчается и въ египетскомъ, и въ классическомъ искусствѣ, но христіане не заимствовали ее оттуда, а, повидимому, изобрѣли самостоятельно, исходя изъ извѣстной притчи о пропавшей овцѣ и словъ Спасителя: «азъ есмь пастырь добрый» и пр. Первоначально, добрый пастырь—погребальный символъ, и овца есть умершій или вновь обращенный христіанинъ; позднѣе овцы получаютъ часто значеніе апостоловъ.

Также распространено другое символическое изображеніе—рыбы; рыба и хлѣбъ есть естественный символъ эвхаристіи и потомъ райскаго блаженства («накорми меня рыбою», пишетъ на гробѣ одинъ христіанинъ); но уже въ III вѣкѣ рыба является замѣной имени или изображенія Христа по совершенно случайной причинѣ: съ буквъ, составляющихъ ея названіе по-гречески, начинаются по-гречески же слова: «Іисусъ Христосъ Божій сынъ Спаситель».

Грубый рисунокъ рыбы легко было сдѣлать всякому не художнику, а съ другой стороны не всякому язычнику символъ этотъ былъ понятенъ; вотъ почему этотъ знакъ принадлежности къ христіанству встрѣчается на такой массѣ гробовъ и предметовъ. Еще легче и еще распространеннѣе монограмма Христа, т. е. соединеніе буквъ: Х и Р; позднѣе ея входитъ въ употребленіе изображеніе альфы и омеги, большею частью по бокамъ монограммы.

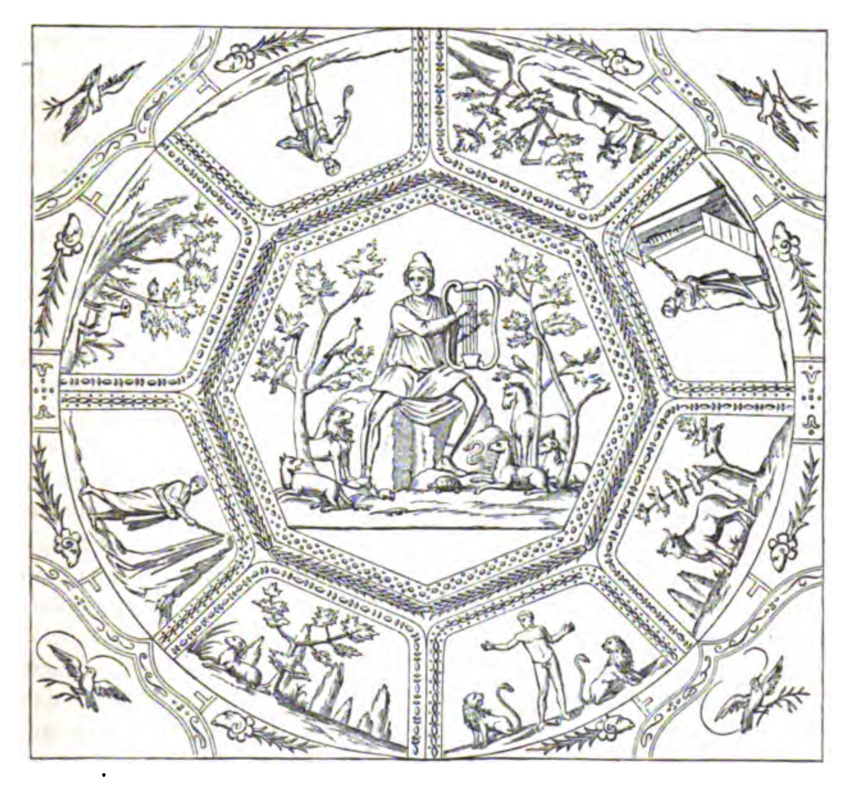
Изъ другихъ символовъ упомянемъ голубя, какъ вѣстника мира (душевнаго), масличную вѣтвь во клювѣ голубя или отдѣльно, деревья, какъ указаніе на входъ въ рай, и изъ болѣе позднихъ (съ IV вѣка, за то остается въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и дольше) оленя, какъ символъ души, жаждущей воды спасенія.

Переходимъ къ изображеніямъ историческимъ; циклъ ихъ на первое время не великъ, да и композиція настолька проста и неизмѣнна, что они, подобно символамъ, скорѣй намекаютъ на событіе, чѣмъ изображаютъ его. Можно прослѣдить, какъ постепенно и робко символъ переходитъ въ изображеніе факта (бо̀льшая свобода начинается только съ IV столѣтія). Такъ, къ Моисею, источающему воду (символъ Христа и крещенія) присоединяется сцена насилія израильтянъ надъ нимъ (Исходъ, 17, 2); къ Даніилу во рвѣ—Даніилъ со змѣемъ; къ тремъ отрокамъ въ пещи—отроки передъ кумиромъ и т. д. Относительно нѣкоторыхъ изображеній, чаще встрѣчающихся, трудно сказать съ увѣренностью, имѣлъ ли художникъ въ виду символическое или историческое значеніе изображаемаго; да весьма вѣроятно, что онъ и самъ не могъ бы опредѣлить этого.

Изъ ветхаго завѣта чаще другихъ являются: Адамъ и Ева, Каинъ и Авель, Товитъ, Іовъ (одинъ или съ друзьями), собираніе манны (манна—символъ эвхаристіи), ловля перепеловъ, Давидъ и Голіафъ, Сусанна и два старца (Сусанна часто изображается въ видѣ

овечки съ ожерельемъ; она—символъ церкви оклеветанной, символъ многознаменательный въ эпоху полемики христіанъ съ язычниками), три отрока въ пещи (символъ страданій за правду), Илія на коняхъ и пр.

Изъ новаго завѣта—Рождество Христово и съ нимъ вмѣстѣ поклоненіе маговъ (Рождество изображается съ апокрифической и въ то же время символической подробностью, удержавшейся до

На прилагаемомъ рисункѣ (съ потолка Домитиллы) мы имѣемъ посрединѣ Орфея, внизу подъ нимъ Даніила, отъ него направо орнаментъ, потомъ воскрешеніе Лазаря, опять орнаментъ, и наконецъ Моисея.

нашего времени: младенцу Христу поклоняются оселъ и быкъ, т. е. не просвѣщенные свѣтомъ истины іудеи и эллины; маги—всегда молодые люди во фригійскихъ шапкахъ; для параллели съ ними часто изображаются въ такой же одеждѣ три отрока въ пещи, (въ означеніе, что не поклонившіеся ложному богу мудрецы поклонились истинному), бракъ въ Канѣ Галилейской (символъ эвхаристіи), исцѣленія разслабленнаго, слѣпого, двухъ слѣпыхъ, кровоточивой (болѣзнь—символъ невѣрія, болѣзни душевной), встрѣча съ

самаритянкой, входъ въ Іерусалимъ, сцена передъ Пилатомъ, Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ, несеніе креста.

Можно было бы думать, что въ эпоху гоненій и мученичества христіанскіе художники будутъ охотно изображать сцены, этому соотвѣтствующія. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго; не только нѣтъ изображеній мученичества современниковъ, но и въ евангельскихъ сценахъ этотъ элементъ до крайности смягчается; такъ терновый вѣнецъ Спасителя пишется на подобіе гражданской короны и на лицѣ Христа не видно страданія, а тихая радость. Изображеній распятія вовсе нѣтъ отъ первыхъ вѣковъ [1]). Причины этого—нежеланіе запугивать новообращаемыхъ, классическія традиціи, не допускавшія внѣшняго грубаго трагизма въ искусствѣ, а главнымъ образомъ мирное, вдумчивое, нѣсколько сантиментальное настроеніе членовъ западныхъ христіанскихъ общинъ. Въ силу этого настроенія нѣтъ до времени Константина и изображеній славы Христа: преображенія, воскресенія, вознесенія, а тѣмъ менѣе страшнаго суда.

Въ евангельскихъ сценахъ Христосъ изображается въ видѣ красиваго юноши со свиткомъ (т. е. евангеліемъ) въ рукѣ; отдѣльно, въ видѣ портрета, изображенія Христа, Богоматери, апостоловъ Петра и Павла и нѣкоторыхъ другихъ святыхъ встрѣчаются, но рѣдко, и на памятникахъ второстепенной важности.

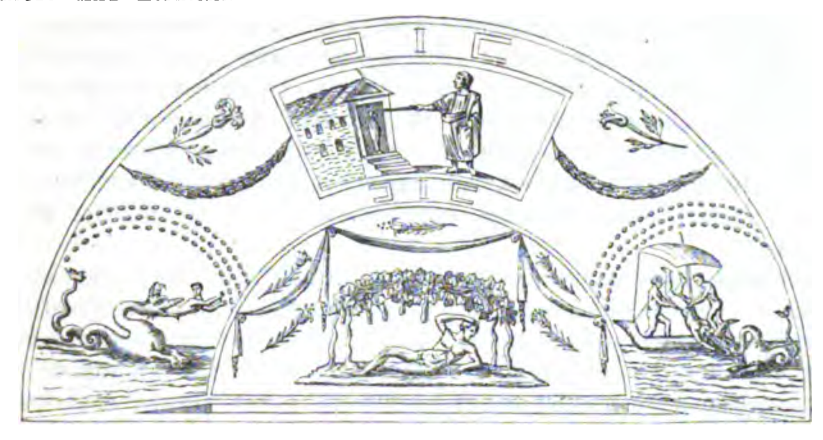
Портреты погребенныхъ, какъ было выше указано, вводятся въ символическо-библейскія сцены; они встрѣчаются также и въ картинкахъ крещенія, брака, угощеній и въ формѣ такъ называемой orans, т. е. молящейся фигуры съ распростертыми руками. Orans—женщина въ позднѣйшее время играла очень важную роль, такъ какъ въ такомъ видѣ изображалась «церковь», замѣнившаяся въ эпоху историческаго искусства Богородицей.

Особую группу составляютъ олицетворенія, какъ извѣстно, сильно развитыя въ античномъ искусствѣ. Значительную часть ихъ унаслѣдовало христіанское искусство, не видавшее въ нихъ ничего грѣховнаго; въ видѣ головъ съ лучами въ катакомбахъ изображаются солнце и луна; въ видѣ четырехъ геніевъ—четыре времени года; изъ многочисленныхъ олицетвореній земли христіанство удержало полуголую женщину съ рогомъ изобилія; смерть изображается въ видѣ генія съ опущеннымъ внизъ факеломъ. Особенно часто встрѣчаются олицетворенія рѣкъ и моря. Извѣстно, что въ Византіи въ IX и X вѣкахъ были въ большомъ употребленіи эти и многія другія олицетворенія и что изъ Византіи они перешли

---

[1]) 1-е извѣстное распятіе изъ слоновой кости относится къ V вѣку. Да и въ V, VI вѣкахъ вмѣсто Христа на крестѣ часто помѣщается агнецъ съ монограммой, а когда изображается самъ Христосъ, онъ царствуетъ на крестѣ, а не страдаетъ.

въ наше искусство, гдѣ и держались до XVIII вѣка. На западѣ олицетворенія традиціонныя живутъ до «возрожденія», которое замѣняетъ ихъ новыми.

Здѣсь мы видимъ три сцены изъ исторіи Іоны (Іона не только прообразъ Христа, но и христіанина), а на верху Моисея.

Переходимъ къ скульптурѣ. По причинамъ весьма понятнымъ она развивается послѣ эпохи Константина, именно къ тому вре-

Здѣсь мы имѣемъ добраго пастыря съ свирѣлью у бока и съ бараномъ на плечахъ изъ катакомбы св. Присциллы въ Римѣ.

мени, когда стала замѣтно падать дневне-христіанская живопись. Она проявляется главнымъ образомъ въ рельефахъ саркофаговъ. Саркофаги всегда существовали; только въ тотъ періодъ, когда

было распространено сжиганіе труповъ, они встрѣчаются сравнительно рѣдко; христіанство снова способствовало ихъ распространенію. Въ саркофагахъ хоронили членовъ богатыхъ фамилій, особенно тѣхъ, которые приняли новую религію изъ разсчета; на первое время, когда катакомбы еще не потеряли своего значенія, и саркофаги ставили въ нихъ же. Лучшіе, со стороны исполненія, саркофаги относятся къ концу IV столѣтія; тогда богаче всего и циклъ сюжетовъ; съ средины V вѣка съуживается циклъ и исполненіе становится гораздо хуже; впрочемъ, въ южной Галліи и Равеннѣ съ ея окрестностями встрѣчаются хорошія школы и въ VI вѣкѣ.

Матерьяломъ для саркофаговъ служитъ чаще всего мраморъ; крыша бываетъ плоская, острая, полукруглая и многоугольная; рельефы встрѣчаются большею частью на одной длинной сторонѣ, изъ чего легко заключить, что саркофагъ ставился въ нишѣ; гораздо рѣже изображенія встрѣчаются на трехъ (когда саркофагъ приставлялся къ стѣнѣ) и еще рѣже на четырехъ сторонахъ. Отдѣльныя части рельефовъ расположены также, какъ и на саркофагахъ языческихъ, т. е. или фигуры помѣщены во всю вышину саркофага или украшенная сторона его раздѣлена узкой линіей на два параллелограма, причемъ отдѣльныя сцены, находящіяся на одномъ параллелограмѣ, другъ отъ друга не отдѣляются.

Такъ какъ саркофаги большею частью покупались готовые, то надпись или портретъ (часто портреты двухъ супруговъ) помѣщались на отдѣльной доскѣ, прикрѣпленной къ верхней половинѣ.

Древнѣйшіе саркофаги бѣдны изображеніями—на нихъ часто находимъ только молящихся (orans) или добраго пастыря, а пустыя мѣста замѣщены волнообразными линіями (такъ называемыми strigiles). Саркофаги второй половины IV и V вѣковъ украшены обыкновенно длиннымъ рядомъ сценъ изъ библейской исторіи ветхаго и новаго завѣта; сцены, приблизительно, тѣ же, какія мы видѣли и въ катакомбной живописи [1]); разница въ томъ, что число фигуръ больше, изображенія сложнѣе; такъ, напримѣръ, при Моисеѣ, источающемъ воду, изображены два еврея съ жадностью припадающіе къ водѣ. Шульце объясняетъ это свойствомъ матеріала; кажется, вѣроятнѣе видѣть въ этомъ побѣду историческаго искусства надъ символическимъ; что въ древне-христіанской скульптурѣ историческій элементъ сильнѣе, долженъ признать и самъ Шульце, указывающій именно на саркофагахъ рядъ сценъ, неимѣющихъ символическаго значенія, напримѣръ: Каинъ и Авель, Давидъ и Голіафъ, собираніе манны, Марія у Елизаветы, Благовѣщеніе, входъ въ Іерусалимъ, Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ и проч.

[1]) Статистику ихъ смотри у Шульца, стр. 173—174.

Художники по весьма понятной причинѣ любятъ сцены, могущія занять цѣлый параллелограмъ, напримѣръ, переходъ черезъ Чермное море.

Сюжеты, встрѣчающіеся часто, изображаются почти всегда одинаково, даже въ далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, что слѣдуетъ объяснить единствомъ «оригиналовъ» (Vorlageblätter), которые добывались, вѣроятно, изъ Рима; эти оригиналы представляли, повидимому, отдѣльныя сцены, такъ какъ послѣдовательность ихъ постоянно измѣняется; прежніе археологи напрасно пытались найти символическую связь между сценами: ихъ порядокъ большею частью совершенно произвольный.

По примѣру язычниковъ, христіане помѣщали на своихъ саркофагахъ жанровыя сценки (кузницу, рыбную ловлю) для указанія спеціальности или любимыхъ занятій умершаго.

Рѣзко отличаются отъ саркофаговъ римскихъ, неаполитанскихъ и проч. равенскіе, такъ какъ въ этомъ городѣ вліяніе Константинополя и востока должно было сказаться рано и сильно: группамъ въ Равеннѣ предпочитаютъ изображеніе отдѣльныхъ фигуръ, окруженныхъ богатой декораціей; часто украшенная сторона саркофага вовсе не имѣетъ фигуръ, а только орнаменты: виноградныя лозы, монограмму, крестъ, голубей, павлиновъ, полуколонны и фризы и проч. Изъ фигуръ чаще всего встрѣчается Христосъ съ апостолами, но не въ живой евангельской сценѣ, а въ торжественномъ иконописномъ положеніи.

Изъ Равенны такіе саркофаи распространяются въ Падую, Феррару и проч.

Особый и чрезвычайно интересный видъ древнехристіанскаго искусства составляютъ такъ называемыя золотыя днища (Goldgläser, fondi d'oro); это донышки стеклянныхъ сосудовъ съ золотыми картинками, исполненными такимъ образомъ: на дно стакана съ внѣшней стороны клали золотой листикъ; острой шпилькой удаляли все то, что не относилось къ картинкѣ (такимъ образомъ, что, напримѣръ, голова была золотая, зрачекъ—пустой кружечекъ) и потомъ на этотъ рисунокъ накладывали слой стекла и огнемъ сплавляли его съ первымъ; такимъ образомъ, золотой рисунокъ оставался на вѣки впаяннымъ въ стеклѣ. Изъ этихъ сосудовъ пили на поминкахъ и оставляли ихъ на память при гробахъ; болѣе тонкія части стакана разбивались и исчезали отъ времени, а толстыя днища сохранились до насъ.

На днищахъ очень немного рисунковъ изъ живописнаго цикла (встрѣчаются Адамъ и Ева, три отрока, Іона, воскрешеніе Лазаря, добрый пастырь съ незначительными отмѣнами), а большею частью на нихъ изображены апостолы Петръ и Павелъ, Марія, св. Агнеса, Лука, ап. Іуда, Тимофей и пр., портреты епископовъ, мучениковъ, портреты простыхъ людей, сцены изъ домашней жизни, изъ цирка;

попадаются и миѳологическія фигуры. Надпись, грубовато сдѣланная, помѣщается или кругомъ или въ серединѣ.

Объяснить распространенность этихъ золотыхъ днищъ въ IV и V вѣкахъ (отъ второй половины III вѣка ихъ дошло немного, а раньше и совсѣмъ не было) можетъ напр. обычай изображать священные предметы и фигуры на платьяхъ; новые христіане, можетъ быть, часто и не изъ особенно ревностныхъ, потерявъ чувство изящнаго, лѣпили предметы новаго культа вездѣ, гдѣ ни попало.

Во внутренности гробовъ или около нихъ находятъ массу домашнихъ вещей; археологи прежней школы пытались объяснить ихъ символически, напр. зеркальце—указаніемъ на чистоту души умершаго и пр., но гораздо вѣроятнѣе, что въ этомъ случаѣ христіане подражали язычникамъ и подобно имъ старались сдѣлать гробъ насколько возможно «обитаемымъ» для мертвеца.

Чаще всего при гробахъ находятъ глиняныя и бронзовыя лампы, такъ какъ онѣ были нужны не только мертвецу, но и его посѣтителямъ. Форма ихъ античная, но въ нихъ менѣе роскоши и отдѣлки; христіанскія эмблемы и надписи встрѣчаются главнымъ образомъ съ IV вѣка. Любимый символъ на покрышкѣ лампы — монограмма Христа, замѣнявшаяся позднѣе крестомъ, затѣмъ рыба, голубь, добрый пастырь, изрѣдка Іона, Даніилъ, Ева и пр. Попадаются лампы христіанскія по самой формѣ своей: рукоятку составляетъ монограмма въ кругу или крестъ; сама лампа имѣетъ видъ голубя или агнца. Часто встрѣчаются сосуды разной формы и назначенія, ножи и пр. Къ домашнимъ вещамъ причисляются теперь многія орудія, которыя прежде, при желаніи найти въ катакомбахъ сколько возможно больше мучениковъ, считали орудіями мученія; очень удачно объясняютъ существованіе череповъ, пробитыхъ булавками, тѣмъ, что булавка у покойника находилась въ волосахъ, но черезъ много столѣтій прошла сквозь размягчившуюся кость. Часто находятъ чернильницы, грифеля, диптихи (складни для писанія,—первообразъ нашихъ книгъ), подобіе свитковъ изъ свинца, какъ указаніе на грамотность покойника, ключи, ящички и проч. Обычай класть монеты для уплаты Харону за перевозъ—явное доказательство удержанія языческихъ обычаевъ—проникаетъ глубоко средніе вѣка.

Изъ предметовъ роскоши больше всего находятъ колецъ и перстней съ печатями (annuli signatorii); на печатяхъ вырѣзаны: голубь, рыба; послѣдняя часто съ якоремъ, что слѣдовательно надо читать: «моя надежда на Христа», добрый пастырь, монограмма и крестъ, рѣже голова Христа или бюсты Павла и Петра; еще рѣже—библейскія сцены; часто встрѣчаются портреты владѣтелей; принадлежность такого перстня христіанину часто узнается по благочестивой надписи. Такія надписи встрѣчаются даже на предметахъ женскаго убора, напр. на булавкѣ «живи всегда въ Богѣ»

(vivas semper in Deo). Къ числу предметовъ роскоши относится и знаменитый ящичекъ, часто приводимый въ доказательство синкретизма (двоевѣрія) послѣ константиновской эпохи, найденный въ Римѣ въ 1793 году; на его покрышкѣ превосходно изображены бюсты молодыхъ супруговъ, увѣнчиваемыхъ эротами; на задней сторонѣ—сцена ввода невѣсты въ домъ супруга; на передней туалетъ Венеры; богиня, почти раздѣтая, сидитъ въ раковинѣ, везомой двумя тритонами, окруженная эротами, и держитъ въ лѣвой рукѣ зеркало; на нижнемъ краѣ ящичка изображена монограмма Христа между альфой и омегой и надпись: Secunde et Proiecta—vivatis—in—Chri(sto), т. е. Секундъ и Проекта живите во Христѣ. Въ катакомбахъ находятъ игрушки и не только при гробахъ дѣтей, но и женщинъ, въ большомъ количествѣ маленькія зеркала и шиньоны, противъ которыхъ напрасно возставалъ Тертуліанъ. Ничто такъ рѣзко не доказываетъ упорства языческихъ традицій послѣ Константина, какъ нахожденіе въ катакомбахъ массы амулетовъ, въ особенности противъ дурного глаза. Извѣстно, что въ народѣ никогда такъ сильно не было развито суевѣріе, какъ въ вѣкъ упадка вѣры, въ I и II вѣкахъ нашей эры. Отъ язычниковъ боязнь дурного глаза перешла и къ христіанской общинѣ. Напрасно боролись противъ суевѣрія отцы церкви; ихъ обличенія только указываютъ на силу зла; все, что они могли сдѣлать — это замѣнить чисто языческіе амулеты христіанскими; въ катакомбахъ находятъ и тѣ и другіе, также, какъ и амулеты переходнаго вида, синкретическіе. Чаще другихъ встрѣчаются: дощечки изъ слоновой кости съ головой Медузы, изображеніемъ зайца (противъ физической боли) такъ называемыя bulle т. е. капсюльки для амулета, у богатыхъ изъ благородныхъ металловъ, у бѣдныхъ изъ кожи; съ такими буллами въ рукахъ изображаютъ Еву и геніевъ. Христіанскими амулетами слѣдуетъ считать: дощечки и медальки съ монограммой, таинственными надписями, бронзовыхъ или стеклянныхъ рыбокъ съ ушкомъ для ношенія на шеѣ и пр. Есть амулеты, въ надписяхъ которыхъ сливаются іудейство, язычество и христіанство.

Когда послѣ 1578 года римскія катакомбы открылись католическому міру, церковь возъимѣла, какъ казалось, очень основательную надежду найти тамъ массу самыхъ подлинныхъ реликвій, и дѣйствительно чуть не возами вывозили оттуда мощи предполагаемыхъ мучениковъ, но скоро явилось сомнѣніе въ томъ, что всякая кость, находимая въ подземномъ Римѣ, есть реликвія, и вмѣстѣ съ тѣмъ возникло желаніе найти внѣшнее отличіе гроба мученика отъ гроба простаго христіанина. Въ началѣ XVII вѣка такихъ отличій знали очень много: если на гробовой доскѣ изображена пальма, крестъ, корона, даже голубь, рыба или монограмма Христа, мертвеца готовы были канонизировать. Но наука доказала, что крестъ

и даже монограмма вошли въ употребленіе поздно, когда уже мучениковъ не было, что рыба и даже пальма свидѣтельствують только о принадлежности покойника къ общинѣ. Тогда остался только одинъ признакъ, за который католицизмъ упорно держится еще до сихъ поръ: это сосуды разной формы и величины, конечно, пустые, но содержащіе на днѣ какой-то темный осадокъ. Еще Бозіо принялъ этотъ осадокъ за кровь мучениковъ; еще Лейбницъ подвергалъ его химическому анализу, а споры о его составѣ до сихъ поръ не кончились.

Противъ ультрамонтанскаго убѣжденія, что здѣсь мы имѣемъ самую чистую кровь мученниковъ, можно привести нѣсколько очень вѣскихъ доказательствъ: во 1-хъ, около одной пятой этихъ сосудовъ нашли у гробовъ младенцевъ моложе 7 лѣтъ, а они едва ли могли быть замучены; во 2-хъ, на одномъ кладбищѣ св. Тразона такихъ сосудовъ нашли около 2,000, а въ Римѣ отъ перваго вѣка до Константина едва ли было столько замученныхъ и т. д.

Можетъ быть въ этихъ сосудахъ было вино эвхаристіи или поминокъ; а можетъ быть это — окись, образовавшаяся просто отъ времени.

Надписи на гробахъ или вырѣзывались или рисовались. По внѣшней формѣ надписи христіанскія отличаются отъ языческихъ только сравнительно бóльшей небрежностью и безграмотностью, что указываетъ на бѣдность общинниковъ. Но по содержанію, въ нихъ рѣзко выражается тотъ же характеръ любви, кротости и религіозной сантиментальности, какой мы видѣли и въ искусствѣ: въ нихъ не означается сословія и званія погребеннаго; не означается даже, былъ ли онъ рабъ, отпущенникъ или свободный; означается только, когда это нужно, мѣсто, которое онъ занималъ въ христіанской общинѣ. Рѣдко указывается мѣсто и далеко не всегда время рожденія, но довольно часто время крещенія; днемъ рожденія очень часто называется день смерти, какъ втораго, болѣе важнаго рожденія во Христѣ. Часто повторяются эпитеты — душа кроткая, голубица безъ желчи, душа невинная, невиннѣйшая. Рѣдки надписи, не выражающія такъ или иначе надежды на новую жизнь и вѣры въ воскресеніе. Живи во вѣки, живи во святыхъ, живи въ мирѣ, вѣрю, что возстану и тому подобныя выраженія попадаются безпрестанно. Если не было времени и охоты много писать, ставили одно слово: spes (надежда).

Въ заключеніе два слова о судьбѣ катакомбъ послѣ Константина Великаго. Послѣ торжества христіанства входятъ въ употребленіе надземныя кладбища и новыхъ катакомбъ уже не строятъ, но старыя распространяютъ, такъ какъ люди особенно благочестивые и богатые желали непремѣнно лежать рядомъ съ мучениками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, катакомбы уже начинаютъ служить мѣстомъ поклоненія. «Когда я мальчикомъ учился въ Римѣ наукамъ и искус-

ствамъ, разсказываетъ блаженный Іеронимъ (IV вѣка), я любилъ по воскресеньямъ съ товарищами бродить по подземнымъ криптамъ, въ которыхъ по обѣимъ сторонамъ въ стѣнахъ скрыты трупы. Слабый свѣтъ проходилъ въ верхнія двери; надо идти тихо, ступая по слову Виргилія» и проч. Пруденцій, испанскій поэтъ V вѣка, въ одномъ гимнѣ разсказываетъ, какъ входящаго въ катакомбы поражаетъ масса гробовъ святыхъ, частію съ надписями, частію безъ нихъ; въ день смерти св. Ипполита къ его гробу собирается такая толпа, что мѣста не хватаетъ.

Новые ходы разрушали старые гробы, что не нравилось епископамъ, и къ концу IV вѣка, по словамъ современника, «многіе желаютъ быть тамъ похороненными, но немногимъ это удается». Послѣ 410 года очень мало прибавляется новыхъ гробовъ, послѣ 454—ни одного.

Катакомбы грабятъ готы съ Витегесомъ, раззоряютъ лонгобарды при Айстульфѣ; послѣдніе уносятъ и многія тѣла мучениковъ; потомъ папы начинаютъ переносить мучениковъ въ базилики, и когда нашли, что все болѣе драгоцѣнное оттуда вывезено, катакомбы теряютъ свое значеніе, и на много столѣтій забываются совершенно, чтобы въ наше время освѣтить новымъ свѣтомъ интереснѣйшую эпоху исторіи.

А. Кирпичниковъ.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

(Mémoires du marquis de Sourches sur le règne de Louis XIV, publiés par le comte de Cosnac et Arthur Bertrand, tome 1-er septembre 1681—décembre 1686).

Луи Франсуа дю-Буше, маркизъ де-Суршъ, придворный, губернаторъ нѣсколькихъ провинцій, судья, полковникъ, наконецъ, отецъ девяти дѣтей, при всѣхъ своихъ разнообразныхъ служебныхъ обязанностяхъ, нашелъ время написать 17 томовъ in-folio о крупныхъ и мелкихъ событіяхъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, въ теченіи 31 года, съ сентября 1681 по декабрь 1712 года. Этотъ огромный дневникъ, третій томъ котораго былъ изданъ еще въ 1836 году, принадлежитъ теперь герцогу де-Каръ. Второй томъ дневника пропалъ изъ коллекціи во время революціи. Это тѣмъ болѣе непріятная потеря, что въ немъ заключалось описаніе 1683 и 1684 годовъ и, слѣдовательно, могли встрѣтиться любопытныя разоблаченія относительно тайнаго брака Людовика XIV съ m-me де-Ментенонъ или, по крайней мѣрѣ, относительно огромнаго вліянія этой исключительной женщины на короля и въ дѣлахъ государственнаго управленія. Маркизъ-журналистъ умеръ въ 1716 году. Герцогъ-де-Каръ, его прямой наслѣдникъ по женской линіи, не пожелалъ сохранить въ тайнѣ обстоятельное и подробное свидѣтельство своего предка о столь значительномъ періодѣ въ исторіи Франціи. Изданный томъ, содержащій въ себѣ записи маркиза почти изо дня въ день, весьма любопытенъ. Какъ лицо, приближенное ко двору, маркизъ располагалъ большимъ кругомъ наблюденій и къ тому же показанія его отличаются добросовѣстностью и точностью. Вымысла, очевидно, мало въ его показаніяхъ. Иронія его робкая,

изложеніе сдержанное и чуждое характера памфлета; простодушіе его внушаетъ читателю довѣріе, какого недостаетъ, напримѣръ, мемуарамъ Сенъ-Симона. Послѣдній скорѣе судья, произносящій приговоръ, нежели безпристанный наблюдатель; напротивъ, маркизъ де-Суршъ представляется своего рода слѣдователемъ, собирающимъ фактическія данныя для всесторонняго освѣщенія событія.

Подобно хроникерамъ прежнихъ временъ, маркизъ съ какимъ-то благоговѣніемъ отмѣчаетъ всѣ явленія небесныя и земныя, которыя, по тогдашнимъ предразсудкамъ, приводились въ неразрывную связь съ событіями въ мірѣ политики. Всему придавали значеніе,—солнечнымъ затмѣніямъ, землетрясеніямъ, кометамъ, наводненіямъ, эпидеміямъ, пожарамъ, зловѣщимъ призракамъ на свѣтилахъ небесныхъ. Даже мельчайшіе обстоятельства оказывались значительными. Маркизъ де-Суршъ, напримѣръ, серьезно отмѣчаетъ въ октябрѣ 1682 года, какъ важное событіе, слѣдующее: „У дофина была лихорадка, съ болью въ животѣ, что внушало безпокойство... на слѣдующій день лихорадка прошла и боль прекратилась; оказалось, что онѣ причинены тѣмъ, что дофинъ скушалъ лишнее». 1682 годъ былъ богатъ важными событіями. Въ маѣ, въ воздухѣ сильно пахло порохомъ; тучи неслись со стороны Испаніи, Англіи, Голландіи, Швеціи. Въ Парижѣ, однако, произошло землетрясеніе и, по словамъ маркиза, многіе видѣли въ этомъ предостереженіе неба, неодобрявшаго образъ дѣйствій Франціи относительно Рима. Рядомъ съ тревожными событіями (напримѣръ, все болѣе возраставшимъ владычествомъ турокъ) маркизъ тутъ же повѣствуетъ о «коликахъ у короля».

Понятно, впрочемъ, почему маркизъ является преимущественно исторіографомъ короля. Послѣдній былъ въ тогдашней Франціи своего рода божествомъ. Когда случались колики у этого божества, вся Франція должна была испытывать потрясеніе, по крайней мѣрѣ на время болѣзни его. Государственныя дѣла были личными дѣлами короля. И не только судьбы государства зависѣли отъ него,—онъ вмѣшивался въ частные интересы семьи, слѣдилъ за аристократіей, контролировалъ религіозную совѣсть, выдавалъ замужъ дѣвицъ, назначалъ пенсіи поэтамъ. Король былъ отцомъ семейства, патрономъ, благодѣтелемъ, верховнымъ судьей и верховнымъ цѣнителемъ, повелителемъ всѣхъ французовъ и собственникомъ всего королевства. Недоволенъ король, напримѣръ, полковникомъ княземъ Конти, онъ уничтожаетъ полкъ; доволенъ онъ кальвинистомъ Блансакомъ, который отрекается отъ Рима, онъ жалуетъ ему пенсію въ 2,000 экю и обѣщаетъ еще больше. Возникаетъ ли семейная ссора между его братомъ, герцогомъ Орлеанскимъ и его супругой, король призываетъ ихъ къ себѣ и заставляетъ ихъ тутъ же обниматься. Однимъ изъ предметовъ постоянной заботы для Людовика XIV была Бастилія. За какія провинности попадали туда заключенные, показываетъ слѣдующій

фактъ: «21-го іюля, пишетъ маркизъ, король приказалъ посадить въ Бастилію маркиза де-Муи по жалобѣ графини Мансфельдъ, заявившей, что лакеи этого молодого синьора нанесли оскорбленіе ея лакеямъ и что онъ, синьоръ вмѣсто извиненія, явился къ ней и угрожалъ избить ея лакеевъ, если она не укротитъ ихъ». Правительство Людовика XIV считало себя непогрѣшимымъ во всемъ, оно контролировало мысль, религіозныя вѣрованія, философскія идеи, интимную жизнь. Король, разрушая гугенотскій храмъ за то, что какой нибудь новообращенный приходилъ туда слушать проповѣдь, строго слѣдилъ въ то же время за соблюденіемъ масляницы сеньорами, кухня которыхъ находилась въ Версали. Богословы чувствовали свою отвѣтственность передъ королемъ за неправильное толкованіе какого нибудь догмата, герцоги привлекались къ отвѣтственности за съѣденную пулярку во время масляницы. Подобнаго рода примѣровъ въ «мемуарахъ» маркиза не мало.

Ѳ. В.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. I. Царица Прасковья (1664—1723). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1883.

М. И. Семевскій дебютировалъ въ качествѣ русскаго историческаго писателя, если не ошибаемся, въ 1859 году. Его первая монографія, посвященная жизни императрицы Елизаветы Петровны до ея воцаренія, появилась во 2-й книгѣ «Русскаго Слова», издававшагося въ то время графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко, и по обилію новыхъ фактовъ, по живописи разсказа и по нѣкоторой (относительно разумѣется) свободѣ изложенія — произвела впечатлѣніе на читающую публику. Усиленіе цензуры съ 1848 года повело къ абсолютному запрещенію изложенія событій русской исторіи съ Петра Великаго, и русскіе люди, интересовавшіеся въ то время новой русской исторіей, волей-неволей должны были довольствоваться втихомолку иностранными компиляціями анекдотическаго характера и весьма сомнительной достовѣрности. Съ воцареніемъ императора Александра Николаевича, когда Россія обновлялась реформами въ разныхъ отрасляхъ общественной жизни, расширились и тѣсныя рамки изслѣдованій въ области русской исторіи. Цензурный запретъ съ XVIII вѣка былъ снятъ. Завѣса, столь долго скрывавшая отъ любопытствующей публики перваго русскаго императора и его преемниковъ, поднялась—и публика съ жадностью стала созерцать «дѣянія» Петра Великаго и его преемниковъ и житье-бытье разныхъ классовъ общества и народа преобразованной имъ Россіи. Стало появляться множество изслѣдованій, матеріаловъ, замѣтокъ, по исторіи XVIII вѣка. Образовалась особая группа писателей, передававшихъ въ живыхъ, талантливыхъ очеркахъ разные эпизоды изъ этой исторіи. Рядомъ съ М. И. Семевскимъ на этомъ поприщѣ работали: А. Н. Аѳанасьевъ, П. И. Бартеневъ, Г. В. Есиповъ, М. Н. Лонгиновъ, М. Д. Хмыровъ, I. И. Шишкинъ, С. Н. Шубинскій, П. К. Щебаль-

скій и др. Съ 1859 по 1870 годъ г. Семевскій помѣстилъ въ шестнадцати періодическихъ изданіяхъ слишкомъ сорокъ монографій, большая часть которыхъ относится къ русской исторіи XVIII вѣка. Съ 1870 года онъ предпринялъ изданіе «Русской Старины». Тридцать девять томовъ этого сборника сохранили массу историческаго матеріала, который безъ него быть можетъ погибъ бы безвозвратно для русской науки.

Въ нынѣшнемъ году г. Семевскій предпринялъ переизданіе своихъ монографій, какъ видно не по мѣрѣ ихъ появленія въ журналахъ, а въ хронологическомъ порядкѣ изслѣдованныхъ имъ лицъ и событій. Серія его «Очерковъ и разсказовъ» открывается біографіей царицы Прасковьи, супруги брата и соправителя Петра Великаго, царя Іоанна Алексѣевича. Біографія эта появилась впервые двадцать два года тому назадъ въ журналѣ М. М. и Ѳ. М. Достоевскихъ «Время» за 1861 годъ. Нельзя не привѣтствовать намѣренія почтеннаго автора, столь много и плодотворно трудящагося на поприщѣ русской исторіографіи: переизданіе разбросанныхъ по многочисленнымъ періодическимъ изданіямъ историческихъ монографій—предпріятіе весьма полезное, много облегчающее трудъ спеціалисту и дающее возможность образованному и любознательному человѣку пополнить или возобновить свои историческія свѣдѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать въ интересахъ науки и самихъ авторовъ, чтобы переизданіе производилось болѣе тщательно, чѣмъ мы это замѣчаемъ въ «Царицѣ Прасковьѣ». Названная монографія была написана въ то время, когда авторъ ея только пробовалъ перо въ историческихъ работахъ, и поэтому въ ней весьма естественно встрѣчались нѣкоторыя недомолвки и неточности. Но при переизданіи ея теперь, когда М. И. Семевскій составилъ уже себѣ почтенное литературное имя, мы желали бы видѣть его книгу болѣе исправленною и дополненною.

Въ характерѣ и образѣ жизни царицы Прасковьи сильно отразилось вліяніе той переходной, преобразовательной эпохи, въ которую она жила. Сохранивъ въ своемъ обиходѣ своеобразныя черты старинной московской боярыни, Прасковья Ѳеодоровна должна была дѣлать уступки новымъ требованіямъ жизни. Суевѣрная и набожная, привыкшая къ патріархальнымъ порядкамъ и своеобычной домашней расправѣ, она дѣлила время между церковными службами и ассамблеями, между юродивыми и театральными зрѣлищами; она должна была прилаживаться не только ко вкусамъ и требованіямъ своего деверя, царя Петра, но примѣняться и къ характерамъ вліятельныхъ лицъ его двора и допустить обучать своихъ дочерей нѣмецкой грамотѣ и танцамъ. Біографія такой личности, стоящей на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ, представляетъ безспорно одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ бытовой исторіи Россіи. Г. Семевскій постигъ это очень хорошо и весьма талантливо очертилъ типическую личность царицы Прасковьи. Но онъ не ограничился одною ея личностью. Разсматриваемая книга вводитъ читателя въ складъ жизни всего семейства супруги царя Іоанна Алексѣевича. Тѣмъ болѣе жаль, что авторъ не вполнѣ воспользовался всѣмъ доступнымъ ему матеріаломъ, появившимся въ печати послѣ перваго изданія его монографіи. Г. Семевскій говоритъ въ предисловіи къ «Царицѣ Прасковьи»: «по отношенію къ предмету нашего труда новые матеріалы, появившіеся послѣ 1861 года, представили совершенно отрывочныя подробности, не столько касающіяся отдѣльныхъ фактовъ и личности самой царицы Прасковьи, сколько

бытовой и нравоописательной стороны Петровской эпохи» (стр. 6). Наврядъ ли это совершенно такъ. Въ III главѣ книги, посвященной второй дочери царицы, Аннѣ Іоанновнѣ, опущены весьма существенные факты, именно потому, что авторъ не воспользовался матеріаломъ, изданнымъ нетолько послѣ 1861 года, но и раньше. Вслѣдствіе этого, характеръ Анны Іоанновны и ея жизнь въ Курляндіи очерчены въ книгѣ г. Семевскаго далеко не съ желательной полнотой. Мы не можемъ согласиться съ М. И. Семевскимъ въ томъ, что разныя «конъюнктуры» о брачныхъ союзахъ вдовствующей герцогини Курляндской являются излишними подробностями въ главѣ спеціально ей посвященной (стр. 60, примѣч. 2). Вопросъ о бракосочетаніи дочерей царицы Прасковьи весьма любопытенъ и характеристиченъ. Замужество дочерей властолюбивой царицы-помѣщицы Прасковьи Ѳеодоровны и предположенія о ихъ бракахъ всецѣло зависѣло отъ воли Петра Великаго, поступавшаго въ этомъ случаѣ совершенно деспотически, и компромиссы и уступки, на которыя шла царица Прасковья въ дѣлѣ семейной жизни своихъ дочерей — принадлежатъ къ самымъ существеннымъ, съ ея стороны, компромиссамъ и уступкамъ. Если г. Семевскій подробно излагаетъ брачную жизнь одной изъ дочерей царицы Прасковьи, Екатерины Ивановны герцогини Мекленбургской, то ему не было основанія обходить подробности о несостоявшихся бракахъ другой ея дочери, Курляндской герцогини Анны Іоанновны, во время долгаго ея вдовства, съ 1711 по 1730 годъ. Если бы г. Семевскій въ новомъ изданіи своей книги воспользовался вполнѣ IV-мъ выпускомъ «Писемъ русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства», изд. Коммисіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ въ Москвѣ, въ 1862 году (in 8°, 280+XIX стр.) и заключающимъ въ себѣ переписку Анны Іоанновны съ 1716 по 1730 годъ, то очеркъ ея жизни въ Курляндіи вышелъ бы у него несравненно полнѣе и живѣе. О кандидатурѣ въ Курляндскіе герцоги графа Морица Саксонскаго и о намѣреніи его жениться на Аннѣ Іоанновнѣ г. Семевскій совсѣмъ даже не упоминаетъ; между тѣмъ, въ ея жизни это былъ весьма важный и характерный эпизодъ. Монографія г. Щебальскаго о Морицѣ Саксонскомъ, составленная преимущественно по документамъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и появившаяся еще въ 1860 году (Р. В. 1860 г., т. XXV), какъ видно, совершенно ускользнула отъ вниманія автора «Царицы Прасковьи». Но кромѣ этой монографіи тому же лицу посвящены еще двѣ, заключающія въ себѣ много важныхъ данныхъ для исторіи жизни Анны Іоанновны въ Курляндіи: 1) Saint-René Tallandier, «Maurice de Saxe, étude historique d'aprés les documents des archives de Dresde», 2-e édit., Paris, 1870, и 2) Е. П. Карновича «Вмѣшательство русской политики въ избраніе Морица Саксонскаго герцогомъ Курляндскимъ», Др. и Нов. Россія, 1875 г., т. III.

Г. Семевскому неизвѣстно, добровольно или недобровольно поступила въ монастырь, въ 1730 году, Александра Григорьевна Салтыкова, рожденная княжна Долгорукая, жена Василія Ѳеодоровича Салтыкова, и когда она приняла на себя «чинъ ангельскій», до смерти мужа, или послѣ. Въ слѣдственномъ дѣлѣ о князьяхъ Долгорукихъ, хранящемся въ государственномъ архивѣ, находятся прямые отвѣты на эти недоумѣнія. По воцареніи Анны Іоанновны, въ 1730 году, Василій Ѳеодоровичъ получилъ чинъ кравчаго и графское достоинство. Онъ умеръ 5-го октября 1703 года. Его жена, Александра Григорьевна, была родною сестрой опальныхъ, въ то время, князей

Долгорукихъ: Алексѣя, Сергѣя, Александра и Ивана Григорьевичей и родною теткой «разрушенной» государыни невѣсты Петра II, княжны Екатерины Алексѣевны. Ея поступленіе въ монастырь находилось въ непосредственной связи съ преслѣдованіемъ всѣхъ князей Долгорукихъ и совершилось вопреки ея волѣ.

Въ началѣ апрѣля 1730 года, князья Алексѣй и Сергѣй съ семьями были сосланы въ свои дальнія Касимовскія вотчины, а князья Александръ и Иванъ опредѣлены воеводами—первый въ Алатырь, а второй въ Вологду. Съ княземъ Александромъ отправлена была и сестра его, Александра Григорьевна Салтыкова, названная въ подлинномъ указѣ «княжною Долгоруковой». 12-го іюня 1730 года, слѣдовательно еще при жизни Василія Θеодоровича Салтыкова, посланъ въ Алатырь гвардіи сержантъ Иванъ Астафьевъ съ указомъ изъ сената: «взявъ княжну Александру у брата ея князя Александра Григорьевича и при ней служительницъ двухъ, отвезть въ Нижней и отдать кому отъ нижегородскаго архіепископа Питирима принять повелѣно будетъ». Синодскимъ указомъ отъ 14-го іюня 1730 года велѣно архіепископу Питириму «оную Александру и служительницъ ея, принявъ, содержать въ Нижнемъ, въ дѣвичьемъ монастырѣ, въ которомъ по разсмотрѣніи его (Питирима) надлежитъ безъисходно». Отъ того же числа послѣдовалъ сенатскій указъ нижегородскому вицегубернатору Ив. Мих. Волынскому (двоюродному брату извѣстнаго впослѣдствіи кабинетъ-министра Арт. Петр. Волынскаго) о томъ, чтобы кормовыя деньги Александрѣ Григорьевнѣ Салтыковой и ея прислужницамъ выдавать изъ нижегородской губернской канцеляріи изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ (Александрѣ Григорьевнѣ было положено кормовыхъ по 50 коп. въ день). 7-го іюля 1730 года сержантъ Астафьевъ возвратился изъ своей командировки и подалъ въ сенатъ два рапорта отъ 30-го іюня: 1) отъ И. М. Волынскаго, что Салтыкова заключена въ нижегородскій васильевскій дѣвичій монастырь 29-го іюня, и 2) за отсутствіемъ архіепископа Питирима, отъ судьи нижегородскаго архіерейскаго дома Алексія о томъ, что игуменьѣ и сестрамъ Васильевскаго женскаго монастыря велѣно «ее, Александру, и при ней двухъ служительницъ содержать подъ неослабленнымъ охраненіемъ неисходно и кромѣ церкви изъ монастыря никуда не отпускать» (см. Дѣло кн. Долгорукихъ, 1730 г., гос. арх., отд. VI, № 164, л. 759).

Къ книгѣ М. И. Семевскаго приложенъ прекрасно исполненный снимокъ съ портрета царицы Прасковьи, хранящагося въ митрополичьихъ келіяхъ троице-сергіевской лавры. Портретъ этотъ передаетъ своеобразную наружность царицы, именно такой, какой предполагаешь ее, читая интересную монографію г. Семевскаго. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ митрополичьихъ келіяхъ троице-сергіевской лавры находится нѣсколько весьма любопытныхъ портретовъ, снимки съ которыхъ желательно было бы видѣть изданными; мы увѣрены, что достопочтенный намѣстникъ лавры, о. архимандритъ Леонидъ, столь много трудящійся самъ на поприщѣ русской археологіи и исторіи, и столь предупредительно помогающій другимъ, не откажетъ въ данномъ случаѣ въ своемъ просвѣщенномъ содѣйствіи.

Что касается остальныхъ приложеній, то мы хорошенько не понимаемъ ихъ назначенія. Переписка царицы Прасковьи есть перепечатка, съ измѣненіемъ лишь орѳографіи, всѣхъ писемъ, напечатанныхъ во II-мъ выпускѣ «Писемъ русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства».

Напечатано впервые лишь одно только письмо царицы Прасковьи къ Арт. Петр. Волынскому. На немъ нѣтъ даты, но судя потому, что въ немъ Волынскій называется «г. губернаторомъ», можно предполагать, что письмо это писано между 1720—1723 годами. А. П. Волынскій занималъ должность астраханскаго губернатора съ 1719 по 1725 годъ; въ 1719 и 1720 годахъ онъ находился въ Петербургѣ и въ Олонецѣ въ продолжительномъ отпуску, а съ 1720 года до осени 1723 года пребывалъ на мѣстѣ своего служенія; царица же Прасковья скончалась 13-го октября 1723 года. Переписка дочерей царицы Прасковьи, также приложенная къ книгѣ, состоитъ изъ весьма неполнаго и произвольнаго извлеченія изъ II-го и IV-го выпусковъ упомянутыхъ выше «Писемъ русскихъ государей». Такимъ образомъ, за исключеніемъ одного письма къ Волынскому, всѣ остальныя приложенія вовсе не составляютъ новости для спеціалиста, а для обыкновеннаго читателя съ бо̀льшей пользой могли бы войти въ качествѣ матѐріала въ соотвѣтствующихъ главахъ текста.

Д. К—въ.

Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. Третье путешествіе въ Центральной Азіи Н. М. Пржевальскаго. Изданіе географическаго общества на высочайше дарованныя средства. Спб. 1883.

Книга эта принадлежитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ говорится, что онѣ вносятъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу науки. Дѣйствительно, огромный трудъ г. Пржевальскаго обогащаетъ новыми и чрезвычайно любопытными фактами и данными географію, этнографію и многія отрасли естественныхъ наукъ. Это настоящая «научная рекогносцировка центральной Азіи», какъ ее называетъ самъ авторъ. И подобную рекогносцировку, сопряженную съ чрезвычайными затрудненіями и множествомъ почти непреодолимыхъ препятствій, авторъ совершаетъ въ третій разъ, всякій разъ сопровождая ее сочиненіями такого-же достоинства, какъ и вышедшее на дняхъ. Послѣ своего перваго труда, появившагося еще въ 1870 году, и посвященнаго изслѣдованію Уссурійскаго края, авторъ три года путешествовалъ по восточной нагорной Азіи, и плодомъ его наблюденій вышли, въ 1871 году, два тома подъ названіемъ «Монголія и страна Тангутовъ». Въ 1878 году появилось чрезвычайно любопытное сочиненіе «Отъ Кульджи за Тянь-Шанъ и на Лобъ-Норъ». Наконецъ, въ настоящее время, вышелъ и третій, еще болѣе замѣчательный трудъ его, посвященный странѣ, еще менѣе извѣстной и еще рѣже изслѣдуемой путешественниками. Книга эта, помимо ея серьезнаго значенія, читается, и какъ беллетристическое произведеніе, такъ какъ на ряду съ научнымъ описаніемъ пройденныхъ авторомъ странъ, ведется разсказъ и о личныхъ впечатлѣніяхъ экспедиціи. Читатель слѣдитъ за нею шагъ за шагомъ, переживая вмѣстѣ съ нею всѣ перипетіи долгаго и опаснаго странствованія. Достаточно пробѣжать только содержаніе 18-ти главъ книги, чтобы видѣть, какъ интересно это путешествіе. Начинается оно съ подробностей о снаряженіи экспедиціи въ Зайсанѣ, откуда г. Пржевальскій направился по Чжунгаріи долиною рѣки Урунгу. Чрезвычайно живописно описаніе

Чжунгарской пустыни и характера ея флоры и фауны. Далѣе слѣдуютъ предгорія Тянь-Шана, Баркульская равнина, оазисъ Хами и Хамійская пустыня. Авторъ излагаетъ общія условія образованія оазисовъ центральной Азіи, говоритъ о причинахъ центрально-азіатскихъ бурь и пр. Начиная съ оазиса Са-Чжеу, онъ знакомитъ съ китайскими порядками, описываетъ китайское войско, недружелюбіе китайскихъ властей, подозрительность народа, происходившую отъ того, что экспедицію подозрѣвали въ намѣреніи розыскивать въ странѣ золото, и потому начальство приказало все скрывать отъ нея и постоянно ее обманывать. Китайцы упорно не хотѣли пускать русскихъ въ горы Нан-Шань, и умышленно дали имъ проводниковъ, вовсе незнавшихъ пути. Экспедиціи удалось однако обстоятельно изслѣдовать этотъ хребетъ, также какъ и обширную область Цайдамъ. Г. Пржевальскій изслѣдовалъ также путь по сѣверному Тибету, его горы, равнины, озера, рѣки, климатъ, животныхъ и растенія. Близъ горы Вумза экспедиція встрѣтила интересное племя кочевыхъ тибетцевъ. Извѣстно, что дальше ѣхать было нельзя, и г. Пржевальскому въ четвертый разъ пришлось не попасть въ столицу Тибета. Изъ Лхассы прислали бумагу, въ которой говорилось, что «Тибетъ страна религіи, и что тѣ, которые прежде не имѣли права приходить въ него, по единогласному, давнишнему рѣшенію князей, вельможъ и народа не принимаются и велѣно (не сказано кого?) не на животъ, а на смерть охранять», поэтому чаганъ-хановъ (бѣлаго царя), амбань (генералъ) Шибалисики (т. е. Пржевальскій) и не былъ допущенъ въ Лхассу. Экспедиція вернулась опять въ Цайдамъ и изъ него направилась на Куку-Норъ и въ Сининъ. На обратномъ пути были подробно изслѣдованы верховья Желтой рѣки и вторично обслѣдованъ восточный Нан-Шань. Книга оканчивается описаніемъ пути черезъ Алашань и срединною степною полосою сѣверной Гоби. По возвращеніи въ Ургу, авторъ представляетъ итогъ научныхъ результатовъ своихъ странствованій въ центральную Азію. Онъ прошелъ по мѣстностямъ мало извѣстнымъ, а нерѣдко и вовсе неизвѣстнымъ, 22,260 верстъ, изъ которыхъ 11,470 сняты глазомѣрно на планъ. Астрономически опредѣлена широта 48 пунктовъ и абсолютная высота 212 точекъ. Ежедневно три раза производились метеорологическія наблюденія, по временамъ измѣрялась температура почвы и воды, и опредѣлялась влажность воздуха. Кромѣ этнографическихъ изслѣдованій, производились наблюденія и въ области естествознанія, относительно котораго мѣстности центральной Азіи, пройденныя экспедиціею, были почти вовсе не извѣстны. Коллекціи собранныхъ растеній—12 тысячъ экземпляровъ, насѣкомыхъ 6 тысячъ, птицъ 3,425, пресмыкающихся и земноводныхъ 976, рыбъ 423, и млекопитающихъ 408. Кромѣ того собирались образцы горныхъ породъ. Много новыхъ для науки видовъ, какъ животныхъ, такъ и растительныхъ, описано академиками Максимовичемъ и Штраухомъ, профессоромъ Кеслеромъ, и самимъ авторомъ, рыбы г. Герценштейномъ, горныя породы профессоромъ Иностранцевымъ. Но несравненно большее количество матеріаловъ остается еще необработаннымъ. Таковы научные результаты, добытые г. Пржевальскимъ, но необходимо прочесть его книгу, чтобы оцѣнить все, что сдѣлалъ авторъ для науки, все что перенесъ на своемъ пути. Читатель найдетъ здѣсь и описанія опасностей, какимъ подвергалась экспедиція въ борьбѣ съ природою и разбойничьими племенами. Такъ, при перевалѣ черезъ отроги Тан-Ля, на караванъ напали дикіе ёграи, и только убивъ четырехъ разбойниковъ и ранивъ нѣ-

скольких изъ нихъ, экспедиція обратила остальныхъ въ бѣгство. На другой день пришлось снова очищать отъ нихъ горное ущелье. Только меткими залпами дальнобойныхъ берданокъ экспедиціи удалось очистить себѣ путь по ущелью. Большое значеніе книгѣ придаютъ приложенные къ ней 455 литографированныхъ рисунковъ и десять политипажей, изображающихъ различныя мѣстности по пути экспедиціи, типы разныхъ племенъ, животныхъ, птицъ, растеній, портреты начальствующихъ лицъ, монголовъ и китайцевъ, даже вьючный багажъ и походныя принадлежности экспедиціи. Любопытнѣе всего этнографическіе и естественнонаучные рисунки. Что-же касается до видовъ мѣстностей и городовъ, то снятые съ дальняго разстоянія, они вообще очень мелки и мало разборчивы. Придавая интересъ сочиненію, рисунки въ то же время увеличиваютъ его цѣнность, такъ какъ напечатанные въ числѣ 3,000 экземпляровъ, они стоили 9,136 рублей, да двѣ карты, составленные по маршрутамъ автора, 1,750 руб., а вмѣстѣ съ текстомъ печатаніе книги обошлось въ 15 тысячъ. Поэтому цѣна книги инкварто, въ 480 страницъ, 7 рублей—невысока за подобное изданіе. Посвящено оно «памяти незабвеннаго императора Александра Николаевича», волею котораго осуществилось путешествіе г. Пржевальскаго, принесшее безъ сомнѣнія гораздо болѣе пользы наукѣ и Россіи. чѣмъ болѣе продолжительныя странствованія по Новой Гвинеѣ г. Миклухи Маклая, или печальная экспедиція г. Сосновскаго въ Китай, не давшая никакихъ результатовъ, кромѣ невозможной и неграматной книги начальника экспедиціи.

Кремль въ Москвѣ. Очерки и картины прошлаго и настоящаго М. П. Фабриціуса. Москва, 1883.

Коронаціонныя торжества, конечно, дали автору поводъ издать въ свѣтъ свое иллюстрированное сочиненіе. Оно издано роскошно, въ типографскомъ отношеніи: бумага и печать прекрасныя, даже переплетъ очень красивъ, но въ художественномъ отношеніи изданіе далеко неудовлетворительно. 14 фотогравюръ, приложенныхъ къ нему и изображающихъ разные виды Кремля и Москвы, исполнены хорошо, но почти всѣ 76 рисунковъ, сдѣланныхъ съ помощью цинкографіи, нисколько не изящны, и вообще этотъ родъ гравированія совершенно непригоденъ для иллюстрацій и роскошныхъ изданій: въ немъ рисунки выходятъ грубо, аляповато, и на нихъ часто вовсе нельзя разобрать подробностей изображенія, выходящихъ какими-то сѣрыми, безобразными пятнами. Что касается до текста изданія, то и имъ нельзя остаться довольнымъ. О Москвѣ и Кремлѣ написано у насъ не мало, начиная съ сочиненій Вельтмана и Пассека въ сороковыхъ годахъ, обширныхъ трудовъ Снегирева и Мартынова, въ пятидесятыхъ годахъ, хорошихъ путеводителей по Москвѣ какъ Захарова (1867 годъ) и описанія отдѣльныхъ частей ея, какъ «Указатель достопримѣчательностей кремлевскаго дворца» Агѣева (1865 г.) дворца въ селѣ Коломенскомъ Чаева (1869 годъ), «Очерковъ Москвы» Скавронскаго (1862 годъ) и оканчивая сочиненіями Забѣлина, Ровинскаго, офиціальными указателями и т. п. Недалѣе, какъ въ прошломъ году вышелъ

вторымъ изданіемъ весьма обстоятельный путеводитель по Москвѣ и ея окрестностямъ г. Платонова. Все это представляло богатый матерьялъ, но г. Фабриціусъ, «случайный членъ небольшой семьи служащихъ при древнемъ Кремлѣ», какъ онъ самъ выражается, говоритъ, что трудъ его «нося характеръ монографіи, не имѣетъ претензіи быть таковою». Въ продолженіи восьми лѣтъ «живя, по долгу службы среди памятниковъ русской старины и оберегая отчасти ихъ», г. Фабриціусъ проникался внутреннимъ ихъ значеніемъ, что заставило его «по возможности изучить ихъ и вооруженному этимъ уже не одинъ разъ пришлось ознакомливать съ Кремлемъ посѣщающихъ его». Тутъ конечно нашлись «нѣкоторые знакомые» побуждавшіе автора описать Кремль и не вздумавшіе замѣтить автору, что «таковымъ» канцелярскимъ языкомъ, въ наше время, можно писать развѣ одни доклады и отношенія, а не монографіи. Конечно, авторъ сознается самъ, что въ книгѣ его не слѣдуетъ искать «ни историческихъ изслѣдованій, ни увлекательныхъ описаній», но тогда съ какою-же цѣлью и составилъ онъ подобную книгу? Она имѣла-бы значеніе, еслибы представляла простое перечисленіе памятниковъ Москвы въ ихъ историческомъ и современномъ значеніи, но и въ хронологическомъ изложеніи московскихъ событій—авторъ не держится строгой послѣдовательности: объ однихъ фактахъ распространяется, другіе вовсе опускаетъ, произвольно группируя событія, относя, напримѣръ къ главѣ «Въ глубинѣ вѣковъ» такія происшествія, какъ осаду Кремля Ольгердомъ и взятіе его Тохтамышемъ; у г. Фабриціуса и XV вѣкъ относится къ «глубинѣ вѣковъ». Особенно непріятное впечатлѣніе производитъ смѣсь канцелярскаго языка книги съ претензіями на высокій слогъ. Если ужь нельзя было обойтись безъ историческихъ сказокъ, то для чего выражаться такими риторическими образами: «Въ Кремлѣ Іоаннъ Васильевичъ растопталъ басму или образъ хана; здѣсь началось, утвердилось самодержавіе, не для особенной пользы самодержцевъ, но для блага народовъ. Отсюда священныя тѣни добродѣтельныхъ предковъ изгнали Іоанна Грознаго, когда онъ измѣнилъ добродѣтели». Подобными фразами наполнено все сочиненіе. Мѣстами авторъ пересыпаетъ ихъ цитатами поэтовъ, воспѣвавшихъ Москву и Кремль, но и здѣсь чиновникъ оказывается ровно ничего непонимающимъ въ поэзіи. Такъ, на ряду съ хорошими цитатами Жуковскаго, Вяземскаго, Ростопчиной, г. Фабриціусъ приводитъ вирши какого-то А. Волкова и Трилуннаго, называя ихъ прекрасными и, въ то же время, перевирая ихъ. Такъ онъ цитируетъ:

«Объ этотъ старый Кремль, какъ будто о скалу,
Въ нашъ вѣкъ разбилася вся мощь Наполеона!
Съ побѣдныхъ колесницъ онъ здѣсь сошелъ въ могилу,
Какъ входятъ въ гробъ съ возвышеннаго трона».

Г. Фабриціусъ до того незнакомъ съ законами стихосложенія, что и не замѣтилъ въ этой цитатѣ невозможнаго третьяго стиха, который долженъ оканчиваться словами «сошелъ во мглу», а не въ могилу, какъ не замѣтилъ уродливости и слѣдующей цитаты Трилуннаго:

Москва, люблю твой край смиренный!
Подъ ѣдкой ржавчиной вѣковъ
Стоитъ онъ, старовѣръ нетлѣнный,
Воспоминаньемъ украшенъ.

Не говоря уже о дубоватости этихъ стиховъ, гдѣ въ послѣдней строкѣ допущено удареніе, несвойственное русскому языку (украшѐнъ вмѣсто укра-

шенъ) автору и не въ домекъ, что во второмъ стихѣ риома требовала «ржавчины временъ», а не вѣковъ. Все это, конечно, мелочи, но онѣ доказываютъ, что, не смысля ничего въ просодіи и версификаціи, не слѣдуетъ браться за поэтическія цитаты (обильный и толковый источникъ для этого онъ могъ бы найти въ сборникѣ С. И. Пономарева 1880 года «Москва въ родной поэзіи»). Да и вообще вся книга г. Фабриціуса доказываетъ, что недостаточно восемь лѣтъ отчасти оберегать памятники старины, чтобы составить дѣйствительно дѣльное и толковое описаніе ихъ.

Краткая исторія французской литературы, Д. Сентсбёри. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1884.

Нѣтъ сомнѣнія, что лучшую оцѣнку писателей и произведеній какой либо націи можетъ сдѣлать только лицо, принадлежащее къ той же націи. Надо быть вполнѣ сыномъ своей страны, чтобы понимать всѣ оттѣнки народнаго духа, уяснять себѣ и своимъ согражданамъ мельчайшія подробности самобытнаго творчества, часто недоступныя иностранцу, не имѣющему возможности близко изучить исторію, нравы, бытовыя особенности чуждаго племени. Въ каждой странѣ есть писатели, до того проникнутые этими національными особенностями, что сочиненія ихъ почти непереводимы на другой языкъ, непонятны для другихъ народовъ. Литературный космополитизмъ становится въ этомъ случаѣ въ прямую противоположность съ значеніемъ истинно-народнаго, самобытнаго писателя. Но для полноты оцѣнки какъ всей исторіи литературы любой страны, такъ и ея отдѣльныхъ эпохъ и дѣятелей, не мѣшаетъ прислушаться къ сужденію чужеземцевъ неувлекающихся національными симпатіями. Мнѣніе ихъ особенно важно для опредѣленія общеевропейскаго міровоого значенія писателя. Поэтому, при изученіи литературы каждаго народа, необходимо знать, какъ смотрятъ на нее иностранцы, и съ этой точки зрѣнія дѣлается понятнымъ появленіе и успѣхъ такихъ произведеній, какъ исторія испанской литературы, написанная англичаниномъ Тикноромъ, исторія англійской—французомъ Тэномъ, французской — нѣмцемъ Юліаномъ Шмидтомъ и др. Къ такому же роду сочиненій принадлежитъ и книга Сентсбёри. Его «Краткая исторія литературы Франціи» появилась сначала въ «Британской Энциклопедіи», потомъ была переработана для отдѣльнаго изданія, а теперь является и въ русскомъ переводѣ, пополняя у насъ недостатокъ книгъ этого рода. Отдѣльныя эпохи исторіи французской литературы обработаны у насъ подробнѣе въ «Исторіи литературы XVIII вѣка» Геттнера (переводъ Пыпина, 1866 г., исторія того же столѣтія, барона Баранта, переведена еще въ 1837 году Ф. Модлинскимъ), въ «Очеркѣ литературы и культуры XIX столѣтія» Гоннегера (переводъ В. Зайцева, 1866 г.), въ переводѣ сочиненія Юліана Шмидта, въ сочиненіи А. Шахова «Французская литература въ первые годы XIX вѣка» (Москва, 1875). Полная исторія французской литературы, и весьма обстоятельная, составлена В. Костомаровымъ, въ 1864 году; въ 1875 году вышелъ въ Харьковѣ «Малый курсъ французской литературы», Доминикія Карачуна—очень слабая компиляція; въ извѣстной «Исторіи всеобщей литературы», Шерра, въ переводѣ Пыпина, Франція не занимаетъ и ста страницъ. Наконецъ въ «Исто-

ріи всемірной литературы», В. Зотова, Франціи посвящено болѣе двухъ третей третьяго тома. Книга Сентсбёри является поэтому весьма не лишнею: она составлена съ большимъ знаніемъ предмета, хорошо написана, переведена правильнымъ языкомъ, и единственный недостатокъ ея — слишкомъ большая сжатость изложенія. Авторъ проходитъ молчаніемъ много такихъ явленій, которыя характеризуютъ цѣлыя эпохи и всю литературу. Такъ «Энциклопедіи» у него посвящено всего 15 строкъ, а энциклопедистамъ и того меньше, вѣку Людовика XVI—16 страницъ. XVIII и XIX вѣкъ изложены подробнѣе и занимаютъ половину книги. Послѣднія главы посвящены романтическому движенію и современной литературѣ. Съ нѣкоторыми сужденіями автора нельзя согласиться; нѣкоторыя замѣчанія его, по меньшей мѣрѣ, излишни, какъ напримѣръ, то, что Жанъ-Батиста Руссо не слѣдуетъ смѣшивать съ Жанъ-Жакомъ Руссо, есть пропуски (непоказаны годы рожденія и смерти Вольтера), но все это выкупается живостью изложенія, вѣрностью общихъ выводовъ и вообще интересомъ всего сочиненія, которое съ удовольствіемъ прочтется всѣми, желающими ознакомиться, въ сжатомъ очеркѣ, съ оцѣнкою главныхъ явленій французской литературы, богатой и произведеніями, и писателями, которыхъ нельзя не знать образованному человѣку.

Историческій очеркъ военно-походной Е. И. В. канцеляріи съ 1797 по 1882 годъ. Составилъ Н. К. Шведовъ. Спб. 1883.

Исторіи нашихъ отдѣльныхъ административныхъ учрежденій, департаментовъ, канцелярій и т. п. приносятъ, конечно, пользу при изученіи нашей многосложной системы управленія, богатой разнообразными и многочисленными органами своей дѣятельности. Изученіе этихъ органовъ необходимо уже и потому, что назначеніе и цѣлесообразность нѣкоторыхъ учрежденій остается для многихъ не вполнѣ опредѣленною, неясною. Хотя бы для того, чтобы опровергнуть злоязычныхъ иностранцевъ, утверждающихъ, что у насъ иныя мѣста и учрежденія создаются для хорошихъ людей — необходимо знать, въ какой мѣрѣ полезны такія мѣста и учрежденія. Поэтому историческіе очерки необходимы для исторіи дѣятельности этихъ мѣстъ. Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Шведова дѣятельность эта очерчена только съ внѣшней стороны. Весь очеркъ составленъ изъ перечисленія лицъ, завѣдывавшихъ военно-походною канцеляріею, ея дѣлопроизводителей, чиновниковъ, ихъ послужныхъ списковъ да рескриптовъ начальникамъ. Что̀ дѣлала канцелярія въ теченіи своего 65-тилѣтняго существованія, почему она закрылась въ 1812 году и возобновилась въ 1832 — объ этомъ авторъ не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній. Даже предметы ея занятій очерчены въ общихъ фразахъ. Видно только, что безъ дѣла она не сидѣла, потому что въ теченіи 23-хъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая I она сопровождала государя въ 34-хъ путешествіяхъ (только въ одномъ 1848 году онъ не ѣздилъ ни по Россіи, ни за границу), а въ теченіи 26-ти лѣтъ царствованія Александра II участвовала въ 63-хъ путешествіяхъ, въ иные годы поднимаясь съ мѣста до четырехъ разъ въ годъ. Вмѣсто описанія этихъ путешествій, помѣщенъ только одинъ перечень городовъ, гдѣ на походѣ устроивалась канцелярія. Только въ трехъ мѣстахъ упомянуты

вкратцѣ случаи неблагополучнаго странствованія канцеляріи: въ 1833 году, отправившись съ государемъ на пароходѣ «Ижора» за границу, она «за бурею» возвратилась въ Кронштадтъ и оттуда отправилась уже сухимъ путемъ въ Богемію; въ 1863 году, при въѣздѣ въ Познань, въ коляску, гдѣ сидѣли чиновники канцеляріи Суковкинъ и Кирилинъ, произведены были выстрѣлы; десять пуль пробили кузовъ коляски и три изъ нихъ засѣли въ ватѣ шинели Кирилина. Наконецъ, въ 1879 году, при взрывѣ желѣзной дороги на третьей верстѣ отъ Москвы, три чиновника военно-походной канцеляріи, находившіеся въ одномъ изъ вагоновъ, «получили, кромѣ сильнаго испуга, значительные ушибы». Вотъ все, чѣмъ ограничивается неоффиціальная часть книги г. Шведова, напечатанной роскошно и разгонисто.

Исторія XIX вѣка. Директорія. Мишле; переводъ М. Цебриковой, Спб. 1883.

Это послѣдній трудъ замѣчательнаго историка Франціи; въ немъ Мишле, какъ онъ самъ говоритъ, «хотѣлъ показать происхожденіе системы наполеоновскаго милитаризма, показать, какъ война, сдѣлавшаяся при немъ промышленностью, боролась противъ англійской промышленности, создавшей внутри страны цѣлый міръ богатствъ, но погубившей старую Англію». Начало наполеоновской эпохи дѣйствительно любопытнѣе ея конца. Конецъ былъ неизбѣженъ: все создаваемое насиліемъ, несправедливостью, когда нибудь должно рушиться, уступивъ мѣсто свободѣ, вѣчной правдѣ. Примѣръ этому виденъ въ одной и той же странѣ, въ той же династіи правителей: отъ паденія дяди до паденія племянника прошло всего 55 лѣтъ, срокъ незначительный въ исторіи. И Мишле рисуетъ превосходную характеристику этого цезаря Аустерлица, «Юпитера Скапена», какъ его называлъ Прадтъ, «трагическаго комедіанта», по словамъ Грота, чисто вульгарнаго, болтливаго хвастуна, по опредѣленію самого Мишле. Широкими, тацитовскими чертами историкъ изображаетъ въ этомъ первомъ томѣ конецъ якобинцевъ, эпоху директоріи и происхожденіе Бонапарта. Своимъ цвѣтистымъ, иногда вычурнымъ, но всегда блестящимъ, образнымъ слогомъ, онъ набрасываетъ портреты передовыхъ дѣятелей этого времени: Сен-Симона, Бабефа, Ламарка, Гоша, Бонапарте, Паоло, Летиціи, Жозефины и др. Вандейцы, шуаны, якобинцы, роялисты, бѣлый терроръ, дни жерминаля и преріаля, Киберонъ, итальянская кампанія,—все это очерчено рельефно, драматически, завлекательно. Переводъ въ общемъ хорошъ, хотя мѣстами прихотливый слогъ Мишле требовалъ бы болѣе тщательной отдѣлки. Книга продается въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ.

В. З.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Отзывы иностранной прессы о Тургеневѣ. — Польскія газеты. — Паѳосъ „Börsen-Courrier„. — Вѣнскія газеты. — Сознаніе нѣмцевъ, что романы Тургенева гораздо выше нѣмецкихъ романовъ. — Шекспиръ и Тургеневъ. — Сужденія итальянцевъ. — Губернатисъ и Чьямполи. — Гюи де-Мопассанъ. — „Figaro" и Гревиль. — Англійскія еженедѣльныя изданія. — Чарльсъ Дильке. — „Times" и „Daily News". — Юліанъ Шмидтъ и Брандесъ. — Поэтъ лишнихъ и заброшенныхъ людей. — Скорбь Тургенева и ея причины. — Природа и человѣчество. — Отправленіе тѣла Тургенева изъ Парижа — Рѣчи Ренана и Эдмонда Абу. — Статья о племенахъ Европейской Россіи. — Книга Легреля. — Присоединеніе Альзаса къ Франціи. — Справедливы ли жалобы нѣмцевъ на взятіе Страсбурга Людовикомъ XIV?

ОТДАВАЯ, въ прошломъ мѣсяцѣ, отчетъ о послѣднихъ замѣчательныхъ явленіяхъ въ литературномъ мірѣ, мы не успѣли ничего сказать о томъ, какъ западная Европа отозвалась объ утратѣ, понесенной Россіею въ лицѣ ея лучшаго писателя и гражданина. Набрасывая въ общихъ чертахъ характеристическія особенности таланта Тургенева, мы упомянули вскользь о томъ значеніи, какимъ онъ пользовался во всемірной литературѣ, о томъ непритворномъ сожалѣніи, съ какимъ вся періодическая печать Запада встрѣтила извѣстіе о его кончинѣ. Теперь, когда умственная жизнь вошла въ свою обычную колею, будетъ любопытно подвести итоги сужденіямъ иностранной журналистики о русскомъ писателѣ, котораго за границей любили и уважали не меньше, чѣмъ на родинѣ. Вся ежедневная пресса единодушно отозвалась о немъ, какъ о писателѣ, занимающемъ почетное мѣсто въ литературѣ всѣхъ народовъ. Польскія газеты замѣтили, что онъ былъ чуждъ племенныхъ предразсудковъ и его широкіе взгляды обнимали общечеловѣческій горизонтъ (Wiek). «Echo» назвала его своимъ добрымъ другомъ, «Gazeta Warshawska» заявила, что въ русской литературѣ не было писателя равнаго Тургеневу. Крашевскій посвятилъ ему въ газетѣ «Kraj» обширную, вполнѣ сочувственную ста-

тью. Между нѣмецкими газетами появлялись отзывы, написанные съ особеннымъ паѳосомъ. Такъ берлинскій «Börsen-Courrier» говоритъ: «одинъ изъ величайшихъ дѣятелей, царственный вождь въ духовныхъ сферахъ, властелинъ въ безпредѣльномъ мірѣ поэзіи отошелъ въ вѣчность! Закрылись очи, съ рѣдкою проницательностью умѣвшія смотрѣть на вещи и на людей, не бьется болѣе сердце, такъ искренно сочувствовавшее людскому горю, такъ хорошо умѣвшее понять страстные порывы ближняго и жить его внутреннею жизнью. Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Чарльсъ Диккенсъ, міръ не испытывалъ еще такой потери». «Neue freie Presse» говоритъ, что въ своихъ сочиненіяхъ Тургеневъ является не только возвышеннымъ патріотомъ, жаждавшимъ свободнаго развитія для своего отечества, но также остроумнымъ и геніальнымъ поэтомъ, увлекательное творчество котораго покоряло ему сердца всѣхъ образованныхъ людей безъ различія національностей. «Отъ его характеристики вѣетъ настоящею, живою непосредственностью. Каждое его сочиненіе является высокохудожественнымъ, поэтическимъ твореніемъ. Болѣзненныя явленія, потрясавшія русское общество, бѣдственное положеніе мужика, поверхностный лоскъ угнетавшаго его помѣщика, подпольная работа нигилистовъ — все это несравненно передано Тургеневымъ. Привлекательное сочетаніе реализма и фантазіи составляетъ особенность его стиля и придаетъ ему такую своеобразность, которая не утрачивается даже въ плохомъ переводѣ». «Presse» говоритъ, что писатель умиралъ цѣлый годъ, но, приходя въ себя, писалъ картины, согрѣтыя горячимъ сердцемъ, до послѣдней минуты бившимся для блага русскаго народа и величія отечества. Это были мелодіи, производившія глубокое впечатлѣніе. «Но не смерти боялся Тургеневъ, онъ трепеталъ за Россію». «Neues Wiener Tageblatt» находитъ, что романы Тургенева гораздо выше нѣмецкихъ и разсматриваетъ ихъ со стороны общественнаго значенія. Газета говоритъ: «Тургеневъ показываетъ намъ Россію въ ея умственномъ и нравственномъ заблужденіи, въ ея неспособности избрать себѣ твердый и ясный путь; его романы заканчиваются робкимъ вопросомъ, обращеннымъ къ будущему. Политическая атмосфера Россіи не прояснилась съ тѣхъ поръ; Тургеневъ также узналъ, что истина не всегда можетъ пробить себѣ путь. Но для русскаго народа составляетъ, все-таки, утѣшеніе, что онъ имѣлъ Тургенева и что истина возвѣщалась на русскомъ языкѣ. Въ другихъ странахъ (то-есть въ Германіи) заходятъ даже дальше, чѣмъ въ Россіи, въ искусствѣ скрывать истину; не допускаютъ изображать вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, и всякая свободная мысль, всякое свободное толкованіе событій, клеймятся, какъ преступленіе. Люди совершенно отвыкаютъ отъ трезваго мышленія и находятъ удовольствіе только въ звучныхъ фразахъ, лишенныхъ всякой мысли. Если кто нибудь дерзнетъ сказать правду, тотчасъ же поднимаютъ шумъ, чтобы пробудить общественное негодованіе противъ такой безпримѣрной дерзости. Созывались даже народныя собранія только для того, чтобъ произнести приговоръ противъ истины и здраваго человѣческаго разсудка. Тургенева постигла, все-таки, лучшая участь; въ концѣ концовъ, ему простили, что его произведенія дышали правдой. Въ германской литературѣ мы тщетно ищемъ романовъ, отличающихся независимостью мысли и свободой сужденія. Въ нѣмецкихъ романахъ предразсудкамъ поблажаютъ, истина прикрывается, происшествія изображаются въ искаженномъ свѣтѣ, заблужденія идеализируются. Современный романъ на нѣмецкомъ языкѣ не оказываетъ никакой услуги истинѣ.

Но произведеніе, высказывающее правду, остается необходимостью, слово истины должно оказывать свое дѣйствіе. Тургеневъ явилъ великій примѣръ, подражать которому было бы весьма полезно въ интересахъ литературы, также какъ и въ интересахъ соціальнаго и политическаго прогреса». «Wiener Allgemeine Zeitung» находитъ, что Тургеневъ былъ глубоко впечатлительный поэтъ, но крайне меланхолическій умъ. «Сущность броженія міровой жизни нигдѣ не проявляется съ меньшей гармоніей, чѣмъ въ Россіи, гдѣ стремленіе къ воздуху, къ свѣту, къ солнцу, даже безсильное и безцѣльное, парализуется грубой силой матеріи, безуспѣшно гибнетъ въ печальной трагедіи». Берлинская «Post» сравниваетъ Тургенева съ Шекспиромъ въ мастерской обрисовкѣ внутренней пустоты. «Данте населилъ окрестности своего ада такими духами, съ которыми ничего не могли сдѣлать ни милосердіе, ни правосудіе. Тургеневъ показываетъ ихъ намъ даже безупречными и симпатичными, внушая къ нимъ расположеніе, не противорѣчащее ни милосердію, ни справедливости». Нѣмецкій пріятель Тургенева, Пичъ, посвятилъ ему въ «Schlesische Zeitung» три большихъ статьи, въ которыхъ сообщаетъ больше біографическія подробности и старается опровергнуть мнѣніе, что русскій писатель былъ очень расположенъ къ Франціи и ея литературѣ. «Онъ написалъ всего три оперетки и одинъ водевиль на французскомъ языкѣ» говоритъ г. Пичъ. Это совершенно вѣрно, но вѣдь по-нѣмецки онъ не писалъ ничего и выводилъ въ своихъ повѣстяхъ нѣмцевъ далеко не въ привлекательномъ видѣ.

Италія знала Тургенева только по переводамъ, сдѣланнымъ съ французскаго или нѣмецкаго, такъ какъ изъ итальянскихъ писателей русскій языкъ знаетъ, да и то очень плохо, только одинъ Анджело де-Губернатисъ. Въ журналѣ «Nuova Antologia» (№ 15-го сентября) онъ въ статьѣ о Тургеневѣ въ особенности удивляется соединенію въ немъ пламеннаго патріотизма съ космополитическимъ міровоззрѣніемъ. «Умѣть остаться вѣрнымъ родной землѣ, чувствовать, страдать, трудиться, надѣяться, бороться вмѣстѣ съ нею и за нее и, въ то же время, усвоить себѣ извнѣ весь доступный человѣку запасъ свѣта, перенести свои идеалы на родную почву — вотъ въ чемъ заключается самый совершенный патріотизмъ и этою благороднѣйшею формой патріотизма вполнѣ обладалъ Тургеневъ». Вообще статья Губернатиса даетъ основательное понятіе о русскомъ писателѣ итальянцамъ, мало знакомымъ съ нашей литературой. Итальянцы и Пушкина переводили не съ подлинника, хотя очень любятъ его и хотя у нихъ есть прекрасная трагедія «Alessandro Pushkin», написанная недавно умершимъ даровитымъ поэтомъ Косса, авторомъ «Нерона» и «Мессалины». Одинъ изъ современныхъ романистовъ Италіи, Чьямполи, помѣстилъ также въ журналѣ «Illustrazione italiana» обширную статью о Тургеневѣ за три недѣли до его смерти. Составляя эту статью, авторъ обратился къ русскому писателю, съ просьбой сообщить біографическія свѣдѣнія, но тотъ отвѣчалъ, что въ жизни его нѣтъ ничего выдающагося и что она не можетъ интересовать иностранныхъ читателей. «Вся моя біографія въ моихъ сочиненіяхъ» прибавляетъ Тургеневъ, котораго Чьямполи ставитъ на ряду съ Бальзакомъ и Вальтеръ-Скоттомъ.

Изъ французскихъ писателей самый сочувственный отзывъ о Тургеневѣ сдѣлалъ его пріятель, Гюи де-Мопассанъ. Онъ описываетъ наружность, характеръ, образъ жизни русскаго романиста, приводитъ его литературныя сужденія. Такъ, онъ отвергалъ устарѣлыя формы романа съ драматическими

или учеными комбинаціями и требовалъ, чтобы воспроизводили «жизнь, ничего кромѣ жизни, безъ интригъ и запутанныхъ приключеній». Романъ, какъ новѣйшая форма художественной литературы, есть искусство жизни, которое должно быть исторіей жизни. Людей зауряднаго ума гораздо больше, чѣмъ одаренныхъ такимъ умомъ. Книга, которая нравится массѣ, намъ весьма часто ненравится вовсе, а если нравится намъ и массѣ, то будьте увѣрены, что въ обоихъ случаяхъ мотивы совершенно различны. «Фигаро» болѣе всего настаиваетъ на томъ, что Тургеневъ былъ настоящимъ парижаниномъ и распространяется о его свойствахъ, привычкахъ, наружности, напоминавшей «фигуры эпическихъ героевъ финскихъ степей». Отъискавъ степи въ Финляндіи, французской газетѣ ничего уже не стоило найти въ головѣ Тургенева сходство съ головою Саваоѳа, которою христіанскіе художники украшаютъ вершины церковныхъ сводовъ. Въ писателѣ «Figaro» видитъ одного изъ самыхъ талантливыхъ изслѣдователей эпохи нервной болѣзненности и разложенія, которую мы переживаемъ. Переводчикъ «Нови», Дюранъ-Гревиль, въ «Revue politique et littéraire», отзывается объ немъ самымъ сочувственнымъ образомъ. Жизнь Тургенева Гревиль разсказываетъ его же словами, переводя отрывки изъ его «Воспоминаній». Французскій писатель называетъ своего русскаго собрата «совершеннѣйшимъ типомъ, какой только можетъ представить современный гуманизмъ». «Прежде, говоритъ Гревиль, удалиться отъ міра и молиться за него было необходимымъ условіемъ, чтобы сдѣлаться святымъ. Теперь — жить въ мірѣ и дѣлать сколько можно болѣе добра своимъ собратьямъ — таковы условія новой жизни, которую нельзя не предпочесть прежней. Тургеневъ всю свою жизнь дѣлалъ добро. И это не фраза, бросаемая на открытый гробъ писателя, въ характерѣ котораго были всѣ хорошія стороны русскаго типа, безъ его недостатковъ. Несмотря на свою высокую образованность, онъ отличался необыкновенною простотой, походя въ этомъ на своихъ соотечественниковъ, придающихъ гораздо болѣе значенія внутреннему достоинству человѣка, нежели его общественному значенію. Онъ понималъ, что его эксплуатируютъ, но продолжалъ вѣрить въ доброту людей. Онъ не жаловался никогда, ни на кого, даже на вопіющую несправедливость его невыносимыхъ страданій. Онъ даже анализировалъ ихъ, какъ философъ, какъ физіологъ, какъ романистъ, и хотѣлъ составить психологическое изслѣдованіе всего, что перечувствовалъ во время своихъ кризисовъ. Кто близко зналъ этого великаго человѣка и писателя — получалъ лучшее понятіе о человѣческой натурѣ».

Въ статьѣ прошлаго мѣсяца о Тургеневѣ мы привели уже отзывъ о немъ англійскаго «Athenaeum». Дополняемъ его мнѣніемъ самой редакціи, то есть Чарльза Дилька: «Тургеневъ былъ проповѣдникомъ простоты и правды, въ чемъ его соотечественники очень нуждались. Честность, искренность и независимость, мужественно пренебрегающая мнѣніемъ свѣта, были его основными принципами; онъ постоянно выставлялъ ихъ публикѣ, какъ предметы, достойные поклоненія. Ложь, лицемѣріе, сентиментальность и рутина, имѣли въ немъ яраго противника. Съ пламеннымъ жаромъ любилъ онъ свободу и всѣмъ сердцемъ ненавидѣлъ деспотизмъ. Но, прежде, чѣмъ быть пророкомъ, онъ былъ художникъ и никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшаго преувеличенія, никогда не увлекался идеей до того, чтобъ измѣнить своей вѣрѣ въ человѣческую природу». Недовольствуясь редакціонною статьей, «Athenaeum» помѣстилъ еще другую статью о Тургеневѣ, его друга Раль-

стона, перваго знатока русской литературы, переводчика «Дворянскаго гнѣзда». Ральстонъ говоритъ, что въ Тургеневѣ всѣ оплакивали потерю не только великаго писателя, образцоваго стилиста, тонко анализировавшаго человѣческія мысли и чувства, но и благороднаго друга, великодушно помогавшаго всѣмъ нуждающимся, нѣжно утѣшавшаго всѣхъ страждущихъ и угнетенныхъ, пламенно ненавидѣвшаго всѣ виды несправедливости и насилія. Никогда не было на свѣтѣ человѣка, симпатіи котораго были бы такъ широки, любовь такъ горяча, дружба такъ незыблема. Поэтому, рѣдко кто пользовался такой всеобщей любовью». Ральстонъ приводитъ много примѣровъ его доброты и скромности, говоритъ о его меланхоліи, происходившей оттого, что его жизнь не была увѣнчана счастіемъ мирныхъ семейныхъ радостей домашняго очага. Онъ оканчиваетъ свою статью слѣдующимъ желаніемъ: «Будемъ надѣяться, что памятникъ, воздвигнутый ему благодарной Россіей, освѣтится лучами новой зари, которая прольетъ свой благотворный свѣтъ на страну столько любимую имъ и для которой онъ столько сдѣлалъ». Въ другой еженедѣльной газетѣ «Academy» Тургеневъ разбирается, какъ глава европейскихъ реалистовъ и тутъ же пространно объясняется, что его реализмъ не имѣетъ ничего общаго съ реализмомъ французской школы. Тогда для чего же было и называть его реалистомъ? По словамъ газеты «Times», смерть Тургенева напомнитъ многимъ, что этотъ великій писатель не только былъ чарующимъ беллетристомъ, но имѣлъ также существенное значеніе и какъ политическій дѣятель. «Его очерки крестьянской жизни во времена крѣпостничества значительно подвинули впередъ дѣло освобожденія крестьянъ. Изобрѣтенное имъ слово «нигилизмъ» дало, очевидно, противъ собственнаго его желанія, общую кличку и програму многимъ разнохарактернымъ сектамъ русскихъ революціонеровъ. Тургеневъ былъ изъ такихъ людей, вліяніе которыхъ не проходитъ безслѣдно. Онъ обладалъ рѣдкимъ умѣніемъ излагать нужды народа такимъ языкомъ, который неминуемо долженъ былъ обратить на нихъ должное вниманіе. Какъ писатель, онъ становился на объективную точку зрѣнія соціолога, хладнокровно изучающаго вліяніе гнета и притѣсненія на характеръ отдѣльныхъ личностей. Этотъ методъ изложенія избранъ былъ имъ съ предвзятою цѣлью произвести болѣе глубокое впечатлѣніе на читателя. Онъ самъ говорилъ, что видѣлъ, какъ люди съ негодованіемъ бросали его сочиненія, рѣзко осуждая автора за равнодушіе, съ которымъ онъ, повидимому, относился къ возмущавшей ихъ, вопіющей несправедливости. Какъ Тэккерей, онъ никогда не придавалъ своимъ героямъ и героинямъ сверхчеловѣческихъ совершенствъ. Всѣ его дѣйствующія лица обладаютъ человѣческими слабостями, а такъ какъ онъ заимствовалъ свои типы изъ жизни общества, не стоящаго на особенно высокой степени цивилизаціи, то многія изъ этихъ слабостей могутъ показаться гражданамъ западной Европы просто возмутительными. Съ особенною строгостью обличалъ онъ слабыя стороны лучшихъ представителей русской молодежи, стремленіямъ которыхъ самъ горячо сочувствовалъ. Но если, въ своихъ произведеніяхъ, онъ не льстилъ національному тщеславію своихъ соотечественниковъ, за то ясно указывалъ честныя и возвышенныя цѣли, къ которымъ должно стремиться. Не стѣсняясь раздражать современниковъ, онъ всегда выказывалъ глубокую увѣренность, что нынѣшнее, описанное имъ, поколѣніе смѣнится въ будущемъ людьми съ бо́льшею выдержкой и энергіей». «Daily News» говоритъ, что въ Тургеневѣ Россія теряетъ несо-

мнѣнію величайшаго изъ современныхъ своихъ писателей. «Быть можетъ, даже, продолжаетъ газета, было бы правильнѣе сказать, что въ немъ умеръ величайшій изъ современныхъ беллетристовъ. Сочиненія его имѣютъ серьезный политическій интересъ и, въ то же время, въ литературномъ отношеніи являются такими высокохудожественными, что Просперъ Мериме не счелъ ниже своего достоинства заняться переводомъ «Отцовъ и дѣтей» на французскій языкъ. Тѣмъ не менѣе, самая характеристическая черта тургеневскаго генія—это несравненное искусство разрушать племенные, религіозные и общественные предразсудки, благодаря которому авторъ и читатель могутъ всегда стоять другъ съ другомъ на почвѣ общечеловѣческихъ интересовъ. Великій писатель былъ, прежде всего, великимъ художникомъ, а затѣмъ уже общественнымъ реформаторомъ. Острыя стрѣлы его сатиры не только затрогивали за живое русскій бюрократизмъ, но пробивали и золотую броню общепринятыхъ софизмовъ лжи и лицемѣрія. На этомъ Тургеневъ и останавливался. Онъ вскрывалъ общественныя язвы твердою рукой опытнаго хирурга, но не прописывалъ для этихъ язвъ никакого цѣлебнаго пластыря. Какъ литераторъ, онъ стоялъ на недосягаемой почти высотѣ. Политическая и общественная дѣятельность его ограничивались одною лишь разрушающею критикой».

Но еще замѣчательнѣе были двѣ статьи о Тургеневѣ, принадлежащія двумъ знатокамъ литературы, Юліану Шмидту, автору «Исторіи французской литературы со временъ революціи» и Георгу Брандесу, первому современному критику. Шмидтъ близко зналъ Тургенева и подробно описываетъ чарующее впечатлѣніе, производимое бесѣдою русскаго писателя. Онъ снимаетъ также съ него обвиненіе въ грубомъ реализмѣ, доказывая, что Тургеневъ чуждался безобразія и изображалъ его, гдѣ это было необходимо, необыкновенно осторожно. Чувствомъ мѣры онъ обладалъ гораздо въ бо́льшей степени, чѣмъ Диккенсъ, хотя почти никогда не пускался въ анализъ характеровъ, а представлялъ ихъ, какъ художественные образы. Главною областью Тургенева Шмидтъ признаетъ любовь, въ особенности любовь русской женщины и, въ то время, когда «герои Тургенева, по своей слабости и покорности судьбѣ, отличаются нѣкоторымъ однообразіемъ, ни у одного писателя нѣтъ такого богатаго сокровища — интересныхъ, обаятельныхъ женскихъ типовъ». Но любовь не мѣшаетъ ему вѣрно изображать и политическія столкновенія, и Шмидтъ утверждаетъ, что Европа будетъ изучать русскую исторію по романамъ Тургенева, потому что «поэтъ всегда лучше историка умѣетъ выяснить историческую жизнь чуждаго намъ народа». И жизнь эта представлена писателемъ далеко не въ привлекальномъ видѣ. Всѣ сословія изображены имъ испорченными въ корнѣ; Шмидтъ находитъ, что сужденія Тургенева въ этомъ отношеніи недостаточно мотивированы съ формальной стороны.

Еще глубже по содержанію и шире обхватываетъ вопросъ статья Брандеса о «международномъ писателѣ, открывшемъ Европѣ новый міръ, не смотря на то, что онъ явился на литературную арену закованный въ цѣпи и съ притупленнымъ мечомъ». Сквозь всѣ произведенія Тургенева проходитъ широкая и глубокая струя меланхоліи. Скорбь его—чисто славянская грусть, какая слышится въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ. Это скорбь патріота, пессимиста и, вмѣстѣ съ тѣмъ, друга человѣчества. Несмотря на весь свой космополитизмъ, Тургеневъ патріотъ, только отчаявшійся въ будущности своего отечества. Онъ былъ убѣжденъ, что въ Россіи какъ-то ничто не

удается (даже и любовь казалась ему не настоящей русской, если она не заканчивалась несчастной развязкой, вслѣдствіе непостоянства мужчины, или же холодности женщины). Каждое «русское» дѣло непремѣнно должно или быть не по силамъ тѣмъ, кто его предпринялъ, или же окончиться неудачей, вслѣдствіе апатіи людей, ради которыхъ оно было предпринято. Россія для Тургенева представлялась страной, гдѣ все разваливается и терпитъ крушеніе. Онъ является, какъ бы очевидцемъ крушенія, сознающимъ, что погибающіе сами, главнымъ образомъ, виноваты въ своей участи». Тургеневъ поэтъ нищихъ духомъ, слабыхъ, колеблющихся, ненадежныхъ, лишнихъ, и заброшенныхъ судьбою людей. Онъ раскрываетъ намъ внутреннюю, затаенную жизнь несчастья. Эдмондъ Гонкуръ разсказываетъ, что Тургеневъ, еще въ 1872 году, за обѣдомъ у Флобера такъ характеризовалъ свое тяжелое настроеніе: «Вы знаете, что иногда въ комнатѣ пахнетъ мускусомъ, такъ что отъ этого запаха ничѣмъ неотдѣлаешься. Мнѣ кажется, что у меня есть тоже присущій мнѣ запахъ уничтоженія, разрушенія и смерти». Скорбь Тургенева вытекала изъ его міросозерцанія. Проникнувъ въ сущность вещей, онъ убѣдился, что всѣ человѣческіе идеалы, справедливость, разумъ, добро, общее благо—совершенно безразличны для «матери природы». Въ доказательство этого Брандесъ цитируетъ одно изъ послѣднихъ «Стихотвореній въ прозѣ», въ которомъ безстрастная природа думаетъ не о судьбахъ человѣчества, а о томъ, какъ бы придать бо́льшую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей было удобнѣе спасаться отъ враговъ. Вся тварь — ея дѣти и она одинаково заботится о нихъ — и истребляетъ ихъ. «Я не вѣдаю ни добра, ни зла, говоритъ она, разумъ мнѣ не законъ, и что такое справедливость? Я тебѣ дала жизнь—я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ мнѣ все равно, а ты защищайся». Такое символическое толкованіе даетъ Тургеневъ роковой тайнѣ жизни—и Брандесъ прибавляетъ къ этому слѣдующее: «Природа жестка и холодна, тѣмъ горячѣе должны люди любить ее и другъ друга. Невольно припоминаешь, какъ Тургеневъ, во время переѣзда на пароходѣ изъ Гамбурга въ Лондонъ, по цѣлымъ часамъ держалъ въ своей рукѣ руку маленькой обезьяны, печально сидѣвшей на привязи. Геній, стремившійся объять вселенную, рука объ руку съ маленькой, человѣкоподобной тварью, какъ двое родственниковъ, дѣтей общей матери природы... Тутъ больше истинно-поучительнаго, чѣмъ въ любой нравоучительной книгѣ».

Таковы, въ общихъ чертахъ, сужденія о нашемъ писателѣ главнѣйшихъ органовъ общественнаго мнѣнія Западной Европы. Въ этомъ сочувствіи всего интеллигентнаго міра къ горю Россіи заключается и отрадное доказательство солидарности образованныхъ классовъ общества во всѣхъ странахъ свѣта, не смотря на племенную рознь и враждебное отношеніе правительствъ... Ярко выразилось это сочувствіе и при отправленіи гроба Тургенева изъ Парижа въ Петербургъ. Прощаніе съ тѣломъ было величественно и трогательно. Печальный катафалкъ окружалъ цвѣтъ французской интеллигенціи, знаменитости науки и литературы: Анри Мартенъ, Доде, Э. Араго, Золя, Жюль Симонъ, Эдмондъ Аданъ, Э. Ожье. Рѣчи произнесли Ренанъ и Эдмондъ Абу. Первый говорилъ: «Тургеневъ былъ великій писатель и великій человѣкъ. На немъ лежала таинственная печать призванія ко всему великому человѣчному. Ни одинъ человѣкъ не воплощалъ въ себѣ такъ полно цѣлой народности. Въ Тургеневѣ жилъ цѣлый міръ. Племя славянъ, выступающее теперь на первый планъ въ исторіи народовъ, представляя собою феноме-

нальное явленіе, воплотилось въ этомъ великомъ художникѣ. Тургеневъ былъ сыномъ своей отчизны, но по манерѣ чувствовать и производить, онъ принадлежалъ всему человѣчеству. Его философскій взглядъ спокойно обнималъ всѣ условія человѣческаго существованія и вездѣ и всегда онъ умѣлъ найти только истину и прекрасное. Но философія уживалась въ его прекрасной душѣ рядомъ съ любящимъ, горячимъ сердцемъ. Прощай же великій и дорогой другъ. Покидаютъ насъ только твои бренные останки, но твой безсмертный, незабвенный образъ будетъ жить вѣчно среди насъ. Когда твой прахъ успокоится въ родной землѣ, пусть тѣ, которые придутъ поклониться твоей могилѣ, вспомнятъ о далекой странѣ, гдѣ живетъ столько людей, умѣвшихъ тебя понимать и любить». Эдмондъ Абу не менѣе горячо выразилъ сочувствіе Франціи къ Россіи и представителю ея интеллигенціи: «Творенія Тургенева, говоритъ онъ, эти «книги добра» запечатлѣлись въ благодарной памяти цѣлаго народа прочнѣе и неизгладимѣе, чѣмъ надпись на твердомъ металлѣ. Проводимъ этотъ прахъ безъ слезъ: оплакивать можно лишь то, что смертно, что исчезнетъ безъ слѣда. Тургеневъ безсмертенъ, его незабвенный образъ останется въ нашемъ сердцѣ такимъ, какимъ мы видѣли его въ послѣдній разъ. Ты полюбилъ Францію, но эта любовь не заставила тебя измѣнить отчизнѣ, и ты всю жизнь былъ вѣренъ всей душой своей Россіи, и благо тебѣ за то, потому что тотъ, кто не любитъ своего отечества, не любитъ его слѣпо и беззавѣтно—тотъ только на половину человѣкъ... Какой же памятникъ воздвигнетъ тебѣ благодарность твоихъ согражданъ? Надъ могилой государственныхъ людей сосѣдней съ нами страны воздвигаютъ величественныя статуи, которыя будутъ опираться на плечи скованныхъ плѣнниковъ, насильно влекомыхъ въ неволю. Для твоего памятника достаточно будетъ обрывка цѣпи, брошеннаго на мраморную плиту».

— Помимо Тургенева, западная пресса, по прежнему, продолжаетъ заниматься Россіей. Въ «Quarterly Review» помѣщена замѣчательная статья «Племена Европейской Россіи», переведенная и въ «Revue Britannique». Это серьезный этюдъ о національностяхъ, населяющихъ наше отечество, хотя точка зрѣнія, избранная авторомъ, ошибочна, такъ какъ онъ видитъ въ разнородности этихъ національностей причины слабости Россіи. Но племенныя ихъ способности, ихъ отношенія между собою и къ центральной власти, разобраны хорошо, на основаніи вѣрныхъ источниковъ. Авторъ говоритъ сначала о башкирахъ, киргизахъ, калмыкахъ, татарахъ-ногайцахъ, потомъ о кавказскихъ аборигенахъ, которыхъ называетъ общимъ именемъ черкесовъ. Долѣе всего останавливается онъ на татарахъ, изслѣдуя подробно ихъ бытъ, нравы и обычаи, ихъ народный характеръ. Мордва, чуваши, черемисы, зыряне, вогулы также описаны вѣрно, хотя и общими чертами. На жителяхъ Финляндіи и ихъ автономной конституціи онъ останавливается съ особеннымъ удовольствіемъ. Эсты, латыши и отношенія ихъ къ балтійскимъ нѣмцамъ представлены въ настоящемъ свѣтѣ. Политической роли поляковъ, въ предстоящей борьбѣ Россіи съ ея западными сосѣдями, «о чемъ не перестаютъ толковать прусскія, австрійскія и русскія газеты», авторъ придаетъ особое значеніе, но утверждаетъ, что, слѣдуя системѣ выжиданія, поляки не поднимутся, пока сильная нѣмецкая армія не вступитъ въ ихъ границы. Евреи, несмотря на ихъ численность, всегда были чужеземцами въ Россіи и не могутъ любить ее, особенно послѣ недавнихъ погромовъ. Чистый русскій типъ авторъ видитъ скорѣе въ малороссіянинѣ, чѣмъ въ великороссѣ, котораго, по его мнѣнію, «стоитъ поскоблить, чтобы найти въ немъ

финна». Конечно, выводъ автора также не въ нашу пользу. Рознь, существующая между племенами, онъ видитъ и въ общественныхъ сословіяхъ: нѣтъ внутренняго единенія, національной силы. Только въ арміи онъ видитъ однородную, сплошную массу. Подъ мундиромъ исчезаютъ всѣ различія національностей и сословій. «Кто повелѣваетъ арміею можетъ всегда повелѣвать Россіей».

— Въ числѣ писателей, знакомыхъ съ Россіею, выдается Легрель, жившій у насъ довольно долго и написавшій весьма недурно этнографическій очеркъ «Волга; замѣтки о Россіи» (Le Volga. Notes sur la Russie). Въ другомъ, чисто литературномъ, трудѣ его: «Гольбергъ, какъ подражатель Мольера», много любопытныхъ сближеній и вѣрныхъ выводовъ. Политическое сочиненіе его «Франція и Пруссія передъ исторіею» выдержала два изданія. Но самый замѣчательный трудъ его посвященъ изслѣдованію исторіи пресоединенія къ Франціи Страсбурга и на дняхъ вышелъ третьимъ изданіемъ, подъ названіемъ «Людовикъ XIV и Страсбургъ, этюдъ французской политики въ Альзасѣ» (Louis XIV et Strasbourg, essay sur la politique de la France en Alsace). Эта книга, заключающая въ себѣ болѣе 800 страницъ, основана на офиціальныхъ и неизвѣстныхъ документахъ, проливающихъ новый свѣтъ на событіе, о которомъ, въ послѣднее время, не мало писали нѣмцы, съ исключительной, предвзятой точки зрѣнія. Свой походъ въ этомъ направленіи они начали, впрочемъ, еще съ 1863 года, съ сочиненія Шерера «Verrath Strasburg an Frankreich», за которымъ слѣдовала книга професора Шмита «Elsass und Lothringen» (1859), гдѣ взятіе Страсбурга сравнивалось съ ночнымъ, воровскимъ нападеніемъ разбойниковъ на свою добычу. Герибертъ Рау даже озаглавилъ свое трехтомное произведеніе, появившееся въ 1862 году «Der Raub Strasburgs im Jahre 1681». Вообще нѣмцы не церемонились въ выраженіяхъ, говоря объ этомъ событіи, и называли его грабежемъ, преступленіемъ, измѣнническимъ захватомъ, позорнымъ и наглымъ дѣломъ. Правда, Людовикъ XIV, занимая своими войсками городъ, совершилъ поступокъ, не согласный съ строгою справедливостью и международнымъ правомъ, но вѣдь нѣмцы, осыпающіе его проклятіями, въ 1548 году обѣщали торжественно и клятвенно никогда не вступать въ Альзасъ. Вестфальскій миръ отдавалъ, все-таки, Страсбургъ подъ покровительство Франціи. Занятіе города, правда, подготовленное въ тайнѣ, какъ всѣ вторженія, совершилось, однако, явно, въ виду европейскихъ дипломатовъ, собранныхъ въ Регенсбургѣ и Франкфуртѣ, въ виду вооруженной Германіи. Донаувертъ былъ также свободный имперскій городъ и никакой трактатъ не разрѣшалъ взять его герцогу Максимиліану Баварскому. Чѣмъ же занятіе Бреславля, Штетина, Данцига Пруссіею лучше занятія французами Страсбурга? Тогда, конечно, присоединеніе не оправдывали объединеніемъ, какъ захватъ Висбадена, Ганновера, Касселя, вольнаго города Франкфурта, въ позднѣйшую эпоху, но вѣдь цѣль оправдываетъ средства только въ правилахъ іезуитизма, а не въ законахъ справедливости. Двѣсти лѣтъ въ жизни народа не богъзнаетъ какой долгій срокъ—и еслибы жители Альзаса продолжали оставаться нѣмцами, кто мѣшалъ имъ въ 1870 году броситься въ объятія своихъ прежнихъ соотчичей, отъ которыхъ они, однако, продолжаютъ упорно открещиваться всѣми способами. Всю эту исторію присоединенія Альзаса къ Франціи Легрель разсказалъ подробно и занимательно въ своемъ сочиненіи, представляющемъ много новаго и любопытнаго.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Письмо И. С. Тургенева къ С. А. Левитской.

Ы ПОЛУЧИЛИ, черезъ посредство Л. С. Мацѣевича, отъ одной изъ жительницъ Одессы, С. А. Левитской, имѣющееся у нея письмо покойнаго И. С. Тургенева. Печатая этотъ документъ, предпосылаемъ ему объяснительную замѣтку г-жи Левитской, а также письмо ея къ Тургеневу, которое и вызвало его отвѣтъ.

1.

Замѣтка С. А. Левитской.

Три года тому назадъ, покойный Тургеневъ предложилъ П. Д. Боборыкину устроить въ Россіи подписку на памятникъ Флоберу, причемъ, объявленіе объ этомъ было напечатано въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» съ приложеніемъ адреса, по которому можно было посылать деньги: «Paris, rue de Douai, 50, Jean Tourgueneff». Увы! по этому самому адресу вмѣсто денегъ, какъ оказалось, посыпалась масса непріятныхъ писемъ. Я также имѣла смѣлось отправить по указанному адресу письмо по поводу этой злополучной подписки: Кромѣ того, меня давно интересовалъ вопросъ—почему Тургеневъ постоянно живетъ за-границей. Я помнила собственныя слова его: «мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ—крѣпостное право». Слова эти не удовлетворяли меня: врагъ этотъ изчезъ, а Тургеневъ продолжалъ жить за-границей. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришло тогда въ голову, что у Тургенева могли быть личныя, семейныя дѣла, обусловливавшія его пребываніе за-границей, вмѣшиваться въ которыя, по меньшей мѣрѣ, неделикатно. Мнѣ эгоистично думалось: живи онъ въ Россіи,

личные друзья его были бы не Флоберъ, Додэ и др., а наши родные писатели, и при содѣйствіи такого человѣка, какъ Тургеневъ, они могли бы сдѣлать многое для родины.

Многіе увѣряли меня, что я не получу отвѣта на свое письмо, а потому я и перестала имъ интересоваться. Прошло болѣе двухъ лѣтъ и только недавно, благодаря случайности, я узнала, что Тургеневъ отвѣчалъ мнѣ, но по ошибкѣ письмо это попало къ совершенно незнакомой мнѣ дамѣ, носящей одну со мной фамилію, такъ что я получила его не болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ потому, что письмо это не было опубликовано своевременно по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ меня, а, между тѣмъ, я не думаю, чтобы Тургеневъ своимъ отвѣтомъ хотѣлъ удовлетворить только мое личное любопытство: мнѣ кажется въ немъ есть отвѣтъ и другимъ лицамъ, рѣшавшимся бросить въ него камень. Ничѣмъ инымъ я не объясняю нѣкотораго раздраженія въ письмѣ нашего незлобиваго поэта.

С. Левитская.

15-го сентября, 1883.
Одесса, Успенская улица, д. № 2.

2.

Письмо С. А. Левитской къ И. С. Тургеневу.

Одесса, 1880 года 3-го декабря.

Милостивый Государь,

Иванъ Сергѣевичъ!

Не имѣя удовольствія быть знакомой съ Вами лично, я, тѣмъ не менѣе, какъ всякая русская грамотная женщина, достаточно знаю Васъ. Хотя изъ этого знакомства всякому очевидно, что Вы рьяный западникъ, но, все-таки, я не предполагала, чтобы Вы могли предложить г. Боборыкину устроить въ Россіи подписку на памятникъ Флобера въ то время, когда, напримѣръ, Гоголю не могутъ устроить памятника за недостаткомъ средствъ, когда о памятникахъ многимъ другимъ нашимъ писателямъ не поднимаютъ и рѣчи, когда, наконецъ, въ Россіи чуть не повсемѣстный голодъ и дороговизна жизненныхъ продуктовъ!

Извините за смѣлость, съ которой я обращаюсь къ Вамъ, но я очень часто огорчаюсь тѣмъ, что Вы живете за-границей и невольно даете ей ту часть любви, которая могла бы быть употреблена на пользу Россіи. Я, такъ сказать, ревную Васъ къ Западу. Поэтому я была бы очень счастлива, если бы Вы мнѣ объяснили, какими мотивами Вы руководствуетесь, поступая такимъ образомъ.

Уважающая васъ

С. Левитская.

3.

Письмо И. С. Тургенева къ С. А. Левитской.

Парижъ. Четвергъ, $\frac{23}{11}$ дек. 80.

Милостивая Государыня,

Софья Августиновна!

По поводу моего обращенія къ русской публикѣ за нѣсколькими грошами въ пользу памятника моему другу Флоберу, столько появилось статей въ журналахъ, я получилъ столько писемъ, что отвѣчать на все было бы немыслимо, тѣмъ болѣе, что всѣ эти статьи и письма свойства ругательнаго. Для Васъ я дѣлаю исключеніе; во-первыхъ, Вы женщина; во-вторыхъ, Вы уже и предрѣшили, что я безчестный человѣкъ и желаете только знать мотивы моего поступка.

Позвольте спросить, отчего Вы сами себя о томъ не вопросили? Вѣдь Вы, я надѣюсь, не полагаете, что я хотѣлъ эти деньги положить себѣ въ карманъ, или получить за это награду — орденъ, что̀ ли, отъ французскаго правительства? Или Вы, быть можетъ, раздѣляете мнѣніе одного журнала, что мною, какъ «рьянымъ западникомъ обуялъ рабскій духъ?» Было бы довольно странно, отчего это я, въ Россіи человѣкъ довольно свободный, вдругъ сталъ рабомъ передъ лицомъ Франціи? Да и выбралъ я довольно неудачный предлогъ, такъ какъ Флоберъ совершенно непопуляренъ во Франціи — и ни одинъ французъ мнѣ за мои хлопоты спасибо не скажетъ?

Отчего не отвѣчать на собственный вопросъ такъ: Тургеневъ былъ задушевный пріятель Флобера, высоко цѣнилъ его талантъ и, видя, что денегъ на его памятникъ набирается мало, вздумалъ обратиться къ русскимъ его почитателямъ за недостающею бездѣльной суммой, такъ какъ онъ знаетъ, что въ Россіи находятся люди, которые уважаютъ покойника? Тургеневъ никакъ не воображалъ, что русская публика вломится въ амбицію, будетъ требовать, какъ торгаши, сдачи—«ты, молъ, прежде для меня что нибудь сдѣлай, а тамъ посмотримъ».

Я, очевидно, ошибся; ну и впередъ буду умнѣй. Всѣ придуманныя объясненія не имѣютъ никакой цѣны. Тотъ, кто не пошлетъ своего гроша на памятникъ талантливаго писателя—какой бы онъ націи ни былъ—не дастъ ничего ни голодному, ни на памятникъ Гоголю, а только ухватится за этотъ предлогъ, причемъ еще будетъ имѣть возможность выказать свое благородное негодованіе. Скупцы, которые не подаютъ бѣднымъ чужимъ, говоря, что у нихъ есть свои бѣдные, обыкновенно не даютъ ничего и своимъ.

Что касается до меня, то, не считая себя въ правѣ презирать кого бы то ни было, я только ощущаю еще бо̀льшее равнодушіе къ ругающимъ меня патріотамъ-соотечественникамъ, подобное тому, какое я ощущалъ къ нимъ же, когда они меня превозносили. И то и другое вино изъ одной же бочки: одно — кислое, другое — сладкое, вотъ вся разница, мало интересная для того, кто пьетъ одну воду.

За симъ, честь имѣю увѣрить Васъ въ совершенномъ уваженіи

Вашего покорнѣйшаго слуги

Ив. Тургенева.

СМѢСЬ.

Закладка памятника Глинкѣ. Въ послѣднее время русское общество начало относиться къ своимъ знаменитымъ дѣятелямъ съ гораздо бо́льшимъ сочувствіемъ. Чествованіе памяти Тургенева доказало воочію всю солидарность между этимъ обществомъ и его передовыми людьми. Полтора мѣсяца тому назадъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ, Смоленскъ, торжественно отпраздновалъ закладку памятника нашему первому композитору, хотя закладка не обусловливаетъ скораго открытія самаго памятника—еще недавно мы имѣли случай убѣдиться въ этомъ, сообщая объ остановкѣ работъ по сооруженію статуи Богдана Хмельницкаго. Нельзя сказать, чтобы мы очень спѣшили и съ увѣковѣченіемъ памяти Глинки. Въ 1870 году 108 уроженцевъ Смоленской губерніи подали прошеніе губернатору Бороздѣ объ открытіи по всей Россіи подписки на этотъ предметъ. Въ прошеніи смоляне, упомянувъ о томъ, что у всѣхъ народовъ въ обычаѣ ставить памятники не только государямъ и полководцамъ, но ученымъ, поэтамъ и художникамъ, утверждаютъ, что на Глинку произвели сильное впечатлѣніе пѣсни и пляски его деревни, гдѣ онъ провелъ первые 13 лѣтъ своей жизни и куда потомъ часто пріѣзжалъ. «Мы гордимся тѣмъ (говорили смоляне), что народная пѣсня нашей губерніи послужила основаніемъ общерусскихъ, даже общеславянскихъ національныхъ произведеній Глинки, и увѣрены, что вся Россія сочувственно откликнется на истинно-народное дѣло». Откликнулась она черезъ 13 лѣтъ послѣ этого воззванія и слишкомъ черезъ четверть вѣка послѣ смерти композитора. Но закладка происходила, дѣйствительно, съ торжественной обстановкой. Несмотря на дождь, Блонье (мѣсто закладки, въ городскомъ саду) было залито массами народа; нѣсколько депутацій и корпорацій, много вѣнковъ, даже «отъ смоленскаго купеческаго общества»; рѣчь преосвященнаго, объяснившая значеніе Глинки въ эстетически-музыкальной области; трезвонъ 36-ти церквей города; масса телеграмъ; обѣдъ, данный городскою думой смоленскому дворянству, иногороднымъ депутаціямъ и представителямъ корпорацій; концертъ изъ произведеній Глинки; присутствіе на праздникѣ сестры

покойнаго композитора и его 80-тилѣтняго камердинера—все это дѣлало закладку особенно торжественною, и теперь остается только желать, чтобы при сооруженіи самаго памятника не встрѣтилось каких нибудь «недоразумѣній».

Могила Шевченки. Что у насъ нерѣдко встрѣчаются непостижимыя недоразумѣнія въ самыхъ, повидимому, простыхъ и ясныхъ случаяхъ, доказываетъ исторія съ могилой перваго малороссійскаго поэта. Она находилась, въ послѣднее время, въ такомъ положеніи, что въ полтавскомъ земствѣ одинъ изъ гласныхъ, С. Кулябка, поднялъ вопросъ о приведеніи въ порядокъ послѣдняго убѣжища поэта. Земское собраніе постановило ходатайствовать о разрѣшеніи открыть подписку на устройство фонда для организаціи надзора за сохраненіемъ могилы и о назначеніи единовременно 500 рублей изъ земскихъ сборовъ на поправку могилы Шевченко, въ томъ видѣ, какъ онъ самъ желалъ этого передъ смертью. Деньги эти были переданы въ Золотоношскую управу съ просьбою—озаботиться поправкою могилы. Основываясь на этомъ постановленіи земства, одинъ изъ почитателей покойнаго поэта, В. В. Тарновскій, заказалъ, на чугуно-литейномъ заводѣ въ Кіевѣ, большой чугунный крестъ на могилу, гдѣ поставленъ былъ на время деревянный крестъ родственникомъ поэта В. Г. Шевченко. Начались работы по капитальному исправленію могилы, но вдругъ «вслѣдствіе возникшихъ недоразумѣній» прерваны и оставлено даже отлитіе креста. По счастью, личное ходатайство В. Г. Шевченко передъ генералъ-губернаторомъ положило конецъ всякимъ недоразумѣніямъ и продолженіе работъ было разрѣшено. Предполагается также сдѣлать изгородь около могилы и поставить хату для сторожа.

Императоръ Александръ II и «Записки охотника». Во время панихиды по Тургеневѣ въ 1-й варшавской гимназіи, въ присутствіи попечителя варшавскаго учебнаго округа, мѣстный законоучитель, протоіерей Н. Ливчакъ, сказалъ рѣчь, напечатанную въ «Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ» (№ 81 за текущій годъ), въ которой находится слѣдующее любопытное мѣсто: «Одному изъ славянскихъ публицистовъ, проживавшему въ Вѣнѣ, хорвату Лукшичу, обратившемуся, въ 1867 году, съ просьбой къ Тургеневу о сообщеніи ему его автобіографіи для предположеннаго всеобщаго альбома славянскихъ дѣятелей, самъ Иванъ Сергѣевичъ, снисходя къ этой просьбѣ, между прочимъ, скромно сознался, что незабвенной памяти нынѣ въ Бозѣ почившій освободитель народа императоръ Александръ II ему лично заявилъ, «что съ тѣхъ поръ, какъ онъ, государь, прочелъ «Записки охотника», его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости». Нѣтъ сомнѣнія, говорится далѣе въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», что такое же впечатлѣніе и такое же чувство вызывало чтеніе «Записокъ охотника» и въ другихъ просвѣщенныхъ читателяхъ и содѣйствовало торжеству благородства русской души и сердца,—а и этого одного факта достаточно, чтобы память о такомъ человѣкѣ пребывала отъ рода въ родъ!

Раскопки въ Москвѣ. На Тверской, при постройкѣ одного дома открыто кладбище спасской церкви. Сначала полагали, что мѣсто кладбища принадлежало въ древности одному изъ московскихъ монастырей, но нахожденіе этого кладбища объясняется просто: на углу Тверской и нынѣшняго Каммергерскаго переулка до 1789 года находилась церковь «Боголѣпнаго преображенія Христова», почему и Каммергерскій переулокъ до половины прошлаго столѣтія назывался Спасскимъ; на его погостѣ, какъ и на погостахъ другихъ церквей, погребались умершіе прихожане, пока въ гигіеническихъ видахъ не было устроено загородныхъ кладбищъ. Церковь «Спасъ на Тверской» построена была въ XVI вѣкѣ. На это мы находимъ указанія въ ар-

хеографическихъ книгахъ XVII и начала XVIII вѣка. Такъ, о ней упоминается въ окладной книгѣ 1625 года, затѣмъ въ книгѣ 1689 года, въ переписной книгѣ 1722 года. По словамъ Щекатова (въ его извѣстномъ географическомъ словарѣ), при этой церкви было 3 придѣла: Николая Чудотворца, построенный въ давнихъ годахъ Милославскимъ; въ честь иконы Богоматери, всѣхъ скорбящихъ радости, построенный въ 1749 году иждивеніемъ служителя княжны Θеодосіи Владиміровны Голицыной, Евдокима Путятина, и Бориса и Глѣба, устроенный княземъ Ромодановскимъ, который имѣлъ при этой церкви свой дворъ. Объ архитектурѣ ея ничего неизвѣстно; нѣтъ никакихъ основаній заключать, что она была замѣчательна въ какомъ нибудь отношеніи. Послѣ моровой язвы 1771 года, при нѣкоторыхъ церквахъ значительно сократилось число прихожанъ и потому содержаніе ихъ и причтовъ стало недостаточнымъ. Митрополитъ Платонъ, желая улучшить содержаніе духовенства, упразднилъ, между прочимъ, малоприходныя церкви, приписалъ ихъ къ другимъ церквамъ, а приходскіе дома распредѣлилъ между сосѣдними церквами. Тогда была упразднена и Спасская церковь на Тверской, въ 1788 году. Шесть приходскихъ дворовъ ея были распредѣлены по другимъ церквамъ. Вскорѣ послѣ упраздненія, въ 1789 году, церковь была разобрана и доставила матеріалъ для построенія церквей Димитрія Солунскаго, у Тверскихъ воротъ (1791), и Вознесенія, на Гороховомъ полѣ (1793). Утварь была раздѣлена между церквами, къ приходу которыхъ зачислены бывшіе прихожане Спасской церкви. Земля, на которой находились дома причта, продана князю Голицыну и княгинѣ Трубецкой. Впослѣдствіи застроили и кладбище и о церкви позабыли; жива только была память о ней въ консисторскомъ архивѣ. Послѣ французскаго раззоренія 1812 года весьма много малоприходныхъ церквей въ Китай-городѣ и Бѣломъ городѣ было упразднено и разобрано; но кладбища, бывшія при каждой изъ нихъ, остались и закрыты строеніями. Особенно относительно сѣверной части Бѣлаго города, можно сказать, что она въ весьма многихъ мѣстахъ построена на костяхъ. Здѣсь, между Тверскою и Никитскою, уничтожены слѣдующія церкви: 1) Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, въ бывшемъ Моисеевскомъ монастырѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Моисеевская площадь и строющаяся часовня Александра-Невскаго; 2) Иліи пророка, на Тверской, гдѣ нынѣ часовенка на дворѣ Филиппова; 3) Елисея пророка, близъ церкви Воскресенія, на Успенскомъ вражкѣ; 4—5) Діонисія Ареопагита и Леонтія Ростовскаго, находившіяся въ мѣстности, занимаемой нынѣ императорскимъ университетомъ; 6) Василія Кесарійскаго, на Тверской, противъ Саввинскаго подворья, и 7) Іоанна Предтечи, у Никитскихъ воротъ. Легко можетъ случиться, что если въ какомъ нибудь изъ этихъ мѣстъ будутъ копать землю, то найдутъ много костей.

Раскопки въ Смоленскѣ. Въ послѣднее время, въ Смоленскѣ, во время произведенной, по почину графа Уварова, раскопки кургана близъ Свирской церкви, недалеко отъ села Кловка, найдены сохранившіяся стѣны церкви, построенной во имя св. Бориса и Глѣба и разрушенной около 500 лѣтъ тому назадъ поляками во время взятія Смоленска. Стѣны найденной церкви высотой около четырехъ аршинъ и сложены изъ плоскаго кирпича продолговатой формы, помѣченнаго разными русскими буквами. Каждый кирпичъ длиной пол-аршина, шириной пять вершковъ и толщиной одинъ вершокъ. Употреблявшаяся при кладкѣ стѣнъ этой церкви известь была самаго высокаго достоинства, такъ какъ сохранившіеся куски ея, весьма крѣпко приросшіе къ кирпичу, представляютъ нѣчто въ родѣ фарфора. Найденная церковь была въ три придѣла, изъ которыхъ средній алтарь имѣлъ двойныя стѣны съ промежуткомъ между ними въ 12 вершковъ. Въ притворѣ праваго придѣла найденъ склепъ съ сохранившимися еще костями.

Столѣтіе католической церкви св. Екатерины. Первая католическая церковь въ Петербургѣ была выстроена еще въ 1710 году, на берегу Невы, близъ нынѣшняго Зимняго дворца. Въ 1755 году она сгорѣла и императрица Анна Ивановна подарила католической общинѣ мѣсто на Невскомъ проспектѣ для постройки новаго храма. Въ царствованіе Екатерины II было приступлено къ возведенію обширнаго и изящнаго, донынѣ существующаго храма; постройка тянулась двадцать лѣтъ, съ 1763 года, когда была совершена закладка храма на средства, пожертвованныя католической общиной въ Петербургѣ, состоявшей изъ четырехъ націй: французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и поляковъ. Храмъ обошелся въ 118 тысячъ рублей. Только 7-го октября 1783 года состоялось торжественное освященіе. При церкви былъ выстроенъ домъ, который тянулся отъ Невскаго проспекта до Садовой или нынѣшней Б. Итальянской улицы. При Павлѣ I около церкви по Невскому находилось два каменныхъ дома, а по Большой Итальянской три. Въ нихъ, кромѣ духовенства, помѣщались служившіе при церкви, митрополитъ Сестренцевичъ, магазины и посторонніе жильцы. За отдачу въ наемъ магазиновъ и квартиръ церковь получала въ годъ 18 тысячъ рублей. Въ 1800 году, по проискамъ Грубера, генерала іезуитскаго ордена, генерал-прокуроръ Обольяниновъ объявилъ митрополиту Сестренцевичу высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы въ католической церкви св. Екатерины богослуженіе было отправляемо исключительно одними іезуитами, а 18-го октября того же года, послѣдовалъ указъ о передачѣ церкви со всѣми принадлежащими ей домами монахамъ іезуитскаго ордена; къ нимъ же въ полное распоряженіе должны были поступать всѣ доходы какъ отъ церкви, такъ и отъ домовъ со всѣми ихъ экономическими заведеніями. Іезуиты старались привлечь въ церковь все избранное общество и возбудить ордену своему похвалы и удивленіе. Начались пышныя, съ особой обстановкой, служенія, явился превосходный органъ, полились проповѣди, украшенныя цвѣтами іезуитскаго краснорѣчія. При церкви открыта была аптека, изъ которой раздавались бѣднымъ безплатно лекарства; было даже устроено нѣчто въ родѣ фабрики различныхъ издѣлій, гдѣ можно было покупать и заказывать различныя вещи, а въ одной изъ залъ церковнаго дома открыта выставка произведеній фабрики. Рядомъ съ устройствомъ церкви, шло и совершенное преобразованіе находившагося при ней училища, которое также поступило въ вѣдѣніе ордена. Училище было переименовано въ іезуитскій «Collège des nobles», и у Павла I испрошено разрѣшеніе построить для него зданіе на углу Екатерининскаго канала и Б. Итальянской улицы, въ такихъ размѣрахъ, что оно скорѣе походило на дворецъ, чѣмъ на жилище служителей Христа. Находившаяся при церкви св. Екатерины библіотека изъ 500 томовъ была передана въ коллегію. Въ 1803 году, во вновь отстроенномъ домѣ, была открыта «благородная коллегія», въ которой можно было встрѣтить, въ числѣ воспитанниковъ, множество дѣтей русскихъ вельможъ и аристократовъ. Именнымъ указомъ, даннымъ сенату 20-го декабря 1815 года, всѣ іезуиты были высланы изъ Петербурга, съ воспрещеніемъ въѣзда имъ въ обѣ столицы, и католическая церковь въ Петербургѣ была приведена въ то положеніе, въ которомъ она находилась до 1800 года. Внутренній видъ католической церкви св. Екатерины отличается величіемъ и изяществомъ. Вышина храма до купола равняется 20 саженямъ; онъ можетъ вмѣстить до 1,500 молящихся. Особымъ изяществомъ отличается главный алтарь, изъ бѣлаго мрамора, выписанный изъ Италіи за 6,000 рублей. Громадныхъ размѣровъ образъ св. мученицы Екатерины, красующійся надъ главнымъ алтаремъ, принадлежитъ кисти знаменитаго, въ то время, художника Миттенлейтера и принесенъ въ даръ церкви Екатериной II. Большое бронзовое вызолоченное распятіе надъ главнымъ алтаремъ выполнено по рисунку скульптора Витали. Посреди

храма изъ купола спускается бронзовая вызолоченная люстра, вѣсомъ въ 200 пудовъ и вмѣщающая въ себѣ 300 свѣчей. Это даръ покойнаго герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго. Въ церкви св. Екатерины покоится прахъ бывшаго польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго, умершаго въ Петербургѣ въ 1798 году и погребеннаго здѣсь съ царскими почестями, по приказанію Павла. Здѣсь же находится и другая замѣчательная могила одного изъ лучшихъ генераловъ Наполеона I—Моро, перешедшаго на службу къ союзникамъ и погибшаго геройской смертью при Лейпцигѣ 2-го сентября 1813 года. Александръ I питалъ къ нему большую симпатію и считалъ его своимъ другомъ.

Открытіе памятника войны 1870 года. Въ концѣ сентября, на берегу Рейна, близъ Рюдесгейма, въ Нидервальденѣ, на границѣ Франціи, открыта, въ память войны 1870—71 годовъ, колоссальная статуя Германіи, въ видѣ вооруженной женщины съ опущеннымъ мечомъ. Открытіе было отпраздновано самымъ торжественнымъ образомъ, въ присутствіи германскихъ властителей, лицъ, участвовавшихъ въ битвахъ 1870—71 года, многочисленнаго войска, депутацій, разныхъ ферейновъ, иностранныхъ гостей. Рѣчи графа Эйленбурга, подавшаго первый починъ къ сооруженію памятника, и императора Вильгельма — отличались миролюбивымъ характеромъ. Престарѣлый вождь Германской имперіи былъ особенно взволнованъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ дожилъ до открытія памятника, хотя, при закладкѣ его, шесть лѣтъ тому назадъ, сказалъ скульптору Шиллингу, проектировавшему статую Германіи, что сомнѣвается въ возможности присутствовать на открытіи памятника. Несмотря на всѣ увѣренія газетъ и офиціальныхъ лицъ, что̀ сооруженіе этого памятника нисколько не угрожаетъ ни Франціи, ни европейскому миру, увѣковѣченіе событій эпохи, о которой и безъ того французы не могутъ вспомнить иначе, какъ съ болью въ сердцѣ, не можетъ содѣйствовать къ укрѣпленію дружественныхъ сношеній между націями, изъ которыхъ одна нанесла такое страшное пораженіе другой. Да и Европу трудно убѣдить въ миролюбіи Германіи, воздвигающей такіе памятники своимъ побѣдамъ на самой границѣ Франціи.

Празднованіе двухсотлѣтней годовщины освобожденія Вѣны. Столица Габсбурговъ праздновала, хотя очень скромнымъ образомъ, день своего освобожденія отъ осады турокъ, въ 1683 году. Извѣстно, что въ сентябрѣ этого года польскій король Янъ Собѣскій пришелъ со своими войсками къ Вѣнѣ, уже готовившейся сдаться туркамъ, разбилъ ихъ и спасъ Вѣну отъ разграбленія и разрушенія. Побѣда эта прославила польское оружіе и отмстила за позоръ Бучацкаго мира 1672 года, когда Польша принуждена была отдать Турціи Подолію и Украйну и признать свою зависимость отъ султана. Собѣскій оказалъ, несомнѣнно, огромную услугу Австріи. Императоръ Леопольдъ торжественно объявилъ, что «освобожденіе Вѣны отъ турокъ, послѣ Бога, является заслугою польскаго короля, которому, поэтому, не только императоръ, но и весь христіанскій міръ обязанъ глубокою благодарностью». Но побѣда поляковъ не принесла никакой пользы славянамъ, надѣявшимся, что Австрія явится освободительницею Балканскаго полуострова, тогда какъ она сама была готова наложить на южныхъ славянъ свое иго, вмѣсто турецкаго. Понятно почему Вѣна рѣшила отпраздновать и теперь годовщину своего освобожденія «какъ можно тише», тогда какъ полякамъ хотѣлось, напротивъ, придать сколько можно больше торжественности «этой міровой побѣдѣ, оказавшей благодѣяніе всему человѣчеству», какъ говорили польскія газеты. Вѣнская дума рѣшила не дѣлать изъ этой годовщины народнаго праздника, а вѣнскія газеты прямо говорили, что поляки преувеличиваютъ значеніе побѣды Собѣскаго, войска котораго только помогали герцогу Карлу Лотарингскому освободить столицу. Австрійскіе патріоты забыли, однако,

или не хотѣли вспомнить, что польскій король былъ главнокомандующимъ союзною арміей, въ которой поляковъ было больше чѣмъ имперскихъ войскъ. Впрочемъ, и поляки, въ свою очередь, забыли, что въ битвѣ съ турками принимали большое участіе украинскіе казаки, подъ начальствомъ полковника Гоголя. Видя, однако, что Вѣна не слишкомъ радуется польскому празднику, поляки устроили торжество въ Краковѣ и пировали цѣлую недѣлю, присоединивъ къ воспоминанію о побѣдѣ Собѣскаго обрядъ коронаціи, то есть возложенія короны на чудотворную икону Богородицы въ костелѣ Кармелитскаго монастыря и 25-тилѣтній юбилей историческаго живописца Матейки. Празднества начались панихидою въ королевскомъ склепѣ каѳедральнаго собора на Вавелѣ, гдѣ покоятся останки короля. На гробъ его были положены сотни вѣнковъ отъ разныхъ обществъ и корпорацій Вѣны, Львова, Познани. Затѣмъ слѣдовало открытіе исторической выставки эпохи Собѣскаго, гдѣ собрано множество предметовъ, напоминающихъ событіе 1683 года. Наконецъ,открыли и художественный музей народнаго искусства, основаніе которому положилъ Семирадскій во время юбилея Крашевскаго, подаривъ Кракову свои «Свѣточи Нерона». Съ того времени собрано уже много картинъ исключительно польскихъ художниковъ и, между прочимъ, огромная картира Матейки, изображающая принесеніе присяги прусскимъ герцогомъ Сигизмунду I. Къ юбилею даровитый живописецъ написалъ еще картину «Собѣскій подъ Вѣной», но ее отправили въ подарокъ папѣ. Народный праздникъ происходилъ съ процессіями, пѣснями, музыкой—за городомъ, на равнинѣ Блоне. Говорили рѣчи и на малороссійскомъ языкѣ. Русинъ Григорій Скаблыкъ напомнилъ объ участіи въ битвѣ подъ Вѣной двадцатитысячнаго отряда русскихъ казаковъ, и о подвигѣ русина Кульчицкаго, который переодѣвшись туркомъ успѣлъ пробраться въ Вѣну и увѣдомилъ Старенберга, что христіанская армія идетъ на защиту города. На площади Большого рынка открытъ памятникъ, воздвигнутый городомъ и исполненный художникомъ Велонскимъ, получившимъ это званіе въ петербургской академіи художествъ. Памятникъ состоитъ изъ большого бронзоваго барельефа, вдѣланнаго въ стѣну костела Богородицы. На немъ изображенъ Янъ III верхомъ, держащій въ правой рукѣ мечъ, въ лѣвой знамя. Подъ копытами лежитъ распростертый турокъ съ обнаженною грудью. Въ глубинѣ виднѣется польское рыцарство; внизу алегорическое изображеніе «Славы», которая подаетъ герою лавровый вѣнокъ, а въ другой рукѣ держитъ свертокъ съ надписью «Salus tibi Vindobona». Въ углу, особая надпись гласитъ, что городъ Краковъ воздвигъ этотъ памятникъ въ память двухсотлѣтней годовщины побѣды Яна III подъ Вѣной въ 1683 году. Вышина памятника 7 метровъ, ширина 3 м. 20 с. Фигуры почти въ человѣческій ростъ. Исполненіе весьма отчетливое; но къ чему этотъ, лежащій подъ ногами лошади, полуобнаженный турокъ, производящій непріятное впечатлѣніе? Что хотѣлъ этимъ выразить Велонскій? Что Собѣскій покорилъ турокъ? да вѣдь это и безъ того извѣстно. Велонскій, какъ кажется, увлекся мыслію Микѣшина, который въ памятникѣ Хмельницкому тоже заставляетъ послѣдняго топтать іезуита и шляхтича. Кромѣ того, въ этотъ день открыты еще два памятника въ Краковѣ: одинъ въ саду общества стрѣлковъ, воздвигнутый самимъ обществомъ и изображающій большихъ размѣровъ статую короля Яна III, превосходно исполненную профессоромъ Гадомскимъ, и другой на костелѣ кармелитовъ, состоящій изъ мраморной таблицы съ надписью, что здѣсь польскіе крестьяне праздновали двухсотлѣтнюю годовщину освобожденія Вѣны отъ турокъ.

† Въ глубокой старости скончался даровитый художникъ, профессоръ гравированія, хранитель эстамповъ Эрмитажа, завѣдующій мозаическимъ отдѣленіемъ, ректоръ академіи художествъ **Ѳедоръ Ивановичъ Іорданъ**. Онъ ро-

дился въ 1800 году, въ Павловскѣ, отъ бѣдныхъ родителей. Императрица Марія Ѳеодоровна крестила ребенка и потомъ помѣстила въ академію, гдѣ онъ поступилъ въ классъ гравированія профессора Уткина. Еще ученикомъ онъ исполнилъ много гравюръ для профессора Буяльскаго, академика Френа, книгопродавца Сленина, Булгарина. Первую золотую медаль онъ получилъ, въ 1826 году, за гравюру «Меркурій, усыпляющій Аргуса». За «Умирающаго Авеля» онъ былъ отправленъ, въ 1829 году, въ Парижъ, гдѣ гравировалъ картины Перуджино и Рафаэля. Очевидецъ революціи 1830 года, Іорданъ представлялся Луи Филиппу и получилъ приказаніе изъ Петербурга—немедленно отправиться въ Лондонъ. Тамъ онъ окончилъ гравюру «Святое семейство», съ Рафаэля, за которую Николай I прислалъ ему перстень. Въ 1835 году онъ поѣхалъ въ Италію, гдѣ Брюловъ посовѣтовалъ ему сдѣлать гравюру съ «Преображенія». Работая 11 часовъ въ день, онъ окончилъ рисунокъ въ 18 мѣсяцевъ и немедленно приступилъ къ гравированію его на мѣди. Окончивъ «Преображеніе», Іорданъ выставилъ его въ эстампномъ магазинѣ на Корсо и вскорѣ цѣлый Римъ заговорилъ о немъ. Кромѣ того, во время пребыванія своего въ Римѣ, онъ выгравировалъ портреты: покойнаго государя—наслѣдникомъ, великаго князя Михаила Павловича и литератора Языкова. Въ 1848 году, когда вспыхнула революція, онъ, какъ римскій гражданинъ, проведя болѣе 10-ти лѣтъ въ Римѣ, вступилъ въ національную гвардію. Наконецъ, въ 1850 году, послѣ 20-тилѣтняго пребыванія за-границей, вернулся въ Россію. Академія художествъ сдѣлала его профессоромъ и заказала ему выгравировать картину Егорова — «Истязаніе Спасителя». Въ 1853 году Іорданъ вторично отправился въ Италію и поселился во Флоренціи, но въ 1855 году былъ вызванъ въ Россію, чтобы занять штатное мѣсто профессора въ академіи, и въ Эрмитажѣ хранителя эстамповъ и оригинальныхъ рисунковъ. Въ 1871 году онъ былъ избранъ ректоромъ живописи и ваянія и занималъ эту должность до послѣдниго дня своей жизни. Въ 1874 году онъ праздновалъ 50-тилѣтній юбилей своей художественной дѣятельности, и по этому случаю была выбита золотая медаль съ его изображеніемъ. Іорданъ состоялъ членомъ академій: флорентинской, урбинской и берлинской, которая избрала его ординарнымъ членомъ, т. е. съ правомъ засѣданія въ собраніяхъ, что составляетъ особое исключеніе. Іорданъ исполнилъ длинный рядъ портретовъ: Рафаэля и Перуджино; два портрета государя Александра Николаевича — наслѣдникомъ и императоромъ; нынѣ царствующаго государя—наслѣдникомъ; портретъ великаго князя Михаила Павловича; великаго князя Владиміра Александровича; Ивана Ивановича Шувалова—основателя академіи и московскаго университета; графа Шувалова—бывшаго обер-гофмаршала; лейб-медика Здекауера, сенатора Ровинскаго, настоятеля Валаамскаго монастыря игумена Дамаскина, Державина, на стали, для изданія академіи наукъ, Языкова, Бѣлинскаго, Лермонтова, Плетнева, Скородумова (первый русскій граверъ временъ Екатерины) и свой собственный портретъ. Затѣмъ имъ выгравированы два портрета Гоголя, для изданія Кулиша и Чижова. Еще за мѣсяцъ до кончины, онъ трудился надъ портретами трехъ старыхъ профессоровъ академіи: Левицкаго, Егорова, Шебуева, и, по сдѣланнымъ пробнымъ оттискамъ, они поражаютъ твердостью руки и необыкновеннымъ сходствомъ съ оригиналомъ. Россія теряетъ въ Іорданѣ одного изъ самыхъ выдающихся ея художественныхъ дѣятелей.

† Въ Казани скончался профессоръ тамошняго университета **Иванъ Михайловичъ Добротворскій**, 60-ти лѣтъ. Воспитанникъ казанской духовной академіи, затѣмъ ея профессоръ, онъ былъ приглашенъ на университетскую каѳедру, которую съ достоинствомъ занималъ послѣднія пятнадцать лѣтъ. Плодомъ ученой дѣятельности его были сочиненія «Объ иргизскихъ мнимо-старообрядческихъ монастыряхъ», «Люди Божіи, русская секта такъ называе-

мыхъ духовныхъ христіанъ», «Борьба и раздѣленіе церквей въ половинѣ XI вѣка». Кромѣ того, имъ изданы «Стоглавъ», «Истины показанія къ вопрошающимъ о новомъ ученіи Зиновія» и друг.

† Въ своемъ имѣніи Костромской губерніи, Буевскаго уѣзда, скончалась внезапно одна изъ нашихъ выдающихся писательницъ, **Юлія Валеріановна Жадовская.** Она родилась въ 1825 году, въ небольшой деревушкѣ Любимскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Лишившись матери на второмъ году отъ рожденія, она была воспитана своею бабушкой, Готовцевой, любившей бѣднаго ребенка, родившагося калѣкой: безъ лѣвой руки и съ тремя пальцами на правой. Это не помѣшало ей, однако, писать бѣгло и свободно. Отданная въ костромской пансіонъ благородныхъ дѣвицъ, она не получила систематическаго и правильнаго воспитанія и старалась впослѣдствіи пополнить его самостоятельными и серьезными занятіями. Въ этомъ ей помогала тетка, А. И. Корнилова, къ которой Жадовская переселилась въ 1838 году. Въ 1841 году она переѣхала въ Ярославль къ своему отцу, гдѣ ей давалъ уроки профессоръ Перевлѣсскій. На литературномъ поприщѣ она дебютировала, въ 1844 году, въ «Москвитянинѣ» стихотвореніемъ «Водяной» и вслѣдъ затѣмъ помѣстила нѣсколько пьесъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1846 году стихотворенія эти вышли отдѣльной книжкой; въ 1858 году они достигли втораго изданія. Всѣ тогдашніе журналы и самъ Бѣлинскій отозвались о нихъ съ похвалою. Они, дѣйствительно, отличаличаются чувствомъ, искренностью и задушевностью; въ нихъ видно не блестящее, не бьющее на эфектъ, но истинное дарованіе. Прозою она начала писать еще раньше: въ сороковыхъ годахъ появилось нѣсколько повѣстей ея, преимущественно въ «Москвитянинѣ». Въ 1857 году, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появился ея романъ «Въ сторонѣ отъ большаго свѣта», изданный и отдѣльно; въ 1861 «Женская исторія», въ 3-хъ частяхъ; въ 1868—томъ повѣстей. Послѣднимъ произведеніемъ ея была повѣсть «Отсталая» въ 12-й книжкѣ журнала «Время». Съ тѣхъ поръ она не появлялась въ печати, выйдя, въ 1863 году, за-мужъ за доктора Севенъ. Она сама говоритъ, въ своихъ стихотвореніяхъ, которыми восхищался Добролюбовъ, что «шла своимъ путемъ, хоть горестно, но честно, любя свою страну, любя родной народъ». Изъ ея стиховъ многіе сдѣлались вполнѣ популярными, какъ, напримѣръ, «Ты скоро меня позабудешь», «Нива моя, нива», «Надо сильно бурѣ море взволновать» и др. Въ «Древней и Новой Россіи» 1877 года (№ 9) помѣщенъ біографическій очеркъ даровитой писательницы.

† 4-го октября въ Петербургѣ умеръ талантливый художникъ, **Иванъ Степановичъ Пановъ,** не доживъ и до сорока лѣтъ. Болѣзнь, сгубившая не одно русское дарованіе, свела и его въ преждевременную могилу. Сынъ простого крестьянина города Устюжны, Новгородской губерніи, онъ, среди деревенской обстановки, началъ заниматься рисованіемъ, подъ руководствомъ маляровъ-самоучекъ, расписывавшихъ сельскія церкви. Дарованіе мальчика было замѣчено, поддержано, но въ петербургскую академію художествъ онъ поступилъ очень поздно и кончилъ тамъ курсъ, съ званіемъ художника, на тридцатомъ году своей жизни (въ 1873 году). Усовершенствованіемъ въ искусствѣ живописи и своимъ образованіемъ онъ обязанъ, впрочемъ, болѣе всего самому себѣ и своей исключительной даровитой натурѣ. Рисунокъ его въ совершенствѣ передавалъ всѣ особенности русской жизни, русскіе типы, своеобразныя картины нашей родины. Всѣ наши лучшія живописныя изданія, въ послѣднее время, иллюстрировались И. С. Пановымъ. Наши журналы «съ иллюстраціями» были наполнены политипажами, рѣзанными съ его рисунковъ. Въ «Народныхъ русскихъ сказкахъ» (1874 г.), «Родныхъ отголоскахъ» (изданныхъ П. Полевымъ, въ 1875 г.), «Очеркахъ русской исторіи въ памятникахъ быта» (1880 г.) виденъ замѣчательный художникъ и знатокъ

русскаго быта, изображаемаго съ любовью. Рисунки Панова для этихъ изданій, исполненные лучшимъ ксилографомъ Паннемакеромъ въ Парижѣ, принадлежатъ положительно къ высокохудожественнымъ произведеніямъ. Всякаго рода работамъ, даже мелкимъ и незначительнымъ какъ орнаменты, виньетки и т. п. покойный придавалъ особенное изящество. Такъ, имъ изданы, въ 1874 году, 24 листа «Рисунковъ для выпиливанія изъ дерева въ русскомъ вкусѣ». Смерть Панова—большая потеря для русскаго искусства.

† 15-го октября умеръ во Львовѣ, 66-ти лѣтъ, одинъ изъ замѣчательныхъ польскихъ историковъ **Генрихъ Шмитъ**. Онъ принадлежалъ къ небольшому, но талантливому кружку галицкихъ изслѣдователей исторіи, скончавшихся раньше его: Шайнохѣ, Бѣловскому, Шуйскому. Всѣ они обязаны самимъ себѣ своимъ развитіемъ, такъ какъ въ ихъ молодые годы преподаваніе исторіи стояло въ университетахъ Галиціи на весьма низкой степени. Окончивъ образованіе во львовской гимназіи, Шмитъ, въ 1837 году, получилъ званіе домашняго учителя, но въ 1841 году, замѣшанный въ заговорѣ противъ правительства, посаженъ въ тюрьму и въ 1846 году приговоренъ къ смертной казни. Императоръ измѣнилъ приговоръ на заключеніе въ крѣпости Шпильбергѣ, откуда его освободилъ переворотъ 1848 года. Вернувшись во Львовъ, онъ до 1861 года былъ кореспондентомъ «Gazeta Warszawska», гдѣ помѣщалъ замѣчательныя статьи о Галиціи. Въ 1863 году, принявъ участіе въ тогдашнемъ польскомъ движеніи, Шмитъ былъ принужденъ бѣжать во Францію и только въ 1871 году вернулся на родину. Какъ историкъ, онъ сдѣлался извѣстенъ съ 1854 года, издавъ «Исторію польскаго народа отъ древнѣйшихъ временъ до 1763 года; потомъ вышла его «Исторія Польши въ XVIII и XIX столѣтіи» (1866) и «Исторія Польши со времени раздѣла» (1868) доведенная до 1832 года. Кромѣ этихъ капитальныхъ сочиненій, онъ писалъ изслѣдованія и объ отдѣльныхъ историческихъ эпохахъ и по части педагогики, состоя въ званіи члена училищнаго совѣта. Въ противоположность направленію современныхъ польскихъ историковъ Бобржинскаго, Калинки и др., приписывающихъ паденіе Польши сеймамъ и шляхтѣ, Шмитъ, идя по слѣдамъ Лелевеля и Морачевскаго, обвиняетъ во всемъ королей и утверждаетъ, что республиканская шляхта слѣдовала вѣрному пути, стремясь ограничить королевскую власть, думавшую только о династическихъ интересахъ. Къ іезуитамъ, по крайней мѣрѣ, Шмитъ относится какъ къ губителямъ Польши и гасителямъ просвѣщенія. Шмитъ не занималъ никакой государственной должности, не былъ даже профессоромъ. Но историческія познанія его неоспоримы и въ сочиненіяхъ его много интересныхъ фактовъ и изслѣдованій.

† Въ Прагѣ скончался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ чешскихъ вождей, **І. С. Скрейшовскій**. Съ 1861 года служившій при Бахѣ, въ министерствѣ финансовъ, онъ стоялъ въ главѣ чешской агитаціи, и его имя упоминалось часто вмѣстѣ съ именемъ Ригера. Въ 1862 году, Скрейшовскій основалъ пражскую газету «Politik» и редактировалъ ее, отстаивая чешскія національныя права, талантливо, но съ рѣзкостью, граничившею съ грубостью. Террористическое вліяніе, какимъ онъ пользовался въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ чешскомъ лагерѣ, внезапно прекратилось, вслѣдствіе его ареста, въ августѣ 1872 года. Онъ былъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ утайкѣ государственныхъ доходовъ и приговоренъ къ годичному тюремному заключенію. Хотя чехи называли этотъ приговоръ политическимъ, но журналисту никогда не удалось уже вернуть свое прежнее вліяніе. Разногласія съ обществомъ, къ которому перешло право на изданіе «Politik», повели къ кровавому столкновенію между нимъ и Тирхиромъ, и опять Скрейшовскій былъ привлеченъ къ суду, по обвиненію въ нанесеніи тяжкаго увѣчья. Въ послѣднее время онъ издавалъ въ Прагѣ газету «Epocha».

† Въ Брюсселѣ умеръ, 71 года, первый фламандскій беллетристъ и историкъ **Генрихъ Консіансъ**, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ писателей, которые имѣютъ международное значеніе. Сынъ французскаго моряка и фламандки, онъ началъ свою литературную дѣятельность, въ 1837 году, сборникомъ небольшихъ разсказовъ, вслѣдъ за которыми явился его историко-политическій романъ «Фламандскій левъ». Несмотря на то, что произведеніе это было важнымъ событіемъ въ исторіи фламандской литературы, оно, все-таки, не доставило автору достаточныхъ средствъ къ жизни. Консіансъ вынужденъ былъ занимать мѣсто садовника до тѣхъ поръ, пока, благодаря ходатайству придворнаго живописца Ваннерса—Консіансъ былъ также довольно талантливымъ живописцемъ—онъ былъ назначенъ секретаремъ антверпенской академіи художествъ, что доставило ему средства къ безбѣдному существованію и возможность спокойно заниматься литературой. Съ тѣхъ поръ онъ написалъ цѣлый рядъ разсказовъ изъ народнаго быта, которые имѣли большой успѣхъ и были переведены на всѣ европейскіе языки, въ томъ числѣ «Страданія матери», «Скупой», «Деревенскій бичъ», «Бѣдный дворянинъ», «Сынъ палача», «Сцены изъ фламандской жизни» и т. д. По законченности отдѣлки и живости красокъ повѣсти и разсказы Консіанса занимаютъ первое мѣсто во фламандской литературѣ. Какъ историкъ, онъ составилъ себѣ почетное имя своею «Исторіею Бельгіи». Консіансъ пользовался большою любовью и уваженіемъ какъ короля, такъ и бельгійскаго народа, которые чтили въ немъ національнаго поэта, ученаго и политическаго дѣятеля. Въ 1881 году Леопольдъ II назначилъ его предсѣдателемъ бельгійскихъ академій и въ томъ же году онъ былъ предметомъ грандіозной демонстраціи, въ которой принимали участіе представители всей страны и ученыхъ обществъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Дорожные кресты въ сѣверо-западномъ краѣ.

Въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ воспоминаніяхъ г. Я. Вутковскаго, говорится, между прочимъ, что покойный графъ М. Н. Муравьевъ приказывалъ уничтожать стоящіе при дорогахъ кресты. Какъ современникъ описываемой эпохи, считаю нужнымъ сообщить по этому поводу нѣсколько словъ для возстановленія истины. Кресты встрѣчаются во множествѣ, преимущественно въ Ковенской губерніи, и въ настоящее время, и изъ нихъ весьма многіе современны событіямъ 1863 г., что̀ болѣе всего свидѣтельствуетъ о томъ, что никогда уничтоженіе крестовъ предписываемо не было. Кресты эти, нерѣдко имѣющіе форму подобную уличнымъ фонарямъ, внутри которыхъ помѣщаются изображенія святыхъ, часто бываютъ вышиною въ нѣсколько саженъ и стоятъ нетолько на перекресткахъ дорогъ, но при домахъ, или во дворахъ, въ селеніяхъ. Ставятъ кресты какъ въ воспоминаніе счастливаго избавленія отъ опасности, тяжкой болѣзни и т. п., такъ и по другимъ случаямъ; въ деревняхъ, напримѣръ, постановкою креста искупаютъ грѣхъ матери незаконныхъ дѣтей. Кресты эти, по постановкѣ ихъ при дорогахъ, почти никогда не поддерживаются и нерѣдко, склонясь надъ дорогою, угрожаютъ паденіемъ. Вотъ относительно этихъ-то вѣтхихъ крестовъ состоялось распоряженіе, но не при графѣ М. Н. Муравьевѣ,

а уже при преемникѣ его, К. П. фонъ-Кауфманѣ, предписывающее снять кресты, которыхъ владѣльцы не согласятся исправить. Что распоряженіе это вовсе не имѣло цѣлію уничтоженіе крестовъ видно изъ того, что одинъ изъ мировыхъ посредниковъ Гродненской губерніи былъ тогда же преданъ суду за свое усердіе по истребленію крестовъ. Дѣятельность графа М. Н. Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ принадлежитъ исторіи, которая и произнесетъ приговоръ о цѣлесообразности принятыхъ имъ мѣръ къ умиротворенію края, но на насъ, современникахъ событій, лежитъ обязанность заботиться о передачѣ фактовъ въ ихъ дѣйствительномъ видѣ.

Александръ Кокоревъ.

Новыя дополненія къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей.

Къ напечатанной въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» замѣткѣ г. Катенева «Къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей» мы получили новыя дополненія (отъ самого г. Катенева и г. В. А. Васильева), которымъ и дѣлаемъ здѣсь сводъ.

А.

А. («Русскій Вѣстникъ»)—В. Г. Авсѣенко.

А. В. («Иллюстрація» 30-хъ годовъ, «Зап. Миссіонерскаго Общ.», «Домашняя Бѣсѣда»)—А. П. Башуцкій.

А. Б—ва («Отечеств. Записки»)—А. Барыкова.

А. Ж. («Труды Вольно-Экономич. Общ.»)—А. Жикмонъ.

А. З. Л. («Спб. Вѣдомости»)—А. З. Ледаковъ.

Алексѣй Берталь («Искра»)—И. А. Песковъ.

А. Овичъ («Маякъ»)—В. А. Васильевъ.

Б.

Б. Ѳ. («Маякъ»)—В. М. Ѳедоровъ.

В.

В. А—ій («Маякъ»)—В. И. Аскоченскій.

Вій («Маякъ»)—А. И. Вигилянскій.

В. С. («Спб. Вѣдомости»)—В. В. Стасовъ.

В. Т. («Сѣверная Пчела» 60-хъ годовъ)—В. В. Толбинъ.

Г.

Г-а-ф-а («Библ. для Чтенія» 40-хъ годовъ)—А. В. Тимофѣевъ.

Д.

Динь-динь («Минута»)—Черни.

Дядя Митяй («Петербургскій Листокъ»)—Д. Тогольскій.

З.

Знакомый незнакомецъ («Минута»)—Черни.

И.

Иванъ Краткій («Саратовскій Дневникъ»)—И. А. Песковъ.

К.

Кирша Даниловъ («Спб. Вѣдомости»)—В. Д. Спасовичъ.
Кобзарь («Минута»)—Россовскій.
Коломенскій старожилъ («Маякъ»)—П. А. Корсаковъ.
Коля Персіяниновъ («Минута»)—Никифоровъ.
Костинъ («Спб. Вѣдомости»)—А. И. Сомовъ.

Л.

Л. К. («Маякъ»)—Л. А. Кавелинъ.
Любитель («Сѣв. Пчела» 1864 г.)—Н. С. Кутейниковъ.

М.

Маіоръ Бубновъ («Петербургскій Листокъ»)—А. А. Соколовъ.
Маркизъ Тужуръ-Парту («Петербургская Газета»)—Галинъ.
Мепефе («Новости» 1870 г.)—М. П. Федоровъ.
Mezzo Tenore («Саратовскій Дневникъ»)—И. А. Песковъ.
Мэри Бемъ («Рус. Вѣстникъ»)—В. М. Маркевичъ.

Н.

Народный учитель («Грамотѣй», «Недѣля», «Нар. школа»)—Ѳ. И. Булгаковъ.
Н. Т. («Маякъ»)—Н. Тихорскій.
Н—чъ Д—ко («Гражданинъ»)—В. И. Немировичъ-Данченко.
Н. Кут—овъ («Семья и Школа»)—Н. С. Кутейниковъ.
Н—ковъ («Молва»)—онъ же.

О.

Общій другъ («Петербургская Газета»)—Д. Д. Минаевъ.
Огоньковъ («Минута»)—Нечаевъ.

П.

Погуляевъ («Минута»)—Зарудный.
Н. Поповскій («Отеч. Зап.» 70-хъ годовъ)—Н. С. Кутейниковъ.
П. К. («Отечеств. Записки»)—П. Ковалевскій.
П. П—въ («Всемірная Иллюстрація»)—П. Н. Петровъ.
Послѣдній Трубадуръ («Харьковскія губ. вѣд.»)—И. Г. Родзянко.
Профанъ («Пчела» 1878 г.)—Праховъ.
П. Т. («Труды Вольно-Экономическаго Общ.»)—П. М. Табусинъ.

С.

С. («Голосъ» 1882 г.)—В. В. Стасовъ и Н. П. Собко.
Северинъ (Современные журналы)—Г-жа Мердеръ.
Спортсменъ-пѣшеходъ («Современныя газеты»)—З. О. Саванаевскій.
С. Р. («Маякъ»)—Н. Савельевъ-Ростиславичъ.
Старовъ («Церковно-Обществ. Вѣстникъ»)—И. А. Скворцовъ.
Странствующій рыцарь («Харьковскія губ. вѣд.»)—И. Г. Родзянко.
Стыдливый библіографъ («Отечеств. Зап.»)—М. Е. Салтыковъ.

Т.

Т—нъ («Сынъ Отечества» 1858 г.)—В. В. Толбинъ.
Тимонъ Афинскій («Новое Время» 1883 г.)—А. С. Суворинъ.

Ф.

Ф. («Голосъ», «Новости», «Петерб. Лист.» и др.)—М. П. Федоровъ.

Х.

Ха («Петербургская Газета»)—С. Н. Худековъ.
Хлѣбный Торговецъ («Москов. Вѣд.»)—И. Иванютенковъ.
Художн. А. З. Лед—ъ («Спб. Вѣд.» 1882)—А. З. Ледаковъ.

Ш.

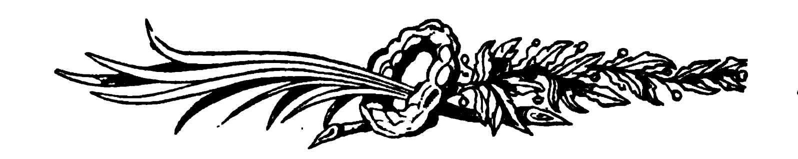
Шагри (Современныя юмористич. журналы)—Г. А. Лишинъ.
Шпора («Петербургскій Листокъ»)—Агѣевскій.
Шурупъ («Минута»)—А. А. Смирновъ.

Э.

Эльпе («Рус. Рѣчь» и «Новое Время»)—Л. К. Поповъ.
Эмъ («Художественный журналъ»)—А. М. Матушинскій.

Ѳ.

Ѳита, Ѳ. и Ѳ. В. (въ разныхъ журналахъ)—Ѳ. И. Булгаковъ.

ПОХОРОНЫ ТУРГЕНЕВА.

День 27-го сентября останется навсегда памятнымъ въ исторіи не только литературы, но и въ исторіи развитія русскаго общества. Никогда общественное самосознаніе не являлось на такой высотѣ, какъ въ день похоронъ перваго русскаго прозаика, преемника по таланту перваго русскаго поэта, ученика перваго русскаго критика, подлѣ котораго Тургеневъ и нашелъ вѣчный покой. Всѣ обвиненія нашего общества въ апатіи, холодности, въ равнодушіи къ высшимъ духовнымъ потребностямъ, въ пристрастіи къ меркантильнымъ интересамъ — исчезли въ виду грандіозной манифестаціи 27-го сентября, доказавшей всѣмъ воочію, что у насъ есть и общественное мнѣніе и горячая любовь къ нашимъ общественнымъ дѣятелямъ и умѣнье выразить эту любовь въ широкихъ, осязательныхъ формахъ. Стотысячная толпа, наполнявшая улицы столицы, по которымъ шла погребальная, торжественная процесія, толпа, собравшаяся выразить свои чувства безъ приказанія и приглашенія, державшая строгій, образцовый порядокъ безъ вмѣшательства полиціи и офиціальнаго элемента, доказала, что она достигла гражданскаго роста, не нуждается ни въ опеканіи, ни въ назиданіи, можетъ обойтись безъ всякихъ внушеній и предостереженій.

Величественную картину встрѣчи Петербургомъ тѣла своего любимаго писателя и проводовъ его въ мѣсто послѣдняго успокоенія никогда не забудутъ очевидцы этого печальнаго торжества. Съ самаго ранняго утра, на подъѣздѣ варшавскаго вокзала, убранномъ трауромъ, сошлось все, что есть замѣчательнаго въ столицѣ—въ мірѣ литературы, науки, искусства, все, что общество чтитъ, знаетъ и уважаетъ. Погребальная колесница съ высокимъ балдахиномъ исчезала подъ громадною массой вѣнковъ, гирляндъ и цвѣтовъ. Тутъ были: пальмовый вѣнокъ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, бѣлый фарфоровый кіевскихъ студентовъ, другой — такой же харьковскихъ студентовъ съ надписью: незабвенному; серебряный — московскаго техническаго училища, кіевской духовной академіи, лавровый—отъ общества берлинской прессы, орловскаго александринскаго института, нѣжинскаго-безбородкинскаго, казанской духовной академіи; множество вѣнковъ было привезено вмѣстѣ съ гробомъ: «отъ русскихъ въ Парижѣ» серебряный, съ такою

же доской, на которой вырѣзаны имена участниковъ—русскаго посла, князя Орлова, французскихъ и русскихъ писателей, художниковъ и др., вѣнокъ отъ семейства Віардо, отъ «Русскихъ Вѣдомостей», отъ городовъ, лежащихъ на пути слѣдованія гроба; отъ города Пскова, отъ училища Луги, отъ гатчинскаго института и проч.; отъ мировыхъ судей петербургскаго уѣзда, отъ присяжныхъ повѣренныхъ московской судебной палаты, отъ петербургскаго дворянскаго сословія, отъ саратовскаго маріинскаго института. Позади гроба, подерживаемаго гг. Стасюлевичемъ, Краевскимъ, Григоровичемъ, Семевскимъ, шли профессора петербургскаго университета, медицинской академіи, писатели, публицисты, редакторы столичныхъ газетъ и ихъ сотрудники, представители юридическаго міра. Впереди гроба шли, протянувшись на двѣ версты, до двухсотъ восьмидесяти депутацій съ вѣнками изъ живыхъ и искуственныхъ цвѣтовъ, изъ бархата, шелка, серебра, фарфора, жести, зелени, стекляруса, съ хоругвями, лирами, девизами, портретами. Тутъ было 48 депутацій разныхъ обществъ и учрежденій, отъ бывшихъ крестьянъ Тургенева и еврейской общины до корпораціи книгопродавцевъ, наборщиковъ, консерваторій, ученыхъ обществъ, артистовъ императорскихъ театровъ; 69 депутацій учебныхъ заведеній отъ начальныхъ школъ до гимназій, лицеевъ, университетовъ; 44 депутаціи отъ періодическихъ изданій, отъ петербургской и московской думы, отъ академіи наукъ. Многіе вѣнки отличались изяществомъ, богатствомъ украшеній и величиною, какъ вѣнокъ студентовъ петербургскаго университета съ портретомъ Тургенева, и отъ совѣта петербургскаго университета, несомый профессорами Меньшуткинымъ, Коркуновымъ и др.; отъ портретной галереи русскихъ писателей, вольно-экономическаго общества, отъ «древняго Новгорода», высшихъ женскихъ курсовъ, женскихъ врачебныхъ курсовъ — съ профессоромъ Бородинымъ, отъ женскихъ гимназій, отъ поляковъ, отъ литературнаго фонда, александровскаго лицея, медицинской академіи, сопровождаемый профессорами Манасеинымъ, Доброславинымъ, Илинскимъ, Тороповымъ, Зварыкинымъ, отъ музыкальныхъ обществъ русской оперы, филармоническаго общества, драматическихъ петербургскихъ и московскихъ артистовъ, отъ болгаръ, отъ польскихъ студентовъ и студентокъ, отъ Ташкента, отъ училища правовѣдѣнія, отъ крестьянъ Орловской губерніи, отъ путиловскаго завода, общества народнаго здравія и др. Эта величественная процесія, освѣщаемая яркимъ солнцемъ, медленно двигалась среди моря зелени, цвѣтовъ, человѣческихъ головъ. По обѣимъ сторонамъ улицъ, всѣ дома, окна, балконы, даже крыши и заборы были заняты огромною массой зрителей, изъ которыхъ многіе присоединялись къ процесіи на пути ея, не смотря на странное приглашеніе, явившееся наканунѣ въ печати: не слѣдовать за гробомъ. Какъ будто кому нибудь можно было запретить отдать послѣдній долгъ усопшему, сопровождая его въ послѣднее жилище!.. Полиція, на пути шествія, стушевывалась. Трактиры, портерныя, питейныя были закрыты. На всемъ пути, въ церкви, на кладбищѣ у могилы самый строгій порядокъ не былъ ничѣмъ нарушенъ. Епископъ Сергій служилъ панихиду съ архимандритами и протоіереями; священникъ Соколовъ, который, какъ было объявлено сначала, долженъ былъ сказать рѣчь надъ гробомъ — не сказалъ ее. Тургенева проводили напутственнымъ словомъ въ могилу два профессора, поэтъ и писатель. Ректоръ университета, профессоръ Бекетовъ, не вдаваясь въ оцѣнку Тургенева, какъ художника, геній котораго признанъ всѣмъ образованнымъ міромъ, обратилъ на писателя вни-

маніе, какъ на глубокаго мыслителя, представившаго вмѣстѣ съ психической стороной человѣческаго бытія и видимыя красоты природы. Какъ естествоиспытатель, профессоръ сравнилъ вліяніе и значеніе Тургенева съ великимъ закономъ сохраненія силъ. «Въ небесныхъ вышинахъ есть столь отдаленныя отъ насъ свѣтила, что свѣтъ ихъ доходитъ до насъ черезъ сотни тысячъ лѣтъ, когда они сами, можетъ быть, уже перестали существовать. Матерія распалась, но силы, оживлявшія ее, продолжаютъ дѣйствовать. Таково физическое представленіе о безсмертіи. Не то ли являютъ намъ силы духовныя, которыя колеблютъ милліоны сердецъ долгое время послѣ распаденія ихъ матеріальной оболочки... Если бы даже имя Тургенева перестало когда либо повторяться, поэтическіе акорды его не перестанутъ развиваясь входить въ составъ новыхъ, болѣе сложныхъ симфоній». Профессоръ Муромцевъ, отъ имени московскаго университетата, сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о писателѣ «дорогомъ русской наукѣ, одушевленномъ идеею гуманности и справедливости, до послѣднихъ лѣтъ жизни оставшемся вѣрнымъ убѣжденіямъ своей молодости». Г. Григоровичъ говорилъ о глубинѣ содержанія въ Тургеневѣ, который, какъ живой родникъ изъ вѣка въ вѣкъ поитъ цѣлое населеніе и, все-таки, продолжаетъ бить живымъ ключомъ. Отчего, со всѣхъ концовъ нашего отечества, лица разныхъ сферъ, и старый и молодой, какъ одинъ человѣкъ, пожелали почтить память Тургенева? «Приказа никакого не было—онъ былъ только литераторъ, другого званія у него нѣтъ, не доказываетъ ли это, что даръ поэзіи не есть эфемерный, заурядный, какъ еще многіе думаютъ. Если бы это было такъ—ничего не было бы изъ того, что происходило цѣлый мѣсяцъ на западѣ и у насъ. А происходитъ торжество великое, тѣмъ болѣе, что въ немъ нѣтъ ничего заказного, вынужденнаго. Въ этомъ торжествѣ есть много поучительнаго для цѣлаго русскаго общества. Благодаря Тургеневу, въ глазахъ всѣхъ русскихъ людей выростаетъ, возвышается значеніе литературныхъ заслугъ, значеніе писателя. Тургеневъ завѣщалъ служить литературѣ также правдиво, честно и благородно, какъ служилъ онъ самъ, въ теченіе всей жизни. Этимъ только русскіе литераторы могутъ достойнымъ образомъ почтить память знаменитаго собрата». Г. Плещеевъ напомнилъ о главной заслугѣ Тургенева, заключающейся въ томъ, что

Когда исполненный смиренья,
Народъ нашъ въ рабствѣ изнывалъ —
Великій день освобожденья
Къ нему онъ страстно призывалъ.

День 27-го сентября описанъ подробно и съ одинаковымъ теплымъ чувствомъ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ. Но сохраняя изъ этихъ описаній черты, заслуживающія перейти въ исторію, не можемъ не упомянуть объ особенности, замѣченной только одною газетой, «Петербургскими Вѣдомостями»: «Нельзя было не обратить вниманія на совершенное отсутствіе офиціальнаго міра на похоронахъ. Не видно было никого изъ государственныхъ людей и никого изъ военныхъ. Какъ объяснить этотъ фактъ? Государство наше вовсе не въ разладѣ ни съ наукою, ни съ литературою, ни съ искусствомъ. Оно во всѣ времена покровительствовало имъ. Тутъ вышло что-то непонятное. Явственно, чего-то недоставало. Съ одной стороны — депутаціи учебныхъ заведеній (кромѣ военныхъ гимназій и училищъ), съ другой — от-

сутствіе такихъ элементовъ, безъ которыхъ нельзя себѣ представить никакой изъ современныхъ формъ общежитія».

Поминки по Тургеневѣ заключились литературнымъ вечеромъ, устроеннымъ литературнымъ фондомъ на другой день похоронъ. Тутъ были опять вѣнки, рѣчи, стихи, оваціи, чтеніе произведеній писателя. М. М. Стасюлевичъ говорилъ о поэтической проницательности Тургенева, представлявшей ему шире и полнѣе идеалы, къ осуществленію которыхъ должно стремиться человѣчество. Г. Анненковъ разбиралъ характеръ писателя. Г. Вейнбергъ подтвердилъ, что Тургеневъ доказалъ своимъ примѣромъ,

Что творческая рѣчь поэта —
Гражданскій подвигъ, что она —
Источникъ воздуха и свѣта,
Что ею движется страна,
Что этотъ человѣкъ не громкій,
Работникъ въ скромной тишинѣ,
Одинъ изъ тѣхъ, кого и дальніе потомки
Глубоко чтить должны съ героемъ наравнѣ.

Г. Полонскій заключилъ свое стихотвореніе объясненіемъ, почему смерть Тургенева не производитъ гнетущаго, прискорбнаго чувства. Поэтъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ:

— А потому, что Русь сама себя вѣнчаетъ
Вѣнцомъ того пѣвца, котораго теряетъ.

мощь близка, я слышу топотъ лошадей... Пользуйтесь временемъ, которое дано вамъ!..

Увѣренный тонъ, съ какимъ говорила Мануэлла, смутилъ суевѣрную толпу, озадаченную ея неожиданнымъ появленіемъ тѣмъ болѣе, что со стороны площади дѣйствительно слышенъ былъ шумъ, похожій на топотъ приближавшейся конницы. Стоявшіе въ первыхъ рядахъ попятились назадъ.

Въ этотъ моментъ въ дверяхъ раздался насмѣшливый хохотъ.— Чего вы развѣсили уши, друзья мои! крикнулъ чей-то голосъ. Не слушайте ея проповѣдей, она ловко проведетъ васъ! Впередъ, товарищи, «Богъ за короля и старую Англію!»

Но толпа молча разступилась передъ Мануэллой. — Ты опять здѣсь, Георгъ Виллье! воскликнула она, подходя къ двери. Я узнала твой голосъ. Но помни, что этотъ домъ принесетъ тебѣ несчастіе. Господь, именемъ котораго ты прикрываешь свои злыя намѣренія, поразитъ тебя! Іегова Богъ Израиля пошлетъ Ангела своего...

— Довольно, прекрасное дитя мое, прервалъ ее тотъ же знакомый и ненавистный для нея голосъ. Всѣ эти заклинанія были очень эффектны на чердакѣ Чирдерлейскаго замка и произвели на меня впечатлѣніе, потому что были новы для меня. Но совѣтую тебѣ не повторять два раза одну и ту же исторію; даже ангелы на небесахъ не терпятъ повтореній!

Въ это время толпа, хлынувшая съ улицы, оттѣснила отъ дверей Мануэллу, которая очутилась въ темнотѣ, и двѣ сильныя руки схватили ее за талью.

— Бокингемъ! закричала она, если ты не оставишь меня въ покоѣ, то я убью тебя.

— Блаженство или гибель, небо или адъ, я на все согласенъ, лишь бы не разлучаться съ тобой, моя ненаглядная. Ты не ошиблась, я Бокингемъ, который поклялся, что будетъ обладать тобой и онъ сдержитъ свою клятву.

Можетъ быть мертвой, но не живой, возразила Мануэлла.

— Наконецъ-то! прошепталъ влюбленный юноша, прижимая ее къ своему сердцу. Но она съ силой отчаянія бросилась на него.

— Сюда, Пиккерлингъ, крикнулъ герцогъ. Помоги, Божій человѣкъ, только пожалуйста не твоими молитвами. Трусъ, ты боишься женщинъ. Освободи меня отъ ея руки! Она вцѣпилась въ меня, какъ кошка... Ну хорошо, спасибо!.. Теперь, друзья мои, сказалъ онъ громкимъ голосомъ, обращаясь къ толпѣ, грабьте и хватайте все, что вамъ попадется подъ руку; раззорите до тла это жидовское гнѣздо, а когда будете уходить, не забудьте подбросить огня въ щели и подъ крышу. Ура!

— Ура! завопила толпа. Богъ за короля Карла и старую Англію!

Герцогъ Бокингемъ воспользовался этой минутой, чтобы увлечь за собой Мануэллу; Пиккерлингъ съ трудомъ догналъ ихъ у во-

ротъ. Въ это время со стороны площади послышался конскій топотъ и бряцаніе падающихъ цѣпей. Это былъ драгунскій полкъ, который, очистивъ площадь, въѣхалъ въ небольшую улицу «Дике». Тускло горѣли факелы въ лондонскомъ туманѣ, освѣщая красноватымъ свѣтомъ красивую фигуру молодаго полковника, ѣхавшаго впереди. Мануэлла тотчасъ же узнала его. — Франкъ Гербертъ! крикнула она; но Бокингемъ зажалъ ей ротъ рукой.

— Сюда, сказалъ онъ своему товарищу. Мы должны добраться до этого угла пока не началась свалка!

Толпа, стоявшая передъ домомъ еврея загородила дорогу кавалеріи; раздался ружейный залпъ, и первая кровавая жертва этого дня упала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома Авраама.

Между тѣмъ герцогъ и Пиккерлингъ тащили за собой Мануэллу; она не въ силахъ была долѣе сопротивляться и, чувствуя, что скоро потеряетъ сознаніе, машинально повторяла молитвы. Послѣднее, что̀ она видѣла—это были лодка и вода.

ГЛАВА IX.

Ужинъ у графини Дизаръ.

Медленно подвигалась лодка вверхъ по теченію Темзы; холодный туманъ покрывалъ воду и берегъ. Не слышно было ни одного звука кромѣ мѣрныхъ ударовъ веселъ и плеска воды. Мануэлла лежала на днѣ лодки, прислонивъ голову къ скамьѣ; сырость и холодное дуновеніе ночи освѣжили ее; сознаніе опять вернулось къ ней, хотя она чувствовала ломоту и оцѣпененіе во всемъ тѣлѣ.

Герцогъ покрылъ ее своимъ плащемъ.

— Мануэлла, сказалъ онъ, взявъ ее за руку, теперь ты могла убѣдиться въ моемъ постоянствѣ; ничто не могло охладить моей любви, ни долгая разлука, ни твое суровое обращеніе со мной. Пламя, которое ты зажгла въ моей груди, горитъ сильнѣе чѣмъ когда нибудь, для него не существуетъ никакихъ преградъ или законовъ. Мануэлла, я люблю тебя! Ты видишь я у ногъ твоихъ... у меня герцогская корона; я товарищъ молодости принца Уэльскаго будущаго короля Англіи! Ни одна женщина, хотя бы она обладала молодостью, красотою, громкимъ титуломъ не отказалась бы выслушать мемя! Но ты Мануэлла дороже для меня всѣхъ красавицъ, потому что я люблю тебя. Я готовъ пожертвовать всѣмъ, что̀ придаетъ цѣну жизни въ глазахъ свѣта, и бѣжать съ тобой въ самую отдаленную пустыню. Позволь мнѣ поцѣловать твою руку...

Рѣчной туманъ становился все гуще и покрывалъ своимъ непроницаемымъ покровомъ лодку и сидящихъ въ ней людей. Мануэлла слышала каждое слово; ей хотѣлось встать, оттолкнуть навязчиваго поклонника, къ которому она ничего не чувствовала кромѣ презрѣнія и ненависти, но она но могла сдвинуться съ мѣста; только рука ея слегка дрогнула въ рукѣ герцога. Этого едва замѣтнаго движенія было достаточно, чтобы довести до крайней степени возбужденія влюбленнаго юношу; онъ еще ниже наклонился къ нней.

— Ты слышишь меня, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ; я могу упиваться твоимъ теплымъ дыханьемъ и ради этого блаженства готовъ состязаться съ цѣлымъ міромъ. Моя дорогая, ненаглядная, теперь я не выпущу тебя изъ моихъ объятій. Моя тогдашняя неудача произошла отъ того, что деревенскій неучъ, Слингсби, вздумалъ спасать меня отъ мнимой опасности, но я какъ слѣдуетъ отплатилъ ему за это; онъ будетъ помнить меня! Съ тѣхъ поръ прошло три года; я былъ тогда молодъ и неопытенъ, но и въ то время любилъ тебя! Помнишь ли ты вечеръ въ Чильдерлейскомъ замкѣ, мой милый донъ Мануэль? Улыбнись твоему рыцарю, который съ опасностью жизни, освободилъ тебя изъ низкой среды и вырвалъ изъ когтей жалкаго ростовщика! Скажи одно слово, сердитая красавица, чтобы я могъ закрыть поцѣлуями твои прелестныя губы. Я искуплю вину свою, сдѣлаюсь покровителемъ и защитникомъ твоего племени; для него наступятъ забытые дни въ Англіи... Другъ мой, Пиккерлингъ, открой же, наконецъ, свои медоточивыя уста и помоги мнѣ своей мудростью. Я давно не читалъ библіи, но помню, что какой-то царь женился на еврейкѣ, возвелъ ея дядю въ званіе перваго министра и, если не ошибаюсь, приказалъ повѣсить врага евреевъ...

— Не совѣтую вамъ довѣрять этому племени, пробормоталъ сквозь зубы пуританинъ, еврейка отрубила голову Олоферну.

Но герцогъ не разслышалъ замѣчанія своего товарища, который, скорчившись отъ холода, сидѣлъ на носу лодки и со страхомъ вглядывался въ берегъ, гдѣ изъ тумана мало-по-малу стали выдѣляться абрисы стѣнъ, въ видѣ неопредѣленной темной массы горъ, нагроможденныхъ другъ около друга.

— Многое измѣнилось со времени нашей послѣдней разлуки, продолжалъ герцогъ,—мы участвовали во многихъ сраженіяхъ, нюхали порохъ, видѣли кровь... Неужели тотъ, кто привыкъ ставить на карту свою жизнь и встрѣчался лицомъ къ лицу съ смертью, не съумѣетъ покорить строптивое сердце дѣвушки! Мы плывемъ противъ теченія Мануэлла, туманъ окружаетъ насъ, но мы все-таки подвигаемся впередъ и будущность принадлежитъ намъ. Войска стоятъ на готовѣ и ждутъ сигнала, чтобы вступить въ битву. Когда мы возвратимъ королю его престолъ, королевѣ ея супруга, тогда я

явлюсь передъ ихъ величествами и, въ награду за мою вѣрную службу, испрошу у нихъ дозволенія жениться на тебѣ. Клянусь честью дворянина, что я исполню это...

Лодка въ это время настолько приблизилась къ берегу, что можно было различить массивныя ворота, отъ которыхъ шла широкая каменная лѣстница до самой воды. За ними, среди темныхъ деревьевъ возвышались массивныя стѣны увѣнчанныя башнями съ длинными мрачными окнами. Это былъ «Iork-Haus» городской дворецъ герцога Бокингема, который по величинѣ, массивности и великолѣпію внутренняго убранства не только могъ выдержать сравненіе со многими королевскими дворцами, но даже превосходилъ нѣкоторые изъ нихъ. Но кто въ состояніи описать испугъ благочестиваго пуританина, когда онъ увидѣлъ сигнальные огни, которые фантастически освѣщали мраморныя арки воротъ своимъ красноватымъ свѣтомъ.

— Милордъ! воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ. Что это значитъ! Садъ переполненъ людьми... Господи не оставь насъ! Это красные мундиры!..

Слова эти заставили очнуться герцога, который быстро вскочилъ на ноги.

— За весла! скомандовалъ онъ вполголоса матросамъ, которые начали причаливать.—Развѣ вы не видите, что̀ дѣлается на берегу. Кланусь святымъ Георгомъ они у меня въ саду. Толкните назадъ лодку, еще минута и мы будемъ въ ихъ власти!

— Кто идетъ! крикнулъ часовой, стоявшій у воротъ, услыхавъ шумъ на берегу.

— Тише, осторожнѣе опускайте весла! проговорилъ шопотомъ герцогъ. Сердце его сжалось отъ мрачнаго предчувствія: вмѣсто брата, котораго онъ надѣялся встрѣтить на берегу, онъ видѣлъ красные мундиры парламентской арміи.—Неужели Францисъ попалъ въ ихъ руки? промелькнуло въ его головѣ.

Въ это время вторично раздался окликъ часоваго; но матросамъ уже удалось отчалить и отъѣхать на средину рѣки, гдѣ они могли свободно грести подъ прикрытіемъ тумана. Вскорѣ они замѣтили лодку, которая медленно приближалась къ нимъ съ противоположной стороны; вслѣдъ затѣмъ послышался тихій голосъ:—Георгъ, ты ли это?

— Да, очень радъ, что вижу тебя, отвѣтилъ герцогъ, отдавъ приказъ матросамъ грести на встрѣчу.

Чрезъ минуту въ лодку прыгнулъ молодой человѣкъ.

— Францисъ, спросилъ торопливо герцогъ Бокингемъ, пожимая руку младшему брату,—скажи ради Бога, что̀ случилось?

— Все потеряно, Кромвель занялъ Iork-Haus!

— Еще этого не доставало! воскликнулъ съ досадой Бокингемъ.

— Мнѣ удалось спасти свою жизнь бѣгствомъ, сказалъ герцогъ Вилье, Кромвель отдалъ приказъ арестовать насъ обоихъ и съ этой

цѣлью прислалъ сюда капитана съ многочисленнымъ отрядомъ. Теперь ты можешь считать себя человѣкомъ стоящимъ внѣ закона, также какъ и я.

— А возстаніе въ Сити? спросилъ Бокингемъ.—Мнѣ пришлось удалиться съ поля сраженія въ тотъ самый моментъ, когда началась свалка между парламентскими войсками и нашими ребятами на улицѣ Дике...

— Бунтъ принялъ громадные размѣры, продолжалъ Вилье,— все пришло въ движеніе, драка происходила чуть ли не на всѣхъ улицахъ Сити. Ежеминутно прибывали новыя подкрѣпленія черезъ «Temple Bar». Когда я сѣлъ въ лодку, то весь берегъ имѣлъ видъ укрѣпленнаго лагеря; вездѣ горѣли бивуачные огни; выстрѣлы были слышны до самаго Уайтголя.

— Чортъ возьми! Досадно, что меня не было при этомъ, возразилъ Бокингемъ. Но къ несчастью нельзя служить одновременно двумъ богамъ: Марсъ и Амуръ теперь не ладятъ другъ съ другомъ; и богъ любви одержалъ побѣду въ моемъ сердце. Посмотри, вотъ и моя плѣнная красавица!

Съ этими словами легкомысленный кавалеръ указалъ на Мануэллу, лежавшую на днѣ лодки.

— Что мы будемъ дѣлать Георгъ? спросилъ герцогъ Виллье, бросивъ боязливый взглядъ на несчастную дѣвушку.

— Я думаю, что намъ ничего не остается, какъ прибѣгнуть къ гостепріимству графини Дизаръ. Домъ ее недалеко отсюда и стоитъ внѣ города, такъ что тамъ вѣроятно все спокойно. Чтò ты скажешь на это мой другъ Пиккерлингъ?

Но пуританинъ былъ слишкомъ осторожевъ, чтобы сразу отвѣтить на этотъ вопросъ. Послѣ несчастной потери письма лорда Голлиса онъ перешелъ на службу графа Лаудердаля, одного изъ предводителей шотландскихъ пресвитеріанъ, который имѣлъ домъ въ Лондонѣ и по временамъ жилъ тамъ. Графъ Лаудердаль передъ своей послѣдней поѣздкой въ Шотландію отрекомендовалъ своего слугу графинѣ Дизаръ, съ которой онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такимъ образомъ Пиккерлингъ могъ до тонкости изучить нравы высшаго дворянства, и въ нѣсколько мѣсяцевъ съумѣлъ настолько заслужить милось своей новой госпожи, что она возвела его въ званіе дворецкаго.

Пиккерлингъ зналъ, что сегодня вечеромъ графиня Дизаръ менѣе чѣмъ когда нибудь расположена была принимать постороннихъ посѣтителей, такъ какъ она даже сочла нужнымъ отослать его самого изъ дому подъ предлогомъ передачи письма графу Лаудердалю. Въ этомъ письмѣ она просила графа задержать ея дворецкаго и занять его до поздней ночи какимъ нибудь порученіемъ, чтобы удалить его изъ Ham-Haus'a. Пиккерлингъ, по своему обыкновенію, не

замедлилъ познакомиться съ содержаніемъ порученнаго ему письма и убѣдился, что его госпожа не совсѣмъ довѣряетъ ему. Съ другой стороны его мучило любопытство; онъ не сомнѣвался, что графиня имѣла какія нибудь особенно важныя причины, чтобы принимать подобныя предосторожности. Она повидимому ждала гостей, но во всякомъ случаѣ не одного графа Лаудердаля, потому что знатныя дамы въ то время не стѣснялись принимать открыто своихъ любовниковъ во всякую пору дня и ночи. Поэтому онъ очень неохотно отправился на «Moorfield» по приказанію графа Лаудердаля; затѣмъ, благодаря страху, испытанному имъ среди разъяренной толпы, онъ почти забылъ о занимавшей его тайнѣ. Но теперь, когда онъ неожиданно очутился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Ham-Haus'а, любопытство опять овладѣло имъ, тѣмъ болѣе, что представлялась возможность проникнуть туда подъ прикрытіемъ имени герцога Бокингема.

— Врядъ ли это будетъ возможно, милордъ! отвѣтилъ онъ нерѣшительнымъ тономъ, послѣ нѣкотораго молчанія.—Графиня ждетъ гостей сегодня вечеромъ...

— Тѣмъ лучше! воскликнулъ Бокингемъ.—Тебѣ вѣроятно извѣстенъ каждый уголъ въ замкѣ. Ты сведешь насъ въ какую нибудь отдаленную комнату.

— Если вамъ угодно, милордъ, въ Ham-Haus'ѣ есть одна башня...

Бокингемъ молча кивнулъ головой въ знакъ согласія.

Между тѣмъ лодка отъѣхала значительное разстояніе отъ Jork-Haus'а, ворота котораго едва виднѣлись издали въ красноватомъ отблескѣ сторожевыхъ огней. Еще нѣсколько ударовъ веселъ и лодка, обогнувъ небольшой мысъ, причалила къ берегу.

Мануэлла съ испугомъ вскочила на ноги; но, прежде чѣмъ она успѣла произнести слово или призвать на помощь, Бокингемъ вынесъ ее изъ лодки и быстро увлекъ за собою по темной аллеѣ ведущей къ замку. Вслѣдъ затѣмъ она очутилась въ узкомъ каменномъ зданіи; герцогъ заставилъ ее подняться на высокую темную лѣстницу и ввелъ въ большую неосвѣщенную залу, гдѣ въ огромномъ каминѣ ярко горѣли дрова.

— Что это значитъ! воскликнулъ онъ съ удивленіемъ, замѣтивъ при мерцающемъ свѣтѣ огня, горѣвшаго въ каминѣ, большой накрытый столъ съ разставленной на немъ серебряной посудой, кубками и бутылками. Почему графиня вздумала принимать своихъ гостей въ этой полуразрушенной башнѣ!

Въ эту минуту въ залу вбѣжалъ Пиккерлингъ, который изъ осторожности остался внизу и теперь отъ сильнаго испуга не могъ выговорить ни одного слова. Онъ надѣялся напасть на слѣдъ тайны и вмѣсто этого сразу узналъ всю сущность ея. Милордъ, воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ, спрячьтесь скорѣе! Идутъ. Они не должны видѣть насъ!..

— Кто идетъ? почему мы должны прятаться отъ нихъ? спросилъ герцогъ Бокингемъ.

— Это все знатные лорды, графы, маркизы, я даже не знаю нѣкоторыхъ изъ нихъ!.. проговорилъ поспѣшно Пиккерлингъ, толкнувъ Бокингема и Мануэллу въ сосѣднюю камнату, которая была отдѣлена отъ залы тяжелой портьерой.

— Наша фамилія считается самой знатной въ Англіи. Никто не откажетъ мнѣ въ правѣ занять мѣсто между этими господами, сказалъ Францисъ Вилье, опускаясь въ кресло, стоявшее у камина, между тѣмъ, какъ Пиккерлингъ быстро исчезъ черезъ потаенную дверь.

Вскорѣ по каменной витой лѣстницѣ раздался шумъ шаговъ; двое слугъ внесли тяжелые серебряные шандалы, и темная зала внезапно освѣтилась яркимъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей. Вслѣдъ затѣмъ, слуги поспѣшно удалились; вошла графиня Дизаръ и обращаясь къ кавалерамъ, стоявшимъ на верхней площадкѣ лѣстницы, сказала:

— Прошу васъ войти милорды, въ этой башнѣ ни одно человѣческое ухо не можетъ подслушать насъ!

Но тутъ какъ бы въ наказаніе за ея увѣренность, она увидѣла Франциса Вилье, который подошелъ къ ней быстрыми шагами: Миледи, сказалъ онъ, цѣлуя ея руку, я случайно узналъ объ этомъ собраніи и поспѣшилъ сюда, такъ какъ никто не можетъ сомнѣваться въ моей преданности его величеству.

Графиня Дизаръ сильно смутилась въ первую минуту, но какъ умная женщина, скоро овладѣла собой. — Подойдите сюда милордъ, чтобы я могла представить васъ моимъ гостямъ! сказала она съ любезной улыбкой. Приверженцы короля не могутъ имѣть никакихъ тайнъ отъ сыновей герцога Бокингема.

Общество состояло изъ представителей высшей знати Англіи и Шотландіи, изъ эмигрантовъ и отчасти изъ сосланныхъ, которые подъ страхомъ смертной казни не смѣли являться въ Лондонъ. Вслѣдствіе этого, при посредствѣ графа Лаудердаля, рѣшено было назначить тайное сборище въ уединенномъ замкѣ графини Дизаръ, чтобы окончательно условиться относительно общаго плана дѣйствій.

Хозяйка дома представила молодаго герцога нѣкоторымъ изъ наиболѣе выдающихся личностей, принимавшихъ участіе въ послѣднемъ движеніи. Они отличались въ первыхъ битвахъ междоусобной войны и затѣмъ принуждены были оставить родину или проживать въ бездѣйствіи въ своихъ замкахъ. Герцогъ Вилье не былъ лично знакомъ съ ними, но хорошо помнилъ ихъ имена, особенно знаменитаго маркиза Ормонда, одного изъ самыхъ великодушныхъ и смѣлыхъ приверженцевъ короля, который пожертвовалъ для него своимъ огромнымъ состояніемъ и по прежнему готовъ былъ защищать его до послѣдней капли крови.

—`Очень радъ, что случай доставилъ мнѣ возможность познакомиться съ вами, молодой человѣкъ, сказалъ Ормондъ, пожимая руку герцогу Виллье. Вы очень похожи на вашего благороднаго отца, который погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ насильственною смертью.

— Кто изъ насъ не оплакивалъ потерю близкаго человѣка въ продолженіе этой несчастной междоусобной войны, и кто не пожертвуетъ всѣмъ, что̀ ему дорого для защиты короля.

— Прекрасно сказано, сынъ мой! воскликнулъ растроганный Ормондъ. Эти слова достойны храбраго кавалера!

— Но развѣ вы сами, милордъ, не подали намъ хорошій примѣръ! Сколько разъ въ дѣтствѣ слышалъ я сказочные, но правдивые разсказы о неустрашимомъ маркизѣ Ормондѣ, самомъ богатомъ пэрѣ Ирландіи, который покинулъ свои княжескія владѣнія, чтобы поддержать въ кровавомъ бою знамя его величества. Но счастье измѣнило благородному маркизу; ему пришлось крейсировать по морю на жалкомъ суднѣ въ бурную зимнюю погоду, такъ что онъ какимъ-то чудомъ достигъ береговъ Франціи. Теперь совершилось еще большее чудо, онъ опять въ Лондонѣ, гдѣ возсталъ народъ, чтобы сбросить съ себя ненавистное иго солдатскаго господства и признать власть своего законнаго повелителя.

Маркизъ Ормондъ грустно улыбнулся при послѣднихъ словахъ: — Дѣйствительно, я не ожидалъ, что мнѣ снова придется увидѣть родину! Но если узнаютъ о моемъ возвращеніи, то завтра я буду въ Тауэрѣ, а послѣ завтра въ рукахъ палача. Тѣмъ не менѣе я надѣюсь, не далѣе какъ завтра вечеромъ, быть въ виду Ирландіи, гдѣ меня ожидаютъ съ нетерпѣніемъ... Жатва готова, жнецы не должны мѣшкать!

Молодой герцогъ слушалъ съ замираніемъ сердца своего любимаго героя. — А мы? когда призовутъ насъ къ бою? спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Завтра, съ восходомъ солнца! Мы не можемъ болѣе терять ни одной минуты. Возстаніе въ Сити должно служить сигналомъ къ бою; необходимо поддержать пламя, пока оно не охватитъ всего королевства. Позвольте представить васъ графу Голланду; завтра онъ объявитъ войну за короля въ южныхъ графствахъ, а вотъ и храбрый Питерборо и нашъ адмиралъ Баттенъ, который выведетъ флотъ изъ дюнъ-Кента въ Кале и оставитъ на мели стараго адмирала бунтовщиковъ!.. Увидимъ, что̀ онъ будетъ дѣлать безъ флота!

Маркизъ засмѣялся при этихъ словахъ; но вслѣдъ затѣмъ лицо его приняло прежнее серьезное выраженіе. Я не вижу графа Лаудердаля, сказалъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ дома. Чѣмъ объяснить его медленность?

— Не безпокойтесь г-нъ маркизъ, графъ Лаудердаль непремѣнно явится сюда; я послала ему письмо черезъ надежнаго че-

ловѣка. Не забудьте, что онъ живетъ въ Сити, а сегодня не такъ легко пройти черезъ городскіе ворота; быть можетъ ему пришлось проложить себѣ дорогу съ шпагой въ рукѣ. Но я не боюсь за него; Лаудердаль не только храбрый, но и вѣжливый кавалеръ.

Графиня произнесла послѣднія слова съ свойственной ей обворожительной улыбкой, которая появлялась у нея всякій разъ, когда она разговаривала съ мужчинами.

— Если вы это говорите, миледи, то мы можемъ быть совершенно спокойны, возразилъ маркизъ съ низкимъ поклономъ. Лаудердаль не могъ получить похвалы изъ болѣе прекрасныхъ и достовѣрныхъ устъ. Эта рука, которая съумѣла обуздать суроваго сына горъ (маркизъ любезно поцѣловалъ руку графини) можетъ служить ручательствомъ, что вѣрный подданный и вассалъ явится на зовъ своей повелительницы.

Въ словахъ маркиза Ормонда заключался явный намекъ на отношенія графини къ Лаудердалю, но такъ какъ это было въ нравахъ того времени, то она нисколько не оскорбилась, тѣмъ болѣе, что не считала нужнымъ скрывать свою давнишнюю любовную связь.

— Вы заставляете меня краснѣть, маркизъ! сказала она съ милой улыбкой.

— Розовый цвѣтъ всего больше подходитъ къ розамъ и женщинамъ!

— Я не ожидала отъ васъ такихъ любезностей маркизъ!

— Вы правы—для меня стараго рубаки, отъ котораго бѣгутъ граціи и отвернулась сама фортуна остался одинъ суровый богъ войны; ему служатъ наперекоръ его желанія и вырываютъ у него каждую милость сталью! Но, если женщины отвергаютъ мое поклоненіе, то это нисколько не мѣшаетъ мнѣ выразить имъ мою благодарность? Не вы ли графиня сообщили намъ радостную вѣсть, которую узнали отъ графа Лаудердаля, что завтра нашъ дорогой король выйдетъ изъ Каррисбрука съ помощью подкупленной стражи и освободитъ насъ отъ ненавистнаго ига. Завтра графъ будетъ на пути къ Шотландіи, а Гамильтонъ перейдетъ границу... Жаль, что до сихъ поръ нѣтъ Лаудердаля: онъ сообщилъ бы намъ всѣ подробности своего свиданія съ его величествомъ!..

Затѣмъ маркизъ опять обратился къ герцогу Виллье: позвольте познакомить васъ, сказалъ онъ, съ этимъ почтеннымъ джентльменомъ, который первый поднялъ королевское знамя въ Кембриджѣ и вмѣстѣ съ сэромъ Жильбертомъ Байвономъ навербовалъ войско и призвалъ къ оружію всѣхъ благомыслящихъ дворянъ среднихъ графствъ. Однимъ словомъ, милордъ, позвольте представить вамъ чильдерлейскаго баронета, сэра Товія Кутсъ.

При этомъ имени въ сосѣдней комнатѣ послышался подавленный возгласъ и зашевелилась тяжелая портьера.

Герцогъ Вилльe измѣнился въ лицѣ, всѣ присутствующіе переглянулись съ испугомъ; но хозяйка дома успокоила ихъ:

— Не будьте въ претензіи милорды, сказала она своимъ обычнымъ шутливымъ тономъ. Эта старая башня давно не видала такого множества гостей. Мы нарушили спокойствіе ея единственныхъ обитателей, крысъ и мышей. Въ обыкновенное время здѣсь расхаживаютъ на свободѣ привидѣнія и свиститъ ночной вѣтеръ, такъ что я побоялась бы войти сюда. Но сегодня эта зала имѣетъ совсѣмъ иной видъ. Неугодно ли вамъ сѣсть за освѣщенный столъ милорды, мы не почувствуемъ ночной сырости возлѣ камина.

Сэръ Товій дружески протянулъ руку молодому герцогу. — Да поможетъ мнѣ Господь, сказалъ онъ ласковымъ тономъ, я былъ хорошо знакомъ съ вашимъ отцомъ, милордъ.

— Многоуважаемый баронетъ, возразилъ герцогъ Вилльe пересиливъ свое безпокойство; очень радъ, что имѣю возможность познакомиться съ вѣрнымъ приверженцемъ короля. Три года тому назадъ вы оказали гостепріимство моему брату и скрыли его въ Чильдерлейскомъ замкѣ, несмотря на опасность, которой вы подвергались изъ-за него.

— Стоитъ ли говорить объ этомъ милордъ! Мы исполнили свой долгъ. Братъ вашъ пріѣхалъ изъ Голландіи съ моимъ старымъ товарищемъ Слингсби, который везъ письмо королевы ея супругу. Тогда при вашемъ братѣ былъ пажъ, который оказался переодѣтой женщиной; я разумѣется не сталъ бы осуждать его за подобную продѣлку; виновата сама женщина, если она поддается на такія вещи. Но къ несчастію эта исторія имѣла непріятныя послѣдствія для меня лично; на слѣдующее утро мнимый пажъ упалъ съ лошади и его принесли въ мой домъ окровавленнаго и безъ чувствъ. Вмѣсто Мануэля, какъ его называлъ вашъ братъ, оказалась Мануэлла, молодая дѣвушка однѣхъ лѣтъ съ моей дочерью, которая стала просить за нее. Что мнѣ оставалось дѣлать милордъ? Не могъ я выгнать изъ дому больную дѣвушку, брошенную на чужой сторонѣ! Однимъ словомъ дѣло кончилось тѣмъ, что я согласился принять ее, и она оставалась два года въ моемъ домѣ. Не находите ли вы, милордъ, что это было слишкомъ долго!..

Герцогъ Вилльe, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, придумывая новую тэму для разговора, такъ какъ они стояли на разстояніи десяти шаговъ отъ портьеры, за которой можно было разслышать каждое слово, сказанное баронетомъ.

— Мнѣ говорили, что вы. сэръ Товій въ то время не принимали участія въ войнѣ, сказалъ герцогъ, такъ какъ васъ связывало честное слово, данное Кромвелю. Если не ошибаюсь, вы близкій родственникъ этого дворянина?

Лицо сэра Товія побагровѣло отъ гнѣва и стыда; онъ ударилъ съ такой силой по рукояткѣ своей сабли, что она загремѣла о ка-

менный полъ. Остальные гости невольно оглянулись и стали прислушиваться.

— Дѣйствительно, слово, данное мною умирающей женѣ, долго удерживало меня. Но преступленія, которыя совершаются теперь, превосходятъ все то, что дѣлалось до сихъ поръ! Когда я узналъ отъ моего сына, который удостоился чести быть пажемъ его величества, что Карлъ I запертъ въ тѣсную темницу на уединенномъ островѣ, то я отправился въ это же утро на могилу моей покойной жены и сказалъ: — Ветси, неслыханное дѣло совершилось; долгъ чести обязываетъ меня освободить короля или умереть за него! Затѣмъ я созвалъ моихъ слугъ, арендаторовъ и сосѣдей, сообщилъ имъ грустную новость; никто изъ нихъ не задумался послѣдовать за мной... Жаль, что теперь темно милордъ, я подвелъ бы васъ къ окну этой башни, чтобы показать вамъ мое маленькое войско. Оно расположено лагеремъ на открытомъ полѣ близъ Темзы и ожидаетъ моего возвращенія и перваго сигнала, чтобы броситься на непріятеля.

— Имъ не долго придется ожидать! сказала графиня, вмѣшиваясь въ разговоръ. Мы также должны будемъ скоро разстаться милорды; поэтому сядемте за столъ и воспользуемся послѣдними минутами, которыя мы можемъ провести вмѣстѣ.

Съ этими словами она взяла подъ руку почтеннаго баронета, но едва сдѣлали они нѣсколько шаговъ, какъ за портьерой раздался отчаянный крикъ и въ залу вбѣжала Мануэлла съ раскраснѣвшимся лицомъ; коса ея распустилась, платье было смято и разорвано въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Кавалеры схватились за шпаги. Измѣна! воскликнули они въ одинъ голосъ.

Мануэлла повидимому не замѣчала ихъ присутствія; глаза ея были устремлены на графиню; она бросилась передъ нею на колѣни и проговорила съ рыданіемъ:—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вы обѣщали мнѣ свое покровительство миледи, окажите его теперь... Вырвите меня изъ рукъ злодѣя, который едва не погубилъ меня, если бы Господь не послалъ васъ для моего спасенія!

Прежде чѣмъ хозяйка дома, взволнованная не менѣе всѣхъ гостей, нашлась что отвѣтить, баронетъ громко воскликнулъ: Да поможетъ мнѣ Господь! Опять эта дѣвушка... Дурной знакъ, она явилась сюда, какъ привидѣніе.

Въ это время изъ содней комнаты вышелъ герцогъ Бонингемъ блѣдный и разстроенный; его младшій братъ краснѣя опустилъ глаза.

Многіе изъ присутствующихъ знали лично Бокингема; но никто не рѣшался заговорить съ нимъ; одинъ маркизъ Ормондъ неодобрительно покачалъ головой: — Милордъ, проговорилъ онъ тономъ упрека.

Бокингемъ подошелъ къ нему и, положивъ на его плечо дрожащую руку, сказалъ вполголоса: — Она все слышала и выдастъ насъ! При этомъ онъ бросилъ на несчастную дѣвушку гнѣвный взглядъ, въ которомъ выразилась глубокая непримиримая ненависть.

Графиня Дизаръ была испугана едва ли не болѣе всѣхъ. До сихъ поръ, стоя въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ роялистами, она тщательно и съ полнымъ успѣхомъ отстраняла отъ себя всякій поводъ къ подозрѣнію со стороны противной партіи. Но теперь она внезапно очутилась среди непредвидѣнной опасности; еслибы кто-либо изъ окружающихъ ее былъ въ состояніи заниматься наблюденіями, то онъ безъ труда прочелъ бы на прекрасномъ лицѣ графини волновавшія ее чувства: малодушный страхъ въ самой непривлекательной формѣ и желаніе спасти себя какой бы-то ни было цѣной.

Появленіе графа Лаудердаля на минуту отвлекло ея вниманіе.

— Если я остался живъ, среди всѣхъ пуль направленныхъ противъ меня, то долженъ приписать это чуду!—сказалъ онъ сбросивъ съ себя плащъ и шляпу покрывавшую его рыжіе взъерошенные волосы.

Затѣмъ онъ съ вѣжливымъ поклономъ подошелъ къ графинѣ, которая сообщила ему въ короткихъ словахъ о случившемся. Грубыя черты лица его приняли еще болѣе суровое выраженіе.

— Тутъ нѣтъ другого исхода, сказалъ Лаудердаль, она должна умереть!

— Разумѣется! добавилъ Бокингемъ; въ подобныхъ случаяхъ это самая разумная мѣра!

— Миледи и милорды, сказалъ герцогъ Вилльe, я моложе всѣхъ васъ и поэтому прошу извинить меня, что рѣшаюсь высказать свое мнѣніе. Еслибы кто нибудь изъ васъ зналъ также, какъ я, почему эта дѣвушка очутилась здѣсь, то навѣрное счелъ бы своимъ долгомъ заступиться за нее.

Все равно, права она или нѣтъ, возразилъ Лаудердаль; но никто не спрашиваетъ объ этомъ, когда дѣло идетъ объ освобожденіи короля и безопасности его друзей.

Герцогъ Вилльe поднялъ съ полу плачущую Майуэллу: — поклянись твоимъ Богомъ, что ты не измѣнишь намъ, сказалъ онъ. Понимаешь ли, тѣмъ Богомъ, въ котораго вѣруютъ евреи.

— Какъ! она жидовка? воскликнули всѣ въ одинъ голосъ. Сэръ Товій съ гнѣвомъ ударилъ своей саблей о полъ:

— Еще этого не доставало! сказалъ онъ. Теперь я понимаю, почему я съ перваго раза почувствовалъ къ ней такое отвращеніе. Нечего жалѣть жидовки, милорды! Прикажите убить ее; и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Герцогъ Вилльe продолжалъ: — Поклянись твоей жизнью, что ты никому не скажешь о томъ, что ты видѣла и слышала здѣсь!

— Я не придаю никакого значенія жизни, но мнѣ дороже всего на свѣтѣ дочь этого человѣка, возразила Мануэлла указывая на баронета. Поэтому клянусь именемъ Оливіи.

— Этого достаточно! воскликнулъ герцогъ, обращаясь къ графинѣ. Вѣроятно у васъ миледи, найдется въ этой башнѣ, какое нибудь мѣсто, куда можно было бы ее запереть на нѣсколько дней.

— Я увѣрена, что она предастъ насъ! сказала вполголоса графиня и, сдѣлавъ знакъ Мануэллѣ, чтобы она слѣдовала за нею, повела ее черезъ потаенную дверь въ верхній этажъ башни. Но едва стали онѣ подниматься по лѣстницѣ, какъ около нихъ промелькнула чья-то фигура. Графиня опомнившись отъ перваго испуга, сразу догадалась, что это былъ никто иной, какъ ея дворецкій Пиккерлингъ. Измѣна со всѣхъ сторонъ! подумала она, дѣлать нечего! рѣшено!..

Графиня ввела Мануэллу въ темную комнату и заперевъ дверь на ключъ, вернулась къ своимъ гостямъ, которые вели между собой оживленный разговоръ. Графъ Лаудердаль сообщилъ имъ, что на нѣкоторыхъ улицахъ Сити все еще продолжается кровавый бой.—Я убѣжденъ, добавилъ онъ, что наши одержатъ верхъ и имъ удастся соединиться съ ополченіемъ изъ Кента. Тѣмъ не менѣе вамъ, Бокингемъ, нужно уѣзжать изъ Лондона; ваша голова оцѣнена въ большую сумму!..

Лицо Бокингема покрылось мертвенной блѣдностью при этихъ словахъ.

— Когда я выѣзжалъ изъ Сити продолжалъ Лаудердаль, то я видѣлъ собственными глазами, при свѣтѣ факеловъ, какъ они прибивали объявленіе подписанное Кромвелемъ и Ферфаксомъ, въ которомъ обѣщано сто фунтовъ стерлинговъ тому, кто доставитъ живымъ или мертвымъ Георга Виллье, герцога Бокингема!

— Я самъ доставлю имъ это удовольствіе! воскликнулъ герцогъ, котораго никто не могъ упрекнуть въ трусости. Затѣмъ обнаживъ шпагу, онъ протянулъ руку графу Голланду со словами:— Позвольте мнѣ послѣдовать за вами милордъ!

— Возьми и меня съ собой, сказалъ герцогъ Виллье, обращаясь къ своему брату. Сегодня ты едва не совершилъ неблагородный поступокъ Георгъ, Господь избавилъ тебя отъ этого, и честь Бокингемовъ осталась незапятнанной.

Лордъ Голландъ дружески пожалъ руку обоимъ братьямъ и сказалъ, что онъ считаетъ для себя особеннымъ счастьемъ имѣть такихъ товарищей по оружію.

Затѣмъ всѣ чокнулись и провозгласили тостъ за благополучное освобожденіе короля изъ плѣна.

Въ это время на башнѣ Вестминстера пробило двѣнадцать глухихъ ударовъ. Наступила полночь.

— Намъ пора разстаться милорды сказалъ маркизъ Ормондъ. Каждый долженъ отправиться къ своему посту. Я поѣду въ Ирландію.

— А я въ Шотландію, сказалъ графъ Лаудердаль, бросивъ нѣжный взглядъ на графиню Дизаръ.

— Мнѣ остается только пожелать вамъ счастливаго пути и полнаго успѣха, проговорила графиня съ привѣтливой улыбкой. Я желала бы знать милорды, гдѣ вы будете завтра въ полдень?

— Вѣроятно я буду въ горахъ Уэльса миледи! отвѣтилъ маркизъ Ормондъ.

— Я надѣюсь къ этому времени переѣхать границу, сказалъ Лаудердаль.

— А мы будемъ въ лагерѣ у холмовъ Соррея! сказалъ графъ Голландъ.

— Покойной ночи милорды! счастливаго пути! повторила еще разъ хозяйка дома, прощаясь съ гостями.

Графиня Дизаръ провела безпокойную ночь, и на слѣдующее утро она съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидала полудня и безпрестанно поглядывала на часы.

Наконецъ пробило двѣнадцать часовъ. — Теперь они внѣ опасности, сказала она, пора подумать о себѣ!.. Затѣмъ она приказала подать карету и везти себя въ Уайтголль къ генералу Кромвелю.

Конецъ третьей части.

Часть четвертая.

ГЛАВА I.

Аудіенція.

РОМВЕЛЬ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ разстался съ своимъ мирнымъ жилищемъ въ Эли и переѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ онъ временно занялъ «Cockpit», величественное зданіе, смежное съ Уайтголлемъ. Впослѣдствіи это зданіе, вмѣстѣ съ прилегающимъ паркомъ и замкомъ, было окончательно отдано Кромвелю «благодарными» соотечественниками для его резиденціи. Теперь «Cockpit» имѣлъ для него важное стратегическое значеніе, такъ какъ онъ находился на западной сторонѣ города, гдѣ возстаніе проявилось всего сильнѣе, и въ то же время служилъ оплотомъ для парламента. Поэтому дворы обширнаго зданія были защищены пушками и переполнены солдатами; кавалеристы въ тяжеломъ вооруженіи стояли около осѣдланныхъ лошадей; пирамиды мушкетовъ и пикъ составили вдоль фасада родъ своеобразной галлереи. Передъ воротами былъ цѣлый лагерь; здѣсь расположились для отдыха солдаты, участвовавшіе ночью въ усмиреніи бунта.

Зрѣлище это непріятно поразило графиню, тѣмъ болѣе, что ей пришлось долго ждать, пока карету ея пропустили къ воротамъ. На улицахъ Сити все еще продолжался бой; мятежники упорно защищались, отступая шагъ за шагомъ и обагряя землю своей кровью. Каждый домъ, изъ котораго ихъ выгоняли, долженъ былъ быть взятъ приступомъ какъ крѣпость; съ восходомъ солнца высланы были новые полки, чтобы смѣнить солдатъ измученныхъ ночной битвой. Но они въ свою очередь подвигались крайне мед-

ленно, оставляя за собой убитыхъ и раненыхъ. Ферфаксъ дѣйствовалъ заодно съ Кромвелемъ, но, по своей апатичности, не придавалъ никакого значенія возмущенію, такъ что вся отвѣтственность за принятыя мѣры падала на Кромвеля, который вполнѣ понималъ, что малѣйшая неудача въ данномъ случаѣ можетъ безвозвратно погубить дѣло свободы въ Англіи.

Въ этотъ день всѣмъ постороннимъ лицамъ былъ закрытъ доступъ въ «Cockpit» и только заявленіе графини, что отъ привезенныхъ ею извѣстій зависитъ безопасность самого генерала и арміи побудило дежурнаго офицера доложить о ней Кромвелю.

Онъ скоро вернулся съ извѣстіемъ, что его превосходительство ожидаетъ миледи.

Торжествующая улыбка промелькнула по лицу графини, когда она вышла изъ кареты, чтобы послѣдовать за дежурнымъ офицеромъ, который повелъ ее черезъ дворъ и длинные темные корридоры, обходя большія низкія залы, такъ что она могла только видѣть черезъ открытыя двери, что̀ происходило въ нихъ. Вездѣ была толпа народу: солдаты, офицеры и люди простаго званія, чиновники, писаря, группы разговаривающихъ; безпрестанно входили и уходили ординарцы съ депешами; по временамъ появлялись адъютанты и громко называли кого нибудь по имени. Вездѣ раздавался глухой шумъ шаговъ и говоръ, напоминающій приливъ и отливъ морскихъ волнъ. Желтоватый отблескъ туманнаго Лондонскаго утра придавалъ всему еще болѣе суровый и мрачный видъ и усиливалъ чувство неопредѣленнаго страха, который начала ощущать графиня.

Она вошла на лѣстницу, вдѣланную въ стѣнѣ и ведущую въ небольшую комнату съ узкимъ окномъ, которое было защищено съ наружной стороны желѣзной рѣшеткой. Въ этой комнатѣ украшенной дорогими обоями, коврами и занавѣсями, носившими слѣды прежняго великолѣпія, было совершенно тихо и только вдали слышны были чьи-то голоса.

— Здѣсь, миледи, вы будете ожидать приказаній генерала, сказалъ сопровождавшій ее офицеръ и, выйдя изъ комнаты, заперъ за собою потаенную дверь, въ которую они вошли.

Графиня очутилась одна. Безотчетный страхъ овладѣлъ ею; ей показалось, что ее заперли. Что можетъ быть ужаснѣе этого! подумала она подходя къ окну, выходившему на дворъ окруженный высокими стѣнами, за которыми виднѣлись деревья парка и мрачное зданіе Вестминстера. Она поспѣшно отвернулась и, окинувъ глазами комнату увидѣла зеркало изящной венеціанской работы, въ стеклянной рамѣ богато украшенной серебромъ. Въ зеркалѣ отражалось ея испуганное разстроенное лицо. Это совершенно некстати! сказала она вполголоса, поправляя свои роскошные капта-

новые волосы. Через минуту лицо ея приняло спокойное выраженіе и на немъ появилась самая очаровательная улыбка.

Она сѣла въ кресло, такъ какъ въ сосѣдней комнатѣ послышались мужскіе шаги.

Вошелъ молодой офицеръ въ богатомъ шитомъ мундирѣ; на его красивомъ лицѣ видны были слѣды утомленія: очевидно это былъ одинъ изъ тѣхъ, которые провели ночь на улицахъ Сити.

— Миледи, сказалъ онъ, генералъ готовъ принять васъ.

Изящная наружность молодаго офицера произвела пріятное впечатлѣніе на графиню. Она бросила на него долгій вопросительный взглядъ: ей очень хотѣлось знать его имя; но она не могла долѣе терять ни одной минуты.

Сосѣдняя комната оказалась пустой; но противоположная дверь, ведущая въ пріемную, была отворена. У стола стоялъ Кромвель въ желтоватомъ полусвѣтѣ туманнаго дня, который въ этой темной круглой комнатѣ придавалъ его лицу еще болѣе мрачное и суровое выраженіе. Онъ молча сдѣлалъ легкій жестъ рукой, приглашая ее войти. Графиня повиновалась; но она чувствовала, что у ней подкашиваются ноги отъ страха; сердце ея усиленно билось. Подойдя на нѣсколько шаговъ, она сдѣлала низкій придворный реверансъ, причемъ ея темное бархатное платье, вышитое золотомъ, драпировалось по полу красивыми складками.

— Многоуважаемый сэръ, сказала она, я нигдѣ не встрѣчала васъ съ того памятнаго для меня вечера послѣ битвы при Незби. Тогда я была вашей плѣнницей, вы мнѣ даровали свободу и жизнь и обѣщали выхлопотать у парламента, чтобы мнѣ былъ возвращенъ мой замокъ и имущество. Вы сдержали свое слово и я никогда не забуду оказанныя вами благодѣянія.

Кромвель подалъ ей руку, чтобы избавить ее отъ новыхъ поклоновъ и, усадивъ ее въ кресло, всталъ передъ нею.

Онъ былъ въ полномъ вооруженіи; на боку у него висѣла шпага, бывшая на немъ въ сраженіи при Марстонмурѣ и Незби; за поясомъ виднѣлись пистолеты. Кавалерійскій шлемъ лежалъ около него на стулѣ. Длинные густые волосы опускались на широкій бѣлый воротникъ рубашки, который покрывалъ верхнюю часть груди и спины. Лицо его имѣло озабоченное выраженіе, лобъ наморщенъ, глаза были мрачные и серьезные.

— Вы напрасно приписываете мнѣ лично какія-то благодѣянія, сказалъ онъ своимъ обычнымъ звучнымъ голосомъ; справедливость требовала, чтобы мы возвратили принадлежавшее вамъ имущество; теперь отъ васъ будетъ зависѣть сохранить его на будущее время.

— Справедливость! воскликнула графиня. Только люди съ великой душой могутъ вѣрить въ это слово и стремиться осуществить его въ эти дни общаго смятенія, когда лучшіе люди не могутъ отличить добра отъ зла и кровь льется потоками.

Серьезное лицо Кромвеля приняло еще болѣе суровое выраженіе. Да исполнится воля Божія! сказалъ онъ. Если народъ не хочетъ внять кроткому голосу разсудка и нельзя тронуть его сердца путемъ убѣжденій, то ничего не остается, какъ поднять противъ него оружіе и среди грома и молніи пушечныхъ выстрѣловъ заставить его выслушать гласъ Божій. Такъ нѣкогда Господь явился на Синайской горѣ своему народу...

Глаза Кромвеля заискрились при послѣднихъ словахъ. Графиня набожно подняла глаза къ небу и, схвативъ тяжелую жилистую руку Кромвеля своими нѣжными аристократическими ручками, проговорила дрожащимъ голосомъ.

— Да проявится величіе Божіе въ томъ, кто посланъ намъ, чтобы показать, какъ силенъ Господь въ избранныхъ имъ орудіяхъ!

— Странно слышать такія фразы изъ вашихъ устъ миледи! Неужели мысль о Богѣ является иногда у васъ?

Густая краска выступила на лицѣ графини: — Съ того дня, какъ я увидѣла васъ, сказала она, скромно опуская глаза, въ моей душѣ впервые проснулось сознаніе суетности земнаго существованія. Мнѣ казалось, что я вижу пророка ветхаго завѣта...

Кромвель нетерпѣливо освободилъ свою руку: — Я никогда не имѣлъ подобныхъ притязаній, сказалъ онъ, прерывая ее. Моя единственная цѣль дать миръ и свободу нашей несчастной родинѣ!

— Вы говорите о мирѣ, генералъ, между тѣмъ, Сити защищается противъ вашихъ полковъ, и я слышала, что число раненыхъ и убитыхъ доходитъ до крупной цифры. Но, вѣроятно, вы сами желаете предупредить дальнѣйшее кровопролитіе, и поэтому вамъ будетъ полезно принять къ свѣдѣнію слова женщины, которая чувствуетъ самую искреннюю дружбу къ вамъ.

На лицѣ Кромвеля появилась насмѣшливая улыбка: — Какая бы ни была затаенная цѣль, которая привела васъ сюда, сказалъ онъ, но я долженъ предупредить васъ, что я несравненно болѣе довѣряю своимъ врагамъ, нежели мнимымъ друзьямъ.

Онъ взялъ со стола листъ мелко исписанной бумаги и, повернувъ къ свѣту, продолжалъ тѣмъ же тономъ: — Въ этомъ письмѣ сказано, что вчера вечеромъ у васъ миледи было тайное сборище. Намъ сообщаетъ это человѣкъ, который служитъ у васъ дворецкимъ, хотя въ то же время онъ называетъ себя приверженцемъ нашей партіи, слѣдовательно, это нашъ общій другъ миледи. Вы видите, необходимо остерегаться друзей!

Графиня измѣнилась въ лицѣ, но скоро гнѣвъ пересилилъ въ ея душѣ всѣ другія ощущенія.—Негодяй предупредилъ меня! подумала она и, сознавая, что все потеряно при малѣйшей оплошности съ ея стороны, она тотчасъ же овладѣла собой и замѣтила съ кроткой улыбкой:

— Я желала бы только одного, чтобы этотъ человѣкъ передалъ вамъ истину безъ всякихъ прикрасъ.

— Не подлежитъ сомнѣнію, что имъ руководило желаніе погубить васъ, но я не думаю, чтобы онъ рѣшился солгать въ данномъ случаѣ, сказалъ Кромвель, подавая письмо графинѣ.

Она быстро пробѣжала его глазами и убѣдилась, что доносъ написанъ въ общихъ чертахъ, такъ какъ почтенный Пиккерлингъ многое не могъ разслышать съ того мѣста, гдѣ онъ скрывался.

— Теперь я вижу, насколько я могу положиться на него, замѣтила серьезнымъ тономъ графиня; но онъ только на половину исполнилъ свое дѣло! Какая вамъ польза генералъ, что вы узнали имена господъ, которые ужинали у меня... Надѣюсь вы не считаете опасными для себя этихъ добродушнымъ дворянъ, которые въ послѣдніе годы мирно проживали въ своихъ помѣстьяхъ. Одинъ изъ нихъ, если не ошибаюсь, вашъ родственникъ.

Графиня произнесла послѣднія слова шутливымъ тономъ, но Кромвель еще больше нахмурилъ брови. Добродушные дворяне! повторилъ онъ. Дѣйствительно, баронетъ честный человѣкъ, но онъ попался въ сѣти и погибнетъ въ нихъ... Его подвели эти знатные господа, которые идутъ въ битву какъ на охоту; имъ безразлично поставить на карту горсть золота или святыя права народа... Для нихъ это не болѣе какъ препровожденіе времени; въ случаѣ неудачи имъ ничего не стоитъ сѣсть на корабль и оставить на время родину. Ормондъ чувствуетъ себя хорошо только среди интригъ; Бокингемъ развратный и дерзкій безбожникъ, достойный сынъ своего отца; графъ Голландъ былъ дважды за парламентъ и дважды переходилъ на сторону короля; Баттенъ, человѣкъ не знающій ни чести, ни совѣсти: близь Бридлингтона онъ стрѣлялъ въ корабль, на которомъ находилась королева, а теперь предлагаетъ свои услуги ея сыну! Все это негодяи, которые заслуживаютъ плахи, и я надѣюсь, что она не минуетъ ихъ, а этотъ Лаудердаль...

— Лаудердаль? спросила графиня съ легкимъ оттѣнкомъ раздраженія въ голосѣ. Что можете вы сказать противъ него?

— То, что этому рыжему неучу не мѣшало бы поберечь свою глупую голову, хотя она сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣны.

— Но она имѣетъ большую цѣну для меня, сэръ! сказала съ живостью графиня.

Кромвель съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Если вы мнѣ дадите честное слово пощадить графа Лаудердаля при какихъ бы-то ни было условіяхъ, то я сообщу вамъ важную тайну, которая извѣстна весьма немногимъ.

— Я не могу связать себя честнымъ словомъ, потому что даже не знаю насколько меня можетъ интересовать эта тайна.

— Рѣшите сами сэръ! Желаете ли вы, чтобы не далѣе, какъ

черезъ двадцать четыре часа король очутился на свободѣ, сѣлъ на корабль и подъ охраной флота, за вѣрность котораго вы не можете поручиться, отправился къ берегамъ Франціи, чтобы соединиться съ принцемъ Уэльскимъ и собравшимися тамъ эмигрантами? Когда это будетъ приведено въ исполненіе, то что мѣшаетъ имъ ворваться въ любую англійскую гавань...

Кромвель поблѣднѣлъ: — Я зналъ, что король, несмотря на данное слово, только и думаетъ о бѣгствѣ, такъ какъ кавалеры не стѣсняясь говорятъ объ этомъ, но я не ожидалъ, что онъ такъ скоро найдетъ средства для исполненія своихъ преступныхъ намѣреній!

— Значитъ вы согласны на мои условія, сэръ? спросила графиня, видя, что наступила благопріятная минута.

— Да я согласенъ принять ихъ, миледи, сказалъ Кромвель, и ручаюсь вамъ честнымъ словомъ за жизнь шотландскаго графа, хотя бы онъ попался въ мои руки при самыхъ невыгодныхъ для него условіяхъ, тѣмъ болѣе, добавилъ Кромвель съ горькой усмѣшкой, что это было бы слишкомъ не лестно для его величества, если бы я на минуту задумался въ выборѣ между имъ и Лаудердалемъ.

— Значитъ кончено, вы дали мнѣ обѣщаніе сэръ? спросила съ нетерпѣніемъ графиня.

— Да!

— Теперь я сообщу вамъ сэръ, что въ деревнѣ Каррисбрукѣ, у самаго холма, на которомъ стоитъ замокъ, шагахъ въ десяти отъ ручья, подъ грушевымъ деревомъ, которое также легко найти потому, что оно единственное въ этой мѣстности, зарытъ оловянный ящикъ. Въ этомъ ящикѣ спрятанъ договоръ, въ которомъ означено, на какихъ условіяхъ король долженъ передать страну и свой мятежный народъ шотландцамъ.

— Вѣроломный Стюартъ! воскликнулъ Кромвель. Ты дѣлаешь все, чтобы погубить себя!

— Одновременно съ этимъ, продолжала графиня, приняты мѣры къ его освобожденію. Вамъ извѣстно, что замокъ Каррисбрукъ неприступенъ ни съ которой стороны, и что комендантъ вполнѣ надежный человѣкъ. Убѣжать оттуда врядъ ли возможно иначе, какъ съ помощью измѣны. Вы, вѣроятно, знаете также расположеніе комнатъ короля, онѣ находятся внутри замка, вездѣ сплошной камень, лѣстницы также каменныя и выходятъ на дворъ и здѣсь днемъ и ночью стоитъ двойной караулъ съ заряженными ружьми. Но окна расположены въ поле, во рву ростетъ крѣпкій кустарникъ и деревья, которыя широко простираютъ свои вѣтви. Три недѣли тому назадъ, въ одну темную ночь, когда караульные были пьяны, король сдѣлалъ попытку къ бѣгству, но окна загорожены желѣзными рѣшетками, онъ просунулъ голову и затѣмъ

съ трудомъ вытащилъ ее. Нужно было придумать какое нибудь средство, чтобы отстранить это неудобство, и вотъ пажъ его величества, мало-по-малу, подпилилъ желѣзныя прутья, такъ что достаточно небольшаго усилія, чтобы вынуть ихъ безъ малѣйшаго шума...

— Кто этотъ пажъ? спросилъ Кромвель повелительнымъ голосомъ.

— Пощадите несчастнаго мальчика сэръ; это вашъ родственникъ, сынъ Чильдерлейскаго баронета.

Кромвель опустилъ глаза: — Продолжайте! сказалъ онъ.

— Окно довольно высоко, но вѣтви деревьевъ, растущихъ внизу, очень удобны для спуска; кромѣ того, король постоянно носитъ при себѣ на груди шелковый шнурокъ. Въ назначенное время, по другую сторону рва его будутъ ждать двѣ осѣдланныя лошади, у Ньюпорта онъ пересядетъ въ лодку и по рѣкѣ Медина доберется до моря, гдѣ для него приготовленъ военный корабль...

— Прекрасно! сказалъ Кромвель съ злобнымъ смѣхомъ. А кто еще посвященъ въ эту тайну?

— Одинъ цирюльникъ въ Ньюпортѣ, онъ живетъ въ St.-James-street, противъ латинской школы; его зовутъ...

— Я не желаю знать ничьихъ именъ; меня интересуютъ только главные виновники!

— Этотъ цирюльникъ будетъ проводникомъ его величества; кромѣ того тайна извѣстна тремъ матросамъ, которые будутъ исполнять роль гребцовъ и довезутъ короля до устья рѣки, и затѣмъ тремъ солдатамъ въ самомъ замкѣ.

— Ну этихъ трехъ предадутъ военному суду; ихъ кровь падетъ на главнаго виновника! сказалъ Кромвель и, отворивъ дверь въ сосѣднюю комнату, крикнулъ:—м-ръ Гербертъ.

Въ комнату вошелъ блѣдный красивый офицеръ, обратившій на себя вниманіе графини.

— Прикажите, чтобы немедленно сдѣланы были распоряженія; я хочу послать эстафету въ Каррисбрукъ. Эта дама была настолько добра, что сообщила намъ весьма важныя извѣстія... Кромѣ того пошлите надежнаго человѣка съ отрядомъ въ Ham-haus и велите занять старую башню, которая противъ воли графини послужила вчера вечеромъ мѣстомъ тайнаго сборища роялистовъ. Мы должны принять эту мѣру предосторожности не только для безопасности самой графини, но и для насъ самихъ.

— Я пошлю капитана Юргена Джойсъ.

— Хорошо, но, чтобы онъ тотчасъ же сѣлъ на лошадь и отправился въ путь, съ своимъ отрядомъ; а вы м-ръ Гербертъ ждите моихъ дальнѣйшихъ приказаній въ сосѣдней комнатѣ.

Франкъ Гербертъ ушелъ; графиня еще разъ осталась наединѣ съ Кромвелемъ. Ее опять охватилъ страхъ въ присутствіи этого

сильнаго и энергичнаго человѣка; она знала, что не тронетъ его сердца ни своей красотой, ни ловкимъ кокетствомъ и чувствовала себя мелкой и ничтожной передъ нимъ. Дрожь пробѣгала по ея тѣлу при одной мысли, что въ башнѣ найдутъ Мануэллу и та разскажетъ все, что̀ слышала тамъ накануне вечеромъ. Чтобы предупредить возможность новаго доноса, графиня рѣшилась сообщить Кромвелю весь планъ возстанія, о которомъ умалчивала до сихъ поръ.

Кромвель зналъ въ общихъ чертахъ, что подготовляется народное возстаніе съ цѣлью возвратить королю его прежнія права, но не придавалъ ему особеннаго значенія, потому что кавалеры открыто толковали объ этомъ на лондонскихъ улицахъ и въ шинкахъ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ. Теперь онъ узналъ отъ графини точное число инсургентовъ, расположеніе ихъ силъ, тайную связь между ними и ближайшія цѣли; и у него не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣло несравненно опаснѣе, нежели онъ предполагалъ. Въ Сити все еще продолжались безпорядки, флотъ измѣнилъ парламенту; возстаніе охватило весь Кентъ, Уэльсъ и графство Соррей, между тѣмъ какъ шотландцы готовились переступить границу.

Кромвель молчалъ; но изъ груди его вырвался невольный вздохъ; опять рушилась надежда на скорый миръ, составлявшій цѣль его завѣтныхъ стремленій. Но не въ его характерѣ было медлить или колебаться, когда нуженъ былъ рѣшительный способъ дѣйствій.

— Я не смѣю задерживать васъ долѣе, миледи, сказалъ онъ отворяя дверь.—До свиданія. Я не забуду оказанной вами услуги.

Графиня онѣмѣла отъ удивленія, что съ нею обходятся такъ безцеремонно. Чувство безсильной злобы овладѣло ею, хотя на губахъ появилась обычная привѣтливая улыбка.

Въ сосѣдней комнатѣ она встрѣтила Франка Герберта, который шелъ съ докладомъ къ Кромвелю.

ГЛАВА II.

Объясненіе Франка Герберта.

— Она сообщила мнѣ весь планъ дѣйствій нашихъ противниковъ! сказалъ Кромвель, когда графиня вышла изъ комнаты.—То, что я узналъ далеко неутѣшительно; но по крайне мѣрѣ мы имѣемъ возможность принять мѣры противъ угрожающей намъ опасности.

Франкъ Гербертъ бросилъ презрительный взглядъ по направленію къ двери, въ которую вышла графиня Дизаръ.—Измѣна на-

столько ненавистна мнѣ, возразилъ онъ,—что я неохотно сталъ бы пользоваться преимуществами, которыя она можетъ доставить мнѣ!

— У васъ неподкупное сердце Франкъ! сказалъ Кромвель, дружески положивъ руку на плечо Герберта.—Я слышалъ о вашемъ рыцарскомъ поступкѣ въ Кембриджѣ съ письмомъ лорда Голлиса, когда вы со шпагой въ рукѣ заставили самихъ измѣнниковъ распечатать письмо и прочесть его. Вы предпочли насиліе коварству; но то и другое одинаково дурно, хотя солдатъ долженъ пользоваться всякимъ средствомъ для достиженія цѣли. Я знаю, вы осуждали меня, что я открылъ письмо Стюарта зашитое въ сѣдлѣ, въ которомъ онъ откровенно высказывалъ свое намѣреніе обмануть насъ и угрожалъ мнѣ висѣлицей. Сегодня вы навѣрно опять осуждаете меня, что я воспользовался доносами этой презрѣнной женщины... Дѣйствительно, мнѣ не разъ приходилось жалѣть, что по волѣ Всевышняго я принужденъ былъ бросить тихую сельскую жизнь. Человѣкъ можетъ быть счастливъ только среди природы; сношенія съ людьми деморализируютъ его: это все та же, хотя тайная война, онъ долженъ быть вѣчно насторожѣ, чтобы не попасть въ разставленныя для него сѣти; открытая война немногимъ хуже этого!

— Я не хотѣлъ касаться извѣстнаго вопроса, сэръ, сказалъ Франкъ;—но вы сами упомянули объ этомъ жалкомъ человѣкѣ, который самымъ недостоинымъ образомъ обманулъ всѣхъ насъ. Вы говорите объ опасности, которая опять угрожаетъ намъ и постоянно выростаетъ точно изъ земли; и между тѣмъ не рѣшаетесь устранить ее, хотя изъ-за этого льются потоки крови!.. Для меня это загадка, которую я не могу понять...

— Я охотно выслушиваю ваше мнѣніе Франкъ, какъ всякаго честнаго и искренняго человѣка, отвѣтилъ уклончиво Кромвель.

— Это не мое личное мнѣніе, сэръ, такъ думаетъ вся армія и всѣ тѣ, которые желаютъ мира и свободы нашему народу.

— Я знаю, сказалъ Кромвель,—что меня хотятъ принудить къ рѣшенію, которое мнѣ кажется преждевременнымъ. Подумайте объ отвѣтственности, которую я долженъ взять на себя!

— На васъ лежитъ еще большая отвѣтственность, сэръ, за благополучіе цѣлой націи.

— Знаю, отвѣтилъ спокойнымъ голосомъ Кромвель.—Тѣмъ не менѣе друзья и враги короля быть можетъ поймутъ со временемъ, насколько мы были справедливы относительно его. Я всегда чувствовалъ невольное сожалѣніе къ этому падшему величію. Онъ такой же человѣкъ, какъ и мы Франкъ; и на его долю выпало много страданій! Когда я увидѣлъ его въ Sion-Haus'ѣ, окруженнаго его дѣтьми, то долженъ былъ отвернуться, чтобы скрыть невольныя слезы...

— А онъ въ тотъ же вечеръ написалъ свое измѣнническое письмо

королевѣ, въ которомъ высказалъ свой взглядъ на англійскій народъ и армію и издѣвался надъ великодушными побѣдителями, замѣтилъ съ раздраженіемъ Гербертъ.

— Тѣмъ не менѣе я и тогда старался подавить гнѣвъ, который чувствовалъ къ нему. Неужели мы, которые называемъ себя борцами за религію и свободу дадимъ поводъ сказать о насъ, что нашими дѣйствіями руководитъ жажда мести. Нѣтъ, Франкъ, я имѣю болѣе высокое понятіе о нашемъ призваніи и надѣюсь, что Господь до конца будетъ руководить моей совѣстью.

— Но этотъ способъ дѣйствій можетъ возбудить сомнѣнія въ людяхъ искренно преданныхъ вамъ, сказалъ Гербертъ.

— Неужели и въ васъ Франкъ? спросилъ Кромвель пристально взглянувъ на него.

— Я не исключаю себя изъ числа ихъ, сказалъ Гербертъ, спокойно встрѣтивъ взглядъ строгихъ глазъ устремленныхъ на него.— Помните ли вы тотъ день, когда я пріѣхалъ къ вамъ въ Гунтигдонъ и просилъ васъ завербовать меня въ ваше войско. Это было въ началѣ войны, вы были тогда простымъ кавалерійскимъ капитаномъ...

— А вы студентомъ въ Кембриджѣ! Какъ мнѣ не помнить это печальное время, когда дѣло народа было въ самомъ безнадежномъ положеніи. Вы бросили науку, блестящее будущее, которое ожидало васъ, пожертвовали богатствомъ, чтобы служить свободѣ. Вы понравились мнѣ съ перваго раза, я скоро полюбилъ васъ, какъ роднаго сына.

— Что касается меня лично, сказалъ Гербертъ, то трудно выразить словами до какой степени я тогда поклонялся вамъ, сэръ. Герои древности блѣднѣли передъ вашей личностью, въ моемъ воображеніи вы были окружены ореоломъ недостягаемаго величія, я былъ увѣренъ, что только ваша энергичная честная рука въ состояніи поднять погибшую Англію и дать ей свободу и прежнюю славу...

Яркая краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Герберта; глаза сверкали огнемъ благороднаго воодушевленія, казалось онъ вновь переживалъ восторженныя мечты своей ранней молодости.

Кромвель неожиданно прервалъ его: — Теперь скажите откровенно Франкъ свое мнѣніе о генералѣ Кромвелѣ; насколько онъ остался вѣренъ созданному вами идеалу?

Гербертъ въ первую минуту смутился при этомъ вопросѣ, но тотчасъ овладѣлъ собою и отвѣтилъ спокойнымъ голосомъ: — если вы требуете этого, то я буду говорить откровенно. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ роковой для меня день, когда король пріѣхалъ въ Чильдерлейскій замокъ, у меня въ первые явилось мучительное сомнѣніе, я заподозрилъ...

— Кого и въ чемъ? спросилъ съ нетерпѣніемъ Кромвель.

— Васъ сэръ! Я видѣлъ, какъ вы говорили съ королемъ и по-

клонились ему: вся эта знать и гордые дворяне, которые съ разныхъ концовъ Англіи съѣхались въ Чильдерлейскій замокъ, относились къ вамъ съ особеннымъ вниманіемъ или, вѣрнѣе сказать, подобострастіемъ. Тутъ какъ будто чей-то голосъ шепталъ мнѣ страшное слово: Кромвель честолюбивъ!

Лицо Кромвеля вспыхнуло отъ гнѣва; онъ бросилъ грозный взглядъ на дерзкаго человѣка, который осмѣлился произнести подобныя слова. Но черезъ секунду онъ овладѣлъ собой.

— Продолжайте, сказалъ онъ ровнымъ спокойнымъ голосомъ.

— Несмотря на тяжелыя терзавшія меня сомнѣнія, я рѣшилъ остаться въ вашемъ войскѣ, чтобы служить дѣлу свободы и защищать ее до послѣдней капли моей крови, хотя бы мнѣ пришлось подобно Бруту поднять руку противъ самаго дорогаго и близкаго для меня человѣка...

Кромвель всталъ съ своего мѣста и нѣсколько минутъ молча ходилъ по комнатѣ. Наконецъ онъ остановился передъ Гербертомъ и сказалъ:

— Вы слишкомъ много читали Тацита, другъ мой; во всякомъ случаѣ я очень радъ, что вы остались у насъ и мы можемъ воспользоваться вашими услугами для предстоящей войны.

— Кто можетъ сказать когда кончится эта злополучная война, возразилъ Гербертъ, мы не дождемся мира до тѣхъ поръ, пока не будетъ назначенъ формальный судъ надъ Карломъ Стюартомъ. Вы можете это сдѣлать сэръ, власть въ вашихъ рукахъ...

— Если я рѣшился захватить власть въ мои руки, то съ единственною цѣлью возвратить народу его права и дать ему свободу и миръ, такъ какъ считалъ это своимъ призваніемъ. Что же касается меня лично, то я совершенно равнодушенъ къ власти и почестямъ и никогда не добивался, ни того, ни другаго. Я знаю, что свѣтъ скоро произнесетъ надо мной свой приговоръ, но я надѣюсь, что Господь дастъ мнѣ силы перенести и это новое бремя; несправедливыя обвиненія, клевету и незаслуженное подозрѣніе.

Въ голосѣ Кромвеля слышалась покорность судьбѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ такая затаенная грусть, что Гербертъ былъ тронутъ до слезъ. Онъ взялъ руку Кромвеля и крѣпко пожалъ ее обѣими руками: — Простите, сказалъ онъ, забудьте все то, что̀ я говорилъ вамъ...

— Вы говорили какъ честный человѣкъ, для котораго правда выше всего, возразилъ Кромвель. Но весь вопросъ въ томъ: гдѣ она? Кто изъ насъ можетъ поручиться въ томъ, что онъ не ошибается! Вы не должны раскаяваться въ вашихъ словахъ Франкъ, они не поколебали моего довѣрія къ вамъ, и я докажу это на дѣлѣ. Мнѣ придется на время удалиться изъ Лондона, чтобы встрѣтить непріятельскія войска на границѣ Шотландіи; Ферфаксъ останется здѣсь, чтобы усмирить нашихъ внутреннихъ враговъ.

Онъ храбрый и богобоязненный человѣкъ, но... Кромвель замолчалъ, видимо пріискивая болѣе мягкія выраженія.

— Всѣмъ извѣстно, сказалъ Гербертъ, что Ферфаксъ человѣкъ крайне нерѣшительный и слабохарактерный, кто поручится, что въ одинъ прекрасный день онъ не положитъ оружія и не пойдетъ противъ насъ...

— Нѣтъ, возразилъ Кромвель, онъ слишкомъ честенъ, чтобы измѣнить избранной имъ партіи, но онъ человѣкъ рутины и на него можетъ напасть раздумье, и тогда мы пропали, такъ какъ насъ можетъ спасти только быстрота и рѣшительность дѣйствій. Въ виду этого я настоялъ въ военномъ совѣтѣ, чтобы два моихъ полка были присоединены къ арміи Ферфакса: однимъ изъ нихъ будетъ командовать мой зять Иретонъ; хотите ли вы взять на себя начальство надъ другимъ полкомъ?

Гербертъ былъ настолько тронутъ этимъ новымъ доказательствомъ довѣрія и милости къ нему Кромвеля, что въ первую минуту не нашелся, что отвѣтить, затѣмъ сказалъ: — Могу ли я не желать этого сэръ? я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы оправдать довѣріе, которымъ вы удостаиваете меня...

Въ комнату вошелъ дежурный офицеръ и подалъ депешу присланную изъ Уэльса.

Кромвель пробѣжалъ ее глазами. Первый ударъ нанесенъ! сказалъ онъ: — войска измѣнили намъ въ Уэльсѣ, овладѣли крѣпостью Пемброкъ и повѣсили на башнѣ королевское знамя... Мнѣ придется выѣхать отсюда раньше, нежели я предполагалъ!..

Затѣмъ, обращаясь къ дежурному офицеру, Кромвель велѣлъ позвать своего секретаря, который тотчасъ же явился съ связкой бумагъ, это былъ почтенный м-ръ Никласъ; но у него противъ обыкновенія былъ довольно угрюмый видъ, и голова его была повязана бѣлымъ платокъ.

— Что случилось съ вами м-ръ Никласъ? спросилъ съ удивленіемъ Кромвель.

— Если бы вы знали, что̀ дѣлалось сегодня ночью въ Сити, сэръ! На нашей улицѣ было всего хуже; они напали на домъ моего сосѣда, еврея Авраама, выбили окна и сломали лѣстницу. Я поднялся съ постели и поспѣшилъ на помощь моему бѣдному другу и его семьѣ и сталъ уговаривать бунтовщиковъ успокоиться... Вы видите къ чему это повело сэръ, они едва не убили меня!.. Но потомъ имъ самимъ пришлось плохо; полковникъ Гербертъ разбилъ ихъ на голову, а тяжелая кавалерія окончательно разсѣяла ихъ. Они не знаютъ теперь, что̀ дѣлать и просятъ помилованія; магистратъ уже собрался въ Iork-haus'ѣ, который занятъ нашими войсками и туда же должна явиться депутація. Вотъ копія мирныхъ условій, которыя генералъ Ферфаксъ хочетъ предложить бунтовщикамъ; онъ проситъ васъ сказать свое мнѣніе.

Кромвель прочиталъ бумагу и, передавая ее Герберту сказалъ: Поѣзжайте въ Iork-Haus и скажите генералу Ферфаксу, что я ничего не имѣю противъ того, чтобы онъ началъ переговоры на основанiи изложенныхъ здѣсь условiй, и желаю только, чтобы вы приняли въ нихъ участiе отъ моего имени.

Франкъ Гербертъ съ почтительнымъ поклономъ удалился изъ комнаты.

— Теперь сядьте м-ръ Никласъ, сказалъ Кромвель, обращаясь къ своему секретарю; возьмите перо и бумагу и пишите, то, чтò я продиктую вамъ. Письмо должно быть шифрованное, такъ какъ оно касается каррисбрукскаго плѣнника.

Пока м-ръ Никласъ усаживался въ углу за письменнымъ столомъ, Кромвель безпокойно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, затѣмъ онъ остановился и продиктовалъ слѣдующее:

«Дорогой Робинъ!

«Мнѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника, что король три недѣли тому назадъ дѣлалъ попытку къ бѣгству, но она не удалась ему; теперь онъ намѣренъ возобновить ее въ одну изъ слѣдующихъ ночей. На этотъ разъ друзья его приняли всѣ мѣры, чтобы обезпечить успѣхъ; рѣшетка окна подпилена; на груди короля спрятанъ шелковый шнурокъ»...

Кромвель замолчалъ.—Кончили? спросилъ онъ.

— Да сэръ, отвѣтилъ м-ръ Никласъ подавая письмо.

Кромвель внимательно прочелъ его и, взявъ перо, приписалъ своимъ крупнымъ твердымъ почеркомъ:

«Я знаю, насколько тяжела ваша обязанность; теперь предстоятъ новыя непрiятности. Господь да подкрѣпитъ васъ! Помолитесь за своего любящаго друга и вѣрнаго слугу

Оливера Кромвеля.

М-ръ Никласъ поспѣшно сложилъ письмо и, запечатавъ его, написалъ адресъ подъ диктовку Кромвеля:

Полковнику Роберту Гаммонду, губернатору острова Уйта

Спѣшное.

— Отдайте это письмо курьеру м-ръ Никласъ; онъ давно ожидаетъ внизу, пусть онъ ѣдетъ немедленно въ Каррисбрукъ, сказалъ Кромвель, и, взявъ со стула свой шлемъ вышелъ въ залу, гдѣ, по его приказанiю, собрались всѣ офицеры главнаго штаба.

ГЛАВА III.

Капитанъ Юргенъ Джойсъ встрѣчаетъ старыхъ знакомыхъ.

По дорогѣ, ведущей къ замку графини Дизаръ, быстро приближался отрядъ кавалеристовъ подъ начальствомъ капитана Джойса. Поровнявшись съ деревьями парка, они замѣтили вдали человѣка, который шелъ къ нимъ на встрѣчу медленной увѣренной походкой, но тотчасъ же отскочилъ въ испугѣ, когда увидѣлъ лицо капитана. Въ первую минуту онъ хотѣлъ обратиться въ бѣгство, затѣмъ остановился въ нерѣшимости, какъ бы отыскивалъ мѣсто, чтобы укрыться. Но кусты, ростущіе вдоль дороги, не могли служить для него надежной защитой, такъ какъ весна еще не успѣла покрыть ихъ своимъ зеленымъ покровомъ.

— Эй Пиккерлингъ, божій человѣкъ, крикнулъ капитанъ Джойсъ. Я не ожидалъ встрѣтить тебя въ живыхъ! Помнишь ли какъ я намялъ тебѣ бока въ послѣдній разъ?

Пуританинъ, замѣтивъ по тону Джойса, что онъ въ хорошемъ расположеніи духа, подошелъ къ нему съ смиреннымъ видомъ и, опустивъ глаза, сказалъ:

— Что дѣлать! на то была воля Божія! Въ писаніи сказано: «какъ вѣтеръ развѣялось величіе мое и счастье мое унеслось, какъ облако...»

— Ну я вижу, ты не забылъ псалмы, и по старому повторяешь ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ; но если правда то, что ты говоришь, то согласись, дружище, что ты вполнѣ заслужилъ это!

— Знаю, продолжалъ тѣмъ же тономъ Пиккерлингъ. Господь сдѣлался жестокимъ ко мнѣ и сокрушилъ меня! Я одѣлъ власяницу, проливалъ слезы раскаянія и постился..

Капитанъ Джойсъ захохоталъ во все горло: — На это я могу только сказать, что постъ очень полезенъ тебѣ, потому что ты сильно разжирѣлъ со времени нашего послѣдняго свиданія въ Кембриджѣ. Эта власяница съ красными отворотами также отлично сидитъ на тебѣ; я никогда не видалъ болѣе красивой ливреи. Въ былыя времена у тебя были короткіе волосы обстриженные въ кружокъ, впалыя щеки; ты былъ тогда гадкій, полуголодный лицемѣръ въ бѣломъ галстукѣ и пасторской рясѣ; а теперь ты мнѣ положительно нравишься въ твоемъ нарядномъ платьѣ съ круглымъ брюшкомъ. Стоитъ только взглянуть на твои толстыя щеки и веселые глаза, чтобы сказать, что на твою долю перепадаетъ не одна капля вина. Я знаю по собственному опыту, что голодъ дѣлаетъ людей негодяями; человѣкъ только тогда можетъ быть добродѣтельнымъ, когда онъ сытъ и пьетъ порядочное вино.

— Вы совершенно правы! возразилъ со вздохомъ Пиккерлингъ. Въ писаніи сказано: «Познадъ я, что нѣтъ для нихъ ничего лучшаго, какъ веселиться и дѣлать доброе въ жизни своей. И если какой человѣкъ ѣстъ и пьетъ и видитъ доброе»...

— Довольно, остановись! прервалъ съ нетерпѣніемъ Джойсъ, Скажи мнѣ лучше, кто поитъ и кормитъ тебя въ настоящее время?

Пиккерлингъ указалъ на аллею, ведущую въ гору, въ концѣ которой возвышался большой красивый замокъ, построенный лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ. Мѣстами изъ тумана виднѣлось голубое небо; матовый лучъ солнца, все еще закрытаго облаками, освѣтилъ желтоватымъ свѣтомъ каменныя колонны, карнизы и черную крышу старой башни, которая стояла въ сторонѣ, полузакрытая обнаженными деревьями парка.

— Тутъ живетъ графиня Дизаръ; намъ приказано охранять башню впредь до дальнѣйшаго распоряженія! сказалъ капитанъ.

— Я занимаю должность дворецкаго въ домѣ графини, заявилъ Пиккерлингъ.

— Какъ ты умудрился попасть сюда? Въ первый разъ, какъ я встрѣтилъ тебя, ты былъ мельникомъ въ Чильдерлеѣ...

— Если я съ тѣхъ поръ перемѣнилъ нѣсколько мѣстъ, то не по своей охотѣ. Чильдерлейскій баронетъ отнялъ у меня мельницу... впрочемъ, теперь онъ самъ попалъ въ наши руки...

Пиккерлингъ произнесъ послѣднія слова сквозь зубы, такъ что Джойсъ не могъ разслышать ихъ, но этого было достаточно, чтобы разсердить его:—Что ты бормочешь тамъ! крикнулъ онъ; надѣюсь, что ты не позволилъ себѣ сказать что либо противъ почтеннаго баронета. Да будетъ тебѣ извѣстно, что я не потерплю этого, хотя и ношу красный мундиръ.

— Я ничего не сказалъ и только отвѣтилъ на вашъ вопросъ, возразилъ пуританинъ смиреннымъ тономъ, зная по опыту, что Джойсъ въ гнѣвѣ способенъ на всякія крайности. — Когда у меня отняли мельницу, я остался безъ крова и всякихъ средствъ къ существованію, и поступилъ на службу къ одному изъ членовъ синода; въ это время я встрѣтился съ вами въ Кембриджѣ... если не ошибаюсь вы были тогда простымъ корнетомъ...

— А ты такимъ же негодяемъ, какъ теперь! Я нашелъ тогда въ твоемъ карманѣ предательское письмо съ посягательствомъ на личность генерала Кромвеля.

— Вы едва не убили меня за то несчастное письмо, которое случайно попало въ мои руки! отвѣтилъ Пиккерлингъ, скромно опуская глаза, хотя въ эту минуту онъ мысленно проклиналъ себя за свое безсиліе и дрожалъ отъ страха, такъ какъ ожидалъ новой гнѣвной вспышки со стороны воинственнаго капитана.

— Я удивляюсь, что ты живъ до сихъ поръ! кричалъ Джойсъ, горячась все болѣе и болѣе. Клянусь небомъ, ты не заслужилъ

этого! Я никогда не забуду, какъ ты открылъ свою порочную пасть, чтобы оклевѣтать невинную дѣвушку...

Капитанъ Джойсъ при послѣднихъ словахъ осадилъ свою лошадь и схватился за рукоятку своей сабли съ такимъ видомъ, что сердце замерло въ груди благочестиваго пуританина. Но тутъ въ головѣ его промелькнула счастливая мысль; онъ смѣло подошелъ къ своему противнику и, приложивъ палецъ къ губамъ, спросилъ вполголоса:

— Вы говорите о красивой еврейкѣ?

— Разумѣется!

— Она тамъ, въ этой башнѣ, продолжалъ таинственно Пиккерлингъ, замѣтивъ съ радостью, что его разсчетъ оказался вѣрнымъ. Но только, ради Бога, говорите тише, чтобы ваши люди не услыхали насъ!

Джойсъ машинально бросилъ взглядъ на свой отрядъ, который остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, затѣмъ обращаясь къ Пиккерлингу спросилъ встревоженнымъ голосомъ: — Чтó это значитъ? говори скорѣе!..

— Въ этой башнѣ заперта дѣвушка, которой вы интересуетесь. Я сведу васъ къ ней, если вы дадите мнѣ обѣщаніе, что въ будущемъ станете относиться ко мнѣ съ бóльшимъ довѣріемъ, нежели до сихъ поръ.

— Обѣщаю все, чтó ты хочешь, только сведи меня скорѣе къ ней! сказалъ Джойсъ. Затѣмъ, обращаясь къ кавалеристамъ, отдалъ имъ приказъ занять ворота и никого не пускать въ замокъ до его возвращенія.

Пиккерлингъ пошелъ впередъ; Джойсъ слѣдовалъ за нимъ, ежеминутно понукая его идти скорѣе. Земля была влажная отъ тумана; подъ деревьями съ обѣихъ сторонъ аллеи лежали прошлогоднія листья; на вѣткахъ виднѣлись зеленѣющія почки. По временамъ съ карканьемъ пролетала ворона, затѣмъ опять наступала прежняя тишина.

Наконецъ пуританинъ дошелъ до дверей башни и повелъ своего нетерпѣливаго спутника по каменной лѣстницѣ въ старинную залу, въ которой со вчерашняго вечера стоялъ накрытый столъ. Отсюда они вышли черезъ потаенную дверь и поднявшись на нѣсколько ступеней, вступили въ узкій, темный корридоръ, въ концѣ котораго была закрытая дверь.

— Здѣсь! вы можете войти! сказалъ Пиккерлингъ. Сердце суроваго солдата усиленно забилось при этихъ словахъ. Странная робость овладѣла имъ; онъ тихо постучалъ и, не получая отвѣта, повернулъ ключъ, который графиня Дизаръ забыла вынуть изъ замкá. Дверь отворилась. Мануэлла сидѣла у единственнаго крошечнаго окна въ своемъ бѣломъ праздничномъ платьѣ, и задумчиво смотрѣла сквозь рѣшетку на голубое небо, которое откры-

валось все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ опускался туманъ. Въ комнатѣ царилъ полумракъ, и только золотистая полоса свѣта окрашивала противоположную стѣну.

— Мануэлла! воскликнулъ Джойсъ, стоя на порогѣ.

Ласковыя ноты знакомаго голоса заставили ее оглянуться. Но въ первую минуту глаза ея, долго смотрѣвшіе на свѣтъ, не могли различить фигуры, стоявшей въ темнотѣ, наконецъ, она узнала своего неизмѣннаго друга и бросилась къ нему на шею.

— Юргенъ, воскликнула она радостнымъ голосомъ, это ты! Уведи меня скорѣе отсюда!

Онъ молчалъ и не рѣшался сдвинуться съ мѣста изъ боязни прервать эту минуту, которая казалась ему свѣтлымъ сновидѣніемъ. Онъ чувствовалъ прикосновеніе нѣжныхъ обнаженныхъ рукъ и теплое дыханіе милыхъ губъ молодой дѣвушки, которую любилъ цѣломудренной любовью, полной самоотреченія. На глазахъ его выступили слезы, онъ вытеръ ихъ рукою и сказалъ: — Вы, все-таки, узнали меня Мануэлла?

Могла ли я забыть васъ, мой добрый и неизмѣнный другъ! отвѣтила она, протягивая ему руку, которую онъ прижалъ къ своему сердцу.

— Отъ души радуюсь этому! воскликнулъ Юргенъ Джойсъ, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы преодолѣть овладѣвшее имъ волненіе. Хотя меня повысили въ чинѣ, и мундиръ мой сталъ наряднѣе съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись съ вами, но мое сердце осталось такимъ же—ни лучше, ни хуже.

Это была единственная фраза, въ которой Юргенъ рѣшился выразить свои чувства. Никогда Мануэлла не казалась ему такимъ высокимъ недосягаемымъ существомъ, какъ сегодня, когда случай отдалъ ее въ его полное распоряженіе. Ея безпомощное положеніе, довѣріе и радость, которую она выказала при свиданіи съ нимъ, тронули его до глубины души. Никто изъ людей, близко знавшихъ Джойса, не считалъ его благочестивымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что онъ не привыкъ стѣсняться въ выраженіяхъ относительно религіи; но теперь онъ отъ всего сердца поблагодарилъ мысленно невидимую силу, которая привела его въ «Ham-Haus» для спасенія несчастной дѣвушки. Ему казалось какимъ-то святотатствомъ думать о себѣ и своихъ личныхъ ощущеніяхъ. Поэтому едва узналъ онъ, что Мануэллу увезли насильно и заперли въ башнѣ, какъ предложилъ ей вернуться обратно въ Сити и пригласилъ слѣдовать за собой. Но едва сдѣлала она нѣсколько шаговъ, какъ съ нею сдѣлалось головокруженіе вслѣдствіе пережитыхъ ею волненій и безсонной ночи. Джойсъ взялъ ее на руки и выйдя изъ башни донесъ до воротъ къ удивленію кавалеристовъ, не ожидавшихъ увидѣть своего капитана съ такой ношей. Онъ тотчасъ же опустилъ ее на землю и, бережно посадивъ на каменную скамью,

вышелъ за ворота, гдѣ стояла карета, запряженная четырьмя лошадьми.

Въ каретѣ сидѣла разгнѣванная графиня Дизаръ. Неудачное свиданіе съ Кромвелемъ привело ее въ самое дурное расположеніе духа; она чувствовала, что играла унизительную роль и не достигла своей главной цѣли. Ей не удалось заслужить милость грознаго побѣдителя; она была обманута тамъ, гдѣ надѣялась обмануть другихъ; ко всему этому примѣшалось новое огорченіе. По возвращеніи домой она застала солдатъ, которые остановили ея карету у воротъ парка и объявили, что не позволятъ ей въѣхать въ ея собственный замокъ до возвращенія капитана.

Юргенъ Джойсъ, узнавъ въ чемъ дѣло, подошелъ къ графинѣ и съ вѣжливымъ поклономъ пригласилъ ее выйти изъ кареты.

— Миледи, сказалъ онъ, я уже имѣлъ однажды счастье высаживать васъ изъ кареты въ Маркетъ-Гарборо, послѣ битвы при Незби. Теперь позвольте вамъ оказать ту же услугу; надѣюсь, что вы ничего не будете имѣть противъ того, если ваша карета отвезетъ эту даму въ Лондонъ? добавилъ капитанъ, указывая на Мануэллу.

Графиня молча повиновалась и приподнявъ одной рукой тяжелый шлейфъ своего бархатнаго платья, стала медленно подниматься на гору. Хладнокровіе опять вернулось къ ней, когда она увидѣла передъ собой роскошный замокъ и старую башню. Мысли ея приняли болѣе веселое направленіе. Въ сущности она ничего не потеряла отъ своего свиданія съ Кромвелемъ, скорѣе наоборотъ. Какое ей дѣло до короля и его приверженцевъ; она не имѣла никакого желанія раздѣлить съ ними ихъ неопредѣленную участь и хотѣла только жить, любить и наслаждаться. Ей удалось спасти Лаудердаля отъ грозившей ему опасности и обезпечить за собой замокъ, имущество и свободу въ будущемъ. Въ случаѣ еслибы погибающая партія осталась побѣдительницей, чего нельзя было ожидать, то кто мѣшаетъ ей вернуться къ прежнимъ друзьямъ. Никто не узнаетъ ея измѣны; стоитъ только пожертвовать единственнымъ человѣкомъ, который можетъ выдать ее вторично, такъ какъ она не сомнѣвалась, что Пиккерлингу извѣстна цѣль ея свиданія съ Кромвелемъ. Но въ настоящую минуту она не только не хотѣла отказать ему отъ мѣста, но, напротивъ, рѣшилась неотлучно держать его при себѣ и убѣдить всѣми способами въ ея полномъ довѣріи и милости къ нему. Она привѣтливо поздоровалась съ своимъ дворецкимъ, похвалила его за своевременную доставку письма графу Лаудердалю и добавила, что никогда не была такъ довольна имъ какъ въ послѣднее время. Оба измѣнника нѣсколько минутъ стояли другъ передъ другомъ, затѣмъ графиня удалилась въ большую залу, окруженную галереей, изъ которой былъ входъ въ ея комнаты. Еслибы посторонній наблюдатель могъ

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1884 ГОДУ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться **въ 1884 году** по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Редакція, вполнѣ обезпеченная разнообразнымъ литературнымъ матеріаломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала **нѣсколько иллюстрацій** (въ 1883 году въ **„Историческомъ Вѣстникѣ“** помѣщено болѣе 130 гравюръ).

Для приложенія въ 1884 году къ „Историческому Вѣстнику“ редакція пріобрѣла отъ лейпцигскаго издателя Шпамера право изданія **иллюстрированнаго** (40-ка гравюрами на деревѣ) **культурно-историческаго очерка** Адольфа Глазера **„Саванарола“.**

Для первыхъ книжекъ **„Историческаго Вѣстника“** 1884 года въ распоряженіи редакціи уже находятся статьи слѣдующихъ писателей:

Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Берга, Ѳ. И. Булгакова, В. П. Буренина, А. Я. Бутковской, И. Д. Бѣлова, Н. А. Бѣлозерской, Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. И. Дубасова,

Г. В. Есипова, И. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, Н. М. Коншина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова, В. Д. Кренке, Н. С. Кутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Лѣскова, В. Н. Майкова, С. В. Максимова, П. К. Мартьянова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацѣевича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго, В. Я. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. Н. Терпигорева, П. С. Усова, Ѳ. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: **Панкемакеру** въ Парижѣ и **Зубчанинову** въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"**, Невскій проспектъ, д. № 38, и **въ Москвѣ**, въ отдѣленіи конторы, при московскомъ книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"**, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

Въ главной конторѣ можно получать оставшіеся, въ весьма ограниченномъ числѣ, экземпляры **„Историческаго Вѣстника"** за прошлые годы (1883 года остается 21 экз.). Цѣна каждому году, со всѣми приложеніями, **десять рублей съ пересылкой и доставкой.**

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ И ДЕКАБРЬ 1883 ГОДА).

О ПОДПИСКѢ НА 1884 ГОДЪ НА

„МОДНЫЙ СВѢТЪ

и

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(Самый полный и дешевый модный и семейный иллюстрированный журналъ въ Россіи).

Съ 1-го января 1884 года «**Модный Свѣтъ**» начнетъ XVII годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ и МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ» въ 1884 году будетъ выходить также въ трехъ изданіяхъ.

въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, съ 24-мя экстренными приложеніями новѣйшихъ парижскихъ модъ

и будетъ заключать въ себѣ втеченіе года:

Болѣе 3,000 рисунковъ модныхъ платьевъ, костюмовъ, пардессю, пальто, рукодѣлій и проч., въ текстѣ.
Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.
Рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и др. работъ. Рисунки въ русск. вкусѣ.
Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.
24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.
24 (или 12 для 1 изданія) модныхъ раскрашен. парижскихъ картинки для II изданія, исполненныя лучшими иностран. художниками.
36 раскрашенныхъ модныхъ парижскихъ картинокъ, исполненныхъ лучшими иностранными художниками, и спеціально для дѣтей особое приложеніе съ рисунками, выкройками, чтеніемъ для дѣтей и проч., подъ названіемъ «Дѣтскій отдѣлъ», для III изданія.
Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.
Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.
Новѣйшіе и лучшіе повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.
«**Хорошій тонъ**» или совѣты и указанія на всѣ случаи общ. жизни женщины.
Разныя отдѣльныя безплатныя приложенія и «Почтовый ящикъ» съ самыми разнообразными полезными совѣтами.

Подписчикамъ «Моднаго Свѣта и Моднаго Магазина» на 1884 годъ Редакція дастъ слѣдующія безплатныя преміи:

1) **Руководство кройки.** Выпускъ первый, со многими рисунками.
2) **Дамскій календарь на 1885 г.** со многими практич. и полезными совѣтами, памятнымъ листкомъ и проч. и проч.
3) Для подписчиковъ на III-е изданіе—12 **нумеровъ «Дѣтскаго отдѣла»**, со многими рисунками, вырѣзными выкройками, интереснымъ чтеніемъ для дѣтей, задачами, загадками, шарадами и проч. и проч.

Цѣна годовому изданію „Моднаго Свѣта и Моднаго Магазина“ на 1884 г.

I изданію, съ 12 раскрашенн. парижск. картинками и со всѣми приложеніями: въ С. Петербургѣ безъ доставки—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. имперіи 7 р.
II изданію, съ 24 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—6 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ 7 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. имперіи 8 руб.
III изданію, съ 36 раскрашен. парижск. картинками, 12 №№ «Дѣтскаго отдѣла» и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ дост.—8 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—9 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійск. имперіи 10 р.

Редакція «Моднаго Свѣта» въ С.-ПБ., Больш. Садовая ул., д. № 16, противъ Гостиннаго Двора.

«Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ» выходитъ и разсылается четыре раза въ мѣсяцъ

«Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ» выходитъ и разсылается четыре раза въ мѣсяцъ

ПОРТРЕТЫ ЕКАТЕРИНЫ II, ПАВЛА I и АЛЕКСАНДРА I.

Съ рѣдкой гравюры Вольта. Гравировалъ на деревѣ Панмемакеръ, въ Парижѣ.

Дозволено ценз. Спб., 28 января 1883 г.

Тип. А. Суворина, Эртел. пер., д. 11—2

СЪ СИЛЬНЫМЪ НЕ БОРИСЬ [1].

(Картинка нравовъ первой половины XVIII вѣка).

I.

Незванный гость—хуже татарина.

Дѣло было въ Ригѣ, осенью, въ 1747 году. Оберъ-кригсъ-комиссаръ Семенъ Спичинскій справлялъ свои имянины у себя на квартирѣ, въ домѣ поручика Нейлиза, на Форштадтѣ.

По рангу и служебному положенію, оберъ-кригсъ-комиссаръ представлялъ собою довольно важную персону, а по роду службы, мѣсто его было—мѣсто «теплое» и «хлѣбное». Кригсъ-комиссары, тоже, что нынѣшніе интенданты, вѣдали провіантскую часть и, вообще, довольствіе войскъ, слѣдовательно, могли «грѣть» руки около солдатскаго пайка, и грѣли ихъ на самомъ дѣлѣ съ алчностью и проворствомъ, неуступающими ловкости современныхъ намъ героевъ «хищеній». Кригсъ-комиссаріатъ и его чиновники пользовались недоброй славой въ прошломъ столѣтіи, какъ это не

---

[1]) Матеріаломъ для этого разсказа послужило главнымъ образомъ имѣвшееся въ портфелѣ редакціи «Историческаго Вѣстника», нигдѣ еще не напечатанное, «Дѣло о дракѣ генералъ-маіора князя Долгорукова съ ассесоромъ Даниловымъ», извлеченное изъ бумагъ гос. архива (разрядъ VIII, № 197).

разъ было оффиціально засвидѣтельствовано и правительствомъ, сурово изобличавшимъ ихъ, случалось, въ недобросовѣстности и мздоимствѣ.

Въ какой степени причастенъ былъ къ комиссаріатскимъ грѣхамъ Семенъ Спичинскій—неизвѣстно, но достовѣрно то, что человѣкъ онъ былъ достаточный и хлѣбосольный. Имянины онъ справлялъ на славу, съ утра. На обѣдъ къ нему собралось человѣкъ двадцать пріятелей изъ среды рижскаго чиновничества и офицерства. Вино лилось рѣкой, гремѣла музыка, составленная изъ хора весьма любимыхъ въ тѣ времена гобоистовъ. Пирушка была холостецкая, безъ дамъ, потому что хозяинъ не имѣлъ жены—по крайней мѣрѣ, не имѣлъ ее при себѣ въ данную минуту. На такихъ пирушкахъ въ тѣ времена пилось очень много, а у Спичинскаго гости должны были пить тѣмъ охотнѣе, что угощалъ онъ ихъ отборными, изысканными и весьма цѣнимыми тогда напитками: венгерскимъ и бургундскимъ винами, не считая другихъ видовъ «хмѣльнаго зелья».

Послѣ обѣда, уже въ сумерки, когда пиръ былъ въ полномъ разгарѣ и приходилъ къ концу, къ имянинннику въѣхали во дворъ въ берлинской коляскѣ новые нежданные гости. Слуги прибѣжали сказать, что пожаловалъ генералъ, князь Долгоруковъ... Это былъ очень знатный гость, и его непрошенное посѣщеніе составляло для обыкновеннаго смертнаго особенную милость и честь. Такъ понялъ это хозяинъ и его собутыльники. Всѣ они вскочили и гурьбой вышли на крыльцо встрѣчать его сіятельство, желая отличиться въ чинопочитаніи, которое въ то доброе старое время насквозь проникало каждую подьяческую и служилую душу, обязательно требовалось старшими и выражалось въ крайне раболѣпныхъ и грубохолопскихъ формахъ.

Прибывшій гость былъ князь Владиміръ Петровичъ Долгоруковъ, отецъ знаменитаго впослѣдствіи Юрія Владиміровича Долгорукова—одного изъ екатерининскихъ орловъ, отличнаго генерала, со славою участвовавшаго во многихъ войнахъ и дослужившагося до высшихъ степеней и до андреевской ленты. Что касается Владиміра Петровича, то, не принадлежа къ богатой и вліятельной линіи рода Долгоруковыхъ, онъ не былъ близокъ ко двору, не игралъ никогда важной роли и ничѣмъ особеннымъ, по части доблестей, не запечатлѣлъ свое имя въ исторіи. Мы застаемъ его въ довольно неавантажномъ положеніи «безмѣстнаго» генерала. Передъ этимъ онъ исполнялъ должность рижскаго вице-губернатора, но, почему-то, вынужденъ былъ ее оставить. Впослѣдствіи же, онъ былъ сдѣланъ лифляндскимъ губернаторомъ и оставался имъ до смерти. Умеръ онъ въ 1761 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта, оставивъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей. Не смотря, однако, на свое не особенно блестящее служебное положеніе въ описываемый моментъ, князь, какъ сейчасъ увидимъ, мнилъ о себѣ очень много и—ненапрасно. Рав-

нымъ образомъ, Спичинскій и всѣ его гости, хотя и не находились въ служебной зависимости отъ князя, относились къ нему подобострастно, какъ къ высокопоставленной, важной и знатной персонѣ.

— Не погнѣвайся,—сказалъ князь хозяину, когда тотъ вышелъ ему на встрѣчу,—что я къ вамъ незванный пріѣхалъ... Пріѣхалъ же я поздравить васъ съ вашимъ тезоименитствомъ.

Спичинскій разсыпался въ благодарностяхъ и любезностяхъ за оказанную ему честь и сталъ радушно звать князя въ домъ. Долгоруковъ, поддерживаемый хозяиномъ и его гостями, вышелъ изъ коляски. Онъ былъ тучный, осанистый человѣкъ и на ту пору грузенъ болѣе обыкновеннаго отъ сильнаго подпитія. Всѣ замѣтили, что его сіятельство былъ «весьма пьянъ», благодаря чему, вѣроятно, и пожаловалъ незванный въ гости, по пословицѣ «пьяному море по колѣно». Передъ этимъ онъ былъ у товарища, генерала князя Мещерскаго, гдѣ и наугощался. У Мещерскаго онъ встрѣтилъ ассесора Данилова, явившагося туда съ имяниннаго обѣда у Спичинскаго. Они были между собою знакомы, и на этотъ разъ Долгоруковъ особенно изъявлялъ свое «снисходительство» ассесору, по выраженію послѣдняго. Узнавъ объ имянинахъ, онъ «всенижайше, почти насильно» уговорилъ Данилова ѣхать съ нимъ къ имяниннику на пиръ. Тотъ далъ себя уговорить и они отправились.

Надо полагать, что князь Владиміръ Петровичъ, вообще, былъ склоненъ къ буйству во хмѣлю. Теперь же, очутившись среди компаніи раболѣпно относившихся къ нему людей, которыхъ онъ считалъ неизмѣримо ниже себя, князь, какъ человѣкъ неразвитой, грубый, да еще пьяный, почувствовалъ похоть показать свое начальственное величіе и превосходство. Онъ началъ, какъ говорится въ просторѣчіи, «куражиться» и въ очень ужь безцеремонныхъ формахъ. Первымъ, на кого онъ обрушился, былъ поручикъ Нейлизъ, вмѣстѣ съ другими гостями выходившій встрѣчать князя. Входя въ домъ, Долгоруковъ увидѣлъ въ сѣняхъ Нейлиза и закричалъ на него ни съ того, ни съ сего:

— Ты, плутъ, шельма, зачѣмъ здѣсь? и, не ожидая отвѣта, обратился къ Спичинскому съ упрекомъ: — Зачѣмъ онъ здѣсь у тебя? Ежели онъ здѣсь, то я не могу тутъ быть!

Чѣмъ былъ такъ непріятенъ князю злополучный Нейлизъ—неизвѣстно, но, когда его сіятельство круто поставилъ вопросъ, что или ему или Нейлизу быть въ гостяхъ у Спичинскаго, то послѣдній, не колеблясь, «далъ знакъ рукою, чтобы поручикъ ушелъ прочь». Поручикъ, видно, былъ малый чувствительный. Обруганный княземъ и выпровоженный хозяиномъ, онъ заплакалъ и, взявъ шляпу, вышелъ изъ компаніи, не сказавъ ни слова; но и послѣ этого Долгоруковъ не могъ о немъ забыть.

— Зачѣмъ ты такого шельму при себѣ держишь? продолжалъ онъ упрекать Спичинскаго, войдя въ покой. Когда я буду здѣсь, въ Ригѣ, по прежнему, вице-губернаторомъ, куражился онъ далѣе, то таковыхъ переведу...

— Успокойтесь, ваше сіятельство! отвѣчалъ хозяинъ, стараясь подладиться къ строптивому гостю. Нейлизъ у меня въ командѣ недолго будетъ и скоро смѣнится...

Съ этими словами, имянинникъ, подойдя къ стоявшему въ той же свѣтлицѣ пиршественному столу, загроможденному бутылками, налилъ бокалъ лучшаго венгерскаго вина и поклонился имъ князю. Князь благосклонно принялъ бокалъ и осушилъ его. Пиръ могъ возобновиться, съ участіемъ знатнаго гостя, и продолжаться мирнымъ путемъ, хотя въ тѣ времена, даже у наиболѣе образованныхъ русскихъ людей, холостые пиры рѣдко кончались прилично и благополучно. Были случаи, что первостепенные сановники, министры, подвыпивъ въ компаніи, начинали между собою считаться, отъ пререканій переходили къ брани, а брань кончалась кулачной потасовкой...

Подбодрившись лишнимъ бокаломъ, Долгоруковъ почувствовалъ еще бо́льшій аппетитъ къ самодурству и «куражу». Спровадивъ Нейлиза, онъ искалъ теперь другую какую нибудь личность, которую могъ бы также оборвать и показать на ней свою власть. Оглядывая компанію, онъ увидѣлъ смирненько стоявшаго у печки рижскаго портоваго сбору секретаря Суровцова, тоже невѣдомо за что и почему не пользовавшагося благосклонностью князя.

— Ахъ, и ты здѣсь, плутъ! закричалъ на Суровцова Долгоруковъ и, на этотъ разъ, не ограничившись бранью, далъ волю рукамъ.

Съ перваго же слова, его сіятельство бросился на бѣднаго секретаря и сталъ его хлестать по щекамъ при всей честной компаніи.

Въ высшей степени характеристично то, что противъ этого безобразнаго и беспричиннаго насилія ни съ чьей стороны не послѣдовало ни сопротивленія, ни протеста. Почтенная компанія и самъ гостепріимный хозяинъ безучастно хлопали глазами на зрѣлище, какъ пьяный дебоширъ ни за что, ни про что, лупитъ ихъ товарища—точно, такъ и слѣдъ тому быть, и это только потому, что на дебоширѣ генеральскій чинъ и княжескій титулъ... До такой степени еще слабо было развито чувство человѣческаго достоинства въ этихъ свежеиспеченныхъ «европейцахъ», носившихъ подъ модными французскими кафтанами вполнѣ холопскія душонки, проникнутыя азіатскимъ раболѣпствомъ.

Самъ Суровцовъ покорно, не сопротивляясь, принималъ княжескія пощечины и только кланялся, да приговаривалъ жалобнымъ тономъ:

— За что, ваше сіятельство, изволите бить меня напрасно?

«И по уговору же всѣхъ гостей, которые въ то время были,— засвидѣтельствовалъ потомъ одинъ очевидецъ этой отвратительной сцены, — Суровцовъ кланялся ему, генералъ-майору, и просилъ прощенія». При этомъ, кое-кто изъ гостей, взявъ его за воротникъ, заставляли кланяться почаще и пониже...

Въ чемъ секретарь «просилъ прощенія»—свидѣтель не пояснилъ, но, вѣроятно, компанія, исходя изъ мудрой житейской максимы, что «у сильнаго безсильный всегда виноватъ» и всегда долженъ быть виноватъ, находила, что бѣдный секретарь тѣмъ уже провинился, что осердилъ его сіятельство, возбудилъ въ немъ непріятныя чувства.

На униженныя извиненія Суровцова князь, повидимому, смягчился.

— Добро, поцѣлуемся!—сказалъ онъ ему милостиво.

Суровцовъ почтительно подошелъ къ Долгорукову и поцѣловалъ его, но, при этомъ, получилъ новую пощечину—благо у князя рука расходилась.

— Я знаю его, такого-сякого: онъ у меня канцеляристомъ былъ! — какъ-бы въ оправданіе своей расправы сказалъ князь и, «не удовольствуясь тѣмъ,—поясняетъ свидѣтель-очевидецъ—и еще его-же, Суровцова, генералъ - майоръ билъ по щекамъ нѣсколько разъ».

Это становилось скучнымъ и, во всякомъ случаѣ, мѣшало веселому препровожденію времени. Тогда Даниловъ, обнадеженный «снисходительствомъ» къ нему Долгорукова, «желая то неспокойство прекратить, съ учтивостью сталъ генералъ-майора просить, добы оное оставилъ», и отвелъ его. О томъ-же «съ учтивостью» просили князя и другіе; но «неспокойство» расходившагося буяна, чувствовавшаго полную безнаказанность своего самодурства, остановить было не легко.

Въ компаніи, между прочими, былъ секундъ-майоръ Гайзеръ— безъ сомнѣнія, нѣмецъ, имѣвшій, вѣроятно, нѣсколько болѣе отшлифованныя понятія о чести и о человѣческомъ достоинствѣ. Зрѣлище дикой расправы надъ Суровцовымъ и его рабья покорность передъ княземъ возмутили «шляхетнаго» нѣмца—не слишкомъ, положимъ, но настолько, что, когда избитый секретарь отошелъ въ сторону, то Гайзеръ сказалъ ему съ насмѣшливымъ упрекомъ.

— Такъ-то тебя подчуютъ: лучше убирайся отсюда!

Эти слова какъ-бы пробудили въ Суворовцовѣ чувство оскорбленнаго достоинства. Ему стало стыдно, но и послѣ этого, разумѣется, на какой-нибудь протестъ духу въ немъ не хватило. Впрочемъ, и то уже было съ его стороны немалымъ мужествомъ, что онъ, подъ впечатлѣніемъ упрека Гайзера, рѣшился заявить князю

свою претензію, съ явнымъ рискомъ попасть подъ новый градъ оплеухъ.

— Ваше сіятельство,—сказалъ онъ,—изволили меня, бѣднаго, напрасно обидѣть, а мнѣ офицеры смѣются. Это сегодня дѣлается, а завтра мнѣ нельзя будетъ показаться.

Выходило такъ изъ словъ Суровцова, что не княжескіе побои ему больны и обидны, а насмѣшки офицеровъ, дерзающихъ сомнѣваться въ непререкаемости и безнаказанности этихъ побоевъ.

Такъ понялъ жалобу «бѣднаго» секретаря Долгоруковъ, и считая его уже, какъ-бы, своимъ крестникомъ, призналъ за благо вступиться за него.

— Кто дерзаетъ надъ тобою смѣяться? — спросилъ онъ грозно.

Суровцовъ указалъ на Гайзера.

— Вотъ этотъ толстенькій!—воскликнулъ князь.—А подайте ка мнѣ его сюда—я ему задамъ (князь прибавилъ «скверное руганіе»)!

Услышавъ эту угрозу, секундъ-майоръ струсилъ и «тихимъ молчаніемъ» далъ тягу, что посовѣтовали ему сдѣлать и другіе гости, во избѣжаніе «какой причины», какъ дипломатично выразили они, разумѣя, конечно, возможность новаго «неспокойства» со стороны буйнаго князя по отношенію къ благородной физіономіи секундъ-майора. Но Долгоруковъ впалъ уже въ новый пароксизмъ неистоваго «неспокойства» и бросился искать Гайзера. Секундъ-майоръ былъ, видно, легокъ на ногу и успѣлъ улепетнуть.

Не найдя его въ свѣтлицѣ, гдѣ происходилъ пиръ, свирѣпый князь кинулся шарить по всему дому, заглядывая во всѣ «каморки» и при этомъ, опрокинулъ два стола—одинъ съ фарфоромъ, другой съ напитками и хрустальной посудой. Дебошъ принималъ опустошительный оттѣнокъ Мамаева побоища. Злополучный хозяинъ приходилъ въ отчаяніе и не зналъ, что дѣлать. Пусть бьютъ его гостей, но зачѣмъ-же бить посуду и чинить убытокъ имениннику?

II.

Концертъ съ неподдѣльно-живой картиною.

Изыскивая способы, какъ унять разбушевавшагося знатнаго гостя мѣрами угожденія и подхалимства, такъ какъ иныхъ мѣръ и допустить не могла въ этомъ случаѣ чиновничья раболѣпная мысль, Спичинскій вспомнилъ о музыкѣ. Самъ онъ былъ, видно, большой ея любитель и крѣпко полагался на ея смягчающее нравы дѣйствіе.

— Ваше сіятельство!—почтительно обратился онъ къ Долгорукову: — не изволите ли приказать, я велю гобоистамъ на музыкѣ заиграть? У нихъ есть новые концерты—весьма хороши!

Обольщеніе подѣйствовало. Князь заинтересовался — точно ли хороши концерты? Взявъ новый бокалъ вина, онъ отправился, въ сопровожденіи хозяина и кое-кого изъ гостей, въ «каморку», гдѣ сидѣли гобоисты, и приказалъ имъ играть.

Оркестръ грянулъ.

Долго ли наслаждался его игрою Долгоруковъ и что, именно, въ этотъ промежутокъ времени произошло—свѣдѣнія въ дѣлѣ не полны и разнорѣчивы; но какъ бы тамъ ни было, во время игры гобоистовъ и въ той «каморкѣ», гдѣ они играли, глазамъ компаніи представилась вдругъ такая соблазнительная и скандалезная «живая картина»: на полу катались, сцѣпившись между собою, князь и Даниловъ, и ожесточенно тузили другъ друга. По показанію одного, вполнѣ достовѣрнаго, повидимому, свидѣтеля, ассесоръ Данилъ сидѣлъ верхомъ на сіятельномъ генералъ-майорѣ и мѣсилъ ему физіономію кулаками, а генералъ-майоръ теребилъ его обѣими руками за волосы.

Зрѣлище это было тѣмъ болѣе неожиданное, что еще за минуту Долгоруковъ выражалъ всячески свое «снисходительство» Данилову. Всѣ видѣли, какъ онъ «неоднократно» цѣловалъ его, и оба они «дружелюбно» называли другъ друга кумовьями. Съ другой стороны, зрѣлище это было крайне афраппирующее и чрезвычайное для чиновниковъ-очевидцевъ. Когда, передъ этимъ, на ихъ глазахъ генералъ бранилъ и колотилъ маленькихъ людей низшаго ранга—тутъ они не видѣли ничего ни необычайнаго, ни возмутительнаго; но увидѣть, какъ того же генерала, квитъ за квитъ, святотатственно надѣляетъ ударами какой-то ассесоръ, значительно низшій чинъ, сравнительно съ генеральскимъ, — это должно было до глубины потрясти каждую чинолюбивую душу, свято исповѣдующую, какъ символъ вѣры, табель о рангахъ и Господню заповѣдь: чинъ чина почитай!

Такое, именно, благоговѣйное потрясеніе испытали нѣкоторые изъ очевидцевъ описанной картины, всего же болѣе и прежде всѣхъ оберъ-квартирмейстеръ Данило Шрейдеръ, который первый бросился рознимать борцовъ, и не столько разнимать, сколько стараться освободить генералъ-майора отъ осѣдлавшаго его ассесора и оградить его благородную генеральскую персону отъ ассесорскихъ кулаковъ. Это ему и удалось послѣ немалыхъ усилій и при содѣйствіи другихъ лицъ. При этомъ Шрейдеръ велъ такую хитрую тактику, что, освобождая князя изъ рукъ Данилова, оставлялъ, однако же, ему возможность драть послѣдняго за волосы сколько душѣ угодно, что впослѣдствіи, какъ увидимъ, онъ и поставилъ себѣ чуть ли не въ заслугу.

Изъ-за чего же загорѣлась эта ожесточенная битва? Показанія дѣйствующихъ лицъ по этому вопросу были очень противорѣчивы. Показанія эти давались уже на слѣдствіи, когда каждый изъ об-

виняемыхъ всячески старался оправдаться и свалить всю вину въ начинаніи драки, а также въ нанесеніи побоевъ, на другаго.

По словамъ Долгорукова, драку началъ онъ, но вслѣдствіе нестерпимаго оскорбленія, нанесеннаго ему, якобы, Даниловымъ.

«Ассесоръ Даниловъ, — писалъ князь въ своемъ показаніи, — вступясь за секретаря Суровцова, котораго я, будто бы (sic!), обидѣлъ, употребилъ мнѣ нѣкоторыя противныя слова, а именно: «выбранивъ поматерно, сказалъ: ежели бы ты, толстобрюхой, меня такъ, какъ Суровцова, обидѣлъ, то я бы зналъ, что съ тобою дѣлать!» «Напротивъ того я ему сказалъ, что-де и ты не великъ человѣкъ и почти-де такой же секретарь, какъ и оной Суровцовъ, ибо ту должность и по указу тебѣ править велѣно». На это Даниловъ «мнѣ тихимъ образомъ, такъ, что слышать другимъ было не можно, сказалъ: да ты-де и самъ—безмѣстной генералъ! что я въ крайнюю обиду причтя, не могъ вытерпѣть и его, Данилова, ударилъ, который ту жъ минуту подъ ноги меня самъ ногами подшибъ, а потомъ и обѣими руками въ лицо ударилъ, отчего упалъ я навзничь, и онъ, Даниловъ, стоючи надо мною, билъ меня по лицу и говорилъ: что знай меня, я — Даниловъ! Я же, напротивъ того, его не только бить не могъ, но и оборониться никакова (средства?) не имѣлъ, ибо все, уже отъ того упаденія и отъ оныхъ его побоевъ, сила была у меня отнята, и билъ оной ассесоръ Даниловъ столь долго, покуда оберъ-квартермистръ Шрейдеръ, пришедъ, его Данилова отъ меня отвелъ, а потомъ паки, у него, Шрейдера, онъ, Даниловъ, вырвавшись, бросился еще меня бить и билъ; то въ то время уже и я за волосы его схватилъ»... «Какъ же онымъ оберъ-квартермистромъ я отъ него Данилова отнятъ былъ, тогда оной ассесоръ, пошедъ изъ покоевъ вонъ, еще меня поносительными словами бранилъ»... «И отъ тѣхъ побой были глаза у меня подбиты и на лицѣ имѣлъ знаки, что генералъ-лейтенанты графъ Салтыковъ, Ливенъ, Лопухинъ, генералъ-майоръ князь Мещерскій и прочіе, для посѣщенія бывшіе у меня, видѣли, отъ чего принужденъ былъ въ квартирѣ оставаться болѣе семи недѣль, а пользовалъ отъ того сāмъ собою».

Даниловъ, въ своемъ объясненіи, отвергалъ показаніе Долгорукова и представилъ всю исторію въ такомъ видѣ, что виновнымъ оказывался одинъ князь, а онъ, Даниловъ, былъ лишь жертвой и «невольникомъ» труднаго положенія, заставившаго его обороняться, спасенія ради живота своего. Впослѣдствіи мы встрѣтимъ объясненіе такого образа защиты обвиняемаго ассесора.

«Никакихъ противныхъ словъ ему, генералъ-маіору, я не говорилъ, — показывалъ Даниловъ на слѣдствіи, — но только, когда онъ неоднократно секретаря Суровцова билъ, то хозяинъ и я и другіе гости, желая, чтобы то неспокойство прекратилось, съ учтивостью его, генералъ-маіора, просили, дабы оное оставилъ, но онъ

не послушалъ»... «И таковыхъ словъ, что онъ, генералъ-маіоръ, безмѣстной, я не говорилъ и отъ него, генералъ-маіора, якобы я такой же секретарь, какъ помянутой Суровцовъ, рѣчей таковыхъ не слыхалъ, да и говорить оныхъ рѣчей было некогда, ибо онъ, послѣ бою Суровцова, искалъ маіора Гайзера бить».

«По ударѣ имъ меня въ лицо, своими ногами его ногъ не подшибалъ и обѣими руками въ лицо его не билъ, а на полъ онъ упалъ не отъ того, и что — «знай меня, я Даниловъ!» — такихъ словъ не говорилъ. А то происходило такимъ образомъ: когда онъ, генералъ-маіоръ, отбраня капитана Нейлиза и отбивъ секретаря Суровцова, и послѣ исковъ маіора Гайзера, не сыскавъ его вскорѣ, знатно въ тѣхъ сердцахъ, подойдя ко мнѣ и ничего не говоря, державъ въ правой рукѣ покалъ, другою рукою ударилъ въ лицо и глазъ поушибъ, отъ котораго удару едва на ногахъ я устоялъ и въ безпамятство пришелъ, и тотъ же моментъ оной генералъ-маіоръ, брося тотъ покалъ, ухватилъ меня за волосы и хотѣлъ ударить о полъ, точію, держа меня за оные, самъ напередъ упалъ и меня на себя повалилъ, и какъ я вдругъ на него упалъ, то нечаянно своею головою въ лицо его попалъ, и тѣмъ оное лицо и губы расшибъ, и по упаденіи онъ, генералъ-маіоръ, паки меня за волосы, сколько его силы допустило, дралъ же, отъ котораго, спасая животъ свой, дабы, до шпаги добрався, меня не умертвилъ, во время разниманія и самъ принужденъ былъ я себя, а не онъ, оборонять и въ непамяти же отбивался своими руками, и въ такомъ случаѣ можетъ быть и по лицу его попалъ, а знаки на немъ тогда какіе были-ль усмотрѣть было мнѣ невозможно, ибо ежелибъ хозяинъ и гости его рукъ изъ моихъ (волосъ) не вытащили, то бы не могъ и освободиться, а, освободясь, тотчасъ вонъ пошелъ и со слезами говорилъ: «За что меня, генералъ, бить?—Я не секретарь Суровцовъ, воля всемилостивѣйшей государыни моей, ибо имѣю рангъ маіорскій»... «И кромѣ той моей обороны, его, генералъ-маіора, я не бивалъ, въ оное-жъ его на меня нападеніе я не кричалъ... ибо отъ крѣпкаго его меня удару пришедшее мнѣ тогда безпамятство и кричать не допускало»...

Равнымъ образомъ, Даниловъ отрицалъ и то, что онъ, послѣ того, какъ его розняли съ княземъ, снова бросился на него. Въ подтвержденіе своего показанія онъ ссылался на свидѣтелей, и въ томъ числѣ на Шрейдера, но Шрейдеръ не совсѣмъ подтвердилъ его слова. Изъ всѣхъ свидѣтелей самое обстоятельное и вѣское, а также и наиболѣе правдоподобное показаніе далъ, именно, Шрейдеръ, хотя онъ и уклонился объяснить, какъ, съ чего и кѣмъ началась драка, а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не видѣлъ этого.

Когда Спичинскій возъимѣлъ мысль утихомирить князя Долгорукова музыкой, Шрейдеръ, по его словамъ, не сталъ дожидаться концерта и собрался уйти по добру по здорову; но, не успѣлъ онъ

взять шляпу, какъ «вдругъ услышалъ шумъ и, осмотрясь, увидѣлъ, что ассессоръ Даниловъ князя Долгорукова, лежащаго на землѣ, бьетъ кулаками, а князь его, Данилова, держитъ обѣими руками за волосы. И я, — говоритъ Шрейдеръ, — прискача, ассесора Данилова поймалъ за руку и сталъ его съ генералъ-маіора тащить прочь; только онъ, Даниловъ, вырвавъ у меня свою руку, паки сталъ бить; то я, видя такой ихъ непорядокъ, взялъ ассесора одною рукою за его руку, а другою за кафтанный воротникъ, потащилъ сильно, причемъ генералъ-маіоръ, лежучи подъ ассесоромъ, нечаянно своею ногою по моей ногѣ попалъ, отчего я упалъ на землю, его, ассесора, лежучи на землѣ, стащилъ съ него, генералъ-маіора; только онъ, генералъ-маіоръ, волосовъ изъ своихъ рукъ не выпущалъ, и артиллеріи поручикъ Богданъ Арендтъ сталъ онаго князя руки изъ волосъ ассессора вынимать, ибо тогда при томъ болѣе никого не было. Спичинскій былъ въ каморкѣ у гобоистовъ (здѣсь разнорѣчіе: по другимъ показаніямъ, вся сцена происходила въ той же каморкѣ, гдѣ были гобоисты); но, услыша крикъ и пришедъ, къ розниманію учинилъ помощь. И какъ скоро отъ той драки ихъ розняли, то ассесоръ Даниловъ выговорилъ: «Я-де не секретарь Суровцовъ, ты меня по щекамъ не бей; меня-де никто бить не можетъ, кромѣ всемилостивѣйшей государыни, ибо я-де патентованный и рангъ имѣю маіорской!» и самъ вышелъ вонъ»...

По всѣмъ вѣроятіямъ, такъ, именно, и произошла вся описанная «живая картина», значительно искаженная въ показаніяхъ ея главныхъ дѣйствующихъ лицъ, князя Долгорукова и Данилова, изъ коихъ каждый, какъ мы видѣли, старался выставить себя совсѣмъ ужъ неправдоподобнымъ агнцемъ кротости и невинности, ставшимъ жертвою насилія другаго. Впрочемъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что начинателемъ происшедшаго побоища былъ князь Долгоруковъ, какъ это можно заключить по предшествовавшему его поведенію.

Видно, что князь своимъ придирчивымъ буйствомъ разогналъ значительную часть гостей Спичинскаго. Хотя у всѣхъ тутъ, конечно, сильно шумѣло въ головѣ отъ радушнаго имянинаго угощенія; но тѣмъ не менѣе у большинства гостей настолько еще сохранилось благоразумія и чувства чинопочитанія, что они сочли за благо «тихимъ молчаніемъ» ускользнуть, чтобы не подвергнуться участи побитаго секретаря Суровцова, такъ какъ на отпоръ драчливому генералъ-маіору едва ли нашлись бы въ комъ нибудь изъ нихъ мужество и дерзновеніе.

Между тѣмъ у князя Владиміра Петровича, искусившагося уже въ насиліи, не смотря на миротворящее дѣйствіе музыки, все еще зудѣло плечо и чесались руки. Въ такомъ боевомъ пароксизмѣ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, для буяна уже что ни

пень, то—колода, кто ни подвернулся бы подъ руки, тотъ—и крестникъ. Подвернулся Даниловъ, который могъ обольщаться, во вниманіе къ знакамъ благосклонности, выраженнымъ ему княземъ, что на него-то ужъ не обрушится гроза. Вѣроятно поэтому, а также благодаря подпитію, онъ не остерегался и не сторонился Долгорукова... Ну, и—наскочилъ!

Самъ князь сознался, что онъ первый ударилъ Данилова; за что, про что—знать не важно, такъ какъ въ пьяномъ естествѣ сами борцы не всегда это знаютъ и еще рѣже помнятъ, изъ-за чего они передрались? На этотъ разъ генералъ-маіоръ неудачно выбралъ жертву; жертва дала весьма чувствительный отпоръ. Надо полагать, что Даниловъ былъ человѣкъ энергическій и, судя по его словамъ, исполненный высокаго мнѣнія о своемъ маіорскомъ чинѣ и о своей «патентованности»... А, впрочемъ, сказать это трудно; быть можетъ рѣшимость отразить нападеніе генерала-князя и задать ему трепку дерзновенный ассесоръ почерпнулъ исключительно на днѣ осушенныхъ имъ, вѣроятно, многихъ бокаловъ, безъ воздѣйствія которыхъ въ немъ и не оказалось бы такой храбрости. По крайней мѣрѣ, изъ показаній и прошеній Данилова можно заключить, что онъ въ вопросѣ о чести, при столкновеніи высшихъ чиновъ съ нижними, въ теоріи не возвышался надъ уровнемъ понятій какого нибудь Суровцова.

Концертъ съ «живою картиною», а съ ними и имянинный пиръ кончились такимъ отнюдь не живописнымъ финаломъ.

Когда Даниловъ, послѣ драки, убѣжалъ, князь Долгоруковъ поднялся съ пола, сѣлъ и сталъ вытирать себѣ лицо платкомъ, «ибо у него, по изображенію очевидца, изо рту и изъ носу шла кровь, и лицо было избито» (такожде и у ассесора Данилова одинъ глазъ былъ подбитъ). Посидѣвъ, приведя себя сколько нибудь въ порядокъ, князь спросилъ, невѣдомо для чего, гдѣ Даниловъ? Ему отвѣтили, что онъ уѣхалъ.

— Ну, когда онъ уѣхалъ, то и я пойду!—рѣшилъ онъ и, «ни мало не мѣшкавъ», уѣхалъ въ своей коляскѣ.

«Мѣшкать» болѣе, дѣйствительно, не представлялось ни резона, ни удовольствія.

III.

Двѣ шкуры съ козла искупленія.

Бурный и отчасти даже кровопролитный дебошъ, испортившій оберъ-кригсъ-комиссарскія имянины, не могъ конечно остаться тайной для рижскаго служебнаго мірка. Провинціальныя общества, какъ теперь, такъ и тогда, были очень чутки къ подобнымъ событіямъ, доставляющимъ столько матеріала для чесанія праздныхъ

языковъ. Скрыть скандалёзное происшествіе въ данномъ случаѣ было невозможно, вопервыхъ, потому, что оно было очень ужъ шумное и безобразное и совершилось на глазахъ цѣлаго собранія, вовторыхъ, потому, что въ немъ главнымъ героемъ явилась видная и не маловажная персона, какъ по титулу, такъ и по рангу, а, въ третьихъ, наконецъ, потому, что оно запечатлѣлось весьма выразительными боевыми вещественными доказательствами на физіономіяхъ дѣйствующихъ лицъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что на другой же день весь городъ зналъ уже о томъ, какъ и чѣмъ ознаменовались имянины Спичинскаго. Узнало объ этомъ конечно и высшее рижское начальство, съ генералъ-губернаторомъ во главѣ, должность котораго исполнялъ тогда въ Ригѣ престарѣлый фельдмаршалъ графъ Ласси. Объ этомъ можно заключить, между прочимъ, изъ показанія князя Долгорукова, въ которомъ онъ упоминаетъ о посѣщеніи его, какъ недужнаго, представителями мѣстнаго генералитета. Словомъ, скандалъ получилъ полную огласку. Оставалось что нибудь предпринять, чтобы его загладить и найдти виноватаго и распорядиться законнымъ порядкомъ въ интересѣ пострадавшихъ какъ лицъ, такъ и требованій общественной нравственности. Все это зависѣло главнымъ образомъ отъ князя Долгорукова, такъ какъ трудно было ожидать иниціативы въ этомъ случаѣ отъ такихъ маленькихъ, ничтожныхъ людей, какъ всѣ эти, замѣшанные въ исторіи, поручики, секретари и ассесоры, которые обыкновенно, при столкновеніи съ сильными, за тычкомъ не гонятся и въ излишнюю обидчивость не вдаются.

Надо думать, что князь, проспавшись и сознавъ, что онъ кругомъ виноватъ въ происшедшемъ «непорядкѣ», по термину Шрейдера, ничего лучшаго не могъ придумать, какъ постараться его забыть и предать забвенію, благоразумно отказавшись даже отъ какого бы ни было возмездія и на Даниловѣ за причиненные его генеральской персонѣ побои. Съ этой цѣлью онъ и засѣлъ дома—«пользовать самимъ собою» увѣчья и выжидать, пока непріятная исторія сколько нибудь забудется. Вѣроятно, рѣшеніе князя Владиміра Петровича выйдти такимъ политичнымъ манеромъ изъ сквернаго анекдота было доведено его друзьями и до свѣдѣнія стараго фельдмаршала. Ласси былъ человѣкъ добрый и разсудительный, да къ тому-жъ можетъ быть и лично расположенный къ Долгорукову. Въ виду всего этого, онъ могъ склониться на рѣшеніе князя—предать все дѣло волѣ Божіей. Въ самомъ дѣлѣ, что за радость подымать прибранную къ сторонкѣ грязь, размазывать ее и при этомъ пачкать ею людей публично и оффиціально, волочить ихъ по судамъ и портить имъ карьеру за то только, что они въ своей компаніи побуянили между собою во хмѣлю?—Никто не жалуется, не подаетъ доноса, и—слава Богу!

Но въ тѣ времена (какъ и въ нынѣшнія, впрочемъ) сильно процвѣтало диллетантское фискальство, которое никому не прощало ни одной погрѣшности, ни одной ошибки, зорко бдѣло надъ всѣми и сильными и слабыми, жадно подхватывало малѣйшій поводъ для злостнаго наушничества и строчило, строчило безъ конца краснорѣчивыя донесенія куда слѣдуетъ, не стѣсняясь и сочинительствомъ. Доносъ тогда былъ выраженіемъ общественной совѣсти, восполнялъ недостатокъ гласности и отождествлялъ собою нынѣшнія газетныя корреспонденціи. При отсутствіи печати, только страхъ доноса могъ сдерживать нѣсколько произволъ и безправіе сильныхъ міра сего въ провинціальныхъ захолустьяхъ. Разумѣется, это былъ, самъ по себѣ, очень грубый, часто лживый и безнравственный коррективъ общественныхъ нравовъ; онъ часто употреблялся, какъ орудіе личной мести, злобы и эгоизма, да, ктому-жъ, и не всегда достигалъ цѣли, не говоря уже о томъ, что жертвами его сплошь и рядомъ дѣлались люди невинные и праведные, почему-либо ставшіе поперекъ дороги доносчикамъ; но, такъ или иначе, доносъ былъ тогда почти единственнымъ орудіемъ гласности.

Кто, именно, и изъ какихъ побужденій сообщилъ интимно въ Петербургъ о непріятной исторіи съ княземъ Долгоруковымъ на имянинной пирушкѣ у Спичинскаго, — осталось тайной; но только въ Петербургѣ сообщеніе это произвело весьма рѣзкое впечатлѣніе— настолько рѣзкое, что рѣшено было дать дѣлу форменный, оффиціальный ходъ, въ пику и въ назиданіе рижскимъ властямъ, изобличеннымъ въ попущеніи «непорядку» и въ бездѣятельности.

Съ роковаго дня имянинъ Спичинскаго прошло болѣе пяти мѣсяцевъ; и хозяинъ и гости его давнымъ давно о нихъ забыли, забыли и о происшедшихъ на нихъ непріятныхъ событіяхъ; подравшіеся давно успѣли залѣчить взаимно нанесенныя въ бою увѣчья, успѣли, быть можетъ, и мировую уже справить... Какъ вдругъ, въ одно февральское утро 1748 года, петербургская почта, нежданно негаданно, ошеломила дряхлаго генералъ-губернатора такимъ грознымъ высочайшимъ указомъ изъ кабинета, за собственноручной подписью императрицы:

«Увѣдомились мы, говорилось въ указѣ, что генералъ-майоръ князь Владиміръ Долгоруковъ отъ ассесора Данилова въ дракѣ между ими безчестно битъ и изувѣченъ, о чемъ намъ отъ васъ и доношенія не прислано (sic!), а понеже такіе поступки съ генералитетомъ и равными между себя по воинскимъ уставамъ терпимы быть не могутъ, кольми паче генералъ-майора, человѣка знатной породы, бить ассесору, человѣку породою и чиномъ незнатному, терпимо отъ насъ быть не можетъ; да и по воинскимъ артикуламъ, всякому обиженному отъ кого-бы не случилось, велѣно искать обороны своей судомъ, а не самому управляться, а драки всякія запрещены, и чиненъ сей поступокъ противу почтенія къ намъ, по-

тому что мы всемилостивѣйше каждаго по заслугамъ жалуемъ чинами, ожидая отъ него службы по пожалованному отъ насъ чину; но вмѣсто того видимъ, что противу почтенія къ намъ данные отъ насъ знатные чины въ такое безчестіе повергаютъ, что срамно и слышать, а наипаче въ чужихъ земляхъ (sic!) безславіе на нашу армію отъ того происходитъ; того для, повелѣваемъ вамъ о всемъ томъ неприличномъ поступкѣ прислать къ намъ извѣстіе обстоятельное, взявъ подъ присягою подписки у всѣхъ при томъ бывшихъ въ томъ: какъ, когда, гдѣ оное было и онаго генералъ-майора князя Долгорукова осмортъ бою на немъ обрѣтающагося прислать, а ихъ обоихъ въ преступленіи воинскихъ регуловъ, такія безчинства запрещающихъ, по учиненіи фергеровъ, судить воинскимъ судомъ, и подписавъ сентенцію, кто чему будетъ достоинъ, прислать къ намъ для надлежащей конфирмаціи; тоже учинить и съ тѣми, кто при томъ были и такому безчинству быть допустили, а не розняли по должности, въ воинскомъ артикулѣ положенной».

Заслуженный фельдмаршалъ, избалованный милостями и всегдашней благосклонностью государей съ дней еще Петра Великаго, долженъ былъ испытать нѣсколько горькихъ и непріятныхъ минутъ при чтеніи этого указа, прямо укорявшаго его въ послабленіи власти и въ недостаточной ревности по охраненію «почтенія» къ августѣйшему авторитету императрицы. Вѣроятно, ему и въ голову не приходило, чтобы это, въ сущности, пустяшное дѣло могло заключать въ себѣ такое важно противугосударственное значеніе и относиться къ категоріи криминальныхъ нарушеній противъ величества. Онъ судилъ просто по-человѣчески и, если не возбуждалъ дѣла, то въ угоду, вѣроятно, самому князю Долгорукову, который желалъ замять непріятный для него случай. Но, вотъ, нашелся какой-то досужій анонимный блюститель нравовъ и достоинства генералитета, который не могъ успокоиться на такомъ рѣшеніи и настрочилъ тайный доносъ, возъимѣвшій столь грозныя послѣдствія.

Нечего было дѣлать: приходилось, въ исполненіе указа, разрыть затянувшійся уже корой забвенія грязный фактъ и копаться въ немъ для возстановленія попранныхъ «воинскихъ регуловъ», приходилось потянуть къ Іисусу и замѣшанныхъ въ немъ лицъ, не спрашивая уже ихъ—ищутъ-ли они сами, или прощаютъ взаимно понесенныя обиды?

Прежде всего Ласси нужно было оправдаться въ томъ, что онъ не сдѣлалъ своевременнаго «доношенія» и ничего не предпринялъ для наказанія виновныхъ въ «неприличномъ поступкѣ». Въ томъ же февралѣ, спустя нѣсколько дней послѣ полученія указа, фельдмаршалъ послалъ въ Петербургъ отписку, въ которой извѣщалъ, что онъ уже учредилъ военный судъ, въ исполненіе высочайшаго повелѣнія. «Не доносилъ же я до сего времени потому, оправдывался онъ далѣе, что ни отъ кого прошенія въ поданіи не имѣлъ, зачѣмъ

и осмотра ему, генералъ-маиору, тогда учинить и всеподданнѣйше мнѣ вашему императорскому величеству донесть было не съ чего, а нынѣ, по усмотрѣнію, боевыхъ знаковъ на немъ, князѣ Долгоруковѣ, не видно».

Представлялся, самъ собою, процессуальный вопросъ, вытекавшій изъ представленія дѣла, какъ видно изъ указа, въ такомъ видѣ, что пострадавшимъ лицомъ былъ-де одинъ князь Долгоруковъ: почему-же онъ самъ молчалъ, не обвинялъ своего обидчика и не искалъ, слѣдуя воинскому артикулу, «обороны своей судомъ»?

Его объ этомъ и спросили на слѣдствіи. Князь отвѣчалъ: «О томъ понесенномъ отъ ассесора Данилова боѣ и безчестіи я никогда не просилъ затѣмъ, что отъ побой онаго, Данилова былъ боленъ, а какъ отъ оной болѣзни сталъ чувствовать облегченіе, тогда по прошествіи трехъ дней о томъ уже и просить, въ силѣ указовъ, слѣдственности не имѣлъ».

Отговорка, очевидно, неосновательная и крайне натянутая. Ясно, что князь самъ не хотѣлъ поднимать дѣла, и несомнѣнно также, что доносъ послѣдовалъ въ Петербургъ, хотя и въ его пользу, но безъ его вѣдома и участія. Нельзя, однако, не замѣтить, судя по содержанію указа, что доносъ былъ сочиненъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, лицомъ, благоволившимъ къ князю Долгорукову или изъ личнаго расположенія, или-же изъ сословнаго, аристократическаго чувства, возмущеннаго фактомъ нанесенія побоевъ генеральской и княжеской персонѣ «человѣкомъ, породою и чиномъ не знатнымъ».

Такое заключеніе вытекаетъ изъ чтенія самого указа, въ которомъ фактъ драки Долгорукова съ Даниловымъ представленъ невѣрно и не согласно съ дѣйствительностью: вмѣсто констатированія взаимности побоевъ, какъ было на самомъ дѣлѣ, тамъ прямо и категорически сказано, что «безчестно битъ и изувѣченъ» былъ, будто-бы, одинъ только князь. Несомнѣнно, что въ такомъ именно смыслѣ было представлено это происшествіе въ доносѣ, на основаніи котораго былъ составленъ и указъ. А переданное въ такомъ видѣ дѣло не могло, конечно, не возбудить особеннаго негодованія въ петербургскихъ представителяхъ генералитета, ревнующихъ о сохраненіи его достоинства и авторитета.

Впрочемъ, все это дѣло тѣмъ особенно и характеристично, что въ немъ рельефно выразилась аристократическая тенденція тогдашняго правительства, явно, изъ принципа, покровительствовавшаго знатнымъ и чиновнымъ людямъ въ такой степени, что, когда послѣдніе, сталкиваясь съ людьми темными и маленькими, являлись предъ лицо правосудія, то оно завѣдомо мирволило имъ. Это мы сейчасъ увидимъ изъ хода описываемаго здѣсь слѣдственнаго дѣла.

Учрежденный Ласси военный судъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: презуса, генералъ-лейтенанта де-Бриньи, и членовъ—генералъ-маіора де-Фредерици, генералъ-квартирмейстера Ливена, полков-

ника Якова Бильса, подполковника Закревскаго и подполковника Якова Сухотина.

Судъ отнесся къ дѣлу очень серьезно, но, если бы онъ отнесся къ нему въ такой же мѣрѣ безпристрастно и съ одинаковой справедливостью къ обѣимъ сторонамъ, безъ предвзятости въ пользу одной изъ нихъ, то дѣло должно было рѣшиться очень просто, скоро и коротко. Прежде всего слѣдствіе должно было убѣдить судей, что виновнѣе всѣхъ безспорно въ происшедшемъ безчинствѣ князь Долгоруковъ, если не онъ одинъ виновенъ во всемъ. Затѣмъ, что касается его драки съ Даниловымъ, то, признавъ ихъ, положимъ, одинаково виновными въ нарушеніи благочинія, справедливость требовала признать, по отношенію къ вопросу о нанесеніи побоевъ и безчестья, равномѣрную взаимность этого нанесенія—не иначе. По справедливости и по буквѣ законовъ, никакого не было основанія считать вину Данилова въ этомъ случаѣ болѣе тяжкою, сравнительно съ виновностью Долгорукова. Съ его стороны тутъ не было ни преступленія по должности, ни нарушенія субординаціи и правилъ подчиненія начальству «во время исполненія обязанностей». Драка его съ княземъ произошла внѣ службы и не при исполненіи кѣмъ-бы то ни было изъ участниковъ дебоша своихъ должностныхъ обязанностей; Долгоруковъ не былъ его начальникомъ, даже вовсе не представлялъ собою въ данную минуту какое-нибудь важное начальственное лицо въ городѣ, которому всѣ обязаны оказывать извѣстную долю почтенія. Мы знаемъ, что онъ былъ просто «безмѣстный» генералъ, и такъ какъ онъ былъ военный генералъ, а Даниловъ штатскій чиновникъ, то послѣдняго нельзя было обвинить и въ нарушеніи, напримѣръ, дисциплины, обязательной для военныхъ чиновъ при сношеніи ихъ съ какимъ-бы ни было военнымъ генераломъ.

Словомъ, по всѣмъ обстоятельствамъ и глядя на дѣло съ современной намъ процессуальной точки зрѣнія, судъ долженъ былъ отнестись съ одинаковой суровостью или съ одинаковой снисходительностью какъ къ князю Долгорукову, такъ и къ ассесору Данилову; но судъ заранѣе былъ вдохновленъ указомъ мѣрять виновность подсудимыхъ различными мѣрами. Во-первыхъ, ему было поставлено въ прямой долгъ возстановить «почтеніе» къ величеству, попранное якобы нанесеніемъ такого «безчестія знатному чину, что срамно и слышать»; во-вторыхъ, отъ него требовалось задать острастку «человѣку, породою и чиномъ незнатному», который осмѣлился поднять руку на генералъ-маіора, представителя знатной породы,—что̀ «термимо быть не можетъ» ни подъ какимъ видомъ, на взглядъ петербургскихъ олимпійцевъ; и, наконецъ, въ-третьихъ, онъ долженъ былъ догадаться, что въ желанія тѣхъ же олимпійцевъ входитъ, чтобы виноватымъ оказался одинъ Даниловъ. На догадку такую могло наводить уже самое констатированіе въ

указѣ обсуждаемаго факта такимъ образомъ, что нанесеніе побоевъ и безчестья приписывалось одному злосчастному ассесору.

Въ такомъ, именно, духѣ и было поведено слѣдствіе, чему содѣйствовалъ не мало и князь Долгоруковъ, тонкимъ нюхомъ почуявшій, въ какую сторону вѣтеръ дуетъ. Подлаживаясь къ требованіямъ сезона и къ содержанію петербургскаго указа, являвшагося грознымъ протестомъ за авторитетъ знатной породы и высокихъ чиновъ, князь выбралъ для себя благодарную роль ни въ чемъ неповинной жертвы грубаго, безшабашнаго насилія со стороны темнаго плебея-разночинца. По совѣсти, сознавая себя неправымъ, онъ хотѣлъ было замять все дѣло; но теперь, когда оно всплыло наружу и когда онъ увидѣлъ, что наверху расположены за него заступиться, какъ за обиженнаго знатнаго и чиновнаго человѣка, ему ничего не оставалось, какъ прикинуться такимъ, именно, кругомъ обиженнымъ казанской сиротою... Онъ такъ и сдѣлалъ, какъ мы видѣли изъ его показанія, потому что на прямое, чистосердечное сознаніе у князя Владиміра Петровича не хватило ни честности, ни мужества. Разсчетъ его, впрочемъ, въ практическомъ отношеніи оказался вѣренъ.

Судъ съ первыхъ же шаговъ слѣдствія крайне неравномѣрно проявилъ свою суровость къ подсудимымъ, явно мирволя князю Долгорукову; но особенно рѣзко это выразилось въ его «сентенціи» и ея послѣдствіяхъ. Сентенція состоялась 19-го апрѣля 1748 года. Донося о ней въ Петербургъ, Ласси писалъ, что, руководясь ею, «князю Долгорукову при командѣ быть нынѣ онъ призналъ за невозможное, для чего и дѣйствительно отказано, а ассесора Данилова уже и до сего (т. е. до сентенціи) находившагося безъ команды и подъ политичнымъ арестомъ» онъ нынѣ, по сентенціи суда, арестовалъ дѣйствительно.

Такимъ образомъ, видно, что и при слѣдствіи и въ сентенціи судъ распорядился съ Даниловымъ гораздо строже, чѣмъ съ княземъ Долгоруковымъ. При исполненіи же сентенціи эта кривосудная разница была уже доведена до послѣдней, вопіющей крайности. Въ то время, какъ Долгоруковъ былъ оставленъ на полной свободѣ, не только безъ всякаго ущерба своихъ правъ и преимуществъ, но даже, какъ утверждалъ въ своей жалобѣ Даниловъ, съ оставленіемъ за нимъ и команды, и жалованья,—бѣдный ассесоръ, отставленный отъ службы, подвергся тяжкой участи колодника.

«Былъ я — писалъ онъ во всеподданнѣйшей, «слезной» жалобѣ, — арестованъ и отданъ плацъ-майору, яко по важному дѣлу, подъ караулъ и чрезъ городъ Ригу, въ поруганіе мое, съ примкнутыми у гранадеръ штыками веденъ въ цытадель, гдѣ на гаубвахтѣ, какъ сущій злодѣй, скованъ, а потомъ для моей совершенной болѣзни отпущенъ въ мою квартиру подъ арестомъ и черезъ недѣлю раскованъ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ до конфирмаціи и со-

держался, а въ декабрѣ мѣсяцѣ того же году плацъ-майоромъ въ ту же цытадель на гаубвахту больной взятъ, и цѣлый мѣсяцъ окованный содержался; но, чтобы тамъ уже не умеръ, больной же, въ желѣзахъ, привезенъ въ домъ мой, гдѣ уже, по репортамъ дохтурскимъ, для той моей болѣзни, тѣ желѣза сняты, въ коихъ близь двумѣсяцевъ находился, отъ котораго заключенія, а паче отъ того поступку и страху, поврежденной праличемъ, едва не умеръ...»

Въ такомъ тяжкомъ заключеніи злополучный ассесоръ находился болѣе двухъ лѣтъ и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, обратился, уже въ августѣ 1749 года, на высочайшее имя съ умоляющимъ прошеніемъ, «дабы указомъ повелѣно было, для многолѣтняго ея величества и ея дражайшей фамиліи здравія и для высочайшаго радостнаго тезоименитства ея и. в., всемилостивѣйше помиловать и отъ показаннаго заключенія освободить» его, Данилова.

Но въ дни Елизаветы Петровны не торопились ни съ помилованіями, ни съ дѣлопроизводствомъ, вообще, особенно по дѣламъ, поступавшимъ на высочайшее благоусмотрѣніе. Прошло еще слишкомъ два года, а отъ начала дѣла — четыре, пока состоялась, наконецъ, по немъ окончательная конфирмація. Только въ декабрѣ 1751 года послѣдовалъ имянной указъ въ военную коллегію, въ которомъ излагался такой приговоръ надъ подсудимыми: «1) генералъ-майора князя Долгорукова, за его не по чести и должности своей поступки и продерзости и за начинаніе драки, какъ въ дѣлѣ значитъ, за что по воинскимъ регуламъ подлежалъ лишенію чина и служить за рядоваго, однако, мы, въ разсужденіи того, чтобъ онъ прежде въ такихъ продерзостяхъ былъ—не видно, къ тому-жъ находился подъ судомъ безъ команды, изъ высочайшей нашей императорской милости отъ приговореннаго ему штрафа освобождаемъ, только обиженнаго секретаря Суровцова за безчестье и увѣчье, по окладу его, годовымъ жалованьемъ ему удовольствовать, а притомъ ему объявить, чтобъ впредь отъ такихъ продерзостей и непристойныхъ чести и чину его поступковъ остерегался; 2) ассесора Данилова, которой, хотя не начинатель той драки, былъ, однако, отмщеніемъ, право свое потерялъ и, хотя за учиненныя притомъ продерзости подлежалъ неупустительному штрафу, но понеже онъ прежде въ такихъ продерзостяхъ не бывалъ, но порядочно служилъ, да онъ же четыре года и семь мѣсяцевъ въ жестокомъ арестѣ и заключеніи содержится и будучи въ томъ болѣзнію поврежденъ, и для того оная вмѣняется ему въ штрафъ же и, свободя отъ ареста, опредѣлить его къ дѣламъ тѣмъ же чиномъ въ другое мѣсто и удержанное у него жалованіе, по его бѣдности, ему выдать; 3) оберъ-кригсъ-коммисара Спичинскаго, секундъ-маіора Сигунта и артиллеріи поручика Аранта, кои при той дракѣ свидѣтелями были и по суду невинными признаны, а по разсужденію военной коллегіи, якобы поступали не такъ, какъ по воинскимъ

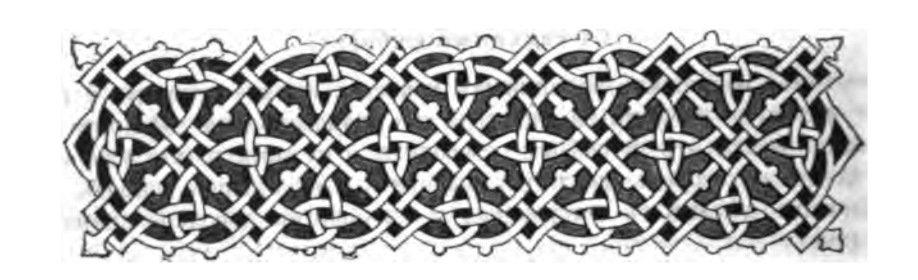
регуламъ надлежало, за винныхъ почтены, а паче хозяинъ, у коего положено вычесть на полъгода изъ жалованья на гофшпиталь: оныхъ всѣхъ отъ штрафовъ освободить, а судящихъ (это уже камушекъ въ огородъ коллегіи) выбирать и опредѣлять впредь къ таковымъ дѣламъ съ осторожностью знающихъ довольно право и указы...»

Какъ можно судить, конфирмація была очень милостивая: она всѣмъ прощала «продерзости» и отпускала вины противъ воинскихъ регуловъ. Маленькая только разница выходила въ ея результатахъ: для однихъ, напримѣръ, для князя Долгорукова, она являлась своевременно, а для другихъ, напримѣръ, для Данилова, слишкомъ ужь поздно... Какое утѣшеніе могло доставить это прощеніе несчастному, за всѣхъ поплатившемуся ассесору, выдержавшему почти пятилѣтнее «жестокое заключеніе», отнявшее у него и доброе имя, и кусокъ хлѣба, и здоровье? Единственный положительный результатъ, который могъ извлечь Даниловъ изъ этого горькаго опыта, заключался развѣ только въ урокѣ мудрости: «съ сильною породой и чиномъ не борись, даже и въ томъ случаѣ, когда онъ станетъ чистить тебя по зубамъ за здорово живешь!»

Секретарь Суровцовъ зналъ этотъ, преподанный житейскою мудростью XVIII столѣтія урокъ твердо, — за то начальство его и погладило по головкѣ!

Вл. Михневичъ.

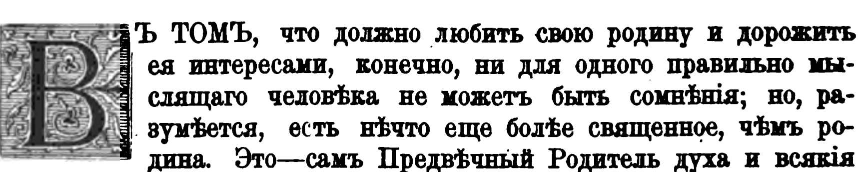

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ ВЪ ОСТЗЕЙСКОМЪ КРАѢ [1].

(Свои и чужія наблюденія, опыты и замѣтки).

XVII.

ВЪ ТОМЪ, что должно любить свою родину и дорожить ея интересами, конечно, ни для одного правильно мыслящаго человѣка не можетъ быть сомнѣнія; но, разумѣется, есть нѣчто еще болѣе священное, чѣмъ родина. Это—самъ Предвѣчный Родитель духа и всякія плоти. И, однако, когда князь Мещерскій и другой соумышленный ему недоумокъ консерватизма стали консервировать по своему набожность, то Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ «Руси» двукратно привелъ имъ французское замѣчаніе Шербюлье, что «Богъ больше любитъ тѣхъ, кто его не хочетъ знать, чѣмъ тѣхъ, кто его компрометируетъ». Не бывъ въ совѣтѣ Бога, сердцемъ чувствуешь какая вѣрная мысль заключается въ этихъ словахъ!

То же самое, кажется, примѣнимо и къ нѣкоторымъ нападкамъ обрядовиковъ на Суворова и на другихъ русскихъ дѣятелей, которые не хотѣли исполнять въ Ригѣ нѣкоторыхъ вещей, удобныхъ въ Москвѣ, но неудобныхъ въ Ригѣ.

Суворовъ сказалъ, что онъ не цалуется съ русскими потому, что «не хочетъ обидѣть нѣмцевъ». Справедливо судя, тутъ нѣтъ ничего худаго и неблагоразумнаго со стороны правителя, пребыв-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIV, стр. 237.

шаго въ такомъ пестромъ краѣ, какъ прибалтійская окраина. Зная нѣсколько характеръ Суворова и достаточно зная самый край и нравы преобладающаго здѣсь нѣмецкаго населенія, я рѣшился бы допустить, что князь Суворовъ дѣйствительно не только не хотѣлъ «обидѣть» нѣмцевъ, но онъ даже могъ опасаться, чтобы обычай троекратнаго цалованія, къ которому тутъ не привыкли, не показался неумѣстнымъ и, вмѣсто серьезныхъ чувствъ, не возбудилъ бы смѣха. И это отнюдь нельзя поставить князю въ вину и назвать съ его стороны ошибкою. Князь Суворовъ могъ бы на этотъ случай найти себѣ вполнѣ достаточныя оправданія въ поступкахъ самого православнаго духовенства, которое въ Остзейскомъ краѣ нашло неудобнымъ практиковать многіе церковные обычаи и оставило ихъ именно потому, чтобы не вызвать столкновеній, какія тутъ уже и бывали. Такъ, напримѣръ, во всей Россіи духовные отцы берутъ съ своихъ духовныхъ дѣтей деньги за исповѣдываніе грѣховъ и за записку въ книги, а равно за «запитье» при св. причастіи, а въ православныхъ церквахъ прибалтійской окраины, русскіе духовные, боясь осужденія со стороны нѣмцевъ, ничего этого не взимаютъ. И это, слава Богу,не худо. Въ Россіи церковные причты, въ полномъ составѣ, иногда и съ женами и съ дѣтьми, ходятъ о Пасхѣ по домамъ прихожанъ съ крестомъ, а о Крещеньи со святою водой; иногда они даже носятъ образа, воздухи и «покровцы», и сими послѣдними врачуютъ болѣзни и изгоняютъ нечистыхъ духовъ,—а здѣсь русскіе духовные все это тоже находятъ неудобнымъ, и не дѣлаютъ. Въ Россіи въ употребленіи молебны и водосвятія на поляхъ и при кладезяхъ, а здѣсь и отъ этого отступились, тоже опять опасаясь производить ненадлежащее впечатлѣніе на непривычныхъ къ этимъ обычаямъ нѣмцевъ. Въ Россіи священники ходятъ по домамъ прихожанъ читать передъ розговинами разрѣшительныя «розговѣйныя молитвы», а здѣсь не ходятъ. Въ Россіи есть обычай преполовенскаго и крещенскаго водосвятій на рѣкахъ,—и этотъ обычай считается очень важнымъ у православныхъ, но нѣмцы ничего этого не понимаютъ и собирались толпами смотрѣть на эти удивительныя для нихъ процессіи не съ благоговѣніемъ, какое желательно было бы видѣть русскимъ, а съ однимъ любопытствомъ, которое русскихъ обижало. Результатомъ этого были непріятныя сцены въ Ревелѣ, а въ Вейзенбергѣ дѣло дошло до суда, на которомъ русскія власти не отстояли ни священника, ни начальника военной команды, бывшей въ церемоніи и видѣвшей, какъ нѣмецъ закурилъ сигару отъ церковной свѣчи. Нѣмцу казалось, что это какъ будто возможно!

Видя не разъ такую неподготовленность непонимающихъ православія нѣмцевъ, сами владыки рижскіе «благословили» этихъ обычаевъ не исполнять. И весьма возможно, что если бы князь Суворовъ испросилъ у архіерея благословеніе не христосоваться на

оффиціальномъ пріемѣ, то онъ тоже получилъ бы такое благословеніе и тогда былъ бы чистъ и передъ Господомъ Богомъ и передъ Юрьемъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ; но Суворовъ былъ горделивъ и у владыки не благословился, и въ томъ, конечно, ему вина. Если вспомнить, что въ Россіи всѣ военные сами благословляютъ людей, говоря при каждой посылкѣ «пошелъ съ Богомъ», то и тутъ Суворовъ поступилъ по-военному. Таковъ ихъ военный обычай.

Вообще, я думаю, что обвиненіе, возводимое Самаринымъ на Суворова въ томъ, что онъ не христосовался въ Ригѣ, можно съ князя снять. Дурно только, что онъ не сдѣлалъ это просто, а наболталъ вздоровъ о «потливости», но ужъ таковъ былъ его словоохотливый характеръ.

XVIII.

Затѣмъ, когда изъ Риги выбылъ несомнѣнно умный и политически дальновидный Филаретъ Гумилевскій, въ рижскую епархію, по выраженію «Церковно-Общественнаго Вѣстника», «повалили, не находившіе дѣла дома», государи-псковичи, и тогда были сдѣланы попытки водворить здѣсь повсемѣстно весь русскій обычай въ его «священной цѣлокупности». Но результаты таковыхъ усилій вышли неудачные и, къ сожалѣнію, даже довольно скандальные,—что̀ для религіи всего хуже.

Началось это съ мелочей: то тутъ, то тамъ, нѣмцы появлялись на наши внѣшнія церковныя церемоніи и смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ и удивленіемъ, но безъ того благоговѣйнаго уваженія, какое хотѣлось видѣть псковичамъ, пріѣхавшимъ насаждать здѣсь «истинное благочестіе». Пошли жалобы, что нѣмцы «глумятся», «не оказываютъ уваженія,—не снимаютъ шапокъ, проходятъ мимо съ закуренными трубками и сигарами», и т. д.

Это угрожало разростись до скандала, и разрослось.

Гражданскія власти, безъ всякаго преувеличенія, очень часто находили себя въ безъисходномъ затрудненіи—какъ мирить этого рода щекотливыя претензіи духовенства съ недостатками благоговѣйности въ нѣмцахъ; а претензіи становились все чаще и досадительнѣе. Начались столкновенія, за которыми не трудно было предвидѣть трескучій скандалъ и, наконецъ, онъ разъигрался съ шумомъ, крикомъ и даже съ потасовкой, точно на одномъ изъ вселенскихъ соборовъ.

Произошло это въ маленькомъ эстляндскимъ городкѣ Вейзенбергѣ, о которомъ раньше вскользь было упомянуто. Русскіе задумали здѣсь устроить молебную церемонію съ водосвятіемъ на городской площади. Молебенъ и освященіе воды совершалъ священникъ Михаилъ Иконниковъ, а командою, отряженною въ парадъ отъ Островскаго пѣхотнаго полка, распоряжался того же полка маіоръ Вертинскій.

Поставили столъ, образа, чашу съ водой, зажгли свѣчи и начали молебствовать. Городокъ крошечный, никогда такого зрѣлища невидавшій, весь сбѣжался на площадь. Желая какъ можно ближе поглядѣть, чтò такое здѣсь будутъ дѣлать надъ чашей—нѣкоторые нѣмцы подошли къ самому столу, а бòльшая часть стала у дверей своихъ домовъ. Иные же размѣстились на прилавочкахъ и думая, что тутъ они дома,—вели себя по-домашнему.

Всѣ они были съ покрытыми головами, т. е. въ шапкахъ, а нѣкоторые даже курили свои вонючія нѣмецкія сигары. Это не могло скрыться ни отъ кого изъ присутствующихъ, а священнику Иконникову, и начальнику парада, маіору Вертинскому, даже показалось, какъ будто нѣмцы своимъ присутствіемъ въ шапкахъ и съ дымящимися сигарами тамъ, гдѣ русскіе стоятъ и молятся обнаживъ головы,—нарочно стараются выказать свое неуваженіе къ русскимъ религіознымъ обычаямъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что это, дѣйствительно, такъ и было. Маіоръ сдѣлалъ попытку внушить иновѣрнымъ зрителямъ почтеніе къ русскому священнодѣйствію, и велѣлъ одного изъ грубо ему отвѣчавшихъ нѣмцевъ взять подъ арестъ. Съ этого началась исторія: другіе нѣмцы вступились за арестованнаго и, въ пылу объясненій, наговорили маіору дерзостей. Мало того, пока шолъ споръ, другіе нѣмцы приблизились къ горѣвшимъ церковнымъ свѣчамъ и стали закуривать отъ ихъ огня свои погасшія сигары...

Скандалъ вышелъ самый полный и самый публичный, еще болѣе дополненный при производствѣ начавшагося затѣмъ слѣдствія. Священникъ Иконниковъ (по нынѣ здравствующій въ Ревелѣ) получилъ «вопросные пункты», которые я читалъ и въ которыхъ всего яснѣе и настойчивѣе выступалъ вопросъ: «развѣ маіоръ Вертинскій не былъ пьянъ?».

Всѣ эти вопросы, съ которыхъ я имѣю въ своемъ портфелѣ копіи, давали дѣлу такой тонъ, какъ будто при исполненіи упомянутой священной церемоніи у русскихъ главнымъ образомъ имѣло участіе пьянство участвующихъ въ церемоніи лицъ...

Это была обида горькая и тяжкая и ее, однако, пришлось снести безъ всякаго утѣшенія, такъ какъ дѣло о вейзенбергскомъ происшествіи, сколько мнѣ извѣстно, до конца не дошло и оскорбители остались не наказанными, а только священникъ Михаилъ Иконниковъ былъ переведенъ въ кладбищенскую церковь въ Ревель, да и это считàлъ для себя благодѣяніемъ...

Попало ли это, неизвѣстно кѣмъ и какъ прикрытое дѣло, на видъ недавно ревизовавшаго управленія Остзейскаго края сенатора Манасеина,—я не знаю, но знаю, что случай въ Вейзенбергѣ былъ сочтенъ достаточно убѣдительнымъ, чтобы сократить или даже вовсе оставить «оказательныя» церковныя церемоніи подъ открытымъ небомъ, которыя, однако, составляютъ общеупотребительные

обычаи православной церкви въ Россіи... И отмѣну эту никакъ нельзя не одобрить, ибо безъ нее случаи, подобные вейзенбегскому, весьма вѣроятно, еще не разъ бы повторились и, можетъ быть, даже въ гораздо худшихъ проявленіяхъ, за послѣдствія которыхъ никакъ нельзя бы поручиться... Слѣдовательно, не лучше ли было бы еще, еслибы вмѣсто такой уступки, которая явилась вынужденною post factum—самая возможность подобнаго, унизительнаго для русскихъ столкновенія была предупреждена устраненіемъ самаго повода, поданнаго обычаемъ, значеніе котораго для здѣшней мѣстности странно и непонятно...

Иначе, ужъ надо было держать сторону своихъ русскихъ энергичнѣе, а не такъ, какъ ее держали.

XIX.

Разумѣется, мы не желаемъ уничтоженія всѣхъ обычаевъ нашей родной церкви въ Остзейскомъ краѣ, но есть обычай и обычай. Между ними есть разница и со всѣми съ ними одинаково стремиться на видъ въ среду чуждаго и незнакомаго съ ними населенія, конечно, неудобно. Къ таковымъ можетъ быть слѣдуетъ причислить и публичное христосованіе, котораго не исполнялъ князь Суворовъ и котораго, сколько мнѣ извѣстно, не исполняютъ въ храмахъ и многіе русскіе священники Остзейскаго края,—между тѣмъ, какъ въ центральныхъ мѣстахъ Россіи, по селамъ и городамъ, духовенство между утренею и обѣднею выстраивается врядъ по среди церкви, имѣя у себя въ рукахъ святыя иконы, а у ногъ соломенныя лукошки для яицъ, куда мужики и бабы должны класть принесенныя яица.

Обычай этотъ патріархаленъ и, можетъ быть, даже трогателенъ, но онъ неудобенъ, и потому онъ оставленъ духовными не только въ Остзейскомъ краѣ, но и въ Петербургѣ и во многихъ другихъ большихъ русскихъ городахъ. И высшая церковная власть, кажется, этого не осуждаетъ и на непремѣнномъ соблюденіи такого обычая не настаиваетъ. А потому, можетъ быть церковь не осудила за это и князя Суворова, а напротивъ, при погребеніи его въ Сергіевской пустыни, устами избраннаго проповѣдника, укрѣпила за нимъ доблестное имя «настоящаго православнаго князя и болярина».

Но другое дѣло, напримѣръ, обычай, соединяющій въ себѣ и символъ, и впечатлѣніе, и сущность. Такимъ конечно ни за что нельзя поступиться безъ вреда дѣлу, а отступника нельзя оставить безъ осужденія. Какъ на одинъ изъ таковыхъ случаевъ можно, напримѣръ, указать на общее русскимъ людямъ стремленіе къ единенію на «пирѣ вѣры» въ утреннемъ служеніи великаго дня св. Пасхи. Это глубокая черта, и въ то же время—черта характерная

и важная. Обычай быть въ эту ночь въ церкви вмѣстѣ со всѣми столь силенъ и всеобщъ у русскихъ, что его свято исполняютъ не только всѣ вѣрующіе и постоянно посѣщающіе храмы, но даже отъ него не хотятъ освобождать себя люди невѣрующіе или, по крайней мѣрѣ, никогда храмовъ непосѣщающіе. Отъ того и происходитъ всѣмъ извѣстная тѣснота и давка въ храмахъ на пасхальной заутрени. Къ этому напряженному порыву всего православнаго міра чрезвычайно идетъ и торжественная соборность священно-служащихъ, которая соблюдается повсюду. Гдѣ есть архіерей или архимандритъ, онъ непремѣнно въ этотъ день служитъ въ первомъ храмѣ своего города; въ селѣ надѣваетъ ризы или стихарь престарѣлый заштатный іерей или такой же дьяконъ и всѣ соборомъ объявляютъ міру: «Христосъ воскресъ». Представимъ же, что кто-либо изъ священно-служителей дерзнулъ бы пренебречь этимъ многозначащимъ обычаемъ, и вмѣсто того, чтобы соборовать со всѣми, онъ вдругъ отдѣлился бы отъ главнаго храма для того, чтобы служить пасхальную утреню на дому у одного изъ своихъ почетнѣйшихъ прихожанъ... Онъ этимъ, конечно, тяжко обидѣлъ бы церковь, и совершилъ бы положительно дурное, соблазнительное и непростительное дѣло. Такъ, по русскимъ понятіямъ велико и существенно важно значеніе этого обычая, обязывающее духовныхъ быть всѣмъ у своего алтаря и со всѣмъ множествомъ приходящаго народа, а не съ тѣмъ или другимъ кружкомъ избранныхъ... И духовенство православной церкви—надо ему отдать справедливость—свято и неизмѣнно чтитъ этотъ обычай и никогда его не нарушаетъ. Покрайней мѣрѣ намъ не приводилось ни видѣть, ни слышать, чтобы какой-нибудь уѣздный протопопъ или другой настоятель осмѣлился оставить на Пасху свой храмъ и пошелъ служить пасхальную заутреню въ домъ зажиточнаго прихожанина. Первый случай въ этомъ родѣ намъ приводится узнать только изъ разсматриваемаго нами письма достоуважаемаго Юрія Ѳедоровича Самарина. «Суворовъ (пишетъ профессору Шульгину Самаринъ), который до сего числа не былъ въ соборѣ, не поѣхалъ туда слушать и заутреню на Свѣтлое Воскресеніе—вслѣдствіе чего архіерей служилъ ее также не въ соборѣ, а въ замковой церкви [1]), гдѣ не было ни кого изъ главныхъ губернскихъ чиновъ»...

Мы недоумѣваемъ, какъ отнестись къ такому странному факту, въ которомъ уже дѣйствительно чувствуется обидное нарушеніе весьма существеннаго русскаго церковнаго обычая. Архіерей, самъ архіерей, оставилъ свой каѳедральный храмъ, полный народа, и отправился служить въ домовую церковь князя «вслѣдствіе того,

[1]) Домовая церковь генералъ-губернаторовъ называлась «замковою» потому, что мѣстомъ пребыванія этихъ лицъ служилъ старый «замокъ», находящійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собора.

что тотъ не былъ въ соборѣ и не поѣхалъ туда на заутреню»!.. Юрій Ѳедоровичъ ни слова не говоритъ о томъ, какъ ему представляется этотъ поступокъ владыки рижскаго? Во всемъ этомъ Самаринъ винитъ только одного Суворова. Такая постановка вопроса слишкомъ одностороння и неудовлетворительна. Односторонность же здѣсь является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ партійной несвободности, которая у Самарина иногда граничитъ съ пристрастіемъ. Это, впрочемъ, удѣлъ почти всѣхъ безъ исключенія партійныхъ людей, и критика должна бережно, но смѣло отсортировать въ ихъ часто прекрасныхъ сочиненіяхъ партійныя послабленія однимъ и натяжки для другихъ.

То самое имѣемъ и здѣсь, — въ строгомъ обвиненіи генералъ-губернатора Суворова безъ всякой оцѣнки поступка архіерея, который, разумѣется, ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ былъ оказать такую слабость, чтобы въ противность народному обычаю и своему долгу—оставить всю паству, собравшеюся у его каѳедры, и служить въ торжественнѣйшій день вѣры на дому у генералъ-губернатора. Каковъ бы ни былъ этотъ генералъ-губернаторъ, — во всей полнотѣ его властныхъ полномочій—онъ не могъ имѣть ни права, ни силы, заставить архіерея публично совершить такое нарушеніе важнѣйшаго обычая; архіерей могъ недопустить князя за одинъ пріемъ обидѣть и всю православную паству, и нанести крайній ущербъ личному архипастырскому авторитету.

Описанное предпочтеніе, которое архіерей оказалъ Суворову къ обидѣ всей паствы, нетолько не внушило князю уваженія къ владыкѣ, но, напротивъ, лишь усилило княжескую наглость.

Самаринъ разсказываетъ, что къ концу этихъ же «первыхъ трехъ недѣль» своего рижскаго управленія князь Суворовъ уже «во всевѣдѣніе сталъ писать на отношеніяхъ архіерея резолюціи въ родѣ слѣдующихъ: справьтесь съ закономъ и разъясните, кто правъ, кто виноватъ, кто глупъ, кто смѣшонъ».

Дерзость такой надписи по-истинѣ возмутительна, но нельзя не видѣть, что поводъ къ подобной азартной выходкѣ былъ поданъ князю самимъ же архіереемъ... [1])

---

[1]) Выражая наше мнѣніе объ этомъ прискорбномъ случаѣ, мы сами не знаемъ: какого именно изъ рижскихъ архіереевъ это касается. Цитируемое нами письмо Самарина не датировано его рукою, а покойный Виталій Яковлевичъ Шульгинъ написалъ внизу его «1848 г. февраль или мартъ»—что несомнѣнно надо считать ошибкою. По крайней мѣрѣ въ февралѣ это письмо ни какъ не могло быть писано, потому что въ немъ идетъ рѣчь о пасхальной заутренѣ, а пасха никогда въ февралѣ не приходится. Слѣдовательно, письмо это могло быть писано не ранѣе самыхъ послѣднихъ чиселъ марта или, всего вѣроятнѣе, въ апрѣлѣ. Несомнѣнно же можно быть увѣреннымъ, что оно писано во всякомъ случаѣ раннею весною 1848 года, а пасха въ этомъ году приходилась 11-го апрѣля. Изъ книги же покойнаго товарища синодальнаго оберъ-прокурора Юрія Толстаго

Этою характерною надписью князя Суворова мы начали нашу статью, — ею же и заключимъ наши извлеченія изъ любопытнаго письма Самарина и перейдемъ теперь къ другимъ наблюденіямъ и замѣткамъ.

XX.

По племенному чувству, которое всегда сохраняетъ свою силу надъ каждымъ человѣкомъ, мы охотно желали бы стать безъ оглядки на сторонѣ тѣхъ, кто стремился внушить правителямъ Остзейскаго края самое сильное «предпочтеніе русской натурѣ». И если бы «русская натура» была непререкаемымъ синонимомъ лучшей натуры среди всякихъ людей другаго племени, то мы ощутили бы себя на высотѣ счастія, стоя за указанное предпочтеніе. Тогда мы считали бы возможнымъ ждать отъ этаго «предпочтенія» полнаго успѣха всѣмъ драгоцѣннѣйшимъ и самымъ существеннымъ интересамъ нашей родины. Но, къ сожалѣнію, по совѣсти говоря, намъ кажется, что если бы безъусловное «предпочтеніе» получило теперь такое развитіе, какое для него желалъ Ю. Ѳ. Самаринъ, то это привело бы совсѣмъ не къ благопріятнымъ для русскихъ результатамъ. Оно только заставило бы ихъ коснѣть и отдалять время своего прочнаго сравненія съ тѣми иноплеменниками, которымъ ихъ твердый характеръ и основательность образованія даютъ перевѣсъ.

Мы не говоримъ объ уравненіи правъ и объ учрежденіи порядковъ одинаково безобидныхъ для всѣхъ жителей края. Это, конечно, требуется самою простою справедливостью и это должно быть сдѣлано немедленно же; но рѣчь идетъ о «предпочтеніяхъ», что̀ совсѣмъ не вяжется съ идеею справедливости и едва ли отвѣчаетъ пользамъ государственнымъ.

«Предпочтеніе» легко оказывать, но только лучшему, ибо тогда это можетъ идти не въ ущербъ справедливости, которая должна имѣть наивысшій почетъ и первое мѣсто въ глазахъ правящей власти. Но всегда ли и во всемъ русская натура являетъ здѣсь лучшее? Въ нашей прошлогодней статьѣ о князѣ Суворовѣ, мы имѣли случай показать, какъ сами нѣмцы, желая остепенить невыносимое гонительство православнаго духовенства на русскихъ старовѣровъ, выставляли на видъ добрыя свойства этихъ унижаемыхъ

«Списки архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ» (1872 года) видимъ, что рижскую каѳедру до 6-го ноября 1848 года занималъ Филаретъ Гумилевскій, который только 6-го ноября получилъ новое назначеніе въ Харьковъ, а въ то же самое число въ Ригу на его мѣсто былъ назначенъ Платонъ Городецкій, нынѣшній митрополитъ кіевскій и галицкій. Слѣдовательно, изъ сопоставленія этихъ чиселъ возможенъ одинъ выводъ, что 11-го апрѣля 1848 года, когда праздновалась пасха, въ Ригѣ епископствовалъ Филаретъ. *Н. Л.*

людей, и даже заступались за нихъ. Нѣмцы указывали на раскольничье трудолюбіе, трезвость и благонравіе, и со стороны власти можетъ быть было бы вполнѣ достойно внять этимъ нѣмецкимъ защитамъ, а не тѣмъ, кто, претендуя на «предпочтеніе», самъ не милуетъ единокровныхъ своихъ. Чтобы «оказать предпочтеніе» этимъ надо было въ корень искоренить другихъ «честныхъ и трудолюбивыхъ людей» той же «русской натуры».

Да будетъ благословенно имя Божіе, что это не далось, къ сраму и поношенію русскаго народа.

Потомъ, когда старовѣрческая молодежь, вслѣдствіе уничтоженія школъ и обезсиленія общества «образовала (по выраженію Суворова) вредный класъ карманщиковъ» и предалась такимъ гнусностямъ, за которыя испепеленъ былъ Содомъ и Гомора, какое же «предпочтеніе» могло имѣть мѣсто какъ по отношенію къ этимъ несчастнымъ, такъ и по отношенію къ тѣмъ, кто ихъ довелъ до этой ужасной степени паденія? Кого тутъ было предпочитать: гонителей или гонимыхъ одной и той же «русской природы»? Намъ, можетъ быть скажутъ, что мы беремъ однѣ низины, въ которыя сливалась вся муть съ русскихъ горъ, но мы съ этимъ не можемъ согласиться, ибо цѣлое старовѣрское населеніе Остзейскаго края нельзя считать за пустяки. Но оставимъ эти «низины», покинемъ расколъ и обратимся къ тому, что не расколъ.

Въ чемъ же выразилось право на «предпочтеніе?» Не расколъ проявлялъ себя здѣсь только въ гоненіи на расколъ и въ усиленномъ храмоздательствѣ. Для постройки церквей здѣсь было сочинено особое управленіе съ особымъ заправителемъ, который этимъ путемъ создавалъ себѣ карьеру. Былъ особый главнозавѣдующій дѣлами возведенія церквей, «статскій генералъ» г. Голоушевъ. Церкви строились, и на это собирались деньги, но еще Самаринъ выражалъ опасенія, что они «достанутся нѣмцамъ подъ пивоварни», а не за долго передъ своею смертью то же опасеніе высказывалъ епископъ Филаретъ Филаретовъ... Стремленіе болѣе заботиться о храмоздательствѣ, чѣмъ о насажденіи живой вѣры въ душахъ людей, къ сожалѣнію, тоже есть несомнѣнная черта «русской натуры», и стремленіе это можно понять и извинить, ибо въ этомъ, какъ справедливо замѣчено Знаменскимъ или Голубинскимъ, выражается отчаянное усиліе хоть видимыми знаками множества крестовъ какънибудь засвидѣтельствовать неимѣніе креста въ сердцѣ. Это наслѣдіе византійства, измыслившаго многоглавые храмы, не рѣдко съ фальшивыми куполами, служащими только для умноженія числа крестовъ на одной церкви. Во все время церковь православная не дала здѣсь ни одного даровитаго проповѣдника, котораго бы талантъ и сила слова просіяли. А здѣсь, какъ въ странѣ лютеранской, проповѣдь въ обычаѣ, и народъ любитъ слушать проповѣдниковъ. Надо было достичь того, чтобы отъ этого отучить, и до-

стигли, а церкви все строили и строили и насылали туда пастырей, часто даже вовсе непонимавшихъ языка пасомыхъ...

По «вѣдомостямъ» это выходило отлично!

Но что было на дѣлѣ? На дѣлѣ многіе священники не умѣли служить на языкѣ прихожанъ и жили въ закутахъ. Да, буквально въ закутахъ. Покойный настоятель ревельскаго собора, отецъ Ѳедоръ Знаменскій, безъ слезъ не могъ вспоминать, какъ онъ съ женою и дѣтьми «сидѣлъ зиму въ сараѣ» и питался однѣми черными сухарями, а случалось и тѣхъ не имѣлъ и не зналъ какъ попросить у эстовъ хлѣба. А въ это время въ Ригѣ возводился замѣчательный архіерейскій домъ съ библіотечною залою, напоминающею залъ библіотеки въ Потсдамскомъ дворцѣ германскаго императора...

Все это происходило на виду нѣмцевъ, которые можетъ быть и не умѣли понять, что все это такъ именно и нужно «въ русскомъ духѣ».

Вдобавокъ, строители иногда устроивали довольно забавные анекдоты.

Высшею, такъ сказать кульминаціонною точкою храмоздательскихъ операцій здѣсь было упомянутое возведеніе въ Ригѣ новаго большаго православнаго собора. Не станемъ разсуждать: ощущается ли въ немъ настоятельная надобность для торжества православія и не было ли здѣсь у православія нуждъ гораздо болѣе существенныхъ. Скажемъ только, что и старый, нынѣ служащій православнымъ соборъ, намъ не удавалось видѣть переполненнымъ до стѣсненія. Разсудили однако, что «новый соборъ нуженъ для величія», и даже «для политики, что бы колоть глаза нѣмцамъ» — пусть такъ: колоть, такъ колоть.

Но тогда значитъ новый соборъ, конечно, будетъ образцовымъ зданіемъ, которое превзойдетъ здѣшніе храмы лютеранъ и покажетъ нѣмцамъ высокое состояніе русскаго искусства.

Но увы, изъ всей этой постройки вышло только громоздкое, претенціозное, но безстильное зданіе, которое застряло въ своемъ окончаніи и стоитъ «въ чернѣ», какъ пресловутый кіевскій соборъ св. Владиміра. А то, что въ новомъ рижскомъ соборѣ окончено— произведено вполнѣ въ духѣ «русской натуры», т. е. безъ всякаго разсчета. Колокольня этого собора возведена такъ, что большой колоколъ, который отлитъ для него въ Москвѣ, не лѣзетъ въ ея амбразуры и влѣзть въ нихъ не можетъ. Это такъ разсчитано... Колоколъ этотъ приходится оставить на землѣ или сдѣлать для него особую пристроечку, съ которой огромный звонъ его конечно уже не будетъ слышанъ во всемъ московскомъ великолѣпіи...

Эта строительская несообразительность напоминаетъ того русскаго мужика, который построилъ въ избѣ борону такой величины, что ее нельзя было протащить въ двери...

XXI.

Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ человѣкъ необыкновенно умный, конечно, не обмолвился, требуя «предпочтенія русской натурѣ». Несомнѣнно она ему казалась болѣе всѣхъ другихъ достойною по соображеніямъ очень серьезнымъ и, какъ намъ кажется, именно по соображеніямъ политическимъ. Человѣкъ «русской натуры» по самой природѣ своей приверженъ къ Россіи и ея правительственному устройству, а человѣкъ нѣмецкой «натуры» являетъ иное. По словамъ Самарина натура нѣмецкаго обывателя въ Остзейскомъ краѣ «обнаруживаетъ непрочность государственной связи, основанной не на любви къ общему отечеству, не на единствѣ языка и вѣры, а на разсчетѣ выгодъ и личной привязанности къ царствующему дому». Это не преступленіе со стороны нѣмцевъ, а такова ихъ натура. Самаринъ зналъ нѣмецкую натуру и такое знаніе за нимъ утверждено признаніемъ очень большаго числа просвѣщенныхъ людей. Нѣмецкій консерватизмъ, по представленіямъ Юрія Ѳедоровича, недостаточенъ для русскихъ требованій... Уважаемъ и чтимъ мнѣнія Юрія Ѳедоровича, но слова имъ сказанныя, все-таки, желаемъ себѣ разъяснить и провѣрить. Но чѣмъ? Вниманіе наше по этому поводу останавливается на чужеземномъ авторѣ, именно на Едгарѣ Кине, ибо въ его сочиненіи «Esprit nouveau», написанномъ послѣ того, какъ французы стали основательно «изучать нѣмцевъ», есть много интереснаго для опредѣленія нѣмецкаго консерватизма.

Кине даетъ огромное значеніе разницѣ натуръ, воспитанныхъ въ культѣ лютеранства противъ натуръ, воспріявшихъ болѣе или менѣе значительное вліяніе «византіизма». Отъ послѣдняго, по его выводу, не свободны расы романскія. «Византія имѣла время бросить на нихъ свой отблескъ». Расамъ, получившимъ «отблескъ византіизма», Кине противупоставляетъ германскую породу, окрѣпшую въ лютеранскомъ культѣ. Отсюда онъ дѣлаетъ любопытныя и поучительныя посылки и сравненія, какъ однѣ и тѣ же идеи воспринимаются людьми разнаго культа. Это не лишено значенія для насъ.

Вотъ передъ нами, напримѣръ, именно то, что намъ интересно— «консерваторъ-французъ и консерваторъ-нѣмецъ», какъ изображаетъ ихъ Кине (II глава III часть) съ глубокомысліемъ и искренностью разсматривающій «новый духъ, водворяющійся въ Европѣ съ силою неотразимою».

«Посмотрите на нѣмецкаго консерватора. Вы подумаете, что имѣете дѣло съ консерваторомъ французскимъ. Та же ненависть къ пролетаріату, на который онъ смотритъ какъ на бичъ времени; то же негодованіе противъ равенства избирательныхъ правъ;

то же желаніе предоставить дворянству и высшей буржуазіи преимущества надъ ремесленниками и чернорабочими. Монархія представляется нѣмецкому консерватору, какъ единственный якорь спасенія среди бурь и волненій современности, и до сихъ поръ вы, французскій консерваторъ, рукоплещите консерватору нѣмецкому. Вы узнаете въ немъ вашего союзника, видите въ немъ свой образъ и спѣшите протянуть ему руку черезъ Рейнъ... Но подождите. Послушайте нѣмецкаго консерватора о другихъ предметахъ и скажите тогда будетъ ли онъ вамъ своимъ».

Кине приводитъ нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ, которые часто слышатся въ самыхъ спокойныхъ кружкахъ нѣмецкой публики. Они взяты, цитируемымъ нами авторомъ, изъ сочиненія Штрауса «Der alte und der neue Glaube» (1872 г.) и одно указаніе на этотъ источникъ для нашихъ читателей должно быть достаточнымъ объясненіемъ, почему мы не приводимъ въ подлинникѣ крайне неконсервативныхъ (съ русской точки зрѣнія) мнѣній консерваторовъ нѣмецкихъ. Скажемъ вкратцѣ, что нѣмецкіе консерваторы не видятъ, напримѣръ, никакой нужды скрывать, что они христіанства, въ его старой, соборной формѣ, болѣе не признаютъ и вообще не видятъ нужны терять время и досугъ въ какихъ бы то ни было церковныхъ спорахъ. Нѣмецкіе строгіе консерваторы находятъ все подобное «слишкомъ суетнымъ для настоящаго строгаго времени, когда росту народнаго самосознанія надо уже препятствовать болѣе сильными средствами, чѣмъ устрашеніе адомъ, для котораго, по несомнѣннымъ выводамъ геологіи,—нѣтъ мѣста внутри земного шара». Въ концѣ выходитъ, что и Богъ нѣмецкаго консерватора—совсѣмъ не тотъ ипостасный Богъ, къ служенію котораго французскій консерваторъ желаетъ привлечь ограниченный въ консервативномъ духѣ народъ французскій. Все то, къ чему консерваторъ «съ византійскимъ отблескомъ» стремится въ религіи, по соображеніямъ строгаго нѣмецкаго консерватора, уже запоздало и совсѣмъ не годится,—и онъ не хочетъ объ этомъ думать, ибо, по его понятіямъ, «на этомъ уже не удержишься». Отъ этого самый нѣмецкій консерватизмъ имѣетъ другой характеръ, и такое слѣдствіе лютеранской культуры, должно быть, принимаемо за натуру.

Кине говоритъ: «здѣсь мы касаемся настоящей разницы между консерваторомъ французскимъ (въ культѣ котораго авторъ чувствуетъ струю византізма) и консерваторомъ нѣмецкимъ (выращеннымъ въ культѣ протестантизма). Французъ, вступающій на путь реакціи, отдается ей весь — умомъ, разсудкомъ, воображеніемъ и всѣми своими чувствами. Онъ попадаетъ какъ бы въ желѣзную мельницу, гдѣ ни одна часть его духа не остается не перетертою и не перемолотою въ пыль. Нѣмецкій же консерваторъ отдаетъ удержу или застою только самую необходимую и,

сравнительно, очень небольшую часть самого себя,—именно свою политическую внѣшность, но самымъ твердымъ и ревнивымъ образомъ сохраняетъ въ неприступной неприкосновенности все, что составляетъ область его ума. Какъ бы онъ ни реакціонировалъ въ своей политической внѣшности, его свободная воля остается здравой и невредимой, а его стремленіе къ знаніямъ и къ философской независимости даже увеличивается отъ уступокъ, которыя онъ дѣлаетъ въ своей политической внѣшности». Консервирующій французъ думаетъ, что онъ уже «не имѣетъ никакой нужды въ свободномъ умѣ», и что все его дѣло въ томъ, чтобы держаться за указанное ему старье, «не сохраняя ни малѣйшей части самого себя». Онъ «весь преданъ безъ отвѣта задачѣ удержать все, что было.» «Обязанный отрицать все, что принялъ и провозгласилъ умъ, онъ дѣлаетъ это съ однимъ только безпокойствомъ, какъ быть, когда ему придется, можетъ быть, отрицать даже и эти беззаконныя отрицанія. Это порождаетъ въ немъ внутреннюю тревогу и мученія, которыя становятся сущностію его бытія, и въ этой ужасной пустотѣ, его посѣщаютъ самыя зловѣщіе призраки... Онъ видитъ бѣду вездѣ и во всемъ; онъ теряетъ всякій критерій,—живетъ безъ мысли и безъ будущаго и, наконецъ, онъ не вѣритъ ни во что и не чувствуетъ даже собственной головы на плечахъ»...

Образумливать или «разувѣрять» такого консерватора съ византійскимъ помазаніемъ приходится «встрѣчному прохожему», а навстрѣчу ему насмѣшливый рокъ, какъ на зло, выпускаетъ теперь именно консерватора нѣмца, и... вотъ происходитъ удивительное дѣло: «два консерватора не узнаютъ другъ друга, а побѣждаетъ нѣмецъ, ибо онъ знаетъ, что можно консервировать, но такъ, чтобы консерватизмъ имѣлъ жизнь въ себѣ».

Это какъ будто тотъ консерватизмъ, о которомъ у насъ въ недавнее время хорошо выразился И. С. Аксаковъ,—консерватизмъ живой и наступательный, а не «топотанье на одномъ мѣстѣ».

XXII.

Самаринъ въ откровенномъ письмѣ къ Шульгину усматриваетъ хитрость и ласкательство въ томъ, что остзейскіе нѣмцы встревожились приглашеніемъ ихъ въ германскій парламентъ и поспѣшили искать возможности представить императору Николаю Павловичу адресъ въ удостовѣреніи ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, подъ условіемъ сохраненія нѣмецкихъ преимуществъ въ Остзейскомъ краѣ.

Конечно, трудно прозирать тайны минувшаго и критиковать мечты и помышленія, которыя болѣе или менѣе тщательно сокрыты

отъ постороннихъ, но Юрій Ѳедоровичъ, надо полагать, свидѣтельствуетъ о разсказанномъ ухищреніи, тоже, по слухамъ, ибо нельзя думать, чтобы онъ лично былъ допускаемъ туда, гдѣ нѣмцы втайнѣ обсуждали свои ограничительныя ковы. А потому къ вѣстямъ объ этомъ замыслѣ позволительно относиться съ осторожностью какъ къ слуху, ни чѣмъ обстоятельно не доказанному.

Что до насъ, то въ нашихъ глазахъ замыселъ ограничить императора Николая не вяжется ни съ осторожнымъ тактомъ нѣмцевъ, ни съ характеромъ государя, котораго нѣмцы очень хорошо знали... Да сомнительно, чтобы и князь Суворовъ будто брался представить Николаю Павловичу адресъ объ условной ему преданности...

Любопытно было бы, если бы кто нибудь изъ свѣдущихъ русскихъ или нѣмецкихъ писателей разъяснилъ это.

Остзейскіе нѣмцы въ огромномъ большинствѣ дѣйствительно консерваторы, но консерваторы въ томъ фасонѣ, по которому консерватизмъ выкраивается у людей протестантскаго культа: все, что св. писаніе внушаетъ протестантскому школяру въ его школѣ о повиновеніи власти, онъ усвоиваетъ и вноситъ въ практику, «дабы проводить жизнь тихую и безмятежную» (1 Рим., 2, 3).

Намъ на это могутъ замѣтить, что среди нѣмцевъ нынче очень много людей не вѣрующихъ или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые едва ли пріемлятъ слова св. писанія за «волю Божію».

Совершенно справедливо, но пусть тотъ, кому это придетъ въ голову, вспомнитъ извѣстный разсказъ о «невѣрующемъ нѣмцѣ», который послѣ большаго изученія догматическихъ и философскихъ наукъ пришелъ къ убѣжденію, что «Бога нѣтъ».

Что же онъ сдѣлалъ съ этимъ убѣжденіемъ?

Во-первыхъ, изъ осторожности, онъ перевелъ это убѣжденіе въ категорію сомнѣній, а потомъ, все-таки, продолжалъ утромъ и вечеромъ молиться, такою осторожною молитвой:

«Господи!—если ты есть,—помилуй душу мою—если она есть».

Властвующій надъ нимъ культъ перешолъ въ натуру, которая сама себя бережетъ отъ всего, что не будетъ благопріятствовать «тихому и безмятежному житію».

XXIII.

Ю. Ѳ. Самаринъ сравниваетъ, какъ русскій народъ проявляетъ свою любовь къ своимъ государямъ и какъ дѣлаетъ это нѣмецъ. Что въ русскихъ чувствахъ къ государю преобладаетъ такая теплота, какую теперь мы напрасно стали бы искать гдѣ бы то ни было въ другихъ странахъ Европы,—это не подлежитъ сомнѣнію. Бывало подобное у французовъ къ ихъ королямъ, но теперь уже тамъ нѣтъ

и королей. Въ другихъ же странахъ отношенія стали въ рамки долга и взаимныхъ обязательствъ,—межъ тѣмъ, какъ у насъ они имѣютъ семейный характеръ. «Ты нашъ отецъ.—Мы твои дѣти»,—вотъ какъ выражаетъ или такъ обыкновенно желаетъ выразить свои чувства къ государю русскій человѣкъ, когда онъ лелѣетъ мысль имѣть съ нимъ разговоръ о своемъ дѣлѣ. Этого рода домашнести нѣтъ уже у народовъ Запада, а въ русскомъ человѣкѣ еще очень много. Отсюда и его взглядъ на образъ правленія и беззавѣтная его, сыновняя преданность какъ отцу и строителю земли. Таковъ опять русскій культъ, а до чего культъ и у насъ способенъ переходить въ натуру—это доказываетъ, напримѣръ, расколъ тѣхъ толковъ, гдѣ долго не хотѣли молиться или и о сю пору еще не молятся за царя. Ихъ представляли ослушниками или даже недругами царской власти и они за то немало отстрадали, но все это ихъ немоленіе и подчасъ нетерпѣливыя слова о томъ или другомъ царскомъ повелѣніи не измѣнили въ существѣ ихъ душевнаго настроенія къ самодержавному царю. Споръ о богомоленіи, это у современныхъ раскольниковъ—догматическая услада ихъ богословской мысли, а чувства ихъ къ главѣ русскаго государства—тѣ же, что у всего народа.

Раскольники предполагаютъ и утверждаютъ, что купецъ Иголкинъ, сдѣлавшій себѣ историческую извѣстность убійствомъ шведскаго солдата, который непочтительно говорилъ о Петрѣ,—былъ будто «ихъ вѣры», т. е. раскольникъ.

Такъ это или не такъ, но одно желаніе усвоить себѣ Иголкина, отмѣтившаго свой слѣдъ на землѣ самозабвенною ревностію за честь царя, рукою котораго древнему благочестію нанесены самыя тяжкія раны,—свидѣтельствуетъ, что и самого великаго Петра наши старовѣры собственно говоря любятъ... Они это иногда и высказываютъ: «Грубіянъ былъ, говорятъ,—вѣрѣ и благочестію нагрубилъ, а въ прочемъ молодецъ».

Любовь человѣка нѣмецкой натуры отличается большей разсудочностію, но она вѣрна и тоже можетъ быть трогательна. Онъ только болѣе сортируетъ въ умѣ вопросы и ставитъ все на свое мѣсто, такъ что одно не заслоняетъ другаго. Приведу маленькій, но характерный анекдотъ о чувствѣ одного прекраснаго нѣмца къ покойному государю Александру II, къ которому этотъ человѣкъ можно сказать горѣлъ самою преданною любовью.

XXIV.

Въ Петербургѣ жилъ и не очень давно скончался контръ-адмиралъ Андрей Васильевичъ Фрейгангъ, человѣкъ удивительно доброй души, нѣжнѣйшаго сердца и вообще возвышеннѣйшихъ прав-

ственныхъ качествъ. Нѣжность и доброта заставили его «измѣнить нѣмцамъ и предаться ихъ невольникамъ—латышамъ и эстамъ». Такъ говорилъ онъ о себѣ самъ и такъ говорили о немъ дѣла всей его жизни. Фрейгангъ могъ быть только на той сторонѣ, которая претерпѣваетъ обиды. Но онъ не былъ сентименталъ,—напротивъ имѣлъ духъ трезвый и бодрый. Въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ онъ никогда не отставалъ отъ литературы, ревниво слѣдилъ за всякимъ движеніемъ мысли и пользовался замѣчательно единодушнымъ расположеніемъ всѣхъ, кто зналъ этого по истинѣ «праведнаго старика». Его, какъ мнѣ извѣстно, чтилъ М. Н. Катковъ и уважали извѣстные петербургскіе славянофилы, такъ какъ Андрей Васильевичъ тоже страстно любилъ «несчастныхъ славянъ», для которыхъ все что-то собиралъ и посылалъ имъ,—писалъ къ нимъ, писалъ о нихъ, и за нихъ и т. п. Вообще, это былъ нѣмецъ съ самыми русскими симпатіями. О любви его къ Россіи и къ государю, разумѣется, уже нечего и говорить. Императоръ Александръ II за его «освободительныя идеи» имѣлъ въ Фрейгангѣ восторженнаго почитателя,—а затѣмъ я прошу прослушать слѣдующій разсказъ, за вѣрность котораго я отвѣчаю.

Въ какомъ-то изъ женскихъ учебныхъ заведеній шли экзамены по закону Божію. На одинъ изъ этихъ экзаменовъ, не знаю, для какой надобности, былъ приглашенъ одинъ іерархъ, извѣстный тѣмъ, что «умѣлъ загинать загвоздочки». Воспитанница станетъ втупикъ, а его преосвященству это очень утѣшно.

«Загвоздочки» были въ такомъ родѣ: предлагался напримѣръ вопросъ: гдѣ теперь душа Богородицы?» и т. п. Съ теченіемъ обстоятельствъ владыка впрочемъ измѣнялъ свои «загвоздочки» и доходилъ съ ними до большой виртуозности. Такъ, одинъ разъ, въ одномъ заведеніи онъ приплелъ къ вопросамъ о долгѣ и о послушаніи властямъ слѣдующій вопросъ собственнаго сочиненія:—«Что если бы вы плыли черезъ рѣку въ лодочкѣ, въ которой имѣли бы возможность спасти только одного человѣка, и вдругъ увидали въ опасности двухъ: одного своего родного отца а другого—отца народа,—кого бы изъ сихъ двухъ спасли вы?»

Дѣвочка страшно сконфузилась, а потомъ, оправясь, отвѣчала:

— Я бросилась бы въ воду сама, чтобы они спаслись оба.

Отвѣтъ не понравился: онъ вышелъ «не благочестивъ», ибо «самоубійство — грѣхъ», и экзаменаторъ опять началъ досаждать дѣвушкѣ.

Тогда несчастная дала отвѣтъ, доказывавшій, что ея возрасту были уже доступны сложныя соображенія, но съ этимъ же бросилась вонъ и истерически зарыдала... Своего отца ей тоже было жалко...

Многіе объ этой «загвоздочкѣ» слышали, и... ничего. Иныхъ она даже смѣшила, но какъ вы думаете отнесся къ этой штукѣ

Андрей Васильевичъ Фрейгангъ—нѣмецъ и старый морякъ, совершавшій самыя дальнія путешествія и видавшій Богъ вѣсть какія опасности? А вотъ какъ: узнавъ, что «архіерей осмѣлился такъ оскорбить дѣтское чувство и поставить имя государя такъ, чтобы съ воспоминаніемъ о немъ соединялось нѣчто тягостное для сердца», контръ-адмиралъ заплакалъ какъ дитя и написалъ государю горячее и трогательное письмо, съ которымъ ходилъ въ Лѣтній садъ, чтобы подать письмо государю внѣ правилъ, такъ, чтобы «за это арестовали», лишь бы до государя непремѣнно дошло, какъ смѣютъ дѣлать мысль о немъ тягостною сердцу.

Кому-то стоило большаго труда удержать ветхаго днями и здоровьемъ энтузіаста и вѣрноподданнаго отъ этой подачи...

А Фрейгангу тогда было уже много, много лѣтъ... и онъ былъ бѣденъ.

Одинъ архіерей, которому мнѣ разъ случилось привести этотъ случай, замѣтилъ:

— Штука нѣмецкая.

— И хорошая, сказалъ я.

— Да; но неправильно.

— Почему, говорю. Въ чемъ вы видите неправильность?

— Государи царствуютъ такъ же на страхъ.

— «Врагамъ», подсказалъ я.

— Нѣтъ, также и всѣмъ, отстоялъ владыка.

— Но хоть по крайней мѣрѣ не дѣтямъ!

— А также и дѣтямъ.

Конечно, всѣ эти люди добрые вѣрноподданные, но только разной культуры и разной натуры.

Не наведетъ, я думаю, скуки на читателя если я разскажу еще одинъ анекдотъ, въ которомъ видна паралель боголюбія и богопочтенія. Рѣчь будетъ не о богословахъ, которые и у нѣмцевъ почти такъ же нетерпимы какъ и у насъ, и такъ же способны сердито браниться и клясть тѣхъ, кто съ ними несогласенъ на счетъ существа Божія, или высшихъ цѣлей Провидѣнія, открытыхъ духовенству болѣе, чѣмъ всѣмъ прочимъ. Паралель будетъ идти между русскимъ чиновникомъ, человѣкомъ которому правительство довѣряло смотрѣніе за непокорными, и между университетскимъ студентомъ остзейскаго происхожденія, который самъ за свое поведеніе попалъ на каторгу.

Произшествіе относится къ теплымъ днямъ минувшей молодости нашего поколѣнія,—именно къ тому году, когда впервые появились въ печати «Записки изъ мертваго дома» Ѳ. М. Достоевскаго. Онѣ читались тогда съ необычайною жадностію и производили впечатлѣніе самое глубокое, но разнообразное. Вотъ объ этомъ разнообразіи я и скажу.

Мы, помнится въ шестеромъ, сидѣли вечеромъ въ квартирѣ извѣстнаго въ литературномъ мірѣ Артура Бенни, прекраснаго, восторженнаго юноши, сына лютеранскаго пастора изъ Томашова Равскаго[1]). Въ числѣ собравшихся были талантливый молодой беллетристъ того времени Василій Ал. Слѣпцовъ, докторъ М—овъ, извѣстный впослѣдствіи эмигрантъ Варѳоломей Зайцевъ, еще одинъ молодой писатель, я и студентъ В—отъ. Послѣдній былъ сынъ лютеранскаго пастора изъ Остзейскаго края, зналъ по-эстонски и по-латышски и дѣлалъ для «Сѣверной Пчелы» выборки изъ газетъ, издававшихся на этихъ языкахъ. В—отъ былъ настоящій, типическій «сынъ пастора», какъ намѣчено у Гейне: бѣлый, румяный, съ дѣвственнымъ выраженіемъ глазъ при страстныхъ ярко-пунсовыхъ и полныхъ устахъ. Поведеніе его и Бенни побуждало товарищей звать ихъ «фрейлейнами». Это были молодые юноши чистые, какъ цѣломудреннѣйшія дѣвушки. Вообще компанія наша состояла изъ людей молодыхъ, достаточно добрыхъ и небездарныхъ.

Докторъ М—овъ читалъ вслухъ только-что вышедшій кусокъ «Записокъ изъ мертваго дома»—всѣ слушали, разумѣется съ большимъ вниманіемъ, но вдругъ, чего ни кто не ожидалъ, произошелъ скандалъ, прервавшій чтеніе и наполнившій мою душу до сихъ поръ памятнымъ тяжкимъ ощущеніемъ.

Чтеніе дошло до того эпизода, гдѣ Достоевскій разсказывалъ о начальникѣ, который, въ видахъ особеннаго своего удовольствія, наказывалъ каторжныхъ розгами съ особеннымъ приступомъ. Арестанта обнажали, растягивали на землѣ и заставляли лежа съ голой спиною читать вслухъ молитву Господню. Арестантъ разумѣется повиновался,—читалъ, и когда онъ произносилъ: «Отче нашъ, иже еси на небеси»—начальникъ подхватывалъ:

— А ты ему поднеси!

И съ этимъ вмѣстѣ пучки розогъ начинали свистать...

Бенни при этомъ вскочилъ и быстро выбѣжалъ въ свою спальню, а Слѣпцовъ расхохотался и, подхвативъ маленькаго, щуплаго Варѳоломея, поднялъ его какъ бы въ жертву поднесенія, и повторилъ:

— А ты ему поднеси.

Но въ это же мгновеніе изъ спальни раздался мучительный истерическій вопль Бенни... Молитва Господня въ такомъ богохулительномъ примѣненіи произвела на него ужасное впечатлѣніе и онъ не могъ удержать рыданій; но то, что было съ В—отомъ, было еще страшнѣе. Когда мы привели въ чувство Бенни, В—отъ

---

[1]) Правительственные органы ни за что не хотѣли признать этого происхожденія Бенни и на этомъ основаніи Бенни, судимый по дѣлу о передержательствѣ Кельсіева, былъ высланъ заграницу, какъ иностранецъ. Курьезъ достойный быть не забытымъ. Бенни умеръ отъ раны полученной подъ Ментано въ италіанскомъ госпиталѣ. Н. Л.

стоялъ неподвижно какъ статуя посреди комнаты и только губы его шептали:

— Гдѣ?.. гдѣ?

Его спросили: чего онъ ищетъ, о комъ спрашиваетъ?

— Гдѣ онъ... этотъ... который заставлялъ... Я убью его!

И Б—отъ не былъ въ мгновенномъ возбужденіи, которое сейчасъ же готово и пройдти. Съ эффектомъ восторженнаго гелертера онъ поднялъ вверхъ свою руку и произнесъ:

— О, клянусь, что я его найду!

Съ этимъ онъ выбѣжалъ и цѣлую ночь ходилъ по городу, видя передъ собой гдѣ-то очами души начальника отдаленнаго сибирскаго острога.

И Богу лишь вѣдомо можетъ быть они и встрѣтились, ибо вскорѣ же нашъ розовый сынъ пастора встрялъ въ какую-то компанію, съ которою и понесъ тягостную участь по дѣлу, сущность коего мнѣ обстоятельно не извѣстна. Да Богу же единому вѣдомо конечно и то, когда Б—оту впервые приключилась мысль дѣлать то, чего ему не слѣдовало дѣлать... Насъ, впрочемъ, занимаетъ только паралель между силою впечатлѣнія, произведеннаго однимъ и тѣмъ же явленіемъ, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ на людей русскихъ и на людей «протестантской культуры».

Не станемъ разбирать кто изъ нихъ хуже, кто лучше, кто имѣетъ больше правъ на сочувствіе, а кто меньше, но отмѣтимъ одно, что когда нашимъ беззавѣтнымъ ребятамъ пришла мысль «нахлопать Вавку» (такъ звали Зайцева), тогда въ душахъ самообладающихъ сыновей пасторовъ поднялось что-то доходившее до раздѣленія души съ тѣломъ...

Думается, приведенныхъ примѣровъ довольно, чтобы въ средней и высшей степени образованія людей нѣмецкой и русской культуры можно было признать и снисходительно уважить большое и характерное различіе, и во имя этой разницы не укорять ихъ одного другимъ и не наказывать одного «предпочтеніемъ натуры другаго».

Рекомендуемое «предпочтеніе» можетъ быть оказалось бы болѣе у мѣста на низшихъ степеняхъ культурнаго развитія. Въ низшихъ слояхъ общественности, гдѣ по нашему народному выраженію «люди въ наукахъ не зашлись», натура беретъ свое сильнѣе, и тутъ мы, можетъ быть, въ состояніи указать черты, которыя могутъ заставить «предпочитать» насъ прочимъ. Въ самомъ дѣлѣ—примитивности въ насъ больше и самый «византійскій отблескъ», лежащій на нашей религіозности, страстнѣе и горячѣе холодноватаго «протестантскаго культа». Но къ сожалѣнію является иное препятствіе для сравненій: нѣмецкая натура оказывается несостоятельною, чтобы усвоить всю полноту чувствъ и особенно роскошную образность представленій русской натуры съ «византійскимъ отблескомъ».

Попытаюсь для наглядности представить здѣсь маленькій разсказъ о благочестивыхъ сотоварищахъ русской и нѣмецкой натуры, происхожденія скромнаго и учености самой малой—простонародной.

XXV.

Когда я въ первую свою побывку въ Ригѣ (1863 г.) жилъ, благодаря покойному генералъ-губернатору Ливену, среди старовѣровъ на всей свободѣ и безъ всякихъ подозрѣній, ко мнѣ хаживали разные люди, преимущественно изъ охотниковъ поговорить о вѣрѣ. Въ числѣ моихъ гостей были два старца, плакавшіе о «государынѣ пустынѣ», хотя одному изъ нихъ пустыня, мнѣ казалось, совсѣмъ бы не годилась, ибо онъ «ковчежецъ» нѣкій имѣлъ и давалъ деньги въ ростъ за христіанскіе проценты—по 5°/о въ мѣсяцъ.

Но, не анализируя себя многосторонне, старикъ несмятенно и ростовщичествомъ занимался и «ко святымъ простирался».

Тогда незадолго покойный Д. Е. Кожанчиковъ выпустилъ нѣсколько раскольничьихъ книгъ, между которыми особенною любовью и успѣхомъ у безпоповцевъ пользовалась «Исторія выговской старообрядческой пустыни, по рукописи Ивана Филиппова». Въ повѣсти этой много своеобразныхъ, то трогательныхъ, то чудесныхъ исторій, доставляющихъ прелюбопытное чтеніе, особенно для тѣхъ людей, которымъ все это близко и родственно. То старовѣры тягостно мучатся, то они дивно спасаются, то ихъ терзаютъ Самаринъ и другіе враги внѣшніе, то появляется среди ихъ внутреній предатель «отъ чреслъ своихъ»... Все это дѣйствительно прелюбопытно. А потомъ цѣлый рядъ подвиговъ высокаго духовнаго восхожденія и образцовъ самыхъ дѣйствительнѣйшихъ молитвъ на всякій случай «отъ страха самаринскаго». Словомъ книжка такая, которую всякому хотѣлось почитать, тѣмъ болѣе, что прежде всѣ эти священныя повѣсти встрѣчались только въ рукописяхъ и потому были и очень дороги, и очень рѣдки.

Старецъ ростовщикъ купилъ за три рубля это (какъ они тогда называли) «изданіе Кожанчина», а другой, бѣдный старецъ, по недостаткамъ своимъ присосѣдился къ этому капиталисту и они «читали вдвоемъ, въ товарищахъ», и оба напитались благоуханіемъ «благопопѣдныхъ повѣстей» несказанно. Души ихъ порою такъ переполнялись фиміамомъ выговскихъ чудесъ, что оба старца приходили ко мнѣ выпустить излишки своихъ восторговъ, т. е. «выславиться».—Пили у меня мой чай «изъ своего стекла» и разсказывали, и вдохновлялись, вскакивали, и опять садились и книгу передо мною клали, по старому фасону «желтымъ воскомъ измѣчену», и тыкали въ нее пальцами, и прочитывали вслухъ «како, гдѣ и коими стезями богоявися Господь вѣрнымъ своимъ».

Сильнѣе и восторженнѣе религіозныхъ фанатиковъ не вдохновляется никто, но когда такое вдохновеніе дѣйствуетъ въ русскомъ раскольникѣ, онъ, въ своемъ родѣ, — заглядѣнье для художника и поученіе для историческаго писателя. Какъ «нельзя не видя океана себѣ представить океанъ», такъ безъ живыхъ и, по возможности, тѣсныхъ сближеній съ раскольниками нельзя писать о расколѣ. Оттого расколъ понятнѣе у П. И. Мельникова, чѣмъ у вѣчной памяти митрополита Макарія Булгакова, и совсѣмъ непонятенъ у Щапова.

Я видалъ Авксентія Курку и другихъ знаменитыхъ штундистовъ, и близко ихъ знаю, но это совсѣмъ не то, что заматерѣлый, буквенный обрядовикъ русскаго наученія. По штундистамъ и молоканамъ словно прошелъ тихій «свѣтъ не вечерній» слова Христова — они мягче сердцемъ и увѣщанія апостола «не сваритеся» у нихъ всегда въ памяти. Штундистъ кротокъ, самообладающъ, и притомъ, онъ на столько проще раскольника, на сколько, напримѣръ, «credo» Іова проще «credo» отцовъ никейскаго собора. Тутъ нѣтъ никакихъ христологическихъ споровъ, а просто «Credo quod redemptor meus vivit».

Что просто, то и неспорливо, но раскольникъ, напротивъ, простоты не любитъ, — его казуистическій умъ не можетъ довольствоваться простотою: онъ не даромъ одѣлъ своего Христа въ золотую одежду византійскихъ императоровъ; не даромъ онъ усадилъ его «не имѣвшаго, гдѣ головы приклонить» на золоченое тронное кресло. обставилъ его «предстоящими и припадающими». Словомъ, онъ на иконѣ изобразилъ цѣлый этикетъ и назвалъ это испорченнымъ китайскимъ словомъ «чинокъ». И чѣмъ больше на этомъ «чинкѣ» изображено придворныхъ, т. е. «предстоящихъ и припадающихъ», тѣмъ это раскольнику достолюбезнѣе, но за то и хлопотливѣе, ибо богочтитель этотъ «всякой звѣздѣ воздаетъ свою славу». И онъ часто до того увлекается звѣздами, что за ними забываетъ о Солнцѣ...

Нѣмцамъ такая набожность совсѣмъ не свойственна и непонятна, но иногда и среди нихъ появляются рѣдкія лица, какъ Цедергольмъ и другіе, которыхъ вдругъ такъ и потянетъ къ себѣ именно набожность русскаго человѣка.

Когда въ Россіи при Александрѣ II въ русскомъ обществѣ занялись благородныя чувства состраданія къ расколу,—то же самое затеплилось и въ нѣкоторыхъ благочестивыхъ людяхъ изъ нѣмцевъ. Имъ и прежде бывало жалко этихъ «трудолюбивыхъ и честныхъ» людей, а тутъ они захотѣли даже «облобызать ихъ какъ братьевъ во Іисусѣ Христѣ» (по слову апостольскому).

Симпатіи этого послѣдняго рода свойственны были и нѣмцамъ, изъ людей не очень ученыхъ, но благочестивыхъ и добрыхъ.

Такой одинъ былъ мнѣ извѣстенъ въ Ригѣ. Онъ въ то время былъ уже старичокъ, — очень пріятный и необыкновенно чистень-

кій, въ коричневомъ сюртучкѣ и безукоризненной бѣлизны огромныхъ воротничкахъ изъ того фасона, что называются «полисонами»; звали его Генрихъ Ивановичъ. Происхожденіемъ онъ былъ откуда-то изъ маленькаго остзейскаго городка, но собственно говоря старичекъ «не имѣлъ здѣ пребывающаго града, а искалъ грядущаго Іерусалима». Онъ былъ какой-то сектантъ безъ роду, безъ племени — привиталъ гдѣ-то въ садовой бесѣдочкѣ у одного рижскаго фотографа, и цѣлые дни бродилъ съ вышитымъ ридикюлемъ, въ которомъ у него были книги священнаго писанія на языкахъ нѣмецкомъ и латышскомъ. Русскіе евангелія тогда еще не были выпущены въ ихъ нынѣшнемъ портативномъ форматѣ.

Генрихъ Ивановичъ былъ кольпортеръ какого-то библейскаго общества (т. е. книгоноша). При этомъ онъ былъ, разумѣется, и проповѣдникъ, и даже хорошій проповѣдникъ, пріятный, убѣжденный и одаренный плѣнительною ласковостію. Его знали взрослые и дѣти, и когда бы его не завидѣли не безъ удовольствія говорили:

— Вонъ нѣмецкій старчикъ идетъ — онъ сейчасъ заведетъ что нибудь о нерукотворенномъ Спасѣ, сказывать, какъ онъ по морю ходилъ и самъ рыбушку ловилъ.

Это непремѣнно такъ и случалось. Поймаетъ ли Генрихъ Ивановичъ школяра или школьницу, или солдата — онъ сейчасъ возметъ его за руку и идетъ съ нимъ вмѣстѣ куда угодно. Самъ его провожаетъ, а самъ ему толкуетъ все о Христѣ и доброй жизни. Нѣмчину этому всюду была дорога, гдѣ онъ только могъ кому нибудь говорить о своемъ Господѣ.

Говорилъ онъ по-русски немножко смѣшно, но очень свободно и понимать его было можно, а самъ онъ понималъ русскую рѣчь вполнѣ.

Въ русскомъ разговорѣ стараго Генриха, какъ это нерѣдко случается съ иностранцами, его постоянно путало одно облюбованное имъ русское словечко—это словечко было «понимай», которое онъ вставлялъ кстати и некстати и безъ него не умѣлъ разсказать ничего.

— Я не понимай, говорилъ онъ, и ты не понимай, какъ о насъ нашъ Господь понимай; а Господь все понимай, что мы съ тобой сами о себѣ не понимай, и ты это понимай.

За это русскіе мальчики московскаго форштата въ шутку звали его «дѣдушка Понимай».

Вотъ этотъ-то «дѣдушка Понимай», бывшій свидѣтелемъ суворовскихъ свирѣпствъ надъ русскими раскольниками, вдругъ ощутилъ къ нимъ «братскій любовъ во Іезусѣ Христусѣ» (онъ всегда произносилъ это святое имя именно такъ,—по-нѣмецки).

Русскіе простолюдины по удивительной игрѣ случая ему нравились даже съ той стороны, съ какой они князю Суворову были противны.

— Я не понимай, говорилъ онъ, какъ онъ не понимай, что они такіе хорошіе люди суть: они всегда работаетъ весь день и ѣстъ, понимай, одна «хлѣбушко».

Генрихъ любилъ сидѣть на бережку у пристани подъ Гребенщиковской моленной и смотрѣть, какъ чернорабочіе старовѣры таскаютъ всякія тяжести.

— Понимай, ужасно какъ онъ трудится, весь какъ земелька чорный. Обѣдать станетъ руки моетъ,—это хорошо. Съ рукъ земелька съ водой течетъ. Передъ вечеромъ, понимай, зъ мыломъ въ рѣкѣ себѣ голова моетъ и изъ голова у него земелька течетъ. Это очень прекрасно.

Нравилось ему, что съ мужика, гдѣ ни помой, отовсюду «земелька течетъ».

Чудесный старичекъ!

Генрихъ Ивановичъ точно чувствовалъ на своей душѣ какую-то родовую неправоту передъ этими простыми и часто весьма темными людьми съ сердцами добрыми, но нѣсколько раздраженными отъ долгихъ обидъ и притѣсненій.

Чуждый, какъ всѣ кольпортеры, всякихъ вопросовъ, имѣющихъ мало-мальское отношеніе къ политикѣ, онъ, однако, осуждалъ Суворова.

— Все понимай, говорилъ онъ мнѣ, я тогда ничего ни понимай и теперь я тоже ни понимай, какъ это можно такъ... совсѣмъ... ohne Herz mit... съ своими братьями во Іезусѣ Христусѣ!.. А я тогда былъ такой большой озолъ, что такъ понимай будто... будимъ такъ сказать, эти люди совсѣмъ какъ идолопоклонникъ...

Наставлять «братій во Іезусѣ Христусѣ» дѣдушка Понимай понималъ только при условіи распространенія книжекъ Новаго Завѣта на живомъ русскомъ языкѣ; а таковыхъ тогда, какъ я говорю, еще не было по нынѣшней дешевой цѣнѣ. За-границею же, въ Лондонѣ, книги эти были уже изданы съ обозначеніемъ, что они воспроизведены «точно» съ бывшаго законнаго русскаго изданія, которое въ это время стало уже библіографическою рѣдкостью, но распространеніе русскихъ Евангелій лондонской печати въ Россіи было недозволено, а Генрихъ Ивановичъ ничего недозволеннаго не дѣлалъ.

Способъ распространенія евангельскаго слова былъ одинъ, если бы «братья во Христусѣ» стали гдѣ нибудь сходиться и бесѣдовать съ Генрихомъ Ивановичемъ. Онъ бы имъ все разсказалъ «какъ онъ по морю ходилъ и какъ рыбицу ловилъ», и они бы его дѣйствительно пожалуй не безъ пользы могли послушать.

Безъ сравненія въ талантливости — пересказы Генриха имѣли много сходнаго съ изложеніемъ ходящей нынче въ рукописяхъ евангельской исторіи графа Льва Николаевича Толстаго. Просто, даже

будто уже черезъ чуръ просто, а въ мозгъ и въ сердце такъ и долбитъ сильно и неотразимо какъ рокъ.

Читаешь какъ въ живѣ видишь,—заснешь и во снѣ оно ясно: ловилъ рыбку—уловилъ мою душу. Смилуйся удержи ее—не дай вырваться.

На душѣ легко и ново, а она давно утомилась несносною сушью, давно жаждетъ «живой воды». И вотъ она канула и чудо совершила.

Узнавъ, что я веду знакомство съ такими людьми въ расколѣ, которые имѣютъ вліяніе на прочихъ, Генрихъ Ивановичъ пришелъ ко мнѣ познакомиться. Онъ былъ въ своихъ великолѣпныхъ, снѣга бѣлѣйшихъ полисонахъ и съ ридикюлемъ, полнымъ книгъ Новаго Завѣта. Посѣщеніе свое онъ объяснилъ желаньемъ «свести его съ такими, которые любятъ Писаніе».

— Мы будимъ другъ друга понимай, что всѣ мы суть братья во Іезусѣ Христусѣ, и потомъ мы будемъ вмѣстѣ читай по-русски Отче нашъ, и говорить отъ святой Евангеліумъ».

Я конечно сразу понималъ несостоятельность его доброй и трогательной затѣи, и очень желалъ его отклонить, но онъ не понималъ моихъ намековъ и настаивалъ рѣшительно. Тогда нечего дѣлать,—надо было свести его у себя со старцами.

Старцы съ перваго же слова о приглашеніи дали «признакъ рѣчи московской», какъ говорили дипломатическіе каверзники посольскаго приказа.

— О чемъ намъ говорить съ этимъ старчикомъ? (они старцы, а онъ только старчикъ) мы ихъ вѣры нѣмецкой не знаемъ, и не способны читать, что̀ въ ихъ книжкахъ писано. А впрочемъ придемъ и свою книжку захватимъ.

Ничего это не обѣщало хорошаго, но однако нельзя было ожидать и того, что̀ случилось.

XXVI.

Вечеромъ, за часъ до солнечнаго заката они встрѣтились: съ одной стороны ростовщикъ съ сотоварищемъ древляго благочестія, а съ другой дѣдушка Понимай въ своихъ бѣлоснѣжныхъ полисонахъ, на которыхъ съ лучезарной радостію качалась его маленькая головка. Они были каждый съ своею литературою, то есть Генрихъ Ивановичъ съ подвижнымъ складомъ крохотныхъ Евангелій, а раскольники съ томомъ «изданія Кожанчина», переплетеннымъ ради большаго благочестія въ дощечки, оклеенныя измраморенной чернилами кожею.

Благочестивой книгѣ только такой окладъ и подобаетъ.

Раскольники пили чай изъ своихъ стакановъ, а Генрихъ изъ

моего, и все подпрыгивалъ. Ему нестерпимо хотѣлось прочесть вмѣстѣ «Отче нашъ» и затѣмъ начать излагать «проспектусъ».

Я только всемѣрно старался не допустить чтенія молитвы Господней, потому что старовѣры, разумѣется, не стали бы молиться со мною, никоніаниномъ и съ лютарскимъ еретикомъ, — а это послѣднее непремѣнно обидѣло бы Генриха. Поэтому я самъ предупредилъ Генриха и хватилъ дѣло съ середины: я завелъ разговоръ о томъ: въ какомъ жалкомъ нравственномъ состояніи находится старовѣрческая молодежь, что пороки ея даже въ образчикъ нравственнаго паденія ставятся.

Генрихъ сейчасъ и «понимай», что надо «спасти эти души Евангеліумъ».

Старцы не спустили старчику это умствованіе, а «предложили» — какъ онъ судитъ о спасеніи: отъ себя оно у человѣка, или отъ Бога?

Генрихъ сейчасъ изъяснять имъ пошелъ по апостолу Павлу о вѣрѣ и любви.

— Понимай если мы любимъ какого друга, — мы не хотимъ сдѣлать что ему непріятно есть. Мы не хотимъ видѣть его какъ огорченнаго суть. Кто полюбитъ Іезуса Христуса и тотъ никогда не станетъ огорчать Его — вотъ и начнется добрая жизнь во Христусѣ».

Старовѣры выслушали и улыбнулись: слова «полюбить» и «огорчить» показались имъ хуленіями, которыя развѣ только и можно простить еретику.

— А намъ-де это и слушать сумнительно.

И пошли вѣщать.

— Аще бы не имѣли быхомъ на небеси святые молитвенники, и т. д. Потомъ стали приводить что «и у святыхъ отецъ писано», и «въ Лучѣ Духовномъ чтется яко и смрадъ женскій юной вдовѣ угоденъ былъ ко спасенію ея отъ блуднаго бѣса, искусившаго инока...

И пошло это своимъ московскимъ кругомъ.

Генрихъ Ивановичъ только досталъ изъ жилетнаго кармана точеную коробочку и положилъ въ ротъ пиперментикъ.

Потомъ опять очень вѣжливенько попомнилъ о Евангеліи...

— Имѣемъ и мы на Евангеліе, отвѣчали сотоварищи, и оно при службахъ чтется, а надо спасенія искать и въ отеческихъ книгахъ древляго правленія, какъ было за благочестивыхъ патріарховъ, потому что это для насъ путь столбовой, царскій, по которому въ небо прошли такіе мужи и жоны ихъ же недостоинъ бѣ весь міръ.

Я видѣлъ, что нѣмецъ ничего не понимаетъ.

— Вотъ тыімъ царскимъ путемъ и тѣхъ молитвами и заступленіемъ и спасенія чаемъ, продолжали старцы. А если хочешь проникнуть души, кои за насъ подвизались, и кое имъ Бога вѣденіе

было открыто и то нынѣ можешь, ибо передаетъ нынѣ о томъ для всѣхъ изданіе Кожанчина.

Сотоварищи пощупали загнутую и измѣченную вощечкомъ страницу о подвижницѣ вдовѣ Евдокеи Лукьяновой (гл. CV, стр. 353) «иже мало зѣло на ребрахъ почивала, а денно и нощно въ молитвѣ пребывала», и безъ околичностей, дали нѣмцу читать. Тотъ зачиталъ какъ вдова «братскою пищею питалася, не искавше прибавочныхъ пищей, не имѣвше сластолюбія меду и пряниковъ, ягодъ изюмныхъ и яблоковъ, и прочихъ сладкихъ пищей отнюдь не вкушала; аще и въ гостинцахъ пришлютъ—больничникамъ отдавала, дабы не лишиться пищи райскія»...

Читая все это, дѣдушка Понимай протиралъ глазки, стараясь понять: къ чему тутъ «пряники» и «изюмныя ягоды» и какъ все это далеко, безъ сравненія, ниже словъ: на горѣ и смерти на крестѣ.

А сотоварищи держали свой терминъ, и побуждали: читай!

«Евдокія воды на главу живучи во общежительствѣ и на ноги не возливала во всю жизнь свою, а вшей у себя не имѣла и о семъ вельми плакаше».

При этомъ извѣстіи лицо нѣмца выразило глубокое изумленіе и какъ бы растерянность. Можетъ быть ему показалось, что надъ нимъ смѣются, но онъ еще взялъ терпѣніе и читалъ дальше какъ «плакала преблаженная преогорчеваясь» что при всемъ ея цѣложизненномъ, неомовенномъ неопрятствѣ она «вшей у себя имѣть не сподобилась», но отъ того огорченія дошла до «тонкаго помышленія, что ей въ будущемъ вѣцѣ будутъ вши яко мыши»...

Послѣднія слова Генрихъ Ивановичъ дочиталъ уже съ трепетомъ, и въ концѣ ихъ буквально уронилъ книгу изъ рукъ и схвативъ свою шляпенку откланялся и несмотря на осенній холодъ и на свое слабое здоровье пошолъ въ рѣку купаться, и долго, долго нырялъ и плавалъ какъ пингвинъ.

— Я не понимай, говорилъ онъ мнѣ послѣ, какъ это понимай, что мнѣ очень удивительное сдѣлалось.

А очень удивительное было то, что во время чтенія о блаженной Евдокеи нѣмцу по ассоціаціи идей стало казаться, будто на него изъ самой книги ползутъ уже такія крупныя вши, «какъ мыши», — которыхъ старовѣрская праведница ждала себѣ въ воздаяніе только еще «въ будущемъ вѣцѣ».

— Такъ и кусай, такъ менѣ и кусай, говорилъ Генрихъ, и я скорѣй въ воду полѣзай.

Слава Богу, что не утонулъ и не заболѣлъ, бѣдный старчикъ.

А загнавшіе его въ Двину старовѣры, умствуя иначе, тихо улыбались и говорили:

— Не стерпѣлъ еретикъ силы праведницы [1]. . . . . . .

---

[1]) Простымъ и неученымъ людямъ изъ нѣмцевъ надо вполнѣ простить ихъ нѣкоторую брезгливость къ нѣкоторымъ пріемамъ русскаго простонароднаго

XXVII.

Я не имѣю ни одного возраженія противъ того, что «умственное и нравственное развитіе русскаго народа покоится на основахъ грековосточнаго православія и отвѣчаетъ его духу», но я не вижу, чтобы при всемъ этомъ было много шансовъ русскому простолюдину взять «предпочтеніе» и подчинить себѣ протестантскую культуру нѣмца. А чего не вижу и не чувствую, о томъ и судить съ утвержденіемъ не смѣю.

Конечно я могу очень сильно погрѣшать и ошибаться, но меня согрѣваетъ надежда, что невольныя ошибки мои могутъ быть мнѣ прощены.

Въ заключеніе еще три коротенькія отмѣтки, три блика, кажется не совсѣмъ излишніе для освѣщенія набросанныхъ мною очерковъ и картинокъ.

Эти три блика, три желанія русскаго народонаселенія Остзейскаго края, которыя я слышалъ много разъ отъ многихъ здѣшнихъ русскихъ людей, и потому считаю ихъ стоящими вниманія не менѣе всякаго единоличнаго мнѣнія, хотя бы то было даже мнѣніе Самарина.

I. Никогда, ни отъ одного изъ русскихъ обывателей Остзейскаго края я не слыхалъ желаній, чтобы имъ было оказываемо «предпочтеніе». Они желаютъ только равноправія во всѣхъ отношеніяхъ, что и на взглядъ всѣхъ, кромѣ остзейской аристократіи, представляется справедливымъ и должнымъ.

II. Въ отношеніи мѣстныхъ администраторовъ русскаго происхожденія у русскихъ обывателей Остзейскаго края нѣтъ непремѣн-

---

благочестія,—въ числѣ коихъ есть неумыванье лица, не чесанье головы, не обрѣзыванье ногтей и нѣчто еще въ этомъ родѣ. Понятно и то, что нѣмцы необразованные считаютъ это природною чертою русскаго человѣка. Нѣмецъ необразованный или малообразованный заключаетъ такъ потому, что подобное неряшество, допускаемое въ видахъ богоугожденія, онъ видитъ только у русскихъ, но весьма странно, что то же самое охотно говорятъ люди образованные, которымъ лучшія изслѣдованія по церковной исторіи были доступнѣе, чѣмъ намъ, русскимъ. Неряшество какъ подвигъ благочестія—это совсѣмъ не русская природная черта, а такъ сказать чужеземный фасонъ спасенія, занесенный къ намъ съ византійскаго востока. Наши языческіе предки, какъ извѣстно, строили бани и въ нихъ мылись и «хлестались прутьями» въ то время, когда византійскіе новокрещенцы, передѣлывая въ своемъ вкусѣ христіанство, старались удалить людей ради спасенія души отъ всякой привычки къ опрятству. Въ синайскомъ патерикѣ (VI—VII вѣка) авва Александръ плачется: «отцы наши никогда не умывали лица, а для насъ открыты народныя бани. Горе мнѣ дѣти,—потеряли мы житіе ангельское». То же, если не суровѣе, наблюдали надъ собою восточныя женщины, даже не инокини, а мірянки.

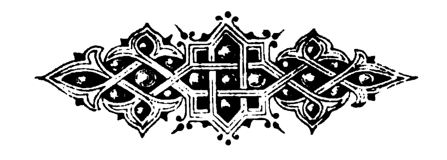
наго желанія имѣть людей русскаго рода. Можетъ быть оно когда-то было, и говорятъ будто было именно при назначеніи Суворова «русскаго князя», но потомъ совершенно прошло.

III. Идеалъ мѣстнаго правителя у образованныхъ русскихъ обывателей Остзейскаго края, — не скажу есть ли теперь, но утвердительно могу сказать, что онъ былъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Теперь, надѣюсь, объ этомъ можно свободно говорить, потому что и желаніе это конечно позабылось, да и тотъ, чье имя было при этомъ именовано, отошелъ въ страну, откуда путникъ къ намъ не возвращался. Съ самымъ большимъ сочувствіемъ здѣсь говорили о Пироговѣ.

Да; какъ бы это кому ни показалось невѣроятно, но дѣло было такъ: и умъ людей образованныхъ и инстинктъ простонародный выражалъ самое наибольшее довѣріе этому человѣку, котораго здѣсь знали совсѣмъ не какъ врага нѣмцевъ, и не боялись, что у него между нѣмцами были друзья.

Н. Лѣсковъ.

ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННИКОВЪ О ПУШКИНѢ.

(Къ матерьяламъ для его біографіи.)

Осенью 1882 года, мнѣ были переданы въ Симбирскѣ племянникомъ Н. М. Языкова, Павломъ Александровичемъ Языковымъ, всѣ бумаги покойнаго поэта—большой ящикъ, въ которомъ заключалось болѣе пуда литературной переписки. Послѣ смерти Ѳедора Васильевича Чижова (1877 г.), взявшагося написать біографію Николая Михайловича, и для этого потребовавшаго къ себѣ всѣ его бумаги, переписка была возвращена въ Симбирскую губернію и хранилась въ имѣніи П. А. Языкова, въ селѣ Анненковѣ, до помянутой осени 1882 года.

Письма были приведены въ порядокъ и собраны по годамъ еще братомъ поэта, Александромъ Михайловичемъ Языковымъ.

Въ предлагаемой статьѣ я воспользовался изъ нихъ лишь тѣми выдержками, гдѣ говорится о Пушкинѣ, разсчитывая, что для публики небезъинтересенъ взглядъ современниковъ поэта на его характеръ и талантъ. Я, по возможности, строго держался хронологической послѣдовательности, чѣмъ и объясняется мѣстами нѣкоторая отрывочность изложенія.

Личное знакомство Языкова съ Пушкинымъ состоялось только въ 1826 году. До этого времени онъ зналъ лишь брата поэта, Льва Сергѣевича. Съ нимъ и Баратынскимъ судьба свела его одновременно въ Дерптѣ, лѣтомъ 1823 года. Пушкинымъ онъ постоянно

интересовался, какъ человѣкомъ нѣсколько загадочнымъ и какъ извѣстнымъ поэтомъ, стихи котораго расходились въ то время по рукамъ въ безчисленномъ количествѣ грамотныхъ и безграмотныхъ списковъ. Такъ, мы знаемъ, что осенью 1820 года Татариновъ, впослѣдствіи тоже дерптскій студентъ, привезъ въ Петербургъ полную коллекцію стиховъ Пушкина, и Языковъ, извѣщая объ этомъ родныхъ, обѣщался переписать неизвѣстныя пьесы и привезти къ нимъ въ Симбирскъ.

Изъ русскихъ профессоровъ въ Дерптѣ Языковъ сошелся на первыхъ порахъ съ Перевощиковымъ. Они вмѣстѣ читали, бесѣдовали о прочитанномъ и Перевощиковъ, какъ человѣкъ, обладавшій бо̀льшими знаніями, оказывалъ извѣстное вліяніе на молодаго человѣка, готовящагося вступить въ университетъ. Чтеніе нѣмецкихъ авторовъ: Шиллера, Гёте и Лессинга, вообще основательное знакомство съ германской литературой, заставляли его относиться очень строго къ произведеніямъ молодой русской словесности, въ томъ числѣ, конечно, и къ Пушкину. Первыми понятіями объ эстетикѣ, первымъ развитіемъ вкуса, Языковъ обязанъ Перевощикову. На многое тогда смотрѣлъ онъ глазами своего профессора. «Онъ» пишетъ о немъ Николай Михайловичъ къ брату, въ декабрѣ 1822 года, «говоритъ про Пушкина, что въ его поэмахъ видно большое дарованіе, но что онѣ не имѣютъ полнаго эстетическаго достоинства; что въ поэзіи также какъ въ сапожномъ ремеслѣ труднѣе скроить вѣрно, чѣмъ сдѣлать хорошій рантъ».

Спрашивая брата Александра читалъ ли онъ пьесу Пушкина «Къ войнѣ» [1]), Языковъ находитъ стихотвореніе, какъ всегда, довольно хорошимъ, «за то, пишетъ онъ, ни начала, ни середины, ни конца, нѣчто чрезвычайно романическое; но вѣрно въ Петербургѣ ее хвалятъ».

Изъ этихъ немногихъ строкъ видно съ какой мѣркой подходилъ Языковъ къ оцѣнкѣ Пушкина.

Съ 1822 года, интересъ къ творцу «Руслана» и «Кавказскаго плѣнника» все ростетъ: въ письмахъ Языкова къ роднымъ все чаще и чаще встрѣчаются отзывы о вновь выходящихъ произведеніяхъ, слухи о томъ гдѣ Пушкинъ, что̀ дѣлаетъ, что̀ пишетъ и пр.

Въ концѣ зимы 1823 — 24 года, Языковъ прочелъ въ Дерптѣ полный списокъ «Бахчисарайскаго фонтана» и пишетъ о немъ, отъ 2-го марта 1824 года, слѣдующее:

«Эта поэма едва ли не худшая изо всѣхъ его прежнихъ. Есть нѣсколько стиховъ прекрасныхъ, но вообще они какъ-то вялы, невыразительны и даже не такъ гладки, какъ въ прочихъ его стихотвореніяхъ. Что-то, каковъ будетъ его романъ въ стихахъ «Ев-

[1]) См. соч. Пушкина, 1880 года, т. I, стр. 384.

геній Онѣгинъ»? Его тоже, какъ и «Бахчисарайскій фонтанъ», впередъ расхваливаютъ, чтобы также не обмануться»...

Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, когда книгопродавецъ Сленинъ прислалъ ему печатный экземпляръ поэмы, Языковъ перемѣнилъ о ней свое мнѣніе.

«Какое глупое предисловіе!», пишетъ онъ къ брату Александру, «прежде читалъ я его (т. е. «Бахчисарайскій фонтанъ») въ спискахъ и притомъ женскихъ, а женщины не знаютъ ни стопосложенія, ни грамматики, и тогда стихи показались мнѣ недальняго достоинства; теперь вижу, что въ этой поэмѣ они гораздо лучше прежнихъ, уже хорошихъ. Жаль, что Пушкинъ мало, или лучше сказать, совсѣмъ не заботится о планахъ [1]) и характерахъ и приводитъ много положеній совсѣмъ ненужныхъ и лишнихъ; напримѣръ, зачѣмъ сидитъ Гирей? Зачѣмъ такъ много разсказывать о эвнухахъ? Зачѣмъ купаются жены Гирея? Притомъ, характеръ нѣсколько ясный только Маріи, а важнѣйшія лица: самъ ханъ и Зарема—одинъ вовсе не изображенъ, а другая чуть чуть; а этаго мало для полнаго прекраснаго цѣлаго. Впрочемъ, какая красота въ описаніяхъ! Какая живость красокъ! Перевощиковъ замѣчаетъ, что у этой поэмы голова преогромная, а туловище съ ноготокъ! И сверхъ того, онъ же замѣчаетъ, что изъ всѣхъ сочиненій Пушкина онъ видитъ, что онъ самъ не имѣетъ характера и постоянныхъ правилъ нравственности, приводя латинскую пословицу: Qui proficit in litteris et deficit in moribus, plus deficit quam proficit» [2]).

Въ письмѣ отъ 24-го мая, Языковъ передаетъ, какъ слухъ, что Пушкинъ прислалъ въ Петербургъ первую часть поэмы въ родѣ «Шильдъ Гарольда» и «Донъ-Жуана-Онѣгина», въ которой есть описаніе Крыма и Бессарабіи. Осенью того же 24-го года, онъ получаетъ отъ поэта извѣстное посланіе:

«Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ».

Пушкинъ ждетъ его въ мѣстѣ своего заключенія, въ Михайловскомъ. Языковъ не знаетъ, что отвѣчать ему и даже говоритъ въ одномъ мѣстѣ по поводу приглашенія, что «съ ними вязаться лишь грѣхъ, суета». Очевидно, знакомство съ Пушкинымъ, человѣкомъ находящимся подъ надзоромъ полиціи, онъ считаетъ не совсѣмъ безопаснымъ и колеблется.

Пушкина многіе въ то время считали человѣкомъ неблагонамѣреннымъ.

---

[1]) Этотъ недостатокъ сознавалъ и самъ Пушкинъ, что видно изъ одного письма 1824 года. См. А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 134.

[2]) Смыслъ латинской фразы тотъ, что литературные успѣхи, при отсутствіи нравственныхъ началъ — не успѣхи.

«Евгеній Онѣгинъ» болѣе чѣмъ не понравился молодому поэту. Онъ говоритъ, что не желалъ бы сочинить то, что знаетъ изъ «Онѣгина». Считая его за самое худое произведеніе Пушкина, онъ пишетъ къ брату Александру, въ концѣ февраля 25-го года, что мы русскіе мѣряемъ умственныя творенія все маленькимъ аршиномъ. «Какъ мало», говоритъ Языковъ, «наше великое, ничтожно-значительное и низко-возвышенное, если взглянуть на него, зная Гете и Шиллера».

Онъ утверждаетъ, что мы, русскіе, только думаемъ, что равны имъ, отчасти потому, что не имѣемъ понятія объ истинной поэзіи. «Есть люди», говоритъ онъ, «которымъ часто кажется божественнымъ и высокимъ то, что нѣмцы называютъ das Erhabene des Unsinns». «Если Пушкинъ, продолжаетъ Языковъ, изображаетъ себя подъ именемъ лица, разговаривающаго съ поэтомъ, то не дай Богъ злому татарину быть Пушкинымъ! Мысли ни на чемъ не основанныя, вовсе пустыя и софизмы минувшаго столѣтія очень видны въ «Онѣгинѣ» тамъ, гдѣ поэтъ говоритъ отъ себя; тоже и въ предисловіи» [1]... Почти въ одно время съ первой пѣсней «Онѣгина» вышелъ и «Чернецъ» Козлова. «Дай Богъ, чтобы онъ былъ лучше «Онѣгина»! восклицаетъ Языковъ, два мѣсяца спустя послѣ приведеннаго письма.

Вторая глава «Онѣгина» понравилась ему не больше первой. Онъ читалъ ее въ рукописи.

«То же отсутствіе вдохновенія, пишетъ онъ 24-го мая 1825 года, та же рифмованная проза, которою такъ простосердечно восхищаются наши цѣнители и судьи. Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи»!

Позже, осенью того же года, Языковъ отзывается о второй части «Онѣгина» нѣсколько снисходительнѣе,—утверждая лишь, что она совершенно лишена, также какъ и первая, того, что нѣмцы называютъ Humor и «что́ одно могло бы, какъ мнѣ кажется, дать занимательность и поэтизмъ этому роду сочиненій».

«Онѣгина» оцѣнили по достоинству не журналы и не образованный классъ читателей, а публика средняго уровня. Она первая поняла ту поэзію обыденной жизни, которую Пушкинъ такъ мастерски затронулъ въ своемъ романѣ; поняла Татьяну и полныя простой прелести картины родной природы. У нея не было пройденной школы, которая бы мѣшала вѣрности перваго впечатлѣнія.

Н. М. Языковъ, человѣкъ обладавшій несомнѣннымъ литературнымъ вкусомъ, человѣкъ русскій въ полномъ смыслѣ этого

---

[1]) Шестьдесятъ лѣтъ спустя, Блотьеръ, авторъ статьи о нашемъ Некрасовѣ (Le nihilisme poétique), говоритъ о Пушкинѣ тоже, что онъ («Byron russe») est fortement imbu de tendances françaises et imitant à l'occasion Voltaire». См. газету «Le Temps» 1883 года (февраль и мартъ).

слова, и тотъ не могъ сразу разобраться въ Пушкинѣ, когда появился его «Онѣгинъ». Не говоря уже о томъ, что онъ сильно увлекался въ это время нѣмецкими классиками, въ особенности Шиллеромъ, самый строй языковской лиры былъ совершенно иной: на болѣе торжественный ладъ. Онъ былъ отголоскомъ Державина, которому, какъ русскому поэту, принадлежала первая любовь Николая Михайловича. Жуковскій и Карамзинъ занимали вторыя мѣста.

Пушкинъ вообще, на взглядъ общества, и писалъ и поступалъ не такъ, какъ принято. Судя по различнымъ отзывамъ о немъ — можно заключить, что его считали одни — за чудака, другіе — за безумца, третьи — за пустаго человѣка. Не отрицали только талантъ.

Нечего далеко ходить за примѣрами: тотъ же Языковъ, по поводу извѣстнаго письма Пушкина къ Ивану Филиповичу Мойеру [1]), пишетъ къ брату Александру слѣдующее: «Вотъ тебѣ анекдотъ (?) про Пушкина. Ты вѣрно слышалъ, что онъ боленъ аневризмомъ; его не пускаютъ лечиться дальше Пскова, почему Жуковскій и просилъ здѣшняго извѣстнаго оператора Мойера туда къ нему съѣздить и сдѣлать операцію. Мойеръ, разумѣется, согласился и собирался уже въ дорогу, какъ вдругъ получилъ письмо отъ Пушкина, въ которомъ сей проситъ его не пріѣзжать и не безпокоиться о его здоровьи. Письмо написано очень учтиво и сверкаетъ блестками самолюбія. Я не понимаю этого письма Пушкина. Впрочемъ, едва ли можно объяснить его правилами разсудка».

Между тѣмъ, дѣло объясняется очень просто: Пушкинъ не хотѣлъ лечиться у Мойера потому, что надѣялся получить позволеніе ѣхать лечиться за границу [2]).

Поэтическимъ приглашеніемъ Пушкина Языковъ, какъ мы уже знаемъ, воспользовался лишь два года спустя, лѣтомъ 1826 года.

«Вотъ тебѣ новость», пишетъ онъ брату, 5-го мая этого года, «о мнѣ самомъ: въ началѣ лѣтнихъ каникулъ я поѣду на нѣсколько дней къ Пушкину. Кромѣ удовлетворенія любопытства познакомиться съ человѣкомъ необыкновеннымъ, это путешествіе имѣетъ и цѣль политическую».

9-го іюня, онъ пишетъ брату Петру Михайловичу, завѣдывавшему его денежными дѣлами: «Жду денегъ, чтобы отправиться къ Пушкину», а 23-го іюня извѣщаетъ его уже изъ Тригорскаго: «Я, что называется, перевернулся и теперь тамъ, гдѣ желалъ быть, и хвала за то Провидѣнію»! 28-го іюля, онъ пишетъ изъ Дерпта: «Вотъ уже четыре дня, какъ я здѣсь. Лѣто провелъ въ Псковской губерніи у г-жи Осиповой и провелъ въ полномъ удовольствіи».

---

[1]) Отъ 25-го іюля 1825 года. См. соч. Пушкина 1882 г., т. VII.

[2]) О намѣреніи Пушкина тѣмъ или инымъ путемъ бѣжать изъ Россіи см. «А. С. Пушкинъ въ александровскую эпоху», П. Анненкова, глава VII.

Такимъ образомъ, Языковъ прожилъ въ обществѣ Пушкина и его сосѣдей по имѣнію цѣлый лѣтній мѣсяцъ. О первой встрѣчѣ съ поэтомъ, о подробностяхъ знакомства съ нимъ, писемъ, къ сожалѣнію, не уцѣлѣло — по крайней мѣрѣ, въ той обширной перепискѣ, которая у насъ въ рукахъ, ихъ нѣтъ. Нѣтъ никакихъ сомнѣній, что письма эти были: самъ Языковъ упоминаетъ о томъ въ письмѣ къ брату, отъ 11-го августа 26-го года.

Долгое пребываніе вмѣстѣ сблизило обоихъ поэтовъ настолько, что, въ концѣ лѣта помянутаго года, у Языкова началась переписка съ Пушкинымъ. Она представлялась Н. М. очень любопытнымъ дѣломъ. «Дай Богъ только, чтобы не вмѣшалась въ нее земская полиція», говоритъ онъ смѣясь.

Въ письмѣ Александра Михайловича Языкова, отъ 23-го сентября 1826 года, къ брату Петру Михайловичу передается радостное извѣстіе, что Пушкинъ привезенъ на казенный счетъ въ Москву и освобожденъ.

Въ запискѣ, наскоро набросанной изъ деревни [1]), Пушкинъ, въ восторгѣ отъ присланнаго «Тригорскаго», извѣщаетъ Николая Михайловича, что царь освободилъ его отъ цензуры и что надо печатать «Годунова».

Въ ноябрѣ (число не выставлено) Языковъ проситъ брата Александра познакомиться съ Пушкинымъ, когда тотъ пріѣдетъ въ Петербургъ. «Этимъ благословеннымъ поступкомъ, пишетъ онъ, ты меня сильно удовольствуешь»; и повторяетъ свою просьбу еще разъ, 26-го декабря, говоря, что Пушкинъ, кажется, поѣхалъ изъ деревни въ Петербургъ. Отъ милостей, оказанныхъ государемъ Пушкину, Языковъ ждетъ благодѣтельныхъ послѣдствій для литературы. Онъ пишетъ брату (29-го декабря 1826 г.), что «Годунова» Пушкинъ читалъ ему въ деревнѣ, говоритъ, что эта трагедія лучше всего прежняго и «вообще, подвигъ знаменитый».

По поводу письма Пушкина отъ 21-го ноября [2]), Н. М. Языковъ пишетъ къ брату, 2-го января 1827 года: «Не въ охулку сказать почтенному поэту, а участвовать въ журналѣ дѣло не поэтическое».

Московская жизнь закружила Пушкина: зима прошла шумно и весело. Поэтъ читалъ друзьямъ своего «Бориса» и встрѣтилъ общія похвалы. Больше двухъ мѣсяцевъ Языковъ не получалъ отъ Пушкина ни одной строки, такъ что пишетъ 31-го марта къ брату: «Не слышно ли чего о Пушкинѣ? «Богъ знаетъ чего не можно предполагать для объясненія сего молчанія».

Въ апрѣлѣ, Пушкинъ написалъ къ Языкову (въ бумагахъ Нико-

---

[1]) См. Сочиненія Пушкина, т. I, 1855, стр. 173, гдѣ Анненковъ приводитъ въ примѣчаніи только первую половину записки.

[2]) Согласно съ оригиналомъ самого Пушкина.

лая Михайловича письма этого не сохранилось) и приглашалъ его на лѣто въ деревню. Въ маѣ, наконецъ, было получено давно ожидаемое разрѣшеніе на проѣздъ въ Петербургъ; въ іюнѣ Пушкинъ уже на берегахъ Невы, а 14-мъ іюнемъ помѣчено его второе посланіе къ Языкову, въ Дерптъ:

«Къ тебѣ сбирался я давно,
Въ нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый»...

Въ Петербургѣ онъ познакомился и съ братомъ поэта Языкова, Александромъ Михайловичемъ. При первомъ же свиданіи, онъ сказалъ ему, что ждетъ Николая Михайловича въ Тригорское.

«Радуюсь, что ты знакомишься съ Пушкинымъ. Онъ напрасно ждетъ меня въ Тригорское», пишетъ Языковъ брату Александру 22-го іюня 1827 года, не желая отрываться отъ своихъ дерптскихъ занятій.

Самъ Пушкинъ попалъ въ деревню, гдѣ его ждали цѣлое лѣто, только къ осени. «Онъ, какъ пишутъ», сообщаетъ Языковъ (19-го августа), «помирился съ отцомъ своимъ и видно хочетъ вплотную жить съ своей музой». Въ октябрѣ разносится слухъ, что Пушкинъ пишетъ въ деревнѣ исторію Петра I и Александра I.

«Илличевскій [1]) кажется не знаетъ по-польски, Пушкинъ— тоже; какъ же они пускаются въ переводы съ польскаго? Чудны дѣла твои, Господи!» восклицаетъ Языковъ по поводу перевода изъ Мицкевича [2]). Основываясь на числѣ, выставленномъ на письмѣ къ брату Александру Михайловичу (18-го января 1828 г.), отрывокъ изъ Валленрода, помѣщенный въ изданіи Соч. Пушкина 1880 года, безъ помѣты,—въ отдѣлѣ стихотвореній за 1828 годъ, слѣдуетъ отнести къ 27-му.

«Пушкинъ написалъ много новаго, между прочимъ поэму «Стенька Разинъ», пишетъ Языковъ къ брату 7-го марта 1828 года. Эта «поэма», какъ онъ называетъ ее по слухамъ, была цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ намъ «Пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ» въ талантливой обработкѣ поэта [3]). Пушкинъ не первый годъ собиралъ и записывалъ въ тетрадь словесные памятники народнаго творчества: сказки, пѣсни, обороты рѣчи и проч. «Видно онъ», продолжаетъ Языковъ, «много занимается своимъ дѣломъ. Слава и честь ему, и счастіе—блаженство! А я многогрѣшный!»

Языковъ въ это время самъ интересовался русскими сказками и читалъ сборникъ Чулкова. Онъ говоритъ, что, ознакомившись

---

[1]) Одинъ изъ третьестепенныхъ стихотворцевъ того времени, товарищъ Пушкина по лицею.

[2]) См. «Отрывокъ изъ Конрада Валленрода». Сочин. Пушк., т. II, стр. 251.

[3]) Часть ихъ была напечатана два года назадъ въ газетѣ «Русь». То, что напечатано въ ней—принадлежитъ самому Пушкину, а не записано имъ отъ народа. Замѣчаніе г. Незеленова въ его книгѣ о Пушкинѣ (стр. 193) вѣрно лишь относительно пѣсенъ, помѣщенныхъ въ газетѣ «Порядокъ».

съ ихъ духомъ, можно написать произведеніе «самостоятельное, своенародное, а не mixtum compositum, подобно Руслану и Людмилѣ».

На послѣдняго многіе смотрѣли тогда, какъ на поэму въ народномъ духѣ; совсѣмъ иначе, какъ намъ извѣстно, смотрѣлъ на нее самъ авторъ, и судя по тому, что во второй половинѣ 20-хъ годовъ написаны имъ «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ» или «Поэма о Разинѣ», оказывается, что нашъ великій поэтъ опередилъ чаянія своихъ современниковъ, создавши первый образчикъ пѣсенъ чисто въ народномъ духѣ, передъ которыми выпущенныя имъ позже сказки являются уже сравнительно слабыми, полушуточными произведеніями, за исключеніемъ «Золотой рыбки» и въ особенности «Балды».

Стихотвореніе «Къ друзьямъ» [1]), написанное Пушкинымъ въ отвѣтъ на нападки за стансы: «Въ надеждѣ славы и добра, гляжу впередъ я безъ боязни», очень не понравилось Языкову. «Стихи Пушкина «Къ друзьямъ», пишетъ онъ 20-го сентября 1818 года, «просто дрянь. Этакими стихами никого не выхвалишь, никому не польстишь, и доказательствомъ тонкаго вкуса литературнаго въ нынѣ царствующемъ государѣ есть то, что онъ не позволилъ ихъ напечатать». «Стансы» Пушкина были пересланы Языкову братомъ А. М. еще осенью 1827 года, вмѣстѣ съ какой-то солдатской пѣсней. Николай Михайловичъ интересовался знать, «что именно написалъ нашъ русскій Байронъ къ государю, нынѣ благополучно царствующему». «Между нами будь сказано», писалъ онъ тогда, «стихи его слишкомъ холодны. Солдатская пѣсня въ своемъ родѣ лучшее, но и въ ней есть кое-что неприличное: стихи для рифмы, выраженія неумѣстныя».

Еще болѣе строго отнесся онъ, какъ мы видимъ, къ оправданію Пушкина передъ друзьями, появившемуся много мѣсяцевъ спустя.

Александръ Михайловичъ Языковъ продолжалъ пересылать брату изъ Петербурга въ Дерптъ вновь появлявшіеся стихи Пушкина, Баратынскаго и другихъ. Въ бытность свою въ Петербургѣ, Пушкинъ, случалось, пользовался его частыми сношеніями съ Николаемъ Михайловичемъ, какъ оказіей. Такъ, въ началѣ ноября 1828 года, Николай Михайловичъ получилъ отъ него черезъ брата «Онѣгина» и черепъ. Такой же черепъ посланъ былъ Пушкинымъ въ 1827 году любимцу—Дельвигу, съ извѣстнымъ посланіемъ въ стихахъ и прозѣ.

Братья Языковы переписывались часто, иногда раза по два въ недѣлю; къ сожалѣнію, письма Александра Михайловича къ брату Николаю, вплоть до конца 30-хъ годовъ, уничтожены нѣсколько

[1]) См. Соч. Пушкина, 1880, т. II, стр. 177.

лѣтъ тому назадъ, по какимъ-то семейнымъ причинамъ. О величинѣ этой переписки можно судить по тому, что уцѣлѣло. Вмѣстѣ съ интимными подробностями, чисто семейнаго характера и поэтому не представляющими интереса для публики, пропало съ нею несомнѣнно и много такого, утрата чего невознаградима. Александръ Михайловичъ отличался замѣчательной наблюдательностью; умѣлъ въ нѣсколькихъ словахъ очертить физіономію человѣка, мѣтко обрисовать его характеръ, и былъ очень остроуменъ. Всѣ эти качества разительно выступаютъ, когда читаешь его живую лѣтопись симбирской провинціальной жизни—сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Вѣроятно, много было въ этихъ письмахъ къ брату и о Пушкинѣ.

Осенью 1828 года, Пушкинъ написалъ «Полтаву». Первое извѣстіе о ней завезъ въ Дерптъ проѣзжавшій заграницу юноша—Соболевскій, «пріятель, обожатель, бирючъ и gastfreund Пушкина», какъ называетъ его Н. М. Языковъ. Онъ обрадовалъ послѣдняго извѣстіемъ о новой поэмѣ «Мазепа», поэмѣ, которая лучше всѣхъ, написанныхъ до этого. Кромѣ того, по его разсказамъ, Пушкинъ написалъ множество балладъ, пѣсенъ и сказокъ, часть которыхъ должна появиться въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ».

О той же поэмѣ, отъ 3-го ноября 1828 года, сообщаетъ Ал. Мих. Языкову и Василій Дмитріевичъ Комовскій [1]): «Пушкинъ написалъ «Мазепу» въ трехъ главахъ, какъ говорятъ одни, а по словамъ другихъ три главы «Мазепы». Въ томъ же письмѣ онъ хвалитъ «Утопленника» и говоритъ, что ему не по вкусу разговоръ поэта съ чернью.

Намъ неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвела «Полтава» на Н. М. Языкова: 1829 годъ не богатъ его письмами, и о Пушкинѣ нѣтъ въ нихъ положительно никакихъ извѣстій. Въ этотъ годъ, почти одновременно, оба поэта, и Пушкинъ и Языковъ, разъѣхались въ разные концы Россіи: одинъ — на Кавказъ, другой — въ Симбирскъ. Для Языкова 1829 годъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ во многихъ отношеніяхъ: онъ принужденъ былъ отказаться отъ мысли сдать университетскій экзаменъ, сильно задолжалъ и рѣшился бросить Дерптъ, порядкомъ ему наскучившій. Въ бумагахъ Н. М. мы нашли одно письмо, помѣченное 19-мъ февралемъ 1829 года, и полученное имъ изъ Москвы, отъ Киселева. Въ немъ есть, нелишенная интереса, замѣтка о Пушкинѣ и его поэмѣ. «Пушкинъ, пишетъ Киселевъ въ Дерптъ, живетъ въ одномъ домѣ со мною, у Демута. Онъ помышляетъ о напечатаніи «Мазепы», но игра занимаетъ его болѣе, и одинъ пріѣздъ твой можетъ обратить его на путь истины...»

---

[1]) В. Д. Комовскій—правитель канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія, редакторъ старинныхъ актовъ и переводчикъ (Менцеля и Шлегеля).

Пробѣлъ о «Полтавѣ» и о тѣхъ толкахъ, которые она возбудила въ образованной публикѣ, пополняется изъ переписки А. М. Языкова съ В. Д. Комовскимъ. Вотъ что пишетъ первый, отъ 18-го іюня 1829 года, въ Петербургъ, отвѣчая на письмо Комовскаго, не сохранившееся въ бумагахъ Николая Михайловича: «Полтава» дѣйствительно никуда не годится. Странно, что Пушкинъ такъ важничаетъ въ предисловіи и такъ не важенъ въ поэмѣ. Видно журналисты наши начинаютъ замѣчать, что въ Пушкинѣ ничего нѣтъ общаго съ Байрономъ и что онъ, Пушкинъ,—не геній. Ему вѣрно не понравилось званіе послѣдователя, которое даетъ ему «Сынъ Отечества». Въ Петербургѣ его хотятъ разжаловать, но учтиво и, если можно, съ его спроса; въ Москвѣ напротивъ («Атеней» и «Вѣстникъ Европы») придираются безъ всякой деликатности, на чтò онъ могъ бы отвѣчать какъ нибудь благороднѣе, а не пошлыми эпиграмами...»

«Пушкинъ такъ спустился, пишетъ Комовскій, что въ «Полтавѣ» слѣпилъ незавидную повѣсть. Хоть онъ и подшучиваетъ надъ Аладьинымъ [1]), однакожъ, кажется, читая «Полтаву», будто онъ повѣсть Аладьина только въ стихи переложилъ...»

Говоря передъ этимъ о «Выжигинѣ», онъ утверждаетъ, что «Выжигинъ» въ прозѣ тоже, что «Евгеній Онѣгинъ» въ поэзіи, только хуже написанъ. «Евгеній Онѣгинъ, Эдда (Баратынскаго), Чернецъ (Козлова), Борскій (Подолинскаго) и самъ Донъ-Жуанъ не предметы для поэмъ». Комовскій считаетъ всѣ эти произведенія порожденіемъ окружающей современной жизни, которая чужда поэзіи, неспособна возбудить истинное вдохновеніе и дать свободу фантазіи, «безъ дѣятельности коей нѣтъ поэзіи». По его мнѣнію, такія поэмы составляютъ переходную ступень къ истинному роману — эпопеѣ. «Кто ихъ герой? пишетъ онъ къ А. М. Языкову, безчувственный Евгеній, равно глухой и для добродѣтели и для порока, монахъ-убійца... развратный графъ, прокрадывающійся въ спальню чужой жены, для полученія оплеухи (и то еще слава Богу!). Прямымъ доказательствомъ того, что самъ авторъ «Онѣгина» ничего не имѣлъ противъ опредѣленія рода, къ которому слѣдуетъ отнести его произведеніе, служитъ самое названіе: «романъ въ стихахъ», выставленное въ заголовкѣ.

Весной, 1830 холернаго года, Языковъ поселился въ Москвѣ, въ домѣ Елагиныхъ, у Красныхъ воротъ. «Пушкинъ у Весселя [2]) часто бываетъ, пишетъ Александръ Михайловичъ къ сестрѣ Прасковьѣ Михайловнѣ Бестужевой [3]), онъ — большой забавникъ и доставляетъ намъ много удовольствія...»

[1]) Литераторъ того времени и издатель «Невскаго Альманаха».

[2]) Весселемъ братья Языковы звали Николая Михайловича.

[3]) У Николая Михайловича, кромѣ братьевъ Петра и Александра, были еще сестры: Прасковья Михайловна и Екатерина Михайловна; послѣдняя вышла впослѣдствіи за А. Ст. Хомякова.

Въ концѣ апрѣля, Н. М. шлетъ домой первое извѣстіе о томъ, что Пушкинъ «женится на Гончаровой, старшей изъ трехъ сестеръ, красавицѣ и хорошо образованной». 23-го іюня, онъ пишетъ брату въ Петербургъ: «Пушкинъ ускакалъ въ Питеръ печатать «Годунова». Свадьба его будетъ въ сентябрѣ...»

Ал. Мих., въ свою очередь, увѣдомляетъ объ этомъ Комовскаго, въ письмѣ отъ 5-го августа, прибавляя, что «видно «Годуновымъ» Пушкинъ намѣренъ сыграть свою свадьбу».

Свадьба и выходъ «Годунова» въ одинаковой степени интересовали всѣхъ знавшихъ поэта. 1830 годъ былъ для Пушкина однимъ изъ самыхъ суетныхъ и вмѣстѣ плодотворныхъ. Онъ все время разъѣзжалъ по дѣламъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Нижегородскую деревню и обратно, такъ что трудно за нимъ услѣдить, и осенью много писалъ.

«Пушкинъ здѣсь, пишетъ Н. М. изъ Москвы, 28-го августа. Свадьба его еще не скоро совершится: недавно скончался его дядя, Василій Львовичъ Пушкинъ, извѣстный сочинитель «Буянова» и т. д. «Годуновъ» на дняхъ выйдетъ».

Въ концѣ августа Пушкинъ уѣхалъ въ Нижній осматривать деревню, которую ему отдалъ отецъ, и заложить ее; по крайней мѣрѣ, такъ объясняетъ причину его отъѣзда Н. М. Языковъ, въ письмѣ отъ 5-го сентября. До половины декабря, Пушкинъ жилъ въ Балдинѣ, гдѣ написалъ двѣ главы «Онѣгина», нѣсколько драматическихъ отрывковъ, полемическихъ статей и проч.

Его внезапный отъѣздъ породилъ слухи, что будто бы свадьба разстроилась, что онъ просто скрылся отъ невѣсты. Другіе утверждали, что онъ просто не совсѣмъ поладилъ съ ея матерью и уѣхалъ на время попользоваться свободой. Слухи эти болѣе или менѣе, какъ мы знаемъ, были близки къ правдѣ.

22-го октября, Николай Михайловичъ пишетъ брату Александру: «Свадьба Пушкина не состоялась: его Мадонна [1]) выходитъ за князя Давыдова». Двѣ недѣли спустя онъ опровергаетъ этотъ слухъ, какъ невѣрный.

«Годунова», наконецъ, разрѣшили къ печати. Комовскій написалъ объ этой новости Александру Михайловичу въ письмѣ отъ 22-го октября. «Ему (т. е. Пушкину), пишетъ въ отвѣтъ Языковъ, давно пора это сдѣлать, чтобы утвердить свою репутацію на чемъ нибудь болѣе прочномъ, нежели ефемерныя порожденія нашего русскаго, пошлаго духа времени».

14-го января 1831 года, умеръ Дельвигъ. 28-го, Н. М. Языковъ пишетъ изъ Москвы брату: «Вчера совершалась тризна по Дель-

[1]) См. соч. Пушкина, 1880 годъ, томъ II, стр. 296, стихотвореніе Мадонна. Оно было посвящено невѣстѣ.

вигѣ. Вяземскій, Баратынскій, Пушкинъ и я, многогрѣшный, обѣдали вмѣстѣ у Яра, и дѣло обошлось безъ сильнаго пьянства».

Черезъ мѣсяцъ, онъ сообщаетъ брату, что 18-го февраля Пушкинъ женился благополучно и прибавляетъ, что наканунѣ этого торжественнаго дня «у Пушкина былъ дѣвишникъ, такъ сказать, или лучше сказать, пьянство прощальное съ холостой жизнью».

Давно ожидаемый «Борисъ» вышелъ изъ печати. Его встрѣтили холодно и онъ плохо раскупался.

«Пушкинъ, пишетъ Н. М. Языковъ, 11-го февраля 1831 года, точно издалъ его слишкомъ и слишкомъ поздно. Добро бы хоть онъ въ эти пять лѣтъ поправилъ его, а то все прежнее и все вообще не то, чего ожидать слѣдовало».

Слова эти какъ-то странно звучатъ послѣ того сочувственнаго отношенія, которое встрѣтило «Бориса» въ Москвѣ, пять лѣтъ назадъ.

Александръ Михаиловичъ Языковъ, слышавшій «Бориса Годунова» въ очень удачномъ чтеніи (вѣроятно самого Пушкина), называя это произведеніе явленіемъ совершенно необыкновеннымъ въ русской литературѣ, интересуется мнѣніемъ Комовскаго, на что тотъ посылаетъ ему свои довольно обстоятельныя замѣчанія, которыя мы и приводимъ цѣликомъ:

«Борисъ Годуновъ», пишетъ онъ, безспорно важнѣйшее явленіе нынѣшняго года и нынѣшней нашей литературы. Это первый шагъ [1]) къ исторической драмѣ, составляющей вершину новѣйшей поэзіи, которая уже не можетъ никакъ произвести эпопеи, замѣненной для нашего времени романомъ. Въ «Борисѣ Годуновѣ» нѣтъ драматическаго, или, лучше сказать, театральнаго интереса. Пушкинъ не проникъ въ глубокое значеніе той исторической эпохи, которую предпринялъ изобразить, не постигъ ея идею и не изобразилъ ее со всею живой очевидностью и стройнымъ единствомъ въ многообразіи, не раскрылъ въ полнотѣ и съ совершенствомъ душу человѣка и характеры историческіе, но набросалъ прекрасные очерки, провелъ передъ нами бѣглыя сцены, показалъ намъ наскоро отрывки великаго событія, если можно такъ сказать, предоставилъ намъ самимъ дополнить многое недостающее. Языкъ необыкновенно хорошъ. Можно также упрекнуть и Б. Годунова въ томъ, въ чемъ повиненъ Ю. Милославскій, т. е. въ сихъ твореніяхъ эпоха самая бѣдственная для нашего отечества изображена такъ, что въ семъ изображеніи чаще приходится смѣяться, чѣмъ сѣтовать. Это и доказываетъ, что поэтъ не совсѣмъ принялъ ее къ сердцу».

Затѣмъ Комовскій перечисляетъ замѣченныя имъ несообразности въ дѣйствіяхъ лицъ:

---

[1]) Подчеркнуто въ оригиналѣ.

«Князю Шуйскому, говорить онъ, если онъ увѣренъ, что Борисъ приметъ вѣнецъ, не должно ничего говорить о немъ дурнаго, иначе зачѣмъ отпираться отъ словъ послѣ? Зачѣмъ ни прежде сцены съ конемъ, ни послѣ, Димитрій не показываетъ ни малѣйшаго легкомыслія, которое, по исторіи, должно въ немъ быть. Разговоръ у фонтана съ Мариною, о которомъ я прежде слышалъ многое въ похвалу, показался мнѣ слишкомъ длиннымъ и безъ всякаго движенія. Пустою уловкою, неловкимъ coup de théatre, нахожу я то, что Гришка кинжаломъ прокладываетъ себѣ дорогу къ окну, изъ котораго выпрыгиваетъ».

На эти строгія и мѣстами очень вѣрныя замѣчанія, А. М. Языковъ пишетъ Комовскому большое письмо, въ началѣ котораго говоритъ, что «если бы стихотворство какой нибудь націи ограничивалось единственно предметами совершенно новѣйшими, драматическими картинами нравовъ, безъ вымысла поэтическаго, повѣствованіями, заимствованными изъ случаевъ общежитія, и остроумными стихотвореніями на случай, то едва ли было бы возможно, или нужно, трудиться надъ исторіею или критикою такого стихотворства, точно такъ какъ ефемеръ лѣтняго вечера нельзя дѣлать предметами анатомическихъ изслѣдованій...» Вотъ справедливый приговоръ и повѣстямъ Баратынскаго и «Онѣгину», и многому прочему!

Затѣмъ, переходя къ «Годунову», онъ сходится съ Комовскимъ въ общности впечатлѣнія, не отрицаетъ неполноты изображенія характеровъ и проч. «Но, пишетъ Ал. Мих., это первый шагъ, и большой. Языкъ готовъ; можетъ быть Пушкинъ обдумаетъ еще что нибудь подробнѣе, живѣе и проникнетъ глубже, что совершенно необходимо для картины столь разнообразной, обширной и трудной, какъ историческая драма. Не худо ему почитать и почитать, да и подумать побольше!»

Статья Пушкина (подъ всевдонимомъ Косичкина): «Торжество дружбы» [1]), очень понравилась своей злой смѣхотворностью Николаю Михайловичу Языкову, а Комовскаго привела почти въ негодованіе. Въ письмѣ къ А. М., отъ 16-го октября 1831 года, онъ говоритъ, что стыдно Пушкину писать такія вещи, и удивляется понятіямъ этихъ господъ о литературѣ и литературныхъ приличіяхъ. «Позволительно ли, пишетъ онъ, въ насмѣшку надъ живымъ еще человѣкомъ, называть себя публично его другомъ? Конечно, Пушкину хотѣлось еще болѣе осмѣять Булгарина, но бѣднаго Орлова употребилъ онъ какъ орудіе, которымъ можно располагать какъ заблагоразсудится, какъ будто тотъ и не долженъ смѣть сказать что нибудь противъ такого литературнаго самодержавія...»

---

[1]) Телескопъ 1831 года, № 13. Соч. Пушкина. 1880 г.

По его мнѣнію, Булгаринъ только разсерженъ, а Орловъ—обиженъ.

Осенью, въ Москвѣ прошелъ слухъ, что Пушкинъ сдѣланъ исторіографомъ Петра. Поводомъ къ этому слуху послужило разрѣшеніе, данное поэту государемъ, рыться въ архивахъ и библіотекахъ. Н. М. Языковъ, въ письмѣ къ брату, отъ 4-го октября, смѣется надъ легковѣріемъ первопрестольной. Изъ письма Комовскаго, писаннаго нѣсколько позже (октября 16-го) — слухи подтверждаются. Онъ пишетъ, что государь велѣлъ Пушкину написать исторію Петра Великаго и разсказываетъ по этому поводу даже какъ это случилось. Пушкинъ встрѣтился съ государемъ въ царскосельскомъ саду и на предложенный вопросъ: «почему онъ не служитъ?» отвѣчалъ:—«Я готовъ, но кромѣ литературной службы не знаю никакой». Тогда государь приказалъ ему сослужить службу—написать исторію Петра Великаго.

А. М. Языковъ въ письмѣ изъ Уфы, отъ 4-го ноября 1831 года, не вѣритъ, чтобы Пушкинъ написалъ эту исторію, хотя бы даже и рѣшился. «Главное, достанетъ ли у него терпѣнія читать и думать? Впрочемъ, пусть пишетъ, только бы писалъ»!

Узнавъ изъ Москвы отъ брата Н. М. о томъ, что Пушкинъ только и говоритъ что о Петрѣ, «котораго не возлюбляетъ», что онъ много уже собралъ и еще соберетъ новыхъ свѣдѣній въ своей исторіи, много открылъ, сообразилъ, освѣтилъ и пр., А. М. съ прежнимъ недовѣріемъ къ усидчивости и знаніямъ Пушкина, пишетъ 31-го декабря Комовскому: «Теперь онъ (Пушкинъ) за все хватается». «Въ исторіи Петра есть гдѣ разуму разгуляться и почему разбѣжаться глазами, да столько работы совсѣмъ не по Пушкину!» «Странно, пишетъ онъ дальше, встрѣча его въ семъ дѣлѣ съ Свербѣевымъ, но Свербѣевъ сдѣлаетъ больше: у него вѣрно будетъ новое».

Въ началѣ ноября 1831 года, должны были выйти въ свѣтъ повѣсти Бѣлкина. Н. М. Языкову они не особенно понравились; В. Д. Комовскому—тоже. Первый, находя «Выстрѣлъ» и «Барышню-крестьянку» удачнѣе другихъ повѣстей, говоритъ, что Баратынскій разсказалъ ему «Выстрѣлъ» несравненно стройнѣе и лучше самого Пушкина; второй не находитъ въ нихъ ни дурнаго, ни хорошаго, но прибавляетъ въ письмѣ къ Н. М. отъ 17-го ноября, что можетъ быть не съумѣлъ оцѣнить ихъ по достоинству, потому что передъ этимъ не задолго читалъ «Вечера на хуторѣ» Гоголя. «Поживя въ такой тѣсной связи съ вѣдьмами и колдунами, не заслушаешься москаля, который думаетъ, что и Богъ вѣсть какъ игриво его воображеніе, создавшее высокій вымыселъ о пьяномъ гробовщикѣ, который во снѣ угощаетъ мертвецовъ».

Въ первой половинѣ декабря 1831 года, Пушкинъ былъ въ Москвѣ и читалъ отрывки изъ своихъ сказокъ Н. М. Языкову. «Это не его родъ», пишетъ Языковъ брату, отъ 16-го декабря — «Пуш-

кинъ» читаемъ дальше, «говоритъ что онъ сличилъ всѣ донынѣ напечатанныя русскія пѣсни и привелъ ихъ въ порядокъ и сообразность, зане вѣдь онѣ издавались безъ всякаго толку; но онъ кажется хвастаетъ.»

22-го декабря 1831 года, Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, что видно изъ письма Н. М. Языкова къ брату А. М., помѣченнаго этимъ числомъ. «Между нами будь сказано, пишетъ Н. М., онъ пріѣзжалъ сюда по дѣламъ не чисто литературнымъ, или вѣрнѣе сказать, не за дѣломъ, а для картежныхъ сдѣлокъ, и находился въ обществѣ самомъ мерзкомъ: между щелкоперами, плутами и обдиралами [1]). Это всегда съ нимъ бываетъ въ Москвѣ. Въ Петербургѣ онъ живетъ опрятнѣе. Видно, братъ, не права пословица: женится—перемѣнится»!

Во взглядѣ на сказки Пушкина и Жуковскаго, Комовскій расходится съ Николаемъ Михайловичемъ. Ему больше нравится сказка Пушкина (Салтанъ): въ ней онъ не видитъ той искуственности, какая у Жуковскаго.

«Жуковскій, пишетъ онъ къ Н. М. [2]), какъ сказочникъ, обрился и пріодѣлся на новый ладъ, а Пушкинъ—въ бородѣ и армякѣ. Читая «Спящую царевну», нельзя забыть, что ее читаешь; читая же сказку Пушкина, кажется будто слушаешь разсказъ ея по русскому обычаю для того, чтобы сонъ нашелъ».

Тутъ же прибавляетъ онъ, что сказка «О попѣ толоконномъ лбѣ и работникѣ его Балдѣ», не можетъ увидѣть свѣтъ ни по наименованію, ни по содержанію своему...

На вопросъ Комовскаго, нравится ли ему сказка Пушкина (о царѣ Салтанѣ), Александръ Михайловичъ пишетъ, что она порядочно разсказана, но не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ людей знакомыхъ съ нашей сказочной литературой. При этомъ онъ, какъ на лукавое мудрствованіе стихотворца, указываетъ на дѣйствующихъ въ сказкѣ насѣкомыхъ. «Мы сличимъ его, пишетъ онъ 6-го іюня, съ подлинникомъ и васъ подробно обо всемъ увѣдомимъ».

Александръ Михайловичъ, по просьбѣ брата Николая, уже давно собиралъ народные стихи, пѣсни и сказки; слѣдовательно, какъ судья, былъ вполнѣ компетентенъ въ данномъ случаѣ. Пушкинъ очень цѣнилъ его взгляды; также относился къ нему впослѣдствіи и Гоголь.

Лѣтомъ 1832 года, распространился слухъ о томъ, что Пушкинъ хочетъ издавать газету. Н. М. Языковъ сообщаетъ брату, что государь велѣлъ Нессельроде доставлять Пушкину извѣстія, что га-

---

[1]) Въ 1831 году Пушкинъ списывался о карточныхъ долгахъ своихъ Догановскому и Жемчужникову, съ П. В. Нащокинымъ. См. соч. Пушкина 1882 года т. VII.

[2]) 25-го апрѣля 1832 года.

зета будетъ политико-литературная, что она разрѣшена и Пушкинъ приглашаетъ въ нее его и П. Кирѣевскаго. Газета, по словамъ послѣдняго, должна была выходить ежедневно и быть величиною съ «Journal des Débats».

Александръ Михайловичъ радуется, что за изданіе газеты берется Пушкинъ, а не кто другой. «Она все же будетъ, пишетъ онъ Комовскому 13-го сентября 1832 года, лучше «Молвы» и «Пчелы»; а у насъ на Руси и за это слава Богу!»

Пересуды и толки о Пушкинской газетѣ шли долго, а сама газета не появлялась. Вотъ что пишетъ по этому поводу Комовскій, отъ 16-го ноября:

«Онъ (Пушкинъ) разладилъ съ Сомовымъ [1]) за благоразумное присвоеніе почтеннымъ Орестомъ Михайловичемъ денегъ, которыя выручилъ отъ изданія «Сѣверныхъ цвѣтовъ», вслѣдствіе чего должность повѣреннаго и хлопотуна отнята у Ореста и въ онуюю облеченъ Наркизъ Отрешковъ». «Для пушкинскаго изданія вербуетъ онъ всѣхъ и каждаго, заводитъ типографію и въ то же время фабрику для немедленнаго перевода и издаванія лучшихъ иностранныхъ книгъ». «Получилъ и я вызовъ сдѣлаться фабричнымъ на заводѣ Отрешкова. За симъ слѣдуетъ заключеніе тако: Пушкинъ и журналъ, или газета, его не иное что какъ вздоръ! Но вотъ что было бы не вздоромъ, по крайней мѣрѣ для кармана Пушкина: Гречъ предлагалъ ему по 1,000, или по 1,200 руб. въ мѣсяцъ, если онъ вступитъ въ «Сѣверную Пчелу» и «Сынъ Отечества» и слѣдовательно введетъ за собою и всю знаменитую ватагу. Не смотря на то, Пушкинъ отказался, дабы не ѣсть изъ одной чашки съ Ѳ. Булгаринымъ. Это въ немъ похвально».

Гречъ въ то время распространялъ слухъ, что Пушкинъ хочетъ войти въ соглашеніе съ нимъ и Булгаринымъ и работать за одно въ «Сѣверной Пчелѣ»; а изъ «Сына Отечества»—сдѣлать нѣчто вродѣ англійскихъ обозрѣній. Еще въ началѣ февраля 1832 года, вѣроятно на основаніи такого рода слуховъ, Николай Михайловичъ пишетъ изъ Москвы къ брату: «Пушкинъ, кажется, примиряется съ Булгаринымъ. Sic transit gloria mundi»!

Совершеніе такого факта было бы тѣмъ болѣе странно, что еще въ 1829 году составлена была оппозиція противъ Полеваго+Гречъ и Булгаринъ, «участниками которой были провозглашены: Пушкинъ, Баратынскій, Подолинскій, Сомовъ, Вяземскій, Титовъ, В. Одоевскій, Н. Языковъ и др.

«Пушкинъ былъ недѣли двѣ въ Москвѣ», пишетъ П. В. Кирѣевскій Н. М. Языкову, отъ 12-го октября 1832 года, «и третьяго дня уѣхалъ. Онъ учится по еврейски, съ намѣреніемъ переводить Іова и намѣренъ какъ можно скорѣе издавать русскія пѣсни, ко-

[1]) Орестъ Мих. Сомовъ—издатель «Подснѣжника» и «Сѣверныхъ цвѣтовъ».

торыхъ у него собрано довольно много». Кирѣевскій думаетъ даже послать Пушкину копію съ своего собранія.

Въ письмахъ Н. М. Языкова за 1832 годъ [1]) есть небольшой анекдотъ о Пушкинѣ, изъ московской жизни поэта. И. И. Дмитріевъ въ одно изъ своихъ посѣщеній англійскаго клуба, на Тверской, замѣтилъ, что ничего не можетъ быть страннѣе самаго названія: московскій англійскій клубъ. Случившійся тутъ Пушкинъ, смѣясь сказалъ ему на это, что у насъ есть названія еще болѣе странныя, «какія же?» спросилъ Дмитріевъ «а императорское человѣколюбивое общество?» отвѣталъ поэтъ [2]).

Этотъ анекдотъ о Пушкинѣ единственный во всей перепискѣ.

Въ 1833 году, вышелъ «Онѣгинъ». Изданіе было дурно напечатано и пущено въ продажу по 12 руб. ассигнаціями, вмѣсто прежнихъ сорока. «Все таки жидовски дорого», по замѣчанію Комовскаго. По выходѣ въ свѣтъ этой поэмы и третьей части стихотвореній, образованнѣйшіе изъ читателей, тщетно отыскивая въ прежнихъ произведеніяхъ поэта черты индивидуальнаго характера, стоющія вниманія, замѣчаютъ преобладаніе грустной насмѣшливости. Въ одномъ изъ писемъ Комовскій говоритъ, что «у Пушкина видна досада, неудовольствіе на литературный черный народъ» и повидимому этимъ отчасти хочетъ объяснить грустно насмѣшливый тонъ многихъ произведеній поэта, писанныхъ, когда уже ему минуло тридцать лѣтъ.

Въ августѣ 1833 года, съ планомъ исторической повѣсти въ головѣ, Пушкинъ, послѣ продолжительной работы въ архивахъ, уѣхалъ изъ Петербурга на востокъ осматривать тѣ мѣста, гдѣ дѣйствовалъ Пугачевъ, дѣло о которомъ его очень занимало.

Въ «Матеріалахъ» П. В. Анненкова говорится [3]), что Пушкинъ, посѣтивъ по дорогѣ Казань, выѣхалъ изъ нея 8-го сентября и 12-го былъ въ селѣ Языковѣ [4]), Корсунскаго уѣзда, Симбирской губерніи, имѣніи, принадлежавшемъ Николаю Михаиловичу Языкову, а 14-го выѣхалъ уже изъ Симбирска, по направленію къ Оренбургу. Затѣмъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что Пушкинъ оставилъ Оренбургъ 23-го сентября и черезъ Саратовъ и Пензу возвратился 2-го октября въ свое Нижегородское Болдино.

---

[1]) Письмо къ брату А. М. отъ 18-го февраля 1832 года.

[2]) Анекдотъ этотъ относится къ концу 1831 года, какъ это видно изъ помянутаго письма Н. М. Языкова.

[3]) Въ усадьбѣ села Языкова живетъ теперь богатый еврей-фабрикантъ, Степановъ, которому, если не ошибаюсь, принадлежитъ и самое имѣніе. Можетъ быть въ недалекомъ будущемъ языковскому дому, видѣвшему въ своихъ стѣнахъ Пушкина, грозитъ тоже, что и глинковской усадьбѣ—какъ знать?

[4]) См. соч. Пушкина, 1855 года, т. I, стр. 372.

По свѣдѣніямъ, которыя даетъ Анненковъ выходитъ, что Пушкинъ былъ въ селѣ Языковѣ всего разъ (12-го сентября); на самомъ же дѣлѣ онъ былъ въ немъ два раза. Въ первый пріѣздъ, онъ не засталъ хозяевъ и проѣхалъ въ Симбирскъ; о второмъ пріѣздѣ на обратномъ пути съ Урала имѣется письменное свидѣтельство обоихъ братьевъ Языковыхъ.

«Вчера», пишетъ Александръ Михайловичъ, отъ 1-го октября 1832 года, къ Комовскому, «былъ у насъ Пушкинъ, возвращавшійся изъ Оренбурга и съ Яика въ свою нижегородскую деревню, гдѣ пробудетъ мѣсяца два, занимаясь священнодѣйствіемъ передъ алтаремъ Каменъ. Онъ ѣздилъ-де собирать изустныя и письменныя извѣстія о Пугачевѣ, исторіей времени котораго будто бы теперь занимается. Изъ питерскихъ новостей онъ прочиталъ намъ свою сказку Гусаръ (ее купилъ дескать у него Смирдинъ за 1,000 рублей сто стиховъ [1]). Дѣло идетъ о похожденіи малороссійской вѣдьмы; написана она весьма живо и занимательно. Знаете ли вы что Гоголь написалъ комедію Чиновникъ? Изъ нея Пушкинъ сказалъ намъ нѣсколько пассажей чрезвычайно острыхъ и объективныхъ. Мы отъ него первые узнали, что онъ и Катенинъ избраны членами россійской академіи и что послѣднее производитъ тамъ большой шумъ, оживляя симъ сонныхъ толкачей (sic), іереевъ и моряковъ. Во второй уже разъ дошло до того, что ему прочли параграфъ устава, которымъ велѣно выводить изъ засѣданія членовъ непристойно себя ведущихъ. Старики видятъ свою ошибку, но дѣлать уже нечего: зло посреди ихъ; вѣковое спокойствіе нарушено навсегда, или по крайней мѣрѣ надолго».

Изъ разсказа самаго Пушкина объ академіи наукъ видно, что онъ не особенно с е р ь ё з н о с м о т р ѣ л ъ н а т р у д ы и о б я з а н н о с т и у ч е н а г о с о с л о в і я, какъ то утверждаетъ П. В. Анненковъ [2]).

И такъ Пушкинъ былъ во второй разъ въ Языковѣ 29-го сентября 1833 года. Онъ засталъ дома всѣхъ трехъ братьевъ и познакомился со старшимъ изъ нихъ, П. М. Языковымъ. Онъ ему очень понравился.

Семейное преданіе разсказываетъ, что Александръ Сергѣевичъ засталъ братьевъ Языковыхъ одѣтыхъ по домашнему, въ халатахъ, и на первыхъ же порахъ пристыдилъ и разбранилъ ихъ за азіатскія привычки. Пробылъ онъ въ Языковѣ почти два дня, которые прошли очень весело, и уѣзжая далъ обѣщаніе быть зимой въ Симбирскѣ.

30-го сентября, Пушкинъ выѣхалъ изъ Языкова въ Болдино. Лѣтомъ 1833 года, стихи Николая Михайловича были собраны въ тетрадь и рукопись отослана въ Петербургъ для печати, къ Комовскому,

---

[1]) У Анненкова показано 2,000. См. стр. 393.

[2]) См. стр. 359 его «Матеріаловъ».

который взялся быть редакторомъ и принялъ на себя всѣ хлопоты по изданію. Въ письмѣ А. М. Языкова, отъ 1-го октября, есть небольшая приписка поэта Языкова, въ которой онъ спрашиваетъ Комовскаго, правда ли, что Пушкинъ встрѣтилъ его въ книжной лавкѣ съ его стихами и кое что поправилъ въ рукописи.

Комовскій пишетъ на это, отъ 16-го октября, что не задолго до отъѣзда Пушкина на Уралъ, дѣйствительно сошелся съ нимъ у Смирдина, только что получивъ съ почты стихи Н. М.; что Пушкинъ кое что прочелъ изъ нихъ, исправилъ нѣкоторыя описки; хотѣлъ даже взять рукопись, чтобы просмотрѣть и исправить всю, но не получилъ на то разрѣшенія.

Вымысломъ Гусара Пушкинъ, по словамъ того же Комовскаго, обязанъ Оресту Сомову. «Смотрите его кіевскія вѣдьмы въ Новосельѣ», пишетъ онъ А. М. Затѣмъ, говоря о принятіи Пушкина членомъ въ академію наукъ, сообщаетъ, что «вслѣдъ за нимъ вошли Борька Ѳедоровъ и Панаевъ» [1]).

28-го ноября, Пушкинъ вернулся изъ Болдина и привезъ съ собою по слухамъ три новыхъ поэмы. «Смирдинъ», пишетъ Комовскій отъ 10-го декабря 1833 года, «возвратившись при мнѣ отъ него въ свою лавку, съ прискорбіемъ жаловался на него: за эти три пьески, въ которыхъ-де не болѣе трехъ печатныхъ листовъ будетъ требуетъ Александръ Сергѣевичъ 15,000 руб.!. У этого барона не дурна фантазія. Онъ же написалъ какую то повѣсть въ прозѣ: или «Мѣдный Всадникъ» или «Холостой Выстрѣлъ», не помню хорошенько! Одна изъ этихъ пьесъ прозой, другая въ стихахъ».

«Пушкинъ правъ, продавая въ три-дорога свои стихи. Съ торгашами такъ и должно», пишетъ на это въ отвѣтъ Александръ Михайловичъ.

Отвлеченный другими работами, Пушкинъ, какъ видно, раздумалъ издавать сборникъ народныхъ пѣсенъ, и всѣ матеріалы, изъ разныхъ рукъ, стали понемногу стекаться въ Москву, къ П. В. Кирѣевскому. Признавая громадное значеніе русской народной поэзіи, Пушкинъ ограничился теперь обѣщаніемъ написать къ сборнику свое предисловіе.

Новый, 1834 годъ, Пушкинъ встрѣтилъ въ званіи камеръ-юнкера; графъ Хвостовъ одинъ изъ первыхъ извѣстилъ Н. М. Языкова о томъ, что Пушкинъ «сіяетъ въ златошвейномъ кафтанѣ».

Эта новость удивила всѣхъ. «Ты вѣрно замѣтилъ въ газетахъ», пишетъ 17-го января Кирѣевскій Н. М. Языкову, «что Пушкинъ камеръ-юнкеръ!! Когда онъ проѣзжалъ черезъ Москву, его никто почти не видалъ. Онъ пробылъ здѣсь только три дня и никуда не показывался, потому что ѣхалъ съ бородой, въ которой ему хотѣлось показаться женѣ. Уральскихъ пѣсенъ, обѣщанныхъ передъ

---

[1]) Владиміръ Ив. Панаевъ, авторъ извѣстныхъ «Идиллій».

отъѣздомъ туда, онъ, кажется, ни одной не привезъ, по крайней мѣрѣ мнѣ не присылалъ».

Въ началѣ февраля 1833 года, когда уже рукопись Пугачева была представлена на разсмотрѣніе государя, А. М. Языковъ передавалъ Пушкину черезъ Комовскаго, что Д. Давыдовъ рекомендуетъ бытописателю человѣка обладающаго любопытнѣйшими матеріалами о самозванцѣ, помѣщика Бузулуцкаго уѣзда, села Могутова, Ивана Григорьевича Пыхачева. Языковъ просилъ К. сообщить объ этомъ Пушкину «если Пугачевъ все еще не на шутку его интересуетъ».

Узнавъ что исторія Пугачева уже написана, А. М. сильно сомнѣвается. «Пушкинъ, повидимому, важничаетъ, пишетъ онъ къ Комовскому 21-го апрѣля. Странно какъ онъ успѣлъ такъ скоро состряпать исторію Пугачева! Вѣрно будетъ тра-та-та!»

«Пушкинъ свою повѣсть [1]) плохо сладилъ, пишетъ онъ дальше. Въ ней всего лучше эпиграфы, особенно атанде-съ».

Въ началѣ осени, Пушкинъ, проѣздомъ въ Болдино, пробылъ нѣсколько дней въ Москвѣ. А. И. Языковъ пишетъ 13-го сентября къ Комовскому о своемъ намѣреніи заѣхать къ Пушкину въ деревню, причемъ опять въ недоумѣніи спрашиваетъ, правда ли что Пугачевъ уже напечатанъ.

Въ Болдино онъ заѣхалъ 26-го сентября, всего на нѣсколько часовъ, и звалъ Пушкина въ Языково, на свою свадьбу. Поэтъ, при всемъ желаніи, не могъ однако исполнить его просьбы, ссылаясь на то, что у него жена и дѣти.

«Онъ мнѣ показывалъ, пишетъ Языковъ, исторію Пугачева (она недурна кажется), нѣсколько сказокъ въ стихахъ, въ родѣ Ершова, и исторію рода Пушкиныхъ».

Въ Болдинѣ, осенью 1834 года, у Пушкина созрѣла мысль издавать журналъ, будущій «Современникъ».

Когда Пугачевъ вышелъ изъ печати, онъ встрѣтилъ строгое осужденіе со стороны А. М. Языкова. Какъ человѣкъ научно образованный и склонный къ кабинетному, усидчивому труду, онъ не могъ одобрить спѣшной работы Пушкина. 15-го января 1835 года, онъ пишетъ Комовскому слѣдующій отзывъ: «Пушкинскую исторію Пугачева я прочелъ. Она написана весьма небрежно и поверхностно; замѣтно, что у него было слишкомъ мало матеріаловъ и что онъ историкъ не дальній. Почти вся 2-я часть доставлена нами».

«Пугачевъ Пушкина» пишетъ онъ мѣсяца два спустя, изъ Симбирска, «кажется, написанъ для того, чтобы скорѣе продать заглавіе. У насъ имъ очень недовольны. Что-то возгласятъ журналы?»

Приведенная выше фраза, что «почти вся 2-я часть доставлена нами» указываетъ на живое участіе въ историческомъ

---

[1]) Пиковая дама.

трудѣ Пушкина братьевъ Языковыхъ, имѣвшихъ возможность предоставить въ руки поэта-историка массу матеріаловъ о Пугачевщинѣ. Александръ Михайловичъ, передавая эти матеріалы Пушкину, былъ въ правѣ разсчитывать, хотя и сильно сомнѣвался, не на журнальную статью о Пугачевѣ, а на обстоятельный историческій трудъ, гдѣ бы сырые факты второй части не давили скудное содержаніе первой. Въ силу этого, въ сентябрѣ 1834 года, онъ былъ немало удивленъ исторіей Пугачева уже написанною. Опасенія Языкова оправдались: Пушкинъ слишкомъ поторопился, не успѣвъ воспользоваться указаніями Д. Давыдова и другихъ, не думавшихъ, что онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ можетъ покончить съ такимъ важнымъ историческимъ трудомъ.

«Здѣсь толкуютъ о стихахъ Пушкина, напечатанныхъ въ «Наблюдателѣ» [1]), пишетъ А. М. Языковъ въ письмѣ къ Комовскому отъ 22-го января 1836 года, «и видятъ тутъ намеки на Уварова [2]); стихи плохи (какая же дрянь его Вастола!). Уваровъ все-таки лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ; онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ много хорошаго и совсѣмъ не заслуживаетъ, чтобы въ него бросали изъ-за угла грязью. Впрочемъ это нашъ либерализмъ, наша свобода тисненія!»

Сплетни и скандальные слухи, тревожившіе Пушкина, между тѣмъ, все росли и роковая развязка была недалеко. Неожиданная дуэль и затѣмъ смерть Пушкина поразили всѣхъ. Вотъ что пишетъ Н. М. Языковъ изъ Симбирска, къ сестрѣ Пр. Мих. Бестужевой, 18-го февраля 1837 года: «И здѣсь надѣлала много шуму смерть Пушкина, столь жалко погибшаго отъ руки нѣмчурки. Собираются и еще собираются служить по немъ панихиду и сдѣлать поминки. Петръ Александровичъ [3]) привезетъ тебѣ подробное описаніе этой ужасной исторіи, сочиненное на мѣстѣ А. И. Тургеневымъ. И горько, и досадно, и жаль!» Какъ нарочно, писемъ В. Д. Комовскаго къ А. М. Языкову, за весь 1837 годъ, нѣтъ въ бумагахъ ни одного! Комовскій, какъ человѣкъ служившій при Уваровѣ, могъ болѣе чѣмъ кто-либо знать всю грязную исторію намековъ, сплетенъ и анонимныхъ писемъ, которые привели Пушкина къ дуэли и кинули не заслуженную тѣнь на его жену. Мы принуждены поневолѣ ограничиться выдержками изъ писемъ Александра Михайловича къ Комовскому, за неимѣніемъ болѣе прямыхъ источниковъ.

А. М. жилъ всю зиму 1837 года въ Симбирскѣ и получилъ довольно подробныя свѣдѣнія о смерти Пушкина отъ А. И. Тургенева. По распоряженію послѣдняго, въ Симбирскъ были высланы копіи съ писемъ покойнаго поэта въ Москву и кн. Вяземскаго—къ Бул-

---

[1]) См. соч. Пушкина, изд. 1880 г., т. III, стр. 423.
[2]) Уваровъ былъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія.
[3]) Мужъ Пр. Мих. Языковой.

гакову. Александръ Михайловичъ проситъ Комовскаго въ письмѣ отъ 2-го марта прислать журналы Даля и Спасскаго, вмѣстѣ съ письмомъ Пушкина къ старику Гекерну, говоря что они «важны въ дѣлѣ».

«Разумѣется Пушкинъ, пишетъ онъ, судя по послѣднимъ неудачнымъ его попыткамъ (?), умеръ во время и торжественно; вѣрно онъ самъ не желалъ лучшей смерти и не ожидалъ столь громкаго изъявленія привязанности къ нему публики. Это совершенно небывалое явленіе! Теперь ясно, что и у насъ литературный талантъ есть власть и этотъ выводъ всего важнѣе въ этомъ происшествіи».

Дальше Языковъ говоритъ о томъ, что уваженіе Петербурга къ Пушкину и милости, оказанныя государемъ семейству убитаго поэта, очень тронули московскихъ литераторовъ: Хомякова, Баратынскаго и друг. «Они всѣ собираются писать (теперь можно и должно)», замѣчаетъ Александръ Михайловичъ.

Комовскій незамедлилъ доставить Языкову письмо князя Вяземскаго и журналъ Спасскаго.

«Пушкину, пишетъ А. М., 13-го апрѣля 1837 года, слѣдовало просто уѣхать изъ Петербурга отъ этихъ подлецовъ. Этимъ онъ спасъ бы и себя и жену; во всемъ виноватъ болѣе онъ самъ, нежели толпа холостыхъ гвардіонцевъ, съ жадностью бросающихся на всякую женщину. Ихъ можно извинить: они голодны! Спасайся кто можетъ, или не сердись за послѣдствія. Много ли новаго нашли въ его бумагахъ? Тургеневъ пишетъ о какомъ-то «Мѣдномъ Рыцарѣ», который-де лучше всего прежняго, о переводѣ «Донъ-Жуана» [1]) и проч. Нащокинъ говорилъ о поэмѣ «Русалка». Правда ли? Вамъ должно быть все извѣстно. Странно, что въ объявленіи объ изданіи его сочиненій не сказано осталось ли что ненапечатанное, или нѣтъ».

«Вы совершенно дополнили наши свѣдѣнія о смерти Пушкина», пишетъ Языковъ Комовскому, 20-го апрѣля. «Теперь мы имѣемъ все, что имѣть можно, всѣ подробности, записки и наблюденія. Есть ли у васъ письма А. И. Тургенева? Я могу вамъ прислать съ нихъ списокъ. Мнѣ кажется, что эту исторію всего лучше объясняютъ слова Пушкина, приведенныя Далемъ: «Мнѣ здѣсь не житье». Гекернъ и все прочее только придирки, только удобный случай попробовать отдѣлаться отъ жизни».

«Изъ Москвы пишутъ, что будто Мицкевичъ вызвалъ на дуэль Дантеса» прибавляетъ онъ на послѣдней страницѣ своего письма.

---

[1]) Неизвѣстно, говорится ли здѣсь про «Каменнаго гостя» или про переводы изъ байроновскаго «Донъ-Жуана».

Свѣдѣнія о Пушкинѣ изъ литературной переписки братьевъ Языковыхъ ограничиваются тѣми выдержками, которыя я здѣсь привелъ [1]).

Къ поэту относились строго, часто даже придирчиво, признавая однако въ немъ большой талантъ. Послѣдняго не отрицали ни прямые враги Пушкина, не такіе нелицепріятные судьи, какъ А. М. Языковъ, говорившій про поэта, что «онъ за все хватается» «нуждается въ предметахъ пѣнія», «имѣетъ большую наклонность болтать и надувать свѣтъ Божій» что «у него мало штофу» и проч.

Мы не въ правѣ винить современниковъ Пушкина въ томъ, что они не признавали въ авторѣ «Онѣгина» и «Полтавы» русскаго генія: они были къ нему слишкомъ близки; болѣе справедливаго обвиненія заслуживали люди, жившіе и писавшіе триддать лѣтъ спустя, что Пушкинъ только версификаторъ.

Время, этотъ, по выраженію Байрона

«Единый врачъ истерзанныхъ сердецъ
И исправитель нашихъ заблужденій» —

произнесло уже надъ ними свой приговоръ.

Д. Садовниковъ.

[1]) Письма 1833 года за октябрь и ноябрь мѣсяцы.

ПРОЕКТЪ М. Д. СКОБЕЛЕВА О ПОХОДѢ ВЪ ИНДІЮ.

ПРИ РАЗБОРѢ бумагъ покойнаго князя Черкаскаго, въ числѣ лично ему принадлежащей переписки, нашлось въ высшей степени характерное письмо покойнаго М. Д. Скобелева, написанное къ одному изъ его близкихъ родственниковъ, изъ г. Кокана 26-го января 1877 года. Мы уже имѣли случай познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ нѣкоторыми мнѣніями покойнаго генерала о походѣ въ Индію какъ со стороны политическихъ соображеній, такъ и съ чисто военной точки зрѣнія [1]. Но, печатая новый документъ, касающійся того же вопроса, мы теперь имѣемъ въ виду совсѣмъ не походъ въ Индію, какъ его проектировалъ М. Д. Скобелевъ, такъ какъ покойный и самъ къ концу своей, рано угасшей жизни отказался отъ идей, высказанныхъ въ помѣщаемомъ нами историческомъ документѣ. Нѣтъ, на этотъ разъ мы имѣемъ въ виду, такъ сказать, собственными словами Скобелева очертить его собственную, удивительно живую и энергическую личность. Какъ горячо онъ чувствовалъ, какъ искренно, активно любилъ родину, и какъ смѣло, по собственному сознанію—до безумія смѣло готовъ былъ служить ея государственнымъ интересамъ, лучше всего видно изъ прилагаемаго ниже письма.

Печатая это письмо съ подлинника, мы должны сказать нѣсколько словъ объ его внѣшнемъ видѣ. Оно писано на довольно толстой почтовой бумагѣ, крупнымъ, четкимъ, весьма разборчивымъ почеркомъ, и, заключая въ себѣ 30 страницъ, не имѣетъ ни вставокъ ни помарокъ. Судя по помѣтѣ, письмо написано сразу въ 1 часъ 20 минутъ времени, съ 11½ часовъ вечера 26 до 1 часа безъ 10 минутъ утра 27-го января. Это уже можетъ дать понятіе о быстротѣ, съ которою покойный генералъ умѣлъ работать перомъ, подготовляя имъ, по военному выраженію, все необходимое для будущаго успѣха штыковой работы. Теперь переходимъ къ самому письму.

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ» 1882 года.

Сердцемъ благодарю тебя за неизмѣнную память обо мнѣ; я благодаренъ, но не удивленъ; твоимъ содѣйствіемъ я началъ жить на поприщѣ военномъ и тебѣ обязанъ первыми впечатлѣніями самостоятельной боевой службы. Я до извѣстной степени смѣло высказываю убѣжденіе, что ты и впредь будешь интересоваться и способствовать мнѣ продолжать службу исключительно для войны, которая (а послѣ пріобрѣтенныхъ мною на службѣ успѣховъ, это стало для меня еще болѣе очевиднымъ) есть для меня въ жизни не средствомъ, а цѣлью, и притомъ единственною, заставляющею меня дорожить жизнью. Въ этомъ-то собственно и заключается исключительность моего честолюбія, не всегда для всѣхъ понятнаго. Ты, сознательно поддержавшій меня болѣе 12 лѣтъ тому назадъ, вѣроятно и теперь не откажешь мнѣ въ просьбѣ совершенно тождественнаго характера, конечно сообразно съ новыми обстоятельствами и положеніемъ, съ какою стоялъ передъ тобою кавалергардскаго полка корнетъ Скобелевъ.

Впрочемъ, просьба моя далеко не безусловна; если я и рѣшаюсь безпокоить тебя, то это потому, что глубоко убѣжденъ въ томъ, что ничего рѣшительно-серьезнаго, со стороны населенія въ Туркестанѣ, намъ ожидать нельзя, въ случаѣ войны съ Турціей и, что если мы будемъ воевать исключительно съ Турціею, или что мысль о грозномъ наступательномъ, безусловно, быть можетъ, рѣшающемъ значеніи Туркестана, въ случаѣ войны съ Англіею, еще не дозрѣла въ высшихъ сферахъ, то здѣсь оставаться въ военное время было бы слишкомъ тяжелымъ испытаніемъ.

Цѣль настоящаго письма отчасти напомнить о себѣ, о недавнемъ моемъ отвѣтственномъ боевомъ прошломъ, а, главное, высказать передъ тобою, съ полною откровенностію, что̀ по моему мнѣнію и должно, и можно, предпринять изъ Туркестана, въ случаѣ рѣшительнаго разрыва съ Англіей, для торжества и величія Россіи.

Цѣль, на которую я указываю, имѣетъ великое міровое значеніе. Всякій русскій патріотъ, сознающій возможность успѣха и поставленный судьбою близко къ дѣлу, не можетъ не указать на тѣ весьма значительныя средства, которыя, позволю себѣ сказать, наше правительство случайно скопило на здѣшней окраинѣ и съ которыми, при соотвѣтствующей рѣшимости и своевременныхъ приготовленіяхъ, можно нанести Англіи не только рѣшительный ударъ въ Индіи, но и сокрушить ее въ Европѣ. Все это, повторяю, при полномъ владѣніи нами Туркестанскимъ краемъ и совершенномъ обезпеченіи его въ смыслѣ операціонной базы; въ послѣднее я твердо вѣрю и имѣю слишкомъ много данныхъ, чтобы не быть убѣжденнымъ въ безусловности нашей силы и обаянія, конечно при непремѣнномъ въ Азіи, болѣе чѣмъ гдѣ

либо, условіи «не тратить словъ тамъ по пустому, гдѣ нужно власть употребить».

Сильный необходимостью исполнить въ такую серьёзную для Россіи минуту свой долгъ, я подалъ записку генералъ-губернатору 27-го декабря 1876 года, писалъ дядѣ Сашѣ и теперь пишу тебѣ, не думая о послѣдствіяхъ для меня лично того, что сдѣлалъ, а только моля Бога, чтобы тамъ, гдѣ слѣдуетъ, обращено было вниманіе на ту грозную, наступательную силу, которою мы владѣемъ въ Средней Азіи.

Начальникомъ Наманганскаго отдѣла я былъ назначенъ 22-го сентября 1875 года. Мнѣ же былъ порученъ отрядъ, который предназначался для дѣйствій оборонительныхъ, въ ожиданіи имѣвшихъ прибыть къ веснѣ 1876 года подкрѣпленій изъ имперіи. Положеніе дѣлъ на нашей границѣ тогда было крайне серьёзное, для насъ неблагопріятное, доказательствомъ чему, между прочимъ, служитъ то обстоятельство, что для обороны отдѣла назначено было 18 ротъ, 8 сотенъ казаковъ, при 14 полевыхъ орудіяхъ, не считая орудій на вооруженіи.

Тотчасъ по уходѣ главныхъ силъ, подъ начальствомъ командующаго войсками округа, къ Ходженту, 16-го октября 1875 года, вся серьёзность положенія ввѣреннаго мнѣ отряда стала очевидною.

Непріятель всѣми своими массами обрушивается на недоконченныя укрѣпленія Намангана 23-го октября и съ этихъ поръ начинается рядъ безпрерывныхъ съ нимъ столкновеній. Результатомъ ихъ былъ сначала разгромъ Намангана и очищеніе Наманганскаго отдѣла отъ присутствія непріятельскихъ шаекъ, а затѣмъ, по обезпеченіи войскъ продовольственными средствами, начинается періодъ наступательныхъ дѣйствій: пораженіе всѣхъ наличныхъ силъ бывшаго Кокансказо ханства, въ числѣ болѣе 40 тысячъ человѣкъ подъ Балыкчами, 12-го ноября 1875 года, и послѣ цѣлаго ряда болѣе или менѣе кровопролитныхъ дѣлъ (28-го ноября при Гуръ-тюбе, 2-го декабря подъ Уладжибаемъ, я назову наиболѣе результатными), Наманганскій дѣйствующій отрядъ штурмуетъ во второй разъ Андиджанъ, 8-го января 1876 года, разбиваетъ послѣднія силы, выставленныя партіею войны подъ Ассаке, принуждаетъ къ сдачѣ предводителя этой партіи Абдурахмана Автобачи и засимъ послѣ 6-ти мѣсячной кампаніи повергаетъ все бывшее Коканское ханство къ стопамъ государя императора.

Все это было годъ тому назадъ; съ этимъ временемъ и совпадаетъ назначеніе меня военнымъ губернаторомъ Ферганской области.

Понятно, что въ области оставалось очень много безпокойныхъ элементовъ. Съ цѣлью окончательнаго замиренія, войска двинуты были на Алай, гдѣ я, задавшись исключительно мирными цѣлями, дѣйствовалъ совершенно противоположно противъ прежняго. Алайскій походъ не стоилъ Россіи ни одной капли крови и мятежники

были вынуждены покинуть занимаемыя или неприступныя позиціи исключительно стратегическими обходами [1]), чѣмъ я полагаю въ высшей степени исполнена воля государя, столь дорожащаго кровью своихъ подданныхъ.

Что было сдѣлано по управленію, ты имѣлъ возможность усмотрѣть изъ приказа генералъ-губернатора, отданнаго послѣ объѣзда имъ Ферганской области.

Само собою разумѣется, что не мнѣ распоряжаться, въ подобное время, своею судьбой и начальство лучше меня знаетъ, гдѣ наиболѣе полезно меня держать. Я раскрываю передъ тобою свое сердце на всякій случай и предупреждаю о своемъ желаніи во всякую данную минуту и въ какомъ бы то ни было положеніи идти въ дѣйствующія войска; я тѣмъ менѣе, повторяю, могу безусловно проситься изъ этого края, что твердо вѣрю въ его могучее наступательное значеніе при разрѣшеніи восточнаго вопроса.

Неоднократно высказывалось опасеніе, что Россія изъ Средней Азіи можетъ угрожать владычеству англичанъ въ Индіи и что по этому Англіи необходимо теперь же принять мѣры къ удержанію наступленія русскихъ въ Туркестанѣ.

Дѣйствительно, если вглядѣться кругомъ, то увидимъ, что положеніе наше здѣсь, въ Туркестанѣ, весьма грозно и опасенія англичанъ ненапрасны. Мы создали въ Средней Азіи сильную базу, съ арміей около 40 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ всегда можемъ выдѣлить для дѣйствій внѣ предѣловъ генералъ-губернаторства не менѣе 10—12 тысячъ человѣкъ; причемъ можно ручаться за спокойствіе края, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ нѣтъ сколько нибудь серьёзныхъ указаній относительно связи между мусульманами въ Турціи и въ Средней Азіи въ данный политическій моментъ.

Если боевыя средства Туркестана усилить изъ Западной Сибири хотя бы 6-ю ротами, сколь возможно бо́льшимъ количествомъ казаковъ Сибирскаго войска и одною батареей, да изъ Оренбурга 3-мя полками казаковъ, тогда можно составить корпусъ, коего приблизительно составъ будетъ равняться 14—15 тысячамъ человѣкъ.

Такой корпусъ, переброшенный черезъ Гиндукушъ, можетъ сдѣлать многое.

Всякій, кто бы ни касался вопроса о положеніи англичанъ въ Индіи, отзывается, что оно непрочно, держится лишь на абсолютной силѣ оружія; что европейскихъ войскъ достаточно лишь для того, чтобы держать ее въ спокойствіи и что на войска изъ туземцевъ положиться нельзя. Всякій, кто ни касался вопроса о возможности вторженія русскихъ въ Индію, заявляетъ, что достаточно одного прикосновенія къ границамъ ея, чтобы произвести тамъ всеобщее возстаніе.

---

[1]) Прик. по войскамъ округа, № 406.

Скажутъ, что предпріятіе противъ англичанъ въ Индіи есть предпріятіе рискованное, что оно можетъ окончиться гибелью русскаго отряда. Я полагаю, что отъ себя и не слѣдуетъ скрывать, что это дѣло рискованное. Надо помнить только, что при полной удачѣ предпріятія мы можемъ разрушить Британскую имперію въ Индіи, послѣдстія чего въ самой Англіи заранѣе и изчислить трудно. Компетентные люди въ Англіи сами сознаются, что неудача у границъ Индіи можетъ повлечь за собою даже соціальную революцію въ самой метрополіи, такъ какъ за послѣдніе 20 лѣтъ тождественныя во всѣхъ отношеніяхъ съ Франціей причины и явленія (въ томъ числѣ и неспособность къ войнѣ) тѣснѣе чѣмъ когда либо связали современную Англію съ ея индійскими владѣніями. Однимъ словомъ, паденіе Британскаго могущества въ Индіи будетъ началомъ паденія Англіи. При неполномъ успѣхѣ со стороны нашей, т. е. когда въ Индіи не произойдетъ возстанія и мы не въ состояніи будемъ вторгнуться въ ея предѣлы, мы прикуемъ всю индійскую армію къ Индустану и лишимъ ее возможности выдѣлить какую либо часть ея въ Европу, даже заставимъ часть войскъ изъ Европы перевести въ Индію. Однимъ словомъ, можемъ въ значительной степени парализовать сухопутныя силы Англіи для войны въ Европѣ, или же для созданія новаго театра войны отъ персидскаго залива на Таврисъ, къ Тифлису, въ связи съ турецкими и персидскими силами, о чемъ уже съ Крымской войны мечтаютъ англійскіе военные люди.

На необходимость участія Туркестана въ предстоящихъ событіяхъ указываетъ и то, что, въ случаѣ неудачи войны, очищеніе нами Туркестанскаго края или ограниченіе тамъ нашего положенія, неминуемы. Если мы, даже при полной неудачѣ нашихъ предпріятій, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, докажемъ, хотя и несчастною предпріимчивостью, всю возможную грозность нашего теперешняго положенія въ Средней Азіи, то, при необходимости заключить несчастный миръ, Россіи предстоитъ, быть можетъ, откупиться цѣною Туркестана, поднявшагося въ цѣнѣ.

Не можетъ быть сравненія между тѣмъ, чѣмъ мы рискуемъ, рѣшаясь демонстрировать противъ англичанъ въ Индіи и тѣми міровыми послѣдствіями, которыя будутъ достояніемъ въ случаѣ успѣха нашей демонстраціи. Громадная разница въ результатахъ въ случаѣ успѣха, существующая между нами и непріятелемъ, должна побуждать насъ смѣло идти впередъ.

Когда послѣдуетъ объявленіе войны съ Англіей, то въ Туркестанѣ слѣдовало бы начать съ того, что послать немедленно посольство въ Кабулъ и въ Самаркандѣ формировать дѣйствующій отрядъ (для бо́льшаго обаянія я бы назвалъ его «арміею») изъ 10-ти баталіоновъ, 14 сотенъ, до 40 орудій, всего отъ 10—12 ты-

сячъ человѣкъ; это minimum и притомъ безусловный нашихъ наличныхъ боевыхъ наступательныхъ средствъ.

Цѣль посольства втянуть въ союзъ съ нами Ширъ-Али и войти въ связь съ недовольными въ Индіи, а чтобы переговоры достигли своей цѣли, то необходимо немедленно по сформированіи отряда, двинуть его черезъ Баміанъ къ Кабулу. Если бы Ширъ-Али, не смотря на все это, остался сторонникомъ англичанъ (на что весьма мало вѣроятій; приглашенію его въ числѣ вассаловъ, въ Дели на празднество, по случаю провозглашенія титула «Императрицы Индіи» было имъ не принято и вообще онъ выражалъ крайнее неудовольствіе на будто бы причиненную ему этимъ приглашеніемъ обиду), то выдвинуть претендента на авганскій престолъ Абдурахаманъ-Хана, живущаго въ Самаркандѣ, и черезъ то посѣять въ странѣ междоусобную войну, а между тѣмъ изъ-подъ руки побудить Персію возобновить свои притязанія на Гератъ. Обративъ вниманіе Персіи на Афганистанъ, мы отвлекаемъ ея военныя средства отъ Кавказа; и такъ какъ движеніе персидскихъ войскъ къ Герату потребуетъ въ огромныхъ размѣрахъ продовольственныя и перевозочныя средства, то это между прочимъ будетъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ парализировать возможный планъ англичанъ двигаться отъ персидскаго залива къ Тифлису.

Вслѣдъ за выступленіемъ дѣйствующаго отряда изъ Самарканда, въ этомъ послѣднемъ долженъ быть сформированъ новый отрядъ изъ 2-хъ баталіоновъ пѣхоты, батареи и 16 сотень казаковъ, какъ для занятія опорныхъ пунктовъ на нашей коммуникаціонной линіи, такъ и вообще для службы въ тылу.

Вообще, не касаясь подробностей, походъ дѣлится въ моемъ представленіи на два періода: первый періодъ дѣйствій крайне быстрыхъ, періодъ дипломатическихъ переговоровъ съ Авганистаномъ, которые необходимо поддержать наступленіемъ дѣйствующаго отряда къ Кабулу; второй періодъ по занятіи Кабула, выжидательный, во время котораго мы должны войдти въ сношеніе со всѣми недовольными въ Индіи элементами, постараться дать проявленію ихъ возможно болѣе соотвѣтствующее нашимъ интересамъ направленіе (главная причина неудачи возстанія 1857 года заключалась въ недостаткѣ регуляризаціи усилій инсургентовъ) и наконецъ, и это главное, организовать массы азіатской кавалеріи, которую во имя крови и грабежа, направить въ предѣлы Индіи, въ видѣ авангарда, возобновивъ времена Тимура!..

Опредѣлять въ планѣ кампаніи дальнѣйшія дѣйствія собственно русскаго отряда изъ Кабула было бы гадательно. Въ лучшемъ случаѣ они могли бы окончиться присутствіемъ русскихъ знаменъ въ Бенаресѣ; въ худшемъ—отрядъ можетъ съ честью отступить къ Герату, на встрѣчу выдвинутымъ войскамъ съ Кавказа. Для подобнаго репли нужно нѣсколько баталіоновъ и по 6 орудій на 1,000

человѣкъ. Азіатскій непріятель, особенно туркмены въ полѣ не страшенъ, и даже побѣдоносная англійская армія, при движеніи къ Герату будетъ таять [1]) въ значительной степени, да и выдвинуть изъ предѣловъ Индіи, при современномъ состояніи британской арміи, англичане могутъ не болѣе 25,000 человѣкъ, изъ коихъ придется оставить на опорныхъ пунктахъ довольно значительное количество. Кромѣ того, не надо забывать, что туркестанскій округъ будетъ находиться на флангѣ коммуникаціонной линіи непріятеля, а наши средства по мѣрѣ приближенія къ Каспію будутъ увеличиваться.

Я уже сказалъ, что все это предпріятіе, конечно, рискованно, но оно оправдывается величіемъ цѣли, неизмѣримостію результатовъ; ставъ на точку зрѣнія результатовъ, для Россіи не можетъ быть и рѣчи о рискѣ, а о Туркестанѣ не стоитъ и говорить.

Отъ войскъ, которыя будутъ осчастливлены участіемъ въ подобномъ походѣ, должно требовать большаго чѣмъ самоотверженія, даже въ высшемъ значеніи, для военнаго человѣка, этого слова.

Когда отрядъ перевалитъ черезъ Гиндукушъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ вести дѣло такъ, чтобы всякій солдалъ понималъ, что пришелъ въ Авганистанъ побѣдить или умереть; что государь отъ всѣхъ требуетъ послѣдняго!.. Что намъ не будетъ поставлено въ упрекъ если наши знамена останутся въ рукахъ непріятеля, когда за Гиндукушемъ не будетъ въ живыхъ ни одного русскаго воина.

Подобное сознаніе, подобная рѣшимость въ цѣломъ отрядѣ, по моему, могутъ только опираться, въ русской арміи, на несомнѣнномъ чувствѣ для всѣхъ безпредѣльной привязанности и любви къ своему монарху. Трудная задача воодушевить отрядъ до степени, соотвѣтствующей характеру предпріятія, наилучшимъ образомъ разрѣшается присылкою въ отрядъ одного изъ сыновей государя, который, когда наступитъ время, объявилъ бы войскамъ, что̀ отъ нихъ ожидаютъ царь и Россія. Я твердо вѣрую, что отрядъ осчастливленный присутствіемъ сына государя, сдѣлаетъ чудеса и ни въ какомъ случаѣ не уронитъ имени русскаго.

Въ теченіи 10-ти лѣтняго пребыванія нашего въ здѣшнемъ краѣ, туркестанскія войска выработали себѣ цѣлую систему военныхъ дѣйствій (основанную на знаніи мѣстныхъ условій, характера противника, всегда тождественнаго во всей мусульманской Азіи, а, главное, на сознаніи своей собственной боевой годности), которая даетъ имъ возможность сознательно рѣшаться въ будущемъ на военныя предпріятія, соотвѣтствующія современнымъ боевымъ средствамъ Туркестана. Можно сказать, что теперь для насъ въ Средней Азіи, если мы будемъ продолжать дѣйствовать съ отрядами такъ, какъ

---

[1]) Безспорно, что акклиматизированныя войска Россіи гораздо способнѣе переносить трудности средне-азіатскаго похода, нежели англійскія. См. «History of the war in Afganistan by John William Kaye». London. 1851.

дѣйствовали до сихъ поръ, не существуетъ болѣе неодолимыхъ преградъ. Азіатскія массы насъ могутъ только безпокоить, но нисколько не помѣшать намъ осуществлять наше намѣреніе. Мы дошли теперь до того, что при цѣлесообразныхъ систематическихъ дѣйствіяхъ, при обезпеченіи отряда орудіями и снарядами въ пропорціи, далеко превосходящей требованія европейской войны, можемъ бить въ Средней Азіи почти навѣрняка, какъ въ полѣ, такъ и въ городахъ, и это, повторяю, при умѣньи, почти безъ потерь, чего такъ недавно еще не было. Однимъ словомъ, при современномъ нашемъ опытѣ, молодецкихъ войскахъ, весьма значительныхъ, какъ мнѣ кажется, боевыхъ средствахъ, нѣтъ такой Азіи, которая могла бы дѣйствительно помѣшать намъ выполнить самые широкіе стратегическіе замыслы.

Политика наша въ послѣднее десятилѣтіе возвысила міровое значеніе Россіи. Величавая дѣятельность нашего правительства, по мнѣнію англичанъ и азіатцевъ, здѣсь, въ Азіи, не имѣетъ предѣловъ. Это обаяніе главнымъ образомъ и служитъ обезпеченіемъ нашего положенія. Недавно читая сочиненіе подполковника англійской службы Керри «Shadows of coming events or the eastern menace. London, 1876», я былъ пораженъ заявленіемъ, что онъ иначе и не представляетъ себѣ туркестанскую власть, какъ соединяющую Чарджуй на Аму-Дарьѣ съ Москвою желѣзною дорогою. Азіатцы до сихъ поръ вѣрятъ, что когда наши войска идутъ на «ура», то они плюютъ огнемъ.

Знакомство съ краемъ и съ его средствами непремѣнно приводитъ къ заключенію, что присутствіе наше здѣсь, во имя русскихъ интересовъ, можетъ быть лишь оправдано стремленіемъ способствовать отсюда разрѣшенію въ нашу пользу восточнаго вопроса; иначе овчинка не стоитъ выдѣлки и затраты на Туркестанъ будутъ непроизводительны. Напротивъ того: весьма слѣдуетъ, казалось бы, опасаться, чтобы бездѣйствіемъ своимъ здѣсь, въ Средней Азіи, въ рѣшительный моментъ на Западѣ, мы не доказали бы врагамъ всю случайность нашихъ захватовъ; это неминуемо повлечетъ за собою уменьшеніе нашего обаянія и въ будущемъ потребуетъ еще большихъ непроизводительныхъ затратъ. Повторяю, съ сорокатысячнымъ войскомъ (minimum), при умѣньи дѣйствовать, теперь еще возможно не только удержать въ спокойствіи Туркестанскій край съ Кашгаромъ и Бухарою, дѣйствующими противъ насъ въ союзѣ, но смѣю высказать это увѣренно, очистить Туркестанскій край и вновь завоевать его.

Въ случаѣ нужды можно притянуть въ здѣшній край 6 сибирскихъ казачьихъ конныхъ полковъ (36 сотенъ), нѣсколько ротъ изъ Западной Сибири (6 ротъ) и батарею (8 орудій) быть можетъ полка 3 изъ Оренбурга (18 сотенъ).

Не слѣдуетъ забывать, что направивъ черезъ Гиндукушъ даже

до 16—20 тыс. человѣкъ, съ соотвѣтствующею артиллеріею, въ которой недостатка нѣтъ въ Туркестанѣ, при упомянутыхъ подкрѣпленіяхъ, для охраненія края останется около 31,800 человѣкъ, и это не трогая всю наличную силу Аму-Дарьинскаго отдѣла (2 бат. 4 сотни 8 полев. орудій) и не считая тѣхъ силъ, которыя находятся въ Закаспійскомъ краѣ.

Въ Средней Азіи намъ въ будущемъ, безъ сомнѣнія, предстоитъ испытать еще многое, но для этого необходимо, чтобы подросло мусульманское поколѣніе, родившееся, увы! подъ сѣнью русскихъ законовъ; чтобы создался цѣлый классъ вліятельныхъ людей, близко насъ знающихъ и сознательно относящихся къ дѣйствительнымъ причинамъ нашей силы и успѣховъ. Извѣстный Нана-Сагибъ воспитывался въ европейской средѣ, былъ принимаемъ въ высшемъ англійскомъ обществѣ и только потому могъ быть столь грозенъ англичанамъ. Подобные элементы у насъ еще не создались. Въ этомъ заключается одно изъ нашихъ безусловныхъ преимуществъ предъ англичанами и разъ событія на Западѣ складываются рѣшительно, это важное соображеніе, въ связи со многими другими, должно побуждать насъ извлечь изъ Туркестана всю ту пользу, которую онъ въ состояніи дать.

En Asie, lá ou cessent les triomphes, commencent les difficultés (lettre du duc de Wellington a lord Aucland, gouv. des Indies, 1839). Это безспорно вѣрно — мы теперь въ смыслѣ политическомъ переживаемъ эпоху торжества и этимъ надо пользоваться.

Ты видишь, какъ много я ожидаю отъ нашей мочи въ Средней Азіи; понятно, что имѣвъ счастіе продолжительное время дѣлить боевые труды съ туркестанскими войсками, я не могу желать промѣнять боевую службу здѣсь на какую бы-то ни было другую; но мнѣ было бы слишкомъ тяжело здѣсь бездѣйствовать, когда большинство нашей арміи будетъ проливать кровь за отечество на Западѣ!.. Поэтому, прошу тебя еще разъ не забывать меня въ случаѣ объявленія войны.

Тебя любящій и тебѣ благодарный **Михаилъ Скобелевъ.**

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Нѣсколько приказовъ по войскамъ Ферганской области, для характеристики нашей здѣсь жизни. Прочти ихъ и не откажи подѣлиться своими, для меня столь цѣнными, впечатлѣніями.

Только что получилъ 358 № «Голоса», отъ 29-го декабря 1876 года. Изъ чтенія передовой статьи я усматриваю, что объявленіе войны со стороны Россіи Оттоманской Портѣ «представляется

событіемъ желаннымъ для нашихъ враговъ»; что «Европа запутала вопросъ и надѣется на торопливость Россіи, столь для нея (Россіи) невыгодную» и, наконецъ, что событія сложились такъ, что «рѣшительная и скорая развязка ихъ сдѣлалась совершенно немыслимою».

Не таковымъ, смѣю это высказать, представляется намъ, знакомымъ съ военными средствами нашими въ Азіи, этотъ роковой восточный вопросъ, разрѣшеніе котораго должно быть страшно лишь врагамъ Россіи (прошу заранѣе извинить рѣшимость, побуждающую меня высказаться передъ тобою, я привыкъ знать, что ты, если я ошибаюсь, простишь меня ради намѣренія).

Еще въ 30-хъ годахъ, нынѣ генералъ-фельдмаршалъ графъ Мольтке указывалъ на невозможность пріобрѣтенія быстрыхъ и рѣшительныхъ результатовъ въ Европейской Турціи и признавалъ веденіе въ ней войны безъ помощи сильнаго флота и абсолютнаго господства на Черномъ морѣ, крайне затруднительнымъ. Какъ извѣстно, еще фельдмаршалъ князь Варшавскій, въ 29-мъ году, выразилъ сомнѣніе въ значеніи наступательныхъ дѣйствій въ Малой Азіи, за неимѣніемъ рѣшающаго предмета дѣйствій, и признавалъ таковымъ наиболѣе выгоднымъ торговые пути, соединяющіе Багдадъ съ Скутари. Но въ настоящее время, съ прорытіемъ Суэцкаго канала, и эта линія потеряла свое значеніе.

И такъ, можно казалось бы даже рѣшиться сказать, что какъ бы счастливо ни велась кампанія въ Европѣ и Азіатской Турціи, на этихъ театрахъ войны трудно искать рѣшенія восточнаго вопроса. Чистосердечное поведеніе Англіи, согласное видамъ нашего правительства, насколько я понимаю вопросъ, конечно, повело бы къ удовлетворенію законныхъ требованій нашихъ, а потому, мнѣ кажется, не слѣдуетъ раздѣлять понятія о войнѣ съ Англіей. Англія, не объявляя намъ формально войны, но посылая своихъ офицеровъ въ турецкіе ряды и помогая Турціи средствами, тѣмъ самымъ будетъ находиться съ нами въ войнѣ.

Не лучше ли воспользоваться нашимъ новымъ, могущественнымъ стратегическимъ положеніемъ въ Средней Азіи, нашимъ сравнительно гораздо лучшимъ противъ прежняго знакомствомъ съ путями и со средствами въ обширномъ смыслѣ этого слова въ Азіи, чтобы нанести дѣйствительному нашему врагу смертельный ударъ, въ томъ случаѣ (сомнительномъ), если явные признаки того, что мы рѣшились дѣйствовать по самому чувствительному для англичанъ операціонному направленію не будутъ достаточны для того, чтобы побудить ихъ къ полной уступчивости.

Положеніе дѣлъ, повидимому, крайне серьёзно и потому, даже при рѣшимости оставаться въ оборонительномъ положеніи на Дунаѣ и въ Азіатской Турціи, но высадивъ 30 тысячный корпусъ

въ Астрабадѣ, для наступленія совмѣстно съ войсками туркестанскаго военнаго округа къ Кабулу, мы быть можетъ тѣмъ самымъ избавимъ русскую армію въ Европѣ и въ Малой Азіи отъ тѣхъ неодолимыхъ трудностей, съ которыми она періодически безуспѣшно борется по нѣсколько разъ въ каждомъ столѣтіи.

Не мнѣ, конечно, позволительно обсуждать, съ какими средствами можно оборонять Закавказье отъ вторженія турецкой арміи, а также насколько безпомощное положеніе христіанскаго населенія въ Турціи дозволило бы, въ случаѣ объявленія войны, дунайской арміи оставаться въ безусловно оборонительномъ положеніи; но, во всякомъ случаѣ, беру на себя смѣлость высказать убѣжденіе:

1) Что если вторженіе въ Индію съ 18 тысячнымъ корпусомъ, при современномъ состояніи англійской власти въ Азіи, представляется дѣломъ хотя и рискованнымъ, но возможнымъ и желаннымъ, то таковое вторженіе съ 50 тысячнымъ корпусомъ никакого риска не представляетъ.

2) Что на Каспійскомъ морѣ съ ранней весны мы обладаемъ всѣми средствами къ быстрому сосредоточенію 30 тысячнаго отряда въ Астрабадѣ и обезпеченію его необходимымъ продовольствіемъ.

3) Что страна отъ Астрабада къ Герату и къ Кабулу представляется во всѣхъ отношеніяхъ удобною для движенія значительныхъ силъ. При соотвѣтствующемъ политическомъ давленіи на Персію, можно будетъ базироваться въ продовольственномъ отношеніи на Хоросанъ[1]).

4) Что туркестанскій военный округъ, при усиленіи его 6-ю полками сибирскаго казачьяго войска, 3-мя полками оренбургскаго войска, 6-ю ротами пѣхоты и 1-ю батареею изъ Западной Сибири (войска эти могутъ прибыть въ Туркестанъ, т. е. Ташкентъ къ веснѣ) можетъ выдвинуть до 18,000 для наступленія къ Кабулу съ соотвѣтствующей артиллеріей.

5) Что движеніе изъ Самарканда къ подножію Гиндукуша возможно и что переходъ отъ Хулума, черезъ Хейбекъ, Куремъ, Баміанъ и перевалы Кара-Котель, Дентанъ-Шикенъ, Акъ-Робатъ, Калуйскій, Хаджигакскій и Унна, въ долину рѣки Кабулъ-Дарья, также возможенъ. Хотя и есть указанія на то, что полевая артиллерія (батарейныя орудія) проходила черезъ эти перевалы безъ приспособленій, но тѣмъ не менѣе, чтобъ быть готовыми на худшее, я занялся вопросомъ о тѣхъ приспособленіяхъ, которыя необходимо сдѣлать для вполнѣ успѣшнаго передвиженія полевой артиллеріи по горнымъ тропамъ.

[1]) Закавказье, Закаспійскій отдѣлъ и Персія дадутъ средства передвиженію.

Теперь ужь я могу съ увѣренностью сказать, что простѣйшій способъ найденъ и вчерашняго числа новая повозка, съ подвязаннымъ 4-хъ фунтовымъ орудіемъ выдержала испытаніе удачно. Но окончательный приговоръ о ея достоинствахъ и слѣдовательно о возможности переходить какія угодно горы, можно дать лишь послѣ практическаго похода въ февралѣ мѣсяцѣ, разрѣшеннаго съ 2-мя пробными орудіями черезъ снѣговыя горы, въ предѣлахъ области.

6) Что Ширъ-Али, наслѣдникъ Достъ-Магомеда не можетъ не мечтать объ овладѣніи Пейшауромъ и что вообще всю Азію не трудно поднять на Индію, во имя крови и грабежа, возобновивъ времена Тимура!..

7) Что Ширъ-Али въ настоящее время не доволенъ англичанами.

8) Что англійскихъ войскъ въ Индіи едва ли болѣе 60,000 при соотвѣтствующей артиллеріи и, что войска изъ туземцевъ скорѣе угроза, чѣмъ поддержка для своихъ властителей.

9) Что даже прикосновеніе къ границамъ Индіи незначительныхъ силъ можетъ имѣть результатомъ поголовное возстаніе въ странѣ и гибель Британской имперіи.

Въ настоящую минуту казалось бы слѣдовало обратить на все вышеизложенное вниманіе.

27-го января 1877 года.
Городъ Кокандъ, безъ 10 м. 1 ч. утра.

Шесть слишкомъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ прозвучала эта энергическая рѣчь, какъ была написана прекрасная фраза патріота, что когда идетъ дѣло о благѣ Россіи, то не можетъ быть и рѣчи о рискѣ, такъ какъ русскіе воины, перевалившіе за Гиндукушъ, съумѣютъ въ случаѣ необходимости умереть до послѣдняго! Шесть лѣтъ и какихъ лѣтъ? Война на которую только еще робко просился въ то время покойный была объявлена, блистательно выиграна войсками, но проиграна дипломатіей.' Къ Ширъ-али ѣздило посольство генерала Столѣтова, и вернулось... мы недавно изъ книги доктора Яворскаго узнали какъ. Вскорѣ и условія, въ которыхъ находилась наша Туркестанская граница въ 1877 году, измѣнились блистательнымъ завоеваніямъ Ахалъ-Текинскаго оазиса. Наконецъ и внутри государства произошли событія ужасающей важности и значенія, такъ какъ теперь главныхъ дѣятелей 1877 года уже не стало. Въ Бозѣ почилъ государь Александръ II, скончался генералъ Кауфманъ, на вѣки умолкъ самъ Скобелевъ! Съ другой стороны и Британія не сохранила своего прежняго положенія. Удачное разгромленіе Араби-паши въ Египтѣ и возникшее изъ этого фактическое преобладаніе англичанъ на Суезскомъ каналѣ, значительно измѣнили восточный вопросъ, и придали ему въ военномъ отношеніи совершенно другой характеръ. Послѣдніе успѣхи англичанъ въ Авганистанѣ также оста-

лись далеко не безъ вліянія на задачи нашей ближайшей политики въ Туркестанѣ. Все это совершенно измѣняетъ историческое значеніе безконечнаго восточнаго вопроса какъ съ нашей, такъ и съ англійской точекъ зрѣнія. Кто знаетъ поэтому какъ бы посмотрѣлъ на него теперь авторъ письма, которое мы только что предложили читателямъ? Продолжалъ ли бы онъ думать, что въ Индіи ахиллесова пята великобританскаго могущества, что въ Индіи узелъ восточнаго вопроса, разрубивъ который по способу Тимура, Россія только и можетъ добиться прочнаго обладанія воротами въ свое собственное Черное море? Кто знаетъ! На это уже не можетъ быть прямого отвѣта. Большой умъ—сохранившій способность просто мыслить—умолкъ, сердце столь горячо любившее родину перестало биться. Несомнѣнно только одно, что люди такого склада, какъ покойный генералъ, въ своей широкой геніальности, всегда найдутъ простое ближайшее рѣшеніе для всякаго дѣла, взятаго въ обстановкѣ самаго момента дѣйствія. Они конечно не станутъ искать у историческихъ дѣятелей подобныхъ Скобелеву детальныхъ рѣшеній, такъ какъ послѣднія прямо обусловливаются измѣняющимися обстоятельствами, но за то найдутъ много поучительнаго въ манерѣ дѣйствовать смѣло, въ энергіи убѣжденія, въ прямотѣ и безстрашіи выводовъ. И вотъ въ этомъ-то смыслѣ, напечатанный нами документъ—имѣетъ самую авторитетную историческую поучительность.

АВТОБІОГРАФІЯ ПРОТОПРЕСВИТЕРА В. Б. БАЖАНОВА.

Въ НЫНѢШНЕМЪ году, 31-го іюля, скончался на 83 году своей жизни протопресвитеръ и докторъ богословія Василій Борисовичъ Бажановъ.

Въ теченіи шестидесяти лѣтъ покойный неутомимо служилъ церкви и родинѣ, сперва какъ священникъ и законоучитель въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, затѣмъ, съ 1835 года, какъ преподаватель закона Божія дѣтямъ и внукамъ покойнаго императора Николая I, и духовникъ ихъ высочествъ; а съ 1848 года, какъ духовникъ ихъ величествъ, какъ членъ святѣйшаго синода и старшій священникъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ.

До сихъ поръ еще никому изъ православнаго, бѣлаго духовенства не довелось, въ продолженіи, безъ малаго, полувѣка, и въ теченіи трехъ царствованій, стоять такъ близко къ царскому семейству! Такую продолжительность столь почетнаго служенія слѣдуетъ объяснить не одной лишь скромностью жизни покойнаго, но и стойкостью и независимостью его характера и убѣжденій. Если личныя достоинства покойнаго протопресвитера доставили ему такое преимущество, то беззавѣтная преданность его своему долгу и обязанностямъ поставила его выше и внѣ всякихъ дворцовыхъ, случайныхъ вліяній и себялюбивыхъ побужденій и удержала его на высотѣ его призванія.

Многое было дано покойному и этимъ многимъ онъ воспользовался какъ христіанинъ, на служеніе правдѣ и истинѣ. Будущій историкъ русской церкви не можетъ умолчать, что покойный протопресвитеръ былъ, и по времени и по силѣ, первымъ борцомъ и

радѣтелемъ за благосостояніе бѣлаго духовенства, и ревниво заботился о чистотѣ семейной жизни въ духовенствѣ, считая ее основаніемъ государственнаго благосостоянія, и, прибавимъ отъ себя, до такой степени, что самая смерть его отчасти была вызвана и ускорена волненіемъ, что не удалось ему путемъ убѣжденія водворить миръ и согласіе въ семействѣ одного новопосвященнаго, подвѣдомственнаго ему, священника.

Здѣсь кстати слѣдуетъ упомянуть объ одномъ, мало кому извѣстномъ, фактѣ рѣдкаго, безпримѣрнаго довѣрія, которымъ былъ почтенъ отъ покойнаго государя Василій Борисовичъ Бажановъ. Дѣло въ томъ, что ему предоставлено было право предстательствовать у престола царя за осужденныхъ. И дѣйствительно, не проходило мѣсяца, чтобъ по его заступленію и ходатайству предъ покойными государемъ и государыней, десятки несчастныхъ, отбывавшихъ наказанія въ рудникахъ, въ казематахъ и острогахъ, не возвращались равноправными въ осиротѣлые безъ нихъ семейства! Такое безпримѣрное довѣріе къ покойному протопресвитеру оказано было безъ сомнѣнія за его христіанское стремленіе къ миру и согласію, за его высоко-нравственное убѣжденіе въ чистоту человѣческой природы, за его скорбь о заблудшихъ, и его заботы о раскаявшихся.

Послѣ всего сказаннаго, можно было ожидать, что покойный В. Б. Бажановъ, какъ поставленный въ исключительное положеніе, удосужится оставить послѣ себя если не полныя записки очевидца о событіяхъ русской исторіи и дворцовой жизни за послѣдніе полвѣка, то хоть отрывки о своей дѣятельности, отданной имъ на пользу церкви, нуждающихся и скорбящихъ. Дѣйствительно, покойный повидимому и самъ сознавалъ эту, какъ бы лежащую на немъ обязанность, и для исполненія ея, онъ въ 1881 году, во время болѣзни, началъ диктовать по разнымъ, раньше написаннымъ имъ отрывкамъ, свою автобіографію, которая, къ сожалѣнію имъ доведена только до 1848 года, т. е. до того времени, когда послѣдовало назначеніе его духовникомъ ихъ величествъ и членомъ святѣйшаго синода, и которая слѣдовательно обнимаетъ самый незначительный періодъ его жизни.

Мы тѣмъ охотнѣе даемъ этой автобіографіи мѣсто на страницахъ нашего журнала, что по свидѣтельству близкихъ къ умершему протопресвитеру людей, печатаемый нынѣ отрывокъ составляетъ все, что̀ осталось цѣлаго и систематическаго послѣ покойнаго Василія Борисовича Бажанова. За сообщеніе рукописи приносимъ благодарность сыну покойнаго, отставному генералъ-маіору Ѳедору Васильевичу Бажанову.

Родился я въ тульской губерніи, въ алексинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Миротинахъ, въ 1800 году, 7-го марта. Отецъ мой, Борисъ Семеновичъ, былъ діаконъ. Шести лѣтъ я отправленъ былъ на воспитаніе въ село Бирево, тульскаго уѣзда, къ дѣду моему, отцу матери моей, Маріи Дмитріевны, заштатному дьячку, у котораго была школа для крестьянскихъ мальчиковъ одного сосѣдняго, большаго, зажиточнаго селенія, на московской дорогѣ.

Дѣдъ мой, кромѣ школы, занимался садомъ, и обширный и великолѣпный садъ его доставлялъ ему значительный доходъ, и его посѣщали помѣщики.

Школою занимались двѣ племянницы дѣда моего, дѣвицы, которыхъ постоянное, ласковое обращеніе со мной имѣло доброе вліяніе на меня. Научившись свободно читать по-русски и по-славянски и писать, а также пѣть по нотамъ, чему училъ меня сынъ дѣда моего, діаконъ Иванъ Дмитріевичъ Чернавкинъ, девяти лѣтъ я возвратился въ родительскій домъ.

Отецъ мой былъ человѣкъ даровитый, добродушный, но не очень заботливый; но мать моя была разумная и заботливая, и домъ нашъ былъ достаточный. Отецъ мой, наслушавшись совѣтовъ неучившихся сверстниковъ своихъ, никакъ не думалъ отдать меня въ семинарію; но мать непремѣнно хотѣла того, и настояла. Въ январѣ, 1810 года, я поступилъ въ тульскую семинарію. Черезъ двѣ недѣли я видѣлъ во снѣ погребеніе моей матери, и весь день былъ очень печаленъ, а къ вечеру того же дня получено было мною извѣщеніе о кончинѣ моей матери, умершей въ родахъ. Если бы мать моя умерла двумя недѣлями раньше, то я не былъ бы въ семинаріи. Смерть моей матери повергла отца моего въ глубокую печаль, такъ что онъ цѣлыя ночи проводилъ на могилѣ ея. Домъ нашъ сталъ приходить въ упадокъ; отецъ мой въ короткое время обѣднѣлъ, и я лѣтомъ ходилъ въ семинарію босымъ, а зимою въ лаптяхъ. По недостатку средствъ къ содержанію, я долженъ былъ на четвертомъ году оставить семинарію; но въ это время меня приняли въ архіерейскій хоръ пѣвчихъ.

Неблаготворное дѣйствіе имѣло на меня пребываніе въ пѣвческомъ хорѣ; но оно дало мнѣ возможность продолжать ученіе въ семинаріи. Черезъ 4 года голосъ мой ослабѣлъ, и я, перешедши въ филофскій классъ, долженъ былъ оставить помѣщеніе въ архіерейскомъ домѣ и поселиться на наемной квартирѣ. Опять бѣда! Но всеблагое провидѣніе явно было надо мною отъ юности: профессоръ философіи отрекомендовалъ меня въ два помѣщичьи дома для обученія малолѣтнихъ дѣтей. Теперь я уже ободрился и одѣлся прилично, изъ тѣсноты вышелъ на просторъ.

При переходѣ въ богословскій классъ я отрекомендованъ былъ семинарскимъ начальствомъ поступавшему на тульскую архіерейскую каѳедру преосвященному Аврааму, который хотѣлъ имѣть

изъ студентовъ богословія надзирателя за малолѣтними пѣвчими, и мнѣ отведено было очень приличное помѣщеніе, съ содержаніемъ, а преосвященный удостоивалъ меня своего посѣщенія—всегда отеческаго. Тогда я считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ!

Въ 1819 году, по требованію коммисіи духовныхъ училищъ, я, сверхъ всякаго ожиданія, отправленъ былъ въ с.-петербургскую

Протопресвитеръ В. Б. Бажановъ.

духовную академію; мои же помыслы такъ далеко не распространялись, а ограничивались саномъ діакона. Священство представлялось мнѣ высокимъ и отвѣтственнымъ; но Господу угодно было указать мнѣ путь къ высшему служенію! На второмъ году въ академіи, здоровье мое, само по себѣ некрѣпкое, очень разстроилось, какъ отъ усиленныхъ трудовъ, такъ и отъ недостаточной пищи. Усиленные труды эти состояли, преимущественно, въ списываніи

лекцій, которыя профессорами составлялись въ слишкомъ обширномъ объемѣ; пища же студентовъ въ постные дни, которыхъ въ году больше, нежели мясныхъ, состояла въ супѣ изъ снѣтковъ негодныхъ и гречневой каши. Главною пищей въ эти дни былъ для насъ черный хлѣбъ и вкусный квасъ, что при сидячей жизни студентовъ вредно дѣйствовало на ихъ здоровье, такъ что много было въ нашемъ курсѣ даже умершихъ. При переходѣ въ высшій курсъ меня не назначили старшимъ только по причинѣ моего посѣщенія больницы.

Въ августѣ 1821 года, у меня открылось чрезмѣрное кровотеченіе изъ носа: кровь каждый день лилась ручьями; я пришелъ въ совершенное истощеніе, и сдѣлался просто скелетомъ. Кровь лилась около 2-хъ мѣсяцевъ; но докторъ не рѣшался остановить ее. Кажется это спасло меня отъ чахотки, и скоро здоровье мое, хотя и медленно, стало поправляться.

Въ январѣ 1822 года, одинъ изъ товарищей моихъ, изъ старшихъ, заболѣлъ; я видѣлъ во снѣ стоящимъ его въ шапкѣ; затѣмъ снявши съ себя шапку, онъ подалъ ее мнѣ, и сказалъ: надѣнь ее себѣ на голову. Вскорѣ онъ умеръ, а я назначенъ былъ на его мѣсто старшимъ.

Въ 1823 году, я окончилъ курсъ со степенью магистра, и 1-го августа назначенъ былъ баккалавромъ въ академіи, и продолжалъ эту службу 6 лѣтъ. Въ это время Богъ указалъ мнѣ невѣсту миловидную и отличнаго нрава, но бѣдную сироту священника, Александру Өедоровну, и я 5-го іюля 1825 года вступилъ съ нею въ супружество. При ограниченности баккалаврскаго жалованья супружескую жизнь нашу мы начали очень скромно; но, привыкши къ бѣдности, мы не тяготились недостатками.

Въ январѣ 1826 года, я подалъ прошеніе преосвященному митрополиту Серафиму объ опредѣленіи меня на открывшуюся священническую вакансію при бывшемъ 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Владыко не жаловалъ академистовъ и потому на прошеніи моемъ положилъ резолюцію: предъявить діаконамъ — не пожелаетъ ли кто изъ нихъ поступить на означенное мѣсто. Такъ какъ мѣсто это по содержанію было самое бѣдное, то никто изъ діаконовъ не согласился на это предложеніе, и только тогда послѣдовала резолюція владыки: консисторіи испытать въ чтеніи и пѣніи. Сначала это изумило меня и смутило, какъ дѣло необычайное; но я тотчасъ успокоился и отправился въ консисторію, которая въ точности исполнила надо мною резолюцію, и тутъ-то я вспомнилъ и подумалъ: хорошо, что я обученъ былъ церковному пѣнію! Затѣмъ я долженъ былъ явиться къ экзаменатору для испытанія меня въ знаніи катихизиса. Экзаменаторъ — священникъ и законоучитель во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и дворянскомъ полку — точно также буквально исполнилъ резолюцію владыки, и 1-го фев-

раля я рукоположенъ былъ въ діакона, а 4-го во священника преосвященнымъ Авраамомъ.

Въ корпусѣ было три законоучителя: іеромонахъ, онъ же и настоятель церкви, священникъ и діаконъ. Предмѣстникъ мой былъ очень недоволенъ тѣмъ, что онъ магистръ, а іеромонахъ—изъ студентовъ семинаріи и первенствующій передъ нимъ, вслѣдствіе чего между ними постоянно были большія непріятности, такъ что директоръ корпуса, генералъ Маркевичъ, просилъ митрополита обратить на это вниманіе при назначеніи въ корпусъ новаго священника. Между тѣмъ, я нашелъ въ этомъ іеромонахѣ добраго пріятеля и усерднаго помощника, который при каждомъ удобномъ случаѣ обнаруживалъ ко мнѣ искреннее расположеніе. Скудно было получаемое мною содержаніе; но при казенной квартирѣ и при баккалаврскомъ жалованьѣ, мы жили безбѣдно, были довольны своимъ состояніемъ, и благодарили Бога.

Въ 1827 году, я перемѣщенъ былъ въ университетъ священникомъ и законоучителемъ на мѣсто протоіерея Павскаго, и въ университетскій пансіонъ на мѣсто протоіерея Малова. Въ этомъ же году я назначенъ былъ законоучителемъ и въ высшемъ училищѣ, и продолжалъ эту должность до переименованія этого училища въ первую гимназію.

Въ 1829 году, бывшій тогда министръ народнаго просвѣщенія, князь Ливенъ, назначилъ меня преподавателемъ богословія въ главный педагогическій институтъ. Такъ какъ я обремененъ былъ занятіями въ трехъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то я рѣшительно отказался отъ этого новаго назначенія; но почтенный, религіозный старецъ, князь Ливенъ, который чрезвычайно заботился о педагогическомъ институтѣ, трогательными убѣжденіями побѣдилъ меня. Тяжелы были занятія мои въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но они облегчались усерднымъ вниманіемъ къ урокамъ моихъ слушателей и добрымъ ихъ расположеніемъ ко мнѣ.

Въ 1833 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, государь императоръ, Николай Павловичъ, посѣтилъ первую гимназію, переименованную изъ университетскаго пансіона. У меня былъ урокъ въ высшемъ классѣ. Я встрѣтилъ государя радостно, но его величество раньше усмотрѣвъ сквозь стеклянныя двери, что одинъ воспитанникъ у меня въ классѣ сидѣлъ облокотясь, изволилъ гнѣвно сказать мнѣ:

— **Какъ вы, батюшка, позволяете воспитанникамъ лежать у васъ въ классѣ?**

Не смутившись нисколько такимъ замѣчаніемъ, я съ достоинствомъ и твердостью отвѣчалъ:

— «Ваше величество! Я требую отъ нихъ, чтобъ они внимательно слушали уроки, и я очень доволенъ ими».

Государь обратившись къ директору гимназіи сказалъ:

— Если у васъ и въ этомъ классѣ нѣтъ порядка, то о другихъ и говорить нечего!

Послѣ оказалось, что государь былъ очень раздраженъ чѣмъ-то въ л.-гв. Семеновскомъ полку, и въ этомъ раздраженіи заѣхалъ въ гимназію, находящуюся вблизи полка. Тогда же при входѣ въ 5-й классъ гимназіи, во время преподаванія исторіи, государь изволилъ замѣтить сквозь стеклянныя двери, что одинъ воспитанникъ сидитъ съ зажмуренными глазами, и его величество полагая, что онъ спитъ, сдѣлалъ строжайшій выговоръ учителю и приказалъ уволить его. Изъ этого-то класса, въ сильномъ раздраженіи, государь изволилъ войти въ классъ ко мнѣ, во время преподаванія мною Закона Божія.

На другой день министръ народнаго просвѣщенія доложилъ государю, что воспитанникъ въ классѣ исторіи не спалъ, а привыкъ, для внимательнаго слушанія урока, закрывать глаза, и считается лучшимъ изъ 60 учениковъ, и что учитель исторіи Турчаниновъ, также одинъ изъ лучшихъ учителей; но дѣло кончилось все-таки тѣмъ, что Турчанинова перевели въ другую гимназію.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1834 года, государь изволилъ посѣтить первую гимназію. Я имѣлъ счастіе встрѣтить его величество въ томъ же высшемъ классѣ, и государь изволилъ приказать мнѣ продолжать преподаваніе, чего никто изъ законоучителей ни въ одномъ учебномъ заведеніи не удостоивался ни прежде, ни послѣ сего. Не смотря на неоднократныя приказанія государя садиться, я стоя преподавалъ урокъ безъ всякаго смущенія, совершенно спокойно и свободно. Въ этомъ случаѣ, между прочимъ, помогло мнѣ сновидѣніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ этотъ самый день я приглашенъ былъ къ одному изъ профессоровъ университета для совершенія крещенія надъ сыномъ его. Возвращаясь отъ него домой и проѣзжая мимо гимназіи, я хотѣлъ заѣхать къ себѣ на квартиру, такъ какъ до урока оставалось еще четверть часа; но вспомнивъ, что во снѣ я видѣлъ государя, домой уже не поѣхалъ, а остановился у гимназіи. Въ гимназіи, въ пріемной комнатѣ, ожидая урока, что было въ 2 часа, увидѣлъ я изъ окна отличнаго коня въ дрожкахъ; а вслѣдъ за тѣмъ звонокъ возвѣстилъ о прибытіи государя. Я тотчасъ отправился въ свой классъ, который помѣщался въ верхнемъ этажѣ гимназіи, и пока государь обошелъ нижній этажъ, я успѣлъ приготовиться къ преподаванію урока. Государь четверть часа слушалъ преподаваніе мое.

Возвратившись во дворецъ, государь изволилъ объявить своему семейству, что онъ нашелъ законоучителя, и 2-го февраля, 1835 года, я имѣлъ счастіе представляться ихъ величествамъ, государю цесаревичу и великимъ княжнамъ, какъ законоучитель и духовникъ ихъ высочествъ, и былъ принятъ необыкновенно милостиво. Государь необыкновенно какъ полюбилъ меня, и все царское семейство,

и я входилъ во дворецъ, какъ въ свое семейство; но съ половины 1842 года, послѣ кончины великой княгини Александры Николаевны, государь становился ко мнѣ холоднѣе и холоднѣе, такъ что я наконецъ счелъ за лучшее избѣгать встрѣчи съ нимъ. Главною причиною этого былъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго Синода, графъ Протасовъ. Зная благорасположеніе ко мнѣ всей императорской фамиліи, онъ опасался того, что въ случаѣ смерти духовника государя, протопросвитора Музовскаго, мѣсто его будетъ предоставлено мнѣ, а слѣдовательно я буду членомъ Синода; вотъ этого-то ему никакъ и не хотѣлось. По неограниченному властолюбію, графъ Протасовъ желалъ безпрекословно управлять Синодомъ и сдѣлать его безгласнымъ, и, пользуясь болѣзнію и преклонными лѣтами первенствующаго члена, митрополита Серафима, онъ достигъ этой цѣли, выживъ изъ Синода происками митрополитовъ: кіевскаго Филарета и московскаго—Филарета. Со мною графъ Протасовъ имѣлъ также нѣсколько столкновеній, изъ которыхъ онъ увидѣлъ, что я безгласнымъ членомъ Синода не могу быть, и вотъ онъ, пользуясь связями съ высокопоставленными и близкими къ государю лицами, старался при удобномъ случаѣ распространять между ними понятіе обо мнѣ, какъ о человѣкѣ неуживчивомъ и самоуправномъ.

Еще года за два до кончины протопросвитера Музовскаго искали по Россіи духовника государю, и было уже въ виду нѣсколько кандидатовъ. Въ 1848 году, Музовской скончался, и мнѣ высочайше повелѣно было временно управлять придворнымъ духовенствомъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года былъ я у великой княгини Маріи Николаевны. Прощаясь со мной, она сказала мнѣ, что хотѣла бы сообщить мнѣ кое-что, но боится огорчить меня. «Впрочемъ зная васъ, прибавила она, я не думаю, что это много огорчитъ васъ, вотъ что: вамъ только временно поручено управлять придворнымъ духовенствомъ; но духовникомъ государя вы не будете».

Услышавъ это, я, отъ полноты души моей, перекрестившись, воскликнулъ: Слава Тебѣ Господи! Смотря на радостное лицо мое, великая княгиня обласкала меня, и при этомъ я достаточно объяснилъ ей, почему именно я не желалъ быть духовникомъ государя.

Наканунѣ тезоименитства государя императора, 5-го декабря, 1848 года, въ 11 часовъ вечера, когда я молился Богу, приготовляясь ко сну, получилъ я высочайшее повелѣніе, которымъ я назначенъ былъ духовникомъ его величества, и мнѣ пожалована была митра.

Какъ это произошло, до сихъ поръ не могу объяснить себѣ. Такъ Богу угодно было—вотъ одно, что могу сказать на это. Такая перемѣна въ государѣ, въ отношеніи ко мнѣ, непользовавшемся въ продолженіи 6-ти лѣтъ благоволеніемъ его, была неожиданна для всѣхъ членовъ императорской фамиліи, и даже для самой императрицы. Съ этого времени государь попрежнему сталъ ко мнѣ бла-

госклоненъ, и послѣ первой исповѣди, сказалъ семейству своему, что онъ въ первый разъ въ жизни исповѣдался.

Не знаю, что эти слова означаютъ. Не то ли, какъ нѣкоторые увѣряли, что государь не исповѣдывалъ своихъ грѣховъ передъ духовниками, и духовники не предлагали ему вопросовъ, а прочитывали только молитвы предъ исповѣдью и послѣ исповѣди?

1881 года іюля 15 дня.

ДВѢ ГЕРЦОГИНИ КУРЛЯНДСКІЯ.

Изъ русскихъ историческихъ сочиненій настолько извѣстна личность герцога курляндскаго и семигальскаго Эрнста-Іоганна Бирона, а также причины и обстоятельства какъ его возвышенія и могущества, такъ и его паденія, что обо всемъ этомъ излишне было бы упоминать въ разсказѣ о двухъ принадлежавшихъ къ его семейству герцогиняхъ курляндскихъ, изъ которыхъ одна имѣла значеніе собственно только для Курляндіи, а другая, хотя и косвеннымъ образомъ, вліяла весьма чувствительно на ходъ политическихъ событій въ цѣлой Европѣ, въ первыя три десятилѣтія текущаго столѣтія.

Обѣ упомянутыя герцогини курляндскія носили одинаковое имя, такъ какъ назывались и та и другая Доротеею, почему ихъ такъ часто и смѣшивали между собою. По поводу такого смѣшенія, біографъ обѣихъ герцогинь, баронъ фонъ-Гогенгаузенъ, проживающій въ Берлинѣ, желая сказать любезность на счетъ этихъ двухъ дамъ—матери и дочери давно уже отошедшихъ въ вѣчность—выразился, что поводомъ къ такому взаимному смѣшенію было то, что обѣ онѣ, какъ пышныя розы, цвѣли на одномъ и томъ же кустѣ и что младшая герцогиня была преемницею титула и красоты своей матери.

Старшая Доротея явилась на свѣтъ божій 3-го февраля 1761 года въ Курляндіи, въ родовомъ помѣстьи своего отца, курляндскаго дворянина Іоганна Фридриха фонъ-Медема, отъ втораго его брака съ вдовою Луизою Шарлоттою фонъ-Нольде, рожденною Цеге-фонъ-Мантейфель, и такимъ образомъ Доротея, и по мечу, и по прялкѣ, происходила изъ извѣстнѣйшихъ въ Курляндіи древнихъ

фамилій. Такъ какъ тамошніе дворяне вели всегда чрезвычайно исправно свои поколѣнныя росписи, то можно было бы прослѣдить за нѣсколько вѣковъ назадъ длинный рядъ предковъ обворожительной фрейлейнъ, и по мужскому, и по женскому колѣнамъ. Это было бы, впрочемъ, совершенно напрасной работой, такъ какъ для генеалогическаго ея тщеславія достаточно будетъ замѣтить, что одинъ изъ ея предковъ, Конрадъ фонъ-Медемъ, не только имѣлъ въ качествѣ гермейстера верховную власть надъ Курляндіей, но и кромѣ того, между 1269 и 1272 годами, основалъ Митаву, сдѣлавшуюся впослѣдствіи столицею особаго герцогства Курляндскаго, хотя и столицей весьма скромной. Такъ древнее и знаменитое, въ отношеніи Курляндіи, происхожденіе Медемовъ проводило рѣзкую разницу между ними и Биронами, хотя и причисленными уже къ владѣтельнымъ фамиліямъ, но тѣмъ менѣе все-таки оставшимися плебеями въ глазахъ надменнаго древняго дворянства въ Курляндіи.

Семейство Іоаганна Медема состояло собственно изъ трехъ семей, такъ какъ онъ отъ перваго брака съ Луизой Корфъ имѣлъ сына и дочь, а будущая герцогиня курляндская Доротея или, съ прибавкою двухъ другихъ именъ, Анна-Шарлотта-Доротея, родилась отъ втораго брака, но въ свою очередь и мать Доротеи, имѣла отъ перваго мужа, фонъ - Нольде, также дѣтей. Доротея была еще малюткой, когда умерла ея мать и отецъ ея женился въ третій разъ тоже на вдовѣ, имѣвшей дѣтей отъ перваго брака. Такимъ образомъ Доротеи приходилось рости въ семьѣ разнороднаго состава, подъ попеченіемъ мачихи, которая, однако, по своей любви къ дѣвочкѣ, замѣнила ей родную мать. Старшая дочь Медема отъ перваго брака, Элиза, вышла за мужъ за курляндца фонъ-деръ-Рекке и впослѣдствіи, подъ фамиліею своего мужа, пріобрѣла себѣ достаточную извѣстность въ нѣмецкой литературѣ, но была такъ несчастлива въ супружествѣ, что, спустя не много лѣтъ послѣ брака, должна была развестись съ своимъ мужемъ. Въ отношеніи къ сыну Медема отъ перваго брака, мачиха Доротеи вела себя такъ круто, что, какъ говорили, была причиною его самоубійства.

Въ это время утѣшеніемъ для старѣвшаго барона была подраставшая Доротея, чему весьма много содѣйствовала ея мачиха, которая старалась выставить Доротею въ глазахъ ея отца какимъ-то ангеломъ-хранителемъ. Она между прочимъ сочиняла для падчерицы разныя трогательныя привѣтствія, которыя и произносила Доротея передъ отцомъ при подходящихъ къ тому случаяхъ. Она же устраивала домашніе спектакли, въ которыхъ пѣвшая и танцовавшая малютка была всегда главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Въ ту пору, когда подрастала фрейлейнъ Доротея, герцогомъ курляндскимъ, хотя и былъ еще возстановленный вновь Россіею въ

этомъ достоинствѣ Биронъ, но послѣ испытанной имъ передряги и будучи уже въ преклонной старости, онъ не правилъ своимъ государствомъ въ-одиночку, но соправителемъ его былъ старшій его сынъ, Петръ, выросшій на попеченіи императрицы Анны Ивановны. Между отцемъ и сыномъ была замѣтная разница въ отношеніи ихъ наклонности къ женскому полу. О любовныхъ шашняхъ старика-Бирона не было никогда ничего слышно. Положимъ, что въ зрѣлые годы, по особенности его положенія, ему не совсѣмъ удобно было заниматься по этой части, но и въ молодости онъ не

Доротея, герцогиня Курляндская.
Съ портрета писаннаго Граффомъ.

отличался женолюбіемъ. Въ немъ господствовали, какъ извѣстно, двѣ сильныя страсти: къ картамъ и къ лошадямъ, заглушавшія сердечные порывы. Въ противоположность этому, сынъ герцога Эрнста былъ завзятый волокита и—какъ человѣкъ, отличавшійся этимъ свойствомъ — онъ, независимо уже отъ другихъ условій, не могъ ужиться съ своими супругами. Такъ, онъ развелся съ первою своею женою, рожденною принцессою Вальдекъ; развелся онъ и со второю—княжною Евдокіею Борисовною Юсуповою, и теперь жилъ на холостую ногу, усердно занимаясь танцами съ курляндскими нѣмочками. Въ герцогскомъ зàмкѣ были безпрестанные балы, на которые, разумѣется, приглашаемо было и семейство Медемовъ. Ма-

чиха Доротеи, находя, что дѣвицамъ надобно пріучаться къ обществу съ самаго ранняго возраста, возила съ собою на балы герцога и семилѣтнюю Доротею, и всѣ восхищались этой малюткой, которая уже отлично танцовала, мило пѣла и хорошо, относительно своихъ лѣтъ, играла на клавесинахъ.

На одномъ изъ придворныхъ баловъ герцогъ-регентъ вздумалъ протанцовать соло съ Доротеей. По окончаніи танцевъ онъ такъ былъ восхищенъ этой дѣвочкой, что, взявъ ея на руки, поцѣловалъ и предрекъ ей слѣдующее: «милочка, лѣтъ черезъ десять ты будешь покорять сердца всѣхъ мущинъ». Въ этомъ предсказаніи герцога Петра, конечно, вовсе не мудреномъ, было, между прочимъ, предсказаніе и на счетъ его самого.

Едва минуло Доротеи семнадцать лѣтъ, какъ въ домъ отца ея стали являться женихи и она была помолвлена уже два раза, но оба предположенные брака не состоялись, вѣроятно въ виду иного болѣе знатнаго искателя руки молодой дѣвушки и скоро такой женихъ нашелся въ лицѣ герцога Петра. Онъ сообщилъ Медему о своемъ желаніи вступить въ бракъ съ Доротеею, но въ бракъ не формальный, а морганатическій, т. е. въ такой бракъ, при существованіи котораго, не смотря на его законность, Доротея не могла пользоваться не только тѣми особыми преимуществами, какія должны были бы принадлежать полноправной супругѣ владѣтельнаго герцога курляндскаго и семигальскаго, ни его родовою фамиліею, ни его гербомъ. Такія же ограниченія должны были быть распространены и на дѣтей, рожденныхъ отъ этого брака. Дворянская гордость вспылила въ баронѣ при такомъ предложеніи герцога. Медемъ нашелъ такое предложеніе крайне оскорбительнымъ и заявилъ, что даже полноправный бракъ герцога съ Доротеею сдѣлалъ бы честь не ей, а герцогу, который, хотя и владѣтельный государь, но по своему происхожденію все-таки не болѣе какъ только сынъ выскочки, тогда какъ предокъ невѣсты еще за пятьсотъ лѣтъ тому назадъ былъ гермейстеромъ и основателемъ Митавы, т. е. былъ также владѣтельною особою. Къ поводамъ для тщеславія Медема своею породою присоединилось еще и новое обстоятельство: онъ въ это время получилъ отъ римско-нѣмецкаго императора титулъ графа священной римской имперіи, а въ ту пору лицо, пожалованное этимъ титуломъ, становилось почти на уровень владѣтельныхъ князей.

Съ своей стороны герцогъ не отказывался и отъ формальнаго брака съ фрейлейнъ Доротеею, но ссылался только на то, что такой бракъ въ настоящее время для него невозможенъ, такъ какъ обѣ прежнія его супруги еще здравствуютъ, и, не смотря на то, что онѣ разведены съ нимъ формально, станутъ препятствовать его новому браку.

Встрѣтивъ отказъ со стороны отца невѣсты на предложеніе ей морганатическаго или тайнаго брака, пятидесяти-пяти лѣтній герцогъ впалъ въ романическое настроеніе. Страсть его къ Доротеи усилилась и вскорѣ не знала уже разумныхъ предѣловъ, особенно когда герцогъ, любившій выпить, бывалъ подъ хмѣлькомъ. Въ это тяжелое для влюбленнаго старца время явилась на выручку мачиха Доротеи. Она стала склонять и невѣсту, и ея отца, уступить желанію герцога, т. е. согласиться на бракъ съ нимъ въ тихомолку. О томъ же самомъ принялась хлопотать и мать самого герцога, желавшая женить сына на вполнѣ достойной дѣвушкѣ, а такой, подходящей во всѣхъ отношеніяхъ невѣстой, казалась ей фрейлейнъ Доротея фонъ-Медемъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что неподатливый на первыхъ порахъ новопожалованный имперскій графъ и родовитый курляндскій фрейгеръ согласился на морганатическій бракъ своей дочери съ его свѣтлостію. Переговоры о такомъ согласіи тянулись, однако, въ теченіи цѣлаго года.

Когда дѣло такимъ образомъ сладилось и Доротея явилась въ роскошномъ подвѣнечномъ уборѣ въ герцогскій зàмокъ, а осчастливленный женихъ привелъ свою невѣсту въ каплицу, гдѣ долженъ былъ совершиться бракъ въ присутствіи только не многихъ свидѣтелей,—дверь къ каплицѣ неожиданно отворилась, и изъ пріемной, примыкавшей въ каплицу, въ нее вошли государственные чины Курляндіи и Семигаліи, а также и представители иностранныхъ державъ, находившіеся при митавскомъ дворѣ. Эту неожиданность, поразительно-пріятную и для невѣсты, и для ея родителя и мачихи и для многочисленныхъ сродниковъ ихъ, устроилъ герцогъ, такъ что бракъ его изъ тайнаго брака, обратился теперь въ явный, и Доротея тутъ же всѣми присутствовавшими была поздравлена какъ свѣтлѣйшая герцогиня курляндская и семигальская. Разсказывали, что такому благопріятному для невѣсты обороту дѣла посодѣйствовала императрица Екатерина, принявшая участіе въ судьбѣ молодой дѣвушки и отговорившая герцогиню Евдокію Борисовну отъ всякихъ претензій къ ея бывшему супругу. Что же касается первой супруги герцога, рожденной принцессы вальдекской, то она, будучи больна при смерти, жила въ это время въ Лозаннѣ, гдѣ вскорѣ и умерла. Почти одновременно съ нею умерла и герцогиня Евдокія, такъ что новобрачный герцогъ Петръ совершенно освободился отъ прежнихъ брачныхъ узъ, которыя налагали на него нѣкоторыя довольно тяжкія обязанности по денежной части.

Сохранился, впрочемъ, объ обстоятельствахъ брака герцога съ Доротеею и другой не совсѣмъ скромный разсказъ. Есть печатное извѣстіе, что мачиха Доротеи, желая принудить страстно-влюбленаго въ Доротею герцога, поднялась на хитрость, рѣшившись заманить въ западню неугомоннаго волокиту. Передъ отъѣздомъ на балъ въ герцогскій зàмокъ, собравшіяся родственницы устроили нарядъ

молодой дѣвушки такъ, что она сдѣлалась неприступной для самаго смѣлаго и отчаяннаго обольстителя, а родственники ея, тоже отправлявшіеся на балъ, были посвящены мачихою Доротеи въ тайну ея затѣи. Во время бала, участвовавшіе въ заговорѣ бароны и фоны тщательно слѣдили и за своей родственницею и за герцогомъ, и когда въ пылу сильной страсти, герцогъ, ничего не подозрѣвавшій, удалился съ Доротеею въ особую комнату для пріятной бесѣды, то по пятамъ за нимъ неслышно подкрались бароны, фоны и т. д., и всѣ они гурьбой ввалились въ ту комнату, гдѣ находился герцогъ съ молодой дѣвушкой, въ тотъ самый моментъ когда ласки герцога доходили до того, что ему, при внезапно появившихся свидѣтеляхъ, не оставалось ничего болѣе какъ только повиниться въ своемъ покушеніи на непорочность Доротеи.

Надобно, впрочемъ, предполагать, что разсказъ этотъ только выдумка со стороны завистниковъ и особенно завистницъ такого блестящаго брака, какой выпалъ на долю Доротеи и что во всякомъ случаѣ она была тутъ не при чемъ. Какъ бы то ни было, но этотъ бракъ герцога, послѣ двухъ неудачныхъ браковъ, былъ вполнѣ счастливъ и отъ него родились три дочери и одинъ сынъ, наименованный наслѣднымъ принцемъ курляндскимъ.

Вскорѣ послѣ брака, молодая высокопоставленная чета, съ пышной обстановкой, отправилась путешествовать черезъ Россію, въ Италію, но въ это время стало обнаруживаться волненіе среди курляндскаго дворянства. Сперва оно было очень довольно вступленіемъ въ бракъ герцога съ одною изъ представительницъ этого сословія.

«Герцогъ самъ по себѣ негодяй и, какъ сынъ выскочки, онъ среди насъ чужой человѣкъ—говорили курляндскіе бароны—но за то герцогиня изъ нашей среды», добавляли они и все ихъ сочувствіе клонилось на сторону герцогини тѣмъ болѣе, что между герцогомъ и дворянствомъ, а также и государственными чинами вообще, начались, по разнымъ вопросамъ, сильныя, все болѣе и болѣе увеличивавшіяся пререканія. Среди этихъ пререканій высказывалась мысль, что герцога слѣдовало бы устранить отъ власти и провозгласить герцогиню правительницею за ея малолѣтняго сына. Но у молодой герцогини чувство супружескаго долга преобладало надъ честолюбіемъ, и она старалась устроить дѣло миролюбиво, такъ, чтобы верховная власть оставалась по прежнему за герцогомъ, но чтобы къ управленію герцогствомъ были призваны и государственные чины. Вскорѣ, однако, споры этихъ послѣднихъ съ герцогомъ и участились, и усилились, но смерть наслѣднаго принца прекратила замыслы той партіи, которая хотѣла дѣйствовать въ пользу герцогини.

Ходъ внутреннихъ дѣлъ въ Курляндіи зависѣлъ главнымъ образомъ отъ Польши, такъ какъ герцоги курляндскіе и семигаль-

скіе состояли въ вассальныхъ отношеніяхъ къ королямъ польскимъ, и съ цѣлью уладить эти дѣла, герцогиня, въ сопровожденіи своей сводной сестры Елизы фонъ-деръ-Рекке, отправилась въ 1790 году въ Варшаву. Тамъ ей, какъ молодой, умной, красивой и образованной женщинѣ не трудно было привлечь на свою сторону поляковъ. Но Польша не могла уже ничего сдѣлать въ пользу Курляндіи. Въ Петербургѣ предрѣшено было отреченіе герцога Петра

Доротея, герцогиня Саганская.

Съ гравированнаго портрета Вечера.

отъ курляндской короны и затѣмъ Курляндія и Семигалія должны были быть присоединены къ Россіи.

Предварительно отреченія герцога Петра состоялось еще и другое отреченіе. Въ 1795 году отказался отъ престола Станиславъ-Августъ Понятовскій, король польскій, принимавшій живое участіе въ судьбѣ герцогини. Между ними установились самыя дружественныя отношенія и престарѣлый король смотрѣлъ на молодую герцогиню какъ на свою родную дочь и этимъ нѣжнымъ именемъ онъ называлъ ее въ своихъ къ ней письмахъ. Понятовскій былъ отличный знатокъ женской красоты, но и онъ ставилъ Доротею въ пер-

вомъ ряду тѣхъ очаровательныхъ женщинъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ продолженіи его жизни.

Въ эту тревожную пору у герцогини Доротеи и у слишкомъ семидесятилѣтняго ея супруга родилась 21-го августа 1793 года, самая младшая дочь, въ Берлинѣ, гдѣ герцогиня укрывалась отъ шумѣвшей вокругъ нее политической бури. Она очень радовалась, что младенецъ былъ дѣвушка, а не мальчикъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ ей приходилось бы много хлопотать о томъ, чтобы устроить его будущность. Мать новорожденной обратилась къ королю Станиславу съ просьбой, чтобы онъ, въ качествѣ воспріемника, далъ явившейся на свѣтъ малюткѣ свое имя, но король отказалъ въ этой просьбѣ, ссылаясь на то, что имя его принесетъ несчастіе новорожденной принцессѣ, и предложилъ дать ей имя ея матери.

Между тѣмъ герцогъ Петръ былъ вынужденъ отказаться отъ короны и умеръ въ 1800 году на семьдесятъ шестомъ году отъ роду, оставивъ малютку Доротею на попеченіи ея матери.

Для своего потомства покойный герцогъ оставилъ весьма значительное недвижимое имѣніе, а именно: помѣстье Находъ и герцогство Саганское въ Силезіи, а также нѣсколько дворянскихъ помѣстій. Всѣ они были въ очень хорошемъ состояніи, такъ какъ давали такой значительный доходъ, что вдовствующая герцóгиня могла купить на эти доходы помѣстье Лебихау въ Альтенбургѣ. Она роскошно отдѣлала находившійся въ этомъ помѣстьѣ, близъ парка, зáмокъ. Сюда, привлекаемые радушіемъ хозяйки, съѣзжались многочисленные гости, изъ которыхъ многіе принадлежали къ извѣстнымъ личностямъ своего времени. Въ числѣ ихъ былъ и императоръ Александръ Павловичъ, неоднократно посѣщавшій герцогиню, въ ея новомъ мѣстѣ жительства, а она, въ свою очередь, два раза, по его приглашенію, пріѣзжала въ Петербургъ, гдѣ проводила время въ кругу царскаго семейства. Писанныя ею изъ Петербурга письма заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что они опровергаютъ ходившую тогда въ публикѣ молву о разладѣ между императоромъ Александромъ I съ его супругою Елизаветою Алексѣевною. По разсказу же герцогини, оказывается, что государь считалъ себя счастливымъ супругомъ до смерти своей единственной дочери, а потомъ послѣ смерти Натали Нарышкиной онъ совершенно упалъ духомъ.

Хотя императоръ Александръ и приходился герцогинѣ Доротеи по душѣ, но предметомъ самаго страстнаго ея обожанія былъ Наполеонъ I, особенно въ началѣ своего блестящаго поприща. Поѣздка герцогини въ Парижъ еще болѣе усилила въ ней расположеніе къ императору Наполеону. Онъ и супруга его, Жозефина, чрезвычайно обласкали герцогиню, которая была поражена могуществомъ Франціи, блескомъ ея императорской столицы. Но, кромѣ того, въ Парижѣ находилось еще одно лицо, обращавшее особенное вниманіе на герцогиню курляндскую — князь Талейранъ. Когда

онъ увидѣлъ ее въ первый разъ съ ея молоденькой—въ ту пору пятнадцатилѣтней дочерью, то же Доротееею, о которой мы уже упоминали,—то онъ тотчасъ задумалъ породнить свою, то же знатную фамилію, съ герцогскимъ курляндскимъ домомъ.

Онъ, въ 1808 году, воспользовался эрфуртскимъ конгресомъ и уговорилъ императора Александра ѣхать съ нимъ въ Лебихау въ качествѣ свата племянника князя—графа Эдмонда Талейрана-Перигора къ дочери герцогини. На предложеніе высокаго свата герцогиня не рѣшалалась дать положительнаго отвѣта въ виду того, что принцесса Доротея едва только вышла изъ дѣтскаго возраста. Три старшія ея сестры были уже давно за мужемъ.

Бракъ первой изъ нихъ Екатерины былъ весьма не удаченъ: сперва она вступила въ супружество съ княземъ де-Роганомъ, но вскорѣ развелась съ нимъ и вышла замужъ за князя Сергія Васильевича Трубецкаго. Она развелась и съ Трубецкимъ, проживъ съ нимъ менѣе года, и, наконецъ, въ третьемъ бракѣ она была за графомъ Шуленбургомъ и, какъ старшая представительница въ старшей линіи дома Бироновъ, она, кромѣ титула герцогини курляндской, имѣла еще и титулъ герцогини саганской.

Вторая дочь Доротеи, Паулина, была за мужемъ за принцемъ Фридрихомъ Гогенцоллернъ-Гехингенъ. Единственный ихъ сынъ, въ 1849 году, отказался отъ своихъ владѣтельныхъ правъ въ пользу короля прусскаго.

Третья дочь герцогини Доротеи, Іоганна, была за мужемъ за Францискомъ Пиньятелли де Бельмонте, герцогомъ д'Ачеранца.

23-го апрѣля 1809 года, былъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ совершенъ бракъ принцессы Доротеи съ графомъ Талейраномъ. Повидимому, этотъ брачный союзъ сулилъ счастье молодой четѣ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ казалось, вскорѣ упрочился рожденіемъ дочери. Князь Талейранъ, имѣвшій такую силу при императорѣ Наполеонѣ, добылъ своему племяннику титулъ герцога Дино, а будучи самъ бездѣтенъ предоставилъ ему, или, вѣрнѣе сказать, его женѣ громадное богатство, которое цѣнилось въ восьмнадцать милліоновъ франковъ.

Независимо отъ всѣхъ этихъ добавокъ къ красотѣ и знатности герцогини Биронъ-Дино, графини Талейранъ-Перигоръ, принцессы курляндской, она отличалась замѣчательнымъ умомъ. Извѣстный въ свое время профессоръ, а потомъ и министръ, Вильменъ, писалъ о ней слѣдующее:

«Она имѣла такой всеобъемлющій умъ, что всегда съ удивленіемъ приходилось слушать приводимыя ею доказательства, хотя бы при ней высказывались самыя противоположныя мнѣнія. Своеобразное и остроумное изложеніе того, что̀ она писала, дѣйствовало весьма сильно на каждаго, и она отличалась чрезвычайнымъ умѣніемъ вести интригу».

Всѣмъ со временемъ стало извѣстно, что герцогиня Дино принимала самое дѣятельное участіе въ ловкомъ веденіи Талейраномъ, дядею ея мужа, европейской политики. Она составляла для него проекты дипломатическихъ бумагъ, спорила съ нимъ и нерѣдко ея черновые наброски посылались прямо въ канцелярію для переписки на-бѣло, какъ окончательно выработанные дипломатическіе акты или политическіе меморандумы. Государи, которымъ сообщались эти акты, и не подозрѣвали, что они первоначально были писаны женскою рукою.

Талейранъ отличался умѣніемъ пользоваться чужою работой. Этимъ, однако, воспользовалась въ свою очередь его хорошенькая племянница и подчинила своей власти знаменитаго государственнаго человѣка. Подъ ея нравственнымъ вліяніемъ онъ значительно исправился и отвыкъ отъ многихъ непохвальныхъ продѣлокъ. Присутствіе молодой и красивой женщины возбуждало въ немъ дѣятельность и какъ бы перерождало его къ лучшему во многихъ отношеніяхъ. Это было тѣмъ важнѣе, что онъ подъ вліяніемъ своей малообразованной супруги началъ уже скучать. Онъ женился на госпожѣ Грантъ послѣ того, какъ разошелся съ госпожею Сталь, и по поводу этого онъ однажды выразился такъ: «on doit avoir aimé madame de Stael pour comprendre le plaisir d'aimer une bête et une sotte».

По мнѣнію лицъ, знавшихъ Талейрана, онъ сохраненіемъ игривости и утонченности своего ума былъ всего болѣе обязанъ бесѣдамъ съ герцогиней Доротеей.

Послѣ смерти Талейрана, 17-го мая 1838 года, она, на оставленный имъ ей капиталъ, купила въ Силезіи герцогство Саганское, которое въ 1786 году было пріобрѣтено ихъ отцомъ герцогомъ курляндскимъ Петромъ у князей Лобковичей за 9,000,000 франковъ, а король прусскій возвелъ это владѣніе на степень герцогства. Послѣ смерти герцога Петра, саганское помѣстье и перешло по наслѣдству къ его старшей дочери княгинѣ де-Роганъ. Когда же она умерла, то герцогство Саганское досталось старшей по ней сестрѣ, вдовѣ принца Гогенцоллернскаго, а отъ него оно перешло къ герцогинѣ Дино, которая къ своимъ прежнимъ титуламъ прибавила еще и титулъ герцогини Саганской.

Въ новопріобрѣтенномъ въ 1845 году герцогствѣ, Доротея явилась покровительницею ученыхъ, литераторовъ и художниковъ; на покровительство этимъ лицамъ она имѣла громадныя денежныя средства. Въ Саганъ, за-просто, какъ гость, пріѣзжалъ къ герцогинѣ король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV съ супругою своею княгинею Лигницъ, а также нынѣшній германскій императоръ Вильгельмъ съ своею супругою принцессою Августой. Будучи гостепріимной хозяйкой, герцогиня вмѣстѣ съ тѣмъ любила блистать роскошью и пышностію какъ въ своихъ нарядахъ, такъ и во всей

обстановкѣ. Въ Германіи того времени сравнивали Саганъ съ Феррарою, гдѣ Торквато Тассо замѣнялъ вдохновенный поэтъ князь Лихновскій, тогда еще юноша, а въ послѣдствіи австрійскій министръ, погибшій, въ 1848 году во Франкфуртѣ, насильственною смертью. Въ Саганѣ гостилъ также нерѣдко и знаменитый виртуозъ Францъ Листъ.

Герцогиня Доротея умерла послѣ тяжкой болѣзни, 19-го сентября 1862 года, и герцогство Саганское перешло къ старшему ея сыну Луи-Наполеону, который имѣетъ теперь дочь Доротею, напоминающую собою и свою мать, и свою бабушку.

К. Н. В.

ВЕНЕЦІЯ.

(Статья Генри Джэмса).

ОЧЕРКЪ Венеціи, помѣщаемый нами, принадлежитъ перу американскаго писателя г. Генри Джэмса (младшаго), пользующагося заслуженною извѣстностью и симпатіями многочисленныхъ читателей не только въ предѣлахъ Сѣверо-Американской республики, но и во всѣхъ странахъ, гдѣ англійскій языкъ — родной языкъ. Мы остановились именно на этомъ очеркѣ Венеціи потому, что онъ отличается своей безъискусственностью, простотой, отсутствіемъ лицемѣрно-рутинныхъ восторговъ художественными сокровищами Венеціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ выдается своею жизненностью, свѣжестью и нѣкоторой особенной оригинальностью воззрѣній, въ которыхъ художественно сочетаются вліянія европейской и американской культуръ. Кое-гдѣ въ переводѣ допущены сокращенія, обусловливаемыя недостаткомъ мѣста и желаніемъ помѣстить сразу весь очеркъ, хотя бы и въ нѣсколько сжатомъ видѣ.

I.

Тысячи писателей описывали красоты Венеціи. Изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ всего свѣта Венеція безспорно тотъ городъ, съ которымъ можно легче всего ознакомиться, который можно удобнѣе другихъ обозрѣть, не посѣщая его. Войдите въ любой эстампный магазинъ, и васъ завалятъ видами Венеціи, раскрашенными и не раскрашенными, фотографіями, литографіями, гра-

вюрами и т. д. Войдите въ любой книжный магазинъ—и вамъ охотно возьмутся составить цѣлую библіотеку о Венеціи, историческую, археологическую, политическую, этнографическую, по живописи и архитектурѣ этой древней столицы, въ стихахъ и прозѣ, на всевозможныхъ языкахъ. Казалось бы, послѣ всего этого, чтò новаго можно сказать о Венеціи? Но старое часто привлекательнѣе новаго, и можетъ быть было бы очень прискорбно, если бы пришлось вести рѣчь о венеціанской новизнѣ.

Во всякомъ случаѣ, строки эти не имѣютъ цѣлью руководить или поучать тѣхъ, кому случилось бы посѣтить когда либо Венецію. Очутившись въ Венеціи, можно быть вполнѣ счастливымъ только бросивъ всякое чтеніе, махнувъ рукой на критику и анализъ и прогнавъ всякія серьёзныя думы. Нигдѣ, кажется, не предаются въ меньшей степени глубокомысленнымъ размышленіямъ, какъ въ Венеціи, хотя предметовъ или сюжетовъ для размышленія тамъ не менѣе, чѣмъ въ любомъ другомъ мѣстѣ. Какъ и вездѣ, въ Венеціи столько же счастія, сколько и юдоли. Послѣдняя тамъ на виду у всѣхъ, безъ нея картина была бы неполнà; ревностный приверженецъ «мѣстнаго колорита» сказалъ бы, пожалуй, что безъ нея не было бы такъ цѣлостно наслажденіе, доставляемое Венеціей.

Венеціанцы—народъ бѣдный. Главное ихъ богатство, это—прирожденное право жить въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ городовъ міра. Но жилища ихъ сильно обветшали, налоги тяжелы, карманы пусты, надежды на поправленіе дѣлъ—слабы. И однако жизнь ихъ представляется имъ съ такими привлекательными сторонами, на которыя, казалось бы, они не могли разсчитывать при столь непривлекательныхъ условіяхъ; съ своей жизнью они мирятся легче, чѣмъ многіе другіе люди, поставленные въ гораздо болѣе счастливое положеніе. Они то нѣжатся подъ яркими лучами солнца, то плещутся въ морѣ; на плечахъ яркія лохмотья—но сколько граціи въ позахъ, въ движеніи, въ этой вѣчной conversazione, которая составляетъ полжизни венеціанца. Трудно сказать, желательно ли было бы ихъ видѣть иными; но они безусловно были бы иными, если бы лучше питались. Въ Венеціи до жалости много такихъ личностей, которыя очевидно вѣчно недоѣдаютъ; но еще печальнѣе было бы, если бы мы не видѣли, что богатая натура венеціанца разцвѣтаетъ даже при такомъ невольномъ воздержаніи въ пищи. Солнце, досугъ, бесѣда и прелестные виды—вотъ что необходимо для существованія венеціанца. Итальянцы, вообще, имѣютъ счастіе или несчастіе быть весьма скромными въ своихъ нуждахъ, такъ что если принимать совокупность послѣднихъ за мѣрило степени развитія народа, какъ это теперь дѣлается, то дѣти лагунъ заняли бы въ сравнительной графической таблицѣ современнаго изслѣдователя одно изъ послѣднихъ мѣстъ.

Конечно, не эта бѣдность венеціанцевъ прельщаетъ путешественниковъ—прельщаетъ легкость, съ которой переноситъ эту бѣдность и уживается съ ней этотъ прекрасный народъ, живущій въ такой мѣрѣ силой своего воображенія. Если вы дѣйствительно желаете насладиться Венеціей, то должны слѣдовать примѣру венеціанцевъ и находить удовольствіе въ самыхъ простыхъ вещахъ. Впрочемъ, въ Венеціи всѣ удовольствія очень просты, какъ ни казалось бы парадоксальнымъ подобное увѣреніе. Чтò можетъ быть проще, какъ наслаждаться прекрасной картиной Тиціана, Тинторетто или обозрѣвать соборъ св. Марка, или плыть покачиваясь въ гондолѣ, или глазѣть, перевѣсившись черезъ баллюстраду балкона, или наконецъ тянуть кофе у Florian'а. День въ Венеціи проходитъ въ «занятіяхъ» подобнаго рода, и вся суть заключается въ впечатлѣніяхъ, которыя эти «занятія» оставляютъ. А впечатлѣнія безспорно пріятны—иначе Венеція была бы невыносимо скучна.

II.

Встрѣчаются путешественники, находящіе, что Венеція отвратительна. Тѣ, кто съ ними несогласны, желаютъ прежде всего одного, чтобы число подобныхъ путешественниковъ постоянно возростало. Кому Венеція по душѣ, тотъ прежде всего и болѣе всего желаетъ, чтобы число любителей Венеціи было какъ можно ограниченнѣе. Нынѣшняя Венеція, въ нѣкоторые мѣсяцы года, уподобляется громадному музею, при входѣ въ который счетный аппаратъ вѣчно и ежеминутно щелкаетъ, какъ бы оповѣщая, что вотъ и еще стало однимъ посѣтителемъ больше. Эта масса посѣтителей ужасно надоѣдаетъ своими замѣчаніями вслухъ: вамъ нельзя ничѣмъ насладиться самостоятельно—все кругомъ уже ранѣе васъ замѣчено, всѣ детали открыты, разсмотрѣны, указаны, раскритикованы. Но это не вина Венеціи—это вина всего остального міра.

Сама Венеція если и страдаетъ какимъ либо недостаткомъ, то это тѣмъ, что ею легко восхищаться, но въ ней трудно ужиться.

Пробывъ здѣсь недѣлю и окончательно освоившись съ новизною впечатлѣній, вы начинаете недоумѣвать надъ тѣмъ, способны ли вы примѣниться къ особеннымъ условіямъ венеціанской жизни. Вы не можете удовлетворить вашимъ прежнимъ привычкамъ и вынуждены поддѣлываться къ новымъ, нежелательнаго и неудобнаго свойства. Гондола вамъ надоѣла (по крайней мѣрѣ такъ вамъ кажется), вы насладились уже зрѣлищемъ всѣхъ знаменитыхъ и прославленныхъ картинъ, вы прислушались уже къ названіямъ дворцовъ, которыя вашъ гондольеръ произноситъ съ отчетливостью англійскаго лакея, докладывающаго о пріѣздѣ титулованныхъ лордовъ. Вы обошли нѣсколько сотъ разъ la Piazza и пріобрѣли нѣ-

Венеціанскій балконъ.

сколько связокъ фотографій. Вы побывали у антикварія, ужасная вывѣска котораго безобразитъ одинъ изъ лучшихъ видовъ въ Canale Grande. Вы посѣтили оперу и убѣдились, что труппа плоха; наконецъ вы выкупались на Лидо и нашли, что тамъ ужасно мелко. Вы начинаете ощущать такое впечатлѣніе, какъ если бы вы были на громадномъ кораблѣ, гдѣ Piazza кажется вамъ салономъ, а Riva

degli Schiavoni — верхней палубой, отведенной для прогулокъ; вы точно въ клѣткѣ; со всѣхъ сторонъ препятствія, стремленіе къ пространству не удовлетворяется; вы лишены обычнаго движенія. Гондола, какъ уже выше упомянуто, надоѣла и кажется вамъ громадной дѣтской люлькой; вы вовсе не желаете, чтобы васъ укачивали въ ней до сна — и въ то же время вы не можете заснуть, потому что васъ постоянно раздражаетъ и видъ мелководной лагуны, и поза гондольера съ вытянутымъ впередъ подбородкомъ, съ вывернутыми носками ноги и его глупые удары весла. Отъ каналовъ несетъ ужаснымъ запахомъ, — а вѣчно та же самая Piazza

Кормленіе голубей въ скверѣ св. Марка.

обращается для васъ въ бѣличье колесо — если не въ колесо, въ которомъ топчутся каторжные на одномъ мѣстѣ: вы пересмотрѣли здѣсь всѣ до одного товары, выставленные въ окнахъ магазиновъ, и убѣдились, что все это разная дрянь. Вамъ надоѣли и молодыя венеціанки, продающія бисерные браслеты и виды, которые они назойливо суютъ вамъ въ руки, надоѣли и все тѣ же тщательно примазанные офицеры въ мундирахъ, плотно застегнутыхъ на всѣ пуговицы, обсасывающіе тѣ же самыя соломенки, сидя впереди тѣхъ же пустыхъ столовъ, все тѣхъ же caffés.

Вотъ приблизительно каково отчаянное настроеніе духа тѣхъ поверхностныхъ обозрѣвателей, которые находятъ, что Венеціи

можно посвятить недѣльку времени — не болѣе. Если въ такомъ настроеніи вы рѣшаетесь покинуть Венецію, то поступаете съ роковой поспѣшностью. Теряете отъ этого только вы одни; всѣ тѣ, кто остается—выигрываютъ, ибо если и есть непріятныя стороны жизни въ Венеціи, то безспорно самая непріятная изъ нихъ—это множество пріѣзжихъ обозрѣвателей. Дѣйствительно, условія жизни въ Венеціи совершенно особенныя, но вы примиряетесь съ ними ранѣе, чѣмъ успѣете озлобиться противъ нихъ. Когда вы потребовали счетъ, рѣшившись уѣхать—уплатите по счету и оставайтесь:

Мостъ вздоховъ.

на слѣдующій же день вы убѣждаетесь, что глубоко привязались къ Венеціи. Только день за день начинаете вы сознавать всю полноту прелести этого города. Венеція подобно нервной женщинѣ: каждый день она выглядитъ иначе и вы познакомитесь съ ней вполнѣ только послѣ того, какъ увидите ее во всѣхъ видахъ. Она то возбуждена, то замираетъ, то блѣдна или румяна, то холодна или привѣтлива, то жива или безжизненна, смотря по погодѣ и по часу дня. Всѣ эти стороны ея жизни становятся дорогими вашему сердцу; по отношенію къ вашимъ чувствамъ городъ начинаетъ при-

нимать образъ какой-то личности, сознательной, человѣческой, чувствующей вашу привязанность. Вы окончательно влюбляетесь въ дочь Адріи.

Нужно и то сказать, что если вы попадаете въ Венецію въ половинѣ марта, то возможно и даже вѣроятно нѣкоторое разочарованіе. Въ это время городомъ овладѣваютъ варвары, и онъ обращается въ какой-то толкучій рынокъ, въ какую-то засмотрѣнную панораму, у круглыхъ стеколъ которой топчется толпа зѣвакъ. Въ теченіи всей весны, до конца мая, толпы дикихъ германцевъ запруживаютъ la Piazza, и ихъ ужасный говоръ стоитъ стономъ въ залахъ дворца дожей и академіи. Послѣ нихъ являются англичане и американцы и наконецъ французы; послѣдніе менѣе другихъ несносны и проводятъ большую часть времени въ ресторанахъ.

Соборъ св. Марка и Компанила.

III.

Въ эти мѣсяцы особенно оскверняется соборъ св. Марка, обращающійся въ мѣсто какого-то торжища. Вообще соборъ этотъ служитъ во всѣхъ видахъ добычею разныхъ хищниковъ, и если бы ему не былъ присущъ особый духъ величія, то путешественникъ

Пьяццэтта (la Piazzetta).

легко бы могъ усомниться въ религіозномъ назначеніи этого зданія. Недавняя реставрація внѣшнихъ стѣнъ, о необходимости которой такъ много спорили за и противъ — является по истинѣ оскорбленіемъ нанесеннымъ собору. Всюду гдѣ дотронулась зданія рука реставратора, исчезли признаки красоты — о чемъ нельзя не сожалѣть искренно, потому что, въ теченіи немалаго числа лѣтъ, впечатлѣніе внѣшней прелести собора св. Марка уступало только впечатлѣнію, которое производила внутренность собора, сравнительно болѣе сохранившая первоначальный свой видъ. Удивительно гармоническое сочетаніе выцвѣтшей мозаики и постарѣвшаго мрамора стѣнъ, поражавшее глазъ путешественника, при выходѣ его изъ узкихъ улицъ, ведущихъ на Piazza, въ скоромъ времени совершенно исчезнетъ. Мягкость и нѣжность красокъ, вырабатывав-

шаяся вѣками, подъ вліяніемъ испареній соленаго моря, уступаетъ мѣсто громаднымъ заплатамъ изъ современныхъ матеріаловъ, заплатамъ кажущимся скорѣе болѣзненными наростами, а не заживляющими скрѣпленіями. Онѣ производятъ то же впечатлѣніе, что румяна и бѣлила на лицѣ почтенной матроны. Особенно старательно обновлена та сторона собора, которая обращена къ Пьяццэттѣ (Piazzetta), но этотъ лоскъ и новизна такого свойства, что напоминаютъ впечатлѣніе, которое производитъ новая пара сапоговъ.

Домъ Дездемоны.

Я не желаю однако пускаться въ ученый споръ по этому вопросу и просто отмѣчаю фактъ достойный, по моему мнѣнію, сожалѣнія. Впрочемъ о развитіи искусства въ объединенной Италіи не слѣдуетъ судить по такимъ частнымъ случаямъ, которые какъ бы указываютъ на то, что прежде чѣмъ занять почетное мѣсто въ ряду современнаго искусства другихъ націй, Италіи придется пройти черезъ большія испытанія и пережить минуты сильнаго упадка вкуса и поруганія всѣхъ тѣхъ красотъ, передъ которыми она прежде преклонялась.

Теперь, во всякомъ случаѣ, еще рано произносить окончательное сужденіе въ этомъ дѣлѣ— италіанское искусство еще такъ поразительно, что порой находятъ минуты, когда готовъ простить даже реставраціи собора св. Марка, коснувшіяся отчасти и внутренности послѣдняго. Тутъ были сдѣланы попытки привести зданіе въ нѣсколько болѣе опрятный видъ «почистить» его, но къ счастію онѣ не причинили большаго вреда. Въ моей памяти особенно врѣзалось исправленіе каменнаго мозаичнаго пола: мозаика отъ времени почернѣла, мѣстами ее выпучило, образовались волнистыя неровности. Въ большей части собора этотъ полъ остается до сихъ поръ такимъ, какимъ его знали цѣлыя поколѣнія: темнымъ, потрескавшимся, испещреннымъ кусками порфира и потемнѣвшаго отъ времени малахита, отполированнымъ колѣнами тысячей вѣрующихъ, съ неровностями, уподобляющими его застывшимъ морскимъ волнамъ. Но

Мостъ Ріальто, построенный Антоніемъ ди-Понте, въ 1588—91 гг.

въ нѣкоторыхъ частяхъ храма реставраторы, повидимому, не представляли себѣ океана иначе какъ вѣчно гладкимъ и, исправляя полъ, взяли за образецъ мозаиковые полы какого нибудь лондонскаго клуба или нью-іоркскаго отеля. Впрочемъ, мнѣ кажется, что едва ли найдется венеціанецъ или италіанецъ, котораго озабочивала бы такая перемѣна, и когда, нѣсколько времени тому назадъ, вопросъ этотъ обсуждался въ Times'ѣ, а въ Лондонѣ по этому поводу собирались митинги, то дорогіе дѣти лагунъ, если только до нихъ дошли вѣсти и слухи объ этомъ, навѣрное смотрѣли на этихъ странныхъ англичанъ, какъ на суетливыхъ хлопотуновъ, отчасти же считали ихъ прямо ослами. Никогда современному венеціанцу не придетъ на умъ, что это вопросъ—заслуживающій обсужденія; никогда современный венеціанецъ не въ состояніи будетъ постигнуть возможности тихаго строя общества, въ которомъ личные интересы такъ безсодержательны, что на ихъ мѣсто выдвигаются заботы объ охраненіи цѣлости мраморныхъ и кирпичныхъ стѣнъ въ далекомъ, чужомъ городѣ.

IV.

Даже въ тѣ годы, когда Венеціи пришлось окончательно убѣдиться, что столицѣ дожей судьбою суждено обратиться на будущее время въ музей рѣдкостей, даже тогда можно было насладиться жизнью, поселившись на Rivo degli Schiavoni и любуясь изъ оконъ на блестящую далеко въ окружности лагуну. Сколько удовольствія доставляло уже одно разсматриваніе ближайшаго сосѣдства и ознакомленіе съ своеобразными сторонами венеціанскаго внутренняго обихода. Затѣмъ, вдали, прямо передъ моими окнами, выростала изъ воды розовая масса церкви San Giorgio Maggiore, не казистой дворцовой церкви, производящей однако удивительно благопріятное впечатлѣніе.

Впечатлѣніемъ этимъ Сан-Джіоржіо Маджіоре обязано своему мѣсторасположенію, своему колориту и громадной одиноко стоящей «компаниллѣ», увѣнчанной высокимъ золотымъ ангеломъ. Не знаю почему, потому ли что Сан-Джіорджіо такъ выдѣляется своей громадностью или потому, что въ его стѣнахъ столько мѣстъ, въ которыхъ кирпичная кладка сильно поблекла и повывѣтрилась, только очень многимъ зрителямъ все зданіе кажется залитымъ какимъ-то розовымъ свѣтомъ и цвѣтомъ. Если бы меня спросили, какая краска преобладаетъ въ венеціанскихъ впечатлѣніяхъ, я конечно, отвѣтилъ бы: розовая, хотя на самомъ дѣлѣ я не помню, чтобы часто наталкивался на эту нѣжную краску. Этотъ розовый колоритъ, о которомъ идетъ рѣчь,—какой-то томный, воздушный, водянистый, расплывающійся; этой краской воспламеняются блестящія поверхности моря, ею, какъ кажется, упиваются и блѣдно-зеленыя воды каналовъ и лагунъ. Можетъ быть это происходитъ оттого, что въ Венеціи очень много новыхъ кирпичныхъ зданій, но цвѣтъ кирпичей никогда не рѣжетъ глазъ своей свѣжестью и рѣзкостью: они какъ будто вѣчно пережженные и необыкновенно мягкаго тона.

Сан-Джіорджіо Маджіоре.

Когда я вспоминаю о Венеціи, въ моемъ воображеніи выростаетъ не Canale Grande, не Piazza, не базилики аркады большой площади, не темные своды св. Марка. Мнѣ просто представляется крошечный каналъ въ самомъ сердцѣ города, узкая поверхность зеле-

Узкій каналъ.

ной воды и выростающія изъ нея розовыя стѣны. Гондола движется чуть медленно и все таки за ней бѣжитъ вдоль стѣнъ большая мягкая волна. Скользя подъ мостомъ, гондольеръ что-то вскрикиваетъ, и крикъ его раздается въ этой тишинѣ точно своего рода всплескъ воды. Вверху, по крошечному мосту, со сводомъ, уподобляющимся верблюжьему горбу, проходитъ дѣвушка, въ старой шали, небрежно накинутой на голову: она очаровательна, когда фигура ея вырисовывается на небѣ, какъ это кажется вамъ, смотрящему снизу.

Розовый тонъ старой стѣны кажется наполняетъ и все пространство и пронизываетъ даже матовыя воды. Вверху надъ стѣ-

ной садъ, откуда перегибаются черезъ стѣну длинныя вѣтви бѣлыхъ іюньскихъ розъ—розы въ Венеціи восхитительны. По другой сторонѣ этой узкой водяной дорожки высится громадный, ободранный фасадъ съ готическими окнами и балконами—съ балконами, на которыхъ развѣшано грязное тряпье, а внизу, у низкихъ, скользкихъ, мокрыхъ ступеней пробитъ какой-то пещерообразный входъ. Во дворѣ причудливыя лѣстницы и опять балконы и балкончики.

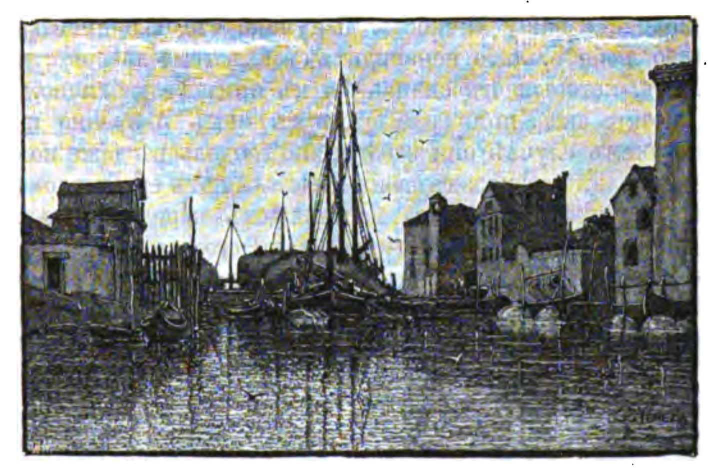
Scala antica—старинная лѣстница во дворѣ дома Гольдони.

Въ воздухѣ тихо и знойно, какой-то странный, особенный запахъ стоитъ надъ каналомъ—и все, вмѣстѣ взятое, производитъ очаровательное впечатлѣніе.

Толковать о краскахъ и колоритѣ Венеціи—это значитъ тратить по пустому жалкія слова. Впечатлительный туристъ вѣчно наслаждается ими изъ своего окна, если только онъ не качается гдѣ нибудь на водѣ, въ гондолѣ, сознавая, что онъ самъ отчасти играетъ роль въ общемъ впечатлѣніи. Окна и балконы въ Венеціи измѣннически соблазнительны: сидя, облокотясь на ихъ мягкія подушки, не замѣчаешь какъ летятъ часы дорогого времени.

Въ сущности Венеція, особенно въ хорошую погоду, вовсе не такое мѣсто, которое располагало бы къ размышленіямъ. Необходимо употребить по истинѣ героическія усилія, чтобы усидѣть у письменнаго стола, когда, кажется, вся природа манитъ васъ на просторъ и софистически шепчетъ, что въ тякія минуты можно только собирать впечатлѣнія, но не передавать ихъ бумагѣ. Даже и въ холодные, сырые дни непогоды можно находить постоянную пищу для наблюденій: картина принимаетъ сплошь холодный оттѣнокъ, по сѣро-стальной поверхности лагунъ скользитъ мелкою рябью, противъ теченія, вѣтеръ. Затѣмъ наступаютъ очаровательные холодные промежутки, во время которыхъ церкви, дома, рыбачьи суда, ка-

чающіяся на якорѣ, вся красивая извилина «Puble» какъ бы окрашиваются бѣлымъ инеемъ. Нѣсколько позже все окутывается теплыми тонами и странно, эта «теплота» ощущается не только зрѣніемъ но и всѣми остальными чувствами. Во второй половинѣ мая вся Венеція какъ бы въ какомъ-то пылу. Море играетъ тысячами красокъ, но въ сущности это только безчисленные оттѣнки его синевы; въ это же время начинаютъ накаляться на солнцѣ тѣ розовыя стѣны, о которыхъ говорилось выше. Каждое пятно, каждый кусокъ отсырѣвшей штукатурки, каждый уголокъ сада и неба, видимаго изъ глубины канала, начинаютъ горѣть и блестѣть своеобразными красками. Лагуны пересѣкаются нитями какихъ-то встрѣчныхъ теченій. Число гондолъ растетъ и лагуны пестрѣютъ ими.

Барки съ сѣномъ. Малый каналъ отдѣляющійся отъ канала «Della Giudecca».

Въ нѣкоторомъ разстояніи всѣ гондолы и всѣ гондольеры удивительно какъ похожи другъ на друга. Въ этой таинственной безличности гондолы есть что-то странное и прельщающее. Когда вы сидите въ гондолѣ, она какъ будто бы имѣетъ нѣкоторыя субъективныя свойства, но когда она скользитъ мимо васъ, эта субъективность исчезаетъ вслѣдствіе того, что всѣ гондолы одного размѣра, одного вида, одного цвѣта, одного хода, одной поступи. Изъ моего окна на «Ривѣ» я всегда наблюдалъ одинъ и тотъ же длинный черный силуэтъ, подымающій и нѣсколько откидывающій назадъ свою голову, движущійся, хотя почти незамѣтно, съ грубоватой фигурой гондольера на кормѣ. Говоря вообще, можно сказать, что въ свободныхъ движеніямъ самаго граціознаго гондольера есть доля угловатости, а въ движеніяхъ самаго угловатаго изъ нихъ есть доля граціи. Конечно, въ хорошо сложенныхъ субъектахъ грація движеній преобладаетъ—и дѣйствительно нѣтъ ничего красивѣе

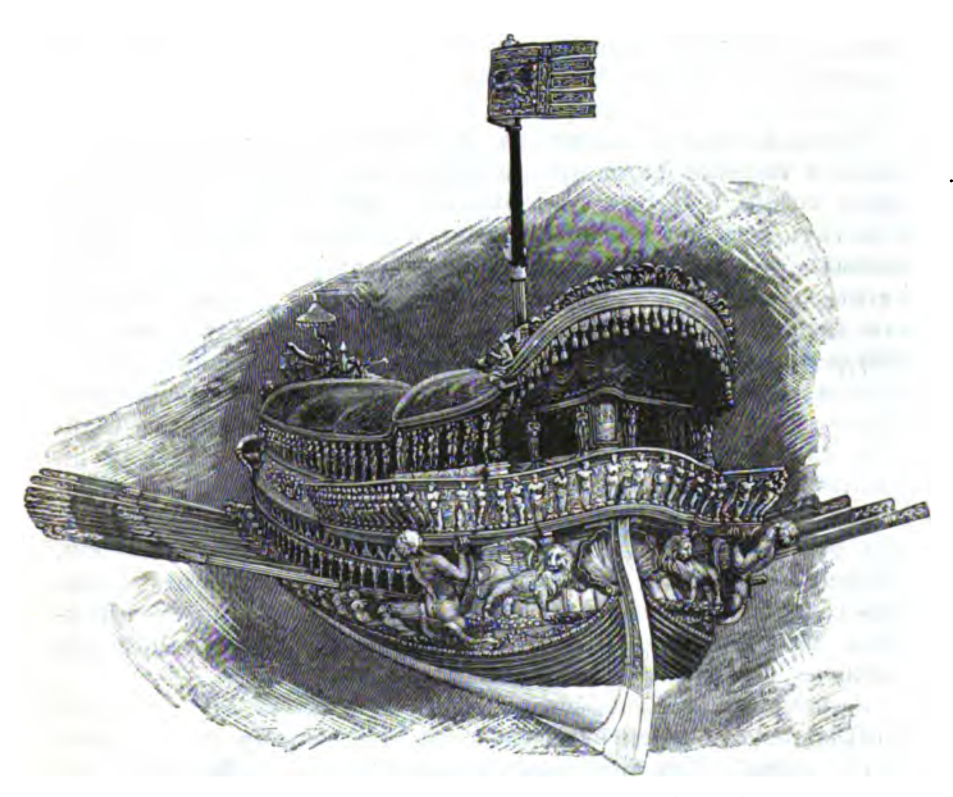
какъ то широкое, рѣшительное движеніе, съ которымъ они, не безъ нѣкоторой доли ремесленнаго хвастовства, управляются съ своимъ громаднымъ весломъ. Тутъ соединена смѣлость, рѣшительность ныряющей птицы съ правильностью движеній маятника. Если лежа на мягкихъ подушкахъ гондолы, вамъ удастся наблюсти это движеніе въ профиль на гондольерѣ другой гондолы, скользящей мимо васъ, вы подмѣчаете такое благородство линій въ согнутомъ корпусѣ гондольера, что въ умѣ невольно является воспоминаніе о фигурѣ съ какого нибудь классическаго греческаго фриза.

Въ Венеціи вашъ лучшій другъ—гондольеръ, если только вамъ улыбнулось счастье при его выборѣ—отъ этого выбора зависитъ свойство большинства вашихъ впечатлѣній. Гондольеръ—это часть вашего дня, часть вашего существа, вашъ двойникъ, ваша тѣнь; онъ дополняетъ вашу личность. Я думаю, что большинство туристовъ либо любитъ, либо ненавидитъ своихъ гондольеровъ; мало такихъ лицъ, которыя относились бы къ нимъ безразлично, Тѣ, которыя любятъ ихъ, привязываются къ нимъ искренно и сильно, въ послѣднемъ случаѣ они заботятся о гондольерѣ даже по отъѣздѣ изъ Венеціи, въ разсказахъ своихъ выставляютъ его перломъ между его собратьями и непремѣнно настаиваютъ передъ друзьями ѣдущими въ Венецію, чтобы они розыскали его.

Гондольеры большею частью отличные малые, и, въ сравненіи съ остальнымъ населеніемъ, могутъ по преимуществу присвоивать себѣ прозвище «дѣтей Венеціи»; они составляютъ часть ея существа, часть присущихъ ей прелестей, ея тишины и грусти. Говоря о тишинѣ, я долженъ, впрочемъ, тотчасъ же оговориться и замѣтить, что гондольеры причастны и звуковой сторонѣ венеціанской жизни. Они очень разговорчивы въ своей средѣ; въ traghetti они всегда ведутъ оживленный разговоръ, всегда находя какой-нибудь предметъ спора; они кричатъ во все горло черезъ каналы; они стараются предугадать ваши распоряженія при вашемъ приближеніи; они издали перебраниваются другъ съ другомъ. Я рѣшаюсь даже утверждать, что голосъ гондольера въ сущности—это голосъ, звукъ Венеціи. Особенность города и составляетъ, пожалуй, отсутствіе всякихъ другихъ звуковъ. Тамъ нѣтъ другаго шума, кромѣ шума человѣческихъ голосовъ, нѣтъ дальняго отголоска городской сумятицы, не слышно сливающагося грохота колесъ и подковъ. Можно даже, пожалуй, сказать, конечно съ нѣкоторой натяжкой, что Венеція, по преимуществу, городъ разговоровъ. Жители ея громко бесѣдуютъ на улицахъ и площадяхъ, потому что ничто не мѣшаетъ имъ слушать другъ друга. Простонародье ведетъ, такимъ образомъ, семейную бесѣду; рѣчь доносится далеко по тихой гладкой поверхности воды, и добрые благодушные венеціанцы пользуются этимъ общедоступнымъ телефономъ для дружеской домашней бесѣды на разстояніи полумили. Благодаря своему болтливому

нарѣчію, венеціанцы обращаютъ свою жизнь въ вѣчный разговоръ — conversazione.

Гондольеръ цѣнитъ свои услуги замѣчательно скромно и обладаетъ счастливымъ даромъ быть весьма услужливымъ безъ малѣйшаго оттѣнка холопскаго прислужничества. Вознагражденіе свыше условленнаго или спрошеннаго, неожиданная прибавка «на чай», пробуждаетъ въ немъ настоящій приливъ лирической благодарности. Манеры его, какъ и большинства венеціанцевъ, замѣчательно

«Буцентавръ» — государственный катеръ Венеціи.

хороши. Къ этому народу привязываешься очень скоро вслѣдствіе искренности и простоты обращенія — черта свойственная вообще италіанцамъ и особенно венеціанцамъ. Невольно чувствуешь, что имѣешь дѣло съ представителемъ древней рассы, въ крови котораго отражается богатая и древняя культура, и если фортуна ему не улыбнулась, то года во всякомъ случаѣ отполировали его. Но онъ не имѣетъ никакой особой склонности къ добродѣтели, да и не заявляетъ никакихъ претензій въ этомъ отношеніи. Онъ не за-

думается выставить ложь за истину и способенъ принять чужое добро за свое. Если къ нѣжнымъ чувствамъ онъ питаетъ особенную слабость, то я не думаю, чтобы съ другой стороны онъ былъ бы особенно храбръ и трудолюбивъ. Нó онъ безошибочно угадываетъ прелести жизни, и самый бѣдный венеціанецъ—все-таки самый естественный, самый простой человѣкъ въ мірѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ лучше, сноснѣе, чѣмъ люди того же класса въ націяхъ трудолюбивыхъ и добродѣтельныхъ, среди которыхъ также встрѣчаются «порой» охотники солгать и стянуть чужое добро.

V.

Часы, которые проводитъ въ Венеціи путешественникъ въ созерцаніи твореній живописи—останутся въ его воспоминаніи лучшими часами пребыванія въ Венеціи. Мнѣ просто совѣстно, что я до сихъ поръ такъ много говорилъ о самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ вещахъ и не украсилъ этихъ страницъ гирляндой изъ именъ знаменитыхъ живописцевъ. Но, преподнеся читателямъ такую гирлянду, въ состояніи ли я буду иллюстрировать ее какими-нибудь описаніями? Назвавъ имена Карпаччіо и Беллини, Тинторетто и Веронеза, затрагиваешь такую область, въ которую очень трудно пускаться. Все, чтó можно было сказать объ этихъ великихъ мастерахъ, уже было сказано — и весьма мало смыслу въ отмѣткѣ факта, что произведенія ихъ пришлись по-вкусу и по-сердцу еще одному путешественнику, записавшему по этому поводу въ своемъ дневникѣ: «Сегодня, утромъ, былъ въ академіи. «Вознесеніе» Таціана мнѣ очень понравилось». Эта честная фраза, безъ сомнѣнія, украшаетъ не одну записную книжку и, безъ сомненія, дышетъ полною искренностью — но чтó поясняетъ она читателю?

Заговоривъ о «Вознесеніи» Таціана, я долженъ замѣтить, что встрѣчаются личности, которымъ это твореніе нравится значительно менѣе, чѣмъ тому воображаемому туристу, о восторгѣ котораго упоминалось выше. Созерцаніе этой картины способно уготовить вамъ одно изъ возможныхъ разочарованій въ Венеціи. Конечно, твореніе это придаетъ величественный, роскошный видъ той стѣнѣ академической залы, которую она украшаетъ, — но въ той же комнатѣ находятся двѣ или три картины менѣе прославленныя, могущія въ неменьшей степени привести васъ въ восторгъ. Въ записной книжкѣ одного простодушнаго путешественника было отмѣчено слѣдующее: «Вознесеніе» поразило меня своей грубостью и поверхностью». Какъ это ни странно, но знакомясь съ Тиціаномъ въ Венеціи, можно разочароваться въ этомъ великомъ художникѣ; дѣло въ томъ, что въ его «пріемномъ»

городѣ собраны далеко не лучшія произведенія этого художника— и съ послѣдними надо знакомиться въ галереяхъ Мадрида, Парижа, Лондона, Флоренціи, Дрездена и Мюнхена. Другіе художники, напротивъ, живутъ какъ бы только въ одномъ завѣтномъ родномъ домѣ — таковъ напримѣръ Тинторетто. Рядомъ съ нимъ слѣдуетъ поставить Карпаччіо и Беллини — они-то и представляютъ собой ослѣпительное тріо венеціанской живописи. Павла Веронеза можно видѣть и восторгаться имъ и въ другихъ городахъ: въ Венеціи имѣются великолѣпные образцы его кисти, но самыя блестящія его творенія въ Парижѣ и Дрезденѣ. Гуляя въ полудневный сумракъ по Трафальгаръ-скверу, вы можете зайти въ одну изъ залъ лондонской «національной галереи» и любоваться тамъ семьей Дарія, въ мольбахъ и слезахъ у ногъ Александра. Александръ—прелестный венеціанскій юноша въ малиновыхъ панталонахъ; вся картина согрѣваетъ венеціанскимъ жаромъ лондонскія сумерки. Можно просидѣть передъ нею цѣлые часы — воображая себя подплывающимъ въ гондолѣ къ входу съ канала во дворецъ дожей, гдѣ васъ встрѣчаетъ старикъ-нищій, обладающій одной изъ красивѣйшихъ головъ въ мірѣ. Сотни живописцевъ писали съ этого старика дожей лицъ болѣе высокопоставленныхъ и священныхъ... Этотъ нищій пользуется особенной привилегіей подводить вашу гондолу къ ступенямъ крыльца — или воображать, что онъ это дѣлаетъ—чтобы подставить вамъ за эту услугу свою жирную, непомнящую вѣка шапку.

Но для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ познакомиться съ твореніями остальныхъ изъ названныхъ художниковъ, вы должны отправляться въ Венецію: пока вы тамъ, творенія эти составляютъ какъ бы часть вашего существа, поясняютъ вамъ вашъ взглядъ на міръ, на вселенную. Въ высшей степени трудно опредѣлить ясно отношенія, которыя тутъ устанавливаются: дѣло въ томъ, что весь художественный міръ Венеціи, всѣ ея художественные элементы такъ близки и сродны дѣйствительности, такъ дополняютъ и расширяютъ послѣднюю, что трудно безпристрастно утверждать чему или кому обязанъ бываешь болѣе, чѣму или кому менѣе. Едва ли, кажется, въ самой Голландіи, искусство и жизнь такъ сродственны, такъ тѣсно переплетаются между собой. Все богатство свѣта и красокъ, вся роскошь колорита, вся исторія Венеціи изображены на стѣнахъ и плафонахъ ея дворцовъ; въ то же время весь геній ея художниковъ, всѣ образы и видѣнія запечатлѣнныя ими въ ихъ картинахъ, такъ и мелькаютъ въ лучахъ палящаго солнца Венеціи и въ волнахъ ея лагунъ и каналовъ, ея моря. Не ради разнообразія впечатлѣній вы покидаете улицу и площадь и уходите въ картинныя галереи и церкви — а потому, что тамъ вы находите художественное воспроизведеніе окружающей среды. Вся Венеція была въ одно и то же время и худож-

никомъ и образцомъ, которымъ художникъ вдохновлялся въ своихъ твореніяхъ; жизнь была такъ живописна, что искусство не могло сдѣлаться инымъ. Венеціанская жизнь и до сихъ поръ носитъ тотъ же отпечатокъ, конечно въ нѣсколько меньшей силѣ— и это-то и придаетъ удивительную свѣжесть впечатлѣнію при созерцаніи произведеній венеціанской школы. Вы судите о нихъ не какъ знатокъ, но какъ человѣкъ отъ того же міра, вы наслаждаетесь ими потому, что они такъ современны и такъ близки дѣйствительной жизни. Изъ всѣхъ художественныхъ созданій одинаковой высоты, творенія венеціанской школы воспринимаются зрителемъ съ наименьшимъ усиліемъ мышленія — онъ наслаждается ими непосредственнѣе, чѣмъ всѣми другими.

VI.

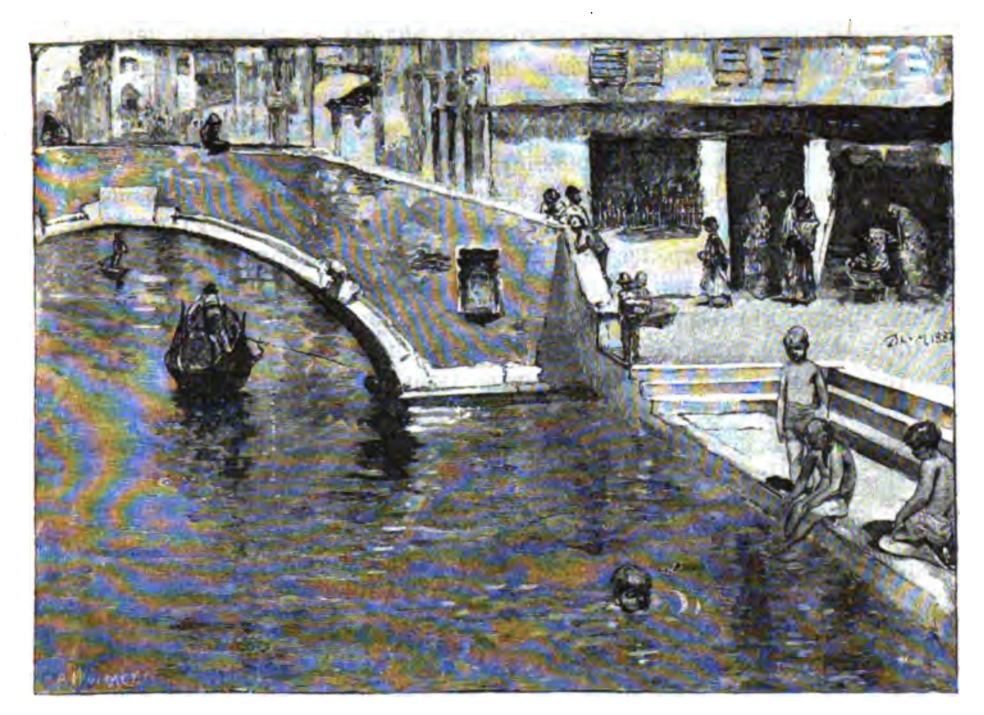
Май въ Венеціи лучше апрѣля, но самое лучшее время года— это іюнь. Тогда наступаютъ знойные, но не черезъ-чуръ жаркіе дни, и ночи, которыя не могутъ сравниться ни съ какимъ днемъ. По утрамъ Венеція кажется тогда болѣе розовой, чѣмъ когда-либо,

Видъ изъ сада на островъ Сан-Лаццаро.

а на склонѣ дня утопаетъ въ цѣломъ морѣ золотаго свѣта. Она какъ будто бы расцвѣтаетъ и испаряется, всѣ эффекты отраженія и свѣторазсѣянія какъ бы умножаются.

Жизнь населенія Венеціи и странность склада этой жизни обращаютъ ее въ эти дни въ нескончаемую комедію или, по крайней мѣрѣ, въ какое-то нескончаемое лицедѣйствіе. Гондола обра-

На память о Венеціи.

щается въ ваше постоянное жилье, и вы проводите цѣлые дни между моремъ и небомъ.

Вы отправляетесь на Лидо, который, впрочемъ, теперь испорченъ. Въ 1869 году, когда я его впервые посѣтилъ, природа не была здѣсь еще исковеркана. Отъ пристани тянулась черезъ крошечный островъ, къ морскому берегу, первобытная аллея. Въ тѣ дни тамъ было отведено мѣсто для купанья, существовалъ ресторанъ, правда плохой, но вы не обращали вниманія на обѣдъ, простывавшій исподволь въ тѣ теплые вечера, которые вы проводили сидя на деревянной терассѣ, выдававшейся въ море. Теперь на Лидо выросло затѣйливое селеніе и отъ Santa Elisabetta къ Адріатикѣ проложенъ третьестепенный пыльный бульваръ съ газовыми рожками. Тамъ и сямъ на островѣ цементныя постройки, гостинницы, отели, лавки, театръ. Купальное заведеніе расширено, расширенъ и ресторанъ, но кухня осталась по-прежнему отвратительной. Чтобы насладиться теперь морскимъ берегомъ Лидо, надо отойти въ сторону отъ пригороднаго селенія. Возвращеніе въ Венецію при закатѣ солнца классически обязательно — и, дѣйствительно, картина оставляетъ глубокое впечатлѣніе.

Можно предпринимать и болѣе отдаленныя прогулки изъ Венеціи — отправляясь на острова Бурано, Торчелло, Миламокко,

Кіоджіа. Вездѣ вы можете встрѣтить рядомъ съ жизнью, неизмѣнявшуюся въ теченіи вѣковъ, шаги новѣйшей цивилизаціи; красивыхъ рыбаковъ и рыбачекъ съ добрымъ взглядомъ и славной душой, но съ отчаянными манерами; вездѣ васъ преслѣдуютъ далеко въ море толпы неотвязчивыхъ мальчишекъ-попрошаекъ. Вернувшись въ Венецію, послѣ жаркаго іюньскаго дня, часо̀въ около десяти вечера, выйдите на балконъ, висящій на Canale Grande — и наслаждайтесь прелестной картиной: внизу, подъ вами, по водамъ канала снуютъ гондолы, отражая въ водной ряби огни своихъ разноцвѣтныхъ фонарей, таинственно свѣтящихся въ мракѣ ночи. Съ гондолъ раздаются серенады, передъ тѣмъ или другимъ отелемъ. Впрочемъ, въ нѣкоторые іюньскіе вечера иногда собирается черезъ-чуръ много гондолъ, черезъ-чуръ много разноцвѣтныхъ фонарей отражается въ водѣ и раздается черезъ-чуръ много серенадъ. Послѣдними особенно злоупотребляютъ въ Венеціи. Самое лучшее, что̀ вы можете сдѣлать въ такія минуты — это уйти съ балкона и провести остатокъ вечера въ собравшейся у васъ пріятной компаніи...

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВТОРОЙ ИМПЕРІИ.

Республика безъ республиканцевъ.—Значеніе записокъ Вьель-Кастеля.—Благодарственный молебенъ послѣ декабрскихъ убійствъ.—Новое министерство.—Отношеніе Луи-Наполеона къ печати.—Хищенія дѣятелей 1848 года.—Развитіе соціализма.—Политическія преступленія и укрощеніе говоруновъ.—Журналисты-ренегаты.—Протесты легитимистовъ.—Ихъ неумѣнье цѣнить гражданское мужество.—Авторъ «предостереженій».—Наполеониды.—Первое представленіе «Дамы съ камеліями».—Приближенные Луи-Наполеона.—Предостереженіе газетѣ «Constitutionnel».—Принцъ Жеромъ.—Черито.—Префектъ полиціи. — Поѣздка Луи-Наполеона.—Парадный спектакль.—Герцогиня Орлеанская.—Продѣлка Луи-Филиппа. — Провозглашеніе имперіи. — Депутатъ съ усердіемъ все превозмогающимъ.—Письмо Наполеона I.—Счастье Луи-Филиппа.—Дейцъ.—Придворные скандалы.—Записки Барраса.—Робеспьеръ въ могилѣ Людовика XVI.—Бракъ императора.—Маменька императрицы.—Наполеонъ I и Камбасересъ. — Самоубійство графа Камерата и его любовницы.—Дядюшка императора.—Рашель.—Столоверченіе.—Евгенія въ частной жизни.—Министръ Фульдъ и Россини.—Восточная война.—Принцесса Матильда.—Французскія женщины.

Мы ГОВОРИЛИ уже о любопытныхъ запискахъ графа Гораса де-Вьель Кастеля, на основаніи которыхъ попытались набросать картину послѣдняго года второй республики («Историческій Вѣстникъ», апрѣль, т. XII). Нынѣшнимъ лѣтомъ вышла вторая часть этихъ записокъ, возбудившая такое же неудовольствіе въ высшихъ административныхъ кружкахъ французскаго общества и такія же озлобленныя выходки партіи бонапартистовъ, какъ и первая часть. Не смотря на то, что третья республика существуетъ во Франціи уже тринадцать лѣтъ, въ ней, по сознанію всѣхъ безпристрастныхъ лицъ, еще очень мало республиканцевъ. За то въ ней все еще больше бонапартистовъ, чѣмъ этого можно было ожидать послѣ всѣхъ разоблаченій по-

зорнаго наполеоновскаго режима. Монархистовъ въ ней также не мало, и теперь съ исчезновеніемъ легитимизма, въ лицѣ его главы и представителя, графа Шамбора, они еще крѣпче сплотились между собою и могутъ производить сильное вліяніе на дѣла правленія, имѣя во всѣхъ отрасляхъ его своихъ единомышленниковъ. Почти всѣ административныя учрежденія наполнены ими, и имъ не менѣе бонапартистовъ непріятны обличенія Вьель-Кастеля, такъ какъ многіе изъ нихъ занимали разныя должности во время имперіи, а послѣ ея паденія, старались вернуть Францію къ монархическому образу правленія, служа въ то же время республикѣ. Понятно, что рѣзкія сужденія автора «Записокъ» о некрасивыхъ продѣлкахъ ихъ самихъ или близкихъ къ нимъ лицъ, не по-сердцу всѣмъ искателямъ теплыхъ мѣстъ и большихъ доходовъ. Правда Вьель-Кастеля колетъ имъ глаза, но тѣмъ дороже она для насъ, для всякаго мыслителя, который, въ сторонѣ отъ этой погони за богатствомъ, почестями, властью, роскошной жизнью, во всей этой правительственной комедіи видитъ только урокъ исторіи да законы вѣчной правды, рано или поздно берущей верхъ надъ людскою несправедливостью. Поэтому-то мы еще разъ возвращаемся къ запискамъ покойнаго графа и, на основаніи ихъ, представимъ картину первыхъ годовъ странной эпохи, такъ рельефно рисующей всѣ дурныя стороны нашего вѣка. Объ этой эпохѣ писано не мало, но Вьель-Кастель освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ многія подробности ея, всегда любопытныя и характеристичныя. Не смотря на свою близость ко двору и главнымъ дѣятелямъ имперіи, онъ еще не зналъ многаго, что обнаружилось только впослѣдствіи (записки его оканчиваются 1864-мъ годомъ) и продолжаетъ открываться въ появляющихся ежегодно новыхъ документахъ. Мы воспользуемся и этимъ матерьяломъ, чтобы не оставить въ тѣни ни одной стороны этой эпохи, поучительной не смотря на всю ея непривлекательность.

За декабрскими убійствами на парижскихъ бульварахъ, за разстрѣливаніемъ «бунтовщиковъ» и травлею защитниковъ конституціи во всей Франціи, новый 1852 годъ начался, конечно торжественнымъ благодарственнымъ молебномъ въ соборѣ парижской богородицы, наполненномъ министрами, чиновниками, офицерами. На маршалѣ Жеромѣ Бонапарте былъ такой расшитый золотомъ мундиръ, что подъ галунами и позументами нельзя было узнать, какого цвѣта сукно. Въ Луврѣ большой выходъ и пріемъ кончился только въ шестомъ часу вечера. Луи-Наполеонъ показался и народу, привѣтствовавшему его громкими криками. Это былъ все тотъ же «народъ», который толпился подъ балкономъ Людовика XVIII, крича: «да здравствуетъ король и Бурбоны!» который называлъ Карла X кололемъ-рыцаремъ, Луи-Филиппа королемъ-гражданиномъ, а въ 1848 году провозгласилъ республику. Новый режимъ начался безчисленными наградами, производствами въ чины, пожалованіемъ

орденовъ, раздачею мѣстъ и должностей. Фаворитизмъ проявился съ первыхъ же дней, и Вьель-Кастель въ особенности негодуетъ на то, что министръ внутреннихъ дѣлъ Морни вытащилъ за собою своего протеже Монгюйона, члена жокей-клуба, закулиснаго завсегдателя, прогорѣвшаго гуляку, которому государство поспѣшило назначить крупный окладъ и крестъ почетнаго легіона. Цензура была введена съ перваго же дня новаго режима и лучшая изъ газетъ того времени «Journal de Débats» протестовала тѣмъ, что стала выходить безъ передовыхъ политическихъ статей. Луи-Наполеонъ послалъ за Бертеномъ, собственникомъ газеты, и сказалъ ему:

— Очень жаль, что вашъ періодическій органъ, бывшій всегда другомъ порядка, молчитъ въ ту минуту, когда всѣ лица, желающія спасти отечество, соединяютъ для этого всѣ свои усилія. Возобновите помѣщеніе вашихъ передовыхъ статей, которыя могутъ принести большую пользу теперь, когда необходио очистить Францію отъ тайныхъ обществъ.

Бертенъ отвѣчалъ, что онъ считаетъ возможнымъ печатаніе политическихъ сужденій только подъ условіемъ свободы печати и уничтоженія предварительной цензуры.

— Пока я въ главѣ правленія, возразилъ Луи-Наполеонъ,—не разсчитывайте на свободу почати, обратившуюся въ необузданное своеволіе.

Этотъ отвѣтъ Вьель-Кастель находитъ совершенно логичнымъ на томъ основаніи, что «у насъ всего слабѣе власть и что ее необходимо укрѣпить, придавъ ей силу и уваженіе». Но развѣ уваженіе внушается подневольнымъ молчаніемъ? Жалуясь затѣмъ на упадокъ семейныхъ связей и хищеніе чиновниковъ, авторъ приводитъ случай, рисующій въ некрасивомъ свѣтѣ дѣятелей 1848 года. При осмотрѣ знаменъ французской арміи найдено было, что шитье, галуны и позументы на нихъ—мишурные, а не золотые, между тѣмъ національное собраніе назначило на этотъ предметъ и на шарфы меровъ пять милліоновъ франковъ... Кто же положилъ въ свой карманъ эту сумму? спрашиваетъ Вьель-Кастель—и предлагаетъ спросить объ этомъ Мараста, Флакона и «разныхъ Кремье». Къ сожалѣнію, всѣ они уже умерли, а современные правители не заботятся о томъ, чтобы очистить память своихъ предмѣстниковъ отъ недоказанныхъ обвиненій.

Въ развитіи соціализма авторъ обвиняетъ болѣе всего Англію, дающую у себя убѣжище всѣмъ бѣглецамъ и преступникамъ, пріютившую Ледрю-Роллена, Луи-Блана, открывшую подписку на Мадзиніевскій заемъ, въ которомъ приняло большое участіе шотландское духовенство, съ цѣлью истребленія папства, какъ оно открыто сознавалось въ этомъ. На самомъ же дѣлѣ заемъ этотъ шелъ большею частью на пропаганду соціализма; Америка дѣлала оваціи Кошуту; въ Европѣ инсургенты, гонимые въ своей странѣ, находятъ

въ сосѣдней пріютъ и почетъ, а между тѣмъ «политическія преступленія слѣдуетъ преслѣдовать безъ различія границъ и національностей. Инсурекція будь она венгерская, польская, итальянская или французская, должна одинаково затрогивать интересы всѣхъ странъ. Ложная филантропія сбила съ толку здравый смыслъ Европы». Изгнаніе изъ Франціи 84-хъ членовъ національнаго собранія и такихъ лицъ какъ Виктора Гюго, Эдгара Кине, Жирардена, полковника Шарраса, Лагранжа, генераловъ Шангарнье, База, Лефло, Бедо, Ремюза, Тьера, Паскаля, Дюпра, Ластери и др., вызвало у Вьель-Кастеля только слѣдующее разсужденіе: «укротивъ вредную печать, слѣдовало заставить молчать и вредныхъ говоруновъ. Мы—бѣдные больные, которымъ докторъ не можетъ разрѣшить пищи, полезной здоровымъ людямъ». И онъ радуется этому молчанію, этой тишинѣ и спокойствію, царившимъ во Франціи все время пока жилъ этотъ добродушный бонапартистъ, невидавшій погрома имперіи, въ которой дѣйствительно замолкли всѣ честные и правдивые голоса. Онъ приводитъ въ примѣръ издателя газеты «Le Corsaire» Ровиго, осыпавшаго бранью въ своемъ листкѣ Луи-Наполеона, а потомъ просившаго у него мѣста по министерству двора. Какъ контрастъ съ подобными ренегатами онъ рисуетъ портреты нѣкоторыхъ роялистовъ: г-жу Анжевильеръ, носившую моды 1780 года во время первой имперіи, маркиза Вальфона, выражавшаго свой протестъ противъ имперіи тѣмъ, что даже на пирогахъ, подаваемыхъ къ его обѣду, приказывалъ вытиснуть въ тѣстѣ три лиліи, гербъ бурбоновъ. Мимоходомъ онъ упоминаетъ, что отецъ его былъ камергеромъ и любовникомъ императрицы Жозефины до ея замужства съ Наполеономъ и послѣ ея развода. Но этотъ же добродушный авторъ выражается съ возмутительнымъ безсердечіемъ, когда дѣло коснется его политическихъ противниковъ. Дювержье де-Горанъ отправляемый въ изгнаніе, отвѣчалъ на выражаемое ему по этому случаю сожалѣніе: «во всей своей политической жизни я не сдѣлалъ ничего, за что̀ бы могъ упрекнуть себя, и если возвращусь во Францію буду поступать какъ и прежде». Это сознаніе истиннаго гражданскаго мужества Вьель-Кастель сопровождаетъ слѣдующею фразою: «такихъ людей надо задушить между двумя матрацами; мелкіе умы—они всегда бываютъ только въ оппозиціи». И между тѣмъ онъ очень мѣтко характеризируетъ другія, дѣйствительно зловредныя личности, какъ Персиньи, авторъ знаменитой системы «предостереженій», этотъ злой геній Луи-Наполеона, «съ миной ищейки, надутый выскочка, мстительный и хитрый проходимецъ, не краснѣющій отъ пощечины, но и не забывающій ее». Онъ заставилъ Луи-Наполеона издать декретъ о конфискаціи имущества орлеанскихъ принцевъ. На что̀ не рѣшалась республика, то сдѣлала имперія. Министръ внутреннихъ дѣлъ Морни и финансовъ—Фульдъ вышли въ отставку, не желая участвовать въ этомъ грабительствѣ. Пер-

синьи занялъ мѣсто Морни. Этотъ «сынъ любви» безвѣстнаго авантюриста съумѣлъ лишить власти брата Луи-Наполеона, сына Гортензіи и графа Флаго. «Мы вступили въ царствованіе награжденныхъ прелюбодѣяній», прибавляетъ Вьель-Кастель, перечисляя главныхъ наполеонидовъ: Валевскій, сынъ Наполеона I, назначенъ посланникомъ въ Лондонѣ, Легонъ, сынъ возлюбленной герцога Морни, получилъ орденъ и значительное мѣсто въ судѣ, Котро, бывшій возлюбленный Гортензіи, сдѣланъ главнымъ инспекторомъ изящныхъ искусствъ, Клавель, возлюбленный супруги Мюрата, получилъ 60.000 франковъ въ обмѣнъ на ея письма и пр. и пр. Все это было извѣстно изъ считавшихся памфлетами брошюръ о второй имперіи, но, подтвержденное такимъ честнымъ бонапартистомъ какъ Вьель-Кастель, дѣлается несомнѣннымъ историческимъ документомъ. Онъ не сожалѣетъ, впрочемъ, объ ограбленіи орлеанскихъ принцевъ и видитъ въ этомъ фактѣ Немезиду, покаравшую принцевъ, бѣжавшихъ во время революціи 1848 года. У нихъ осталось еще сто милліоновъ дохода послѣ конфискаціи.

Вотъ что говоритъ Вьель-Кастель о первомъ представленіи «Дамы съ камеліями»: «театры подчинены строгой цензурѣ учрежденной для того, чтобы уважали мораль, общественный стыдъ, приличіе. Драма Дюма-сына оскорбляетъ все, что̀ должна заставить уважать цензура. Эта пьеса—стыдъ для эпохи, которая выноситъ ее, для правительства, которое ее допускаетъ, для публики, которая ей апплодируетъ. Полиція, которая терпитъ подобный скандалъ, забываетъ, что такимъ образомъ деморализуютъ народъ». Мы не будемъ, конечно, опровергать подобной странной «критики» и утвержденія, что Александръ Дюма-сынъ—«негодяй безъ всякаго образованія», но замѣтимъ, что Вьель-Кастель возмущается болѣе всего тѣмъ, что въ пьесѣ выведено лицо, представляющее графа Жервилье, котораго раззорила Дошъ, играющая «Даму съ камеліями», и который всякій день приходилъ въ кресла смотрѣть эту пьесу, въ то время когда его разведенная жена слушала драму изъ ложи. Грязный анекдотъ, который авторъ приводитъ о Дюма, отцѣ и сынѣ, гораздо возмутительнѣе этого факта.

Съ какою нецеремонностью всѣ эти министры, захватившіе власть, относились къ прошедшему Франціи, доказываетъ разсказъ Вьель-Кастеля о Персиньи. Этотъ проходимецъ, сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, задумалъ уничтожить знаменитый луврскій музей и въ помѣщеніи его сосредоточить управленіе всѣми министерствами и тайную полицію, охранявшую Луи-Наполеона. Высокопросвѣщенный министръ сбирался продать картины и рѣдкости музея за двадцать мильоновъ франковъ и, въ присутствіи ученыхъ и художниковъ, развязно заявлялъ, что для него всякій сапожникъ, знающій свое дѣло—такой же артистъ, какъ и живописецъ, расписывающій картины, что хорошенькая живая жен-

щина предпочтительнѣе всякой нарисованной красавицы, хотя бы и Рафаэлемъ. Хорошо еще, что Луи-Наполеонъ положилъ конецъ выходкамъ такого министра.

Любопытна исторія съ предостереженіями газетѣ «Constitutionnel», доказывающая, что и офиціозныя изданія при этой системѣ дѣлаются опозиціонными. Веронъ помѣстилъ въ своей газетѣ статью Гранье Кассаньяка о Бельгіи, которую совѣтовали присоединить къ Франціи. Общественное мнѣніе и дипломатія взволновались тѣмъ болѣе, что въ статьѣ почти прямо говорилось, что она прислана изъ Елисейскаго дворца, то есть отъ Луи-Наполеона. Офиціальная газета должна была объявить, что статья эта—выраженіе частнаго, а не правительственнаго мнѣнія. Веронъ настаивалъ однако, что статья сообщена ему не отъ частнаго лица. За это газетѣ дано первое предостереженіе. Веронъ взбѣсился и напечаталъ, что въ Елисейскомъ дворцѣ было куплено пятьсотъ нумеровъ съ этой статьей и отправлено въ Бельгію. Это было совершенно справедливо, но за это дали все-таки второе предостереженіе. Веронъ подтвердилъ свое показаніе—и газета была пріостановлена на нѣсколько мѣсяцевъ. «Понятно, что Луи-Наполеонъ хочетъ убить прессу, прибавляетъ Вьель-Кастель, но все таки это надо дѣлать честнымъ образомъ». Тиснувъ неловкую статью о сосѣдней державѣ и видя, что статья произвела дурное впечатлѣніе, не слѣдовало взваливать на другого свою ошибку. Когда Шангарнье напечаталъ въ газетахъ свой отказъ отъ присяги Луи-Наполеону, многіе увидѣли въ этомъ твердость и благородство характера, но другія газеты сообщили, что доблестный генералъ самъ нѣсколько разъ предлагалъ президенту сдѣлаться императоромъ и когда тотъ отказался—Шангарнье, взбѣшенный, началъ составлять заговоръ, на которомъ рѣшено было запереть президента въ тюрьму, разогнать національное собраніе и сдѣлать Шангарнье диктаторомъ. Объ этомъ сообщилъ президенту Моле, не рѣшавшійся однако подтвердить въ печати этого сообщенія. Тогда Луи-Наполеонъ самъ подтвердилъ слова Моле и послалъ это сообщеніе въ Constitutionnel, а теперь наказывалъ газету за то только, что она и въ этомъ случаѣ, какъ и въ прежнемъ, говорила одну правду.

Анекдоты лучше всего рисуютъ эту странную эпоху. Незадолго до поѣздки Луи-Наполеона по департаментамъ южной Франціи, дядюшка его, принцъ Жеромъ, тоже объѣзжалъ для чего-то портовые города, гдѣ приказывалъ называть себя свѣтлостью. Вернувшись, онъ разсказалъ племяннику объ оваціяхъ, какими его встрѣчали и, кстати, подалъ ему счетъ издержекъ этой поѣздки, но Луи-Наполеонъ отказался отъ уплаты, говоря, что дядюшка получаетъ триста тысячъ франковъ содержанія, послѣ государственнаго переворота получилъ два мильона и требовать еще—невозможно. Жеромъ взбѣсился и сказалъ:

— У васъ нѣтъ ничего, что напоминало бы императора Наполеона!

— Вы ошибаетесь: у меня—его семейство! холодно отвѣчалъ принцъ.

Танцовщица Черито дала обѣщаніе, если получитъ ангажементъ на театрѣ Большой оперы—принести въ даръ церкви Лоретской Богородицы серебрянную чашу для причащенія. Веронъ и Ромье устроили дѣло такъ, что Черито ангажировали еще на два года, и она объявила, что желаетъ исполнить свое обѣщаніе. Тогда директоръ департамента изящныхъ искусствъ отправился посланникомъ танцорки къ священнику и убѣдилъ его принять даръ этой очень мало кающейся Магдалины. Въ переговорахъ ему помогалъ морской министръ Дюко, котораго уговорили жениться на своей содержанкѣ, когда сдѣлали министромъ.

Морни разсказывалъ Вьель-Кастелю, что Тьеръ и Шангарнье замышляли также сдѣлать государственный переворотъ—каждый изъ нихъ въ пользу своей партіи—орлеанистской и легитимистской. Но Тьеръ, находя необходимымъ арестовать членовъ учредительнаго собранія, не соглашался захватить Кавеньяка и Ламорисьера, опасаясь ихъ популярности, тогда какъ Шангарнье охотно принималъ на себя эту обязанность. За нѣсколько часовъ до государственнаго переворота Морни былъ въ театрѣ Комической оперы, вмѣстѣ съ Кавеньякомъ и, въ ложѣ хорошенькой орлеанистки Ліядьеръ, друзья ея предупреждали, что черезъ нѣсколько дней посадятъ его въ венсенскую крѣпость. Болѣе всѣхъ трусилъ во время захвата членовъ палаты—префектъ полиціи Мопа. Несмотря на то, что префектуру охранялъ отрядъ въ тысячу человѣкъ, онъ послалъ къ Морни просить подкрѣпленій и отправлялъ невозможныя депеши, въ родѣ того, что «графъ Шамборъ явился въ Парижъ съ 6-мъ драгунскимъ полкомъ».

Во время поѣздки Луи-Наполеона, всѣ южные города, неисключая Марсели и Тулона, встрѣчали его какъ императора. Въ Бордо онъ произнесъ свою знаменитую рѣчь, въ которой увѣрялъ, что «имперія — это миръ». Но мирно царствовать ему было нельзя; только внѣшними военными подвигами онъ могъ заставить французовъ забывать на время объ ихъ постыдномъ, унизительномъ внутреннемъ положеніи. И онъ затѣвалъ то крымскую войну, то итальянскую, то мексиканскую, пока война съ Германіей окончательно не уничтожила мира — а съ миромъ и позорную имперію. Вернувшись въ Парижъ, въ концѣ октября 1852 года, Луи-Наполеонъ явился передъ публикой въ парадномъ спектаклѣ «Французскаго театра», данномъ въ его честь. И по пути его въ улицу Ришелье и въ залѣ театра его встрѣтили криками: да здравствуетъ императоръ! Играли «Цинну», и Рашель, исполнивъ въ трагедіи стараго Корнеля роль Эмиліи, прочла въ концѣ спектакля стихо-

твореніе, прославлявшее Луи-Наполеона и написанное Арсеномъ Гуссе, тѣмъ самымъ поэтомъ, который въ 1848 году расклеивалъ на стѣнахъ Парижа воззваніе къ своимъ согражданамъ, въ которомъ утверждалъ, что онъ первый ворвался въ законодательное собраніе и провозгласилъ демократическую республику. Да и сама Рашель всего только три года тому назадъ, на этомъ самомъ театрѣ, читала «Марсельезу», подъ акомпаниментъ музыки и рева республиканцевъ. А въ ложахъ театра сидѣли: Абдель-Кадеръ, котораго не выпускали на свободу, несмотря на данное ему обѣщаніе — не держать его въ плѣну; англичанка Говардъ, любовница Луи-Наполеона, вся покрытая бриліантами; принцъ Жеромъ со своею любовницею, Эдгаръ Ней и другіе наполеониды все съ такими же дамами... Вьель-Кастель приходитъ въ отчаяніе отъ лицъ, окружавшихъ царственнаго авантюриста. А между тѣмъ, въ самый день его пріѣзда въ Парижъ, открытъ былъ заговоръ между унтеръ-офицерами и солдатами 43-го линейнаго полка, которые, встрѣчая принца, сбирались застрѣлить его. Заговорщиковъ тотчасъ же отправили въ Кайенну.

Государственный совѣтъ предложилъ сенату провозгласить имперію, какъ наслѣдственную форму правленія, но изъ десяти бюро сената девять не согласились признать Жерома и его потомства— возможными наслѣдниками Луи-Наполеона. Президенты сенатскихъ комиссій отправились въ Сен-Клу заявить свою преданность Луи-Наполеону и свое отвращеніе отъ Жерома и его сына. Кардиналъ Донне, приводя въ рѣчи своей причины этого отвращенія, остановился изъ опасенія оскорбить принца.

— Продолжайте, монсиньеръ, я люблю истину, сказалъ принцъ— и все-таки не отстранилъ отъ наслѣдства линіи своего дяди. Но Жеромъ подалъ самъ въ отставку отъ званія президента сената. За то началъ распространять подъ рукой слухъ, что у него есть документы, доказывающіе, что Гортензія не хотѣла признать своего второго сына, и вообще сталъ всячески поносить принца, войдя въ сношенія съ его противниками. Между ними особенною дѣятельностью отличалась герцогиня Орлеанская. Вьель-Кастель утверждаетъ, что въ февральскую революцію она задумывала дѣйствовать на свой счетъ и, явившись въ палату, слѣдовала плану, составленному, безъ вѣдома ея семейства, съ Тьеромъ и другими приверженцами регентства, которое каждый изъ нихъ сбирался эксплуатировать въ свою пользу. Луи-Филиппъ ждалъ въ то время герцогиню въ Сен-Клу, а герцогъ Немурскій ничего не зналъ о ея намѣреніи—остаться въ Парижѣ съ графомъ Парижскимъ и воскресить времена Анны австрійской и Екатерины Медичи. О Луи-Филиппѣ Вьель-Кастель разсказываетъ слѣдующій анекдотъ, относящійся къ первымъ днямъ его царствованія. Онъ получилъ письмо отъ Карла X, въ которомъ этотъ изгнанный монархъ просилъ

своего родственника принять намѣстничество въ королевствѣ и опекунство надъ герцогомъ Бордосскимъ. Въ это время въ кабинетѣ былъ Дюпенъ и Луи-Филиппъ показалъ ему письмо Карла, разсыпаясь въ сожалѣніи объ участи бѣжавшаго короля, въ благодарности къ нему и дѣлая видъ, что готовъ принять его предложеніе. Дюпенъ замѣтилъ, что теперь уже поздно принимать отреченіе короля въ пользу герцога Бордосскаго, что народъ не хочетъ слышать о старшей линіи Бурбоновъ. Луи-Филиппъ настаивалъ на томъ, что не можетъ идти противъ своего родственника, воспользоваться его наслѣдіемъ. Дюпенъ, какъ прокуроръ и представитель буржуазіи, эксплуатировавшей въ свою пользу побѣду народа, доказалъ ему по пунктамъ невозможность исполнить желаніе Карла. Луи-Филиппъ принужденъ былъ согласиться съ его доводами, но «съ растерзаннымъ сердцемъ» просилъ Дюпена написать въ этомъ смыслѣ письмо Карлу X. Тотъ принесъ письмо черезъ нѣсколько минутъ.

— Любезный Дюпенъ, сказалъ Луи-Филиппъ: я хорошій отецъ семейства и привыкъ не дѣлать ничего, не посовѣтовавшись съ своей женою. Я покажу ей ваше письмо.

Черезъ двадцать минутъ онъ вернулся съ письмомъ, самъ запечаталъ его и отдавая флигель-адъютанту для отправленія, прибавилъ:

— Жена моя долго не рѣшалась послать письмо, но доводы ваши такъ убѣдительны, что она, съ болью въ сердцѣ, приняла ихъ.

И на другой же день Карлъ X объявилъ всѣмъ, что герцогъ орлеанскій принимаетъ званіе намѣстника. Луи-Филиппъ отправилъ не письмо Дюпена, а почтительное согласіе на предложеніе его величества. Онъ началъ свое царствованіе съ того, что обманулъ всѣхъ—и испыталъ ту же участь, какъ и его родственникъ. Черезъ 18 лѣтъ безславнаго царствованія, герцогъ Монпансье съ герцогинею Орлеанскою принудили его, также безъ всякой пользы, подписать отреченіе отъ престола. Герцогъ Омальскій и принцъ Жуанвильскій тотчасъ признали республику, прогнавшую ихъ отца; герцогъ Немурскій бѣжалъ, оставивъ въ Тюльери свою жену.

Въ годовщину измѣны своей присягѣ и избіенія на парижскихъ бульварахъ защитниковъ конституціи, Луи-Наполеонъ былъ провозглашенъ императоромъ. 7.824.189 голосовъ высказались за это избраніе. Надобно удивляться не этой цифрѣ, а тому, что наряду съ нею, при существованіи военныхъ судовъ, приговаривавшихъ всякій день сотни республиканцевъ къ ссылкѣ и тюремному заключенію, нашлось 253.145 голосовъ отвѣчавшихъ: нѣтъ! на предложеніе выбрать Луи-Наполеона императоромъ. Двѣсти пятьдесятъ три тысячи человѣкъ рѣшились подписать свои имена подъ протестомъ, подвергаясь добровольно преслѣдованіямъ имперіалистовъ.

Вѣдь, зная заранѣе результатъ плебисцита, они могли спокойно вовсе не принимать въ немъ участія... Если, по преданію, когда-то города спасались отъ того, что въ нихъ былъ одинъ праведникъ, то можно ли было сомнѣваться въ спасеніи Франціи, гдѣ въ такую тяжелую эпоху нашлось еще столько мужественныхъ гражданъ.

Въ самый день плесбицита, въ палатѣ народныхъ представителей Мерсье просилъ слова, которое президентъ не торопился дать ему.

— Я вѣдь не принадлежу къ оппозиціи, вы должны меня выслушать! заявилъ неугомонный депутатъ и, получивъ наконецъ слово, провозгласилъ: я требую, чтобы право диктатуры было предоставлено императору, когда онъ найдетъ это нужнымъ.

Отвѣтомъ на это былъ смѣхъ палаты. Даже ей показалось комичнымъ, что, безъ предложенія господина Мерсье и безъ разрѣшенія палаты, Луи-Наполеонъ не захватитъ диктатуры.

Прежде всего онъ сдѣлалъ однако захватъ, весьма естественный въ его новомъ положеніи. У какого-то любителя рѣдкостей, на набережной Конти, вмѣстѣ съ древнимъ оружіемъ, хранилось письмо генерала Бонапарте къ Баррасу, изъ Италіи, которое предлагалось на продажу желающимъ. Въ письмѣ будущій императоръ жаловался на Жозефину, которая предпочла остаться въ Парижѣ въ кругу своихъ обожателей, вмѣсто того, чтобы исполнять свою обязанность и ѣхать въ армію къ мужу. Отзываясь вообще весьма нелестно обо всѣхъ женщинахъ, генералъ просилъ двухгодоваго отпуска, говоря, что ему необходимы отдыхъ и спокойствіе. Письмо это немедленно исчезло изъ лавки антикварія.

Въ это же время, на придворныхъ балахъ появилась молодая, бѣлокурая испанка Евгенія Монтихо, очень понравившаяся императору. Вьель-Кастель замѣчаетъ, что она остроумна и привлекательна, но никогда не увлечется ни сердцемъ, ни чувствомъ, такъ какъ въ ней преобладаетъ холодный разсчетъ и разсудительность. «Братъ мой, Луи, прибавляетъ авторъ «Записокъ», 25 лѣтъ тому назадъ былъ въ очень близкихъ сношеніяхъ съ ея матерью». Это подтверждаютъ и другіе современные писатели. Въ концѣ этого года Вьель-Кастель приводитъ еще два «воспоминанія» изъ царствованія Луи-Филиппа.

Разъ, въ концѣ іюля 1835 года, король сбираясь на прогулку, подошелъ къ окну дворца и обращаясь къ принцу Жуанвильскому, сказалъ:

— Жуанвиль, ты въ качествѣ моряка долженъ знать примѣты дурной и хорошей погоды. Каковъ будетъ этотъ день?

Придворные отвѣчали: погода будетъ такая, какая угодна его величеству.

— Правда, замѣтилъ король: все мнѣ удается, и я могу, какъ Мазаринъ, любившій только счастливыхъ людей, сказать, что мнѣ во всемъ особенное счастье.

И онъ отправился на прогулку. Но на пути его ждала адская машина Фіески. Взрывъ убилъ маршала Франціи, военнаго министра, генераловъ и нѣсколько гражданъ; одна пуля пробила шляпу короля. Дворецъ наполнился депутатами, перами, чиновниками, офицерами, явившимися засвидѣтельствовать искреннѣйшую преданность и глубочайшій ужасъ, внушенный неслыханнымъ преступленіемъ; королева плакала, принцы и принцессы были погружены въ мрачную тоску; Луи-Филиппъ былъ видимо разстроенъ, но, прощаясь съ посѣтителями, шепнулъ перу Франціи, Бессьеру, бывшему свидѣтелемъ его утренней бесѣды о счастіи:

— А все таки мнѣ и сегодня посчастливилось!

Счастіе благопріятствовало ему и при попыткѣ герцогини Беррійской поднять возстаніе во Франціи во имя Генриха V. Для уничтоженія волненій необходимо было захватить виновницу ихъ — но ее нигдѣ не находили. Тогда явился къ Монталиве извѣстный Дейтцъ и объявилъ.

— Господинъ министръ, вы ищете герцогиню Беррійскую, и я одинъ могу вамъ доставить ее. Я долженъ вамъ казаться низкимъ шпіономъ; вы смотрите на меня съ презрѣніемъ и, однако, я рѣшился на эту измѣну изъ любви къ моей странѣ, чтобы избавить ее отъ раздоровъ и междоусобной войны со всѣми ея ужасами. Имя мое, я знаю, будетъ опозорено, и я стану наряду съ позорными преступниками; даже послѣ моей смерти, могила моя будетъ заброшена грязью; съ этого дня я дѣлаюсь паріемъ, прокаженнымъ, котораго отовсюду изгоняютъ. Но я долженъ имѣть какіе нибудь средства къ существованію и прошу пятьсотъ тысячъ франковъ, не какъ плату за предательство, но какъ средство оставить страну, которую я спасаю.

Дейтцъ получилъ эту сумму, но маршалъ Бюжо, бывшій потомъ тюремщикомъ герцогини, увѣрялъ, что ее больше всего поразило то обстоятельство, что предалъ ее Дейтцъ. Бюжо былъ убѣжденъ, что Дейтцъ пользовался ея благосклонностью. О сынѣ ея, главѣ Бурбоновъ, королѣ in partibus, Вьель-Кастель не высокаго мнѣнія. Онъ писалъ, что герцогъ Бордосскій могъ бы, явившись въ Парижъ въ 1848 году, захватить власть, но онъ все дожидался, чтобы Франція прислала ему приглашеніе прибыть въ Тюльери и сѣсть на заранѣе приготовленный тронъ. Стюарты тоже все только дожидались—и между ними единственный энергичный принцъ—Эдуардъ, рѣшившись на отчаянную попытку, едва не достигъ цѣли. «Герцогъ Бордосскій честный человѣкъ, но онъ не монархъ. Есть выродившіяся династіи, въ которыхъ дѣти рождаются стариками».

При новомъ дворѣ скандалы слѣдовали за скандалами. Г-жа Шапоне требовала развода, потому что мужъ не оставляетъ ее въ покоѣ, а она очень слабаго сложенія; г-жа Монтескье была разведена съ мужемъ, отъявленнымъ гулякой, заболѣвъ до того, что при взглядѣ

на нее никто не могъ усомниться въ томъ, чѣмъ она больна. Но префектъ полиціи не допускалъ привести въ исполненіе рѣшеніе суда, потому что Монтескье былъ его пріятель. Герцогиня Валентинуа, убѣдившись, что ея обожатель неаполитанскій эмигрантъ—негодяй, послала къ префекту полиціи письмо, которымъ просила выслать изъ Парижа негодяя, но когда ея посланный вернулся отъ Мопа съ извѣщеніемъ, что ея желаніе будетъ исполнено, онъ нашелъ неаполитанца у герцогини. Они уже помирились и она отправила къ префекту, съ тѣмъ же лицомъ, другое письмо, въ которомъ просила считать первое недѣйствительнымъ...

Въ концѣ января 1853 года, Луи-Наполеонъ женился на дѣвицѣ Монтихо. Вьель-Кастель находитъ, что онъ поступилъ прекрасно, такъ какъ за него не хотѣли выдать ни одну принцессу царской крови. Дѣдушка ея былъ англійскій негоціантъ, бывшій въ Италіи консуломъ и кончившій свою карьеру банкротствомъ. Маменька не отличалась безукоризненнымъ образомъ жизни, но сама Евгенія — очень умная особа. Она повела дѣло такъ, что императоръ написалъ къ ея маменькѣ, прося согласія на бракъ съ ея дочерью, и долженъ былъ даже настаивать, чтобы побѣдить сопротивленіе маменьки, — все это засвидѣтельствовано его письмами. Но бракъ этотъ возбудилъ всеобщее неудовольствіе: подпольные пасквили забрасывали грязью чету молодыхъ, приверженцы всѣхъ партій кричали объ униженіи Франціи; министры попробовали представить возраженія императору, но онъ остановилъ ихъ словами: «всякія замѣчанія будутъ напрасны: я уже рѣшился окончательно». Вьель-Кастель недоволенъ, что въ своемъ манифестѣ онъ самъ назвалъ себя «выскочкою» (parvenu) и упоминалъ, что «новая императрица будетъ имѣть всѣ добродѣтели императрицы Жозефины». Послѣднее было дѣйствительно не совсѣмъ ловко, въ виду свидѣтельства исторіи. Авторъ «Записокъ» недоволенъ также, что братъ его, Луи, не принялъ предложенія императрицы и ея матери — взять мѣсто директора въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Легитимистъ служилъ, однако, въ царствованіе Луи-Филиппа, принялъ командорскій крестъ почетнаго легіона отъ президента республики и подалъ въ отставку только, когда президентъ совершилъ государственный переворотъ. Этотъ послѣдній поступокъ трудно согласить съ прежнею жизнью Луи Вьель-Кастеля. Императрица хотѣла также взять къ себѣ въ секретари другого «стараго друга» ея маменьки, Проспера Мериме, но императоръ отказалъ ей потому, что мать Мериме отвергала всякую религію и даже не крестила своего сына.

Одинъ изъ сообщниковъ Луи-Наполеона, Сентъ-Арно, сдѣланный министромъ за участіе въ заговорѣ 2-го декабря, игралъ на биржѣ и проигрывалъ большія суммы. Императоръ замѣтилъ ему, чтобы этого впередъ не было. Сентъ-Арно допытывался, кто могъ

сообщить императору объ этомъ. Луи-Наполеонъ назвалъ Фульда, министра двора.

— Но Фульдъ, который донесъ на меня, вскричалъ маршалъ, тоже игралъ на биржѣ, только на пониженіе, а я на повышеніе. Вся разница между нами въ томъ, что я вѣрилъ въ прочность вашего правленія — и проигралъ, а вашъ министръ двора разсчитывалъ на всеобщее недовольство и выигралъ! (Биржа, дѣйствительно, упала на два франка въ эпоху бракосочетанія).

«И императоръ окруженъ такими слугáми»! восклицаетъ Вьель-Кастель. А гдѣ же ему было взять другихъ? Самъ же авторъ разсказываетъ случай съ Наполеономъ I, принужденнымъ тоже довольствоваться тѣмъ, что пресмыкалось вокругъ него. Однажды графъ Сегюръ, какъ членъ академіи, говоря о Шенье, разразился въ публичномъ собраніи упреками противъ революціонеровъ. Императоръ замѣтилъ ему, что не слѣдовало возбуждать воспоминанія объ эпохѣ революціи. «Много и теперь весьма полезныхъ людей, замѣшанныхъ въ преступленія этой эпохи, прибавилъ онъ: вотъ хоть бы мой канцлеръ (при этомъ онъ обратился къ Камбасересу), онъ человѣкъ даровитый и мнѣ очень полезенъ и я вполнѣ убѣжденъ, что онъ всякій день сожалѣетъ о мерзостяхъ, въ которыхъ принималъ участіе и о своей низости въ процессѣ Людовика XVI.

Камбасересъ только поклонился при этихъ словахъ, съ видомъ глубокаго сокрушенія.

Застрѣлился графъ Камерата, сынъ принцессы Бачіоки. Газеты приписывали его смерть и любви и «меланхоліи», но правда въ томъ, что онъ проигралъ на биржѣ 200,000 франковъ. Онъ обратился къ своей матери и, получивъ отказъ, къ принцу Жерому. Тотъ тоже отказалъ, хотя былъ долженъ графу 400 тысячъ, получая въ послѣднее время милліонъ ежегоднаго содержанія, да еще для него омеблировали на казенный счетъ Палерояль. И бѣдный молодой человѣкъ, единственный «порядочный членъ семейства Бонапарта», который послѣ отца получилъ бы четыре милліона въ земляхъ и недвижимости—кончилъ жизнь самоубійцею. И родственники не могли помочь ему уплатить этотъ долгъ, а между тѣмъ переворотъ 2-го декабря былъ произведенъ неоплатными должниками: генералами Маньяномъ, Сентъ-Арно, полковникомъ Флери и пр. «Теперь Маньянъ, напримѣръ получаетъ какъ командующій парижскою арміей 80 тысячъ содержанія, какъ маршалъ 40, какъ оберъ-егермейстеръ 40, какъ сенаторъ 30, какъ офицеръ большого креста почетнаго легіона 6 тысячъ, итого 196 тысячъ». Узнавъ о смерти графа Камерата, любовница его, актриса Марта, закрывъ плотно всѣ окна и двери, зажгла у своей постели двѣ жаровни съ угольями и умерла отъ угара. Ей устроили великолѣпныя похороны; въ соборѣ исполнена была большая похоронная месса съ оркестромъ, всѣ актрисы шли за ея гробомъ на кладбище, газеты

оплакивали ея смерть. Все это доказываетъ, по словамъ Вьель-Кастеля «деморализацію современнаго общества», но еще болѣе скандализируетъ его то, что за гробомъ г-жи Распайль, жены извѣстнаго республиканца, сидѣвшаго въ это время въ тюрьмѣ, шло двадцать тысячъ такихъ же какъ онъ революціонеровъ.

Несмотря на то, что въ маѣ этого года разрывъ между Англіею, Франціей и Россіей былъ неизбѣженъ, Парижъ вовсе не занимался политикою. Въ «Монитерѣ» явилось извѣстіе, что императрица выкинула, хотя не было возвѣщено, что она была беременна. Тамъ же явился декретъ, по которому императорской ливреей могъ распоряжаться только оберъ-гофмаршалъ. Это распоряженіе послѣдовало вслѣдствіе того, что принцу Канино вздумалось послать карету четверней съ императорскими гербами—Рашели, для прогулки въ Лоншанъ, и народъ привѣтствовалъ ее криками: да здравствуетъ императрица! въ то время когда она проѣзжала подъ аркой Звѣзды. Общество, въ это время, сильно занималось новомодной забавой: верченіемъ столовъ, шляпъ, тарелокъ и пр. Маркиза Буасси, бывшая графиня Гвичіоли, любовница Байрона, приглашала къ себѣ на вечеръ «повертѣть столы». Они начинали также и говорить, и одинъ столъ у принцесы Матильды написалъ на вопросъ новаго префекта полиціи Пьетри, что въ эту ночь арестовано 18 заговорщиковъ, изъ которыхъ трое покушались на жизнь императора. Въ іюлѣ, при открытіи театра «Комической оперы», полиція захватила въ коридорахъ театра еще нѣсколько лицъ, вооруженныхъ пистолетами; они хотѣли напасть на императора въ то время, какъ онъ будетъ выходить изъ театра. Императрица была также на этомъ представленіи. Вьель-Кастель удивляется жизни, какую она ведетъ, не занимаясь никакими женскими работами, почти ничего не читая, рѣдко выѣзжаетъ и находитъ удовольствіе въ томъ, что ея первый камергеръ, графъ Таше-де-ла-Пажери, 47-ми-лѣтній толстякъ, престављялъ индюка, луну и солнце, подражалъ реву разныхъ животныхъ и т. п. Но за то она не тратила столько на наряды, какъ Жозефина, счеты которой выводили изъ себя Наполеона. Вьель-Кастель приводитъ одинъ изъ такихъ счетовъ за первые десять мѣсяцевъ 1806 года, когда, за уплатою 38 тысячъ, императрица осталась еще должна модисткѣ Леруа 175,837 франковъ 60 сантимовъ.

Толки о готовящейся войнѣ на Востокѣ, въ запискахъ Вьель-Кастеля, занимаютъ гораздо меньше мѣста, нежели его жалобы на министра двора Фульда и на то, что тотъ не далъ ему ордена почетнаго легіона, хотя сама императрица обѣщала это. Про наглость и фанфаронство министра разсказывается множество случаевъ. Мюратъ не хотѣлъ ему дать руки на выходѣ въ Тюльери и когда Луи-Наполеонъ замѣтилъ своему родственнику, что такъ нельзя поступать съ министрами, Мюратъ отвѣчалъ, что императоръ хо-

зяинъ у себя во дворцѣ, но, чтобы не подать руки человѣку, котораго всѣ презираютъ, Мюратъ объявилъ, что не будетъ являться въ Тюльери. При этомъ Вьель-Кастель отзывается о «жидѣ Фульдѣ» и обо всѣхъ его соотечественникахъ так, что этому порадовался бы любой современный антисемитъ. «Французы всегда ненавидѣли жидовъ, говоритъ онъ, за то, что они всегда были ростовщиками и ворами».

Вступивъ въ управленіе дворомъ Наполеона III, Фульдъ просилъ Россини написать оперу для императорскаго театра. Маэстро отвѣчалъ письмомъ, что онъ больше не пишетъ оперъ, и министръ очень развязно написалъ къ нему: ну, такъ сочините намъ какой-нибудь маршъ. Россини отвѣтилъ на это, что кромѣ марша «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ»—онъ не можетъ прислать ему другого. О войнѣ онъ говоритъ, что она возгорѣлась оттого, что Николая I увлекла старорусская партія, со временъ Петра I стремящаяся къ завоеванію Константинополя и что русскій императоръ заявилъ притязаніе, чтобы Европа не вмѣшивалась въ его счеты съ Турціей. Вообще политическіе взгляды Вьель-Кастеля весьма недальновидны, и даже издатель его «Записокъ» счелъ нужнымъ замѣтить въ примѣчаніи, что авторъ часто ошибался «слѣдуя выраженіямъ своей вдохновительницы». А эта вдохновительница была принцеса Матильда, кузина Луи-Наполеона, о которой Вьель-Кастель говоритъ чаще и охотнѣе всего, хотя и не скрываетъ ея интимныхъ отношеній къ начальнику его, директору музеевъ Ньеверкерке. Въ концѣ этой части своихъ записокъ, онъ высказываетъ опасенія, чтобы связь ихъ не имѣла печальнаго исхода для поклонника принцесы, такъ какъ она нисколько не старается маскировать ихъ сношеній, чѣмъ очень недоволенъ императоръ. Вьель-Кастель, не смотря на свои лѣта (ему въ это время былъ 51 годъ) повидимому неравнодушенъ къ принцессѣ, восторгается ея умомъ, сердцемъ, тактомъ, любезностью и горько жалуется на непостоянство Ньеверкерке, обманывающаго ее съ другими женщинами. Вообще прекрасный полъ является въ его «Запискахъ» въ весьма непривлекательномъ видѣ, и приводимыя имъ черты нравовъ тогдашняго общества до того циничны, что на русскомъ языкѣ нельзя упомянуть объ нихъ даже въ аллегорическихъ выраженіяхъ. Таковы приводимые имъ анекдоты о графинѣ Агу (Даніелѣ Стернъ), г-жѣ Сельвейра, Александрѣ Дюма и его женѣ и др. Мы извлекаемъ изъ обширныхъ «Записокъ» Вьель-Кастеля только то, что можетъ интересовать, а не шокировать русскихъ читателей.

Вл. Зотовъ.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

S. B. Boulton, the Russian Empire, its origin and development. С. Б. Бультонъ. Русское государство, его начало и развитіе; т. XV „Популярной библіотеки“, издаваемой лондонской фирмой Кассель.

ВЪ АНГЛІЙСКОЙ печати, равно какъ и въ печати французской и нѣмецкой, появилось за послѣднее время не мало обстоятельныхъ сочиненій, посвященныхъ Россіи, знакомящихъ иностранцевъ болѣе или менѣе полно съ судьбами нашего отечества—прошедшими, настоящими и даже будущими. Новая книжечка Бультона о Россіи, заглавіе которой приведено выше, конечно не имѣетъ въ виду соперничать съ такими крупными изслѣдованіями какъ труды Мекензи Уоллэса, Лероа-Болье, какъ сочиненія Гейворта, Диксона, Муррея нашей соотечественницы г-жи О. К., пишущей о Россіи на англійскомъ языкѣ. Но изящно напечатанный на веленевой бумагѣ томикъ Бультона всего въ 200 страницъ, стоющій всего одинъ шиллингъ (т. е. по самому вольному курсу нашихъ торговцевъ иностранными книгами менѣе одного рубля)—безъ сомнѣнія принесетъ англійскимъ читателямъ свою долю пользы. Вѣдь даже и въ Англіи, гдѣ такъ распространено и такъ облегчено чтеніе, гдѣ дешевыя библіотеки доставляютъ для чтенія многотомныя и дорогія изданія въ самые отдаленные уголки Соединеннаго Королевства—далеко не многіе читатели имѣютъ время одолѣть объемистый трудъ Уоллэса о Россіи; еще менѣе число такихъ лицъ, которыя могли бы пріобрѣсти этотъ трудъ, стоющій даже въ дешевомъ изданіи въ 10 разъ болѣе книжки Бультона (т. е. 10 шиллинговъ)—чтобы познакомиться съ ними на досугѣ, а не въ обязательный срокъ, даваемый библіотеками. Вотъ почему книжечка Бультона

во всѣхъ отношеніяхъ удачно пополняетъ пробѣлъ существовавшій въ англійской литературѣ. Издана она не только изящно, но и съ той опрятностью и внимательностью къ читателямъ, которыя составляютъ уже обычное явленіе въ иностранной литературѣ. Такъ, къ книжечкѣ въ 200 страницъ приложенъ алфавитный указатель именъ, названій географическихъ, событій, облегчающій значительно читателя; рядомъ съ этимъ приложенъ хронологическій списокъ событій русской исторіи—а для болѣе легкаго запоминанія годовъ событій этихъ приведены, параллельно, событія изъ западно-европейской исторіи. Наконецъ, приложена небольшая карта постепеннаго роста русскаго государства, гдѣ приращенія территоріи показаны по царствованіямъ наглядно, условными фигурами черточекъ. При всемъ своемъ маломъ объемѣ, книжечка Бультона сообщаетъ вполнѣ достаточныя свѣдѣнія для лицъ, желающихъ ознакомиться съ нашей исторіей, доведенной до самыхъ послѣднихъ дней. О сжатости изложенія Бультона можно судить по тому, что изъ 12 главъ своей книжечки онъ посвятилъ 4 описанію своихъ поѣздокъ въ Петербургъ, Москву, Нижній-Новгородъ и Варшаву, описанію пребыванія въ имѣніи одного дворянина, гдѣ Бультонъ наглядно познакомился съ свободнымъ крестьяниномъ, узналъ что такое «міръ», «община» и т. п., а заключительную 12-ю главу—очерку современнаго положенія государства и элементовъ его населенія. Такимъ образомъ собственно «Исторіи Россіи» авторъ удѣляетъ всего 7 главъ—и, тѣмъ не менѣе, на неполноту историческаго очерка жаловаться нельзя, впечатлѣніе, остающееся отъ него, вполнѣ цѣльное и ясное и вполнѣ достаточное для иностранцевъ; даже печальной памяти удѣльный періодъ изложенъ съ ясностью, оставляющей вполнѣ удовлетворительное пониніе о «the System of Appanages». При полномъ отсутствіи историческихъ анекдотовъ—многими писателями они до сихъ поръ считаются необходимой принадлежностью популярнаго изложенія—книжечка Бультона читается легко, съ интересомъ; прибавимъ, что тонъ и воззрѣнія автора проникнуты неподдѣльнымъ сочувствіемъ къ Россіи и ея будущимъ судьбамъ.

В. С. Р.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». М. И. Сухомлинова. Спб. 1883.

Сочиненіе М. И. Сухомлинова о Радищевѣ есть, безъ сомнѣнія самое лучшее изъ всего, что только было писано у насъ объ извѣстномъ авторѣ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву».— Въ сочиненіи этомъ три капитальныхъ достоинства: во-первыхъ, оно есть вполнѣ обстоятельное **изслѣдованіе** (въ настоящемъ смыслѣ этого слова) избраннаго предмета; во-вторыхъ, оно отличается и живымъ и въ то же время безпристрастнымъ отношеніемъ къ писателю, къ которому рѣдко кто у насъ относился безъ пристрастія въ ту или другую сторону; въ-третьихъ, въ немъ сообщаются читателямъ очень интересныя новыя сочиненія Радищева (повѣсть и двѣ записки, поданныя въ законодательную коммисію) и нѣкоторыя новыя данныя для его біографіи. Эти сочиненія и біографическіе матерьялы открыты М. И. Сухомлиновымъ въ архивахъ: государственномъ, сенатскомъ, бывшаго Втораго Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, министерства народнаго просвѣщенія и спб. духовной консисторіи. Кромѣ того, у автора были подъ руками различныя данныя, найденныя имъ въ Лейпцигѣ для другаго, ранѣе выпущеннаго въ свѣтъ сочиненія его—о Козодавлевѣ.—При такомъ обиліи рукописныхъ источниковъ, онъ воспользовался для своего труда и множествомъ источниковъ печатныхъ.

Все, что касается нѣкогда опальнаго «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», собрано и разъяснено М. И. Сухомлиновымъ весьма обстоятельно и подробно; причемъ весьма живо рисуется и судопроизводство екатерининскихъ временъ; литературный фактъ связанъ съ жизнью.

Но, къ сожалѣнію, авторъ ограничился разъясненіемъ личности Радищева именно только какъ сочинителя «Путешествія». На это можно возразить, что истолкователь свободенъ въ опредѣленіи границъ своей задачи.— Это, разумѣется, справедливо; но дѣло въ томъ, что намъ представляется здѣсь не просто желаніе писателя въ данную минуту ограничиться одной стороной вопроса, а ошибки уважаемаго автора: онъ руководился, повидимому, тѣмъ соображеніемъ, что только «Путешествіе» даетъ Радищеву право на мѣсто въ исторіи русской литературы. О такой мысли его можно заключить и по первой страницѣ его труда, и (главнымъ образомъ) по слѣдующимъ словамъ послѣдней страницы (особенно по выраженіямъ, подчеркнутымъ въ нихъ имъ самимъ): «Митрополитъ Евгеній внесъ имя Радищева въ словарь русскихъ писателей. Доводы, представленные А. Д. Галаховымъ, показываютъ, что Радищевъ, какъ авторъ «Путешествія», можетъ и долженъ сохранить свое значеніе въ ряду писателей, труды которыхъ составляютъ неотъемлемое достояніе исторіи русской литеретуры».— Эта мысль представляется намъ невѣрной; конечно, «Путешествіе» есть главное произведеніе Радищева; но для исторіи русской литературы важны и такія его сочиненія, какъ философскій трактатъ «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи», какъ сказка «Бова» и друг.; они несомнѣнно имѣютъ значеніе (не даромъ, какъ мимоходомъ говоритъ самъ М. И. Сухомлиновъ на стр. 113, Пушкинъ признавалъ достоинство и въ стихахъ Радищева, и въ его «изученіяхъ въ области русской литературы»).—Авторъ идетъ еще далѣе въ указанномъ направленіи: онъ и въ «Путешествіи» разсматриваетъ Радищева главнымъ образомъ какъ публициста, мало касаясь его литературныхъ, нравственныхъ и умственныхъ чертъ, или касаясь ихъ лишь настолько, насколько это необходимо для выясненія его публицистическихъ идей..

Но какъ-бы то ни было, по той или другой причинѣ съузилъ авторъ задачу своего труда,—то, что̀ сдѣлано имъ въ поставленныхъ себѣ рамкахъ— сдѣлано превосходно.

Въ изложеніи сочиненія принятъ, совершенно правильно, біографическій порядокъ.—Въ I главѣ рѣчь идетъ о воспитаніи Радищева и его юношескихъ годахъ въ Лейпцигѣ. Люди и книги, вліявшіе на него, подготовили въ немъ тѣ воззрѣнія, которыя онъ впослѣдствіи проводилъ въ своемъ «Путешествіи». Изъ лейпцигскихъ профессоровъ особенно вліяли на Радищева Геллертъ и Платнеръ. Геллертъ внушалъ своимъ слушателямъ, что писатель долженъ «перомъ своимъ служить истинѣ и добродѣтели». Платнеръ «настаивалъ на общеніи науки съ жизнію, съ ея насущными потребностями, и въ лекціяхъ своихъ затрогивалъ соціальные вопросы» (9). Изъ книгъ будущаго русскаго писателя сильно увлекали: «О разумѣ» Гельвеція, сочиненія Руссо и «Droit public de l'Europe fondé sur les traités» Мабли. Мабли училъ, что главнѣйшая обязанность гражданина заключается въ стремленіи къ свободѣ и равенству; для проведенія этой идеи онъ не стѣснялся извращеніями историческихъ фактовъ.

II глава заключаетъ въ себѣ «литературную исторію Путешествія». Здѣсь проводится та мысль, что «многое въ книгѣ Радищева заимствовано изъ иностранныхъ источниковъ; но главное и существенное, т. е. то̀, чему самъ авторъ придавалъ особенное значеніе, взято изъ русской жизни» (16).

Таковы страницы о крѣпостномъ правѣ и положеніи крестьянъ, о тем-

ныхъ сторонахъ нашихъ общественныхъ порядковъ и системы управленія. При этомъ у Радищева «между своимъ и чужимъ, какъ между Парижемъ и Едровымъ, нѣтъ внутренней, органической связи».

Главы III и IV разсматриваютъ вопросъ — чѣмъ объяснить рѣшимость Радищева напечатать свою книгу? Вопросъ этотъ, по словамъ автора, имѣетъ значеніе главнымъ образомъ «для выясненія общественныхъ и литературныхъ условій», при которыхъ появилось «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (22).—М. И. Сухомлиновъ полагаетъ, что «въ дѣйствительной жизни достаточныхъ поводовъ для того, чтобы книгу Радищева считать революціоннымъ набатомъ» не было, такъ какъ въ ея содержаніи и тонѣ было слишкомъ много общаго съ тогдашними произведеніями литературы и даже съ законодательными памятниками. Истинною причиною опалы на Радищева было то обстоятельство, что императрица Екатерина прочитала его сочиненіе не до французской революціи, а послѣ нея. Мысль весьма основательная и въ ней очень много вѣрнаго; но мы позволимъ себѣ, однако, усомниться, что въ ней все вѣрно, и замѣтимъ, что авторъ не обратилъ вниманія на одну сторону разбираемой имъ книги Радищева—на присутствіе въ ней такихъ странныхъ выраженій о царяхъ и царской власти, какихъ ни въ какомъ другомъ русскомъ сочиненіи не бывало. Эти «дерзновенныя выраженія и неприличной смѣлости» (какъ выразился самъ Радищевъ) совершенно даже не вяжутся съ содержаніемъ книги, съ убѣжденіями сочинителя (и это особенно интересно). Всѣ историческія объясненія М. И. Сухомлинова не могутъ объяснить присутствія ихъ въ книгѣ Радищева. Напечатаніе ихъ очень напоминаетъ, по справедливому замѣчанію Пушкина, поступокъ съумасшедшаго.

Глава V заключаетъ въ себѣ группировку данныхъ судебнаго слѣдствія надъ Радищевымъ. Въ ней проведена мысль, что «въ дѣлѣ Радищева весьма ярко обнаруживается одна изъ тѣхъ особенностей тогдашняго судопроизводства, противъ которой высказывались не только депутаты въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, но и сама Екатерина»; эта особенность состоитъ въ томъ, что «обвиняемый преданъ суду тою же самою властію, которая произнесла надъ нимъ и окончательный приговоръ» (60).

Въ главѣ VI говорится о литературныхъ занятіяхъ Радищева въ крѣпости, во время слѣдствія надъ нимъ. Онъ томился здѣсь «неизвѣстностью объ участи, ожидающей его семейство»; единственнымъ утѣшеніемъ его было разрѣшенное ему чтеніе духовныхъ книгъ. Одна изъ этихъ книгъ— «Жизнь Филарета милостиваго, представляющая трогательный образецъ самоотверженія и любви къ человѣчеству»—была передѣлана Радищевымъ въ повѣсть. Въ ней проведена мысль о милосердіи. Сочиненіе это (найденное въ государственномъ архивѣ) и напечатано цѣликомъ въ VI главѣ. Мы видимъ въ немъ обычныя воззрѣнія автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Такъ, чувству придаетъ онъ большое значеніе въ жизни человѣка; любовь, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, понимаетъ матерьялистически, согласно съ философіей XVIII вѣка. Какъ въ философскомъ сочиненіи «О человѣкѣ», написанномъ позже, такъ и въ этой повѣсти мы видимъ стремленіе Радищева доказывать безсмертіе души. Обратимъ еще вниманіе на сантиментальность повѣсти: слезы проливаютъ въ ней дѣйствующія лица, при всякомъ мало-мальски подходящемъ случаѣ, рѣками; постоянно встрѣчается преувеличеніе чувствованій.

Въ слѣдующей, VII главѣ напечатаны двѣ, чрезвычайно интересныя записки Радищева, найденныя М. И. Сухомлиновымъ одна—въ архивѣ сената въ Петербургѣ, другая—въ архивѣ Второго Отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Это—два мнѣнія, представленныя Радищевымъ (при Александрѣ I) въ законодательную коммисію, въ которой онъ былъ членомъ:—подобно вопросу о неумышленномъ убійствѣ (оно, должно быть, и подало поводъ къ извѣстнымъ слухамъ о какомъ-то проектѣ освобожденія крестьянъ, будто бы сочиненномъ Радищевымъ), другое—«по вопросу о правѣ подсудимыхъ отводить судей, подозрѣваемыхъ въ пристрастіи». Въ первомъ изъ этихъ мнѣній дѣло идетъ о крестьянахъ, и въ немъ Радищевъ «выступаетъ, передъ лицемъ закона, искреннимъ и просвѣщеннымъ защитникомъ человѣческихъ правъ» (90). Онъ говоритъ: «какую цѣну можно опредѣлить за довѣреннаго служителя, какой процентъ, если бы несчастіе постигло и былъ бы убитъ тотъ, который рачилъ о своемъ господинѣ въ его младенчествѣ, въ его отрочествѣ, въ его юности. Какая ему цѣна или той, которая воскормила господина своего своими сосцами и стала вторая его мати... ...цѣна крови человѣческой не можетъ опредѣлена быть деньгами». Эти слова напоминаютъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Оканчивается рассматриваемая глава изслѣдованіемъ о смерти Радищева. Есть извѣстіе (у Пушкина, въ статьѣ Павла Радищева, въ статьѣ Борна въ «Свиткѣ музъ»), что эта смерть была самоубійствомъ; есть и указанія противоположныя; такъ, въ метрической книгѣ (въ архивѣ спб. духовной консисторіи) авторъ нашелъ указаніе, что Радищевъ «умеръ чахоткою». Вопросъ остается неразрѣшеннымъ.

Наконецъ, въ VIII (послѣдней) главѣ своего труда М. И. Сухомлиновъ говоритъ о впечатлѣніи, какое произвела смерть Радищева «въ тогдашнемъ литературномъ кругу» и разбираетъ литературу о Радищевѣ до «Исторіи русской словесности» г. Галахова включительно. Оказывается, что сначала тепло относились къ автору «Путешествія», а потомъ его забыли. Но вотъ «среди всеобщаго равнодушія» одинъ голосъ напомнилъ о забытомъ писателѣ, это былъ голосъ Пушкина. Чрезвычайно интересенъ анализъ г. Сухомлиновымъ статей Пушкина о Радищевѣ; онъ подробнѣйшимъ образомъ указываетъ на все, что̀ есть въ этихъ статьяхъ сочувственнаго сочинителю «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», и весьма остроумно объясняетъ многое несочувственное обстоятельствами времени, когда статьи эти писаны, литературными отношеніями и тогдашними условіями печати. Но мы позволимъ себѣ высказать здѣсь замѣчаніе, что авторъ недостаточно разсмотрѣлъ, или какъ-то оставилъ въ тѣни то, что Пушкинъ говоритъ противъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Намъ кажется, что въ отношеніяхъ Пушкина къ Радищеву была двойственность, которую самъ поэтъ не могъ себѣ выяснить и распутать. Оканчивается статья обстоятельнымъ обзоромъ всѣхъ изданій «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» и главныхъ матерьяловъ для біографіи Радищева.

Заключимъ нашъ подробный обзоръ новаго сочиненія М. И. Сухомлинова повтореніемъ, что оно есть дѣйствительно прекрасное изслѣдованіе.

А. Незеленовъ.

Эдуарда Гиббона: Исторія упадка и разрушенія римской имперіи (съ портретомъ автора). Изд. Джоржа Белля 1877 года. Съ примѣчаніями Гизо, Венка, Шрейтера, Гуго и др. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Части I—II. Изд. Солдатенкова. Москва. 1883 г.

Странная повидимому, но въ сущности очень счастливая идея пришла г. Невѣдомскому, перевести чрезъ сто лѣтъ послѣ появленія на свѣтъ знаменитое произведеніе Гиббона. За эти сто лѣтъ ни одна наука (кромѣ естествознанія) не сдѣлала такихъ громадныхъ успѣховъ, какъ исторія, а изъ исторіи мы дальше всего ушли именно въ вопросахъ, касающихся развитія общественныхъ организмовъ; не говоря уже про цѣлые ряды фактическихъ открытій, про неизмѣримыя массы совершенно новаго матеріала, разъясняющаго намъ подобные вопросы въ исторіи древности и среднихъ вѣковъ, отъ 1783 года до 1883 человѣчество столько пережило, что еслибы оно и ничему не училось по книгамъ, оно выучилось бы многому изъ жизни. Домыслы хотя бы и замѣчательно ученаго англичанина, невидавшаго великой революціи, незнакомаго не только съ трудами Момсена, но и Нибура, не имѣющаго понятія о христіанской археологіи, незнакомаго съ азбукой эпиграфики, домыслы, касающіеся эпохи борьбы двухъ міровъ, повидимому, въ наше время должны представлять только интересъ для исторіографа, для записнаго ученаго, который не полѣнится прочесть книгу и въ оригиналѣ, а не для большинства публики. Но такъ стоитъ дѣло только повидимому. Успѣхи науки громадны; новые факты не исчислимы, но они еще не успѣли стать въ стройную систему, допускаютъ только слабыя, а если можно такъ выразиться, только частныя обобщенія; а между тѣмъ именно громадность успѣховъ усиливаетъ потребность въ историческомъ ученіи.

Книга талантливаго историка-мыслителя еще десятки лѣтъ не потеряетъ своего значенія, а новая манера издавать старыя хорошія книги съ подстрочными примѣчаніями, пополняющими недостатокъ фактовъ и исправляющими фактическія ошибки, сдѣлаетъ ее интересной и полезной именно для массы читателей еще на цѣлыя столѣтія.

Эдуардъ Гиббонъ родился 27-го апрѣля 1737 года въ Сорреѣ, учился въ Вестминстерской школѣ, а съ 1752 года—въ Оксфордскомъ университетѣ. 1753 года, 16 лѣтъ отъ роду, онъ перешелъ въ католичество; глубоко огорченный этимъ отецъ, богатый помѣщикъ, отослалъ его въ Лозанну, ввѣривъ его реформатскому пастору Бавильяру. Въ 1754 году, Гиббонъ снова вернулся въ лоно реформатской церкви. Онъ остался въ Лозаннѣ, занимаясь исторіей и языками и влюбился тамъ въ дочь пастора Куршо (Curchod). Отецъ отказалъ ему въ согласіи на бракъ, и сынъ пожертвовалъ своею любовью. Немного позднѣе его невѣста вышла замужъ за банкира, впослѣдствіи знаменитаго министра, Неккера и была матерью еще болѣе знаменитой M-me Сталь. Возвратившись въ Англію, Гиббонъ издалъ въ 1759 году: «Essai sur l'étude de la littérature». Вступивъ въ ополченіе во время приготовленія къ народной войнѣ съ Франціей, онъ сталъ заниматься военными науками. Въ 1763 году онъ отправился черезъ Парижъ въ Лозанну, а оттуда въ Италію. Во время пребыванія въ Римѣ въ 1764 году, онъ возъимѣлъ намѣреніе написать исторію паденія римской имперіи, но былъ отвлеченъ отъ этого другой работой; по возвращеніи въ отечество, онъ написалъ исторію

Швейцаріи, которую однако сжегъ, недовольный своей работой; только тогда принялся онъ за главный трудъ своей жизни. Послѣ смерти своего отца (1770 г.), онъ переселился въ Лондонъ и 8 лѣтъ, съ 1774 года по 1782, засѣдалъ въ парламентѣ, не принимая дѣятельнаго участія въ преніяхъ. Въ 1783 году онъ снова отправился въ Лозанну, гдѣ и окончилъ свою «History of the decline and fall of the Roman Empire» (вышла въ 6 томахъ, отъ 1776 г. до 1788). Изъ Лозанны его выгнала въ 1793 году революція; онъ вернулся въ отечество, гдѣ и умеръ отъ водяной въ 1794 году. Изъ его мелкихъ произведеній всего интереснѣе его автобіографія.

«Исторія упадка и разрушенія римской имперіи» несомнѣнно лучшая историческая книга XVIII вѣка. Для созданія ея авторъ какъ бы соединилъ въ себѣ гигантское трудолюбіе и глубину взгляда нѣмецкаго ученаго съ практичностью англійскаго государственнаго человѣка и съ блескомъ изложенія французскаго литератора лучшей школы. Внимательный читатель переходитъ отъ одного умственнаго наслажденія къ другому: то его вниманіе приковываетъ блестящая характеристика Августа, то чрезвычайно рельефно изображенныя событія царствованія Александра Севера, то поразительное (для писателя, жившаго до Нибура) пониманіе мелочности древне-римскихъ отношеній (русск. пер. I, 107), то здравый скептицизмъ, съ которымъ авторъ относится къ вымысламъ полуграмотныхъ лѣтописцевъ и легковѣрныхъ антикваріевъ, то изображеніе экономическаго положенія страны или провинціи, обусловившаго извѣстное политическое движеніе, то глубокомысленное и въ то же время остроумное обобщеніе, которое, такъ сказать, само напрашивается на примѣненіе его къ фактамъ, насъ окружающимъ... и все это изложено такъ сжато, сильно и красиво, что отдѣльныя фразы производятъ впечатлѣніе античныхъ барельефовъ на мраморѣ.

Книга Гиббона, само собою разумѣется, давно переведена на всѣ европейскіе языки. Русскаго перевода, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не было, въ каталогѣ Смирдина мы нашли только: «Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, соч. Гиббона, сокращенное Адамомъ, пер. съ французскаго П. Черевинъ. М. 1824 г.», но еслибы это и не было сокращеніе, переведенное съ французскаго, черезъ 60 лѣтъ появленіе новаго перевода было бы чрезвычайно желательно. Переводъ сдѣланъ г. Невѣдомскимъ прекрасно и обставленъ примѣчаніями Гизо и др. недурно. Единственно, за что мы можемъ упрекнуть переводчика,—недостатокъ пополняющихъ примѣчаній во 2-мъ томѣ, гдѣ, напримѣръ, такіе вопросы, какъ число христіанъ въ Римѣ, ихъ общественное положеніе, ихъ отношеніе къ пластическимъ искусствамъ, настоятельно требуютъ дополненій, которыя легко было добыть изъ любой азбуки христіанской археологіи. Но... и за то, что есть, спасибо: если понадобится 2-е изданіе, можетъ быть, г. Невѣдомскій не пренебрежетъ нашимъ совѣтомъ.

Издателя не можемъ не упрекнуть за слишкомъ дорогую цѣну: 8 руб. за 2 тома, одинъ въ 540, другой въ 580 страницъ обыкновеннаго октаво, это, что называется, немножко много, въ особенности если имѣть въ виду, что книга Гиббона—произведеніе классическое и должно быть не только во всякой гимназической библіотекѣ, но и у всякаго преподавателя исторіи.

А. К.

Грамоты XIV и XV вв. московскаго архива министерства юстиціи. Ихъ форма, содержаніе и значеніе въ исторіи русскаго права. Изслѣдованіе Д. М. Мейчика. Москва. 1883 г.

Изслѣдованіе г. Мейчика имѣетъ двоякое значеніе: историческое и юридическое, послѣднее, впрочемъ, ограничивается только научнымъ, но не практическимъ примѣненіемъ, такъ какъ упомянутое изслѣдованіе не имѣетъ никакой связи съ современнымъ нашимъ законодательствомъ и его основными началами и касается только юридическихъ актовъ XIV и XV столѣтій. О позднѣйшихъ грамотахъ, да и то не позднѣе половины XVI столѣтія—г. Мейчикъ упоминаетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда акты, заимствуемые имъ изъ этой поры, совершались подъ дѣйствіемъ обычаевъ и законовъ, установленныхъ въ прежнее время, или когда акты XV столѣтія выдвигали такіе вопросы, которые нельзя было рѣшать только съ помощію однихъ ихъ. Съ своей стороны г. Мейчикъ предполагаетъ, что подобныя изысканія особенно полезны въ наше время, когда предстоитъ преобразованіе всего гражданскаго нашего кодекса и, такимъ образомъ, г. Мейчикъ, вопреки высказанному нами мнѣнію, думаетъ, что его изслѣдованіе и въ настоящее время можетъ, между прочимъ, имѣть и практическое примѣненіе. Предоставивъ юристамъ подтвердить или отвергнуть такой взглядъ г. Мейчика на грамоты XIV, XV и даже XVI столѣтій, мы ограничимъ нашъ отзывъ объ его трудѣ исключительно только съ исторической точки зрѣнія.

Въ изслѣдованіи своемъ г. Мейчикъ прежде врего указываетъ на то, что съ появленіемъ въ печати изданій археологическихъ экспедиціи и коммисіи, а также многихъ частныхъ собраній актовъ, относящихся къ прежнему времени, устраненъ недостатокъ историко-юридическихъ матеріаловъ, но что тѣмъ не менѣе этотъ обильный запасъ матеріаловъ сталъ нынѣ истощаться и въ ученой литературѣ слышатся, время отъ времени, жалобы на неудовлетворительность существующихъ матеріаловъ. Съ своей стороны г. Мейчикъ признаетъ такія жалобы не безъосновательными и находитъ, что рядомъ съ чрезвычайнымъ накопленіемъ образцовъ одного рода, другой родъ актовъ представленъ въ крайне-скудномъ числѣ образцовъ. Такую неравномѣрность г. Мейчикъ объясняетъ тѣмъ, что на первыхъ порахъ дѣятельности издателей упомянутыхъ актовъ невозможно было предвидѣть всѣхъ потребностей и задачъ, какія выставитъ наука въ лицѣ будущихъ изслѣдованій. Въ настоящее же время, когда изданные доселѣ сборники подверглись уже большей или меньшей обработкѣ и когда выяснились ихъ пробѣлы—дальнѣйшее обнародованіе историко-юридическихъ матеріаловъ должно быть строго согласовано съ современными требованіями, и поэтому, онъ полагаетъ, что, быть можетъ, настанетъ пора, когда нынѣшніе сборники, съ преобладающимъ въ нихъ хронологическимъ порядкомъ, будутъ замѣнены систематическими, въ которыхъ каждый историческій періодъ будетъ представленъ съ надлежащею полнотою, т. е. безъ пропусковъ и излишества. Думается намъ, однако, что едвали можно принять такой порядокъ съ надлежащею строгостію уже потому, что при систематическомъ распредѣленіи старинныхъ актовъ ихъ трудно подвести съ точностію не только подъ какое-либо общее юридическое, но даже историческое или бытовое понятіе, тѣмъ болѣе,

что сами акты очень часто, по ихъ содержанію, представляютъ смѣшеніе и предметовъ, и понятій.

Въ ожиданіи предполагаемаго способа изданія старинныхъ актовъ, г. Мейчикъ полагаетъ, что пока можно довольствоваться частными исправленіями и дополненіями, разумѣя подъ этимъ какъ разъясненіе тѣхъ внѣшнихъ или внутреннихъ сторонъ актовъ, которыя остались въ тѣни у прежнихъ изслѣдователей, такъ и обнародованіе новыхъ, неизвѣстныхъ еще въ печати, или мало извѣстныхъ актовыхъ видовъ и разновидностей.

Такую точку отправленія—какъ сообщаетъ г. Мейчикъ—онъ принялъ въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи. По поводу этого изслѣдованія, онъ устанавливаетъ слѣдующій взглядъ на государственный бытъ Россіи въ ту пору, къ которой относятся разсматриваемые имъ акты:

«XV вѣкъ—говоритъ онъ—въ бо̀льшей своей части принадлежитъ къ удѣльному періоду и оставилъ намъ значительное количество слѣдовъ особеннаго существованія различныхъ областей, земель и княжествъ. Эта особенность не могла не отразиться и на порядкѣ совершенія различныхъ актовъ». Далѣе онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что вопросъ о мѣстныхъ различіяхъ въ данномъ отношеніи у насъ едва затронутъ, хотя онъ и заслуживаетъ полнаго вниманія. Самый богатый запасъ актовъ по этой части представляетъ московское великое княженіе съ примыкающими къ нему удѣльными княженіями, тогда какъ совершенную въ этомъ случаѣ противоположность представляетъ княжество рязанское, а также области новгородская и двинская.

Что касается порядка расположенія актовъ, то г. Мейчикъ старался привести ихъ въ нѣкоторую систему по относительной важности ихъ въ государственномъ и общественномъ быту, равно какъ по способу совершенія ихъ, публичному или частному, т. е. съ участіемъ или безъ участія правительственной власти въ лицѣ какъ высшихъ, такъ и низшихъ ея представителей.

Руководствуясь этимъ, г. Мейчикъ раздѣлилъ разсмотрѣнные имъ акты на слѣдующія разряды: 1) жалованныя грамоты, 2) судебные акты, 3) межевые акты, 4) мировыя и отступныя, 5) раздѣльныя, 6) мѣняльныя, 7) купчія, 8) данныя и 9) духовныя. Къ каждому изъ исчисляемыхъ разрядовъ приложены соотвѣтствующіе образцы.

Само собою разумѣется, что изъ такого разнообразнаго матеріала слишкомъ трудно и, пожалуй, едва ли даже возможно сдѣлать какіе-либо общіе положительные какъ историческіе, такъ и юридическіе выводы, и г. Мейчикъ не задался такою работою. Въ замѣнъ этого, онъ по каждому изъ указанныхъ выше разрядовъ актовъ представляетъ ихъ историческое и юридическое значеніе, говоритъ о способахъ ихъ совершенія и явки, о томъ, чѣмъ обусловливалось ихъ появленіе, и въ этой части его труда и историкъ, и юристъ найдутъ не мало фактовъ, указаній и соображеній, заслуживающихъ полнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что разсматриваемый нами трудъ г. Мейчика представляетъ едва ли не первый примѣръ такой научной обработки старинныхъ нашихъ актовъ.

К. Н. В.

Памятники русской старины Владимірской губерніи. Рисовалъ и издалъ И. Голышевъ. Голышевка, Вязниковскаго уѣзда. 1883.

И. А. Голышевъ, извѣстный крестьянинъ-самоучка, оказалъ нашей исторической наукѣ существенныя услуги изданіемъ разныхъ древностей и памятниковъ старины. На поприщѣ литературномъ онъ подвизается уже около 20-ти лѣтъ и въ теченіе этого времени собралъ и записалъ много цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи и археологіи Владимірско-Суздальскаго края. Прежде онъ помѣщалъ свои произведенія въ «Трудахъ» мѣстнаго статистическаго комитета и въ изданіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ, а теперь началъ печатать ихъ самъ, на свой счетъ, выпуская, время отъ времени, отдѣльные сборники («Альбомъ русскихъ древностей», 1881 г., «Древности Богоявленской слободы Мстеры» и т. под.). Каждый такой сборникъ г. Голышева снабженъ прекрасными рисунками, которые изготовляются въ собственной его сельской литографіи.

Настоящее изданіе г. Голышева посвящено исключительно старинной живописи. Книга издана in-folio; въ ней всего 23 большихъ листа, изъ которыхъ три посвящены тексту—описанію памятниковъ старины, а остальные 20 наполнены рисунками. На первомъ планѣ здѣсь памятники древней иконописи: икона 12 лихорадокъ, образъ св. Власія и Модеста, которые считаются въ нашемъ простонародьи покровителями скотоводства; затѣмъ идутъ любопытные образчики стариннаго русскаго орнамента: оклады и вѣнцы древнихъ образовъ и пряничные узоры; въ концѣ альбома помѣщены снимки съ трехъ лубочныхъ картинъ (не вошедшихъ въ извѣстное изданіе г. Ровинскаго).«Міробытіе», «Убіеніе антихриста» и «Образъ страшнаго суда».

Всего замѣчательнѣе въ книгѣ г. Голышева отдѣлъ о пряникахъ (33 рисунка). Авторъ останавливается на нихъ съ особеннымъ вниманіемъ, какъ на предметѣ новомъ и до сихъ поръ неизслѣдованномъ, и приводитъ множество разнообразныхъ фактовъ, доказывающихъ, что пряники у насъ «играли прежде важную религіозную и бытовую роль (стр. 4). Они не только служили лакомствомъ для дѣтей, но, кромѣ того, были предметотъ подаркомъ возлюбленнымъ»; пряниками украшалось русское «столованье — почестенъ пиръ»; ихъ предлагали старикамъ въ знакъ уваженія и въ день имянинъ, какъ почетную хлѣбъ-соль; съ пряниками также встрѣчали высшихъ начальниковъ и архіереевъ. Пряники съ извѣстными письменами считались цѣлебными отъ многихъ тяжкихъ болѣзней; пряники приносили другъ другу въ прощенное воскресенье. На свадьбахъ и похоронахъ пряникъ игралъ тоже очень важную роль (стр. 3 и 4). Узорчатые, росписные пряники были во всеобщемъ употребленіи во времена самой глубокой древности. О нихъ нерѣдко упоминается въ былинахъ цикла Владимірова и старинныхъ сказкахъ. Въ теченіи всей русской исторіи они являются необходимой принадлежностью княжескаго и царскаго стола, и даже въ концѣ XVII вѣка, по случаю рожденія царевича Петра Алексѣевича, въ числѣ 120 блюдъ и сластей разныхъ упоминается: «коврижка сахарная большая, гербъ государства Московскаго; вторая коврижка сахарная-жь коричная» [1]).

---

[1]) Оружейная Палата. М. 1860 г., стр. 103.

Форма и рисунки пряниковъ варьировались безконечно. Для дѣтей приготовлялись небольшіе пряники въ нѣсколько угольниковъ или «шашекъ»; дѣлалось это съ тою цѣлію, чтобы удобнѣе было дѣлить ихъ на маленькіе кусочки и лакомить дѣтей «понемножку». Для подарковъ отъ парней краснымъ дѣвицамъ приготовляли пряники съ изображеніемъ цвѣтовъ или сердечка въ срединѣ и съ приличной надписью: «знакъ любви», «знакъ дружбы», «знакъ памяти», «знакъ вѣрности», «кого люблю, того дарю» и проч. Вѣроятно о такихъ **печатныхъ** пряникахъ упоминается въ одной пѣснѣ прошлаго столѣтія:

«Пришелъ ко мнѣ миленькій,
Приносилъ подарочекъ—
Петербургскій пряничекъ...»

Величина пряниковъ была не одинакова. «Почетные» пряники, которые подносились, напримѣръ, при встрѣчахъ знатныхъ особъ, вмѣсто «хлѣба-соли» были обыкновенно въ 9—12 вершковъ, а иногда и въ цѣлый аршинъ длиною; вѣсилъ такой пряникъ не менѣе 30—40 фунтовъ. Пряники «дѣтскіе», «подарочные», «прощальные» и др. были не такъ страшны по своимъ размѣрамъ; вѣсъ ихъ не превосходилъ обыкновенно 2—3 фунтовъ. Въ настоящее время печатные пряники уже отжили свой вѣкъ и встрѣчаются очень рѣдко. Г. Голышевъ дѣлалъ свои снимки не съ самыхъ пряниковъ, а съ тѣхъ досокъ, при помощи которыхъ они «печатались».

Внѣшность книги, изданной всего въ количествѣ 200 экземпляровъ, очень изящна и она вообще заслуживаетъ вниманія во всѣхъ отношеніяхъ.

Н. Д—скій.

А. И. Маркевичъ. О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Выпускъ 1-й. Одесса, 1883 г.

Лѣтописи принадлежатъ безспорно къ числу важнѣйшихъ письменныхъ источниковъ русской исторіи, являясь хранилищемъ русскихъ историческихъ событій за восемь слишкомъ столѣтій: онѣ открываются историческимъ преданіемъ незапамятныхъ временъ и заканчиваются оффиціальными правительсвенными актами конца XVII вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, русскія лѣтописи составляютъ первыя попытки исторіографіи, зачатки историческаго прагматизма. Критическимъ анализомъ лѣтописей начинается наука русской исторіи. Съ Татищева, Миллера и Шлецера до Соловьева, Костомарова и Бестужева-Рюмина—всѣ ученые русскіе историки и историки русской литературы, въ теченіе полутораста лѣтъ, посвящали и посвящаютъ свои труды на изученіе русской лѣтописи. Шлецеръ связалъ неразрывно свое имя съ древнѣйшею нашею лѣтописью, представивъ въ своемъ «Несторѣ» тѣ начала исторической критики, которыя очень долго, почти до нашихъ дней, служили основаніемъ ученыхъ пріемовъ русскихъ историковъ. Исторія изученія русскихъ лѣтописей весьма любопытна и составляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ русской исторіографіи: она показываетъ какъ въ теченіе полутора вѣка росла и крѣпла русская критическая мысль въ изученіи нашей исторіи и все болѣе и болѣе расширялось наше историческое самопознаніе. Между тѣмъ, обширная литература этой исторіи разбросана по разнымъ періодическимъ изданіямъ и сборникамъ и до сихъ поръ не имѣла общаго

обзора. Труды Д. В. Полѣнова и А. Ѳ. Бычкова касаются изданія лѣтописей; лекціи о лѣтописяхъ Н. И. Костомарова даютъ характеристики разныхъ писателей, не входя въ обзоръ литературы предмета. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ представилъ въ своей «Русской исторіи» лишь перечень трудовъ по изученію лѣтописи, потому что подробный обзоръ этихъ трудовъ не входилъ въ планъ его «Исторіи» весьма сжато изложенной (его спеціальная монографія о составѣ русскихъ лѣтописей до XIV вѣка лишь мимоходомъ затрогиваетъ литературу лѣтописей). Попыткой общаго обзора ученой обработки русскихъ лѣтописей является книжка А. И. Маркевича, состоящая изъ лекцій, читанныхъ имъ въ новороссійскомъ университетѣ.

Первый выпускъ чтеній г. Маркевича заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о лѣтописяхъ вообще и о первоначальномъ русскомъ лѣтописномъ сводѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Повѣсти времянныхъ лѣтъ» или такъ называемой Несторовой лѣтописи. Въ общей части своего труда авторъ, прежде всего останавливается на вопросѣ о существованіи лѣтописи, какъ формы историческаго повѣствованія, у разныхъ народовъ древняго и новаго міра. Этотъ весьма важный вопросъ долженъ бы быть, по нашему мнѣнію, изложенъ, въ данномъ случаѣ, не столь подробно. Не относясь прямо къ исторіи русскихъ лѣтописей, онъ могъ бы занять страницы двѣ-три вмѣсто посвященныхъ ему двадцати одной. Что касается до слѣдующихъ отдѣловъ общей части, они въ большинствѣ случаевъ, наоборотъ, слишкомъ кратки, представляя скорѣе подробный конспектъ, чѣмъ систематическое изложеніе. Библіографія вопроса о русскихъ лѣтописяхъ съ внѣшней стороны изложена полно: въ ней указаны не только первостепенныя монографіи Шлецера, Погодина, Бѣляева, Сухомлинова, Костомарова, Срезневскаго, Бычкова, Бестужева-Рюмина и др., но и воззрѣнія на лѣтописи въ общихъ историческихъ сочиненіяхъ Соловьева, Иловайскаго, Забѣлина, Голубинскаго и др., а также и малоизвѣстные и полузабытые труды второстепенныхъ учоныхъ, какъ, напримѣръ, Кубарева, Лашнюкова, Разсудова. Съ внутренней, критической стороны обращено недостаточно вниманія на воззрѣнія названныхъ ученыхъ, когда какъ желательно было бы видѣть болѣе тщательный ихъ анализъ. Далѣе, г. Маркевичъ касается слѣдующихъ вопросовъ: происхожденія русскихъ лѣтописей и личности лѣтописцевъ, состава лѣтописей, формы ихъ изложенія, внѣшняго вида и списковъ. Въ этихъ отдѣлахъ весьма удачно сгруппированы воззрѣнія ученыхъ на указанные вопросы. Изъ такихъ воззрѣній особенно убѣдительно аргументированы два: 1) о роли пасхальныхъ таблицъ въ происхожденіи русскихъ лѣтописей (стр. 55); 2) объ оффиціальномъ характерѣ русскихъ лѣтописей (стр. 71—78). Взглядъ г. Маркевича на способъ изданія лѣтописей не можетъ быть признанъ правильнымъ. Г. Маркевичъ высказывается за изданіе своднаго текста лѣтописей, именно того способа, который практиковался при бывшемъ редакторѣ «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей», г. Бередниковѣ, и совершенно основательно оставленъ теперешнимъ редакторомъ этого собранія А. Ѳ. Бычковымъ.

Спеціальная часть 1-го выпуска чтеній г. Маркевича отличается полнотой и обстоятельностью изложенія; обзору «Повѣсти времянныхъ лѣтъ» посвящено 83 страницы, на которыхъ сгруппированы и разсмотрѣны критически всѣ главнѣйшія мнѣнія о ней.

Такимъ образомъ, трудъ г. Маркевича является весьма полезной справочной книгой по вопросу о рускихъ лѣтописяхъ.

Д. К—въ.

Отчетъ о занятіяхъ комиссіи для изысканія мѣръ и улучшенія преподаванія новыхъ языковъ въ среднихъ заведеніяхъ кавказскаго учебнаго округа. Тифлисъ. 1883.

Въ прошломъ году преподаватели кавказскаго округа издали первый томъ своихъ трудовъ, посвященный разсмотрѣнію вопросовъ, относящихся къ преподаванію древнихъ языковъ. Теперь появился второй томъ той же комиссіи, касающійся методики преподаванія новыхъ иностранныхъ языковъ. Комиссія сама заявляетъ, что она не имѣла ни времени, ни достаточныхъ силъ, для научной разработки вопросовъ, вызываемыхъ преподаваніемъ новыхъ языковъ, и почти вовсе не затронула нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ, какъ напр., орѳографію, а другіе, какъ отношеніе къ преподаванію русской словесности, изслѣдованы не съ тою полнотой, какой требуетъ важность предмета. Главная цѣль комиссіи состояла въ томъ, чтобы отыскать достаточно вѣрныя и надежныя основанія, по которымъ должны разрабатываться вопросы преподаванія. Цѣль эта, насколько возможно, достигается въ протоколахъ комиссіи и въ приложеніяхъ къ нимъ, принадлежащихъ различнымъ преподавателямъ съ различныхъ точекъ зрѣнія разсматривающихъ предметы, предложенные на ихъ обсужденіе. Такъ, въ протоколахъ обсуждались попытки преподаванія новыхъ языковъ въ Германіи по грамматическому и синтаксическому методу; мнѣніе о невозможности научить во время класснаго преподаванія умѣнью говорить; преимущество изученія иностранныхъ языковъ посредствомъ разговоровъ объ окружающихъ предметахъ передъ преподаваніемъ посредствомъ разучиванія басенъ или разсказовъ и пр. Въ приложеніи замѣчательны статьи: объ отношеніи русской литературы къ западно-европейскимъ литературамъ, о психологическомъ методѣ преподаванія, о словообразованіи французскаго языка, объ отношеніи этого языка къ латинскому въ школьномъ преподаваніи и пр. Вообще педагоги и преподаватели найдутъ много любопытныхъ и полезныхъ указаній по этимъ вопросамъ въ книгѣ, изданной на Кавказѣ, гдѣ изученіе новыхъ языковъ принесетъ несомнѣнно гораздо болѣе пользы, чѣмъ знакомство съ супинами и аористами, чуждыми кавказскому населенію.

В. З.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Обиліе новостей въ концѣ года. — 1683 годъ. — Исторія тридцатилѣтней войны.—Леруа-Болье въ нѣмецкомъ переводѣ.—Сочиненія о русской арміи.—Цыганы.—Австрія въ XIX вѣкѣ.—Австрійская политика съ эпохи Екатерины II.—Брошюры о Вагнерѣ.—Лука Кранахъ.—Біографія великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго.—Кореспонденція герцога Виртембергскаго.—Мольтке на службѣ у турецкаго султана.—«Нескромности» дипломатическаго авантюриста.—Путешествія по Парагваю и по Италіи.—Крахъ Бонту.—Исторія нидерландскихъ колоній.—Финансовый словарь.—Дипломатическій ежегодникъ.—Клубный альманахъ [1]).

КНИЖНАЯ дѣятельность за границей передъ каждымъ новымъ годомъ усиливается въ значительныхъ размѣрахъ. Издатели подгоняютъ къ этому времени выпускъ въ свѣтъ сочиненій, которыя должны произвести большое впечатлѣніе на публику. Количествомъ подобныхъ произведеній, являющихся въ концѣ года, болѣе другихъ странъ отличается Германія. Нельзя сказать однако же, чтобы въ нынѣшнемъ году качество новыхъ книгъ отвѣчало ихъ числу. Особенно замѣчательнаго и выдающагося между ними нѣтъ ничего. Мы перечислимъ только главнѣйшія сочиненія.

Двухсотлѣтняя годовщина освобожденія Вѣны послужила поводомъ къ появленію нѣсколькихъ сочиненій, относящихся къ этому предмету. Лучшее изъ нихъ принадлежитъ Онно Клоппу, автору замѣчательнаго труда, вышедшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Паденіе дома Стюартовъ и наслѣдіе ганноверскаго дома въ Англіи, въ общей связи съ европейскими событіями». Новое изслѣдованіе историка носитъ названіе «1683 годъ и слѣдующая за нимъ большая турецкая война до Карловицкаго мира 1699 г.» (Das Jahr 1683 und der folgende grosse Türkenkrieg bis zum Frieden von Carlovitz). Этотъ огромный томъ въ 600 страницъ grand octavo заключаетъ

[1]) Всѣ эти книги получены въ магазинѣ Шмитцдорфа, Невскій просп., 5.

въ себѣ полное и обстоятельное изложеніе историческихъ событій того времени. Первыя главы посвящены описанію отношеній христіанъ къ туркамъ въ XVII вѣкѣ, характеристикѣ римскаго императора Леопольда I и Людовика XIV, развитію могущества турокъ въ 1682 году, приготовленію императора къ борьбѣ съ ними. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе осады Вѣны, ея освобожденія и послѣдующихъ военныхъ дѣйствій, изложенное по годамъ, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Авторъ не сообщаетъ новыхъ фактовъ въ своемъ трудѣ, уступающемъ сочиненію Альберта Камезины въ томъ, что касается собственно до осады Вѣны; но у Клоппа факты хорошо сгруппированы, вѣрно освѣщены, изложены живо. Въ приложеніи помѣщено много любопытныхъ, подлинныхъ документовъ.

— Другое историческое сочиненіе, еще бóльшаго объема (990 стран.) составляетъ продолженіе обширнаго труда Феликса Штиве «Письма и акты изъ исторіи тридцатилѣтней войны во время преобладающаго вліянія Виттельсбаховъ» (Briefe und Acten zur Geschichte des dreissigjährigen Krieges in den Zeiten des Vorwalten den Einflusses der Wittelsbacher). Этого сочиненія, издаваемаго съ 1870 года, при пособіи баварскаго короля, исторической коммисіею при мюнхенской академіи наукъ, вышло уже пять томовъ. Первые три, обработанные М. Риттеромъ, заключаютъ въ себѣ: исторію основанія лиги 1598—1608 гг., лига и Генрихъ IV (1607—1609) и войну за юлихское наслѣдство. Четвертый и нынѣ вышедшій пятый томъ составлены извѣстнымъ Штиве, авторомъ многихъ сочиненій, относящихся къ эпохѣ тридцатилѣтней войны: «Der Ursprung des 30-jährigen Krieges», «Die Reichsstadt Kaufbeuren» и др. Оба тома содержатъ въ себѣ изложеніе политики Баваріи 1591—1607 г.: управленіе страною, реставраціонныя мѣры Максимиліана, исторію имперскихъ совѣтовъ 1598, 1603 и 1608 г. Множество любопытныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ государственныхъ архивовъ Баваріи и другихъ источниковъ и собранныхъ Штиве, освѣщаютъ новымъ свѣтомъ главнѣйшіе эпизоды этого времени и важную роль, какую играла въ нихъ династія Виттельсбаховъ.

— Извѣстное сочиненіе Леруа-Болье о Россіи появилось и на нѣмецкомъ языкѣ въ переводѣ Л. Пецольда, подъ названіемъ «Das Rech der Zaren und die Russen». Издатель отдаетъ въ предисловіи полную справедливость этому сочиненію и вѣрно излагаетъ его значеніе, въ особенности для иностранцевъ, мало знакомыхъ съ Россіею. Съ нашимъ отечествомъ въ военномъ отношеніи знакомитъ нѣмцевъ А. Дрыгальскій въ двухъ сочиненіяхъ: «Русская армія въ войнѣ и мирѣ» (Die Russische Armee in Krieg und Frieden) и «Стратегическія кавалерійскія маневры генерала Гурко въ Южной Россіи, весною 1882 года и стремленіе къ переформированію русской кавалеріи» (Das strategische Kavalleriemanöver unter General Gurko in Südlichen Russland Herbst 1882 und die Reformbestrebungen in der russischen Cavalerie). Оба сочиненія основаны на оффиціальныхъ документахъ и обличаютъ въ авторѣ глубокое знаніе своего предмета. О нашей военной системѣ и объ арміи онъ отзывается съ полнымъ уваженіемъ. Особенное вниманіе спеціалистовъ обратили на себя сужденія автора о значеніи нашей кавалеріи и роли, какая предназначена ей въ будущихъ столкновеніяхъ съ непріятелемъ.

— Мы говорили уже о замѣчательномъ сочиненіи въ этнографическомъ и культурно-историческомъ отношеніи «Народы Австро-Венгріи» (Die Völ-

ker Oesterreich-Ungarns). Теперь вышелъ 12-й и послѣдній томъ этой обширной монографіи, содержащій въ себѣ всестороннее изслѣдованіе цыганъ въ Венгріи и Семиградьи (Die Zigeuner in Ungarn und Siebenbürgen). Авторъ, д-ръ Швиккеръ, говоритъ объ имени и происхожденіи этого племени, его появленіи въ Европѣ и странствованіяхъ, судьбѣ его въ Австріи, объ языкѣ, качествахъ, бытѣ, умственной жизни, численности, пѣніи и музыкѣ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ сообщается много интересныхъ фактовъ, приводятся любопытные выводы, хотя всѣ главные вопросы, какъ напримѣръ о языкѣ и происхожденіи цыганъ, остаются нерѣшенными.

— О современной Австріи вышло иллюстрированное сочиненіе «Oesterreich-Ungarn in neunzehnten Jahrhundert»—«Австро-Венгрія въ девятнадцатомъ столѣтіи по отношенію къ главнѣйшимъ событіямъ въ исторіи, наукѣ, искусствѣ, промышленности и народной жизни». Въ этой широкой программѣ авторъ, Морицъ Берманъ, представляетъ не только политическую, но и культурно-бытовую исторію имперіи, близкое знакомство съ которой особенно интересно для насъ въ настоящее время. Описанію событій нашего вѣка предпосланъ краткій историческій очеркъ судебъ Австріи съ половины прошлаго столѣтія. Авторъ сочиненія увѣренъ въ «прекрасной будущности» имперіи, потому что она пережила столько катастрофъ и переворотовъ, не утративъ своего могущества и возродившись къ новой жизни со вступленіемъ въ конституціонный образъ правленія, къ которому должна была прибѣгнуть, какъ къ единственному якорю спасенія, послѣ того какъ военное могущество ея было уничтожено на поляхъ кровавыхъ сраженій. Къ сочиненію приложено много политипажей, между которыми встрѣчаются малоизвѣстныя и любопытныя изображенія народныхъ сценъ и политическихъ эпизодовъ, видовъ, нарядовъ и т. п.

— Восточной политикѣ Австріи посвящено обширное сочиненіе Адольфа Беера (болѣе 830 страницъ): «Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774». Въ этомъ замѣчательномъ трудѣ разсказана подробно исторія отношеній Австріи къ Турціи по восточному вопросу, съ эпохи освобожденія Венгріи изъ-подъ власти турокъ и до послѣдняго времени. Въ отдѣльныхъ главахъ авторъ излагаетъ эти отношенія до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, въ царствованіе Іосифа II, во время революціи, возстанія въ Сербіи, освобожденія Греціи и послѣ Адріанопольскаго мира. Двѣ послѣднія главы посвящены Крымской войнѣ и политическому положенію послѣ Парижскаго мира. Большая честь изслѣдованій автора основана на необнародованныхъ документахъ. Политика Іосифа II и положеніе Австріи во время сербскаго возстанія представлена въ новомъ свѣтѣ. Даже при изложеніи политики Меттерниха приводятся неизвѣстные документы. Хотя подлинные документы, относящіеся къ Крымской войнѣ, хранятся недоступными въ государственныхъ архивахъ, но и по этому вопросу автору удалось изслѣдовать отдѣльные фазисы австрійской политики и причины ея нерѣшительности и колебаній. Особенно рельефно оттѣнена политика Андраши. Политическимъ отношеніямъ Австріи къ Россіи послѣ войны 1877 года посвящено съ полсотни страницъ, но положеніе дѣлъ изложено въ нихъ вѣрно, хотя, конечно, съ австрійской точки зрѣнія. Величайшею заслугою графа Андраши признается укрѣпленіе имъ дружественныхъ сношеній Австріи съ Пруссіей. «Турція должна существовать до тѣхъ поръ, пока Австрія совершенно укрѣпится». Авторъ заканчиваетъ свой во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный трудъ со-

жалѣніемъ, что Берлинскій конгрессъ позволилъ Россіи снова утвердиться на нижнемъ Дунаѣ, тогда какъ рѣка эта должна принадлежать Австріи, какъ дунайской державѣ. Въ приложеніи помѣщены очень интересные документы: записка Кобенцеля, депеши Стадіона, письма эрцгерцога Карла 1808 года, доклады Меттерниха 1809—10 года, донесенія Николаю I генерала Красинскаго 1829 года и нѣкоторыя депеши къ графу Буолю 1854 года.

— Къ многочисленнымъ сочиненіямъ о Рихардѣ Вагнерѣ, о которыхъ мы говорили въ прошлой книжкѣ «Историческаго Вѣстника», слѣдуетъ присоединить еще любопытную брошюру Вильгельма Тапперта: «Richard Wagner, sein Leben und seine Werke» и въ особенности, «Wagner-Lexicon», собраніе главныхъ сужденій Вагнера объ искусствѣ и его міровоззрѣніе на различные предметы, почерпнутое изъ его сочиненій и цитированное его собственными словами. Сборники мнѣній выдающихся дѣятелей нерѣдко появляются въ иностранной литературѣ и представляютъ важное пособіе для изученія индивидуальныхъ особенностей дѣятеля. Только у насъ не являлось никогда ничего подобнаго.

— Въ области другаго искусства—живописи вышла интересная монографія Луки Кранаха: «Lucas Kranach, ein Lebensbild aus dem Zeitalter der Reformation». М. Ландау посвятилъ этому даровитому живописцу и рѣзчику на мѣди и на деревѣ обстоятельное изслѣдованіе (въ книгѣ болѣе 400 страницъ), въ которомъ весьма подробно разсказываетъ всю жизнь художника и представляетъ вѣрную оцѣнку его произведеній. Къ книгѣ приложенъ политипажъ XVI вѣка, снятый съ портрета, нарисованнаго самимъ Кранахомъ въ 1550 году, т. е. когда художнику было 78 лѣтъ.

— Біографія недавно умершаго великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго Фридриха Франца II вышла вторымъ изданіемъ (Friedrich-Franz II Grossherzog von Mecklenburg-Schwerin). Кромѣ изложенія жизни герцога, въ брошюрѣ помѣщено нѣсколько его писемъ, приказовъ по арміи и другихъ оффиціальныхъ документовъ.

— Издана также переписка другого военнаго дѣятеля, герцога Евгенія Виртембергскаго, съ начальникомъ его штаба во время войны 1813—1814 г., тогдашнимъ полковникомъ русской службы Гофманомъ, впослѣдствіи прусскимъ генераломъ (Die nachgelassene Correspondenz zwischen den Herzog Eugen von Würtemberg). Въ книгѣ много любопытныхъ подробностей, относящихся къ войнѣ, въ которой геній Наполеона выказался во всемъ блескѣ, не смотря на его военныя неудачи. Къ сочиненію приложена и біографія Гофмана, ничѣмъ, впрочемъ особеннымъ не замѣчательная.

— Истощивъ весь запасъ знаковъ удивленія передъ подвигами своего національнаго героя, генерала Мольтке, въ послѣднюю европейскую войну, нѣмцы стали откапывать его давно забытыя азіатскія похожденія и издали двѣ иллюстрированныя книги, относящіяся къ эпохѣ его странствованій по Азіи. Извѣстно, что этотъ офицеръ, датчанинъ по происхожденію, служившій сначала въ датской арміи, потомъ перешедшій въ прусскую и, въ 1864 году сражавшійся противъ Даніи, служилъ еще до этого времени лѣтъ десять султану Махмуду, организовалъ турецкую армію и участвовалъ съ нею въ сирійскомъ походѣ 1839 года. Новыя сочиненія о нѣмецкомъ фельдмаршалѣ относятся къ этой эпохѣ. Одно изъ нихъ подъ вычурнымъ названіемъ: «Подъ полумѣсяцемъ. Изъ жизни Мольтке» (Unterm Halbmonde. Aus Moltkes Leben) написано двумя лицами: Геккеромъ и

Отто; другое «Мольтке въ Малой Азіи» (Moltke in Kleinasien) принадлежитъ Федору Кеппену и начинается описаніемъ переѣзда черезъ Балканы капитана прусскаго генеральнаго штаба Гельмута фонъ-Мольтке, на пути въ Константинополь, осенью 1835 года. Оба сочиненія наполнены, конечно, восторженными похвалами офицеру, обладающему дѣйствительно замѣчательными стратегическими дарованіями. Но кромѣ панегирика, въ обоихъ сочиненіяхъ встрѣчаются любопытныя черты, характеризующія и самого Мольтке, и лицъ, съ которыми онъ входитъ въ сношенія, и событія, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе.

— Къ числу лицъ, вращающихся въ современномъ дипломатическомъ мірѣ, хотя и не занимающихъ въ немъ оффиціальнаго положенія, принадлежитъ Вольгеймъ да Фонсека, полу-испанецъ и полу-нѣмецъ, далеко не отличающійся катоновской строгостью—если только Катоны вообще возможны въ дипломатіи. Но она не разъ употребляла его для разнаго рода щекотливыхъ порученій, за которыя неохотно берутся патентованные дипломаты. Зная довольно хорошо европейскіе языки, Вольгеймъ, въ молодости состоялъ въ собственномъ кабинетѣ датскаго короля Фридриха VI, потомъ служилъ у Меттерниха, исполняя въ Гамбургѣ оффиціальную должность переводчика съ 11-ти языковъ. Въ Берлинѣ состоялъ при королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ IV и принцѣ Карлѣ. Съ 1852 по 1858 годъ австрійскій первый министръ Буоль-Шауенштейнъ давалъ ему не разъ деликатныя порученія во Францію и Италію. Въ 1856 году онъ принималъ участіе въ подготовительныхъ работахъ по парижскому трактату, въ 1863 году—по конгрессу во Франкфуртѣ. Онъ занималъ на первой парижской выставкѣ должность interpréte en chef, писалъ статьи въ «Mémorial diplomatique». Близкое знакомство его съ Франціей и долгое пребываніе въ ней доставило ему, въ войну 1870—71 года, выгодное мѣсто въ главной квартирѣ великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго. Во время пребыванія корпуса герцога въ Реймсѣ, Вольгеймъ издавалъ тамъ даже «Moniteur officiel du gouvernement général», за что̀ получилъ ордена Желѣзнаго-Креста и Вендской Короны; состоялъ онъ потомъ при имперскомъ посольствѣ въ Парижѣ, писалъ записки о выгодахъ политическаго соглашенія русской дипломатіи съ нѣмецкою. Все это, конечно, ставило его въ сношеніе со многими выдающимися лицами, давало возможность близко изслѣдовать причины историческихъ событій. Не мудрено, что ему пришла мысль описать эти событія, представить характеристику этихъ лицъ—и въ Берлинѣ появился первый выпускъ довольно любопытнаго сочиненія, подъ названіемъ: «Новыя нескромности. Сообщенія изъ тайной дипломатіи послѣднихъ тридцати лѣтъ (Neue Indiscretioned. Mittheilungen aus der geheimen Diplomatie der letzten dreiszig Iahre). Это, собственно, не записки о жизни автора, а извлеченіе изъ его воспоминаній о разныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ и порученіяхъ, начиная съ 1854 года. Нельзя сказать, однако, чтобы первыя четыре главы этихъ «нескромностей», вошедшія въ первый выпускъ, были очень занимательны: описаніе австрійскихъ бюро печати, политики Буоль-Шауенштейна, переговоры о дунайскихъ княжествахъ и плаваніи по Дунаю, положеніе Испаніи на парижскомъ конгрессѣ—все это, давно извѣстное, отошло уже въ область исторіи и въ разсказѣ объ этомъ очень мало новыхъ подробностей, да и то, что сообщаетъ Вольгеймъ—сильно нуждается въ подтвержденіи болѣе авторитетными лицами. Тутъ же помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ

автора хотѣли подкупить, но онъ съ негодованіемъ отвергъ соблазнителя. Вообще о самомъ Вольгеймѣ говорится гораздо больше, чѣмъ объ историческихъ личностяхъ. Судя по заголовкамъ отдѣловъ книги, послѣдующія главы обѣщаютъ быть гораздо болѣе интересными. Мы возвратимся къ нимъ, если онѣ сдержатъ обѣщаніе.

— Изъ отдѣла путешествій слѣдуетъ отмѣтить два сочиненія, читающіяся легко и съ удовольствіемъ. Одно изъ нихъ принадлежитъ Эрнесту Меверту, автору романовъ «Послѣдніе Меровинги» и «Новые Нибелунги», трагедіи «Мюнстерскій Король», и поэмъ «Черногорцы» и «Гельго и Сигрунъ». На этотъ разъ поэтъ описываетъ свои собственныя похожденія въ далекой и мало посѣщаемой странѣ. Книга его называется «Годъ верхомъ, странствованія по Парагваю» (Ein Jahr zu Pferde, Reisen in Paraguay) и заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей о положеніи страны подъ диктатурою Лопеса, о католическихъ колоніяхъ на Лаплатѣ и пр. Прекрасный литературный языкъ придаетъ ей еще болѣе значенія. Другое сочиненіе, заключающее въ себѣ описаніе Рима и Неаполя, подъ названіемъ «Italienische Skizzen. Wanderungen durch Rom und Neapel» замѣчательно потому, что авторъ этихъ итальянскихъ очерковъ—протестантскій пасторъ и проповѣдникъ въ Бременѣ, Шраммъ, изучаетъ на мѣстѣ католицизмъ и ультрамонтанство съ точки зрѣнія ревностнаго приверженца Лютера и реформаціи. Въ книгѣ немало, впрочемъ, и чисто археологическихъ замѣтокъ, и описаній народнаго быта, красотъ природы и искусства. Такъ очерки Помпеи выходятъ у него едва ли не интереснѣе картины свободной христіанской церкви въ Италіи.

— Интересныя подробности о финансовомъ положеніи Франціи заключаются въ брошюрѣ какого-то Германика «Второй парижскій крахъ» (Der zweite Pariser Krach). Авторъ ея, какъ настоящій германецъ, излагаетъ съ своей патріотической точки зрѣнія, исторію банка Бонту, отъ послѣдствій котораго до сихъ поръ еще не могутъ оправиться многія европейскія биржи. Всѣ операціи, производимыя съ точки зрѣнія высшихъ финансовыхъ соображеній (Haute finance) и такъ близко граничащія съ мошенничествомъ, подробно описаны въ брошюрѣ, представляющей финансы Франціи далеко не въ блестящемъ положеніи, а продѣлки биржевиковъ и финансистовъ—въ ихъ настоящемъ, далеко не безъукоризненномъ свѣтѣ.

— На французскомъ языкѣ вышло любопытное историческое сочиненіе, относящееся къ событіямъ мало извѣстнымъ въ Европѣ. Это «Исторія участія бельгійцевъ въ кампаніяхъ нидерландской восточной Индіи подъ властью Голландіи, въ 1815—1830 гг.» (Histoire de la participation des Belges aux campagnes des Indes orientales néerlandaises sous le gouvernement de Pays Bas). Голландіи не дешево обошлось пріобрѣтеніе колоній въ Малайскомъ архипелагѣ, на Явѣ, Целебесѣ, Суматрѣ и др. Къ изнурительному климату, убійственному для европейца, присоединились безпрерывныя войны, ежедневная борьба прогресса и цивилизаціи съ упорствомъ и ожесточеніемъ полудикихъ племенъ, отстаивавшихъ свою независимость. Кому извѣстны имена голландскихъ героевъ Кугорна, Мишельса, Раафа, Меркена, Рупса и др.? Подвиги ихъ увѣнчаны голландскими историками: Босша, Нагюйсомъ, Герлахомъ, Стюерсомъ, но о бельгійцахъ, служившихъ въ нидерландскихъ колоніяхъ Гоффине, Нотомбѣ, Соллевинѣ, Ванъ-Геенъ, Делатрѣ и др. писалъ только генералъ Лагюръ, самъ принадлежавшій къ числу

военныхъ дѣятелей въ колоніяхъ. Только къ открывшейся въ нынѣшнемъ году выставкѣ въ Амстердамѣ, Крюйплантсъ, авторъ «Исторіи бельгійской кавалеріи» составилъ книгу о подвигахъ своихъ соотчичей. Въ ней авторъ описываетъ сначала географическое положеніе Малайскаго архипелага, исторію открытія Зондскихъ островов, основаніе Батавіи и кампаніи восточной Индіи, захватъ голландскихъ колоній англичанами въ послѣдній годъ царствованія Людовика Бонапарте (1811), возвращеніе Голландіи колоній въ 1814 году. Изъ военныхъ экспедицій авторъ описываетъ палембангскую на островъ Целебесъ, пятилѣтнюю войну на Явѣ съ Дипо-Негаро (1825—30), наконецъ войну на Суматрѣ (1833—38). Сочиненіе оканчивается описаніемъ настоящаго положенія колоній.

— Вышли первые выпуски «Финансоваго Словаря» (Dictionnaire des finances), издаваемаго подъ редакціей Леона Сэ, бывшаго министра финансовъ французской республики, члена академіи. Отличіе этого словаря отъ множества ему подобныхъ заключается въ томъ, что кромѣ статей, непосредственно относящихся къ наукѣ финансовъ: налогамъ, таможнямъ, прямымъ и косвеннымъ податямъ, гербовымъ сборамъ, рентамъ, займамъ, государственному долгу и т. п.,—въ книгѣ излагаются финансовое законодательство и исторія учрежденія и свойства каждаго налога, вмѣстѣ съ его измѣненіями въ системѣ финансовъ. Въ словарѣ помѣщено также законодательство иностранныхъ земель, относительно налоговъ на разные предметы. Теорія и практика науки финансовъ изложены вполнѣ обстоятельно въ новомъ словарѣ, который выйдетъ въ объемѣ двухъ томовъ, каждый въ сто листовъ слишкомъ.

— Къ извѣстному цѣлому свѣту «Готскому альманаху» вышло въ нынѣшнемъ году весьма полезное дополненіе, достигшее уже второго изданія. Это «Дипломатическій и консульскій ежегодникъ государствъ обоихъ міровъ» (Annuaire diplomatique et consulaire des états des deux mondes). Въ этомъ небольшомъ томѣ помѣщенъ весь составъ посольствъ и консульскихъ учрежденій въ алфавитномъ порядкѣ странъ, при которыхъ они находятся. Сверхъ того, въ концѣ книги напечатанъ алфавитный же списокъ всѣхъ дипломатовъ и приложены четыре раскрашенныя таблицы съ изображеніемъ флаговъ всѣхъ странъ, національныхъ, военныхъ, коммерческихъ, династическихъ и пр.

— Вышелъ также въ первый разъ «Альманахъ клубовъ, ежегодныхъ собраній и спорта» (Club Almanach, annuaire des cercles et du sport). Въ этомъ огромномъ томѣ въ 1344 страницы помѣщено все, что можетъ интересовать придворнаго, клубиста, человѣка, слѣдящаго за модной и фешенебельной жизнью. Здѣсь помѣщенъ календарь съ замѣтками о скачкахъ, призовыхъ лошадяхъ и т. п., затѣмъ генеалогія царствующихъ домовъ, генеалогическія таблицы съ монографіями замѣчательныхъ фамилій, списокъ всѣхъ орденовъ, парламентскій ежегодникъ, кабинеты всѣхъ державъ, французская академія, испанскіе гранды, перы Великобританіи, перечень клубовъ и собраній во всѣхъ государствахъ, яхтъ-клубовъ съ ихъ флагами, скаковыхъ обществъ съ указаніемъ всѣхъ скачекъ 1882 и 1883 года, ихъ результатовъ. Къ книгѣ приложены фотографическія карточки принца Уэльскаго—пѣшкомъ, императрицы австрійской и герцога Омальскаго—верхомъ и трехъ лошадей, выигравшихъ первые призы.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Французскіе стихи въ честь Петра Великаго.

Парижская національная библіотека содержитъ богатѣйшую коллекцію историческихъ сочиненій, начиная отъ самыхъ древнихъ временъ, и постоянно пополняется вновь появляющимися изданіями.

Въ числѣ прочихъ изданій, относящихся до французской исторіи XVIII столѣтія, въ каталогахъ, противъ 1717 года стоитъ:

«Chanson composée au sujet de l'arriveé du Czar à Paris».

Это тоненькая книжка тогдашняго изданія съ награвированнымъ на первой страницѣ портретомъ Петра Великаго.

Вотъ подлинная копія съ пѣсни и подстрочный ея переводъ:

Le Czar ou Grand-duc de Moscovie Pierre Alexeiew fils d'Alexis et d'une maison qui regne en ce pays-la depuis l'an 1610 ère Chretienne-Grec.

La domination de ce prince s'etend lors des bornes de l'Europe assez avant dans l'Asie.

(Avec permission 1717).

Царь или Великій Князь Московскій Петръ Алексѣевъ сынъ Алексѣя, происходитъ изъ дома царствующаго въ той странѣ съ 1610 года эры греко-христіанской.

Владѣнія этого князя простираются отъ границъ Европы довольно далеко въ глубь Азіи.

(Съ разрѣшенія 1717).

Que de rejouissance à Paris
L'on a vu ces jours icy
De cet illustre Duc et Prince
Qui est venu voir le roi Louis
Ayant quitté la Province
Pour honorer les fleurs de lys,

Что за веселіе въ Парижѣ
Здѣсь было видно эти дни
Отъ князя знатнаго и принца
Хотѣвшаго узрѣть короля Луи.
Оставилъ онъ свои владѣнья
Чтобы честь лиліямъ воздать

Louis Quinzième assurement	Конечно Людовикъ пятнадцатый
Au devant a envoyé de ses gens.	На встрѣчу слугъ своихъ послалъ
Comme estant prince de mérite	Тому достойному владыкѣ
Gouverneur de la Moscovie	Правителю московскихъ странъ.
Avec grande joie chacun aspire	Всякъ съ радостью великой жаждетъ
Le voir promener dans Paris	Его въ Парижѣ повстрѣчать.
«Je vous salue trés noblement	«Поклонъ вамъ полный уваженья
«Roi que vous êtes charmant	«Король прекрасный мой
«Dieu maintienne vostre couronne	«Пусть Богъ хранитъ корону вашу
«Toujours en bonne prosperité	«Благополучной навсегда
«Et conserve vostre personne	«И да пошлетъ особѣ вашей
«Dans une parfaite santé.	«Здоровье полное на вѣкъ
«A vous Grand-Duc d'Orléans	«Вамъ герцогъ Орлеанскій
«De France éstant le Régent	«Регенту Франціи,
«A tous les Princes et Princesses	«И вамъ всѣмъ принцы и принцессы
«Je viens souhaiter le bonjour	«Желаю добраго я дня
«Me faisant l'honneur et gloire	«Я чту за честь себѣ и славу
«D'estre reçu dans vostre cour	«Пріемъ мнѣ сдѣланный дворомъ.
«Sortant du Louvre de Paris	«При выходѣ въ парижскомъ Луврѣ
«Sa Majesté m'a permis	«Его величество позволилъ мнѣ
«D'aller visiter Versailles	«Отправиться въ Версальскій замокъ.
«Tous les beaux corps de logis	«Его постройки осмотрѣть
«Et les jets d'eau admirables	«Великолѣпные фонтаны
«Et la Machine de Marly	«И водопроводъ въ Марли.
«Estant de retour au Pays	«Когда я возвращусь на родину
«A mon père ferai un grand récit	«Я разскажу о всемъ отцу
«Des grandes magnifiscences	«О всѣхъ подаркахъ великолѣпныхъ
«Que j'ai reçu du roi Louis	«Мной полученныхъ отъ короля Луи.
«D'y avoir vu la présence	«Все что я видѣлъ и замѣтилъ
«J'en ai le coeur trés rejoui.	«Мнѣ сердце привело въ восторгъ.

Сообщено **И. Я. Вутковскимъ.**

Письма графини М. А. Румянцевой къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ [1]).

I.

Всемилостивѣйшая государыня.

Вчерась по высочайшему вашего величества повелѣнію въ Раненбомъ пріѣхала; Иванъ Симоновичъ встрѣтилъ меня, я не хотѣла прежде къ ея высочеству итить, а доложить бы его высочеству, который изволитъ быть въ лагерѣ, но ея высочество изволила въ окошкѣ меня видѣть, изволила

---

[1]) Гофмейстерина, графиня Марья Андреевна Румянцева, мать фельдмаршала, пользовалась особеннымъ довѣріемъ императрицы Елисаветы Петровны. Несмотря на всѣ наши поиски, мы не могли отыскать ни въ «Запискахъ» императрицы Екатерины II, ни въ другихъ источникахъ, ключа къ настоящимъ письмамъ.

отчасъ по меня прислать; какъ я вошла, она изволила сказать: «конечно, ты не даромъ пріѣхала»; я хотѣла обождать его высочество, но какъ ея высочество зачала горько плакать и просить меня, чтобъ я ей сказала, то я объявила; на что съ горестію великою изволила сказать: «сердце мое провѣщало кой часъ я свѣдала, что Анна изволила туда ѣхать»; то я сказала, что оное къ погибели ее, а что не выѣзжать и о прочемъ въ двое печаль чувствительна, что такое мудреное опредѣленіе сдѣлано; ея высочество за милостивое вашего величества матернее попеченіе со слезами благодареніе приноситъ, а его высочество приказалъ мнѣ черезъ Ивана Симоновича сказать, что я-де хотѣлъ ей въ среду объявить, а когда она съ тѣмъ прислана, пущай объявляетъ; также благодаритъ великая княгиня за показанную милость вашего величества къ брату. «Мнѣ ничего не надобно по милости ея величества, изволила сказать, только жаль брата въ такихъ его горькихъ обстоятельствахъ». Ея высочество жалуется грудью и безмѣрно плачетъ, а его высочество еще не имѣла честь видѣть и не присылалъ, истинна такъ горько, что всю ночь не опочивала и головою жалуется. Ея высочество со слезами проситъ ваше величество материнскаго милосердія по природному великодушію и вручаетъ бѣднаго брата. Я такъ писала, какъ сама изволила на постелѣ лежа приказать.

Вашего императорскаго величества подданная раба

Г. М. Румянъцова.

(Безъ означенія года и числа.)

II.

Всемилостивѣйшая государыня

Дьяконъ Ростовскаго собора Николай, который сказывалъ сыну моему, что архіерея протодьяконъ еще по лучше, только въ ту пору его не было, а оной протодьяконъ не чернецъ; я хотѣла сама вашему величеству донесть, но вчера ѣдучи домой, двѣ лошади въ грязи пали, то принуждена сидѣть покудова лошадей пріищу и половину двора по грязи шла.

Вашего величества раба

Г. М. Румянъцова.

(Безъ означенія года и числа.)

Шуточное стихотвореніе.

Honny soit qui mal y pense.

Предлагаемая стихотворная шутка, написанная болѣе 20-ти лѣтъ назадъ, требуетъ нѣкотораго объясненія.

Во время процвѣтанія покойной «Искры», автору довелось услыхать, что въ одно изъ обычныхъ вечернихъ собраній у покойнаго редактора этого изданія, гдѣ были между прочимъ гг. Минаевъ и Гіероглифовъ, первый, подъ веселую руку, присѣлъ къ фортепіано и спѣлъ про второго какой-то смѣхотворный куплетъ-экспромптъ, чрезвычайно будто бы всѣхъ насмѣшившій. Соль куплета, конечно, вполнѣ безобиднаго, по словамъ разсказчика, состояла

въ томъ, что въ немъ слово «миѳовъ» рифмовало съ фамиліей Гіероглифовъ, и разказчикъ только одно это и могъ передать о содержаніи куплета. Автора предлагаемыхъ строфъ это очень заняло. Ему живо представилось, какъ это должно было выдти забавно, въ оживленной компаніи завзятыхъ смѣхотворцевъ, при талантливости г. Минаева—съ одной стороны, и при отличномъ умѣньи почтеннаго А. С. Гіероглифова принимать шутку—съ другой. Вотъ по этому поводу онъ тогда же и написалъ эти строфы и пустилъ ихъ въ ходъ, никогда никому не открывшись, въ томъ литературномъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ, гдѣ они и прожили назначенный имъ вѣкъ. Долѣе всѣхъ другихъ доставлялъ себѣ забаву декламировать ихъ покойный А. Ѳ. Писемскій, бывшій въ то время штатнымъ членомъ редакціи «Библіотеки для Чтенія», признавая за ними именно качество недурной шутки, потому что не только вообще былъ хорошо настроенъ къ г. Гіероглифову, но еще считалъ себя ему обязаннымъ за услугу, по устройству изданія его сочиненій Стелловскимъ.

Къ этому нужно добавить, что г. Гіероглифовъ въ то время былъ самъ редакторомъ—едва ли и теперь слишкомъ забытаго сатирическаго листка, выдававшагося своею смѣлостью, особенно въ каррикатурахъ, и что благодаря этой смѣлости листка, его редактору приходилось возиться до устали, настаивать до отчаянія и выдерживать ожесточенныя схватки съ цензурою. А что г. Гіероглифовъ упрямъ, это извѣстно всѣмъ, его знающимъ: ему указывали на какую нибудь невозможность, онъ ее смягчитъ и преподноситъ снова; ему снова указывали, по тогдашнему доброму обычаю, уже со ссылкою «на жену и дѣтей, на дрова и свѣчи», на какое нибудь новое неудобство, онъ опять смягчалъ и опять преподносилъ, и такъ до уложенія въ постель. «Преданья старины глубокой», а между тѣмъ подобная борьба, къ концу подцензурнаго времени, вызывалась почти каждой мало-мальски небезцвѣтной статьею; она доходила до свирѣпости; она поднималась и выдерживалась не только редакторами, но и сотрудниками—постоянными и случайными, и никто не можетъ отрицать, чтобы, между другими причинами, она не оказала серьезнаго вліянія на происхожденіе позднѣйшаго закона о печати. «Слава храбрымъ муравьямъ!»

Наконецъ, что касается самаго оглашенія предлагаемыхъ строфъ, то оно оправдывается отчасти желаніемъ сохранить—(все-таки)—литературное преданіе, а затѣмъ полною увѣренностью, что самъ почтенный Александръ Степановичъ, очень уважаемый авторомъ—столько же за его своеобразный умъ, сколько и за достойный характеръ, можетъ только посмѣяться шуткѣ, какъ посмѣялся ея первообразу изъ устъ г. Минаева, но не оскорбиться ею.

* * *

Я читаю задорный «Гудокъ»,
Я «Гудокъ»-ли задорный читаю,
Что за бойкій, отважный листокъ!
Съ нимъ я въ области миѳовъ витаю,
Я витаю съ нимъ въ области миѳовъ...
Гіероглифовъ!
Гіероглифовъ!

* * *

Кто вѣрнѣй свой корабль проведетъ,
Проведетъ ли корабль кто вѣрнѣе
Сквозь цензурныхъ угрюмыхъ воротъ,
Между рифовъ и скалъ, не робѣя,
Не робѣя межъ скалъ и межъ рифовъ...
Гіероглифовъ!
Гіероглифовъ!

* * *

Логариѳмы не риѳма ему,
Нѣтъ не риѳма ему логариѳмы...
Но кому же иному, кому
Псамметиховъ дадимъ мы для риѳмы,
Мы для риѳмы дадимъ Псамметиховъ...
Гіероглифовъ!
Гіероглифовъ!

* * *

То не бѣдная мать въ тростникѣ
Сбыть дитя фараонкѣ хлопочетъ;
Это онъ такъ и этакъ въ листкѣ,
Сплавить камень Сизифовъ все хочетъ,
Хочетъ сплавить все камень Сизифовъ...
Гіероглифовъ!
Гіероглифовъ!

* * *

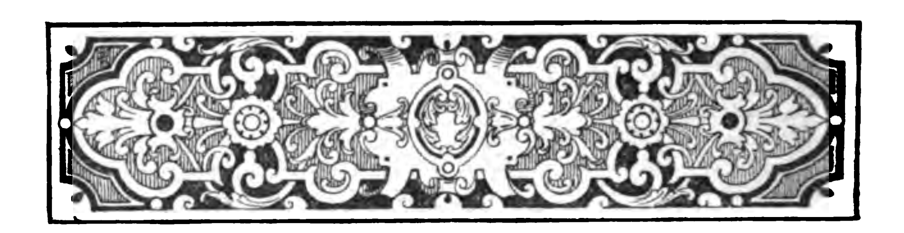
Пирамиды, папирусы, Нилъ,
Вы, папирусы, Нилъ, пирамиды,
Горе вамъ и тебѣ, крокодилъ!
Зрѣть Хедифовъ на тронѣ Изиды,
Зрѣть на тронѣ Изиды Хедифовъ!..
Гіероглифовъ!
Гіероглифовъ!

* * *

Тамъ со Фтою царилъ Озирисъ,
Озирисъ ли царилъ тамъ со Фтою,
Тамъ на свиткахъ священныхъ паслись
Стаи грифовъ съ безсмертной Ѳитою,
Съ той безсмертной Ѳитой стаи грифовъ—
Гіероглифовъ!
Гіероглифовъ!

Z.

СМѢСЬ.

Столѣтіе россійской академіи. 21-го октября, въ академіи наукъ «Отдѣленіе русскаго языка и словесности», преобразованное въ 1841 году изъ «Россійской академіи», праздновало столѣтнюю годовщину своего существованія. Торжество было очень скромное: изъ восьми университетовъ, только три—петербургскій московскій и варшавскій—привѣтствовали юбилей нѣсколькими общими фразами; изъ учебныхъ заведеній—только три: александровскій лицей, духовная академія и ярославскій лицей прислали коротенькіе адресы; два московскихъ общества—любителей словесности и юридическое—поздравительныя телеграммы, да министръ путей сообщенія изъявилъ телеграммою сожалѣніе, что не могъ присутствовать на юбилеѣ. Всѣ другія, даже ученыя учрежденія, сознавая отсутствіе между ними прочной связи съ академіей, не приняли участія въ торжествѣ; представители печати отнеслись къ нему равнодушно, даже писатели, носящіе званіе членовъ-корреспондентовъ академіи, блистали своимъ отсутствіемъ на праздникѣ. Причина такого безучастнаго отношенія общества, въ лицѣ его корпорацій и отдѣльныхъ представителей интеллигенціи—очевидна. Только въ первые 10—13 лѣтъ послѣ основанія академіи общество сочувствовало ей, хотя самый поводъ основанія выраженъ былъ въ гипперболическихъ формахъ, странныхъ даже для эпохи преобладанія неумѣренной лести. Директоръ академіи наукъ, княгиня Дашкова, представила Екатеринѣ II докладъ, въ которомъ говорилось, что русскимъ «нужны новыя слова, вразумительное и сильное оныхъ употребленіе для изображенія всѣхъ и каждому чувствованій благодарности за монаршее благодѣяніе» и что «для произведенія онаго въ дѣйствіе—необходимо основать россійскую академію». Уже сама императрица, хотя и выразила «особливое удовольствіе» на такое учрежденіе, но поставила для него болѣе серьезную цѣль: «вычищеніе и обогащеніе россійскаго языка, общее употребленіе словъ онаго, свойственное оному витійство и стихотвореніе». Для достиженія этой цѣли число членовъ академіи было положено 60, на двадцать человѣкъ болѣе, чѣмъ во французской академіи. Отличавшіеся русскіе акаде-

мики получали золотую медаль въ 250 рублей, а за еженедѣльное засѣданіе—серебряный жетонъ съ изображеніемъ въ сіяніи вензеля Екатерины на одной сторонѣ, а на другой аллегорическихъ изображеній: грамматики, витійства и стихотворства. Шесть лѣтъ (отъ 1789 по 1794) академія составляла свой словарь въ пяти томахъ, который былъ все-таки очень плохъ, хотя Карамзинъ утверждаетъ, что онъ «можетъ равняться съ знаменитыми твореніями академій флорентійской и французской». Но при Екатеринѣ членами академіи были все-таки представители интеллигенціи ея царствованія: Фонъ-Визинъ, Хемницеръ, Державинъ, Капнистъ, Богдановичъ, Княжнинъ, Херасковъ, Щербатовъ, Болтинъ, Румовскій и др. И г. Сухомлиновъ, въ оффиціальной рѣчи на юбилеѣ, имѣлъ полное основаніе сказать, что лучшею порою въ жизни академіи были безспорно первые ея годы. Павелъ I тотчасъ же перевернулъ все въ академіи, какъ и въ Россіи: Дашкова была отставлена отъ президентства и выслана изъ столицы, а на ея мѣсто назначено лицо совершенно неизвѣстное, П. Бакунинъ; выдача денегъ на содержаніе академіи прекращена, домъ, пріобрѣтенный ею (за Обуховымъ мостомъ, по Фонтанкѣ) взятъ въ казну, а ей отведено пустопорожнее мѣсто въ первой линіи Васильевскаго острова; съ жетоновъ исчезли сіяніе, аллегорія, вензель Екатерины—и на мѣстѣ ихъ явился вензель Павла. Александръ I возвратилъ академіи прежнее содержаніе, далъ 25 тысячъ на постройку дома, три тысячи на изданіе журнала, но въ его царствованіе академія въ теченіе семнадцати лѣтъ составляла словарь (отъ 1806 по 1822) и онъ вышелъ еще хуже екатерининскаго, а въ академическомъ журналѣ главными вкладчиками были исписавшійся уже Державинъ, врагъ Карамзина и молодого поколѣнія—Шишковъ, его бездарные наперсники Сергѣй Ширинскій-Шихматовъ, Павелъ Львовъ, Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ, подавшій доносъ на Карамзина, какъ на вольнодумца, и др. Понятно, что такіе академики поставили себя во враждебное отношеніе къ тогдашней литературѣ и остались въ сторонѣ отъ новаго движенія. Шишковъ, сдѣлавшись президентомъ академіи въ 1813 году, занялся «вычищеніемъ» языка въ томъ отношеніи, что сталъ передѣлывать всѣ иностранныя слова на славянскій ладъ и даже академическіе жетоны перекрестилъ въ «дáрики». На обязанность академіи возложено было уже не занятіе стихами и краснорѣчіемъ, даже не упражненіе въ языкѣ, а «вниканіе въ корни словъ его». Она должна была, по новому уставу 1818 года, «вооружаться противъ всего чуждаго, невразумительнаго и безнравственнаго въ языкѣ». Такая дѣятельность академіи еще въ двадцатыхъ годахъ возбудила о ней весьма неблагопріятные отзывы въ обществѣ, но академія объявила, что на «обвиненіе ея въ малости успѣховъ» она не должна смотрѣть. При Николаѣ I академія печатала переводныя статьи противъ романтизма и современной литературы, въ главѣ которой стоялъ Пушкинъ, избранный однако членомъ академіи въ 1833 году, вмѣстѣ съ Борисомъ Федоровымъ. Она жаловала извѣстныхъ ей дѣятелей и денежными наградами: такъ, нашъ первый филологъ Востоковъ получилъ 500 р., а П. Соколовъ, этотъ секретарь академіи, который, какъ говорилъ Воейковъ,

«Ничего не сочиняетъ,
Ничего не издаетъ—
Три оклада получаетъ
И столовыя беретъ»,

награжденъ единовременно 13,000, а М. Лобановъ—5,000 р., вѣроятно за свое сочиненіе «Мнѣніе о духѣ и исправленіи словесности», въ которомъ указывалъ на новый путь дѣятельности академіи въ такихъ выраженіяхъ: «По множеству сочиненныхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко раз-

рушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка... Кто-же долженъ содѣйствовать въ этомъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе академія, для сего учрежденная».

По прошествіи 58 лѣтъ, даже и эта небольшая польза, какую россійская академія приносила изданіемъ нѣсколькихъ хорошихъ сочиненій, была найдена излишнею и академія уничтожена, какъ отдѣльное учрежденіе: вся ея собственность—зданіе, денежныя суммы и другія принадлежности, обращены въ составъ имущества академіи наукъ; изъ членовъ упраздненной академіи оставлено только 20 человѣкъ, но и это число, уменьшаясь постепенно, дошло въ настоящее время только до шести человѣкъ. Странно сказать, что во все столѣтнее существованіе нашей академіи она почти всегда относилась или враждебно или равнодушно къ прогрессивному литературному движенію. Главную причину этого даже г. Сухомлиновъ видитъ въ преобладаніи канцеляризма въ духѣ и устройствѣ академіи. Въ прошлое царствованіе она даже поднимала вопросъ: «имѣетъ ли право частное лицо, будь это ученый или писатель, печатно выразить свое сужденіе о трудахъ академіи, которая, какъ учрежденіе правительственное, подлежитъ только суду правительственной власти, а не литературы и общественнаго мнѣнія». Понятно, что подобныя претензіи должны были еще болѣе оттолкнуть не только писателей, но и все общество отъ академіи, неимѣющей никакихъ корней въ русской жизни. Въ прошлое царствованіе она издала новый словарь русскаго языка, но онъ оказался гораздо слабѣе толковаго словаря, составленнаго Далемъ, частнымъ человѣкомъ, нерусскаго происхожденія. Лучшая русская грамматика написана нѣмцемъ Остеномъ, переименовавшимъ себя Востоковымъ и сдѣлавшимся членомъ академіи послѣ того уже, какъ его избрало въ свои члены московское общество любителей русской словесности. Правда, въ послѣднее время, академія проявила нѣкоторую дѣятельность изданіемъ почтенныхъ трудовъ гг. Грота и Сухомлинова, но все же она не является тѣмъ, чѣмъ должна быть, — однимъ изъ органовъ русской жизни, пользующимся условіемъ необходимымъ для благосостоянія всякаго учрежденія: свободнымъ развитіемъ и устраненіемъ на пути этого развитія всякихъ тормазовъ и препятствій.

Столѣтіе Большаго театра. Къ празднованію юбилея россійской академіи Большой театръ пріурочилъ свой столѣтній юбилей, но справилъ его почему-то мѣсяцемъ позже открытія новаго каменнаго театра при Екатеринѣ I. Да и что собственно праздновалось 20-го октября—это, кажется, не совсѣмъ ясно сознавала и сама дирекція. Въ день коронаціи Екатерины II, 21-го сентября 1783 года, былъ открытъ новый театръ, потому что придворныхъ эрмитажныхъ спектаклей, двухъ частныхъ театровъ для народа и нѣсколькихъ театровъ у временщиковъ этой эпохи, было мало для удовлетворенія страсти къ сценическимъ представленіямъ. Въ 1802 году, каменный театръ, извѣстный въ народѣ подъ этимъ названіемъ и до нашего времени, былъ перестроенъ архитекторомъ Тома, но въ 1811 году сгорѣлъ до основанія и возобновленъ только въ 1818 году; наконецъ, въ 1836 году, совершенно перестроенъ Кавосомъ. Но вѣдь не юбилей же стѣнъ праздновался дирекціею театровъ. Почему же она не придумала представить современной публикѣ образцы пьесъ, увеселявшихъ сто лѣтъ тому назадъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ? Большой театръ основанъ собственно для представленій итальянской оперы, хотя вскорѣ же на немъ стали давать балеты и русскіе спектакли. Первою оперою поставленною на немъ была: «Лунный міръ» Пазіелло. Если нельзя было, по неимѣнію партитуры, дать хоть отрывокъ этой оперы, то для чего же было ставить сцену изъ «Орфея» Глюка, оперъ котораго никогда не давали при Екатеринѣ? Комедія самой императрицы

«О, время!» была умѣстна, какъ дань уваженія къ памяти вѣнценосной писательницы, хотя никогда не исполнялась въ ея царствованіе для публики. Но всего неудачнѣе была постановка современнаго балета г. Петипа, тогда какъ эпоха Екатерины славилась балетами и не трудно было возобновить любой изъ нихъ въ наше время. И къ чему было, сверхъ того, читать со сцены плохія вирши невѣдомаго стихоплета? Все это доказываетъ, что юбилей былъ составленъ на-скоро, не обсуждая подробностей, хотя существующій при дирекціи театральный комитетъ изъ 12-ти лицъ могъ бы придумать составъ спектакля болѣе подходящій къ юбилейному торжеству. Когда, въ 1856 году, праздновалось столѣтіе поступленія театра въ вѣдомство императорскаго двора, назначался конкурсъ для составленія спектакля на этотъ случай и пьесы гр. Сологуба и В. Зотова, получившія премію, были даны въ блестящей обстановкѣ. Но, обходясь безъ конкурсовъ и премій, можно было бы и нынче составить болѣе интересный спектакль въ историческомъ и эстетическомъ отношеніи. Театръ нашъ еще молодъ, но онъ можетъ гордиться своими писателями и артистами, хотя только въ настоящее царствованіе дана свобода театрамъ и частной сценической дѣятельности, чѣмъ подтвержденъ цѣлое столѣтіе не приводившійся въ исполненіе завѣтъ Екатерины «не присвоивать казенной дирекціи исключительное право на зрѣлища, а дозволить всякому заводить благопристойныя для публики забавы». Дѣлая директоромъ новаго Каменнаго театра князя Юсупова, императрица поощряла въ то же время и частную театральную предпріимчивость, поручивъ статсъ-секретарю Олсуфьеву составить комитетъ «для образованія и изученія театральнаго вѣдомства», такъ какъ, по словамъ ея: «народъ, который поетъ и пляшетъ—зла не думаетъ».

Пятидесятилѣтній юбилей Почаевской лавры. Въ концѣ октября совершилось также празднованіе пятидесятилѣтія, со времени просвоенія одному изъ нашихъ старѣйшихъ монастырей, въ порядкѣ православныхъ обителей, четвертаго мѣста послѣ трехъ существующихъ лавръ. Эта лавра находится въ Волынской губерніи, въ 20-ти верстахъ отъ Кременца, и въ трехъ отъ австрійской границы, на скалѣ отрога Карпатовъ. По древности основанія, Почаевскій монастырь занимаетъ второе мѣсто послѣ Кіево-Печерской лавры. Первыми основателями этой обители были выходцы изъ Кіево-Печерской лавры, бѣжавшіе отъ татарскаго погрома. Въ архивѣ почаевскомъ сохранилась рукописная «Книга исковъ и документовъ», составленная въ 1661 году. Составитель этой книги свидѣтельствуетъ, что поселеніе иноковъ на горѣ Почаевской относится къ времени Батыева нашествія, а именно къ 1240 году. Во второй половинѣ XVI вѣка Почаевскій монастырь пріобрѣлъ особенное значеніе. Въ 1559 году проѣзжалъ по Волыни греческій митрополитъ Неофитъ. Въ 13 верстахъ отъ Почаева есть деревушка Урля. Въ XVI вѣкѣ это было обширное мѣстечко, бывшее резиденціею одной изъ богатѣйшихъ фамилій на Волыни. Владѣтельницею его была православная помѣщица Анна Тихоновна изъ Козинскихъ, вдова Гойская. Митрополитъ, проѣзжая по имѣніямъ Гойской, остановился «въ домѣ ея милости» и погостивъ нѣсколько дней у нея, благословилъ ее древнею иконою Богоматери съ Младенцемъ. Долгое время Гойская хранила икону въ своемъ домѣ. Но когда эта икона признана была чудотворною, Гойская, въ 1597 году, передала ее въ Почаевскую обитель. Вмѣстѣ съ этимъ, фундушевою записью Гойской положено быть на горѣ Почаевской новому общежительному монастырю, для жительства въ немъ восьми чернецовъ, вѣроисповѣданія греческаго. Первымъ игуменомъ новоустроенной общины былъ Іовъ Желѣзо, изъ галицкихъ дворянъ. Онъ игуменствовалъ во время водворенія уніи въ южно-русской церкви и много сдѣлалъ для огражденія православія отъ латино-уніатской пропаганды. Мощи его находятся въ лаврской пещерной церкви, въ серебряной

ракѣ, принесенной въ даръ Почаевской обители извѣстною графинею Орлово-Чесменскою. Кромѣ иконы и мощей, лавра славится еще третьею святынею, это—«Цѣльбоносная икона Божіей Матери», находящаяся на скалѣ, изъ которой просачивается вода. Надъ этимъ мѣстомъ теперь главный Почаевскій соборъ Успенія Божіей матери. Послѣ водворенія уніи въ западной Россіи, почаевскіе монахи, съ 1720 года, приняли унію и стали называться базиліанами. Въ 1831 году, во время польскаго мятежа, когда генералъ Дверницкій находился съ своими войсками въ окрестностяхъ Почаева, базиліанскіе монахи пригласили его къ себѣ, сдѣлали ему торжественный пріемъ, дали деньги и провіантъ, напечатали въ монастырской типографіи нѣсколько возмутительныхъ прокламацій Дверницкаго и даже сами возбуждали народъ къ возстанію. За это Почаевскіе базиліаны были удалены изъ монастыря и онъ возвращенъ православнымъ. Первымъ настоятелемъ Почаевскаго монастыря, по переходѣ его къ православнымъ, былъ епископъ волынскій Амвросій, а намѣстникомъ—кременецкій протоіерей Григорій Рафальскій, въ послѣдствіи Антоній, митрополитъ петербургскій и новгородскій. Въ 1833 году, вмѣстѣ съ присвоеніемъ Почаевской обители званія Почаевской успенской лавры, постановлено архимандритомъ ея быть волынскому епископу.

Столѣтняя годовщина смерти Эйлера. Скромно чествовали въ Петербургѣ память знаменитаго ученаго академика, похороненнаго на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ. Къ могилѣ великаго математика и астронома собрались не члены академіи, а профессоры здѣшняго университета и студенты-математики. Они принесли большой вѣнокъ, перевитый черной и бѣлой лентой; на черной была надпись серебромъ: «отъ физико-математическаго факультета». на бѣлой—черными буквами: «Леонарду Эйлеру». Послѣ панихиды не было никакихъ рѣчей; всѣ безмолвно поклонились могилѣ человѣка, такъ много сдѣлавшаго для науки, такъ долго трудившагося въ Россіи. Ученикъ знаменитаго математика Бернулли, Эйлеръ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1728 году двадцатилѣтнимъ юношей. Затѣмъ, работая неутомимо, какъ членъ академіи, онъ потерялъ одинъ глазъ на 28 году, но, не переставалъ трудиться въ области математическихъ наукъ. При воцареніи Елизаветы онъ принужденъ былъ оставить Россію и уѣхалъ въ Берлинъ. Екатерина II снова пригласила его въ Петербургъ, въ 1766 году, но въ концѣ этого же года ученаго постигло страшное несчастіе: онъ совершенно потерялъ зрѣніе и до конца жизни, въ продолженіи семнадцати лѣтъ, оставался слѣпымъ. Но и это несчастіе не уменьшило его дѣятельности. Число всѣхъ написанныхъ имъ сочиненій простирается до 756, въ томъ числѣ болѣе 200 изданы уже послѣ его смерти. Своими работами онъ далеко подвинулъ впередъ въ особенности теоретическую астрономію. Самый важный и обширный трудъ его «Теорія движенія планетъ и кометъ» напечатанъ въ Берлинѣ. Еще въ 1754 году онъ указалъ на возможность устройства ахроматическаго телескопа, исполненнаго, спустя четыре года, англійскимъ оптикомъ Долондомъ. Его работы и въ другихъ отрасляхъ знанія: физикѣ, химіи, анатоміи, ботаникѣ. не менѣе замѣчательны. Онъ писалъ о звукѣ, о механическомъ движеніи, составлялъ ариѳметику, алгебру, геометрію, трактатъ о строеніи и управленіи кораблей, новую теорію музыки (эти сочиненія изданы въ Петербургѣ), новыя начала въ артиллеріи, законы измѣренія кривыхъ линій, дифференціальнаго счисленія, астрономическія таблицы солнца и луны и др. Особенно замѣчательно сочиненіе его на французскомъ языкѣ: «Письма къ нѣмецкой принцессѣ о нѣкоторыхъ предметахъ физики и философіи». Онъ умеръ внезапно, въ полной силѣ умственныхъ способностей, переставъ, какъ говоритъ Кондорсе, въ одно время жить и производить вычисленія.

Четырехсотлѣтній юбилей рожденія Лютера. Германія съ особеннымъ торжествомъ отпраздновала, 29-го октября, день рожденія великаго реформатора

И у насъ, въ балтійскихъ провинціяхъ, въ Ригѣ, въ Ревелѣ, вездѣ, гдѣ нѣмцы живутъ въ значительномъ числѣ, или гдѣ преобладаетъ протестантство, какъ въ Финляндіи, въ честь Лютера устраивались праздники. Только петербургскіе нѣмцы почему-то не составили никакого фестиваля. Но въ чествованіи памяти знаменитаго противника католицизма могли бы принять участіе даже тѣ лица, которыя не раздѣляютъ его религіозныхъ догматовъ. Эти лица не могутъ не сочувствовать его ученію, потому что ученіе это, прежде всего, было протестомъ не только противъ злоупотребленій католицизма, но и противъ его основной доктрины: права предписывать законы совѣсти человѣка, управлять его душою. Ничтожный августинскій монахъ, не обладавшій ни краснорѣчіемъ, ни другими выдающимися талантами, смѣло вступилъ въ борьбу съ такими страшными противниками, какъ умный и хитрый Левъ X и его защитникъ, могущественный императоръ Карлъ V. Но монахъ боролся за то, что̀ всего дороже для человѣка: за его личное достоинство, за свободу вѣрованія, за независимость внутреннихъ убѣжденій—и остался побѣдителемъ. Успѣхъ его объясняется тѣмъ, что въ его время даже большинство народа ясно сознавало, какъ невыносимъ гнетъ папства, какъ позорна жизнь духовенства, какъ оскорбительны требованія слѣпого повиновенія, безусловной вѣры въ индульгенціи, трансубстанціи, чистилища, разные догматы, въ родѣ безбрачнаго состоянія духовенства и т. д. Противъ всего этого не разъ возставали и въ прежнее время передовые умы, но протесты ихъ не находили отголоска въ массѣ народа. Почти за семдесятъ лѣтъ до рожденія Лютера погибъ на кострѣ, за возстаніе противъ папы, осужденный соборомъ реформаторъ, гораздо болѣе даровитый, чѣмъ врагъ Льва X. Но когда Лютеръ заявилъ на диспутѣ въ Виттенбергѣ, что предшественникъ его, Гуссъ, былъ несправедливо казненъ соборомъ, что апостолъ Павелъ и св. Августинъ были гусситами, — народъ, обремененный налогами, страдавшій отъ гнета духовенства и феодаловъ, уже созрѣлъ для принятія новаго ученія, опровергавшаго авторитетъ римской церкви, преемственной власти папы, какъ намѣстника апостола Петра, непогрѣшимость соборовъ и проч. Представителемъ идей народа явился этотъ сынъ рудокопа, воспитанный съ крайней суровостью въ домѣ отца и перенесшій всѣ ужасы тогдашней школы, которую онъ потомъ называлъ «школьнымъ чистилищемъ», ратуя за обязательное обученіе. Потомъ, въ эрфуртскомъ университетѣ, онъ долженъ былъ добывать себѣ пропитаніе, распѣвая церковные гимны подъ окнами бюргеровъ. Онъ закалился въ этой жизни, но нервная система его все-таки разстроилась, и, захворавъ опасно, онъ подвергся религіознымъ галюцинаціямъ. Потомъ его чуть не убило громомъ; лучшій другъ его, съ которымъ онъ пилъ и кутилъ, передъ его глазами былъ убитъ негодяемъ. Все это такъ подѣйствовало на Лютера, что онъ вступилъ въ монастырь, гдѣ его заставляли выносить нечистоты и ходить за подаяніемъ съ нищенской сумой. Онъ узналъ на опытѣ, что такое монашеская жизнь, противъ которой съ такимъ жаромъ возставалъ впослѣдствіи въ своихъ проповѣдяхъ. Нервные припадки не оставляли его въ монастырѣ и только игрою на флейтѣ и лютнѣ онъ разгонялъ мрачное настроеніе. Отправленный по дѣламъ ордена августинцевъ въ Римъ, онъ вернулся оттуда въ отчаяніи отъ зазорной жизни прелатовъ и тогда же, получивъ степень доктора богословія, началъ проповѣдывать противъ продажи индульгенцій монахомъ Тетцелемъ. Обличенія духовенства были такъ сильны, что папа вскорѣ объявилъ Лютера еретикомъ и предалъ его анаѳемѣ, а тезисы его противъ католицизма повелѣлъ сжечь. Буллу папы Лютеръ, въ свою очередь, сжегъ всенародно и объявилъ папу антихристомъ, искажающимъ смыслъ священнаго писанія. Наконецъ, императоръ, созвавъ въ Вормсѣ сеймъ, потребовалъ къ отвѣту смѣлаго реформатора. Друзья совѣтовали ему не ѣхать въ сеймъ и пред-

сказывали ему участь Гусса, несмотря на охранительную грамоту, данную Карломъ V. Упрямый монахъ поѣхалъ и на всѣ убѣжденія—отказаться отъ своего протеста, твердилъ свою историческую фразу: не могу иначе! (Ich kann nicht anders). Въ Вормсѣ посовѣстились задержать реформатора, но готовились распорядиться съ нимъ административнымъ порядкомъ. Тогда друзья силою привезли его въ укрѣпленный замокъ Вартбургъ, гдѣ укрыли отъ враговъ. А друзей у Лютера было также не мало: онъ съумѣлъ привлечь на свою сторону владѣтельныхъ германскихъ князей, интересы которыхъ были противоположны интересамъ папы и императора и, какъ умный политикъ, сдѣлалъ ихъ опорою реформы. Онъ не довелъ ея до конца, сдѣлалъ церковь не свободною, а государственною, положилъ въ основу лютеранства ученіе о предопредѣленіи, тормозящее свободу изслѣдованія. Но его ученіе произвело все-таки громадный переворотъ, и, несмотря на охлажденіе къ нему въ послѣднее время (съ 1871 года собрана всего треть суммы на построеніе храма въ честь реформатора), торжество въ четырехсотлѣтнюю годовщину его рожденія явилось демонстраціей противъ католицизма и даже — во многихъ мѣстахъ — противъ поворота политики Бисмарка въ клерикальную сторону. Праздники эти увеличили, однако, еще болѣе пропасть, отдѣляющую въ Германіи католиковъ отъ протестантовъ. Католическіе епископы назначили во всѣхъ церквахъ покаянную мессу, въ которой просили отпущенія преступленій ихъ протестантскихъ гражданъ, а протестанты пѣли въ нѣкоторыхъ церквахъ молитву, сложенную въ 1657 году, «о спасеніи вѣрующихъ христіанъ отъ папы и отъ турокъ». Въ эту религіозную стычку вмѣшались и правительственныя власти. Имперскій судъ въ Лейпцигѣ объявилъ, что нападки на догматъ о непогрѣшимости папы составляютъ оскорбленіе церкви, исповѣдуемой значительною частью населенія имперіи, и потому будутъ наказываемы судебнымъ порядкомъ. Католики, основываясь на этомъ рѣшеніи, заявили, что будутъ преслѣдовать всякое новое изданіе сочиненій въ родѣ Лютерова «Діаволомъ основанное папство». Въ свою очередь, журналъ «Евангелическо-церковный вѣстникъ» спрашиваетъ: «Неужели мы дожили до того, что судъ будетъ преслѣдовать сочиненія главы реформаціи и при протестантскомъ императорѣ нельзя печатать того, что появилось въ свѣтъ при Карлѣ V, священномъ римско-католическомъ императорѣ?» Дѣйствительно, это очень странный эпилогъ къ юбилею Лютера!

Памятники Лафайету, Дагерру, Александру Дюма, Леблану. Франція продолжаетъ неутомимо воздвигать статуи и памятники своимъ, болѣе или менѣе великимъ людямъ. Въ послѣднее время она почтила память своихъ согражданъ, дѣйствовавшихъ на совершенно различныхъ поприщахъ: политическому дѣятелю, фотографу, химику, поставлены статуи — въ мѣстѣ рожденія, писателю — отведено мѣсто въ Парижѣ. О Лафайетѣ вспомнили немножко поздно. Послѣ смерти его прошло почти полстолѣтія († 1834 года) и о немъ немногіе помнятъ во Франціи, гдѣ скоро пріобрѣтается популярность, но также скоро и утрачивается. Лафайетъ представляетъ этому живой примѣръ. Извѣстность его началась въ Сѣверной Америкѣ, куда онъ явился въ первый разъ, въ 1779 году, блестящимъ кавалерійскимъ капитаномъ, 22-хъ лѣтъ, сражаться за независимость Штатовъ. Конгресъ тотчасъ же сдѣлалъ его генераломъ надъ горстью солдатъ; въ первомъ же дѣлѣ Лафайетъ былъ раненъ, но продолжалъ драться, пріобрѣлъ дружбу Вашингтона, получилъ почетную шпагу и вернулся за помощью въ Европу, для продолженія войны. Во второй свой пріѣздъ въ Америку, онъ участвовалъ въ блестящей побѣдѣ при Іорктоунѣ; но во время третьяго пріѣзда, въ 1784 году, освобожденная страна осыпала его небывалыми почестями: ему воздвигали статуи, давали его имя городамъ, а ему и его потомкамъ поднесли титулъ гражданина Америки. Во Франціи популярность его началась

съ 1789 года, когда, избранный депутатомъ въ генеральные штаты, онъ предложилъ обнародовать «права человѣка» и принципъ, что «когда нація угнетена, возстаніе—ея священнѣйшее право». При началѣ революціи, какъ предсѣдатель собранія и глава національной гвардіи, онъ былъ кумиромъ всей Франціи. Одно слово его укрощало народъ; во время мятежа онъ спасъ многихъ отъ смерти и, принужденный идти въ Версаль съ народомъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы охранить королевское семейство, которое, однако, нисколько не было благодарно ему за это. Королева ненавидѣла его, а республиканцы отступились отъ него. Революція опередила своего героя, хотя на праздникѣ федераціи онъ игралъ первую роль. Когда была утверждена конституція, онъ передалъ свою власть въ руки коммуны и оставилъ Парижъ командиромъ сѣверной арміи. Послѣ восстанія 22-го іюля 1792 года, онъ безъ позволенія вернулся въ столицу, предлагая королю поднять за него національную гвардію, закрыть клубъ якобинцевъ, произвести контръ-революцію. Король отвернулся отъ него съ презрѣніемъ. Изъ арміи Лафайетъ предлагалъ еще разъ Лудовику XVI уѣхать въ Компьенъ, гдѣ ему будетъ защитой войско. Королева велѣлъ отвѣчать, что не желаетъ быть спасенной Лафайетомъ. Когда была провозглашена республика, онъ, не надѣясь на свою армію, перешелъ границу и былъ захваченъ австрійцами, которые заперли его въ крѣпость и обходились съ нимъ жестоко. Бонапарте освободилъ его, но во время имперіи бывшій распорядитель судебъ своего отечества жилъ въ уединеніи, забытый всѣми, занимаясь агрономіею. Реставрированные Бурбоны ненавидѣли его и онъ составлялъ противъ нихъ заговоры. Популярность вернулась къ нему въ 1830 году. Назначенный начальникомъ всѣхъ національныхъ гвардій Франціи, онъ могъ однимъ словомъ провозгласить республику, но, считая монархію необходимою для страны, содѣйствовалъ избранію Луи-Филиппа королемъ французовъ. За эту услугу король черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уничтожилъ званіе начальника національныхъ гвардій и отвернулся отъ стараго революціонера, но зато, на четвертый годъ своего царствованія, устроилъ ему торжественныя похороны. Сѣверные Американскіе Штаты прислали своей земли на его могилу и назначили по немъ общественный мѣсячный трауръ.

Другая статуя воздвигнута скромному ученому, сдѣлавшему одно изъ величайшихъ открытій нашего вѣка—фиксированіе свѣтописныхъ изображеній, получаемыхъ въ камеръ-обскурѣ. Дагерръ потратилъ много труда и усилій, прежде чѣмъ нашелъ средство укрѣплять эти рисунки на зеркальной поверхности стекла или металла. Онъ былъ декоративный живописецъ и работалъ для «Большой-Оперы» въ Парижѣ и для другихъ театровъ. Декораціи его отличались въ особенности блестящими свѣтовыми эффектами. Потомъ онъ устроилъ прекрасную панораму и, наконецъ, въ 1822 году, изобрѣлъ діораму, семнадцать лѣтъ привлекавшую весь Парижъ въ роскошное зданіе, устроенное для этого рода зрѣлищъ. Но, въ 1839 году, діорама сгорѣла и Дагерръ, потерпѣвшій огромные убытки, занялся исключительно изслѣдованіемъ способовъ полученія прочныхъ свѣтописныхъ рисунковъ. Онъ работалъ надъ этимъ еще съ двадцатыхъ годовъ и въ 1829 году соединился для этой цѣли съ Ніепсомъ, пробовавшимъ укрѣплять свѣтовыя изображенія посредствомъ раствора смолы въ лавандовомъ маслѣ. Но Ніепсъ умеръ въ 1833 году и Дагерръ уже послѣ него осуществилъ свое изобрѣтеніе. Палата назначила ему пенсію въ шесть тысячъ франковъ, а теперь, черезъ тридцать два года послѣ его смерти, воздвигла ему памятникъ.

Александръ Дюма раньше другихъ дождался своего памятника. Прошло всего 13 лѣтъ со смерти этого даровитаго романиста и драматурга, о которомъ съ пренебреженіемъ отзываются многіе строгіе цѣнители искусства. Онъ не принадлежитъ, конечно, къ первокласнымъ свѣтиламъ литературы,

не проложилъ въ ней новыхъ путей, не создалъ ничего особенно выдающагося, капитальнаго, но за нимъ остается важная и неоспоримая заслуга: онъ пріохотилъ къ чтенію мало образованныя массы, популяризировалъ историческія знанія, развилъ эстетическое чувство въ народѣ, распространилъ въ немъ гуманныя мысли, принципы добра и правды. Его романы и пьесы имѣли огромное вліяніе на умственный прогрессъ среднихъ классовъ не одного французскаго общества, но и на большинство читателей во всей образованной Европѣ. Жюль Клареси имѣлъ полное основаніе сказать, что Дюма посѣялъ среди націй доброе мнѣніе о французахъ, и если нельзя сказать, что его сочиненія будутъ жить въ вѣкахъ, то для своего времени онъ сдѣлалъ все-таки немало и его имя не забудется въ исторіи французской литературы XIX столѣтія.

Наконецъ, Франція вспомнила еще объ одномъ изобрѣтателѣ, умершемъ 77 лѣтъ тому назадъ. Николай Лебланъ былъ докторомъ и химикомъ. Изслѣдуя законы кристализаціи среднихъ солей, онъ открылъ средство добывать соду искусственнымъ способомъ. Сто лѣтъ тому назадъ, французская академія наукъ назначила премію въ 12,000 франковъ тому, кто найдетъ дешевое средство извлекать соду изъ морской соли. Сода въ то время добывалась изъ остатковъ сожигаемыхъ водорослей и стоила очень дорого, отчего также недешево обходилась фабрикація стекла и мыла. Лебланъ придумалъ разлагать морскую соль посредствомъ сѣрной кислоты и, получивъ сѣрнокислую соль, превратилъ ее въ искусственную соду, нагрѣвая съ примѣсью извести. Это простое съ виду изобрѣтеніе произвело повсемѣстный переворотъ въ фабрикаціи химическихъ продуктовъ, и вліяніе, произведенное такимъ добываніемъ соды на развитіе промышленности было также огромно, какъ вліяніе открытія Джемса Уатта. Теперь сода, при всей ея дешевизнѣ, ежегодно потребляется въ Европѣ и Америкѣ на сумму отъ 700 до 800 милліоновъ франковъ. Продуктъ этотъ идетъ, сверхъ того, и на выдѣлку стекла, на фабрикацію писчей бумаги, мыла, на бѣленіе всякаго рода тканей. Въ фабричномъ производствѣ вообще теперь нѣтъ возможности обойтись безъ соды. Открытіе Леблана повело къ приготовленію такимъ же экономическимъ способомъ хлорной извести и хлористо-водородной кислоты, сѣры, марганца, купороса и проч. Даже уголь, употребляемый для нагрѣванія сѣрнокислой соли съ известью, идетъ при этомъ въ дѣло и расходъ на него съ избыткомъ вознаграждается эссенціями, маслами и красильными веществами, извлекаемыми при переработкѣ угольныхъ остатковъ. Мудрено ли, что Леблану поставили за это памятникъ въ его родномъ городѣ. Изобрѣтателя не обогатило, однако, его открытіе. Онъ устроилъ обширную фабрику въ Сен-Дени, но, разорился въ революцію, думалъ поправиться выдѣлкою селитры, но испытавъ и тутъ неудачи, не могъ перенести лишеній и застрѣлился на 54-мъ году.

† Въ Одессѣ умеръ, 76-ти лѣтъ, **Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ**, вице-президентъ одесскаго общества исторіи и древностей. Окончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ, онъ служилъ по министерству просвѣщенія въ Петербургѣ, Кіевѣ и Тифлисѣ, былъ за границей въ Италіи, Испаніи и Египтѣ, но бо̀льшую половину жизни провелъ въ Одессѣ; былъ профессоромъ россійской исторіи въ ришельевскомъ лицеѣ и директоромъ этого заведенія, управляя одесскимъ учебнымъ округомъ. Музей древностей, его нумизматическій отдѣлъ, библіотека, самыя «Записки» общества исторіи — обязаны своимъ существованіемъ энергіи покойнаго. Онъ издалъ много ученыхъ трудовъ: «Исторію генуэзскихъ поселеній въ Крыму» (1837 года), «Псковскую судную грамоту» «Письма царевича Алексѣя Петровича» (1849 года), «Матеріалы, касающіеся войны Россіи съ Турціей въ прошломъ столѣтіи», «Матеріалы относительно заселенія Новороссійскаго

края», «Описаніе археологическихъ раскопокъ въ Керчи и Тамани», «Изслѣдованіе особенно рѣдкихъ монетъ» и проч.

† Въ Парижѣ, 16-го октября, умеръ членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ адмиралъ графъ **Евфимій Васильевичъ Путятинъ**. Онъ родился въ 1803 году, воспитывался въ морскомъ корпусѣ, 16-ти лѣтъ былъ уже гардемариномъ, совершилъ кругосвѣтное плаваніе, участвовалъ въ Наваринскомъ сраженіи; черезъ 20 лѣтъ боевой службы былъ уже контръ-адмираломъ и отправленъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Персію, а въ 1852 году—въ Японію. За заключеніе трактата съ этой страною получилъ графскій титулъ. Въ 1854 году потерялъ въ бурю парусный фрегатъ «Діана», и на выстроенной вновь шхунѣ съ офицерами и частью экипажа достигъ Амура, незамѣченный англійскими крейсерами. Командированный въ Китай, онъ заключилъ, въ 1858 году, тян-дзинскій трактатъ съ этой страною и другой въ Іеддо съ Японіей; затѣмъ былъ морскимъ агентомъ во Франціи и Англіи. Назначенный, въ 1861 году, министромъ народнаго просвѣщенія, храбрый морякъ и искусный дипломатъ не выказалъ себя опытнымъ администраторомъ и въ томъ же году перемѣщенъ въ государственный совѣтъ. Онъ писалъ много статей по морскимъ вопросамъ.

† 24-го октября, въ военно-клиническомъ госпиталѣ, умеръ даровитый писатель **Александръ Андреевичъ Шкляревскій**, извѣстный въ литературѣ повѣстями и разсказами изъ уголовнаго міра. Онъ написалъ нѣсколько крупныхъ произведеній: «Убійство въ Березовѣ», «Новая метла», «Исповѣдь ссыльнаго» и др. Сочиненія его печатались во многихъ повременныхъ изданіяхъ въ теченіи послѣднихъ 15-ти лѣтъ, и немногія изъ нихъ изданы отдѣльно. Начавъ сотрудничествомъ въ «Журналѣ для воспитанія», «Воронежскомъ Телеграфѣ» и «Воронежскомъ Листкѣ» (Шкляревскій былъ воронежскій уроженецъ) онъ печатался въ «Петербургскихъ» и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Нивѣ», «Сіяніи», «Иллюстрированной Газетѣ», «Современныхъ Извѣстіяхъ», «Будильникѣ», «Развлеченіи», «Русскомъ Словѣ», «Петербургскомъ Листкѣ», «Новомъ Времени» и проч. Отдѣльныя изданія его «Разсказовъ судебнаго слѣдователя» разошлись во множествѣ экземпляровъ. Покойный имѣлъ много почитателей. Въ сочиненіяхъ его видѣнъ несомнѣнный талантъ относительно анализа психическаго міра преступника; въ области психической патологіи онъ былъ опытнымъ наблюдателемъ. Работая быстро для насущнаго хлѣба, онъ часто не отдѣлывалъ своихъ произведеній, торопясь поскорѣе сбыть ихъ, иногда за самое ничтожное вознагражденіе. Не получивъ правильнаго образованія и обладая самороднымъ талантомъ, онъ постоянно нуждался въ средствахъ къ жизни и, перенося тяжелыя лишенія, умеръ отъ болѣзни легкихъ на 47-мъ году, въ крайней бѣдности.

† 31-го октября, въ Петербургѣ, умеръ **Робертъ Минцловъ**, консерваторъ публичной библіотеки, членъ археологическаго общества и археографической коммисіи. Онъ родился 1811 года, въ Кенигсбергѣ, и, по окончаніи курса философскихъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ, переселился въ Россію. Первоначально онъ занимался преподаваніемъ, но потомъ отдался литературѣ, перевелъ на нѣмецкій языкъ лучшія произведенія Пушкина, Гоголя, Григоровича и другихъ писателей, сотрудничалъ въ «St.-Petersburger Zeitung» и написалъ либретто комической оперы «Мельничиха изъ Марли», музыка Маурера, которая долго не сходила со сцены Михайловскаго и Александринскаго театровъ. Избранный членомъ археологическаго общества, занялся преимущественно историческими изслѣдованіями о Лже-Димитріи и издалъ лѣтопись Исаака Массы. Минцловъ былъ профессоромъ литературы въ александровскомъ лицеѣ и воспитателемъ государя императора и его августѣйшихъ братьевъ. Какъ консерваторъ публичной библіотеки, онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи коллекцій и каталоговъ Russica и эльзе-

вировъ, устроилъ коллекцію первопечатныхъ книгъ и помѣстилъ ее въ особой залѣ, отдѣланной и меблированной въ стилѣ среднихъ вѣковъ, издалъ описаніе публичной библіотеки (Ein Gang durch die Kaiserliche Bibliothek) и т. д. Однимъ изъ его послѣднихъ литературныхъ произведеній былъ переводъ въ стихахъ одъ Горація. Въ зданіи публичной библіотеки Минцловъ прожилъ тридцать пять лѣтъ, въ той самой квартирѣ, которую до него занималъ Крыловъ.

† Въ Англіи, 21-го октября, умеръ, 67-ми лѣтъ, извѣстный романистъ капитанъ **Майнъ-Ридъ**, лучшіе романы котораго, взятые изъ американской жизни, почти всѣ переведены на русскій языкъ и имѣли большой успѣхъ. Майнъ-Ридъ подражалъ Фенимору Куперу и, уступая ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, стоялъ во многихъ другихъ значительно выше его. Картины изъ жизни индійцевъ, очерченныя Майнъ-Ридомъ, грубѣе поэтическихъ описаній Купера, но, зато, гораздо ближе къ жизненной правдѣ. На сторонѣ Майнъ-Рида было еще и то преимущество, что онъ самъ пережилъ бо́льшую часть приключеній, о которыхъ разсказываетъ въ своихъ «Охотникахъ за скальпами», «Военной тропѣ», «Перстѣ Божіемъ», «Вѣчныхъ изгнанникахъ», «Охотникахъ за жирафами», «Бѣломъ конѣ» и т. д. Въ молодости Майн-Рида готовили въ священники, но 20-ти лѣтъ онъ поссорился съ родными, отказался отъ богословія и уѣхалъ въ Америку. Тамъ онъ велъ одно время жизнь истаго индійца, охотился за буйволами и затѣмъ состоялъ сотрудникомъ американскихъ газетъ. При началѣ войны съ Мексикой, онъ вступилъ въ сѣверо-американскія войска. Кампанія эта дала ему богатый матеріалъ для фантастическаго романа. Онъ постоянно находился въ авангардѣ, принималъ участіе въ стычкахъ и большихъ сраженіяхъ, руководилъ блестящей аттакой пѣхоты въ кровопролитномъ бою подъ Лерабюско и былъ оставленъ замертво, среди груды труповъ подъ Хаполтепекомъ, послѣ побѣды, рѣшившей участь войны и заставившей мексиканцевъ просить мира. Узнавъ о возстаніи Венгріи въ 1849 году, онъ набралъ въ Нью-Іоркѣ отрядъ волонтеровъ, чтобы участвовать съ ними въ борьбѣ за свободу, но, пріѣхавъ въ Парижъ, узналъ о капитуляціи Гергея и отправился въ Лондонъ, гдѣ занялся исключительно литературою, доставившею ему почетную извѣстность.

† Въ Парижѣ, на 82-мъ году, умеръ талантливый писатель **Леонъ Галеви**. Сочиненія его относятся къ области исторіи, философіи, поэзіи и филологіи. Не разъ получалъ онъ преміи французской академіи. Главныя произведенія его, имѣвшія большой успѣхъ: трагедія «Царь Дмитрій», критическое сочиненіе «Grèce Tragique», драматическая поэма «Лютеръ», комедіи, элегіи, басни и проч.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

На 237 стр. «Историческаго Вѣстника» за 1883 годъ, № 7, псевдонимъ «И. Богучаровъ» ошибочно показанъ принадлежащимъ Д. Л. Мордовцеву. Согласно объясненію самого Д. Л. Мордовцева, псевдонимъ этотъ принадлежитъ Н. И. Костомарову, писавшему подъ нимъ въ «Новомъ Времени», «Голосѣ» и «Газетѣ Гатцука».

Вячеславъ Катеневъ.

видѣть насмѣшливую улыбку на губахъ графини Дизаръ, когда она осталась одна, и радостное изумленіе, выразившееся на лицѣ Пиккерлинга, то онъ навѣрно пришелъ бы къ заключенію, что въ хитрости перевѣсъ всегда остается на сторонѣ женщины.

ГЛАВА IV.

Признаніе.

Кавалеристы разставили своихъ лошадей въ обширныхъ конюшняхъ Ham-Haus'а и заняли старую башню, между тѣмъ, какъ капитанъ Джойсъ, передавъ начальство одному изъ офицеровъ своего отряда, предложилъ Мануэллѣ проводить ее въ Лондонъ. Онъ ѣхалъ верхомъ у дверецъ кареты и по временамъ съ нѣжною заботливостью спрашивалъ молодую дѣвушку объ ея здоровьи, такъ какъ ея блѣдное утомленное лицо серіозно безпокоило его.

Было около шести часовъ вечера, когда они въѣхали въ городъ. Здѣсь все было такъ переполнено людьми, лошадьми и пушками, что они могли подвигаться впередъ съ большимъ трудомъ; давка увеличивалась съ каждымъ шагомъ, а на площади Charing-Cross близь Iork-Haus'а она доходила до такихъ размѣровъ, что карета должна была остановиться. Сити сдался побѣдителямъ послѣ тридцати-часоваго боя; освобожденные жители спѣшили толпами къ Iork- Haus'у чтобы подать свои петиціи собравшемуся тамъ комитету, между тѣмъ какъ съ противоположной стороны двигались войска и телѣги съ обозомъ, потому что Кромвель въ этотъ же вечёръ намѣревался покинуть Лондонъ, чтобы встрѣтить непріятеля на границѣ.

Капитанъ Джойсъ, видя, что нѣтъ никакой возможности пробраться черезъ площадь, приказалъ кучеру свернуть въ одинъ изъ переулковъ выходившихъ на Темзу. Онъ надѣялся найти лодку и довезти Мануэллу водой до Сити, но потомъ рѣшилъ остановиться на нѣсколько часовъ въ Iork-Haus'ѣ для отдыха. Замокъ Бокингемовъ находился теперь въ рукахъ націи, и Джойсъ въ качествѣ ея вѣрнаго слуги считалъ себя вправѣ воспользоваться на короткое время одной изъ безчисленныхъ комнатъ Iork-Haus'а. Поэтому онъ остановился на берегу и, высадивъ Мануэллу изъ кареты, повелъ ее по широкой каменной лѣстницѣ въ замокъ, гдѣ пройдя длинный корридоръ, отворилъ дверь въ богато убранную гостинную.

— Войдите сюда, моя дорогая миссъ, сказалъ онъ,—и отдохните; я приду за вами часа черезъ два и разбужу васъ. Не бойтесь... Никто не посмѣетъ войти сюда: я буду въ сосѣдней комнатѣ!..

Съ этими словами влюбленный Джойсъ бережно усадилъ молодую дѣвушку на диванъ и удалился съ почтительнымъ поклономъ.

Мануэлла осталась одна. Несмотря на сильное утомленіе она не могла заснуть и съ невольнымъ любопытствомъ разсматривала роскошную окружавшую ее обстановку. На полу разостланъ былъ тяжелый персидскій коверъ; красные занавѣси изъ дорогаго бархата покрывали окна; такія же портьеры были на дверяхъ. Въ комнатѣ царилъ полумракъ, и только на позолоченныхъ карнизахъ просвѣчивалъ отблескъ вечерней зари. На расписанномъ потолкѣ среди розоватыхъ облаковъ привѣтливо улыбались богини весны и любви въ прозрачныхъ одѣяніяхъ, разсыпая цвѣты на своемъ пути; ихъ окружали крылатые геніи. На коричневомъ фонѣ стѣнъ въ рамкахъ, украшенныхъ сверху золотой герцогской короной, висѣли большія картины, изображавшія сюжеты изъ священнаго писанія и портреты мужчинъ и женщинъ въ богатыхъ костюмахъ того времени. Въ нихъ видна была кисть знаменитыхъ голландскихъ и итальянскихъ художниковъ, которая сказывалась въ богатствѣ красокъ, необыкновенной отчетливости и красотѣ линій. Въ глубинѣ комнаты надъ мраморнымъ каминомъ красовался гербъ съ двойнымъ серебрянымъ щитомъ, на гладкой поверхности котораго выступали золотыя фигуры льва и павлина. Подъ гербомъ висѣлъ большой портретъ владѣльца Iork-Haus'a въ человѣческій ростъ.

Тонкій изящный вкусъ проглядывалъ во всемъ убранствѣ этой великолѣтной аристократической гостиной, гдѣ все напоминало ея недавнихъ обитателей. Они какъ будто только-что ушли отсюда и должны опять вернуться; то же впечатлѣніе производили диваны и стулья съ богато вышитыми подушками, табуреты изъ вызолоченнаго дубоваго дерева и даже потухшій каминъ; казалось, что изъ-подъ тлѣющаго пепла тотчасъ же вспыхнутъ красныя искорки и покажется пламя. Между тѣмъ все ниже и ниже опускались по стѣнѣ лучи заходящаго солнца и, просвѣчивая сквозь красныя бархатныя занавѣси, придавали розоватый отливъ наступающимъ сумеркамъ.

Мануэлла задумчиво смотрѣла на портретъ, висѣвшій надъ каминомъ. Она тотчасъ же узнала его: это былъ герцогъ Бокингемъ во всемъ блескѣ своей юношеской ослѣпительной красоты, нетронутой жизнью. Такимъ увидѣла она его въ первый разъ въ Амстердамѣ; у него было то же идельное выраженіе лица, что и на портретѣ. Какъ измѣнился онъ съ тѣхъ поръ!...Не далѣе какъ вчера, онъ насильственно похитилъ ее изъ дома почтеннаго Авраама и, руководимый чувствомъ низкой мести, одинъ изъ первыхъ подалъ голосъ, когда ее хотѣли приговорить къ смерти.

— Какъ очутился здѣсь этотъ портретъ? спрашивала она себя съ недоумѣніемъ, не подозрѣвая, что находится въ замкѣ Бокингемовъ; но прежде чѣмъ она успѣла разрѣшить этотъ вопросъ, въ

сосѣдней комнатѣ послышались шаги; невидимая рука подняла портьеру и въ дверяхъ показалась высокая мужская фигура. Мануэлла въ первую минуту хотѣла бѣжать, затѣмъ остановилась и воскликнула удивленнымъ голосомъ:—Франкъ Гербертъ!

Гербертъ попалъ совершенно случайно въ эту часть замка. Исполнивъ порученіе Кромвеля и дождавшись окончанія переговоровъ съ депутатами Сити, онъ поспѣшно удалился, но вмѣсто главнаго входа зашелъ въ противоположную сторону, благодаря безконечному лабиринту комнатъ и корридоровъ. При видѣ Мануллы онъ едва повѣрилъ своимъ глазамъ; два раза въ жизни ему пришлось встрѣтить ее и при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, что черты ея лица глубоко запечатлѣлись въ его памяти. Онъ опустилъ портьеру и подошелъ къ ней.

Первою ея мыслью было узнать о судьбѣ Авраама и его семьи.— Я видѣла васъ вчера въ Duke-street передъ домомъ несчастнаго еврея, на который напала толпа, не можете ли вы мнѣ сказать, что сталось съ его обитателями? спросила она умоляющимъ голосомъ.

— Они цѣлы и невредимы насколько мнѣ извѣстно, отвѣтилъ Гербертъ: только домъ сильно пострадалъ. Мы разогнали толпу, преслѣдуя ее изъ улицы въ улицу... Но какъ очутились вы здѣсь несчастная дѣвушка?

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Мануэллы:—Вы правы, называя меня такъ, сказала она.—Въ послѣдніе годы судьба неумолимо преслѣдуетъ меня...

— Знаю, и этого достаточно, чтобы всякій человѣкъ испытавшій несчастіе отнесся къ вамъ съ искреннимъ сочувствіемъ, возразилъ онъ, взявъ ее за руку.

Въ тонѣ, съ какимъ были сказаны эти простыя слова, было столько затаенной грусти, что Мануэлла была тронута до слезъ.

— Неужели и вамъ пришлось испытать несчастіе? спросила она, взглянувъ на него своими большими задумчивыми глазами.—Нѣтъ!.. Я не могу допустить мысли, чтобы вы были несчастны! Вы ничѣмъ не могли заслужить этого?

— Развѣ счастье составляетъ только удѣлъ тѣхъ, кто заслужилъ его? Мнѣ кажется, что вы заблуждаетесь дитя мое!

— Нѣтъ, воскликнула она съ живостью. Я научилась вѣрить въ правосудіе Божіе цѣною пролитыхъ мною слезъ и тяжелой душевной борьбы; теперь ничто не заставитъ меня усумниться въ немъ.

— Но развѣ счастье въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не можетъ быть испытаніемъ посланнымъ свыше? сказалъ онъ, ласково гладя рукой ея роскошные волосы:—Оно подчасъ манитъ насъ къ себѣ какъ блуждающій огонь, чтобы сбить съ истиннаго пути...

Гербертъ чувствовалъ какъ вздрогнула молодая дѣвушка отъ прикосновенія его руки. Она не рѣшалась поднять глазъ, и только

робко отодвинулась отъ него, закрывъ обѣими руками свое разгорѣвшееся лицо.

Но Гербертъ продолжалъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ:—Нерѣдко то, что люди называютъ счастьемъ представляется намъ въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ, чтобы отвлечь насъ отъ нашихъ прямыхъ обязанностей. Оно улыбается намъ сквозь призму милыхъ глазъ и губъ. Вы думаете, дитя мое, что счастье дается тѣмъ, кто заслужилъ его; а я говорю на основаніи горькаго опыта, что счастье можно подчасъ сравнить съ силками, которые разставлены невидимой рукой, и только тотъ имѣетъ право назвать себя человѣкомъ, кто съумѣлъ избѣгнуть ихъ...

Голосъ Герберта задрожалъ при послѣднихъ словахъ, такъ какъ онъ затронулъ не зажившую рану своего сердца. Мануэлла съ тонкимъ инстинктомъ женщины поняла все то, чего онъ не въ состояніи былъ договорить въ эту минуту.

— Франкъ Гербертъ! воскликнула она. Неужели вы разстались съ Оливіей! говорите ради Бога не мучьте меня!

Сердце Герберта болѣзненно сжалось при имени любимой дѣвушки; онъ молча опустилъ голову подъ гнетомъ грустныхъ воспоминаній.

— Оливія? что сталось съ нею? спросила она еще настойчивѣе. сжимая его руку въ своихъ рукахъ.

— Развѣ Оливія ничего не писала вамъ? проговорилъ Гербертъ съ видимымъ усиліемъ.

Еслибы вы знали какъ мнѣ тяжело думать объ этомъ!.. Но вы были дружны съ дочерью баронета и должны знать причину нашего разрыва... Онъ началъ свой разсказъ въ общихъ чертахъ но мало по малу становился все довѣрчивѣе и откровеннѣе подъ чарующимъ вліяніемъ прелестныхъ глазъ устремленныхъ на него съ выраженіемъ самаго искренняго участія. Онъ заговорилъ о своей любви и неожиданной встрѣчѣ съ Оливіей на откосѣ холма, усѣяннаго цвѣтами. При этомъ онъ описалъ живыми красками смущеніе молодой дѣвушки, старый паркъ погруженный въ сумерки, любовное объясненіе у дерновой скамьи подъ липами и, взаключеніе, разсказалъ о своей рѣшимости удалиться въ уединеніе сельской жизни, о своихъ надеждахъ и сомнѣніяхъ и непрошенномъ вмѣшательствѣ короля.

Лицо Герберта замѣтно поблѣднѣло, когда онъ коснулся мотивовъ, побудившихъ его разстаться съ Оливіей. — Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ, какъ бы ни была сильна любовь, но счастье не должно быть куплено цѣною чести!..

Мануэлла сидѣла неподвижно на диванѣ; разсказъ Герберта глубоко поразилъ ее; она не рѣшилась прервать его ни однимъ замѣчаніемъ.

Гербертъ продолжалъ послѣ минутнаго молчанія: — Стоитъ ли

вообще говорить о счастьѣ! Посмотрите на этотъ великолѣпный замокъ, превосходныя картины, украшенные золотомъ, расписанные потолки и роскошную обстановку этихъ комнатъ! Тѣ, которые не далѣе какъ вчера жили въ нихъ, теперь изгнанники и не смѣютъ оставаться на родинѣ подъ страхомъ смертной казни; сумма, въ которую оцѣнены ихъ головы можетъ обогатить бѣднаго человѣка! Неслыханныя злодѣянія совершались въ этомъ замкѣ, переполненномъ богатствами цѣлаго міра; бывшій владѣлецъ измѣнилъ своему народу и отечеству. Теперь наступила пора мести, которая обрушится на людей подобныхъ ему; они отвѣтятъ за слезы и страданія угнетеннаго народа и искупятъ ихъ тяжелой цѣной. Какое значеніе могутъ имѣть радости и горе единичнаго человѣка въ этой гигантской борьбѣ! Каждый изъ насъ увлеченный могучимъ потокомъ долженъ сознавать, что счастье недоступно для него, а тѣмъ болѣе счастье любви... оно тамъ на другомъ берегу и врядъ ли кто изъ насъ достигнетъ мирной пристани... Среди великаго переворота, который совершается въ настоящее время, для побѣдителей и побѣжденныхъ существуетъ одинъ лозунгъ: отреченіе...

Гербертъ всталъ съ своего мѣста, послѣдній отблескъ заходящаго солнца освѣщалъ его правильное красивое лицо, съ тѣмъ идеальнымъ неотразимо привлекательнымъ выраженіемъ, которое является иногда у людей, подъ вліяніемъ высокой воодушевляющей ихъ идеи.

Мануэлла въ порывѣ невольнаго восторга бросилась къ его ногамъ.

— Нѣтъ, Франкъ, счастье всегда возможно, и вы болѣе чѣмъ кто нибудь заслуживаете его! Вспомните объ Оливіи; жертвуя собой вы приносите и ее въ жертву тому дѣлу, которому вы служите... Любовь даетъ силу людямъ, горе и страданія отнимаютъ у нихъ энергію. Вы сами сказали: счастье на другомъ берегу, по ту сторону потока; тамъ Оливія... дайте мнѣ руку, пойдемъ къ ней...

Гербертъ грустно улыбнулся.

— Только не теперь, сказалъ онъ; потокъ слишкомъ силенъ и поглотитъ насъ, если мы захотимъ идти противъ теченія.

— Не отказывайтесь отъ моей помощи Франкъ; я чувствую въ себѣ достаточно силъ, чтобы довести васъ до цѣли!

— Откуда у васъ такая увѣренность, дитя мое? Что̀ можетъ сдѣлать слабая рука женщины тамъ, гдѣ борьба съ каждымъ днемъ принимаетъ все бо̀льшіе размѣры!

— Сила моя въ любви! возразила Мануэлла, и, опустивъ еще ниже свою хорошенькую головку, добавила, заливаясь слезами: я люблю васъ Франкъ!..

Въ эту минуту отворилась дверь и въ комнату вошелъ капитанъ Джойсъ; увидя своего начальника онъ отдалъ ему честь и остановился на порогѣ.

Мануэлла поднялась съ полу и машинально сѣла на прежнее мѣсто.

— Читаютъ прокламацію жителямъ Лондонскаго Сити и Вестминстера! доложилъ Джойсъ.

Гербертъ открылъ окно. Свѣжій вечерній воздухъ разлился по комнатѣ вмѣстѣ съ красноватымъ свѣтомъ вечерней зари. На балконѣ, который можно было ясно разглядѣть изъ окна, стоялъ генералъ Ферфаксъ, окруженный офицерами своего штаба и почетными гражданами Сити; онъ читалъ бумагу, которую держалъ въ рукѣ; внизу виднѣлась безчисленная толпа, безмолвно слѣдившая за каждымъ его словомъ. Но тутъ внезапно раздалось оглушительное ура. Изъ воротъ Уайтголля показался многочисленный отрядъ кавалеристовъ; во главѣ его ѣхалъ всадникъ въ блестящемъ шлемѣ и въ полномъ боевомъ вооруженіи того времени. Войска разставленныя на площади отдали ему честь; блеснули ружейные стволы; дружно опустились знамена; вслѣдъ за тѣмъ загремѣлъ барабанный бой сопровождаемый новыми восторженными криками. Рельефно выдѣлялось на безоблачномъ небѣ величественное зданіе Вестминстера; заходящее солнце освѣщало своимъ прощальнымъ свѣтомъ каменные шпицы и шарокоплечую фигуру всадника, которому отдавались такія почести. Это былъ Оливеръ Кромвель: онъ готовился выступить изъ Лондона во главѣ арміи.

— Моя дорогая миссъ, сказалъ Джойсъ, обращаясь къ Мануэллѣ, я только что вернулся съ улицы; толпа на столько уменьшилась съ этой стороны замка, что, если вамъ угодно, мы можемъ двинуться въ путь.

— Прощайте Франкъ, сказала молодая дѣвушка, протягивая съ смущеніемъ свою руку Герберту.

— До свиданія, сказалъ онъ, дружески пожилая ея руку.

ГЛАВА V.

Стычка.

Снова пожаръ охватилъ всю Англію: началась такъ называемая вторая междоусобная война; какъ будто недостаточно было одной подобной злополучной войны.

Наступила половина лѣта. Скоро прошла короткая лѣтняя ночь. Восходящее солнце освѣтило прелестнѣйшій ландшафтъ, гдѣ лѣсъ, луга, холмы и вода представляли пріятное разнообразіе. Въ цѣлой Англіи нѣтъ болѣе красивой мѣстности, какъ графство Соррей съ его долинами, покрытыми роскошной зеленью, мягкими очертаніями

горъ, многочисленными помѣстьями и деревьями; надо всѣмъ этимъ разлившiйся яркiй свѣтъ наступающаго утра одѣлъ въ парпуръ лѣса и украсилъ алмазами влажные луга.

Среди поля дымились два большихъ костра; тускло горѣлъ огонь, перебѣгая по грудамъ потухающихъ угольевъ.

— Проклятый холодъ! сказалъ юноша лежавшiй у костра, поднимаясь на ноги. Я совсѣмъ прозябъ въ эту ночь!

— Тѣмъ не менѣе милордъ, у насъ опять будетъ жаркiй день, возразилъ пожилой человѣкъ, сидѣвшiй у огня. Да поможетъ мнѣ Господь, насъ скоро начнетъ припекать солнце! Что прикажете дѣлать! Въ военное время солдатъ долженъ переносить всякiя невзгоды.

— Кто могъ ожидать, что изъ васъ выйдетъ такой хорошiй солдатъ, сэръ Товiй! Вотъ уже три мѣсяца какъ вы спите на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ; и никто не слыхалъ отъ васъ ни малѣйшей жалобы.

— Еще бы! Я такъ радъ, что избавился отъ клятвы, которая въ продолженiи нѣсколькихъ лѣтъ осуждала меня на полное бездѣйствiе! отвѣтилъ сэръ Товiй, сгребая уголья острiемъ своей длинной шпаги. Однако не смотря на это я все-таки долженъ сказать по совѣсти, что многое не нравится мнѣ у насъ. Мнѣ пришлось провести бóльшую часть жизни въ деревнѣ милордъ; и когда я замѣчалъ, что червь подтачиваетъ какое нибудь растенiе, то зналъ заранѣе, что оно осуждено на неизбѣжную гибель. Та же участь должна постигнуть и наше предпрiятiе...

— Сэръ Товiй! воскликнулъ съ удивленiемъ юноша, между тѣмъ какъ легкая краска выступила на его красивомъ лицѣ.

Баронетъ поднялся съ своего мѣста и бросилъ задумчивый взглядъ на своихъ товарищей лежавшихъ вокругъ потухающаго огня; большинство изъ нихъ спало крѣпкимъ сномъ; двугiе проснулись отъ утренняго солнца свѣтившаго имъ въ лицо и протирали себѣ глаза. Въ недалекомъ разстоянiи отъ нихъ стояли лошади привязанныя къ рѣшеткѣ обширнаго парка и нетерпѣливо били копытами о землю, втягивая въ себя свѣжiй утреннiй воздухъ пропитанный запахомъ цвѣтущаго клевера.

— По моимъ годамъ я уже не молодой человѣкъ милордъ, продолжалъ сэръ Товiй, но я такъ недавно поступилъ въ военную службу, что не считаю себя вправѣ осуждать образъ дѣйствiй высшаго начальства. Тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что червь подтачиваетъ наше дѣло въ самомъ корнѣ...

Сэръ Товiй понизилъ голосъ и отвелъ въ сторону своего собесѣдника изъ боязни, чтобы кто нибудь не подслушалъ ихъ разговора; затѣмъ добавилъ печальнымъ тономъ, который былъ вовсе не свойственъ ему при его веселомъ безпечномъ характерѣ.

— Знаете-ли вы, что я вамъ скажу, милордъ, вы не можете

сомнѣватся въ томъ, что я всѣмъ сердцемъ готовъ служить королю, но я съ ужасомъ думаю о будущности всѣхъ этихъ господъ, которыхъ вы видите здѣсь! Съ того дня какъ враги наши узнали о намѣреніи его величестяа бѣжать изъ Каррисбрука, сынъ мой принужденъ скрываться въ лѣсахъ, какъ дикій звѣрь, котораго преслѣдуютъ охотники... Мой бѣдный Джонъ, ему едва минуло восемнадцать лѣтъ!.. а моя дочь!..

Баронетъ замолчалъ, такъ какъ чувствовалъ, что слезы подступаютъ къ его глазамъ; затѣмъ онъ продолжалъ болѣе спокойнымъ голосомъ: Не думайте, что я жалуюсь на свою судьбу! у дворянина и вѣрнаго подданнаго дѣло короля должно стоять на первомъ планѣ. Но развѣ вы не видите, милордъ, что непріятелю заранѣе извѣстны наши планы? Всѣ наши предпріятія рушатся сами собой прежде, чѣмъ мы успѣемъ привести ихъ въ исполненіе. Невидимая, но вѣрная рука поражаетъ насъ на каждомъ шагу. Въ ту самую ночь, когда все было подготовлено къ бѣгству короля, солдаты заняли ровъ подъ окномъ и была удвоена стража у дверей темницы. Всѣмъ этимъ мы обязаны низкой твари, которая выдала насъ! Чѣмъ инымъ кромѣ измѣны можно объяснить тотъ фактъ, что непріятелю извѣстны имена всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Гамильтонъ долженъ былъ выйти на встрѣчу освобожденному королю съ 40,000 шотландцевъ; но и тутъ измѣна явилась на помощь нашимъ врагамъ; они заняли сѣверныя крѣпости прежде, чѣмъ одинъ шотландецъ успѣлъ переступить границу... Этого мало! Баттенъ хотѣлъ провести весь флотъ въ Кале и только двѣнадцать кораблей послѣдовали за нимъ; возстаніе въ Кентѣ заглушено въ самомъ зародышѣ; обозъ захваченъ непріятелемъ прежде, чѣмъ мы двинулись въ путь; союзники наши лишены возможности соединиться съ нами... Что̀ можетъ спасти насъ? Теперь въ нашихъ рукахъ только Колчестеръ, блокированный со всѣхъ сторонъ войсками Ферфакса, и крѣпость Пемброкъ, передъ которой стоитъ Кромвель...

— Мой дорогой баронетъ вы слишкомъ мрачно смотрите на вещи! Колчестеръ и Пемброкъ дѣйствительно составляютъ нашъ единственный оплотъ въ настоящее время. Но вы забываате, что Пемброкъ неприступная крѣпость, окруженная со всѣхъ сторонъ скалами; она навѣрно удержится до тѣхъ поръ пока не подойдутъ шотландцы... они обѣщали свою помощь... Какое у насъ число сегодня?

— Семнадцатое іюля милордъ.

— По послѣднимъ извѣстіямъ они должны были перейти границы восьмаго іюля. Что же касается Колчестера, то съ Божіей помощью мы сами сегодня будемъ тамъ!

— Да, если только намъ удастся добраться туда... но это весьма сомнительно! Весь планъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ рукахъ

непріятеля; къ несчастью мы обсуждали его до малѣйшихъ подробностей въ башнѣ Ham-Haus'a. Я убѣжденъ, что именно тамъ измѣна сплела свои сѣти; и кто можетъ сказать какъ далеко раскинуты они!

Лицо молодаго лорда внезапно поблѣднѣло: — Надѣюсь г-нъ баронетъ, воскликнулъ онъ, вы не хотите этимъ сказать, что графиня Дизаръ...

— Нѣтъ, клянусь честью! возразилъ съ живостью сэръ Товій. Какъ вамъ могло прійти это въ голову... Такая знатная дама! Она занимаетъ такое высокое положеніе въ свѣтѣ, что это само по себѣ ставитъ ее внѣ всякаго подозрѣнія. Да поможетъ мнѣ Господь, я не хотѣлъ сказать ничего подобнаго!.. Но вы помните ту красивую еврейку; измѣна—въ крови у этого народа!

Молодой лордъ недовѣрчиво покачалъ головой. — Нѣтъ мой дорогой сэръ, сказалъ онъ откажитесь отъ этой мысли! Если вы ручаетесь за графиню Дизаръ, то я точно также готовъ поручиться моей честью за эту дѣвушку. Я считаю себя обязаннымъ сдѣлать это, тѣмъ болѣе, что мой братъ виноватъ передъ нею.

— Я не понимаю, что находите вы дурнаго въ поступкѣ герцога Бокингема? возразилъ сэръ Товій. Нельзя ставить въ упрекъ молодому человѣку романическое приключеніе. Клянусь честью я не считаю это большимъ грѣхомъ!

— Никто не ставитъ ему въ вину, что онъ полюбилъ эту молодую дѣвушку; но я не могу простить ему, что онъ отрекся отъ нея въ тотъ моментъ, когда ей грозила смертная казнь.

— Выбросьте это изъ головы милордъ! Стоитъ ли говорить о подобныхъ вещахъ! Вы были бы совершенно правы, еслибы дѣло шло о христіанской дѣвушкѣ! Не забывайте, что она жидовка!.. Но довольно объ этомъ... Вотъ и наши товарищи поднимаются на ноги; пора подумать о завтракѣ; я до смерти проголодался!

Рѣзко раздавались звуки сигнальнаго рожка и барабанный бой въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ. Все пришло въ движеніе въ маленькомъ лагерѣ, состоящемъ приблизительно изъ тысячи человѣкъ кавалеровъ, не считая прислуги и лошадей. — Добраго утра милордъ! Какъ вы провели ночь сэръ?—слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Прекрасный день! но вѣроятно къ двѣнадцати часамъ будетъ нестерпимая жара!

— Скоро ли мы двинемся въ путь?

— Тотчасъ послѣ завтрака.

— Какія вѣсти съ передовыхъ постовъ?

— Дорога къ Кингстону свободна.

— Значитъ сегодня вечеромъ мы будемъ въ Колчестерѣ. Лордъ Кепль ждетъ насъ къ ужину.

— Жаль, что въ это время года нельзя достать устрицъ.

— Чортъ возьми! развѣ можно ѣсть устрицы съ ранняго утра? Я предпочелъ бы кусокъ ростбифа.

— Вы совершенно правы милордъ; и при этомъ стаканъ хорошаго вина...

— Эй Бумпусъ, дай сюда корзину съ бутылками. Это настоящее французское вино милордъ; я получилъ его прямо изъ Франшъ-Конте.

— Да здравствуетъ баронетъ!.. сэръ Товій, ура! крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Неужели это вино изъ вашего замка, сэръ? какъ рѣшились вы везти его такую даль!

— Я разсчиталъ, что нѣтъ никакой пользы въ томъ, если оно будетъ лежать безъ употребленія въ Чильдерлейскомъ погребѣ, и, что мнѣ будетъ несравненно пріятнѣе угостить имъ господъ кавалеровъ! Это то самое вино, которое я подавалъ королю, когда его величество удостоилъ мой домъ своимъ посѣщеніемъ... Скорѣе другъ мой, Мартинъ!..

Нѣсколько минутъ спустя явился Мартинъ Бумпусъ съ тяжелой корзиной, которую онъ придерживалъ обѣими руками.

Вѣрный слуга, получивъ въ наслѣдство мельницу Пиккерлинга, по прежнему любилъ своего господина и всегда готовъ былъ явиться въ замокъ по первому зову. Но пиры, охоты и всякія увеселенія прекратились съ того времени, какъ старый замокъ облекся въ прежнее великолѣпіе по случаю пріѣзда короля. Все тише и безмолвнѣе становилось въ немъ; и, наконецъ, онъ еще болѣе опустѣлъ, когда баронетъ вооружился на зищиту короля и выѣхалъ изъ Чильдерлея. Мартинъ въ тотъ же день простился съ женой и своимъ двухлѣтнимъ ребенкомъ и послѣдовалъ за владѣльцемъ Чильдерлейскаго замка въ небольшой лагерь роялистовъ, гдѣ, благодаря своей расторопности, скоро сдѣлался общимъ любимцемъ. Никто лучше его не умѣлъ разлить вино, разрѣзать жаркое; если оказывался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, то онъ приводилъ быка съ ближайшаго пастбища или ловилъ куръ, которыя попадались ему подъ руку около деревень.

Герцогъ Бокингемъ вынулъ изъ корзины бутылку вина и внимательно разсматривалъ ее противъ свѣта.

— Держу пари, что это превосходное вино! воскликнулъ онъ. Намъ остается только послѣдовать примѣру величайшаго изъ лицемѣровъ, Кромвеля: недавно его застали одного въ палаткѣ за бутылкой вина, въ то время, какъ всѣ были убѣждены, что онъ удалился въ уединеніе для молитвы. Пусть наши товарищи думаютъ, что мы собрались здѣсь для военнаго совѣта, между тѣмъ, какъ въ эту минуту всѣ мы воодушевлены однимъ желаніемъ, какъ можно скорѣе откупорить эту бутылку! Нѣтъ ли у тебя пробочника Мартинъ Бумбусъ?

— Сейчасъ, ваша милость, отвѣтилъ Бумпусъ, и взявъ бутылку изъ рукъ герцога, отбилъ горлышко ударомъ сабли.

— Браво! воскликнулъ со смѣхомъ лордъ Питерборо—для хорошаго солдата не существуетъ затрудненій, которыхъ бы онъ не могъ разрѣшить остріемъ своей сабли.

— Пью за здоровье его величества! сказалъ лордъ Голландъ, поднимая стаканъ.

Герцогъ Бокингемъ запѣлъ хоровую застольную пѣсню Оксфордскихъ студентовъ, которая вошла въ моду у роялистовъ во время пребыванія короля въ Оксфордѣ; нѣкоторые изъ кавалеровъ вторили ему; другіе вели между собою оживленную бесѣду. Одинъ герцогъ Виллье не принималъ никакого участія въ общемъ веселіи, которое казалось ему болѣе чѣмъ неумѣстнымъ въ виду трудности предстоящей имъ задачи. Онъ стоялъ въ сторонѣ; глаза его были задумчиво устремлены вдаль; подъ вліяніемъ безотчетной охватившей его грусти, онъ мысленно прощался съ женщиной, которую любилъ по прежнему идеальной юношеской любовью.

— Посмотрите на герцога Вилльe, какой у него печальный видъ! воскликнулъ сэръ Торій, мрачныя предчувствія котораго мало по малу разсѣялись подъ вліяніемъ вина.

— Садитесь съ нами милордъ, повѣрьте, что нѣтъ лучшаго лѣкарства противъ грусти, какъ стаканъ хорошаго вина и веселое общество...

— Нѣтъ, благодарю васъ, я рѣшительно не въ состояніи пить сегодня! отвѣтилъ герцогъ Вилльe; затѣмъ обращаясь къ графу Голланду онъ спросилъ: не можете ли вы сказать мнѣ, какъ называется этотъ замокъ?

Графъ Голландъ оглянулся. Въ недалекомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ они сидѣли, въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи возвышался замокъ окруженный большимъ тѣнистымъ садомъ. Вездѣ замѣтны были слѣды запустѣнія; ворота были закрыты наглухо; желѣзная рѣшетка казалась заржавевшей; деревья широко раскинули свои вѣтки черезъ дорожки; на каменныхъ плитахъ обширнаго двора росла трава. Въ концѣ величественной аллеи вязовъ и орѣшника печально и одиноко выглядывали изъ зелени бѣлыя стѣны съ закрытыми окнами.

— Это «Nonsuch-Park» милордъ, одинъ изъ самыхъ очаровательныхъ загородныхъ замковъ его величества, съ прекраснѣйшимъ садомъ. Посмотрите, какъ отсвѣчиваютъ на солнцѣ косяки и перекладины; они всѣ вызолочены. Этотъ замокъ былъ построенъ Генрихомъ VIII и здѣсь жила королева Елизавета. Въ былыя времена мы не разъ пировали тутъ при королѣ Іаковѣ и даже послѣ, когда Генріэта-Марія выбрала это мѣсто для своей лѣтней резиденціи.

— Повѣрьте милорды и джентльмены, что скоро вернутся преж-

нія блаженныя времена и мы опять будемъ пировать въ этомъ замкѣ! воскликнулъ чильдерлейскій баронетъ, протягивая свой стаканъ Бумпусу, который немедленно наполнилъ его.

Вслѣдъ затѣмъ превозглашенъ былъ тостъ за королеву Генріэту-Марію. Кавалеры чокнулись; весело зазвенѣли стаканы, между тѣмъ какъ сквозь деревья «Nousuch Park'a» пробивались яркіе лучи восходящаго солнца и просвѣчивала позолота, напоминавшая прежнее великолѣпіе королевскаго замка.

— По какой дорогѣ отправимся мы въ Колчестеръ? спросилъ герцогъ Вилльe.

— Черезъ Кингтстонъ милордъ, возразилъ графъ Голландъ. Мы не сойдемъ съ лошадей до ночи.

— Но удастся ли намъ пробраться туда? сказалъ герцогъ Вилльe, недовѣрчиво качая головой.

— Я не знаю, что можетъ помѣшать этому милордъ? Въ случаѣ неожиданнаго нападенія, каждый изъ насъ съумѣетъ защитить свою жизнь! Но мнѣ кажется, что ваше безпокойство не имѣетъ никакого основанія; Ферфаксъ пригвожденъ къ Колчестеру; лордъ Кепль не даетъ ему ни одной минуты покоя...

— Опасность грозитъ намъ съ другой стороны, мнѣ говорили, что Кромвель выслалъ противъ насъ бригаду легкой кавалеріи подъ начальствомъ молодаго полковника, который пользуется его особеннымъ довѣріемъ.

— Любопытно было бы узнать имя героя, которымъ вы пугаете насъ? спросилъ сэръ Товій съ добродушной улыбкой.

— Франкъ Гербертъ! вы можетъ быть слышали о немъ? отвѣтилъ герцогъ Вилльe.

— Еще бы! воскликнулъ баронетъ презрительнымъ тономъ; но при этомъ лицо его поблѣднѣло и стаканъ задрожалъ въ его рукѣ.

— Что съ вами, сэръ Товій? спросилъ съ удивленіемъ Бокингемъ.

— Ничего! отвѣтилъ баронетъ, и чтобы скрыть свое смущеніе торопливо поднесъ стаканъ къ губамъ, но вино перестало нравиться ему. Къ счастью завтракъ былъ оконченъ, звонко раздавались по полю звуки трубъ и барабановъ.—На лошадей джентльмены! крикнулъ графъ Голландъ. Сегодня вечеромъ мы должны быть въ Колчестерѣ!

Всѣ сѣли на лошадей. Впереди ѣхала кавалерія; за нею тянулись телѣги съ обозомъ. Костры давно потухли; и только большіе черные круги, виднѣвшіеся среди зеленаго луга, указывали мѣсто недавняго лагеря. Тѣнистый паркъ и одинокій королевскій замокъ остались позади. Солнце стояло высоко на небѣ. Надъ головами всадниковъ пронесся жаворонокъ: звонко раздалась его пѣсня затихая мало по малу въ необъятномъ голубомъ пространствѣ. Дорога шла лугами и лѣсомъ; лошади бодро шли по густой влажной

травѣ. По временамъ изъ зелени деревъ выступали зубцы старинныхъ замковъ и стѣны обвитыя вьющимися розами. Иногда на далекомъ пространствѣ тянулись поля и деревни; стада овецъ паслись на лугахъ. Все выше и выше поднималось солнце заливая золотистымъ свѣтомъ зеленую равнину. Наконецъ съ высоты одного холма всадники увидѣли серебристый отблескъ воды, просвѣчивавшей сквозь вѣтви деревьевъ.

Вотъ и Темза! воскликнулъ графъ Голландъ, а тамъ вдали гдѣ виднѣются красныя крыши—Кингстонъ!

Теперь отрядъ долженъ былъ вытянуться въ длинную узкую линію, чтобы проѣхать тѣсную лощину, поросшую съ обѣихъ сторонъ кустарникомъ. Въ то время, какъ часть всадниковъ выѣхала въ открытое поле, остальные находились еще въ глубинѣ лощины. Но тутъ неожиданно изъ кустовъ раздался выстрѣлъ, за которымъ немедленно слѣдовалъ другой съ противоположной стороны.

— Что это значитъ? спросилъ герцогъ Вилльe, обращаясь къ баронету, который ѣхалъ рядомъ съ нимъ.

— Пуля!.. отвѣтилъ баронетъ блѣднѣя; нужно отдать имъ справедливость... эти черти мѣтко стрѣляютъ!

— Вы ранены сэръ Товій! воскликнулъ герцогъ Виллье. Смотрите, у васъ бокъ весь въ крови!

— Пустяки! пуля попала въ лѣвую руку отвѣтилъ баронетъ, хоть кровь струилась крупными каплями на гриву лошади.

Небольшое войско пришло въ полное разстройство. Оставшіеся назади не рѣшались спуститься въ лощину и, загородивъ дорогу, отрѣзали отступленіе своимъ товарищамъ, что еще больше увеличило общее смятеніе. Между тѣмъ непріятель, скрытый въ кустарникѣ, открылъ перекрестный огонь, такъ что роялистамъ не оставалось инаго исхода какъ продолжать путь, несмотря на значительную потерю людей и лошадей. Наконецъ, они выбрались изъ лощины въ открытое поле, гдѣ ихъ ожидалъ графъ Голландъ съ тѣми изъ кавалеровъ, которымъ удалось избѣжать стычки. Впереди ихъ ожидала новая опасность. Въ шестистахъ шагахъ отъ нихъ, на дорогѣ къ Кингстону, проложенной черезъ небольшой лѣсъ стоялъ взводъ кавалеристовъ, и между деревьями мелькали красные мундиры. Это былъ отрядъ Кромвелевскихъ драгунъ; за ними на высотѣ холма надъ сплошной массой шлемовъ и обнаженныхъ сабель развѣвалось красное знамя и виднѣлась стройная фигура начальника эскадрона; рядомъ съ нимъ стоялъ трубачъ.

— Мы попали въ засаду! Впередъ друзья мои!.. Намъ нѣтъ иного спасенія какъ пробиться сквозь непріятеля! воскликнулъ герцогъ Бокингемъ, обнаживъ шпагу.

Кавалеры выстроились и, тѣсно сомкнувъ свои ряды, медленно двинулись къ лѣсу подъ предводительствомъ графа Голланда и Бокингема.

— Это тѣ же лица и стальные чепцы, которые были при Марстонмурѣ и Незби! сказалъ графъ Голландъ.

— Вотъ ихъ начальникъ!.. добавилъ Бокингемъ.

— Говорите тише, сказалъ герцогъ Вилльe,—баронетъ можетъ услышать васъ!

— Что же изъ этого! Стоитъ ли дорожить жалкими остатками жизни! возразилъ сэръ Товій слабымъ голосомъ.

Лицо его было покрыто мертвенной блѣдностью; весь панцырь забрызганъ кровью.

— Ради Бога останьтесь здѣсь! сказалъ герцогъ Вилльe тономъ искренняго участія.—Ваша рана серіознѣе, нежели вы предполагаете!

— Нѣтъ, вы напрасно уговариваете меня! возразилъ баронетъ.—Да поможетъ мнѣ Господь, я узналъ негодяя, который командуетъ этими бунтовщиками... Мое единственное желаніе умереть отъ его руки... Оливія не будетъ любить убійцу своего отца... Боже, какая адская боль!

Сильный ружейный залпъ встрѣтилъ кавалеровъ при въѣздѣ въ лѣсъ.

— Сюда за мной! пока они не зарядили вторично своихъ ружей, крикнулъ герцогъ Бокингемъ, пришпоривъ лошадь. Лицо его разгорѣлось отъ волненія; каштановые локоны развѣвались по вѣтру; неминуемо грозившая ему опасность еще больше подстрѣкала его мужество. Вся толпа кавалеровъ, увлеченная его примѣромъ, бросилась за нимъ съ громкимъ крикомъ: ура!

Тѣсными рядами, лошадь къ лошади, неслись они бѣшеннымъ галопомъ и дружно ударили на непріятеля, который съ трудомъ выдержалъ первый натискъ. Произошла кровавая стычка. Кавалеры дрались лицомъ къ лицу съ круглоголовыми; но если на сторонѣ первыхъ была безумная смѣлость и рыцарское пренебреженіе къ смерти, то вторые имѣли надъ ними перевѣсъ относительно дисциплины, большей выдержки и навыка къ продолжительному бою. Исходъ борьбы нѣкоторое время казался сомнительнымъ; но тутъ съ высоты холма на помощь круглоголовымъ подоспѣло свѣжее войско; оно все ближе и ближе надвигалось и, наконецъ, среди шума битвы внезапно раздался грозный боевой крикъ: «Господь наше прибѣжище!» Въ то же время изъ глубины лощины появились съ тыла стрѣлки и окружили кавалеровъ, для которыхъ не оставалось другого исхода, кромѣ поспѣшнаго бѣгства. Они моментально разсѣялись въ разныя стороны, точно пораженные однимъ ударомъ: одни бросились по дорогѣ въ Лондонъ, другіе къ рѣкѣ, Кингстону и въ обратный путь къ «Nonsuch-Park'у». Скоро все поле покрылось группами бѣглецовъ, за которыми гнались круглоголовые. Не было куста или дерева по дорогѣ, у котораго бы не происходилъ кровавый бой. Кавалеры защищали свою жизнь съ мужествомъ отчаянія. Враги

преслѣдовали ихъ по пятамъ, и все дальше и дальше слышался шумъ битвы. Наконецъ, все замолкло.

Низко опустилось вечернее солнце надъ лѣсомъ; вездѣ на смятой травѣ виднѣлись лужи крови; подъ кустами лежали убитые и раненые, которые съ трудомъ дотащились до нихъ. Запахъ крови и пороха смѣшался съ ароматомъ травъ и цвѣтовъ, который особенно силенъ въ эту пору дня. Изрѣдка слышны были стоны и вздохи тяжело раненыхъ заглушаемые веселымъ пѣніемъ и чириканьемъ птицъ, которые разлетѣлись при первыхъ выстрѣлахъ и вернулись къ своимъ гнѣздамъ по окончаніи битвы. Заходящее солнце, склоняясь все ниже и ниже къ западу, заглянуло въ самые затаенные углы лѣса и освѣтило своими золотистыми лучами старый величественный дубъ и блѣдное лицо убитаго, который лежалъ подъ нимъ распростертый на землѣ. Никто, глядя на это изуродованное лицо, покрытое зіяющими ранами, и искалѣченную фигуру, не сказалъ бы, что это трупъ одного изъ самыхъ красивыхъ и богато одаренныхъ юношей Англіи.

Это былъ Францисъ Виллье, представитель одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Англіи, погибшій на двадцатомъ году жизни. Старый вѣтвистый дубъ служилъ ему надгробнымъ памятникомъ.

Зашло солнце; красноватый отблескъ вечерней зари разлился по цвѣтущей долинѣ Темзы, съ ея лѣсами, деревнями, покатыми возвышенностями и прекрасными обработанными полями. На обширномъ лугу передъ Кингстономъ, крыши котораго виднѣлись изъ зеленой массы деревьевъ, расположился эскадронъ драгунъ, утомленныхъ упорнымъ боемъ и преслѣдованіемъ непріятеля. Мѣстами разведены были костры и готовился ужинъ; у забора лежали раненые, найденные на различныхъ пунктахъ по окончаніи битвы.

Франкъ Гербертъ сидѣлъ на берегу рѣки и задумчиво смотрѣлъ на зеркальную поверхность воды, въ которой отражалось розоватое безоблачное небо, холмы и деревья противоположнаго берега. Несмотря на красоту окружавшаго ландшафта и прелесть тихаго лѣтняго вечера, передъ глазами его упорно носился образъ умирающаго съ знакомыми милыми чертами. Это былъ отецъ Оливіи. Онъ встрѣтилъ его лицомъ къ лицу.—Я давно ищу тебя! крикнулъ баронетъ и пришпорилъ свою лошадь, чтобы догнать его. Гербертъ видѣлъ, что сэръ Товій съ трудомъ держался на сѣдлѣ; панцырь его былъ залитъ кровью, полное лицо осунулось и поблѣднѣло... Баронетъ взглянулъ на него кроткими печальными глазами съ выраженіемъ горькой укоризны и глубокаго затаеннаго горя... О Боже, это были глаза Оливіи! Такъ смотрѣла она на него въ минуту ихъ послѣдней разлуки... Гербертъ чувствовалъ, что не въ состояніи защищаться противъ этого человѣка, неминуемая опасность грозила ему... Но силы измѣнили разгнѣванному отцу; мечь

выпалъ изъ его рукъ; и онъ самъ тяжело опустился на землю къ ногамъ своего врага безъ малѣйшихъ признаковъ жизни.

Но баронета не было въ числѣ раненыхъ собранныхъ на полѣ битвы: вѣроятно онъ доползъ до лѣсу и лежитъ гдѣ нибудь на опушкѣ лѣса освѣщеннаго вечерней зарей. Долго Гербертъ не могъ ни на что рѣшиться. Наконецъ, онъ подозвалъ одного изъ своихъ капитановъ, который сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него съ трубкой во рту.

— Если не ошибаюсь, вы Джойсъ знавали Чильдерлейскаго баронета, сэра Товія Кутсъ?

Капитанъ вынулъ трубку изо рта и почтительно подошелъ къ своему начальнику.

— Разумѣется я зналъ его; и мнѣ будетъ очень жаль, если съ нимъ случилось какое нибудь несчастіе. Это былъ славный и честный человѣкъ; его можно упрекнуть только за то упорство, съ какимъ онъ поддерживалъ проигранное дѣло. Но у каждаго есть свои слабыя стороны. Одно несомнѣнно, что у него была щедрая рука, хорошій погребъ и прекрасный столъ. Клянусь честью Юргенъ Джойсъ никогда не забудетъ его гостепріимства.

Гербертъ привыкъ къ многословію своего капитана, и поэтому терпѣливо выслушалъ его.—Очень радъ, что не обманулся въ васъ Джойсъ, сказалъ онъ. Вотъ въ чемъ дѣло: я видѣлъ, какъ баронетъ упалъ съ лошади замертво. Его нѣтъ между ранеными, которые принесены сюда; онъ, вѣроятно, лежитъ гдѣ нибудь на опушкѣ лѣса... не мѣшало бы подать ему помощь...

— Понимаю, положитесь на меня полковникъ! Юргенъ Джойсъ никогда не оставитъ человѣка въ бѣдѣ!..

— Вы можете взять съ собой столько людей, сколько хотите.

— Нѣтъ, это лишнее! Если баронетъ умеръ, то ему бѣднягѣ не нужна ничья помощь; а если живъ, то чѣмъ меньше свидѣтелей, тѣмъ лучше!..

— Но что дѣлать съ нимъ, если вы найдете его живымъ?

— Я увезу его въ одинъ домъ, гдѣ онъ будетъ въ полной безопасности. Къ счастью я знаю людей, на которыхъ могу положиться, хотя теперь это большая рѣдкость!

Гербертъ пожалъ руку капитану, который спокойно сѣлъ на прежнее мѣсто и, въ ожиданіи сумерекъ, закурилъ трубку.

ГЛАВА VI.

Капитанъ Джойсъ исполняетъ возложенное на него порученіе.

На опушкѣ лѣса, у котораго, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, происходилъ кровавый бой, царила мертвая тишина. Природа, безучастная къ страданіямъ и волненіямъ людей, опять вступила въ свои права; мѣсяцъ свѣтилъ все тѣмъ же ровнымъ серебристымъ свѣтомъ; птицы спокойно спали въ кустахъ, обрызганныхъ кровью.

Въ глубинѣ небольшаго оврага лежалъ тяжело раненый человѣкъ; возлѣ него сидѣлъ Мартинъ Бумпусъ въ печальной позѣ, съ головой, опущенной на грудь.

— Господи, разсуждалъ про себя вѣрный слуга, еще этого не доставало, чтобы я лишился всей моей провизіи въ проклятой свалкѣ! Вино, мясо, хлѣбъ, водка — все пропало...

Такъ, въ важныхъ и мелкихъ случаяхъ жизни, каждый смотритъ на міръ съ своей точки зрѣнія. Въ этотъ день, гдѣ люди жертвовали жизнью для дѣла, которому служили по своимъ убѣжденіямъ, Мартинъ Бумпусъ съ болью въ сердцѣ оплакивалъ потерю провизіи. Но въ данномъ случаѣ утрата была для него тѣмъ чувствительнѣе, что онъ ничего не могъ предложить своему господину, чтобы подкрѣпить его силы. Баронетъ лежалъ на землѣ слабый и безпомощный; пульсъ его едва бился. — Господи, воскликнулъ опять Бумпусъ, если бы я могъ добыть каплю вина,—это возвратило бы его къ жизни!

Полный мѣсяцъ выплылъ изъ набѣжавшихъ на него облаковъ, и освѣтилъ долину на далекомъ пространствѣ. Можно было различить каждый предметъ и тѣни, которыя ложились на землѣ; вдали виднѣлись бивуачные огни лагеря, расположеннаго близъ Кингстона. Но вотъ, среди ночной тишины, послышался отдаленный лошадиный топотъ.

— Кто бы это могъ быть? подумалъ Бумпусъ; нѣтъ ли у него съ собой фляжки съ виномъ...

Онъ всталъ съ своего мѣста и вышелъ на опушку лѣса. Сухой хворостъ захрустѣлъ подъ его ногами. Баронетъ поднялъ голову; на лицѣ его выразилось безпокойство.

— Мартинъ, сказалъ онъ, обѣщай мнѣ, что ты не отдашь меня живымъ въ его руки!..

Баронетъ говорилъ слабымъ прерывающимся голосомъ; несмотря на полусознательное состояніе, его мучила боязнь попасть въ руки ненавистнаго для него человѣка.

— Будьте спокойны, сэръ! этого никогда не случится! отвѣтилъ Мартинъ, окидывая внимательнымъ взглядомъ освѣщенную равнину. Лошадиный топотъ становился все слышнѣе; черное

пятно, виднѣвшееся вдали, принимало все болѣе и болѣе опредѣленныя очертанія, и, наконецъ, можно было ясно разглядѣть фигуру всадника, который ѣхалъ по направленію лѣса. Этотъ, повидимому, въ свою очередь, замѣтилъ Бумпуса, потому что внезапно остановился и сойдя съ лошади повелъ ее за поводъ.

Сердце вѣрнаго слуги усиленно билось; онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ приближенія незнакомца, хотя самъ не рѣшался идти къ нему на встрѣчу. — Положимъ, осторожность никогда нелишняя! разсуждалъ онъ про себя. Это только доказываетъ его умъ, что онъ сошелъ съ лошади и хочетъ сперва узнать съ кѣмъ имѣетъ дѣло... Но я не понимаю чего онъ медлитъ!..

Въ это время незнакомецъ подошелъ къ лѣсу на такое близкое разстояніе, что можно было различить его нарядъ при яркомъ лунномъ освѣщеніи. Бумпусъ обомлѣлъ отъ ужаса, убѣдившись, что передъ нимъ кромвельскій драгунъ и, вдобавокъ, не простой солдатъ, такъ какъ, сверхъ обычнаго краснаго мундира, рейтузъ, панцыря, шлема и сабли, на немъ былъ офицерскій шарфъ.

— Что за несчастіе! думалъ Бумпусъ, что̀ будетъ съ моимъ бѣднымъ баронетомъ! Развѣ убѣжать скорѣе отсюда, чтобы отвлечь вниманіе этого господина... Но онъ сразу догонитъ меня...

Незнакомецъ очутился передъ нимъ прежде чѣмъ онъ успѣлъ остановиться на какомъ нибудь рѣшеніи.

— Вы здѣшній? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, возразилъ Мартинъ, но потомъ сообразивѣ, что можетъ выдать себя неумѣстною откровенностью, поспѣшно добавилъ: да я здѣшній! Что вамъ угодно?

— Да и нѣтъ! Это не вяжется между собою, другъ мой! Неужели испугъ отбилъ у васъ память?

— Съ чего вы взяли, что я боюсь васъ? возразилъ Мартинъ обиженнымъ голосомъ; но тотчасъ же опомнился и перемѣнилъ тонъ. Дѣйствительно, сказалъ онъ, говоря правду, я немного струсилъ, когда вы заговорили со мной...

Кавалеристъ засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ и хлопнулъ Мартина по плечу.

— Вы напрасно представляетесь дуракомъ и хотите дурачить меня! сказалъ онъ. Мнѣ приходилось бывать въ разныхъ концахъ Англіи, и я готовъ поручиться головой, что вы крещены водой рѣки Кэма. По вашему выговору можно сразу узнать, что вы изъ Кембриджскаго графства.

— Если бы я даже былъ изъ Кембриджа, то кто же можетъ найти въ этомъ что̀ нибудь дурное?

— Я и не думаю попрекать васъ вашей родиной! нигдѣ не встрѣчалъ я такого радушнаго гостепріимства, какъ въ Кембриджѣ... Но что съ вами другъ мой? вы имѣете такой видъ, какъ будто не ѣли цѣлыя сутки!

Съ этими словами незнакомецъ досталъ изъ мѣшка, привязаннаго къ сѣдлу, кусокъ мяса и большой ломоть хлѣба и подалъ Бумпусу, который съ жадностью принялся ѣсть.

— Вотъ и прекрасно! продолжалъ онъ. Я знаю по опыту, что значитъ голодъ. Помню, какъ въ холодную апрѣльскую ночь, я привелъ цѣлую армію оборванцевъ на дворъ одного замка. Мы едва стояли на ногахъ отъ голода и жажды, и чтобы задать страху подняли адскій шумъ, пока, наконецъ, самъ владѣлецъ замка открылъ окно и спросилъ: кто мы и зачѣмъ пришли? У него въ это время были гости; но, тѣмъ не менѣе, этотъ добрый человѣкъ позвалъ меня наверхъ и угостилъ ростбифомъ, дичиной и такимъ прекраснымъ рейнскимъ виномъ, которое я не забуду до самой смерти... Сверхъ того, онъ приказалъ слугамъ накормить и напоить моихъ товарищей... Все это случилось въ Кембриджѣ; поэтому я буду всегда съ благодарностью вспоминать Кембриджъ и Чильдерлейскаго баронета!

Мартинъ Бумпусъ слушалъ разсказщика съ возрастающимъ интересомъ.

— Странное дѣло! воскликнулъ онъ, если бы не офицерскій мундиръ, то я готовъ былъ бы побожиться, что вы тотъ самый Юргенъ, котораго я видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ!

— Вы не ошиблись, мое имя Юргенъ... Юргенъ Джойсъ. Въ то время я былъ безбожный бродяга; но война великое дѣло! Если васъ не убьютъ наповалъ и не искрошатъ въ куски, то всегда есть возможность выйти въ люди! Но скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ вы встрѣчали меня? я рѣшительно не помню васъ!

— Да война производитъ странныя превращенія! Одного она повыситъ, а другого унизитъ и сдѣлаетъ такимъ несчастнымъ, что когда оба встрѣтятся опять черезъ извѣстный промежутокъ времени, то не могутъ узнать другъ друга!.. Я Мартинъ Бумпусъ, бывшій дворецкій сэра Товія Кутсъ, Чильдерлейскаго баронета. Когда вы были въ замкѣ, я прислуживалъ за столомъ, и затѣмъ, по приказанію баронета, накормилъ вашихъ товарищей...

— Мартинъ Бумпусъ! воскликнулъ капитанъ Джойсъ, заключивъ его въ свои объятія. Мой дорогой другъ! Развѣ могъ я ожидать, что встрѣчу васъ въ этомъ лѣсу въ такой поздній часъ ночи!.. Какъ жаль, что вы и вашъ господинъ роялисты и присоединились къ этой шайкѣ бунтовщиковъ, которыхъ мы разбили сегодня на голову... Тѣмъ не менѣе Юргенъ Джойсъ никогда не отвернется отъ тѣхъ, которые были добры къ нему, какъ бы ни мѣнялись обстоятельства, но сердце всегда остается сердцемъ!

— Значитъ я могу довѣриться вамъ. Вы поможете моему бѣдному господину? онъ тяжело раненъ.

— Скажите только, гдѣ онъ! Я собственно и пришелъ сюда съ тою цѣлью, чтобы спасти его.

— Никто, кромѣ Бога не могъ навести васъ на эту мысль!..

— Не все ли вамъ равно кто послалъ меня сюда! Весь вопросъ въ томъ: довѣряете ли вы мнѣ или нѣтъ?

— Да, и отъ всего сердца! Я васъ тотчасъ же сведу къ нему...

Бумпусъ пошелъ впередъ, капитанъ слѣдовалъ за нимъ и велъ за собою лошадь. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они увидѣли баронета, лежавшаго на землѣ, въ томъ же неподвижномъ положеніи.

— Бѣдный человѣкъ! воскликнулъ Джойсъ взволнованнымъ голосомъ. Кто могъ ожидать три года тому назадъ, что ему будетъ нужна моя помощь. Сэръ Товій! Сэръ Товій! повторилъ онъ, прикоснувшись рукою къ плечу раненаго. Я принесъ вамъ вина, выпейте глотокъ.

— Мнѣ ничего ненужно, отвѣтилъ баронетъ, не открывая глазъ. Я хочу умереть, оставь меня!

— Онъ принимаетъ васъ за меня, сказалъ шопотомъ Бумпусъ. Сегодня у него нѣтъ другого отвѣта, кромѣ этого!

— Все равно, лишь бы онъ выпилъ вина; это подкрѣпитъ его!.. Сэръ Товій выслушайте меня...

— Я видѣлъ какъ упалъ герцогъ Виллье сказалъ баронетъ. Его убили на моихъ глазахъ! я не могъ помочь ему...

— Онъ умеръ, его пѣсня спѣта! возразилъ Джойсъ, мы всѣ должны умереть... Выпейте глотокъ мой добрый сэръ!...

— Оставь меня въ покоѣ!.. отвѣтилъ баронетъ. На что мнѣ жизнь! Лучшіе люди умерли... Остались негодяи, измѣнники!.. Бѣдный, бѣдный король!

— Король живъ, никто не тронетъ его въ Каррисбрукѣ. Выпейте за его здоровье сэръ, сказалъ Джойсъ, и наклонивъ фляжку, вылилъ нѣсколько капель въ ротъ баронету. Вотъ такъ! но одно вино не поможетъ, необходимо съѣсть что̀ нибудь!

Сострадательный самарянинъ поднялся на ноги, чтобы достать остатки своей провизіи; но въ этотъ моментъ баронетъ открылъ глаза. Видъ краснаго мундира сразу пробудилъ въ немъ энергію и привелъ въ состояніе крайняго нервнаго возбужденія. Онъ наполовину приподнялся съ земли, опираясь на локоть здоровой руки.— Прочь отсюда! проговорилъ онъ съ гнѣвомъ.—Мнѣ не нужно твоей помощи!.. Мартинъ, Мартинъ! неужели и ты рѣшился предать меня! Теперь я въ плѣну и въ его рукахъ!..

— Вы напрасно упрекаете меня сэръ! Мартинъ Бумпусъ никогда не былъ и не будетъ измѣнникомъ! а этотъ человѣкъ желаетъ вамъ добра; его зовутъ Юргенъ Джойсъ. Три года тому назадъ вы оказали ему гостепріимство въ вашемъ замкѣ!..

— Негодяй! пробормоталъ баронетъ.—Вмѣсто того, чтобы защищать короля, онъ служитъ бунтовщикамъ!

— Не знаю, какая была бы польза изъ того, что я теперь лежалъ бы гдѣ нибудь раненый или убитый! Успокойтесь сэръ! Вамъ

нечего бояться меня; какъ бы вы не бранили меня, я готовъ все перенести отъ васъ, потому что знаю, что вы добрый и хорошій человѣкъ и не всегда бываете въ такомъ дурномъ расположеніи духа! Перестаньте сердиться сэръ, покушайте мяса и выпейте еще вина...

— Будь я проклятъ, если я съѣмъ одинъ кусокъ! возразилъ съ раздраженіемъ баронетъ.

— Остановитесь сэръ! христіанинъ не долженъ позволять себѣ подобныхъ выраженій. Въ былыя времена я самъ легко относился къ религіи; нужда научила меня молиться... Ну да что говорить объ этомъ, проповѣдь мнѣ не къ лицу. Вспомните о вашихъ дѣтяхъ сэръ!

— Моихъ дѣтяхъ! воскликнулъ баронетъ.—Смѣешь ли ты мнѣ напоминать о нихъ, когда самъ предалъ своего сѣдаго дряхлаго отца и отправилъ его въ изгнаніе...

— Если я исполнилъ долгъ честнаго человѣка, то это еще не доказательство, чтобы я былъ дурнымъ сыномъ!.. Да избавитъ Богъ всякаго отъ тѣхъ мукъ, которыя я испыталъ тогда! Поэтому вашъ упрекъ не трогаетъ меня сэръ. Это было самое тяжелое испытаніе, какое можетъ вынести человѣкъ! Тотъ часъ, который я провелъ съ веревкой на шеѣ въ ожиданіи висѣлицы показался мнѣ вдвое короче тѣхъ минутъ, которыя я простоялъ передъ моимъ разгнѣваннымъ отцомъ!

Глубокая непритворная грусть, которая слышалась въ словахъ Джойса тронула доброе сердце баронета; онъ замолчалъ.

Между тѣмъ Джойсъ поднялъ свою фляжку, лежавшую на землѣ и подалъ ее баронету:—Выпейте немного вина сэръ; это подкрѣпитъ ваши силы. Я пришелъ сюда съ единственною цѣлью помочь вамъ, и вы не можете сомнѣваться въ этомъ... Черезъ часъ пройдетъ патруль, и если онъ захватитъ васъ здѣсь, то вамъ не избѣжать плѣна...

Баронетъ поспѣшно выпилъ нѣсколько глотковъ вина; плѣнъ пугалъ его болѣе всего на свѣтѣ; холодный потъ выступилъ на его лбу при одной мысли, что онъ попадетъ въ руки Герберта.—Нѣтъ, сказалъ онъ, этому не бывать! Я готовъ пожертвовать послѣдней каплей моей крови, чтобы избѣжать подобнаго позора!.. Объясни мнѣ пожалуйста Юргенъ, какъ ты попалъ сюда, въ эту отдаленную часть лѣса, когда всѣ твои товарищи вѣроятно давно отдыхаютъ послѣ битвы?

— Назовите это случайностью, если вы вѣрите въ нее; пуританинъ сказалъ бы, что это «рука Божія!..» Но мы и такъ потеряли много времени въ разговорахъ... Позвольте осмотрѣть вашу рану сэръ!

Джойсъ всталъ на колѣни передъ баронетомъ и осторожно снялъ съ него тяжелый панцырь. Пуля ударила подъ лѣвую руку и за-

сѣла въ груди. Трудно было рѣшить какъ глубоко прошла она; но очевидно легкія не были тронуты, потому что баронетъ былъ живъ до сихъ поръ и находился сравнительно въ хорошемъ состояніи, несмотря на большую потерю крови. Вся опасность заключалась въ томъ, что больной такъ долго оставался безъ всякой помощи. Джойсъ заткнулъ рану корпіей и сдѣлалъ полотняную перевязку.

Баронетъ сразу почувствовалъ облегченіе; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ проснулась привязанность къ жизни.

— Теперь я въ твоихъ рукахъ Юргенъ, что ты хочешь дѣлать со мной?

— Если вы ничего не имѣете противъ того сэръ, то я свезу васъ къ моимъ друзьямъ, гдѣ вы будете также безопасны какъ у себя дома. Три года тому назадъ вы оказали мнѣ благодѣяніе и отнеслись ко мнѣ съ участіемъ. Я поклялся тогда, что никогда не забуду этого! Теперь я очень радъ, что представился случай оказать вамъ услугу. Я передамъ васъ въ вѣрныя руки и прощусь съ вами...

— Ты хорошій человѣкъ Юргенъ, сказалъ съ сердечнымъ умиленіемъ баронетъ, протягивая ему руку.—Какія бы ни были у тебя недостатки, но въ тебѣ нѣтъ коварства. Распоряжайся мною по твоему усмотрѣнію.

Джойсъ съ помощью Бумпуса посадилъ баронета на свою лошадь; затѣмъ осторожно вывелъ ее изъ лѣсу на равнину, освѣщенную луной. Лошадь шла медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ по густой влажной травѣ. Мало по малу лѣсъ совсѣмъ скрылся изъ виду; и только вдали близъ Кингстона еще нѣкоторое время мелькали огоньки на томъ мѣстѣ гдѣ Франкъ Гербертъ расположился со своими драгунами. Но вотъ между деревьями блеснула вода, и путники увидѣли передъ собою широкую рѣку, которая казалась серебряной при лунномъ освѣщеніи. Вскорѣ начался рядъ терассъ, подходившихъ къ самому берегу. Темные каштаны отсвѣчивали голубовато-зеленымъ свѣтомъ; между ними виднѣлись ослѣпительно бѣлыя мраморныя статуи. Паркъ, окаймленный вызолоченной желѣзной рѣшеткой, казался какимъ-то волшебнымъ садомъ, среди котораго на высокой терассѣ возвышался величественный замокъ.

— Вотъ «Ham-Haus», резиденція графини Дизаръ! сказалъ капитанъ Джойсъ, обращаясь къ Бумпусу, такъ какъ баронетъ почти всю дорогу дремалъ, сидя на широкомъ покойной сѣдлѣ. Но знакомое имя заставило его очнуться.

— Если это домъ графини Дизартъ, сказалъ онъ, то я могу избавить васъ обоихъ отъ дальнѣйшихъ хлопотъ! Графиня Дизаръ вѣроятно не откажетъ въ гостепріимствѣ старому другу.

— Какъ, вы хотите остаться у графини Дизаръ? спросилъ съ удивленіемъ Джойсъ.

— Разумѣется, въ ея домѣ я буду безопаснѣе, чѣмъ гдѣ либо.

— Безопаснѣе! но развѣ вамъ неизвѣстно сэръ, что домомъ графини управляетъ Пиккерлингъ!

Лицо баронета еще больше поблѣднѣло при этомъ извѣстіи. Не ошибка ли это? спросилъ онъ. Можетъ быть ты перепуталъ фамиліи мой другъ! Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы Пиккерлингъ могъ попасть сюда!

— Я также увѣренъ въ этомъ, какъ въ томъ, что мое имя Юргенъ Джойсъ. Я встрѣтилъ этого негодяя у рѣшетки парка, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ мы стоимъ теперь. Это было какъ разъ на другой день послѣ того вечера, когда въ башнѣ было тайное совѣщаніе, на которомъ вы присутствовали сэръ вмѣстѣ съ другими кавалерами.

— Тебѣ также извѣстно это. Значитъ я не ошибся! эта проклятая жидовка выдала насъ!..

— Нѣтъ, сэръ, вы напрасно обвиняете эту честную, благородную и добрую дѣвушку. Ее насильно притащилъ въ башню одинъ молодой лордъ въ надеждѣ, что она согласится быть его любовницей. Въ это время другой негодяй стоялъ за дверьми и подслушивалъ. Повѣрьте моему честному слову, что васъ выдалъ Пиккерлингъ.

— Вотъ объясняется еще одна загадка! сказалъ баронетъ съ глубокимъ вздохомъ. Кто могъ ожидать подобнаго совпаденія. Дѣлать нечего; вези меня куда ты хотѣлъ.

— Согласны ли вы сэръ отправиться къ той еврейкѣ, которая такъ не нравится вамъ? спросилъ Джойсъ.

— Дѣлай что хочешь, мои счеты окончены! Тѣ, на которыхъ я всего менѣе надѣялся хлопочутъ о моемъ спасеніи; а люди, которыхъ я осыпалъ благодѣяніями, измѣняютъ мнѣ...

— Не всѣ! мой добрый сэръ, не всѣ!.. проговорилъ съ сдержаннымъ рыданіемъ Мартинъ, цѣлуя холодную руку своего господина.

— Къ счастью не всѣ, проговорилъ медленно и задумчиво баронетъ. Это одно еще привязываетъ меня къ жизни...

ГЛАВА VII.

Друзья капитана Джойса.

На разсвѣтѣ сэръ Товій, сопровождаемый своими спутниками, проѣхалъ мостъ черезъ Темзу и ворота ведущія въ Сити. Часовые безпрекословно пропускали небольшое шествіе, по первому слову

капитана, тѣмъ болѣе, что онъ изъ предосторожности прикрылъ сэра Товія соимъ плащемъ.

Полное безмолвіе царило на улицахъ Сити; высокіе дома съ шпицами на разукрашенныхъ крышахъ мрачно обрисовывались на сѣроватомъ фонѣ неба. Путники миновали Leadenhall-Sreet, одну изъ лучшихъ и наиболѣе широкихъ улицъ тогдашняго Лондона съ прекрасными богатыми лавками, которыя были закрыты наглухо въ этотъ ранній часъ утра. Отсюда они свернули на площадь и, проѣхавъ еще нѣсколько улицъ и переулковъ, знакомыхъ Джойсу съ ранняго дѣтства, остановились передъ домомъ, нижній этажъ котораго былъ окруженъ лѣсами и повидимому отдѣлывался заново.

— Этотъ домъ сильно пострадалъ во время послѣдняго возмущенія, сказалъ Джойсъ; бунтовщики выломали двери и разбили окна; затѣмъ подоспѣли наши пули, чтобы выгнать негодяевъ изъ чужаго занятаго ими гнѣзда. Между тѣмъ бѣднымъ жителямъ досталось отъ тѣхъ и другихъ. Такъ, бываетъ всегда во время войны; мирнымъ гражданамъ приходится терпѣть отъ друга и недруга...

— Ей, кто-тамъ! кажется наверху огонь.

Дѣйствительно въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа былъ видѣнъ мерцающій огонь небольшой лампы, тускло горѣвшей при бѣловатомъ свѣтѣ наступающаго утра. Слабый золотистый отблескъ восходящаго солнца окрашивалъ шпицъ на крышѣ, такъ что теперь можно было ясно различить темныя стѣны и рѣзьбу на окнахъ.

— Эй, кто тамъ? крикнулъ еще разъ Джойсъ и, ударивъ кулакомъ о дверь, вернулся на средину улицу. Черезъ минуту отворилось окно и показалась сѣдая голова въ черной ермолкѣ.

— Доброе утро, другъ мой Авраамъ, крикнулъ капитанъ веселымъ голосомъ. — Простите, что такъ рано потревожилъ васъ! Должно быть не больше трехъ часовъ; но солдату не приходится разбирать время. Сдѣлайте одолженіе, сойдите скорѣе внизъ мой почтенный другъ; вы знаете, что вамъ нечего бояться Юргена Джойса!

— Призываю Бога въ свидѣтели, что вы всегда желанный гость въ моемъ домѣ г-нъ Джойсъ, возразилъ старикъ. — Мы еще въ долгу у васъ за Мануэллу! Милости просимъ...

Окно закрылось; вслѣдъ затѣмъ изъ дома вышелъ Авраамъ и дружески пожалъ руку Джойсу, который сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу.

— Вотъ я привезъ вамъ раненаго, сказалъ Джойсъ снимая плащъ съ баронета. Дайте ему пріютъ въ вашемъ домѣ; у васъ онъ будетъ безопаснѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Авраамъ въ первую минуту онѣмѣлъ отъ удивленія, когда уви-

дѣлъ лицо человѣка, который съ такимъ жестокосердіемъ выгналъ его съ семьей изъ своего замка въ бурную дождливую ночь. Неріязненнное чувство проснулось въ его сердцѣ; но онъ тотчасъ пересилилъ себя и въ глубинѣ своего набожнаго сердца поблагодарилъ Бога, что ему представляется случай заплатить добромъ за зло.

— Это Чильдерлейскій баронетъ, продолжалъ капитанъ; онъ былъ въ числѣ роялистовъ, которыхъ мы разбили вчера при Кингстонѣ.

— Я тотчасъ же узналъ его, сказалъ Авраамъ;—и обѣщаю вамъ сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы ему было хорошо въ моемъ домѣ.

— Я былъ увѣренъ въ этомъ! Разумѣется онъ нехорошо поступилъ, выгнавъ васъ тогда изъ своего замка вмѣстѣ съ другими плѣнниками, несмотря на проливной дождь, и еще спустилъ на васъ своихъ собакъ... Нужно сказать правду, превосходные псы!.. Разумѣется я не оправдываю этого поступка, но, повѣрьте, онъ въ душѣ хорошій человѣкъ...

— Говорите тише, онъ можетъ услышать! прервалъ Авраамъ и, подойдя къ баронету, осторожно снялъ его съ сѣдла съ помощью Мартина.

Сэръ Товій не узналъ еврея, которому нѣкогда нанесъ такое кровное оскорбленіе; но увидѣлъ съ перваго раза, что онъ принадлежитъ къ ненавистному для него племени. Тѣмъ не менѣе онъ настолько ослабъ физически и нравственно и смирился духомъ, что безпрекословно содласился войдти въ его домъ.

— Опирайтесь крѣпче на мою руку сэръ, у меня хватитъ силъ довести васъ! сказалъ Авраамъ и взявъ подъ руку баронета, осторожно повелъ его въ домъ.

— Вы не спрашиваете, кто я и что̀ побудило меня обратиться къ вашему гостепріимству? сказалъ баронетъ.

— Вы больны и устали съ дороги, къ чему стану я еще больше утомлять васъ пустыми вопросами.

— Мое присутствіе въ вашемъ домѣ можетъ навлечь на васъ гнѣвъ высшихъ властей... Вы будете раскаяваться въ своемъ гостепріимствѣ!

— Не безпокойтесь объ этомъ, сэръ, войдите пожалуста. Разговоры должны утомлять васъ; здѣсь вы отдохнете немного съ дороги, пока мы приготовимъ вамъ болѣе удобное помѣщеніе.

Съ этими словами хозяинъ дома ввелъ баронета въ свой кабинетъ и, усадивъ въ покойное кресло, удалился. Это была небольшая комната, почти темная въ этотъ часъ утра, съ небольшимъ окномъ, выходившимъ на улицу. Вдоль стѣнъ на полкахъ виднѣлись книги въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ; на столѣ, у котораго сидѣлъ баронетъ, лежала открытая книга и горѣла лампа.

Капитанъ Джойсъ остался внизу съ лошадью. — Нужно дать отдыхъ Мануэллѣ! разсуждалъ онъ про себя;—она сдѣлала не малый путь; скоро намъ прійдется возвращаться обратно въ лагерь! Пойдемъ со мной Мартинъ, посмотримъ нельзя ли будетъ добыть овса! Капитанъ привязалъ лошадь на дворѣ и вошелъ въ домъ въ сопровожденіи Мартина.

Между тѣмъ Авраамъ, узнавъ, что его домашніе встали, вышелъ къ нимъ, чтобы сдѣлать распоряженія относительно комнаты для больного и подготовить Мануэллу къ неожиданной встрѣчѣ.

Мануэлла тотчасъ же поспѣшила къ отцу Оливіи, какъ только узнала о постигшемъ его несчастіи. Баронетъ сидѣлъ неподвижно въ креслѣ съ закрытыми глазами, закинувъ назадъ голову. Дневной свѣтъ началъ проникать въ комнату, хотя лампа все еще горѣла распространяя свой тусклый красноватый свѣтъ на корешки книгъ и низкій потолокъ. Мануэлла остановилась на порогѣ, разсматривая знакомыя черты лица чильдерлейскаго владѣльца, которыя напоминали ей лучшее и самое тревожное время ея жизни, пока чувство любви, благодарности и состраданія настолько пересилило ее, что она вслухъ воскликнула: моя бѣдная Оливія!

Эти слова пробудили баронета изъ его болѣзненной дремоты. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ Мануэллу, которая опустилась передъ нимъ на колѣни, и, заливаясь слезами, поцѣловала его руку.

— Что̀ это значитъ? спросилъ баронетъ слабымъ голосомъ, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы припомнить, гдѣ онъ.—Ты ли это Мануэлла.

— Да, возразила она, самъ Богъ привелъ васъ сюда!

Сознаніе дѣйствительности сразу охватило несчастнаго человѣка съ поразительной ясностью.

— Если Господь послалъ меня сюда, то развѣ для того, чтобы заставить меня выпить до дна чашу горести, воскликнулъ онъ. Лучше было бы изойти кровью въ лѣсу, чѣмъ испытывать тѣ страданія, которыя я выношу теперь... Бѣдная дѣвочка я всегда относился враждебно къ тебѣ...

— Но ваша дочь Оливія всегда любила меня.

— Я почувствовалъ къ тебѣ непріязнь съ той минуты, какъ ты вошла въ мой домъ... Потомъ мнѣ казалось, что ты причина охлажденія моей дочери ко мнѣ.

— Какъ только я узнала это, мнѣ не оставалось иного исхода кромѣ разлуки съ Оливіей...

— У меня не было ни малѣйшаго подозрѣнія, что ты еврейка, иначе я никогда на позволилъ бы тебѣ переступить порогъ моего дома.

— Даже при томъ условіи, еслибы я была какъ въ то время, больная, одинокая, всѣми брошенная? спросила Мануэлла.

— Даже тогда! отвѣтилъ сэръ Товій! Вѣроятно Господь нака-

зываетъ меня, что я встрѣчаю состраданіе со стороны тѣхъ людей, къ которымъ всегда относился съ пренебреженіемъ и ненавистью!.. Я даже разсердился на великодушнаго Франциса Виллье, когда онъ началъ защищать тебя. Я былъ увѣренъ, что ты подслушала нашъ разговоръ въ башнѣ и предала насъ...

— Надѣюсь, что вы больше не думаете этого!

— Нѣтъ, клянусь честью! Жалѣю, что не могу повторить этого покойному герцогу Вилльe.

— Развѣ онъ умеръ? спросила Мануэлла встревоженнымъ голосомъ.

— Да, его убили на моихъ глазахъ подъ дубомъ, отвѣтилъ съ глубокимъ вздохомъ баронетъ; а братъ его Бокингемъ живъ!

Мануэлла ничего не отвѣтила; только густая краска выступила на ея щекахъ.

— Такъ всегда бываетъ на свѣтѣ, продолжалъ печально баронетъ. Благородные великодушные люди умираютъ преждевременно, потому что они слишкомъ хороши для этого міра! Кругомъ видишь подлость и измѣну, такъ что для честнаго человѣка ничего не остается какъ покончить съ жизнью. Что можетъ его привязывать къ ней? Стоитъ ли жить, чтобы видѣть какъ торжествуютъ негодяи!

— Но у каждаго человѣка есть свои обязанности сэръ и болѣе или менѣе широкій кругъ дѣятельности. У васъ богатое помѣстье, дѣти, собственный домъ!

— Собственный домъ! повторилъ баронетъ. Ты не знаешь Кромвеля. Не сегодня завтра наложенъ будетъ секвестръ на все мое имущество за мою преданность королю. Я оставлю своихъ дѣтей нищими, безъ крова и родины... О Господи, воскликнулъ баронетъ, поднявъ глаза къ небу, услышь мою единственную молитву: сжалься надъ моими бѣдными дѣтьми, чтобы я могъ сказать умирая хвала тебѣ!.. Если люди сдѣлали мнѣ зло, то Ты отнялъ у меня теперь все, чтó мнѣ было дорого въ жизни!..

Это своеобразное проявленіе набожности тронуло Мануэллу до слезъ. Вы сдѣлали что могли сэръ, сказала она ласково; вы готовы были пожертвовать своими дѣтьми, жизнью, всѣмъ имуществомъ ради убѣжденія. Больше этого нельзя требовать отъ человѣка!

— Но меня мучитъ, что все это было напрасно и что изъ-за этого еще много будетъ пролито крови... но кто спасетъ короля и приведетъ его въ Уайтголль!.. Нѣтъ Мануэлла, все, что ты говорила, не болѣе какъ пустыя утѣшенія, они также дѣйствительны какъ всякія лекарства. О Боже какая боль! воскликнулъ баронетъ, схватившись за грудь; лицо его, раскраснѣвшееся во время разговора, опять покрылось мертвою блѣдностью.

— Что съ вами сэръ? спросила Мануэлла, вы больнѣе, нежели вы думаете! Позвольте мнѣ перевязать вашу рану!..

Она смотрѣла на него съ мольбой своими большими кроткими глазами; въ нихъ выразилось такое непритворное безпокойство и столько искренняго теплаго участія, что баронетъ былъ тронутъ до глубины души. Нѣтъ дитя мое, сказалъ онъ, ласково положивъ руку на голову дѣвушки. Почтенный хозяинъ этого дома вѣроятно призоветъ доктора и онъ перевяжетъ мою рану. Но есть другія раны, которыя еще больнѣе; онѣ излѣчиваются мало по малу, ихъ можетъ облегчить только доброе и искреннее слово участія. Иди дитя мое! Мнѣ нуженъ покой...

Онъ дружески протянулъ ей руку, которую молодая дѣвушка поцѣловала съ нѣжностью, и затѣмъ удалилась изъ комнаты чуть слышными шагами. Сойдя внизъ, она уже не застала Авраама, который поспѣшилъ къ м-ру Никласу, чтобы сообщить ему о случившемся. Онъ считалъ неудобнымъ утаить пребываніе баронета въ своемъ домѣ отъ секретаря Кромвеля, такъ какъ укрывательство одного изъ роялистовъ, стоявшихъ тогда въ открытой враждѣ съ правительствомъ, было немаловажнымъ преступленіемъ, хотя въ то же время ему казалось вполнѣ естественнымъ дать убѣжище больному раненому старику, который никому не могъ сдѣлать вреда. Онъ засталъ своего друга одѣтымъ и за работой, потому что м-ръ Никласъ пользовался отсутствіемъ Кромвеля, чтобы подвинуть свое полемическое сочиненіе въ пользу евреевъ, которое требовало долгаго и внимательнаго изученія Библіи, отцовъ церкви, духовныхъ и свѣтскихъ писателей.

М-ръ Никласъ внимательно выслушалъ разсказъ Авраама; но не могъ сразу дать отвѣта, такъ какъ вообще не отличался быстротою соображенія. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, онъ замѣтилъ, что дѣло должно остаться, въ величайшемъ секретѣ, потому что жители Лондонскаго Сити не расположены къ евреямъ и воспользуются первымъ поводомъ, чтобы погубить Авраама и его семью.

— Но само собою разумѣется, добавилъ онъ, нельзя сообразоваться съ узкими понятіями этихъ торгашей! Они и безъ того подняли голову, позволяютъ себѣ разныя выходки противъ друзей свободы; и даже толкуютъ о необходимости опять вступить въ переговоры съ каррисбрукскимъ плѣнникомъ. Дай Богъ, чтобы скорѣе вернулся Кромвель, тогда дѣлà примутъ иной оборотъ... Во всякомъ случаѣ другъ мой, я совѣтую вамъ поступать согласно предписаніямъ вашей религіи и положиться на милосердіе Божіе!

— Я такъ и сдѣлаю! сказалъ Авраамъ и взявъ адресъ доктора, отправился къ нему, между тѣмъ какъ м-ръ Никласъ вновь принялся за работу.

Въ это время вошло солнце и освѣтило своими золотистыми лучами гостепріимный домъ: въ Duke-Street'ѣ, гдѣ чильдерлейскій баронетъ нашелъ себѣ вѣрный пріютъ послѣ всѣхъ испытан-

ныхъ имъ волненій и утомительной походной жизни подъ открытымъ небомъ. Хотя нижній этажъ дома еще былъ окруженъ лѣсами съ наружной стороны, но внутри его ничего не напоминало о недавнемъ погромѣ. Комнаты имѣли прежній уютный видъ; сквозь свѣтлыя окна глядѣло голубое утреннее небо. Спокойно и тихо было во всемъ домѣ; здѣсь снова жили люди довольные своей судьбой.

Но всѣхъ счастливѣе и довольнѣе въ это утро казался капитанъ Юргенъ Джойсъ, когда онъ съ помощью Мартина, притащилъ на дворъ цѣлый мѣшокъ отборнаго овса и поставилъ передъ лошадью. Затѣмъ, снявъ съ нее сѣдло, онъ съ умиленіемъ смотрѣлъ, какъ голодное животное принялось за ѣду.

Мануэлла застала его за этимъ занятіемъ.

— Мой дорогой другъ, сказала она, протягивая ему обѣ руки, наконецъ-то я отыскала васъ. Надѣюсь, что вы погостите у насъ?..

Но капитанъ Джойсъ не слушалъ ее: Посмотрите, какой у ней аппетитъ! воскликнулъ онъ, указывая на лошадь, голова которой была наполовину зарыта въ овсѣ.

Въ эту минуту Мануэлла увидѣла Мартина Бумпуса, сидѣвшаго на каменной скамьѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лошади. Она ласково поздоровалась съ нимъ и спросила объ Оливіи.

— Что вамъ сказать на это миссъ! отвѣтилъ Бумпусъ, который былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Она осталась одна въ огромномъ пустомъ замкѣ; и вѣроятно испугается не на шутку, когда узнаетъ, что̀ случилось съ нашимъ баронетомъ!

Мануэлла задумчиво опустила глаза.

— Вѣроятно ее ожидаетъ еще другое несчастіе, продолжалъ Бумпусъ; скоро въ замокъ явятся эти проклятые круглоголовые и выгонятъ ее на улицу!

— Я просилъ бы тебя не выражаться такимъ образомъ въ моемъ присутствіи, замѣтилъ капитанъ.

— Развѣ я говорю неправду? проворчалъ Мартинъ. Посмотрѣли бы вы, что они сдѣлали съ нашей красивой деревенской церковью! У меня просто сердце обливается кровью, когда я подумаю, что тоже будетъ и съ Чильдерлейскимъ замкомъ...

На то война! возразилъ хладнокровно капитанъ. Сегодня торжествуютъ одни, завтра другіе. Если бы ты Мартинъ служилъ, какъ я подъ начальствомъ Тилли и видѣлъ, что дѣлалось въ Германіи, то убѣдился бы, что сравнительно съ этимъ здѣшняя война дѣтская забава... Повѣрьте моя дорогая миссъ, что Мартинъ голоденъ; и поэтому смотритъ на все сквозь черные очки; дайте ему поѣсть и вы увидите, что онъ сдѣлается другимъ человѣкомъ!

Мануэлла пригласила обоихъ собесѣдниковъ въ комнату нижняго этажа и подала имъ обильный завтракъ, который одинаково

пришелся по вкусу побѣдителю и побѣжденному, тѣмъ болѣе, что передъ ними стояла большая кружка вина.

Вскорѣ послѣ того пришелъ Авраамъ съ извѣстіемъ, что докторъ обѣщалъ навѣстить больнаго. Капитанъ Джойсъ, поговоривъ немного съ хозяиномъ, всталъ изъ-за стола чтобы отправиться въ обратный путь. Онъ вышелъ на дворъ и, вычистивъ лошадь, привязалъ къ сѣдлу мѣшокъ съ оставшимся овсомъ.

— Теперь ты сыта, сказалъ онъ обращаясь къ лошади, а это мы возьмемъ съ собою! Солдатъ не долженъ ничѣмъ пренебрегать; сегодня онъ и лошадь сыты по горло, а завтра они должны умирать отъ голоду!..

Затѣмъ, Джойсъ подошелъ къ Аврааму, который вышелъ изъ дому съ Мануэллой, чтобы проводить его: — До свиданія мои дорогіе друзья, сказалъ онъ. Вы не пожалѣете, что дали пріютъ этому несчастному баронету! Васъ поблагодаритъ за это человѣкъ поважнѣе меня, бѣдняка!...

Авраамъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на капитана.

— Разумѣется, я ничего не могу обѣщать за него, продолжалъ Джойсъ; но онъ узнаетъ о вашемъ великодушномъ поступкѣ, и при случаѣ не забудетъ васъ.

— Это не можетъ быть Кромвель, замѣтилъ Авраамъ, онъ теперь въ походѣ!..

— Я и не думаю говорить о немъ!

— Вѣроятно вашъ полковникъ, Франкъ Гербертъ! сказала Мануэлла, положивъ свою руку на плечо капитану.

— Моя дорогая миссъ, возразилъ онъ, не спрашивайте меня! Вы знаете, что можете заставить меня выболтать все, что вамъ угодно. Не требуйте этого! Я не имѣю права отвѣтить на вашъ вопросъ.

Мануэлла замолчала; но улыбка, освѣтившая ея очаровательное личико и блескъ темныхъ глазъ, ясно показывали, что она не сомнѣвается въ справедливости своей догадки. — Если Оливія дѣйствительно обязана спасеніемъ своего отца Франку Герберту, думала она, то еще не все потеряно! Естественно, что Гербертъ желаетъ сохранить тайну: полковнику Кромвелевской арміи небезопасно спасти жизнь человѣку, который замѣшанъ въ заговорѣ роялистовъ и поднялъ оружіе противъ правительства. Во всякомъ случаѣ, я никому не скажу объ этомъ, даже Оливіи...

Капитанъ Джойсъ сѣлъ на лошадь. — Прощайте, до свиданія, крикнулъ онъ и, закуривъ трубку, выѣхалъ изъ воротъ. Вскорѣ онъ повернулъ въ одну изъ ближайшихъ улицъ и скрылся изъ виду.

Между тѣмъ, больнаго уложили въ постель въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дома, которая была приготовлена для него. Она была въ верхнемъ этажѣ. Отсюда открывался видъ на крыши и

далекій горизонтъ; въ то время онъ еще не былъ закрытъ облаками дыма и массой каменныхъ строеній. Сидя въ комнатѣ, можно было видѣть рядъ холмовъ, которые тянутся съ востока на сѣверъ; по вечерамъ ихъ освѣщалъ отблескъ заходящаго солнца. Черезъ открытыя окна весной и лѣтомъ комната наполнялась запахомъ цвѣтовъ и свѣжей зелени. Нынѣшній лондонскій житель невольно улыбнется при одной мысли, что можно дышать чистымъ воздухомъ и любоваться небомъ въ такихъ населенныхъ пунктахъ города, какъ «Duke's Place» или «Pettycoat-Lane». Но въ тѣ времена было не то, что теперь. Въ комнатѣ больнаго баронета было свѣтло и прохладно съ ранняго утра до заката солнца. Изъ оконъ видѣнъ былъ прекрасный ландшафтъ, на величественную зеленую равнину, которая начиналась тотчасъ за городской стѣной. Всюду виднѣлись сады и павиліоны; между ними извивалась серебристая рѣчка, текущая въ Темзу; вдали на вершинѣ холмовъ стояли вѣтряныя мельницы и при малѣйшемъ вѣтрѣ размахивали своими широкими крыльями.

Пришелъ докторъ, тщательно осмотрѣлъ больнаго и сдѣлалъ перевязку. По его мнѣнію, рана баронета не приняла бы такого дурнаго оборота, еслибы ему вò-время была оказана помощь; но что теперь, отъ сильной потери крови, болѣзнь будетъ очень продолжительная. Хотя онъ не терялъ надежды на выздоровленіе при хорошемъ уходѣ, но совѣтовалъ оберегать больнаго отъ всякихъ волненій, такъ какъ онъ настолько истощенъ, что не вынесетъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, когда Авраамъ попросилъ дозволенія послать за дочерью баронета, то докторъ изъявилъ согласіе и замѣтилъ только, что больной, вѣроятно, не узнаетъ ее, такъ какъ, по нѣкоторымъ признакамъ, для него скоро наступитъ періодъ полнаго безпамятства.

Мартинъ Бумпусъ сильно огорчился, когда Авраамъ, послѣ ухода доктора, объявилъ ему, что не можетъ дозволить ему проститься съ баронетомъ.

— Мы никогда не разставались съ нимъ, какъ въ хорошіе, такъ и въ дурные дни нашей жизни, возразилъ вѣрный слуга со слезами на глазахъ. Теперь вы не хотите даже позволить мнѣ взглянуть на него!

— Вы можете пріѣхать сюда, когда ему будетъ лучше, сказалъ въ утѣшеніе Авраамъ. Ему нуженъ покой. Никто не будетъ видѣть баронета, кромѣ доктора и немногихъ лицъ, необходимыхъ для ухода за нимъ. Впрочемъ, если вы хотите, то можете оказать своему господину большую услугу. Докторъ позволилъ пригласить сюда дочь баронета—не согласитесь ли вы съѣздить за нею?

— Разумѣется, это самое лучшее, чтò можно придумать, возразилъ Бумпусъ. Круглоголовые негодяи вѣроятно нападутъ на прекрасный Чильдерлейскій замокъ и разорятъ его до тла, какъ

это они сдѣлали съ замками другихъ дворянъ, преданныхъ королю! Я хотѣлъ было предложить миссъ Оливіи переѣхать на мою мельницу, потому что буря всегда ломаетъ большія деревья и щадитъ низкій кустарникъ. Дочь баронета была бы полной госпожей въ моемъ домѣ! Мартинъ Бумпусъ никогда не забудетъ благодѣяній Чильдерлейскаго дома.... Но дѣлать нечего! Если миссъ Оливія пожелаетъ пріѣхать сюда, то вы можете быть увѣрены, что я съ величайшею готовностью провожу ее и доставлю въ цѣлости....

Въ тѣ времена въ Англіи, какъ и вездѣ, путешествовали довольно медленно, а тѣмъ болѣе въ описываемую пору, гдѣ нерѣдко приходилось сдѣлать большой объѣздъ, чтобы избѣгнуть близости осажденнаго города или не попасть на встрѣчу безчисленнымъ проходившимъ войскамъ. Такимъ образомъ, прошло больше недѣли, пока Мартинъ Бумпусъ и дочь баронета добрались до Лондона. Около полудня они въѣхали въ Duke-Street и остановились передъ домомъ еврея Авраама. Мануэлла, увидя ихъ изъ окна, выбѣжали на встрѣчу; обѣ подруги заключили другъ друга въ объятія со слезами радости. Оливія спросила объ отцѣ и съ замираніемъ сердца послѣдовала за Мануэллой, которая повела ее въ верхній этажъ дома и, пройдя нѣсколько комнатъ, остановилась передъ полуоткрытою дверью.

— Онъ живъ, сказала Мануэлла, войди, чего ты боишься?

Оливія вошла въ спальню, гдѣ сквозь опущенныя гардины проникалъ матовый дневной свѣтъ. Она опустилась молча на колѣни передъ постелью отца, который лежалъ въ бреду и не узналъ ее.

ГЛАВА VIII.

Вѣсти съ родины.

Между тѣмъ великія міровыя событія безостановочно слѣдовали одни за другими. Въ Англіи ходъ ихъ былъ быстрѣе, чѣмъ гдѣ либо, такъ какъ ихъ двигала рука такого геніальнаго человѣка, какъ Оливеръ Кромвель. Все войско было проникнуто его духомъ, воодушевлено его энергіей, даже тамъ, гдѣ онъ не присутствовалъ лично.

Возмущеніе въ Сити было подавлено, хотя жители его были недовольны по-прежнему и только выжидали первой возможности, чтобы сбросить съ себя иго, которое тяготѣло надъ ихъ душами и кошельками. Имъ приходилось платить тяжелые налоги; они

проклинали войну и ненавидѣли Кромвеля. Вся ихъ надежда была на партію мира, которая начала возвышать свой голосъ въ парламентѣ, и на Каррисбрукъ, гдѣ все еще томился плѣнный Стюартъ. Дѣла несчастнаго монарха шли хуже со дня на день, какъ заграницей, гдѣ всего больше вредили ему раздоры эмигрантовъ и измѣна, такъ и въ самой Англіи. Каждое предпріятіе приверженцевъ короля обращалось въ пользу его враговъ, вслѣдствіе ли дурнаго выполненія или того, что оно недостаточно созрѣло. Половина кораблей перешла на сторону короля, между тѣмъ какъ остальная часть флота защищала противъ нихъ берега Англіи. Въ это время начинало входить въ славу имя адмирала Блэка, который очистилъ проливъ отъ эмигрантовъ и измѣнниковъ отечества и привелъ въ трепетъ сосѣднія націи, которыя готовы были предложить свои услуги для усмиренія Англіи.

Небольшое войско графа Голланда, какъ мы видѣли выше, было разбито близъ Кингстона. Весьма немногіе изъ кавалеровъ спасли свою жизнь бѣгствомъ и вмѣстѣ съ Бокингемомъ отправились во Францію, которая въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій служила убѣжищемъ недовольныхъ, напрасно искавшихъ у ней помощи и средствъ для мести. Самъ графъ Голландъ попался въ плѣнъ, а вслѣдъ затѣмъ и лордъ Кемпль при взятіи Колчестера. Югъ Англіи былъ усмиренъ; наступила очередь сѣвера: неприступныя стѣны Пемброка пали передъ батареями Кромвеля. Отсюда побѣдитель отправился на встрѣчу шотландской арміи, которая восьмого іюля переправилась черезъ Твидъ. Шотландцы потерпѣли пораженіе въ двухъ кровавыхъ битвахъ; большая часть ихъ была ранена, убита и взята въ плѣнъ. Все это было дѣломъ одной недѣли. Мѣсяцъ спустя знамя Кромвеля развѣвалось на одномъ изъ домовъ главной улицы Эдинбурга, между Голирудомъ, стариннымъ наслѣдственнымъ замкомъ Стюартовъ, и цитаделью Кастль-Гилль. Герцогъ Гамильтонъ былъ также взятъ въ плѣнъ и вскорѣ послѣ того вошелъ на эшафотъ вмѣстѣ съ графомъ Голландъ и лордомъ Кемплъ: всѣ трое умерли смертью государственныхъ измѣнниковъ отъ руки палача. Изъ главныхъ участниковъ заговора получилъ пощаду одинъ графъ Лаудердаль, который удалился въ горы и впослѣдствіи эмигрировалъ на континентъ.

Все это совершилось въ немногіе лѣтніе и осенніе мѣсяцы; но въ то время, когда пушки гремѣли отъ одного конца Англіи до другого, отъ Уэльса до горныхъ ущелій Шотландіи, ничто не долетало до слуха Чильдерлейскаго баронета, и въ его спальнѣ царила прежняя тишина. Онъ долго находился въ безпамятствѣ, послѣ чего наступилъ полный упадокъ силъ. Прійдя въ себя, онъ очень обрадовался, когда увидѣлъ Оливію; но сильная слабость помѣшала ему выразить то, что онъ чувствовалъ. Выздоровленіе наступало крайне медленно, тѣмъ болѣе, что баронетъ былъ уже

человѣкъ пожилой; докторъ постоянно просилъ, чтобы ему не сообщали никакихъ извѣстій, которыя бы могли встревожить его; что и было исполнено въ точности, тѣмъ болѣе, что это не представляло особеннаго труда. Баронетъ, повидимому, нисколько не интересовался тѣмъ, что дѣлалось на свѣтѣ, или по крайней мѣрѣ никогда не говорилъ объ этомъ. Онъ не дѣлалъ никакихъ вопросовъ и даже съ какой-то боязнью избѣгалъ всего, что могло навести разговоръ на текущія событія. Въ немъ не осталось и слѣда прежней веселости, а также и прежней вспыльчивости. Никто, глядя на этого дряхлаго старика, тяжело опирающагося на палку, не узналъ бы прежняго молодцоватаго и бодраго владѣльца Чильдерлейскаго замка, любившаго хорошій столъ, стаканъ хорошаго вина и веселое общество. Онъ не сталъ ни печальнѣе, ни мрачнѣе, но какъ-то весь затихъ. Казалось, что онъ сдѣлался безучастенъ и глухъ ко всему, что нѣкогда наполняло его сердце. Въ то же время его прежняя антипатія къ евреямъ повидимому прошла безслѣдно; онъ сталъ относиться крайне дружелюбно ко всѣмъ членамъ семьи Авраама и особенно къ послѣднему. На блѣдныхъ губахъ его появлялась ласковая улыбка, когда онъ жалъ руку почтенному хозяину дома. Этотъ съ своей стороны постоянно обращался съ нимъ какъ съ почетнымъ гостемъ, который дѣлаетъ честь его дому своимъ присутствіемъ. Возвращаясь домой изъ конторы, которая находилась въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ, въ домѣ Леона-дель Бланко, онъ прежде всего заходилъ къ больному и справлялся объ его здоровьи, и кромѣ того проводилъ съ нимъ всѣ свободные вечера.

Каждое послѣобѣда, когда баронетъ дремалъ въ своемъ креслѣ, стоявшемъ въ углубленіи комнаты, Оливія и Мануэлла садились у окна, изъ котораго открывался видъ на крыши Сити и далекій горизонтъ. Это были для нихъ лучшіе часы дня, такъ какъ здѣсь никто не слышалъ ихъ разговора и онѣ могли высказывать другъ другу свои завѣтныя мечты. Между ними завязывалась непринужденная задушевная болтовня молодыхъ красивыхъ дѣвушекъ, испытавшихъ любовь и ея страданія. Одна изъ нихъ могла оплакивать утраченное счастье; другая никогда не испытала его; каждая изъ нихъ пережила тяжелые дни, пролила втайнѣ не мало горькихъ слезъ; но обѣ были настолько молоды, что горе пока не оставило никакихъ слѣдовъ на ихъ лицахъ.

— Меня удивляетъ мое спокойное настроеніе духа, сказала Оливія вполголоса. Ничто не измѣнилось въ моемъ положеніи, и оно даже стало хуже, чѣмъ въ прошломъ году; но если Господь продлитъ жизнь отца и мы время отъ времени будемъ получать извѣстія отъ брата, то я буду довольна своей судьбой!

— Да, потому что ты здѣсь окружена людьми, которые любятъ тебя; и что всего важнѣе—это добрые люди въ полномъ значеніи

этого слова; они всего скорѣе могутъ вылечить насъ отъ снѣдающей глубокой тоски. Мнѣ кажется, что доброта—главное преимущество человѣка надъ животнымъ! Мы всего чаще встрѣчаемъ полное равнодушіе и эгоизмъ; но тѣмъ не менѣе добрые люди несомнѣнно существуютъ на свѣтѣ, и счастливъ тотъ, кого судьба столкнетъ съ ними.

— Ты права, моя дорогая! сказала Оливія, пожимая руку своей подругѣ. Никогда не чувствовала я себя такой одинокой и безпомощной, какъ въ прошлую осень. Замокъ и паркъ, въ которыхъ прошло мое дѣтство, казались мнѣ чужими. Все напоминало мнѣ объ утраченномъ счастьѣ, и нигдѣ не находила я успокоенія. Отецъ смотрѣлъ на меня печальными глазами; я должна была скрывать отъ него свои слезы... Можетъ ли быть что мучительнѣе этого! Мое сердце разрывалось на части...

— Но развѣ докторъ Гевитъ не былъ тогда въ Чильдерлеѣ?

— Нѣтъ, другой священникъ былъ присланъ на его мѣсто и жилъ въ приходскомъ домѣ. Я не видала Гевита съ того дня, какъ онъ уѣхалъ изъ Чильдерлея въ свитѣ короля вмѣстѣ съ Джономъ, въ качествѣ придворнаго капеллана. Несчастный Стюартъ погубилъ ихъ обоихъ, приблизивъ ихъ къ себѣ! Мы всѣмъ пожертвовали для него... Гевитъ исполнялъ свою новую должность до той минуты, когда короля заперли въ Каррисбрукъ; я слышала, что онъ нашелъ убѣжище у своего друга графа Линдзея. Что же касается моего бѣднаго брата, то онъ до сихъ поръ бродитъ по лѣсамъ или быть можетъ скрывается въ замкѣ котораго нибудь изъ дворянъ, пока для него не представится случай уѣхать изъ Англіи!... Такъ, всѣ разсѣялись по свѣту, не зная ничего другъ о другѣ! Неизвѣстно, удастся ли мнѣ увидѣть опять когда нибудь могилу моей матери!... Оливія заплакала при послѣднихъ словахъ.

— Ты счастливѣе меня, Мануэлла, продолжала она, потому что умѣешь владѣть собой! Я чувствую себя ребенкомъ сравнительно съ тобою!... Никогда не слыхала я отъ тебя ни малѣйшей жалобы, хотя ты живешь между чужими людьми и давно не получала никакихъ вѣстей съ родины!

— Я старалась мало по малу пріучить себя къ мысли, что меня забыли тѣ люди, которыхъ я любила и всегда буду любить. Но сердце мое возмущалось противъ этого; меня мучило томительное желаніе оправдаться передъ родными и доказать, что они напрасно обвинили меня. Эта мысль неотступно преслѣдовала меня; я изнывала отъ нетерпѣнія и досады, что не могу исполнить своей завѣтной мечты... Наконецъ, разсудокъ заговорилъ во мнѣ; я убѣдилась, что подобная безплодная борьба ведетъ только къ недовольству собою и другими, и это успокоило меня! Съ другой стороны постоянная работа, которой я старалась занять себя, также пособствовала тому, что я, наконецъ, справилась съ собою...

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что тебя забыли на родинѣ!

— Нѣтъ, теперь я не думаю этого, потому что сама всегда вспоминаю о нихъ съ любовью. Нельзя забыть тѣхъ, кто былъ когда-то дорогъ нашему сердцу! Можно разсердиться на такого человѣка, даже отречься отъ него, но воспоминаніе о немъ никогда не изгладится въ нашемъ сердцѣ..

— Это плохое утѣшеніе! возразила Оливія съ глубокимъ вздохомъ. Мысль, что Франкъ не забылъ о моемъ существованіи, никогда не могла успокоить меня!

— Во всякомъ случаѣ, ты не должна жаловаться на судьбу, моя дорогая! сказала съ живостью Мануэлла. Я не могу представить себѣ бо̀льшаго счастья, какъ быть любимой такимъ человѣкомъ, какъ Франкъ Гербертъ. Этого достаточно, чтобы наполнить сердце на всю жизнь!... Мы видимъ постоянныя перемѣны въ природѣ; одно занимаетъ мѣсто другаго; но наше сердце остается всегда тоже, какъ говоритъ капитанъ Джойсъ...

— Въ эту минуту проснулся баронетъ и прервалъ бесѣду обѣихъ дѣвушекъ.

Такъ проходили дни и недѣли, почти также незамѣтно, какъ облака на небѣ. Кончилось лѣто съ его продолжительными солнечными днями и голубыми вечерами; наступила осень и окрасила въ пурпуръ и золото листья деревьевъ. Все чаще и чаще поднимался туманъ; лилъ проливной дождь; вѣтеръ разносилъ по землѣ падающіе листья. Обнажились сады; почернѣла трава на холмахъ.

Наступила глухая осень. Въ одинъ изъ холодныхъ пасмурныхъ дней въ послѣобѣденное время, обѣ дѣвушки, по своему обыкновенію, сидѣли у окна; баронетъ дремалъ въ креслѣ; ноги его были покрыты одѣяломъ выше колѣнъ. Сонъ его былъ крѣпче и продолжительнѣе прежняго; когда онъ приходилъ въ себя, то казалось, что съ каждымъ днемъ онъ становится безучастнѣе ко всему, что было внѣ узкой, окружавшей его сферы. Если бы Мартинъ Бумбусъ увидѣлъ своего бѣднаго господина такимъ тихимъ и смирнымъ, какимъ онъ былъ теперь, то это произвело бы на него болѣе сильное впечатлѣніе, нежели самая шумная вспышка гнѣва Чильдерлейскаго баронета въ былыя времена. Не даромъ онъ прислуживалъ ему столько лѣтъ за столомъ и наливалъ вино въ стаканъ. Онъ лучше зналъ баронета, нежели его собственная дочь. Но Мартинъ былъ далеко, а всѣ тѣ, которые окружали баронета, находились въ заблужденіи, принимая за выздоровленіе то, что̀ было признакомъ еще болѣе тяжелой болѣзни. Баронетъ никому не говорилъ о своихъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя увеличивались по мѣрѣ того, какъ возвращались физическія силы. Но о полномъ выздоровленіи не могло быть и рѣчи, такъ какъ внутренняя происходившая въ немъ борьба истощала его

тѣмъ сильнѣе, что скрытность была противна его природѣ. Онъ все помнилъ и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, горевалъ о томъ, что дѣло, для котораго онъ принесъ столько жертвъ, проиграно безвозвратно. Хотя никто не сообщалъ ему никакихъ новостей, но онъ угадалъ это инстинктомъ человѣка, всѣ мысли котораго обращены на одинъ занимающій его предметъ. Чрезмѣрная душевная дѣятельность, доведенная до крайней степени напряженія, ослабила его тѣло, такъ что онъ нерѣдко закрывалъ глаза, чтобы собраться съ силами. Окружающіе радовались, что больной началъ спать днемъ нѣсколько часовъ сряду, не зная главной причины и не подозрѣвая, что этотъ сонъ можетъ незамѣтно перейти въ вѣчный непробудный сонъ смерти.

Обѣ дѣвушки были заняты шитьемъ. Пасмурно было въ комнатѣ и на дворѣ. Сумерки боролись съ дневнымъ свѣтомъ, хотя былъ всего третій часъ пополудни. Небо тяжело нависло надъ землей; мимо оконъ съ громкимъ карканьемъ пролетѣла стая воронъ. Даже огонь въ каминѣ горѣлъ тусклымъ непривѣтливымъ свѣтомъ.

Кто-то постучалъ въ дверь; Оливія встала, чтобы отворить ее. Это былъ Авраамъ, который вошелъ тихими шагами, чтобы не разбудить больнаго. Мануэлла также поднялась съ своего мѣста, потому что хозяинъ дома всегда былъ въ конторѣ въ этотъ часъ дня; но она ничего не могла прочесть на его ясномъ спокойномъ лицѣ.

— Дитя мое, сказалъ онъ положивъ ласково руку на голову Мануэллы; ты долго и не напрасно ждала! Никто не слышалъ отъ тебя ропота на судьбу; Господь внялъ твоимъ молитвамъ. Сойдемъ внизъ, тамъ ждетъ человѣкъ, который принесъ тебѣ вѣсти съ родины.

Мануэлла поблѣднѣла.

— Кто пріѣхалъ? спросила она съ усиліемъ дрожащимъ взволнованнымъ голосомъ.

— Пойдемъ, моя дорогая! повторилъ Авраамъ.

Молодая дѣвушка молча послѣдовала за нимъ.

ГЛАВА IX.

Другъ дѣтства.

Когда Мануэлла и Авраамъ вошли въ пріемную, то здѣсь уже были зажжены свѣчи и въ каминѣ горѣлъ яркій огонь. У окна стоялъ молодой человѣкъ въ длинной запыленной одеждѣ, которую

онъ не успѣлъ перемѣнить съ дороги. Волосы его были въ безпорядкѣ; дорожный плащъ лежалъ рядомъ съ нимъ на стулѣ. Блѣдное смущенное лицо его выражало нетерпѣніе.

Мануэлла узнала его съ перваго взгляда.

— Самуилъ! воскликнула она, не помня себя отъ радости и заливаясь слезами. Она хотѣла броситься къ нему на встрѣчу, но не въ состояніи была двинуться съ мѣста.

Это былъ Самуилъ-бенъ-Израэль, любимый другъ ея дѣтства. Онъ почти не измѣнился со времени ихъ разлуки: у него было тоже некрасивое, но безконечно доброе лицо, съ задумчивыми и искренними глазами и широкимъ ртомъ, который также неловко улыбался, но казалось не въ состояніи былъ произнести слово лжи. Даже фигура была почти та же, что и прежде: длинная, тонкая, неуклюжая и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательная, съ застѣнчивыми угловатыми манерами.

Мануэллѣ было пріятно видѣть передъ собой прежняго Самуила; только борода его стала гуще и имѣла болѣе свѣтлый рыжеватый оттѣнокъ, нежели волосы. Ей казалось, что ни что не раздѣляло ее съ прошлымъ; опомнившись отъ перваго впечатлѣнія неожиданности, она поспѣшно подошла къ нему и протянула обѣ руки.

— Какъ я рада, что ты пріѣхалъ! Сколько лѣтъ мы не видѣлись съ тобой! сказала она нѣжнымъ дружескимъ тономъ, пожимая костлявую, похолодѣвшую руку Самуила.

Юноша не рѣшался поднять на нее глазъ. Неужели эта молодая дѣвушка, стоявшая передъ нимъ во всемъ блескѣ своей ослѣпительной южной красоты, была та самая Мануэлла д'Акоста, которую онъ зналъ почти ребенкомъ въ Амстердамѣ! Мысли путались въ его головѣ отъ прикосновенія ея нѣжныхъ пальцевъ; онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ ея большихъ задумчивыхъ глазъ, устремленныхъ на него. Онъ не видѣлъ ее болѣе трехъ лѣтъ, но не переставалъ думать о ней; ея образъ постоянно представлялся его воображенію. Но это былъ образъ прежней Мануэллы, а не той, которую онъ встрѣтилъ теперь. Она была чужая для него. Все измѣнилось въ ней: фигура, манеры, даже голосъ, который сталъ какимъ-то серебристымъ; въ немъ слышались новыя незнакомыя для него ноты.

Наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ нерѣшительно спросилъ ее:

— Могу ли я, по прежнему, называть тебя Мануэллой?

Молодая дѣвушка, вмѣсто отвѣта, бросилась на шею своему другу юности и поцѣловала его въ лобъ.

Тутъ подошелъ хозяинъ дома, который до этого стоялъ въ сторонѣ, и дружески пожавъ руку юношѣ, сказалъ:

— Душевно радъ, что Богъ привелъ меня увидѣть сына знаменитаго раввина Менассіи-бенъ-Израэля! Прошу васъ считать мой

домъ своимъ домомъ все время, пока вы останетесь въ Лондонѣ; онъ будетъ открытъ для васъ съ утра до поздней ночи, а для ночлега я могу предложить вамъ домъ моего зятя Леонъ-дель-Бланко: у него особая комната для пріѣзжающихъ.

Самуилъ вѣжливо поблагодарилъ почтеннаго старика за его радушіе и сказалъ, что съ радостью воспользуется позволеніемъ бывать въ его домѣ, но долженъ отказаться отъ ночлега, такъ какъ уже нанялъ себѣ помѣщеніе по близости того дома, гдѣ остановились его спутники. При этомъ онъ сообщилъ, что пріѣхалъ вмѣстѣ съ посольствомъ изъ Амстердама въ качествѣ переводчика, и, что посламъ поручено вступить въ переговоры съ парламентомъ отъ имени Генеральныхъ штатовъ относительно жизни и безопасности короля Карла.

— Штаты предлагаютъ такія выгодныя условія, что можно съ нѣкоторымъ основаніемъ разсчитывать на успѣхъ переговоровъ, продолжалъ бенъ-Израэль. Но вы не можете себѣ представить съ какими затрудненіями мы попали сюда, не столько изъ-за дурной погоды, какъ вслѣдствіе того, что всѣ англійскія гавани были заперты. Посламъ пришлось долго объясняться и предъявить свои бумаги, прежде чѣмъ ихъ пропустили сюда.

— Мы переживаемъ тяжелыя времена, возразилъ Авраамъ. Весь городъ въ напряженномъ состояніи. Всѣ ждутъ чего-то необыкновеннаго и тяжелаго... Само собою разумѣется, что въ случаѣ народнаго возмущенія евреи будутъ въ числѣ первыхъ жертвъ. Вся наша надежда на то, что Богъ Израиля не оставитъ насъ и будетъ судить не по грѣхамъ нашимъ, а по своему неизрѣченному милосердію!.. Теперь, дѣти мои, я оставлю васъ, такъ какъ вы, вѣроятно, желаете поговорить наединѣ послѣ такой продолжительной разлуки.

Авраамъ ушелъ. Мануэлла усадила гостя на скамью, стоявшую возлѣ камина и сѣла рядомъ съ нимъ.

— Самуилъ, сказала она послѣ минутнаго молчанія, я была увѣрена, что всѣ забыли меня, кромѣ тебя...

— Ты права относительно меня, но несправедлива къ другимъ, возразилъ бенъ-Израэль. Можетъ ли отецъ разлюбить свою родную дочь, какъ бы не было велико огорченіе, которое она причинила ему!

Мануэлла заплакала.

— Развѣ ты говорилъ съ нимъ обо мнѣ?

— Нѣтъ! Онъ не допустилъ бы до этого. Съ того же дня, какъ онъ оплакалъ потерю единственной дочери, никто не слыхалъ отъ него твоего имени.

— Значитъ, онъ считаетъ меня виновной?

— Что тебѣ сказать на это? Всѣ улики были противъ тебя! Представь себѣ то униженіе, которое долженъ былъ испытать этотъ

гордый человѣкъ, когда по всему городу распространился слухъ, что дочь знатнаго Джозе д'Акоста, помолвленная за одного изъ самыхъ богатыхъ людей въ Амстердамѣ, сбѣжала наканунѣ свадьбы съ герцогомъ Бокингемомъ, человѣкомъ не нашего племени!

Мануэлла печально опустила голову.

— Вообрази себѣ тотъ стыдъ, который чувствовали всѣ близко знавшіе тебя! Никто не могъ сказать слова въ твою защиту.

— Никто? даже ты, другъ моего дѣтства?..

— Даже я! отвѣтилъ Самуилъ спокойнымъ голосомъ. Мало-помалу застѣнчивость его исчезла и уступила мѣсто сознанію собственнаго достоинства; но онъ видимо слѣдилъ за каждымъ своимъ словомъ, чтобы не оскорбить молодую дѣвушку своею откровенностью. Ты знаешь наша дружба началась съ ранняго дѣтства; я былъ увѣренъ, что Мануэлла д'Акоста не отступитъ отъ чести. Но свѣтъ справедливо произнесъ надъ тобой свой приговоръ! Онъ судитъ на основаніи того, что̀ видитъ; хотя я зналъ, что ты не виновата въ томъ, въ чемъ обвиняютъ тебя, но долженъ былъ молчать. Моя защита могла только повредить тебѣ.

— Спасибо тебѣ за твои добрыя слова Самуилъ, я никогда не сомнѣвалась въ твоей дружбѣ, и вѣрю, что ты не могъ защитить меня! Разумѣется, я не стану оправдывать своего легкомысленнаго поступка, еслибы я была тогда старше и опытнѣе, то вѣроятно придумала бы другой способъ, чтобы избѣгнуть брака съ Мигуэлемъ. Но скажи мнѣ: считаешь ли ты справедливымъ, чтобы изъ-за этого я подверглась такой жестокой карѣ и навсегда лишена была возможности вернуться въ родительскій домъ? Неужели все кончено для меня!

— Нѣтъ, я не думаю этого, но ты одна можешь оправдать себя и возстановить репутацію.

— Врядъ ли это такъ, сказала нерѣшительно Мануэлла,—я писала твоему отцу, но онъ не удостоилъ меня отвѣта...

— Я могу доказать противное, потому что отецъ немедленно отвѣтилъ тебѣ и поручилъ мнѣ передать это письмо.

Руки Мануэллы дрожали отъ радости, когда она взяла письмо, но на лицѣ ея выражалось недоумѣніе.—Объясни мнѣ пожалуйста, сказала она, какъ это могло случиться, что письмо, которое я передала въ вѣрныя руки, такъ поздно дошло до васъ?

— Все это время ни меня, ни отца не было въ Амстердамѣ, отвѣтилъ Самуилъ.—Старшій братъ мой Іосифъ отправился въ Польшу по дѣламъ отца; вскорѣ послѣ того мы получили извѣстіе, что онъ при смерти и поспѣшили къ нему. Это былъ длинный и утомительный путь, такъ какъ нужно было проѣхать всю Германію. Мы застали брата въ живыхъ, но не надолго, онъ умеръ на рукахъ отца..

— Какъ! Іосифъ умеръ! воскликнула Мануэлла.—Воображаю себѣ горе почтеннаго раввина!—это былъ его любимый сынъ.

— Отецъ совсѣмъ упалъ духомъ. Послѣ того намъ пришлось прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Польшѣ для исполненія извѣстныхъ формальностей, а также для того, чтобы привести въ порядокъ дѣла разстроенныя смертью брата. Когда мы, наконецъ, вернулись на родину, то твое письмо было для насъ первымъ лучемъ свѣта послѣ долгихъ томительныхъ дней печали. Оно ободрило моего огорченнаго отца и возвратило мнѣ жизнь.—«Горе не должно ожесточать человѣка противъ тѣхъ, которые страдаютъ не меньше его самого! сказалъ мой отецъ.—Если несчастные перестанутъ понимать другъ другъ друга, то отъ кого могутъ они ожидать помощи!» Затѣмъ онъ сѣлъ къ столу и написалъ тебѣ письмо. Я вызвался лично передать тебѣ его; но такъ какъ меня одного не пропустили бы ни черезъ одну англійскую пристань, то я выхлопоталъ черезъ друзей отца, чтобы меня причислили къ посольству въ качествѣ переводчика. Такимъ образомъ я очутился въ Лондонѣ и опять увидѣлъ тебя!..

Мануэлла молча поблагодарила юношу крѣпкимъ пожатіемъ руки, затѣмъ распечатала письмо. Читая его, она казалась вновь переживала прежнія мученія, слезы не разъ подступали къ глазамъ; но мало по малу выраженіе ея лица становилось все спокойнѣе и веселѣе.—Твой отецъ правъ, сказала она, сложивъ письмо,—только несчастные могутъ понять другъ друга! Но я не имѣю права считать себя несчастной, пока такіе люди какъ ты Самуилъ, и почтенный раввинъ бенъ-Израэль относятся ко мнѣ съ дружбой и довѣріемъ...

Вечеромъ вся семья Авраама собралась за ужиномъ. Леонъ дель-Бланко также пришелъ съ женой, чтобы разспросить пріѣзжаго о своихъ родныхъ, большинство которыхъ жило въ Амстердамѣ. Мануэлла сидѣла рядомъ съ Самуиломъ.

Послѣ ужина явился новый гость м-ръ Эдвардъ Никласъ, онъ зналъ о прибытіи Самуила и дружески привѣтствовалъ сына ученаго раввина, который пользовался его особеннымъ уваженіемъ.

— Очень радъ видѣть васъ, сказалъ онъ пожимая руку юношѣ,—хотя долженъ сказать откровенно, что не сочувствую цѣли пріѣхавшаго съ вами посольства и заранѣе увѣренъ, что его ждетъ полнѣйшая неудача!

Это заявленіе непріятно поразило молодого еврея, воспитаннаго въ иныхъ понятіяхъ и незнакомаго съ положеніемъ дѣлъ въ Англіи. Но тѣмъ не менѣе онъ былъ польщенъ дружескимъ обращеніемъ секретаря Кромвеля.

Повидимому имя отца здѣсь въ большомъ почетѣ, замѣтилъ онъ вполголоса, обращаясь къ Мануэллѣ.

— Я писала ему объ этомъ! возразила Мануэлла.

— Отецъ могъ бы воспользоваться своимъ вліяніемъ для благой цѣли! До сихъ поръ Англія единственная страна, въ которой

запрещено жить евреямъ; но теперь кажется не время поднимать этотъ вопросъ...

— Но оно скоро наступитъ! Я передавала вамъ въ письмѣ слова великаго Кромвеля.

— То же сообщили намъ единовѣрцы наши, возвратившіеся изъ плѣна по его милости. Но говорятъ, что этотъ человѣкъ намѣренъ посягнуть на жизнь Стюарта!

— Никто не знаетъ, что онъ намѣренъ сдѣлать въ будущемъ, возразила Мануэлла,—но во всемъ, что онъ дѣлалъ до сихъ поръ видна рука Всевышняго!.. Одно несомнѣнно, что безъ его покровительства ни одинъ изъ насъ, которыхъ ты видишь здѣсь, не могъ бы оставаться въ Лондонѣ...

Во время этого разговора хозяинъ дома удалился въ свой кабинетъ съ м-ромъ Никласъ. Здѣсь они сѣли у затопленнаго камина, и хотя дверь въ пріемную оставалась отворенною; но никто не рѣшился войти къ нимъ, такъ какъ они говорили вполголоса.

М-ръ Никласъ сообщилъ по секрету своему другу, что въ парламентѣ съ утра идутъ горячія пренія, и хотя засѣданіе начато было въ обычный часъ, но продолжается до сихъ поръ и неизвѣстно когда кончится.—Подняты весьма важные вопросы, добавилъ секретарь,—дай Богъ чтобы они были разрѣшены, какъ слѣдуетъ! Вы также должны желать этого почтенный Авраамъ.

— Вы правы, отвѣтилъ хозяинъ дома.—Сити въ отсутствіе Кромвеля всячески притѣсняетъ: каждый день они требуютъ отъ меня новыхъ налоговъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Я убѣжденъ, что скоро они не ограничатся одними деньгами и насъ ожидаетъ нѣчто худшее!

— Вы знаете, что у васъ есть надежные друзья, которые недопустятъ васъ до бѣды! сказалъ м-ръ Никласъ въ видѣ утѣшенія.

— Давай Богъ! Но я увѣренъ что пребываніе больнаго баронета въ моемъ домѣ всѣмъ извѣстно. Впрочемъ, это и не могло оставаться втайнѣ такое продолжительное время...

— Какое дѣло Сити до баронета? спросилъ съ раздраженіемъ м-ръ Никласъ.—Если я не захотѣлъ познакомиться съ нимъ до сихъ поръ, не смотря на ваше желаніе сблизить насъ, то потому, что онъ роялистъ и врагъ отечества. Но эти торгаши не должны быть слишкомъ разборчивы. У нихъ нѣтъ никакихъ убѣжденій.

— Здѣсь не можетъ быть и вопроса объ убѣжденіяхъ, отвѣтилъ задумчиво Авраамъ. Имъ нуженъ предлогъ, а при желаніи—его не трудно найти.

— Мы это еще увидимъ! а пока они доберутся до васъ, мой другъ Авраамъ, многое можетъ измѣниться!..

М-ръ Никласъ ушелъ въ положенный часъ, затѣмъ разошлись всѣ остальные. Мануэлла поспѣшила наверхъ, чтобы разсказать дочери баронета о своемъ неожиданномъ свиданіи съ другомъ дѣтства.

———

ГЛАВА X.

Библейское изреченіе.

М-ръ Никласъ, аккуратный и разсудительный человѣкъ, привыкъ жить по часамъ и строго придерживался того правила, что все должно дѣлаться въ опредѣленное время. Поэтому друзья его въ Duke-street были крайне удивлены, когда на другой день вечеромъ онъ не явился въ опредѣленный часъ, и полчаса спустя подъ окномъ послышались его торопливые шаги. Никто изъ нихъ не сомнѣвался, что случилось нѣчто необыкновенное, тѣмъ болѣе, что въ это утро до нихъ дошли тревожныя вѣсти изъ Сити.

Наконецъ, дверь отворилась съ шумомъ и на порогѣ появился м-ръ Никласъ съ лицомъ побагровѣвшимъ отъ волненія.

— Они идутъ! проговорилъ онъ прерывающимся голосомъ, машинально отдавая шляпу и плащъ женѣ Леона дель-Бланко, которая первая вышла къ нему на встрѣчу.

— Кто идетъ? что̀ случилось? спросилъ Авраамъ блѣднѣя, между тѣмъ какъ всѣ остальные онѣмѣли отъ ужаса, такъ какъ никогда не видали Никласа такимъ краснымъ и взволнованнымъ.

— Подождите, дайте мнѣ опомниться, вы видите я совсѣмъ задохся отъ скорой ходьбы! отвѣтилъ м-ръ Никласъ, и самъ не замѣчая этого продолжалъ:—Они идутъ! Ручаюсь вамъ честнымъ словомъ, что вы услышите барабанный бой до восхода солнца... Вся армія идетъ скорымъ маршемъ въ Лондонъ!

Это извѣстіе одинаково поразило всѣхъ. Прибытіе арміи въ Лондонъ означало, что кризисъ приближается и что скоро долженъ рѣшиться вопросъ, занимавшій всѣ умы. Парламентъ давно боялся этого момента и старался замедлить его постоянно удаляя армію изъ Лондона. Теперь ничто не могло отвратить его, такъ какъ присутствіе арміи въ столицѣ должно было неизбѣжно отразиться на существующемъ порядкѣ вещей и измѣнить его.

— Дай Богъ, чтобы все это привело къ общему благу! сказалъ Авраамъ, опомнившись отъ перваго впечатлѣнія.

— Но будетъ ли намъ лучше при новыхъ порядкахъ? спросила хозяйка дома съ печальнымъ выраженіемъ лица, который ясно показывалъ, что мысль о мужѣ и дѣтяхъ всецѣло поглощала ее, и что политика была у ней на послѣднемъ планѣ, какъ у всѣхъ женщинъ, вѣрно исполняющихъ свои семейныя обязанности.

— Моя дорогая Ревекка, возразилъ м-ръ Никласъ, трудно сказать кому изъ насъ будетъ лучше или хуже въ ближайшемъ будущемъ. Нельзя ожидать справедливости въ частностяхъ, когда ея нѣтъ въ цѣломъ! Армія идетъ въ Лондонъ, чтобы потребовать строгаго суда надъ главнымъ виновникомъ... Пока онъ живъ, наша несчастная страна будетъ утопать въ крови, и гнѣвъ Божій будетъ

тяготѣть надъ нею. Народъ требуетъ отъ насъ мира и прекращенія своихъ бѣдъ; но мы ничего не можемъ дать ему, пока не будетъ принесена жертва искупленія... Дайте сюда вашу библію Авраамъ!

Торжественный тонъ голоса почтеннаго Никласа привелъ въ смущеніе хозяина дома; онъ молча пошелъ въ свой кабинетъ и, снявъ со стола тяжелую книгу въ кожаномъ переплетѣ, подалъ ее своему другу дрожащими руками.

М-ръ Никласъ растегнулъ серебряныя застежки и, открывъ библію на четвертой книгѣ Моисея, прочелъ слѣдующій стихъ:

«Не оскверняйте земли, на которой вы будете жить; ибо кровь оскверняетъ землю; и земля не иначе очищается отъ пролитой на ней крови, какъ кровію пролившаго ее».

Затѣмъ онъ замолчалъ и закрывъ книгу, задумчиво смотрѣлъ въ землю.

Въ комнатѣ нѣсколько минутъ царила мертвая тишина. Авраамъ прервалъ общее молчаніе вопросомъ: Я не понимаю какъ это могло случиться такъ скоро? Не дальше какъ вчера вечеромъ ничего не было слышно о прибытіи арміи!

— Вчера вечеромъ, когда я ушелъ отъ васъ, возразилъ м-ръ Никласъ, то засѣданіе все еще продолжалось въ парламентѣ, такъ какъ никто не ожидалъ, что измѣна еще разъ подниметъ голову. Шла ожесточенная борьба. Всю ночь залы Вестминстера были освѣщены; уже начинало свѣтать, а ораторы все еще оспаривали другъ у друга трибуну. Я долженъ вамъ сказать, что дѣло шло о благѣ націи, жизни и смерти лучшихъ людей Англіи. Пресвитеріане заключили постыдный союзъ съ торгашами Сити и роялистами, чтобы съ ихъ помощью возвратить королю прежнюю власть, уничтожить права свободной Англіи и отомстить ея благороднымъ защитникамъ... Голосъ разсказщика задрожалъ при этихъ словахъ: О Боже, воскликнулъ онъ съ возрастающимъ волненіемъ, что сталось бы съ нашей несчастной страной, еслибы ты не явилъ намъ свое милосердіе!.. Черезъ двадцать четыре часа Каррисбрукскій плѣнникъ опять вступилъ бы на престолъ своихъ предковъ.

Друзья Никласа никогда не видали его въ такомъ возбужденномъ состояніи и не считали его способнымъ говорить подобныя рѣчи; они слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Измѣнники открыто вели переговоры за спиной арміи съ плѣнникомъ націи, продолжалъ разсказщикъ, и не только освободили его изъ тюрьмы, но перевели въ Ньюпортъ, ничѣмъ не защищенный городъ, вблизи моря, представлявшій всѣ удобства для бѣгства. Здѣсь они помѣстили его въ прекрасномъ домѣ на С-тъ Джемской улицѣ, назначили ему придворный штатъ и даже устроили подобіе трона, въ то время, какъ Кромвель на другомъ берегу Твида велъ упорную борьбу съ шотландцами и Ирландіи, гдѣ

Ормондъ подготовилъ новое возстаніе. Измѣнники удачно выбрали время, но не съумѣли воспользоваться имъ! Недѣли проходили за недѣлями; гонцы постоянно ѣздили изъ Лондона въ Ньюпортъ и обратно. Карлъ Стюартъ далъ слово не дѣлать никакихъ попытокъ къ бѣгству. Вы спросите: почему онъ по обыкновенію не нарушилъ своего обѣщанія? Въ этомъ виновата его супруга, которая, живя въ Парижѣ съ любовникомъ, упросила его не выѣзжать изъ Ньюпорта, чтобы не повредить дѣлу, но въ сущности съ тою цѣлью, чтобы избавиться отъ его присутствія. Такимъ образомъ король остался на мѣстѣ, велъ переговоры, обѣщалъ все, что требовали отъ него, и въ то же время писалъ вице-королю Ормонду въ Ирландію: «Исполняйте приказанія королевы, а не мои; то, что я дѣлаю здѣсь, дѣлается только для виду»... Это письмо попалось въ руки парламента, но не произвело никакого впечатлѣнія на нашихъ противниковъ; не могли ихъ убѣдить и наши лучшіе ораторы. Вопросъ былъ поставленъ слѣдующимъ образомъ: «одобряетъ ли Палата Общинъ условія, написанныя въ Ньюпортѣ, и согласна ли возвратить короля въ Лондонъ, заключить съ нимъ договоръ и возстановить въ прежнихъ правахъ?» Начали собирать голоса. Въ это время, на башнѣ св. Стефана, пробило восемь часовъ утра. Но къ счастью Кромвель оставилъ вмѣсто себя двухъ надежныхъ людей, въ руки которыхъ вручилъ судьбу Англіи: имъ было извѣстно все, что происходило въ Вестминстерѣ, и они приняли свои мѣры... На разсвѣтѣ они собрали на́ скоро военный совѣтъ въ конференцъ-залѣ; и такъ какъ ни одного изъ секретарей Кромвеля не было налицо, то я велъ протоколъ. Составленъ былъ списокъ членовъ парламента, которые остались вѣрны отечеству, и тѣхъ, которые измѣнили ему. Наша работа была почти окончена; но тутъ въ конференцъ-залу вошелъ одинъ изъ нашихъ друзей съ разстроеннымъ лицомъ.

— Голосованіе кончилось въ Вестминстерѣ! сказалъ онъ. Дѣло наше проиграно; на сторонѣ нашихъ противниковъ перевѣсъ тридцати девяти голосовъ! въ Ньюпортъ хотятъ немедленно послать депутацію... Но тутъ поднялся съ кресла Франкъ Гербертъ...

Густая краска выступила на щекахъ Мануэллы при имени Герберта, но всѣ были настолько поглощены разсказомъ м-ра Никласа, что никто не обратилъ на это никакого вниманія.

— Я долженъ вамъ сказать, продолжалъ м-ръ Никласъ, что Франкъ Гербертъ правая рука Кромвеля. Клянусь честью, я никогда не встрѣчалъ подобнаго человѣка! Это олицетвореніе юношеской силы и красоты въ соединеніи съ твердостью характера и серьезнымъ зрѣлымъ умомъ. Грустная улыбка придаетъ еще бо́льшій вѣсъ каждому его слову. Если бы вы видѣли, что у него за глаза, какой прекрасный открытый лобъ...

Мануэлла взглянула на Самуила, сидѣвшаго рядомъ съ нею, и

невольно сравнила его жалкую и невзрачную фигуру съ изящной красивой наружностью Герберта.

— Что же было дальше? спросилъ Авраамъ съ легкимъ оттѣнкомъ нетерпѣнія въ голосѣ.

— Когда Франкъ Гербертъ всталъ съ своего мѣста, продолжалъ м-ръ Никласъ, на башнѣ только-что пробили часы.—Опасность миновала, сказалъ онъ, пробило девять часовъ! Депутація парламента не застанетъ короля на островѣ Вайтѣ. Полчаса тому назадъ его посадили на корабль въ Ярмутѣ. На этомъ кораблѣ Карлъ Стюартъ отправится въ новую тюрьму, въ которой останется до самой смерти...

М-ръ Никласъ остановился и началъ прислушиваться, такъ какъ въ это время съ улицы слышенъ былъ шумъ множества голосовъ и торопливые шаги проходившихъ мимо людей.

— Вѣроятно, по городу уже разнеслись кое-какіе слухи! сказалъ онъ подходя къ окну. Толпа высыпала на улицу, не смотря на поздній часъ вечера, чтобы собрать болѣе точныя свѣдѣнія. Всѣ спрашиваютъ другъ у друга: въ чемъ дѣло? Каждый высказываетъ свои соображенія и догадки; между тѣмъ, прежде, чѣмъ они договорятся до чего нибудь и узнаютъ сущность дѣла, фактъ совершится безвозвратно. Онъ одинаково поразитъ всѣхъ. Одни будутъ выходить изъ себя отъ гнѣва, другіе повѣсятъ голову, и, наконецъ, всѣ успокоятся и будутъ очень довольны возстановленіемъ порядка. Свѣтъ такъ созданъ, что нужно тащить его за волосы, чтобы заставить сдѣлать шагъ впередъ.

М-ръ Никласъ замолчалъ. Шумъ подъ окнами все усиливался; постоянно прибывали новыя толпы изъ смежныхъ улицъ и переулковъ; всѣ стремились къ двумъ главнымъ центрамъ: Bichopsgate и Leadengate, и оттуда къ западнымъ городскимъ воротамъ.

Между тѣмъ, уличный шумъ и суета, казалось, заразительно подѣйствовали на почтеннаго м-ра Никласа, который безпокойно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Неожиданный поворотъ событій нарушилъ обычный ходъ его мыслей и направилъ ихъ въ извѣстную сторону; теперь онъ не могъ думать ни о чемъ другомъ. Онъ безпрестанно посматривалъ на бронзовые часы, стоявшіе на каминѣ, и хотя въ обыкновенное время онъ всегда любовался ими, но теперь они только раздражали его.—Я положительно не могу видѣть этой стрѣлки! сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ, пусть бы она остановилась совсѣмъ или шла скорѣе впередъ! Это медленное, чуть замѣтное движеніе, выводитъ меня изъ себя...

Хозяинъ дома съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего друга. Никогда не видалъ онъ хладнокровнаго и флегматичнаго м-ра Никласа въ такомъ возбужденномъ состояніи духа. Наконецъ, выждавъ минуту, когда тотъ сѣлъ въ кресло, онъ спросилъ его:

— Вы ничего не говорили о генералѣ Ферфаксѣ, какъ держалъ онъ себя въ данномъ случаѣ?

— Генералъ Ферфаксъ! повторилъ протяжно м-ръ Никласъ. Все то, что я разсказалъ вамъ, сдѣлалось помимо его, такъ что ему остается или идти за другими или раскланяться. Теперь ваши мнимые друзья должны по неволѣ остановиться на чемъ нибудь... Впрочемъ, Кромвель будетъ озадаченъ въ свою очередь: онъ не ожидалъ ничего подобнаго. Его вѣрные слуги и приверженцы сдѣлали для него то, на что, быть можетъ, онъ самъ никогда не рѣшился бы. Когда онъ вернется сюда, то, несмотря на все свое могущество и неограниченную власть, онъ принужденъ будетъ по неволѣ окончить начатое дѣло! Участь короля рѣшена...

— Когда ожидаете вы Кромвеля? спросилъ Авраамъ.

— Къ нему навстрѣчу посланъ гонецъ, а вы знаете съ какой быстротой онъ совершаетъ иногда самые утомительные переходы! Съ его возвращеніемъ для Англіи наступятъ лучшія времена; она будетъ наслаждаться миромъ, опять водворится порядокъ, строгое соблюденіе законовъ. Шотландцы усмирены; меркантильный элементъ будетъ подавленъ въ нашемъ народѣ, который привыкъ, въ послѣдніе годы, торговать свободой какъ мелочнымъ товаромъ. Англія опять вступитъ на путь славы, и когда пройдетъ эта ночь и взойдетъ солнце, она станетъ поприщемъ новыхъ великихъ дѣяній!.. Вамъ самимъ, мой другъ Авраамъ, будетъ лучше, нежели теперь! Но почему вы молчите?.. глядя на васъ, можно подумать, что вы оплакиваете старые порядки...

— Я жалѣю не о старыхъ порядкахъ, но не могу безъ ужаса вспомнить о печальной участи, ожидающей Стюарта!

— Мнѣ кажется, что этотъ человѣкъ ничего не принесъ вамъ, кромѣ несчастія...

— Хорошіе дни проходятъ также безслѣдно, какъ и дурные! возразилъ Авраамъ. Безспорно, Стюартъ ничего не принесъ мнѣ, кромѣ несчастія, но все то, что мнѣ пришлось вытерпѣть изъ-за него ничто въ сравненіи съ тѣми страданіями, какія выпали на его долю...

Между тѣмъ м-ръ Никласъ настолько успокоился, что могъ набить трубку и закурить ее. Онъ заговорилъ съ хозяиномъ дома объ его дѣлахъ.

— Надѣюсь другъ мой Авраамъ, сказалъ онъ, что въ послѣдніе дни они оставили васъ въ покоѣ и не заявляли никакихъ новыхъ требованій!

Авраамъ, вмѣсто отвѣта, вынулъ изъ стола бумагу и подалъ ее секретарю. Это былъ формальный декретъ съ печатью Сити, по которому онъ долженъ былъ явиться къ назначенному часу, въ гильдейскій судъ.

— Не ходите и не слушайте ихъ, воскликнулъ м-ръ Никласъ-

Повѣрьте, что этотъ листъ бумаги не имѣетъ никакого значенія. Ни одинъ судья въ Англіи, по нашимъ законамъ, не можетъ пригласить васъ, не изложивъ въ точности причинъ, почему вы должны явиться къ нему. Но здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Равнымъ образомъ неизвѣстно насколько правильны тѣ налоги, какіе они требуютъ отъ васъ. Очевидно, что мудрый магистратъ хочетъ обойти законъ и достигнуть своей цѣли путемъ насилія. Дайте сюда эту бумагу; скоро въ Лондонѣ будетъ власть, передъ которой трепещутъ эти низкія души. Завтра утромъ я увижу Иретона и Франка Герберта; они правая рука Кромвеля и не допустятъ подобнаго насилія!

Съ этими словами м-ръ Никласъ взялъ бумагу изъ рукъ Авраама, который отдалъ ее съ видимой неохотой, такъ какъ боялся новыхъ непріятностей. Уступая настойчивымъ убѣжденіямъ своего друга, онъ обѣщалъ ему не исполнять приказаній власти, которая теряла всякую силу съ возвращеніемъ Кромвеля.

Завтра же гильдейскій судъ будетъ уничтоженъ! Вы увидите они запоютъ другую пѣсню! сказалъ м-ръ Никласъ и, положивъ бумагу въ карманъ, простился съ своими друзьями.

Вслѣдъ затѣмъ разошлись остальные гости: Леонъ дель-Бланко съ женой и Самуилъ, и вскорѣ въ домѣ на Duke-Sreet водворилась мертвая тишина, хотя подъ окнами все еще двигалась взадъ и впередъ возбужденная народная толпа.

Это былъ день 5-го декабря 1648 года.

ГЛАВА XI.

Декларація.

На слѣдующій день въ семь часовъ утра два полка вступили въ Лондонъ. Конница расположилась на Old Palace Yard, въ то время еще не застроенной площади между зданіемъ парламента и Вестминстерскимъ аббатствомъ; пѣхота заняла всѣ корридоры, лѣстницы и выходы Палаты Общинъ.

Въ девять часовъ, обычное время, когда начинаются засѣданія парламента, изъ главнаго входа вышелъ полковникъ Прайдъ въ сопровожденіи тѣхъ членовъ парламента, которые остались вѣрны дѣлу народа и свободы; въ числѣ ихъ было нѣсколько постороннихъ лицъ и между прочимъ Гугъ Петерсъ, капелланъ Кромвеля. Прайдъ держалъ въ рукѣ списокъ лицъ, составлявшихъ большинство при вчерашнемъ голосованіи.

Въ десять часовъ сорокъ восемь членовъ были арестованы и девяносто восемь исключены изъ парламента.

— По какому праву? спрашивали послѣдніе.

— По такому! отвѣчалъ Гугъ Петерсъ, указывая на саблю, висѣвшую у его пояса. Это сдѣлано въ силу необходимости.

— Куда хотите вы везти насъ? спрашивали арестованные, которыхъ усадили въ приготовленныя для нихъ кареты.

— Въ Валлингфордъ-Гаузъ, а въ случаѣ сопротивленія, васъ отправятъ въ «адъ».

«Адомъ» называлась тогда небольшая таверна, обращенная въ тюрьму. Она находилась въ недалекомъ разстояніи отъ парламента, и отличалась порядочнымъ помѣщеніемъ по тому времени, такъ что разница между обоими мѣстами заключенія была не особенно значительная. Впрочемъ узниковъ продержали подъ стражей не болѣе трехъ дней.

Къ одиннадцати часамъ дѣло «очищенія парламента», было приведено въ исполненіе Прайдомъ, и меньшинство вчерашняго дня составило англійскую палату общинъ.

Теперь въ камерѣ было всего сто двадцать членовъ. Нѣкоторые изъ нихъ протестовали противъ подобнаго нарушенія ихъ привилегій и насильственныхъ дѣйствій арміи; они требовали возвращенія арестованныхъ и исключенныхъ членовъ парламента. Посланный вернулся съ отвѣтомъ, что верховный военный совѣтъ не согласенъ выпустить на свободу арестованныхъ и возвратить исключенныхъ. Затѣмъ приступлено было къ голосованію вопроса: слѣдуетъ ли представить къ обсужденію предложеніе меньшинства относительно выбывшихъ членовъ? Вопросъ былъ рѣшенъ большинствомъ въ отрицательномъ смыслѣ, и палата перешла къ очереднымъ дѣламъ.

Въ два часа пополудни весь городъ зналъ о случившемся; а въ семь часовъ вечера неожиданно вернулся въ Лондонъ Кромвель, послѣ восьмимѣсячнаго отсутствія. Переночевавъ въ Уайтголлѣ, онъ на слѣдующее утро явился въ парламентъ; послѣ открытія засѣданія онъ поднялся съ своего мѣста и произнесъ взволнованнымъ голосомъ: «Призываю Бога въ свидѣтели, что я не причастенъ къ тому, что̀ произошло въ Палатѣ; но такъ какъ дѣло кончено, то я радуюсь этому и считаю своимъ долгомъ поддержать совершившееся.

Такимъ образомъ произведенный переворотъ получилъ значеніе совершившагося факта.

Но и это важное государственное событіе прошло безслѣдно для себялюбивыхъ представителей Сити; ослѣпленные ненавистью и предразсудками, они съ тѣмъ же упорствомъ преслѣдовали свои узкія цѣли. Ихъ давнишняя злоба противъ Авраама дошла до крайней степени, когда онъ не явился въ судъ къ опредѣленному сроку. Они рѣшились погубить его тѣмъ или другимъ способомъ, и это

намѣреніе вѣроятно увѣнчалось бы полнымъ успѣхомъ, если бы оно было приведено въ исполненіе днемъ раньше, пока Кромвеля не было въ Лондонѣ.

Утромъ 7-го декабря двое констаблей подошли къ дому Авраама и громко постучали въ дверь. Ихъ сердитыя физіономіи не предвѣщали добра; этого одного было достаточно, чтобы обратить вниманіе прохожихъ, изъ которыхъ тотчасъ же образовалась толпа, тѣмъ болѣе, что можно было разсчитывать на любопытное зрѣлище.

Когда дверь отворилась и Авраамъ вѣжливо спросилъ полицейскихъ о причинѣ ихъ посѣщенія, то исполнители закона, удостовѣрившись въ его личности, объявили ему, что онъ долженъ немедленно приготовиться и слѣдовать за ними.

— Кто вы? спросилъ Авраамъ, и кѣмъ посланы вы сюда?

— Вы скоро узнаете кто мы, отвѣтилъ одинъ изъ констаблей. а насъ послало начальство, которому вы должны повиноваться.

— Но по какому праву оно позволяетъ себѣ посылать за мной въ такой ранній часъ утра?

— Мы присланы сюда не для разговоровъ, возразили полицейскіе. Намъ приказано арестовать васъ!

— Чтò вы сдѣлаете со мной, если я не пойду за вами.

— Вотъ это принудитъ васъ къ послушанію! сказалъ одинъ изъ констаблей, хватаясь за рукоятку своей сабли, такъ какъ въ тѣ времена англійская полиція была также вооружена какъ солдаты.

— Я не ожидалъ такихъ претензій отъ нѣмецкаго жида! замѣтилъ презрительно другой констабль.

Авраамъ видѣлъ, что дѣло можетъ дойти до открытаго насилія въ случаѣ сопротивленія съ его стороны, и, желая избавить семью отъ тяжелой сцены, объявилъ полицейскимъ, что готовъ идти за ними.

— Ну, такъ отправьтесь съ моимъ товарищемъ, а я сдѣлаю обыскъ въ вашемъ домѣ! сказалъ одинъ изъ констаблей.

Авраамъ при этихъ словахъ съ негодованіемъ оттолкнулъ полицейскаго, который намѣревался взять его подъ руку, и быстрыми шагами отошелъ къ лѣстницѣ, которая вела въ верхній этажъ дома.

Нѣтъ, этого никогда не будетъ! воскликнулъ онъ съ лицомъ покраснѣвшимъ отъ гнѣва и волненія; не позволю нарушить права моего дома!..

Полицейскіе переглянулись съ недоумѣніемъ, потому что не ожидали ничего подобнаго; но сознаніе долга пріободрило ихъ.

— Если бы все было въ порядкѣ въ вашемъ домѣ, то васъ не испугалъ бы никакой обыскъ! замѣтилъ одинъ.

— Прочь, прочь отсюда! кричалъ другой, расталкивая любопытныхъ столпившихся передъ воротами дома.

— Совѣтую вамъ не задерживать насъ, сказалъ первый констабль, обращаясь къ еврею. Всѣмъ извѣстно, что у васъ тамъ наверху спрятанъ роялистъ...

Едва эти слова дошли до слуха толпы, преимущественно состоящей изъ подмастерьевъ и всякаго уличнаго сброда, какъ раздались неистовые крики: Долой роялиста! Ведите сюда измѣнника!

— Боже праведный! воскликнулъ Авраамъ, давно ли они напали на мой домъ изъ-за моей мнимой вражды противъ роялистовъ; теперь они готовы снова осадить его за мою дружбу съ роялистами?

Чего только не случается съ бѣдными сынами Израиля!..

Тѣмъ нé менѣе онъ рѣшилъ не дѣлать никакихъ уступокъ и защищать шагъ за шагомъ неприкосновенность своего дома.

Одинъ изъ полицейскихъ протѣснился къ лѣстницѣ.

— Пустите меня! Вы не можете отрицать, что скрыли роялиста въ своемъ домѣ, несмотря на строгое запрещеніе закона. Мы привели съ собой свидѣтеля.

По данному знаку изъ толпы выступилъ человѣкъ, который до этой минуты видимо хотѣлъ остаться незамѣченнымъ.

— Васъ зовутъ Пиккерлингомъ? спросилъ констабль, и вы знаете кавалера, который скрывается въ этомъ домѣ!

— Да, моя фамилія Пиккерлингъ отвѣтилъ гнусливымъ голосомъ благочестивый человѣкъ, который для своей настоящей роли перемѣнилъ нарядную ливрею на темное суконное платье пуританскаго покроя. Одному Богу извѣстно, какъ больно моему сердцу говорить о томъ, о чемъ я желалъ бы лучше умолчать. Но меня спрашиваютъ и я долженъ отвѣчать. Въ писаніи сказано: «уста праведника изрекаютъ премудрость и языкъ его произноситъ правду. Законъ Бога его въ сердцѣ у него; не поколеблются стопы его». Дѣйствительно меня зовутъ Пиккерлингомъ.

— Ну такъ идите за мной; вы мнѣ укажете человѣка, котораго мы ищемъ.

Но Авраамъ загородилъ имъ дорогу, хотя ему приходилось бороться противъ двухъ противниковъ, и никто не могъ оказать ему помощи. Въ домѣ оставались однѣ женщины, такъ какъ сынъ Авраама ушелъ вмѣстѣ съ помощниками въ контору Леонъ дель-Бланко. Одинъ м-ръ Никласъ видѣлъ всю сцену изъ окна и поспѣшилъ принять мѣры для спасенія своего сосѣда.

Авраамъ не зналъ этого, и, не ожидая помощи, защищалъ свой домъ съ мужествомъ отчаянія.

— Вы должны уступить другъ мой, уговаривалъ его Пиккерлингъ, который всегда отличался храбростью въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ двое нападали на одного. Въ книгѣ пророка Іереміи сказано: «кто обреченъ на смерть, тотъ преданъ будетъ смерти; кто въ плѣнъ, пойдетъ въ плѣнъ...

Новая ссылка изъ священнаго писанія окончательно вывела изъ терпѣнія Авраама. Не удостоивая отвѣтомъ пуританина, онъ изо всѣхъ силъ ударилъ его кулакомъ по лицу.

Другой констабль счелъ нужнымъ явиться на помощь, что еще болѣе придало бодрости Пиккерлингу. Опомнившись отъ удара, онъ громко воскликнулъ:

«Кто хочетъ слушать, слушай; а кто не хочетъ слушать, не слушай: ибо это мятежный домъ»...

Съ этими словами онъ присоединился къ полицейскимъ, которые ворвались въ домъ, но Авраамъ предупредилъ ихъ и, быстро поднявшись на лѣстницу, заперъ за собой на ключъ дверь, ведущую во внутреннія комнаты.

— Ну, теперь, вы можете выломать дверь! крикнулъ онъ.

Полицейскіе не замедлили послѣдовать этому приглашенію. Вынувъ свои сабли, они сдѣляли попытку открыть замокъ, но такъ какъ усилія ихъ оказались напрасными, то они начали выламывать петли, на которыхъ держалась дверь.

Работа ихъ еще не была окончена, какъ дверь неожиданно отворилась и повисла на уцѣлѣвшей петли. На встрѣчу имъ вышелъ баронетъ въ сопровожденіи своей дочери. Онъ опирался одной рукой на палку; длинные сѣдые волосы опускались въ безпорядкѣ на его исхудалое лицо, покрытое глубокими морщинами.

Даже Пиккерлингъ почувствовалъ нѣчто похожее на сожалѣніе, когда онъ увидѣлъ несчастнаго изгнанника, лишеннаго крова и имущества, который еще такъ недавно былъ полонъ силы и здоровья и владѣлъ замкомъ и богатымъ помѣстьемъ.

Глаза баронета остановились на Пиккерлингѣ; въ нихъ не было ни малѣйшаго слѣда гнѣва или упрека, а только выраженіе глубокой печали и какое-то недоумѣніе.

Пиккерлингъ ожидалъ бурной сцены и готовился къ ней, но совершенно растерялся отъ взгляда своего бывшаго господина, такъ что почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, когда одинъ изъ полицейскихъ спросилъ его: тотъ ли это человѣкъ, котораго они ищутъ?

Пуританинъ выступилъ впередъ и, снявъ шляпу съ головы изъ уваженія къ бывшему владѣльцу Чильдерлейскаго замка, повернулся лицомъ къ констаблю, видимо пріискивая слова для отвѣта.

Констабль повторилъ свой вопросъ. Посмотрите на него хорошенько, сказалъ онъ, тутъ не должно быть никакого недоразумѣнія; помните, что васъ призовутъ въ судъ въ качествѣ свидѣтеля!

Пиккерлингъ стоялъ съ опущенными глазами; онъ чувствовалъ, что кровь бросилась ему въ голову, наконецъ, покоряясь необходимости, взглянулъ украдкой на баронета и пробормоталъ заикаясь: — Да это тотъ самый человѣкъ...

— Значитъ вы узнали его! По вашимъ словамъ, вы нѣсколько лѣтъ служили ему? спросилъ констабль.

— Да, на мое несчастіе, я былъ долго мельникомъ въ Чильдерлеѣ, отвѣтилъ Пиккерлингъ, болѣе увѣреннымъ тономъ. Въ пи-

саніи сказано: «Нечестивые поставили для меня сѣть, но я не уклонился отъ повелѣній Твоихъ. Откровенія Твои я принялъ какъ наслѣдіе на вѣки...»

Одинъ изъ полицейскихъ съ нетерпѣніемъ прервалъ пуританина, но другой замѣтилъ своему товарищу:—оставь его, это благочестивый человѣкъ, не мѣшай ему говорить! и обращаясь къ Пиккерлингу онъ добавилъ:—Сдѣлайте одолженіе, назовите его по имени, чтобы мы могли приступить къ исполненію нашей обязанности.

— «Языкъ мой возгласитъ слово Твое, Господи, продолжалъ Пиккерлингъ, ибо всѣ заповѣди Твои праведны. Да будетъ рука Твоя въ помощь мнѣ, ибо я повелѣнія Твои избралъ». Дѣйствительно, это никто иной, какъ сэръ Товій Кутсъ, владѣлецъ Чильдерлейскаго замка.

Баронетъ молчалъ; лицо его оставалось такимъ же спокойнымъ и печальнымъ; но Оливія заплакала: — Уйдемте отсюда сэръ, сказала она, я не могу больше выносить этого мученія!..

Авраамъ, послѣ напрасной попытки защитить свой домъ отъ насилія, стоялъ въ сторонѣ и съ болью въ сердцѣ ожидалъ окончанія тяжелой для него сцены.

— Не подлежитъ сомнѣнію, сказалъ одинъ изъ констаблей торжественнымъ голосомъ, что это владѣлецъ Чильдерлея, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ послѣдняго бунта, а это еврей Авраамъ, обвиняемый въ укрывательствѣ государственнаго преступника! Поэтому именемъ закона арестую васъ обоихъ, добавилъ блюститель правосудія, положивъ одну руку на плечо баронета, а другую — на плечо еврея.

Послѣднія слова были заглушены внезапнымъ шумомъ съ улицы; среди бряцанья оружія, ржанія и топота лошадей, раздавался громкій, безпрестанно повторяемый крикъ: Да здравствуетъ генералъ Кромвель! Ура!

Вслѣдъ затѣмъ, на лѣстницѣ послышались тяжелые шаги. Благословенъ Господь Богъ израиля отъ вѣка и вѣка! радостно воскликнулъ Авраамъ. У кого, кромѣ Кромвеля, можетъ быть такая твердая, рѣшительная походка...

Авраамъ не ошибся. На верхней ступени лѣстницы появилась широкоплечая фигура Кромвеля, сопровождаемая цѣлой толпой красныхъ мундировъ.

Такимъ видѣлъ его Авраамъ въ лагерѣ, близъ Триплоэ; но теперь Кромвель, окруженный ореоломъ всемогущества, показался ему еще величественнѣе; онъ невольно преклонилъ передъ нимъ колѣна и поцѣловалъ полу его платья.

— Такія почести могутъ быть воздаваемы одному Богу, кротко замѣтилъ Кромвель, протянувъ руку еврею, чтобы поднять его, затѣмъ медленно переступилъ порогъ и поклонился баронету, кото-

рый въ изнеможеніи опустился въ кресло, стоявшее среди комнаты.

Густая краска выступила на щекахъ Оливіи, когда она увидѣла человѣка, котораго знала съ дѣтства и, несмотря на перемѣну обстоятельствъ, не переставала относиться къ нему съ уваженіемъ и любовью.

Кромвель подошелъ къ ней:—Надѣюсь, что я не испугалъ тебя моимъ появленіемъ? спросилъ Кромвель ласково положивъ руку на голову Оливіи. Господь да благословитъ тебя дитя мое!

— Мой дорогой дядя проговорила сквозь слезы Оливія, пряча свое разгорѣвшееся лицо на груди Кромвеля, но черезъ минуту она поспѣшно отодвинулась отъ него, изъ боязни, чтобы отецъ не увидѣлъ ея невольнаго порыва.

Кромвель окинулъ взглядомъ комнату и былъ видимо удивленъ сценой, которая представилась его глазамъ: двое констаблей стояли въ углу въ смиренной позѣ преступниковъ, ожидающихъ приговора; Пиккерлингъ пятился къ дверямъ и, казалось, выжидалъ минуты, чтобы обратиться въ бѣгство.

— Что это значитъ? спросилъ Кромвель строгимъ голосомъ, обращаясь къ м-ру Никласу, который въ эту минуту выступилъ изъ толпы красныхъ мундировъ, стоявшихъ у дверей.

— Эти господа, отвѣтилъ секретарь, указывая рукой на полицейскихъ, насильно ворвались сюда, и поэтому я рѣшился остановить васъ на улицѣ, сэръ, и просить вашей помощи... Прошу извинить меня...

— Вы не сдѣлали ничего противозаконнаго, м-ръ Никласъ. Каждый англичанинъ имѣетъ право требовать, чтобы его выслушали въ подобномъ случаѣ. Главная цѣль всякой военной организаціи—охраненіе гражданскаго порядка, который былъ нарушенъ здѣсь самымъ наглымъ образомъ. За чѣмъ явились вы сюда? спросилъ онъ рѣзкимъ тономъ, обращаясь къ полицейскимъ.

— Насъ прислали, чтобы сдѣлать обыскъ въ этомъ домѣ и произвести арестъ, доложилъ одинъ изъ констаблей.

— Покажите мнѣ бумагу, которая уполномочила васъ къ этому. Любопытно взглянуть на подпись и приложенную къ ней печать.

— У насъ нѣтъ такой бумаги сэръ, возразилъ констабль.

— Какъ! сказалъ Кромвель, возвысивъ голосъ, и вы осмѣливаетесь нарушать священное право каждаго англичанина считать свой домъ неприкосновеннымъ!

— Но вѣдь это не англичанинъ сэръ! замѣтилъ въ свое оправданіе констабль. Быть можетъ вашей милости неизвѣстно, что хозяинъ этого дома жидъ.

Краска негодованія выступила на лицѣ Кромвеля.

— Я знаю это, сказалъ онъ, но разница религіи не имѣетъ здѣсь никакого значенія! Разумѣется, вы не болѣе, какъ слѣпое

орудіе въ чужихъ рукахъ, но я надѣюсь, что для Англіи наступить время, когда права свободнаго человѣка будутъ лучше уважаться, нежели теперь. Наши соотечественники убѣдятся, что мы не даромъ проливали нашу кровь въ стольких битвахъ. Если мы вынесли тяжелую шестилѣтнюю борьбу, то съ единственною цѣлью, чтобы англійская конституція была не пустымъ словомъ, и чтобы ни одинъ свободный человѣкъ не могъ быть арестованъ этимъ способомъ и отведенъ въ заключеніе! Между тѣмъ, въ настоящее время полицейскіе служители, по распоряженію извѣстныхъ господъ, позволяютъ себѣ насильственно врываться въ дома мирныхъ гражданъ, выламывать двери и даже посягать на личность людей...

По знаку Кромвеля шесть человѣкъ драгунъ выступили на средину залы.

— Уведите ихъ, сказалъ Кромвель и приставьте къ нимъ стражу.

— Одинъ изъ констаблей, болѣе свѣдущій въ законахъ, нежели его товарищъ, замѣтилъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ объ арестѣ государственнаго преступника, и что они могутъ сослаться на показанія доносчика Пиккерлинга, котораго они привели съ собой.

Но Пиккерлинга не оказалось въ комнатѣ, такъ какъ онъ успѣлъ избѣгнуть опасности съ своимъ обычнымъ искусствомъ и, пользуясь минутнымъ смятеніемъ, произведеннымъ приходомъ Кромвеля, выскользнулъ изъ дверей.

— Я считаю показанія этого человѣка совершенно лишними! возразилъ Кромвель.

— Нѣтъ, сэръ! его присутствіе въ высшей степени важно для насъ, сказалъ констабль, отыскивая глазами Пиккерлинга. Онъ можетъ дать намъ самыя точныя свѣдѣнія относительно обоихъ преступниковъ, какъ Чильдерлейскаго баронета, такъ и жида, который спасъ его съ помощью роялистовъ и враговъ отечества и скрылъ въ своемъ домѣ.

— Это наглая ложь! воскликнулъ чей-то голосъ, и вмѣсто Пиккерлинга изъ группы солдатъ, стоявшихъ у дверей, выступила стройная фигура Франка Герберта. Баронетъ былъ привезенъ въ этотъ домъ по моему распоряженію и, слѣдовательно, вся отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ должна падать на меня одного!

— О Боже, благодарю тебя! невольно воскликнула Оливія.

— Если здѣсь можетъ быть рѣчь о преступленіи, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, мой дорогой Франкъ, каждый изъ насъ бываетъ виновенъ въ подобныхъ проступкахъ, сказалъ Кромвель и, сдѣлавъ знакъ солдатамъ, приказалъ вывести обоихъ полицейскихъ. Затѣмъ онъ обратился къ баронету, который сидѣлъ въ креслѣ съ опущенной головой.

— Мнѣ больно видѣть васъ въ этомъ положеніи, сэръ Товій!

Въ былыя времена насъ соединяла самая тѣсная дружба и надѣюсь, что она не совсѣмъ порвана и до сихъ поръ; различіе мнѣній не можетъ уничтожить кровное родство и многолѣтнюю дружбу.

Съ этими словами Кромвель взялъ сухощавую руку баронета и пожалъ ее.—Вы недовѣрчиво качаете головой, сэръ, продолжалъ Кромвель; дѣйствительно мы разошлись на жизненномъ пути; вы подняли оружіе противъ парламента и старались поддержать произволъ короля Карла и епископальной церкви, противъ воли всей націи. Пока вы мирно оставались въ своемъ помѣстьи я могъ охранять вашъ замокъ и имущество, и теперь ничто не мѣшаетъ вамъ вернуться туда, такъ какъ рука Господня поразила нашего противника и лишила васъ возможности вредить нашему дѣлу. Въ началѣ этой войны мнѣ не приходило въ голову, что я долженъ буду вести борьбу противъ отдѣльныхъ личностей... Но во всякомъ случаѣ старые порядки должны исчезнуть безвозвратно; и дальнѣйшее сопротивленіе съ вашей стороны—своего рода безуміе. Не въ человѣческой власти располагать ходомъ событій, и мы должны мириться съ этимъ. Вернитесь въ свой замокъ кузенъ, подумайте о дальнѣйшей участи вашихъ дѣтей. Человѣкъ, который изнемогъ въ честной борьбѣ, сдѣлалъ достаточно и можетъ провести остатокъ дней своихъ въ спокойствіи и довольствѣ. Скажите одно слово и все будетъ устроено.

Баронетъ неожиданно поднялся съ креселъ и опустился на колѣни передъ Кромвелемъ. — Я прошу не за себя и не за своихъ дѣтей, проговорилъ онъ съ глухимъ рыданіемъ, которое показывало, какъ глубока была его скорбь о погибшемъ дѣлѣ. Я прошу тебя за короля, Оливеръ; судьба его въ твоихъ рукахъ! Умоляю тебя именемъ Елизаветы моей покойной жены, которая всегда любила тебя, возврати свободу несчастному королю...

Кромвель поблѣднѣлъ, и сдѣлалъ усиліе, чтобы освободиться изъ рукъ баронета, который обнималъ его колѣни. Голосъ его, вмѣсто дружескаго сердечнаго тона, принялъ холодный суровый оттѣнокъ. — Богу извѣстно, сказалъ онъ, что я всегда искренно относился къ королю и сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы спасти его...

Въ этотъ моментъ съ улицы раздались громкіе звуки трубъ.

Баронетъ поднялся на ноги и сталъ прислушиваться.

Это былъ герольдъ, сопровождаемый кавалерійскимъ полкомъ, который ѣздилъ по улицамъ Лондона и остановился передъ домомъ еврея Авраама, чтобы прочитать слѣдующую декларацію:

«Да будетъ извѣстно всѣмъ жителямъ Сити, Вестминстера и Лондона:

1) что по Божьему соизволенію власть въ государствѣ прежде всего принадлежитъ народу и представителямъ народа, т. е. Палатѣ Общинъ;

2) что постановленія Палаты имѣютъ силу закона и всякая война противъ парламента будетъ признана государственной измѣной;

3) Карлъ Стюартъ, бывшій король Англіи, взялся за оружіе и велъ войну противъ парламента;

4) поэтому представители Общинъ, собранные въ парламентѣ, рѣшили призвать его къ допросу передъ верховной комиссіей и подвергнуть суду, какъ главнаго виновника междоусобной войны и бѣдствій, опустошавшихъ страну.

Да будетъ извѣстно всѣмъ и каждому:

что эта верховная комиссія откроетъ свои засѣданія въ большой залѣ Вестминстера, куда будетъ открытъ свободный доступъ всѣмъ, которые пожелаютъ подать жалобу на Карла Стюарта, бывшаго англійскаго короля!»

Звуки трубъ послужили сигналомъ къ окончанію чтенія, каждое слово котораго отчетливо раздавалось въ домѣ.

Кромвель обратился къ баронету, который сдѣлалъ видъ, что не слушаетъ его.

— Сэръ Товій, сказалъ онъ, я предоставляю вамъ устроить вашу судьбу по своему усмотрѣнію; что же касается моихъ поступковъ, то я отвѣчу за нихъ передъ Богомъ!

Затѣмъ Кромвель медленно вышелъ изъ комнаты, въ сопровожденіи красныхъ мундировъ.

Франкъ Гербертъ остановился въ дверяхъ. Случайная встрѣча съ любимой дѣвушкой дѣлала еще тяжелѣе новую разлуку.

Оливія бросилась къ нему и обвила его шею обѣими руками; губы ихъ слились въ долгомъ поцѣлуѣ.

— Прощай, будь счастливъ Франкъ! проговорила она сквозь слезы. Быть можетъ мы разстаемся навсегда; но никто не можетъ запретить мнѣ любить тебя.

Она отвернулась отъ него и подошла къ баронету, который сидѣлъ въ креслѣ съ опущенной головой.

Франкъ Гербертъ вышелъ на площадку лѣстницы глубоко взволнованный, не замѣчая Мануэллы, которая провожала его печальнымъ взглядомъ своихъ большихъ задумчивыхъ глазъ.

ГЛАВА XII.

Похороны короля Карла.

Голова короля Карла I пала на эшафотѣ. Когда предсѣдатель верховной комиссіи спросилъ его, что̀ онъ можетъ привести въ оправданіе невинно пролитой крови своихъ подданныхъ, онъ отвѣтилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, не покидавшимъ его до послѣдней минуты его жизни: — «Я виновенъ въ пролитіи крови о̆дного человѣка, графа Страффорда, моего лучшаго друга, который палъ жертвой мести парламента!» Въ послѣднюю ночь, проведенную имъ на землѣ, ему приснился лордъ въ своемъ архіепископскомъ одѣяніи, второй человѣкъ, осужденный имъ на смерть, который наравнѣ съ Страффордомъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ междоусобной войны. Карлъ Стюартъ въ день казни надѣлъ свой парадный мундиръ съ широкой голубой лентой ордена св. Георга; на лѣвой сторонѣ груди красовалась большая звѣзда ордена Подвязки. Затѣмъ онъ вышелъ въ банкетную залу своего бывшаго королевскаго замка, потолокъ которой былъ украшенъ живописью Рубенса и прошелъ среди драгоцѣнныхъ коллекцій картинъ Тиціана, Рафаэля и Ванъ-Дика. Здѣсь нѣкогда англійская знать тѣснилась около своего властелина, и ему улыбалась Генріэтта-Марія въ цвѣтѣ красоты и молодости. Но теперь, вмѣсто нарядной толпы придворныхъ въ пурпуровыхъ и бѣлыхъ одеждахъ и дамъ, украшенныхъ перьями и жемчужными ожерельями, стояли мрачныя фигуры кромвелевскихъ солдатъ въ шлемахъ; съ алебардами. Одно изъ оконъ, выходившихъ на улицу, было проломано; черезъ это окно прошелъ Карлъ, чтобы взойти на эшафотъ.

Первую ночь послѣ казни тѣло короля оставалось въ Уайтголлѣ. Теперь снова къ нему допущены были вѣрные слуги; одинъ изъ знатнѣйшихъ лордовъ Англіи вмѣстѣ съ бывшимъ камердинеромъ находились неотлучно при его гробѣ, который едва освѣщался лампадой, горѣвшей въ углу. Въ два часа по полуночи раздались тяжелые шаги человѣка, который медленно поднимался по пустыннымъ лѣстницамъ королевскаго дворца. Одна дверь отворялась за другой; шаги приближались и, наконецъ, въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ, вошелъ широкоплечій мужчина, завернутый въ плащъ. Онъ подошелъ къ гробу, поднялъ крышку и, покачавъ головой, пробормоталъ сквозь зубы: «печальная необходимость». Затѣмъ онъ удалился также медленно и съ тою же таинственностью, такъ что сторожившіе покойника не могли разглядѣть его лица, которое было закрыто плащемъ. Но по походкѣ и голосу они узнали Оливера Кромвеля.

Благодаря ходатайству Кромвеля передъ парламентомъ, слуги короля получили разрѣшеніе похоронить его тѣло съ надлежащими почестями въ королевскомъ склепѣ Виндзора. Это мѣсто было выбрано на томъ основаніи, что король при жизни особенно любилъ Виндзорскій дворецъ. Здѣсь онъ провелъ послѣдніе дни своей свободы, и часто прогуливался по длинной террасѣ, построенной королевой Елизаветой, откуда видно было красивое зданіе Итонской коллегіи и открывался прекрасный ландшафтъ на Темзу, окрестные холмы, деревни и загородные дома. Сюда привезено было тѣло короля на погребальной колесницѣ, покрытой чернымъ бархатомъ и запряженной шестью лошадьми. За колесницей ѣхали четыре кареты, въ которыхъ сидѣли слуги и друзья короля. Было холодное зимнее утро; среди голубаго неба ярко сіяло солнце и освѣщало оледенѣлую землю.

Въ это утро сэръ Товій простился съ хозяевами гостепріимнаго дома въ Duke-street. Онъ надѣлъ свое лучшее платье, шляпу съ перомъ, перчатки, мечъ, который былъ на немъ во время несчастной стычки близъ Nonsuch-Park'а, и обвязалъ руку чернымъ газомъ.

— До свиданія, добрые люди, сказалъ онъ, прощаясь съ Авраамомъ и его семьей. Не удерживайте меня, я чувствую себя достаточно здоровымъ; моя обязанность быть около короля до послѣдней минуты. Мнѣ предстоитъ дальній путь и, быть можетъ, я не скоро вернусь сюда. Но, да поможетъ мнѣ Господь, я никогда не забуду, какъ вы были добры ко мнѣ. Цѣной тяжелыхъ испытаній я научился принимать благодѣянія, и мнѣ легче было принимать ихъ отъ васъ, нежели отъ кого-бы то ни было. Ничѣмъ инымъ я не могу выразить вамъ своей благодарности...

Авраамъ и его жена были убѣждены, что баронетъ намѣревается покинуть Англію вмѣстѣ съ другими эмигрантами и отправиться на континентъ, гдѣ роялисты, немедленно по полученіи извѣстія о смерти Карла I, провозгласили королемъ его сына, Карла II. Они дружески простились съ нимъ и отъ души пожелали ему счастливой дороги.

Оливія отправилась вмѣстѣ съ отцомъ. Авраамъ, провожая ее, сказалъ, что домъ его всегда открытъ для нея, когда бы она ни нуждалась въ пріютѣ.

— Я увѣрена въ этомъ, отвѣтила Оливія, пожимая руку почтенному еврею. Она также была въ траурѣ по умершемъ королѣ.

Баронетъ съ дочерью сѣли въ карету, которая медленно перевезла ихъ черезъ Лондонскій мостъ на другой берегъ рѣки. Дорога была продолжительная и однообразная. Зимнее солнце освѣщало ландшафтъ своимъ холоднымъ блескомъ; но, затѣмъ, мало-помалу, скрылось за облаками, и небо приняло свинцовый оттѣнокъ. Наконецъ, путники увидѣли холмъ, на которомъ стоитъ Виндзорскій замокъ, окруженный могучимъ лѣсомъ. Еще разъ выглянуло

солнце, и золотистые лучи его на минуту освѣтили верхушки деревьевъ, сѣрыя стѣны и высокія башни замка.

Карета остановилась; баронетъ, опираясь на руку дочери, сталъ подниматься на гору и вошелъ черезъ большія ворота на дворъ замка. Готическія окна залы св. Георга, гдѣ стоялъ гробъ короля-мученика, казались огненными отъ красноватаго свѣта факеловъ. Торжественная тишина царила за громадными оледенѣлыми стѣнами; отчетливо раздавался голосъ епископа, который провожалъ короля на эшафотъ и не хотѣлъ покинуть его и теперь. Карла I хоронили по обрядамъ англиканской церкви, которой онъ оставался вѣренъ до послѣдней минуты своей жизни. Наконецъ, служба кончилась, и изъ дверей залы выступила траурная процессія, въ которой участвовало нѣсколько лицъ изъ прежней свиты короля и его бывшіе слуги, въ числѣ которыхъ былъ самый преданный изъ нихъ, сэръ Томасъ Гербертъ. Гробъ былъ закрытъ чернымъ покровомъ; на крышкѣ его виднѣлись выложенныя оловомъ буквы: «король Карлъ, 1648».

Процессія сошла съ лѣстницы и вышла на дворъ замка. Въ это время сталъ падать такой частый снѣгъ, что, несмотря на короткій путь изъ залы въ капеллу, черный покровъ на гробѣ совсѣмъ побѣлѣлъ. Такъ «бѣлый» король, пишетъ одинъ роялистъ въ своихъ мемуарахъ, вѣрный прозвищу, данному ему при коронаціи, отправился въ могилу на 48 году своей жизни, послѣ 22-хъ лѣтняго царствованія.

Чильдерлейскій баронетъ, погруженный въ молитву, набожно преклонилъ колѣна, когда шествіе проходило мимо него. Оливія, рыдая, послѣдовала примѣру своего отца. Въ это время она почувствовала, что кто-то прикоснулся рукой къ ея плечу, и невольно подняла голову. Передъ нею стоялъ блѣдный изнуренный юноша, въ изорванной одеждѣ. Она съ крикомъ бросилась къ нему на шею: это былъ ея братъ.

Между тѣмъ, шествіе скрылось за дверьми капеллы. Баронетъ поднялся на ноги и увидѣлъ сына; мимолетный лучъ радости пробѣжалъ по его печальному лицу.

— Я не ожидалъ, что у этой могилы мнѣ прійдется испытать какую-либо радость! сказалъ сэръ Товій, пожимая руку сыну. Пойдемъ Джонъ отдадимъ послѣднюю почесть нашему королю.

Они вошли въ капеллу. Епископъ прочелъ короткую молитву, затѣмъ гробъ былъ опущенъ въ склепъ, рядомъ съ могилами Генриха VIII и его послѣдней супруги. Каменная плита, вынутая изъ полу, была снова положена на прежнее мѣсто; подъ нею нашелъ успокоеніе несчастный король, послѣ непродолжительной жизни, исполненной величайшихъ мученій, какія только можетъ испытать человѣкъ.

Въ капеллѣ совсѣмъ стемнѣло и только факелы освѣщали сво-

имъ мерцающимъ свѣтомъ озабоченныя, печальныя лица участниковъ погребальной процессіи, которые одни за другими молча выходили изъ капеллы.

— Мы исполнили свой долгъ; теперь можемъ идти! сказалъ баронетъ своимъ дѣтямъ такимъ слабымъ голосомъ, что они съ трудомъ могли разслышать его.

Джонъ хотѣлъ подать ему руку, чтобы довести до кареты, но въ это время баронетъ въ изнеможеніи опустился на землю. Тусклый свѣтъ удалявшихся факеловъ на минуту освѣтилъ блѣдное лицо умирающаго человѣка; изъ группы духовныхъ лицъ, сопровождавшихъ лондонскаго епископа, выдѣлилась стройная фигура молодаго священника.

— Вы ли это сэръ Товій? воскликнулъ онъ, подойдя къ баронету поспѣшными шагами.

Ласковый тонъ знакомаго голоса возбудилъ послѣдній остатокъ энергіи въ ослабѣвшемъ тѣлѣ несчастнаго старика. Докторъ Гевитъ!.. произнесъ онъ дрожащими губами, дѣлая усиліе, чтобы протянуть ему руку.

Баронета подняли съ земли и отнесли въ сосѣдній домъ. Онъ пришолъ въ полное сознаніе передъ смертью и внимательно выслушалъ разсказъ сына о вынесенныхъ имъ опасностяхъ и приключеніяхъ, послѣ неудачнаго бѣгства покойнаго короля. Многіе изъ дворямъ оказывали ему гостепріимство; но всего радушнѣе отнесся къ нему сэръ Гарри Слингсби, у котораго онъ прожилъ всего долѣе.

Имя стараго пріятеля вызвало рядъ воспоминаній въ сердцѣ умирающаго; онъ пожелалъ узнать дальнѣйшія подробности о Слингсби. Джонъ сообщилъ ему, что сэръ Гарри, несмотря на всѣ преслѣдованія и потерю значительной части своего имущества, сохранилъ неизмѣнную преданность покойному королю и готовъ также вѣрно служить его сыну, Карлу II.

Это дѣлаетъ ему честь, сказалъ баронетъ съ глубокимъ вздохомъ. Надѣюсь, что и ты Джонъ не забудешь свою обязанность!

— Сегодня ночью отвѣтилъ Джонъ, я сяду на крейсерское судно, которое перевезетъ меня въ Голландію, гдѣ Карлъ II расположился съ своимъ дворомъ.

Рука баронета тяжело опустилась на голову плачущей дочери, которая стояла на колѣняхъ передъ его постелью. Дай мнѣ слово Оливія, проговорилъ онъ слабымъ голосомъ, что когда нашъ король вернется въ Англію, ты перевезешь мое тѣло въ Чильдерлейскую церковь и положишь рядомъ съ могилой моей жены...

Это были послѣднія слова баронета. Его похоронили на Виндзорскомъ кладбищѣ и поставили на могилѣ простой деревянный крестъ. Джонъ Кутсъ, новый владѣлецъ Чильдерлейскаго замка, отправился на континентъ; Гевитъ вызвался проводить Оливію въ Лондонъ.

ГЛАВА XIII.

Тысячелѣтнее царство.

Оливія, послѣ смерти отца и разлуки съ братомъ, осталась бы совершенно одинокой и беззащитной въ этомъ мірѣ, еслибы у ней не было друзей въ домѣ на Duke-Street. Она знала, что ее встрѣтятъ тамъ съ любовью и лаской; и съ своей стороны съ чувствомъ глубокой благодарности говорила Гевиту объ Авраамѣ и его семьѣ и ихъ нѣжной заботливости о больномъ баронетѣ. Глаза Оливіи всякій разъ наполнялись слезами, когда она произносила имя отца; благочестивый священникъ по возможности утѣшалъ ее и, сознавая, что только время можетъ ослабить ея горе, старался перемѣнить разговоръ. У Оливіи не было тайнъ отъ этого достойнаго человѣка; тронутая его добротой, она откровенно разсказала ему свое послѣднее неожиданное свиданіе съ Франкомъ Гербертомъ. Ни одинъ мускулъ не пошевелился на лицѣ священника при этомъ имени; глаза его не выразили ни малѣйшаго гнѣва или раздраженія. Глубокая пропасть отдѣляла его отъ любимаго друга юности; ничто не могло восполнить для него этой потери. Но въ эту минуту онъ думалъ не о себѣ, а о страданіяхъ Франка Герберта; онъ искренно жалѣлъ объ его заблужденіяхъ и молился, чтобы Господь наставилъ его на путь истины.

Оливія не ошиблась. По пріѣздѣ въ Лондонъ, она встрѣтила самый радушный пріемъ въ семьѣ почтеннаго еврея; всѣ искренно жалѣли о смерти баронета; но никто не выказывалъ его дочери того назойливаго участія, которое всего тяжелѣе въ подобныя минуты. Гевитъ успокоенный, относительно ближайшей будущности Оливіи, простился съ ея гостепріимными хозяевами и вышелъ на улицу. Онъ едва зналъ, гдѣ ему преклонить голову въ обширной и прекрасной Англіи, гдѣ у него не было опредѣленнаго мѣста жительства. Домъ его покровителя, графа Линдзея, былъ открытъ для него; но въ эти смутныя времена, никто не могъ сказать, долго ли просуществуетъ замокъ графа и возможно ли будетъ его владѣльцу дать пріютъ служителю гонимой церкви. Какъ только былъ выполненъ кровавый приговоръ надъ Карломъ I, то во всѣхъ городахъ Англіи была торжественно превозглашена республика, а каждый, кто признаетъ королемъ бывшаго принца Уэльскаго, Карла Стюарта, объявленъ государственнымъ измѣнникомъ. Вмѣстѣ съ отмѣной монархической власти уничтожена была камера перовъ а оставлена одна Палата Общинъ, представители которой избирались народомъ. Пока все было спокойно въ Лондонѣ и во всей странѣ, и порядокъ ни на минуту не нарушался, какъ это предсказалъ заранѣе м-ръ Никласъ въ разговорѣ съ своимъ пріятелемъ Авраамомъ.

— Вы увидите, доказывалъ секретарь Кромвеля, что они скоро примирятся съ новымъ положеніемъ вещей, и если Господь поддержитъ наше дѣло, то свѣтъ пойметъ, что нѣтъ ничего выше свободы. Люди будутъ относиться съ уваженіемъ къ закону; прежнее государственное устройство Англіи возстановлено во всей силѣ; каждый будетъ дѣлать, говорить и писать то, чтò ему приказываетъ совѣсть; народу будутъ возвращены его попранныя права. Для Англіи наступитъ золотой вѣкъ, и она отдохнетъ отъ своихъ бѣдствій. Повѣрьте, что намъ нечего опасаться иностранныхъ державъ, каждая изъ нихъ побоится порвать свои отношенія съ молодой республикой; всѣмъ извѣстно, какая сильная рука держитъ у насъ бразды правленія...

Хотя м-ръ Никласъ, какъ человѣкъ близко стоящій къ Кромвелю, связывалъ слишкомъ большія ожиданія съ совершившимся переворотомъ; но, тѣмъ не менѣе, взглядъ его на политику иностранныхъ державъ оказался безошибочнымъ. Неожиданный ударъ, нанесенный королевской власти засталъ ихъ врасплохъ; то что казалось невозможнымъ, произошло такъ внезапно, что никто не хотѣлъ вѣрить совершившемуся факту. Идея народнаго господства впервые осуществилась на дѣлѣ и привела въ трепетъ остальную Европу.

Испанскій король подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ полученнаго извѣстія, приказалъ своему посланнику въ Лондонѣ «немедленно» скупить для галлерей Эскуріала, превосходныя картины и драгоцѣнныя монеты, которыя были объявлены «національной собственностью», по распоряженію «жестокихъ убійцъ короля Карла». Посланникъ французскаго короля, хотя тотчасъ же выѣхалъ изъ Лондона; но вскорѣ опять вернулся къ своему посту, потому что такая великая держава, какъ Франція, не могла оставаться безъ представителя. Уполномоченные Голландіи, слѣдуя примѣру большинства посланниковъ, заперлись въ своемъ домѣ. Но на слѣдующій день послѣ казни Стюарта они удостоились посѣщенія генералъ-лейтенанта Кромвеля, «который, какъ сказано было въ ихъ донесеніи, отзывался съ большимъ уваженіемъ о голландскомъ правительствѣ, съ помощью котораго онъ надѣялся ввести лучшую церковную организацію». Представители генеральныхъ штатовъ отнеслись недовѣрчиво къ заявленію Кромвеля, такъ какъ находили страннымъ, что убійца короля осмѣливается говорить о религіи. Но нѣсколькими днями позже они сдѣлались снисходительнѣе, такъ какъ пришло извѣстіе, что въ лондонскомъ парламентѣ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы предоставить голландцамъ тѣ же права въ Англіи, какими пользуются сами англичане относительно торговли, мореходства, фабричнаго производства, ремеслъ и банковыхъ операцій. Тѣмъ не менѣе генеральные штаты, принимая во вниманіе, что Карлъ II—гость въ ихъ странѣ и родственникъ штатгальтера,

приняли рѣшеніе отозвать одного изъ своихъ посланниковъ, а другого оставить въ Лондонѣ, впредь до дальнѣйшаго распоряженія.

Такимъ образомъ новой республикѣ нечего было опасаться со стороны ея отношеній къ иностраннымъ государствамъ, между тѣмъ, какъ настроеніе арміи составляло предметъ серіознаго безпокойства не только для парламента и мирныхъ гражданъ, но и для самого Кромвеля. Броженіе замѣчалось даже между самыми надежными полками. Теперь, когда изъ стараго государственнаго строя образовался новый, а монархическій образъ правленія долженъ былъ перейти въ республиканскій, въ войскѣ начался невообразимый хаосъ, среди котораго выступили мрачныя фигуры милленаріевъ и, такъ называемыхъ, ливеллеровъ или уравнителей. Послѣдніе требовали общности имущества, какъ во времена апостоловъ; первые ожидали обѣщаннаго Божьяго царства на землѣ. Мистическій религіозный характеръ, который носила революція съ самаго начала, проявился съ новой силой, тѣмъ болѣе, что новое государство не осуществляло дикихъ мечтаній фанатиковъ. Они не хотѣли повиноваться никакимъ свѣтскимъ властямъ и ожидали пришествія Іисуса, который долженъ былъ возсѣсть на престолѣ умершаго короля и отнять власть отъ узурпаторовъ.

Глубокое недовольство охватило секту милленаріевъ, составлявшую значительную часть арміи. По ихъ мистическимъ предсказаніямъ и вычисленіямъ въ 1648 году должно было начаться Божье тысячелѣтнее царство. Эта безумная мечта въ сильной степени способствовала ускоренію печальной участи короля. Въ мрачный ноябрьскій день, предшествовавшій катастрофѣ, собраны были полки въ Виндзорѣ; и среди поста, молитвы и толкованій смысла св. писанія «брошенъ жребій о клятвопреступномъ королѣ», который признанъ достойнымъ смерти. Затѣмъ непосредственно слѣдовалъ послѣдній актъ страшной драмы, и главные участники революціи, недовольные ея результатами, потребовали награды за свои труды.

«Царь Іисусъ» терпѣливо ожидаемый фанатиками до послѣдняго дня 1648 года, не явился; вмѣсто этого выступилъ простой смертный и положилъ основаніе новому государственному строю. Этотъ смертный былъ Оливеръ Кромвель; въ былыя времена онъ воодушевлялъ ихъ къ борьбѣ словами пророка; а теперь, когда пророчество должно было исполниться, загораживалъ собою путь къ царству Божію. На него преимущественно обрушилось ихъ негодованіе; къ нему стали они примѣнять слова пророка Даніила, которыя до этого примѣнялись къ королю: «Подъ конецъ же царства, когда отступники исполнятъ мѣру беззаконій своихъ, возстанетъ царь наглый и искусный въ коварствѣ... и будетъ онъ губить сильныхъ и народъ святой. И при умѣ его и коварство будетъ имѣть успѣхъ въ рукѣ его, и сердцемъ своимъ онъ превознесется». Кромвель, называвшій свои пушки «двѣнадцатью апостолами»,

былъ антихристъ, о которомъ сказано въ писаніи, что онъ воспрепятствуетъ небесному царю сѣсть на своемъ престолѣ. Поэтому необходимо было устранить его, чтобы могло начаться царство Іисуса Христа и его святыхъ.

Въ арміи составился заговоръ противъ Кромвеля, который долженъ былъ убѣдиться горькимъ опытомъ въ той истинѣ, что если человѣкъ хочетъ осуществить на землѣ свободу и законъ, то противъ него возстаетъ одна партія за другой, и что по окончаніи войны съ непріятелемъ начинается постыдная борьба съ прежними друзьями.

Возстаніе въ арміи приняло слишкомъ большіе размѣры, чтобы оставаться въ тайнѣ. «Воины царя Іисуса», какъ называли себя милленаріи составляли какъ бы войско среди войска, имѣли свои митинги и своихъ проповѣдниковъ, особые значки, зеленыя ленты въ петлицахъ и особенный военный флагъ, на которомъ былъ изображенъ спящій левъ съ девизомъ: «кто разбудитъ его?»

Сначала Кромвель ограничился тѣмъ, что приказалъ усилить надзоръ надъ заговорщиками, такъ какъ ему было тяжело принять строгія мѣры противъ прежнихъ товарищей по оружію. Онъ хотѣлъ остановить пламя въ надеждѣ, что оно потухнетъ само собой, и старался всѣми способами успокоить недовольныхъ фанатиковъ. Но скоро наступилъ день, когда необходимость болѣе рѣшительныхъ дѣйствій сдѣлалась очевидной.

Маркизъ Ормондъ продолжалъ свои козни въ Ирландіи. Въ то время какъ Шотландія, главное гнѣздо пресвитеріанъ и упорныхъ приверженцевъ Ковенанта, еще не успѣла опомниться отъ послѣдняго удара, нанесеннаго ей Кромвелемъ, католическій элементъ поднялся въ Ирландіи и руководимый ненавистью развѣсилъ знамена Стюартовъ на всѣхъ башняхъ и крѣпостяхъ. Принцъ Рупрехтъ, лишенный возможности грабить на сушѣ, обратился въ морскаго пирата и принялъ начальство надъ отпавшей частью флота, Карлъ II готовился соединиться съ нимъ, чтобы начать новую междоусобную войну; но на этотъ разъ ее хотѣли перенести въ Ирландію, злополучную страну, которая, какъ бы въ насмѣшку, въ теченіи четырехъ сотъ лѣтъ называлась «младшей сестрой» Англіи.

Здѣсь Кромвель намѣревался сосредоточить свои силы; но въ тотъ моментъ, когда отданъ былъ приказъ арміи выступить въ походъ, милленаріи открыто подняли знамя возстанія противъ Кромвеля, заперлись въ нѣсколькихъ домахъ Сити и приготовились къ борьбѣ. Безумные мечтатели все еще надѣялись, что совершится чудо и на землѣ наступитъ царство Христово.

Борьба была непродолжительна и можно было заранѣе предвидѣть ея исходъ. «Двѣнадцать апостоловъ» Кромвеля сдѣлали свое дѣло; милленаріи напрасно ждали помощи свыше и должны были

положить оружіе. Военный судъ приговорилъ пятерыхъ главныхъ зачинщиковъ къ разстрѣлянію; въ числѣ ихъ былъ Робертъ Лакіеръ, тотъ самый молодой фанатикъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорилъ проповѣдь передъ Чильдерлейской церковью и объяснялъ своимъ товарищамъ слова пророка Даніила. Кромвель подписалъ смертный приговоръ своимъ крупнымъ четкимъ почеркомъ; Франкъ Гербертъ, въ качествѣ ассистента военнаго суда, долженъ былъ привести его въ исполненіе. Эта печальная обязанность была для него тѣмъ тяжелѣе, что онъ долженъ былъ умертвить въ цвѣтѣ лѣтъ любимаго товарища своего дѣтства.

Былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ апрѣльскихъ дней, когда чувствуешь пробужденіе природы, и воздухъ даже на городскихъ улицахъ проникнутъ свѣжимъ запахомъ земли и распускающейся зелени. Этотъ день былъ назначенъ для отъѣзда Самуила бенъ Израэля, который долженъ былъ отправиться въ Голландію въ свитѣ посланника генеральныхъ штатовъ. Влюбленный юноша уѣзжалъ съ твердой рѣшимостью скоро вернуться въ Лондонъ, гдѣ оставалась та, которая была дорогá ему въ продолженіи многихъ лѣтъ и теперь стала для него еще дороже, когда онъ увидѣлъ ее взрослой дѣвушкой въ полномъ развитіи ея обаятельной красоты. Онъ хотѣлъ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Амстердамѣ, чтобы примирить Джозе Д'Акоста съ Мануэллой, которая наотрѣзъ отказалась ѣхать къ отцу, пока не будетъ выяснено бывшее между ними недоразумѣніе. Задача эта была довольно трудная, но Самуилъ не терялъ надежды на успѣхъ, такъ какъ зналъ, по словамъ одного латинскаго поэта, что любовь дѣлаетъ людей краснорѣчивыми.

Наконецъ наступило время отправиться на корабль голландскаго посланника, стоящій въ Темзѣ, близь Temple-Trappe. Чтобы достигнуть этого пункта необходимо было ѣхать черезъ Сити и кладбище св. Павла.

Медленно двигалась по улицамъ наемная карета, въ которой, кромѣ Самуила бенъ Израэля, сидѣли: Авраамъ, м-ръ Никласъ и Мануэлла. Вездѣ толпился народъ, который также направлялся къ кладбищу. Наконецъ показались башни собора, но здѣсь толпа загородившая дорогу была такъ велика, что приходилось сдѣлать большой объѣздъ или идти пѣшкомъ. Путники предпочли послѣднее и вышли изъ кареты.

Между тѣмъ небо мало по малу покрылось облаками, которыя придали сѣроватый колоритъ окружающимъ предметамъ; въ воздухѣ чувствовалась какая-то давящая пронизывающая сырость. Толпа, состоящая изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, хранила гробовое молчаніе. Чѣмъ далѣе подвигались путники изъ Duke-Sreet, тѣмъ непріятнѣе дѣйствовало на нихъ это мрачное торжественное молчаніе.

— Я былъ увѣренъ, замѣтилъ м-ръ Никласъ, что печальное зрѣлище кончилось и мы уже не застанемъ его...

Они дошли до замкнутыхъ рядовъ солдатъ разставленныхъ четырехъугольникомъ на площади. Внутри carré оставлено было пустое пространство, посреди котораго видѣнъ былъ худощавый юноша въ драгунскомъ мундирѣ, красноватый цвѣтъ котораго еще больше оттѣнялъ мертвенную блѣдность его лица. Темнокаштановыя пряди волосъ опускались на лобъ. Большіе ясные глаза спокойно смотрѣли на взводъ солдатъ легкой кавалеріи, которые стояли съ ружьями въ рукахъ, потупивъ взоры въ землю.

— Робертъ Лакіеръ! воскликнула Мануэлла; дѣлая надъ собой усиліе, чтобы подавить невольный крикъ. Авраамъ также узналъ преступника, котораго видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ лагерѣ Кромвеля.

Во главѣ взвода стоялъ молодой полковникъ, лицо котораго было не менѣе блѣдно, чѣмъ у приговореннаго къ смерти. Это былъ Франкъ Гербертъ. Онъ вынулъ часы изъ кармана; рука его замѣтно тряслась, пока глаза слѣдили за ходомъ часовой стрѣлки.

Въ это время на башнѣ св. Павла пробило 10 часовъ.

Франкъ Гербертъ казался спокойнымъ; но лицо его еще больше поблѣднѣло когда онъ подошелъ къ товарищу дѣтства, съ которымъ черезъ минуту долженъ былъ разстаться навѣки. Прощай Робертъ, сказалъ онъ, глухимъ голосомъ, если хочешь, тебѣ завяжутъ глаза?..

— Нѣтъ, не нужно, я не боюсь смерти! отвѣтилъ приговоренный.

Франкъ вернулся на прежнее мѣсто. По его командѣ двадцать ружейныхъ стволовъ были одновременно направлены на грудь Лакіера.—Я вижу славу Господа моего, воскликнулъ онъ, да будетъ благословенно имя Его!.. Это были его послѣднія слова. Вслѣдъ затѣмъ, по командѣ Герберта, раздался ружейный залпъ, и густое синеватое облако на минуту скрыло отъ глазъ зрителей окровавленное тѣло, пронизанное пулями.

Франкъ Гербертъ долженъ былъ опереться на шпагу, чтобы не упасть.—Какую новую жертву еще потребуешь ты отъ меня жестокій Кромвель! пробормоталъ онъ. Я все отдалъ тебѣ... молодость, дружбу, любовь, а теперь...

Голосъ его прервался, онъ не могъ окончить фразы—слезы душили его.

Солдаты тѣсно сомкнули свои ряды; народъ началъ расходиться. Теперь ничто не мѣшало четыремъ невольнымъ свидѣтелямъ этой печальной сцены продолжать свой путь. Они нашли свою карету за воротами кладбища и молча сѣли въ нее подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго.

Наружность Лакіера напомнила Мануэллѣ другаго молодаго фана-

тика, Исаака де Кастро; она спросила Самуила: не можетъ ли онъ сообщить что нибудь объ участи ея двоюроднаго брата? Вопросъ этотъ въ первую минуту смутилъ Самуила, но, не считая себя вправѣ скрывать истину, онъ разсказалъ, что де Кастро, пользуясь дозволеніемъ Кромвеля, отправился въ Америку, чтобы отыскать своихъ единовѣрцевъ, но попалъ въ плѣнъ къ португальцамъ, которые изъ Багіа отправили его въ Лиссабонъ и предали въ руки инквизиціи.

— О Боже! воскликнула Мануэлла взволнованная до глубины души. Бѣдный Исаакъ, что можетъ быть ужаснѣе этого...

— Не трудно догадаться каковъ былъ его конецъ! продолжалъ Самуилъ. Ему предложили отречься отъ еврейства; но онъ не захотѣлъ купить себѣ жизнь такой цѣной и съ радостью готовился къ смерти.

Послѣ цѣлаго ряда невыносимыхъ пытокъ его сожгли на кострѣ.

Часъ спустя Мануэлла вернулась въ домъ своихъ друзей на Duke-Street'ѣ; въ это время корабль, который везъ Самуила на родину, плылъ по Темзѣ по ту сторону Тоуэра.

Въ сумерки того же дня Франкъ Гербертъ шелъ по одной изъ лондонскихъ улицъ за стѣнами Сити. Онъ бродилъ безъ цѣли по городу, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, нигдѣ не находя себѣ покоя. Наконецъ онъ остановился около небольшаго дома, окна котораго выходили на деревья и лужайки сквера Lincoln's Inn Fields. Наступала теплая весенняя ночь. Звѣзды зажигались одна за другой на темной лазури неба; молодой мѣсяцъ освѣщалъ фронтоны старинныхъ зданій, окружавшихъ скверъ. Въ верхнемъ окнѣ дома, около котораго стоялъ Гербертъ, свѣтился огонь отъ небольшой лампы, горѣвшей на столѣ.

Неожиданно отворилась дверь, и изъ дома вышли трое людей; двое изъ нихъ были въ нарядной одеждѣ знатныхъ лицъ того времени; третій былъ завернутъ въ темный плащъ и въ высокой остроконечной шляпѣ, которую тогда носили пуритане. Длинные волосы окаймляли его правильное овальное лицо, въ которомъ выражалась кроткая покорность судьбѣ. Благодаря лунному освѣщенію онъ тотчасъ же узналъ Франка Герберта и протянулъ ему руку.

— Вѣроятно, вы хотѣли зайдти ко мнѣ, мой дорогой другъ? спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Да, возразилъ Франкъ Гербертъ. При томъ внутреннемъ разладѣ, который испытываетъ каждый изъ насъ, ничего не остается, какъ искать утѣшенія у поэтовъ...

Тотъ, къ кому были обращены эти слова, грустно улыбнулся и бросилъ прощальный взглядъ на окно, изъ котораго виднѣлся свѣтъ. — Жаль, сказалъ онъ, что именно сегодня я не могу при-

нять васъ! Эти господа пришли за мной по порученію генерала Кромвеля. Мнѣ предлагаютъ мѣсто секретаря въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

— И вы думаете принять это мѣсто? спросилъ Гербертъ, съ замираніемъ сердца.

— Мы всѣ обязаны служить отечеству, отвѣтилъ его собесѣдникъ и, пожавъ ему руку, удалился съ своими провожатыми.

Это былъ Джонъ Мильтонъ.

Скоро лунная тѣнь скрыла темныя фигуры трехъ удалявшихся людей.

— Мильтонъ и Кромвель! воскликнулъ Франкъ Гербертъ съ горькимъ смѣхомъ; было время, когда я покланялся вамъ и считалъ васъ олицетвореніемъ своего идеала!...

Конецъ четвертой части.

Часть пятая.

ГЛАВА I.

Менассія бенъ Израэль.

РОШЛО нѣсколько лѣтъ. Новый государственный строй Англіи вынесъ не мало колебаній; республика переживала болѣе зрѣлый періодъ развитія. Кромвель былъ объявленъ протекторомъ «Соединенныхъ королевствъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, а равно и принадлежащихъ къ нимъ колоній».

Англія процвѣтала подъ властью протектора; общее благосостояніе и довольство господствовали внутри государства; внѣ его предѣловъ имя Британіи было окружено небывалымъ блескомъ. Войны постоянно кончались въ пользу Англіи; Голландія, послѣ упорной борьбы, должна была признать первенство новой республики; вслѣдъ затѣмъ между обѣими морскими державами заключенъ былъ миръ. Стараніями Кромвеля составлена была могущественная лига, соединившая протестантскій сѣверъ: Швецію, Данію, Голландію, Ганзейскіе города, Бранденбургъ; въ составъ лиги входили даже швейцарскіе кантоны. Лига эта приводила въ трепетъ остальную Европу. Царствующія особы наперерывъ искали дружбы протектора; ихъ посланники толпились въ пріемныхъ комнатахъ Уайтголля, выбраннаго имъ для своего мѣстопребыванія. Испанія, на престолѣ которой сидѣлъ государь Габсбургскаго дома, соперничала съ Франціей въ способахъ заручиться милостью Кромвеля, прибѣгая къ кознямъ, подкупамъ и интригамъ. Протекторъ одно время поддерживалъ хорошія отношенія

съ обѣими державами; чтобы сохранить миръ онъ пока не рѣшался на союзъ съ Франціей и открытый разрывъ съ Испаніей. Въ это время во Франціи у кормила правленія стоялъ человѣкъ, который хотя не могъ сравниться съ Кромвелемъ по своимъ способностямъ, но, благодаря своему недюжинному уму, былъ въ состояніи понять и оцѣнить его значеніе. Этотъ человѣкъ былъ кардиналъ Мазарини.

При этихъ условіяхъ общественная жизнь въ Лондонѣ все болѣе и болѣе освобождалась отъ мрачнаго гнета, который такъ долго тяготѣлъ надъ столицей. Вмѣстѣ съ пробужденіемъ дѣятельности явилось давно не испытанное чувство довольства. Каждый вдвойнѣ наслаждался миромъ послѣ бѣдствій и лишеній долгой войны. Дѣла на биржѣ шли наилучшимъ образомъ; магазины и лавки были переполнены покупателями. Дамы снова щеголяли изяществомъ своихъ нарядовъ, хотя послѣдніе были гораздо скромнѣе, чѣмъ при дворѣ Карла I. Румяна начали входить въ моду, а равно и напудренные волосы. Въ паркѣ можно было встрѣтить массу катающихся верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ и сотни богатыхъ экипажей. Благодаря продолжительному воздержанію лондонцы сдѣлались впечатлительными и воспріимчивыми ко всякаго рода удовольствіямъ, театральнымъ представленіямъ и зрѣлищамъ. Фокусники и шарлатаны могли разсчитывать на быстрое обогащеніе; клоуны попрежнему забавляли публику. Въ народѣ носился упорный слухъ, что въ числѣ послѣднихъ былъ переодѣтый Георгъ Виллье, герцогъ Бокингемъ; но слухъ этотъ казался такимъ неправдоподобнымъ, что никто изъ разсудительныхъ людей не хотѣлъ вѣрить ему.

Терпимость, съ какой относился Кромвель къ проявленіямъ общественной жизни, сказывалась и въ его отношеніи къ религіознымъ вопросамъ. Люди, преслѣдуемые въ другихъ странахъ, стекались въ Англію, гдѣ они встрѣчали радушный пріемъ и гдѣ въ послѣднее время даже на евреевъ стали смотрѣть иначе, чѣмъ прежде.

М-ръ Никласъ не ошибся относительно впечатлѣнія, произведеннаго его книгой при первомъ ея появленіи въ свѣтъ. О ней заговорили не только въ протестантскихъ кружкахъ, но и вообще въ образованномъ классѣ общества, среди котораго непосредственно возникъ вопросъ: не слѣдуетъ ли отмѣнить законъ, по которому болѣе четырехсотъ лѣтъ тому назадъ евреи были изгнаны изъ Англіи. Актъ изгнанія былъ дѣломъ насилія, не имѣющимъ никакого юридическаго, а тѣмъ болѣе политическаго основанія. Такъ разсуждали всѣ свободомыслящіе и разумные люди, и никто не сознавалъ этого съ такою ясностью, какъ самъ Кромвель. Онъ внимательно прочелъ книгу своего секретаря и, освободившись отъ болѣе настоятельныхъ дѣлъ, вспомнилъ о судьбѣ изгнанныхъ евреевъ.

Въ Голландію было послано письмо, въ которомъ государственный секретарь Турлоэ именемъ протектора приглашалъ раввина Менассію бенъ Израэля пріѣхать въ Лондонъ. Турлоэ познакомился съ почтеннымъ раввиномъ во время своего пребыванія въ Амстердамѣ; и видѣлъ, какимъ уваженіемъ пользовался послѣдній не только въ еврейской общинѣ, но и со стороны государственныхъ людей и ученыхъ Батавской республики.

Имя бенъ Израэля было извѣстно въ Англіи, такъ какъ въ послѣдніе годы онъ не разъ обращался съ просьбами объ облегченіи участи своихъ соотечественниковъ къ государственному совѣту, парламенту и самому Кромвелю и писалъ письма вліятельнымъ людямъ столицы. Поэтому, когда поднятъ былъ вопросъ о допущеніи евревъ въ Англію, то вспомнили о человѣкѣ, который всего ревностнѣе хлопоталъ объ этомъ. Его пригласили пріѣхать въ Лондонъ отъ имени Кромвеля, который отдалъ приказъ, чтобы его приняли съ тѣмъ же почетомъ, какъ посланниковъ другихъ націй. Такимъ образомъ ученый раввинъ увидѣлъ страну, которая въ послѣднее время представлялась ему какой-то обѣтованной землей. Онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи раввиновъ изъ разныхъ европейскихъ государствъ и нѣсколькихъ богатыхъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ еврейской амстердамской общины.

Гостя помѣстили въ роскошно убранномъ домѣ на берегу Темзы противъ такъ называемой «Новой биржи», которая въ то время представляла родъ моднаго базара, постоянно переполненнаго покупателями. Вдоль рѣки тянулся рядъ прекрасныхъ зданій, окруженныхъ садами; они не были пусты, какъ въ 1648 и 1649 годахъ, когда передъ нѣкоторыми изъ нихъ стояли эшафоты и большинство владѣльцевъ обратилось въ бѣгство. Теперь многіе представители высшаго дворянства вернулись въ свои замки, одни помирились съ Кромвелемъ, а тѣхъ, которые не рѣшились на подобный шагъ, оставляли въ покоѣ, такъ какъ они пока ничѣмъ не проявляли своей вражды противъ существующаго правительства. Къ этимъ замкамъ примыкали обширныя площади и многолюдные рынки, благодаря которымъ Вестминстеръ, по словамъ современной хроники, казался «больше и красивѣе С.-Жерменскаго предмѣстья въ Парижѣ».

Домъ, въ которомъ поселился Менассія бенъ Израэль, былъ расположенъ на западной сторонѣ Вестминстера, въ одномъ изъ самыхъ модныхъ кварталовъ столицы. Яркіе лучи весенняго солнца освѣщали большую комфортабельную комнату, въ открытое окно проникалъ мягкій весенній воздухъ.

Раввинъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ, передъ столомъ, покрытымъ рукописями и книгами; онъ дружески бесѣдовалъ съ Авраамомъ, который ежедневно посѣщалъ ученаго человѣка, составлявшаго гордость своихъ единовѣрцевъ. Раввину было около пятиде-

сяти двухъ лѣтъ; лицо его при первой встрѣчѣ казалось далеко не привлекательнымъ. Маленькіе глаза съ рѣдкими рѣсницами плохо гармонировали съ широкимъ приплюснутымъ носомъ и большимъ ртомъ съ выступающей нижней губой; взъерошенная рыжеватая борода покрывала подбородокъ; волосы на головѣ были коротко обстрижены. Но при болѣе внимательномъ взглядѣ лицо Менассіи производило безусловно хорошее впечатлѣніе, такъ какъ въ немъ выражалась безконечная доброта, честность и твердость характера. Тяжелыя заботы и усиленная умственная работа покрыли его лобъ глубокими морщинами. На раввинѣ былъ надѣтъ длиннополый сюртукъ съ большимъ полотнянымъ воротникомъ безъ всякой вышивки; на головѣ была черная ермолка; около него на стулѣ лежала плоская войлочная шляпа съ большими полями.

— Извѣстіе, что въ англійскомъ парламентѣ поднятъ еврейскій вопросъ, сдѣлало большое впечатлѣніе на Джозѐ д'Акоста, сказалъ раввинъ, продолжая начатый разговоръ. Онъ не придавалъ никакого значенія нашему дѣлу, пока о немъ толковали одни ученые и безпристрастные люди въ письмахъ и сочиненіяхъ; но парламентъ имѣетъ въ его глазахъ особенную цѣну. Подобный фактъ долженъ былъ, по его мнѣнію, обратить на себя вниманіе всего міра!... Вслѣдъ затѣмъ получено было пригласительное письмо отъ имени протектора и англійскаго правительства. Въ это время мы справляли праздникъ «кущей»; въ послѣдній день праздника, въ полдень, англійское посольство появилось въ синагогѣ, которая сіяла во всемъ своемъ великолѣпіи, при яркихъ лучахъ утренняго солнца. Весь городъ былъ польщенъ той честью, какую оказывали намъ, и съ сочувствіемъ отнесся къ роскошному пріему, который мы устроили для англійскаго посольства. Наканунѣ моего отъѣзда я послалъ спросить Джозѐ д'Акоста, не дастъ ли онъ мнѣ какого нибудь порученія въ Англію, въ надеждѣ, что онъ вспомнитъ о своей единственной дочери. Онъ отвѣтилъ, что желаетъ мнѣ счастливаго пути и полнаго успѣха въ дѣлахъ, но при этомъ не велѣлъ ничего передать своей дочери. Мнѣ не разъ приходило въ голову, что судьба Мануэллы похожа на судьбу нашего народа; надъ нею также тяготѣетъ проклятіе и она принуждена странствовать въ чужой землѣ. Но къ счастью Господь милосерднѣе насъ!...

— Бѣдная дѣвушка! проговорилъ со вздохомъ Авраамъ; неужели д'Акоста никогда не сжалится надъ своей дочерью!

Раввинъ недовѣрчиво покачалъ головой и, послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ свой разсказъ: — На другой день мы сѣли на корабль, который благополучно доставилъ насъ въ здѣшнюю гавань. Дальнѣйшее вамъ извѣстно. Намъ приготовили царскій пріемъ и оказали такое широкое гостепріимство, о которомъ мы даже не смѣли мечтать. Правда, дѣло, для котораго мы пріѣхали сюда, медленно подвигается впередъ, благодаря непредвидѣннымъ

препятствіямъ. Всякое колебаніе въ общественномъ мнѣніи преграждаетъ намъ путь. Протекторъ не можетъ дѣйствовать такъ рѣшительно, какъ бы желалъ этого, потому что властелины и великіе міра сего должны неизбѣжно сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ. Быть можетъ намъ придется долго ждать, мой другъ Авраамъ, и поэтому необходимо вооружиться терпѣніемъ. Во всякомъ случаѣ протекторъ на нашей сторонѣ; онъ благосклонно принялъ петицію, которую я послалъ ему черезъ его секретаря. Къ сожалѣнію мнѣ до сихъ поръ не удалось видѣть его самого. Правительственныя заботы тяготѣютъ надъ нимъ, и что можетъ требовать представитель угнетеннаго народа отъ человѣка, который держитъ въ своихъ рукахъ бразды правленія трехъ королевствъ. Но я не теряю надежды, что наконецъ наступитъ день, и насъ выслушаютъ... Между тѣмъ я встрѣчаю со всѣхъ сторонъ самый лестный пріемъ, знатные лорды просили меня посѣтить ихъ и отдали визиты, ученые въ Кембриджѣ и Оксфордѣ отнеслись ко мнѣ съ такимъ же уваженіемъ, какъ и лондонская аристократія. Тотъ же почетъ былъ оказанъ и моему сыну Самуилу, который всюду сопровождалъ меня, особенно въ Оксфордѣ, гдѣ философскій факультетъ, послѣ предварительнаго испытанія, опредѣлилъ выдать ему дипломъ въ виду его основательнаго знакомства съ классиками. Но это не такъ легко было исполнить какъ думали почтенные ученые. Богословы возстали противъ этого, и дѣло пойдетъ на разрѣшеніе Кромвеля, какъ канцлера университета. Не говоря о моихъ личныхъ чувствахъ, для всѣхъ насъ было бы величайшимъ торжествомъ, если бы еврей получилъ докторскій дипломъ въ этой странѣ, гдѣ восемь или десять лѣтъ тому назадъ не смѣлъ показаться ни одинъ человѣкъ нашего племени...

Глаза раввина сверкнули при этихъ словахъ и отблескъ счастья на минуту озарилъ его лицо. Онъ замолчалъ, такъ какъ дверь отворилась и въ комнату вошла Мануэлла въ сопровожденіи Самуила. Солнечный лучъ, падавшій изъ окна, одновременно освѣтилъ ихъ обоихъ, затѣмъ они разошлись. Мануэлла подошла къ раввину и сѣла около него, между тѣмъ какъ Самуилъ остановился у дверей, говоря, что ждетъ м-ра Никласа, который вошелъ въ домъ вслѣдъ за ними.

Раввинъ ласково взглянулъ на Мануэллу, затѣмъ глаза его остановились на сынѣ, такъ какъ онъ давно замѣтилъ склонность Самуила къ его любимой ученицѣ. Это чувство началось съ дѣтства, росло съ годами и окрѣпло въ долгой разлукѣ, несмотря на мучительныя сомнѣнія, неизвѣстность и полную безнадежность. Раввинъ никому не говорилъ объ этомъ, даже своему сыну, но онъ искренно желалъ его брака съ Мануэллой.

Сильный стукъ въ дверь возвѣстилъ приходъ м-ра Никласа, который, по своему обыкновенію, не могъ войти въ домъ безъ шума,

въ особенности, если имѣлъ возможность сообщить какое нибудь важное извѣстіе.

— Будьте готовы, почтеннѣйшій раввинъ, проговорилъ онъ съ трудомъ переводя дыханіе, потому что въ послѣдніе годы фигура его приняла еще большіе размѣры. Я пришелъ сюда прямо изъ Уайтголя, тамъ рѣшили завтра-же назначить вамъ пріемъ, но не частнымъ образомъ, какъ этого желалъ скромный амстердамскій раввинъ. Нѣтъ, почтенный Менассія,—протекторъ велѣлъ пригласить васъ и вашихъ спутниковъ на торжественную аудіенцію въ банкетной залѣ, гдѣ онъ намѣренъ привѣтствовать васъ передъ цѣлымъ свѣтомъ и выслушать ваши требованія.

Это извѣстіе было настолько неожиданно, что раввинъ долженъ былъ сдѣлать усиліе, чтобы отвѣтить. Онъ всталъ съ мѣста и пожавъ руку секретарю, сказалъ:

— Господь да сохранитъ протектора и избавитъ его отъ враговъ и ихъ тайныхъ козней! Въ немъ вся надежда израиля!

Тѣнь неудовольствія промелькнула на добродушномъ лицѣ м-ра Никласа при послѣднихъ словахъ раввина. — Вы правы, сказалъ онъ,—нужно молить Бога, чтобы онъ уничтожилъ его враговъ, этихъ клятвопреступниковъ и измѣнниковъ отечества. На-дняхъ мы получили вѣрное извѣстіе, что безумный Бокингемъ опять здѣсь. Этотъ человѣкъ, какъ буревѣстникъ, онъ всегда тамъ, гдѣ въ воздухѣ можно ожидать грозы. Теперь онъ не выскользнетъ изъ нашихъ рукъ! Хотя протекторъ врагъ всякой безполезной строгости, но онъ долженъ принять мѣры, чтобы покончить съ герцогомъ. Для господъ кавалеровъ заговоры такая же забава, какъ игра въ карты или кости. Кто бываетъ въ проигрышѣ въ этихъ случаяхъ? Простой человѣкъ, шея котораго не настолько гибка, чтобы вытащить голову изъ петли. Во всякомъ случаѣ Бокингему не сдобровать! Намъ передали, что его видѣли на подмосткахъ передъ «Новой биржей» въ роли клоуна; мы ждемъ на-дняхъ еще болѣе точныхъ свѣдѣній. Сегодня вечеромъ, онъ долженъ быть въ гостяхъ у одной дамы, и вѣроятно выболтаетъ все, что̀ намъ нужно знать...

М-ръ Никласъ понизилъ голосъ, Мануэлла воспользовалась этой минутой, чтобы отозвать къ окну Самуила, который былъ пораженъ внезапной блѣдностью, покрывшей ея лицо.

— Ты слышалъ, что говорилъ м-ръ Никласъ? спросила она взволнованнымъ голосомъ;—ему измѣнили...

— Такой человѣкъ какъ Бокингемъ не заслуживаетъ лучшей участи! замѣтилъ Самуилъ.

— Не намъ быть его судьями, возразила съ горячностью Мануэлла.—Пусть онъ погибнетъ отъ Божьей руки, а не отъ коварства графини Дизаръ, которая измѣнила своимъ лучшимъ друзьямъ. Я убѣждена, что это опять ея дѣло. Умоляю тебя Самуилъ спаси его! Одно воспоминаніе объ этой злой женщинѣ и отвратительномъ ли-

цембрѣ, который пользуется ея милостью, приводитъ меня въ ужасъ. Я не желала бы, чтобы даже мой отъявленный врагъ очутился въ ихъ власти. Ты можешь освободить его изъ ихъ рукъ, если захочешь этого.

— Мануэлла, сказалъ юноша, взглянувъ на нее съ укоризной.— Ты слишкомъ заботишься объ участи этого недостойнаго человѣка. Я не имѣю никакого основанія сомнѣваться въ тебѣ, но къ чему подавать новый поводъ къ подозрѣніямъ, изъ-за которыхъ ты вынесла столько мученій.

Мануэлла молча опустила голову; печальное выраженіе ея лица глубоко тронуло Самуила бенъ Израиля. — Ты требуешь отъ меня невозможнаго! возразилъ онъ.—Укажи мнѣ, гдѣ и какимъ способомъ могу я извѣстить этого безумнаго смѣльчака о грозящей ему опасности.

— М-ръ Никласъ сказалъ, что онъ долженъ быть сегодня вечеромъ у одной дамы... Если мое предположеніе вѣрно, то тебѣ не трудно будетъ найти его. Когда начнетъ темнѣть выйди на дорогу, которая ведетъ къ «Ham-Haus» и жди его тамъ. Ты передашь ему эту записку.

Мануэлла взяла со стола клочекъ бумаги и написала на ней нѣсколько словъ карандашемъ.—Вотъ записка, сказалъ она, исполнишь ли ты мою просьбу Самуилъ?

— Разумѣется, если ты желаешь этого, отвѣтилъ влюбленный юноша, пряча записку въ карманъ.—Но я не увѣренъ, хорошо ли я дѣлаю, спасая этого жалкаго человѣка, который одинаково вреденъ, какъ для государства, такъ и для славы его.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ считаешь опасными людей, подобныхъ Бокингему, сказала Мануэлла съ презрительной улыбкой, которая окончательно разсѣяла сомнѣнія ея вѣрнаго друга.

Въ это время м-ръ Никласъ опять возвысилъ голосъ, такъ какъ разговоръ перешелъ къ новости, одинаково занимавшей троихъ собесѣдниковъ.

— Завтра утромъ, продолжалъ онъ,—приблизительно около этого времени явится сюда оберъ-церемоніймейстеръ, сэръ Оливеръ Флемингъ въ парадной формѣ. За вами и вашими спутниками будутъ присланы государственныя кареты. По всѣмъ улицамъ, по которымъ вы будете проѣзжать отъ этихъ воротъ до дворца, караульные будутъ отдавать вамъ честь. Все это было соблюдено во время пріема новаго французскаго посланника, тоже будетъ сдѣлано и для васъ.

Раввинъ разсѣянно слушалъ словоохотливаго секретаря, такъ какъ въ это время онъ мысленно молилъ Бога, чтобы внѣшній почетъ, который хотѣли оказать еврейскому народу въ лицѣ его представителей, привелъ къ болѣе существеннымъ и прочнымъ результатамъ.

ГЛАВА II.

Предостереженіе.

Былъ девятый часъ вечера. Графиня Дизаръ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ожидала прибытія Бокингема.

Она сидѣла въ своемъ уютномъ будуарѣ, стѣны котораго были обиты бѣлой кожей, выложенной серебромъ и лазурью и украшены рѣзьбой изъ лакированнаго дуба; красивый серебряный бордюръ окаймлялъ потолокъ. Каминъ представлялъ такое же гармоничное сочетаніе бѣлаго и голубаго цвѣта, серебряныя подпорки отсвѣчивали красноватымъ свѣтомъ, отъ яркаго огня, горѣвшаго за рѣшеткой. На потолкѣ висѣла лампа, освѣщавшая комнату пріятнымъ полусвѣтомъ. Обѣ двери были открыты: изъ одной виднѣлась спальня, въ глубинѣ которой стояла роскошная постель съ пологомъ изъ голубой парчи; другая дверь выходила въ залу, богато убранную скульптурными произведеніями, среди которыхъ бѣлѣли въ темнотѣ мраморныя фигуры девяти музъ, стоявшія полукругомъ.

Ходили слухи, будто графиня не разъ принимала протектора въ этомъ роскошномъ будуарѣ съ его соблазнительной обстановкой. Трудно поручиться въ достовѣрности этихъ слуховъ, такъ какъ народная молва часто связываетъ всякія небылицы съ великими именами какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону. Но весьма вѣроятно, что графиня испытала всѣ средства, чтобы запречь могущественнаго человѣка въ свою колесницу, такъ какъ нерѣдко фантазія сильнѣе увлекаетъ женщинъ, нежели потребность сердца.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были отношенія Кромвеля къ графинѣ Дизаръ, онъ не былъ человѣкомъ, который могъ бы выносить иго женщины хотя бы самой красивой и ловкой. Онъ понялъ ея властолюбивую натуру послѣ первой встрѣчи и подчинилъ ее своей непреклонной волѣ; она чувствовала себя безсильной передъ нимъ, и это до извѣстной степени возвратило ей чувство собственнаго достоинства и самообладаніе. Графиня часто бывала при дворѣ протектора, и Уайтголль былъ всегда открытъ для нея, но это не удовлетворяло ее. Такой милостью пользовались и другія знатныя дамы, которыя ничѣмъ не заслужили ее и далеко не были такъ красивы какъ она. Сознавая всю неловкость своего положенія, она сначала боялась протектора, затѣмъ мало по малу возненавидѣла его отъ всей души. Каждый слухъ съ континента о маленькомъ дворѣ Карла II придавалъ ей новыя надежды. Между тѣмъ она была настолько въ рукахъ протектора и его полиціи, что не имѣла никакой возможности освободиться отъ тяготѣвшаго надъ нею гнета. Хотя жизнь ея не подвергалась опасности, но достаточно было малѣйшаго повода, чтобы ее лишили имущества, которое до

сихъ поръ оставалось изъято отъ секвестровъ и конфискацій, наложенныхъ на имѣнія другихъ роялистовъ. Для графини это было тѣмъ тяжелѣе, что она была крайне расточительна и постоянно нуждалась въ деньгахъ. Такимъ образомъ ея положеніе становилось со дня на день невыносимѣе, и она все болѣе и болѣе запутывалась въ собственныхъ сѣтяхъ.

Красивая женщина порывисто встала съ кресла и стала ходить взадъ и впередъ по мягкому ковру. Она скрестила руки на груди; на лицѣ ея вмѣстѣ съ нетерпѣніемъ выражалась упорная рѣшимость идти наперекоръ судьбѣ. До сихъ поръ сдѣлано было не мало попытокъ на жизнь протектора. Убійцы дѣйствовали подъ вліяніемъ фанатизма или въ надеждѣ на большую награду. Они подкарауливали Кромвеля по дорогѣ изъ его загороднаго дома въ Hampton-Court'ѣ до городской резиденціи въ Уайтголлѣ. Чтобы достигнуть своей преступной цѣли они прибѣгали къ помощи кинжала, яда, коварства, измѣны; старались даже проникнуть въ его внутренніе покои. Умерщвленіе «тирана» было заранѣе провозглашено «актомъ героизма» въ лагерѣ враговъ протектора. Но все было напрасно; тотъ, противъ котораго были направлены всѣ эти удары, повидимому находился подъ особымъ покровительствомъ Божіимъ, и единственнымъ печальнымъ результатомъ этихъ попытокъ былъ эшафотъ или темница. Носились слухи, что Кромвель носитъ подъ платьемъ панцырь, который защищаетъ его отъ ударовъ, что онъ не прикоснется къ кубку вина, пока другіе не попробуютъ его; и будто бы онъ каждую ночь мѣняетъ комнату, которая должна служить для него спальней.

Также неудачны были попытки поднять возстаніе въ различныхъ графствахъ Англіи; онѣ повели только къ усиленію строгихъ мѣръ, принятыхъ противъ роялистическихъ фамилій Англіи и увеличенію бдительности протектора.

Все это знала графиня; невеселыя мысли занимали ее въ то время, когда она въ волненіи ходила по комнатѣ. Свобода могла быть возвращена ей только съ паденіемъ Кромвеля, и ничего на свѣтѣ она не желала болѣе этого. Тѣмъ не менѣе она находилась въ такой зависимости отъ него, что если бы даже представился случай достигнуть желанной цѣли, то она лично не могла бы воспользоваться имъ. Два зоркихъ глаза неотступно слѣдили за нею; она трепетала передъ своимъ дворецкимъ Пиккерлингомъ и не видѣла возможности отдѣлаться отъ него.

Не разъ проклинала она тотъ день, когда по своей неосторожности должна была сдѣлаться его сообщницей. Маленькій кулакъ ея сжимался отъ ярости при мысли, что она сама по собственной винѣ поставила себя въ эту двойную зависимость. У ней явилось недовѣріе къ собственному уму и изобрѣтательности, которая не разъ выводила ее изъ затрудненія въ былыя времена.

— Необходимо уничтожить протектора, пробормотала красивая женщина; но первый шагъ долженъ быть сдѣланъ по трупу этого негодяя.

Въ это время раздался тонкій серебристый звукъ каминныхъ часовъ изъ чернаго дерева съ серебряной насѣчкой. Пробило девять часовъ.

— Онъ самъ назначилъ этотъ часъ, сказала она вполголоса. Къ несчастью Пиккерлингъ знаетъ, что я ожидаю Бокингема; но по крайней мѣрѣ онъ не услышитъ нашего разговора.

Она накинула на себя кашемировую шаль, лежавшую около нея на креслѣ, и, пройдя залу и сѣни, вышла въ открытую галлерею, окружавшую эту часть замка. Отсюда она пробралась чуть слышными шагами къ широкой лѣстницѣ, ведущей въ паркъ, и стала прислушиваться. Была теплая весенняя ночь; звѣзды свѣтили такъ ярко, что можно было различить очертанія предметовъ. Южный вѣтеръ проносился по темнымъ аллеямъ, наполненнымъ ароматомъ свѣжей зелени; между группами деревьевъ отсвѣчивали бѣлыя статуи боговъ, богинь, фавновъ и сатировъ, двойной рядъ которыхъ обозначалъ дорогу, ведущую къ воротамъ парка, за которыми текла Темза. Въ недалекомъ разстояніи отъ лѣстницы стояла колоссальная фигура, изображавшая рѣчнаго бога; верхушки деревьевъ образовали надъ нимъ высокій сводъ.

Графиня боязливо оглянулась; затѣмъ пошла по главной аллеѣ и, спускаясь съ террасы на террасу, остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, такъ какъ къ своему ужасу увидѣла Пиккерлинга, сидящаго рядомъ съ привратникомъ.

— Опять этотъ человѣкъ! пробормотала она сквозь зубы. Быть можетъ онъ не замѣтилъ меня...

Она быстро проскользнула на боковую дорожку и, вынувъ ключъ изъ кармана, осторожно открыла калитку въ стѣнѣ. Но едва сдѣлала она нѣсколько шаговъ, какъ ей показалось, что кто-то крадется за деревьями. — Бокингемъ! сказала она вполголоса, но никто не откликнулся на ея зовъ. Она боролась между естественнымъ страхомъ беззащитной женщины и рѣшимостью идти наперекоръ опасности. Но вотъ опять ясно раздались шаги, хотя она не знала, были ли это тѣ самые, которые слышались за деревьями, такъ какъ не довѣряла своему слуху.

— Бокингемъ! крикнула она.

— Миледи! послышался отвѣтъ.

Это былъ герцогъ Бокингемъ, одѣтый въ длинный плащъ, который носили тогда обитатели Сити. Роскошные каштановые волосы опускались изъ-подъ широкихъ полей войлочной шляпы на бѣлый воротникъ рубашки. Несмотря на этотъ простой пуританскій костюмъ, онъ все-таки имѣлъ видъ джентльмена и аристократа. Онъ смѣло приблизился къ прекрасной дамѣ и поцѣловалъ

ея руку съ утонченной вѣжливостью, какъ будто встрѣтился съ нею въ ея гостиной.

— Если бы вы знали, Бокингемъ, какъ я боялась за васъ, сказала она шепотомъ.

— Вы напрасно безпокоитесь обо мнѣ, миледи, возразилъ герцогъ съ веселымъ смѣхомъ. Приключенія—моя сфера, и я глубоко убѣжденъ, что умру въ своей постелѣ естественной смертью.

Сердце графини замерло при этихъ словахъ; она знала, что Пиккерлингу извѣстно намѣреніе Бокингема посѣтить ее, потому что онъ присутствовалъ при ихъ случайной встрѣчѣ въ толпѣ, наполнявшей залы «Новой биржи». Кто могъ поручиться, что онъ уже не сдѣлалъ доноса.

— Клянусь моимъ патрономъ, св. Георгомъ, продолжалъ герцогъ, что въ этотъ пріѣздъ въ Англію мнѣ даже не пришлось испытать ничего подобнаго, какъ послѣ битвы при Ворчестерѣ, когда мы въ теченіе цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ, блуждали изъ одного графства въ другое, изъ лѣсу въ лѣсъ, преслѣдуемые драгунами Кромвеля. Его величество просидѣлъ однажды цѣлые сутки въ дуплѣ стараго дуба, близъ Боскобеля, когда кругомъ были красные мундиры, а я съ графомъ Дерби и Лаудердалемъ скакали верхомъ къ сѣверу. Мои товарищи были пойманы, но я остался цѣлъ и невредимъ, пробрался очертя голову черезъ цѣлый эскадронъ и даже по этому случаю познакомился съ лейтенантомъ, который сдѣлался моимъ большимъ пріятелемъ.

Графиня въ это время думала, что легче убѣжать отъ цѣлой толпы непріятелей, нежели ускользнуть изъ рукъ Пиккерлинга, но не рѣшалась сообщить своихъ размышленій Бокингему. Она дрожала при всякомъ дуновеніи вѣтра, воображая, что тотъ, котораго она боялась больше всего на свѣтѣ, можетъ услышать ея слова.

— Простите, милордъ, что я принимаю васъ за стѣной моего парка, сказала она съ усиліемъ; но я не считаю свой домъ безопаснымъ для васъ.

— Намъ извѣстно, миледи, возразилъ Бокингемъ, что у васъ въ услуженіи негодяй, котораго давно слѣдовало бы удалить. Онъ повредилъ нашему дѣлу при Nonsuch'ѣ; безъ него мой братъ вѣроятно остался бы живъ; и многое было бы иначе, нежели теперь. Это одинъ изъ шпіоновъ Кромвеля.

— Я не подозрѣвала, милордъ, что вы знаете его! замѣтила графиня съ глубокимъ вздохомъ.

— Еще бы! Онъ пользуется у насъ такой извѣстностью, что его дальнѣйшее пребываніе въ Ham-Haus'ѣ можетъ повредить вашей репутаціи, миледи, хотя никто не сомнѣвается въ вашей преданности нашему дѣлу.

У графини отлегло отъ сердца. Она видѣла, что ея положеніе

далеко не такъ безнадежно, какъ ей казалось до этой минуты, тѣмъ болѣе, что она могла свалить свою вину на другого.

— Вы оказали бы мнѣ большую услугу, если бы освободили меня отъ этого человѣка! шепнула графиня, пожимая руку герцогу.

— Вы можете разсчитывать на меня, миледи, сказалъ Бокингемъ. Но я не понимаю, почему мы такъ долго говоримъ объ этомъ лакеѣ. Не лучше ли воспользоваться нашимъ свиданіемъ, чтобы потолковать о дѣлѣ. Клянусь св. Георгомъ, что я пріѣхалъ сюда не изъ одной любви къ приключеніямъ. Какъ я уже говорилъ, въ послѣднюю кампанію я познакомился съ однимъ чудакомъ лейтенантомъ, по имени Джонъ Лильбурнъ; сначала онъ служилъ въ кромвелевскомъ войскѣ, затѣмъ поссорился съ своимъ начальствомъ и былъ преданъ суду. Недавно я опять встрѣтилъ его въ Кале; онъ былъ выгнанъ изъ службы и отправился на континентъ. Я заговорилъ съ нимъ о Кромвелѣ; онъ тотчасъ же понесъ невообразимую чепуху, приправленную текстами священнаго писанія, изъ которой я понялъ, что онъ ненавидитъ протектора и готовъ на все, чтобы отомстить ему. Однимъ словомъ, я увидѣлъ, что это именно такой человѣкъ, какой нуженъ намъ, и тотчасъ же подружился съ нимъ. Въ это время на континентѣ получены были самыя неутѣшительныя вещи изъ Англіи; говорили, что протекторъ намѣренъ сдѣлаться королемъ и что Франція готова помогать ему въ его честолюбивыхъ стремленіяхъ. Вѣдь это неслыханный скандалъ, миледи! Вообразите себѣ корону Англіи на головѣ этого господина, съ его деревяннымъ грубымъ лицомъ и мужицкими манерами! Послѣ него ни одинъ порядочный человѣкъ не захочетъ надѣть англійской короны... Клянусь честью, что если такъ пойдутъ дѣла, то у насъ помирятся и съ этимъ маскарадомъ. Народъ можно пріучить къ чему угодно. Если мы не воспользуемся настоящимъ моментомъ, пока еще господствуетъ неурядица, то мы пропали; намъ нужно во что бы-то ни стало помѣшать возстановленію порядка. Протекторъ стремится къ коронѣ и, рано или поздно, достигнетъ своей цѣли; сыновья его стараются подражать аристократамъ и, къ соблазну благочестивыхъ людей, пьютъ вино и ухаживаютъ за женщинами; зять его возведенъ въ должность шталмейстера. Что же касается его дочерей, то онѣ высоко подняли головы, носятъ длинныя платья, какъ принцессы, хотя это также не къ лицу имъ, какъ обезьянамъ пурпуръ.

— Вы напрасно насмѣхаетесь надъ ними герцогъ Бокингемъ, замѣтила графиня; его младшая дочь, Францисъ, самое очаровательное существо, какое мнѣ когда либо приходилось встрѣчать.

Въ этотъ моментъ въ головѣ графини составился невѣроятный планъ, который казался ей вполнѣ исполнимымъ. Извѣстно было, что одна изъ младшихъ дочерей Кромвеля, Мери, была недавно помолвлена за молодого графа Фолькенбриджа и, что многіе доби-

вались руки его послѣдней дочери Францисъ. Въ числѣ отвергнутыхъ жениховъ называли старшаго сына Конде и даже Карла II Стюарта. Разсказывали, что сдѣлано было формальное предложенiе отъ имени послѣдняго; но что Кромвель, выслушавъ его, спокойно отвѣтилъ: «Стюартъ никогда не будетъ моимъ зятемъ; онъ настолько развратенъ, что ему нельзя довѣрять!» Все это были только слухи, но одно было достовѣрно, что протекторъ ничего не имѣлъ противъ того чтобы помирить старую англiйскую аристократiю съ новымъ порядкомъ вещей.

— Милордъ, сказала съ живостью графиня, схвативъ за руку Бокингема, если вы согласны, то я ручаюсь вамъ за успѣхъ. Я имѣю нѣкоторое влiянiе на Кромвеля, и мнѣ не трудно будетъ женить васъ на Францисъ Кромвель, самой красивой, милой и богатой дѣвушкѣ въ Англiи.

Въ головѣ ея рисовалась цѣлая сѣть закулисныхъ интригъ, съ помощью которыхъ она надѣялась выйти изъ своего затруднительнаго положенiя. Увѣренность въ успѣхѣ настолько воодушевила ее, что у ней опять явилось гордое сознанiе своей красоты и ума.

Бокингемъ возразилъ со смѣхомъ:

— Дѣйствительно это было бы вѣрное средство получить обратно мои зàмки и помѣстья, изъ которыхъ Кромвелю досталась лучшая часть; но я надѣюсь достигнуть этого инымъ способомъ. Во всякомъ случаѣ жаль, если дочь Кромвеля дѣйствительно такъ красива...

— Она хороша какъ ангелъ! сказала графиня, которая сдѣлала послѣднюю попытку, чтобы удержать потерянную позицiю.

— Къ сожалѣнiю я не могу воспользоваться вашимъ предложенiемъ миледи. Чтò сказалъ бы на это мой прiятель Лильбурнъ! Нѣтъ, миледи, ни одинъ кавалеръ не позволитъ себѣ принять въ видѣ милости то, что онъ можетъ потребовать съ помощью шпаги.

— А если этотъ путь закрытъ для васъ? Вы, милордъ, болѣе чѣмъ кто нибудь должны бояться измѣны, замѣтила графиня.

— Измѣны! воскликнулъ съ безпокойствомъ герцогъ; но вслѣдъ затѣмъ онъ засмѣялся веселымъ смѣхомъ: Не вы ли миледи хотите предать меня въ руки враговъ? добавилъ онъ шутливо.

Этотъ вопросъ настолько смутилъ графиню, что она въ первую минуту не могла придумать никакого отвѣта. Но тутъ вниманiе ея было отвлечено шорохомъ, который послышался за ближайшимъ деревомъ.

— Господи, воскликнула она, не помня себя отъ ужаса, насъ подслушали.

— Нѣтъ, это вѣтеръ! отвѣтилъ Бокингемъ. Кто можетъ прiйти сюда въ такую пору!.. Повѣрьте мнѣ, миледи, что давно наши дѣла не были въ такомъ блестящемъ положенiи, какъ теперь! Какъ только разнеслась вѣсть о скоромъ заключенiи мира между Фран-

ціей и Англіей, сдѣлано было заявленіе со стороны Испаніи, что въ тотъ день, когда будетъ подписанъ мирный трактатъ, къ нашимъ услугамъ готовы шесть тысячъ человѣкъ и двадцать кораблей. Англія устала отъ военнаго деспотизма, вѣчнаго бряцанья оружія, и даже отъ дорого стоющей славы; поселяне жалуются на военный постой, горожане на высокіе налоги. Чернь всегда недовольна и ее можно привлечь на свою сторону обѣщаніями. Республиканцы и роялисты воодушевлены одинаковыми стремленіями, потому что всѣ обмануты этимъ лицемѣромъ. Наконецъ, въ случаѣ крайности въ нашемъ распоряженіи такія отчаянныя головы какъ Джонъ Лильбурнъ, которыя прошли хорошую школу въ послѣднюю войну. Одинъ изъ его прежнихъ товарищей по оружію, нѣкто Юргенъ Джойсъ, также сидитъ въ тюрьмѣ, гдѣ-то близь Уайтголля, по милости протектора; Лильбурнъ увѣряетъ, что намъ не трудно будетъ привлечь его на свою сторону. Это сынъ одного портного, нѣкогда онъ пользовался особенной милостью Кромвеля, знаетъ всѣ его привычки и каждый уголъ его гнѣзда, что особенно важно для насъ...

Графиня Дизаръ на разслышала послѣднихъ словъ, потому что въ эту минуту можно было ясно различить темную фигуру, которая выступила изъ тѣни деревьевъ и остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Несчастная женщина обомлѣла отъ ужаса при мысли, что это Пиккерлингъ и съ громкимъ крикомъ бросилась къ калиткѣ, ведущей въ паркъ. Бокингемъ съ удивленіемъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, не понимая причины ея загадочнаго бѣгства, но въ это время онъ почувствовалъ, что кто-то прикоснулся къ его рукѣ. Повернувъ голову, онъ увидѣлъ передъ собой человѣка, который въ слѣдующую секунду такъ быстро исчезъ въ тѣни деревьевъ, что все это могло показаться ему обманомъ чувствъ, еслибы таинственный незнакомецъ не вложилъ ему въ руку клочокъ бумаги.

— Что это значитъ? пробормоталъ Бокингемъ. Чортъ возьми, вотъ способъ возбуждать любопытство людей, которые вовсе не заражены этимъ порокомъ. Еслибы только я могъ прочесть, что написано на этой бумагѣ... Онъ вышелъ изъ тѣни деревьевъ и, обойдя стѣну, направился къ сторожкѣ привратника, изъ окна которой видѣнъ былъ свѣтъ. Дойдя до воротъ парка онъ постучалъ въ желѣзную рѣшетку, за которой тотчасъ же появился привратникъ.

— Отворите скорѣе, сказалъ герцогъ, я не такой человѣкъ, чтобы скрывать свое имя, если меня спросятъ о немъ; мнѣ нужно только огня, чтобы прочесть записку, которая у меня въ рукахъ.

Привратникъ отворилъ калитку. Герцогъ, не дожидаясь его, вошелъ въ сторожку, гдѣ столкнулся съ Пиккерлингомъ, который намѣревался проскользнуть въ дверь.

— Стой, крикнулъ герцогъ, схвативъ его за плечо и запирая за собой дверь на ключъ. Такъ не уходятъ отъ старыхъ друзей.

Пиккерлингъ остался наединѣ съ герцогомъ, тонъ котораго показывалъ, что онъ былъ далеко не въ хорошемъ расположенiи духа. Благочестивый пуританинъ замеръ отъ страха; колѣни тряслись у него въ такой степени, что онъ принужденъ былъ сѣсть на стулъ, чтобы не упасть. Герцогъ всталъ около него и при свѣтѣ небольшой висячей лампы прочелъ записку, наскоро написанную карандашемъ: «Ищите спасенія въ бѣгствѣ, вамъ измѣнили, какъ нѣкогда вашему брату».

Сердце Бокингема болѣзненно сжалось при воспоминаніи о любимомъ братѣ; не помня себя отъ гнѣва, онъ схватилъ за горло Пиккерлинга, который въ изнеможеніи упалъ къ его ногамъ.

— Сознайся, ты сдѣлалъ на меня доносъ, подлый трусъ, кричалъ герцогъ, поднимая съ полу пуританина, который дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Самое лучшее было бы убить тебя на мѣстѣ и бросить твой трупъ въ Темзу; но я нé хочу пятнать своей шпаги твоей поганой кровью. Говори правду—это одно можетъ спасти тебя!

— Да, я сдѣлалъ доносъ, проговорилъ заикаясь Пиккерлингъ; мнѣ не оставалось другаго исхода, иначе графиня предупредила бы меня...

— Ни слова объ ней, прервалъ съ раздраженіемъ Бокингемъ; я самъ справлюсь съ твоими сообщниками... Дѣло идетъ о тебѣ; помни, что твои минуты сосчитаны, если осмѣлишься солгать мнѣ. Тебѣ вѣроятно извѣстно, когда рѣшено арестовать меня?

— Завтра утромъ, такъ какъ предполагаютъ, что вы опять появитесь въ роли клоуна на подмосткахъ театра «Новой биржи».

— Собранныя тобою свѣдѣнія совершенно вѣрны, замѣтилъ съ усмѣшкой Бокингемъ. Но помни, что съ этой минуты ты въ моей власти и будешь служить мнѣ точно также, какъ до сихъ поръ служилъ протектору. Надѣюсь, что ты понимаешь меня. Если тебѣ вздумается измѣнить мнѣ, то вотъ что ожидаетъ тебя!

Съ этими словами герцогъ приложилъ остріе своей шпаги къ груди Пиккерлинга, который помертвѣлъ отъ ужаса.

— Сжальтесь! пробормоталъ онъ прерывающимся голосомъ. клянусь, что буду вѣрно служить вамъ до гроба...

— Мнѣ не нужно никакихъ обѣщаній! сказалъ герцогъ опуская шпагу. Но знай, что достаточно будетъ малѣйшаго повода, чтобы покончить съ тобой. Съ завтрашняго дня ты поступишь на мою службу и будешь исполнятъ различныя тайныя порученія, но, чтобы не возбудить подозрѣній, ты останешься въ домѣ графини.

— Это невозможно! воскликнулъ Пиккерлингъ; она сдѣлаетъ на меня доносъ.

— Развѣ нѣтъ никакихъ средствъ, чтобы принудить графиню къ молчанію?

— Никакихъ милордъ, потому что иначе ее принудятъ выѣхать изъ Лондона.

— Бѣда не велика, если ее вышлютъ отсюда! Совѣтую тебѣ позаботиться объ этомъ. Достатачно ли будетъ, если ты донесешь кому слѣдуетъ, что она имѣла сегодня тайное свиданіе съ герцогомъ Бокингемомъ.

На лицѣ Пиккерлинга выразилось удивленіе, но онъ тотчасъ же овладѣлъ собой. Да, этого совершенно достаточно! сказалъ онъ.

— Постарайся, чтобы ее сослали въ одинъ изъ ея замковъ подальше изъ Лондона, въ ее отсутствіе, ты будешь управлять Ham Haus'омъ, гдѣ намъ будетъ удобно видѣться съ нашими друзьями. Теперь я поручаю тебѣ эти бумаги, добавилъ герцогъ, вынимая изъ кармана большой запечатанный пакетъ. За мною слѣдятъ, я не могу держать при себѣ подобныхъ документовъ! когда графиня выѣдетъ изъ Лондона, ты отдашь ихъ по назначенію. Надѣюсь, что ты въ точности исполнишь мое приказаніе.

Съ этими словами герцогъ спокойно подошелъ къ двери и впустилъ привратника. Войдите, сказалъ онъ, обращаясь къ послѣднему, покойной ночи.

Герцогъ вышелъ въ паркъ, мысли его были всецѣло поглощены таинственной запиской. Онъ долго старался припомнить, гдѣ ему приходилось видѣть этотъ почеркъ, наконецъ въ головѣ его блеснула мысль, что онъ обязанъ своимъ спасеніемъ прекрасной еврейкѣ, передъ которой онъ чувствовалъ себя глубоко виноватымъ.

Пиккерлингъ тотчасъ послѣ ухода герцога полюбопытствовалъ узнать кому адресованъ отданный ему пакетъ, и къ ужасу своему прочелъ слѣдующую надпись:

Джонъ Лильбурнъ
своему другу и товарищу по оружію
Юргену Джойсъ,
бывшему оберъ-лейтенанту Кромвелевскаго полка, нынѣ разжалованному и посаженному въ тюрьму Mews, близъ Уайтголля.

Въ Лондонъ.

ГЛАВА III.

Герцогъ Бокингемъ рѣшается на женитьбу.

На слѣдующее утро герцогъ Бокингемъ явился изъ первыхъ на площадь передъ «Новой биржей» и всталъ въ толпѣ, которая мало по малу образовалась передъ подмостками, задолго до начала представленія. Опасность, непріятная для большинства людей, имѣла

для него особенную прелесть, если съ нею было связано какое-нибудь приключеніе. У него не было достаточно выдержки, чтобы стремиться къ какой либо серьёзной цѣли или къ осуществленію идеи; но онъ готовъ былъ на всякія жертвы, если только представлялся случай обмануть своихъ враговъ и позабавиться надъ ними. Чѣмъ смѣлѣе и рискованнѣе была затѣя, тѣмъ больше доставляла она ему удовольствія, и для него было бы величайшимъ лишеніемъ, если бы онъ не имѣлъ возможности наблюдать за выраженіемъ лицъ обманутыхъ имъ людей. Онъ отправился на площадь въ скромной одеждѣ жителя лондонскаго Сити, которая была на немъ наканунѣ, такъ какъ онъ провелъ ночь у какого-то забора. Хотя война пріучила его къ такого рода ночлегамъ, но онъ не могъ заснуть до утра. Его занимала мысль, кто виновнѣе изъ двухъ: графиня или ея дворецкій, или быть можетъ они оба одновременно промышляли однимъ ремесломъ. Съ нѣкотораго времени между роялистами ходили далеко неблагопріятные слухи, по поводу отношеній графини къ Кромвелю. Не бѣда, если она не безгрѣшна, думалъ Бокингемъ, она слишкомъ хороша собой, чтобы быть невинной. Но во всякомъ случаѣ мы должны быть благодарны ей, что она взяла себѣ въ услуженіе этого лицемѣра, который будетъ крайне полезенъ для насъ, когда начнется охота за старой лисицей. Графиня нѣкоторое время поживетъ въ деревнѣ, гдѣ она не въ состояніи будетъ вредить намъ; а когда все прійдетъ въ порядокъ намъ будетъ очень пріятно видѣть ее. При дворѣ нельзя обойтись безъ такихъ дамъ, какъ графиня Дизаръ, хотя графъ Лаудердаль будетъ не особенно доволенъ, если мы по прежнему будемъ ухаживать за ней...

Отсюда мысли герцога перешли къ предстоящему представленію. Онъ зналъ, что оказалъ плохую услугу антрепренёру, оставивъ его въ критическую минуту безъ всякихъ объясненій. Антрепренёръ былъ пожилой человѣкъ, магикъ и фокусникъ по ремеслу, съ успѣхомъ обманывавшій публику въ различныхъ городахъ Европы. Послѣ долгихъ странствованій онъ рѣшился посѣтить Англію, гдѣ только-что кончилась междоусобная война. Въ Кале онъ встрѣтился съ клоуномъ, который предложилъ ему свои услуги за сходную цѣну; у клоуна былъ прекрасный голосъ, ловкія манеры, при этомъ онъ отличался необыкновенною гибкостью движеній и неистощимымъ остроуміемъ. Старый магикъ тотчасъ же нанялъ его и привезъ съ собой въ Лондонъ, гдѣ устроилъ временной народный театръ на площади передъ «Новой биржей», имѣвшій снаружи видъ пестрой палатки съ флагомъ. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія, публика увеличивалась съ каждымъ представленіемъ и хотя она довольно равнодушно смотрѣла на фокусы магика, но за то отъ всей души аплодировала клоуну и хохотала надъ его продѣлками. Неизвѣстно догадывался ли старый шарлатанъ, что его

клоунъ извѣстный Георъ Вилльe, герцогъ Бокингемъ, что весьма вѣроятно, такъ какъ объ этомъ открыто говорили въ Лондонѣ. Во всякомъ случаѣ ему не приходилось раскаиваться въ сдѣланномъ выборѣ до того дня, когда его клоунъ исчезъ безслѣдно наканунѣ представленія. Бокингемъ, стоя въ толпѣ зрителей, живо рисовалъ себѣ смущеніе стараго шарлатана, въ это утро, когда вмѣсто клоуна онъ нашелъ только его шапку съ колокольчиками, платье и скрипку. Наконецъ поднялась занавѣсь и вышелъ мальчикъ въ красномъ халатѣ съ золотой обшивкой и сѣдомъ парикѣ, локоны котораго величественно опускались по плечамъ. Продѣлавъ обычные фокусы, онъ удалился и его замѣнилъ клоунъ въ шапкѣ и платьѣ прежняго клоуна, которому онъ старался подражать до малѣйшихъ подробностей, хотя Бокингемъ находилъ, что подражаніе было довольно неудачное. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ и другое неутѣшительное наблюденіе, что публика также усердно аплодировала его двойнику, какъ и ему самому. Его тщеславіе было настолько оскорблено этимъ, что онъ хотѣлъ громко выразить свое негодованіе и обнаружить обманъ; но по счастью неловкій соперникъ предупредилъ его.

Не прошло и полчаса послѣ начала представленія, какъ отрядъ вооруженныхъ солдатъ неожиданно оцѣпилъ толпу зрителей по командѣ своего капрала, который, войдя на подмостки, положилъ свою руку на плечо клоуна со словами: «Именемъ закона, арестую васъ милордъ!» Тотъ, къ кому было обращено это воззваніе, съ громкимъ воплемъ бросился къ ногамъ блюстителя закона, который былъ настолько смущенъ этимъ, что съ трудомъ могъ выговорить: «Признайтесь, вы герцогъ Бокингемъ!»

— Бокингемъ! пронеслось въ толпѣ, поднялся ропотъ. Нѣсколько голосовъ громко крикнуло: Нѣтъ, нѣтъ! это не Бокингемъ!..

— Вы вѣроятно также какъ и я знаете герцога добрые люди! кричалъ несчастный клоунъ жалобнымъ слезливымъ голосомъ. Посмотрите, развѣ я похожъ на герцога Бокингема!..

Онъ сорвалъ шапку съ головы и началъ обѣими руками стирать краску съ лица.

— Нѣтъ, это не Бокингемъ слышалось въ толпѣ. Герцогъ былъ въ это время популярнымъ лицомъ между лондонской чернью, многіе знали его въ лицо или по портрету, они были увѣрены, что этотъ некрасивый, неуклюживый человѣкъ, молящій о пощадѣ не имѣетъ ничего общаго съ блестящимъ герцогомъ Бокингемомъ.

Капралъ тотчасъ же перешелъ отъ вѣжливаго тона въ болѣе интимный. Бокингемъ ты или нѣтъ, намъ все равно, сказалъ онъ клоуну, но ты останешься у насъ подъ стражей, пока мы не найдемъ кого нужно. Онъ долженъ быть здѣсь, и намъ отданъ приказъ арестовать его. Ни одинъ человѣкъ не выйдетъ отсюда, если онъ дорожитъ жизнью!..

По командѣ капрала отрядъ раздѣлился, чтобы занять выходы. Бокингемъ, видя что долѣе нельзя терять ни одной минуты рѣшился на отступленіе, разсчитывая, что оно останется незамѣтнымъ въ виду многочисленной толпы. Но подставной Бокингемъ былъ заинтересованъ въ его арестѣ и зорко слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось на площади, такъ какъ съ высоты подмостковъ онъ могъ удобно видѣть всю позицію. Вотъ, вотъ! ловите его!.. крикнулъ онъ неожиданно. Кто-то скрылся подъ аркой!..

Это восклицаніе было услышано Бокингемомъ и возбудило вниманіе капрала, который кричалъ ему вслѣдъ, чтобы онъ остановился, если не желаетъ быть застрѣленнымъ. Герцогъ ускорилъ шагъ и исчезъ изъ виду прежде чѣмъ капралъ успѣлъ пробраться сквозь толпу. Послѣдній, досадуя, что выпустилъ изъ рукъ подозрительнаго человѣка, отдалъ приказъ немедленно очистить площадь, а самъ вернулся на подмостки и, тряся за руку несчастнаго клоуна, кричалъ, что не выпуститъ его на свободу до тѣхъ поръ, пока не отыщется настоящій Бокингемъ.

По соображенію капрала, бѣглецъ долженъ былъ направиться къ рѣкѣ или къ дворамъ Iork-Haus'а, поэтому онъ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, разсчитывая на полный успѣхъ. Между тѣмъ прямая дорога къ Iork-Haus'у оставалась незанятою, и Бокингемъ воспользовался единственнымъ выходомъ предоставленнымъ ему великодушнымъ капраломъ.

Онъ опять стоялъ передъ порталомъ величественнаго замка построеннаго его отцомъ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство и не былъ съ тѣхъ поръ, какъ ходъ политическихъ событій заставилъ его покинуть родину. Онъ невольно остановился несмотря на очевидную опасность попасть въ руки Кромвеля. Странное, почти романическое чувство неопредѣленной грусти охватило его, глаза его остановились на прекрасномъ фасадѣ, съ высокими стрѣльчатыми окнами, стройными столбами, сводами и изящными балконами. Вездѣ видны были слѣды запустѣнія, зеленый мохъ мѣстами покрывалъ стѣны, плющъ обвивалъ балконы. Большіе запущенные сады простирались далеко къ Темзѣ, представляя сплошную массу густой непроницаемой зелени; даже зеркальная поверхность рѣки въ этомъ мѣстѣ была покрыта тростникомъ и плавучими растеніями.

Послѣ конфискаціи всего имущества Бокингемовъ, замокъ нѣсколько лѣтъ оставался необитаемымъ, пока парламентъ не подарилъ его генералу Ферфаксу. Главнокомандующій все неохотнѣе принималъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, по мѣрѣ того, какъ приближалась трагическая развязка. Его пригласили присутствовать въ засѣданіи, осудившемъ на смерть Карла I. Когда начали читать списокъ судей и ассистентовъ и въ числѣ ихъ упомянули имя генерала, то изъ публики, среди роковой тишины, послышался женскій голосъ: «Ферфаксъ слишкомъ уменъ, чтобы уча-

ствовать въ такомъ дѣлѣ!» Всѣ были поражены этой неприличной выходкой, но сдѣлали видъ, что не замѣчаютъ ее. Наконецъ, дѣло дошло до обвинительнаго акта, въ которомъ было сказано, что судъ надъ королемъ былъ назначенъ по требованію народа; тогда снова раздался тотъ же голосъ изъ публики и громче прежняго: «Нѣтъ, нѣтъ! Не спрашивали и сотой доли народа! Это ложь! Кромвель измѣнникъ!..» Негодованіе сдѣлалось всеобщимъ; предлагали стрѣлять въ галлерею, и только съ большимъ трудомъ друзьямъ рѣшительной дамы удалось увести ее изъ залы и спасти отъ неминуемой опасности. Эта дама была леди Ферфаксъ. Вскорѣ послѣ того, король палъ на эшафотѣ; почти одновременно съ этимъ генералъ Ферфаксъ отказался отъ должности и передалъ знаки своего достоинства парламенту, который нѣкогда облекъ его властью. Глубокая пропасть отдѣляла его теперь отъ прежняго товарища по оружію. Онъ поклонялся Оливеру Кромвелю, пока тотъ служилъ одному отечеству и шелъ побѣдоносно во главѣ войска; теперь онъ чувствовалъ къ нему отвращеніе, такъ какъ считалъ его измѣнникомъ и честолюбцемъ, мечтавшимъ о коронѣ. Роялисты, жившіе въ изгнаніи, возлагали большія надежды на генерала Ферфакса и не разъ обращались къ нему съ различными предложеніями. Но онъ отвѣчалъ имъ упорнымъ отказомъ, такъ какъ не хотѣлъ навлечь новыя бѣды не свое отечество рискованными предпріятіями, исходъ которыхъ былъ болѣе чѣмъ сомнительный. Желая оставаться вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, онъ удалился въ свое наслѣдственное помѣстье Nun-Appleton, гдѣ жилъ вдали отъ Лондона, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ своей единственной дочери Мери. Въ первый разъ послѣ долгаго отсутствія онъ пріѣхалъ по дѣламъ въ Лондонъ. Онъ не посѣтилъ ни одного изъ своихъ прежнихъ товарищей по оружію и чувствовалъ себя чужимъ въ городѣ, гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, каждое его слово было приказаніемъ. Несмотря на то, что съ разныхъ сторонъ ему предлагали самое широкое и радушное гостепріимство, онъ отказался отъ всѣхъ приглашеній и остановился въ покинутомъ Iork-Heus'ѣ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ формально подаренъ ему парламентомъ. Никто не сопровождалъ его, кромѣ единственной дочери, которая была теперь также неразлучна съ нимъ, какъ во времена своего ранняго дѣтства.

Герцогъ Бокингемъ, стоя передъ прекрасной аркой воротъ, ведущихъ къ Iork-Haus'у не подозрѣвалъ, что въ данный моментъ стѣны его пріютили новыхъ владѣльцевъ. Погруженный въ воспоминанія юности, онъ медленно шелъ по двору, между широкими плитами котораго росли густые пучки травы. Онъ былъ увѣренъ, что дворецъ запертъ со всѣхъ сторонъ и очень удивился, когда нашелъ дверь боковаго входа полуоткрытой. Какая счастливая слу-

чайность! подумалъ Бокингемъ. Могъ ли я ожидать, что найду здѣсь убѣжище отъ моихъ враговъ...

Въ обширныхъ сѣняхъ господствовали сумерки, шаги его глухо раздавались по каменному полу. Онъ поднялся по широкой лѣстницѣ, гдѣ на рѣзныхъ перилахъ, по прежнему, красовался его родовой гербъ, хотя покрытый пылью. Двери верхняго этажа были также вездѣ открыты, такъ что онъ безпрепятственно дошелъ до своей бывшей комнаты, въ которой жилъ до того дня, когда голова его была оцѣнена въ большую сумму и дворецъ его оцѣпленъ красными мундирами. Онъ дремалъ на этомъ диванѣ въ послѣднее утро, когда произошло возмущеніе въ Сити; малѣйшія подробности живо воскресли въ его памяти. Онъ получилъ тогда письмо отъ матери полное горькихъ упрековъ за его легкомысленное поведеніе, которое служило дурнымъ примѣромъ для младшаго брата. Но письмо почти не произвело на него никакого впечатлѣнія, вслѣдъ затѣмъ онъ насильно похитилъ Мануэллу и уѣхалъ съ братомъ изъ Лондона... Прахъ Франциса Виллье давно истлѣлъ подъ дубомъ въ кингстонскомъ лѣсу, что сталось съ великодушной дѣвушкой, которой онъ былъ теперь обязанъ своимъ спасеніемъ?... Нѣчто похожее на раскаяніе впервые шевельнулось въ его душѣ при этомъ воспоминаніи; но усталость все болѣе и болѣе давала себя чувствовать. Онъ прилегъ на диванѣ и протянулъ ноги; мысли начали путаться въ его головѣ; послѣднее, что онъ видѣлъ, былъ его собственный портретъ, нарисованный Ванъ-Дикомъ. Глаза его закрылись. Дикіе голоса на улицѣ и шумъ оружія внезапно разбудили его; хотя онъ совсѣмъ очнулся, но ему казалось, что онъ видитъ сновидѣніе. Передъ нихъ стояла молоденькая дѣвушка лѣтъ шестнадцати; ее нельзя было назвать красавицей, но въ ней было столько граціи и миловидности, что Бокингемъ нашелъ ее очаровательной. Она наклонилась къ нему и смотрѣла на него съ искреннимъ участіемъ; но въ глазахъ ея выразился испугъ, смѣшанный съ радостнымъ изумленіемъ, когда онъ поднялся на ноги. Она отступила отъ него на нѣсколько шаговъ и бросила взглядъ на портретъ, висѣвшій надъ каминомъ.

— Вы Бокингемъ? спросила она ласковымъ тономъ, какимъ встрѣчаютъ стараго друга.

Въ наружности и манерахъ молодой дѣвушки было столько привлекательнаго, что Бокингемъ довѣрчиво подошелъ къ ней: — Простите, миледи, сказалъ онъ, что я позволилъ себѣ войдти сюда непрошеннымъ гостемъ?

— Этотъ домъ ваша собственность, милордъ, и вы можете располагать имъ.

— Въ былыя времена онъ дѣйствительно принадлежалъ мнѣ, но не теперь! возразилъ Бокингемъ съ легкимъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Вы и теперь можете его считать своимъ; это также вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Мери Ферфаксъ.

При этомъ имени Бокингемъ преклонилъ колѣно со словами: —Позвольте мнѣ привѣтствовать дочь человѣка, который не осквернилъ своихъ рукъ кровью короля и не захотѣлъ пользоваться добычей, награбленной похитителемъ престола.

Затѣмъ онъ почтительно поцѣловалъ руку молодой леди. Но въ эту минуту отворилась дверь и въ комнату вошелъ лордъ Томасъ Ферфаксъ, бывшій главнокомандующій англійской арміи, который семь или восемь лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ Кромвелемъ назначилъ цѣну за его голову.

Герцогъ всталъ, чтобы поклониться ему; но тутъ онъ увидѣлъ въ дверяхъ капрала и вооруженныхъ солдатъ, которые остановились въ передней.

— Простите меня, сэръ, что я поставилъ васъ въ такое неловкое положеніе! сказалъ онъ Ферфаксу; но я не зналъ о вашемъ пріѣздѣ; иначе я не рѣшился бы войдти въ вашъ домъ. Затѣмъ, обращаясь къ капралу, онъ добавилъ:—Я герцогъ Бокингемъ, котораго вы ищите, и вы можете вести меня куда вамъ приказано!

Мери встала передъ Бокингемомъ, какъ будто хотѣла защитить его собой и подняла руку съ тѣмъ же умоляющимъ полуповелительнымъ жестомъ, какъ нѣкогда въ лагерѣ, на высотахъ Незби, когда она просила отца пощадить Юргена.

Ферфаксъ видѣлъ этотъ знакомый для него жестъ. Онъ вѣжливо поклонился герцогу и сказалъ:

— Вы напрасно называете этотъ замокъ моимъ, милордъ, я принялъ его изъ рукъ парламента, чтобы при первой возможности возвратить его законному владѣльцу. Поэтому я считаю особеннымъ счастьемъ, что могу принять васъ здѣсь и оказать то гостепріимство, какое только возможно при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, подозвавъ капрала, сказалъ:

— Теперь вы можете удалиться, такъ какъ исполнили свою обязанность и даже болѣе этого! Вернитесь къ вашему офицеру и передайте ему отъ моего имени, чтобы онъ доложилъ протектору, что Iork-Haus отданъ парламентомъ лорду Ферфаксу, который не потерпитъ нарушенія правъ его дома. Этотъ домъ принадлежитъ мнѣ по англійскимъ законамъ и всякій находящійся въ немъ настолько-же долженъ быть огражденъ отъ всякаго насилія, какъ и я самъ. Поэтому г-нъ капралъ совѣтую вамъ отпустить вашихъ людей.

Капралъ, нѣкогда служившій подъ начальствомъ Ферфакса, смущенный строгимъ взглядомъ бывшаго главнокомандующаго, отвѣтилъ:

— Если вы прикажете генералъ, то я готовъ повиноваться...

— Я не отдаю больше приказаній, но требую только исполненія закона!

— Пусть это будетъ на вашей отвѣтственности генералъ, сказалъ капралъ.

— Разумѣется! возразилъ Ферфаксъ, повернувъ спину солдатамъ, которые немедленно удалились.

— Благодарю васъ, сэръ, сказалъ герцогъ, глубоко тронутый съ почтительнымъ поклономъ. Вашъ поступокъ вдвойнѣ радуетъ меня, какъ доказательство, что дворянскія традиціи еще не окончательно вымерли въ Англіи.

— Будьте какъ дома, милордъ, и располагайте вашимъ замкомъ. Правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я подписалъ извѣстную вамъ прокламацію вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, но при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ я считаю эту бумагу уничтоженной и очень радъ, что имѣю возможность возвратить вамъ Iork-Haus.

Краска смущенія выступила на лицѣ Бокингема, что случалось съ ними очень рѣдко, при его нравственной распущенности. Онъ взглянулъ на Мери и встрѣтилъ глаза ея устремленные на него. Выраженіе ихъ было настолько краснорѣчиво, что въ душѣ герцога явилась внезапная рѣшимость, которая показалась бы дикой и неисполнимой всякому разсудительному человѣку, но онъ находилъ ее вполнѣ естественной.

— Мнѣ остается только благодарить васъ, сэръ, за ваше великодушное предложеніе, сказалъ Бокингемъ послѣ нѣкотораго молчанія. Но я не могу принять отъ васъ такой цѣнный подарокъ. Какое значеніе имѣетъ для меня домъ и родина, когда мнѣ суждено быть странствующимъ рыцаремъ и посвятить свою дальнѣйшую жизнь королю.

Горячность, съ какой говорилъ герцогъ, вызвала улыбку на серіозномъ лицѣ Ферфакса.—Я совѣтовалъ бы вамъ милордъ не говорить такъ громко объ этомъ, сказалъ онъ. Еслибы я даже находилъ совершенно законнымъ ваше желаніе сбросить тяжелое иго Кромвеля, то и тогда я сказалъ бы, что его власть теперь слишкомъ прочна, чтобы поколебать ее; такой порядокъ не можетъ продолжаться, времена измѣнятся и герцогъ Бокингемъ не всегда будетъ въ такомъ положеніи, чтобы отказываться отъ такого великолѣпнаго замка, какъ Iork-Haus.

— Я согласенъ былъ бы принятъ вашъ подарокъ, сэръ, но подъ однимъ условіемъ, сказалъ Бокингемъ.

— Оно будетъ исполнено, насколько это зависитъ отъ меня!

— Позвольте мнѣ предварительно переговорить съ леди Мери, продолжалъ герцогъ, бросивъ нѣжный взглядъ на молодую дѣвушку, лицо которой покрылось яркимъ румянцемъ.

— Я ничего не имѣю противъ вашего желанія, милордъ, но мнѣ кажется, что вы будете имѣть достаточно случаевъ для бесѣды съ моей дочерью, потому что я прошу позволенія остаться съ нею въ Iork-Haus'ѣ въ продолженіи семи или восьми дней, пока

я не окончу свои дѣла. Затѣмъ я приглашаю васъ въ мое скромное помѣстье въ іоркскомъ графствѣ, гдѣ могу обѣщать только здоровый воздухъ и превосходную охоту, но знаю заранѣе, что не могу доставить никакихъ развлеченій, а тѣмъ болѣе удобствъ, соотвѣтствующихъ вашему званію.

Ферфаксъ позвонилъ и приказалъ вошедшему слугѣ проводить герцога въ смежную часть дворца, такъ какъ онъ вѣроятно желаетъ отдохнуть и переодѣться къ обѣду.

Бокингемъ сердечно пожалъ руку Ферфаксу и, поклонившись его дочери, вышелъ изъ комнаты.

Мери долго смотрѣла вслѣдъ за высокой стройной фигурой молодаго герцога, пока онъ шелъ по длинной анфиладѣ залъ. Затѣмъ она ушла въ свою комнату, гдѣ бросилась на шею старой кормилицы.

— Ты была права расхваливая красоту Бокингемовъ! воскликнула Мери. Я видѣла молодаго герцога...

— Дитя мое, я была увѣрена, что это случится рано или поздно, отвѣтила вѣрная служанка.

— Но это еще не все, сказала Мери и запнулась на полсловѣ, спрятавъ пылающее лицо на груди своей повѣренной.

— Я все знаю, ты можешь не разсказывать мнѣ; еще ребенкомъ, ты часто звала его во снѣ, а наканунѣ битвы при Незби, ты даже соскочила ночью съ постели и громко закричала:

«Здѣсь былъ молодой Бокингемъ»! Я тогда-же подумала: это пророческій сонъ! Господь послалъ сновидѣнія ребенку, чтобы открыть ему будущность. Чтò суждено свыше, то должно непремѣнно исполниться!

— Кормилица!.. сказала почти съ упрекомъ Мери.

Но старуха еще крѣпче прижала взволнованную дѣвушку къ своему любящему сердцу. Какая радость для матери, пробормотала она.

ГЛАВА IV.

Уайтголль.

Въ то время, какъ вышеописанная сцена происходила въ Iork-Haus'ѣ, мимо стѣнъ его, по берегу Темзы тянулся длинный рядъ парадныхъ каретъ съ вызолоченными колесами, дверцами и крышей, каждая изъ нихъ была запряжена шестью великолѣпными вороными лошадьми съ позолоченной упряжью. Кареты эти были посланы протекторомъ, чтобы привезти депутацію амстердамскихъ

евреевъ въ Уайтголль. Большая толпа народа стояла по обѣимъ сторонамъ улицъ, по которымъ двигался поѣздъ, такъ какъ это было новое невиданное зрѣлище. До сихъ поръ жители Лондона встрѣчали евреевъ мелькомъ, когда эти скромно пробирались вдоль домовъ, стараясь остаться незамѣченными, такъ какъ мальчишки издали узнавали ихъ по острымъ бородамъ и своеобразному костюму и съ крикомъ гнались за ними, хватая за полы длинныхъ сюртуковъ. Но никому не приходилось видѣть евреевъ въ парадныхъ государственныхъ каретахъ!

Въ первой каретѣ сидѣлъ Авраамъ и раввинъ Менассія бенъ-Израэль съ сыномъ, во второй — раввинъ Іаковъ Саспортасъ изъ Африки съ тремя богатѣйшими амстердамскими купцами. Въ остальныхъ сидѣли депутаты еврейскихъ общинъ изъ различныхъ странъ: Франціи, Германіи, Польши и пр.

Кареты въѣхали черезъ большія ворота въ главный дворъ бывшаго королевскаго дворца Уайтголля. Все пространство передъ дворцомъ до самыхъ стѣнъ было переполнено народомъ и войсками, солдаты съ мушкетами въ рукахъ образовали собой двойную шпалеру и отдавали честь каждой проѣзжающей каретѣ до большой лѣстницы, гдѣ оберъ-церемоніймейстеръ Кромвелевскаго двора, сэръ Оливеръ Флемингъ, ожидалъ ихъ. Серьезно глядѣли на нихъ сѣрыя стѣны, фронтоны и башни Уайтголля, красные мундиры солдатъ, ружья, сабли и шлемы ярко блестѣли освѣщенные весеннимъ солнцемъ.

Оберъ-церемоніймейстеръ повелъ «депутатовъ еврейской націи» (ихъ оффиціальный титулъ) по лѣстницѣ, гдѣ у крѣпкихъ желѣзныхъ перилъ стояла почетная стража кромвелевской лейбъ-гвардіи, вооруженная алебардами, въ мундирахъ изъ сѣраго сукна, съ черными бархатными воротниками и серебряной обшивкой.

Эта лейбъ-гвардія, состоявшая изъ ста-шестидесяти человѣкъ, была выбрана самимъ Кромвелемъ изъ всѣхъ полковъ, каждый изъ лейбъ-гвардейцевъ имѣлъ чинъ и званіе офицера и находился на личной службѣ протектора. Когда Кромвель дѣлалъ прогулку по парку или ѣхалъ въ Hampton-Court, то его сопровождали два взвода лейбъ-гвардіи, одинъ скакалъ галопомъ передъ его каретой, другой—сзади. Протекторъ бо̀льшею частью самъ дѣлалъ имъ смотръ, давалъ отпускъ и назначалъ изъ нихъ почетный караулъ. День и ночь стояли они неотлучно у всѣхъ входовъ дворца, наполняли собою сѣни и переднія.

Когда раввинъ бенъ-Израэль приблизился къ нимъ въ сопровожденіи своихъ спутниковъ, они отдали честь, затѣмъ молча подняли свои алебарды, напоминая каменныя статуи по своей неподвижности.

Двери пріемной залы были открыты, глазамъ евреевъ представилось великолѣпное зрѣлище. Это была извѣстная банкетная зала, въ которой Кромвель назначилъ аудіенцію «депутатамъ еврейской

націи». Галлерея была переполнена самыми красивыми и фешенэбельными дамами тогдашняго Лондона; въ ложахъ сидѣли представители всѣхъ монарховъ Европы. На потолкѣ въ матовомъ свѣтѣ, проникавшемъ сквозь занавѣси оконъ, видиѣлась роскошная живопись Рубенса, дорогіе ковры покрывали полъ.

— Депутаты еврейской націи! доложилъ оберъ-церемоніймейстеръ громкимъ голосомъ при входѣ въ залу. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. Раввинъ бенъ-Израэль вошелъ первый. Опустивъ голову, онъ произнесъ слова псалма: «Хвалите Господа всѣ народы, прославляйте Его всѣ племена; ибо велика милость Его къ намъ, и истина Господня пребываетъ во вѣкъ». Медленно размѣстились около него другіе евреи. Передъ ними было небольшое возвышеніе покрытое дорогимъ краснымъ ковромъ, на которомъ стояло кресло.

Четверть часа спустя церемоніймейстеръ поднялъ жезлъ и громко произнесъ:

— Его высочество, протекторъ!

При этомъ возгласѣ по залѣ, всему дворцу и подъ окнами раздалось протяжное ура, сопровождаемое оглушительными звуками трубъ, бряцаньемъ поднимаемыхъ ружей и криками: «Да здравствуетъ его высочество протекторъ!»

Наконецъ, мало по малу, все стихло. Изъ противоположныхъ дверей, вблизи возвышенія вошелъ Кромвель, сопровождаемый высшими сановниками государства и членами совѣта; по правую руку шелъ сынъ его Ричардъ, по лѣвую—его другой сынъ Генрихъ и зять Клейполь. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и сняли шляпы. Одинъ Кромвель оставался съ покрытой головой; на немъ было платье изъ чернаго бархата, высокіе сапоги и шляпа съ золотымъ шнуромъ.

Евреи стояли, склонивъ головы; когда въ залѣ водворилась торжественная тишина, они пробормотали привѣтствіе предписанное ихъ закономъ въ подобныхъ случаяхъ.

Оберъ-церемоніймейстеръ, по знаку Кромвеля, пригласилъ ихъ подойти ближе.

Когда евреи приблизились къ возвышенію, Кромвель поклонился имъ и снялъ шляпу; раввинъ бенъ-Израэль сдѣлалъ шагъ впередъ и, поднявъ обѣ руки, благословилъ его по способу іудейскихъ священнослужителей со словами: «Благослови, Господи, силу его, о дѣлѣ рукъ его благоволи, порази чресла возстающихъ на него и ненавидящихъ его, и ниспошли ему миръ отнынѣ и до конца дней его!»

— Миръ! повторилъ Кромвель съ глубокимъ вздохомъ, поблагодаривъ раввина милостивымъ взглядомъ.

Въ это время оберъ-церемоніймейстеръ шопотомъ упрашивалъ раввина, чтобы онъ и его спутники сняли шляпы изъ уваженія къ его высочеству, доказывая, что этого требуетъ установленный церемоніалъ.

Раввинъ, положивъ руку на грудь, отвѣтилъ вслухъ:—Законъ запрещаетъ намъ обнажать головы передъ Всевышнимъ и его избранниками на землѣ!

— Оставьте ихъ сэръ Оливеръ, сказалъ протекторъ, обращаясь къ оберъ-церемоніймейстеру. — Пусть они поступаютъ такъ, какъ имъ предписываетъ ихъ законъ.

Затѣмъ онъ сошелъ съ возвышенія и приблизился къ раввину, который послѣ нѣсколькихъ поклоновъ хотѣлъ поцѣловать ему руку. Но протекторъ не допустилъ его до этого и дружески пожалъ руку раввину, равно и другимъ членамъ депутаціи. Когда дошла очередь до Авраама, онъ сказалъ ему съ милостивой улыбкой:—Мы старые пріятели и надѣюсь не забудемъ другъ друга!

Затѣмъ раввинъ бенъ Израэль вручилъ протектору петицію отъ имени «депутатовъ еврейской націи» и произнесъ длинную привѣтственную рѣчь. Въ ней выражалась надежда, что при посредствѣ его высочества будутъ отмѣнены строгіе законы, изданные противъ евреевъ, и, что, согласно поданной петиціи, евреямъ дозволено будетъ свободно исповѣдывать свою религію въ странѣ, выстроить синагогу въ Лондонѣ и имѣть кладбище. «Будемъ молить Бога, добавилъ въ заключеніе раввинъ, чтобы въ непродолжительномъ времени воздвигнутъ былъ Божій храмъ въ этомъ городѣ, чтобы мы могли восхвалять въ немъ Всевышняго и молить о благополучіи этого государства и дарованіи мира вашему высочеству!»

Авраамъ во время этой рѣчи не спускалъ глазъ съ протектора, который значительно постарѣлъ съ того дня, какъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ, хотя остался все тѣмъ же великимъ и могущественнымъ Кромвелемъ, какъ и въ былое время. Волоса его посѣдѣли, лобъ и щеки покрылись морщинами, но глаза сохранили прежній блескъ, брови были темныя и густыя. Если года и заботы ослабили его желѣзный организмъ и наложили на немъ свой неизгладимый отпечатокъ, то воля оставалась всемогущей, какъ и въ то время, когда онъ велъ армію къ побѣдамъ, свергъ старый государственный строй и замѣнилъ новымъ. Она поддерживала его рѣшимость не искать давно желаннаго покоя, пока онъ не выполнитъ своей миссіи на землѣ.

Когда раввинъ окончилъ свою рѣчь, протекторъ пробѣжалъ глазами петицію и сказалъ, что онъ находитъ требованія евреевъ вполнѣ законными и, съ своей стороны, готовъ исполнить ихъ. Но онъ не можетъ дать окончательнаго рѣшенія, пока не выслушаетъ мнѣнія правительственныхъ лицъ и представителей различныхъ сословій. Поэтому онъ намѣренъ въ непродолжительномъ времени назначить собраніе въ Уайтголлѣ, на которое будутъ созваны юристы и депутаты отъ духовенства и купеческаго сословія и приглашенъ бенъ Израэль съ товарищами.

Затѣмъ протекторъ милостиво простился съ евреями, надѣлъ

шляпу, поданную ему оберъ-церемоніймейстеромъ, и, раскланиваясь на обѣ стороны, медленно вышелъ изъ залы, въ сопровожденіи сво свиты.

Вслѣдъ затѣмъ удалились «депутаты еврейской націи»; за ними потянулась публика. Вскорѣ зала опустѣла, и только лучи вечерняго солнца отсвѣчивали на расписанномъ потолкѣ, придавая краскамъ и фигурамъ золотистый колоритъ.

Кромвель вернулся въ свой рабочій кабинетъ; на столѣ лежала масса записокъ, депешъ, правительственныхъ сообщеній; у дверей стоялъ секретарь съ новыми бумагами.

Кромвель прочелъ извѣстіе, которое теперь всецѣло поглотило его вниманіе. Ему сообщали, что Бокингемъ имѣлъ тайное свиданіе съ графиней Дизаръ, затѣмъ обратился въ бѣгство и Ферфаксъ взялъ его подъ свое покровительство. Мысль, что ему придется употребить насиліе противъ стараго товарища по оружію, ь которымъ онъ дрался при Марстонмурѣ и Незби тяготила его. Онъ безпокойно прошелся по комнатѣ: — Быть можетъ генералу неизвѣстны преступные замыслы Бокингема, пробормоталъ онъ,—я напишу ему, и постараюсь убѣдить его, чтобы онъ внялъ голосу разсудка.

Кромвель сѣлъ къ столу и написалъ два письма: одно къ генералу Ферфаксу, другое заключало приказъ о высылкѣ графини Дизаръ изъ Лондона.

ГЛАВА V.

Встрѣча.

Франкъ Гербертъ, послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія, вернулся въ Лондонъ, гдѣ ничто не привлекало его. Онъ добровольно уѣхалъ изъ страны, для которой принесъ столько жертвъ, и оставилъ городъ, гдѣ все напоминало ему о безполезности этихъ жертвъ. Битва при Ворчестерѣ, окончательно разрушившая надежды свергнутой династіи, была послѣдняя, въ которой онъ принималъ участіе. Теперь, повидимому, долженъ былъ осуществиться идеалъ республиканцевъ, мечтавшихъ о такомъ государственномъ строѣ, гдѣ бы одинъ народъ пользовался властью, не раздѣляя ее съ единичною личностью. Послѣдняго всего болѣе опасались республиканцы, такъ какъ единичная личность, даже при самомъ высокомъ нравственномъ развитіи, не можетъ быть изъята отъ человѣческихъ слабостей и недостатковъ. Дѣйствительность скоро показала, насколько это опасеніе было основательно. Кромвель не думалъ отказываться отъ диктаторской власти, врученной ему въ виду неминуемой опас-

ности, угрожавшей отечеству, и, наоборотъ, рядъ принятыхъ имъ мѣръ служилъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что онъ намѣренъ упрочить ее за собою. Отсюда былъ одинъ шагъ къ коронѣ, которую онъ могъ считать достойной наградой услугъ, оказанныхъ своимъ соотечественникамъ.

Франкъ Гербертъ былъ нѣкогда привязанъ къ Кромвелю всѣми силами своей души, такъ что одна мысль о разрывѣ съ нимъ приводила его въ ужасъ. Передъ этимъ горемъ блѣднѣли всѣ страданія, какія ему приходилось испытывать въ жизни. Помимо личной симпатіи онъ терялъ въ Кромвелѣ человѣка, котораго онъ считалъ призваннымъ осуществить его идеалъ и даровать свободу ихъ общей родинѣ. Онъ былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Кромвеля, и сдѣлалъ все, что могъ, чтобы отстранить противниковъ и враговъ, стоявшихъ на его дорогѣ, пожертвовалъ для него дружбой и любовью, безпрекословно исполнилъ приговоръ надъ несчастнымъ мечтателемъ, который палъ окровавленный къ его ногамъ. Несмотря на различныя, находившія на него сомнѣнія, его долго поддерживало убѣжденіе, что онъ служитъ цѣлямъ республики, но мало по малу у него явилось сознаніе, что все это сдѣлано для одного Кромвеля. Дальнѣйшее пребываніе на родинѣ стало для него невыносимымъ; онъ попросилъ дозволенія уѣхать изъ Лондона и продолжать службу въ другомъ мѣстѣ. Кромвель понялъ, что происходило въ его душѣ и сказалъ ему:—Дѣйствительно, сынъ мой, отдыхъ необходимъ тебѣ, къ счастью отечество можетъ обойтись въ данный моментъ безъ твоихъ услугъ. Поѣзжай съ Богомъ въ деревню для поправленія твоего здоровья.

— Я не могу воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ, отвѣтилъ съ горечью Франкъ Гербертъ, потому что далъ клятву не разставаться съ своей шпагой, пока враги свободы не будутъ уничтожены въ Англіи!

Съ этого дня началась открытая вражда между Кромвелемъ и Франкомъ Гербертомъ, хотя между ними больше не было сказано ни одного слова. Полкъ, въ которомъ служилъ Гербертъ былъ переведенъ изъ Лондона въ Дублинъ, гдѣ онъ мирно прожилъ нѣсколько лѣтъ, жадно слѣдя за событіями. Ничто не удивляло его, такъ какъ онъ не ожидалъ перемѣны къ лучшему; но его глубоко огорчило извѣстіе, что Кромвель насильственно разогналъ долгій парламентъ, который онъ не могъ иначе распустить, какъ по собственному рѣшенію послѣдняго, и сверхъ того присвоилъ себѣ титулъ протектора. Затѣмъ слѣдовало другое извѣстіе, что Кромвель созвалъ парламентъ и немедленно распустилъ его за непокорность; и что опять будутъ назначены выборы для новаго парламента, чтобы получить отъ него корону. Носились даже слухи, что Кромвель, желая заручиться большинствомъ голосовъ для достиженія своей цѣли, прибѣгнулъ къ подкупу и угрозамъ. Въ заклю-

ченіе вся Англія была раздѣлена на военные округа подъ вѣдѣніемъ генералъ-маіоровъ, чтобы удобнѣе было слѣдить за общественнымъ настроеніемъ, контролировать его и принимать въ случаѣ надобности репрессивныя мѣры.

Недовольство распространилось во всей арміи, особенно въ Лондонѣ, откуда Гербертъ получилъ однажды цѣлый ящикъ, наполненый экземплярами запрещенной брошюры подъ заглавіемъ: «Протестъ арміи», которую онъ долженъ былъ распространить между солдатами его полка; Гербертъ тѣмъ охотнѣе исполнилъ это порученіе, что вполнѣ сочувствовалъ содержанію памфлета, въ которымъ выражено было глубокое негодованіе противъ существующихъ порядковъ. Подобный фактъ не могъ оставаться втайнѣ; двѣ недѣли спустя Герберта позвали къ лорду-депутату Ирландіи, зятю Кромвеля Флидвуду (который женился на вдовѣ Иретона), такъ какъ въ это время всѣ важнѣйшія должности въ арміи и управленіи были розданы сыновьямъ и родственникамъ протектора. Франкъ Гербертъ сознался въ своей винѣ и былъ отправленъ въ дублинскую крѣпость, что̀ возбудило открытый ропотъ между солдатами его полка, которые шумно требовали его возвращенія. Кромвель, узнавъ о случившемся, приказалъ распустить полкъ и предложить Герберту остаться плѣнникомъ въ дублинской крѣпости или же вернуться въ Лондонъ, подъ условіемъ не говорить и не дѣлать ничего во вредъ протектору и явиться къ нему по первому его требованію.

Франкъ Гербертъ выбралъ послѣднее, и уже нѣсколько дней опять жилъ въ Лондонѣ, пользуясь относительной свободой. Многое измѣнилось здѣсь въ его отсутствіе. Дружественный союзъ съ Франціей былъ заключенъ и начата война съ Испаніей. Каждая почта приносила извѣстія о побѣдахъ одержанныхъ адмираломъ Блекомъ; на морѣ захвачена была цѣлая флотилія испанскихъ судовъ съ грузомъ изъ колоній, состоящимъ изъ золота и серебра въ слиткахъ и переправлена къ берегамъ Темзы. Англійскій народъ не только не страдалъ отъ этой войны; но съ каждымъ успѣхомъ почерпалъ изъ нея новую матеріальную силу. Вездѣ видно было полное довольство; всѣ были въ какомъ-то опьяненіи отъ славы побѣдъ и прилива новыхъ небывалыхъ богатствъ. «Profanum volgus», бормоталъ Францъ Гербертъ, проходя по улицамъ Лондона, ты не замѣчаешь, что изъ лавровъ Кромвеля выступаетъ голова Цезаря. Если слава побѣдъ заставляетъ тебя забыть потерю свободы, то ты не заслуживаешь ничего лучшаго. Можно пожалѣть только тѣхъ, которые изъ-за тебя проливали свою кровь...

Видъ общаго ликованія былъ настолько ненавистенъ Герберту, что онъ не охотно выходилъ днемъ изъ дому и только повечерамъ гулялъ одинъ по пустыннымъ улицамъ, такъ какъ въ мракѣ чувствовалъ себя свободнѣе и покойнѣе. Онъ не видался ни съ од-

нимъ изъ своихъ единомышленниковъ, такъ какъ хотѣлъ въ точности исполнить принятое имъ на себя обязазельство. Вдобавокъ лучшіе и благороднѣйшіе изъ нихъ томились въ крѣпостяхъ, ссылкѣ или въ добровольномъ изгнаніи. Что за проклятіе тяготѣетъ надъ подобными правленіями! думалъ Франкъ, выходя изъ дому; они держатся произволомъ и должны принести въ жертву Молоху своихъ лучшихъ друзей и приверженцевъ...

Онъ направился къ Сити, гдѣ исключительно жили мѣщане, купцы и ремесленники. По улицамъ запирались вездѣ лавки, магазины и мастерскія; слышны были послѣдніе удары молота; рабочій людъ торопливо возвращался домой; мѣстами въ освѣщенныя окна можно было видѣть семью мирно сидѣвшую за ужиномъ.— Долженъ ли я презирать этихъ людей или завидовать имъ? спрашивалъ себя Франкъ Герберъ; они съ спокойной совѣстью исполняютъ поденную работу, не заботясь о томъ, кто правитъ ими: король или протекторъ. Кончилась работа, они садятся за ужинъ, бесѣдуютъ, шумятъ, пьютъ вино, ложатся спать, чтобы на слѣдующее утро начать такой же день. Но эти люди составляютъ массу народа. Какое право имѣлъ я тогда сердиться на нихъ, что они такъ неохотно слѣдовали за знаменемъ свободы. Борьба противна ихъ природѣ; они хотятъ мирно пользоваться жизнью; не народъ производитъ революцію, а небольшая группа идеалистовъ, идущихъ впереди массы. Если гнетъ становится невыносимымъ для простаго народа, то онъ напрягаетъ свои силы, чтобы избавиться отъ него; а затѣмъ не желаетъ ничего лучшаго, какъ только вернуться къ своему очагу. Вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ намъ удалось увлечь его за собой, но мы стремились къ осуществленію идеала, а онъ хотѣлъ только отмѣны налоговъ и насильно навязаннаго ему молитвенника. Насъ занимала будущность, онъ думалъ только о настоящемъ. Наша задача должна заключаться въ томъ, чтобы воспитать его для будущности, которая принадлежитъ ему; народъ пережилъ Карла I, переживетъ протектора и другихъ подобныхъ ему властелиновъ. Но не тотъ другъ народа, который удовлетворяетъ его жажду славы и золота, но тотъ, кто своимъ примѣромъ, поступками и въ случаѣ надобности цѣной лишеній и страданій готовитъ ему лучшую участь...

Прохладный ночной воздухъ и возрастающая тишина на улицахъ успокоительно подѣйствовали на возбужденные нервы Герберта. Сердце его было переполнено любовью и участіемъ къ тѣмъ самымъ людямъ, къ которымъ онъ до этого ничего не чувствовалъ кромѣ ненависти и презрѣнія. Погруженный въ свои мысли, онъ незамѣтно вышелъ на берегъ Темзы, и отсюда повернулъ на небольшую улицу Duke-Sreet, которую тщательно избѣгалъ до сихъ поръ, такъ какъ она напоминала ему объ утраченномъ счастьѣ. Но при томъ настроеніи, въ какомъ онъ находился, у него явилось

непреодолимое желаніе взглянуть на тотъ домъ, гдѣ онъ въ послѣдній разъ видѣлъ Оливію. Политическія событія на время удалили, но не изгнали ея образъ изъ его памяти. Воображеніе живо нарисовало ему милое личико съ грустными глазами, полными слезъ, ему казалось, что онъ опять прижимаетъ ее къ своему сердцу, слышитъ ея дыханіе. Гдѣ Оливія? быть можетъ она уѣхала къ брату, чтобы раздѣлить съ нимъ изгнаніе? Кто могъ дать ему отвѣтъ на этотъ вопросъ! Безучастно смотрѣло на него темное вечернее небо, усѣянное безчисленными звѣздами. Онъ остановился передъ домомъ еврея Авраама, который былъ объятъ мракомъ, какъ и сосѣдніе дома, огонь видѣнъ былъ только въ пріемной; окно комнаты верхняго этажа, гдѣ нѣкогда жилъ баронетъ было открыто, но нигдѣ не видно было ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Сердце Герберта болѣзненно сжалось, но въ эту минуту послышались звуки арфы, послѣ первыхъ аккордовъ онъ узналъ ту самую мелодію, которую пѣла Оливія въ Чильдерлейскомъ замкѣ, въ день пріѣзда короля.

Знакомый голосъ запѣлъ:

«Ты лжешь весна! Не дашь ты намъ прочнаго счастья.
«Быстро отцвѣтаетъ краса природы обновленной весеннимъ ливнемъ.
«Все, что ты даешь весна, носитъ въ себѣ зародышъ смерти.
«Ярко горитъ вечерняя заря на небосклонѣ,
«Но свѣтъ ея померкнетъ съ твоимъ первымъ привѣтомъ—
«О лживый міръ!—Лучшее въ тебѣ мечта...

Звуки замерли среди ночной тишины, но они все еще раздавались въ ушахъ Герберта, очарованіе старой любви охватило его душу съ новой силой, онъ хотѣлъ бѣжать къ своей возлюбленной, заключить ее въ свои объятія. Шумъ отворяемой двери остановилъ его, изъ дому вышелъ человѣкъ. Гербертъ сдѣлалъ невольное движеніе, чтобы скрыться за выступомъ стѣны, но тотъ узналъ его и назвалъ по имени.

Передъ нимъ стоялъ товарищъ его школьныхъ лѣтъ—Гевитъ.

— Ты ли это Джонъ? проговорилъ съ смущеніемъ Гербертъ, протягивая руку священнику. Все это кажется мнѣ какимъ-то сномъ...

— Мы давно не видѣлись съ тобой Франкъ, сказалъ Гевитъ. Ты вѣроятно не ожидалъ встрѣтить меня здѣсь; но въ этомъ домѣ живетъ Оливія...

— Оливія! повторилъ съ живостью Гербертъ. Что съ нею? ты вѣроятно часто видишь ее? Невольное отчужденіе, которое онъ чувствовалъ къ товарищу юности, послѣ ихъ послѣдней встрѣчи, разсѣялось безслѣдно при имени любимой дѣвушки.

— Да, я бываю у ней такъ часто, какъ позволяютъ это мои обязанности, и долженъ сказать, что мнѣ никогда не приходилось встрѣчать такой нравственной выдержки и покорности судьбѣ.

Послѣ тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на ея долю, у ней явилось глубокое убѣжденіе, что все кончено для нея; она повидимому не имѣетъ никакихъ желаній и надеждъ. Между тѣмъ я никогда не слышалъ отъ нея ни одного слова, которое можно было бы принять за ропотъ на судьбу!

— Бѣдняжка! какъ выноситъ она подобную жизнь! воскликнулъ Гербертъ, взволнованнымъ голосомъ, машинально слѣдуя за священникомъ, который изъ улицы Duke-Sreet направился къ воротамъ, ведущимъ въ Сити. — Сердце мое обливается кровью при мысли, что она обречена на жалкое существованіе среди чужихъ людей, тогда какъ при другихъ условіяхъ, она могла быть счастливой и любимой. Съ своей стороны я ничего не принесъ ей кромѣ горя и лишнихъ страданій, она имѣетъ полное право проклинать день нашей встрѣчи. Она также принесена въ жертву ненасытному кровожадному чудовищу, котораго называютъ Кромвель...

— Ради Бога говори тише, не произноси этого имени, сказалъ торопливо Гевитъ.

— Ты кажется боишься его!

— Не его, а тебя и твоихъ единомышленниковъ, которые довели насъ до настоящаго порядка вещей! Вы проложили дорогу къ убійству Стюарта и не должны удивляться, что Кромвель стремится занять его престолъ.

— И ты въ числѣ другихъ равнодушно переносишь это! воскликнулъ Гербертъ.

— Что̀ можетъ сдѣлать бѣдный священникъ, обреченный на тѣсный кругъ дѣятельности! Вотъ уже третій годъ, какъ мнѣ порученъ небольшой приходъ и церковь въ Лондонѣ, мнѣ дозволили проповѣдывать слово Божіе...

— Значитъ и ты подкупленъ Джонъ, замѣтилъ съ раздраженіемъ Гербертъ, прерывая его. Весь вопросъ въ средствахъ, выбранныхъ тираномъ, чтобы принудить всѣхъ васъ къ молчанію!

— Я прощаю тебѣ это оскорбленіе во имя нашей прежней дружбы и тѣхъ нравственныхъ мученій, которыя ты долженъ былъ испытать въ послѣдніе годы. Твоя главная ошибка, что ты служилъ одному человѣку и ждалъ отъ него того, чего онъ не могъ дать!

— Кто не былъ обманутъ этимъ лицемѣромъ! Развѣ ты самъ не ожидалъ отъ него спасенія, въ тотъ день, когда ты добился его свиданія съ королемъ! Мое разочарованіе было тѣмъ сильнѣе, что я безусловно поклонялся Оливеру Кромвелю и видѣлъ въ немъ воплощеніе моего идеала. Служа ему, я былъ убѣжденъ, что служу дѣлу свободы!

— Тебѣ было извѣстно его честолюбіе Франкъ, а при этомъ условіи, ты могъ ожидать отъ него всего худшаго. Развѣ ты не видишь, что ты виноватъ не менѣе Кромвеля. Прибѣгая къ наси-

лію и терроризму, ты самъ съ твоими единомышленниками довелъ Стюарта до эшафота и очистилъ этому честолюбцу дорогу къ престолу...

— Я слишкомъ поздно понялъ свое заблужденіе, отвѣтилъ Гербертъ, печально опустивъ голову, а затѣмъ мнѣ оставался одинъ исходъ, чтобы отвратить новыя бѣдствія, которыя должны были обрушиться на мою родину. Трудно передать словами тѣ мученія, какія я испытывалъ въ первыя мѣсяцы по пріѣздѣ въ Дублинъ. Во время долгихъ безсонныхъ ночей, передо мною воскресало прошлое, я чувствовалъ себя опозореннымъ и униженнымъ до послѣдней степени, мысль о мести упорно преслѣдовала меня. Я молилъ Бога, чтобы онъ далъ мнѣ настолько силы, чтобы явиться передъ этимъ человѣкомъ, который долженъ былъ отвѣтить за всѣ испытанныя мною страданія. Сколько разъ брался я за шпагу, лежавшую около моей постели...

— Что за безуміе! воскликнулъ Гевитъ, въ душѣ котораго заговорило старое чувство привязанности къ школьному товарищу. Какое значеніе можетъ имѣть смерть одного человѣка. Наконецъ, кто поручится за успѣхъ въ подобныхъ случаяхъ, ты видѣлъ къ чему вели всѣ сдѣланныя до сихъ поръ попытки на его жизнь!

Они подошли къ кладбищу св. Павла. Старый соборъ представлялъ печальный видъ разрушенія, такъ какъ въ немъ давно прекращено было богослуженіе и съ крышъ былъ снятъ свинецъ во время междоусобной войны.

Смертельная блѣдность покрыла лицо Герберта, когда они проходили площадь.—На этомъ мѣстѣ погибъ несчастный Лакіеръ, я долженъ былъ исполнить приговоръ военнаго суда, сказалъ онъ глухимъ голосомъ, тяжело опираясь на руку своего спутника.

— Вотъ моя церковь, сказалъ священникъ, указывая на небольшое строеніе за соборомъ св. Павла, рядомъ съ нею приходскій домъ. Пойдемъ ко мнѣ Франкъ. Злые духи покинутъ тебя вблизи твоего друга.

— Оставь меня Джонъ. Я чувствую себя спокойнѣе, когда я одинъ. Завтра я прійду къ тебѣ. До свиданія, покойной ночи!

ГЛАВА VI.

Самоотверженіе любви.

Гевитъ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ замкѣ графа Линдзея, поселился въ Лондонѣ, гдѣ онъ былъ избранъ священникомъ небольшаго прихода св. Георга. Это было во времена протектората. Угне-

тенная епископальная церковь начала медленно оправляться послѣ всѣхъ испытанныхъ ею бѣдствій. Хотя ей не дозволено было возстановить прежняго великолѣпія, и она была лишена прежней власти и богатствъ, но для вѣрующихъ было большимъ утѣшеніемъ, что имъ разрѣшили молиться по старымъ молитвенникамъ и отправлять открыто церковную службу безъ боязни преслѣдованій. При Кромвелѣ не было господствующей церкви, хотя пресвитеріане, индепенденты и анабаптисты одновременно приписывали эту честь своей церкви. Протекторъ, признавая принципъ вѣротерпимости для всѣхъ христіанскихъ религій, оказывалъ даже особенное покровительство обезсиленной эпископальной церкви, противъ пресвитеріанъ которые всѣми способами старались преслѣдовать ее. Одни католики лишены были права отправлять свое богослуженіе, но и то въ виду политическихъ цѣлей, такъ какъ они заодно съ Испаніей, папой и іезуитами не переставали составлять заговоры противъ Англіи.

Такимъ образомъ приверженцы епископальной церкви, пользуясь благопріятными обстоятельствами, устроили себѣ молельни въ Лондонѣ и въ его окрестностяхъ, и такъ какъ соборы и болѣе значительные храмы были закрыты для нихъ, то они заняли небольшія церкви, которыя были возвращены имъ.

Одной изъ нихъ была церковь св. Георга за соборомъ св. Павла, прежній приходъ которой единогласно выбралъ своимъ священникомъ Гевита. Послѣдній съ радостью вступилъ въ отправленіе своей должности послѣ столькихъ лѣтъ бездѣйствія, хотя зналъ, какія серьёзныя затрудненія ожидаютъ его. Онъ былъ всѣмъ сердцемъ привязанъ къ свергнутой династіи, и ничто не могло заставить его признать протектора верховнымъ властелиномъ государства. Но, вступая въ должность, онъ этимъ самымъ принималъ на себя обязательство не вредить ни словомъ, ни дѣйствіемъ существующему правительству. Поэтому онъ велъ себя крайне осторожно и, хотя не скрывалъ своихъ убѣжденій, но не позволялъ себѣ никакихъ намековъ, которые были бы истолкованы его врагами въ извѣстномъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе, искренность его вѣры и увлекательное краснорѣчіе, въ связи съ красивой наружностью и изящными манерами, сдѣлали его въ короткое время однимъ изъ самыхъ популярныхъ проповѣдниковъ тогдашняго Лондона. Небольшая церковь св. Георга была всегда переполнена народомъ. По воскресеньямъ можно было встрѣтить здѣсь самое избранное общество; дамы, какъ вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, составляли преобладающій элементъ. Въ числѣ послѣднихъ были три дочери Кромвеля: Елизавета Клейполь, Мери и Францисъ, изъ которыхъ одна была помолвлена за извѣстнаго лорда Фолкенбриджа, а другая—за внука графа Уорвика.

Леди Клейполь, любимая дочь Кромвеля, которая болѣе другихъ членовъ семьи въ состояніи была понять его высокое значеніе, и

даже нѣкогда пожертвовала для него своей сердечной привязанностью,—была теперь одной изъ самыхъ усердныхъ посѣтительницъ небольшой церкви св. Георга. Ея прекрасные глаза задумчиво останавливались на лицѣ человѣка, котораго она любила какъ воспоминаніе утраченной молодости, тихая безутѣшная грусть давно замѣнила въ ея сердцѣ прежнія мечты и желанія. Все величіе, связанное съ ея общественнымъ положеніемъ, не могло заставить ее забыть прошлое. Она была самая красивая и привлекательная женщина при дворѣ Кромвеля и первое лицо во дворцѣ Уайтголля послѣ могущественнаго человѣка, власть котораго была выше королевской, хотя онъ не носилъ короны, между тѣмъ какъ жена бывшаго арендатора почти никогда не являлась въ публикѣ.

Такимъ образомъ Елизавета Клейполь, боготворимая протекторомъ, была предметомъ поклоненія для знатнѣйшихъ людей Англіи, поэтовъ, художниковъ, а равно и представителей иностранныхъ державъ. Но мысли ея постоянно возвращались къ тому времени, когда она жила съ своей семьей, въ Сентъ-Ивсъ. Теперь въ ея воображеніи чаще прежняго рисовались зеленыя пастбища, рѣка, небольшіе дома и стройныя башни родного города. Надъ ними растилалось безоблачное лѣтнее небо; запахъ скошеннаго сѣна смѣшивался съ ароматомъ липъ; но вотъ солнце скрылось за лѣсомъ, слышны были колокольчики возвращающихся стадъ, мало по малу все стихало на поляхъ и приходилъ желанный гость. Какая безконечная доброта выражалась въ его темныхъ глазахъ съ любовью устремленныхъ на нее. Онъ говорилъ ей о поэзіи, нравственности и героизмѣ, и пробуждалъ въ ея душѣ стремленіе къ лучшему и болѣе осмысленному существованію. Радости и испытанія дальнѣйшей жизни не могли изгладить изъ ея памяти этого человѣка, и теперь, всматриваясь въ дорогія черты и слушая его живую рѣчь, она невольно вспоминала тихій арендаторскій домъ, въ которомъ провела счастливые годы ранней юности.

Она также встрѣтила въ церкви Оливію Кутсъ и, по окончаніи службы, заключила ее въ свои объятія.—Я знаю, сказала она, ты не можешь прійти ко мнѣ, но я всегда любила тебя, Оливія, и не перестану любить...

Кромвелю было извѣстно, что дочери его посѣщаютъ церковь св. Георга, но такъ какъ это не мѣшало его политическимъ цѣлямъ, то онъ остался вѣренъ принципу терпимости, который хотѣлъ осуществить на дѣлѣ. Онъ становился жестокимъ и неумолимымъ, когда дѣло шло о сопротивляющейся партіи, но относился кротко и миролюбиво къ побѣжденнымъ. Теперь онъ щадилъ роялистовъ и покровительствовалъ епископальной церкви въ лицѣ ея выдающихся представителей. Онъ также, какъ и его дочь, съ удовольствіемъ вспоминалъ о жизни въ Сентъ-Ивсъ и прежнихъ отношеніяхъ къ Гевиту, и ему было бы пріятно снова увидѣть его

въ своемъ домѣ. Но Гевитъ тщательно избѣгалъ всякой встрѣчи съ протекторомъ, такъ какъ не могъ простить ему казни несчастнаго короля и признавалъ своимъ законнымъ властелиномъ одного Карла II.

Благодаря прежнимъ связямъ, у Гевита было много знакомыхъ среди высшей аристократіи, раздѣлявшей его религіозныя и политическія убѣжденія. Съ разныхъ сторонъ получалъ онъ приглашенія на блистательные обѣды и вечера, гдѣ ему приходилось сидѣть между высокопоставленными особами. Но онъ никогда не принималъ участія въ неприличныхъ выходкахъ противъ существующаго правительства, и не считалъ нужнымъ отвѣчать на тосты, сопровождаемые либеральными фразами. Онъ зналъ по опыту, что тѣ, которые всего громче выражали свои протесты при закрытыхъ дверяхъ, легче другихъ могутъ перейти въ другой лагерь. Равнымъ образомъ, онъ былъ врагъ всякихъ дѣтскихъ демонстрацій, въ видѣ ношенія лентъ и цвѣтовъ, которые должны были символически выражать преданность дому Стюартовъ. Однако, несмотря на это, никто не сомнѣвался въ искренности убѣжденій Гевита, и всѣ знали, что въ случаѣ бѣды на него можно было болѣе разсчитывать, нежели на кого либо другаго.

Избѣгая, по возможности, всякихъ шумныхъ сборищъ и оффиціальныхъ сношеній съ людьми, онъ тѣмъ усерднѣе предавался исполненію своихъ обязанностей и служенію страждущимъ. Изъ нихъ всего ближе его сердцу была Оливія, дочь умершаго друга; онъ считалъ своимъ долгомъ, по возможности, восполнить для одинокой дѣвушки потерю отца и брата. Поэтому, ежедневно, со времени своего водворенія въ Лондонѣ, онъ посѣщалъ домъ, гдѣ жила Оливія. Самая нѣжная дружба по прежнему соединяла дочь баронета съ прекрасной еврейкой; поэтому, Гевитъ, разставаясь съ Оливіей, могъ быть покоенъ, такъ какъ зналъ, что оставлялъ при ней существо, безусловно преданное ей. Но дѣла принимали другой оборотъ. Не трудно было замѣтить, что сынъ раввина Менассіи чувствуетъ глубокую привязанность къ подругѣ своего дѣтства и намѣренъ жениться на ней. Но, и помимо этого, Мануэлла, по всѣмъ даннымъ, должна была скоро вернуться въ Амстердамъ, такъ какъ получено было извѣстіе, что д'Акоста сталъ благосклоннѣе относиться къ дочери и вѣроятно согласится на примиреніе съ нею. Мысль о разлукѣ двухъ дѣвушекъ составляла предметъ серьезнаго безпокойства для Гевита, тѣмъ болѣе, что по его мнѣнію пребываніе Франка Герберта въ Лондонѣ, при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ какихъ онъ находился, должно было тяжело отразиться на Оливіи. Поэтому, онъ сообщилъ о пріѣздѣ Герберта одной Мануэллѣ и откровенно высказалъ ей свои опасенія.

Но Мануэлла совершенно иначе отнеслась къ дѣлу, нежели ожидалъ священникъ. На лицѣ ея выразилась искренняя радость:

— Теперь ничто не можетъ помѣшать ихъ сближенію, воскликнула она. О Боже, кто могъ ожидать этого!..

Гевитъ, занятый своими мыслями, не слышалъ отвѣта Мануэллы и вскорѣ ушелъ, говоря, что сегодня, вечеромъ, ожидаетъ къ себѣ Франка Герберта.

Но едва дверь закрылась за священникомъ, какъ радость въ душѣ Мануэллы смѣнилась чувствомъ глубокой тоски и такимъ упадкомъ духа, что она въ отчаяніи закрыла лицо обѣими руками. Ей предстояла послѣдняя и самая тяжелая борьба съ себялюбивыми желаніями и надеждами. Франкъ Гербертъ былъ единственной любовью ея жизни, олицетвореніемъ всего высокаго, прекраснаго и благороднаго въ мірѣ. Съ его именемъ были связаны лучшія мечты ея юности, хотя Франкъ своимъ поведеніемъ не давалъ ей ни малѣйшаго повода разсчитывать на взаимность. Сердце его съ первой минуты было отдано Оливіи, и онъ оставался вѣренъ этой привязанности, несмотря ни на какія испытанія. Но что мѣшало влюбленной дѣвушкѣ сознательно сдѣлать то, къ чему побуждало ее безотчетное стремленіе ранней юности, и создать жизнь независимую отъ всякихъ связывающихъ ее узъ. Красивой женщинѣ дана безграничная сила, если она захочетъ воспользоваться ею, не разбирая средствъ. Какое значеніе имѣютъ для нея соперницы при желаніи достигнуть во что бы-то ни стало своей цѣли! Какой мужчина устоитъ противъ ея обольстительной улыбки, ласковаго взгляда прекрасныхъ глазъ, неистощимаго остроумія и капризовъ! Задача ея тѣмъ легче, если соперница беззащитная дѣвушка, все очарованіе которой въ молодости; и отъ нея нельзя ничего ожидать въ будущемъ, кромѣ семейныхъ добродѣтелей и качествъ хорошей хозяйки дома. Любовь Мануэллы къ Франку Герберту не могла угаснуть сама собой при ея живомъ и впечатлительномъ характерѣ. Воля нерѣдко оказывалась безсильной подъ наплывомъ непрошенныхъ чувствъ и ощущеній. Не мы создаемъ желанія, которыя иногда какъ демоны-искусители подступаютъ къ намъ. Они окрашиваютъ предметы въ блестящія краски, пока весь свѣтъ не сосредоточится на одномъ изъ нихъ и всѣ остальные погрузятся во мракъ. Туда влечетъ насъ безуміе невыполненныхъ желаній, какъ ночную бабочку на огонь зажженной свѣчки, который кажется ей огненнымъ моремъ. Она бросается въ него, чтобы послѣ минутнаго наслажденія упасть мертвой. Счастливъ тотъ, кого постигнетъ участь ночной бабочки, такъ какъ въ противномъ случаѣ его ожидаетъ тяжелое пробужденіе и невыносимыя муки раскаянія. Мануэлла вспомнила тотъ моментъ въ Iork-Hous'ѣ, когда она, увлеченная невиннымъ порывомъ, призналась въ любви Франку Герберту. Она сдѣлала это безсознательно и безъ дурныхъ намѣреній. Но всегда ли были такъ безгрѣшны ея помыслы относительно Франка? спрашивала она себя съ отчаяніемъ. Сколько разъ

въ своихъ безумныхъ мечтахъ она готова была купить минуту счастья съ нимъ цѣною чести и дружбы дорогой подруги, которой она была обязана болѣе, чѣмъ жизнью. Вспоминая прошлое, она мысленно дала себѣ обѣтъ употребить всѣ усилія, чтобы соединить Оливію съ Гербертомъ.

Она поспѣшно встала съ мѣста и поднялась на лѣстницу; но дойдя до комнаты Оливіи, остановилась. Рядомъ была небольшая полуоткрытая дверь, которая вела въ молельню; лучи вечерняго солнца наполняли ее золотистымъ сіяніемъ.

— Господи, помоги мнѣ! внемли голосу моленія моего! воскликнула Мануэлла, преклонивъ колѣна на порогѣ; губы ея шептали слова молитвы.

Затѣмъ, она вошла въ комнату Оливіи.

— Я должна сообщить тебѣ неожиданную новость, сказала она спокойнымъ голосомъ; Франкъ Гербертъ опять въ Лондонѣ.

Оливія опустила глаза, чтобы скрыть свое волненіе, такъ какъ, подобно покойному баронету, она не любила высказывать своихъ чувствъ даже передъ самыми близкими людьми.

— Но Франкъ теперь не тотъ человѣкъ, какимъ ты видѣла его въ послѣдній разъ, продолжала Мануэлла; онъ уже не пользуется дружбой и милостью Кромвеля; надъ головой его поднятъ мечъ...

Оливія выпрямилась; яркая краска выступила на ея блѣдныхъ щекахъ.

— Говори все! воскликнула она; Франкъ несчастливъ, ему грозитъ опасность?

— Да, и ты одна можешь спасти его!

— О, Боже!.. если бы я знала, что̀ могу я сдѣлать для него!

— Я слышала отъ Гевита, что онъ возсталъ противъ воли Кромвеля и навлекъ на себя его гнѣвъ.

Оливія, не помня себя отъ ужаса, поднялась съ кресла.

— Вѣроятно, этотъ жестокій человѣкъ приговорилъ его къ смерти, и ты скрываешь это отъ меня?

— Нѣтъ, онъ только требуетъ, чтобы Франкъ нѣкоторое время оставался въ бездѣйствіи и не принималъ никакого участія въ замыслахъ его враговъ.

— Вѣроятно, Франкъ исполнитъ желаніе протектора.

— Нѣтъ, потому что онъ не можетъ спокойно слышать имени Кромвеля.

— Значитъ еще не все потеряно! Пойдемъ къ нему Мануэлла; скажи мнѣ, гдѣ онъ? Я буду умолять его на колѣняхъ, чтобы онъ не противился Кромвелю; иначе его также приговорятъ къ смерти.

Рыданія прерывали голосъ Оливіи.

— Иди за мной, мы найдемъ его въ домѣ священника, сказала Мануэлла.

Оливія поспѣшно одѣлась; затѣмъ обѣ дѣвушки вышли на улицу.

ГЛАВА VII.

Въ приходскомъ домѣ.

Священникъ Гевитъ жилъ въ недалекомъ разстояніи отъ церкви, въ каменномъ домѣ, который былъ отданъ въ его полное распоряженіе родственниками умершаго владѣльца. Это былъ настоящій дворянскій домъ, съ широкими лѣстницами, темнымъ дубовымъ паркетомъ, высокими окнами и большими портретами на стѣнахъ. Вездѣ были видны слѣды прежняго великолѣпія; вкусъ прежняго жильца сказывался въ общемъ характерѣ всей обстановки, носившей на себѣ отпечатокъ прочности и спокойной неподвижности. Гевитъ не сдѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ домѣ, такъ какъ, при своихъ скромныхъ потребностяхъ, жилъ въ одной комнатѣ, которая служила ему кабинетомъ.

Здѣсь проводилъ онъ свободные часы за чтеніемъ, отдыхая отъ дневныхъ трудовъ. На полкахъ стояли тѣ же ряды книгъ, которыя окружали его въ прежнемъ приходскомъ домѣ, только окна не выходили на холмъ и Чильдерлейскій замокъ. Изъ нихъ виднѣлось громадное зданіе собора св. Павла, освѣщеннаго вечерней зарей.

Видъ уютной комнаты священника съ ея скромной обстановкой, живо напоминалъ Герберту ихъ первую встрѣчу въ домѣ Чильдерлейскаго прихода. Въ первую минуту онъ былъ настолько взволнованъ этимъ, что не могъ произнести ни одного слова.

— Странное дѣло, сказалъ онъ, наконецъ, усаживаясь въ кресло, неужели мы одни должны мѣняться, тогда какъ неодушевленныя вещи, окружающія насъ, имѣютъ передъ нами то преимущество, что остаются нетронутыми!

— Я не называю это преимуществомъ, сказалъ Гевитъ. Постоянныя перемѣны ведутъ къ прогрессу; въ нихъ заключается величайшая задача жизни. Горе человѣку, если застой не тяготитъ его, и онъ довольствуется однообразнымъ существованіемъ день-за-день.

— Но если его стремленія кончаются ни чѣмъ, и тамъ, гдѣ онъ думалъ служить высокой идеѣ, его услуги помогли только разрушить ее.

— Неужели ты серьёзно думаешь это, спросилъ Гевитъ съ грустной улыбкой. Развѣ ты не признаешь, что идеи безсмертны, и ничто не можетъ убить или уничтожить ихъ? Они жили до тебя и переживутъ обоихъ насъ.

— Это плохое утѣшеніе, возразилъ Гербертъ, когда приходится погибать въ безплодной борьбѣ!

— Если бы дѣйствительно можно было назвать борьбу за идею безплодной, то не стоило бы продолжать ее. Лучше добровольно лишить себя жизни...

— Я уже думалъ объ этомъ! возразилъ Гербертъ съ глубокимъ вздохомъ. Когда нѣтъ другаго средства избавиться отъ мучительнаго и ненавистнаго существованія, то нѣтъ другаго исхода, кромѣ самоубійства!

— Какое безумное ослѣпленіе! воскликнулъ Гевитъ. Вотъ куда привелъ тебя высокій полетъ твоихъ мыслей! Когда я въ первый разъ встрѣтился съ тобой послѣ долгой разлуки, я видѣлъ, что ты идешь по опасной дорогѣ. Ты признавалъ принципъ насилія и служилъ ему; когда онъ обратился противъ тебя, въ твоемъ сердцѣ заговорило недостойное чувство мести. Въ минуты безсилія, которыя слѣдуютъ за лихорадочными пароксизмами, ты доходишь до такого упадка духа, что готовъ рѣшиться на преступленіе. Вся ошибка такихъ мечтателей какъ ты, что вы хотите измѣнить законы, установленные самимъ Богомъ. Я не вижу логики въ вашихъ поступкахъ; слово «свобода» вашъ лозунгъ, а на дѣлѣ вы проводите терроризмъ!

— Ты разсуждаешь какъ священникъ и кабинетный ученый. Только оружіемъ, а не мирною проповѣдью можно освободить человѣчество отъ обмана, суевѣрія и мрачныхъ силъ прошлаго; это борьба на жизнь и смерть, требующая жертвъ закланія. Каждый человѣкъ, вступающій въ нее, можетъ заранѣе считать себя обреченнымъ на гибель; но его могила побуждаетъ слѣдующія поколѣнія къ новымъ подвигамъ героизма. Если меня мучитъ тяжелое сознаніе своей слабости и заблужденій, то это еще не доказываетъ, чтобы я сомнѣвался въ правотѣ дѣла. Я не думаю отрекаться отъ моего прошлаго; но до сихъ поръ не могу помириться съ мыслью, что цѣль, для которой я жилъ и боролся, опять отдалилась отъ меня. Я надѣялся, что мнѣ суждено въ числѣ другихъ дать свободу моимъ угнетеннымъ соотечественникамъ; но вмѣсто этого мнѣ пришлось поднять на своихъ плечахъ того, кто задушилъ ее въ зародышѣ. Дѣйствительно, моя жизнь представляетъ рядъ заблужденій; но, несмотря на горькое разочарованіе и всѣ испытанныя мною мученія, я буду стоять до послѣдней минуты за свои убѣжденія. Ты называешь меня мечтателемъ, но ничто не пробудитъ меня отъ мечты, называемой «свободой», и я буду вѣрить до конца въ возможность ея осуществленія въ будущемъ.

Грустный и задушевный тонъ рѣчи Франка Герберта глубоко тронулъ священника.

— Мы шли оба къ одной цѣли, но по разнымъ дорогамъ, сказалъ онъ, дружески пожимая руку товарищу юности. Намъ не суждено достигнуть ее; другіе будутъ продолжать борьбу и стре-

миться къ разрѣшенію тѣхъ же вопросовъ. Послѣ дурныхъ дней наступятъ хорошіе...

Легкій стукъ въ дверь прервалъ бесѣду друзей. Это были обѣ дѣвушки. Солнце садилось за лѣсомъ; башни св. Павла казались огненными при золотистомъ отблескѣ вечерней зари, который отражался на стѣнахъ уютной комнаты приходскаго дома. Оливія вошла первая, но остановилась въ нерѣшимости у дверей. Мысль, что Франкъ быть можетъ забылъ объ ея существованіи во время ихъ послѣдней долгой разлуки, настолько смутила ее, что она въ первую минуту ничего не могла различить, кромѣ яркаго свѣта наполнявшаго комнату. Она не замѣтила, какъ Франкъ Гербертъ, пораженный ея неожиданнымъ появленіемъ, всталъ съ мѣста и, послѣ минутнаго колебанія, бросился къ ея ногамъ. Звуки знакомаго голоса заставили ее очнуться.

— Оливія, ты ли это? воскликнулъ онъ, взявъ ее за руку. Радость и отчаяніе боролись въ его душѣ. Въ эту минуту онъ опять переживалъ безконечное блаженство своей кратковременной любви и горе долгихъ лѣтъ, проведенныхъ въ разлукѣ.

Она подняла голову и, взглянувъ на него, громко зарыдала.

Онъ поднялся на ноги и заключилъ ее въ свои объятія.

— Дорогая моя! говорилъ онъ, покрывая поцѣлуями ея бѣлокурыя волосы и разгорѣвшееся личико; ты моя навсегда, ничтò не разлучитъ насъ!..

Оливія сдѣлала усиліе, чтобы освободиться изъ его страстныхъ объятій. Чувство безконечнаго счастья выражалось въ ея глазахъ и улыбкѣ. Она протянула руку Мануэллѣ.

— Тебѣ я обязана всѣмъ! сказала она вполголоса.

Гербертъ взялъ ее за руку и подвелъ къ Гевиту.

— Ты былъ другомъ ея отца, Джонъ, благослови насъ его именемъ?

Все случилось такъ неожиданно, что священникъ не могъ прійти въ себя отъ удивленія.

— Я не ожидалъ, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, чтобы мысль о бракѣ могла прійти вамъ въ голову послѣ столькихъ лѣтъ разлуки! Не ты ли Франкъ добровольно отказался отъ ея руки? Оливія, съ своей стороны, также, повидимому одобряла причины, побудившія тебя рѣшиться на такой поступокъ...

— Эти причины больше не существуютъ, робко возразила Оливія, опуская глаза. Не говорите такъ сурово, мой дорогой другъ, и не осуждайте меня за необдуманный шагъ. Я пришла сюда не для того, чтобы услышать слова, сказанныя Франкомъ... У меня была другая цѣль... Но такъ какъ это случилось, то...

— То, что же? дитя мое, ласково спросилъ Гевитъ, чтобы ободрить смущенную дѣвушку. Я имѣю право на твою откровенность. Помни, что я далъ слово умирающему баронету быть твоимъ вѣрнымъ другомъ.

— Я не могу больше разстаться съ Франкомъ! отвѣтила краснѣя Оливія такимъ тихимъ шепотомъ, что только священникъ могъ разслышать ея слова.

— Теперь позволь мнѣ, въ свою очередь, возразить на твое замѣчаніе, что я добровольно отказался отъ ея руки, сказалъ Гербертъ. Меня побудило къ этому только опасеніе навсегда закрыть себѣ путь къ счастью; которое было немыслимо при извѣстныхъ условіяхъ. Но, клянусь честью, ни разу въ продолженіи долгихъ тяжелыхъ лѣтъ разлуки мнѣ не приходило въ голову отказаться отъ любви. Потеря любви и дружбы терзали меня даже въ тѣ блаженныя минуты, когда я воображалъ, что служу отечеству, и только вы оба можете утѣшить меня въ утратѣ моихъ идеаловъ.

— Мое сердце никогда не переставало любить тебя, Франкъ, сказалъ Гевитъ, протягивая ему руку, потому что я зналъ, что ты всегда останешься такимъ же безупречнымъ, чистымъ и великодушнымъ, какимъ я зналъ тебя въ пору нашей ранней юности. Но избранный тобою путь насилія и произвола оттолкнулъ меня; я видѣлъ, что ненависть и жажда мести все болѣе и болѣе ослѣпляютъ тебя. Вспомни нашу послѣднюю встрѣчу! Человѣкъ способенъ на все при томъ душевномъ состояніи, въ какомъ ты находился тогда...

— Насиліе и произволъ были для меня только средствами къ достиженію благой цѣли, для которой я готовъ былъ пожертвовать личнымъ счастьемъ. Честолюбіе было чуждо моему сердцу; но когда я убѣдился, что служу орудіемъ для выполненія преступныхъ намѣреній властолюбца, то меня неотступно стала преслѣдовать мысль столкнуть его съ пьедестала славы, который я воздвигъ для него... Но тебѣ нечего бояться за меня, Джонъ! я чувствую въ себѣ достаточно силъ для борьбы съ собою и надѣюсь, что не запятнаю своего имени преступленіемъ...

Голосъ Герберта оборвался, онъ не могъ продолжать отъ волненія.

— Я пришла сюда Франкъ съ единственною цѣлью, чтобы услышать это отъ тебя, сказала Оливія, положивъ ему руку на плечо. Горе разлуки съ тобой было ничто въ сравненіи съ тѣмъ отчаяніемъ, которое овладѣло моимъ сердцемъ, когда я услыхала о твоемъ окончательномъ разрывѣ съ Кромвелемъ. Въ моей памяти вокресло все, что отнялъ у меня этотъ жестокій человѣкъ; мертвые ожили и протягивали ко мнѣ руки:—Спаси его, говорили они, Кромвель погубитъ послѣдняго дорогаго для тебя человѣка! Мнѣ казалось тогда, что тѣнь моего отца помирилась съ тобой...

Гербертъ нѣжно прижалъ взволнованную дѣвушку къ своему сердцу.

— Когда ты со мной, моя ненаглядная, сказалъ онъ, то чувство ненависти ослабѣваетъ въ моемъ сердцѣ. Пусть исторія су-

дить этого человѣка и очистить его имя отъ тѣхъ преступленій, въ которыхъ обвиняютъ его люди, близко стоящіе къ нему. Онъ со славой началъ свое поприще, и кто могъ ожидать тогда, что самый великій и геніальный поборникъ свободы потомъ обратится въ тирана! Ты можешь быть покойна, Оливія, если онъ призоветъ меня къ себѣ, то я въ точности исполню его приказанія. Если жизнь стала для меня дороже чести, то одно можетъ служить мнѣ утѣшеніемъ, что я дѣлаю это ради тебя...

Грустный тонъ, съ какимъ были сказаны эти слова, поразилъ священника; онъ счелъ нужнымъ напомнить своему другу объ его новыхъ обязанностяхъ.

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы дать вамъ благословеніе на бракъ, сказалъ онъ. Но не забывай Франкъ, что жизнь Оливіи будетъ теперь неразрывно связана съ твоей; поэтому, дай мнѣ слово не дѣлать ни одного шагу, который бы нарушилъ счастіе и спокойствіе ея дальнѣйшей жизни!

— Я даю его, сказалъ Гербертъ, протягивая руку Оливіи. Священникъ благословилъ ихъ по обрядамъ епископальной церкви.

Нѣсколько дней спустя, Гербертъ повелъ свою невѣсту въ церковь св. Георга. Одна Мануэлла сопровождала ихъ. Она встала въ темномъ углу и машинально слѣдила за началомъ торжественнаго обряда. Ей казалось, что она видитъ сонъ: полуосвѣщенную церковь, пустые хоры, знакомыя фигуры дорогихъ для нея людей; въ ушахъ ея глухо раздавались слова священника и отвѣты новобрачныхъ. Наконецъ, Оливія своимъ твердымъ и кроткимъ голосомъ произнесла клятву въ вѣрности. Долго сдерживаемое рыданіе вырвалось изъ груди несчастной дѣвушки; она упала на колѣни, закрывъ лицо обѣими руками. Когда она встала, то кольцы были обмѣнены; священникъ произносилъ послѣднія слова вѣнчальнаго обряда.

Оливія изъ объятій своего мужа, поспѣшила къ Мануэллѣ.

— Тебѣ, послѣ Бога, обязана я своимъ счастьемъ! сказала она, прижимая къ сердцу свою плачущую подругу.

Новобрачные изъ церкви отправились на улицу Duke-Street, чтобы поблагодарить гостепріимную семью, пріютившую дочь баронета, послѣ постигшаго ее несчастія. Затѣмъ, Оливія покинула домъ, гдѣ въ продолженіи долгихъ лѣтъ видѣла столько доброты и безкорыстной дружбы со стороны постороннихъ для нея людей.

ГЛАВА VIII.

Друзья дѣтства.

Мануэлла, проводивъ новобрачныхъ, вернулась въ свою комнату. Она долго и грустно смотрѣла имъ вслѣдъ изъ окна, такъ какъ чувствовала, что съ ними было связано все, что придавало блескъ ея жизни. Она мысленно прощалась со своей молодостью, съ ея обманчивыми мечтами и надеждами. Сердце ея сроднилось съ Оливіей въ теченіи многихъ лѣтъ; теперь ее разлучилъ съ нею человѣкъ, котораго она любила больше всего на свѣтѣ. Мечтательная жизнь кончилась, наступила серьёзная дѣйствительность. Она вспомнила послѣдній вечеръ въ Чильдерлейскомъ замкѣ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на ея дальнѣйшую судьбу. Какъ и тогда она смотрѣла на закатъ солнца и старалась подавить любовь въ своемъ сердцѣ. Теперь она была увѣрена, что ей не трудно будетъ справиться съ своими чувствами, такъ какъ угасъ послѣдній лучъ надежды. Мрачно собирались тучи на небѣ, предвѣстники близкой грозы; въ воздухѣ сдѣлалось свѣжо; солнце еще разъ выглянуло изъ-за тучъ и освѣтило землю багровымъ свѣтомъ.

Мануэлла услышала, что кто-то назвалъ ее по имени, и оглянувшись увидѣла Самуила, который въ нерѣшимости остановился у дверей. Она знала, что другъ дѣтства робѣетъ въ ея присутствіи, потому что понимаетъ ея душевное состояніе, и это еще болѣе увеличивало ея симпатію къ нему.

— Мануэлла, сказалъ онъ, тебѣ нечего скрывать отъ меня своего горя! Я умѣю молчать, когда...

Онъ запнулся, неокончивъ фразы. Мануэлла ласково взглянула на него своими большими грустными глазами.

— У меня нѣтъ тайны отъ тебя Самуилъ! сказала она. Мы слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга.

— Мануэлла, еслибы я могъ надѣяться! воскликнулъ онъ, взявъ ее за руку, но затѣмъ, какъ бы раскаиваясь въ своемъ побужденіи, добавилъ:—Нѣтъ, я не хочу пользоваться этой минутой, когда сердце твое переполнено горемъ. Тебя также легко уговорить теперь, какъ ребенка. Прежде, чѣмъ рѣшиться на что нибудь, ты должна выздоровѣть.

— Я уже рѣшилась.

— Такія внезапныя рѣшенія не могутъ имѣть значенія. Ты вынесла столько страданій, что тебѣ невыносимо видѣть мученія близкихъ тебѣ людей. Но я не могу пользоваться твоимъ великодушіемъ, хотя это было бы для меня величайшимъ счастьемъ, какое я могу представить себѣ въ этомъ мірѣ. Твое горе такъ велико, что ты должна оправиться отъ него?

— Не упрекъ ли это съ твоей стороны Самуилъ. Можетъ быть ты хочешь сказать этимъ, что если женщина когда либо испытала сильное и глубокое чувство, то она не въ состояніи полюбить другого человѣка. Но въ бракѣ дружба, уваженіе и взаимное довѣріе едва-ли не болѣе имѣютъ значенія, нежели вспышка страсти...

— Ты не понимаешь меня Мануэлла; я говорилъ не о себѣ. Что̀ я могу представить собой для такой женщины какъ ты. Все, что̀ бы ты не дала мнѣ будетъ милостыня королевы!

— Въ тебѣ говоритъ гордость Самуилъ. Неужели ты требуешь, чтобы я стала доказывать тебѣ насколько я нуждаюсь въ твоей помощи и ищу успокоенія! Мнѣ необходимо имѣть цѣль въ жизни и опредѣленныя обязанности. Развѣ ты хочешь, чтобы я на колѣняхъ просила тебя не отвергать моей руки?

— Ты знаешь, что я готовъ исполнить каждое твое приказаніе, а тѣмъ болѣе это, возразилъ улыбаясь влюбленный юноша, цѣлуя руку Мануэллы. Теперь я долженъ объяснить тебѣ цѣль моего прихода. Мы получили извѣстіе, что твой отецъ убѣдился, насколько онъ былъ несправедливъ къ тебѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ твоего возвращенія, чтобы прижать тебя къ своему сердцу. Онъ поручилъ передать тебѣ это письмо.

Мануэлла взяла письмо дрожащими руками и торопливо распечатала его. Д'Акоста ласково звалъ къ себѣ дочь; въ немногихъ строкахъ выражалась глубокая тоска одинокаго старика, горе долгихъ лѣтъ разлуки и нетерпѣливое ожиданіе скораго свиданія.

Мануэлла была настолько взволнована письмомъ, что не въ состояніи была выговорить ни одного слова. Самуилъ старался успокоить и развлечь ее.—Я могу сообщить тебѣ и другія, хотя менѣе утѣшительныя новости: переговоры относительно положенія евреевъ въ Англіи далеко не приняли такой быстрый и благопріятный оборотъ, какой можно было ожидать послѣ лестнаго пріема, оказаннаго протекторомъ нашимъ депутатамъ. Коммисія, составленная изъ представителей духовенства, депутатовъ Сити и государственныхъ секретарей, собралась въ большой залѣ Уайтголля. Много было толковъ и споровъ, самъ Кромвель принималъ участіе въ переговорахъ; никогда я не слыхалъ такого подавляющаго краснорѣчія; но онъ не убѣдилъ нашихъ противниковъ. Онъ былъ видимо опечаленъ этимъ и, по окончаніи послѣдняго засѣданія, сказалъ моему отцу: «Мы не должны падать духомъ; все исполнится по волѣ Божіей!» Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе Кромвеля, потому что не считаю наше дѣло потеряннымъ. Пріѣздъ депутатовъ не прошелъ безслѣдно. Міръ услыхалъ объ еврейскомъ вопросѣ, и вопросъ занялъ мѣсто въ числѣ другихъ, которые останутся на разрѣшеніе слѣдующихъ столѣтій. Однажды поднятый вопросъ не можетъ исчезнуть; рано или поздно онъ обратитъ на себя общее вниманіе...

Мануэлла разсѣянно слушала своего друга. Хотя она не менѣе

своихъ единовѣрцевъ интересовалась исходомъ переговоровъ въ Уайтоллѣ; но въ данную минуту сердце такъ громко говорило въ ней, что заставило ее забыть весь міръ.

Самуилъ занятый своими мыслями, не замѣтилъ душевнаго состоянія своей собесѣдницы и продолжалъ съ тѣмъ же воодушевленіемъ: — Само собою разумѣется, что не всѣ могутъ мириться съ такимъ положеніемъ вещей въ виду далекой будущности; многіе изъ депутатовъ уѣхали недовольные изъ Лондона; другіе упали духомъ и повидимому обвиняютъ моего отца въ неудачномъ исходѣ дѣла, хотя прямо не высказываютъ этого. Между тѣмъ вниманіе Кромвеля было отвлечено въ другую сторону; въ послѣднее время ему болѣе чѣмъ когда нибудь приходится вести усиленную борьбу противъ фанатизма и малодушія, его жизнь постоянно подвергается опасности, къ этому нужно еще прибавить войну съ испанцами. Однако, несмотря на всѣ эти, крайне неблагопріятныя условія, мой отецъ нашелъ опору въ себѣ самомъ и немногихъ друзьяхъ, которые остались вѣрны ему. Онъ составилъ докладную записку и съ помощью м-ра Никласа добился аудіенціи у протектора. На этотъ разъ Кромвель принялъ его запросто въ своемъ кабинетѣ; онъ былъ одинъ и разговаривалъ съ моимъ отцомъ какъ частное лицо.

— Вы видите почтенный раввинъ, сказалъ онъ, что общественное мнѣніе противъ васъ и вашихъ единовѣрцевъ. Я былъ бы плохимъ лоцманомъ, еслибы повернулъ корабль противъ вѣтра, не обращая вниманія на непогоду, такъ какъ этимъ надолго погубилъ бы ваше дѣло. Хотя я не вижу ни малѣйшей связи между правосудіемъ и вѣрой, но у парламента свои взгляды. Вы были свидѣтелемъ какой бурный протестъ вызвали мои предложенія въ засѣданіяхъ коммисіи и насколько ими возбуждена была ненависть столичнаго населенія. Тѣмъ не менѣе я не могу допустить вопіющей несправедливости, и какъ протекторъ трехъ королевствъ обѣщаю вамъ свое покровительство. Вы можете спокойно пріѣзжать въ Англію и жить среди насъ. Вамъ дозволено будетъ открыто молиться Богу Израиля и погребать своихъ мертвыхъ на особомъ кладбищѣ. Хотя укрѣпленные города и деревни по прежнему будутъ закрыты для васъ, но никто не мѣшаетъ вамъ селиться въ самомъ Лондонѣ, въ такихъ пунктахъ, какъ Duke sreet и Bevis Marks. Я не оставлю васъ; и надѣюсь что послѣ моей смерти Господь не допуститъ, чтобы на васъ вновь было воздвигнуто гоненіе. Теперь вы должны довольствоваться небольшой синагогой, пока вамъ не разрѣшатъ соорудить обширный храмъ!.. Такъ говорилъ Кромвель...

Самуилъ остановился, удивленный долгимъ молчаніемъ молодой дѣвушки. Она сидѣла на прежнемъ мѣстѣ у окна, печально опустивъ голову; но онъ не могъ разглядѣть ея лица при наступившихъ сумеркахъ.

— Мануэлла что съ тобой? спросилъ онъ съ искреннимъ участіемъ.

Глухія рыданія были отвѣтомъ на его вопросъ. Но черезъ минуту она бросилась къ нему на шею и проговорила взволнованнымъ прерывающимся голосомъ:—Самуилъ я не стою тебя!.. Онъ нѣжно прижалъ ее къ своему сердцу: — Ты сказала, что нуждаешься въ моей помощи, отвѣтилъ онъ, твой вѣрный другъ всегда къ твоимъ услугамъ! Если ты не раскаиваешься въ своей рѣшимости, то повтори слова сказанныя тобой...

Не оставляй меня Самуилъ, я не могу жить безъ тебя! отвѣтила Мануэлла, обвивая его шею обѣими руками.

Гордый амстердамскій банкиръ д'Акоста, при своемъ огромномъ богатствѣ и почетѣ, которымъ онъ пользовался среди амстердамскихъ евреевъ, въ первую минуту почувствовалъ себя оскорбленнымъ, услыхавъ о сватовствѣ молодаго бенъ-Израэля. Старыя раны раскрылись въ его сердцѣ. Онъ не могъ себѣ представить, что его дочь, для которой самые видные представители его народа казались ему недостаточно богатыми и знатными, сдѣлается женой бѣднаго ученаго. Онъ вспомнилъ, что незадолго до постигшей его катастрофы онъ съ гнѣвомъ спросилъ дочь: не намѣревается ли она выйти замужъ за сына школьнаго учителя? Но мало по малу желаніе вновь соединиться съ единственною дочерью взяло верхъ надъ другими чувствами, онъ искренно хотѣлъ сдѣлать ее счастливой послѣ всѣхъ вынесенныхъ ею страданій. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ послалъ дочери большую сумму денегъ и письменно благословилъ ея бракъ, добавляя, что только старость и болѣзни лишаютъ его возможности самому пріѣхать на ея свадьбу.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого письма, домъ Авраама украсился вѣнками и принялъ праздничный видъ по случаю свадьбы Самуила бенъ-Израэля и Мануэллы. Обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ въ новой синагогѣ самимъ раввиномъ. Ревекка и Сара дель-Бланко вели невѣсту покрытую бѣлой вуалью, за ними слѣдовали женихъ съ Авраамомъ и гости, въ числѣ которыхъ былъ и м-ръ Никласъ съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ.

По окончаніи брачной церемоніи, всѣ вернулись въ домъ Авраама, гдѣ былъ поданъ парадно сервированный обѣдъ. Новобрачные сидѣли рядомъ.

— Я, исполнилъ твое желаніе! сказалъ вполголоса Самуилъ, обращаясь къ Мануэллѣ, послѣ долгихъ поисковъ, мнѣ удалось узнать въ какой тюрьмѣ заключенъ Юргенъ Джойсъ.

Она поблагодарила его крѣпкимъ пожатіемъ руки.

— Я всѣмъ обязана этому человѣку, сказала она, и мнѣ было бы тяжело уѣхать изъ Лондона, не простившись съ нимъ. Можетъ

быть еще есть возможность спасти его. Надѣюсь, что ты не откажешься проводить меня къ нему.

— Развѣ ты можешь сомнѣваться въ этомъ? отвѣтилъ бенъ-Израэль съ ласковой улыбкой.

ГЛАВА XI.

Свиданіе Мануэллы съ Юргеномъ.

На слѣдующій день уже начинало смеркаться, когда Мануэлла вышла изъ дому съ своимъ мужемъ.

Тюрьма «Mews» была настолько извѣстной, что не трудно было отыскать ее. Она не имѣла ничего общаго съ Тоуеромъ, гдѣ ужасъ смѣшивался съ извѣстною торжественностью и мрачнымъ величіемъ, ни даже съ Peter-Haus'омъ, однимъ изъ старыхъ дворцовъ Сити, который былъ обращенъ Кромвелемъ въ мѣсто заключенія, такъ какъ ему нужно было много тюремъ, чтобы поддерживать порядокъ и обуздывать строптивые элементы населенія. Но изъ всѣхъ тюремъ «Mews» отличалась тѣмъ, что здѣсь всего меньше церемонились съ заключенными, такъ какъ они большею частью представляли собой отребье человѣческаго рода, и были только слѣпымъ орудіемъ другихъ въ политическихъ преступленіяхъ. Встарину короли содержали соколовъ въ зданіи «Mews»; затѣмъ оно было обращено въ конюшню, и только въ новѣйшее время получило свое настоящее назначеніе. При этомъ почти не было сдѣлано никакихъ измѣненій для новыхъ обитателей, которые ни въ какомъ случаѣ не могли похвалиться своимъ помѣщеніемъ въ смыслѣ удобствъ и опрятности.

На вопросъ Мануэллы объ Юргенѣ Джойсъ, привратникъ отвѣтилъ, что лейтенантъ вѣроятно въ своей комнатѣ, пусть господа пройдутъ главный корридоръ и постучатся у третьей двери. Въ «Mews» не было никакихъ особенныхъ стѣсненій для узниковъ кромѣ тяжелыхъ засововъ закрывавшихъ входъ и рѣшетки кругомъ двора. Они могли свободно посѣщать другъ друга, прогуливаться по двору, принимать посѣтителей, читать, писать, и даже ѣсть и пить что угодно, если имѣли деньги.

Мануэлла представляла себѣ положеніе Джойса несравненно ужаснѣе, но ее поразилъ тяжелый запахъ на дворѣ, который былъ еще невыносимѣе въ зданіи тюрьмы. Пройдя корридоръ они остановились у большихъ дверей, которыя нѣкогда служили воротами конюшни. Въ комнатѣ слышенъ былъ говоръ. Мануэлла тотчасъ же узнала голосъ Юргена, хотя онъ сталъ совсѣмъ хриплымъ, но ее

поразилъ другой знакомый голосъ, который напомнилъ ей самое тяжелое время ея жизни. Ей было такъ непріятно слышать его, что она постучала въ дверь.

Въ комнатѣ послышался шумъ передвигаемыхъ стульевъ.

— Онъ вѣроятно прячетъ водку, подумала Мануэлла, онъ началъ съ этого, и она довела его до гибели!

Вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь и на порогѣ показался Юргенъ. На немъ былъ надѣтъ широкій изодранный халатъ, покрытый толстымъ слоемъ жира и грязи, косматые волосы падали прядями на опухшее лицо съ багровымъ носомъ и стеклянными глазами. Онъ былъ такъ пропитанъ спиртнымъ запахомъ, что Мануэлла въ первую минуту съ отвращеніемъ отвернулась отъ него. Но бутылка съ водкой стояла на столѣ, рядомъ съ пустымъ стаканомъ и открытой библіей.

— Неужели это вы Юргенъ? невольно воскликнула она.

Но Юргенъ былъ такъ пораженъ ея неожиданнымъ появленіемъ, что едва не упалъ навзничъ. Радость и испугъ возвратили ему сознаніе; углы рта стали подергиваться, онъ заплакалъ. Слезы пьяницы производятъ вообще удручающее впечатлѣніе на постороннихъ зрителей но на лицѣ Юргена выразилась при этомъ такая глубокая грусть, что сердце Мануэллы переполнилось состраданіемъ. Въ ея памяти воскресъ тотъ день, когда этотъ самый человѣкъ явился къ ней въ полномъ вооруженіи, и спасъ ее изъ башни Ham-Haus'а. Она мысленно рѣшила во чтобы-то ни стало освободить его изъ тюрьмы и сдѣлать попытку вывести его на лучшій путь.

Она окинула взглядомъ комнату, гдѣ на сырыхъ стѣнахъ дневной свѣтъ началъ уступать мѣсто наступающимъ сумеркамъ. Ее поразилъ запахъ гнилой соломы и грязнаго тряпья, у стола сидѣлъ Пиккерлингъ, дѣлая видъ, что погруженъ въ чтеніе библіи, онъ не поднималъ глазъ и, повидимому, старался остаться незамѣченнымъ.

— Если у васъ Юргенъ осталась хотя искра дружбы ко мнѣ, то вы удалите этого человѣка, сказала Мануэлла, указывая на дверь.

Благочестивый пуританинъ поспѣшилъ исполнить желаніе Мануэллы, которое давало ему возможность выйти изъ неловкаго положенія. Онъ взялъ шляпу и не оборачиваясь, молча вышелъ изъ комнаты.

Юргенъ вздохнулъ свободнѣе, когда Пиккерлингъ скрылся за дверью. — Ахъ, еслибы кто нибудь избавилъ меня отъ этого негодяя, который мучитъ меня текстами и всякой чепухой, воскликнулъ онъ, тяжело опускаясь на стулъ.

— Скажите мнѣ откровенно, что̀ сблизило васъ съ этимъ человѣкомъ? спросила Мануэлла положивъ руку на плечо Юргена.

— Онъ пришелъ сюда подъ предлогомъ утѣшить меня въ одиночествѣ и предложилъ заняться вмѣстѣ съ нимъ чтеніемъ библіи; но въ дѣйствительности у него была другая цѣль: онъ притащилъ сюда негодныя бумаги...

— Какія бумаги? Вы не должны ничего скрывать отъ меня!..

Юргенъ сталъ перелистывать библію; въ ней были заложены листки разнаго формата и пакеты.

Мануэлла взяла клочокъ бумаги исписанный мелкимъ почеркомъ.—Не дотрагивайтесь до нихъ! воскликнулъ съ ужасомъ Юргенъ. За это одно можно попасть въ тюрьму или даже хуже этого...

— Какъ рѣшился онъ при своемъ благочестіи спрятать такія бумаги въ библію! воскликнула Мануэлла.

— Да, онъ принесъ ихъ въ библіи! подтвердилъ Юргенъ. Онъ началъ бранить при мнѣ человѣка, котораго я когда-то любилъ всей душой, а потомъ возненавидѣлъ; и этимъ такъ подзадорилъ меня, что я согласился на все... Во всемъ виновата проклятая водка!

Съ этими словами Юргенъ такъ сильно ударилъ кулакомъ по столу, что бутылка едва не слетѣла на полъ. Затѣмъ, видимо раскаиваясь въ своей выходкѣ, онъ замолчалъ и опустилъ голову.

— За что сердитесь вы на Кромвеля? спросила Мануэлла.

— За то, что онъ обманулъ меня! Развѣ вы не читали моей брошюры? Впрочемъ протекторъ велѣлъ сжечь ее, такъ что она разошлась въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Если не ошибаюсь у меня уцѣлѣлъ одинъ изъ нихъ.

Онъ началъ рыться въ карманахъ и, наконецъ, вынувъ сложенный листъ бумаги подалъ Мануэллѣ, которая съ любопытствомъ развернула его и пробѣжала глазами.

Это былъ печатный пасквиль на Кромвеля, состоящій изъ четырехъ страницъ и переполненный ругательствами. Авторъ въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ обвинялъ протектора, что онъ не выполнилъ даннаго обѣщанія, но въ чемъ оно состояло—нельзя было понять изъ брошюры. Затѣмъ рѣчь шла о какихъ-то долгахъ; и слово «долги» повторялось такъ часто, что Мануэлла пришла къ убѣжденію, что въ этомъ заключалась главная причина недовольства Юргена и печальнаго положенія, въ какомъ онъ находился. Поэтому она безъ всякихъ оговорокъ спросила его:—Какая сумма денегъ можетъ возвратить вамъ свободу?

Юргенъ съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на нее.

— Вамъ нечего стѣсняться со мной, продолжала Мануэлла; вы знаете, что я вѣчно буду въ долгу у васъ!

— Мнѣ ничего не нужно, отвѣтилъ нерѣшительно Юргенъ; я связанъ этими бумагами или вѣрнѣе сказать даннымъ словомъ.

— Кому дали вы слово?

— Врагамъ Кромвеля! Тѣмъ, которые желаютъ его гибели... смерти! добавилъ онъ шопотомъ, бросивъ печальный взглядъ на стоявшую передъ нимъ бутылку.

Но Мануэлла разслышала его слова и обомлѣла отъ ужаса.

— Юргенъ, воскликнула она, схвативъ его за рукавъ. Вы смѣете замышлять противъ его жизни! Вспомните, чѣмъ вы обязаны ему!..

— Дѣйствительно онъ вывелъ меня изъ ничтожества, отвѣтилъ задумчиво Юргенъ, въ короткое время произвелъ въ три чина, одинъ за другимъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ все-таки выгналъ меня изъ службы, не отдалъ слѣдуемыхъ мнѣ денегъ! благодаря ему, я вошелъ въ долги...

Мануэлла, глядя на физіономію Юргена, невольно подумала, что причина долговъ и отрѣшенія отъ службы, вѣроятно, заключалась въ безпорядочной жизни, которую онъ велъ въ послѣднее время. Но не высказала своей мысли и сдѣлала попытку подѣйствовать на доброе сердце бѣдняка.

— Я не хочу слышать объ этомъ! сказала она. Развѣ вы забыли то, о чемъ столько разъ разсказывали мнѣ? Не онъ ли избавилъ васъ отъ висѣлицы?

Слова эти были громовымъ ударомъ для Юргена; въ первую минуту онъ не могъ выговорить ни одного слова.

— Да, правда, прошепталъ онъ, помню, на высотахъ Незби... ночью... насъ заставили бросить кости... я проигралъ, если бы не онъ, все было бы тогда кончено для меня... Горе мнѣ, что̀ будетъ со мной! добавилъ онъ съ глухимъ стономъ.

— Вы хотите сдѣлаться убійцей того человѣка, которому вы обязаны жизнью! продолжала настойчиво Мануэлла.

— Еслибы возможно было вернуться къ старому! возразилъ съ уныніемъ Юргенъ. Нѣтъ... теперь слишкомъ поздно...

— Не поздно, потому что дѣло еще не совершилось. Кто мѣшаетъ вамъ, какъ тогда, броситься съ раскаяніемъ къ его ногамъ...

Хорошо, возразилъ Юргенъ послѣ минутнаго раздумья. Пусть будетъ, что̀ будетъ! Я никогда не боялся людей; если приговорятъ меня къ смерти, то мнѣ легче умереть, чѣмъ выносить тѣ мученія, какія я испытываю теперь. Двѣсти фунтовъ стерлинговъ могутъ освободить меня изъ этой тюрьмы. Отсюда я отправлюсь прямо къ Кромвелю.

— Вы получите эти деньги сегодня вечеромъ, потому что каждая минута дорога.

— Вы правы Мануэлла, сказалъ Джойсъ. Неужели я вырвусь изъ этой тюрьмы и опять увижу свѣтъ Божій! Мнѣ не прійдется опускать глаза при встрѣчѣ съ честнымъ человѣкомъ, и я не буду называть себя убійцей и измѣнникомъ!..

Съ этими словами онъ упалъ на колѣни передъ Мануэллой и въ порывѣ благодарности поцѣловалъ ея платье.

Мнѣ пора идти, сказала она, начинаетъ смеркаться. До свиданія Юргенъ. Я скоро уѣду отсюда, но помните, что вы всегда можете разсчитывать на мою дружбу и помощь.

— Знаю, отвѣтилъ Юргенъ Джойсъ взволнованнымъ голосомъ. Онъ вернулся въ свою комнату и, облокотившись на библію, залился горькими слезами.

Мануэлла и Самуилъ ушли. Два часа спустя Юргена выпустили изъ тюрьмы; а до полуночи всѣ подробности заговора были извѣстны Кромвелю.

ГЛАВА X.

Готовится ударъ.

Кромвель не ложился въ эту ночь и остался въ своемъ кабинетѣ, мрачно освѣщенномъ одной лампой. Начинало свѣтать; но онъ не чувствовалъ ни малѣйшей усталости. Была глубокая ночь, когда онъ отпустилъ государственнаго секретаря Турлоэ и остался одинъ. Долго послѣ того онъ сидѣлъ въ креслѣ и пристально смотрѣлъ на красноватый огонь камина, который казался ему окруженнымъ голубоватыми кругами. Ночная тишина прерывалась только шагами часоваго, который мѣрно ходилъ взадъ и впередъ передъ дверями его кабинета. Затѣмъ онъ всталъ и пересѣлъ къ письменному столу, гдѣ лежала куча сложенныхъ бумагъ; онъ съ нетерпѣніемъ оттолкнулъ ихъ отъ себя. Это была тайная корреспонденція съ шпіонами при дворѣ Карла II, которые, получая жалованье съ двухъ сторонъ, ежедневно измѣняли своей партіи. Тутъ нѣтъ ничего новаго! пробормоталъ Кромвель, принимаясь за бумаги, приготовленныя государственнымъ секретаремъ. Всѣ эти сбивчивыя извѣстія были бы безполезны для насъ, еслибы въ нашихъ рукахъ не было документовъ доставленныхъ Юргеномъ...

Кромвелю было давно извѣстно, что враги готовятся нанести ему рѣшительный ударъ, но нити заговора оставались до сихъ поръ неуловимы для него. Его извѣстили о пріѣздѣ Маркиза Ормонда, прежде чѣмъ этотъ успѣлъ высадиться на берегъ Англіи. Въ Лондонѣ за маркизомъ слѣдили шагъ за шагомъ, такъ что Кромвель узналъ до малѣйшихъ подробностей о секретныхъ свиданіяхъ роялистовъ въ тавернахъ и въ домѣ бывшаго королевскаго лейбъ-медика, ихъ пирушкахъ и тостахъ за гибель протектора. Равнымъ образомъ до него дошли слухи, что подготовляется дви-

женіе въ южныхъ и юго-западныхъ графствахъ, что Карлъ II намѣренъ пріѣхать въ Англію и испанцы съ этой цѣлью хотятъ сосредоточить свою армію на фландрскомъ берегу. Но все это не особенно безпокоило Кромвеля; онъ разсчитывалъ на помощь Мазарини, чтобы справиться съ испанцами. Внутреннее возстаніе также не страшило его; крѣпости и пушки были въ порядкѣ; вновь назначенные генералъ-маіоры зорко слѣдили за настроеніемъ населенія въ различныхъ округахъ Англіи. Поэтому онъ нашелъ возможнымъ выказать великодушіе относительно Ормонда, котораго всегда уважалъ за честность и безусловную храбрость. Онъ приказалъ предупредить маркиза, который незамѣтно исчезъ изъ города.

Вѣсть о прибытіи Бокингема въ Лондонъ серьёзно встревожила его, тѣмъ болѣе, что онъ не зналъ куда направлена дѣятельность герцога, котораго считалъ способнымъ на все при его безумной смѣлости и склонности къ интригамъ. Но Бокингемъ ускользнулъ изъ его рукъ, такъ какъ Ферфаксъ взялъ его подъ свое покровительство. Бывшій главнокомандующій въ отвѣтъ на просьбу Кромвеля написалъ слѣдующее письмо:

«Его высочеству протектору

Англіи, Шотландіи, Ирландіи и пр.

«Къ сожалѣнію я не могу содѣйствовать исполненію Вашего приказа относительно ареста молодаго герцога, потому что со вчерашняго дня онъ сдѣлался мужемъ моей дочери. Сегодня вечеромъ мы оставили Лондонъ и ѣдемъ вмѣстѣ съ нимъ въ мое помѣстье Nun Appleton въ Іоркскомъ графствѣ

Имѣю честь быть Вашего высочества и пр.

Томасъ, лордъ Ферфаксъ».

Кромвель еще разъ прочиталъ это письмо, лежавшее на бумагахъ. Грустная улыбка пробѣжала по его лицу.—Ты знаешь, сказалъ онъ вполголоса, что мнѣ всего тяжелѣе принять какія либо мѣры строгости противъ стараго товарища по оружію и пользуешься моей слабостью! Но я не остановлюсь передъ этимъ, если того потребуетъ безопасность государства. Во всякомъ случаѣ, Ферфаксъ во-время увезъ своего зятя! Судя по бумагамъ, полученнымъ сегодня, Бокингемъ былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ заговора. Благо ему, что онъ сошелъ со сцены! Можно будетъ ограничиться относительно его временнымъ заключеніемъ въ Виндзорѣ или Тоуерѣ, чтобы удержать его отъ дальнѣйшихъ попытокъ. Но ничто не спасетъ васъ бѣдные обманутые люди, хотя вы не болѣе, какъ слѣпое орудіе въ рукахъ другихъ! Вы не подозрѣваете, что среди васъ измѣнникъ, которому вы повѣряете всѣ свои тайны.

Съ этими словами Кромвель взялъ со стола связку писемъ одного изъ тайныхъ корреспондентовъ, Симонда, который писалъ государственному секретарю подъ вымышленнымъ именемъ «Коркеръ» и считался между своими, надежнымъ роялистомъ. Онъ сообщалъ самыя подробныя извѣстія о намѣреніяхъ и планахъ своихъ друзей, съ точнымъ обозначеніемъ времени и мѣста, прилагая при этомъ подробные списки подозрительныхъ личностей.

— Негодяй! невольно вырвалось у Кромвеля, когда онъ убѣдился, что въ каждомъ письмѣ заключалось или требованіе денегъ или извѣщеніе о полученіи ихъ.

— Неужели всѣ эти униженія неизбѣжны для государственнаго человѣка, который мечтаетъ о счастіи и величіи своихъ соотечественниковъ? спрашивалъ себя Кромвель, расхаживая взадъ и впередъ по мрачной комнатѣ, стѣны которой покрытыя дорогими обоями, тускло освѣщались свѣтомъ одинокой лампы. Богу извѣстно, что все мое честолюбіе заключается въ томъ, чтобы заставить всѣхъ монарховъ Европы трепетать передъ Англіей и наполнить всю вселенную блескомъ ея имени... Если бы я былъ моложе лѣтъ на десять! Но ничто не возратитъ мнѣ молодости и прежнихъ силъ!

Онъ остановился въ печальномъ раздумьи среди комнаты.

— Волосы мои посѣдѣли, я не тотъ, какимъ былъ прежде. Иногда на меня нападаетъ тяжелое предчувствіе, что мнѣ не удастся окончить начатое дѣло, которое еще не достаточно окрѣпло, чтобы устоять противъ времени и непостоянства людей. Во всякомъ случаѣ, одно останется неизмѣннымъ и ненарушимымъ, что цѣлый народъ единодушно потребовалъ правосудія и добился его. Ничто не изгладитъ этого факта изъ памяти людей!

Онъ открылъ окно, выходившее на площадь передъ Уайтголлемъ. Наступало утро. Въ комнату пахнулъ свѣжій воздухъ. — Здѣсь стоялъ онъ на эшафотѣ, сказалъ Кромвель спокойнымъ голосомъ. Мы скоро увидимся съ тобою Карлъ, но я не боюсь твоей тѣни, и отвѣчу за свой поступокъ передъ Всевышнимъ! Пусть твоя смерть будетъ назидательнымъ примѣромъ для тѣхъ, которые подобно тебѣ осмѣлятся нарушить права англійскаго народа!..

Съ этими словами Кромвель закрылъ окно, глаза его остановились на сверткѣ пергамента, лежавшемъ на столѣ въ углу комнаты. Англійскій парламентъ предлагаетъ мнѣ корону! проговорилъ онъ. Неужели и мой отказъ не убѣдитъ тѣхъ, которые такъ упорно толкуютъ о моемъ честолюбіи!..

Онъ сѣлъ къ письменному столу и занялся чтеніемъ бумагъ, доставленныхъ Юргеномъ. Прежде всего ему попалось письмо Джона Лильбурна, въ которомъ тотъ извѣщалъ своего бывшаго товарища по оружію, Юргена Джойса, что многіе изъ видныхъ участниковъ междоусобной войны соединились съ приверженцами Стюарта, чтобы свергнуть иго тирана. Письмо это долженъ былъ доставить гер-

цогъ Бокингемъ, который ѣхалъ въ Лондонъ, чтобы заодно съ маркизомъ связать нити заговора. Джойсу обѣщана была большая награда, если онъ приметъ непосредственное участіе въ заговорѣ. Къ письму Лильбурна приложенъ былъ патентъ предоставлявшій Юргену чинъ полковника, за подписью Карла Стюарта R. Патентъ становился дѣйствительнымъ съ того момента, когда начнется возстаніе въ Англіи.

Затѣмъ слѣдовалъ памфлетъ на англійскомъ языкѣ, напечатанный за границей и направленный противъ протектора, гдѣ неизвѣстный авторъ доказывалъ, что умерщвленіе похитителя престола составляетъ актъ правосудія и любви къ отечеству. Въ третьей бумагѣ, заключавшей печатную прокламацію Карла II, обращенную къ англійскому народу, проведена была та же мысль. Въ ней протекторъ названъ былъ человѣкомъ низкаго званія, который незаконно присвоилъ себѣ власть въ королевствѣ и «послѣ варварскаго убіенія короля обратилъ въ рабство свободныхъ подданныхъ».

— Довольно! сказалъ Кромвель, глубоко взволнованный, взявъ одну изъ слѣдующихъ бумагъ. Это было письмо того же Лильбурна, написанное въ болѣе позднее время, онъ совѣтовалъ Джойсу обратиться за дальнѣйшими свѣдѣніями относительно заговора къ Станлею, который долженъ былъ снабдить его деньгами, необходимыми для его освобожденія.

— Станлей, сынъ моего друга, честнѣйшаго человѣка въ Англіи, который до конца своей жизни остался вѣренъ дѣлу свободы! воскликнулъ Кромвель. Какъ скоро сыновья забываютъ память своихъ отцовъ! Во всякомъ случаѣ я долженъ немедленно видѣть его...

Съ этими словами онъ всталъ съ своего мѣста и затушилъ лампу, такъ какъ уже совсѣмъ разсвѣло и на стѣнахъ видѣнъ былъ отблескъ утренней зари. Затѣмъ онъ подалъ условленный знакъ. Слышно было какъ за стѣной караульный отдавалъ честь, почти одновременно съ этимъ отворилась дверь, и на порогѣ появился адъютантъ лейбъ-гвардіи. Кромвель приказалъ привести Юргена Джойсъ.

Бывшій лейтенантъ явился въ тѣхъ-же лохмотьяхъ, въ которыхъ его выпустили изъ тюрьмы.

— Когда ты назначилъ свиданіе Станлею? спросилъ Кромвель.

— Онъ ждетъ меня сегодня утромъ въ тавернѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда! отвѣтилъ почтительно Юргенъ.

— Я даю тебѣ полчаса, сказалъ Кромвель, взглянувъ на часы, висѣвшіе надъ каминомъ, ты арестуешь Станлея и приведешь его сюда. Ты можешь взять съ собой отрядъ лейбъ-гвардіи, онъ стоитъ внизу. Передай эту записку капитану...

Кромвель написалъ нѣсколько слонъ на клочкѣ бумаги и отдалъ Юргену, который немедленно удалился.

Хотя Юргенъ Джойсъ болѣе чѣмъ кто нибудь могъ выполнить съ успѣхомъ подобное порученіе и Кромвель не сомнѣвался въ его распорядительности, но короткій назначенный имъ самимъ срокъ показался ему цѣлою вѣчностью. Наконецъ вошелъ Джойсъ съ плѣнникомъ и, оставивъ послѣдняго наединѣ съ Кромвелемъ, вышелъ изъ комнаты.

Молодой Станлей, плохо одаренный отъ природы, не отличался умомъ и нравственными качествами. Измѣнивъ дѣлу, которому служилъ его покойный отецъ, онъ постоянно мучился угрызеніями совѣсти и не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы спокойно идти по избранному пути. Онъ залился слезами, когда Кромвель заговорилъ съ нимъ объ его отцѣ и потребовалъ именемъ умершаго откровенной исповѣди относительно всего, что̀ ему было извѣстно о заговорѣ.

Станлей отвѣтилъ отказомъ, такъ какъ, несмотря на страхъ, который онъ чувствовалъ къ Кромвелю, не рѣшался измѣнить людямъ, оказавшимъ ему такое безусловное довѣріе.

— Какъ! воскликнулъ Кромвель, вы не хотите сообщить общій планъ заговора и назвать имена преступниковъ, которые были бы первыми врагами вашего отца, еслибы онъ остался живъ! Неужели его память менѣе дорога для васъ, нежели дѣло этихъ людей, которые обманываютъ васъ и думаютъ только объ удовлетвореніи своей личной мести! Горе мертвымъ, если живые люди отрекаются отъ нихъ!..

Несчастный человѣкъ не могъ долѣе выносить суроваго взгляда строгихъ глазъ устремленныхъ на него, каждое слово Кромвеля было для него ударомъ ножа по сердцу. Онъ не ожидалъ такой пытки и подавленный горемъ просилъ только объ одномъ, чтобы пощадили его жену и тещу, и заручившись обѣщаніемъ Кромвеля, объявилъ, что готовъ сознаться во всемъ.

До этой минуты Кромвель оставался наединѣ съ Станлеемъ, но теперь по его приказанію призванъ былъ государственный секретарь Турлоэ, чтобы составить протоколъ и записать показанія.

Кромвель заложивъ руки за спину ходилъ по комнатѣ. Станлей сдержалъ слово: онъ открылъ мельчайшія нити заговора, сообщилъ о принятыхъ мѣрахъ и началъ называть одно за другимъ имена заговорщиковъ.

Кромвель останавливался по временамъ, изъ груди его нѣсколько разъ вырывалось невольное восклицаніе: Неужели это правда? Онъ также принадлежитъ къ числу ихъ!..

— Да, съ увѣренностью отвѣчалъ Станлей, который повидимому лишился послѣдней капли воли. Списку не предвидѣлось конца. Кромвель съ глубокимъ огорченіемъ услыхалъ изъ устъ малодушнаго человѣка имена своихъ прежнихъ товарищей въ тяжелой борьбѣ, съ которыми онъ считалъ себя связаннымъ неразрывными узами. «Остановитесь!» хотѣлъ онъ крикнуть нѣсколько разъ, но сознаніе

необходимости и невольное любопытство удерживали его. Всѣ друзья измѣнили ему, даже тѣ, къ которымъ онъ чувствовалъ искреннюю привязанность.

Станлей замолчалъ, такъ какъ силы начали измѣнять ему.

— Дальше, продолжайте! сказалъ Кромвель взволнованнымъ голосомъ.

Станлей повиновался, списокъ именъ, составляемый государственнымъ секретаремъ становился все длиннѣе.

Внезапно блѣдное лицо Кромвеля покрылось багровымъ румянцемъ.

— Ваша память измѣняетъ вамъ, молодой человѣкъ, крикнулъ онъ, дѣлая напрасныя усилія, чтобы скрыть овладѣвшую имъ ярость. Неужели и этотъ человѣкъ рѣшился поднять на меня руку. Хотя онъ принадлежалъ къ враждебной партіи, но зналъ меня лучше всѣхъ и понималъ, что дѣлалось въ моей душѣ. Я былъ всегда милостивъ къ нему, дозволилъ ему свободно исповѣдывать свою вѣру и отправлять богослуженіе... Онъ любилъ... Кромвель запнулся и продолжалъ послѣ минутнаго молчанія. Это невозможно, назовите еще разъ это имя!..

— Джонъ Гевитъ, священникъ приходской церкви св. Георга! повторилъ Станлей, затѣмъ, назвавъ еще нѣсколько именъ, остановился.

Списокъ былъ готовъ. Станлей не могъ ничего добавить къ своимъ показаніямъ.

Въ комнатѣ воцарилась мертвая тишина. Кромвель увидѣлъ съ ужасомъ, что заговоръ, очагъ котораго былъ въ Сити, по своимъ огромнымъ размѣрамъ, превосходилъ всѣ его ожиданія. Вся Англія была охвачена имъ, въ немъ принимали участіе всѣ партіи: роялисты, республиканцы, уравнители (соціалисты того времени) и люди всѣхъ религіозныхъ оттѣнковъ. Одну минуту Кромвель пришелъ въ ужасъ отъ грандіознаго предпріятія своихъ враговъ, затѣмъ сказалъ.

— Да будетъ воля Господня!

Непоколебимая вѣра въ Провидѣніе, поддерживавшая его въ тяжелыя минуты заботъ и страданій, возвратила ему и теперь спокойную увѣренность въ свои силы, которая дѣлала его непобѣдимымъ.

— Въ нашихъ рукахъ всѣ нити заговора! сказалъ онъ, обращаясь къ Турлоэ. Наша задача заключается въ томъ, чтобы дать ему созрѣть, а затѣмъ поразить всѣхъ однимъ ударомъ и лишить ихъ возможности вредить намъ. Ни одинъ виновный не уйдетъ отъ насъ; къ нему будетъ примѣнена вся строгость закона.

— Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе вашего высочества, отвѣтилъ государственный секретарь. Когда заговоръ будетъ подавленъ съ вашей помощью, для Англіи наступитъ миръ.

— Миръ кладбища! пробормоталъ Кромвель, затѣмъ обращаясь къ Станлею, сказалъ:

— Вы можете идти; но, чтобы отклонить отъ васъ подозрѣнія и избавить отъ соблазна, я совѣтую вамъ немедленно отправиться въ ваше помѣстье, въ графствѣ Суссексѣ. Только подъ этимъ условіемъ вы можете сохранить свободу и имущество; вамъ дозволено будетъ вернуться въ Лондонъ, когда все будетъ кончено...

Станлей вышелъ; но въ сѣняхъ съ нимъ сдѣлалось дурно, такъ что прошло около часу, прежде чѣмъ онъ могъ собраться съ силами, чтобы выполнить приказаніе Кромвеля.

Затѣмъ призванъ былъ Юргенъ Джойсъ.

— Сегодня, вечеромъ, сказалъ Кромвель, обращаясь къ бывшему лейтенанту, ты отправишься въ таверну подъ вывѣской «Морская Дѣва». Тамъ, въ восемь часовъ, назначено собраніе заговорщиковъ; слѣди внимательно за ихъ разговорами, ты понимаешь меня!..

Юргенъ отвѣтилъ молчаливымъ поклономъ и поспѣшно удалился.

Кромвель остался наединѣ съ государственнымъ секретаремъ, который, исполнивъ свою обязанность, всталъ съ мѣста въ ожиданіи послѣднихъ приказаній.

— Савойцы опять жалуются на притѣсненія, сказалъ Кромвель. Необходимо напомнить нашему союзнику, французскому королю, объ его обѣщаніи. Сдѣлайте одолженіе пришлите ко мнѣ немедленно сэра Мильтона, и кстати распорядитесь, чтобы отставной полковникъ Франкъ Гербертъ явился сюда; онъ теперь въ Лондонѣ...

ГЛАВА XI.

Ударъ разразился.

Наступилъ день отъѣзда Мануэллы изъ Лондона. Хотя она много лѣтъ ждала этого дня, но, тѣмъ не менѣе, глубокая тоска наполняла ее сердце. Она подошла къ окну, у котораго столько разъ сидѣла съ Оливіей и бросила прощальный взглядъ на обширную равнину, знакомые холмы, сады, деревни и крыши домовъ. Съ тяжелымъ чувствомъ разставалась она съ почтенными стариками, которые впродолженіи долгихъ лѣтъ заботились о ней, какъ о родной дочери. Она молча сѣла съ ними въ карету, которая должна была ее отвести въ гавань; дома все болѣе и болѣе выступали изъ утренняго тумана, который уже начиналъ исчезать.

На берегу Мануэлла встрѣтила Франка съ Оливіей. Обѣ подруги бросились въ объятія другъ друга; Оливія, долго не допускавшая мысли о разлукѣ, тѣмъ сильнѣе чувствовала потерю искренно преданнаго ей существа.

Наконецъ; Самуилъ, пріѣхавшій раньше со своимъ отцемъ, подошелъ, чтобы разлучить плачущихъ женщинъ.

— Все готово! пора садиться на корабль, сказалъ онъ.

Въ этотъ моментъ, какъ бы въ подтвержденіе его словъ, послышался рѣзкій шумъ поднимаемаго якоря.

— Прощайте, сказалъ Франкъ Гербертъ взволнованнымъ голосомъ, взявъ руку Мануэллы. Ни время, ни разстояніе не могутъ порвать ту связь, какая существуетъ между нами! То, что̀ вы сдѣлали для насъ, никогда не изгладится изъ нашей памяти; это былъ подвигъ величайшей дружбы!

— Вѣрнѣе сказать сильной любви, доходящей до самоотреченія! сказалъ вполголоса Самуилъ.

Но Гербертъ разслышалъ эти слова; все стало сразу ясно для него. Онъ невольно взглянулъ на Оливію, но та стояла въ сторонѣ, погруженная въ свои мысли. Теперь только онъ вполнѣ понялъ и оцѣнилъ прекрасное существо, которое всегда казалось ему такимъ загадочнымъ.

— Мануэлла! воскликнулъ онъ, съ чувствомъ восторженнаго поклоненія.

Ему казалось почти невѣроятнымъ, чтобы можно было сохранить подобную тайну въ теченіи столькихъ лѣтъ и дойти до такого высокаго самоотверженія.

Неизвѣстно, слышала ли Мануэлла этотъ возгласъ, потому что она не оглянулась. Въ это время Самуилъ подвелъ ее къ лодкѣ, которая должна была доставить ихъ на корабль. Вслѣдъ затѣмъ они вошли на палубу, гдѣ ихъ встрѣтилъ раввинъ бенъ-Израэль. На берегу, кромѣ Франка и Оливіи, стоялъ Авраамъ съ своей семьей и м-ръ Никласъ. Долго еще продолжался обмѣнъ поклоновъ, пока отчаливалъ корабль, и послѣ того началъ медленно пробираться между многочисленными судами, стоящими на якорѣ. Наконецъ, знакомыя фигуры на берегу стали принимать все болѣе и болѣе неопредѣленныя очертанія; Мануэлла еще нѣкоторое время могла различить бѣлый платокъ Оливіи, который она держала въ поднятой рукѣ, но и онъ скоро исчезъ при поворотѣ рѣки.

— Прощайте, дорогіе друзья, невольно воскликнула Мануэлла, заливаясь слезами.

Между тѣмъ, въ отсутствіе Франка Герберта былъ полученъ приказъ, чтобы онъ немедленно явился къ Кромвелю. Оливія, по возвращеніи домой, была настолько поражена этимъ извѣстіемъ, что въ первую минуту не могла выговорить ни слова отъ испуга.

— Я давно ждалъ этого дня, сказалъ Франкъ, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы казаться спокойнымъ. По крайней мѣрѣ, онъ избавитъ меня отъ послѣднихъ оковъ!

— Или свяжетъ навсегда! Какъ бы я желала, Франкъ, чтобы скорѣе прошелъ этотъ день! воскликнула она, бросаясь къ нему на шею.

— Я не понимаю, почему это такъ безпокоитъ тебя, моя дорогая? спросилъ онъ безпечнымъ тономъ, который еще больше встревожилъ Оливію. Нужно радоваться такому почету! Дай мнѣ парадный мундиръ, красный съ золотомъ и шпагу, которая была на мнѣ въ битвѣ при Ворчестерѣ...

— Ради Бога, не дѣлай этого Франкъ; одѣнь простое платье! Ты еще больше разсердишь его; помни, съ кѣмъ ты имѣешь дѣло!

Но Франкъ Гербертъ былъ въ такомъ волненіи, что не слышалъ словъ Оливіи! Хотя онъ увѣрялъ, что давно ждалъ этого дня, но приказъ явиться къ Кромвелю засталъ его врасплохъ. Онъ торопливо поцѣловалъ жену и вышелъ изъ комнаты.

Оливія, не помня себя отъ безпокойства, незамѣтно послѣдовала за нимъ.

Кромвель не долго оставался одинъ въ своемъ кабинетѣ; вошелъ слѣпой въ темной одеждѣ пуританскаго покроя. Ему было около пятидесяти лѣтъ; темно-каштановые волосы, раздѣленные прямымъ проборомъ, окаймляли овальное лицо съ правильными изящными чертами. Онъ опирался на руку молодаго человѣка, который осторожно велъ его.

Это былъ знаменитый англійскій поэтъ, Джонъ Мильтонъ. Съ того мартовскаго вечера, когда его вывели изъ уединенія тихаго кабинета и оторвали отъ книгъ и созерцательной жизни, онъ посвятилъ всѣ свои силы и время государству. Въ брошюрахъ, исполненныхъ ѣдкаго остроумія и глубокой учености, онъ горячо защищалъ дѣло республики и громилъ ея недруговъ. Когда послѣдніе исчезли или сдѣлались безгласными, онъ принялъ на себя завѣдываніе перепиской кромвелевскаго кабинета съ иностранными державами и ихъ посланниками. Языкъ тогдашнихъ дипломатовъ былъ латинскій, и Мильтонъ, какъ одинъ изъ самыхъ свѣдущихъ латинистовъ того времени, лучше чѣмъ кто-либо могъ вести переписку. Но усиленная служба молодому государству дорого стоила Мильтону, такъ какъ зрѣніе его, поврежденное долгимъ сидѣніемъ по ночамъ при свѣтѣ небольшой лампы, слабѣло съ каждымъ годомъ и, наконецъ, окончательно оставило, послѣ его знаменитаго сочиненія «Защита англійскаго народа», когда онъ еще разъ взялся за перо, чтобы сказать послѣднее слово о правахъ свободной націи.

Кромвель только въ тѣхъ случаяхъ призывалъ къ себѣ поэта, когда хотѣлъ спросить его совѣта или когда ему необходимо было

послать важную депешу коронованному лицу. Отъ всей остальной переписки Мильтонъ былъ давно избавленъ, а для немногихъ, случайно возлагаемыхъ на него работъ, ему былъ назначенъ помощникъ, по имени Марвель, который ввелъ его въ кабинетъ Кромвеля. Марвель, бывшій воспитатель Мери Ферфаксъ и впослѣдствіи занявшій довольно видное мѣсто среди англійскихъ поэтовъ, вполнѣ раздѣлялъ политическія убѣжденія творца «Потеряннаго Рая», съ которымъ его связывала самая тѣсная и искренняя дружба.

Въ это время Мильтонъ, посѣщаемый немногими друзьями, велъ уединенную жизнь въ небольшомъ уютномъ домѣ, гдѣ изъ оконъ вѣяло свѣжестью воды и ароматомъ зелени и цвѣтовъ Сентъ-Джемскаго парка. Здѣсь Мильтонъ, рѣдко отвлекаемый дѣлами, снова предался давно покинувшей его элегической поэзіи. Хотя онъ не могъ видѣть лазури неба, богатства красокъ и земли, но тѣмъ роскошнѣе открывался передъ нимъ его внутренній міръ; слухъ его, воспріимчивый къ музыкѣ, слышалъ среди ночной тишины мелодіи неземныхъ звуковъ.

Слѣпота его была мало замѣтна, когда онъ сидѣлъ, такъ какъ глаза сохранили прежній темно-сѣрый цвѣтъ. На лицѣ его вмѣстѣ съ выраженіемъ тихой грусти, видна была непоколебимая покорность судьбѣ вѣрующаго человѣка.

Когда доложили объ его приходѣ Кромвелю, онъ всталъ съ мѣста и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу слѣпому, взялъ его за обѣ руки, со словами:

— Благодарю васъ, сэръ Мильтонъ, что вы пришли!

Онъ подвелъ его къ стулу, стоявшему среди комнаты, и, усадивъ въ покойное кресло, сѣлъ напротивъ него. Марвель, по приглашенію Кромвеля, также занялъ мѣсто у стола.

— Я чувствую себя виновнымъ передъ вами, сэръ Мильтонъ, продолжалъ Кромвель, что оторвалъ васъ отъ вашихъ ученыхъ занятій, но время успокоенія наступитъ для всѣхъ насъ! добавилъ онъ съ печальной улыбкой.

— Господь да сохранитъ дни вашего высочества для безопасности этого государства и блага всѣхъ свободныхъ народовъ, отвѣтилъ Мильтонъ. Съ своей стороны, я считаю для себя особеннымъ счастьемъ, если могу, хотя до нѣкоторой степени, содѣйствовать своими слабыми силами осуществленію высокихъ и благородныхъ стремленій вашего высочества.

— Видите ли въ чемъ дѣло, сэръ Мильтонъ, сказалъ Кромвель, мы получили достовѣрныя извѣстія, что, несмотря на всѣ торжественныя увѣренія и обѣщанія, опять начались преслѣдованія протестантовъ въ Савойи; послѣ страшной, произведенной тамъ рѣзни, черепа несчастныхъ жертвъ до сихъ поръ бѣлѣютъ на холмахъ. Необходимо положить этому конецъ! Его величество, французскій король, поручился за исполненіе договора, обезпечивающаго свободу

вѣроисповѣданія для савойцевъ. Но король, повидимому, совершенно забылъ о принятомъ имъ на себя обязательствѣ. Въ настоящую минуту онъ въ походѣ противъ испанцевъ и находится во Фландріи. Я послалъ туда корпусъ въ шесть тысячъ человѣкъ на помощь нашимъ союзникамъ. Они намѣрены осадить Дюнкирхенъ и требуютъ еще два полка; я не прочь исполнить ихъ желаніе, но не прежде, чѣмъ будетъ оказано правосудіе угнетеннымъ протестантамъ. Въ противномъ случаѣ, вмѣсто Дюнкирхена, я поведу свои войска противъ Рима. Я желалъ бы, чтобы все это было выражено въ письмѣ къ французскому королю!

— Если угодно, я могу продиктовать письмо Марвелю въ присутствіи вашего высочества, сказалъ Мильтонъ; вы прикажете измѣнить тѣ выраженія, которыя покажутся вамъ неумѣстными.

— Хорошо! сказалъ Кромвель облокотившись на столъ. Марвель взялъ перо и написалъ со словъ Мильтона:

«Serenissime potentissimeque Rex, amice ac foederate augustissime...»

Послышался легкій стукъ въ дверь; вслѣдъ затѣмъ, въ комнату вошелъ одинъ изъ Кромвелевскихъ адъютантовъ:

— Полковникъ Франкъ Гербертъ! почтительно доложилъ онъ, останавливаясь у дверей.

По лицу Кромвеля пробѣжала тѣнь неудовольствія.

— Позовите его сюда! отвѣтилъ онъ, затѣмъ, обращаясь къ Мильтону, сказалъ:—Прошу извиненія за небольшой перерывъ; не угодно ли вамъ будетъ пройти въ сосѣднюю комнату!

Мильтонъ удалился, опираясь на руку Марвеля; вошелъ Франкъ Гербертъ.

Онъ былъ въ своемъ блестящемъ шитомъ мундирѣ, съ шарфомъ черезъ плечо и со шпагой.

Въ душѣ Кромвеля шевельнулось чувство, похожее на состраданіе, когда онъ увидѣлъ своего бывшаго товарища по оружію, котораго онъ нѣкогда любилъ не менѣе своихъ сыновей.

— Ты давно въ Лондонѣ, Франкъ, сказалъ онъ, почему ты не пришелъ раньше, не дожидаясь моего зова.

— Quid Romal faciam?.. воскликнулъ Гербертъ, mentiri nescio. Я зналъ прежняго Кромвеля, но мнѣ нечего дѣлать во дворцѣ протектора!

Кромвель нахмурилъ свои густыя брови; его непріятно поразилъ вызывающій тонъ Герберта и выраженіе его лица.—Ты самъ не знаешь, что ты говоришь Франкъ, сказалъ онъ, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы подавить вспышку гнѣва. Но я долженъ предупредить тебя, что мнѣ все извѣстно, ты опять сошелся съ моими врагами, хотя далъ клятву не имѣть съ ними никакихъ сношеній, пока я не призову тебя!..

— Нарушеніе клятвы—теперь самое обыкновенное явленіе, от-

вѣтилъ презрительно Гербертъ, даже люди, стоящіе во главѣ правленія и облеченные высшею властью, не считаютъ нужнымъ соблюдать ее въ болѣе серьезныхъ вопросахъ!

Кромвель сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ схватить за грудь своего дерзкаго противника, но еще разъ его желѣзная воля остановила этотъ невольный порывъ. — Опомнись безумный! сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ; мнѣ говорили, что ты недавно женился, не губи себя и бѣдную Оливію.

Имя любимой женщины еще больше раздражило Герберта. — Неужели вы думаете, сэръ, что я дошелъ до такого униженія, что стану во имя кого бы-то ни было умолять васъ о пощадѣ! Никто не мѣшаетъ вамъ лишить меня жизни, если вы считаете это нужнымъ!

— Не стоитъ говорить съ тобой, Франкъ, потому что ты въ какомъ-то припадкѣ сумасшествія! Но быть можетъ то, что я скажу тебѣ, заставитъ тебя опомниться: открытъ огромный заговоръ противъ моей особы. Измѣнники хотѣли воспользоваться для своихъ цѣлей помощью нашихъ теперешнихъ враговъ, испанцевъ; одинъ роялистъ, по имени Гарри Слингсби, намѣревался открыть имъ ворота укрѣпленнаго города, Гулля. Одновременно съ этимъ подготовлено возстаніе въ южныхъ графствахъ! Сигналомъ къ бунту въ столицѣ долженъ былъ послужить пожаръ, и здѣсь, среди общаго смятенія и рѣзни, предположено провозгласить королемъ Карла II. Намъ извѣстны имена заговорщиковъ, среди нихъ близкій тебѣ человѣкъ, Джонъ Гевитъ!

Гербертъ слѣдилъ за словами Кромвеля съ замираніемъ сердца. Но при имени Гевита онъ воскликнулъ съ досадой: Это ложь! Еслибы вы назвали мое собственное имя, то я сказалъ бы, что это скорѣе возможно. Но Гевитъ не способенъ принять участіе въ подобномъ предпріятіи! Хотя всякій тиранъ ненавистенъ для него въ принципѣ, но онъ никогда не рѣшится прибѣгнуть къ насилію, чтобы свергнуть его иго!

Кромвель былъ глубоко оскорбленъ выраженіями Герберта и недовѣріемъ къ его словамъ.—Мнѣ не нужно никакихъ увѣреній, сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ; я не имѣю основанія сомнѣваться въ собранныхъ нами свѣдѣніяхъ, и могу сказать заранѣе, что судъ приговоритъ Гевита къ смерти!

Франкъ обомлѣлъ отъ ужаса при этой угрозѣ; у него едва не вырвалось замѣчаніе, что «Кромвель больше не нуждается въ предлогѣ, если хочетъ убить кого нибудь!» Но боязнь безвозвратно погубить друга удержала его.

— Сжальтесь надъ нимъ, сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ. Клянусь всѣмъ, что мнѣ дорого въ жизни, что этотъ человѣкъ не причастенъ тому, въ чемъ вы обвиняете его! Изъ насъ двухъ я скорѣе могу считать себя преступникомъ, такъ какъ не

разъ былъ виновенъ передъ вами, если не на дѣлѣ, то на словахъ. Гевитъ всегда горячо спорилъ со мной въ этихъ случаяхъ и силой убѣжденія заставилъ меня отказаться отъ всякой мысли объ убійствѣ.

— Довольно! сказалъ Кромвель. Въ тонѣ его слышалась холодная иронія, которая была гораздо опаснѣе для его враговъ, нежели самый сильный порывъ гнѣва.—Ты кстати напомнилъ мнѣ, что давно пора принять мѣры, чтобы оградить тебя отъ подобныхъ мыслей въ будущемъ. Я желалъ бы знать, по какому праву ты позволяешь себѣ носить мундиръ полка, который не существуетъ болѣе. Помимо всего остальнаго этого, достаточно, чтобъ я, какъ высшій военный начальникъ, потребовалъ твоей шпаги!

— Я получилъ ее отъ парламента, и только онъ можетъ потребовать ее отъ меня!

— Не тотъ ли парламентъ, который ты помогъ разогнать? спросилъ Кромвель суровымъ голосомъ. Повторяю тебѣ, отдай шпагу!

— Я отдамъ ее парламенту! отвѣтилъ Гербертъ. Терпѣніе Кромвеля истощилось; онъ выхватилъ изъ ноженъ шпагу, висѣвшую у пояса Герберта, наступилъ ногой на лезвіе и, переломивъ, швырнулъ на полъ.

Это было дѣломъ одной секунды. У Франка потемнѣло въ глазахъ отъ ярости; обѣщаніе, данное имъ Оливіи и священнику, не могло удержать его, такъ какъ онъ не думалъ ни объ одномъ изъ нихъ. Поднявъ съ полу рукоятку шпаги съ острымъ осколкомъ стали, онъ бросился на Кромвеля, но въ эту минуту отворилась дверь сосѣдней комнаты и вошелъ Мильтонъ. Видъ его обезоружилъ Герберта, рукоятка шпаги выпала изъ его рукъ; чувство глубокаго стыда и раскаянія овладѣло имъ. Мракъ разсѣялся въ его душѣ; передъ нимъ предстала въ неприглядной наготѣ сѣрая тоскливая дѣйствительность.

— Ты хотѣлъ быть руководителемъ народа, мысленно воскликнулъ онъ, и не имѣлъ настолько силы воли, чтобы совладать съ самимъ собой!..

Между тѣмъ, необычайный шумъ въ кабинетѣ привлекъ часовыхъ изъ сосѣднихъ корридоровъ. Когда Кромвель отворилъ дверь, то вездѣ видны были алебарды и сѣрые мундиры лейбъ-гвардіи.

— Уведите этого человѣка! сказалъ онъ.

Франкъ Гербертъ безъ всякаго сопротивленія послѣдовалъ за солдатами. Въ сѣняхъ онъ увидѣлъ Оливію; она бросилась къ нему на шею съ громкимъ плачемъ.

— Я не оставлю тебя Франкъ! проговорила она рыдая.

— Да проститъ Господь мою вину передъ тобой! сказалъ печально Гербертъ, обнимая ее. Моя участь рѣшена, но ты, моя дорогая, окажи мнѣ послѣднюю услугу! Онъ наклонился и шепнулъ ей на ухо:—Поспѣши къ Гевиту и передай ему отъ меня, чтобы онъ спасался бѣгствомъ, если дорожитъ жизнью...

Въ слѣдующую минуту Оливію вырвали изъ объятій ея мужа. Единственное, чтò она могла узнать отъ солдатъ—это, что Герберта увели въ военную тюрьму.

Между тѣмъ Кромвель, проводивъ глазами преступника, подошелъ къ Мильтону.

— Этотъ безумный человѣкъ, сказалъ онъ, самъ произнесъ надъ собою приговоръ!

Поэтъ ничего не отвѣтилъ, только лицо его приняло еще болѣе грустное выраженіе.

— Мы можемъ продолжать начатое письмо! сказалъ Кромвель.

Мильтонъ и его товарищъ сѣли у стола на прежнихъ мѣстахъ...

ГЛАВА XII.

Послѣднее свиданіе Гевита и сэра Гарри Слингсби.

Оливія, почти обезумѣвшая отъ горя и испуга, была настолько поглощена постигшимъ ее несчастіемъ, что, пріидя къ Гевиту, долго не могла объяснить ему цѣли своего посѣщенія. Единственное, что онъ понялъ изъ ея безсвязныхъ словъ, что Франкъ былъ у Кромвеля и что его отвели въ тюрьму.—Мой бѣдный другъ воскликнулъ онъ, ты все-таки не избѣгнулъ твоей несчастной судьбы! Я напрасно надѣялся, что просьбы дорогихъ тебѣ людей и любовь жены избавятъ тебя отъ этой послѣдней ошибки!

Затѣмъ онъ обратилъ всю свою заботливость на бѣдную женщину, которая, слушая его утѣшенія, мало по малу пришла въ себя и печально смотрѣла на него. Наконецъ она отчетливо вспомнила послѣднія слова своего мужа: — Франкъ велѣлъ вамъ передать, сказала она взволновавнымъ голосомъ, чтобы «вы спасались бѣгствомъ, если дорожите жизнью!» Ради бога, не теряйте ни одной минуты...

Священникъ съ благодарностью пожалъ ея руку; но рѣшительно отказался отъ всякой попытки къ бѣгству.

— Мнѣ нечего бояться! возразилъ онъ. Въ теченіи девяти лѣтъ, которыя прошли со смерти моего добраго короля, я не сдѣлалъ ничего, что заслуживало бы особеннаго порицанія! Я терпѣливо переносилъ мои страданія и молился за бѣднаго изгнанника, который всегда останется для меня единственнымъ законнымъ королемъ Англіи. Съ другой стороны, если ничто не могло заставить

меня признать власть похитителя престола, то, я тѣмъ не менѣе, никогда не поднималъ на него руки и не возвышалъ голоса противъ него. Я буду до конца исполнять мои обязанности священнослужителя и останусь въ этомъ домѣ, чтобы быть къ услугамъ тѣхъ, которые нуждаются въ моей помощи. Вы должны отдохнуть и успокоиться, моя дорогая Оливія; если хотите, я провожу васъ до вашего дома!..

Между тѣмъ, заговорщики, не подозрѣвая измѣны, которая обрекала ихъ на вѣрную гибель, собрались въ назначенный часъ въ тавернѣ «Морская Дѣва». Появленіе Джойса было встрѣчено ими громкими изъявленіями радости, тѣмъ болѣе, что его изодранная одежда, носившая слѣды недавняго заключенія, увеличивала довѣріе къ нему. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ находился вблизи Кромвеля, зналъ всѣ его привычки, а равно и всѣ потаенные ходы и закоулки Уайтголля! На этомъ обстоятельствѣ главнымъ образомъ была основана надежда заговорщиковъ захватить Кромвеля живымъ или мертвымъ. Слѣдующая ночь была назначена для выполненія заговора; каждый къ этому времени обязанъ былъ находиться на своемъ постѣ. Вслѣдъ за взрывомъ пороховой бочки близъ Уайтголля, который долженъ былъ послужить сигналомъ, заговорщики намѣревались поджечь въ нѣсколькихъ мѣстахъ Сити и Тоуэръ, овладѣть городскими воротами, а затѣмъ съ барабаннымъ боемъ превозгласить королемъ Карла II. Одновременно съ этимъ предположено было послать гонцовъ въ южныя графства, гдѣ собрана была милиція подъ предводительствомъ роялистовъ, получившихъ офицерскіе патенты отъ короля-изгнанника. На сѣверѣ мятежники, съ помощью сэра Гарри Слингсби должны были овладѣть крѣпостью Гулль и употребить всѣ усилія, чтобы продержаться въ ней до тѣхъ поръ, пока испанская эскадра съ Карломъ II не высадится на берегъ при устьѣ Гумбера.

Джойсъ, исполняя въ точности возложенное на него порученіе, внимательно слѣдилъ за каждымъ словомъ заговорщиковъ и, по окончаніи засѣданія, поспѣшилъ въ Уайтголль, гдѣ былъ допущенъ къ Кромвелю, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ его.

На слѣдующее утро ничто въ наружности Кромвеля и въ его образѣ жизни не выказывало того, что̀ творилось въ его душѣ. Изъ близкихъ ему людей одинъ Турлоэ, составлявшій депеши въ его кабинетѣ, зналъ о принятыхъ имъ мѣрахъ. Кромѣ того въ тайну посвященъ былъ Юргенъ Джойсъ, отъ распорядительности котораго зависѣлъ успѣхъ. Теперь все вниманіе послѣдняго было устремлено на то, чтобы оградить себя отъ подозрѣній Пиккерлинга, такъ какъ дѣло было бы потеряно, еслибы пуританинъ при своемъ тонкомъ чутьѣ почувствовалъ приближеніе грозы. Поэтому Юргенъ

неотступно слѣдилъ за нимъ, тѣмъ болѣе, что хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы покончить старые счеты. Онъ не могъ забыть тѣхъ страданій, которыя этотъ человѣкъ причинилъ ему и его друзьямъ. Съ холодной жестокостью и злорадствомъ, какое является иногда у самыхъ добродушныхъ людей послѣ многократныхъ и глубокихъ огорченій, онъ терпѣливо ждалъ удобнаго момента, чтобы погубить ненавистнаго для него лицемѣра.

Съ наступленіемъ вечера Пиккерлингъ долженъ былъ доставить бочку пороха на небольшую пристань, устроенную изъ двухъ связанныхъ между собою лодокъ, съ наброшенными на нихъ досками. Эта пристань находилась въ недалекомъ разстояніи отъ деревянныхъ пристроекъ Уайтголля; къ ней приставали рѣчныя суда, плававшія вверхъ и внизъ по Темзѣ. Въ этомъ мѣстѣ предположено было зажечь первую бочку пороха, взрывъ которой былъ бы видѣнъ и слышенъ въ Сити. При этомъ достигалась и другая цѣль: огонь переброшенный горящими осколками долженъ былъ охватить деревянныя пристройки Уайтголля, около которыхъ въ сумерки выгружено было нѣсколько другихъ бочекъ съ порохомъ. Часовые не обратили на это особеннаго вниманія, такъ какъ суда часто выгружали свои товары у небольшой пристани для болѣе удобной доставки въ сосѣднія улицы и нерѣдко бочки и ящики оставались здѣсь на ночь.

— Какъ я радъ, что кончилась эта выгрузка, сказалъ Пиккерлингъ, обращаясь къ Джойсу, который, также какъ и онъ, былъ переодѣтъ матросомъ. Часовые сразу повѣрили, что это соль.

— Ты видишь все идетъ, какъ нельзя лучше, только не нужно терять мужества. Завтра Англія приметъ другой видъ, и ты сдѣлаешься великимъ человѣкомъ Пиккерлингъ, прошу не забывать меня своими милостями!..

Но благочестивому пуританину не особенно понравилась эта шутка; сердце его усиленно билось отъ страха, онъ не могъ привести ни одного текста изъ библіи, сколько нибудь подходящаго къ данному случаю.

Между тѣмъ, сумерки все болѣе и болѣе увеличивались. Наступила ночь. Кромвель надѣлъ панцырь и вооружился, какъ передъ битвой. На немъ былъ красный мундиръ, почернѣвшій отъ пороха, и шпага, бывшая на немъ при Марстонмурѣ; за поясомъ виднѣлись два пистолета; на столѣ передъ нимъ лежало заряженное ружье. Такъ ждалъ онъ часа, который долженъ былъ еще разъ доставить ему побѣду или предать въ руки враговъ, которые уже начали собираться въ Сити.

———

Къ вечеру на Гевита напало раздумье. Дружеское предостереженіе, переданное ему Оливіей, на которое онъ наканунѣ почти не

обратилъ вниманія, начинало серьезно безпокоить его. Чтобы разрѣшить свои сомнѣнія онъ отправился къ одной пожилой леди, по фамиліи Чампиніонъ, которая часто бывала въ церкви св. Георга и относилась къ нему съ самой искренней дружбой. Онъ иногда обѣдалъ у ней по воскресеньямъ. Ему было извѣстно, что эта почтенная леди была рьяная роялистка и поддерживала дѣятельныя сношенія съ дворомъ изгнанника. Нѣсколько разъ она убѣждала его принять участіе въ заговорахъ, составляемыхъ въ пользу Карла II, но онъ упорно отказывался, говоря, что всякіе заговоры противны его убѣжденіямъ и не совмѣстимы съ обязанностями священника.

Онъ засталъ леди Чампиніонъ въ сильномъ волненіи, такъ какъ ея зять Станлей исчезъ загадочнымъ образомъ изъ Лондона, и она не знала, чѣмъ объяснить подобный фактъ. Тѣмъ не менѣе она внимательно выслушала своего гостя, и тотчасъ же сообразила сущность дѣла.

— Разумѣется намъ измѣнили, и все извѣстно протектору! воскликнула старая леди взволнованнымъ голосомъ.

Гевитъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее, такъ какъ ничего не зналъ о заговорѣ и не придавалъ значенія планамъ роялистовъ, о которыхъ они открыто говорили въ тѣхъ обществахъ, гдѣ онъ бывалъ.

— Да сохранитъ васъ Господь отъ всякаго несчастія, продолжала леди, но вы должны быть крайне осторожны, м-ръ Гевитъ, чтобы не навлечь на себя лишнихъ подозрѣній!

— Какихъ подозрѣній? я не понимаю васъ миледи...

— У васъ спрятаны офицерскіе патенты, подписанные рукою его величества. Возвращайтесь домой и сожгите скорѣе эти бумаги!

— Они отданы мнѣ на сохраненіе сыномъ моего лучшаго друга, Джономъ Кутсъ, вмѣстѣ съ письмомъ короля, патенты лежатъ нетронутые.

— Все равно, вы должны немедленно истребить ихъ! иначе они будутъ стоить вамъ жизни. Въ настоящую минуту наши общіе друзья вѣроятно уже собрались въ тавернѣ «Морская Дѣва», если ихъ накроютъ, то вамъ не избѣжать обыска или даже хуже...

— Благодарю васъ, миледи, за вашу откровенность. Я сейчасъ пойду въ таверну и уговорю ихъ разойтись, если только будетъ возможно.

— Это ни къ чему не поведетъ, ихъ гибель неизбѣжна! воскликнула старая леди, безпокойство которой росло съ каждой минутой.

— Я не ожидалъ слышать это отъ васъ миледи, возразилъ Гевитъ.

— Ну такъ знайте же, сказала она заливаясь слезами, я не могу и не должна долѣе скрывать этого отъ васъ... Участники за-

говора, разсчитывая на вашу популярность, воспользовались вашимъ именемъ, чтобы придать большій вѣсъ своему дѣлу въ глазахъ нерѣшительныхъ людей... На спискѣ заговорщиковъ ваше имя...

Это извѣстіе въ первую минуту поразило священника, но затѣмъ онъ сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— На все воля Божія! если люди дурно поступили со мной, то это не должно мѣшать исполненію моей обязанности! До свиданія миледи, я пойду на мѣсто сборища!

— Но прежде сожгите патенты!

— Нѣтъ, миледи, тутъ дорога каждая минута!..

Священникъ ушелъ; леди Чампиніонъ заплакала: ее мучило раскаяніе.

Въ это время на улицахъ стали появляться болѣе или менѣе многочисленныя группы заговорщиковъ. Полиція, превосходно организованная при Кромвелѣ, не безпокоила ихъ, потому что она получила строгій приказъ оставаться въ бездѣйствіи. Множество любопытныхъ и праздныхъ людей, привлеченныхъ неопредѣленными слухами, сновали взадъ и впередъ. Толпа, все болѣе и болѣе увеличиваясь, заняла Сити и наполнила собой всѣ закоулки, дворы и таверны «Морской Дѣвы» на улицѣ Cheapside, этой главной артеріи промышленныхъ и торговыхъ кварталовъ города.

Одновременно съ этимъ, при наступленіи сумерекъ, во всѣхъ укрѣпленныхъ пунктахъ столицы собраны были войска, и начальникамъ ихъ отданъ приказъ быть готовыми къ выступленію. Къ вечеру, всѣ солдаты въ Тоуэрѣ должны были быть подъ ружьемъ, заряжены пушки и при нихъ поставлены канониры съ зажженными фитилями. Дальнѣйшія инструкціи заключались въ запечатанномъ пакетѣ, который въ десять часовъ былъ доставленъ коменданту Тоуэра, капитаномъ Кромвелевской лейбъ-гвардіи. Все это совершилось такъ тихо и быстро подъ прикрытіемъ ночи, что толпа, наполнявшая улицы, не замѣтила, какъ надъ нею стягивались петли желѣзной сѣти и обтянули ее со всѣхъ сторонъ.

Юргенъ Джойсъ и Пиккерлингъ явились въ назначенное время и заняли свой постъ подъ стѣнами Уайтголля, о которыя ударялись волны Темзы. Была темная беззвѣздная ночь. Оба заговорщика должны были ждать, пока на башнѣ Вестминстера начнутъ бить часы; съ первымъ ударомъ они должны были зажечь нить пропитанную сѣрнымъ растворомъ, чтобы съ послѣднимъ десятымъ ударомъ огонь достигъ бочки съ порохомъ, приготовленной на плашкотной пристани.

— Пора, сказалъ шопотомъ Юргенъ, осталось всего четверть часа, мы должны протянуть нить съ берега!

Было такъ тихо, что слышны были мѣрные удары веселъ съ лодки, плывшей на значительномъ разстояніи.

Пиккерлингъ не рѣшался взять въ руки конецъ нити, которую ему протягивалъ Юргенъ.

— Баба! крикнулъ этотъ съ досадой, но изъ боязни выдать себя понизилъ голосъ: Незабудь, что ты взялся прикрѣпить нить къ бочкѣ! остальное мое дѣло...

Пиккерлингъ боязливо оглянулся.

— Зачѣмъ у тебя багоръ въ рукѣ? спросилъ онъ.

— Страхъ туманитъ тебѣ голову! замѣтилъ со смѣхомъ Юргенъ. Ты вѣрно вспомнилъ прошлое? дѣйствительно я не разъ расправлялся съ тобой, но теперь клянусь честью я не дотронусь до тебя!

Юргенъ начиналъ терять терпѣніе, онъ не въ состояніи былъ продолжать долѣе въ томъ же тонѣ. Ну, проваливай, крикнулъ онъ грубо толкнувъ своего товарища на пристань. Принимайся скорѣе за дѣло, иначе я столкну тебя въ воду.

Пуританинъ взялъ въ руки конецъ нити, хотя у него тряслись колѣни отъ страха и онъ едва держался на ногахъ.

— Подлый трусъ! воскликнулъ съ презрѣніемъ Юргенъ, вступивъ на послѣднюю лодку, на носу которой стояла бочка съ порохомъ.

— Поверни ее бокомъ! сказалъ шопотомъ Юргенъ.—Теперь вытащи осторожно втулку, чтобы не посыпался порохъ и пропусти поглубже конецъ нити въ бочку... Отлично!...

Пиккерлингъ машинально повиновался, но едва успѣлъ онъ вложить обратно втулку, какъ Юргенъ перескочилъ на лодку ближайшую къ берегу.

— Что ты дѣлаешь? крикнулъ съ испугомъ Пиккерлингъ, замѣтивъ, что почва колеблется подъ его ногами. Первою его мыслью было броситься къ берегу, но Юргенъ въ эту минуту оттолкнулъ багромъ ту часть пристани, на которой онъ стоялъ, канатъ связывавшій обѣ лодки съ шумомъ упалъ въ воду.

Несчастный плылъ по теченію рѣки. Но кто въ состояніи описать ужасъ, охватившій его малодушное сердце, когда онъ увидѣлъ среди окружающаго мрака, искру сверкнувшую на берегу.

— Юргенъ!.. крикнулъ онъ такимъ голосомъ, что даже человѣкъ болѣе жестокосердый, нежели Джойсъ, былъ бы тронутъ этимъ отчаяннымъ воплемъ.

Но уже было поздно. За медленно удалявшейся лодкой вилась огненная пылающая нить.

На башнѣ Вестминстера раздался первый ударъ часовъ.

— Прощай, воскликнулъ Юргенъ взволнованнымъ голосомъ, мысленно обращаясь къ своей жертвѣ.—Все кончено для тебя!

Второй ударъ часовъ вывелъ Пиккерлинга изъ состоянія оцѣпенія, въ какомъ онъ находился; онъ видѣлъ неминуемо грозившую ему опасность. Лодка была наполнена горючими веществами, огненная нить все приближалась къ нему. Какъ безумный бѣгалъ онъ

взадъ и впередъ по доскамъ, вдоль лодки, отчаяніе его росло съ каждымъ ударомъ часовъ. — Намъ измѣнили... Я выдамъ всѣхъ! Спасите!.. кричалъ онъ неистовымъ голосомъ, но никто не могъ слышать его крика, такъ какъ онъ былъ на срединѣ рѣки.

Силы измѣнили ему, онъ упалъ на колѣни и равнодушно смотрѣлъ на огненную нить, которая почти подошла къ борту лодки, но черезъ секунду онъ съ страшнымъ воплемъ поднялся на ноги. Передъ нимъ стояла тѣнь Чильдерлейскаго баронета, она поднималась все выше и выше—огромная, бѣлая какъ туманъ на рѣкѣ. Она смотрѣла на него безжизненными глазами и протягивала руки, какъ будто хотѣла схватить его.

Несчастный упалъ навзничь. Онъ не слышалъ послѣдняго удара часовъ. Раздался грохотъ взорваннаго пороха, лодка взлетѣла на воздухъ, освѣтивъ багровымъ свѣтомъ зеркальную поверхность рѣки и темное ночное небо...

Вслѣдъ затѣмъ подъ аркой воротъ Уайтголля раздался первый выстрѣлъ.

Кромвель вышелъ въ полномъ вооруженіи, чтобы въ эту ночь самому осмотрѣть караулы. Едва затихъ первый выстрѣлъ, какъ послышались другіе изъ С. Джемса, Sommerset-Haus'а Temple Bar'а и, наконецъ, Fleet-Street-а, близъ Сити. Это была цѣпь постовъ, которыми Кромвель окружилъ площадь, занятую заговорщиками.

Затѣмъ на минуту все стихло, но тутъ внезапно раздался глухой шумъ, похожій на раскаты грома.

— Теперь Сити въ нашихъ рукахъ! сказалъ Кромвель.—Это, пушки Тоуэра.

Черезъ часъ все было кончено. Войска очистили улицы Сити, забравъ толпу плѣнныхъ. Немедленно по всѣмъ направленіямъ разосланы были гонцы съ депешами, которыя были наскоро написаны государственнымъ секретаремъ. Въ городѣ знали только, что сдѣлано неудачное покушеніе на жизнь протектора, и что зачинщики заговора арестованы въ тавернѣ, близъ Cheapside'а. На слѣдующій день жители Лондона узнали дальнѣйшія подробности изъ «Mercurius politicus», который, между прочимъ, извѣщалъ, что въ числѣ арестованныхъ находятся: Джонъ Гевитъ, священникъ приходской церкви св. Георга, и сэръ Гарри Слингсби, и что послѣдняго привезутъ на дняхъ изъ Гулля.

Для слѣдствія и суда надъ виновными назначена была особая коммисія, такъ называемый «верховный судъ», состоящій изъ ста тридцати членовъ. Засѣданія начались въ большой залѣ Вестминстера, подъ предсѣдательствомъ Брадшо, который былъ президентомъ въ процессѣ короля, такъ что обвиняемые не могли разсчитывать на пощаду.

Первоначально были вызваны судомъ только пятнадцать человѣкъ, изъ нихъ священникъ Гевитъ и сэръ Гарри Слингсби возбудили къ себѣ особенную симпатію публики. Участь ихъ интересовала даже высокопоставленныхъ лицъ, которыя употребили всѣ усилія, чтобы спасти имъ жизнь. Сэръ Гарри Слингсби былъ дядя лорда Фолкенбриджа, мужа Мери Кромвель, что же касается Гевита, то прибѣгли къ другимъ, болѣе дѣйствительнымъ средствамъ, чтобы тронуть сердце протектора. Но Кромвель оставался непоколебимымъ и отвѣтилъ, что судъ долженъ идти своимъ порядкомъ.

Такимъ образомъ Гевитъ явился передъ своими судьями. Онъ былъ немного блѣднѣе обыкновеннаго, но держалъ себя также спокойно, какъ и всегда, и съ чувствомъ собственнаго достоинства. На немъ была темная священническая одежда, онъ вошелъ въ шляпѣ и не снялъ ее, когда его подвели къ периламъ.

Президентъ замѣтилъ ему, что онъ не имѣетъ права стоять передъ высшимъ судилищемъ съ покрытой головой.

Священникъ отвѣтилъ вѣжливымъ, но рѣшительнымъ тономъ, что онъ не можетъ признать власти и правъ суда, который не былъ постановленъ законнымъ королемъ англіи.

Президентъ велѣлъ снять шляпу съ подсудимаго. Гевитъ не сопротивлялся.—Я покоряюсь насилію! сказалъ онъ.

Затѣмъ прочитанъ былъ обвинительный актъ. Гевиту не стоило большаго труда опровергнуть или ослабить главные пункты. Бумаги его, захваченныя при домашнемъ обыскѣ, не могли служить доказательствомъ государственной измѣны: въ письмахъ его къ Карлу II не заключалось ничего предосудительнаго, кромѣ общихъ выраженій преданности, что же касается офицерскихъ патентовъ, то они пролежали у него цѣлый годъ нетронутыми. Равнымъ образомъ, онъ могъ доказать съ помощью свидѣтелей, что онъ былъ совершенно непричастенъ къ послѣднему заговору. Для этаго разумѣется необходимо было признать авторитетъ «верховнаго суда», но онъ наотрѣзъ отказался отъ этого, говоря, что никогда не рѣшится на подобную сдѣлку съ своей совѣстью.

Послѣ этого, съ 15-го мая до 1-го іюня, еще два раза приводили его къ допросу, и онъ каждый разъ заявлялъ тѣмъ же спокойнымъ и вѣжливымъ тономъ, что «не считаетъ нужнымъ отвѣчать передъ судомъ, не имѣющимъ законной силы».

То же повторилось при слѣдствіи надъ сэромъ Гарри Слингсби, который, равнымъ образомъ, отказался дать какія либо показанія. Послѣ этого ничего не оставалось, какъ произнести приговоръ, который былъ отложенъ до слѣдующаго утра.

По окончаніи засѣданія, Гевита отвели обратно въ его камеру, гдѣ онъ противъ всякаго ожиданія встрѣтилъ своего стараго знакомаго сэра Слингсби, такъ какъ болѣе не считали нужнымъ дер-

жать врозь обоихъ преступниковъ, которыхъ рѣшено было отправить немедленно въ Тоуэръ.

Они увидѣлись въ первый разъ послѣ вечера въ Чильдерлейскомъ замкѣ.

— Heu me? Humana perpessi sumus! воскликнулъ сэръ Гарри, дружески пожимая руку священника.

Слингсби значительно постарѣлъ впродолженіи послѣднихъ тринадцати лѣтъ; прежняя живость исчезла, онъ сдѣлался молчаливымъ и задумчивымъ.

— Гдѣ вы жили все это время, сэръ Гарри? спросилъ Гевитъ.

— Съ того дня, какъ король приказалъ мнѣ вернуться на родину, я почти не выѣзжалъ оттуда. Мнѣ приходилось скрываться въ собственномъ домѣ отъ преслѣдованій непріятеля. Между тѣмъ, я узналъ, что король изъ Гольми отправился на островъ Уайтъ и, подъ конецъ, въ Уайтголль... Мы не должны роптать на свою судьбу, м-ръ Гевитъ, потому что насъ ожидаетъ та же участь, какая постигла нашего несчастнаго короля!.

Ихъ свели съ лѣстницы, ведущей къ Темзѣ, гдѣ для нихъ была приготовлена крытая барка подъ охраной стражи, присланной изъ Тоуэра. Лѣтнее солнце отражалось на гладкой поверхности рѣки; слышенъ былъ мѣрный плескъ волнъ, разсѣкаемыхъ веслами. Барка тихо плыла по теченію; спокойно было на сердцѣ у обоихъ людей.

— Я жилъ вдали отъ міра, продолжалъ Слингсби, безъ опредѣленнаго дѣла и, по временамъ, въ видѣ развлеченія занимался охотой въ тѣсномъ раіонѣ, изъ котораго мнѣ не дозволено было выходить. Это—невинное и пріятное препровожденіе времени, когда человѣкъ лишенъ всякой другой дѣятельности. Сельское хозяйство также было недоступно для меня, потому что на мое помѣстье, принадлежавшее нашей фамиліи со времени Вильгельма-Завоевателя, наложенъ былъ секвестръ. Къ счастью, умъ нашъ остается свободнымъ при всякихъ условіяхъ; мое одиночество не особенно тяготитъ меня; въ минуты душевной тоски, я вспоминалъ прошлое и дорогихъ для меня людей. Къ числу ихъ принадлежитъ и покойный сэръ Товій.

— Бѣдный баронетъ; онъ умеръ у могилы своего короля, сказалъ священникъ съ невольнымъ вздохомъ. Въ послѣднія минуты своей жизни онъ съ благодарностью вспоминалъ о радушномъ гостепріимствѣ, который вы оказали его сыну.

Въ это время они увидѣли передъ собой стѣны и башни Тоуэра.

— Здѣсь, сказалъ сэръ Гарри, указывая на зеленый холмъ Tower Hill, погибли Страффордъ и Лодъ!

— Тутъ поставятъ и нашъ эшафотъ, сказалъ Гевитъ; во всякомъ случаѣ, мы можемъ утѣшать себя тѣмъ, что до конца остались вѣрны нашимъ убѣжденіямъ.

Барка причалила у мрачной стѣнной арки; привратникъ открылъ калитку рѣшетчатыхъ желѣзныхъ воротъ. Узники поднялись по сырымъ ступенямъ и вскорѣ скрылись во мракѣ грозныхъ каменныхъ стѣнъ.

ГЛАВА XII.

Послѣдніе мѣсяцы жизни Кромвеля.

Въ тотъ же вечеръ другая барка остановилась передъ другими воротами Тоуэра, отъ которыхъ шли широкія ступени къ Темзѣ. Здѣсь всегда высаживались англійскіе короли, когда посѣщали Тоуэръ; отсюда шла широкая лѣстница, ведущая къ главной башнѣ. Барка была украшена шелковыми парусами; на флагѣ виднѣлся гербъ Кромвеля: крестъ и арфа; гребцы были въ пурпуровыхъ курткахъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ. На берегъ вышла молодая красивая лэди, одѣтая въ черное платье, съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ. Два лакея въ сѣрыхъ ливреяхъ, украшенныхъ серебромъ, слѣдовали за нею на почтительномъ разстояніи. Вездѣ, гдѣ она проходила, часовые отдавали ей честь; дежурный офицеръ предложилъ провести ее къ коменданту, который ожидалъ ее у воротъ такъ называемой «Бѣлой башни».

— Милэди, я къ вашимъ услугамъ, сказалъ комендантъ, прочитавъ бумагу, которую она подала ему. Его высочество протекторъ разрѣшаетъ вамъ имѣть свиданіе съ узникомъ Джономъ Гевитомъ и говорить съ нимъ наединѣ. Если вамъ угодно, то я провожу васъ до его темницы.

Они вернулись назадъ по двору и лугу «Tower-Green», который нѣкогда былъ обагренъ кровію десятидневной королевы, Дженни Грей, мимо такъ-называемой «Кровавой башни», гдѣ были умерщевлены сыновья Эдуарда, и вошли въ сѣни башни «Beauchamp», отведенной для государственныхъ преступниковъ. Они поднялись по узкой винтовой лѣстницѣ, гдѣ на нихъ повѣяло холодомъ и мракомъ, хотя въ это время было лѣто и вездѣ цвѣли цвѣты. У коменданта въ рукахъ была большая связка ключей, бряканье которыхъ приводило въ ужасъ молодую лэди, пока они шли по крутой лѣстницѣ. Онъ остановился передъ дверью, окованной желѣзомъ и, выбравъ большой ключъ, съ усиліемъ открылъ замокъ. Затѣмъ, сдѣлалъ шагъ назадъ и, пропустивъ посѣтительницу, заперъ за нею дверь.

Узникъ сидѣлъ у стола, слабо освѣщеннаго узкимъ рѣшетчатымъ окномъ и читалъ библію. Услыхавъ шумъ, онъ повернулъ голову, затѣмъ поднялся съ мѣста.

— Елизавета! проговорилъ онъ съ усиліемъ, не довѣряя собственнымъ глазамъ.

Медленно подошла къ нему блѣдная прекрасная женщина; она едва держалась на ногахъ; Гевитъ поспѣшилъ подать ей стулъ.

— Елизавета, повторилъ онъ еще разъ, взявъ ея похолодѣвшую руку; въ эту минуту онъ не въ состояніи былъ преодолѣть чувство, съ которымъ успѣшно боролся впродолженіи многихъ лѣтъ.

— Я съ радостью встрѣчу смерть послѣ того, какъ я видѣлъ тебя, сказалъ онъ прерывающимся голосомъ. Мысль, что ты приходила ко мнѣ, будетъ сопровождать меня въ могилу... Онъ внезапно остановился. Простите... воскликнулъ онъ, опуская ея руку, милэди Клейполь... дочь Кромвеля!

Она вздрогнула при имени своего отца, хотѣла отвѣтить ему, но слова замерли на ея губахъ.

Онъ видѣлъ ея тяжелое душевное состояніе и это глубоко взволновало его. Любовь и чувство долга боролись въ его душѣ; онъ мысленно молилъ Бога поддержать его силы до конца.

— Милэди... сказалъ онъ, нѣтъ... позвольте назвать васъ просто Елизаветой, какъ въ былыя времена, когда я такъ часто посѣщалъ домъ вашихъ родителей въ Сентъ-Ивсъ. Объясните мнѣ, зачѣмъ вы пришли сюда?

— Чтобы спасти васъ, отвѣтила она глухимъ голосомъ, не поднимая глазъ.

— Слишкомъ поздно! Развѣ вы не знаете, что завтра будетъ произнесенъ смертный приговоръ?

— Но его могутъ отмѣнить! воскликнула съ живостью лэди Клейполь; ея прекрасные глаза, полные слезъ, съ любовью остановились на другѣ ея ранней юности. Умоляю васъ на колѣняхъ, не губите себя!

Съ этими словами она бросилась къ его ногамъ.

Гевитъ испытывалъ невыразимыя мученія.

— Я не знаю, чего вы требуете отъ меня, Елизавета? сказалъ онъ, ласково поднимая ее съ полу.

— Я прошу васъ объ одномъ, чтобы вы признали законность суда, потому что убѣждена въ вашей невиновности!..

Лэди Клейполь остановилась и добавила вполголоса:

— Отецъ мой также не виноватъ... но его раздражаетъ вашъ отказъ признать власть верховнаго суда. Завтра васъ спросятъ еще разъ въ полномъ собраніи всѣхъ членовъ; скажите, что вы не признаете себя виновнымъ... произнесите только эти слова... въ этомъ нѣтъ лжи, и вамъ возвратятъ свободу...

Гевитъ молчалъ.

— Обѣщайте мнѣ это! сказала она, и голосъ ея принялъ знакомый ему нѣжный оттѣнокъ, противъ котораго онъ не могъ устоять.

— Только передъ вами, Елизавета, я считаю себя обязаннымъ сдѣлать то признаніе, которое вы требуете отъ меня: я дѣйствительно не признаю себя виновнымъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя перечислены въ обвинительномъ актѣ. Такъ, напримѣръ, меня считаютъ участникомъ заговора, цѣль котораго настолько возмущаетъ меня, что я не могу хладнокровно вспомнить о немъ. Затѣмъ, утверждаютъ, будто бы я велъ переговоры съ герцогомъ Ормондомъ, во время его тайнаго пребыванія въ Лондонѣ, и видѣлся съ его величествомъ въ Брюсселѣ или Бриджѣ (навѣрно не помню) и даже привезъ оттуда какіе-то письменные приказы и инструкціи. Но я говорю по совѣсти, что я ни разу въ моей жизни не встрѣчался съ почтеннымъ маркизомъ и, равнымъ образомъ, не могъ видѣться съ королемъ, потому что въ послѣдніе годы почти не выѣзжалъ изъ Сити и не былъ далѣе сосѣднихъ графствъ. Что же касается офицерскихъ патентовъ, которые хранились у меня, то они были переданы мнѣ сыномъ покойнаго сэра Товія, моего лучшаго друга, и съ того времени лежали у меня безъ всякаго употребленія. Теперь коснусь послѣдняго пункта, который считается главной уликой противъ меня, а именно, что меня нашли въ тавернѣ, среди заговощиковъ. Но даю вамъ честное слово, Елизавета, что я пошелъ туда съ единственною цѣлью предостеречь несчастныхъ обманутыхъ людей, такъ какъ передъ этимъ случайно узналъ о грозившей имъ опасности...

Лэди Клейполь не въ состояніи была выговорить ни одного слова, такъ какъ слезы душили ее.

Гевитъ продолжалъ:

— Разумѣется, нельзя оправдывать тѣхъ, которые безъ моего вѣдома вплели мое имя въ ихъ дѣло, зная заранѣе, какой отвѣтственности они подвергаютъ меня. Но теперь, когда все кончено, мнѣ остается только молить Бога, чтобы онъ простилъ тѣхъ, которые были причиной ложныхъ обвиненій, взводимыхъ на меня. Да помилуетъ Господь и тѣхъ судей, которые, на основаніи ложныхъ фактовъ, рѣшаются приговорить меня къ смерти; но я не стану защищать себя передъ подобнымъ судилищемъ!

Лэди Клейполь еще разъ съ мольбой взглянула на него.

— Сдѣлайте это для меня, сказала она чуть слышнымъ шепотомъ.

— Еслибы вы знали, какъ мнѣ тяжело отказать вашей просьбѣ, но я не могу поступить иначе; лучше тысячу разъ умереть, чѣмъ купить себѣ жизнь измѣной и признать власть похитителя престола.

Лэди Клейполь громко вскрикнула и закрыло лицо руками.

— Онъ мой отецъ! прошептала она.

За дверью раздались торопливые шаги. Это былъ комендантъ,

который услыхалъ крикъ лэди Клейполь и поспѣшилъ къ ней на помощь.

— Идутъ! сказалъ Гевитъ. Успокойтесь, соберитесь съ силами Елизавета. Господь да благословитъ васъ!

Дверь отворилась; комендантъ стоялъ на порогѣ.

— Милэди? сказалъ онъ, вопросительно взглянувъ на нее.

— Сейчасъ! сказала она спокойнымъ голосомъ, хотя блѣдное лицо ея казалось еще безцвѣтнѣе.—Такъ это ваше послѣдне слово м-ръ Гевитъ?

— Да, милэди.

Черезъ минуту, тяжелая кованная дверь раздѣлила на вѣки лэди Клейполь и Джона Гевита.

Процессъ пятнадцати главныхъ участниковъ заговора настолько поглотилъ общее вниманіе, что весьма немногіе интересовались участью отставнаго полковника Франка Герберта, который былъ преданъ военному суду и приговоренъ къ разстрѣлянію. Но протекторъ замѣнилъ смертный приговоръ пожизненной ссылкой на одинъ изъ острововъ Вестъ-Индіи.

Трудно выразить словами всѣ тѣ мученія, какія испытала въ это время одинокая, безпомощная и всѣми покинутая Оливія. Только разъ допустили ее на свиданіе съ Франкомъ, но и то въ присутствіи тюремнаго смотрителя; всѣ ея хлопоты, чтобы получить доступъ къ Гевиту окончились полнѣйшей неудачей. Наконецъ она рѣшилась на послѣдній шагъ, и отправилась къ своей бывшей подругѣ Елизаветѣ Клейполь. Хотя она знала, что Франкъ никогда не допустилъ бы ее до этого, такъ какъ считалъ бы подобный поступокъ величайшимъ для себя униженіемъ. Но она утѣшала себя тѣмъ, что обратится къ дочери Кромвеля, а не къ нему лично, вдобавокъ она будетъ просить не о помилованіи Франка, а только о дозволеніи видѣться съ нимъ и сопровождать его въ изгнаніе.

Огромное зданіе Уайтголля со всѣмъ его великолѣпіемъ и массой наполнявшихъ его солдатъ привелъ ее въ трепетъ, когда она снова вошла въ него. Но на этотъ разъ ей казалось, что на немъ лежитъ какой-то неотразимо грустный отпечатокъ, уныло раздавалось въ ея ушахъ эхо шаговъ въ длинныхъ корридорахъ, на нее вѣяло могильнымъ холодомъ въ роскошно убранныхъ залахъ, гдѣ все напоминало несчастнаго Стюарта. Наступавшія сумерки еще болѣе усиливали ея мрачное настроеніе. Она вздрагивала при всякомъ неожиданномъ шумѣ.

Сердце ея усиленно билось, когда она дошла до комнатъ леди Клейполь, ее тотчасъ же впустили, когда она назвала свою фамилію, подруга прежнихъ лѣтъ ласково встрѣтила ее. Но Оливія отступила въ ужасѣ, когда увидѣла лицо леди Клейполь, оно было блѣдно и безжизненно какъ у восковой фигуры, одни глаза горѣли

лихорадочнымъ блескомъ; вѣки были красны отъ недавнихъ слезъ. Она лежала на кушеткѣ и была слишкомъ слаба, чтобы встать при входѣ Оливіи въ комнату.

Когда она узнала о цѣли посѣщенія своей прежней подруги, то лицо ея покрылось слабымъ румянцемъ:

— Помоги мнѣ встать сказала она, пойдемъ къ лорду протектору.

Затѣмъ, опираясь на руку Оливіи, она пошла къ отцу, комнаты котораго были рядомъ съ ея гостиной. Здѣсь не было часовыхъ, потому что протекторъ не могъ допустить мысли, чтобы кто либо или что либо отдѣляло его отъ любимой дочери, тѣмъ болѣе, что видѣлъ и ясно сознавалъ, что она не долго останется у него. Жизнь ея угасала съ каждымъ днемъ. Онъ не могъ быть постоянно при ней, но чувствовалъ сердечную потребность имѣть ее около себя. День за день онъ испытывалъ невыносимыя муки отца, который предвидитъ близкую потерю самаго дорогаго существа и напрасно простираетъ къ нему руки, чтобы удержать его.

Но и самъ Кромвель былъ серьезно боленъ. Это была не одна только физическая немощь, вызванная походомъ въ Шотландію, силы его были истощены чрезмѣрнымъ трудомъ, который тяготѣлъ надъ нимъ. Горе снѣдало его сердце, ничто не потрясло его въ такой степени, какъ послѣдній заговоръ и его послѣдствія. Несмотря на усталость, онъ проводилъ безсонныя ночи. Его крѣпкій организмъ не вынесъ всѣхъ испытаній, какія выпали на его долю, и только желѣзная воля поддерживала его въ присутствіи постороннихъ людей. Но когда онъ оставался одинъ, то чувствовалъ постоянно увеличивающійся упадокъ силъ.

— Цѣль не далека, говорилъ онъ въ этихъ случаяхъ, я хотѣлъ посвятить свою жизнь родинѣ, но дѣло не кончено... Господь призываетъ меня. Онъ не оставитъ своего народа...

Обѣ женщины застали его въ этомъ грустномъ состояніи духа. Онъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, рука его лежала на большомъ листѣ бумагѣ, впалые глаза его были печально устремлены на полъ.

Услыхавъ шаги, онъ всталъ съ мѣста, неожиданное появленіе Оливіи настолько взволновало его, что краска выступила на блѣдномъ лицѣ и глаза зажглись мимолетнымъ огнемъ. Онъ быстро подошелъ къ ней и хотѣлъ взять ея руку, но она не дала руки и упала передъ нимъ на колѣни.

— Ты пришла слишкомъ поздно! сказалъ Кромвель.

Оливія ничего не отвѣтила, она даже не въ состояніи была заплакать, такъ какъ присутствіе этого человѣка производило на нее леденящее впечатлѣніе.

Кромвель былъ оскорбленъ ея молчаніемъ, потому что увидѣлъ изъ этого, какая глубокая пропасть легла между ними. Чего ты хочешь отъ меня? сухо спросилъ онъ.

Леди Клейполь отвѣтила за нее:

— Жена Франка Герберта проситъ дозволенія сопровождать своего мужа въ изгнаніе.

Кромвель засмѣялся рѣзкимъ непріятнымъ смѣхомъ. Пристальный взглядъ его остановился на Оливіи.

— Если подобная участь кажется ей завидной, то она можетъ ѣхать.

Оливія поднялась съ полу и въ первомъ порывѣ благодарности хотѣла взять руки Кромвеля, но, вслѣдъ затѣмъ, въ испугѣ отступила назадъ, поспѣшно обняла леди Клейполь и скрылась за портьерой.

Кромвель проводилъ ее насмѣшливымъ взглядомъ.

— Неужели вы не понимаете, что для нея величайшее блаженство раздѣлить изгнаніе съ любимымъ человѣкомъ! сказала леди Клейполь, заливаясь слезами. Всѣ муки ада ничто, въ сравненіи съ тѣми страданіями, когда приходится хладнокровно ждать...

Она не кончила своей фразы и въ изнеможеніи опустилась на кресло, стоявшее у стола.

Соберись съ духомъ, дитя мое! Горькая чаша скоро минуетъ тебя, какъ она миновала меня! сказалъ Кромвель, указывая на листъ, лежавшій на столѣ.

Леди Клейполь подняла голову, глаза ея широко раскрылись отъ ужаса, когда она увидѣла приговоръ верховнаго суда, осуждавшій на смертную казнь сэра Гарри Слингсби и д-ра богословія Джона Гевита.

Приговоръ былъ подписанъ крупными буквами: Оливеръ П. Но это не былъ обычный смѣлый почеркъ Кромвеля; рука его замѣтно дрожала, когда онъ подписывалъ приговоръ.

Ни одна черта не шевельнулась на лицѣ леди Клейполь, но когда Кромвель подошелъ къ ней, она протянула руку, чтобы отстранить его отъ себя. Это невольное движеніе поразило его въ самое сердце. Въ первую минуту онъ даже не могъ прійти на помощь дочери, которая лежала въ обморокѣ. Глядя на ея блѣдное лицо, осѣненное крыльями смерти, онъ живо представилъ себѣ луга С. Ивсъ и хорошенькую дѣвочку, которую онъ такъ часто носилъ на своихъ могучихъ рукахъ. Вспомнилъ онъ и короткое время ея дѣвичества, когда достаточно было одного взгляда ея прекрасныхъ глазъ, чтобы разсѣять его отъ возрастающихъ заботъ...

Онъ наклонился къ ней и съ напряженіемъ прислушивался къ ея дыханію. Нѣсколько разъ онъ звалъ ее по имени, но все было напрасно.

Наконецъ, она открыла глаза и съ рыданіемъ бросилась на грудь отцу.

— Ты опять со мной, воскликнулъ онъ, нѣжно прижимая ее

къ своему сердцу; страхъ одиночества покинулъ меня! Надѣюсь, что Господь сжалится надо мной и наша разлука будетъ непродолжительная...

Проводивъ больную дочь, онъ вернулся въ свой кабинетъ.

— Я долженъ еще окончить нѣкоторыя дѣла, задумчиво проговорилъ онъ. Посмотримъ сколько времени еще осталось у меня: іюль, августъ, сентябрь... почти три мѣсяца до роковаго дня... 3-го сентября, была битва при Дунбарѣ, при Ворчестерѣ, это день открытія моего перваго парламента!.. Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что я доживу до этого дня...

Онъ открылъ дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ его ждалъ Турлоэ.

— Что новаго, милордъ, спросилъ онъ, обращаясь къ государственному секретарю.

— Оба полка, которые назначены вашимъ высочествомъ во Фландрію, готовы къ отплытію.

— Хорошо, я сдѣлаю имъ сегодня смотръ, завтра они должны двинуться въ путь; по моему разсчету Испанія положитъ оружіе черезъ четырнадцать дней, и Дюнкирхенъ останется за нами...

Джонъ Гевитъ и сэръ Гарри Слингсби были казнены 8-го іюня 1658 года. Три недѣли спустя умерла леди Клейполь среди ликованія Англіи по поводу блестящей побѣды, одержанной надъ испанцами и занятія Дюнкирхена. Въ Лондонъ прибыли посольства съ поздравленіями отъ иностранныхъ державъ; благородные соотечественники чествовали протектора великолѣпными празднествами, иллюминаціями, фейерверками. Но Кромвель чувствовалъ вокругъ себя тишину и безмолвіе кладбища. Онъ отказался отъ короны, предложенной ему парламентомъ, такъ какъ не нуждался во внѣшнихъ признакахъ величія при томъ ореолѣ, который окружалъ его голову. Онъ достигъ высоты своего могущества и славы, но потерялъ самое дорогое, что у него было на землѣ.

Оливеръ Кромвель скончался 3-го сентября 1658 года. Однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго протектора, Ричарда Кромвеля, было помилованіе бывшаго драгунскаго полковника Франка Герберта. Вѣсть эта настигла изгнанниковъ у береговъ Англіи, гдѣ корабль, который долженъ былъ отвезти ихъ въ Вестъ-Индію, былъ задержанъ противными вѣтрами.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"

1883 года.

В.

В.

Г.

Д.

И.

I.

К.

Л.

Н.

О.

П.

Р.

4

Т.

У.

Ф.

Ш.

Щ.

Ѳ.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"

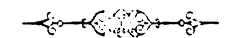
1883 г.

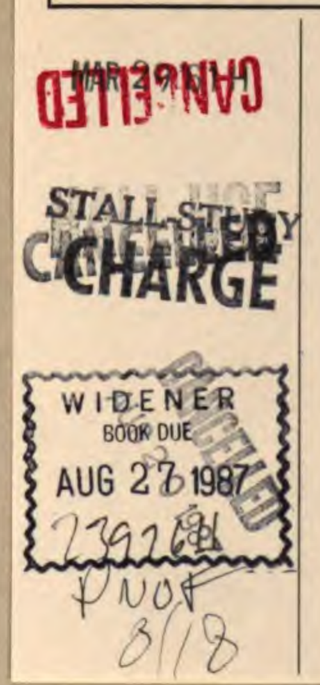
ПОРТРЕТЫ:

СНИМКИ СЪ КАРТИНЪ:

ВИДЫ ГОРОДОВЪ, МѢСТНОСТЕЙ И ЗДАНІИ:

БЫТОВЫЕ И ДРУГІЕ РИСУНКИ:

CANCELLED
STALL-STUDY
CHARGE
WIDENER
BOOK DUE
AUG 27 1987